

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

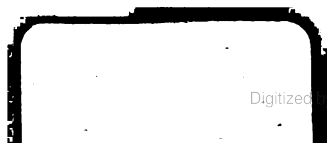
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920042 8

Indexed

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

УДАЛЕНА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

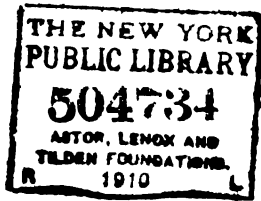
ТОМЪ III

«МОЯ
ТО В
ТУ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы до отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указовенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 мая 1881 года

Ценсоръ Е. Волковъ

ЛОВКАЯ БАРЫНЯ

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ

I .

Надежда Марковна Звѣздочетова принадлежала къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей, обитавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ городѣ Мутноводскѣ. О самомъ городѣ я распространяться много не буду, хотя выжилъ тамъ болѣе восьми лѣтъ. Городъ какъ городъ, съ дворянской улицей, съ присутственными мѣстами, съ соборомъ, съ гостинимъ дворомъ, съ приличнымъ числомъ кабаковъ и съ публичнымъ садомъ для гулянья. Монументовъ никакихъ нѣтъ, потому что никакого великаго человѣка тамъ не родилось, — и даже никакая значительная особа не заѣзжала туда. Но за то общество мутноводское вовсе не походило на обыкновенное провинціальное общество... Не смотря на то, что непроходимыя дороги и рѣки «морямъ подобныя» отдѣляли его отъ обѣихъ столицъ, оно мало въ чемъ уступало московскому, даже и петербургскому. Всѣ мутноводскія дамы, за исключеніемъ начальницы гарнизоннаго батальона (которую впрочемъ никто и не считалъ за даму, кромѣ гарнизонныхъ офицеровъ), отличнымъ образомъ говорили по французски, читали не только французскіе романы, но и «Русскій Вѣстникъ», очень ловко полькировали, играли на фортепьянахъ и одѣвались съ необычайнымъ вкусомъ. Нѣкоторыя даже любили изнурять свои умственные способности въ спорахъ о разныхъ общественныхъ вопросахъ: защищали гласность, нападали на откупа и сильно стояли за эмансипацію женщинъ. Одна дама, желая заявить на дѣлѣ непоколебимость своихъ убѣжденій по этой части,

даже принимала у себя гостей въ какой-то венгерскѣ со шпурками, носила проборъ на боку и курила такія крѣпкія сигары, отъ которыхъ и мужу ея становилось тошно. Эта дама была между прочимъ большая поклонница г. Розенгейма и многія изъ его элегій знала цѣликомъ наизусть. Сплетни и карты конечно не совсѣмъ были изгнаны изъ дамскаго общества (прогрессъ долженъ быть постепенный, иначе что же онъ за прогрессъ), но справедливость требуетъ сказать, что онѣ занимали гораздо менѣе мѣста, нежели общественные вопросы...

Мужская половина города была далеко не такъ образована, и держалась еще рутины, то есть спала послѣ обѣда, пила по нѣскольку разъ въ день водку, играла по вечерамъ въ ералашь, читала только правительственныя распоряженія, и не карала ни откуповъ, ни взятокъ. Это я говорю о большинствѣ... Само собою разумѣется, что были и блестящія исключенія, — гдѣ ихъ нѣтъ?... они попадаются даже и въ какомъ-нибудь Царвококшайскѣ или Белибеѣ. Надежда Марковна Звѣздочетова, о которой я упомянулъ въ началѣ этой главы, была дама очень почтенная... Она прожила на свѣтѣ болѣе полстолѣтія... Состоянія не имѣла рѣшительно никакого, потому что супругъ ея десять лѣтъ находился подъ судомъ и успѣлъ умереть прежде, чѣмъ была доказана его невинность. Втеченіе атихъ десяти лѣтъ онъ разтратилъ на разныя судебныя издержки все, что онъ передъ тѣмъ втеченіе двадцати лѣтъ приобрѣталъ на брѣхамъ. Надежда Марковна занимала очень скромную квартирку, даже не на дворянской, а на какой-то обыкновенной улицѣ, гдѣ обзаводились домишками самые простые смертные, и жила вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью. Сынъ ея, Дмитрій Павлычъ, служилъ при губернаторѣ и поддерживалъ ее своимъ жалованьемъ. Дочь Анна Павловна получила воспитаніе домашнее, подъ руководствомъ мамы, и имѣла чрезвычайно привлекательную, характерную, выдающуюся изъ ряда наружность.

Черты ея были очень смуглы, волосы черны съ синеватымъ отливомъ... Каріе большіе глаза смотрѣли бойко и пронизательно... Въ голосѣ Анны Павловны звучали контральтовые ноты, обѣщавшія въ ней натуру чувственную. Въ мацерахъ ея, въ поворотѣ головы было что-то повелительное, импонирующее. Она никогда не конфузилась, не робѣла, развязно подавала руку даже не слишкомъ близкимъ знакомымъ, была отъ приро-

ды очень склонна къ сарказму и любила подѣ часть, особенно за глаза, козыгнуть мутноводскихъ дамъ. Братъ ея составлялъ съ нею довольно рѣзкій контрастъ. Маленькій, щедушный, сутуловатый, безпрестанно шутившій свои близорукіе, сѣрые небольшіе глазки, онъ напротивъ держалъ себя черезъ чуръ тихо; не охотникъ былъ до шумныхъ обществъ, и въ большой компаніи, особенно людей не короткихъ, какъ-то совсѣмъ ступевывался. Цѣлые дни проводилъ онъ въ своемъ кабинетѣ, за дѣловыми бумагами или за книгой. Онъ много читалъ... На полкѣ его библіотеки можно было встрѣтить нѣсколько иностранныхъ историческихкихъ и экономическихъ сочиненій, пользующихся особенной извѣстностью въ наше время, и все, что есть лучшаго въ русской литературѣ. Но едва ли кто въ Мутноводскѣ слыхалъ отъ него хоть какой-нибудь отзывъ о прочитанномъ; казалось онъ ушелъ въ себя какъ улитка въ раковину. Ни къ матери, ни къ сестрѣ, онъ не обнаруживалъ особенныхъ ласкъ, но былъ съ ними постоянно магокъ и ровень. Если бы вы спросили кого-нибудь въ Мутноводскѣ, что за человекъ Дмитрій Павлычъ, вамъ навѣрное отвѣчали бы: «а кто его знаетъ; кажется хорошій человекъ».

Онъ родился и выросъ въ Мутноводскѣ, сначала былъ отданъ въ тамошнюю гимназію, но потомъ поступилъ въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, и когда получилъ кандидатскій дипломъ, снова пріѣхалъ въ свой родной городъ, гдѣ Надежда Марковна успѣла уже выхлопотать ему мѣстечко. Материнца бодьшой руки была Надежда Марковна выпросить что угодно. И все это дѣлала она не унижаясь, не приставая и не надоедая... Она какъ-то подводила все такъ, что и мѣсто и все, чего она только желала, предлагали ей добрые люди сами; прежде всего она старалась войти въ довѣріе къ тому лицу, въ которомъ имѣла нужду. Случалось ли у этого лица горе, она такъ искренно ему соболезновала, востѣшала ли его радость, никто жиде ее не раздѣлялъ этой радости. О своемъ горькомъ, беспомощномъ сиротствѣ она никогда не имѣла, а говорила съ достоинствомъ, слезы павертывались на глазахъ ея какъ будто невольно. Она не просила людской помощи, но всю надежду свою возлагала на Провидѣніе, которое не оставляетъ вѣрующихъ въ него и роковыхъ ему. Но если великодушный человекъ, трудящійся по истинѣ грустнымъ положеніемъ, вызывался на по-

мощь, Надежда Марковна отъ нея не отказывалась. Надобно сказать правду, что иногда и не совсѣмъ великодушные люди оказывали ей участие; поступками ихъ руководило другое чувство... Надежду Марковну побаивались... Она была невоздержна на язычокъ, зла, хитра, умна. Она умѣла окрестить мѣткимъ прозвищемъ, умѣла намекнуть кстати о такомъ дѣлѣ, котораго казалось бы никто не могъ знать, кромѣ совершившихъ его, а она знала... Она все знала... Какими способами — это оставалось неизвѣстно... Была ли у ней въ распоряженіи секретная полиція, доносившая ей обо всѣмъ, одарила ли ее природа какимъ-то особеннымъ чутьемъ, чѣмъ-то въ родѣ магнетическаго прозерцавія, Богъ вѣсть... Но только для Надежды Марковны не существовало въ Мутноводскѣ тайны... Впрочемъ она имѣла достаточно времени узнать вдоль и поперегъ мутноводскихъ жителей... Тридцать лѣтъ жила она тамъ безвыѣздно.

Надежда Марковна очень любила подарки, какъ маленькіе, такъ и большіе. Она называла это вниманіемъ, *attention*, и потому въ день ея именинъ ея комната превращалась рѣшительно въ магазинъ... Ей привозили матеріи на платье, мантильи, чепцы, разнаго рода мелочи, подушки, преспаще и т. д. Въ именины дочери ея повторялась таже исторія... И Надежда Марковна, тронутая такимъ всеобщимъ участіемъ, обыкновенно приходила въ какое-то умиленіе, и съ глазами полными слезъ, только произносила какъ бы невольно, какъ бы про себя: «Господи!.. И за что это меня такъ любятъ, и чѣмъ я заслужила эту любовь?»

Нѣкоторыя дамы уѣзжали отъ нея также растроганныя и говорили другъ другу, выходя на крыльцо: «Ah! cette pauvre Надежда Марковна! Я такъ право рада за нее!» Но другія ничего не выражали и только думали про себя: «Знаемъ мы ее... Лису Патрикѣвну! Попробуй-ка ей ничего не подарить... такъ распишетъ!»

Надежда Марковна на дѣтей своихъ имѣла большое вліяніе... вли лучше сказать на дочь... Дмитрій Павлычъ, благодаря упиверситету, увернулся; оно скользнуло только по немъ въ годы ребячества... Но Анна Павловна смотрѣла на все глазами матери... Она заимствовала отъ нея всѣ чувства, понятія, нравственныя правила... Она видѣла насквозь свою мать, понимала побудительныя причины всѣхъ ея дѣйствій, и одобряла ее въ душѣ... Ей казалось, что въ ихъ положеніи иначе и нельзя бы-

ло дѣйствовать... Иначе пришлось бы идти съ сумой. Она понимала также, что мать ее любить и была ей благодарна за эту любовь. Анна Павловна была почитительна къ матери, и если порой между ними происходили небольшія размолвки, то они не имѣли серьёзныхъ послѣдствій, не оставляли горькаго слѣда ни въ одной изъ нихъ. Онѣ вмѣстѣ судили и пересуживали мутноводскую публику, вмѣстѣ читали и всегда сходились въ сужденіяхъ о томъ, что читали. Всякое свободное проявленіе чувства называли онѣ экзальтаціей, о каждомъ восторженномъ порывѣ отзывались съ ироніей, въ поэзіи не смыслили рѣшительно ничего... Постоянной насмѣшкой надъ самыми благородными стремленіями, присущими человѣческому сердцу, надъ самыми возвышенными помыслами, однимъ словомъ — надъ всѣмъ, что бы должно быть свято для молодой впечатлительной, свѣжей натуры, Надежда Марковна убила въ дочери воображеніе, оледенила, иссушила душу. Обѣ онѣ имѣли въ виду одну цѣль — обезпечить себя... пожить хорошенько, насладиться роскошью и комфортомъ... И для достиженія этой цѣли мать и дочь считали позволительными все средства...

II

Былъ вечеръ. Надежда Марковна и Анна Павловна сидѣли за чаемъ, и дружелюбно разговаривали, взглядывая по временамъ въ окошко на проѣзжающихъ.

— Левискій и глазъ не кажетъ, сказала Надежда Марковна, намазывая тартинку.

— Да... давно не былъ, равнодушно произнесла Анна Павловна...

— Что, вы не поссорились ни за что?

— Нѣтъ. Можетъ быть онъ разсердился на меня, прибавила Анна Павловна съ усмѣшкой, — за то, что мнѣ не понравилась героиня этого романа, который онъ мнѣ читалъ вслухъ. Я сказала, что порядочно воспитанная дѣвушка не должна пренебрегать мнѣніемъ свѣта... а напротивъ должна дорожить имъ. Онъ закрылъ книгу и пересталъ читать. Вы, говорить, холодная резонерка. У насъ съ нимъ впрочемъ не въ первый разъ такія стычки... Онъ ужасно надоѣдаетъ съ своими экстравагантностями.

— И тебѣ охота... Ну, соглашалась бы съ нимъ цока... Онъ тобой очень заинтересованъ.. можетъ быть и сдѣлать бы предложение. Il a une jolie fortune.

— Ну, ужь мамаша... За эдакого можно выйти только *faute de mieux*. Съ нимъ умрешь со скуки. Будетъ цѣлые дни о чувствахъ разговаривать. Я еще не состарѣлась...

— Да гдѣ жемихи-то, Ниночка? Не знаю право, что за городъ такой... Совсѣмъ холостыхъ мужчинъ нѣтъ... если есть, такъ такъ, дрянъ какая-нибудь. Вышла бы за Левинскаго, такъ по крайней мѣрѣ понижи бы хорошенько... Что тебѣ за дѣло до его разныхъ сужденій... Онъ человекъ спокойный, смирный. Его можно бы къ рукамъ прибрать... Надежда Марковна засмѣялась; Анна Павловна тоже.

— А какъ не приберешь? Вдругъ ему фантазія придетъ въ деревню меня увезти. Онъ и то все о деревнѣ толкуетъ... народъ... народъ; сближеніе какое-то съ мужиками выдумалъ. Умора просто.

— Это у нихъ у всѣхъ нынче мода такая... Ахъ, я забыла тебѣ сказать: иду я вчера отъ обѣдни, какіе-то два пьяныхъ мужика на меня наткнулись, я такъ перепугалась, чуть съ ногъ не сшибли. Хорошъ нечего сказать се *bon peuple gusse!* И Надежда Марковна иронически улыбулась. — Ну, въ деревню-то онъ бы тебя не увезъ... *Je ne l'aurais pas permis...* Могъ бы самъ ѣхать сближаться съ народомъ, если это ему весело...

Надежда Марковна вдругъ остановилась и стала къ чему-то прислушиваться...

— Кажется въ дѣвичьей чужой голосъ...

Анна Павловна, подносящая ко рту тартишку, тоже обернулась въ ту сторону, гдѣ была дѣвчья...

— Кажется Матрена Гребцовыхъ, произнесла она.

— Настасья! крикнула Надежда Марковна.

Вошла ея горничная, въ ситцевомъ платьѣ безъ талии, съ косяцъ положенной посреди головы, и съ какими-то гранатами на шеѣ.

— Это у тебя Матрена чтоли сидитъ? спросили Надежда Марковна.

— Она-съ.

— Кликни-ка ее сюда.

Горничная исчезла, и вскорѣ въ дверяхъ появилась Матрена, свѣжая, краснощочкая дѣвушка въ салопѣ и съ большимъ платкомъ на головѣ.

— Здравствуй, Матреша... ласково проговорила Надежда Марковна... Что, господа здоровы ли?

— Слава Богу—съ, Валерьянъ Никитичъ въ деревню уѣхали—съ...

— Въ деревню... Такъ Катерина Васильевна одна осталась... Я и не знала... давно ли баринъ уѣхалъ...

— Да ужь третій день никакъ—съ...

— Скажите!.. Кланяйся, моя душа, Катеринѣ Васильевнѣ и скажи, что я зайду вечеркомъ посидѣть какъ—нибудь... если просохнетъ... Грязно ужасно, нѣтъ возможности пѣшкомъ ходить...

— Очень грязно—съ... Да вы извольте имъ назначить, когда вы будете, они за вами вѣроятно лошадь пришлютъ—съ...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Зачѣмъ, Матреша... Что людей понапрасну тревожить...

— Какая же тревога, сударыня, помилуйте... Я скажу Катеринѣ Васильевнѣ—съ.

— Не надо, Матреша, не надо... Тутъ недалеко, какъ—нибудь сторонкой пройду... А что вчера вечеромъ дома была Катерина Васильевна?..

— Дома—съ.

— Никого не было у нихъ?

— Девицкій, Сергѣй Ивановичъ—съ...

Надежда Марковна быстро взглянула на дочь. Анна Павловна поняла тотъ взглядъ, и едва замѣтная улыбка склѣбнула по ея губамъ. Но Матрена не видала ни этого взгляда, ни этой улыбки.

— А третьяго дни Катерина Васильевна ѣздила на вечеръ къ Раскаторымъ?..

— Никакъ нѣтъ—съ, у нихъ голова болѣла—съ...

— Гивъ! Не хочешь ли чайку, Матреша... Пиночка палей ей чаю, ша ебѣте.

Матрена поблагодарила и распрошавшись вышла.

— Вотъ онъ гдѣ пропадаетъ, обратилась съ нѣкоторой злобой Надежда Марковна къ дочери... Я пари держу, что и третьяго дни онъ у цей же сидѣлъ. Мужъ въ деревнѣ, такъ надо пользоваться удобнымъ временемъ.

— Чтожъ... Она по немъ, такая же экзальтированная, возразила Анна Павловна. — Вѣрно читаетъ ей русскія повѣсти...

— Много она понимаетъ, воображаю... Она глупа какъ пробка... А туда же разсуждать суется.

— Онъ не взыскателевъ...

— Я ужь давно замѣчала, qu'elle lui lance des œillades! Предрянная бабенка... А мужъ колпакъ... только объ овсѣ, да о живности и заботится.

Надежда Марковна глубоко была возмущена тѣмъ, что единственный человекъ, на котораго она рассчитывала какъ на жениха, ускользаетъ изъ рукъ ея. Она почувствовала сильнѣйшую ненависть къ молодой женщинѣ, осмѣлившейся отбивать у Анны Павловны поклонника.

Судьба готовила ей новую непріятность. Минуть десять спустя, въ передней послышался шумъ, и чей-то женскій голосъ громко спросилъ:

— Надежда Марковна дома?

— Ахъ, это Цецилія Викентьевна... дома! дома! — отозвалась Надежда Марковна.

Цецилія Викентьевна Вонсовичъ была городская акушерка, большая болтуня и сплетница. Надежда Марковна очень охотно принимала ее у себя, потому что она доставляла ей чрезвычайно интересныя свѣденія о закулисныхъ тайнахъ мутноводскаго общества. Благодаря своему назойливому характеру, своей способности ловко льстить, интриганить, она имѣла входъ во всѣ аристократическіе дома Мутноводска, но не пренебрегала знакомствомъ и съ другими кружками. Бѣдные чиновники, купцы и даже мѣщане — приглашали ее къ себѣ не ради только одной ея специальности. Извѣстно, что у насъ высшіе кружки общества всегда очень интересуются тѣмъ, что происходитъ въ высшихъ. А Цецилія Викентьевна готова была хоть цѣлый день, съ самыми малѣйшими подробностями, разсказывать маленькимъ людямъ обо всемъ, что она видѣла и слышала у большихъ и сильныхъ; про нее говорили, что она у себя никогда не готовила кушанья, что всѣ дни ея были разобраны, и что если ей по нездоровью или какимъ другимъ причинамъ, случалось порой обѣдать дома, то и тутъ добрые знакомые присылали ей обѣдъ — отъ себя. Кромѣ своей специальности, она имѣла еще много другихъ занятій... брала у мутноводскихъ барынь, которыхъ супруги

были туги на деньгу, старыя платья и чепцы для продажи, и сбывала ихъ всегда весьма удачно — своимъ многочисленнымъ пріятельницамъ и кліенткамъ; находила деньги займы, подъ залогъ разнаго движимаго имущества и за большіе проценты и проч. За это послѣднее обстоятельство, она пользовалась особеннымъ расположеніемъ мужчинъ. Впрочемъ они любили ее и за другія услуги, которыя она имъ оказывала... Цецилія Викентьевна мастерица была улаживать любовныя дѣлишки, и носились слухи, что ея маленькій домикъ съ зелеными ставнями и кисейными занавѣсками на окнахъ, стоявшій въ одной изъ отдаленныхъ мутноводскихъ улицъ, служилъ мѣстомъ для rendez-vous не одной влюбленной четъ...

Стоило только молодому человѣку или молодой дамѣ, въ интересномъ разговорѣ, сказать: «Цецилія Викентьевна!.. ахъ, если бы вы знали!..» И она тотчасъ съ живѣйшимъ участіемъ брала страдающаго субъекта за руку и вкрадчивымъ голосомъ спрашивала:

— Что? Видно

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви...
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ...

Ну, ну... успокойтесь, прибавляла она. Авось какъ-нибудь выручимъ... И дѣйствительно выручала. Приведенные выше стихи, она выучила наизусть во время своего близкаго знакомства, въ Варшавѣ, съ однимъ армейскимъ поручикомъ, который часто пѣвалъ ихъ за фортепьяно, выразительно поглядывая на Цецилію Викентьевну. Поручикъ былъ женатъ, а Цецилія Викентьевна и до сихъ поръ еще была свободна отъ узъ гименея, которыя всегда ей казались тяжелолатыми, хотя пышная полнота ея стана, да кольцо, которое она носила на указательномъ пальцѣ правой руки, могли съ перваго раза ввести незнакомаго съ ней человѣка въ заблужденіе, — но въ паспортѣ ея явственно значилось: дѣвица Цецилія Вонсовичъ, 32 лѣтъ отъ роду; и потому на счетъ ея дѣвческаго состоянія не оставалось никакихъ сомнѣній. Физиономію она имѣла очень благообразную; румяныя щоки, бѣлые, ровные зубы, темные волосы, правда вѣскольکو жидковатые, но за то всегда причесанные къверху, что къ ней очень шло, — и наконецъ прекрасная маленькая рука, ко-

тору ю мутноводскіе холостяки, и даже иные женатые, любляи не только пожать, но и поцѣловать. Говорила Цецилія Викентьевна съ весьма замѣтнымъ польскимъ акцентомъ.

— Милости просимъ, привѣтствовала гостью Надежда Марковна, — откуда васъ Богъ несетъ? Да никакъ пѣшкомъ въ такую грязь...

— Около васъ была... обѣдала у однихъ знакомыхъ, отвѣчала Цецилія Викентьевна, снимая съ шеи хвосты, — совсѣмъ осень, такой холодъ право...

Освободившись отъ хвостовъ и шляпки, Цецилія Викентьевна заключила сперва въ объятія Надежду Марковну, потомъ — звучно и громко, три раза поцѣловала Анну Павловну и держа ее нѣсколько секундъ обѣими руками за локти, глядѣла на нее, какъ бы любуясь ея красотой...

— Какая красавица! Какая красавица! произнесла она, растягивая слова и покачивая головой... Точно роза, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разцвѣтаетъ!

Анна Павловна улыбнулась на этотъ комплиментъ и пожала Цециліи Викентьевнѣ руку...

— Ахъ! красота, красота... проговорила вздохнувши Надежда Марковна, — на что она бѣднымъ людямъ, голубушка Цецилія Викентьевна... Даромъ отцвѣтеть только, не наследившись жизнью.

— Что вы, что вы, что вы... зачастила Цецилія Викентьевна. — Фу! какъ можно... какъ можно .. отцвѣтеть даромъ! Посмотрите, какую мамзель Анета партію сдѣлаетъ. За графа, за богача выйдетъ.. помяните тогда мое слово.

— За графа! Гдѣ ужъ намъ о такихъ женихахъ мечтать. Хоть бы Богъ послалъ простого, добраго человѣка, чтобъ я могла умереть спокойно, зная, что онъ будетъ любить мою Ниночку, что она имѣетъ куда голову приклонить.

— Ну, зачѣмъ такъ думать... полноте, полноте, Надежда Марковна... увидите, за графа выйдетъ...

— Если бы я не была стара, я не думала бы объ этомъ... я не такая мать, которая бы спѣшила сбыть за кого-нибудь свою дочь, лишь бы отъ нея отдѣлаться... Ниночка, слава Богу, воспитана въ такихъ правилахъ, что не тяготится нашимъ стѣсненнымъ положеніемъ... и не спѣшитъ меня покинуть...

Анна Павловна при этих словах подошла къ матери и вѣжливо поцѣловала ее.

— За ея покорность — Богъ ее не оставитъ... мамзель Анетъ, можетъ быть спокойна... Такую красавицу всякій полюбитъ... Ея лѣта еще молодыя... А вотъ Дмитрію Павлычу надо бы мамзельку успокоить, партію хорошую сдѣлать...

— И! Цецилія Викентьевна... онъ у меня такой философъ... Никакъ его къ дамскому обществу приучить не могу...

— Вы такъ думаете?.. улыбувшись спросила Цецилія Викентьевна.

Надежда Марковна пристально на нее поглядѣла... Ее удивили эти слова. Неужели сынъ что-нибудь скрывалъ отъ нея? Она была всегда убѣждена, что ей извѣстны сокровеннѣйшіе помыслы дѣтей ея.

— Не думаю, а знаю характеръ своего сына... Вотъ еще недавно... въ городѣ говорили, что Женни Раскатова имъ интересуется... и точно, я сама замѣчала, что ей пріятно его общество... Но чтожъ изъ этого вышло... онъ постоянно отъ нея удалялся... ну и она разумѣется охладѣла.

— Прекрасное семейство Григорья Федорыча Раскатова, замѣтила Цецилія Викентьевна, — и супруга его, Марья Владиміровна, достойная дама... воспитаніе онѣ дали дочерямъ своимъ превосходное... На сколькихъ языкахъ онѣ говорятъ... Мамзель Женни даже недавно просила меня по польски ее учить... слышала, какъ я разъ польскій романсъ пѣла, — цаловаць, цаловаць, цаловаць — знаете, Мицкевича. Очень ей понравился... прістала ко мнѣ: «Душенька, Цецилія Викентьевна, учите меня по-польски!» И состояніе у нихъ кажется хорошее... опять какое знакомство у нихъ въ Петербургѣ... все знатные вельможи... министру кажется ш-ше Раскатова родственница...

— Да... они славные люди... ласковые такіе. Знаете, спѣси въ нихъ этой никакой нѣтъ. Истинно русское, радушное семейство... Нынче немного такихъ...

— Это правда — нынче все на интересѣ... Почему же это Дмитрію Павлычу не правится мамзель Женни...

— А Богъ его знаетъ... у него характеръ какой-то странный...

— Ну-да! процѣдила Цецилія Викентьевна какъ-то значительно и прищурившись.

— Вы вѣрно что-нибудь знаете про брата, сказала Анна Павловна, глядя прямо въ глаза Цециліи Викентьевнѣ.

— У! какія вы провинительныя, смѣясь возразила акушерка, — дѣйствительно я могу рассказать очень интересныя вещи о Дмитріѣ Павлычѣ. И хотя мнѣ конечно до этого никакого дѣла нѣтъ, но я единственно по моей преданности къ вашей маменькѣ и къ вамъ, мамзель Анеть, почла священной обязанностью предупредить...

— Что, что такое? съ вервической нетерпѣливостью спросила Надежда Марковна, между-тѣмъ какъ на лицѣ Анны Павловны не обнаруживалось никакого особеннаго волненія. Акушерка молчала.

— Можетъ быть я лишняя, произнесла Анна Павловна, и сдѣлала движеніе чтобы встать со стула.

— Нѣтъ, нѣтъ, удержала ее за руку Цецилія Викентьевна... тутъ нѣтъ ничего такого... но... мнѣ кажется, Дмитрій Павлычъ чувствуетъ склонность къ дѣвушкамъ, которая не можетъ быть ему парой...

— Къ кому же это, душа моя Цецилія Викентьевна... ужели не изъ нашего круга? спросила Надежда Марковна, стараясь владѣть собой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ не изъ вашего... Я даже отважусь сказать вамъ — она простая мѣщанка...

Надежду Марковну передернуло. Она только всплеснула руками, да такъ и осталась...

— Но послушайте... произнесла она пемного спустя, — можетъ быть это такъ только... шалость... тутъ нѣтъ ничего серьезнаго. Мало ли за кѣмъ мущины волочатся... Я не хочу вѣрить, чтобы Дмитрій, un garçon bien élevé... (Надежда Марковна, подъ вліяніемъ тревожнаго чувства, совсѣмъ упустила изъ виду, что Цецилія Викентьевна не понимала по французски).

— Въ томъ-то и дѣло, многоуважаемая Надежда Марковна, что тутъ очень серьезная вещь... иначе я бы и не рѣшилась васъ потревожить... я знаю, какъ это должно быть тяжело для сердца матери... Я имѣю деликатныя чувства, Надежда Марковна.

— Благодарю васъ, благодарю, Цецилія Викентьевна. Я такъ вамъ обязана... Но, ради Бога, скажите — неужели... онъ хотѣлъ тайно отъ меня жениться на... на мѣщанкѣ? Последнее

слово было выговорено Надеждой Марковной съ кровавой улыбкой.

— Не знаю, точно ли или нѣтъ... но только эта дѣвушка для него отказывается отъ очень выгодной для нея партіи... и кажется твердо надѣется сдѣлаться женой вашего сына.

— *Mais quel айгонх, Nina!* обратилась Надежда Марковна къ дочери...

Анна Павловна только пожала плечами.

— Онъ у ней каждый день аккуратно бываетъ, продолжала Цецилія Викентьевна, — обучаетъ ее французскому языку и прочимъ наукамъ... вѣроятно захочетъ ее сначала образовать...

При этихъ словахъ Цециліи Викентьевны, Анна Павловна залилась звонкимъ смѣхомъ.

— *Mais qu'est ce que vous giez donc, ma chère, comme une folle...* строго замѣтила мать...

Цецилія Викентьевна, сбравшаяся послѣдовать примѣру Анны Павловны, услышавъ замѣчаніе Надежды Марковны, полюбила свои губы.

— Да какъ же, мамаша... учить какую-то прачку по французски — развѣ это не смѣшно!

— Вотъ и будемъ смѣяться, если эта прачка сдѣлается твоей *belle-soeur*.

— Что же мнѣ, пускай сдѣлается... Надѣюсь, что братъ не рѣшится знакомить съ ней ни васъ, ни меня...

— Пока еще есть время, сказала Цецилія Викентьевна, — можно урезонить Дмитрія Павлыча... можно разлучить ихъ...

— Разлучить! Это выг мнѣ прекрасную идею подали... разлучить, именно разлучить, повторила Надежда Марковна... Я никакъ же приду нѣры... Ты, Ниночка, не говори брату ни слова, когда онъ придетъ... слышишь?

— Хорошо, маман. Что мнѣ ему говорить; только я боюсь расхохотаться ему въ глаза.

Еще нѣсколько минутъ бесѣдовали онѣ съ Цециліей Викентьевной объ этомъ печальномъ обстоятельстве. Потомъ разговоръ перешолъ на безнравственные правила, внушаемыя молодымъ людямъ нынѣшней литературой и университетскимъ образованіемъ, и наконецъ коснулся Левинскаго. Цецилія Викентьевна, сама не имѣвшая понятія ни о литературѣ, ни объ университетскомъ образованіи, слышала однако же объ этихъ вещахъ много

ное-чего хорошаго отъ мутноводскаго общества, и поэтому при случаѣ могла поддержать разговоръ, и толковала не хуже другихъ. Когда же дѣло дошло до ускользнувшаго женина Анны Павловны, она съ таинственнымъ видомъ произнесла:

— Что я про него знаю!..

— Вѣрно тоже, что и мы, сказала Надежда Марковна... что онъ всякій вечеръ сидитъ у Гребцовой, которая скучаетъ; бѣдняжка, одна безъ мужа. Это, что ли?

— Ну да, ну да... Вообразите, зашли я въ ней третью дверь... дверь была отперта... люди у нихъ прераспущенныя, прераспущенныя ванныя, никогда не сидятъ въ передней; я и вошла безъ доклада, такъ знаете... И чтожь бы вы думали...

Надежда Марковна, ожидавшая по такому началу чего-то ужаснаго, показала расквашенными глазами на дочь; но Цецилія Викентьевна кивнула головой — въ знакъ того, что дилетантъ ничего не будетъ, и успокоивъ такимъ образомъ хозяйку, продолжала:

— Вхожу я, а они на маленькомъ диванчикѣ, знаете что стоитъ въ углу, у окошка, сидятъ рядкомъ... онъ ей какіе-то стихи читаетъ, съ этакимъ выраженіемъ... а она на него то-о-о много смотреть. Просто картина, хоть сейчасъ рисуй...

— Délicieux! воскликнула Надежда Марковна; — постоитъ, прибавила она... постоитъ... вы говорите, это было третьяго дни... Вотъ она головная-то боль... Нина? а?..

Анна Павловна одобрительно кивнула головой.

— А вы не знаете, Надежда Марковна, что вѣдь Левинскій еще наследство долженъ скоро получить... мнѣ это навѣрное сказывали, у него сестра есть дѣвица старая, которая, что называется, на ладонь дышитъ... въ чахоткѣ сильнѣйшей... Домъ ему въ Петербургѣ оставляетъ и сколько-то тысячъ банковыхъ билетами...

— Скажите...

И Надежда Марковна задумалась о чемъ-то.

Цецилія Викентьевна стала собираться...

— Куда же вы... спѣли бы намъ что-нибудь. Я люблю, когда вы поете. У васъ такой свѣжій голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Надежда Марковна... я совѣтъ не могу пѣть... горло болитъ... мнѣ еще надо забѣжать въ одинъ домъ... общалась...

... На прощанье Цецилія Викентьевна снова разцѣловала Анну Павловну и восторженно отозвалась о ея красотѣ.

— Я всегда думала, какъ же Анетъ, сказала она уходя: — вотъ бы вамъ женихъ славный — Левинокъй...

— А голубушка Цецилія Викентьевна, возразила Надежда Марковна: — захотятъ ли такіе женихи смотрѣть на насъ...

— Захотятъ, захотятъ, многоуважаемая Надежда Марковна! Стоятъ только немножко съ ними пооживчатъ... Знаете, мнѣ даже больше, что эта Гребцова, имѣя такого достойнаго мужа, обиваетъ у нашихъ дѣвицъ молодыхъ людей...

— И какая лицемѣрка, Цецилія Викентьевна, прикидывается такой тихенькой...

— О! ужъ эти тихенькія... знаемъ мы ихъ, прощайте... заболталась я съ вами...

— Да, сказала Надежда Марковна, провожая акушерку въ переднюю, — кто бишь такая эта мѣщанка?.. какъ будто только теперь вздумавши сдѣлать этотъ вопросъ.

— Хрусталева... Хрусталева...

— И хорошенькая она?

— Очень, очень не дурна... интересное такое личико, бѣленькое... глаза голубые.

Цецилія Викентьевна удалилась, а Надежда Марковна, глубоко вздохнувши, погружилась въ кресла, стоящія у самаго окна, и стала обдумывать, какія мѣры ей предпринять для удачнайшаго выполненія своихъ плановъ.

Планы эти состояли въ томъ, чтобы во первыхъ извлечь сына изъ дурнаго общества, въ которое онъ попалъ, и во вторыхъ — выдать дочь за Левинокскаго.

III

Надежда Марковна не только не показала Дмитрію Павловичу вида, что она знаетъ о его привязанности, но удвоила свои ласки къ нему. Она очень хорошо поняла, что крутыя мѣры, также какъ угрозы и увѣщанія, въ этомъ случаѣ ни къ чему не могутъ идти... Не смотря на свой, по видимому апатическій, смиренный характеръ, онъ однакоже былъ настойчивъ и твердъ въ испол-

ншей того, что задумалъ. Два дня спустя, когда онъ вошелъ въ сумерки къ матери, она вкрадчивымъ голосомъ сказала:

— Ты что-то нынче такой скучный ходишь, Митешка... или ужь заработался слишкомъ...

— Нѣтъ, мамешка, я все такой же какъ былъ. Вамъ это такъ кажется.

— Не говори, Митешка... я вижу, что ты скучаешь...

— Право нѣтъ... да мнѣ я скучать-то некогда.

— Эти дѣла совсѣмъ тебя измучаютъ... Въ свободное время тоже развлечься нечѣмъ... баловъ ты не любишь... молодежь здѣшняя не по тебѣ...

— Отчего жѣ не по мнѣ... Между ними есть люди порядочные...

— Это ты такъ только говоришь, по своей tolérance... Я вѣдь очень хорошо знаю, что ты ни съ кѣмъ изъ нихъ сойдтись не можешь. У тебя взгляды совсѣмъ другіе; направленіе не то. Университетское образованіе дало тебѣ новыя понятія, которыхъ эти негодяи не имѣютъ... Ну, укажи мнѣ, укажи, съ кѣмъ ты друженъ, кто раздѣляетъ твой образъ мыслей...

— Многіе раздѣляютъ... Но если я дѣйствительно ни съ кѣмъ особенно не друженъ, можетъ быть этому виною мой собственный нравъ... не довольно сообщительный.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, Митешка... Не клепи на свой нравъ... ты добръ, очень добръ, я это кажется могу знать; я твоя мать. Тутъ совсѣмъ другое... Знаешь, мой другъ, я хотѣла давно переговорить съ тобой... твоимъ способностямъ здѣсь нѣтъ простора...

— Полноте, мамешка, что у меня за такія гениальныя способности... дѣлать дѣло вездѣ можно... была бы охота... Ву-дешь гоняться за большой дѣятельностью, такъ придется сложа руки сидѣть.

— Ты разсуждаешь, мой другъ, прекрасно, это дѣлаетъ честь твоему характеру... но все-таки мнѣ кажется, если бы ты поѣхалъ въ Петербургъ напримѣръ (за границу ужь не говорю, это для насъ невозможно) освѣжиться такъ сказать... это было бы для тебя очень полезно...

— Еслибъ представился случай съѣздить въ Петербургъ, я бы конечно не сталъ отказываться... но искать этого случая не буду...

— Напрасно; отчего же не искать... Вот не дальше какъ вчера мнѣ правитель канцеляріи губернаторской сказывалъ, что мнѣ нужно послать въ Петербургъ способнаго чиновника, съ какимъ-то проактомъ...

— Знаю. На это порученіе много охотниковъ...

— Но еслибъ ты захотѣлъ, тебя бы конечно предпочли всѣмъ...

— Во-первыхъ я не знаю, почему бы именно меня предпочли... но положимъ, что это даже и было бы такъ... Зачѣмъ я стану перебивать у другихъ дорогу? это не хорошо... У меня правило, никогда ни на что не напрашиваться, и наконецъ охоты нѣтъ враговъ себѣ навивать.

— Это очень извинительное самолюбіе въ молодомъ чело-вѣкѣ — желать отличиться... Развѣ въ сраженіяхъ не напрашиваются многіе сами на самыя трудныя порученія, чтобы выказать свою храбрость?

— То совѣмъ другое дѣло. Тамъ рискуютъ жизнью... На это никогда много охотниковъ не находится...

— Нѣтъ, какъ ты ни спорь, Митенька, а мой совѣтъ былъ бы просидѣть тебѣ въ Петербургъ. Хочешь, я какъ-нибудь сама навежусь губернатору... онъ къ намъ очень добръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... маменька... Ужъ протекціи-то никакой я не хочу быть обязаннымъ этимъ порученіемъ... Захотѣть, такъ назначать сами... а вамъ кланяться не изъ-за чего... Однако мнѣ пора...

Дмитрій Павлычъ посмотрѣлъ на часы.

— Куда ты, опять за дѣло?

— Нѣтъ; мнѣ еще нужно съходить къ нашему начальнику отдѣленія, переговорить объ одномъ дѣлѣ... прощайте, маменька...

— Ну, прощай.

Ему не хочется отсюда уѣзжать, это ясно, подумала Надежда Марковна. — Но его нужно непременно спровадить. И вѣдь содѣлать, что пошлеть къ начальнику отдѣленія, вѣрно отпривалитъ къ своей мѣщанкѣ... Мнѣ бы хотѣлось однакомузнать навѣрное, что между ними такое... эта Цецццц, пожалуй она выдумала. Если даже дѣло и зашло слишкомъ далеко, все это не резонъ жениться на мѣщанинѣ... ce n'est pas une raison de se marier il faut... у нихъ вовсе нѣтъ такихъ строгихъ поня-

тій о чести... Миѣ кажется это все вздоръ. Впрочемъ, какъ узнаешь, что на умѣ у выпѣшней молодежи... Всѣ они бредутъ какими-то фантазіями... утопіями.

Потомъ Надежда Марковна погрузилась въ мечтаніе о томъ; какъ бы это было хорошо, если бы Дмитрій Павлычъ женился на дѣвицѣ Раскатовой, а Анна Павловна вышла бы за Левинскаго... и она сама, Надежда Марковна, гостила бы попеременно то у дочери, то у сына...

Вдругъ ее озарила вдохновенная мысль... Она встала съ своего кресла и направилась въ кабинетъ сына, находившійся наверху, въ мезонинѣ. Анны Павловны не было дома, она обѣдала у кого-то изъ своихъ пріятельницъ. Кабинетъ Дмитрія Павлыча не походилъ на комфортабельные кабинеты губернскихъ сановниковъ, гдѣ они обыкновенно обдумываютъ важныя государственныя дѣла, неусыпно заботятся о процвѣтаніи края и о красотѣ ногтей своихъ; гдѣ происходитъ столько начальничьихъ распеканокъ и зарождаются столько благихъ начинаній... Это была скорѣе студенческая комната... только порядку замѣчательности въ ней нѣсколько больше. На письменномъ столѣ лежали довольно симметрически кипы бумагъ; на полкахъ стояли въ два ряда книги. Мебели было немного. Кровать, клеенчатый диванъ съ валиками, письменный столъ и передъ нимъ кресло, и наконецъ нѣсколько жолтепкихъ стульевъ съ обломанными переплетомъ, вотъ и все. Нигдѣ не было слѣдовъ въятой, женской руки, старающейся окружить любимое существо спокойствіемъ и довольствомъ. Вамъ не бросались въ глаза эти мелочи, которыя сами по себѣ можетъ быть не имѣютъ никакой цѣны, но ясно говорятъ, что кому-то хочется, чтобы ихъ обладателю было лучше жить на свѣтѣ. И мать и сестра Дмитрія Павлыча мало заботились объ обстановкѣ его жизни, и почти никогда не посѣщали его мезонина. Онѣ находили, что лѣстница туда была очень крута. Надежда Марковна окинула комнату быстрымъ взглядомъ и подошла къ столу... Она попробовала выдвинуть ящики, но они были заперты. Она пошарила въ карманѣ своей блузы, вынула оттуда связку ключей и начала подбирать. Но ни одинъ ключъ не подходилъ. Вдругъ глаза ее упали на большой, сафьянный портфель зеленого цвѣта, стоявшій за чернильницей. Она быстро схватила его и попробовала открыть... но и это не удалось ей... Маленькій ключикъ, кото-

руку онъ смирался, быть вѣроятно унесенъ Дмитриемъ Павлычемъ съ собой. Она хотѣла было заустыть руку въ отверстие, образовавшагося около верхнихъ угловъ портфеля, толсто-шабирога бумагами... Но рука не прои́здала туда. Надежда Марковна, раздосадованная, собиралась уже уйдти, какъ ей вдалось взглянуть въ небольшую книгу, лежащую на письменномъ столѣ, между бумагами. Она сдѣлала это уже безъ всякаго особеннаго намѣренія, почти машинально, не воображая найти тамъ ничего для себя интереснаго. И что же?.. Во-первыхъ глазами ея представилась широкая лиловая лента, не принадлежавшая ни ей, ни ея дочери, которая была брюнетка и лиловаго цвѣта не любила; во-вторыхъ она увидѣла нѣсколько строкъ отгвѣщивающъ карандашомъ, и вѣроятно отгвѣчавшихъ душевному настроенію того, кто подчеркивалъ. Книга принадлежала Дмитрію Павлычу. Можно было основательно предположить, что подчеркивалъ самъ онъ. Это были стихотворенія Некрасова. Подчеркнутыми оказались слѣдующія строки:

Грусти напрасно и бесплодно,
 Не привирай змѣю въ груди,
 И въ домъ мой гордо и свободно
 Хозяйкой полною войди!

Желчь зашвырнула внутрь у Надежды Марковны. Она перевернула еще нѣсколько листовъ, желая посмотреть, нѣтъ ли другихъ отгвѣтокъ, и нашла пописанный листъ почтовой бумаги, согнутый по поламъ. Съ жадностью принялась она читать его. Вотъ что заключала въ себѣ этотъ листъ.

Мутноводскъ... 25 августа.

« Не сердись на меня дорогой, незабвенный другъ мой Павелъ, что я такъ давно не писалъ тебѣ; на главное ради Бога не воображай себя, чтобы я могъ забыть тебѣ или что-нибудь подобное. Вѣрь мнѣ, что не разъ брался я за перо и послѣ нѣсколькихъ строкъ бросаю его... Ничего дурнаго не могъ бы я написать въ эти дни... Новое чувство до такой степени охватило меня, захватило все существо мое, что я кричу какъ ошаранный отъ избытка восторга и счастья, не помню себя, не различая ничего вокругъ. Если бы ты самъ очутился подлѣ меня, я бы только занулолъ тебѣ на лицо и плакалъ, — плакалъ радостными слезами. Чтѣ можешь человекѣтъ сказать, когда онъ такъ полно,

такъ безгранично счастливъ?.. Рѣчи его будутъ потоками безсвязныхъ, безумныхъ, лирически-восторженныхъ словъ, плутово-искреннихъ, но должно быть очень забивныхъ для поощроняго, какъ бы ни былъ онъ добръ и гуманенъ... Теперь, когда эти первые порывы стихли и улеглись, когда суровая действительность возвысила голосъ и заявила права свои, когда мнѣ нужна дружеская, братская помощь, къ кому же какъ не къ тебѣ обращаюсь я за ней?

«Помнишь ли, несравненный мой Павелъ, послѣдній нашъ вечеръ передъ разлукой. Едва мы сбросили съ себя студентскіе мундиры, какъ должны были разбрестись по разнымъ дорогамъ... Тяжело было намъ, но мы говорили: это лучше, чѣмъ судьба бросаетъ насъ далеко другъ отъ друга. Въ толпѣ постороннихъ или безучастныхъ къ намъ лицъ; безъ взаимной поддержки, безъ подстрекательства и соперничанія, мы лучше будемъ имѣть возможность повѣрить силы свои, испытать себя... Не мудрость идти на брешу гурьбой, держась рука объ руку; тутъ по неволѣ каждый окажется храбрецомъ, тутъ стыдно отставать отъ другихъ... И трудно сказать, самолюбіе ли или истинное мужество двигало человѣкомъ, когда онъ готовился сложить свою голову... И самая гибель — какъ хороша, какъ сладка она должна казаться ему, если онъ знаетъ, что до послѣдней минуты его сопровождаютъ благословія тѣхъ, кто одинаково мыслить и чувствуетъ съ нимъ. Другое дѣло темная, глухая борьба, одинокая, безвѣстная гибель... Мы такъ жарко вѣрили въ свои силы, въ непоколебимость своихъ убѣжденій, и разстались безъ ропота, произнося святыя, торжественныя обѣты... Четыре года прошло съ той поры.. и мы должны себѣ отдать отчетъ въ прожитомъ... Твое поприще, твои дѣянія мнѣ извѣстны. Не смотря на рогатки, которая подлость и тупоуміе ставили тебѣ на пути, ты честно и мужественно шествовалъ къ избранной цѣли... Въ то время, когда воздухъ около тебѣ становился съ каждымъ днемъ душистѣй и душнѣй, когда дышать было трудно... и черныя, грозовыя тучи тяжело висѣли надъ міромъ, объятыхъ трепетомъ, ты не переставалъ вѣрить, что изъ-за этихъ тучъ блеснетъ наконецъ животельный лучъ, что воздухъ сдѣлается свѣжѣе и чище, ты не палъ духомъ, не заразился общей боланью и уста твои подъ ея вліаніемъ не осквернились богохульственнымъ словомъ лжи... Ты проща-

жалъ ободрять унывающихъ, продолжалъ мощнымъ словомъ приывать: съ своей каторги юность на доблестные, святые подвиги: я уже не разъ долетала до меня восторженные отзывы ою тебѣ.

«Другой путь вышала на мою долю... Темная, кропотливая, случайная дѣятельность не по сердцу предстояла мнѣ... Выбирать было не изъ чего, и я, смиренно склонивъ голову, шокорился обстоятельствомъ... Положа руку на сердце, скажу, что въ эти четыре года на совѣсти моей не легла ни одного воступка, за который я могъ бы покраснѣть... я не избѣгалъ борьбы; и гдѣ только представлялся случай, безъ блеска, но упорно и твердо отстаивала свои особенныя вѣрованія. Но сознаю тебѣ, что въ душу мою уже начинала закрадываться разѣдающая, болѣзненная тоска... я чувствовалъ, что слабѣютъ мои силы... что я незначительно выгибаюсь въ пошлость окружающающей меня среды... приперяюсь съ ней... дѣлаю ей уступки, которыхъ не дѣлалъ прежде... Такъ рано! Не надолго же тебя хватало, скажешь ты мнѣ быть... Да, не надолго... мнѣ стыдно за себя, а между тѣмъ это такъ... И не потому усталъ я такъ скоро, чтобы борьба была выше силъ, но потому, что она по большей части была бесполезна, и что я не предвидѣлъ; чтобы она когда-нибудь принесла лучшіе плоды... Я становился вялъ и сонливъ, безстрастно взираю на то, что еще такъ недавно подымало во мнѣ все жолчь, возмущало все существо мое... Отаратительные нападены мнѣ дисирамбы нашему времени, встрѣчаючися въжелезахъ... ихъ шпунуть люди съ заложеными ватой ушными, потерянныи и обожаныи осзаныи... Иначе они бы слышали: стонъ дѣлцовъ, залитыхъ грязными, мутными волнамишвами, инаме они ощущали бы провалыя и глубокия равны пушищныя, изъясляемыя жолчоны тернныи, растуцими на ушнѣ, непроходимой дорогѣ; инаме ихъ воразае бы смрадное, стреленное, дымае воздука... Я немогаю и готовъ уже быть причаты тебѣ изъ всего: «не прекраснаго и не свѣтлаго дѣлака», «себеси моя, другъ мой, братъ мой... протви мнѣ свою вѣруеу руку, скажи абодрительное, успокоивающее, теплее слово! Какъ вдругъ въ этой нестрой, магнарадной толпѣ кризисациски смачущихъ скомороховъ, разряженныкъ и безстыдныхъ шронниаъ, вросахъ в надменныкъ умниковъ, посередя этого хаоса лжи, лицемѣрія, разврата и глупости, я увидѣлъ свѣтлое,

доброе, открытое лицо дѣвушки... Она кротко и добродушно улыбалась мнѣ. Въ ея голубыхъ и думатошнихъ глазахъ сквозила такая душевная чистота... онѣ глядѣли такъ ласково и съ такою любовью. «Путь жизни тяжелъ, сказала мнѣ она, но вдвоемъ идти по немъ легче... Подадимъ же другъ другу руки и будемъ дѣлить вмѣстѣ нужду и горе, счастье и радости...» И покидавшая меня бодрость вернулась ко мнѣ... обративъ себя къ людям, начинавшая риснуть въ труды, вслѣдствіе извѣстной силы, и никакая борьба уже не кажется мнѣ не по силамъ.

«Не буду тебѣ разсказывать подробно, какъ я встрѣтился и сошелся съ тою, къъ теперь ясна моя жизнь; обо всемъ отдамъ послѣ... Скажу только, что я жду не дождусь того дня, когда назову ее женою своею... и больно мнѣ думать, что этотъ день быть можетъ еще не близокъ... Да, онъ не близокъ, потому что есть преграды, которыя нужно перешагнуть. Вызываетъ, что у меня нѣтъ состоянія, что я живу жалованьемъ и помогаю сестрѣ и матери. Бракъ долженъ необходимо повлечь за собою перемѣну въ моемъ образѣ жизни. Мнѣ придется жить отдѣльнымъ домою. Ты спросишь, почему такъ... и развѣ мы не можемъ по-свѣтлится все вмѣстѣ? Къ несчастью нѣтъ. Мнѣ слишкомъ коротко извѣстны мысли и возрѣнія моего семейства... Ни въ матери, ни въ сестрѣ моя женитьба не можетъ встрѣтить сочувствія. Дѣвушка любимая мною не дворянка, и онѣ скорѣй согласится отказать отъ меня, чѣмъ жить съ ней подъ одной крышею. Тутъ не помогутъ никакія убѣжденія; тутъ одно средство — разойтись. Но я не могу оставить семейства безъ помощи; а малъ ничтожныхъ средствъ, которыми я теперь домогаюсь, мнѣ не легко будетъ удѣлять ему. Вотъ почему, мой другъ, я долженъ женъ искать себѣ другого мѣста. Получить сто двадцать и не надѣюсь. Помнишь ли, ты писалъ мнѣ однажды, что можешь поживу въ Мутноводскѣ, то чтобы я извѣстилъ тебя, одинокъ изъ твоихъ родственниковъ, имѣющій въ Псковѣ большія связи, говорилъ ты, можетъ оказать мнѣ содѣйствіе въ исполненіи другой должности. Напоиняю тебѣ слова твои, Павелъ, и рассчитываю на твою помощь. Отъ нея зависитъ моя будущность, мое счастье, моя жизнь... да, жизнь, потому что Маша эта дѣвушка не отдѣляется моею женою, существованіе мое будетъ разбито, подточено въ корни; это будетъ хуже чѣмъ смерть...»

«Я не изъ тѣхъ, Павелъ, которые любятъ нѣсколько разъ въ жизни... для меня...»

Здѣсь письмо было прервано... Тотъ, кто бы взглянулъ на Надежду Марковну, пока она читала его, невольно бы подивился, до какой степени могутъ измѣнять человѣческія черты свое обычное выраженіе. Подержавъ письмо еще нѣсколько минутъ, она бережно согнула его, положила на прежнее мѣсто и закрыла книгу. Потомъ сошла внизъ и приказала горничной подать себѣ одѣваться...

Этотъ вечеръ былъ проведенъ ею у губернатора, съ женою котораго она состояла въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. А недѣлю спустя, въ одномъ скромномъ, деревянномъ домикѣ, въ Мещанской слободкѣ, находившейся за городскими воротами Мутноводска, происходила слѣдующая сцена.

IV

На ступеняхъ крыльца, выходящаго въ небольшой, но густо разросшійся садикъ, задумчиво сидѣла очень молоденькая дѣвушка, опершись головой на руку. Она была дѣдкой красоты. Густая бѣлокурая коса ея при лучахъ низко стоявшаго солнца казалась золотой короной тяжело давившей ея маленькую головку. Черты ея свѣжаго, дѣтскаго личика, были безукоризненно правильны, но въ нихъ не замѣчалось и тѣни той строгости и холодности, которыя почти всегда неразлучны съ подобною правильностью. Напротивъ, какой-то необыкновенной мягкостью, симпатичностью дышало это лицо; и во взглядъ голубыхъ глазъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами, теплилась безконечная доброта и любовь. Окружающая зеленью и цвѣтами, молодая дѣвушка, походила скорѣе на прелестный образъ, созданный воображеніемъ романтическаго поэта, нежели на живое существо. Каждый, кто еще не утратилъ чувства прекраснаго, или кто не былъ вовсе лишонъ его отъ рожденія, встрѣтивъ ее, невольно останавливался бы и сказалъ себѣ: «вѣдь бываютъ же на свѣтѣ такія красавицы...»

Одѣта она была очень скромно, чтобъ не сказать бѣдно. Но едва ли самый роскошный и блестящій парадъ могъ идти къ ней болѣе, чѣмъ шло это розовое платье изъ дешевой хол-

стинки, плавно обтягивавшее ее тождую и гибкую, какъ молодое деревцо, талию. Нѣсколько минутъ оставалась она неподвижна, какъ прикованная къ мѣсту; но вдругъ быстро встала и, оббѣжавъ со ступеней крыльца, подошла къ грядкѣ съ разноцвѣтными астрами. Она нагнулась и сорвала одну изъ нихъ, стала ощупывать ее листочки, при чемъ губы дѣвушки что-то шептали. На этомъ занятіи засталъ ее Дмитрій Павлычъ, неслышимо подкрадшійся къ ней сзади.

— О чемъ гадаешь, Люба? спросилъ онъ, взявъ ее за оба локтя.

Дѣвушка вздрогнула и выронила астру; потомъ обернувшись къ молодому человѣку, ласково улыбнулась ему и прошептала:

— Не пугай меня такъ другой разъ, Митя... Я и то не знаю, что со мной сдѣлалось нынче... всего я боюсь; всякаго шума... вѣточка ли сухая съ дерева упадетъ, ставню ли вѣтромъ захлопнетъ, право...

— Нервная ты дѣвочка, вотъ и все... О чемъ же гадала-то?

— На что тебѣ — не скажу.

— Ну, такъ я и самъ отгадаю: любишь ли тебя Сусликовъ, Никаноръ Андреичъ.

Люба усмѣхнулась.

— Отгадавъ. Такъ дай же мнѣ кончить... Ты меня сбиль... вотъ я забыла на чемъ бишь остановилась...

— Нечего и кончать... разумѣется любить... только деньги любить еще больше...

Онъ вырвалъ изъ рукъ ее астру и бросилъ ее далеко. Они пошли по дорожкѣ и скоро затоптали бѣдный цвѣтокъ.

— Бѣдная моя астра... сказала Люба и нагнулась поднять ее... Думала ли ты нынче утромъ, что солнышко грѣеть тебя въ послѣдній разъ... а все я виновата... Я нынче какая-то безжалостная стала. Только о себѣ все думаю... Ни до кого мнѣ дѣла нѣтъ... Вѣдь это не хорошо, Митя.

— Къ цвѣтамъ — безжалостная?

— А хоть бы и къ цвѣтамъ... Мнѣ все кажется, что и у нихъ есть душа... какъ у насъ... что и нить тоже бываетъ грустно и весело...

— Ты нынче что-то развѣталась, моя Люба... сказала ласково Дмитрій Павлычъ, и обнявъ ее, прижалъ къ себѣ и

мнѣ. — Вчера я оставилъ тебя такой веселой... Ты казалась была такъ спокойна, такъ увѣряла, что наше счастье близко...

— Ахъ, Митя!.. Пока ты тутъ, пока ты говоришь со мной — и ничего не боюсь... а какъ ты уйдешь, да останусь я одна, Богъ знаетъ чего не приходитъ въ голову... Вѣришь ли, нынче ночью я хотѣла бы на минуту заснула... думала, думала, до самой заутраки выдохъ все думала; потомъ встала и въ церковь пошла. И ужь какъ помолчалась, такъ у меня невозможно и отлегло отъ сердца... Ноги оное у меня что-то, Митя, словно бѣду чуютъ...

— Да полно же; Господь съ тобой, мой дружокъ, о чемъ причащаться, чего бояться? Увидишь, какъ все хорошо уладится...

— Уладится! повторила въ раздумьѣ Люба. — Вотъ ты уйдешь теперь...

— Ну, такъ чтожъ. Эта поѣздка можетъ быть къ лучшему. Павелъ пришлетъ мнѣ туда рекомендательное письмо къ своему родственнику; я самъ-то скорѣй выхлопочу себѣ мѣсто.

— Хорошо, кабы такъ.

— Да конечно, а те какъ же. Потомъ приѣду сюда, обвиняемся и махнемъ въ другой городъ. Какъ мы устроимся славно... Наймемъ себѣ маленькій домикъ, вотъ какъ этотъ, и непременно съ садомъ... Сколько я тебѣ цвѣтовъ разведу...

— А если ты меня забудешь, Митя? вдругъ спросила Люба, пристально посмотрѣвъ на него...

— Ну, вотъ Люба... Этого ужь я отъ тебя не ждалъ. Я думалъ, что ты лучше успѣла узнать меня.

— Ахъ, Митя! здѣсь ты скучалъ... барышня здѣшнія тебѣ не во сердцу пришлись... А тамъ можетъ быть не такихъ увидишь... И жизнь совсѣмъ другая, вотъ и забудешь.

— Люба! воскликнулъ Дмитрій Павлычъ, и въ голосъ его звучала страсть, — Люба! Если ты любишь меня, не говори мнѣ этого... Гдѣ бы я ни былъ, кого бы я ни встрѣтилъ, пока я живъ, ты останешься для меня самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ существомъ въ мирѣ.

— Не сердись на меня, Митя... Я я сама не рада, что мнѣ все лезетъ въ голову такія мысли. Ужь какъ я стараюсь не думать объ этомъ... а все... Вотъ тоже мать... то и дѣло твердить: глумиськая ты... господишь вѣришь... мало ли они что толкуютъ. Всѣ они любятъ, пока не найдутъ другую, еще посмазливѣе... Ты

посмотри у него какое знакомство... Ну, захочет, да онъ вьдетъ себѣ въ жопу нашу сестру... Право, такъ бы я не знаю куда бѣжало, отъ этихъ словъ...

— Они могутъ такъ говорить. Люба... Я ихъ не знаю... Когда сяду дружить ихъ, такъ думать о нихъ... Но, если тебя смущаютъ эти слова, значитъ ты еще мало меня любишь... Какъ ты думаешь, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ про тебя, что ты способна бросить меня завтра, для другого, красивѣе меня... повѣрилъ бы я ему?

— Нѣтъ, Митя, я знаю, что не повѣрилъ бы... вѣдь и я тоже не вѣрю... да слушать-то это всякій день тяжело. Нынче одно, завтра одно, послѣ завтра... поневолѣ тоска найдетъ... Ты не брани меня, Митя... я вѣдь глупая...

Они снова вернулись къ крыльцу и сѣли. Дмитрію Паричу помѣстился ступенью ниже, у ногъ Любы... Она обвила его шею рукой, съ минуту посмотрѣла ему въ глаза вѣжно и преданно и потомъ стала цѣловать ихъ.

Онъ тихо привлекъ ее къ себѣ. Глубокая, безпредѣльная любовь выразилась на лицахъ у нихъ обоихъ.

— А когда ты вернешься, помолчавъ начала Люба... когда найдешь мѣсто... развѣ конецъ всемъ препятствіямъ? Что родные-то твои скажутъ? Не знаю почему, только я ужасно боюсь твоей матери... Я видѣла ее разъ у обѣдни. Она показала мнѣ такую строгая...

— Послушай, Люба. Я тебя не обманывалъ на этотъ счетъ. На согласіе матери я не надѣюсь. Но въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье всей моей жизни — я считаю себя вправѣ обойтись безъ этого согласія... Не ай жить съ тобой — мнѣ. И если бы еще она могла имѣть какія-нибудь важныя, уважительныя причины... а то... мнѣ трудно въ этомъ сойтись съ ней... Въ ее время думали такъ... нынче думаютъ иначе... Наши дѣти будутъ можетъ быть думать еще иначе. И мы благословимъ ихъ поступать какъ велятъ имъ собственныя чувства ихъ, лишь бы они были счастливы... Впрочемъ если тебя пугаютъ столкновенія... чтобы избѣжать ихъ, можно сдѣлать вотъ что: если я найду мѣсто, я напишу тебѣ и вышлю деньги на проѣздъ. Пріѣзжай ко мнѣ туда. Мы тамъ обвѣчаемся.

— А ты не будешь потомъ каяться, что изъ-за меня поссорился съ родными?

— Опять, Люба? ..

— Ну, ну, я не стану... И она опять горячо и рѣзко подхватила молодого человека...

Она провела съ ней весь вечеръ. На небѣ было темно, и при зѣвоткѣ на смирнула въ-за черныя осенившіе тучи, тяжело висѣвшія надъ землей, когда Люба нагнувъ на себя кашавейку, обшитую лебизнѣмъ лукомъ, выбѣжала за калитку проводить Дмитрія Ивановича... Облизывая слезами и прильнувъ къ нему, она только шептала: не забудь, Митя... не забудь... не сгуби! Она тоже плакала...

— Заверни: проститься... хоть на минуточку... причала она ему въ садѣ, когда онъ уже былъ въ нѣсколькохъ шагахъ отъ калитки. Но вѣтеръ помѣшалъ ему слышать ея слова.

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь кое-что о прошедшемъ Любы: Отецъ ея, Василій Ивановъ Хрусталева, былъ мастеромъ и обучался столярному ремеслу въ Москвѣ у вѣнца. Въ Москвѣ же проживали и его отецъ съ матерью. Не задолго до смерти своей, они женили сына на вольноотпущенной и оставили ему небольшой капиталашка, съ которымъ онъ, при своемъ ремеслѣ, могъ бы жить безбѣдно и содержать семью. Работникъ онъ былъ ослѣпчій. Хозяева, у которыхъ онъ занимался, не могли махвалиться имъ. Жена его тоже была женщина смиренная, степенная, хозяйка. Но вдругъ онъ сталъ вѣдаться съ недобрыми людьми, зашѣлся, отвыкъ отъ работы и началъ притерживаться чарочки... Скоро и капиталъ и имущество — все пошло прахомъ: А между-тѣмъ семья прибавлялась. У него уже было четверо дѣтей малъ-мала меньше. Наконецъ одинъ мебельщикъ, вышій свое заведеніе въ Мутноводскѣ, и пріѣхавшій въ Москву по своимъ дѣламъ, уговорилъ его идти къ нему въ подмастерья. Василій Ивановъ принялъ предложеніе и со всей семьей отправился въ Мутноводскъ. Онъ снова остепенился, и снова принялся за работу, да неосторожно разговорившись на паску тухлыми яцами — занемогъ и умеръ въ три дня. Жена осталась съ четверью дѣтьми безъ призрѣнія, почти безъ куска хлѣба и сперва занималась прачешнымъ дѣломъ, а потомъ рѣшилась искать себѣ мѣста няньки или экономки. Съ ребятами разумеется куда бы ее не приняли. Какъ ни жаль было ихъ, а пришлось расовать. Къ счастью одинъ, самый маленькій, вскорѣ умеръ; другого велелъ къ себѣ какой-то мутноводскій баринъ въ казач-

ки, третьяго мебельщикъ оставилъ у себя въ учени, а старшая дочь — Люба покравъте въхоицалсь при матери, но и се любъцала принять къ себѣ въ магазинъ единственной шутководскан модетъ-ка Шарлотта Карловна Феферъ, дама злющого нрава и съ краснымъ, какъ-будто вѣчно-иззябшимъ носомъ. Дѣвочна очень бн-лась магазина, и когда мать хотѣла постращать ее за какую-ни-будь шалость, то обыкновенно говорила: «Вотъ погоди; пове-дешъ къ Шарлоттѣ, задасть она тебѣ Феферу.» Но судьбѣ угодно было избавить Любу отъ этого Фефера... Мѣсяца три она проми-ла таки въ магазинѣ и понатерпѣлась толчковъ; но потомъ слу-чилось обстоятельство, измѣнившее ея участь. Въ Мутководскъ прѣѣхала на время изъ деревни для какихъ-то закупокъ одна помѣщица Лизавета Михайловна Сорнева, еще не старая, очень добрая и болѣзненная женщина, искавшая себѣ въ домъ эконом-ку. Ей рекомендовали Авдотью Васильевну (я кажется забыть сказать, что мать Любы звали Авдотьей Васильевной), которая Сорневой очень понравилась. Помѣщица съ ней условилась — и такъ бы и увезла ее въ деревню не узнавши о существованіи Любы, если бы не вздумала заѣхать къ Шарлоттѣ Карловнѣ, поемотрѣть, какого фасона стали носить бурнусы. Первое лицо, понавшее ей на глаза въ магазинѣ, была десятилѣтняя Люба, отворившая двери. Сорневу поразила миловидность дѣвочки и за-думчивое выраженіе лица ея. Она стала разспрашивать ее, кто она и хорошо ли ей жить; и когда узнала, что она дочь ея шовой экономки, предложила Авдотѣ Васильевнѣ взять съ собою Любу:

— Она жиѣ нисколько не будетъ въ тягость, сказала Сорне-ва, — и я не убавлю тебѣ жалованья, оттого что дочь твоя ста-нетъ у меня жить.

Конечно Авдотья Васильевна очень обрадовалась такой ми-лости помѣщицы, и черезъ недѣлю Люба, оставивъ ненавист-ный магазинъ, отправилась съ матерью и Лизаветой Михайлов-ной, въ барской, четырехмѣстной каретѣ, въ село Мухоморова, Грабливо тожъ.

У Лизаветы Михайловны было двѣ дочери, о воспитаніи ко-торыхъ она очень заботилась, и потому держала при нихъ ту-вернантку, родомъ изъ Лозаны, мадмаазель Янъ, пожилую и не-красивую, но съ примѣрною добросовѣтностью исполнявшую свои обязанности и очень незлобиваго сердца. Кромѣ того ѣздилъ давать имъ уроки учитель отъ сосѣднихъ помѣщиковъ — молодой

кандидатъ Крапивинъ, энтузіастъ, не скучавшій пресвѣщать и самое Лизавету Михайловну, съ которой онъ послѣ уроковъ не рѣдко бесѣдовалъ часа по три о разныхъ серьезныхъ предметахъ, и преимущественно о воспитаніи женщинъ. Лизавета Михайловна была женщина не глупая, хотя получившая очень поверхностное образованіе, и ей правилась искренняя, задушевная рѣчь юноши. Онъ говорилъ хорошо и съ увлеченіемъ, и часто по уходѣ его она задумывалась. Ей приходило на память все ея прошлое, вся жизнь ея, потраченная Богъ вѣсть на что, прожитая кое-какъ — съ нелѣпымъ, хотя и не злымъ супругомъ, въ пустѣйшемъ, хотя и довольно бонтономъ обществѣ; и она добродушно укоряла себя, что о столькихъ серьезныхъ вещахъ никогда не давала себѣ труда подумать; что одна сторона жизни совсѣмъ отъ нея ускользнула. Желая искупить свое легкомысліе, она внутренне дала себѣ обѣтъ, употребить всѣ усилія, чтобы дочери ея получили болѣе прочное образованіе, чѣмъ она; чтобы изъ нихъ вышли не расточительныя барыни, преданныя свѣтскимъ удовольствіямъ, а существа мыслящія, хорошія матери, хорошія жены. Она во всемъ слушала мадамозель Янъ и Крапивина, которые занимали равныя мѣста въ ея сердцѣ и почти всегда сходились другъ съ другомъ въ воззрѣніяхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ пунктовъ, касающихся больше школьной дисциплины. Крапивинъ убѣждалъ обыкновенно Лизавету Михайловну давать дѣтямъ полную свободу, а мадамозель Янъ не прочь была напротивъ помуштровать ихъ подъ часъ. Это незначительное разногласіе ставило однакоже добрѣйшую Лизавету Михайловну въ довольно-затруднительное положеніе... Она долго не могла рѣшить кому отдать преимущество... Но мнѣніе Крапивина шло на своей сторонѣ ту выгоду, что совпадало съ природными склонностями Лизаветы Михайловны, способной болѣе къ снисходительности, нежели къ строгости, а потому оно во большей части и брало верхъ.

Любу скоро всѣ полюбили въ домѣ Сорневой. Дѣвочекъ сближали съ ней дѣтскія игры и сообщительный нравъ ея... Мадамозель Янъ понравился ея кроткій характеръ, ея всегдашняя готовность — съ яснымъ, веселымъ лицомъ подчиняться правиламъ дисциплины, болѣе скучной, чѣмъ строгой; наконецъ Крапивинъ, котораго прежде всего поразили ея умные, прекрасные глаза и правильныя черты, пришолъ въ восхищеніе отъ ея лю-

беззастенчивости, отъ вопросовъ, которые она ему дѣлала, и отъ того, что она любила книжки читать. (Грамотѣ Люба выучилась въ Мутноводскѣ у діакона, котораго жена очень жаловала Авдотью Васильевну). Однажды добрый юноша сказалъ Лизаветѣ Михайловнѣ:

— Вѣдь вотъ вы позволили жить этой дѣвочкѣ при матери, потому что вамъ понравилось ея личико... Вы взглянули на нее какъ на хорошенькую куклу, съ которой весело будетъ играть вашимъ дѣтямъ... а вы бы могли ей сдѣлать больше добра... Позвольте ей учиться съ вашими дочерьми. Вѣдь ни я, ни мадамозель Янъ, мы не затрудняемся этимъ... а между тѣмъ вы окажете Любѣ истинное благодѣяніе... Вы обезпечите ея будущность. У ней будетъ вѣрный кусокъ хлѣба... Она пойдетъ въ гувернантки, если судьба не пошлетъ ей ничего лучшаго, и станетъ всегда съ благодарностью вспоминать о васъ.

Лизавета Михайловна прослезилась. Мадамозель Янъ поддержала предложеніе Крапивина, и Люба начала учиться вмѣстѣ съ маленькими Сорневыми. Богъ не обидѣлъ Любы способностями. Правда, они не были слишкомъ бойки; многое доставалось ей съ трудомъ, но разъ уже усвоенное ею, ложилось прочно въ душѣ ея. Она не была разсѣянна, не забывала скоро, и вообще замѣтно было, что ея маленькая головка работала. Характеръ Люба имѣла ровный и тихій. Она была очень впечатлительна, добра и привязчива до-нельзя... Страданье другого, болѣзнь, нищета — всегда вызывали на глаза ея слезы, и она была готова отдать все, чтобы облегчить эти страданія. За любовь и ласки она платила сторицей.

Крапивинъ отъ полноты души радовался, глядя на ея охоту къ ученю, на ея добрыя свойства, какъ вдругъ одно горестное происшествіе разрушило всѣ мечты его о будущности Любы. Лизавета Михайловна сильно запемогла и послѣ трехнедѣльной болѣзни окончила свое существованіе... Въ деревню пріѣхала наслѣдница ея, какая-то двоюродная сестра, очень свѣтская и очень богатая дама, говорившая во французски съ парижскимъ акцентомъ, и картавившая на букву р. Она разумѣется тотчасъ же почла долгомъ *congédier* и Крапивина, и ш-лле Янъ, и объявила, что своихъ племянницъ повезетъ воспитывать за границу, à l'étranger, потому что въ Россіи дать хорошаго воспитанія не-

возможно. Въ сущности же ее влекли à l'étranger баденскія воды, гдѣ она очень веселилась каждое лѣто.

Горько плакала Люба, разставаясь съ своими подругами, съ мамзель Янъ, съ добрымъ Крапивинымъ... Онъ и самъ чуть не разолакался на прощанье съ ней. Онъ предчувствовалъ, что путь ея не будетъ усыпанъ розами. И вотъ она съ матерью снова поселилась въ Мутноводскѣ. Лизавета Михайловна умирая оставила Любѣ небольшія деньжонки, на которыя мать ея купила себѣ домишко, и обзавелась кое-какимъ хозяйствомъ. Обѣ онѣ стали добывать себѣ хлѣбъ шитьемъ. Мальчиковъ, братьевъ Любы, тоже перетащили къ себѣ. Мебельщикъ перѣѣхалъ въ другой городъ, и Авдотья Васильевна не хотѣла отпустить съ нимъ сынишку. Что же касается до другого мальчика, котораго взялъ помѣщикъ къ себѣ въ казачки, то ему приходилось такъ худо, что нельзя было его оставлять въ этой должности. Его видѣли босымъ и оборваннымъ, и за каждую малость драли за уши и за вихорь, а по временамъ и сбѣкли.

Третій годъ жила Хрусталева съ своей семьей въ Мутноводскѣ, когда Дмитрій Павлычъ встрѣтилъ на бульварѣ Любу и влюбился въ нее безъ памяти. Онъ разузналъ, кто она, и сейчасъ же отдалъ Авдотѣ Васильевнѣ наволочки къ подушкамъ... Должно думать, что они ему были очень къ спѣху, потому что онъ каждый день сталъ навѣдываться, скоро ли онѣ поспѣютъ...

Сначала Авдотья Васильевна косо посматривала на его визиты; но потомъ онъ поправился ей своей деликатностью. Онъ обходился съ старухой и съ Любой какъ съ равными себѣ, и наконецъ сказалъ Авдотѣ Васильевнѣ, что намѣренъ жениться на ея дочери. Она такъ мало надѣялась на подобное счастье, что не рѣшалась ему и вѣрить, и на всѣ доводы Любы и Дмитрія Павлыча только сомнительно покачивала головой. Они просили ее держать это пока въ тайнѣ, и она долго крѣпилась; но однако же подъ конецъ не утерпѣла и сообщила Цециліи Викентьевнѣ, которая ей давала иногда работу и успѣла ее очаровать своими разказами о томъ, что дѣлается въ домахъ у богатѣйшихъ господъ Мутноводска.

V

Дмитрій Павлычъ ухалъ, даже не подозрѣвая, что Надеждѣ Марковнѣ извѣстны его отношенія къ Хрусталевымъ. Удаливши его, она считала самое главное сдѣланнымъ. Порученіе должно было продлиться довольно долго, по крайней мѣрѣ губернаторъ успокоилъ ее на этотъ счетъ, и сказалъ, что если бы ей понадобилось оставить сына въ Петербургѣ по окончаніи его порученія, еще на нѣкоторое время, то и это можно уладить, давъ ему еще другое порученіе. Надежда Марковна, будучи увѣрена, что между Дмитріемъ Павлычемъ и его мѣщаночкой должна завязаться корреспонденція, прежде всего сочла нужнымъ задобрить почтмейстера, который впрочемъ и безъ того питалъ къ ней глубокое уваженіе, и говорилъ про нее, «что это рѣкая дама, умѣющая, не смотря на свои крайне ограниченныя средства, достойно поддерживать себя въ высшемъ кругу.» Почтмейстеръ былъ изъ породы Шпекиновъ, съ тою только разницею, что Шпекину тайный голосъ кричалъ въ одно ухо: распечатай, а въ другое — не распечатывай, а у этого оба уха слышали только одно слово: распечатай. Онъ, также какъ Шпекинъ, очень интересовался всѣмъ, что происходитъ въ разныхъ концахъ Россійской имперіи, корреспондирующихъ съ его роднымъ городомъ, и находилъ, что частныя письма представляютъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе интереса и разнообразія, нежели Московскія и Петербургскія Вѣдомости. А потому, когда Надежда Марковна, пригласивъ его однажды къ себѣ откусать и поставивъ передъ нимъ бутылочку малаги (къ этому вину онъ чувствовалъ «влеченье — родъ недуга»), стала ему со слезами на глазахъ объяснять недостойную привязанность сына, причемъ выразила живѣйшее желаніе узнать, что такое онъ пишетъ къ своей возлюбленной, почтмейстеръ совершенно вошелъ въ ея положеніе и далъ ей слово, что она будетъ все знать... «Ни одно письмо на имя этой недостойной дѣвицы, сказалъ онъ, и ни одно письмо на имя вашего заблудшагося сына, глубоко-уважаемая Надежда Марковна, не минуетъ вашихъ ручекъ». Надежда Марковна была до глубины души растрогана этими словами и тотчасъ же распорядилась послать за другой бутылочкой

малаги. А на слѣдующее утро почтмейстеръ получилъ отъ нея въ презентъ маринованнаго фазана, который былъ подаренъ ей однимъ мутноводскимъ гастрономомъ.

Но Надежда Марковна дѣйствовала съ тактомъ. Первое письмо Дмитрія Павлыча къ Любѣ, писанное съ дороги, она хета и прочла, но искусно подпечатавъ, возвратила почтмейстеру, и оно дошло по назначенію. Отвѣтъ Любы тоже былъ отправленъ, но предварительно подвергся критическому обсужденію, какъ со стороны Надежды Марковны, такъ и со стороны Анны Павловны. Онъ былъ очень нѣженъ и грустенъ... бѣдная дѣвушка сильно тосковала въ отсутствіе Дмитрія Павлыча. Маменька и сестрица его рѣшили, что у ней въ слогѣ какаѣ-то мѣщанская сантиментальность. Долго и тщательно отыскивали онѣ также орфографическихъ ошибокъ и наконецъ-таки успѣли наткнуться на какую-то несчастную букву *ь*, затесавшуюся не туда, куда слѣдуетъ. Самый почеркъ Любы былъ найденъ ими очень дурнымъ. Онѣ прочли въ какомъ-то французскомъ романѣ, что по почерку можно судить о человѣкѣ, и были убѣждены, что это глубокая истина. По почерку Любы онѣ вывели заключеніе, что она должна быть дѣвчонка самыхъ разпущенныхъ нравовъ. Вообще ни слогъ, ни орфографія, ни почеркъ, по мнѣнію ихъ не обличали *une personne comme il faut...* «Такъ только лавочки и прачки пишутъ», презрительно вымолвила Анна Павловна, и Надежда Марковна подтвердила ея слова. Онѣ обѣ крѣпко стояли въ особенности за орфографію, отнюдь не раздѣляя мнѣнія Пушкина, который какъ извѣстно не любилъ женскихъ писемъ безъ грамматическихъ ошибокъ,

Какъ усть румяныхъ безъ улыбки.

И когда кто-то изъ мутноводскихъ аристократовъ рассказывалъ, какъ въ Петербургѣ одинъ знакомый его камеръ-юнкеръ, слѣлавшій одной очень хорошенькой и богатой дѣвицѣ предложеніе, чуть не наканунѣ самой свадьбы отказался отъ нея на томъ основаніи, что она написала ему записку съ орфографической ошибкой; Надежда Марковна и Анна Павловна, взявши большое сочувствіе этому поступку. «Какъ же онъ могъ въ такомъ дѣлѣ, говорили онѣ, представить въ высшій кругъ жену, не умѣющую правильно писать.» Но надобно сказать правду, что не смотря на строгость свою въ этомъ отношеніи, Анна

Павловна сама не всегда черезъ-чуръ правильно писала записки къ своимъ пріятельницамъ, мутноводскимъ барышнямъ, особенно по французски... Окончанія *participe passé* и буква *z*, употребляющаяся въ французскомъ языкѣ безъ всякаго толку, часто ставили ее въ совершенный тупикъ. И ужь Ноэль и Шансаль въ компаніи съ Ольдекопомъ кое-какъ выручали ее. О! если бы бѣдная Люба узнала, черезъ какія мытарства проходятъ ея письма, какъ бы глубоко возмутилось ея чистое сердце! Рукилицемъ стыда и негодованія зардѣлись бы ея щеки и она спросила бы себя: неужели то, что у нихъ въ мѣщанскомъ кругу почитается низостью, можетъ быть чѣмъ нибудь оправданно у большихъ господъ?

Письма изъ Петербурга въ Мутноводскъ приходили каждую недѣлю два раза. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала Люба почтового дня; цѣлое утро сидѣла она у окна и посматривала, не видно ли гдѣ почтальона; и когда онъ шолъ мимо, она съ трепетомъ слѣдила за нимъ: что если онъ не зайдетъ, думала она, если пѣтъ письма?.. Но вотъ почтальонъ повертывалъ на дворъ, вотъ онъ подавалъ работницѣ Дарьѣ письмо... И сердце Любы билось шибко, шибко, пока она взламывала печать... Сколько разъ перечитывала она дорогія строки, увѣрившія ее въ страстной, неизмѣнной привязанности; она жадно впивалась въ нихъ взоромъ, а слезы лились и лились изъ глазъ ея.

Съ мѣсяцъ продолжала она получать письма Дмитрія Павлыча очень исправно; и изъ нихъ видно было, что ея отвѣты тоже получены имъ. Но вдругъ вѣсти отъ него сдѣлались рѣже... вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю, онѣ являлись только разъ... потомъ и вовсе перестали являться... Почтмейстеръ во все это время лакомился малагой и разными другими прелестями.

Люба стала грустна; цѣлые дни сидѣла молча, отвѣчала не впопадъ или вовсе не отвѣчала на разспросы окружающихъ... Глаза ея были почти постоянно красные. Опухшія вѣки, блѣдное лицо, ясно говорили, что она проводитъ почи безъ сна и въ слезахъ...

Въ это время Цецилія Викентьевна стала почему-то особенно часто являться къ Хрусталевымъ. Она дѣлала видъ передъ Любой, что ничего не подозреваетъ о ея отношеніяхъ къ Дмитрію Павлычу. Авдотья Васильевна сама просила акушерку не намекать объ этомъ въ присутствіи Любы. Она обѣщалась дочери и

Дмитрію Павлычу никому не сообщать объ ихъ планахъ, но, какъ я уже упомянулъ выше, не утерпѣла и теперь боялась, чтобы дочь не стала упрекать ее за болтливость. Но Цецилія Викентьевна зато не упускала случая рассказать мимоходомъ, что Надежда Марковна получила отъ сына изъ Петербурга письмо, гдѣ онъ описываетъ ей столичную жизнь съ ея веселостями, оверу, маскарады и проч., вклеивала даже въ свои рассказы какую-нибудь важную петербургскую новость, будто бы тоже сообщенную Дмитріемъ Павлычемъ, въ письмѣ къ матери, но на самомъ дѣлѣ слышанную акушеркой гдѣ-нибудь въ мутноводскомъ обществѣ.

Разумѣется всѣ эти рассказы были какъ острый ножъ для Любы.

— Находить же онъ, думала бѣдная, время писать о театрахъ и маскарадахъ! Онъ закружился въ петербургской жизни, а ждала этого.

У Любы былъ еще обожатель и претендентъ на ея руку, Никаноръ Авдренчъ Сусликовъ, управляющій имѣньемъ одного знатнаго барина, въ губерніи смежной съ Мутноводской... Онъ былъ главнымъ управляющимъ и имѣлъ помощниковъ, что давало ему возможность часто отлучаться отъ своего поста. Скопивши порядочный капиталъ, всякими правдами и неправдами, онъ занимался торговлей и по торговымъ дѣламъ заѣзжалъ въ Мутноводскъ, гдѣ жилъ по два и по три мѣсяца. Сынь вольноотпущеннаго двороваго человѣка, онъ очень гордился, что изъ ничего нажилъ себѣ большія деньги, и наслаждался жизнью не хуже барина. Наружность Сусликовъ имѣлъ молодцоватую, черные густые усы и бакенбарды, ростъ высокій, сложеніе крѣпкое, шею толстую. Но лицо его постоянно отъ чего-то леснилось, и въ карихъ, на выкатѣ, глазахъ его было преглутое выраженіе; какъ будто кто нибудь сзади далъ ему тумака и онъ, озадаченный, озирается вокругъ ища виновника. Одѣвался Сусликовъ всегда очень вычурно; на часовой цѣпочкѣ висѣла у него цѣлая связка печатокъ, на которыхъ были вырѣзаны всѣ дни недѣли; онъ носилъ множество перстней и колецъ всякихъ сортовъ, фуражку надѣвалъ на бекрень и имѣлъ большую претензію на развязность и ловкость. Въ приѣмахъ его и во всей фигурѣ было что-то лакейски-ухорское, раздражавшее первы впечатлительнаго человѣка, какъ стукъ и трескъ.

Онъ давно уже имѣлъ намѣреніе *осчастливить* какую-нибудь дѣвушку, избравъ ее себѣ въ подруги жизни. Выборъ его палъ на Любу, къ которой онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе. Еще до сближенія ея съ Дмитриемъ Павлычемъ, сталъ онъ за ней ухаживать и всячески ей угождать. Она сначала только посмѣивалась надъ нимъ изъ подтишка, но потомъ онъ сдѣлался ей рѣшительно гадокъ. Въ то время какъ Дмитрій Павлычъ познакомился съ Любой, Сусликова не было въ Мутноводскѣ. Теперь же, пріѣхавъ туда опять, онъ возобновилъ свои исканія и говорилъ, что «*всю фортуна* свою готовъ отдать, лишь бы вступить въ супружество съ такой обворожительной особой, какъ Любовь Васильевна». Но видя, что всѣ его усилія овладѣть ея сердцемъ остаются тщетными, онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи Цециліи Викентьевны, съ которой давно состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Цецилія Викентьевна, никому не отказывавшая въ содѣйствіи и поощренная обѣщаніями влюбленнаго Никанора Андреича, тотчасъ же приступила къ дѣлу. Узнавъ отъ Авдотьи Васильевны о любви ея дочери къ Дмитрію Павлычу и убѣдившись изъ собственныхъ наблюденій, что эта любовь была довольно серьезна, акушерка, какъ мы видѣли въ началѣ этого разсказа, сочла нужнымъ немедленно предупредить обо всемъ Надежду Марковну, въ которой надѣялась найти себѣ вѣрную сообщницу. Когда Дмитрій Павлычъ былъ удаленъ изъ Мутноводска, Цецилія Викентьевна повела атаку на мать Любы. Она всячески старалась поколебать въ старухѣ довѣріе къ отсутствующему и внушить ей, что онъ совсѣмъ не нара ея дочери, и что онъ ее непременно обманетъ.

— Повѣрьте мнѣ, дражайшая Авдотья Васильевна, что забудетъ дочку вашу... безпремѣнно забудетъ... ужь они всѣ такіе, эти модные кавалеры, ужь я вѣдь не перваго вижу... и опять же возьмите вы тепереча столичную жисть, сколько тамъ разныхъ удовольствій...

— Охъ, матушка Цыцылья Викентьевна, отвѣчала старуха... самой-то мнѣ что-то плохо вѣрится въ его постоятво. Гдѣ ужь дворянамъ на нашей сестрѣ жениться...

— Ну, разумѣется. — Вы, какъ умная вполне женщина, можете это понять. И родители его, узнавши объ этомъ, тоже никакъ не допустить...

— Не допускать, не допускать, матушка Цыцыльа Викентьевна.

— Гораздо бы лучше ей такой женихъ, какъ Никашоръ Андречъ. Онъ хотя не изъ благородныхъ, но человѣкъ достаточный, и сталъ бы старость вашу покоить. Вы бы съ дочкой въ графскомъ помѣстьѣ какъ какія-нибудь царицы жили. Потому онъ тамъ надъ всѣми властенъ. Графъ ему во всемъ какъ есть довѣряетъ.

— Да, да. Что говорить! Вотъ домишко-то Цыцыльа Викентьевна меня связываетъ. Жаль мнѣ его бросить-то.

— Зачѣмъ же бросить, почтенная Авдотья Васильевна. Вы продайте его. Я вамъ и покупщика найду...

— Ужь будто и найдете?

— Говорю вамъ, что найду. У меня даже въ виду одинъ есть... Маремьяповъ, вотъ что на Шишковой падчерицѣ женился... кандитеръ...

— Какъ бы это хорошо, въ самомъ дѣлѣ, кабы онъ купилъ...

И послѣ такихъ разговоровъ, Авдотья Васильевна начинала увѣщевать Любу.

— Ты послушай меня, дѣвка; успокой мать на старости... выдь за Суслика... онъ свой братъ; его отецъ тоже изъ холопскаго роду происходилъ. А ты вишь куда мѣтить вздумала... дворянкой быть захотѣла. Эхъ, эхъ, эхъ! Молодость. Умишка-то у тебя словно у ребенка малаго. Ей Богу. А вонъ миленькій-то дружокъ и не пишетъ... Небось къ питерскимъ мамзелямъ такъ и льнетъ...

— Да перестаньте, маменька, прерывала Люба... пожалѣйте вы меня хоть сколько-нибудь... И безъ того жутко приходится...

— То-то жутко... кто говорить; — человѣкъ онъ какъ слѣдуетъ, Дмитрій Павлычъ; и ума большого, и обхожденіемъ взялъ... дворянинъ извѣстно... Только не съ нами ему водиться. Вотъ что.

Помолчавъ немножко, она снова принималась за туже пѣсню.

— Да; вотъ тебѣ хорошо... а я тутъ бейся какъ рыба объ ледъ... ребятишки на рукахъ... Вышла бы замужъ за Никанора Андречка, онъ бы всѣхъ ихъ пристроилъ... въ контору графскую на жалованье бы посадилъ, либо по питейной части... опредѣлилъ бы, и жили бы мы всѣ припѣваючи; а то сиди себѣ

день денской да строчя рубашки. Вотъ ослѣпну скоро... что ты тогда дѣлать-то будешь одна. По вечерамъ такъ рѣжетъ глаза, что смерть просто. Хоть бы купоросомъ бѣлымъ примочить что ли.

Люба только отмалчивалась да плакала по временамъ. Работа у ней не спорилась, изъ рукъ падала. Пробовала было она за книжки приняться, которыя ей Дмитрій Павлычъ наказывалъ прочесть безъ него; но и читаеье шло плохо: прочтеть страничку да и задумается... и совсѣмъ забудеть, гдѣ она и что дѣлаетъ... Воображеніе переносило ее въ другой, незнакомый городъ. Ей казалось, что она сидитъ съ Дмитріемъ Павлычемъ въ хорошенькой, уютной комнаткѣ... что у нихъ фортепьяно есть и онъ учить ее играть и пѣть... Онъ часто говаривалъ ей, что у ней отличный голосъ, только надо заняться имъ... Потомъ она встаетъ и идетъ къ чайному столу, на которомъ шипитъ самоваръ... Приходитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ Дмитрія Павлыча, вотъ у нихъ идетъ веселый разговоръ... Шутятъ, смѣются... И Любѣ такъ хорошо, легко; она счастлива, довольна... И Авдотья Васильевна не ворчитъ больше, а только любитъ на дѣтей...

— Ну, что, маменька, еслибы я вышла за Сусликова, говорить Люба, развѣ бы лучше было... Ну, скажите?

— На все Божья воля, говоритъ Авдотья Васильевна.

Но какъ безжалостно пробуждала Любу дѣйствительность отъ этихъ мечтаній, какъ безцеремонно и грубо обходилась съ ними...

Являлся Сусликовъ и начиналъ безъ умолку гордоить околесную. Онъ имѣлъ большія претензіи на даръ слова и безъ всякаго толку вклеивалъ въ разговоръ слышанныя имъ отъ разныхъ лицъ мудреныя фразы. Иногда любилъ даже говорить въ ригу.

— Что это вы, Любовь Васильевна, говоритъ онъ входя. — книжку изволите почитывать... Приятное занятіе-сь. Я тоже люблю эдакъ иногда чтеніемъ позабавиться-сь, да время не позволяетъ. Развѣзды, знаете... торговыя дѣла. Надоѣли они мнѣ по правдѣ... да что дѣлать-сь? Не угодно ли я вамъ книжечекъ съ ярмарки привезу-сь; тамъ всякія есть... нѣкоторыя даже очень занятныя попадаютъ-сь. И стишки есть... Я стишки ужасъ какъ люблю-сь... Особенно, какъ если любовныя-сь. Я даже — не повѣрите, многія наизусть зналъ-сь... да вотъ съ этими съ дѣлами проклятыми все позабылъ-сь. Такая моя долж-

ность, доложу вамъ — убивственная; совсѣмъ отъ образованія отстанешь... въ тьму невѣжества, такъ сказать, погрузиться. Дѣло имѣть все должно съ людьми непросвѣщенными-сь, безъ понятій... барыши да убытки, да крѣпкіе напитки — вотъ и вся декорация. Хе, хе, хе.

Понятно, какъ весело было Любѣ слушать эту чепуху. Посѣщенія Сусликова были для нее истиной пыткой.

А между-тѣмъ отъ Дмитрія Павлыча все не было извѣстій. Она писала къ нему письмо за письмомъ, но всѣ они шли не дальше шкатулки Надежды Марковны. Люба приходила въ отчаяніе. Она уже не сомнѣвалась почти, что Дмитрій Павлычъ забылъ ее. Порой она думала, не боленъ ли онъ? или старалась оправдать его тѣмъ, что у него много дѣла, но когда являлась Цецилія Викентьевна и начинала повѣствовать о разныхъ петербургскихъ новостяхъ, которыя будто бы сообщалъ Надеждѣ Марковиѣ сынъ ея — глубокая тоска снова надрывала сердце Любы.

Внезапная переменна въ чувствахъ Дмитрія Павлыча казалась ей весьма сбыточной вещью. Не было существа въ мірѣ, которое бы меньше цѣнило себя, чѣмъ Люба. И за что, думала она, привязаться къ ней... развѣ за красоту только... Но мало ли въ столицѣ дѣвушекъ и женщинъ лучше ея... Образованія она никакого не получила... Кто бы узналъ, что Дмитрій Павлычъ захочетъ на ней жениться, вѣроятно сказалъ бы, что она ему вовсе не пара... Если между ею и кружкомъ, гдѣ она выросла и жила теперь, существовала, благодаря урокамъ Крапивина и мамзель Янъ, дѣйствительно нѣкоторая разница, то развѣ вѣшняя... небольшая разница... Правда она не употребляла въ разговорѣ такихъ словъ, какъ напримѣръ Сусликовъ, но вѣдь это еще немного... Дмитрій Павлычъ скучалъ въ Мутноводскѣ, ня съ кѣмъ не сходилъ и такъ смѣшно всегда описывалъ мутноводскихъ барышень... Но въ Петербургѣ — тамъ вѣроятно совсѣмъ другое... тамъ онъ найдетъ себѣ общество по сердцу.

Многое въ этомъ родѣ перечувствовала и передумала Люба въ это время... Вскорѣ Надежда Марковна съ своей союзницей Цециліей Викентьевной нанесли ей рѣшительный ударъ.

Дмитрій Павлычъ писалъ къ матери, что порученіе его скоро кончится, и что онъ недѣли черезъ двѣ выѣдетъ изъ Петербурга; Надежда Марковна сильно перетрусилась, получивъ это письмо; но судьба скоро пришла къ ней на выручку. Дмитрій

Павлычъ захворалъ довольно серьёзно. Не получая писемъ отъ Любы, онъ тоже не зналъ чему приписать это молчаніе и сильно хандрилъ. У него не было въ Мутноводскѣ друзей, къ которымъ бы онъ могъ обратиться съ просьбой развѣдать о ней. Никто и не подозрѣвалъ объ его отношеніяхъ къ Любѣ. Она сама столько разъ просила его держать ихъ втайнѣ, боясь, чтобы они не слѣлались извѣстны матери Дмитрія Павлыча. Вскорѣ болѣзнь заставила его на время прекратить переписку и съ семействомъ.

VI

Однажды Цецилія Викентьевна пригласила къ себѣ на чай Авдотью Васильевну съ дочерью. Люба вообще не питала большого расположенія къ акушеркѣ, и ей очень не хотѣлось идти. Къ тому же она предчувствовала, что тамъ непременно будетъ Сусликовъ, который становился для нее день ото дня противнѣе. Никогда еще онъ не заискивалъ такъ сильно въ ея матери, и никогда посѣщенія его не были такъ часты и назойливы. Но Авдотья Васильевна настоятельно требовала, чтобы дочь ея шла, утверждая не безъ основанія, что Цецилія Викентьевна будетъ очень обижена ея отказомъ. Люба наконецъ уступила просьбамъ матери; сердце ея въ тотъ день какъ-то особенно ныло, какъ будто чуя что-то недоброе.

Квартира, гдѣ помѣщалась Цецилія Викентьевна, была вѣскольکو нязка, но очень прилична; мягкая мебель, обитая трипомъ, салфетка мокетъ на столѣ, пестрые довольно дорогіе обои, все какъ слѣдуетъ. Непріятно бросалось только въ глаза въ спальнѣ или *будуарѣ* Цециліи Викентьевны — изобиліе разныхъ такъ называемыхъ бездѣлушекъ, вовсе не изящныхъ и дешевыхъ, какія продаются обыкновенно въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ въ вербную субботу. На столѣ и этажеркѣ стояли напр. подъ стеклянными колпаками восковые купидоны, отдыхающіе въ зелени, толстые и уродливые, какъ говорится карапузики; фаянсовая масляница въ видѣ барашка, съ позлащенными рогами; гипсовые зайчики, поворачивающіе шеями и т. п. дребедень. На стѣнѣ висѣли башмачки вышитые бисеромъ, для часовъ, какая-то картина вышитая шерстью по канвѣ и изображавшая средневѣковую *chateleine*, на лошади и съ соколомъ

на рукѣ, но у которой черты было очень трудно разсмотрѣть — о нихъ напоминали только какіе-то черные и красные крестики, долженствовавшіе вѣроятно изображать губы, носъ и глаза... Не мало также разставлено было повсюду чашекъ съ безграмотными надписями. Всѣ эти вещи были разумѣется, приношеніемъ *добродѣтельныхъ дателей*, говоря словами Ризположенскаго, пациентовъ или друзей, чѣмъ-нибудь одолженныхъ Цециліи Викентьевнѣ.

Когда Авдотья Васильевна съ Любой вошли къ ней, въ гостиной уже сидѣлъ развалился и курилъ сигару Сусликовъ; тутъ же находились и еще какія-то двѣ женщины, изъ мутноводскаго *demi-monde*; одна пожилая въ чепцѣ и пестрой шали, другая среднихъ лѣтъ, не дурная собой, въ бархатной, красноватаго цвѣта кофточкѣ или полкѣ — не знаю, какъ вѣрнѣе назвать, и безъ чепца, но съ длинными булавками въ волосахъ, оканчивавшимися какими-то висюльками изъ поддѣльной бирюзы. Старуха была молчаливаго свойства и больше все куталась въ шаль, какъ будто желая скрыть дурно сшитое платье. Она обращалась къ Цециліи Викентьевнѣ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, какъ къ дамѣ имѣющей доступъ въ высшія сферы мутноводскаго общества. Молодая напротивъ была очень развязна, дѣлала глазки Сусликову, то вертѣлась на своемъ мѣстѣ, то вскакивала и очемъ-то шевталась съ хозяйкой дома, послѣ чего обѣ начинали громко хохотать; а старуха только принужденно улыбалась, какъ-то особенно смѣшно сжимая свои тонкія губы. Хорошенькая круглолицая горничная разносила чай. Лицо Сусликова выражало, что онъ очень доволенъ и собой, и пріятной компаніей, въ которой находился.

— Ахъ! Авдотья Васильевна... Любочка, привѣтствовала входящихъ Цецилія Викентьевна. — Какъ я вамъ благодарна... Я ужъ думала, что вы не придете, и побранила такъ васъ въ душѣ; что это, думаю себѣ, заспѣсивилась моя Авдотья Васильевна...

— Полноте, Христосъ съ вами, Цецилія Викентьевна, возразила Авдотья Васильевна: — чѣмъ спѣсивиться... Мы люди маленькіе, за честь должны почитать, если добрые люди ласкаютъ.

Эта фраза вызвала ироническую улыбку на пухлыя уста молодой гостьи, въ бархатной кофточкѣ; и она, нагнувшись къ старухѣ, сидѣвшей на диванѣ, принялась ей что-то нашептывать.

— Какъ вы въ своемъ здоровьи, Любовь Васильевна, развязно подлетѣвъ къ Любѣ, оевѣдомился Сусликовъ.

Люба молча кивнула ему головой.

— Вы что-то какъ будто не совѣмъ тово... продолжалъ онъ приставать... блѣдны немножечко. Впрочемъ блѣдный цвѣтъ чрезвычайно какъ дѣлаетъ интереснымъ *физиономію*. Блѣдный цвѣтъ — тоски примѣта, сказано въ какой-то книжкѣ не помню.

И Сусликовъ, говоря это, глупо ухмылялся и вертѣлъ цѣпочкой. Люба покраснѣлась и пристально на него посмотрѣла... Ужь не знаетъ ли онъ... пришло ей въ голову. Всѣ разсѣлись по мѣстамъ; началось угощеніе чаемъ. Гостя въ бархатной кофточкѣ осматрѣла Любу съ ногъ до головы.

— Изволили слышать, Цецилія Викентьевна, произнесъ Сусликовъ, сюда актеры прѣхали; въ манежѣ тѣатръ будутъ представлять...

— Слышала, слышала. Мнѣ нынче вице-губернаторша сказывала... Поутру лошади за мной прислали отъ нихъ... Вѣдь она скоро приращенія къ семейству ждетъ.

— И отиѣнные актеры—съ. Они въ Рыбинскѣ представляли—съ, такъ я видѣлъ. И траедіи и водевильчики все какъ есть играютъ.

— Я не люблю на эти водевили смотрѣть, сказала Цецилія Викентьевна — Я больше отдаю предпочтенія трогательнымъ пьесамъ. Вотъ еще я въ Варшавѣ въ балетъ тоже часто ѣздила. Это восхищеніе, что такое.

— Ну итъ—съ, я хоть и не видалъ этихъ балетовъ, а должно быть они не такъ заняты, потому тамъ вичего не говорятъ, а только танцуютъ...

— Но декорации — вы себѣ вообразить не можете... это рай, совершенный рай... вы переноситесь изъ здѣшняго міра... А какія танцовки тамъ — вотъ бы вы посмотрѣли...

Сусликовъ осклабился...

— Хорошенькія значить—съ?

— Очаровательныя... вы бы непременно влюбились, не смотря на свою солидность. (Это словечко о солидности Сусликова Цецилія Викентьевна ввернула вѣроятно для того, чтобы Люба не считала его за вѣтренаго человѣка).

— А можетъ быть сердце мусье Сусликова уже занято, произнесла не безъ язвительности гостя въ кофточкѣ.

Въ эту минуту дверь въ гостиную отворилась и вошла Надежда Марковна... Явленіе ея казалось поразило неожиданностью Цецилію Викентьевну... она даже вдругъ не узнала вошедшей; и уже взглянувъ въ черты ея, быстро вскочила съ дивана и бросилась ей на встрѣчу.

— Боже мой! воскликнула она, какой неожиданный сюрпризъ! Вотъ ужъ настоящій сюрпризъ... можно сказать... Какими судьбами вздумали ко мнѣ вернуться, глубоко уважаемая Надежда Марковна!

У Любы при видѣ Надежды Марковны замерло сердце... она съ жаднымъ любопытствомъ впилась въ нее взоромъ. И страшно ей было чего-то, сама она не знала чего, и между тѣмъ не могла спустить глазъ съ Надежды Марковны... Люба походила на птичку, которую невольно тянегъ къ змѣѣ.

Надежда Марковна раскланялась вѣжливо съ гостями, которые всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ при ея приходѣ. Она какъ-то бокомъ взглянула на Любу и успѣла замѣтить устремленный на нее неподвижный взглядъ дѣвушки ..

— Кажется я разстроила вашу бесѣду, произнесла улыбаясь привѣтливо Надежда Марковна, и прежде чѣмъ Цецилія Викентьевна успѣла возразить ей, продолжала: — ужъ извините, душа моя! Не могла удержаться, чтобъ не заѣхать — сообщить вамъ свою радость... мимо ѣхала... у губернаторши была...

— Радость! Ахъ, дай вамъ Богъ, глубокоуважаемая Надежда Марковна, чувствительно вымолвила Цецилія Викентьевна, — но чтожъ такое?

— Отъ Мити моего извѣстія получила... Люба вздрогнула при этомъ имени... Часто-часто застучало вдругъ ея сердце.

— Отъ Дмитрія Павлыча! продолжала съ пафосомъ восклицать Цецилія Викентьевна... Ахъ, Боже мой! Что же, вѣрно будетъ скоро назадъ?

— Это бы конечно была радость... но вы не угадали... радость еще бѣльшая. Вообразите, мой ангелъ, что вѣдь онъ жеманится!

Люба побѣзѣла какъ листъ бумаги; но старалась увѣрить себя, что она ослышалась.

— Ахъ! могла только воскликнуть Цецилія Викентьевна, всплеснувъ руками, и переглянувшись съ матерью Любы, постаралась притвориться сконфуженной...

Авдотья Васильевна незамѣтно пробралась къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Люба... Она боялась, чтобы чего-нибудь не приключилось съ дочерью, и также отчасти, чтобы она не сдѣлала какой-нибудь необдуманной выходки.

— Женится, женится, громко повторяла Надежда Марковна... И представьте себѣ, какую партію дѣлаетъ... ужь подлинно никто какъ Богъ! Думала ли я о такомъ счастьѣ, отпуская его.

— На комъ же это, Надежда Марковна?

— На дочери одного генерала, который ему и мѣсто другое выхлопоталъ. Сегодня ужь пришла къ губернатору бумага объ его переводѣ... Такое-то право счастье Господь посылаетъ. Ужь я даже всплакнула отъ радости.

И Надежда Марковна полѣзла въ карманъ за платкомъ, вѣроятно снова намѣреваясь всплакнуть.

Въ продолженіе этого разговора Надежда Марковна и Цецилія Векентьевна стояли посреди гостиной. Около нихъ сгруппировались другіе гости... Люба схватила мать за руку и быстро чуть слышно произнесла...

— Уйдемъ, маменька, мнѣ не хорошо.

Потомъ она незамѣтно скользнула въ боковую комнату, откуда была дверь въ коридоръ, кончавшійся выходомъ въ сѣни, и увлекла за собою Авдотью Васильевну. Но онѣ еще успѣли разслышать слова Надежды Марковны:

— И какъ влюбленъ въ свою невѣсту... Пишетъ, слава Богу маменька, что я уѣхалъ изъ Мутноводска... я тамъ со скуки на всякую глупость готовъ былъ рѣшиться...

Но нужно ли объяснять, что вся эта сцена была заранѣе придумана Цециліей Векентьевной и Надеждой Марковной. Онѣ рассчитывали на болѣзнь Дмитрія Павлыча и на то, что порученіе его еще не скоро кончится, и надѣялись въ его отсутствіи обвинять Любу съ Сусликовымъ.

Надежда Марковна посидѣла еще нѣсколько времени у акушерки и успѣла обворожить все общество своей простотой и любезностью. Сусликовъ весьма былъ удивленъ, узнавъ, что Люба съ матерью исчезли.

Люба не помнила, какъ она и дошла до дому. Ни она, ни мать во всю дорогу не сказали слова. Авдотѣ Васильевнѣ было жаль дочери, и хотя она думала про себя: вотъ оно и вышло по моему, вѣдь вотъ я говорила, что такъ будетъ, но однакоже

не рѣшилась произнести этихъ словъ, чувствуя, что они были бы жестоки въ эту минуту и только растравили бы горе Любы... Старуха, какъ существо простое и неразвитое, не всегда отличалась деликатностью, но на этотъ разъ материнская любовь подсказала ей то, чего не могло подсказать образованіе.

Придя домой, Люба заперлась въ своей тѣсной комнаткѣ, выходявшей окнами въ садъ, и Авдотья Васильевна часто подходила къ дверямъ и прикладывала ухо... Все было тамъ тихо. И въ самомъ дѣлѣ Люба не плакала... Но всю ночь на пролетѣ просидѣла она на кровати, не раздѣваясь, недвижно вперивъ глаза въ одну точку и опершись горѣвшей головой на ладонь. Она не пожелала бы и злѣйшему врагу, еслибъ онъ былъ у ней, пережить тѣхъ минутъ, которыя выпали ей на долю въ эту долгую, темную ночь... Ей казалось, что раскаленный желѣзный обручъ стиснулъ ея голову и давить, давить ее, какъ бы для того, чтобы вытѣснить изъ нея мозгъ.

VII

Три дня Люба почти не выходила изъ своей комнаты и отказывалась отъ всякой пищи. Насилу, насилу мать, у которой глядя на нее наболѣло сердце, могла ее заставить хлебнуть вѣсколко глотковъ чаю. Наконецъ эта страшная тоска разрѣшилась долгимъ, неудержимымъ рыданьемъ. Слезы какъ будто облегчили Любу. По крайней мѣрѣ окружавшимъ казалось, что она поуспокоилась, хотя лицо ее было мертвенно блѣдно и щеки осунулись. Дѣйствительно она стала ко всему равнодушной. Но не дай Богъ никому извѣдать этого тупого равнодушія отчаянія. Бѣдная махнула рукой на судьбу свою и съ этой минуты считала расчеты свои съ жизнью окончательными. Она могла ходить, разговаривать, ѣсть, работать... но не жить.

Послѣ предварительнаго совѣщанія съ Цециліей Викентьевной и нѣкоторыхъ колебаній, Авдотья Васильевна рѣшилась наконецъ заговорить съ дочерью о Сусликовѣ, который сдѣлалъ формальное предложеніе; минута показалась ему удобной; по врожденному тупоумію, онъ рѣшительно не могъ понять всей безчеловѣчности своей въ отношеніи къ Любѣ.

Не безъ страха приступила Авдотья Васильевна къ разговору

съ дочерью. Сначала она повела рѣчь о совершенно постороннихъ предметахъ; замѣтила, что нынче мужскія рубашки стали дѣлать какимъ-то мудренымъ фасономъ, такъ что трудно потрафить, потомъ перешла къ дороговизнѣ свѣчъ и упомянула, что нынче какія-то новыя выдумали свѣчи, розовыя и зеленыя, прозрачныя такія и очень дорогія... она сама ихъ въ одной лавкѣ видѣла. Наконецъ ужъ собравшись съ духомъ произнесла:

— Никаноръ Андреичъ сватается къ тебѣ, Любаша... что ему о твѣчать-то... я ужъ и не знаю, какъ ты посудишь.

Авдотья Васильевна сказала да и испугалась. Вотъ, думала она, сейчасъ заплачетъ Люба и уйдетъ въ свою комнату и опять на три дня запрется...

Представьте же себѣ ея удивленіе, когда Люба весьма хладнокровно отвѣчала:

— Что хотите, маменька, мнѣ все равно.

Авдотья Васильевна пристально на нее посмотрѣла. Черты ея оставались неподвижны. Ничего нельзя было прочесть на нихъ.

Ободренная Авдотья Васильевна пустилась развивать свою любимую тему о немощности и беспомощности, о дѣтяхъ, которыхъ хорошо бы пристроить.

Люба выслушала все не шевельнувшись, не мигнувъ глазомъ, и когда старушка кончила, сказала:

— Дѣлайте какъ хотите, маменька. Я на все согласна.

Авдотья Васильевна была такъ обрадована этимъ отвѣтомъ, что подойдя къ дочери, стала гладить ее по головкѣ и цѣловать нѣжно.

— Сама, Любушка, послѣ довольна останешься, толковала она... Онъ мужъ хорошій будетъ, и жить будемъ спокойно, въ достаткѣ. Богъ тебя не оставитъ, за то что ты матери-старухи слушаешь... за покорность твою не оставитъ...

Услышавъ отъ Авдотьи Васильевны, что все улажено, Цецилія Викентьевна бросилась къ Надеждѣ Марковнѣ сообщить ей пріятную новость. Надежда Марковна пришла въ радость неописанную и подарила акушеркѣ кусокъ богатой матеріи на платье, который сама тоже получила отъ кого-то въ презентъ, и долго берегла въ сундукъ для какого-нибудь экстреннаго случая. Сусликовъ тоже осчастливилъ Цецилію Викентьевну... онъ привезъ ей дорогой браслетъ, въ двѣсти цѣлковыхъ.

Всѣ были очень довольны. Женихъ и Цецилія Викентьевна стали торопить свадьбой, потому что Сусликову необходимо было ѣхать въ деревню, куда ожидали прибытія самаго владѣльца, графа N.

Приданое справилъ Сусликовъ на свой счетъ... онъ сорилъ деньгами, и всѣ портнихи и швеи были подняты на ноги. Хотя всего было сдѣлано довольно, по онъ извинялся, что мало, отговариваясь недостаткомъ времени. По пріѣздѣ на мѣсто онъ общалъ еще не такіе сюрпризы.

Въ этихъ хлопотахъ, онъ имѣлъ мало времени любезничать съ невѣстой, чему та была разумѣется очень рада. Но она не отворачивалась отъ него какъ прежде, не смѣялась надъ нимъ, а была совершенно равнодушна къ его нѣжностямъ... Казалось она потеряла всякую способность что либо чувствовать...

Незадолго до свадьбы, въ одинъ осенній сыренькій, но не холодный день, Люба вышла въ садъ... Каждое мѣсто напоминало ей о какомъ-нибудь разговорѣ съ Дмитріемъ Павлычемъ, о какой-нибудь дорогой сердцу минутѣ... И ей стало невыносимо тяжело. Все кругомъ смотрѣло такъ грустно... дорожки были усыпаны желтыми листьями, которые не переставали падать. Нѣсколько листьевъ упало на Любу, пока она ходила по саду. По небу шибко, шибко бѣжали сѣрые, мутныя, грязноватыя облака, какъ будто свѣша куда-то, гдѣ имъ привольнѣй и лучше; солнце, которое уже мало грѣло, то проглядывало, то опять пряталось... Изрѣдка капля упала на жолтый песокъ дорожки... дождь казался не рѣшался, идти ему или нѣтъ... двѣ вороны сидѣли на заборѣ, безсмысленно смотря передъ собой. Вѣтеръ упыло шумѣлъ полуобнажопными вѣтвями деревьевъ, и гвалтъ по дорожкамъ какую-то сухую былинку... Люба обошла садъ, по временамъ останавливаясь и прислушиваясь къ завывавью вѣтра... Когда она воротилась въ комнату, на глаза ей попала книга, валявшаяся на окнѣ и запыленная... Она машинально взяла ее и раскрыла... Это были стихи, которые часто читывала она вмѣстѣ съ Дмитріемъ Павлычемъ.

Она взглянула на раскрывшуюся страницу и прочла:

Облакомъ волнистымъ
 Пыль встаетъ вдали,
 Конный или пѣшій,
 Не видать — въ пыли.

Вижу кто-то скачетъ
 На лихомъ конѣ;
 Другъ мой... другъ далекий —
 Вспомни обо мнѣ!

Сердце ея болѣзненно сжалось, и съ глазами, полными слезъ, она повторила невольно:

Другъ мой... другъ далекий,
 Вспомни обо мнѣ!

Нѣсколько дней спустя Надежда Марковна въ письмѣ своемъ къ сыну, сообщая о разныхъ мутноводскихъ новостяхъ, упомянула между прочимъ, что извѣстная ему Цецилія Викентьевна купила себѣ прехорошенькій домикъ, съ садомъ, принадлежавшій какой-то мѣщанкѣ Хрусталевой, которая недавно выдала замужъ дочь свою за управляющаго имѣньями графа N, куда по этому и отправилась со всѣмъ семействомъ.

Новость эта была совершенно справедлива; домикъ Авдотьи Васильевны, благодаря щедротамъ Сусликова, перешолъ къ акушеркѣ, устроившей его женитьбу.

VIII

Устроивши столь важное дѣло, Надежда Марковна принялась за другое... Надо было женить Левинскаго на Аннѣ Павловнѣ. Ободренная первымъ успѣхомъ, почтенная дама не унывала и продолжала дѣйствовать съ изумительнымъ апломбомъ. И въ этомъ случаѣ союзницей ея явилась Цецилія Викентьевна, которой, при благополучномъ окончаніи дѣла, были обѣщаны золотые часы и пролетка съ лошадыю.

Левинскій не отличался особеннымъ умомъ, но имѣлъ очень доброе сердце и былъ ужасно влюбчивъ. Не оставалось въ Мутноводскѣ ни одной молоденькой барыни или барышни, къ которой бы онъ, хоть мѣсяць, хоть недѣлю, не питалъ нѣжливѣйшей склонности, и если не всегда волокитство его увѣнчивалось успѣхомъ, то это скорѣй можно было отнести къ его неопытности, чѣмъ къ строгимъ нравамъ мутноводскихъ обитательницъ; притомъ же онъ предпочитали военныхъ и рослыхъ, а онъ былъ штатскій и довольно мизерной паружности. Увлечъ его почти ничего не стоило... И надо было видѣть, съ какой неподражаемой

навностью онъ, во время сближенія съ своими кумирчиками (въ которыхъ всегда умѣлъ отыскать какія-то небывалыя совершенства), проповѣдывалъ имъ разныя гуманныя современныя идеи и читалъ въ слухъ повѣсти русскихъ беллетристовъ... Какъ глубоко былъ убѣжденъ, бѣдняжка, что его не только слушаютъ, но что ему сочувствуютъ... а между тѣмъ иная барынька или дремала подъ его восторженное чтеніе, сбивавшееся на декламацию, или думала въ это время, какое она завтра надѣнетъ платье на балъ, и чтобы такое попріятнѣе сказать губернаторшѣ, когда та подойдетъ къ ней... Разочаровавшись въ одной, Левинской обращался немедленно къ другой. Когда же и другая предпочитала его какому-нибудь заѣзжему адъютанту, онъ, погоревавъ два-три дня, увлекался третьей и т. д. Безъ сердечныхъ слабостей онъ жить рѣшительно не могъ. Последней его страстью была Катерина Васильевна Гребцова, отбившая его у Анны Павловны, которая хотя никому не предпочла его, но оттолкнула отъ себя язвительными насмѣшками надъ его энтузиазмомъ. Катерина Васильевна была очень мила; ея вздернутый носикъ, круглый подбородокъ, слегка покрытый пухомъ молодости и уподоблявшійся персику; ея томные каріе глазки — могли дѣйствительно нравиться. Что-то чрезвычайно пикантное было во всей ея маленькой фигуркѣ. О ней ходили въ Мутноводскѣ слухи, что она не отличалась особенной неприступностью, и хотя дорожила мнѣніемъ общества, но не всегда умѣла скрыть свои грѣшки... Это говорили про нее барыни, и преимущественно тѣ, которыя обладали противоположнымъ свойствомъ, то есть очень легко скрывали все, чего имъ не хотѣлось обнаруживать. Мушкетеры же были почти всѣ у ногъ Катерины Васильевны. Супругъ ея... Но о немъ рѣшительно нечего сказать, кромѣ того развѣ, что онъ часто и надолго уѣзжалъ въ деревню, гдѣ занимался устройствомъ мыловареннаго завода, и что онъ вовсе не былъ ревнивъ.

Дѣла Левинскаго у Катерины Васильевны подвигались впередъ... Онъ почти былъ увѣренъ, что его любятъ, и энергически защищалъ предметъ своей страсти отъ всѣхъ нападокъ и обвиненій въ вѣтренности, хотя въ душѣ и побаивался, чтобы его не бросили...

Случилось однажды, что Катерина Васильевна, страдавшая по временамъ мигренью, не приняла своего обожателя. Онъ при-

писалъ это ея капризу, потому что наканунѣ произошла между ними маленькая, совершенно ничтожная размолвка. Вслѣдъ за тѣмъ у одного изъ губернскихъ аристократовъ, а именно у господина Раскатова, имѣвшаго трехъ дочерей — Китти, Нелли и Женни (на одной изъ нихъ Надежда Марковна хотѣла женить сына), былъ балъ... На балѣ появился прїѣзжій, нѣкто Панкратьевъ, петербургскій чиновникъ, изъ правовѣдовъ. Онъ былъ лицомъ не совсѣмъ чуждымъ въ Мутноводскѣ. Его отецъ принадлежалъ къ числу мутноводскихъ помѣщиковъ и постоянно проживалъ у себя въ деревнѣ, въ губернской же городѣ ѣздилъ только на выборы. Молодой Панкратьевъ провелъ дѣтство въ Мутноводскѣ и каждый годъ прїѣзжалъ туда въ отпускъ для свиданья съ отцомъ. Раскатову онъ тоже приходился сродни. Съ Катериной Васильевной Гребцовой онъ состоялъ въ самыхъ дружескихъ отношенїяхъ. Они росли вмѣстѣ; ихъ отцы были сосѣдями по деревнямъ. Встрѣтивъ ее теперь на балѣ, онъ исключительно занялся ею... Она же на этотъ разъ была удивительно интересна, къ ней необыкновенно шла и куафюрка изъ пунцовыхъ цвѣтовъ съ колосьями, и палевое платье. По врожденному ли кокетству, или изъ желанїя побѣсить Левинскаго, который дулся какъ мышь на крупу на Катерину Васильевну, только она въ свой чередъ дѣлала все, что отъ нея зависѣло, чтобы понравиться юному бюрократу. Онъ былъ красивъ, имѣлъ самоуверенную походку и свысока посматривалъ не только на провинцію, но и на всю вселенную. Катерина Васильевна кокетничала съ нимъ до невѣроятности. То и дѣло выбирала его въ мазуркѣ, снимала съ руки и давала разсматривать свои браслеты, бросила невзначай, въ разговорѣ, очень лестные для него намеки, и наконецъ даже подарила ему лучшій цвѣтокъ изъ своего букета. Левинскій совсѣмъ упалъ духомъ. Надежда Марковна и Цецилія Викентьевна, находившіяся также въ числѣ присутствующихъ, все это очень хорошо замѣтили, переглянулись и поняли другъ друга. У Надежды Марковны немедленно сложился въ головѣ планъ дѣйствїя. Цецилія Викентьевна тутъ же начала всячески заискивать въ М-ше Гребцовой, говорила ей комплименты, направляла куафюрку, жала руки, томно взглядывала на нее и употребляла всѣ усилїя, чтобы быть замѣченной Панкратьевымъ. И она добилась этого. Панкратьевъ освѣдомился о ней у Катерины Васильевны и получилъ отвѣтъ, что это прекрасная; пре-

обязательная женщина, которой услуги часто бывают очень полезны. Панкратьевъ намоталъ эти слова на усть, хотя Катерина Васильевна имѣла въ виду, говоря ихъ, единственно профессію Цециліи Викентьевны.

Впоследствии Панкратьевъ почти всюду встрѣчалъ акушерку и познакомился съ ней ближе. Левинскій между тѣмъ страшно ревновалъ Катерину Васильевну къ Панкратьеву, хотя и примирился съ ней и однажды даже услышалъ изъ усть ея, что любитъ ея. Онъ дѣйствительно правился ей гораздо больше Панкратьева.

Въ одинъ прекрасный день, какъ говорится обыкновенно въ новѣстьяхъ, Цецилія Викентьевна при Панкратьевѣ попросила Катерину Васильевну ошастливить ее своимъ посѣщеніемъ... Она обѣщалась быть. Панкратьевъ, искавшій всюду случая съ ней встрѣтиться, услышавъ это, обратился къ Цециліи Викентьевнѣ съ вопросомъ :

— Вы меня не прогоните, если я тоже приду ?

Въ тонѣ, какимъ были сказаны эти слова, ясно слышалось : ты, голубушка, должна почитать за честь, что къ тебѣ придетъ такой гость какъ я. Цецилія Викентьевна была разумѣется въ восхищеніи.

Въ тотъ же самый день Левинскій получалъ анонимное письмо такого содержанія :

« Васъ обманываютъ. Завтра вечеромъ у Гребцовой съ Панкратьевымъ рандеву, въ домѣ акушерки. »

Съ лихорадочнымъ трепетомъ ждалъ этого вечера Левинскій, въ душѣ котораго сильнѣй чѣмъ когда либо вспыхнула ревность, не смотря на всѣ увѣренія Катерины Васильевны въ искренней привязанности. Наконецъ насталъ роковой день. Едва стало смеркаться, какъ Левинскій направился въ улицу, гдѣ жила Цецилія Викентьевна. Онъ вошелъ на дворъ небольшого домика, стоявшаго противъ дома акушерки, и спрятался за калиткой, уткнувъ носъ въ воротникъ пальто и нахлобучивъ на глаза шапку... Долго ждалъ онъ; каждый стукъ экипажа заставлялъ его вздрагивать... Наконецъ чья-то пролетка остановилась у крыльца Цециліи Викентьевны. Съ пролетки слезла дама. По шляпкѣ и бурнуеу Левинскій узналъ Гребцову. Она вошла и отпустила экипажъ. Еще полчаса прождалъ онъ за калиткой, дѣлая видъ при каждомъ появленіи посторонняго лица на дворъ,

что онъ кого-то ищетъ. Его спрашивали, кого надо? Онъ называлъ фамилію сосѣдняго домовладѣльца... Ему отвѣчали — рядомъ, и онъ какъ будто уходилъ, но потомъ опять возвращался къ своему посту. Черезъ полчаса показался Панкратьевъ. Онъ пришолъ пѣшкомъ, позвонилъ у дверей Цециліи Викентьевны и былъ впущенъ.

Левинскій пришолъ сначала въ ярость; но потомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, — сталъ сомнѣваться въ справедливости своихъ догадокъ и искать въ умѣ своемъ оправданій Катеринѣ Васильевнѣ... Развѣ она не могла просто пріѣхать, безъ всякаго рандеву, думалъ онъ, — это ея враги выдумали. Да чего же лучше, мелькнуло въ головѣ его, пойду-ка я самъ туда, какъ будто нечаянно зашолъ, мимоходомъ. Сказано, сдѣлано. Онъ позвонилъ, явилась горничная и сказала, что нѣту дома. Ломиться въ домъ насильно было бы глупо и непристойно. Левинскій ушолъ, взволнованный до глубины души и проклиная лицемѣрку, еще вчера увѣрившую его, что у ней нѣтъ лучшаго друга, какъ онъ.

Катерина Васильевна разговаривала съ Панкратьевымъ, когда раздался звонокъ. Она ждала чьего-нибудь появленія; но видя, что никто не входитъ въ комнату, спросила:

— Кто же это звонилъ?..

— Приходили отъ одной женщины просить, чтобы я завтра утромъ пришла, отвѣчала акушерка.

Съ этого вечера Левинскій не только прекратилъ посѣщенія къ Катеринѣ Васильевнѣ, не знавшей, чѣмъ объяснить его отсутствіе, и написавшей ему двѣ записки, которыя остались безъ отвѣта; но даже вскорѣ на одномъ вечерѣ обошелся съ ней такъ холодно и сухо, что она съ горя уѣхала домой до ужина. За то Анна Павловна воспользовалась этой ссорой и совсѣмъ, что называется, обошла Левинскаго. Она тоже умѣла нравиться, когда хотѣла.

Она прикинулась задумчивой, огорченной его долгимъ отсутствіемъ, и сказала ему:

— Я знаю, что заставило васъ отшатнуться отъ меня...

Левинскій думалъ, что она будетъ говорить о его привязанности къ Катеринѣ Васильевнѣ, и покраснѣлъ какъ клюква.

— Помните... вы читали мнѣ романъ Тургенева... Я высказала нѣкоторыя мысли, заставившія васъ думать, что у меня нѣтъ сердца, что я черствоое существо, не умѣющее понимать прекра-

сваго, не сочувствующая энтузіазму... Вы могли это предположить, потомучто вамъ неизвѣстно, какая была причина...

Анна Павловна остановилась на мгновение и оглянулась вокругъ себя, не слушаетъ ли ихъ кто. Но никого не было. Надежда Марковна сидѣла за копѣчнымъ ералашемъ.

— Еслибъ вы только знали!.. не вѣрьте... не вѣрьте этимъ словамъ... татап была въ другой комнатѣ... Я не могла говорить иначе... мнѣ и то часто достается за *восторженность*, за *экзальтацию*, и она иронически улыбнулась. — Мое положеніе незавидно, ш-г Левинскій!

Добрѣйшій Левинскій былъ глубоко тронутъ этимъ признаніемъ и тогда же рѣшился извлечь бѣдную дѣвушку изъ ея грустнаго положенія...

Онъ уѣхалъ домой влюбленный, и внутренно радовался, что отыскать Катеринѣ Васильевнѣ, покажетъ ей, что сердце его никогда слишкомъ сильно и не было занято этой хитрой женщиной...

Относительно анонима онъ долго ломалъ себѣ голову, при думывая, кто бы это могъ быть... и наконецъ рѣшилъ, что это Женни Раскатова, которая была уже не первой молодости, ненавидѣла Гребцову и, давно высматривая себѣ жениховъ, постоянно кидала на него огненные взгляды.

Обочлась въ расчетѣ, душа моя, сказалъ онъ себѣ... думала, что я женюсь на тебѣ, какъ же!..

Спустя двѣ недѣли онъ былъ объявленъ женихомъ Анны Павловны, а вскорѣ послѣ помолвки Надежда Марковна получила неожиданную и горестную вѣсть... ея сынъ умеръ въ Петербургѣ.

Дмитрій Павлычъ схватилъ тамъ простуду, перешедшую въ горячку, — но не писалъ о ней матери, чтобы не испугать ея. Онъ уже началъ поправляться и собирался тотчасъ по выздоровленіи ѣхать въ Мутноводскъ... Порученіе его кончилось; дѣла шли хорошо. Родственникъ доставилъ ему мѣсто, и мутноводскому губернатору уже была послана бумага о его переводѣ. Его сильно тревожило только молчаніе Любы... Онъ то приписывалъ его болѣзни, то думалъ — ужъ не хочетъ ли Люба испытать его вѣрность... При ея образѣ мыслей и мечтательности, онъ считалъ это возможнымъ. Какъ вдругъ письмо матери, гдѣ мимоходомъ, совершенно повидимому безъ умысла, былъ нанесенъ ему страш-

ный ударъ , разрушительно подѣйствовало на его организмъ , не успѣвшій еще вполне возстановиться послѣ тяжкаго недуга . У него сдѣлался рецедивъ... и онъ вскорѣ умеръ .

Надежду Марковну совѣсть ошеломила такая вѣсть... Она металась во всѣ стороны и рвала на себѣ волосы... но однакоже не считала себя причиной смерти сына... Она плохо вѣрила , чтобы отъ горести умирали гдѣ-нибудь кромѣ романовъ . Совѣсть не упрекала ея также и въ поступкѣ съ Любой... Она оправдывала его въ глазахъ своихъ материнской любовью...

Свадьба была отложена на нѣкоторое время , по случаю траура , но однакоже мѣсяца черезъ три совершилась , и весьма блистательно . Губернаторша была посаженой матерью Анны Павловны , а какой-то заѣзжій камеръ-юнкеръ держалъ надъ ней вѣнецъ...

— Вотъ Богъ-то и наградилъ Надежду Марковну , говорила одна мутноводская дама своей знакомой , выходя изъ церкви послѣ вѣнчанья : — это за то , что она съ примѣрной твердостью переносила всѣ испытанія , ниспосланныя ей въ жизни .

— Именно Богъ , отвѣчала та : — ужь чего она , моя голубушка , не вытерпѣла ! и нужду-то... и мужъ-то былъ подъ судомъ... ну , и наконецъ такой неожиданный ударъ — какъ смерть сына !.. Воля ваша , это хоть кого сломить .

— А ея не сломило ! Все съ покорностью перенесла ! вмѣшалась третья барыня . .

— Истинно достойная дама , замѣтилъ знакомый намъ почтмейстеръ...

— Прекрасная , во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная дама , отозвались многие...

Надежда Марковна до сихъ поръ здравствуетъ , жена и теща совѣсть забрали въ руки бѣднаго Левинскаго , который сдѣлался страшнымъ ипохондрикомъ .

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

Москва.
Мартъ 1861 г.

БОЛЬШОЙ

Къ болѣзни онъ привыкъ. Просияживая дни,
Онъ думалъ и мечталъ... «Теперь тамъ шумно, жарко!
«Хлопочуть, бѣгаютъ, торопятся они...
«Какъ это солнышко невыносимо-ярко!
«Здѣсь въ полусумракѣ за рамою двойной
«Въ тѣнистой комнатѣ покойно и уютно...»
И ужъ не плакалъ онъ, когда ему порой
Былое, бурное припоминалось смутно...

Привыкъ онъ жить одинъ. Давно ужъ онъ забылъ,
Что есть иная жизнь волненій и страданій;
Въ уединеніи онъ такъ ихъ полюбилъ —
Картинны пестрыя болѣзненныхъ мечтаній!
Какъ злобно онъ вздрогнетъ, когда ему теперь,
Вдругъ свѣжимъ воздухомъ пахнувъ въ лицо больное,
Тривога шумная въ растворенную дверь
Разкажетъ радостно про новое, живое!

О. БЕРГЪ

НАДЪ ГРОБОМЪ

Не можетъ быть, чтобъ этотъ трупъ
Былъ все... Не можетъ быть : иначе
Юдольный рокъ нашъ былъ бы грубъ
И жизнь не стоила задачи...

Пусть *все* не вѣчно на землѣ ;
Но *это все*, что духомъ жило, —
Къ нему у трупа на челѣ
Печать безсмертье приложило.

Усоншій ! Я твой бранный лобъ
Лобзаю съ вѣрой, что когда-то,
Какъ братъ, ты самъ мнѣ вскрыешь гробъ
И воскресишь лобзаньемъ брата !

Л. МЕЙ

24 октября 1859 г.

МЕРИ БАРТОНЪ

НОВЕЛЛА О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА VI

- Кабы зналъ сосѣдь богатый,
Каково мнѣ жить,
Каково съ нуждой проклятой
Биться да тужить!

Ахъ, не знаетъ онъ заботы
Бѣгать по домамъ,
Да искать себѣ работы
Съ горемъ пополамъ.

Никогда больной, голодный
Онъ не шолъ домой,
Въ свой подвалъ, пустой, холодный,
Темный и сырой,

Гдѣ малютка изнываетъ
И въ бреду, во снѣ,
Такъ напрасно повторяетъ:
- Тятя! хлѣба мнѣ.... -

(Манчестерская пѣсн.)

Джонъ Бартонъ не многимъ ошибся, предполагая, что фабрикантъ Карсонсъ не будетъ слишкомъ горевать о послѣдствіяхъ пожара. Заводъ былъ застрахованъ, а машины значительно устарѣли и дѣйствовали уже плохо, въ сравненіи съ новыми, усовершенствованными машинами. Сверхъ того торговля шла какъ-то вяло, бумажныя матеріи не сходили съ рукъ и огромными тюками лежали въ складочныхъ магазинахъ. Фабрика шла только такъ, по легоньку, чтобы держать механизмъ въ готовности на случай благопріят-

ной переменны обстоятельствъ. А потому гг. Карсонсъ полагали, что имъ представился только отличный случай поставить фабрику въ лучшемъ видѣ, на что страховыя деньги давали имъ достаточныя средства. Впрочемъ они ни мало не спѣшили приводить эти планы въ исполненіе: Приказали только прекратить выдачу еженедѣльнаго жалованья рабочимъ. Сами же участники фирмы обрадовались свободному времени, которымъ уже давно не пользовались, и общались жонамъ и дочерямъ своимъ предпринять самыя пріятныя прогулки и поѣздки, какъ только погода исправится.

Какъ пріятно засиживаться за завтракомъ, читая газету или какое-нибудь «Обозрѣніе»; какъ пріятно познакомиться поближе съ хорошенькими и талантливыми дочерьми, на воспитаніе которыхъ потрачено множество денегъ, но узнать ихъ короче до сихъ поръ рѣшительно было некогда, такъ какъ отцы цѣлый день проводили между счетныхъ книгъ и миткалей. Настали и для нихъ счастливыя семейныя вечера, потому что наконецъ эти дѣловые люди могли позволить себѣ предаться домашнимъ радостямъ.

Теперь перевернемъ картину. Были семейства, въ которыя пожаръ карсонской фабрики принесъ полнѣйшую нищету и уныніе; семейства, тщетно искавшія работы, жаждавшія труда, какъ спасенія, и проклинавшія свое бездѣйствіе, какъ гибель. Тутъ вмѣсто домашней музыки раздавались рыданія и голодные стоны; недѣли шли за недѣлями, работы все не было, слѣдовательно не было и заработковъ, не было и насущнаго хлѣба, о которомъ кричали неразумныя дѣти, со всею силою своихъ ребячьихъ желудковъ, не понимая необходимости терпѣть. Не надъ чѣмъ было засиживаться за завтракомъ; старались подольше залеживаться на жесткихъ постеляхъ, чтобы какъ-нибудь лохмотьями пригрѣть свое тѣло отъ рѣзкой мартовской стужи и лишнимъ движеніемъ не возбудить въ себѣ притихшей змѣи — голода. Остальныя копейки, на которыя еще можно бы кѹпить сколько-нибудь крупъ или картофеля, шли на покупку опиума, чтобы утомонить малютокъ и подольше продержатъ ихъ въ тяжоломъ, безпокойномъ, но все же безсознательномъ снѣ. И то еще хорошо! Тогда-то все истинно злое и истинно доброе, что обыкновенно кроется въ человѣкѣ втихомолку, проявилось въ этихъ людяхъ наружу и рѣзко выразилось въ ежедневныхъ отношеніяхъ. Отцы приходили въ горькое отчаяніе; матери становились жестки и бранчивы (о Боже мой, что же удивительнаго!); дѣти были капризны и упрямы. Тѣснѣйшія и самыя естественныя узы

ослабли и разрывались въ эту годину бѣдствій и испытаній. Съ другой стороны пробуждалась святая вѣра, такая твердая и восторженная, какой не знаетъ на землѣ богачъ; пробуждалась во всей силѣ любовь, «переживающая смерть», по словамъ Писанія; а самоотверженіе въ иныхъ грубыхъ, неразвитыхъ натурахъ доходило до самыхъ умиленныхъ порывовъ. Намъ нерѣдко изумляютъ и возмущаютъ пороки, которые находимъ мы въ этомъ классѣ людей; но въ тотъ день, когда разоблачатся тайны всѣхъ сердецъ, добродѣтели ихъ изумятъ насъ еще болѣе. Въ этомъ я убѣждена.

Пришла холодная, угрюмая весна, весна только по названію, торговля шла все также вяло, другія фабрики стали сокращать рабочіе часы, распускали рабочія руки и наконецъ вовсе остановили машины.

Бартонъ еще работалъ гдѣ-то по немного; Вильсонъ, числившійся прежде на заводѣ Карсона, совсѣмъ былъ безъ работы. Но сынъ его, добрый работникъ на механическомъ заводѣ, получалъ достаточную плату, чтобы содержать все семейство. Вильсонъ мучился впрочемъ мыслью, что онъ въ тягость сыну, онъ былъ печаленъ и упалъ духомъ. Бартонъ угрюмо и жолчно смотрѣлъ на весь Божій міръ, и въ особенности на богачей.

Однажды вечеромъ, когда въ шесть часовъ еще не сгущались сумерки и былъ весенній полусвѣтъ, а на дворѣ трещалъ чуть не рождественскій морозъ и пронзительный вѣтеръ свисталъ по всѣмъ переулкамъ, Бартонъ сидѣлъ у своего экономнаго огонька; онъ ждалъ возвращенія Мери, безсознательно увѣренный, что съ ея появленіемъ все прояснится вокругъ. Дверь отворилась и вошелъ запыхавшійся Вильсонъ.

— Нѣтъ ли денегъ, Бартонъ, хоть сколько-нибудь? спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ; желалъ бы я знать, у кого теперь водятся деньги! А тебѣ на что?

— Мнѣ не самому надо, — хотя вправду и у насъ лишнихъ не бываетъ. Ты знаешь Бена Девенпорта, что работалъ прежде у Карсона? Онъ валяется въ горячкѣ, а въ домѣ нѣтъ ни щепки для камина, ни одной картофелины на обѣдъ.

— Денегъ у меня ни гроша, я уже говорилъ тебѣ, сказалъ Бартонъ.

Лицо Вильсона выражало досаду и недоумѣніе. Бартонъ старался придать себѣ самый равнодушный видъ, но не сумѣлъ

удержаться въ этой роли. Онъ всталъ, подошелъ къ шкапу, въ которомъ некогда такъ гордилась его жена, и досталъ оттуда остатки своего обѣда, очевидно спрятанные къ ужину: хлѣбъ и большой ломоть холодной ветчины. Онъ увязалъ ихъ въ носовой платокъ и положивъ въ шляпу сказалъ: «Пойдемъ, надо идти».

— Куда идти? Неужто ты въ эти часы работаешь?

— Экой ты братецъ, какая тутъ работа! Пойдемъ къ молодцу, о которомъ ты сейчасъ говорилъ.

Они надѣли шляпы и вышли. Дорогою Вильсонъ рассказывалъ, что Девенпортъ славный малый, только черезъ чуръ преданъ сектѣ методистовъ; что дѣти его слишкомъ малы, чтобы работать, но не слишкомъ малы, чтобы голодать и дрогнуть; что семья все больше и больше бѣднѣла, закладывая все, что у нихъ было вещей и платья, и теперь наконецъ живетъ въ подвалѣ, въ Берри-стритѣ. Бартонъ ворчалъ про себя всякія непріятныя желанія, относившіяся къ судьбамъ довольно многочисленнаго сословія. Они дошли наконецъ и до Берри-стрита, темной, немощеной улицы съ канавою по срединѣ, въ которую стекала всякая грязь и нечистота. Извѣстное эдинбургское предостереженіе: «берегись воды»! нигдѣ не было также кстати, какъ въ Берри-стритѣ. Пока пріятели проходили мимо, изъ дверей выходило нѣсколько женщинъ, выливавшихъ въ канаву всякіе помои. Изъ канавки эта грязь разливалась по окрестнымъ яминамъ и во многихъ мѣстахъ образовала колодцы стоячей, вонючей воды. Тамъ и сямъ наваленныя кучи печной золы составляли истинныя камни преткновенія, которые маломальски чистоплотный прохожій старался обходить подальше. Наши друзья были далеко не нѣженки, но и они выбирали дорогу и часто перепрыгивали, пока не добрались до влажныхъ ступенекъ къ подвалу. Они сошли на площадку, которая приходилась на цѣлый ростъ человѣческой ниже уровня самой улицы, и была чрезвычайно узка: окошко подвальной комнаты было очень низко, а въ жилище несчастнаго семейства нужно было спуститься еще ниже. Темно было въ этомъ жильѣ: стекла окошекъ во многихъ мѣстахъ были выбиты и вмѣсто ихъ насовано въ отверстія всякое тряпье, что уже само по себѣ достаточно объясняло темноту, царствовавшую здѣсь и въ самый яркій полдень. Послѣ того, что мы сказали о состояніи почвы на улицѣ, читатель не удивится, что въ подвалѣ была страшная вонь и духота, которая всякаго проходящаго въ первую минуту ошибала. Но друзья наши, привыкшіе

къ танцнхъ изредкнхъ, быстро оправилосъ отъ этой дурноты и стали всматриваться въ подробности происходившей передъ ними сцены. Они увидѣли во первыхъ троихъ ребятишекъ, валавшихся на сыромять, почти мокромъ кирпичномъ полу, сквозь который сочилась уличная грязь. Очагъ былъ пустъ и холоденъ; жена сидѣла на грубомъ одрѣ больного и одиноко плакала въ темнотѣ.

— Вотъ и я пришолъ, матушка. Угмонитесь, ребята, перестаньте же мучить маму, — хлѣба? Вотъ я привелъ добраго человека, который дастъ вамъ и хлѣбца.

Въ этомъ тускломъ полусвѣтѣ, который казался для вошедшихъ рѣшительнымъ мракомъ, дѣти полѣзли на Бартона, вырывая изъ рукъ его пищу. Краюшка хлѣба была довольно велика, но и она въ минуту исчезла.

— Тутъ надо что-нибудь сдѣлать, сказалъ онъ Вильсону. — Ты погоди здѣсь, а я ворочусь черезъ полчаса.

Онъ вышелъ и побѣжалъ, поспѣшилъ домой. Въ тотъ же всеобъемлющій платокъ сложилъ онъ все, что было съѣстного въ шкапу. — Мери пьетъ чай у миссъ Симмондсъ, слѣдовательно на сегодня пропитаніе ея обезпечено. Потомъ онъ пошелъ наверхъ, вытаскилъ свой сюртукъ и единственный фуляровый платокъ, съ красными и желтыми разводами: въ этомъ заключались всѣ его драгоценности, все имѣнье; онъ побѣжалъ къ ростовщику, заложилъ все за пять шиллинговъ, и не останавливаясь, снова поспѣшилъ по лондонской дорогѣ къ Берри-стриту; тутъ онъ зашелъ въ лавку, купилъ кой какой провизіи — мяса, хлѣба, свѣчь; взялъ щепокъ, забѣжалъ на какой-то дворикъ и сторговалъ двѣсти фунтовъ угля. Осталось еще немного денегъ: это тоже пригодится для нихъ, но какъ употребить такой капиталъ? Пища, топливо и освѣщеніе всего необходимо, и уже куплены. Остальное сравнительно, роскошь. Поладимъ.

Когда Бартонъ воротился съ своими покупками, глаза Вильсона наполнились слезами. Онъ разомъ понялъ откуда что взялось; и вздохнулъ о томъ, что нѣтъ у него работы и не можетъ онъ оказать ближнему ни одной подобной услуги, а сыновнія деньги тратить совместно. Но хотя не имѣлъ онъ ни золота, ни серебра, сердце у него было золотое и все, что могло дать это любящее сердце, оно даю съ избыткомъ. Джонъ Бартонъ впрочемъ и въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ своего товарища. Горячка — какъ обыкновенно бываетъ въ Манчестерѣ — была злая, тифозная, развившаяся

воздѣствіе нѣщоты, духоты, зловоиія и упадка духа. Ея игоسرائки видѣютъ характеры отрыхъ болѣзней, онѣ въ влмопей стоеиши она-сны и прилицыны. Но въ отношеиіи къ правиияивооти болѣзней вод бѣдныиъ бывають болѣшииъ састашты; оне и корошо, поготому-то въ тѣсннхъ жилищахъ илхъ уединитъ болѣшого чрезвычайно затруднительно и часто даже невозможно. Вилсонъ спросилъ бѣду у Бартона, но бѣится аз отъ сарабы, но Бартона поднимъ его за:оге на смѣль.

Пріятели наши, грубые съ виду, но въ сущности пѣннѣишій нѣбѣики, затопили каминь. Сначала дымъ разбѣстался по всей ком-нать, какъ-будто и дороги не зналъ въ непривычную, сырую трубу. Но въ этой зловредной, душной атмосфериъ, даже и дымъ казался чище, пріятелиѣ. Дѣти опять закричали: хлѣба! но на этотъ разъ Бартона сначала поднесъ ломоть несчастной женщины, въ соѣвер-шенномъ отчаянии и отупѣнии сидѣвшей около брѣдившаго мѣжа. Она взяла хлѣбъ въ руку, отломилъ кусочекъ, но ѣсть не могла, не хотѣла; самый голодь уже притупился въ ней. Она тяжело, безжиз-ненно свалилась на полъ. Мужины въ недоумѣнии взглянули другъ на друга: — «Да она уже почти умерла съ голода! сказалъ Бартона:». Вотъ люди говорятъ, что голодающимъ не надо вдругъ много даватиъ пища, а эта, сердечная, и вовсе ужъ не ѣсть.

— Я тебѣ вотъ что скажу, началъ Вилсонъ, — этихъ боль-шихъ молодцовъ, что все дерутся между собою, я отведу домой къ моей женѣ, а оттуда принесу котелокъ чаю. Женщины лучше всего любятъ чай и всякую такую дрянъ.

Бартона остался одинъ, съ крошечнымъ ребенкомъ, который наѣдннмъ досыта тотчасъ началъ снова плакати и проситъся къ ма-тери; съ подулживою, обезсиѣвощею женщиной, и съ большимъ, ко-торый то и дѣло въ бреду метался, вскрикивалъ и стоналъ. Бар-тона подтаннилъ женщину къ огню, теръ ей руки и оглядывался кругомъ, ища чего-нибудь подложить ей подъ голову. Но не было рѣшительно ничего такого, кромѣ нѣсколькихъ вывалившихся кирпи-чей. Нечего дѣлатъ, онъ наложилъ кирпичей и покрылъ ихъ ко-съ какъ своимъ сюртукомъ, прислонилъ ее къ этому изголовью; потомъ придвинулъ ноги ея къ камину, который къ этому времени довольно уже разгорѣлся, и сталъ искать воды. Но бѣдная женщина давно уже была слишкомъ слаба, чтобы таскаться къ колодезю, и потому вода не была. Бартона подхватилъ ребенка на руки, побѣжннлъ нап-

верла; въ первую очередь квартиру и занявъ тамъ кастрюльку воды. Затѣмъ, съ ловкостью ремесленника, привыкшаго къ разнаго рода изобрѣденіямъ, онъ началъ варить кашу; и когда она была готова вынулъ старую медяную ложку, употребленную для кормленія дитяти, тогда какъ всѣ другія мелочи давнѣ были проданы. Захвативъ кашницу, онъ попытался просунуть ложку между отиснутыхъ зубовъ несчастной женщины. Она проглотила и машинально опять открыла ротъ. Бартонъ сталъ кормить ее и мало по малу она ожила: съела, осмотрѣлась кругомъ, и припомнивъ все, снова легла на полъ въ тихомъ и тупомъ отчаяніи. Малышка подползъ къ ней и началъ своимъ пальчиками отирать слезы, обильно натеившіяся теперь по щекамъ ея. Но пора обратить вниманіе и на больного. Онъ лежалъ на грубой соломѣ, такой гнилой и сырой, что ни одна собака не выбрала бы ее для ночлега; сверхъ соломы разостлана была толстая козистина и на ней непосредственно лежалъ изсохшій какъ скелетъ, изнуренный и горячотный Девенпортъ. Вместо одеяла на него накинуто было все тряпье, всѣ лохмотья, безъ которыхъ могли только обойтись издрогнувшая мать и дѣти. Все это взятое вмѣстѣ могло бы еще замѣнить одно обыкновенное покрывало, если бы тряпки могли удержаться на больномъ; но онъ такъ тоскливо метался и переворачивался, что не смотря на сильнѣйшій внутренній жаръ, тѣло его постоянно дрожало отъ стужи. Отъ времени до времени онъ вслакивалъ и обнаженное; исхудалое тѣло его напоминало крѣпкого прорицателя бѣдъ, въ извѣстной картинѣ «Чума». Но вскорѣ онъ снова падалъ на солому и Бартонъ увидѣлъ, что необходимо тщательнѣе присматривать за нимъ, чтобы онъ падая не разшибся о каменный полъ. Онъ радъ былъ, когда воротился Вильсонъ съ чайникомъ горячаго чая для бѣдной женщины; но какъ только больной увидѣлъ, что она пьетъ, онъ съ небывалою, грубою лѣдностью вырвалъ чашку изъ ея рукъ, и приставилъ къ своимъ пересохшимъ губамъ.

Друзья переглянулись между собою и стали разсуждать, что тутъ дѣлать. Саме собою разумѣется — и объ этомъ между ними даже речи не было — что оба рѣшились оставаться всю ночь съ горемычной тетей; но гдѣ бы достать доктора? По всей вѣроятности это почти невозможно. На слѣдующій день можно попытаться и выдать Девенпорту билетъ на поступленіе въ больницу чернорабочихъ, но въ томъ порѣ оставалось только попросить совѣта и лекарствъ въ аптеку у доктора. И такъ Бартонъ — какъ человекъ денежный —

пошолъ искать аптеку или москательную лавку по лондонской дороге.

Очень весело гулять по улицѣ, мимо освѣщеныхъ магазиновъ: газъ горитъ такъ ярко, что все товары гораздо яснѣ видны, и даже кажутся гораздо красивѣ вечеромъ, нежели днемъ. Въ особенности въ такихъ случаяхъ поражаютъ своимъ великолѣпіемъ и пестротой аптеки: видъ ихъ переноситъ наше воображеніе къ тѣмъ волшебнымъ сказкамъ и картинамъ, которыя пылали насъ въ дѣтскіе годы, отъ алладиновыхъ садовъ съ драгоценными плодами, до прелестной Розамунды съ ея пунцовымъ сосудомъ. Бартону и въ голову не приходили подобныя сближенія; но по неволѣ думалось ему, что велика разница между роскошными, ярко освѣщенными лавками и темнымъ, сырымъ подваломъ, и крѣпко отуманила его эта разительная противоположность, и запали въ душу новые вопросы: зачѣмъ? Увы! Такіе таинственные, жизненные вопросы занимаютъ далеко не одного Бартона. Онъ размышлялъ только, неужели ни одинъ изъ встрѣчныхъ не побывалъ въ такомъ печальномъ жилищѣ, изъ какого онъ только что вышелъ. Ему казалось, что все прохожіе веселы и довольны — и это его раздосадовало. Но гдѣ же ему — гдѣ вамъ, читатель, — знать судьбу и помысленія тѣхъ, съ которыми всадный день вы толкаетесь на улицѣ. Почему вы знаете, какіе запутанные романы, какія искушенія и испытанія наполняютъ ихъ жизнь, заставляютъ ихъ страдать, бороться, падать или возвышаться? Можетъ быть только что прошедшая мимо васъ дѣвушка окончательно впала въ отчаяніе отъ того, что ее бросили, насмѣялись надъ нею, и вотъ она идетъ, судорожно посмѣиваясь и поводя глазами, а сама начинаетъ помышлять о глубокой, холодной рѣкѣ, какъ о единственномъ спасеніи отъ невыносимаго страданія. Можетъ быть вотъ этотъ человекъ обдумываетъ теперь подробности того преступленія, отъ котораго вы содрогнетесь завтра, читая газетныя объявленія. А вотъ сейчасъ вы задѣли мимоходомъ скромную, невзрачную фигуру, послѣднюю изъ послѣднихъ на землѣ, — а передъ Богомъ она предстанетъ облеченная во всеоружіе святости и чистоты. И сколько ихъ, идущихъ мимо на добро и на зло — кто ихъ знаетъ, куда они идутъ? Бартонъ идетъ на добро, а въ сердцѣ его накапаетъ жолчь, горькая злоба противъ чужого блеска и счастья, которое онъ въ эту минуту приписываетъ только эгоизму.

Онъ махнулъ аптеку и поднялся на лѣстницу. Аптекарь, следящій изъ смертныхъ, съ такими глупыми и магными манерами,

тѣмъ судно оное была также снабжена спермацетовой пошмадой, внимательно выслушавъ бартоново описаніе болѣзни Девенпорта; онъ объявлялъ, что это тифозная горячка, весьма распространенная на ту пору въ окрестяхъ, и занялся приготовленіемъ лекарства — чего-то въ родѣ кремортарта, распущеннаго въ подслащенной водѣ и налившаго въ пузырьчекъ, — что было бы довольно прилично слегка простудившейся дамѣ, но далеко не дѣйствительно противъ жестокой горячки, палившей несчастнаго работника. Аптекарь посоветовалъ поступать далѣе точно такъ, какъ уже Бартонъ и прежде рѣшилъ, что есть выхлопотать билетъ на помѣщеніе въ больницу. Но тѣмъ же вечеромъ Бартонъ вышелъ изъ аптеки нѣсколько успокоенный и съ твердостью вѣрой въ дѣйствительность полученнаго лекарства; если человѣкъ изъ этого сословія вѣритъ въ медицину, то уже вѣрять безусловно.

Между тѣмъ Вильсонъ сдѣлалъ все, что могъ въ жилищѣ Девенпорта: онъ успокоивалъ и укрывалъ больного, кормилъ и баюкалъ дитя, ласково говорилъ съ матерью, которая все еще лежала на полу, слабая, усталая и безучастная.

Онъ попытался растворить еще одну дверь, но тотчасъ же хлопнулъ ее: тамъ былъ настоящий погребъ или чуланъ съ рѣшеткою на верху вмѣсто окна, и черезъ эту рѣшетку стекала туда всякая нечистота изъ свинныхъ хлѣбовъ со двора. Чуланъ былъ даже немощенный и весь полъ его представлялъ одну влажную массу гниющей, вонючей грязи. Безъ сомнѣнія, онъ никогда не былъ употребляемъ, потому что тамъ не было никакой мебели, да и невозможно было прожить тамъ ни человѣку, ни животному. А между тѣмъ «задняя горница» увеличивала цѣну квартиры, и Девенпорты платили тремя пенсами въ недѣлю дороже, за то что у нихъ считалось двѣ комнаты. Обернувшись, Вильсонъ увидѣлъ, что ребенокъ сосалъ изсохшую грудь матери.

— Неужели мальчикъ вашъ еще не отнять отъ груди? спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Да который ему годъ?

— Другой годъ въ исходѣ, отвѣчала она слабымъ голосомъ. — Да это не дѣлать, вѣдь онъ покойнѣе когда сосеть, а больше мнѣ ему дать нечего; тутъ онъ и заснетъ иногда; вѣдь кормить его не тѣмъ, мы всаеки старались приберечь вѣду для ребятъ, да и у самихъ-то давно вѣтъ.

— А изъ думъ вашъ не давали денегъ?

— Нѣтъ; хозяинъ мой родомъ изъ Берлингемпшера; онъ не боится явиться въ контору, чтобы не выдала его обратно въ свой приходъ; такъ мы все и терпѣли, надѣялись дожидаться лучшаго; Только сдается мнѣ, что не видать мнѣ лучшаго на своемъ вѣку. — И близкая начала опять всхлидывать.

— Вотъ вамъ еще кашки, поѣшьте, а тамъ уложите съ Беномъ. Мы съ Джемомъ посидимъ ночь около вашего мужа,

— Спаси васъ Господи за все это!

Она дѣла кашу и заснула какъ убитая. Вильсонъ укрывал ее какъ своимъ сюртукомъ, и бережно ходилъ вокругъ, изъ страха потревожить ея сонъ; но напрасно онъ боялся, сонъ ея былъ глубокъ и крѣпокъ отъ истощенія. Одинъ разъ только она привстала и то, чтобы закутать малютку фалдою сюртука.

Заботливое усердіе Вильсона и Бартона было не лишнее для присмотра за горячешнымъ Девенпортомъ. Несчастный вскакивалъ, кричалъ, и по видимому мучился какимъ-то страшнымъ безпокойствомъ, смятеніемъ. Онъ произносилъ проклятія и ругательства, что особенно изумляло Вильсона, знавшаго его истинное благочестіе и никогда въ жизни не слыжавшаго такого ужаснаго бреда. Наконецъ онъ истомился и уснулъ. Бартонъ и Вильсонъ подвинулись къ огню и разговаривали шопотомъ. Они сидѣли на полу, потому что ни стула, ни скамьи не было. Вмѣсто стола служила старая кадушка или шайка опрокинутаая вверхъ дномъ; они затушили свѣчу и бесѣдовали при свѣтѣ рѣдующихъ угольевъ.

— Давно ты знаешь этого малаго? спросилъ Бартонъ.

— Уже больше трехъ лѣтъ. Онъ все это время работалъ у Карсона на фабрикѣ и всегда былъ добрый работникъ и очень обидительный человекъ, хотя поправдѣ сказать больно уже на методиста смахивалъ. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукою письма, которое онъ написалъ къ своей женѣ недѣли двѣ тому назадъ, когда бился какъ рыба объ ледъ, ница работы. Я читалъ, и просто сердцу утѣшеніе было это письмо. Видишь ли, я самъ тогда все ворчалъ да ропталъ, негодуя на то, что принужденъ поѣдать хлѣбъ своего Джемса, да еще и другихъ кормить кровнымъ трудомъ его. Самъ-то ничего не могу заработать, а вѣсть-пить все-таки прошу. Ну, такъ я и ропталъ; а она (онъ кивнулъ головою въ ту сторону гдѣ лежала спящая женщина) принесла же мнѣ письма отъ Бена, потому что сама читать не умѣетъ; и во всемъ письмѣ ни одной жалобы не было, только священное писаніе: все только говорится о томъ, что Богъ отецъ

...и въ чемъ мы должны терпѣливо сносить все, что онъ посылаетъ намъ...

... — Молчу, ты думаешь, что онъ и возненавидѣтъ нашихъ Отца? Ну признаюсь, не хотѣлъ бы я считаться ихъ братцемъ...

— И-в, Джонъ! Не говори такъ: вѣрно быдета на свѣтъ много хорошихъ людей, даже и гораздо лучше насъ съ тобою.

— Ну-ка давай. Объясни, пожалуйста, отчего наиримѣрь они такіе богатые, а мы такіе бѣдыяки? Я ждалъ бы знать это. Такъ имъ вѣнчаются съ нами, какъ мы бы поступили съ ними, въ проклятомъ случаѣ?

... — Не Вильсонъ былъ отица не ораторъ — на рѣчь, даже онъ сама выражался. А Бартошъ, видя, что вся сила краснорѣчія на его сторонѣ, продолжалъ въ томъ же тонѣ:

... — Ты скажешь (это вѣдь много гворятъ), что у нихъ капиталы, а у насъ нѣтъ. А чѣмъ же нашъ трудъ не капиталъ? Отчего мы не получаемъ съ него никакихъ барышей? Они, небось, постоянно берутъ барыши съ своихъ капиталовъ, а нашъ-то землѣ да землѣ; иада какъ же могли бы они жить такъ, какъ мы живемъ? Да дромъ того, тутъ не въ капиталъ дѣло: иные начинаютъ и вовсе безъ него, какъ наиримѣрь Карсонъ, и Дункомъ, и Мейчелъ и мало ли еще кто, что пришли въ Манчестеръ въ одномъ сиртушкѣ на спинѣ и гроша на имѣли за душою, а теперь какими тысячами ворочаютъ? Вѣдь это все наша работа! Да чего? малочко земли, стоявшій двадцать лѣтъ назадъ каменъ шестьдесятъ фунтовъ, теперь стобитъ шестьсотъ, и это тоже по нашей милости. А посмотри-ка на меня, да на себя, или вонъ на Девенпортъ: намъ отъ этого ваяла вышла пожива? Они гнутъ насъ въ дугу, выжимаютъ изъ насъ свои огромныя богатства, строятъ свои громады дома, а мы... Да мы просто отъ голоду мремъ. И ты скажешь, что все это ничего?

... — Оно такъ, Бартошъ, отъ тебя не споворишь. А вонъ Карсонъ сказывалъ мнѣ послѣ пожара: «мнѣ», говоритъ, «теперь придется анономить въ каждую копѣйку влючитывать, пока ядуъ тѣло мое дремаетъ, правда такъ». Стало быть, видишь ли, и хозяева терпятъ отъ этого!

... — А ваяно ли у него, чтобы ребенокъ ихъ умираетъ съ голоду? пресвердъ! Бартошъ тихимъ, глухимъ голосомъ. Я не с собою гворю, продолжалъ онъ, обо мнѣ гворить не стобитъ, я и не думаю. Не дѣй посмотришь; какъ Девенпортъ и другіе ему подобныя ирутъ,

да крутъ отъ настоящаго голода, такъ вѣдь не вытерпимъ. У меня всего одна Мери осталась, да ей еще не душно, она сама себя одержитъ. Квартиру-то мы можемъ быть принуждены будемъ одать. Но и то ничего.

Въ такихъ разговорахъ прошла ночь, долгая, тяжелая ночь. Повидимому Девенпортъ былъ все въ томъ же положеніи, хотя симптомы болѣзни нѣсколько измѣнились. Жена его все также крепко спала, изрѣдка лишь просыпаясь на крикъ ребенка, который одинъ способенъ былъ разбудить ее, тогда какъ всякій другой, сильнѣйшій шумъ казался не имѣлъ на нее никакого дѣйствія. Пріятели перешли, что какъ только настанетъ часъ, въ который мистеръ Карсонъ по вѣроятности встанетъ съ постели, Вильсонъ пойдетъ къ нему просить билета въ больницу. Наконецъ сѣрое утро проникло даже и въ мрачный подвалъ. Девенпортъ спалъ, Бартонъ оговорился оставаться тутъ до возвращенія Вильсона; Вильсонъ вышелъ на воздухъ и, съ наслажденіемъ дохнувъ этою сравнительно свѣжею и живительной атмосферой, отправился къ мистеру Карсонсу.

Домъ мистера Карсонса отстоялъ мили на двѣ отъ квартиры Девенпорта, и помещался почти на вывѣдъ въ города. Улицы въ этотъ часъ были еще малолюдны и не оживлены. Магазины были еще отперывали ставни, хотя было уже восемь часовъ утра; но при теперешнемъ состояніи торговли, день былъ еще довольно длинень для закупокъ въ магазинахъ этой части города. Нѣсколько оборванныхъ женщинъ отправлялись просить милостыню; но вообще на улицѣ было еще немного народу.

Домъ Карсонса былъ очень хорошъ и отдѣлывали его, какъ видно, не жалѣя мадержекъ; впрочемъ, онъ отличался не только великолѣпіемъ, но также изяществомъ, и комнаты наполнены были украшеніями самаго лучшаго вкуса. Проходя мимо окна, раствореннаго настежь убиравшею служанкою, Вильсонъ увидѣлъ внутри картины и прозолоту, и очень захотѣлось ему разсмотрѣть ихъ подробнѣе; но онъ подумалъ, что это не почтительно и поспѣшно прошолъ на кухню. Слуги повидимому сильно хлопотали о барскомъ завтракѣ; однакоже довольно добродушно, хотя не очень внимательно, пригласилъ Вильсона войти и подождать, обѣщая скорѣ доложить о немъ мистеру Карсонсу. Онъ вошелъ въ просторную кухню, увѣзанную блестящей металлической посудой; на очагѣ трещалъ яркій, веселый огонь, а по стѣнамъ торчала разная диковинная посуда, о назначеніи и употребленіи которой Вильсонъ терзался въ догадкахъ. Между

чужь слуги чувствитель; вошло за приказомъ кучеръ и сѣлъ около Вильсона. Кухарка жарила бистежъ, помощница ея варила яйца и дѣлала сухарики съ масломъ. На плитѣ кипѣлъ кофе, и по всей кухнѣ разливался такой аппетитный запахъ всякихъ кушаньевъ, что Вильсона пронялъ голодъ: онъ вовсе не ѣлъ со вчерашняго обѣда. Если бы слуги знали это, безъ сомнѣнйя они бы охотно накормили его; но въ томъ-то и дѣло, что они были не лучше насъ съ вами и будучи сами сыты не горло, совершенно забыли, что могутъ быть голодные люди. Вильсонъ проголодался до тошноты и головокруженія, пока-заться слуги болтали между собью, дѣлая по обыкновенію всякія важныя замѣчанія насчетъ господъ.

— Поздно вы вчера вернулись, Томасъ?

— Да, мнѣ тамъ порядкомъ надоело дожидаться. Велѣли прѣзжать за ними въ двѣнадцать часовъ, я и прѣехалъ; а они только въ два часа меня кликнули.

— И вы все время ждали на улицѣ? спросила дѣвушка, убиравшая комнату, но очевидно покончившая свои дѣла наверху, потому что пришла на кухню несплетничать.

— Какъ бы не такъ! Не таковский я дуракъ, чтобы понапрасну простужаться на вѣтру, да и лошадей морозить. Нѣтъ! я отвелъ лошадей въ стойла, на подворье «Крыластаго Орла», а самъ вошелъ и выпилъ лужику у камина. Сами господа приучаютъ такъ кучеровъ, съ своимъ долгимъ жданьемъ. Насъ тамъ человекъ пять собралось, и мы таки погрѣлись, довольно выпили и элю и джину.

— Ахъ, батюшки мои, да вы совсѣмъ съ кругу сопьетесь, Томасъ!

— Коли сопьюсь, такъ знаю, кому попенять за это. Все барыня же виновата! Вѣдь я живой человекъ, не стану же я сидѣть всю ночь на козлахъ, да ждать, когда ей угодно выйдетъ. Она небось и сама-то не знаетъ, чего ей угодно!

Другая служанка, не то горничная, не то посыльная, сбѣжала съверху съ приказаніями отъ барыни.

— Томасъ, поѣжайте верхомъ въ рыбный садокъ, скажите купцу, что барыня больше полкроны не дастъ за фунтъ лосося ко вторнику. Она все бѣгаетъ, что дѣла плохи. Карету подайте къ тремъ часамъ, Томасъ, поѣдутъ на лекцію, въ королевскую залу, знаете?

— Знаю, знаю.

— И не забывайте вамъ совѣтую держать ухо востро, сегодня она больше насуритъ. Голова болитъ, кажется.

— Вот жалость-то, что не случилось на ту пору миссъ Дженкинсъ! Господи твоя воля! Ужь какъ же онѣ поспорили бы съ барыней о томъ, у кого голова болитъ сильнее. Въдъ за это миссъ Дженкинсъ и бадить перестала: не хотѣла уступить своей боли, а барыня обижается, захватъ кто нибудь жалуется на голову нуще ей.

— Барыня будетъ завтракать у себя въ спальнѣ, подайте ей холодную куропатку, что вчера осталась, да положите побольше сливокъ въ кофе; да еще она говоритъ, что оставалась бухала, такъ намажьте ее хорошенько.

Съ этими словами горничная убѣжала изъ кухни на верхъ. въ ожиданіи колокольчика барышець, который еще неизвѣстно, когда встанутъ, потому что на канунѣ поздно вернулись съ бала.

Въ богато убранной библиотекѣ, у роскошно сервированнаго стола, сидѣли за завтракомъ господа Карсонсъ, отецъ и сынъ. Оба читали, отецъ газету, сынъ обзорѣе, — и лѣниво предавались привычному наслажденію вкусно поѣсть. Отецъ былъ старый джентельменъ очень приличной и пріятной наружности, быть можетъ нѣсколько грубоватой, но не очень. Сынъ былъ поразительно хорошъ собою и былъ въ этомъ совершенно увѣренъ. Платье его было отлично шито и хорошо сидѣло на немъ; приемы обличали гораздо болѣе настоящаго джентльменства, нежели у отца. Онъ былъ единственный сынъ; сестры гордились имъ и были очень довольны, отецъ и мать тоже гордились и были имъ довольны; странно было бы ему одному противорѣчить мнѣніямъ всего селѣства: онъ также гордился и былъ очень доволенъ собой.

Дверь отворилась и въ припрыжку вбѣжала Эми, миленькая меньшая сестра, хорошенькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, веселая, свѣжая и румяная какъ роза. Она еще была слишкомъ молода для вечернихъ выѣздовъ и отецъ очень этому радовался, потому что маленькая Эми своими милыми шутками, соловьиными лѣзвьями и игривыми ласками наполняла для него цѣлые длинные вечера, которые могли бы проходить и въ совершенномъ одиночествѣ; притомъ же Эми вовсе не такъ устала какъ Софи и Елена, а потому никогда не отказывалась украшать своимъ присутствіемъ его ранній завтракъ.

Онъ охотно подчинился ея утреннему привѣтствію, терпѣливо поддался граду поцѣлуевъ, которыми она осыпала его грубое, красное лицо, и по ея требованію отложилъ въ сторону газету. Она отняла также «Обзорѣе» у брата Гарри и не позволила читать.

— Досрочно доставившая дама за окномъ, папа, и потому вы должны оказывать мнѣ всякое уваженіе.

— Маленькая моя, вы можете всетагда владѣть всею тою кашею, пока будете въ это единственное дѣло.

— Да, папа, вы такъ доволны послуживъ и любезны, въ этомъ я должна отдать вамъ справедливость; но въ несчастію не могу сказать этого о Гарри, онъ меня рѣшительно не слушается, такой глупый! Такъ вѣдь, Гарри?

— Вотъ уже этого я не ожидалъ! Я думалъ, что заслуживаю всякой похвалы и поощренія, а ты бранишься. Да не я ли досталъ тебѣ эту португальскую воду, которой ты не могла добиться у Гюга? Ахъ ты, неблагодарный котенокъ.

— Досталъ! О милѣйшій Гарри, ты еще милѣе португальской воды! Но все-таки не такъ милъ какъ папа, потому что помнишь, позабылъ взять отъ Битленда розу, ту новую розу, о которой публиковали на дняхъ.

— Нѣтъ, Эми, не забылъ. Я спрашивалъ и видѣлъ эту розу «безъ упрека»; но знаешь ли ты, маленькая госпожа мотовка, что самый маленький цвѣточекъ ея стоить полгинеи?

— Вотъ еще! чтожь такое? Папа купить мнѣ; вѣдь купите, папа? О, папа знаетъ, что его дѣвочка жить не можетъ безъ цвѣтовъ и духовъ!

Мистеръ Карсонсъ попробовалъ отказать своей баловницѣ; но она таки поставила на своемъ: стала ластиться и увѣрять, что вѣдь это для нея совершенно необходимо; что же такое жизнь, если не будетъ цвѣтовъ?

— Ну, такъ доводишься ціонами и одуванчиками, Эми, скажи братъ,

— Ахъ, какой негодный! Развѣ это цвѣты? Да ты-то чѣмъ лучше меня, скажи на милость: кто это, мѣсяць тому назадъ, купилъ у Уетса букетъ ландышей, заплатилъ за него также полгинеи, да еще имъ за что на свѣтѣ не согласился отдать его бѣдненькой сестрѣ своей, хотя она на колѣняхъ выпрашивала букетъ? Ну, отвѣчай-ка!

— Насильно не заставишь, отвѣчалъ братъ, улыбаясь губами, между дѣмъ какъ въ глазахъ его сверкнула досада, и онъ сначала вспыхнулъ, потомъ добѣднѣлъ отъ смущенія.

— Сэръ, доложилъ вшедшій лавой, внизу дожидаются сидѣть

въ фабричныхъ работниковъ, онъ не можетъ видеть себя; онъ зоветъ Вильсонъ.

— Сейчасъ выйдю. Нѣтъ, постойте, приведите его сюда.

Эми выпрыгнула въ оранжерею, отделившуюся отъ кабинета одною только дверью. По уходѣ ея въ комнату вошелъ исхудалый, блѣдный, не чистый и не бритый ткачъ. Онъ всталъ у двери и по старой деревенской привычкѣ приглаживалъ себе волосы, нервно валядая по сторонамъ и любясь убранствомъ комнаты.

— Здравствуй, Вильсонъ, что тебѣ надо?

— Смыслъ доложить, сэръ. Девенпортъ лежитъ въ горячкѣ, а я пришолъ спросить, нѣтъ ли у васъ для него билета въ больницу чернорабочихъ?

— Девенпортъ... Девенпортъ... кто это такой? Я не припомню.

— Онъ больше трехъ лѣтъ работалъ у васъ на фабрикѣ, сэръ.

— Очень можетъ быть, я вѣдь не знаю именъ всѣхъ моихъ работниковъ, это дѣло прикащика. Такъ онъ боленъ?

— Боленъ, сэръ, и очень плохо. Мы хотимъ положить его въ больницу, въ горячешное отдѣленіе.

— Такого билета у меня кажется нѣтъ; билеты для приходящихъ должны быть, вотъ я посмотрю и дамъ вамъ, если есть.

Онъ всталъ, отперъ конторку, порылся; подумалъ съ минуту и подалъ Вильсону больничный билетъ для одного экстерна.

Между тѣмъ молодой Карсонъ прочелъ статью въ «Обозрѣніи» и началъ прислушиваться къ разговору. Онъ поспѣшно кончилъ завтракъ, всталъ, вынулъ изъ кармана пять шиллинговъ и проходя мимо Вильсона сунулъ ему деньги въ руку, говоря «для этого бѣдняка». Онъ быстро ушолъ, спросилъ верховую лошадь, и весело прыгнувъ въ сѣдло, ускакалъ. Онъ боялся опоздать къ тому времени, когда хорошенькая Мери Бартонъ отправляется къ миссъ Симмондсъ, и торопился получить отъ нея обычную улыбку и ласковый взглядъ. Но въ это утро однакоже онъ съѣздилъ понапрасну.

Вильсонъ, уходя изъ дома, не зналъ, горевать ему или радоваться: Всѣ обошлись съ нимъ пріятливо и, почему знать, можетъ быть вѣдущають еще навѣдаться о Девенпортѣ и помогутъ его семейству. Къ тому же кухарка, отправивъ барскій завтракъ на верхъ, и следовательно избавившись отъ своей главной заботы, замѣтила его бѣдность и худобу и при выходѣ его изъ кабинета подала ему хлѣба и говядины; Вильсонъ поѣлъ, а сытый желудокъ всякаго располагаетъ къ омиданію лучшей будущности.

Войдя къ Барри-стригъ онъ уже привыкъ къ убавленію, что несетъ добрыя вѣсти для Девенпорта, и почти радовался. Но открывъ дверь въ подвалъ, онъ сразу упалъ духомъ, увидѣвъ Бартона и жену Девенпорта, наклонившимися къ больному, съ выраженіемъ печали и благоговѣйнаго ужаса на лицѣ.

— Подойди-ка, сказалъ Бартоузъ; есть ли въ комнатѣ парашина съ тѣмъ поръ какъ ты ушелъ?

Вильсонъ загадываетъ. Тѣло больного осунулось, черты заострились, окостенѣли: все покрылось сыроватымъ, страшнымъ отгнѣномъ смерти. Глаза, открытые и еще выражавшіе сознание, уже заволоклись какою-то мертвенею пленкой.

— Онъ проснулся тотчасъ послѣ твоего ухода, и началъ что-то бормотать и стонать; потомъ снова вабылся и мы не видали, когда онъ опять открылъ глаза; но онъ позвалъ жену. Она подошла, а уже онъ ничего не можетъ сказать ей.

Всего вѣроятнѣе, какъ и всѣ они видѣли, Девенпортъ не могъ уже говорить отъ слабости. Они стояли вокругъ, тихо и безмолвно; даже жена удерживала рыданія, хотя сердце ея разрывалось на части. Она прижимала къ себѣ младенца, стараясь утомонить его. Всѣ глаза устремились на больного, который еще жилъ, но такъ быстро отживалъ послѣднія минуты. Наконецъ, судорожнымъ, усилленнымъ движеніемъ онъ всплеснулъ руками на молитву и зашевелилъ губами; всѣ прислушивались: но слова выходили почти беззвучно, тяжелыми, прерывистыми вздохами.

— О Господи, Боже мой!.. Благодарю тебя — тяжелая жизнь — уходитъ...

— О Бенъ, Бенъ! зарыдала жена, подумай обо мнѣ, Бенъ... Бенъ! скажи мнѣ хоть словечко на остальную жизнь мою!

Онъ уже не могъ говорить. Труба архангела развяжетъ ему языкъ въ послѣдній день; но до тѣхъ поръ онъ не произнесетъ ни слова. Однакоже онъ еще слышалъ и понималъ все, что происходило вокругъ, и хотя зрѣніе ему измѣнилось, онъ тоскливо искалъ чего-то рукою. Они поняли и положили его руку на ея голову, лежавшую около него, на соломѣ, когда она упала на полъ подъ бременемъ своего безвыходнаго отчаянія. Рука нѣжно прижала голову: лицо его просвѣтлѣло и сдѣлалось невыразимо прекрасно. Небесное спокойствіе разлилось по вѣтмъ его чертамъ. Рука замерла и отяжелѣла на головѣ распростертой жены. Страданія и печали для него кончились.

Друзья благоговѣно вѣрили что, Валленъ обвѣсилъ за себѣ единственной перемѣнною рубашкой и вѣдалъ ее на покойника. Жена все еще лежала ничкомъ; припавъ къ локоткамъ въ тупомъ отчаяніи.

Послышался стукъ въ дверь; Бартоузъ попытка отворить. То была Мери, которая черезъ сосѣдку узнала гдѣ отецъ, и рано вышла изъ дому, чтобы повидаться съ нимъ передъ отправленіемъ къ миссъ Симмондсъ; но нѣкоторыя порученія хозяйки по швейной части задержали ее и она только теперь добралась до жилища Девенпортъ.

— Войди, дочка! сказала Бартоузъ, попробуй сказать слово утѣшенія той бѣдной, бѣдной женщинѣ, что стоитъ вонъ тамъ; на ней лежать. Помоги ей какъ нибудь, Боже ее помилуй.

Мери рѣшительно не знала, что дѣлать и говорить; однакоже стала на колѣни около бѣдняжки, обвила рукою ея шею и черезъ минуту сама такъ горько, такъ искренно зарыдала, что и у бѣдной вдовы полились наконецъ обильныя слезы, облегчившія набалтывшее ея сердце.

А Мери, Мери забыла и о предполагаемой встрѣчѣ съ своимъ наряднымъ обожателемъ, и о порученіяхъ миссъ Симмондсъ, и о гнѣвѣ ея въ случаѣ заблужденія, все забыла въ эту минуту сердца, каго стремленія какъ нибудь утѣшить одинокую, беспомощную вдову. Никогда еще ея хорошенькое личико не сіяло такою ангельскою прелестью, никогда пріятный голосъ ея не звучалъ такъ мелодично, какъ въ эту часъ, когда прерывающагося голосомъ она шептала свои утѣшенія.

— О, не плачьте такъ, милая мистрисъ Девенпортъ, пожалуйте не убивайтесь. Вѣрно онъ отошелъ туда, гдѣ уже нѣтъ ему больше ни заботъ, ни печалей. Да, я знаю, какъ вы теперь одиноки и сиротливы, но подумайте о дѣтяхъ... О, мы все будемъ работать, чтобы прокормить ихъ. Вспомните только, какъ бы оно огорчился, видя ваше отчаяніе. Не плачьте же, сдѣлайте милость.

Къ концу этого увѣщанія Мери плакала также неудержимо, какъ сама вдова.

Рѣшено было, что похоронять Девенпорта на счетъ цеха; они постоянно вносили известную сумму въ одинъ изъ похоронныхъ клубовъ, но въ послѣднее время пропустили нѣсколько недѣль и потому, хотя сохранялъ еще право на общественное погребеніе, но уже лишился права на одновременное пособіе семейству.

Не согласится ли мистрисъ Девенпортъ съ маалюткою идти теперь къ Мери? Мери просіяла отъ этого плана; но нѣтъ! Видно

длинныя и красныя штаны отъ тѣхъ любимыхъ мужа, начать не могли сшить ее отсюда. И такъ; окруживъ ее нѣкоторыми удобствами, имъ сколько позволяли скудные средства друзей, я попросилъ одну изъ сосѣдокъ навѣдываться къ ней нѣсколько, несчастную вдову освѣдиди: не желаетъ ли плавильщика. У него была работа, тотъ пошелъ работать, а тотъ, кому было дѣлать нечего, взялся хлопотать о погребеніи.

Мери досталась въ этотъ день порядочная головомойка отъ миссъ Симмондсъ, за разсыянность. Конечно, миссъ Симмондсъ, имѣла полное право горячиться, потому что Мери цѣлое утро не являлась съ тѣми прикупками шпона и лентъ, которая необходимы были на платье къ этому самому вечеру; но правда и то, что головка Мери завалась очень важными вопросами. Она все раздумывала и примѣривала, какъ бы вычистить свое старое черное платье (надѣвавшееся въ нарядъ во время траура по матери), и какъ бы его перевернуть и наставить въ длину, чтобы оно пригодилось для траурной одежды вдовы Девенпортъ. Вечеромъ, въ наказаніе за утреннюю оплошность, она поздно засидѣлась въ магазинѣ. Но какъ только воротилась домой, тотчасъ принялась за работу, и такъ увлеклась ею, такъ была довольна, что не разъ безсознательно запѣвала веселыя пѣсенки; но тутъ же и останавливалась, чувствуя непріятное подобной музыки за такой работой.

И такъ, въ день похоронъ мистрисъ Девенпортъ имѣла удовольствіе — да, удовольствіе среди горькихъ и тоскливыхъ ея ощущеній — надѣть чистенькій трауръ. Она вела за руки двухъ старшихъ сыновей, а слѣдомъ за нею шли Вильсонъ и Бартонъ; вся процессія шла дѣшномъ и не было въ ней ничего поразительнаго; но по моему простоя обстановка ата несравненно болѣе шла къ сущности дѣла, нежели великолѣпные балдахины съ кивающими перьями, составляющие необходимую принадлежность «порядочныхъ» похоронъ. Все было тихо и прилично, и смиренно шла за гробомъ та, которая рѣшилась изъ любви къ отшедшему кротко перенести свое горе. Единственный эпизодъ, разстроившій гармонию этого происшествія, отнесся уже болѣе къ живымъ и счастливымъ, нежели къ мертвымъ и горюющимъ по нимъ. Дойдя до кладбища процессія остановилась передъ красивымъ памятникомъ: это было ничто, иное, какъ деревянное подражаніе мрамору, временная отмѣтка выкопанной могилы; памятникъ въ одну минуту сдвинули съ мѣста и открылась обширная яма, въ которую складывали гроба бѣдняковъ, до тѣхъ

портъ пока не наполнится она до глубины одного или двухъ футовъ отъ поверхности. Тогда сверху насыпаютъ земли и утрамбовать накрѣпко, а деревянный мавзолей ставится надъ другою ямой, гдѣ опять исправляетъ ту же временную должность. (*)

Но не о томъ думали наши друзья, скоротившіе Бона Девенпорта.

ГЛАВА VII

-О, сколько крестятъ надежды и любви
Въ таинственныхъ изгибахъ душъ убогихъ!
И какъ отчаянно отстаиваемъ мы
Свои права на милыя намъ лица,
На существа безвѣрно-дорогія,
Когда придетъ безжалостная смерть
И тѣ сокровища, изъ нашихъ рукъ дрожащихъ,
Костлявыми руками вырываетъ...»

-Близнецы-.

Тифоидная горячка шутить не любитъ и какъ хищный коршунъ ищетъ жестокой добычи.

Вдова Девенпортъ потребовала обратно своихъ дѣтей; сосѣди, какъ настоящіе добрые самаритяне, уплатили за нее кой какіе долги и сколотили ей нѣсколько шиллинговъ на первыя нужды. Она рѣшилась перебраться изъ этого подвала въ другой, возбуждающій менѣе грустныхъ воспоминаній. Контора оказалась гораздо снисходительнѣе и человѣчнѣе нежели она ожидала: чиновники обратили вниманіе на ея прошеніе, вошли въ ея дѣло и, вмѣсто того чтобы, какъ она ожидала и боялась, выслать ее въ Стокъ-Клейполь, букингемскій приходъ ея мужа, начальство взяло на себя издержки за ея помѣщеніе. И такъ, ей оставалось теперь снискивать только пропитаніе на четыре души; да и то она рассчитывала на три, потомучто меньшого считала съ собою за одно и все еще кормила его грудью.

Она была тверда и мужественна, что высказалось вполнѣ, какъ только двухъ-недѣльная здоровая пища достаточно подкрѣпила ея тѣло. Она брала къ себѣ на день чужихъ дѣтей для присмотра за ними; дѣти приносили съ собою свою провизію, а она для нихъ ва-

(*) Фактъ, подтвержденный личнымъ моимъ наблюденіемъ, на одномъ изъ манчестерскихъ кладбищъ. Быть можетъ это и не единственный въ своемъ родѣ.

рила и пекла, не поживившись ни одною крупичей этихъ священ-
ныхъ для нея имуществъ. По вечерамъ, возвративъ дѣтей матерямъ,
она садилась шить и готовила на продажу самыя простыя вещи,
какъ-то карманы, передники, пеленки; а сама раздумывала, какъ-
бы искуснѣе обмануть фабричнаго прикащика и увѣрить его, что ея
здоровенному, высокому объѣдалъ Бену, больше тринадцати лѣтъ.
Такъ устроились мало по малу ея дѣла, когда она узнала случайно
и съ большимъ горемъ, что Вильсоновы близнецы заболѣли горяч-
кою.

Они никогда не отличались здоровьемъ и подобно многимъ дру-
гимъ близнецамъ какъ-будто одну нормальную жизнь раздѣлили по-
поламъ. Одну жизнь, одну силу, и въ настоящемъ случаѣ почти
можно сказать — одинъ разумъ: то были дѣти глупенькія, тихія,
слабыя, но тѣмъ не менѣе страстно любимыя родителями и стар-
шимъ братомъ, крѣпкимъ, дѣятельнымъ и мужественнымъ Джемсомъ.
Они поздно дѣлали зубы, поздно начинали ходить, говорить, словомъ
во всемъ запоздали, и въ тѣ лѣта, когда другія дѣти дерутся на ули-
цѣ, пропадаютъ изъ дому и нерѣдко за нѣсколько миль отъ дому бы-
ваютъ перехвачены полиціею, близнецы Вильсонъ находились еще
подъ самою непосредственною опекою: ихъ кормили съ ложечки.

Впрочемъ настоящей нужды они еще никогда не испытывали:
нѣжная любовь оберегала ихъ и обезпечивала всѣ ихъ потребности.
Даже и въ этир удныя времена, когда одинъ Джемсъ содержалъ всю
семью, да мать иногда кое-что зарабатывала поденщиною, близ-
нецы ни въ чемъ не терпѣли недостатка.

Нѣсколько дней уже они разбаливались и почти вовсе не ѣли;
когда же наконецъ, въ одинъ ненастный вечеръ, оба разомъ слегли
въ сильномъ жару и забытїи, сердца трехъ людей, наиболѣе имъ
преданныхъ, живо почувяли, что не жильцы они на свѣтѣ; но другъ
другу не сказали объ этомъ ни слова. Прошло около недѣли, пска
вѣсть о болѣзни близнецовъ достигла Бартонова двора, на которомъ
когда-то жилъ и Вильсонъ.

Алиса давно уже узнала о хвори племянниковъ и тогда-же, запер-
евъ на ключъ свой подвалъ, отправилась къ брату въ Энкотсъ; такъ
какъ она нерѣдко пропадала такимъ образомъ, и всѣ сосѣди знали,
что за нею иногда присылаютъ больные и недужные, то отсутствіе
ея и въ этотъ разъ никого не удивляло.

Маргарита встрѣтила Джемса довольно долго спустя послѣ того,
какъ заболѣли его братья, и отъ него узнала, что дѣлается у нихъ въ
Т. III. — Отд. I.

домъ. Она поздно вечеромъ зашла къ Мери и сказала ей объ этомъ. Мери слушала съ смущеннымъ сердцемъ и внутренно разсуждала, какая рѣзкая противоположность между этими горестными вѣстями и тѣми нѣжными, шутивыми рѣчами, которыхъ наслушалась она по дорогѣ домой. Она упрекнула себя за то, что такъ исключительно предается мечтамъ о своей счастливой будущности и давно уже не ходила къ мистриссъ Вильсонъ, подругѣ своей матери, ни въ воскресенье, ни въ другое свободное время. Въ одну минуту она собралась заглазить свою вину и поспѣшно попросивъ мимошедшую сосѣдку извѣстить отца о своемъ намѣреніи, скорымъ шагомъ направилась къ печальному жилищу.

Едва переводя духъ, она остановилась у двери Вильсона и, положивъ руку на замокъ, стала прислушиваться. Все было тихо. Она отворила дверь: въ старомъ висячемъ креслѣ сидѣла мистриссъ Вильсонъ, держа на рукахъ больного, умирающаго мальчика; она плакала горько, но такъ тихо и беззвучно, какъ-будто боялась потревожить звукомъ слабаго, тяжело-дышавшаго ребенка. За нею стояла Алиса: крупныя слезы ея быстро лились на мертвое тѣло другого близнеца, котораго она обмывала и одѣвала на доскѣ, положенной поперегъ дивана въ углу комнаты. Надъ живымъ еще мальчикомъ нагнулся отецъ и жаднымъ взглядомъ искалъ повода къ какойнибудь надеждѣ; но надежды не было. Мери тихо прошла къ Алисѣ.

— Бѣдный нашъ малютка! Господь рано призвалъ его, Мери.

Мери не могла выговорить ни слова. Да и что тутъ говорить? Дѣло было несравненно хуже того, что она ожидала. Наконецъ она рѣшилась шепнуть:

— Есть ли надежда сохранить хоть того?

Алиса покачала головою, взглядомъ выражая полную безнадежность. Потомъ стала подымать мертваго малютку, желая отнести его на верхъ въ обычную его постельку, въ спальню родителей. Но какъ ни пристально вглядывался отецъ въ лицо умирающаго, онъ видѣлъ и замѣчалъ все, что дѣлали съ умершимъ: тотчасъ всталъ и взявъ мертваго сына вмѣстѣ съ доскою на руки, бережно понесъ его на верхъ, какъ-будто все еще боялся разбудить его.

Оставшійся мальчикъ дышалъ все глубже, тяжелѣе и слышнѣе.

— Надо взять его отъ матери, сказала Алиса, — онъ не отойдетъ, пока она будетъ хотѣть его.

— Какъ хотѣть? спросила Мери.

— Какъ же, развѣ ты не знаешь, какъ это бываетъ? Никто не можетъ умереть на рукахъ того человѣка, который всей душой хочетъ удержать его на землѣ: душа живого не пускаетъ душу умирающаго, вотъ онъ и рвется, и мечется, а не можетъ оторваться отъ земли; надо взять его у матери, а не то ему слишкомъ трудно умирать, бѣдняжкѣ.

И Алиса безъ околѣчностей подошла къ невѣсткѣ и попросила сдать ей малютку. Но мать не выпустила его изъ рукъ, и поднявъ на Алису умоляющіе, полные слезъ глаза, увѣряла ее шопотомъ, что не «хочетъ дитяти», и желала бы ему уже успокоиться. Алиса и Мери стояли молча и глядѣли на бѣднаго мальчика, который все мучительнѣе боролся со смертью и дышалъ прерывисто, тяжело. Наконецъ мать проговорила глухимъ и разбитымъ голосомъ:

— Можетъ и въ правду лучше бы ты его взяла, Алиса; кажется я сердцемъ—то все время держу его; не могу же я разомъ отдать двухъ дѣтей... не хотѣть его всей душой!.. Ну, да что же ему мучиться изъ-за меня...

Она наклонилась и нѣжно — о! какъ страстно и нѣжно — поцѣловала сына; потомъ отдала его Алисѣ, которая приняла бережно дорогую ношу. Вскорѣ борьба кончилась и малютка спокойно испустилъ духъ.

Тогда мать громко, отчаянно зарыдала. Стоны и вопли ея разсѣлишь мужъ и сошелъ тотчасъ, пытаясь наболевшимъ сердцемъ своимъ успокоить ея страдающее сердце. Алиса опять начала оправдывать покойника, а Мери съ благоговѣннымъ отражомъ помогала ей. Потомъ отецъ и мать понесли его на верхъ и положили рядомъ съ мирно отшедшимъ братомъ.

Мери и Алиса подвинулись къ огню и долго оставались въ грустномъ безмолвіи. Алиса проговорила наконецъ:

— Плохо же встрѣтимъ мы бѣднаго о Джемса, когдаонъ воротится домой.

— А гдѣ онъ? спросила Мери.

— На заводѣ, работаетъ сверхъ-счетные часы. У нихъ тамъ большіе заказы поступили изъ чужихъ краевъ, машины дѣлають. Сама знаешь, Джему отъ работы отказаться невозможно, коть бы у него сердце разрывалось съ заботы о бѣдныхъ братишкахъ.

Опять настало молчаніе и опять Алиса прервала его первая:

— Мнѣ иногда кажется, что Господь рѣшительно не любитъ, чтобы мы загадывали впередъ. Какъ только случится мнѣ что нибудь рѣ-

шить въ будущемъ, такъ непременно Богъ пошлетъ такое, что перевернетъ всѣ мои планы; точно хочетъ сказать: оставь будущее въ рукахъ моихъ. Передъ святками я спала и думала съѣздить домой, такъ хотѣлось, такъ хотѣлось, что просто о томъ только и думала. Да вѣдь я тебѣ сказывала объ этомъ. Вотъ, къ Покрову прѣзжаетъ въ Манчестеръ одна дѣвушка съ моей родины, изъ-за Бертонна, опредѣляясь здѣсь къ мѣсту: Выбрала она воскресный день и приходитъ ко мнѣ, говорить, что одна изъ моихъ родственницъ поручила ей отыскать меня и сказать, что они очень бы были рады взять меня къ себѣ, для присмотра за дѣтми, потому что ферму они сняли большую и очень имъ много дѣла за скотомъ. Такъ я сколько зимнихъ ночей напролетъ продумала, прогадала, какъ Богъ дастъ лѣта дождемся, и распрощаюсь я съ Джоржемъ и съ невѣсткою и уѣду наконецъ домой. Не думала я тогда, какъ покараетъ меня Господь за то, что не Ему предоставила я распорядиться своей судьбою, тогда какъ Онъ, Создатель мой, сохранилъ меня живою и здоровою до сего дня. Джоржъ безъ работы, и горюетъ такъ, что изъ рукъ вонъ. Надо было то и дѣло утѣшать да уговаривать его, даже и до этого послѣдняго горя. А теперь—то ужъ Господь кажется ясно мнѣ указываетъ, гдѣ мое мѣсто; — коли Джоржъ и Джени могутъ сказать «да будетъ воля Его», то мнѣ и подавно больше сказать нечего.

Съ этими словами она стала убирать комнату, тщательно устраняя всякое напоминаніе о болѣзни; поправила огонь, приготовила котелокъ воды для чаю бѣдной невѣсткѣ, которой тихіе вопли и рыданія иногда доходили до ея слуха.

Мери во всемъ помогала Алисъ и обѣ были заняты такими дѣлами, когда дверь тихо отворилась и Джемсъ, запыленный, испачканный вечернею работою, въ грязномъ передникѣ вошелъ въ комнату. Во всякое другое время онъ очень бы сконфузился, еслибы Мери застала его въ такомъ уборѣ. Но теперь онъ едва замѣтилъ ее и прямо подойдя къ Алисъ спросилъ, каково мальчишкамъ. Въ полдень имъ было нѣсколько легче, такъ что Джемсъ во весь остальной трудовой день свой надѣялся, что они поправятся. Впродолженіе получасового отдыха, опредѣленнаго на заводѣ для вечерняго чая рабочимъ, онъ таки сбѣгалъ купить пару апельсиновъ, которые отдавали теперь его жилетные карманы.

Онъ не понялъ выразительнаго жеста тетки, ея обильныхъ слезъ, и просилъ ее поскорѣе говорить.

— Обоихъ нѣтъ! проговорила она.

— Умерли? ! —

— Да, бѣдняжки. Съ двухъ часовъ имъ стало хуже и сначала Джой скончался, спокойно и тихо какъ овечка; а тамъ Вилль, ужь потяжелѣе.

— Оба! —

— Да, голубчикъ, оба. Господь спасъ ихъ отъ какого-нибудь большаго бѣдствія; иначе Онъ взялъ бы хоть одного, а не двухъ. Это-то ужь вѣрно.

Джемсъ пошелъ къ шкапу и спокойно выложилъ изъ кармана свои апельсины. Но долго онъ стоялъ на мѣстѣ не оборачиваясь и наконецъ мощная фигура его дрогнула отъ внутренней муки. Женщины испугались, какъ всегда пугаются женщины при видѣ непреодолимой печали сильнаго мужчины, и снова расплакались вмѣстѣ съ нимъ. Сердце Мери смягчилось глядя на горе бѣднаго Джемса, она тихо подошла къ нему: онъ не оборачивался. Тогда она дотронулась до его руки и произнесла: «О, Джемсъ, ради Бога не плачьте такъ! Я не могу этого вынести...»

Джемсъ почувствовалъ странный приливъ радости къ сердцу и звалъ, какъ полно могла бы она утѣшить его. Онъ не сказалъ ни слова, боясь звукомъ или движеніемъ прервать блаженство этой минуты, когда милая рука ея однимъ прикосновеніемъ разлила томительное волненіе по его членамъ, а мелодическій голосъ шепталъ ему нѣжныя рѣчи. Да, быть можетъ это очень дурно, и онъ самъ сильно презиралъ себя зато; но не смотря на все горе, на всю печаль, которыя его окружали, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, блаженнымъ отъ протихъ увѣщаній Мери.

— Перестаньте, Джемсъ, пожалуйста перестаньте! заговорила она опять, принимая его молчаніе за новое выраженіе горести.

Онъ не удержался: крѣпкою, хотя дрожащей рукой схватилъ ее за руку и произнесъ такимъ голосомъ, отъ котораго она тотчасъ измѣнилась въ лицѣ:

— Мери, я почти ненавижу себя за то, что за всю свою прошлую жизнь не отдалъ бы этой минуты — той самой минуты, когда братья лежать на столѣ, а мать и отецъ въ такомъ отчаяннѣ... Да, Мери (она старалась отнять у него руку), да! вы знаете, отчего я такъ счастливъ!

Мери знала; это-то правда, что знала. Но когда онъ заглянулъ ей въ лицо, желая встрѣтить милый взглядъ ея, лицо это выражало не-

сомнѣнную досаду, почти негодованіе и такой испугъ, что можно бы было принять его даже за отвращеніе.

Онъ быстро выпустилъ ея руку и она отошла къ Алисъ.

— О, какъ глупо — нѣтъ, какъ низко было съ моей стороны говорить ей о любви въ такой скорбный часъ; не удивительно, что она отвернулась отъ такого себялюбиваго негодяя какъ я! подумалъ Джемсъ. И чтобы избавить ее отъ своего присутствія, отчасти и по естественному порыву участія, или даже изъ рѣшимости въ наказаніе себя раздѣлить вполнѣ печаль отца и матери и всѣ ихъ горькія ощущенія, онъ пошелъ навѣрхъ, въ комнату, гдѣ лежали покойники.

Мери машинально помогала Алисъ исполнять различныя обязанности и мелкія хозяйственныя дѣла, во всю остальную ночь; но Джемсъ не показывался. Онъ оставался на верху до тѣхъ поръ, пока тусклый разсвѣтъ началъ пробиваться въ окна и Мери безъ всякаго опасенія могла уже пуститься домой, по пустымъ и тихимъ улицамъ, чтобы немножко уснуть до рабочаго часа. Поручивъ Алисъ передать нѣсколько дружескихъ привѣтствій Джоржу и Джени Вильсонъ, она раздумывала, нужно ли сказать что-нибудь подобное на счетъ Джемса; но рѣшила, что лучше ничего такого не надо, и вышла изъ дома на ясный Божій свѣтъ, невольно сравнивая отрадное впечатлѣніе этого свѣжаго утра, съ унылымъ жилищемъ, которое только что оставила она и только что постигла смерть...

«...но для нихъ
Иная заря наступила».

Мери легла въ постель не раздѣвшись; отъ того ли, или отъ слишкомъ яркаго свѣта въ окнахъ, или же отъ чрезмернаго волненія, но она долго не могла сомкнуть глазъ. Ей все припоминались слова и взглядъ Джемса; внутреннее содержаніе ихъ давно уже было ей извѣстно, но ей досадно было, зачѣмъ онъ такъ ясно выразилъ теперь свои чувства.

— Ахъ, Боже мой! думала она. Какъ бы я желала, чтобы онъ не принималъ вещи такъ серьезно. Чуть только скажешь ему ласковое слово, у него тотчасъ глаза загорятся и лицо вспыхнетъ. Какъ тутъ быть? Отецъ старинный другъ Джоржа Вильсона, и самъ мы съ Джемсомъ съ дѣтства были товарищами. Не понимаю, что со мною дѣлается, но когда онъ грустенъ, мнѣ всегда хочется утѣшить его; вотъ и сегодня: совсѣмъ не мое дѣло было уговаривать его,

это слѣдовало сдѣлать теткѣ. И вовсе я ни въ не дорожу, а когда говорю съ нимъ, выходитъ какъ-то такъ, что голосъ мой всегда слишкомъ ласковъ. Никакъ не могу съ этимъ справиться: когда прииѣчаю за собою и остерегаюсь, то выходитъ черезъ-чуръ жестко и даже грубо; а когда говорю просто, то выходитъ слишкомъ нѣжно и мягко. А я почти что помозвлена за другого, и этотъ другой несравненно красивѣе Джемса; только лицо Джемса все-таки нравится мнѣ больше того. Что же дѣлать — такой уже вкусъ. Положимъ; но когда я буду мистриссъ Герри Карсонсъ, можетъ быть мнѣ удастся помочь Джемсу сдѣлать карьеру. Но будетъ ли онъ доволенъ этимъ? Онъ по временамъ бываетъ ужасно суровъ, это я вижу, и можетъ быть не захочетъ принять отъ меня никакой услуги, когда я буду принадлежать другому. Не хочу больше думать о немъ, да шучить себя. Рѣшительно не хочу.

Она перевернулась на другой бокъ и заснула. Во снѣ чудилось ей все то же, что такъ часто занимало ее на яву: снился ей тотъ день, когда она уѣзжаетъ изъ церкви въ своей каретѣ, свадебные колокола весело позваниваютъ; и заѣзжаетъ она за своимъ изумленнымъ отцомъ, и увозитъ его навсегда со стараго, бѣднаго двора, населеннаго поденщиками, и водворяетъ его въ великолѣпныхъ палатахъ, гдѣ у него будутъ и газеты, и памфлеты, и трубка, и вкусные обѣды каждый день — и даже цѣлый день.

Такія-то мечты занимали ее воображеніе и располагали ее къ Карсонсу, который отъ нечего дѣлать чуть не каждый день искалъ случая встрѣтить хорошенькую швею; въ первый разъ онъ ее видалъ въ какомъ-то магазинѣ, гдѣ сестры его очень долго выбирали покупки, и съ тѣхъ поръ непременно задумалъ отыскать ее и познакомиться; встрѣчая ее на улицѣ, онъ подходилъ къ ней весьма развязно, но обращался съ нею очень почтительно. Онъ былъ, или по крайней мѣрѣ воображалъ себя, безъ ума отъ маленькой швейки и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока ему удавалось ее встрѣтить. Въ послѣднее время встрѣчи эти уже вовсе не имѣли характера случайности. Особенно привлекательно въ Мери было соединеніе природнаго, практическаго и тонкаго ума, съ тѣми глупенькими, романическими понятіями, которыхъ набралась она между простодушными «дѣвицами» у миссъ Симмондсъ.

Да, Мери была очень честолюбива! Потому-то она и благоволила къ мистеру Карсонсу, что онъ джентльменъ, да еще богатый. Старая закваска, зароненная нѣкогда теткою Эсфирью, продолжала

бродить въ ея сердечкѣ и можетъ быть бродила тѣмъ сильнѣе, тѣмъ упорнѣе, чѣмъ сильнѣе выражалъ отецъ свое презрѣніе къ знати и богачамъ. Таковъ врожденный духъ противорѣчія во всѣхъ насъ, начиная съ праматери Еввы, что запрещенные плоды кажутся намъ слаще всѣхъ остальныхъ. И такъ, Мери жила и наслаждалась мечтою о томъ, какъ она въ одинъ прекрасный день сдѣлается леди и вступитъ въ сферу того изящнаго бездѣлья, которое прилично леди. Каждый разъ, какъ миссъ Симондсъ дѣлала ей выговоры и бранилась, она вполне утѣшалась мыслью, что придетъ же такой день, когда она подкатитъ въ каретѣ къ швейному магазину и закажетъ для себя платья своей вспылчивой, но въ сущности предоброй хозяйкѣ. Она съ удовольствіемъ слушала похвалы, расточаемыя двумъ старшимъ миссъ Карсонсъ, которыхъ единогласно признавали въ городѣ царицами баловъ, всевозможныхъ сборищъ и кавалькадъ; и думала Мери, что и ей суждено красоваться съ ними рядомъ, ѣздить и танцовать вмѣстѣ, въ качествѣ сестры. Но лучшія мечты ея, дѣйствительно трогательныя и законныя мечты, относились къ отцу; до нѣкоторой степени онѣ могли бы даже выкупить остальные тщеславныя грезы ея; она думала, какъ этого милаго, дорогого отца, удрученнаго заботами и печалями, суроваго и нелюдима, окружить она всѣми удобствами жизни; ей и въ голову не приходило, чтобы онъ жилъ отъ нея отдѣльно, и мечтала она, какъ доставить ему всевозможный комфортъ, и такъ пріучить къ нему, что онъ признаетъ наконецъ прелесть богатства, примирится съ роскошью и станетъ благословлять свою знатную дочку. Всѣхъ, всѣхъ, кто хоть сколько нибудь оказалъ ей участія и ласки въ теперешнемъ ея состояніи, намѣревалась она со временемъ вознаградить сторицею.

Таковы были воздушные замки, занимавшіе головку Мери, таковы были сладкія грезы, которыя суждено ей было впоследствии искупить столькими слезами.

А между тѣмъ слова ея, или лучше сказать выраженіе голоса, при произнесеніи словъ, запали въ душу Джемса Вильсона. Каждый разъ, какъ онъ вспоминалъ о нихъ и о томъ, какъ ея рука привѣтно покоилась на его рукѣ, сердце его начинало бить тревогу и все существо наполнялось сладкимъ томленіемъ. Мысль о ней постоянно привѣшивалась ко всѣмъ его мыслямъ, хотя глубоко и много горевалъ онъ о потерѣ братьевъ.

ГЛАВА VIII

- Не разрушай жестокою рукой
 Ихъ сладкихъ грезъ, горячихъ ихъ порывовъ :
 Хотябъ мечты восторженныхъ сердець
 Тебѣ могли безумными казаться,
 Не трогай ихъ, легкій и береги :
 Они такъ много, долго пострадали !
 А опытъ трудно-прожитыхъ годовъ
 Быть можетъ замыселъ внушилъ имъ столь великій,
 Что онъ теоріямъ холоднымъ недосгупень-.

Недѣли три спустя, въ одинъ воскресный день, Джемсъ Вильсонъ отправился изъ дому съ рѣшительнымъ намѣреніемъ посѣтить Джона Бартона. Онъ былъ одѣтъ въ свое лучшее платье—разумѣется воскресное, и лицо его лоснилось отъ усиленнаго умыванія. Черные волосы десять разъ причесаны и перечесаны передъ домашнимъ зеркальцемъ, а въ петлицѣ сюртука красуется бѣлый нарциссъ, которому въ Ланкаширѣ даютъ граціозное названіе « милой Ненси ». Онъ надѣялся, что цвѣтокъ привлечетъ вниманіе Мери, и заранѣе думалъ, съ какимъ наслажденіемъ приподнесетъ его ей.

Визитъ начался неудачно, потомучто Мери его увидѣла гораздо прежде, чѣмъ онъ вошелъ въ домъ. Она сидѣла у коммоды, слегка пріютворивъ оконный ставень и украдкой поглядывая на прохожихъ ; а между тѣмъ передъ нею лежала открытая библія. Такимъ образомъ она высмотрѣла Джемса на улицѣ, видѣла, какъ встрѣтившійся ему пріятель съ чувствомъ пожалъ его руку и выразилъ на лицѣ сожалѣніе, и сама тотчасъ занялась приведеніемъ въ порядокъ своей фізіономіи. Джемсъ вошелъ и какъ-будто не примѣтивъ ея, прямо подошелъ къ отцу, который курилъ трубку у камина и читалъ старый номеръ « Сѣверной Звѣзды », доставшійся ему изъ соседняго трактира.

Потомъ, какъ бы инстинктомъ чувствуя ея присутствіе, Джемсъ обернулся къ Мери. Она съ преувеличенною аккуратностью поправляла свой туалетъ и Джемсъ тотчасъ подумалъ, что это вовсе лишнее движеніе и ненужная аккуратность. Пріѣтствіе ея было серьезно, но спокойно и дружелюбно ; она покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ и очень досадовала на это, а Джемсъ старался догадаться, отчего она краснѣетъ : отъ страха, гнѣва или любви ?

Мнѣ кажется, что Мери сильно хитрила. Иначе зачѣмъ было бы ей притворяться, что она такъ усердно читаетъ библію и не слышитъ разговора, тогда какъ она прислушивалась къ каждому звуку, не исключая и глубокихъ вздоховъ, вырывавшихся изъ груди Джемса и производившихъ не малое смятеніе въ ея собственной груди. Наконецъ она взяла библію съ коммоды и пошла съ нею на верхъ, какъ будто тутъ ей мѣшаютъ читать. Джемсу она едва сказала нѣсколько словъ, едва взглянула на него и вовсе не замѣтила его «милый Ненси», которая только и ждала малѣйшаго одобренія съ ея стороны, чтобы превратиться въ ея собственность! Онъ не зналъ — и хорошо еще, что не зналъ — что въ ея крошечной спальнѣ стояла бѣлая кружка съ букетомъ великолѣпныхъ весеннихъ розъ, наполнявшихъ всю комнатку своимъ превосходнымъ ароматомъ и алымъ оттѣнкомъ. То былъ подарокъ ея богатаго обожателя. А Джемсъ очутился глазъ на глазъ съ Джономъ Бартономъ и принужденъ былъ бесѣдовать съ нимъ, выслушивать его рѣчи и отвѣчать какъ можно болѣе въ по-падъ.

— Вотъ это дѣльная статейка въ «Звѣздѣ», такъ ужъ дѣльная. Подлинно постояла за сокращеніе рабочихъ часовъ.

— Все насчетъ заработной платы? замѣтилъ Джемсъ.

— Ну да, на счетъ чего же еще? Дѣло въ томъ, что хозяйскимъ карманамъ отъ этого хуже не будетъ; говорилъ я тебя когда нибудь, что довелось мнѣ узнать отъ больничнаго лекаря, давно уже, много лѣтъ назадъ?

— Нѣтъ, сказалъ Джемсъ безучастно.

— Вотъ видишь ли, я былъ въ горячкѣ и лежалъ въ больницѣ; времена были плохія и тяжелыя, а въ больницѣ много было добрыхъ людей и съ нами обращались очень хорошо, пока мы были живы, — вотъ если кто умретъ — другое дѣло: тогда разрѣжутъ на кусочки и косточки на мѣстѣ не оставятъ. Ну, такъ я началъ поправляться, но медленно и трудно, такъ что силы во мнѣ никакой не было. Одинъ и говоритъ мнѣ: «если вы умѣете писать, то можете оставаться у насъ еще недѣлю; лекарю нуженъ писарь: коли поможете ему справиться съ бумагами, такъ мы вамъ будемъ доставлять вдоволь всякой ѣды и питья и черезъ недѣлю вы вовсе окрѣпнете». Такъ мы и порѣшили дѣло. Принялся я за работу, сталъ писать да переписывать. Мнѣ письмо—то было не въ диковинку, но только у нихъ слова все такія странныя, вовсе не по нашему, такъ что мнѣ приходилось присматриваться къ каждой буквѣ, которая послѣ кото-

рой стоит и потомъ уже ставить въ строку — точь въ точь какъ пѣтухъ, что клюетъ по одному зернышку. Одно только меня тогда сильно поразило, и я тотчасъ рѣшился доложить объ этомъ лекарю. Чисель не помню — на числа у меня память всегда была слабая — а знаю одно, что въ большей части случаевъ, по спискамъ оказывалось, что болѣзни начинаются въ послѣдніе два рабочихъ часа, именно когда народъ устаетъ и не радѣетъ. Лекарь сказалъ мнѣ, что это замѣчаніе совершенно справедливое и тогда же обѣщавъ употребить его въ дѣло и обнародовать.

Джемсъ обдумывалъ поведеніе Мери; но такъ какъ Джонъ пересталъ говорить, и слѣдовательно требовался какой-нибудь отвѣтъ, то Джемсъ на всякій случай произнесъ:

— Совершенно справедливо.

— Разумѣется справедливо, любезный другъ, кто же не скажетъ, что мы изъ силъ выбиваемся! Да еще посмотри, что будетъ. Вотъ теперь начали въ книгахъ печатать, да клубы собирать. А скоро можетъ быть выйдетъ такая штука, какой рѣшительно никто не ожидаетъ. Въ этомъ будь благонадеженъ, Джемсъ.

Джемсъ и радъ бы быть благонадежнымъ, но положительно не ощущалъ ни малѣйшаго любопытства, по поводу обѣщанной штуки. Джонъ Бартонъ рѣшился пояснить свои замысловатые намеки.

— Не должно ужъ имъ притѣснять рабочій народъ, да гнуть его въ землѣ. Мы вѣдь тоже люди, довольно терпѣть и молчать, больше не выдержишь. Если и въправду хозяева не въ состояніи помочь вамъ, какъ увѣряютъ, то нечего дѣлать, обратимся по выше, тамъ пондемъ суда и расправы.

Джемсъ все еще не любопытствовалъ. Онъ потерялъ всякую надежду увидѣть Мери — очевидно она не желала этого; слѣдовательно ничего лучше не оставалось, какъ удалиться, чтобы на свободѣ о ней думать. Вслѣдствіе такого рѣшенія, Джемсъ пробормоталъ что-то такое, что по его мнѣнію должно было объяснить внезапное его исчезновеніе, и поспѣшно пожелавъ Бартону добраго вечера, оставилъ его курить или разсуждать о политикѣ по своему усмотрѣнію.

Уже три года бранду торговля шла очень плохо, задѣльная плата уменьшалась, а цѣны на съѣстные припасы росли немовѣрно. Такая несобразнѣность заработковъ рабочаго класса съ цѣнностью произвела во многихъ мѣстахъ неисчислимыхъ бѣдствія и довела многихъ до голодной смерти. Цѣлыя семейства положительно

вымирали отъ голода. Не доставало только Данта для поэтического воспроизведенія ихъ страданій. Но едва ли и Дантова пера достало бы на изображеніе всѣхъ ужасныхъ мукъ, въ очію совершавшихся между бѣдными рабочими въ теченіе памятныхъ годовъ 1839, 1840 и 1841. Самые записные филантропы, изучавшіе терпѣливо всѣ обстоятельства этой нищеты, признавались въ невозможности добиться до настоящихъ ея источниковъ и объяснить ее удовлетворительно. Причины были до того сложны и запутаны, что разобрать начала не было никакихъ средствъ. Не удивительно, что при такомъ положеніи дѣлъ, между рабочими классами и высшими сословіями возникла сильная вражда въ это тяжкое время. Полнѣйшая, безвыходная нищета нѣкоторыхъ бѣдняковъ заставила ихъ думать, что всѣ ихъ соотечественники, какъ то: законодатели, чиновники, хозяева, фабриканты и даже духовенство, питаютъ къ нимъ личную вражду и сговорились между собою, чтобы довести ихъ до послѣдней степени униженія, зависимости и бѣдности. Это явленіе едва ли не самое печальное и не самое зловредное изъ всѣхъ, ознаменовавшихъ тяжелыя годы того бѣдственнаго времени. Не берусь описывать, до чего простиралась иногда эта нищета и эта ненависть въ стѣнахъ Манчестера: довольно сказать, что не смотря на всѣ ужасы, происходившіе тогда въ жилищахъ несчастныхъ, повидимому не нашлось человѣка, который бы провозгласилъ о нихъ обществу, потому что еслибы въ какомъ бы то ни было христіанскомъ городѣ извѣстны были такіе факты, не можетъ быть, чтобы люди зажиточные и счастливо-обставленные въ жизни не поспѣшили на помощь страдалцамъ.

Во многихъ случаяхъ несчастные сначала плакали, а потомъ проклинали. Мстительныя чувства ихъ выражались въ политическихъ сходкахъ самаго неумѣреннаго, самаго яростнаго свойства. Но если вспомнимъ, что они вытерпѣли, какъ страдали, насъ не могутъ ни поразить, ни возмутить буйныя ихъ рѣчи, жажда кровавой мести и жгучая ненависть. Вспомнимъ, что нѣкоторые родители по цѣлымъ недѣлямъ не раздвѣаясь просиживали ночи у камина, затѣмъ чтобы предоставить единственную свою постель и одѣяло кучѣ дѣтей, что другіе также по цѣлымъ недѣлямъ спали на голыхъ кирпичкахъ своего холоднаго очага, не имѣя ни малѣйшаго средства добыть себѣ пицци или топлива — и это среди жестокой, морозной зимы, что иные голодали по нѣскольку дней сряду, безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи и притомъ жили — или вѣрнѣе

умирали — на тѣсныхъ чердакахъ или въ сырыхъ подвалахъ, постепенно впадая въ различныя болѣзни, и наконецъ издыхали отъ нищеты и отчаянія. Вспомните все это, вспомните испытія, изнеможенные фигуры и лица тѣхъ, которые успѣли остаться въ живыхъ, ихъ ужасную обстановку и накопившееся въ сердцахъ негодованіе, и тогда посудите, можно ли поставить имъ въ вину самыя отчаянныя покушенія?

Мысль, возникшая первоначально между чартистами, мало по малу проникла во все классы работниковъ и наконецъ сдѣлалась любимой ихъ мечтой. Они не могли повѣрить, что правительство знало ихъ положеніе; они охотнѣе допускали предположеніе, что законодательное собраніе взялось судить и рѣдить о нуждахъ народа, не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія, все равно какъ бы оно бралось за составленіе законовъ благоприличія для дѣтей, не спросивъ напередъ, сыты ли эти дѣти, и каждый ли день они ѣдятъ?

Къ тому же голодный народъ прослышалъ, что парламентъ положительно отвергаетъ его голодность; и какъ ни странно имъ казалось такое рѣшительное мнѣніе парламента, бѣдняки разсудили, что надо же когда-нибудь просвѣтить правительство на этотъ счетъ, выказать истину въ ея настоящемъ свѣтѣ, и тогда быть можетъ участь ихъ облегчится, положеніе улучшится. Такія надежды на время утѣшили ихъ, усмирили накидѣвшія страсти и подавили взрывъ.

Весною 1839 года составлено было прошеніе на имя парламента, въ которомъ тысячи подписавшихся работниковъ просили выслушать ихъ депутатовъ, свидѣтелей и участниковъ горькой ихъ судьбины. Ноттингемъ, Шеффилдъ, Глазго, Манчестеръ и многіе другіе фабричныя города занялись избраніемъ депутатовъ для представленія этой просьбы, руководствуясь при этомъ избираніемъ тою мыслью, что повѣренные ихъ тѣмъ лучше выразятъ нужды и желанія рабочаго класса, чѣмъ больше на долю каждаго изъ нихъ выпало личныхъ бѣдствій, нищеты и лишеній всякаго рода. Депутатами выбраны были люди изнеможенные, исхудалые, всеми силами преданные своему назначенію, люди рѣшительные, сами перенѣвшіеся и голода и холода.

Въ числѣ ихъ былъ Джонъ Бартонъ. Онъ пришолъ въ такое волненіе по случаю этого избранія, что самъ постыдился бы признаться въ этомъ. Къ ребяческой, пустой радости побывать въ Лондонѣ прижививалось у него тщеславное наслажденіе высказать

свои мысли при множествѣ знатныхъ особъ; — но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ онъ и святую, чистую радость при мысли, что будетъ однимъ изъ орудій спасенія своихъ собратій, что ему суждено довести ихъ бѣдствія до свѣденія правительства и тѣмъ самымъ добиться существеннаго вознагражденія ихъ за страданія, добиться такого узаконенія, вслѣдствіе котораго на будущія времена устранится возможность подобнаго положенія. Словомъ — надежды его были свѣтлы блистательны, хотя сбивчивы и неясны. Вообще бѣдняки смотрѣли на свое прошеніе съ глубокой вѣрою въ его силу и съ полною готовностью отстаивать его до конца.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отправленія депутатовъ въ Лондонъ, у Джона Бартона собралось вечеромъ такое множество народу, что можно было принять это сборище за раутъ. Еще засвѣтло пришолъ Джебъ Легъ и уютно помѣстился у камина вмѣстѣ съ своею трубкою; онъ немного говорилъ, но зато курилъ исправно и переважно занимался перестановкою утюговъ, которые Мери приготовила для своего глаженья. Сама же Мери была въ задней кладовой, гдѣ усердно стирала двѣ рубашки своего отца, желая отпустить его въ Лондонъ въ самомъ приличномъ видѣ. Не мѣшаетъ замѣтить, что сюртукъ выкупили у ростовщика, но фуляровый платокъ — увы! погибъ невозвратно. Дверь изъ кухни въ кладовую была по обыкновенію отворена, такъ что Мери очень удобно задоровалась и перекликалась со входившими сосѣдями, не покидая своего корыта.

— И такъ, Джонъ, ты-таки отправляешься въ Лондонъ? сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да, видно придется побывать, отвѣчалъ Джонъ, какъ-будто покорялся необходимости.

— Ладно. Желалъ бы я, чтобы ты высказалъ этимъ парламентскимъ господамъ кой-какія вещи. Ужь ты, Джонъ, пожалуйста ихъ не щади; скажи имъ прямо, какого мы о нихъ мнѣнія; скажи, что намъ кажется довольно уже голодать, что мы не можемъ понять, что они дѣлаютъ и на что годятся, коли до сихъ поръ не умѣютъ давать намъ того, о чемъ всякій человѣкъ кричитъ и плачетъ съ перваго дня своего рожденія.

— Еще бы! конечно скажу имъ все это, да и отъ себя представлю что-нибудь, когда придетъ мой чередъ держать рѣчь. Но ты знаешь, что немало народу захотятъ говорить прежде меня.

— Хорошо, ты говори хоть на послѣдяхъ, да только сдѣлай дружбу, братъ, попроси ихъ велѣть хозяевамъ уничтожить всѣ машины. Съ тѣхъ самыхъ поръ и пошли всѣ наши бѣды, какъ выдумали эти самопрядильные станки!

— Известно, машины-то и разоряютъ бѣдный народъ! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А по мнѣ, сказалъ дрожащій, исхудалый человекъ, едва прикрытый ветхимъ рубищемъ и все жаящійся къ огню, будто въ пароксизмѣ лихорадки: — по мнѣ всего больше надо просить, чтобы сократили рабочіе часы. Всѣ мы люди смертные, не богатыри какіе-нибудь: гдѣ же взять силъ на такую тяжкую работу. И отчего это на фабричную работу положено больше часовъ, чѣмъ на всякую другую? Спроси-ка ихъ, Бартонъ, а, дружнице?

Бартонъ не успѣлъ отвѣтить, потомучто въ комнату вошла мистриссъ Девенпортъ, бѣдная вдова, которой онъ сдѣлалъ столько добра; замѣтно было, что она все еще ѣсть недосыта и довольно изнурена, но одѣта была очень прилично и чисто. Она принесла маленькій свертокъ въ газетной бумагѣ и подала его Мери, которая развернула его и держа мыльными пальчиками полотняный мужской воротничокъ, закричала изъ кладовой:

— Поэмотрите-ка, папа, какимъ вы щеголемъ будете въ Лондонѣ! Это мистриссъ Девенпортъ принесла вамъ. Только что сшить и выкроить по послѣднему фасону — прелесть! Вотъ спасибо вамъ, что подумали о немъ.

— Э, Мери! сказала мистриссъ Девенпортъ своимъ тихимъ голосомъ, — что значатъ всѣ мои услуги въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для меня и для всѣхъ насъ? Вотъ что, Мери: не могу ли я вамъ помочь въ чемънибудь? Я думаю, у васъ немало хлопотъ съ этимъ путешествіемъ.

— Помогите мнѣ выжать вотъ это бѣлье, а тамъ ужъ я снесу его на катокъ.

Мистриссъ Девенпортъ слышала разговоръ на кухнѣ и вскорѣ сама присоединилась къ нему.

— Коли такъ, Джонъ Бартонъ, коли ужъ вы беретесь передавать порученія парламентскимъ господамъ, не побрезгайте и моимъ дѣльцемъ. Скажите вы имъ, что совсѣмъ не хорошій законъ устранять малолѣтнихъ отъ фабричной работы, будь они слабенькіе или крѣпкіе. Вотъ хоть бы мой Бенъ: сколько хочешь подавай ему похлебки, все съѣсть — и горя мало, хоть опять давай. Въ школу

хотѣла я его посылать, да денегъ нѣтъ. Такъ и повѣсничаетъ теперь по улицамъ, цѣлые дни шатается тамъ, а домой приходитъ голодный какъ волкъ; прости Господи; только и дѣлаетъ, что набирается всякихъ штукъ да дурныхъ манеръ. А смотритель не принимаетъ его на фабрику, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему еще года не вышли; да вѣдь онъ вдвое сильнѣе и крупнѣе того тщедушнаго мальчишки, Сенки, даромъ что тотъ гораздо старше его; а позволяютъ же Сенки работать до тѣхъ поръ, что и ноги у него разболтаются, и реветъ онъ отъ усталости.

— Я съ своей стороны составилъ мнѣніе, которое желалъ бы передать Джону Бартону, началъ одинъ замысловатый ремесленникъ, всего болѣе старавшійся о красотѣ слога: — съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ повергъ его на разсмотрѣніе достопочтеннаго законодательнаго собранія. Мать моя родомъ изъ Оксфордшира и состояла прачкою въ домъ сэръ Френсиса Дашвуда. Въ дѣтствѣ я слыхалъ отъ нея рассказы о ихъ великолѣпнн и роскоши, и какъ теперь помню, она говорила мнѣ, что сэръ Френсисъ мѣняетъ бѣлье по два раза въ день. Такъ если взять въ расчетъ, что сэръ Френсисъ былъ изъ парламентскихъ, легко можетъ статься, что и многіе другіе также расточительны. По этому вы изясните имъ, Джонъ, что ланкаширскіе ткачи были бы имъ очень благодарны, если бы они примѣрно шили себѣ рубашки изъ миткаля. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда торговля-то пошла бы поживѣе, коли они такіе мастера изнашивать свое бѣлье!

Тутъ повелъ рѣчь Джобъ Легъ. Онъ медленно вынулъ изо рта трубку и, обращаясь къ говоруну, началъ такъ:

— А я тебѣ скажу иное, Билль, не въ обиду тебѣ будь сказано: парламентскихъ-то господъ всего навсего нѣсколько сотенъ, сколько бы у нихъ тамъ ни было бѣлья; а бѣдныхъ ткачей многія тысячи на свѣтѣ и у каждаго на спинѣ ровно по одной рубашкѣ, такъ что и перемѣниться нечѣмъ и подчасъ не знаетъ онъ, чѣмъ прикрыться, когда эти лохмотки спадутъ съ плечъ. А въ складочныхъ магазинахъ лежатъ себѣ громаднѣйшіе тюки миткаля, да и сами мы каждый день выпускаемъ плотныхъ бумажныхъ тканей на цѣлыя версты, а торговля все стоитъ, оттого, что-де потребителей нѣтъ. Такъ не лучше ли, Джонъ Бартонъ, попросить, чтобы парламентъ дозволилъ свободу торговли; тогда бы рабочіе и жалованье получали настоящее, да и завели бы себѣ въ годъ по двѣ или по три рубашонки. Вотъ тогда пошла бы торговля въ ходъ!

Онъ снова взялся за трубку и съ удвоеннымъ рвеніемъ сталъ потягивать изъ чубука, чтобы наверстать потерянное время.

— Боюсь я, сосѣдушки, заговорилъ Джонъ Бартонъ, что все не придется мнѣ передать парламенту то, что вы мнѣ поручаете сказать. Я намѣренъ главное разказать имъ о нашей нищетѣ и бѣдности, которой они тамъ не вѣрятъ. Коли узнаютъ они, какъ у насъ дѣти родятся на мокрыхъ лохмотьяхъ вмѣсто постелей и не бываетъ потомъ ни тряпки, чтобы прикрыть ихъ, а родильницу нечѣмъ и накормить; какъ услышатъ, что народъ мретъ въ ловалку на улицахъ, либо прячется со своей нуждой по темнымъ подваламъ и тамъ ждетъ смерти; да какъ поразкажу я имъ о нашихъ болѣзняхъ, о заразахъ и о голодѣ, вѣрно ужъ выдумаютъ они что-нибудь такое для нашего облегченія, чего намъ самимъ не выдумать. А я конечно не прочь передать и всѣ ваши мнѣнія, если представится удобный случай. Что бы ни было, а ужъ я постараюсь всѣми силами, и посмотрите что выйдетъ, когда парламентъ узнаетъ все обстоятельно.

При этихъ словахъ иные покачали головами, другіе повесѣли; потомъ мало-по-малу всѣ разошлись, оставивъ Джона наединѣ съ дочерью.

— Примѣтила ты, какъ плоха нынче стала Джени Вильсонъ? спросилъ онъ, когда оба они отдыхали отъ дневныхъ трудовъ, сидя у камина и дождавъ скромный ужинъ, при свѣтѣ тлѣющихъ угольевъ.

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобы замѣтила что-нибудь особенное. Вѣдь она уже съ тѣхъ поръ скрипитъ, какъ померли близнецы, да и прежде никогда не отличалась здоровьемъ.

— Да, все хвораеть, съ самого того случая. А прежде-то я помню, какая она была свѣженькая, да румяная! Не хуже никого въ Манчестеръ.

— Съ какого это случая? спросила Мери.

— Она ушиблась бокомъ объ колесо. Это было еще тогда, когда на колеса гаякъ не надѣвали. Она тогда именно была невѣстою и многіе думали, что Джоржъ откажется отъ нея послѣ ея ушиба; но я зналъ, что онъ нетаковскій. И точно, какъ только она встала съ постели и могла ходить, онъ повелъ ее въ старый соборъ. Какъ теперь смотрю, какъ Джоржъ ввелъ ее, бѣдняжку, блѣдную и слабенькую, въ боковой придѣлъ и шолъ такъ тихо, такъ осторожно, чтобы не утомить ее; а кругомъ довольно таки было народу, и иные надъ ними подсмѣивались. Какъ вошла она въ церковь, — была

блѣдная, что твой холостъ, а не успѣла еще дойти до алтаря, какъ уже вся вспыхнула. Все-таки бракъ былъ пресчастливый; и Джорджъ мнѣ до всю жизнь былъ дорогъ, какъ братъ родной. Не одобровать ему, если онъ потеритъ Джени, а она сегодня куда какъ была цюха.

Джонъ пошелъ свать съ смѣшаннымъ чувствомъ опасенія за добраго товарища, ожиданія завтрашнихъ сборовъ и надеждъ на будущее.

На другое утро Мери проводила его изъ дому и долго стояла на дорогѣ, загоразивая рукою глаза отъ яркаго солнца. Потомъ она медленно вошла въ домъ и занялась уборкою, передъ отправленіемъ въ шведскій магазинъ. Она думала о томъ, каково-то покажется ей одинокое житіе и долгіе, уединенные вечера; по мѣрѣ того какъ проходили и били часы, она мысленно слѣдила за отцомъ и старалась угадать, гдѣ онъ теперь? Составляла разные планы и собиралась жить какъ можно, благоразумнѣе, по своимъ понятіямъ. Потомъ мало-по-малу наступили обычные заботы и занятія долгаго, трудового дня и предстоящая дѣятельность поглотила все думы объ отсутствующемъ.

Между прочимъ Мери твердо рѣшилась во все время отцовскаго отсутствія не соглашаться ни на какія свиданія съ Герри Карсонсомъ. Такъ или нѣтъ, а совѣсть у неѣ не совѣтъ была чиста и втайнѣ она сознавала же, что такія встрѣчи и свиданія — далеко нецюхвальныя дѣла. А между тѣмъ она уже давно убѣдила себя въ совершенной невинности и приличности своего поведенія, потому что, думала она, хотя отецъ и не знаетъ ничего объ этихъ свиданіяхъ, но конечная цѣль ихъ должна же рано или поздно упрочить его благосостояніе и сдѣлать его счастливымъ. Но теперь, когда отца нѣтъ въ городѣ, ей не хотѣлось сдѣлать ничего такого, чтобы могло заслужить его неодобреніе; да, рѣшительно ничего такого, хотя бы оно послужило къ собственному его благополучію.

Между «дѣвицами» въ заведеніи миссъ Симмондсъ была одна дѣвушка, съ самаго начала этой интриги посвященная въ ея тайны, самимъ мистеромъ Карсонсомъ. Онъ понялъ необходимость третьяго лица, посредника для передачи писемъ и посылокъ, и вѣрнаго за него, заступника въ случаѣ временныхъ его отлучекъ. Онъ вскорѣ нашолъ самую усердную помощницу такого рода въ лицѣ Салли Ледбиттеръ. Она бы непрочъ затѣять любовную интрижку и на свой собственный счетъ, лишь бы интрижка была незаконная, таин-

отменная и способная пріятно потрясать ея нервы; но въ настоящемъ случаѣ усердіе ея подкрѣплялось красивенькими червонцами, которыми отъ времени до времени награждалъ ее щедрый мистръ Каршоушъ.

Салли Ледбиттеръ принадлежала къ числу самыхъ пошлыхъ, легкихъ натуръ; у ней только и разговоровъ было что о любви, да о любовныякахъ. Но ея живію длинный списокъ обожателей могъ служить самымъ почетнымъ дипломомъ для женщины. На ея несчастіе или ечаствіе, сама она была такъ некрасива, имѣла такую невзрачную фигуру и такіе рыжіе волосы, что не было для нея почти никакой надежды сдѣлаться героинею романа. За недостаткомъ красоты, она старалась приобрести по крайней мѣрѣ достаточный запасъ остроумія и смѣлости, или что называется питантности. Условія приличія и скромности никогда не стѣсняли ея рѣчистаго языка; она имѣла даръ даже и другихъ подбивать на всякую шалость. Самое добродушіе ея имѣло свою вредную сторону. Никто не могъ противиться ея незлобивой веселости; нельзя было даже избѣгать сношеній съ нею, потомучто она всегда готова была за всякаго заступиться и помогала всѣмъ выпутываться изъ бѣдъ. Кто, какъ не Салли, во всякое время собственными досужими руками исправлять ихъ погрѣшности и еще болѣе досужимъ языкомъ выдумывалъ имъ всякія оправданія. Евреи или магомедане, не помню которые, вѣрують, что въ каждомъ человѣкѣ есть одна маленькая косточка, одинъ изъ позвонковъ, который никогда не гниетъ и не превращается въ прахъ, а безмятежно покоится въ землѣ, ожидая послѣдняго суда; это, по ихъ повѣрью, сѣмя жизни. Въ каждомъ изъ насъ есть такое духовное сѣмя, зародышъ чего либо добраго, что въ послѣдній день отзовется и искупить грѣхи наши; это сѣмя лежитъ глубоко запрятанное, но неразрушимое и вѣчное, между всѣми гниющими останками.

Въ душѣ Салли сѣмя это осуществлялось любовью ея къ матери, дряхлой и больной старухѣ. Для матери она способна была на самоотверженіе, для нея обычное добродушіе Салли доходило до дѣйствительной нѣжности; чтобы развеселить хворую старуху, одиноко провалявшуюся цѣлый день на постелѣ, Салли, возвращаясь вечеромъ домой, часто изнемогая отъ усталости и работы, никогда не падала духомъ и съ неистощимомъ веселостью передавала матери всѣ событія протекшаго дня, осмѣивая многое и уморительно переразвивая всякаго, кто показался ей смѣшонъ или неловокъ. Мать

придерживалась не болѣе строгихъ правилъ нежели дочь, и потому не было никакой надобности скрывать отъ нея причины щедротъ мистера Карсонса. Старуха только прищолкивала языкомъ отъ удовольствія и желала, чтобы ухаживанье длилось какъ можно дольше.

Но ни ей, ни дочери ея, ни Гарри Карсонсу, конечно не нравилось намѣреніе Мери не видаться съ нимъ въ отсутствіе отца.

Однажды вечеромъ (лѣтніе вечера были теперь очень длинны и свѣтлы) Салли по условію вышла навстрѣчу мистеру Карсонсу, чтобы взять отъ него письмо, полное слезныхъ моленій о свиданіи; она обязалась съ своей стороны употребить все свое краснорѣчіе, чтобы склонить Мери на согласіе и, разставшись съ мистеромъ Карсонсомъ, рѣшилась тотчасъ же идти къ Мери и пустить въ ходъ какъ письмо, такъ и личные свои доводы.

Она застала Мери въ великомъ горѣ: Мери только что получила извѣстіе о скоропостижной смерти Джоржа Вильсона, ея стараго, почтеннаго друга, друга ея отца, наконецъ отца Джемса; всѣ эти соображенія разомъ на нее обрушились и тяготили ея сердце. Хотя Мери далеко не выросла въ такомъ невѣденіи и спокойствіи, чтобы не встрѣчаться со смертью лицомъ къ лицу, но въ послѣднее время слишкомъ уже часто становилась на ея пути эта ужасная гостья, слишкомъ быстро стали исчезать съ лица земли близкіе люди, друзья ея. А отецъ еще наканунѣ ухода въ Лондонъ выражалъ опасенія на счетъ непрочности Джени Вильсонъ! И вотъ она, слабая и хилая осталась, тогда какъ его, крѣпкаго и мужественнаго, уже нѣтъ. Во всякомъ случаѣ хорошо хоть то, что ему больше не предстоитъ перенести того горя, котораго боялся для него отецъ. Такъ думала и передумывала Мери.

Она не могла идти утѣшать вдову, хотя бы даже и думала, что можетъ доставить ей утѣшеніе, потомучто рѣшилась избѣгать Джемса; а въ настоящемъ случаѣ она чувствовала, что ни зачто не уберется и не сумѣетъ держать себя съ приличною холодностью къ нему.

Въ такую минуту конечно никого на свѣтѣ она не желала встрѣтить менѣе Салли Ледбиттеръ. Тѣмъ не менѣе она встала ей навстрѣчу и обратила къ ней свое заплаканное лицо.

— Вотъ я завтра скажу мистеру Карсонсу, какъ ты по немъ тоскуешь! Впрочемъ ни больше, ни меньше чѣмъ онъ по тебѣ.

— Вотъ ужъ не по немъ-то! сказала Мери, небрежно качнувъ своею хорошенькою головкой.

— Еще бы не по немъ! Всѣ эти дни, миссъ, вы изволили такъ вздыхать за своею работою, что я думала у васъ сердце надорвется. И не дурочка ли ты послѣ этого, что нейдешь повидаться съ человекомъ, который тебя любить безъ ума и котораго ты сама любишь — ну, сколько ты его любишь? вотъ столько, какъ говорятъ дѣти. — И Салли широко разставила руки.

— Какой вздоръ, сказала Мери надувъ губки; — мнѣ иногда кажется, что я даже вовсе не люблю его.

— Такъ и сказать ему, въ первый разъ какъ я его увижу? — спросила Салли.

— Скажи, если хочешь, возразила Мери. Мнѣ теперь до всего этого рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, мнѣ все равно. — И она снова заплакала.

Но Салли вовсе не намѣрена была передавать такія вѣсти. Она увидѣла, что зашла не съ той стороны и что Мери чѣмъ-то слишкомъ озабочена, чтобы по достоинству оцѣнить ея краснорѣчіе и даже нѣжную записочку. По этому она примолкла и потомъ уже спросила, несравненно серьезнѣе и мягче.

— Скажи же, Мери, о чемъ ты такъ горюешь? Ты знаешь, я не могу равнодушно видѣть твоихъ слезъ.

— Джорджъ Вильсонъ сегодня послѣ полудня скончался, отвѣчала Мери, пристально посмотрѣвъ на Салли, и вслѣдъ затѣмъ закрыла лицо передникомъ, громко рыдая.

— Скажите пожалуйста! Да, да; всѣ мы смертные; человекъ что трава, сегодня здѣсь, а завтра и нѣтъ его, какъ говоритъ писаніе. Да вѣдь онъ уже былъ старъ и кажется ни на что не годился. Есть на свѣтѣ хорошіе люди и безъ него. А что эта старая причитальщица, сестра-то его, жива еще?

— Я не знаю; о комъ ты говоришь, отвѣчала Мери сердито; она конечно знала, но не хотѣла, чтобы такъ называли ея милую, добрую Алису.

— Полно, Мери, перестань ребячиться. Жива ли миссъ Алиса Вильсонъ, такъ что ли слѣдовало ее чествовать? Я ее что-то давно не встрѣчаю здѣсь.

— Она здѣсь не живетъ больше. Когда умерли близнецы, она подумала, что можетъ быть пригодится своей невѣсткѣ, которая сильно горевала, и Алиса хотѣла ее утѣшить и развлечь, или по крайней мѣрѣ хотъ выслушивать горькія ея рѣчи и жалобы. Вотъ она сдала свою подвальную квартиру и пошла къ нимъ жить.

— Ну, и пусть ее. Я до нее не охотница и вовсе не хочу, чтобы она обратила мою пригожую Мери въ методистку.

— Она не методистка, а англичанка.

— Ахъ, Боже мой, что за тонкости! Ты вѣдь понимаешь, что я хочу сказать. Посмотри-ка, чье это письмецо? И Салли вынула записку Гарри Карсона.

— Не знаю и знать не хочу, отвѣчала Мери вспыхнувъ.

— Свѣтики мои! Точно я не знаю, что ты знаешь и очень хочешь узнать, что тамъ написано!

— Ну, давай сюда, сказала Мери съ нетерпѣніемъ и очевидно желая отдѣлаться отъ непрошеной гостьи.

Салли неохотно подала ей записку, но черезъ нѣсколько минутъ имѣла удовольствіе прослѣдить на щекахъ Мери сначала сильную краску, потомъ прехорошенькія ямочки, что означало, что авторъ письма не поскупился на выраженія своей страсти.

— Скажи ему, что мнѣ нельзя придти, сказала Мери поднявъ наконецъ глаза. Я сказала, что не хочу съ нимъ видѣться, пока отца нѣтъ дома, и не хочу.

— Ахъ, Мери, а онъ-то какъ ждетъ. Ты бы вѣрно пожалѣла, если бы только видѣла, какъ онъ тоскуетъ безъ тебя. Да чтоже это въ самомъ дѣлѣ, когда отецъ былъ здѣсь, ты не спрашивалась у него, а теперь что за бѣда такая особенная?

— Ну, Салли, ты уже знаешь мой отвѣтъ: не хочу и не пойду.

— Такъ я ему скажу, чтобы онъ самъ приходилъ къ тебѣ когданибудь вечеромъ, вмѣсто того чтобы меня посылать. Можетъ быть самъ-то онъ съ тобой лучше сговорится чѣмъ я.

Мери вспыхнула.

— Если онъ только посмѣетъ придти сюда, пока отца нѣтъ въ городѣ, я созову сосѣдей и выгоню его вонъ. Знай это, и лучше не совѣтуй ему такихъ вещей.

— Батюшки свѣты! Что за погромъ такой! Словно ты на свѣтѣ первая дѣвушка, которая заводитъ себѣ милаго дружка. Ты, знать, не слыхивала еще, чѣмъ другія дѣвушки занимаются, да и за стыдъ не почитаютъ.

— Молчи, Салли! Маргарита Дженингсъ идетъ.

Въ ту же минуту дверь отворилась и вошла Маргарита. Мери просила Джоба Дега отпустить ее къ ней ночевать. Несмотря на

слабое освѣщеніе — горѣлъ только уголь въ печи — замѣтно было, что она ходитъ оцупью, какъ слѣпая.

— Я ужъ пойду, Меря, сказала Салли. — Такъ и сказать?

— Такъ и скажи, больше ничего. Прощай. И Меря съ радостью захлопнула дверь за докучливой гостьей — докучливой по крайней мѣрѣ на эту пору.

— О, Маргарита, слышала ты печальную вѣсть о Джоржѣ Вильсонѣ?

— Да, слышала. Бѣдные, бѣдные! Жестоко испытуетъ ихъ Господь въ послѣднее время. Я, поправдѣ сказать, скоропостижную смерть вовсе не считаю ужасною: она легче, не такъ мучительна и страшна. А для оставшихся еще тяжелѣе. Бѣдный Джоржъ! Какой добрый, любящій былъ человекъ!

— Маргарита, сказала Мери, которая до тѣхъ поръ пристально наблюдала свою подругу, — тебѣ сегодня какъ будто гораздо хуже, ты совсѣмъ слѣпнешь, отъ слезъ чтоли? Какъ у тебя глаза красны и напухли!

— Да, душа, только не съ горя. Знаешь ли, гдѣ я была вчера вечеромъ?

— Нѣтъ; гдѣ это?

— Посмотри. Она вынула и показала большую золотую монету. Мери отъ удивленія широко раскрыла свои темносѣрые глазки.

— Я сейчасъ тебѣ все разокажу. Слышала ты о джентльменѣ, который читаетъ лекціи о музыкѣ въ Механическомъ институтѣ? Ну, такъ ему нуженъ всегда кто-нибудь, чтобы пѣть равныя его сочиненія. Вотъ, вчера вечеромъ обыкновенный пѣвчій его охрипъ и совсѣмъ не въ состояніи былъ пѣть. Они и послали за мной. Джекъ Бетервортъ замолвилъ обо мнѣ доброе словечко; и спрашиваютъ меня, могу ли я спѣть? Можешь себя представить, какъ я сконфузилась; однако подумала, теперь-то и надо рѣшиться, и сказала, что постараюсь, какъ умѣю. Этотъ учитель, что лекціи читаетъ, прошолъ со мною нѣскольکو пѣсень, потомъ мнѣ сказали, чтобы я одѣлась какъ можно лучше и приходила къ семи часамъ.

— Чтоже ты надѣла? спросила Мери съ живостью. — Зачѣмъ ты не взяла у меня моего розоваго платья?

— Я подумала, да тебя тогда дома не было. Ну, я надѣла свое меряишосовое, что перевернула прошедшей зимой, да бѣлую шаль; волосы причесала хорошенько, и ничего, вышло ладно. Такъ я и пошла ровно къ семи часамъ. Нотъ читать не вижу, а все-таки

взяла ихъ въ руки, чтобы чѣмъ-нибудь занять свои пальцы. Стала я прямо противъ публики, точно въ мячикъ съ ними играть собираюсь, даже въ глазахъ зарябило. Я конечно вовсе струсила, но мой чередъ былъ не первый и пока другіе пѣли и музыка играла, словно дружескій голосъ говорилъ со мною и успокоивалъ меня, ободрялъ этими звуками... Словомъ, скажу тебѣ, что когда я кончила свою пѣсню, учитель благодарилъ меня, а другіе, которые устраивали концертъ, увѣряли, что никогда еще новичкамъ такъ не хлопали какъ мнѣ, потомучто когда я спѣла, они, знаешь, начали ужасно хлопать руками и стучать ногами, такъ что я только думала, надолго ли имъ станеть сапоговъ, а перчатокъ и подавно. А въ слѣдующій четвергъ я опять буду пѣть; вчера мнѣ дали за это соверень, а на будущее время, каждый разъ какъ я стану пѣть на лекціяхъ, буду получать по полу-соверену.

— Ахъ, Маргарита, какъ я всему этому рада.

— Погоди еще, самое-то лучшее впереди. Теперь, когда я увѣрилась, что мнѣ открылась новая дорога, и что несмотря на слѣпоту, которую насылаеть мнѣ Господь, я никому не буду въ тягость, я подумала, что можно во всемъ признаться дѣдушкѣ. Вчера вечеромъ я ему сказала только о пѣніи и о соверень, потомучто зачѣмъ же его на ночь огорчать? А сегодня поутру все сказала.

— Какъ же онъ это принялъ?

— Ты знаешь, что онъ у насъ не очень болтливъ... а я же его совѣмъ не приготовила, такъ вдругъ и сказала все.

— Я удивляюсь, какъ онъ ничего не замѣчалъ, я очень ясно видѣла по всѣмъ твоимъ движеніямъ, какъ твое зрѣніе слабѣеть, съ самаго того дня, какъ ты мнѣ сказала.

— То-то и есть! А еслибы я не говорила тебѣ ничего, то со дня на день ты бы также не могла замѣтить постепенной черемѣны.

— Чтоже сказалъ дѣдушка?

— Ахъ, Мери, отвѣчала Маргарита улыбаясь, — вообрази, что мнѣ даже совѣстно тебѣ сказать... Впрочемъ если ты хорошо поняла характеръ дѣдушки, то не удивишься и не ужаснешься. Я ему сказала вдругъ — а онъ также вдругъ вскрикнулъ: «чортъ поberi!» Потомъ уткнулся въ книгу и сидѣлъ смиренхонько, пока я ему рассказывала все по порядку, и какъ я боялась, и какъ горевала, и какъ теперь примирилась съ этой мыслью, положившись вполне на Божью волю, и какъ надѣюсь зарабатывать теперь деньги пѣніемъ.

Пока я говорила, я видѣла, какъ у него капали на книгу крупныя слезы; однако разумѣется я притворилась, будто не видала этихъ слезъ. Милый мой дѣдушка! Послѣ того онъ цѣлый день потихоньку ходилъ и разставлялъ разныя вещи, прибиралъ тѣ, на которыя по его мнѣнію я могу наткнуться и подставлялъ поближе ко мнѣ всѣ предметы, въ которыхъ я могу нуждаться; все это онъ дѣлалъ въ увѣренности, что я уже ничего не вижу и не слышу; онъ думаетъ, что я вовсе слѣпа; да, ужь и это недалеко теперь!

И Маргарита невольно вздохнула, не смотря на веселый и спокойный тонъ своей рѣчи.

Мери замѣтила вздохъ, но разсудила, что лучше оставить его безъ вниманія, и съ тѣмъ тонкимъ тактомъ, который почти всегда сопровождаетъ искреннюю привязанность, начала спрашивать множество мелкихъ подробностей о музыкальномъ дебютѣ своей подруги, что конечно еще разъ подтвердило для самой Маргариты увѣренность въ его полномъ успѣхѣ.

— Ну, Маргарита! сказала она наконецъ, значитъ — ты скоро сдѣлаешься настоящею знаменитостью и будешь можетъ быть не хуже той лондонской леди, которую мы съ тобой видѣли, помнишь, у подъезда концертной залы? Она пріѣхала въ своей каретѣ.

— Да, похоже на то, отвѣчала Маргарита съ улыбкою. И будь увѣрена, Мери, что я тогда не откажусь оказать тебѣ протекцію. Почему знать, коли ты будешь хорошо вести себя, можетъ быть я соглашусь взять тебя въ горничныя! Не правда ли, какъ это будетъ славно? Я теперь же начну припѣвать себѣ :

Буду въ золотѣ ходить
Чисто серебро носить!

— Чтоже ты остановилась? Спой еще пожалуйста, только что-нибудь поновѣе. Этой старой пѣсни я никогда не любила.

— Пожалуй; я устала немножко, но что за бѣда! Я тебѣ спую ту пѣсню, которую приготовила къ четвергу. Я сегодня уже часа два ее твердила. Учитель говоритъ, что эта пѣсня мнѣ очень по голосу, и просилъ заняться ею хорошенько, мнѣ очень жалко будетъ, если онъ останется недоволенъ, потомучто онъ предобрый и такъ ласково меня ободряетъ! Ахъ, Мери, какая жалость, что на свѣтѣ рѣдко встрѣчается такое обхожденіе, а все больше брань, да выговоры. Гораздо лучше пошло бы все, еслибы дѣйствовать кротостью, да лаской. Къ тому же при мнѣ говорили пѣвцы, что эта пѣсня по-

что навѣрное его собственнаго сочиненія, потому что она объ ней ужасно хлопочетъ, беспокоится и настаиваетъ, гдѣ какое выраженіе надо придавать словамъ. Отъ этого я конечно еще больше стараюсь. Первый куплетъ, онъ говоритъ, надо пѣть нѣжно, но радостно! Вотъ этого-то кажется я неполнѣ достигая, послушай.

«Какъ одно пустое слово
Всемогуще можетъ быть!
Иногда оно готово
Сердце счастьемъ озарить:
Нѣжныхъ думъ, былыхъ мечтаній
Пробуждаетъ пѣлый рой —
Возродить толпу желаній,
Переноситъ въ міръ иной,
Душу гибнущую — снова
Можетъ съ жизнью примирить...
Такъ одно пустое слово
Всемогуще можетъ быть!»

Теперь музыка переходитъ въ унылый тонъ и надо пѣть какъ можно грустнѣе. Это мнѣ кажется удается гораздо лучше.

«Да, одно пустое слово
Всемогуще можетъ быть!
Иногда оно готово
Жизнь на вѣки омрачить:
Горькой мыслью отуманить,
Въ ложномъ свѣтѣ явить міръ,
Вѣру лучшую обманеть,
Въ прахъ повергнетъ нашъ кумиръ —
Все, что есть въ душѣ святого,
Можетъ разомъ погубить...
Такъ одно пустое слово
Всемогуще можетъ быть!»

Маргарита такъ хорошо спѣла эту маленькую арію, что какой-то фабричный, проходя мимо оконъ и остановившись послушать пѣнія, воскликнулъ совершенно справедливо: «Эхъ, знатно вывела!» И если она на слѣдующемъ концертѣ въ механическомъ институтѣ пропѣла ее съ такимъ же чувствомъ какъ въ этотъ вечеръ, то вѣрно концертантъ остался чрезвычайно доволенъ; Маргарита вѣроятно превзошла всѣ его ожиданія, а если нѣтъ — то значитъ на него не угодишь.

Когда она замолкла, глаза Мери краснорѣчивѣе всякихъ словъ высказывали ея мнѣнія о пѣснѣ и объ исполненіи, и со страху вы-

ронить крупную слезу, наверхушшуюся на ея ресницахъ, она зашлась и сказала весело: ну, право же карета должна скоро прѣхать! Поидемъ спать, авось она намъ приснится.

ГЛАВА IX

Слѣдующій вечеръ ознаменовался дождемъ, тѣмъ теплымъ, крупнымъ, проливнымъ дождемъ, который такъ освѣжаетъ растенія и вызываетъ наружу столько цвѣтковъ. Но въ Манчестерѣ, гдѣ — увы! цвѣтовъ не бываетъ, дождь имѣлъ лишь самыя невѣрачныя, горестныя послѣдствія: улицы стали мокры и грязны, лѣзъ водосточныхъ трубъ лилась на нихъ мокрая грязь, и прохожіе казались мокрыми и грязными. Впрочемъ и прохожихъ было немного; большая часть жителей пряталась по домамъ, и въ маленькихъ мощеныхъ дворищахъ было необыкновенно тихо и глухо.

Пришедши домой, Мери принуждена была переѣнить платье, и только что успѣла переодѣться и сѣсть на мѣсто, какъ услышала за дверью шорохъ, какъ-будто кто-то шаритъ и трется у стѣны, передъ тѣмъ чтобы войти. Шумъ этотъ продолжался такъ долго, что она наконецъ вскочила, отперла и — кто же это? можетъ ли быть? — Да, это былъ ея отецъ.

Онъ стоялъ у двери, измокшій и усталый, тихо вошелъ и ни слова не отвѣчалъ на веселое привѣтствіе изумленной дочери. Будто въ чаду, едва сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ сѣлъ къ огню, какъ былъ, въ мокромъ платьѣ. Но Мери не оставила его въ покоѣ. Она сбѣгала на верхъ, принесла его старое платье, въ которомъ онъ обыкновенно ходилъ на работу, потомъ вынула изъ кладовой кой-какую провизію и начала готовить ужинъ, пока отецъ переодѣвался у камина. Во все это время она щебетала и старалась казаться какъ можно веселѣе, но отцовское уныніе страшно щемило ее за сердце.

Въ своемъ удаленіи отъ свѣта, въ мирномъ заведеніи миссъ Симмондсъ, гдѣ только и было толковъ что о фасонахъ, о матеріяхъ и о балахъ, къ которымъ нужно приготовить именно такіа-то и такіа платья, да изрѣдка шопотомъ передавались таинственныя замѣчанія о любви и объ обожателяхъ, — въ этомъ убѣжищѣ провинціальной моды, говоримъ мы, Мери ничего не слыхала о важномъ политическомъ событіи; она не знала, что парламентъ отказался выслушивать прошеніе работниковъ, не знала о томъ, какъ они, со всею

силой своего отчаяннаго краснорѣчія, умоляли о позволеніи высказать свои нужды, изобразить глубокую нищету, которая какъ хищный побѣдитель на блѣдномъ конѣ рыщетъ въ народѣ и, хватая свои жертвы направо и налево, неумолимо губить ихъ и разноситъ стоны и слезы по всей странѣ.

Бартонъ поѣлъ, отдохнулъ и все еще сидѣлъ молча. Мери всей душой стремилась узнать, что его такъ печалитъ, но не рѣшилась спросить; и хорошо дѣлала, потому что когда на сердцѣ у насъ тяжело, то намъ трудно отвѣчать на готовые вопросы, а сами мы охотно высказываемся, какъ и когда намъ вздумается.

Мери сѣла на скамеечку у ногъ отца, какъ часто дѣлывала въ дѣтствѣ, и тихо вложила свою руку въ его руку; мало по малу она прониклась его тихою печалью и, сама не зная отчего, глубоко вздохнула.

— Мери, будемъ молить Бога, чтобы Онъ услышалъ насъ: люди не слушаютъ. Да, не слушаютъ, даже и тогда, когда мы передъ ними плачемъ кровавыми слезами.

Мери въ одну минуту поняла въ чемъ дѣло, и хотя не знала подробностей, но тотчасъ сообразила, что тяготитъ его сердце. Она молча прижалась къ его рукѣ, не зная что сказать; она такъ боялась потревожить отца какимъ-нибудь неумѣстнымъ словомъ, что осталась вовсе безмолвною. Но видя, что онъ уже болѣе получаса не измѣняетъ положенія и безсознательно, упорно смотритъ на огонь; ничего не слыша, кромѣ тяжкихъ вздоховъ, однообразнаго постукиванья маятника, да непрерывнаго шлепанья дождевыхъ потоковъ съ крыши, Мери почувствовала страшную тоску. Она рѣшилась тѣмъ-нибудь прервать это безмолвіе, какъ нибудь разшевелить отца — сказать ему хоть горькую вѣсть.

— Папа, знаете вы, что Джорджъ Вильсонъ умеръ? (Онъ внезапно, почти грубо и судорожно сжалъ ея руку.) Онъ вчера утромъ упалъ мертвый на оксфордской улицѣ. Это вѣдь большое горе, неправда ли, папа?

Глаза ея были полны слезъ, готовыхъ брызнуть, и она съ участіемъ заглянула въ лицо отцу, ожидая встрѣтить его огорченный взглядъ, его задушевное слово. Но взглядъ его упорно устремился на огонь, съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ тупого отчаянія: не замѣтно было даже скорби о покойникѣ.

— Хорошо сдѣлала, что умеръ, проговорилъ онъ глухо.

Мери не выдержала. Она встала и подъ тѣмъ предлогомъ, что

предупредить Маргариту и не велить ей приходить ночевать, пошла къ Джобу Легу; въ сущности она хотѣла попросить его придти и развлечь нѣсколько отца.

Она остановилась у двери Джоба Лега и стала слушать. Маргарита упражнялась въ пѣніи и голосъ ея раздавался въ ночной тиши, какъ голосъ ангела-примирителя.

— Утѣшься, утѣшься, народъ мой, вѣщаетъ Господь Израилю.

Знакомые звуки еврейскаго пророчества какъ освѣжительная роса пали на душу Мери. Ей не хотѣлось прерывать ихъ, и она стояла, внимательная и «утѣшенная», пока пѣніе кончилось и въ комнатѣ снова послышался тихій говоръ. Тогда Мери вошла и передала имъ о случившемся.

Дѣдъ и внучка тотчасъ встали съ мѣстъ и приготовились идти за нею, при чемъ старикъ дружелюбно сказалъ:

— Онъ вѣрно только усталъ, Мери, успокойся; завтра онъ будетъ другимъ человѣкомъ.

Трудно опредѣлить, какіе именно голоса и рѣчи имѣютъ наибольше благотворное вліяніе на людей страждущихъ и печальныхъ; но дѣло въ томъ, что часа черезъ полтора Джонъ Бартонъ уже разговаривалъ также охотно и свободно какъ и всегда, хотя конечно разговоръ его исключительно относился къ тому происшествію, которое разбило его лучшія надежды, любимыя мечты его и многихъ другихъ.

— Да, да, Лондонъ — что и говорить! городъ важнѣйшій, говорилъ онъ. И живутъ тамъ отлично, такъ какъ я и не воображалъ никогда, словно въ книгѣ написано. Да, всё они тамъ получили уже изду свою, взамѣнъ утѣхъ будущей жизни.

Опять намекъ на старинную притчу о Дивѣ и Лазарѣ! Но такъ ли часто вспоминаютъ о ней богачи, какъ бѣдные современные намъ Лазари?

— Расскажи же намъ побольше о Лондонѣ, папа, просила Мери, сидя по прежнему у его ногъ.

— Что же я стану вамъ рассказывать, коли я и десятой доли Лондона не видѣлъ? говорятъ, въ немъ умѣстилось бы шесть нашихъ Манчестеровъ. Одна шестая доля наполнена дворцами да хоромами, три доли такъ себѣ, всякіе есть дома; а остальное все такая грязь и мерзость, какой у насъ въ Манчестерѣ не бываетъ, смѣю сказать навѣрное.

— Ну, папа, а королеву видѣли?

— Кажется настоящей-то не видалъ, хотя одинъ разъ много ви-

дѣлъ барвинъ, изъ которыхъ каждую сначала принималъ за королеву. Видите ли, продолжалъ онъ обращаясь къ Джобу Легу : — намъ назначили приходиться въ парламентъ. Мы почти все остановились въ одномъ трактирѣ, въ Гольборнѣ, и насъ тамъ очень хорошо содержали. Въ то утро какъ мы должны были подавать прошеніе, накрыли намъ такой завтракъ, что хоть бы самой королевы. Они, кажется, думали насъ этимъ подкупить. Подали намъ и бараньихъ почтекъ, в соусовъ, и запеченой ветчины, и жареной говядины съ лукомъ; конечно больше похоже было на обѣдъ, чѣмъ на завтракъ. Однако я замѣтилъ, что многимъ изъ нашихъ кусокъ въ горло не шло. Не могли ѣсть, вспоминая о своихъ домашнихъ, о женахъ и ребятишкахъ, которымъ въ эту минуту, быть можетъ, и перекусить нечего. Вотъ послѣ завтрака мы и пустились въ нуть; долго пришлось провозиться, чтобы построиться длинною цѣпью, по два въ рядъ; а прошеніе-то — въ нѣскольکو аршинъ длиною — несли передніе. Могу сказать, нешуточное было дѣло и серьезно мы за него принялись; и какіе же они были все худые, блѣдные, да тѣщіе!

— Ты и самъ-то хорошъ, нечего сказать, вмѣшался Джобъ.

— Я-то еще что! въ сравненіи съ нѣкоторыми я могъ показаться толстымъ и румянымъ. Пошли мы; прошли черезъ множество улицъ, ни дать ни взять наша Динсгетская. Мы принуждены были пробираться тихо, претихо, потомучто по улицамъ то и дѣло снуютъ кареты да кебы. Я думалъ, что мы по немножку выберемъ на большую улицу и тамъ будетъ просторнѣе. Но чѣмъ дальше — тѣмъ хуже: чѣмъ улицы шире и великолѣннѣе, тѣмъ давка сильнѣе, такъ что наконецъ въ Оксфорд-стритъ насъ совсѣмъ заперли, ни туда, ни сюда. Кое-какъ однакоже выбрались и оттуда и — Боже ты мой милостивый, въ какія чудныя мѣста мы попали! Что за дома, что за улицы! Впрочемъ постройки все какія-то престранныя, видно что хорошенько строить не умѣютъ; кабы туда хорошій мастеръ пришелъ, изъ каменщиковъ, какую-бы денюгу могъ зашибить! Иные дома такъ поставлены, что ужъ проето не знаешь — гдѣ тутъ жить и куда войти; видно послѣ спохватились нѣкоторые, что зданія могутъ повалиться, ну и наставили передъ нимъ столбовъ — такъ, безъ всякаго порядка, Богъ знаетъ что такое. У иныхъ — должно быть у портныхъ — вмѣсто выѣсокъ наставлены каменные люди, мущины и женщины, вовсе безъ одѣжи. Я право, какъ ребенокъ, самъ такъ заглядѣлся, что все позабылъ на ходу. А между тѣмъ настала уже обѣденная пора, судя по солнцу, которое стояло прямо у

насъ надъ головами и перелачно пролезало; мы были всё въ пыли и таки довольно устали, переставляя ноги шагъ за шагомъ. Наконецъ дошли до одной улицы — лучше всѣхъ, она ведетъ прямо ко дворцу королевы, и вотъ тутъ-то я думалъ, что видѣлъ самое королеву. Ты видишь когда-нибудь бѣлые перья, вотъ что въ похоронныхъ процессіяхъ на лошадѣхъ надѣваютъ, Джобъ?

Джобъ кивнулъ головою.

— Ну, лондонскіе гробовщики наживаютъ, я думаю, изрядные барыши. Почти каждая леди, изъ тѣхъ, что ѣхали въ каретахъ, надѣла себѣ на голову по такому перу. Въ этотъ день у королевы былъ большой приемъ, какъ намъ сказали, и всѣ кареты катились къ ея дому: въ иныхъ сидѣли джентльмены, наряженные словно канатные плясуны, а въ другихъ натолканы пышные леди. Нѣкоторыя кареты должно быть ужь очень тѣсны что-ли, такъ иные господа не умѣщаются тамъ и висятъ сзади, на шнуркахъ, а у самихъ приколоты букеты цвѣтовъ, для запаха, и въ рукахъ палочки, чтобы отгонять прохожихъ, которые могутъ забрызгать ихъ шелковые чулки. Я подивился, что они не наймутъ кеба, чѣмъ такъ-то трястись сзади; но потомъ разсудилъ, что вѣрно они не хотятъ отставать отъ жонъ. Кучера сидятъ плотные, склоченные, въ парикахъ, какъ старинные пасторы. Ужь мы ждали, ждали, когда пробѣдутъ эти кареты; а лошади жирныя, гладкія, на силу шевелятся: судя по ихъ блестящей натянутой кожѣ, онѣ сроду не стояли безъ корма. Мы было двинулись впередъ, но полиція не пустила. Иные изъ полицейскихъ замахнулись даже своими палочками и нѣкоторыхъ ударили; тогда кучера засмѣялись, а офицеры, которые тутъ стояли по бокамъ, всунули въ глазъ себѣ по стеклышку, да и смотрять, какъ болваны какіе нибудь. Одинъ изъ полицейскихъ ударилъ и меня. Это вы что-же дѣлаете? спрашиваю я.

— Вы, говорить, можете перепугать лошадей, а наша обязанность охранять отъ всякаго безпокойства достопочтенныхъ леди и джентльменовъ, которые изволятъ ѣхать ко двору ея величества. — И все это говорить такъ связно, да глухо, насилу губы разжимаетъ.

— А насъ-то за что же вы безпокоите, я говорю, когда мы смирно идемъ себѣ по своимъ дѣламъ, а дѣла-то у насъ идутъ о жизни и смерти нашей, да еще и многихъ другихъ, которые о-сю пору могутъ быть съ годоу мрутъ въ Данкамиръ? Какъ вы думае-

те, которое дѣло будетъ поважнѣе передъ Господомъ, наше-ли, или джентльменское?

— Только понапрасну я ему сказалъ все это, потомучто онъ и въ усь себѣ не дуеть, знай зубы скалить!

Джонъ замолчалъ. Подождавъ нѣсколько минутъ и видя, что онъ не продолжаетъ, Джобъ Легъ сказалъ :

— Ну что же, ты еще главнаго-то не рассказывалъ : ты намъ скажи, какъ и что было у васъ въ парламентъ-то.

Помолчавъ немного, Джонъ отвѣчалъ :

— Эхъ, сосѣдъ, объ этомъ лучше бы вовсе не говорить. Этого ни забыть, ни простить я не могу — да и многіе другіе также; — по рассказывать о нашемъ униженіи, какъ о какой-нибудь лондонской сплетнѣ, не могу я, сосѣдъ. Покуда живъ буду, не изгладится изъ моего сердца этотъ горестный день; и покуда живъ буду, стану я проклинать въ душѣ тѣхъ, которые насъ слушать не захотѣли; но говорить объ этомъ — больше не стану.

Эти слова какъ-будто наложили печать молчанія на всѣ уста. Но старикъ Легъ чувствовалъ, что надо что нибудь сказать, чтобъ Бартонъ не впадалъ опять въ свою суровую хандру. Онъ подумалъ съ минуту и выдумалъ предметъ для разговора, недовольно игривый, чтобы идти въ разладъ со всеобщимъ настроеніемъ, но настолько посторонній, чтобы развлечь вниманіе слушателей.

— Вы слышали-ли когда-нибудь, сказалъ онъ обращаясь къ Мери, — что я тоже въ Лондонѣ бывалъ?

— Нѣтъ! отвѣчала она, съ удивленіемъ и въ тоже время съ большимъ почтеніемъ взглянувъ на Джоба.

— Какъ же, былъ; вотъ и Мегги тоже была, хотя конечно не помпить этого, гдѣ-же ей помпить, обдняжкѣ! — У меня, надо вамъ знать, только и была одна дочь, мать Маргариты. Я ее любилъ какъ душу свою. Вотъ одинъ разъ приходитъ она ко мнѣ, стала у меня за стуломъ, чтобы мнѣ не видно было какъ она краснѣетъ, треплетъ меня, по своему, по щекѣ, да и говорить, что дескать еслибы ей выйдти замужъ за Франка Дженнинга (сосѣда нашего, черезъ сѣни), то оба они были бы очень, очень счастливы. Ну, хоть и не достало у меня духу отказать ей, но я почувствовалъ, что отъ сердца оторвалось что-то, при мысли объ ея уходѣ изъ дому. Однакоже она была единственное мое дитя, такъ я никогда ей не говорилъ, чего мнѣ это стоило, чтобы не опечалить ея молодого сердечка. А вспомнилъ только, что и я былъ когда-то молодъ и полюбилъ го-

лубку мать ея, царство ей небесное, и ушли-же мы съ нею отъ отца и матери и были счастливы... Я радъ, что ничего ей тогда не сказалъ и не помѣшалъ счастью моей дѣвочки, которую ходилъ и берегъ какъ зѣницу ока своего.

— Но вы кажется сказали, что молодой человекъ былъ близкій сосѣдъ вашъ? сказала Мери.

— Какже, и онъ, и отецъ его, старинные сосѣди. Но работа въ Манчестерѣ была плохая, а дядя Франка писалъ ему изъ Лондона, что тамъ и работы вдоволь, и заработки знатные; и сманилъ его, а Маргарита должна была ѣхать за нимъ туда же. Охъ, и теперь больно вспомнить о томъ времени. Она была пресчастлива, и онъ тоже; а старый отецъ знай только тоскуетъ за ними. Они женились и послѣ свадьбы прожили со мною нѣсколько дней; я послѣ часто думалъ, что Маргарита моя въ эти дни не разъ погоревала о близкомъ разставаньѣ, и не разъ жалкія слова просились у ней на языкъ; но я полагалъ, что лучше оставить это такъ, безъ вниманія, чтобы не очень ее разстроивать. А она то и дѣло, то придетъ поцѣлуетъ меня, то за руку возьметъ, какъ ребенокъ приласкается. Наконецъ уѣхали они. Письма-то ты знаешь, Маргарита?

— Еще бы не знать! сказала внучка.

— Ну, вотъ эти два письма я только и получилъ отъ нея во всю жизнь. Она писала, что очень счастлива, да я думаю и вправду была счастлива. Въ семействѣ Франка говорили, что онъ нашолъ себѣ хорошее мѣсто. Въ одномъ изъ писемъ она подписала, бѣдняжка: прощай, *дѣдушка!* и слово дѣдушка-то подчеркнула. Ну, я и заключилъ, что значить они уже семействомъ обзаводятся; ничего не сказалъ, только сталъ деньжонки копить и думаю себѣ, какъ придетъ Троицынъ день, возьму отпускъ и пойду повидать ихъ и малютку. Незадолго до Троицына дня вижу, приходитъ ко мнѣ старый Дженнингсъ, грустный такой, да озабоченный, и говорить: я слышалъ, что нашъ Франкъ и Маргарита лежатъ въ горячкѣ. Я насилу на ногахъ устоялъ, какъ услышалъ про это, словно сразу угадавъ, чѣмъ оно кончится. Старикъ-то получилъ письмо отъ хозяйки того дома, въ которомъ они стояли; такое доброе, хорошее письмо; хозяйка спрашиваетъ, нѣтъ ли у жильцовъ какихъ-нибудь родныхъ или друзей, чтобы пріѣхали къ нимъ, посмотрѣли бы за больными. Сперва заболѣла Маргарита и Франкъ за ней ухаживалъ, какъ мать родная; до тѣхъ поръ онъ съ нею нянчился, что наконецъ и самъ слегъ, а она каждый день ждалась родить. Словомъ, нечего долго раз-

сказывать, мы съ Дженингомъ въ тотъ же вечеръ поѣхали въ Лондонъ въ дилижансъ. Вотъ такимъ-то родомъ и попалъ я въ Лондонъ, Мери.

— А каково было вашей дочери, когда вы къ ней пріѣхали? спросила Мери съ безпокойствомъ.

— Она уже успокоилась бѣдняжка, и Франкъ также. Я того и ждалъ, по лицу хозяйки, отворившей намъ дверь. Она была вся распухшая отъ слезъ. Я спросилъ: гдѣ они? И по ея взгляду угадалъ, что померли; но Дженингсъ совсѣмъ не такъ принялъ это, какъ я. Когда насъ ввели въ комнату, гдѣ на кровати, подъ бѣлымъ покрываломъ лежали рядомъ двѣ неподвижныя, окостенѣлыя фигуры, онъ вскрикнулъ и зарыдалъ какъ женщина.

«Но у него были еще другія дѣти, а у меня ужъ никого не осталось. Передо мной лежало мое утраченное сокровище, единственная моя отрада; умерла она, и я одинъ на бѣломъ свѣтѣ, некому меня ни полюбить, ни приласкать. Не помню ужъ, что я тутъ дѣлалъ; знаю только, что не выходилъ изъ себя и былъ спокоенъ, хотя сердце разрывалось на части.

«Дженингсъ не выдержалъ, не могъ даже оставаться въ этой комнатѣ; хозяйка увела его внизъ, и я радъ былъ, что меня одного оставили. Наконецъ стемнѣло и хозяйка опять пришла и говорить: подите за мной. Я всталъ и пошелъ, но долженъ былъ держаться за перила, такъ кружилась у меня голова. Она привела меня въ комнату, гдѣ на диванѣ лежалъ Дженингсъ и крѣпко спалъ, закрывъ лицо носовымъ платкомъ. Хозяйка говорила, что это онъ отъ слезъ утомился и заснулъ. На столѣ приготовленъ былъ чай — она такая была ласковая, добрая женщина; но опять таки говорить: идите за мной. Я пошелъ за ней и она показала мнѣ у камина бѣлѣвую корзину, накрытую сверху большимъ платкомъ. Подымите, говорить, платокъ. Я поднялъ, — а тамъ лежитъ малюточка, почиваетъ крошка! Сердце во мнѣ ёкнуло, а слезы такъ и брызнули изъ глазъ, въ первый разъ въ тотъ день. «Это ея дитя?» говорю, а самъ и такъ знаю, что ея. «Да», говорить; «она уже стала поправляться послѣ горячки, а тутъ родилась эта дѣвочка; а мужу-то стало хуже; онъ умеръ. И она не пережила».

«Малюточка моя дорогая! словно душа ея ангельская воротилась утѣшить меня. Я просто ревновалъ къ Дженингу, каждый разъ какъ онъ подходилъ къ корзинкѣ. Мнѣ казалось, что дитя это болѣе моя плоть нежели его, а все боялся, что онъ вступится и отъ

иметь ее у меня. Однако онъ и не думалъ: у него вдоволь было другихъ дѣтей; и я послѣ узналъ, что всѣ хотѣли, чтобы именно я взялъ къ себѣ малютку. Схоронили мы Маргариту и ея мужа на большомъ, отдаленномъ лондонскомъ кладбищѣ, загроможденномъ памятниками. Крѣпко не хотѣлось мнѣ оставлять ихъ тутъ, и думалось все, какъ дико и странно имъ будетъ тутъ, когда они встанутъ въ послѣдній день и не увидятъ вокругъ себя никого изъ своихъ, манчестерскихъ. Но нечего дѣлать, иначе нельзя было. Впрочемъ вездѣ Богъ, и тамъ Онъ видитъ ихъ могилы, какъ здѣсь бы видѣлъ. Погребеніе стоило намъ не мало денегъ, потому что намъ съ Джоннингсомъ хотѣлось все это сдѣлать поспрѣтѣе. Потомъ надо было подумать, какъ довести домой крошку. Денегъ оставалось у насъ самая малость; но погода была отличная и мы рѣшили въ дилижансѣ добраться до Бруммаджона, а оттуда идти пѣшкомъ. Былъ ясный майскій день, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ на Лондонъ, съ высоты большого холма, мили за двѣ отъ города. И въ этомъ огромномъ, людномъ городѣ оставилъ я свою безцѣнную бабовицу, уснувшую послѣднимъ сномъ. Ну, да будетъ воля Его! Взялъ Онъ ее прежде меня, но и меня приберетъ же наконецъ, и уже авось не долго ждать.

«Передъ отъѣздомъ малютку накормили до сыта и въ дилижансѣ она заснула у меня на рукахъ, какъ въ колыбели. Но когда энипажъ остановился въ обѣденную пору, она проснулась и стала кричать о своей канкѣ. Мы спросили хлѣба и молока и Джоннингсъ принялся кормить ее. Только какъ ребенокъ раскроетъ ротикъ и онъ ей положить туда тѣри, молоко и потечетъ назадъ со всѣхъ концовъ. Что тутъ будешь дѣлать! Я ему говорю: а ты потряси ее, вѣдь такъ всегда дѣлаютъ, когда льютъ въ воронку и что-нибудь застрянетъ: потрясешь и пройдетъ. Онъ сталъ трясти, а малютка кричить еще пуще. Дай мнѣ ее! говорю я съ досадою, а самъ думаю: какой же шеловнѣй этотъ старикъ! Но у меня вышло чуть ли еще не хуже: какъ ни трясъ я, ничего не попадало ей въ горлышко, и все сухое бѣлье и покрывальца, въ которыя укутала ее хозяйка, вымочились ужасно. Мы рѣшились наконецъ сами кое-какъ пообѣдать, и только что сѣли за столъ и проглотили куска по два, вхохотъ два молодца. Одинъ кричитъ: готовы лошади! и машетъ шляпою, другой декладируетъ: полкроны за обѣдъ! и машетъ полотенкою. Мы думали, что такъ дорого, когда мы только чуть попробовали своего обѣда? А онъ, провалъ его возьми, съ наждаго изъ

насъ содралъ по полкроны, да шиллингъ за молоко съ хлѣбомъ, которое мы расплескали на ребячьи пеленки. Мы было не хотѣли платить, но другіе говорятъ, что такъ слѣдуетъ, что это правило. Что будешь дѣлать? Гдѣ же намъ, бѣднымъ старикамъ, сладить съ ними! А бѣдная малютка кричитъ голосу не отвоя, отъ станціи вплоть до самаго Бруммаджема, гдѣ мы остановились ночевать. У меня сердце выболѣло о ней: она хватаетъ ротикомъ и за рукавъ мой, и за губы, когда я наклоняюсь ее уговаривать. Голубочка моя! Ей маму надо, а мама—то лежитъ въ сырой землѣ. Что же, говорю я, вѣдь она до смерти закричится, если мы ей также дадимъ поужинать, какъ она пообѣдала. Позовемъ хоть какую—нибудь женщину, чтобы покормила ребенка. Всякая женщина ужь отъ природы умѣетъ водиться съ дѣтьми. Мы попросили трактирную служанку и она очень охотно принялась за дѣло. Мы плотно поужинали, конечно устали немного отъ ѣзды и въ теплой комнатѣ такъ разнѣжились, что такъ и клонило насъ ко сну. Служанка говоритъ, что съ удовольствіемъ взяла бы ребенка переночевать съ собою, но боится чтобы хозяйка не забрала ее. А малютка лежала у ней на рукахъ такъ спокойно, такъ хорошо улыбалась, что мы думали теперь уже съ ней никакой возни не будетъ и рѣшили оставить ее на ночь у себя. Видишь, говорю я Дженнингсу, какъ женщины умѣютъ уgomонить ребенка, я тебѣ говорилъ? А онъ посматрѣлъ на меня — онъ всегда былъ пресерьѣзный и все что—то обдумывалъ, хотя по правдѣ сказать, ничего особенно мудренаго не выдумалъ, — и говорить:

— А что, матушка, нѣтъ ли у васъ лишняго чепчика?

— Барыня всегда держитъ въ запасѣ ночные колпаки и чепчики, отвѣчаетъ горничная, на случай если кто изъ постояльцевъ не хочетъ рыться въ своемъ чемоданѣ.

— Не въ томъ дѣло, матушка, говоритъ ей Дженнингсъ: мнѣ надо именно вашъ чепчикъ, потому что малюткѣ кажется понравился вашъ обликъ; такъ если я надѣну вашъ чепецъ, она можетъ быть въ темнотѣ—то не распознаетъ.

«Дѣвушка прыснула со смѣху и пошла за чепчикомъ; а я престо расхохотался надъ старымъ бородачемъ, который вообразилъ себѣ, что его въ чепчикѣ не распознаешь отъ женщины. Однакоже ему было не до смѣху и онъ пресерьѣзно далъ мнѣ подержать крошку, пока самъ улегся въ постель. Ну, выдалась же намъ ночка! по гробъ не забуду. Малютка тотчасъ же начала кричать по

старому и мы попеременно укачивали ее на рукахъ. Сердце у меня сжималось, глядя, какъ она ловить и хватаетъ ротикомъ то направо, то налево, но все же я чуть не разсмѣлся при мысли, что вотъ два старые дурака — и притомъ еще одинъ въ чепчикъ — сидятъ всю ночь напролетъ и баюкаютъ дитяшку, которая не хочетъ спать, да и только. Къ утру бѣдная крошечка таки уснула, съ усталости; и во снѣ то и дѣло такъ всхлипывала и вздрагивала, всѣмъ тѣлцемъ, что я уже пожалѣлъ, зачѣмъ она не отправилась вмѣстѣ съ матерью на вѣчный покой. Дженнингсъ также уснулъ, а я принялся считать наши деньги. Немного ихъ оставалось, особенно послѣ вчерашняго обѣда. Я еще не зналъ, что будетъ стоить нашъ ужинъ, ночлегъ и завтракъ въ трактирѣ; но ариометика всегда имѣетъ свойство усыплять меня, еще съ дѣтства, и я уснулъ какъ убитый. Рано поутру постучалась къ намъ служанка и сказала, что если мы хотимъ, она теперь можетъ одѣть ребенка, покуда барыня ее не вставала. Вотъ тебѣ и разъ! а мы и не раздѣвали малютку съ вечера; только она теперь такъ крѣпко спала, что жалко было ее тревожить; мы рады были, что она хоть какъ-нибудь успокоилась.

«Ну вотъ — эге! да Мери ужъ спитъ. Хорошо же я рассказываю! Я думаю и всѣмъ вамъ прискучили мои рассказы; скоро кончу. Расплатившись по счету, мы остались чуть не безъ гроша, и разсудили, что лучше дойти до дому пѣшкомъ, потому что намъ оставалось не больше шестидесяти миль, и рѣшили не останавливаться ни за чѣмъ, кромѣ пищи. Бруммаджемъ мѣсто довольно скучное, хотя похоже на Манчестеръ, но все-таки не то что нашъ родной городъ. Мы вышли оттуда и цѣлый день не останавливались, попеременно неся ребенка. Передъ уходомъ его до сыта накормила служанка; день былъ прекрасный, а народъ началъ намъ попадаться потолковѣе, больше похожій на нашихъ, такъ что мы нѣсколько повеселѣли, приближаясь домой, хотя, Богу извѣстно, какая же радость меня тѣмъ ожидала! Въ обѣдъ мы не останавливались, а поужинать зашли въ харчевню, поѣли сами и кое-какъ малютку накормили; захватили съ собою также и булку съ корочкой, чтобы давать ей сосать, какъ научила служанка. Въ эту ночь, оттого ли что мы устали больше, или отъ другого чего, но только идти намъ было очень тяжело, а бѣдная крошечка кажется уже весь свой сонъ выспала, потому что стала кричать пуще прежняго. У меня сердце щемитъ, а Дженнингсъ говорить:

— Вотъ, говорить, очень нужно было намъ съ тобою залѣзть

на верхушку дилижанса изъ Лондона. Катились, какъ важные господа, а теперь денегъ нѣтъ.

— Что же, я говорю, кабы не проѣхали того конца, пришлось бы пройти его пѣшкомъ и было бы еще дольше, а мы съ тобою ва- жется и безъ того шагать устали.

«Онъ помолчалъ на это. Но у него была такая привычка, чтобы непременно на что-нибудь пожаловаться, особенно если уже того ни переменить, ни предвѣдать нельзя. Вотъ онъ откашлялся, видно что собрался говорить, а я себя думаю: что еще скажешь повзвѣ- наго?»

— Не во гнѣвъ тебѣ буди сказано, сосѣдъ, началъ онъ, а по моему лучше бы сынъ мой никогда съ твоей дочерью не знался.

«Это меня взорвало! Я сильно разсердился и не будь у меня руки заняты ребенкомъ, ея ребенкомъ, я бы кажется поволотилъ его. Однако я сдержался и сказалъ только:

— Ты бы ужъ говорилъ, сосѣдъ, что лучше бы Богъ и свѣта не создавалъ, чтобы не было на свѣтѣ такихъ горемыкъ, какъ мы съ тобой.

«Это показалось ему богохульствомъ; но по моему, его жа- лобы на Божью волю были еще богохульствѣ. Впрочемъ я ему ни- чего не отвѣчалъ, ради малюточки, которая столько же была до- черью его покойнаго сына, какъ и моей покойной дочери.

«Всему бываетъ конецъ; прошла и эта длинная ночь; мы сильно устали и измучились, а крошка, какъ мнѣ казалось, стано- вилась все слабѣе и слабѣе; у меня сердце надрывалось, слушая ея истомленный голосокъ: я бы отдалъ свою правую руку, лишь бы услышать опять вчерашній, здоровый крикъ ея. Намъ надо было по- завтракать, да и ребенку тоже, бѣдной сиротчкѣ. Харчевень и трак- тировъ не было видно, и часовъ въ 6 утра, — намъ-то казалось гораа- до позже, — мы зашли въ коттеджъ, оноло котораго хлопотала какая- то женщина. Я говорю: нельзя ли намъ, матушка, отдохнуть у васъ маленько? — Войдите, говорить, и сейчасъ оберла передникомъ кресла, которыя и такъ были пречистенькія. Комната была веселая, уютная, и мы рады были присѣсть, хотя сначала у меня престо- ноги не гнулись. Черезъ нѣсколько минутъ женщина замѣтила у меня ребенка и, взявъ его на руки, стала цѣловать, да миловать. Послушайте-ка, говорю я ей, у насъ есть кой-какія деньжонки и если вы намъ дадите позавтракать, мы охотно заплатимъ вамъ, а если возьметесь вымыть и одѣть эту малюточку, да пропустить ей

въ горлышко какой-нибудь тюрки, то я за васъ по гробъ буду Бога молить. Она ничего не отвѣчала, передала мнѣ наскоро ребенка и не успѣли мы оглянуться, какъ уже она заварила котелокъ и поставила на столъ сыру и хлѣба. Когда она обернулась къ намъ, я увидѣлъ, что глаза у ней раскраснѣлись, а губы плотно сжаты. Мы радехоньки были поѣсть и сѣли за столъ, а она, дай ей Богъ здоровья, стала кормить крошку, да такъ нѣжно и ласково, какъ бы родная мать могла обходиться съ нею. Казадось, что эта чужая женщина и дитя давно уже знали другъ друга, да можетъ и вправду встрѣчались на небесахъ, гдѣ, говорятъ, обитаютъ наши души, до рожденія нашего. Малютка привѣтливо смотрѣла ей въ глаза и гулила, словно голубчикъ. Потомъ она ее осторожно раздѣла и распеленала, что давно бы слѣдовало сдѣлать съ бѣдняжечкою, и вымыла ее съ головы до ногъ, также выстирала и грязныя пеленки. Все чистое бѣлье, что мать наготовила ребенку, она отложила въ сторону, а сама завернула крошку въ свой передникъ и пошла съ нею къ коммоду; тутъ она вынула изъ-за пазухи ключикъ, висѣвшій у ней на черной лентѣ, и отперла одинъ ящикъ. Я не хотѣлъ заглядывать туда, однако же яено видѣлъ, что въ ящикѣ лежитъ дѣтское бѣлье, пересыпанное душистою травкой, а между нимъ маленькій сломанный кнутикъ и гремушка. Тогда душа этой женщины какъ-будто вывернулась передо мною наружу. Она вынула нѣсколько вещицъ, заперла ящикъ и стала одѣвать крошку. Въ эту минуту сошелъ съ верху ея мужъ, высокій, плотный мущина, словно не выпавшійся, не смотря на поздній часъ. Видно было, что онъ слышалъ все, что происходило внизу; но какъ человѣкъ грубоватый, онъ на это не обратилъ вниманія. Мы кончили завтракъ и Дженнингсъ пристально смотрѣлъ на хозяйку, которая между тѣмъ закачивала ребенка; онъ и говорить ей: теперь я знаю какъ надо это дѣлать, два раза сверху внизъ, да разъ справа налево, два раза сверху внизъ, да разъ справа налево. Дайте мнѣ ребенка, я самъ его укачаю.

«Хозяинъ довольно угрюмо кивнулъ намъ головою, всталъ у двери и, заложивъ руки въ карманы, посвистывалъ, глядя на дорогу. Какъ вдругъ онъ оборотился къ женѣ и говорить, такъ грубо и сердито:

— Что же это, я видно сегодня не дождусь завтрака!

«Она поцѣловала ребенка нѣжнымъ и долгимъ поцѣлуемъ, и взглянувъ мнѣ въ глаза, какъ бы спрашивая понимаю ли я, отдала

мнѣ дитя. Мнѣ смерть не хотѣлось уходить, потому что ноги болѣли, однако я разсудилъ, что лучше уйдти, и толкнувъ Дженнингса, который тѣмъ временемъ успѣлъ заснуть, спросилъ хозяйку, много ли приходится по счету? Я сталъ высыпать свои деньги позвончѣ, чтобы она не подумала, что у насъ нечѣмъ заплатить. Вотъ она сначала посмотрѣла на мужа; онъ молчитъ, а самъ слушаетъ обоими ушами; она видитъ, что онъ говорить не хочетъ, и не знаетъ что дѣлать: видно, что и его боится, и насъ не хочетъ обидѣть, и говорить: шести пенсовъ, я думаю, будетъ не очень много? Ну, думаю я, это не трактирный счетъ, вѣдь мы-таки изрядно поѣли; пока мужъ-то не сходилъ внизъ. А что же, говорю, за дѣтское молоко съ хлѣбомъ? И хотѣлъ было сказать: и за труды ваши, да языкъ не поворотился; видно было, что она не за деньги это дѣлала. Тогда она взглянула украдкой на спину мужа, который кажется весь превратился въ ухо, и поспѣшно сказала: О, за дѣтскій завтракъ какъ же можно брать, хоть бы онъ вдвое больше скушалъ, Христось съ нимъ! Тутъ мужъ на нее посмотрѣлъ такими сердитыми глазами. Она поняла и тихо подошедши къ нему, положила руку на его плечо. Казалось онъ сейчасъ толкнетъ ее локтемъ, но она шепнула: «ради бѣднаго крошки Джонни, Ричардъ!» Онъ промолчалъ, не шевельнулся съ мѣста, а она, тѣтено заглянувъ ему въ лицо, отошла, глотая слезы. Проходя мимо спящей малютки, когда я расплачивался, она опять поцѣловала ее. А я, чтобы уговорить мужа, въ случаѣ если онъ будетъ сердиться, положилъ подъ краюшку хлѣба на столъ еще шестипенсовикъ. Когда я обернулся въ послѣдній разъ, она тихо отирала глаза передникомъ, приготавливая мужнинуъ завтракъ. Но на томъ свѣтѣ я узнаю ее!

Джобъ Легъ замолчалъ и задумался о томъ давно-прошедшемъ майскомъ днѣ, когда несъ свою малютку-внучку мимо зеленыхъ плетней, подъ тѣнью цвѣтущихъ кленовъ.

Маргарита просила его продолжать, но онъ отвѣчалъ, что больше нечего рассказывать.

— Въ тотъ же вечеръ мы дошли до Манчестера и узнавъ, что старый Дженнингсъ охотно уступаетъ мнѣ малютку, я тотчасъ же утятилъ ее домой и съ тѣхъ поръ она стала моею отрадою.

На нѣсколько минутъ всѣ примолкли, предаваясь своимъ собственнымъ размышленіямъ; потомъ, почти въ одно и тоже мгновение, вниманіе всѣхъ остановилось на Мери. Сидя на своей скамеечкѣ и положивъ голову на колѣна отца, она спала крѣпкимъ сномъ уста-

лаго ребенка ; дыханіе ея, ровное и тихое, граціозно приподымало высокую грудь ; полуоткрытый ротикъ былъ красенъ какъ ягодка, и чистыя очертанія его изящно отдѣлялись отъ бѣлаго личика, ярко развѣрѣвшимися щеками. Черныя рѣсницы стрѣлами рисовались на этихъ щекахъ, осяенныхъ густыми прядями золотистыхъ волосъ, кóторыя какъ шелковая подушка обрамляли ея головку. Всѣ залюбовались ею, а отецъ съ вѣжною гордостью расправилъ одну изъ вьющихся прядей волосъ, какъ бы для того, чтобы выказать ихъ длину и мягкость. Это движеніе разбудило ее, и подобно большей части людей въ подобныхъ случаяхъ, она широко раскрыла глаза и вскричала :

— Я не сплю. Я все время не спала.

Отецъ не могъ удержаться отъ улыбки, а Джобъ Легъ и Маргарита просто расхохотались.

— Что тутъ толковать, голубушка, сказалъ Джобъ : — ты не конфузьясь признаться, что заснула, пока старый болтунъ толковалъ про старыя времена. Я и самъ знаю, что было съ чего заснуть. Вотъ постарайся теперь не заснуть, пока я прочту отцу твоему одну штучку, написанную такимъ же ткачемъ какъ и мы съ нимъ. Знатный паренъ долженъ быть этотъ ткачъ, если умѣетъ фабриковать такіе стихи !

Старикъ надѣлъ очки, потеръ себѣ подбородокъ, положилъ ногу на ногу, откашлянулся и приступилъ къ чтенію маленькой поэмы Самуэля Бамфорда, попавшейся ему гдѣ-то случайно.

• Спаси, Господь, помилуй бѣдняка !
 Какъ холоденъ сегодня день суровый :
 Чуть освѣтивъ густыя облака,
 Глянуло солнце — день проснулся новый.
 Богъ помоги той дѣвушкѣ убогой,
 Что тамъ стоитъ, печальна и блѣдна :
 Безъ ропота сживаясь съ долей строгой,
 Смирненно ждетъ прохожаго она.

« На ней тряпье, лохмотья и заплаты
 И на плечахъ не тая снѣгъ лежитъ ;
 Ея уста безцвѣтны, губы сжаты,
 Она къ стѣнѣ прижалась и дрожить.
 Дрожить — и ждетъ дневного пропитанья !
 Опущенъ взоръ — протянута рука...
 О, сколько тутъ безмолвнаго страданья !
 Спаси, Господь, помилуй бѣдняка.

• Помилуй Богъ! — Я слышу дѣтскій крикъ:
 Вотъ у воротъ оборванный ребенокъ,
 Ко груди матери болѣзненно приникъ;
 Онъ безъ бѣлья и даже безъ пеленокъ,
 А мать, едва прикрытая тряпьемъ,
 Концомъ платка мамотку укрываетъ.
 Худа, блѣдна, съ измученнымъ лицомъ,
 Она за духъ, несчастная, страдаетъ!
 Но что же вдругъ, среди обычныхъ зогъ,
 Ее живѣй какъ-будто укололо?..
 Походкой свѣшваю по улицѣ прошолъ
 Торговецъ — хлѣбникъ, съ ношею тамошой,
 И — пахло хлѣбомъ съ крытаго лотка...
 Бѣдняжка вздрогнула, вскочила, зарыдала,
 Въ ея глазахъ моленье и тоска...
 И на землю безсильная упала.
 Спаси, Господь, помилуй бѣдняка!

• Спаси ихъ Богъ! — Вотъ мальчикъ молодой:
 Въ его глазахъ тупой блуждаетъ голодъ.
 Онъ также худъ, безъ шапки и босой,
 Опять лохмотья, тряпки, грязь и холодъ...
 А вотъ старикъ: замершіе торчатъ
 Сѣдые волосы подъ шляпою измятой,
 На шляпѣ крестъ — печальный знакъ утратъ,
 Вся жизнь его — утрата за утратой.
 Крутые годы клонить старика, —
 Но не привыкъ еще онъ ненавидѣть!
 Все третъ глаза, надѣется увидѣть,
 Какъ братская протянется рука
 Къ нему, не съ тѣмъ чтобъ бѣднаго обидѣть...
 Помилуй Богъ слѣпого бѣдняка!

• Спаси ихъ Богъ! — А каково же тамъ,
 Въ селеніяхъ, по избамъ и лачугамъ,
 Гдѣ сельскій людъ страдаетъ по годамъ,
 На жертву всѣмъ ненастьямъ и недугамъ;
 Гдѣ ничего природа не даетъ,
 Гдѣ горекъ трудъ надъ почвою бесплодной,
 Растетъ бурьянъ, — а вѣтеръ листья рветъ
 И блеклыя уноситъ вихрь холодный.
 Ночной порой не молчно вьюга воеетъ
 Къ порогу снѣгъ мететъ она въ сугробъ;
 На утро дверь никто ужъ не откроетъ,
 И бѣдняку готовъ зарытый гробъ.
 Измученный, ложится онъ къ порогу,

Одинъ, одинъ — и какъ же жизнь тяжка!
Уста молчать, но духъ взываетъ къ Богу...
Да, живъ, Господь, спасетъ Онъ бѣдняка!

— Аминь! сказалъ Бартонъ грустно и торжественно. — Мери, дитятко, не можешь ли ты списать для меня эти стихи — если Джобу не будетъ это противно?

— О! нѣтъ, нѣтъ. По мнѣнью, нѣтъ чаще слушать или читать такія вещи, тѣмъ лучше. Оно полезно.

Мери взяла стихи и на слѣдующій день списала маленькую поэму Бамфорда на хорошенькую, разукрашенную бумажку, оторванную отъ праздничнаго письма, которое она получила въ день Св. Валентина и сильно подозрѣвала, что оно писано было рукою Джемса Вильсона.

Н О Ч Ь

Ничего не слышетъ ухо,
Ночь безмолвна, какъ въ пустынь;
Все уснуло, только муха
Гдѣ-то бьется въ паутинѣ.

Да еще среди молчанья,
У меня, во мракѣ ночи,
Сердце, полное страданья,
Тоже бьется что есть мочи.

И во мглѣ, въ ночномъ покоѣ,
Никому, увѣ! нѣтъ дѣла,
Что на сердце, на больное,
Паукомъ любовь насѣла.

И ни шелеста, ни звука,
Ничего не слышетъ ухо;
Только въ сердцѣ скорбь и мука,
И одинъ товарищъ — муха.

И. П. КУСКОВЪ

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1864—1938

ОТРИКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

IX

СУДЪ И РАСПРАВА.

Старушка Прасковья по болѣзни не могла явиться съ поклономъ и поздравленіемъ о прїѣздѣ къ государю и государынѣ; вмѣсто себя она послала «свѣтъ Катюшку», и та приняла участіе во всѣхъ торжествахъ столицы, по случаю благополучнаго прибытія отца отечества. Парадный вѣздъ въ Москву Петра и Екатерины былъ совершенъ съ громаднымъ триумфомъ. Колокола, пушки и народныя клики долго не умолкали; у каждыхъ триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ еще въ прошломъ году, чинились торжественныя встрѣчи; при чемъ тутъ же въ воротахъ шло угощеніе. Государь и вся его свита, какъ духовныя, такъ и свѣтскіе сановники, ни мало не церемонились — и ѣли, и пили такъ, какъ бы дня три лишены были стола. Достопамятный день замычился общимъ широмъ всей аристократіи въ Преображенской сѣзжей избѣ у князя Ромодановскаго, въ присутствіи императора. Уѣзжая оттуда, государь просилъ хозяина продолжать угощеніе сколь возможно усерднѣе, не смотря на то, что всѣ уже были презрѣдливо пьяны.

Хмѣльные головы шумѣли, кричали, спорили, ссорились, и «мало вѣнѣшавъ», отъ ссоры дѣло дошло и до драки... Бой вспыхнулъ между двумя именитѣйшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій и князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгоруковъ. Два лютыхъ супротивника издавна враждовали другъ съ другомъ, издавна подымали другъ на друга «всякую скверну», но оба сильные любовью и довѣріемъ государя и

государыни, постоянно разлученные мѣстами своей служебной дѣятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить другъ друга, мало имѣли случая дойти и до *ручного* объясненія...

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ непримиримой ненависти скрывалась въ семейныхъ расприхъ: Ромодановскій, какъ извѣстно, былъ женатъ на Настасьѣ Федоровнѣ Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужемъ за роднымъ братомъ княгини-кесарши Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши безъ сомнѣнія помнятъ, какъ неделикатно обращался вѣжливый братецъ двухъ старушекъ съ своей злополучной супругой и какъ злѣе и упорно жаждалъ мести ея отецъ, уполномоченный посолъ и министръ царя русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь-кесарь въ процессѣ князя Долгорукова не мало помогъ своему свояку Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорію Федоровичу не удалось одолѣть противника.

Теперь за торжественнымъ пиромъ, въ одной и той же избѣ сошлись два врага-старца. И тотъ и другой были весьма шумны, и тотъ и другой не умѣшкали схватиться. Объясненіе началось съ какого-то тоста, предлагающаго ковшомъ. Князь Долгоруковъ не хотѣлъ его выпить; тогда князь-кесарь сталъ его «всякими скверными лаями лаять»... «Ты воръ!» кричалъ между прочимъ совѣтчикъ-юпаннѣйшій кесарь, «ты предатель государства! Его величество не только тебя кнутомъ наказать, но и голову твою отсѣчь дамбреніе имѣть изволить...» Противникъ не уступалъ въ подборѣ сильныхъ выраженій и приность ихъ довела до болѣе рѣзкихъ объясненій. Оба старца схватили другъ друга за волосы и съ полчаса неустанно били другъ друга кулаками... Зрители очистили зрену и, изъ уваженія къ яви лая болзми къ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, не мѣшали имъ убѣждать другъ друга «словесно и ручно»; никто не смѣлъ развѣять сановниковъ. Князь Ромодановскій, какъ разсказывали тогда, оказался слабѣйшимъ...

Князь гнѣвомъ, велемощный кесарь повернулъ караульнымъ арестовать посла-министра, отнять у него шпату и запереть въ особую комнату. Приказъ былъ выполненъ, и князь Григорій Федоровичъ одесидиася въ теченіе сутокъ подлѣ стражею своего врага. Освобожденный, по вмѣшательству въ дѣло Екатерины, онъ не хотѣлъ вѣнать домой, и говорилъ, что будетъ просить удовольствіи у императора. Дѣйствительно князь поспѣшилъ къ государю съ просьбой о сатишадкціи, и не довольствуясь этимъ, началъ вужными ударами члелобитици.

«... Князь Иванъ Ромодановскій, преслѣдуемый противникомъ, ушелъ за царгидуларную свою ялебу по факціи имъ вольти злелотлицики, бидъ мени и вслицими скверными лаями лаять». Божествомъ сукать

дѣло по этому документу, то самъ Долгоруковъ велъ себя какъ польза болѣе кротко; въ его челобитной мы вовсе не видимъ старика, который послѣ потока самыхъ грязныхъ ругательствъ осмѣлялся не сарни въ кулачной перепалкѣ. Послушайте, что онъ пишетъ: «Я, опасаясь вашего величества гнѣва, во всемъ ему, Ромодановскому уступалъ, и просилъ (!) Гаврилу Ивановича (Головкина) и другихъ, дабы его отъ того удержали, но онъ выпустилъ другихъ, велѣлъ снять съ меня шапку и вѣсть за арестъ, какъ сущаго вора; гдѣ мало не сутки былъ держанъ и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакцію просилъ, о чемъ и нынѣ слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ». Долгоруковъ тѣмъ болѣе къ сердцу прививалъ учиненный вредъ, что онъ видѣлъ въ себѣ оскорбленнымъ великій санъ посла-министра, почему и настоятельно просилъ государя: «такое же противъ всенародныхъ правъ учиненный публичный afrontъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и вашего величества кавалеря безъ отищенія отпустить не изволите. Помилуй, государь! всекляцалъ тайный совѣтникъ, не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи». (!)

Въ шольбахъ «всенижайшаго раба», птенца Петра Великаго, такъ и слышатся боиринъ стараго добраго времени съ прежними воззрѣніями на житейскія отношенія, способнаго дойти до ручнаго объясненія; но ужъ этотъ боиринъ стараго закала въ иноземномъ кафтанѣ, съ устъ его слышатся клятвы и завѣренія объ оскорбленіи въ лицѣ его достоинства сановника, кавалера... и какъ безстыдно жгутъ этотъ кавалеръ, чтобъ только досадить своему врагу.

Дѣло разумеется кончилось ни чѣмъ, такъ какъ кулачныя схватки государственныхъ людей того времени были явленіями довольно обыденными и постоянно преходились молчаніемъ.

Не прошла только молчаніемъ сенатская схватка Шафрова, Писарева и Мешникова. Первые два особенно должны были пострадать; надъ ними вержена была слѣдственная коммисія, которая вела дѣло строго. Съ Шафрова скоро сняли знаки отличія, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, такъ какъ на него поступило къ слѣдователямъ множество жалобъ... Впрочемъ государь, караа драчливыхъ птенцовъ своихъ, былъ это время постоянно веселъ и между государственнымъ дѣламъ, посвящая свои досуги на разнообразнѣйшія увеселенія. Съ свиткою денщиковъ, зачастую окруженный «безпокойною братією», т. е. «сумазброднѣйшими» и всезнавѣйшимъ соборомъ князь-папы», онъ развѣзжалъ то

(!) Истин. дѣла, Полов. Н. кн. LVIII, л. 575.

въ театрѣ, устроившіея по примѣру Измайловскаго въ госпиталѣ, то на свадьбы, на публичныя маскарады, то наконецъ на ассамблеи, на которыя барабанный бой неустанно созывалъ гостей; всѣ дамы и дѣвцы старше 10 лѣтъ непременно должны были являться къ танцевальнымъ собраніямъ. Толстенькая герцогиня, «сестра Катюшина», вновь запорхала въ этихъ собраніяхъ... Она беззаботно любезничала съ милыми кавалерами герцога Карла; то посылала имъ вафель съ своего стола, то зазывала къ себѣ и щедро угощала виномъ... Мать старушка не вставала съ постели, тѣмъ не менѣе не лишала себя удовольствія принимать въ спальнѣ гостей и угощать ихъ чаеюками. Государь по пріѣздѣ посѣтилъ больную, обошелся съ ней какъ нельзя ласковѣе, и не остановившись на одномъ визитѣ, вечеръ (29 января 1723 г.) послѣ пира у ея братца пріѣхалъ къ ней въ Измайлово и тамъ веселился со свитою. Ничто не показывало, чтобъ государь гнѣвался на невѣстухку; самое дѣло Деревянникова, казалось, его мало интересовало; онъ не спѣшилъ судомъ и расправой. За то не мѣшкала старушка и, не смотря на то, что не оставляла по болѣзни постели, не переставала заносить и задабривать окружающихъ царя, его любимцовъ—деньщиковъ... Почасту приглашаемые въ Измайлово, они находили тамъ самый радушный пріемъ. Имъ особенно бывалъ доволенъ любимѣйшій деньщикъ Петра — Василій Петровичъ. Едва ли мы заѣхали въ Измайлово нѣсколько дней спустя послѣ царскаго наѣзда, мы бы застали здѣсь Василю, осушающаго стаканъ за стаканомъ. Съ нимъ бражничаютъ братецъ царицы, сильно угощаются дамы, пьютъ какъ деньщикъ сама кесарша Настасья Ромодановская, обыкновенная посѣтельница больной царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она въ кровати, сильно оспала, но болтаетъ съ стоящимъ подлѣ нея камеръ-юнкеромъ, дразнить гулякъ и хохочетъ надъ ними...

Что до государя, то конецъ января и половину февраля онъ былъ сильно занятъ процессомъ о вассорившихся сенаторахъ. 14-го февраля дѣло было кончено. Москва огласилась барабаннымъ боемъ, возвѣстившимъ, что завтра послѣдуетъ въ Кремлѣ казнь бывшаго государственнаго министра и вице-канцлера барона Шафирова. На другой день, въ 7 часовъ утра, вокругъ высокаго помоста стояло безчисленное множество народа, солдаты оцѣпляли мѣсто казни. Осужденнаго привезли на простыхъ саняхъ, подлѣ карауломъ изъ преображенскаго приказа. Въ прочитанномъ приговорѣ возглашалась разныя злоупотребленія его по дѣламъ, за которыя виновный обречался на смертную казнь, отсѣченіемъ головы. Съ него сняли паракъ, старую шубу и подвели къ плахѣ. Вице-канцлеръ оборотился къ деркви, оцѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, ставъ на колѣни,

возложилъ голову на плаху. Но прислужники палача, имѣя ли на то особое призываніе государя, либо изъ усердія къ дѣлу, не оставили государственнаго министра въ этомъ положеніи : они вытянули за воги и растянули его на помостъ, такъ что Шафирову пришлось лежать на томъ томъ своемъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ замахнулъ вверхъ большимъ топоромъ, и онъ упалъ — на скамью. Голова была пощажена государемъ. Смерть замѣнили ссылкой. Шафировъ поднялся на воги и со слезами на глазахъ сошелъ съ помоста. Его повели въ зданіе сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же императорскій лейбъ-хирургъ пустилъ ему кровь, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія, Шафировъ сказалъ : лучше бы открыли мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ прекратить мои мученія... Между тѣмъ у шафировскаго чинилась экзекуція : сенатскому секретарю Кирѣеву по шафировскому дѣлу дано 14 ударовъ кнутомъ, на его же долю выпала двукратная вытка при производствѣ слѣдствія; оберъ-прокуроръ и гвардіи майоръ Писаревъ, грозный членъ тайнаго трибунала, разжалованъ въ солдаты, а оберъ-секретарь сената Позняковъ въ писаря. Между другими лицами пострадалъ и нашъ знакомый, князь Григорій Федоровичъ Долгоруковъ; за пристрастіе къ Шафирову онъ лишился быль чиновъ, посаженъ на дому подъ арестъ и присужденъ къ денежному штрафу. Впрочемъ, государь скоро его простилъ. (1)

Въ первый же день по окончаніи дѣла Шафирова, государь, какъ бы въ видѣ отдыха, перешолъ къ Терско-Деревнинскому дѣлу и велѣлъ представить его къ себѣ на разсмотрѣніе. Кабинетъ-секретарь Макаровъ поспѣшилъ уведомить Бутурлина о высочайшей волѣ : «Государь мой милостивый Иванъ Ивановичъ! писалъ Макаровъ, дѣло *Деревнина съ Терскимъ* и по тому дѣлу колелниковъ извольте прислать на генеральный дворъ (въ Преображенское) съ дякомъ или съ старымъ подьячимъ, у которыхъ то дѣло слѣдуется».

Ни въ названіи дѣла, ни въ дальнѣйшихъ слѣдованіяхъ по немъ, о царикѣ либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ прописаніемъ титула : «благовѣрнѣйшая государыня царица» и проч.

Тайная канцеларія представила новый экстрактъ изъ всего дѣла и превозводила арестанта-стряпчаго по востребованію.

14-го февраля 1723 г. Василій Деревнинъ былъ приведенъ на

(1) См. «Судное дѣло» Шафирова въ Ж. М. Юст. 1859 г., ст. 49—55. Князь Григорій Федоровичъ Долгоруковъ скончался въ Кронштадтѣ, 15 августа 1723 г. и погребенъ въ Петербургѣ.

генеральный дворъ къ допросу. Генеральный судъ, вѣрковскій полкъ Шафировымъ изъ сенаторовъ и генералитета, не быль еще распущенъ, и вотъ по его приказу приступлено было къ допросу странчаго.

— Знаешь ли ты тѣхъ людей, которые въ прѣдствіи царицы Прасковьи Федоровны въ тайную канцелярію тебя водною обливали и жгли?

Деревининъ, хорошо знавшій по прежней службѣ своей при царицѣ весь ея придворный штатъ, безъ труда вспомнилъ шестъ обжигальщиковъ, но замѣтилъ, что чьи они дѣти и презвѣсія, того онъ не знаетъ; а и другіе дому царицы, продолжалъ странчій, многіе служителя при томъ были-жъ, а кто по имени, того не упомяну. (1)

Для напamатованія на другой день призваны были канцелярмусъ Бобровскій, да бутырскаго полка напamръ Красновъ, бывшіе въ роковой вечеръ «жженія» въ казенкахъ тайной канцеляріи.

— Знаете ли вы, кто изъ служителей ея величества царицы приходилъ съ ней въ тайную и кто изъ нихъ оторвалъ силою дверь казенки Деревининской; о томъ знаете ли?

— Не усмотрѣлъ я, отвѣчалъ Бобровскій, — кто изъ служителей былъ, за многолюдствомъ; только де суще, какъ сталъ я въ дверяхъ и не сталъ Деревининъ давать вѣсти изъ канцеляріи, и изъ тѣхъ служителей одинъ ударилъ меня подъ бокъ, а присмотрѣть его за онымъ многолюдствомъ я не могъ.

— Не усмотрѣлъ и я, говорилъ напamръ Красновъ, — кто оторвалъ дверь, понеже оныхъ служителей вошло въ казенку многолюдно, не сталъ было и ихъ пускать и они шли отъ двери оттопчули.

Посланная команда въ Измайлово привела служителей царицы; ихъ развѣдали по преображенскимъ ильямъ, затѣмъ генеральныя судьи сняли допросъ съ каждаго порознь.

И вотъ одинъ за другимъ повѣдали воднообливатели и обжигатели страшную повѣсть о прогулкѣ всеимпостѣйшей и благовѣрнѣйшей государыни-царицы въ тайную на Лубявскую площадь; повѣдали о томъ, какъ сонзаволили оны утруждать себя гнѣвомъ не малымъ на недостойнаго служителя. Забытов, либо пропущенное однимъ, вспоминалось и исполнялось другимъ и такимъ образомъ всѣ подробности картины «мщенія старушки», обвѣщались во всей красотѣ.

Любопытно, что каждый изъ допрашиваемыхъ излагалъ событія такимъ образомъ, чтобъ представить себя сколь возможно незначи-

(1) Вер. Дѣл. Р. Д. Т. К. карт. XV л. 50—89.

главнѣйшіе и единственныя сего дѣла.) Прослушавши каждаго отдѣльно, можно было подумать, что служителя царицы всѣ безъ исключенія были не болѣе, не менѣе, какъ простые зрители.

Стряпчій *Кондратъ Маскинъ* первый разсказалъ все дѣло, какъ должно обстоятельство и первый же почелъ долгомъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ: «каптенармуса я, Маскинъ, не бжалъ, дверей отъ казенки Деревинна не отрывалъ, караульнаго капрама отъ нихъ не отпихивалъ; да и чинить миѣ, добавилъ Кондратъ, всего этого было невозможно, понеже всѣ я царицу на скамьѣ, а кто изъ слушателей были дежурныя и отрывали двери, того не вѣдаю». Стряпчій перечислил затѣмъ главнѣйшихъ участивковъ и подмахнулъ свое имя съ обычной оговоркой: «буде сказавъ что ложно и ва то укапалъ бы его императорское величество учинить со мною чего достоенъ».

Изъ самыхъ почтительныхъ фразъ относительно своей госпожи царицы показалъ о дѣлѣ стремянной ея, конюхъ *Нинита Іевлевъ*; онъ поставилъ на видъ свои напоминанія царицѣ о необычности ея гнѣва и нашолъ нужнымъ замѣтить: «о какомъ де письмѣ допрашивала царица, того я не знаю». Эта оговорка именно обнаруживала, что довѣренный стремянной, самъ же хлопотавшій въ полицейскомъ розыскѣ о письмѣ, очень хорошо, если не зналъ, то догадывался о его содержаніи. На счетъ побоевъ и толчковъ дежурнымъ, также объ отрываніи дверей, стремянной показалъ, что во всемъ этомъ не виновенъ, а виноватыхъ не усмотрѣлъ. Чистосердечіе было братъ его, задворный конюхъ *Феоктисъ Іевлевъ*: онъ повинился, что оттолкнулъ, по приказу царицы, подъячяго *Павлова*, когда тотъ сунулся съ мольбой прекратить иженіе Деревинна; но въ видѣ оправданія *Феоктисъ* замѣтилъ, что *Павловъ* его самого толкалъ.

— Дверь никто не отрывалъ силою, говорилъ между прочимъ другой стремянной конюхъ *Карлусъ Фрихтъ*; — подъячій *Маломашевъ*, идя со свѣчей впередъ носылокъ, только постукалъ въ нее, и се отворили. А кто толкалъ потомъ каптенармуса, того я не усмотрѣлъ... Деревинна же, по приказу государыни-царицы, я жогъ подъ бороду, токмо до этого уже у него былъ обожгонъ носъ презрѣдно. Волки я вылилъ на Деревинна только полбутылки...

Показанія главнѣйшихъ участивковъ были очень длинны; ихъ записали, скрѣпили по формѣ подписями допрошенныхъ служителей (всѣ они оказавшся грамотными) и затѣмъ продолжали опросы на другой день, 16-го февраля.

— Носъ я государыню на скамейкѣ, показывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ сторожъ и истопникъ *Степанъ Пятилѣтъ*; — кто силою отворилъ дверь въ казенку, того я не усмотрѣлъ; когда же *Бобровскій* сталъ не пускать Деревинна изъ казенки, въ то число *Маскинъ*,

Н. Іевлевъ и Тихменевъ провели Деревнина въ дверь сильно, а билили они урядника, того я не усмотрѣлъ, понеже не съ государыню. Жогъ я Деревнина опосля какъ обжигали его Маломаховъ, а по немъ шведъ Карлусъ; во время жъ жженія ихъ я съ другими служителями держалъ его, страичаго. А какъ государыня соизволила приказать мнѣ зажечь голову Деревнина и я ту голову свою свѣчою жечь поопасался; государыня толкнула мою руку со свѣчою, и я жогъ, и водка на головѣ Деревнина вспыхнула.

Въ показаніяхъ Пятилѣта оказались нѣкоторые противорѣчія съ словами Н. Іевлева и Маскина. Всѣхъ трехъ немедленно свели на очную ставку.

— Предъ государыней я не шолъ въ казенку Деревнина, утверждалъ Н. Іевлевъ, — а взошолъ туда послѣ, да и изъ казенки-то шолъ назади носилокъ ея величества, а кто шолъ впереди и вель Деревнина, того я не усмотрѣлъ.

— Никиту Іевлева, повинился Пятилѣтъ, — оговорилъ я, не омятовавшись, кто же шолъ впереди или сзади и кто вель Деревнина — не запомню: служителя въ ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскинъ показываетъ на меня напрасно, стоялъ на своемъ Н. Іевлевъ, — впереди я не шолъ и на казенку, гдѣ сидитъ Деревнинъ, царицѣ я не указывалъ.

— Гдѣ шолъ Іевлевъ и кто былъ укащикомъ государынѣ-царицѣ, винился Маскинъ, того я не упомяю, для того что имѣю на себѣ надучую болѣзнь отъ 15-ти лѣтъ.

За очной ставкой, опять потянулся допросъ.

— Я весь государыню, показывалъ задворный конюхъ Маломаховъ, на скамьѣ вѣстѣ съ другими служителями; кто отворилъ казенку, не вѣдаю. А какъ въ передней палатѣ изволила государыня гнѣваться и бить тростью Деревнина по лицу и по плоти многократно, а шведъ Карлусъ и Пятилѣтъ жгли его свѣчами, и въ то число держалъ я Деревнина съ прочими служителями; самъ же свѣчою не жогъ.

Новая очная ставка.

— Какъ же ты показалъ, сирашивали Пятилѣта, — что Маломаховъ жогъ Деревнина?

— Маломаховъ Деревнина суице свѣчою жогъ подъ носъ, стоялъ на прежнемъ Пятилѣтъ, — и Деревнинъ ту свѣчу задулъ.

— Нѣтъ! свѣчою я Деревнина не жогъ, упирался Маломаховъ, — Деревнинъ се не задувалъ; а какъ жгли его Пятилѣтъ да Карлусъ и я держалъ его за волосы, по указу царицы.

Пажъ Тимофѣй Воейковъ разсказалъ о своихъ развѣздахъ за

царевной Катериной Ивановной, объявилъ себя непричастнымъ ни въ жженіи арестанта, ни въ битіи дежурныхъ; братъ его пажъ Федоръ Воейковъ свидѣтельствовалъ, что онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, никого не билъ, не жогъ, ни толкалъ. Юноша, какъ кажется, болѣе другихъ непривычный къ картинамъ истязаній, оставался все время на дворѣ, что впрочемъ не выгородило его изъ общей судьбы всѣхъ дѣятелей того вечера.

А приговоръ этой судьбы состоялся «немѣшкотно». Такъ что отвѣты свои Воейковы не успѣли еще скрѣпить подписями, а его величеству наскучили уже однообразныя показанія служителей царицы. Допрошено было всего семь; болѣе половины царицыной свиты оставалась еще не допрошена; не терпя проволочекъ, государь просмотрѣлъ экстрактъ изъ снятыхъ допросовъ Деревнина «и прочихъ о важныхъ рѣчахъ» — и въ тотъ же день самъ явился на экзекуцію.

Она учинена 16-го февраля на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ: Маскинъ, Никита Іевлевъ, Феокистъ Іевлевъ, Карлусъ Фрихтъ, Пятилѣтъ, Тимофѣй Воейковъ, Федоръ Воейковъ, Василій Маломатовъ, подъячій Михайло Крупениковъ, всѣ девять человекъ опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, оставивавшіе государыню царицу и раболѣпно исполнившіе ея волю, всѣ безъ разбору — биты батоги нещадно и потомъ освобождены. Его величество самъ изволилъ присутствовать на штрафованіи (1).

Достоинно замѣчана, что Василій Алексѣичъ Юшковъ не былъ призванъ къ допросу по повелю таинственнаго къ нему посланія старушки. Допросилъ ли его государь самъ, одинъ, секретно, или не хотѣлъ компрометировать невѣстку генеральнымъ опросомъ ея фаворита изъ боязни, чтобъ тотъ не повѣдалъ какихъ-нибудь сердечныхъ тайнъ старушки, какъ бы то ни было, только письменныхъ показаній съ Юшкова взято не было и предъ «генеральными судьями приводить онъ не былъ». Но онъ не избежалъ наказанія; на другой же день послѣ батожей расправы съ служителями невѣстки, государь повелѣлъ сослать Юшкова въ Нижній Новгородъ. Ковной-

(1) Дѣятельный монархъ въ тотъ же день успѣлъ утвердить нѣсколько государственныхъ постановленій: въ силу одного изъ нихъ приказано было объявить архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ, дабы они въ церквахъ во время служенія никакихъ челобитень не принимали, «кромѣ государственныхъ великихъ и косненія не терпящихъ дѣлъ», но упражнялись бы тогда въ богомыслии и въ молитвахъ и давался бы тѣмъ людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія. Въ тотъ же день государь удосужился принять участіе въ публичномъ смѣлоторномъ маскарадѣ, устроенномъ на московскихъ улицахъ.

ный унтеръ-офицеръ получилъ слѣдующій рескриптъ императора для передачи Нижегородскому начальнику.

«Господинъ вице-губернаторъ! (Ржевскій) писалъ Петръ, по нашему указу, посланъ въ Нижній Василій Алексѣвичъ, сынъ Юшкова, съ унтеръ-офицеромъ отъ гвардіи Никитою Ржевскимъ. И когда оный унтеръ-офицеръ съ нимъ въ Нижній прїѣдетъ, тогда Юшкова отъ него примите и до указа нашего велите ему жить въ Нижнемъ, не выѣзжая никуда».

Кабинетъ-секретарь Макаровъ самъ выправилъ арестанта, причемъ далъ унтеръ-офицеру инструкцію, въ которой вопреки обыкновенію не было ни малѣйшаго напаматованія о строгомъ обращеніи съ арестантомъ; приказано было только взять у вице-губернатора росписку въ полученіи Юшкова, паки возвратиться къ Москвѣ и явиться на генеральный дворъ. Изъ этого можно видѣть, что если связи, сила и значеніе царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказаніе его постигшее, ради ея вліянія, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрѣпляла благодѣтельная рука немогнотъ тѣломъ, но бодрой духомъ Прасковьи. Съ Василиемъ Алексѣвичемъ отняли у ней и исполнительныхъ пажей: два брата Воейковы по высочайшему повелѣнію были записаны въ гвардію солдатами. (1).

Нѣсколько дней спустя, государь съ государыней отправились въ Петербургъ, а двѣ недѣли спустя (15 марта) потянулась за ними изъ первопрестольной столицы партія «самонужнѣйшихъ колодниковъ», подъ охраною коновод. Въ числѣ ихъ отправленъ былъ и Василій Деревинскій. «Дѣло о его битіи и жженіи, писалъ Казаринскій, заправляющій дѣлами московско-тайной канцеляріи къ А. И. Ушакову, петербургскому канцелярскому, дѣло Деревинскаго рѣшено на генеральномъ дворѣ, но по писму (цѣлѣнному) слѣдованія еще не было. Сообщается оно при подлинномъ дѣлѣ и запечатано въ особомъ пакетѣ, а на немъ надпись А. В. Макарова: «писмо, которое подалъ И. И. Бутурлинъ». И то подлинное дѣло и писмо по приказу кабинетъ-секретаря препровождается къ Вамъ» (2).

Дѣло «по писму» тянулось крайне медленно, либо оно никого не интересовало, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — щекотливость содержанія письма относительно царицы заставляла судей показывать къ нему какъ можно меньше вниманья. Только два мѣсяца спустя (14 мая) Ушаковъ извѣстилъ Казарина о полученіи колодника и его

(1) Письмо А. Макарова къ И. И. Бутурлину 20 февраля 1733 г. дѣл. л. 83. Одинъ изъ этихъ Воейковыхъ былъ въ 1730-мъ году майоромъ.

(2) В. Д. Р. Д. Т. К. карт. XV ч. 3 дѣл. л. 1—43.

дѣла и затѣмъ тайная канцелярія въ лицѣ Андрея Ивановича немедленно востановила: продолжать деревнишское дѣло о причинномъ письмѣ въ канцелярію вышняго суда, понеже тамъ начало сего дѣла и слѣдованіе было, «да и нельзя того, добавлялъ политичный Андрей Ивановичъ, чтобъ многіе канцелярскіе стужителя — о важностяхъ (сего дѣла) сѣдодомы были.

Такимъ образомъ Ушаковъ съ Толстымъ спустили Деревнина съ причиннымъ письмомъ царицы въ вѣденіе вышняго суда. Но и отъ него скорого и прямого рѣшенья ожидать было нечего, такъ какъ члены суда большею частью были либо близкіе пріатели и знакомые царицы, либо даже свойственники; вѣдь засѣдали: графъ Андрей Матвѣевъ, Иванъ Дмитриевъ Мамоновъ, Семенъ Блеклый, Александръ Бредихинъ; Иванъ Бахметевъ, секретаремъ былъ — Петръ Ижорскій.

Вотъ почему они не съ разу согласились даже принять Деревнина, не вдругъ рѣшились взять на себя слѣдованіе и судъ по цыфирному посланію; такъ что только послѣ двухнедѣльной переписки съ тайной канцеляріей, вышній судъ далъ свое согласіе (27 мая) чтобы «дѣло Деревнина къ намъ прислать, но не иначе какъ съ подъячимъ, у котораго то дѣло было, понеже «къ тому важному дѣлу отъ другихъ дѣлъ подъячаго *опредѣлять не надлежитъ*».

Опять пошла переписка: подъячій тотъ въ Москвѣ, и такъ на чей коштъ его выписать? Это затрудненіе дало вышнему суду предлогъ сдать дѣло (18 июня) въ кабинетъ. Но тамъ кабинетъ-секретаря его не принялъ, но приказалъ войти экстрактомъ для доклада ея величества. И вотъ атеченіе цѣлаго *мыслица* ишутся два экстракта. Только 19 июня явился съ ними въ кабинетъ секретарь тайной канцеляріи Топильскій, который и предложилъ тутъ же запечатанное въ пакетъ цыфирное посланіе — съ достойнымъ респектомъ (*).

Въ кабинетѣ дѣло засѣло. Надо думать, что обязательный Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, которому такъ наввно писала царица: «что будетъ ему платить», но спѣшилъ входить къ губернатору съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Резолюціи не было, а стряпчій продолжалъ томиться въ казематѣ. Такъ при дворѣ суроваго и повиданному столь ревниваго къ правдѣ монарха находили себѣ убѣжище взяточничество и лиценпріятіе; связи и протекція и здѣсь оказывали свое вліяніе; вся разница съ послѣдующими царствованиями состояла только въ томъ, что при Петрѣ это дѣлалось несравненно скрытнѣе, «опасливѣе.»

(* Каб. дѣл II полв. т. LXIV ст. 451. .

Что же это было за письмо, отъ котораго такъ скоро отвѣчались слѣдователи и судьи, къ которому такъ старательно не допускали канцелярскихъ служителей, наконецъ для сбарешенія котораго даже тайная канцелярія не находила у себя тайного мѣста, чтобы чины ея «важности сего письма свѣдомы не были?»

Что въ этомъ письмѣ не было ничего государственнаго, «противнаго» въ смыслѣ политической тайны, въ этомъ нечего и сомнѣваться; въ противномъ случаѣ судьба Юшкова была бы рѣшена иначе, не избѣгла бы суда и осужденія сама Прасковья; но куда дѣлось таинственное посланіе послѣ долгихъ страстей изъ тайной въ кабинетъ, изъ кабинета въ тайную, оттуда въ вышній судъ, изъ суда въ кабинетъ, изъ кабинета опять въ тайную — неизвѣстно; только, ни при дѣлахъ послѣдней, ни въ бумагахъ кабинетскихъ — письма этого не сохранилось. Между-тѣмъ уцѣлѣла слѣдующая пояснительная записка руки Прасковьи: записка азбуки:

o i w m w w 192

1 2 3 4,5 6,7 8 9 10.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, и т. д.

0, 5, 3, 7, 6, і, а, 2, я, 8, и, п, в, и, н, 9, п, з, и т. д.

Явно, что эта та цыфирная азбука, по которой написано было таинственное посланіе. Тутъ же слѣланъ и переводъ — къ сожалѣнію только первой фразы: «радость мой светъ...»

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Вѣсело въроятно, что Петръ еще въ бытность свою въ Астрахани, получивъ изъ тайной канцеляріи письмо, доставленное Деревниннымъ, потребовалъ отъ невѣстки ключа къ цыфрѣ, и приведенная записка есть черновая подлинника.

Таинственное письмо старушки, безъ сомнѣнія, касалось либо ея сердечныхъ, интимныхъ отношеній къ своему главноуправляющему, либо трактовало о семейныхъ, секретныхъ дѣлахъ, трактовало притомъ не совѣмъ скромно? Все это предположенія и догадки, которыя могутъ подтвердиться или опровергнуться открытіемъ интимной цыдулки.

Х

С М Е Р Т Ъ .

Мы оставили царицу въ родномъ Измайловѣ. Государь распорядился о дачѣ подводъ невѣсткѣ и ея дочерямъ отъ города до города; хвора старушка поднялась въ путь въ первой воловнѣ

марта 1723 года. Собственные тяжкіе недуги, болѣзнь младшей дочери, наконецъ скверныя дороги мѣшали ей ѣхать скоро, и достигавшеся до Новгорода, старушка рѣшилась отдохнуть и оправдаться.

Съ дороги она нѣсколько разъ посылала грамотки къ «государынѣ своей милостивой, дорогой невѣстушкѣ и матушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ,» которой непрестанно желала «здравія свѣту моему, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкѣ, императоромъ великимъ, Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ государынями цесаревнами на множество лѣтъ!»

Несмотря на эти длинныя пожеланія, письма Прасковьи «къ свѣтамъ благодѣтелямъ» — были какъ-то сухе, холоднѣе, можетъ быть ссылка безцѣннаго Юшнова потрясла старушку и она только по нуждѣ относилась къ невѣсткѣ.

А нужда настояла немалая. Дочка ея, Прасковья, «весьма расхворалась»: «пожалуй государыня моя невѣстушка и матушка, диктовала старушка секретарю 4 апрѣля 1723 г., прикажи увѣдомить насъ о общемъ здравіи вашемъ, — чего отъ сердца слышать желаемъ; при семъ вашему величеству доношу, что дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества пожалуй, государыня моя, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою. . . . .»

«Благодарствую государыня моя, милостивая невѣстушка, за милостивѣйшее писаніе...» (1).

Вспомнила старушка, что скоро день рожденья императрицы, и спѣшитъ исполнить формальность: «5 апрѣля 1723 г. Новгородъ... Поздравляемъ вамъ государынѣ, дражайшимъ днемъ рожденья вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи, и за симъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша — Прасковья».

Съ такими же поздравленіями привѣтствовала она государя и государыню по поводу наступающаго праздника Христова Воскресенія: «отъ сердца желая препроводить оный во всякой радости и впредь идущихъ лѣтахъ, да благословитъ Богъ много такихъ тор-

(1) Адресъ: «Всемилоствѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.»

жественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всеобщемъ благополучіи...»

Императрица съ своей стороны отвѣчала вниманіемъ на предупредительность и вѣжливость старушки. Екатерина послала въ Новгородъ доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорымъ пріѣздомъ.

«Благодарствую государыня моя невѣстушка, отвѣчала царица (11 апрѣля, Новгородъ), что изволили прислать къ намъ доктора. А дочери моеи отъ болязни есть свободнѣе, только внучка (Аннушка) п....иъ не можетъ. А въ С. Петербургъ поѣдемъ на завтрае праздника, и какъ могу, такъ спѣшить буду.»

Государь также показывалъ заботливость о Прасковѣ Федоровнѣ и ея семейкѣ, разумѣется по своему, своеобразно. Онъ хлопоталъ объ окончательномъ, болѣе надлежащемъ закрѣпленіи Курляндіи за Россіей и всячески подыскивалъ жениха для вдовствующей, сѣтующей безъ мужа, Анны Ивановны. Государь писалъ по этому поводу въ Митаву къ Петру Бестужеву, приказывая ему стараться объ этомъ дѣлѣ, прочилъ Анну за герцога Вейсенфельскаго, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между-тѣмъ въ Петербургъ, въ началѣ мая 1723 г., совершивъ это путешествіе болѣе спокойно, водою на судахъ, присланныхъ въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію. Оставивъ хворыхъ маменьку и сестрицу въ постель, «свѣтъ Катюшка» вмѣсто ихъ объѣздила всѣхъ съ визитами и приняла участіе въ обычныхъ увеселеніяхъ двора. Мы не останавливаемся на нихъ потому, что они очень хорошо извѣстны, по крайней мѣрѣ характеръ ихъ — изъ предыдущихъ главъ нашего очерка и многихъ иностранныхъ источниковъ.

Нельзя не замѣтить однако, что отъ участія въ нѣкоторыхъ изъ потѣхъ сего года не рѣшалась отказываться сама царица Прасковья, стоявшая одной изъ отнявшихъ у ней ногъ въ гробу. Такъ на празднествахъ при спускѣ кораблей, празднествахъ особенно любимыхъ монарху, старушка, изъ вниманія къ нему, подѣзжала къ новорожденному кораблю на баркѣ; не будучи въ состояніи выйти изъ нея, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всѣхъ приюющихъ. При спускѣ корабля «Михаилъ Архангелъ,» 26 мая 1723 г., она отпустила съ своей барки на корабль «свѣтъ-Катюшку» и ей поручила принять участіе въ пирѣ. Пиръ былъ на весь міръ! Гости и гостыи ѣли и пили съ четырехъ часовъ пополуночи до двухъ часовъ утра; самъ государь предупредилъ, что онъ въ этотъ день намѣренъ хорошенько валяться, выдержалъ свое обѣщанье на столько, что едва могъ стоять на ногахъ; герцогу

голландскій доведенъ былъ угоненіемъ, по собственному выраженію Петра, до состоянія пшанаго иѣмца (Kerel d'Allemagne). то есть его высочество лежалъ въ безчувственномъ положеніи. Дамы, и нѣтъ сомнѣнія наша герцогиня, были нашоены на столько, что кнѣзми не пускали мушкетъ...

Такой же характеръ имѣло пиршество при смускѣ другого корабля «Крейсеръ» — 23 іюля. И это торжество почтила своимъ присутствіемъ вдовствующая царица. Не смотря на всю свою немощь, она подлѣзала съ маленькою внучкою Анушкой къ кораблю; во вредному не выходила изъ барна, и высадивъ Катерину Ивановну, отправилась домой, гдѣ оставалась ея царица Прасковья въ постели, съ распухшими на обѣихъ рукахъ пальцами.

Государь былъ очень любезенъ и внимателенъ къ веселой Катюшкѣ и совѣтовалъ между прочимъ отъ слишкомъ большой молчоты, которая еѣ не мало досаждала, меньше спать и меньше ѣсть. Слѣло вѣрнѣе, велѣлъ за маменькой, въ медицинаскія познанія дялюшки, «сидѣть Катюшка» серьезно начала лечиться: цѣлыя сутки не ѣла, не пила и не смывала очей; затѣмъ — разрѣшила себѣ простиный столъ. Но разумѣется важкій, знавшій Катерину Ивановну и ея страсть поспать хорошенъко и поѣсть сколь можно положительное, былъ напередъ убѣжденъ, что и постъ, и бленіе не долго продолжится.

Весь іюль и начало августа старушка провела на яхтѣ, участвуя въ морскомъ путешествіи всего двора въ Ревель и Ригу; морское путешествіе не доставило ей удовольствія; здоровье ея несколько не поправилось; старушка видимо разрушалась и съ каждымъ днемъ быстро приближалась къ могилѣ; на яхтѣ ей сдѣлалось особенно дурно, такъ что нѣкоторое время царица Катерина не отходила отъ постели матери; болѣзнь Прасковьи не мѣшала впрочемъ веселиться другимъ, — и въ день возвращенія въ столицу, день, ознаменованный встречкою знаменитаго ботика, дялюшка русскаго флота, — всѣ отъ мала до велика, отъ послѣдняго денъщика до великаго монарха, провели десять часовъ сряду. По свидѣтельству одного изъ участниковъ пира, императоръ былъ особенно расположенъ пить; нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьянъ, и всѣ, ревнуя показать свою преданность и любовь къ отцу-отечеству, такъ страшно пили, какъ не запомнятъ ни одинъ заѣзжій иѣмецъ — во все пребываніе свое въ Россіи. Не было пощады и дамамъ, т. е. императрицѣ, герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ и прочимъ членамъ царскаго семейства съ ихъ свитами. Ихъ отпустили послѣ шестичасоваго угощенія. Оно особенно размягчило сердце Петра. Съ нимъ случилась рѣшительный припадокъ самой страстной, нѣжной чувствительно-

сти. Онъ безпрестанно цѣловалъ много герцога голицынскаго; оказавшаго необыкновенные успѣхи въ российскомъ служеніи бакусу; государь, въ припадкѣ нѣжности безпрестанно трепалъ его, нѣсколько разъ срывалъ съ головы парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивалъ ему нижнюю губу и цѣловалъ въ ротъ между зубами и губами... Тоже сентиментальное чувство овладѣло многими знатными персонами: они плакали, цѣловались, обнимались, — за то другіе отъ нѣжныхъ поцѣлуевъ пруту перешли къ рѣзкимъ объясненіямъ: такъ напр. адмиралъ Крюговъ далъ контръ-адмиралу Зандеру такую затрещину, что контръ-адмиралъ покотился подъ столъ, потерялъ парикъ и волею-неволею остался въ положеніи *безчувственного* нльмца.

Достоинство замѣчанія, что говоря о подобныхъ пиришествяхъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный полъ особенно тяготился усиленнымъ угощеніемъ. Привычка дѣлала чудеса, даже небесно прекрасныя цесаревны, какъ называетъ Берхгольцъ Анну и Елисавету, съ поразительною привѣтливостію подносили пирующимъ стаканы крѣчайшаго венгерскаго вина и съ неподражаемою граціею сами осушали стаканы. Толстенькая герцогиня уступала имъ въ граціи, но по опытности своей и большому возрасту превосходила въ искусствѣ самоугощенія.

Начало сентября ознаменовалось восьмидневнымъ маскарадомъ въ честь годовщины Ништатскаго мира; всѣ были обязаны явиться на это празднество. Втеченіе восьми дней по улицамъ Петербурга выдвигались торжественныя процессіи, были самыя разнообразныя костюмы — халдейскіе, аббатскіе; государь Петра Алексѣевичъ являлся то католическимъ кардиналомъ, то матросомъ барабанщикомъ; костюмы польскіе, старинно-нѣмецкіе, іезуитскіе, французскіе, итальянскіе, китайскіе, жидовскіе, капуццннскіе, индійскіе, японскіе, татарскіе и другіе пестрѣли на площадяхъ и улицахъ Петербурга. Тутъ же среди замаскированныхъ, какъ видно изъ печатной росписи, красовалась неусыпаемая обитель. Ее составляли: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи сендрнхъ Афанасій Татищевъ, князь Ярославскій, отъ гвардіи сендрнхъ Мелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и свитомъ; обитель сопровождала большая свита въ разныхъ дузовыхъ, арлекинскихъ, нищенскихъ и прочихъ странныхъ уборахъ мужины и женщины. Далѣе по маскарадной росписи ⁽¹⁾ слѣдовали:

(1) Роспись компаніи маскарада, бывшаго въ Спб. 30 августа по 6 сентября 1723 г. напечатана въ приложеніи къ III ч. Дневника Берхгольца. М. 1860 г. стр. 200—288.

новѣстный шутъ Семенъ Тургеневъ въ роль Нептуна, проионца вѣнчій Карповъ — бахусомъ; далѣе архіерей: Манникандръ . . . митрополитъ С. Петербургскій, Морай . . . митрополитъ Кроншлотскій и Козленскій, Тарай . . . митрополитъ велакаго Нова . . . и вселенныхъ . . .; Никонъ Прыткой . . . митрополитъ Дербенской и Мидскій; Гниль . . . митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, Бабабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Седмимелвицкой, М . . . . . митрополитъ Пековскій и Изборскій; Теофанъ Красной . . . митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій, архидьяконъ Иди на . . Стровъ. Ключарь Формосовъ . . . Протасевъ. Всего 10 человекъ.

Государыня вслѣдъ за кесаршей Ромадоновской шла въ фрнжланскомъ уборѣ; 55 отдѣленіе вела государыня царевна Катерина Ивановна; она, также княгиня Меншикова, дѣвица Юшкова и другія 7 персонъ дамскихъ были въ гишпанскихъ костюмахъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи была царевна Прасковья Ивановна съ 13-ю дамами и дѣвицами въ платьяхъ «шкармуцкихъ.»

Удовольствій была бездна. Такъ напр. какой-то толстякъ представлялъ солнце. Онъ несъ большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную машину, которая была такъ устроена, что лицо его какъ разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтла, гдѣ прорѣзана была дыра. Безыкопная братья «соборъ всепѣнѣйшаго и всешумѣйшаго князь-напъ» нѣсколько разъ съ шѣсиями проходила съ свѣтломъ по салу, а подъ конецъ шутникъ залѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ ему длинное смѣхотворное слово. Для народа выкачены были бадья съ пивомъ и виномъ. Пѣтѣи прекрнцались по барабанному бою императора.

Только извѣстный уже намъ характеръ беззаботной, смѣшливой герцогини давалъ ей возможность всецѣло предаваться удовольствіямъ двора; въ сущности ей было о чемъ побезпокоиться, было о чемъ призадуматься: съ одной стороны должны были вызывать эти думы страданія больной, умирающей матери, съ другой — самыя безотрадныя вѣсти о благовѣрномъ супругѣ. Она жаловалась своимъ знакомымъ, что герцогъ рѣшительно не хочетъ пріѣхать въ Россію, а между тѣмъ доходили до нея слухи, что римскій императоръ намѣренъ поручить управленіе Мекленбургія брату Карла-Леопольда, Христиану-Лудвигу, если первый не изльавитъ покорности.

Выѣстъ съ свѣтъ Катюшкой заявляла свое сожалѣніе объ упрямствѣ зятя царица Прасковья; она удивлялась, какъ герцогъ, хорошо знающій объ отличномъ обращеніи государя съ голштинскимъ и гессенъ-гомбургскими принцами, не внемлетъ неоднократнымъ приглашеніямъ пріѣхать въ Россію. Такъ напр. въ маѣ 1723 года Петръ, по просьбѣ племянницы и невѣстки, еще разъ сдѣлалъ попытку

вызвать изъ Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это порученіе возложено было на генерала Вовна, хорошаго знакомаго, даже пріятеля избалованнаго герцога. Не смотря на этотъ выборъ неслыханнаго, Катерина Ивановна очень опасалась, что супругъ ея все таки не дастъ убѣдить себя, не смотря на то, что армія въ Россію была единственнымъ исходомъ изъ плохого положенія. Но герцогъ ни мало о немъ не задумывался и, къ огорченію супруги своей, велѣлъ между прочимъ отрубить въ Демницѣ голову тайному совѣтнику Вольфрату. Сътованія на шужа не на столько были однако велики у легкомысленной Катерины, чтобъ мѣшать ей задушевными бесѣдами съ камеръ-юнкеромъ герцога Голштинскаго. Она продолжала называть его къ себѣ, просиживала съ нимъ цѣлые часы въ самой задушевной, интимной болтовнѣ о всевозможныхъ нустакхъ, дѣлала ему подарки, не пускала домой и проч.

Петербургская осень 1723 года была крайне непогодливая. 2 октября (головщина мѣсяца старушки Прасковьи) случилось одно изъ сальнѣйшихъ наводненій: порывистый вѣтеръ съ моря дулъ долго, съ необыкновенной силой, и бурливая Нева, затопивъ ночью всѣ улицы, поднялась на 7 футовъ и 7 дюймовъ (1). Жители были въ страхъ и ежеминутной опасности погибнуть въ водяной пучинѣ; но въ домѣ нашей старушки было и другое безпокойство, другія опасенія: приближилась роковая часъ, царца разставалась съ жизнью.

Еще 21 сентября она была на столько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревенъ и большое общество знати. Старушка въ послѣдній разъ въ жизни праздновала одинъ изъ праздникоу своего семейства, день рожденія царевны Прасковьи, которой пошоль 30 годъ.

Съ этого времени, съ кажлымъ днемъ царцѣ становилось хуже и хуже, съ часу на часъ ждали ея кончины. 8 октября навѣстилъ ее государь и пробылъ у невестушки болѣе двухъ часовъ; въ палатахъ умирающей толпились челядинцы, рабы и рабыни царцы-помѣщицы; они тревожно ждали ея кончины въ невѣдѣніи, что послѣдуетъ съ ними послѣ ея смерти; тутъ же были высшіе духовные іерархи, робко тѣснилось и нисшее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вѣстуньи, корольиые и другія темныя лица, призрѣваемые милосердой монархиней. Но эти лица могли показываться не иначе, какъ съ большими опасеніями наткнуться на государя; а эта встрѣча значила просто на просто попасть подъ батоу, имъ извѣстно было, какъ

(1) *Алертъ*: Оп. наводненій, бывшихъ въ Спб. 1826 г. с. 28.

безцеремонно поступалъ Петръ Алексѣевичъ съ ихней же братьей при пощивъ царевны Маріи Алексѣевны (20 марта 1723 г.). Онъ засталъ въ покояхъ умирающей дѣлую толпу пощивъ, которые, по завѣданному изстари обычаю, принесли ей аствъ, напитоковъ и спрашивали, не нужно ли ей чего-нибудь, всего ли она имѣла вдоволь? Его величество немедленно всѣхъ ихъ выгналъ вонъ и строго настрого наказалъ, чтобъ впредь не повторилась подобныя вещи. Слѣдовательно немудрено, что при настоящемъ случаѣ многое не повторилось изъ старинныхъ обычаевъ, сопровождавшихъ провозы на тотъ свѣтъ...

Въ домѣ умирающей распорядилась Катерица Ивановна. Императрица ободрила и утѣшала ее и часто провѣдывала больную. Между прочимъ, зная, что умирающая всегда была крайне немилостива къ средней своей дочери, мало того — почти ее проклала, Катерина Алексѣевна напомнила о необходимости полного прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрѣпила это подлинсю на письмѣ къ государынѣ: въ этой грамоткѣ она простила нелюбезную ей Анну (¹). Мало того, 11 октября, для успокоенія дочери и въ угоду государыни-невѣстки, старушка продиктовала слѣдующее письмо:

«Любезнѣйшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже нынѣ болѣзни во мнѣ отчасу умножаются, и такъ отъ оныхъ стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла; того для, симъ мовмъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобы вы молились обо мнѣ Господу Богу, ежели Его Творца моего воля прилететь, что я отъ сего свѣта отыду. Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣнн, яко бы подъ запрещеніемъ (или тако рещи, проклятіемъ) отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся; все для вышешоизвнутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю вамъ, и прошаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предомвою и погрѣшили. Впрочемъ, предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божию, остаюсь мать ваша Прасковья.»

На другой день въ городѣ пронесся слухъ, что царица не про-

(¹) Письма этого къ сожалѣнью мы не нашли въ подлинныхъ бумагахъ, и о немъ свидѣтельствуетъ Щербатовъ: «Анна, по словамъ сего историка, съ природы была права грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклата, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра I-го одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка и проч. О поврежд. нравовъ въ Россіи, стр. 47.

живеть и нѣсколькихъ часовъ ; но она промучилась еще сутки. Государыня была у ней утромъ , и потомъ провела день въ больномъ обществѣ : во дворцѣ былъ большой обѣдъ съ пущечной палубой съ невскихъ судовъ, съ танцами и проч. Императора же было : онъ еще нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ небольшою свитою осматривать ладожскій каналъ, при прорытіи котораго оказалось множество злоупотребленій.

Такимъ образомъ Петръ Алексѣевичъ, вопреки Голикову (1), не присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Прасковьи. На разсвѣтъ 13 октября 1723 года старушка, чувствуя приближеніе кончины, поручила своихъ дочерей «Катюшку и большую Парашу» материнскому попеченію императрицы, настоятельно просила, чтобъ съ ней въ гробъ положили портретъ ея мужа ; наконецъ потребовала зеркало, долго въ него смотрѣлась, какъ бы прощаясь сама съ собою и испустила духъ. Капитанъ Бергеръ извѣстилъ дворъ и объѣхалъ сановниковъ съ вѣстью о кончинѣ благовѣрнѣйшей государыни-царицы.

Немедленно дали знать государю ; отмѣнили спектакль, имѣвшій быть въ этотъ день во вновь построенномъ для труппы домѣ, и стали толковать о томъ, на сколько времени будетъ наложенъ трауръ ; думали, что онъ протянется не менѣе полугода ; на другой же день дворъ и весь почти городъ облекся въ трауръ.

16 числа государь вернулся въ столицу и начались распоряженія о пышныхъ похоронахъ. Онѣ были назначены 22 октября. Наканунѣ гвардіи майоръ А. И. Румянцевъ, въ качествѣ маршала погребенія, объѣхалъ именитыхъ лицъ съ приглашеніями, отъ имени дочерей покойной, пожаловать на другой день къ двѣнадцати часамъ на похороны царицы. Толковали (зная страсть государя къ катаньямъ), что тѣло царицы повезутъ водою въ Невскую Лавру, но что оно останется тамъ только до тѣхъ поръ, пока въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ не отдѣлаютъ императорскій склепъ, и что трауръ продолжится не болѣе шести нелѣль.

Государь, страстный охотникъ до устройства всякаго рода торжественныхъ и курьезныхъ зрѣлищъ, самъ озаботился объ украшеніи и обстановкѣ смертнаго одра царицы, по проекту графа Сантя. Ему было очень пріятно любопытство многочисленныхъ посѣтителей, приходившихъ не для одного поклона умершей, но и для того, чтобъ поглазѣть на убранство. Посѣтителей принимали генералы Алларъ и Ласси, первые маршалы погребенія. Вслѣдъ за голицини-

(1) Дѣнія Петра I-го т. IX с. 529.

скимъ герцогомъ протолкаемся и мы къ парадному гробу Прасковьи.

Открытый гробъ съ ея тѣломъ стоялъ на катафалкѣ, устроенномъ какъ парадная постель. Надъ ней возвышался большой балдахинъ изъ фиолетоваго бархата, украшенный галунами и бахромой, а надъ гробомъ, на той части балдахина, которая спускается въ головахъ, вышитъ былъ золотой двуглавый орелъ на фонѣ, состоящемъ какъ бы изъ горностаеваго мѣха. На внутренней ея сторонѣ стоялъ вышитый же именной шифръ покойной съ императорскою короной, скипетромъ и державою на верху. Съ правой стороны, на красной бархатной подушкѣ, лежала царская корона, украшенная довольно богато драгоценными камнями и сдѣланная, сколько позволяла краткость времени, довольно изящно. Возлѣ нея стояло желтое государственное знамя. Гробъ былъ на возвышеніи о нѣсколькихъ ступеняхъ, обитъ фиолетовымъ бархатомъ и широкимъ галуномъ, крышка украшена крестомъ изъ бѣлой обьяри. Изъ той же обьяри было платье на Прасковью и покровъ, спускавшійся до катафалка, обтянутого бархатомъ. По обѣимъ сторонамъ гроба стояло двѣнадцать большихъ свѣчей; кромѣ того въ комнатѣ висѣли три люстры и множество стѣнныхъ подсвѣчниковъ; во всѣхъ горѣли восковыя свѣчи. Вся комната была обита кругомъ черной байкой, а вверху — по парнизу шла фалбала, эффектно собранная изъ бѣлаго и чернаго флера... По стѣнамъ висѣли разныя аллегоріи. Тѣло охраняло двѣнадцать капитановъ въ черныхъ кафтанахъ, длинныхъ мантияхъ, съ чернымъ флеромъ на шляпахъ и съ вызолоченными аллебардами; на данныхъ концахъ флера, обвязаннаго вокругъ нихъ, висѣли маленькіе щиты съ вензелемъ и гербомъ царицы. У дверей стояли гренадеры, со штымовъ ихъ ружей также спускался флеръ. Надъ тѣломъ поочередно отчитывали двое священниковъ... Все дѣлалось какъ нельзя болѣе чинно, стройно и хорошо. Порядокъ не былъ нарушенъ плакальщицами, стонами и воплями толпы челодвищевъ, призывавокъ покойной, такъ какъ подобныя завыванія и причитыванія надъ умершими строжайше были запрещены Петромъ въ 1716 году, при погребеніи царицы Марфы, вдовствовавшей супруги Федора Алексѣевича (1).

Прежнее распоряженіе везти тѣло водой было почему-то отменено государемъ въ самый день погребенія. Процессія началась въ три часа пополудни, 22 октября. Когда въ передней комнатѣ въ ложѣ покойной собралась вся знать и пріѣхала царская фамилія, раз-

(1) Веберъ: Das veränderte Russland. T. I. стр. 122—123. Берггольцъ ч. III стр. 133—145. Голицынъ IX, стр. 520—530.

несли вѣсы гашдасейтъ; послѣ чего всѣ перешла въ большую траурную залу, гдѣ и отслушали панихиду; ее служило все знатнѣе-швабское духовенство. Было четыре часа, когда вынесли тѣло изъ дому и длинная процессія медленно потянулась по оледенѣвшей, до такой степени скользкой грязи, что всѣ съ трудомъ передвижали ноги, ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу, либо свернуть шею. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всѣхъ церквей загулѣли по сигналу сдушенныхъ ракетъ.

Шествіе открывалъ гвардіи поручикъ съ восемьюдесятимъ унтеръ-офицерами; они держали на плечахъ тесаки, съ которыхъ спускался длинный флеръ. За ними шолъ первый маршалъ Румянцевъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; всѣ шли по старшинству, по трое и четверо въ рядъ. За ними должны были идти иностранные министры, но они — во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ, не явились; герцогъ голштинскій шолъ со всѣмъ своимъ дворомъ, принцами гессенъ-гомбургскими, съ двумя вице-адмиралами и генералъ-лейтенантами Ягужинскимъ и Минихомъ. Далѣе двигался большой хоръ императорскихъ пѣвчихъ и духовенство съ зажжонными свѣчами; за другимъ маршалою — Мамонтовымъ, выступалъ Матвѣевъ съ царской короной на подушкѣ, — прочихъ регалій и знаковъ не было; двѣнадцать полковниковъ шли въ качествѣ носильщиковъ, однако тѣло не несли, а везли на открытой черной колесницѣ, на которой для большаго парада гробъ былъ поставленъ очень высоко; съ него спускался до земли чорный бархатный покровъ, обшитый серебряными галунами. Въ колесницу впряжена была шестерка большихъ, нагъ слѣдуетъ зашпанованныхъ лошадей; шестъ маюровъ несли фиолетовый бархатный балаханы; окружить шло двѣнадцать каштановъ-алебартистовъ и столько же поручиковъ съ большими свѣчами.

Маршалъ Аларъ съ громаднымъ жезломъ открывалъ третье отдѣленіе шествія: его составляли *траурныя*. То были: императори, вѣдомый Апраксинимъ и Меншиковымъ, герцогиня мекленбургская въ глубочайшемъ траурѣ, съ совершенно закрытымъ лицомъ; ее вели подъ руки оберъ-полицеймейстеръ и А. И. Ушаковъ, шлейфъ несли четыре прапорщика гвардіи; въ такомъ же траурѣ шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контръ-адмираломъ Сенявскимъ и генералъ-адъютантомъ Нарышкинымъ, шлейфъ несли унтеръ-офицеры. Императрица также была въ траурѣ, съ закрытымъ лицомъ, равно какъ и остальные дамы ея свиты. До полутраста унтеръ-офицеровъ и солдатъ съ зажжонными факелами вытягивались по сторонамъ; воинская же команда замыкала шествіе.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней

императрица, герцогиня и всѣ дамы сѣли въ кареты; мушны шли пѣшкомъ, скользили, выступали какъ гуси по льду и страшно жерзла. Болѣе двухъ часовъ двигалась процессія. Ее встрѣтили у воротъ обители всѣ монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гробъ въ церковь. Здѣсь молодой священникъ почти цѣлый часъ говорилъ проповѣдь; это вѣроятно былъ панигирикъ умершей царицѣ, и во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что интересное для біографіи Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенномъ служеніи, архіепископъ новгородскій, а за нимъ и все духовенство облобызали руку царицы; къ ней же водвѣли царевнѣ, онѣ громко рыдали; государыня поцѣловала невѣстуху въ губы; за тѣмъ начались прощанія всѣхъ предстоящихъ; за цѣлованіемъ государя, положили на лицо покойной портретъ ея супруга, зашитый въ бѣлую обѣяръ, заколотили гробъ и опустили его въ могилу предъ алтаремъ, въ Благовѣщенской церкви. (1)

Въ домѣ покойной совершены были по обычаю поминки; государь просидѣлъ за столомъ до 11 часовъ ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога голштинскаго, на дворѣ императорскаго дома начались пытки, нѣсколько знатныхъ персонъ разсажены были подъ стражею за какія-то «государственныя противности»; ихъ ежедневно водили въ цѣпяхъ въ присутствіе сената... все, однимъ словомъ, пошло обычной колеей.

«Свѣтъ-Катюшка», какъ и надо было ожидать по ея характеру, скоро очень развеселилась; она увѣряла, что придана ея веселости заключается въ добрыхъ вѣстяхъ о благовѣрномъ супругѣ: дѣла его будто бы проправлялись, въ Данцигѣ съ нимъ вели переговоры уполномоченные австрійскаго императора и англійскаго двора; Петръ также отправилъ тула курьера.

Братецъ покойной, Василій Федоровичъ, хлопоталъ о раздачѣ новострѣямъ и нищей братіи на поминѣ о душѣ Прасковьи милостыни (2); а государь приказалъ всѣ дѣла царицы привести въ надлежащій порядокъ, представить смѣту долговъ; удовлетворить кре-

(1) Описаніе Спб. *Богданова*. 1751 г. изд. 1779 стр. 374—375. Описаніе Невской Лавры *Павлова*. 1842 г. с. 65. Оп. Петербурга *Пушкарева* I, с. 142. Царицѣ Прасковьѣ судьба привела почивать въ общемъ склепѣ съ свѣтъ-Катюшкой. Умерла 24 июня 1733 г.) и неважной внучкой Аннушкой, которой суждено было такъ много выстрадать въ злополучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); въ той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.)

(2) Кабин. дѣло II полов. кн. *LXIV* л. 147, вѣдѣніе В. Ф. Салтыкова.

диторовъ, положить штаты царевнамъ, позаботиться объ оставшихся больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ ея служителяхъ.

Долговъ у старушки оказалось немало; Прасковья до такой степени не умѣла заправлять своими достатками, что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, закладывала даже вещи; императоръ приказалъ Федору Воейкову позаботиться о выкупѣ этихъ закладовъ. Выкупъ продолжался еще и въ 1724 году: такъ отъ 3 апрѣля сего года мы находимъ указъ государя Дмитріеву-Мамонову о заплатѣ денегъ строителю Бурнашеву за заложенные у него царицей каменья и жемчугъ.

На погребеніе царицы употреблено было 624 свѣчи, всего сожжено воску 6 пудовъ 11 фунтовъ, по разнымъ цѣнамъ на 73 руб. Бергъ-коллегія потребовала этихъ денегъ отъ наследницъ Прасковьи; но управитель ихъ отвѣчалъ: «что денежной казны въ присылкѣ изъ вотчинъ ихъ высочествъ не имѣется, а понеже тѣ восковые заводы заведены изъ кабинета его величества, и чтобъ тѣхъ денегъ на комнатѣ ихъ высочествъ не спрашивать, ибо тѣ свѣчи употреблены на погребеніе ея величества государыни царицы.»

Государь повелѣлъ поставить свѣчи на кабинетскій счетъ. ⁽¹⁾ Въ кабинетъ его поступило, по случаю распорядка дѣлъ Прасковьи, много челобитень разныхъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ слѣдующими имъ деньгами, получки которыхъ они никакъ не могли добиться отъ царицы. Въ числѣ челобитчиковъ былъ и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефанъ Рамбурхъ. «Въ прошломъ 1703 году, писалъ между прочимъ французъ, зачалъ я по указу со всякою прилежностью танцу учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ; служилъ имъ пять лѣтъ до 1708 года. А за оныя мои труды обѣцано мнѣ жалованья по 300 рублей на годъ, къ чему представляю въ свидѣтели Остермана, которъй тогда ихъ высочества нѣмецкому языку училъ. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ доукъ въ Москвѣ, домъ мой оставить, и прѣбавъ въ Петербургъ, непрестанно просить о выдачѣ моихъ денегъ ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А послѣ смерти ея величества билъ я челомъ ея высочеству, государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, и ея высочество не изволила жъ мнѣ какое удовольствованіе учинить»...

Вслѣдствіе чего Рамбурхъ просилъ государя выдать заслуженные имъ 1500 рублей, чтобъ вѣрные труды вотще не остались и

(1) Каб. дѣло II полн. кн. LXVI л. 888 въ кабинетъ Е. И. В. доношеніе.

ему, Рамбурху, «при глубокой его старости съ великою фамилією возможно было пропитаться, непрестанно Бога моля о здравіи государя и всего августѣйшаго дома.»

Государь внялъ мольбамъ. Французъ получилъ слѣдующія дѣвѣги, кромя того годовой окладъ, и обрадованный милостями, не замедлилъ ударить новой челобитной. Какъ истый французъ, онъ жаждалъ — чина! Съ упрекомъ ставилъ онъ на видъ то обстоятельство, что «французанинъ не возмогъ отъ царевень никакой уплаты трудамъ своимъ получить», а между тѣмъ ему принадлежить честь «обученія ихъ высочества зачалу или основанію французскаго языка». Учитель просилъ какого-нибудь чина, который, по его увѣренію, нуженъ былъ для упроченія и вящшаго обученія двумъ его сыновей во Франціи «такимъ наукамъ и художествамъ, какія его величество повелить, чтобы съ своимъ возвращеніемъ въ Россію возмогли бы достойно явиться въ службу и съ пользою могли бы быть употреблены.» (1)

Неизвѣстно получилъ ли желаемый чинъ докучливый французъ, но во всякомъ случаѣ справедливый упрекъ его Катеринѣ Ивановнѣ теряетъ свою силу, когда знаешь разстроенное положеніе ея финансовъ. Она смѣнила казначея Тихменева, стариннаго врага Деревнина, но дѣла отъ этого не улучшились. Секретарь Арцыбашевъ, которому государь вмѣстѣ съ другими поручилъ разсмотрѣть приходо-расходныя сибѣты комнаты ихъ высочествъ, никакъ не могъ добиться толку, куда дѣлась та или другая сумма, выданная покойной царицѣ изъ кабинета и не введенная въ расходъ. (2)

Окладъ царевень Катерины и Прасковьи въ 1723—1724 годахъ былъ слѣдующій: въ годъ на двѣ комнаты отпускалось 9000 рубл.; на четыре комнаты, за конскіе кормы, за дрова и за починку каретъ — 3203 руб. 84 к., чиновнымъ боярынямъ, казначеямъ, постельницамъ, дѣвкамъ, истопникамъ, сторожамъ, крестовымъ льякамъ, портомоямъ и портомояннымъ сторожамъ — 953 р. 60 к. Дворовымъ, конюшеннымъ и верховымъ людемъ — 1740 р. 73½ к., и того на оба двора царевень въ годъ 14,698 рубл. 17½ коп.

(1) Челобитная Рамбурха 1723—1724 г. на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ въ *кабин. дѣл. II* полов. кн. *LXV* л. 726. кн. *LXIX* л. 118—119.

(2) *Кабин. дѣл. II* пол. т. *LXVIII* л. 589—590. Оправдательное письмо Тихменева къ монарху о приходахъ и расходахъ царицы, 5 дек. 1724 г. Справки о томъ же: *Каб. дѣл. I* пол. кн. *LXIV* л. 367 и проч. Указъ въ москов. надворн. судъ о взыскаіи съ служителей Аргамаковыхъ начетныхъ 3000 руб., принадлежащихъ царицѣ Прасковьи. *Голыкозъ IX*, 474. Тяжба Тихменева съ Терскимъ продолжалась долго. Государь между прочимъ повелѣлъ Тихменеву отвѣтствовать на своеручные его запросы. Въ чемъ они состояли и чѣмъ кончилось дѣло, мы еще не доискались.

Въ смѣтѣ на 1725 годъ послѣдовали нѣкоторыя перемены, но не къ увеличенію, а напротивъ къ уменьшенію оклада: на двѣ комнаты царевны отпущено было на годъ на конскіе кормы, на дрова и починку каретъ — 1601 руб. 92 коп.; чиновнымъ служителямъ и крестовымъ дякамъ — 476 руб. 80 коп., дворовымъ и конюшеннаго чина людямъ — 870 руб. 36³/₄ коп.; да на рожь и овецъ — 3,380 руб., и того 6,329 руб. 8³/₄ коп. (1)

Мы видѣли какъ скоро утѣшилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матери и сестра ея Прасковья. Иноземные писатели свидѣтельствуютъ, что она тайно обвинчалась съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, генераломъ и сенаторомъ. Тайный супругъ царевны Прасковьи былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при составленіи того акта, которымъ Анна Ивановна призывалась на всероссійскій престолъ, но ради жены своей не только не подвергся опалѣ, но свискалъ милости новой государыни. Онъ не долго пользовался ими: Мамоновъ умеръ скоропостижно въ 1730 году. Прасковья немногимъ пережила любезнаго ей супруга; она скончалась на рукахъ сестеръ въ 1731 году. (2)

Прощаясь съ героями и героинями нашего разсказа, забудемъ ли Василія Федоровича Деревнина, благодаря жженію котораго мы познакомились съ нѣкоторыми особенностями характера благоверной старушки? Къ сожалѣнію свѣденія наши объ окончательной судьбѣ копченаго страпцаго крайне неудовлетворительны; 24 сентября 1724 года, т. е. два года спустя послѣ объясненія Прасковьи съ стряпчимъ-казначеемъ, государь, удосужившись прочесть экстрактъ его дѣла, приказалъ генеральному суду либо принять Деревнина подъ свой караулъ, либо отослать его въ юстицъ-коллегію. Надо думать, что въ октябрѣ того же года состоялось о немъ какое-либо распоряженіе, такъ какъ дѣло, сдано было (24 октября) на храненіе въ тайную канцелярію, въ картонахъ которой оно находится и въ настоящее время.

Получилъ ли Деревнинъ свободу, или отправленъ для отвращенія дальнѣйшихъ проволочекъ (что случалось зачастую) въ Сибирь, «на государеву службу» — неизвѣстно. (3)

(1) Каб. дѣла II полов. вв. LXV л. 479, кв. XCII л. 433—437.

(2) Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen, соч. Шмита Физельдека.

(3) Послѣдняя бумага, относящаяся къ сему дѣлу, есть представленіе тайной канцеляріи, 9-го ноября 1724 г., въ кабинетъ его величества копіи съ жалобы Терскаго (1722 г.) на московскую полицію и Степана Тилменева, «чтобъ была

.. Какъ ни студенъ дашь очередь матеріалами (кто не знаетъ, какъ трудно они отыскиваются), но мы надѣемся, что личность блаженной дамы благотворительнейшей государыни царицы Параскевы Федоровны обрисовалась предъ нашими читателями. До сихъ поръ мы встрѣчали эту женщину въ нашихъ печатныхъ источникахъ, въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ той либо другой процессіи, либо читали два-три слова о вниманіи и расположеніи къ ней Петра Алексѣевича. Затѣмъ она все-таки оставалась какимъ-то безплотнымъ, бездѣльнымъ существомъ, съ именемъ котораго мы не соединяли ни малѣйшаго понятія; Прасковья представлялась намъ такою же безличною тѣнью, какою до сихъ поръ остаются въ исторіи Петра большая часть его сподвижниковъ и сподвижницъ.

Мы убѣждены, что для полной исторіи того времени, для яснаго, отчетливаго знакомства съ обществомъ, съ духомъ той эпохи, съ обстановкою Петра, необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство не только съ государственными дѣятелями, сподручниками, претендами Петра, но и съ тѣми, мужскими и женскими, знатными и незнатными персонами, которымъ выдалась замѣтная роль въ общественной жизни, которыя наконецъ могутъ служить типическими представителями и представительницами своего общества.

Царица Прасковья — именно одна изъ такихъ личностей. Въ ней мы видимъ женщину до-петровскую, съ суевѣріями, предрассудками и ханжествомъ, и женщину петербургской преобразовательной эпохи, съ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характерамъ вліятельныхъ лицъ, съ извѣстными уступками современному духу въ обученіи дѣтей, въ препровожденіи времени, въ забавахъ, развлеченіяхъ; наконецъ, — а это всего важнѣе, — личность Прасковьи интересна для насъ уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. Исторія Анны (если мы ее дождемся) не въ какомъ случаѣ не обойдетъ царицу Параскеву.

Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Анна, по свидѣтельству одного изъ нихъ, не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый рассудокъ, который тщетной блистательности въ разумъ предпочтительнѣе. Съ природы вправу грубаго... ея природный грубый обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія стро-

---

та просьба (а рѣшеніе по ней не положено) извѣства въ кабинетъ, а къ тайной канцеляріи впродъ къ неисправленію чего не причлось бы, понеже о деньгахъ (шачеты на Деревнина царицею) по оной канцеляріи не причествуютъ.»
Карт. XV. л. 45—46.

гости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала... Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учреждений мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное содержать... Не можно оправдать ее въ томъ, что бывшій у нея гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ. а вотомъ Биронъ явлю любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе, яко нужнаго друга, себѣ имѣла, нежели какъ фаворита», а проч. (1)

Подобные отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, рассказы о ея суетѣри и проч., живо представляютъ намъ сродство ея характера, привычекъ, даже взглядовъ на вещи съ характеромъ, достоинствами и недостатками ея матушки. Вліяніе царицы Прасковьи не могло не отразиться на развитіи императрицы Анны. (2)

(1) *Щербатовъ* с. 47—48.

(2) Намъ остается сказать нѣсколько словъ о портретѣ Прасковьи. Онъ помѣщенъ въ изданіи г. Фридебурга: «Царственный домъ Романовыхъ», и какъ видно изъ подписи: «компонованъ съ портрета Московскаго Новоспасскаго монастыря.» Мы не видѣли оригинала; по словамъ г. Фридебурга — оригиналъ рисованъ масляными красками и надпись его гласитъ такъ: «Царица Праскева Федоровна.» Не смотря на надпись, мы однако сильно сомнѣваемся, чтобъ это былъ портретъ царицы. Въ сомнѣніе повергаетъ насъ костюмъ Прасковьи: царица изображена какъ въ копіи, такъ и на оригиналѣ (по свидѣтельству г. Фридебурга), съ открытою грудью, декольте, въ ~~высокомъ~~ ~~шарфѣ~~ ~~шарфе~~, съ выдавшимся лифомъ, съ короткими рукавами стаянутыми брошнями, въ богатой мѣховой мантии, небрежно накинутой на лѣвое плечо. Вообще костюмъ чисто иноземный, а извѣстно, что царица не любила и не носила его даже до старости, а тѣмъ болѣе не могла носить въ молодые годы; она представлена здѣсь красавицей, лѣтъ 25-ти. Наружность Прасковьи Федоровны, если вѣрить этому, быть можетъ мнимому, во всякомъ случаѣ единственному портрету, была весьма привлекательна; она изображена здѣсь стройною, статною, съ высокою грудью, полнымъ лицомъ и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на дбу, безъ пробору, густыми, роскошными косами виспадаютъ на плечи. Въ описаніяхъ Новоспасскаго монастыря, изд. 1802, 1821 г. и 1843 г., ничего не говорится о хранящихся въ монастырѣ портретахъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я

Въ текстѣ статьи нашей мы привели только болѣе характеристическіе отрывки изъ подлинныхъ писемъ царицы, ея дочери и другихъ лицъ. Но письма эти сами по себѣ, въ цѣломъ, составляютъ столь важные документы для біографіи Прасковьи, что мы нашли вужнымъ помѣстить ихъ здѣсь, разумѣется интереснѣйшія, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ, но съ разстановкой знаковъ препинанія. Печатаемъ въ настоящихъ приложеніяхъ 11 писемъ: первое изъ нихъ 1713 года принадлежитъ царевнѣ Катеринѣ, оно писано къ государынѣ; за тѣмъ остальные десять писаны Прасковьей къ ея дочери Катюшкѣ; только на одной изъ этихъ грамотокъ выставленъ 1722 годъ, 16 мая; но по содержанію остальныхъ писемъ видно, что они относятся къ послѣдней половинѣ 1721 и началу 1722 года. Нечего и говорить, что ни одно изъ писемъ не было еще напечатано, они скопированы нами съ подлинниковъ.

†) Предражаішая и прелюбезнйшая моя невѣстущка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй, свѣтъ мой на множество лѣтъ! Здравствуй натушка моя избратцемъ нашимъ, і снаваражденнаю тцарію вашу, а сватшею племянницею, съ царевною Маріею Петровною, на многія лѣта! А вновой годъ подаі Господи царевича, чего отъ всего сердца желаемъ!

Мы за сие всемиластиваго Бга благодаримъ, что слышимъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ вдобромъ здравіи распростилъ чрезъ такой вашъ дальній путь я трудное.

Пача всего о томъ печально, что давно мы не слышимъ про братіи бытій і здравія, о томъ мы всегда слышали желаемъ.

Благодарствуемъ мы і за сие, что вы, Государыня моя, насъ увѣдомилі о своемъ здравіи; а за сие, за что досадывать свѣтъ мой, что неписала, калі не время была, і впредь галубушка моя о томъ проситъ, чтобы всѣгда слышать обще о вашемъ здравіи.

Сердечныя моі малютачки, дарагыя моі племянницы, Царевна Анна Петровна, Царевна Елисавета Петровна, здравствуйте моі галубушки, избраткомъ своимъ дарагимъ, і сматушкою своею, і ссестрицею своею махоточкою на многія лета! Тетка ваша Екатерина кланяюся.

Писавшій сие Екатерина, кланяюся до земли.

изъ Москвы 19 марта 1713 года.

2) Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебѣ слыша про вашу великую милость: изволили гаварити дялюшка самною; ежелиде она ка мнѣ приедеть, я де все ево дела суправлю, и ты Катюшка не потеряйте своево дела, ~~не оставите~~ ~~отца~~ ~~Гдари~~ и отъ Бога за нево примете гневъ, ежели не приедете кнамъ, и меня, на масі старасте навади (?) ее нахажу клятву и, какъ възьможна, делаі, штобы вамъ быть ~~судя~~.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Писано собственноручно на маленькомъ лоскуткѣ бумаги.

3) Катюшка свѣтъ мой! сбудь на табою милость Божія и Пресвятыя Богородицы милосердіе! Пиши, свѣтъ мой, про свое и про дужнее и продочкина здаровье; а я и дѣти, и сестра, да воли Божіей, живы. Давно Катюшка князя кнамъ дялюшка самною изволили гаварити, што бы де приехалъ камнѣ и ты какъ можна зави ево кнамъ. Будете паедете, не покидайте дочьки, ненадсадите меня, при маей старости (да гвѣ рукой секретаря).

И какъ вы поѣдете сюда, і дялюшка, и тетунка будутъ вамъ ради, и ваше дѣло все лучше управять, какъ сами увидите сними. ~~Наша~~, Божією милостію, дялюшкино дѣло все харашо и Гдъ Бгъ крестъ милостивъ, можетъ онъ упроситъ у Бога и васъ утѣцитъ. Также и отъ меня позови ево (т. е. герцога) кнамъ. Да посладе къ тебѣ дялюшка: десять косяковъ камокъ; да отъ меня тебѣ посладо: мѣхъ лисей, да пару соборакъ; да сестра тебѣ, посылаетъ: мѣхъ лисей, и горностаі нашъ, мѣхъ пренеси князю отъ Паранюшки, да семь брусковъ мыльца грешаго, да три мѣха лисьихъ расхожихъ, на што вгодитце. И тутъ же пролажены въ Баудѣ (въ сундукѣ) гасицы отъ другихъ; да приказано тебѣ, царевна, больше Окуневу на словахъ. Онъ о всемъ скажетъ. А што ие своею рукою писала, право не могу, галзвою и мадо вижу. Все сокрушили меня ваши печали; всеконечно Катюшка дялюшка грѣхъ: што какъ приедутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю, а неплну, ни когда дождо. Да съ нимъ же Окуневымъ посланъ къ тебѣ, ~~сидящитъ~~, да съ нимъ діаконъ Филиппъ і пѣрчей Фидька; кажется, люди надежны; а буде плохъ, я по яинѣ другога пришию і чаю сама поведу къ Москвѣ аимою, и тамъ выберу добрыхъ. А которал у меня дялюшка грамоте умѣеть, посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, штобъ внучка учить Русской грамоте. (далее собственноручно) Дамъ семь бутъ на табою мае и отцово благословеніе.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Вслѣдъ за этимъ письмомъ на лоскуткѣ сдѣланъ чертежъ, кажется рукою царицы, но объясненія чертежа не имѣется; это планъ какого-то большого жилья. (Не ея ли большого дома, который начали строить въ Спб. въ 1720

году?) При вѣздѣ въ обширный дворъ два большіяхъ и почти одинакихъ строеній, въ правомъ 7 отдѣленій, въ лѣвомъ 8; при обоихъ домахъ по два крыльца; къ задней стѣнѣ двора примыкають 8 маленькихъ строеній, вѣроятно службы.

4) Царевна Катерина Ивановна здравствуй и смужемъ, и сладкомо! А я еще жива и сестра. Цыщи ка мнѣ почаче, некрушите меня, такъ же на большоі не зделаі печали, неподи въ законъ дрого неотста себя Бжіей клятвы и наше, а тебя подтверждаю Богомъ и Пресвят. Богородицею. Изволь держать Окунева долга, штобы мне побольше провась связывалъ. А еду я внасыву (въ концѣ 1721 года) повидана сладкимъ батюшка и Архангела(мъ). А я и сестра еще живы въ печадѣхъ своихъ. А большая мне печаль а тебѣ; а я очинь болла, помоляся ва меня. При семъ посыдаю тебѣ атцова и мае благословение. Внучка, дружечикъ мой, поцалуи батюшка за меня и матушку; еще друк мой здравствуй! Болше стану писати смаерамъ Салтыковымъ.

Мать ваша Ц. П.

5) (Начало собственно ручно, ладѣ рукой секретаря:) Царевна Екатерина Ивановна будь натабою милость Божия и Пресвятоі Богородицы милосердіе и отдова и мае матрина благословение. Цыщи ко мнѣ, про свое здорovie і про мужие, і про дочкино почаче. Да пишу ктебѣ свѣтъ цоі Катюшка и подкрѣпляи тебя Богомъ въ твоихъ нечалехъ і болванехъ, неложи все свое упование на Гла Бга и на Пресую Богородицу. Можеть оъ всемилосердїи владыка Пресвѣа Богородица несодѣланное сдѣлатъ здѣ и въ будущемъ; а печалью себя не убой не погуби души также и храни свой законъ, акъ веннику она, чтобъ теби стати въ будущемъ со Христомъ во единой вѣре, хоще не вѣдомо што постражам. Не нареди на себя клятвы церковной и нашей. А о васъ Гедръ соболезнуеть очень и всяка хощеть помыть, только невидавши сами нелая сего дѣла делать. Всеконечно надобно вамъ быть вригу. А Окуневъ посланъ квамъ держи сколько надобно. Поклонись отъ меня мужу своему і внучки маей. А о себѣ пишу тебѣ: лему болна оовсемъ то въ расслабленіи ссамаго Рождества, негани не зладѣю, томо что руками, и сестра также мало можеть безпреткана. А больша на словахъ приназано соОкуневымъ. Да послала я внаучне ігрушечки: одай ей бочечку, да мавикъ. Да прости меня Царевна Катерина, ежели что Гдъ сотворить; помяни, і я уже шломихъ своихъ скорбехъ і не спосныхъ печалехъ не чаю себя шити делова, еще: бъ жива томо убилъ себя печальми великими. А что шити, себѣ, про свое брюхо и я, по письму дашему не чаю, што ты брехала. Живуть стакма случаи, что неспасаетне і я, при отѣ такъ

была: годъ чаяла брюхата, да такъ изашло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить? А мы смосквы еще не слышали паходу; толко чаю, што скоро ѣхать. Вудеть мнѣ возможно будетъ ѣхать, и я смосквы прямо вкодамъ проѣду. Да отпиши, пожалуй, подлинно, поѣдетель вы вригу или нѣтъ? I ежели тебѣ возможно отъ него, буде не брюхата, по прежнему у насъ побывать, какъ вылечиссе для моей старости і для моей болѣзни, і ежели не брюхата и тебѣ, всеконечно, надобно бытъя а Олонцѣ, у маринальныхъ водъ для етакой болѣзни. Что пишешъ есть опухоль, і отъ такихъ балѣзней і поврежения женскихъ немощей вода zelo ползуеть і вылечиваетъ. Сестра Книгиня Настасья у водъ вылечилася отъ такихъ болѣзней и не пухнетъ и бокъ не болитъ, і немощи уставились помѣсечно порядкомъ. Есть ли непослужать дохтурские лѣкарства, всеконечно надобно тебѣ вкодамъ ѣхать на Олонецъ. Писавый мать ваша, посылаю благословенне. О чемъ (собственно ручно) Катюшка свѣтъ моі писана содержи мой прикасѣ.

Ц. Пр.

Внучька свѣтъ моі! утѣшаі батюшка и матушку, не давай имъ крушица. При семъ писавый Бабушка твоя старушка клавяеца

Царица Прасковья.

Москва 1722 года.

6) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Пиши ко мнѣ, о твоємъ здорьевѣ, и о мужнѣ, и о дочкѣ: какъ вы въ своихъ печалехъ живете. Нашешъ ты, чтобъ я къ тебѣ писала и таперъ пишу. Дядюшка и тетушка и сестрицы твои и Паранюшка все въ добромъ здравнѣ. А о себѣ пишу всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ Катюшка всеконечно надобно ко мнѣ приѣхать для благословення и для утѣшения мнѣ, также чтобъ мнѣ видить твою дочку безмѣрно желаю. То бѣ я утѣшилась чтобъ ея увидѣла. О приѣздѣ вашемъ доношу, что многое получите у дядюшки, чего желаетъ твой супругъ. Всеконечно упрасивай у мужа, чтобъ былъ въ Ригу; лучше быть въ Ригѣ, нежели во Гданскѣ, для самой вашей пользы, и дядюшка мнѣ самъ изволилъ приѣзжая гритъ, чтобъ писать вамъ, чтобъ вы были, по нуждѣ и хоть бы одну тебя отпустилъ покаряе злочкою. А о болѣзни своей, что ты ко мнѣ пишешъ, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоваться и zelo сокруцаюсь, ежели бы были виѣтъ, могли нѣ всякую пользу сделать. По нисьму вашему, всеконечно будутъ вамъ воды дѣйствовать вашей болѣзни, также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешъ, чтобъ не шло вамъ ѣхать къ воданъ, какъ вриге будете, для того что отъ риги недалеко. Сестра моя, книгиня Настасья, большиа 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожалѣла и распухла, и болѣзнь ея и докторы всѣ отказали, и ее Гедръ изволилъ послать вкодамъ,

и она отъ тѣхъ вода выздоровела: какъ небывало болѣзни, и все стало быть временно! Какъ можно царевна Екатерина такъ дѣлай, чтобъ вамъ здѣсь быть, для ради моего утѣшенія и для своего дѣла; а больше дялюшку пераскручиньте что не быть, потому что время есть такое, что можно вамъ быть. А ежели за чѣмъ отложите, то дялюшку раскручиньте и меня опечалите, и отъ Бога грѣхъ будетъ. А у дялюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любовному супругу вашему, а по нуждѣ хотябъ тебя прислалъ злочною; пожалуй дай мнѣ видѣть для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку свою, хать на часъ. А мнѣ не долга жить: боляни у меня подвелись великие мокротная, каменная, падагра и моеи натуре такихъ боляней долго не снести. А по прибытїи своемъ въ Ригу, ко мнѣ отправъ тотчасъ изъ сестринныхъ служителей, да отпиши противъ сего письмо, какъ можно бокарее, хотя къ сестре въ Митаву, а она бѣ ко мнѣ тотчасъ прислала. А письма твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотра. Очень нужно намъ видѣтца: отъ меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловалъ меня послушалъ, приѣхалъ для самой своей лучшей пользы. И убытку вамъ здѣсь никакого небудетъ, все будетъ Государево. При семъ буди надъ тобою милость Божїя и Пресвятой Бцы милосердїе, отца твоего и моего благословеніе.

Мать ваша Ц. Пр.

Василїй Алексѣевичъ (Юшковъ) и все домашніе поклонъ отдають.

А Окунева Катюшка будетъ надобно, держи; буде есть нужда какаая призвать и ты ко мнѣ его пришла; а я тотчасъ къ вамъ пошлю. А что пишешь, чтобъ не присылать женскаго роду (прислугу) вригу, и я вить пришлю не на твоимъ коште; хотя негодны будутъ вамъ и онѣ нѣгадъ приѣдутъ, и о томъ отпиши присылать или нѣтъ.

Изъ Москвы 1722 года 15 мая.

Матушка моя Государыня здравствуй, кунио и съ супругомъ своимъ Государемъ моимъ и злочерью, мою Государынею!

Рабъ вашъ Василїй Салтыковъ (братъ царицы). . . . .

7) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Паслала я ктебѣ Алексѣя Татищева для того, што пиши(ешь, что) немогла (т. е. была больна) твоя дочка, а мая внучка. И я думаю, што вы долга не будете. Пришлите вѣдомость, где вы таперева? штобы вѣдать мнѣ и ежели сестра выедетъ васъ встрѣтитъ. — Пуще тошна. Ждемъ да не дождемся. Алѣксѣи квамъ наскоре посланїя и естыли тебя Алѣксѣи Татищевъ встрѣтитъ на дароге, и ты і м вазми у него на дороге сестрины писма и будетъ, будетъ скѣмъ послать, и ты пошли кнеї; а ему не велела я ехать вмитаву. Писавші, мать ваша Ц. П. внучка моя

с и здравствуй! приезжай с ним поскорее, не чаю я васъ дожидатца и Бгъ вѣсть, дождуся ли я или нѣтъ, по своей болѣзни Ц. П.

А сестрино письмо своею печатью заочитай и отымай.

8) Царевна Катерина Ивановна здравствуй! Внучка свѣтъ мой здравствуй! Я васъ, свѣтовъ своихъ, дожидаю радости; а болши вѣры неиму, што будете; кажетце не будете; ежели можно поспѣшите поскорее для того, что детяти долго вдароге быть трудно и для моей балѣзни. А я васъ послала встрѣтить Татьяну стоварищи и какъ встрѣтитъ тебя, изволь ко мнѣ прислать Топоркова покарне. Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить или сестру вышлю; у меня свѣтъ мой вамъ и харомы вычищены для вашево пакою. Чаю, вамъ ѣхать трудно вдароге, а болше тако детяте великой трудъ; а я думаю никакъ васъ недождусь по своей балѣзни. Отнакоже отъ лому есть паегче, толко нехажу. Хотя бы взглянуть на внучку. При семъ буди свами милость Божія и пресвятѣй Богородицы и мое благословение. А у меня вдомѣ, свѣтъ мой, всѣ радаютце твоему приѣзду; а наипаче дочки вашей. Я васъ свѣтовъ маихъ внучка и душечка паю (?)
Мать ваша Ц. П.

9) Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Василья Алексѣевича, вмѣсто себя, и ты Катюшка поддержи его у себя день; да ко мнѣ пришли поскорее, чтобы я тебя встретила сама, ежели помогу. Внучка, свѣтъ мой, поскорее ко мнѣ приѣзжай, а я тебя не могу дожидатся!

Прибули надъ вами милость Божия и пресветые Богородицы милосердие и мае благословение.
Мать ваша Ц. Пр.

Сестрица, свѣтъ мой, . . . здравствуй мой свѣтъ на дѣта мѣгця! Пожалуй, светъ мой сестрица, изволь приѣзжать поскорая квамъ; и спринцессаю здарагою нашу. Сестра твоя Прасковья.
друкъ мой племянница здравствуй!

Т. (тетка) П. (Прасковья.)

(далѣе приписываютъ сначала бабушка, потомъ теткѣ):

Послала я, свѣтъ мой, внучка, сережки маленьки. Наси на старовид. И а посылаю тебѣ, светъ мой племянница, каробачку вологацкаго гасинца, тетка
Т. П.

И еще посылаю кошеньку (игрушку) серебряную.

10) (рукой секретаря.) Другъ мой сердешной внучка здравствуй зба-
тешкомъ и сматушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровье і про батюш-
киво і про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцелуй за меня
Батюшка и матушку; Батюшка въ правой глазокъ, а матушку въ лѣ-
вой. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинець: кафтанецъ теплой для
того, чтобъ тебѣ тепленко ка мнѣ бхать; да послана ктебѣ баулочка
(коробочка), а въ ней сто золотыхъ и ты изволь ями тѣшитце; да
дославцы (табакерка) утѣшай, свѣтъ мой, батюшка и матушку, чтобъ
онѣ не надсажались въ своихъ печалехъ и пазови ихъ ка мнѣ вгости,
і сама сними приезжай. І я чаю, што съ тобою увижусь, што ты у
меня вумѣ непрестанно. При семь отдай поклонъ отцу и матери отъ
меня. (далѣе собственноручно) Да посылаю я тебѣ свои глаза ☺ ☺
старые, а уже чуть видѣтъ свѣтъ. Бабушка твоя старенькая хочить
тебя внучку маленькаю видѣтъ

Царица Прасковья.

11) Внучка, свѣтъ мой! Желаю и тебѣ, другъ мой сердешной, вся-
каго блага, ото всево маево сердца. Да хочца, хочца, хочца тебя,
другъ мой внучка, мнѣ бабушко старенькаі видить тебя маленькаю и
подружца стабой. Стараі смалоі отчивъ живутъ дружна. Да позави
га мнѣ батюшка и матушку вгости и поцалуй. рхъ за меня, и што бы
аие привозили в тебя. А мнѣ стабою инекакихъ нуждахъ, самыхъ тай-
ныхъ подумать и перегаваривать (надобно) При семь еще здравствуй!
Бабушка твоя кланяеця

Ц. Пр.

Примечаніе: Писано на весьма маленькомъ листикѣ, тщательно обрѣзанномъ въ
форматъ письма.

М. СЕМЕВСКІЙ

Слб. 4 апрѣля 1861 г.

ВЕСНОЮ

Городъ, каменные дома,
Книги, диспуты, тетради,
Вы мнѣ больше незнакомы,
Васъ любилъ я, скуки ради.

Все, что было, позабыто,
Вмѣстѣ съ пылью улицъ смрадныхъ,
И душа моя открыта
Для весеннихъ чувствъ отрадныхъ.

Сердце бьется съ прежней силой;
Ухо чутко внемлетъ грому,
Внемлетъ, — точно слову милой,
Лѣса шуму молодому.

П. П. КУСКОВЪ

Май 1860 г.

Дитя веселое, въ глаза твои смотря,
Я сердцу нахожу невольную отраду,
И я люблю глядѣть, какъ часто, вся горя,
За бабочкою ты гоняешься по саду.
И мысли ясныя рождаетъ голова,
И сладкія мечты рождаются въ ней порою...
Но демонъ ужъ тебѣ шепталъ свои слова ;
И надъ головкою твоею молодою
Витажи образы волшебные духовъ,
Тебѣ предвѣчныя рассказывалъ сказки
О томъ, какъ мѣръ зажгла волшебница-любовь ;
И не нашла хоть ты для этихъ сказокъ словъ,
Но ихъ слѣды хранить твои большіе глазки
Въ лукавой скромности, и жаръ твоихъ ланитъ
О тайнахъ сказокъ тѣхъ стыдливо говорить.

Н. П. КРУКОВЪ

МАДАМЪ ЛАФАРЖЪ (*)

(ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ)

Въ январѣ 1840 года, въ селѣ Бойсакъ, въ департаментѣ Коррезы, умеръ въ нѣсколько дней заводчикъ Лафаржъ, болѣзни котораго не могла опредѣлить медицина. Друзья и родственники покойнаго обвинили жену его въ тоѣ, что она отравила своего мужа мышьякомъ.

Кто былъ этотъ Лафаржъ и что за личность Марія Каппель, которой приписываютъ это убійство?

Марія-Фортуна Каппель родилась въ Villers Honn, въ Пикардіи, въ 1816 году. Отецъ ея былъ артиллерійскій подполковникъ старой императорской гвардіи. Семейство Каппель было извѣстно и уважаемо. Бабушка Маріи пользовалась уроками, которые г-жа Жанна-де-Ланна, принцесса Орлеанской; дѣдъ ея, съ матерней стороны, былъ поставщикомъ въ республиканской арміи и пользовался покровительствомъ Талейрана. Тетки Маріи были замужемъ: одна за барономъ Мартенъ (Martens), прусскимъ дипломатомъ, извѣстнымъ по нѣкоторымъ замѣчательнымъ сочиненіямъ, другая за г-номъ Гара (Garat), оберъ секретаремъ французскаго банка.

Г-нъ Каппель, бывшій сперва провіантмейстеромъ въ Мезьерѣ, потомъ подполковникомъ въ Дуэ (Douai), полковникомъ въ Валансѣ и Стразбургѣ, долженъ былъ часто покидать свое семейство, по дѣламъ службы; но первые года дѣтства Маріи протекли въ мирномъ Villers Honn.

(*) Имя госпожи Лафаржъ извѣстно во всемъ свѣтѣ. У насъ его тоже знаютъ, но вмѣстѣ съ этимъ знаютъ только одно: что она отравила своего мужа. Мы увѣрены, что весь этотъ возмущающій душу процессъ извѣстенъ очень и очень немногимъ. Вотъ почему мы рѣшились напечатать его, не смотря на его кажу-щуюся извѣстность. Онъ стоитъ того по многимъ причинамъ. *Кед,*

Villers Hellon было прекрасное мѣсто: замокъ окруженный богатыми лугами, которые пересѣкались цѣлыми аллеями орѣшника и яблонь. Неподалеку былъ прудъ, изъ котораго вытекалъ маленькій игривый ручей.

Въ этой прекрасной рамкѣ росла и развивалась Марія. Но слабости здоровья, она была баловнемъ всего дома. Запрещено было противорѣчить ей въ чемъ бы то ни было, исполнялись малѣйшіе капризы ея, но, не смотря на это, сердце ея осталось добрымъ; шала одна голова, что не мѣшало окружающимъ искренно прививаться къ ней.

Марія Каппель отличалась искусствомъ нѣсколькими штрихами нарисовать удачный портретъ, и до сихъ поръ сохранились многіе изъ этихъ портретовъ, напр. старой Мамы (Mamie), ключницы, коротенькой, толстой, съ связкой ключей за поясомъ и изломанными очками на носу; или Лало, которая вынянчила цѣлое поколѣніе, худой, длинной, искусной разскащицы, философа въ юбкѣ, страстно преданной своимъ господамъ и обожающей ихъ золотое потомство. Марія съ рукъ няньки переходила въ руки солдатъ, которые учили ее класть фитиль на пушку, радовались ея храбрости и выражали преданность своему начальнику, по своему, балуя его дочку, маленькую артиллеристку, такъ они ее называли.

Скромная и боязливая дома, она дѣлалась храброю въ полѣ и паркъ и смѣло садилась верхомъ на любую лошадь.

Приходя въ возрастъ, она заимствовала отъ окружающаго ее общества прекрасныя манеры, а живой умъ ея отличался чѣмъ-то своеобразнымъ, оригинальнымъ. Еще ребенкомъ, она составляла уличные остроуты. Однажды къ нимъ заѣхалъ Талебранъ. Il boite avec esprit, сказала маленькая Марія.

Семейство ея было въ связяхъ съ лучшими и богатѣйшими домами въ окрестностяхъ. У нихъ часто бывали: г-жа д'Ельморъ (Elmore), дочь знаменитаго Сегена (Séguin), поставщика въ испанской арміи, миллионера прославившагося своими эксцентричными выходками; генералъ Домениль (Daumesnil) венсенскій герой, маршальша Жераръ, г-жа де Комонъ (Caumont) и многіе другіе.

Не подалеку отъ замка, было помѣстье Long-Pont, принадлежащее Виконту Монтестью, съ великолѣпными развалинами и паркомъ. Виконтеса была пріятельницей г-жи Каппель, а братъ ея, маркизъ Жюль де Морнѣ, женившійся на дочери маршала Сульта, посѣщая Long-Pont, встрѣчался иногда съ Маріей и былъ пѣвецъ ея грядущей.

Годы полной деревенской свободы смѣнились для Маріи годами серьезныхъ занятій. Когда отецъ ея уѣхалъ въ Валансъ, ее отпра-

вили въ Парижъ , гдѣ маршалъ Макдональдъ помѣстилъ ее въ Сен-Дени. Тамъ она встрѣтила нѣсколькихъ подругъ дѣтства , напр. дочь генерала Доменили и была не изъ числа самыхъ послушныхъ. Выдержавъ двѣ очень серьезныя болѣзни , она воротилась домой , къ дорогой свободѣ.

Отецъ ея рано умеръ , а мать вторично вышла за г-на Кёгорна (Соёгогн), изъ известной нѣмецкой фамилии. Онъ скоро приобрѣлъ расположеніе своей падчерицы и его-то уроки и чтенія оставили въ умѣ Маріи отпечатокъ высокаго мистическаго чувства , которое смягчало живость и пылкость ея характера.

Вскорѣ лишилась она и матери , которая оставила ей 90,000 фр. наслѣдства. Дяди и тетки обращались съ нею какъ съ дочерью , но она продолжала вести прежнее знакомство и тѣсно сошлась съ Маріей Николаи , воспитанной слишкомъ свободно и слѣвавшей ее по-вѣренной своихъ романтическихъ приключеній.

Если вѣрить рассказамъ самой Маріи , сердце ея долго оставалось спокойно , но наконецъ побѣдилъ его молодой , мечтательный юноша , оказавшійся не болѣе какъ сыномъ провинціального аптекаря.

Какого рода былъ этотъ романъ? По всему видно , что это была шалость пансіонерки , любовь , существующая въ воображеніи. Вотъ письма Маріи къ этому г-ну Гюйо (Guyot).

Понедѣльникъ.

• Едва ли найдется на свѣтѣ мученье сильнѣе мученья быть оставленной... но если оно есть , укажите мнѣ его... или научите , какъ заглушить его .. но нѣтъ.. вся жизнь состоитъ изъ иллюзій... и у меня была одна , но вы заставили меня протрезвиться!

• Увлеченіе на нѣсколько дней! вотъ что это было и я вамъ вѣрила!.. О какъ должно быть все ложно на свѣтѣ , если и ваши слова были ложны!•

Вторникъ.

• ... Я остаюсь дома... Она передастъ вамъ это письмо... Увидя васъ , пожалуй снова повѣришь. Нѣтъ , прощайте! прощаю вамъ все... будьте счастливы и дай Богъ вамъ не испытать обмана...

• ....Исторію Каролины открыли! Ее заставятъ написать къ вамъ , чтобы , по вашему отвѣту , увидѣть , въ какихъ она отношеніяхъ съ вашимъ другомъ. Ради Бога , не пишите ко мнѣ , не упоминайте моего имени!

• Я сирота; Богъ взялъ у меня все. отца и мать. Дядя и тетя рѣшились замѣнить мнѣ родителей , но сегодня по утру тетка поклялась мнѣ , что если я какънибудь замѣшана въ этой исторіи , она не пуститъ меня на глаза. Господи! Я не перенесу этого!

• Я съ ума схожу... голова идетъ кругомъ. Вы честный человѣкъ, я вѣрю вамъ, спасите меня вашими молчаніемъ!

• Поручаю себя Богу и вамъ! По непростительной вѣтренности я отдала свою честь въ ваши руки. Кто заступится за меня? — Будьте мнѣ хранителями, ради вашихъ родныхъ, ради Маріи... Каждый часъ, каждую минуту въ жизни, буду думать о васъ съ благодарностью!

Романъ этотъ окончился разлукой на вѣки. Нѣсколько времени спустя, Марія снова встрѣтилась съ Маріей Николаи, сдѣлавшейся виконтессой де-Леото (Léautaud). Виконтесса поселилась въ Бюзаньи (Busagny) близъ Понтуаза. Еще, въ раннюю молодость, Марія Каппель была посредницей въ одной интригѣ дѣвицы Николаи съ молодымъ испанцемъ, Феликсомъ Клаве (Clavé), отецъ котораго былъ директоромъ какого-то учебнаго заведенія въ Парижѣ. Теперь, г-жа Леото, боясь нескромности со стороны Клаве, у котораго остались ея письма, просила Марію еще разъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, увѣряя, что узнала молодого человѣка въ одномъ изъ оперныхъ фигурантовъ. Марія увѣряла, что не задолго передъ тѣмъ, получила отъ этого Клаве письмо, изъ котораго видно, что онъ въ Алжирѣ.

Какія средства были употреблены для возвращенія писемъ и что произошло впоследствии между подругами, покажетъ дальнѣйшій ходъ происшествія.

Къ концу 1838 года, умеръ дѣдъ Маріи Каппель. Здоровье ея, и безъ того уже слабое, разстраивалось послѣ каждой потери близкихъ. Родственники и знакомые рѣшили выдать ее за мужъ. Какъ поступлено было для отысканія жениха, неизвѣстно. Говорили, что родственники обратились для этого въ контору извѣстнаго г. Фуа (*), но сама г-жа Лафаржъ опровергнула этотъ слухъ при допросѣ. Что же касается до жениха, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ обращался за сватовствомъ въ контору. У Маріи Каппель было 100,000 франковъ приданого; она принадлежала къ довольно извѣстной фамиліи и своей личностью вполне заслуживала вниманія. Несмотря на нѣкоторую легкость характера, въ ней было много прекрасныхъ качествъ, много способности любить и потребности быть любимой. Она всегда говорила, что она не хороша собою, но это было скорѣе кокетство умной женщины. Красавицей назвать ее было нельзя, но физіономія ея была замѣчательна. Черты лица были круп-

(* Г. Фуа та же сваха, но только французская, и потому съ конторой, книгами, дѣлами, этикетами, съ пылкими письмами: чуть ли не въ каждомъ изъ французскихъ журналовъ публикуетъ онъ и теперь еще разныя чудеса о своемъ чудесномъ заведеніи. Mr de Foy — mariages и пр. и пр.

вы, глаза черные, выразительные, лицо блѣдное, густые черные волосы, походка и манеры чрезвычайно изящныя и величественныя, улыбка удивительная, порой рѣзвая и лукавая, порой полная заумчивости, голосъ въ высшей степени симпатичный: все въ ея особѣ невольно привлекало. Живое, нѣсколько романтическое воображеніе, природная грація и изящные приемы выдвигали ее изъ толпы, и, поговоривъ съ нею, нельзя было не пайти ее прекрасной. Этой-то женщиной, воспитанной въ отборномъ обществѣ, представленъ былъ Шарль-Жозефъ Лафаржъ, какъ нарѣченный женихъ.

Лафаржу было въ то время двадцать восемь лѣтъ; происходилъ онъ изъ хорошаго семейства. Говорили, что онъ имѣетъ заводъ и земли на двѣсти тысячъ франковъ, кромѣ капитала, пущеннаго въ торговые обороты и что кузница приноситъ ему отъ тридцати, до тридцати пяти тысячъ франковъ дохода. Онъ былъ дурень собой: ростъ и фигура работающаго человѣка, но считался выгодной партіей; былъ вдовъ и чрезвычайно внимателенъ къ нарѣченной невѣстѣ.

Свадьбу сыграли черезъ пять дней, потомучто Лафаржъ торопился въ свой замокъ Главдье, кокетливый планъ котораго былъ поднесенъ молодой супругѣ. По рассказамъ, Главдье былъ золотое дно: тамъ и великолѣпный паркъ, и рѣка, и всѣ возможныя сельскія удовольствія, отборное общество, котораго Марія будетъ царицей и семейство, ожидающее ее съ восторгомъ. Все это вскружило молодую головку и, не думая долго, Марія отдала свою руку.

Молодые уѣхали тотчасъ же послѣ свадьбы. Еще на первой станціи произошла между ними непріятная сцена, ясно показавшая огромную разность натуры и воспитанія. Лафаржъ непремѣнно хотѣлъ войти въ комнату жены въ то время, какъ она брала ванну и когда его не пустили, разразился крупной бранью и угрозами. «Въ Главдье, я передѣлаю это по свосму и положу конецъ этимъ ломаньямъ!» Въ продолженіе всей дороги, ее поражали и даже пугали внезапныя грубыя ласки и поцѣлуи; супругъ не стѣснялся посторонними свидѣтелями.

Приѣхали наконецъ къ мѣсту назначенія. Дороги были ужасныя, время сырое и ненастное; все это должно было подѣйствовать на нервы женщины. Нервы! вотъ новость въ этомъ патриархальномъ жилищѣ!

Наконецъ увидала она этотъ кокетливый феодальный замокъ, разумно приспособленный къ промышленному труду и... о ужась! Въ концѣ избитой дороги, представились глазамъ ея нѣсколько закопченныхъ крышъ, маленькая топазанная аллея, простая каменная лѣстница и большая, уютная, почти пустая приемная комната...

Когда Марію помѣстили въ не совсѣмъ чистой, холодной комна-

тѣ, меблированной пятью стульями и кроватью и оклеенной обоями сомнительно желтаго цвѣта, она сочла себя самой несчастной женщиной въ свѣтѣ. Ей не пришло еще въ голову, что тутъ разсчитывала на ея приданое, но въ ней возмущилась только тонкая деликатность парижанки. И мужъ и домъ сдѣлались ей противны; жиданъ въ такой обстановкѣ казалась рѣшительно невозможной; въ припадкѣ отчаянія, она заперлась въ своей комнатѣ и написала безумное письмо, которое, по ея мнѣнію, должно было избавить ее отъ этой жизни.

Вотъ оно, отъ 15 августа 1839 года:

• Шарль, умоляю васъ на колѣняхъ, простите меня! Я обманула васъ; я люблю другого! Господи, я невыносимо страдаю! Васъ, я уважаю отъ всей души, но дайте мнѣ умереть, ради Бога! скажите: «умри, я тебѣ прощаю», и завтра же меня не будетъ на свѣтѣ. Голова у меня трещитъ, помогите мнѣ! Выслушайте изъ жалости! Его зовутъ также Шарлемъ; онъ молодъ, благороденъ, мы вмѣстѣ воспитывались и любили другъ друга съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали понимать любовь. Прошлаго года онъ увлекся другою женщиной; я думала, что не переживу и изъ мести рѣшилась выйти замужъ. Тутъ мы встрѣтились съ вами. Увы! тогда я не знала обязанностей, которыя налагаютъ супружество! Я думала, что отъ меня не потребуютъ ничего больше братскаго поцѣлуя, что вы заступите мнѣ отца, родныхъ! Поймите, что я выстрадала въ эти три дня! Поймите, что я должна умереть, если вы не спасете меня! Позвольте мнѣ говорить откровенно: я увижаю и цѣню васъ отъ всего сердца, но воспитаніе и привычка положили между нами непреодолимую преграду. Вмѣсто отрадныхъ словъ любви, у васъ одиѣ тривіальныя ласки, ничего духовнаго, одна чувственность, которая возмущаетъ меня. Притомъ же онъ раскаялся; я видѣлась съ нимъ въ Орлеанѣ, пока вы объѣдали; онъ былъ на балконѣ, противъ окна моей комнаты. Теперь онъ даже спрятался здѣсь, въ окрестностяхъ; если вы не спасете меня, я погибну. я не устою противъ любви. Шарль, спасите меня отъ всего отъ себя самого. Скажите мнѣ сегодня вечеромъ, что вы завтра дайте двухъ лошадей и укажите дорогу въ Брѣвъ; я возьму почтовыхъ лошадей въ Бордо, потомъ отправлюсь на корабль въ Смирну. Средства мое пусть остается въ вашихъ рукахъ; Богъ поможетъ вамъ устроить въ вашихъ дѣлахъ, вы этого достойны; сама я буду жить работою, уроками. Не говорите никому о моемъ существованіи. Если хотите, я брошу свой манто въ одиѣ изъ вашихъ ящиковъ, и всѣ подумаютъ, что я погибла; хотите, я приду мышьяку: онъ у меня есть, тогда всему копей! Вы были такъ добры ко мнѣ, что я готова отдать вамъ жизнь, но любить и принимать ваши ласки — выше вселенной возможности! Ради чести вашей матери, не откажите мнѣ, ради Бога, простите меня! Я жду отвѣта, какъ преступникъ ждетъ смертнаго приговора. Увы! если

бы не любила я другого больше жизни, может быть я привыкла бы къ вамъ когда нибудь; но теперь, мнѣ невыносимы ваши ласки! Убейте меня; я сознаю, что стою этого, но все-таки надѣюсь на васъ: просуньте въ мою дверь записочку сегодня вечеромъ, завтра меня уже не будетъ на свѣтѣ. Не заботьтесь обо мнѣ: я пойду даже вѣшкомъ до Брива. Останьтесь здѣсь навсегда. Вниманіе вашей матери и сестры терзаетъ мою душу; я ненавижу самое себя! Будьте великодушны, не допустите меня до самоубійства! Кому мнѣ довѣриться кромѣ васъ? Обратиться къ нему? никогда! Я никому не буду принадлежать, для меня не будетъ привязанностей. Будьте мужчиной, вы не успѣли еще полюбить меня, простите! Не давайте мнѣ лошадей, это надбляетъ шуму, дайте только какое нибудь изношенное крестьянское платье. Простите, еще разъ. Богъ наградитъ васъ за все зло, которое я вамъ дѣлаю!

• Я возьму съ собой только подарки моихъ подругъ; остальное въ вашихъ рукахъ и вы решите мнѣ въ Смирну, если захотите удалиться что нибудь отъ себя.

• Не обвиняйте меня въ притворствѣ: еще въ понедѣльникъ, съ того самого часа, какъ тетки объяснили мнѣ, что значить отдаться мужчине, я поклялась умереть; я приняла яду, но слишкомъ мало; вчера меня стошнило отъ него въ Орлеанѣ; дорогой, я прикладывала ко лбу заряженный пистолетъ, но не достало духа. Сегодня все зависитъ отъ васъ; я твердо рѣшилась.

• Спасите меня, будьте ангеломъ-хранителемъ бѣдной сироты, или убейте меня, или дайте мнѣ умереть. Напишите мнѣ, потому что безъ честнаго слова, написаннаго вашей рукой, которому я безгранично довѣрюсь, я ни для кого не отпущу двери. Марія.

Это безумное письмо повергло въ отчаяніе мать, сестру и зятя Лафаржа, г-на Бюфьеръ. Между супругами произошла сцена, въ которой Лафаржъ выказалъ неподдѣльную горестъ и привязанность. Побѣжденная лаской и вѣжностью, Марія покорилась судьбѣ и рѣшилась освѣтиться съ семейной жизнью. Она призналась, что любовь къ другому выдумка и обѣщала побѣдять свое отвращеніе. Это удалось ей скорѣе, нежели жители Гландье успѣли забыть ея романтическую выходку. Была еще одна супружеская сцена, послѣ того, какъ Лафаржъ напился на одномъ обѣдѣ, но этимъ дѣло и кончилось. Не смотря на маленькія неприятели, выходящія изъ того, что парижская горничная Клементина Серва, вѣтреная гризетка, не правилась въ домъ и не смотря на то, что ногти у г-на Лафаржа были постоянно въ траурѣ, Марія привыкала къ жизни въ Гландье.

22 августа она писала г-ну Гара:

• Я сжилась съ своимъ положеніемъ, хотя вѣшняя сторона его далеко не привлекательна. Привязанность мужа даетъ мнѣ силу выно-

сать его... Шарль обожаетъ меня и меня глубоко трогаетъ его почтительная привязанность.

Спустя три дня, она писала г-жѣ Монбретонъ :

...Всѣ наши несчастія происходятъ отъ того, что мы живемъ болѣе мечтами нежели дѣйствительностью; нѣтъ ничего хуже разочарованія. Первое впечатлѣніе новой жизни было ужасное, но теперь, я уже спокойно устроиваюсь, какъ Робинзонъ, въ новомъ жилищѣ. Лишь только начнутъ пробиваться слезы, когда я раздумуюсь одна, въ пустой комнатѣ, о дорогихъ моему сердцу, я надѣваю шляпу и бѣгу въ поле любоваться великолѣпной мѣстностью, утѣшалась мыслью, что вся эта земля, холмы и пригорки мои. Да, у меня есть горы, рѣки, долины и ни одного порядочнаго стула; ни одного творенія рукъ человѣческихъ, все богатство прямо отъ Бога.

Характеръ Шарля совершенно соотвѣтствуетъ обстановкѣ. Подъ грубой, невоздѣланной оболочкой скрывается благородное сердце; любить онъ меня больше всего; всѣ его мысли клонятся къ тому, чтобы сдѣлать меня счастливой; я составляю предметъ почтительнаго обоженія. Мать его превосходная женщина, готовая хоть въ огонь для своего сына; она ласкаетъ меня и я замѣчаю иногда проблески образованія, заглушеннаго будничными заботами о хозяйствѣ. Все это вмѣстѣ утѣшаетъ и огорчаетъ меня; вы понимаете, не правда ли?...

Марія принялась, по возможности, устраивать маленькое жилище, возбуждая по временамъ, безъ всякаго намѣренія, неудовольствіе родныхъ, привыкшихъ къ старымъ порядкамъ. Не смотря на все это, ее любили и любовались ею. Даже кузница обратила на себя вниманіе молодой женщины. Она присутствовала при работахъ, къ немалому удовольствію кузнецовъ.

Лафаржъ, съ своей стороны, знакомилъ жену съ ходомъ своихъ дѣлъ, исключая денежныхъ счетовъ. Онъ говорилъ, что сдѣлалъ новое открытіе для приготовленія желѣза, которое принесетъ ему огромныя выгоды. Марія увлеклась этой мыслью, наблюдала за опытами; ея пылкое воображеніе нашло наконецъ себѣ пищу.

Женясь во второй разъ, Лафаржъ рассчитывалъ на женнино приданое, чтобы расширить свои обороты, а главнымъ образомъ, выйти изъ нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя держались въ строгой тайнѣ. Нужно было для этого имѣть право распоряжаться женниными деньгами, т. е. чтобы у обоихъ были одинаковыя интересы. Супруги сдѣлали каждый духовное завѣщаніе и помѣнялись ими. Неизвѣстно кому изъ нихъ первому пришла мысль сдѣлать завѣщаніе; во время обвиненія, нельзя было доказать, что это придумана сдѣлать Марія; она же съ своей стороны не могла припомнить, была ли это идея ея мужа и уже послѣ, въ своихъ ме-

муарахъ, рассказываетъ, что Лафаржъ первый написалъ завѣщаніе. Какъ бы то ни было, получивъ завѣщаніе отъ жены, Лафаржъ секретно измѣнилъ свое, сдѣлавъ въ немъ новыя распоряженія въ пользу сестры и матери. Завѣщаніе же Маріи, которое она поручила свекрови, вскрыли, чтобы удостовѣриться, что оно заключаетъ.

Рѣшено было сдѣлать заемъ у родственниковъ г-жи Лафаржъ, для чего и поручили ей предварительно, расхвалить въ письмѣ будущее предпріятіе. Она сама чистосердечно вѣрила въ успѣхъ, и Лафаржъ уѣхалъ въ Парижъ для полученія привилегіи и совершенія займа.

Во время этого путешествія, между нимъ и Маріей велась самая дружеская переписка; она давала ему совѣты, какъ обратиться къ ея богатымъ родственникамъ. Привилегія была получена 14 декабря, но дѣло о займѣ затанулось и г-жа Лафаржъ выслала мужу довѣренность на продажу ея имѣній. Между тѣмъ, тайно отъ жены и своего семейства, Лафаржъ выписалъ изъ Гландье прикащика Дени, человѣка сомнительной честности и употреблялъ его для добыванія фальшивыхъ подписей на векселя, которые потомъ тайно перепродавалъ.

Въ Гландье между тѣмъ хлопотали и готовили ему сюрриандъ. Г-жа Лафаржъ пригласила къ себѣ дѣвицу Брэнъ, которой поручила снять свой портретъ и отправила его въ Парижъ въ ящикѣ съ пирогами, которые посылала мать своему Шарлю. Марія наказывала въ письмѣ, чтобы мужъ съѣлъ одинъ пирогъ 18 декабря вечеромъ, потомучто въ этотъ же день и часъ будутъ ѣсть ихъ въ Гландье. 18 декабря, получивши посылку, Лафаржъ отломилъ небольшой кусокъ корки и съѣлъ ее. Ночью и весь слѣдующій день онъ чувствовалъ тошноту и боль въ желудкѣ.

Лафаржъ возвратился домой 5 января 1840 года, больной и измученный.

Наканунѣ отъѣзда, онъ получилъ отъ одного нотаріуса изъ Суассона двадцать пять тысячъ франковъ, занятыхъ съ поручительствомъ г-жи Лафаржъ. Чемоданъ лежалъ нѣсколько времени въ одномъ надежномъ домѣ; когда его переносили, одинъ человѣкъ съ трудомъ могъ приподнять его, и Лафаржъ говорилъ, что въ немъ тридцать тысячъ франковъ. Эти деньги впоследствии исчезли, и родные говорили, что Лафаржъ привезъ только три или четыре тысячи франковъ.

Лафаржъ слегъ въ постель и у него началась рвота. Зять его успокаивалъ Марію, говоря, что это расстройство желудка и что мужъ ея любитъ преувеличивать всякую болѣзнь. Мать же, тотчасъ изъявила опасеніе, что сына ея отравили въ Парижѣ его враги;

она рассказывала Маріи смерть своего мужа, котораго отравилъ за десертомъ соперникъ и увѣряла, что такіе же симптомы замѣчветъ теперь въ сынѣ. Марія немедленно сообщила всѣ эти опасенія г-ну Барду, домашнему доктору, который смѣялся и увѣрялъ, что не видитъ малѣйшаго признака и что Лафаржъ страдаетъ жабой и воспаленіемъ желудка; что же касается смерти отца, то и она была самая естественная, а только разстроенное воображеніе старой г-жи Лафаржъ создало всѣ эти ужасные признаки.

Барду, чтобы изслѣдовать свойство болѣзни и унять рвоту, смѣшалъ квасцы съ сахаромъ и пропустилъ ихъ въ горло Лафаржу. Больной жаловался, что очень жжетъ.

Въ болѣзни, Лафаржъ сдѣлался раздражителенъ; онъ жаловался, что крысы не даютъ ему покоя и дѣйствительно незадолго передъ тѣмъ, онѣ изѣли все бѣлье его жевы. 12 декабря она послала за мышьякомъ въ аптеку Ейсартье (Eyssartier), съ слѣдующей запиской:

• Меня чуть не съѣли крысы. Я посыпала извѣстии и рвотнаго камня, но ничего не помогаетъ. Не можете ли вы довѣрить мнѣ немного мышьяку? Можете смѣло надѣяться на мою осторожность; я посыплю его въ комнату, гдѣ держать одно только бѣлье.

• Нужно мнѣ также немного липоваго и померанцоваго цвѣта.

Марія Лафаржъ дю Главдье.

• Пришлите четверть фунта сладкаго миндаля.

5 Января она снова просила мышьяку.

Человѣкъ мой сдѣлалъ такое глупое тѣсто изъ вашего мышьяка, что г. Барду далъ мнѣ рецептъ, который я вамъ посылаю, чтобы вы были спокойны насчетъ вторичнаго требованія и не подумала бы, что я собираюсь отравить имъ всѣхъ здѣшнихъ жителей.

• Пришлите мнѣ нѣсколько унцій гумми-арабика въ порошокъ; потрудитесь также прислать счетъ моего долга, который теперь порядочно выросъ. Еще мнѣ нужно грудного чаю и бѣлаго бульону. У кука моего начиняется жаба; но г. Барду увѣряетъ, что онъ больше страдаетъ отъ усталости послѣ дороги и что скоро ему будетъ легче.

Марія Лафаржъ.

Однакоже Лафаржъ не поправлялся; болѣзнь его напротивъ усиливалась; сильная и частая рвота изнуряли его. Всѣ родные и слуги были около него; мать провела нѣсколько ночей сряду у его постели. Жена тоже заботливо ухаживала за нимъ, хотя все это время чувствовала себя также не совсѣмъ здоровой и тоже страдала рвотой и болью въ желудкѣ.

Свекровь и невѣстка жили не совсѣмъ ладно; между ними были

частые споры. Когда Марія требовала, чтобъ г-жа Лафаржъ шла спать, послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей, онѣ обѣ погорячились и свекровь осталась.

Болезнь между тѣмъ принимала серьезный характеръ; призвали другого доктора, г-на Массена (Massenat), который подаль мнѣніе, что рвота происходитъ отъ спазмодическаго сжиманія желудка. Нужно было возстановить пищеваженіе. Больному дали немного распущеннаго яичнаго желтка, который онъ тотчасъ отдалъ назадъ и немного хлѣба, смоченнаго виномъ, что онъ и проглотилъ благополучно.

Подозрѣнія въ отравѣ совершенно утвердились въ умѣ старой Лафаржъ и обратились на невѣстку. Стали слѣдить за каждымъ ея шагомъ, перетолковывать малѣйшее слово. Къ свекрови присоединились многіе родственники и слуги, пользовавшіеся ея особеннымъ довѣріемъ.

Дѣвица Брѣнь припомнила, что подойдя къ коммоду, замѣтила на немъ слѣды бѣлаго порошка и видѣла баночку, заключающую въ себѣ этотъ же порошокъ. Видѣла также, что Марія брала часто бѣлый порошокъ или изъ ящичка или, какъ говорила Брѣнь, изъ этой баночки и примѣшивала его къ своимъ и мужнинымъ лекарствамъ. Начинали сомнѣваться, точно ли это гумми-арабикъ, какъ утверждала г-жа Лафаржъ.

10 января Дени принесъ Маріи пакетикъ, заключавшій шестьдесятъ четыре грана мышьяку: это было изрядное количество. Вскорѣ она пошла къ больному мужу съ пакетикомъ въ карманѣ. Лафаржъ жаловался, что крысы возятся надъ головою и скоро придутъ нюхать его лекарство.

— Не безпокойся, отвѣчала она, — у меня въ карманѣ есть чѣмъ уморить цѣлую армію крысъ.

Лафаржъ дружески побранилъ жену за то, что она кладетъ такіа опасныя вещи около носоваго платка. Она дала ему пакетикъ, завернутый въ двойную бумагу. Онъ развернулъ его, велѣлъ позвать Клементину, горничную Маріи, и поручилъ ей сдѣлать тѣсто для крысъ.

На другой день, 11 января, г-нъ Барду, жаловавшійся на недорозвѣе, собиравшійся идти домой, какъ г-жа Лафаржъ мать и г-жа Бюфьеръ показали ему, съ таинственнымъ видомъ, яичный желтокъ, въ которомъ было немного бѣлаго порошка. Но посмотрѣвши пристально на едва замѣтную бѣлую частицу, Барду сказалъ, что это можетъ быть известка, осыпавшаяся съ какой-нибудь стѣны. Оставшись одинъ, обѣ женщины пробовали примѣшивать точно такимъ образомъ известку и золу, но результаты выходили другіе.

12, это было воскресенье, дѣвица Брѣнь, желая узнать мышьякъ ли заключается въ маленькой баночкѣ, въ коммодѣ, взяла щепотку порошка и принесла его въ комнату старухи. Тотчасъ посылали его на горячіе уголья и всѣмъ показалось, что онъ издастъ запахъ чеснока. Тотъ же запахъ былъ по ихъ мнѣнію отъ стакана, въ которомъ была хлѣбная вода. — «О, я несчастная! я давала ему этой воды!» вскричала сестра Лафаржа.

Дѣвица Брѣнь утверждала, что работая у камина, она видѣла какъ Марія взяла стаканъ, гдѣ была хлѣбная вода съ виномъ, подошла съ нимъ къ коммоду и она ясно слышала стукъ ложки обо что-то, стоявшее во внутренности ящика. Ей показалось также, что Марія что-то примѣшивала и въ питье Лафаржа. Когда потомъ Марія поднесла ложку питья своему мужу, онъ сказалъ: Что мнѣ такое дають, меня сожгло всего внутри.

— Не мудрено, отвѣчала Марія, обращаясь къ дѣвицѣ Брѣнь: — у него воспаленіе, а ему дають пить вино.

Старуха припомнила, что сама прежде видѣла, какъ Марія подмѣшиваетъ бѣлый порошокъ въ питье своего мужа, и на вопросъ ея отвѣчала, что это гумми-арабикъ, и въ тоже время поспѣшно оттерла ложку, прежде чѣмъ положила ее на каминъ. На ложкѣ этой былъ тотъ же бѣлый составъ, который онъ примѣтили въ личномъ желткѣ.

13, ночью, отравили Деши къ доктору Жюлю Леспинасу въ Люберсакъ, чтобъ извѣстить его о подозрѣніи. Леспинасъ тотчасъ пріѣхалъ. Дорогой, прикащикъ разсказалъ ему о частыхъ покупкахъ мышьяка, за которыми его посылали, будто бы тайно. Леспинасъ послалъ за противоядіемъ и какъ только удалили Марію, ближонные разсказали ему всѣ свои подозрѣнія, показали бѣлый порошокъ, который и онъ по запаху принялъ за мышьякъ.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія! Мать, сестра, докторъ рѣшили предупредить больного, которому аптекаръ Ейсартъ прислалъ уже сказать, чтобы онъ принималъ лекарство только изъ рукъ вѣрныхъ людей.

— Вы думаете, отвѣчалъ Лафаржъ: — о, найдите доказательства, я поведу дѣло судебнымъ порядкомъ! Старуха Лафаржъ бросилась къ сыну, обливаясь слезами и замѣтивъ блѣдную Марію, прислонившуюся къ кровати: кого я вижу! вскричала она съ ужасомъ.

Дѣвица Брѣнь разсказывала послѣ, что когда она подошла къ Лафаржу, онъ лохнулъ въ ея руку и сказалъ, что пахнетъ чеснокомъ; когда его потомъ вырвало, ему тоже послышался запахъ чеснока.

Съ этой минуты онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ сталъ сморѣть на жену. 14 января, въ 6 часовъ утра, онъ умеръ.

По смерти его громко объявили, что онъ отравленъ г-жею Лафаржъ. Мать и сестра, удаливъ Марію, сломали всѣ замки и захватили ея бумаги.

Слухи достигли вскорѣ до правительства.

15 января, на другой день смерти Лафаржа, королевскій прокуроръ пріѣхалъ въ Главдье для освидѣтельствованія трупа. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Барду, который не видалъ больного четыре дня передъ смертью. «Отравленъ! вскричалъ онъ, васъ обманули. Будетъ большое несчастіе, если какой-нибудь энтузіастъ изъ этого семейства заведетъ, совершенно напрасно, это страшное дѣло».

Другіе доктора не сомнѣвались въ отравѣ.

16 было вскрытіе трупа, при чемъ не нашли ничего положительнаго. Разстройство найденное въ трупѣ могло равнымъ образомъ произойти отъ естественной болѣзни и отъ принятія отравы. Желудокъ, внутренности, содержащееся въ желудкѣ и подозрительныя вещества положены были въ бутылки, *которыя не позаботились запечатать* и все отправлено въ корзины въ Бривъ.

Четыре доктора, между которыми были лечившіе Лафаржа, обязаны были заняться изслѣдованіемъ этихъ веществъ въ химической лабораторіи аптекаря Лафоса (Lafosse).

Сосуды, заключающіе эти вещества, вручены были четверемъ экспертамъ Турнадону (Tournadon), Барду, Массена и Леспинасу не только *не запечатанные, но едва прикрытые худой холстиной*.

Впослѣдствіи, когда хотѣли приступить къ вторичному пересвидѣтельствуванію, надписи были перемѣшаны и многихъ сосудовъ вовсе не оказалось; всѣ они хранились въ незапертой комнатѣ и ни къ одному не было приложено печати. Генеральный адвокатъ сказалъ, что это излишнія формальности; но г-нъ Палье (Paillat), адвокатъ г-жи Лафаржъ, протестовалъ, говоря, что въ уголовномъ дѣлѣ, которое можетъ кончиться эшафотомъ, никакая формальность не должна считаться лишнею.

Яичный желтокъ, разложенный посредствомъ сѣрвоводорода и нѣсколькихъ капель солекислой соли, далъ блѣдножелтый, клочковатый осадокъ, удобо-растворимый въ чистомъ аммоньякѣ. Порошокъ, оставшійся на днѣ сосуда, былъ высушенъ и положенъ съ равнымъ количествомъ углекислой соли, поташа и угля въ стеклянную трубку, которую накалили до красна; изъ одной части его образовались блестящія круинки, а другая сгорѣла, издавая запахъ чеснока. Этотъ бѣлый паръ съ подозрительнымъ запахомъ, собранный на очищенную мѣдную поверхность, принявъ зеленый цвѣтъ, когда на него капнули растворомъ сѣрной кислоты и аммоньяка.

Хлебная вода, разложенная такимъ же образомъ, дала желтый, клочковатый осадокъ и тѣ же признаки найдены при разложеніи сахарной воды. Исслѣдованіе жидкости, найденной въ желудкѣ и воды, въ которой кипятили самый желудокъ привело къ тѣмъ же результатамъ. Обѣ эти жидкости, нагрѣтыя въ колбѣ съ прибавленіемъ селитренной кислоты, напитаанныя потомъ углекислой солью съ поташомъ, сѣрной кислотою и нѣсколькими каплями хлористой кислоты, образовали желтый, клочковатый осадокъ.

Въ пивѣ, водѣ съ гумми-арабикомъ, мелкомъ сахарѣ и въ жидкости отъ рвоты не найдено никакихъ слѣдовъ мышьяка, но въ желтоватомъ отстоѣ и блестящихъ крупинкахъ ясно было, по мнѣнію слѣдователей, что мышьякъ былъ.

Донесеніе медиковъ 19 января кончалось слѣдующими выводами:

1) Что въ яичномъ желткѣ оказалось большое количество мышьяковой кислоты; 2) въ сахарной водѣ былъ тоже мышьякъ; 3) пиво, вода съ гумми-арабикомъ и мелкій сахаръ не содержатъ въ себѣ никакого ядовитаго вещества; 4) что въ рвотѣ не нашлось мышьяковой кислоты, но крайней мѣрѣ не оказалось таковой при разложеніи; 5) что желудокъ и содержащаяся въ немъ жидкость обличаютъ присутствіе мышьяка; 6) что смерть вышепоименованнаго Карла-Жозефа Лафаржа произошла отъ принятія мышьяковой кислоты.

Что жъ было съ Маріей, въ то время, какъ правосудіе отыскивало доказательства ея преступленія? Больная и измученная, она тщетно старалась доказать свою невинность. На сторонѣ ея были только очень немногіе служители и одна изъ всѣхъ родственниковъ Лафаржа, дѣвица Эмма Потье. Первымъ дѣломъ Маріи было розыскать, куда дѣвалась пакетикъ съ мышьякомъ, который она поручила своей горничной; послѣдняя объявила, что побоялась мѣсить изъ него тѣсто и положила его въ одну изъ старыхъ шляпъ, въ комнатѣ покойнаго. Пакетикъ этотъ отыскался уже послѣ, зарытый въ садъ, но въ немъ былъ не мышьякъ, а сода.

Въ продолженіи дѣлой недѣли послѣ смерти мужа, г-жа Лафаржъ имѣла случай укрыться отъ преслѣдованія законовъ. Адвокатъ Лаландъ предлагалъ ей свою помощь, но она отказалась и даже сдѣлала еще болѣе.

Лафаржъ заплатавалъ одному г-ну Ролу 30000 франковъ фальшивыми векселями; Марія отдала въ залогъ всѣ свои вещи, не желая оставлять пятна на памяти покойнаго.

25 января ее заключили въ тюрьму въ Бривѣ и началось слѣдствіе.

Въ это же самое время появилось противъ нея совершенно неожиданное обвиненіе. Ее подозрѣвали въ покражѣ брилліантовъ у виконтессы Леото, урожденной дѣвицы Николаи и покражу эту относили къ июню мѣсяцу 1839 года.

Семейство г-жи Леото утверждало, что многія незначительныя вещи были еще до того времени украдены Маріей, что бросало на нее еще большую тѣнь. Г-жа де Монбретонъ, сестра г-жи Леото, сообщила множество мелкихъ подробностей, способныхъ уничтожить доброе имя г-жи Лафаржъ.

Начались допросы, на которые вотъ что отвѣчала г-жа Лафаржъ :

— Эти брилліанты были мнѣ присланы однимъ родственникомъ, имени котораго я не знаю, мѣста жительства тоже; не могу такъ же сказать какимъ путемъ они мнѣ были доставлены.

На дальнѣйшіе разпросы судьи, она прибавила, что особа, отъ которой получены брилліанты, вѣроятно не замедлитъ оправдать ее.

Друзья и защитники подсудимой были поражены этимъ отвѣтомъ, но Марія объявила, что не должна и не можетъ открыть всей правды.

Только по настоянію своихъ защитниковъ Теодора Бака и Лашо, которые представили ей какое вредное вліяніе эта невзвѣстность можетъ имѣть на ходъ ея процесса, она рѣшилась открыть имъ, что съ часу на часъ ждетъ признанія г-жи Леото въ одной семейной тайнѣ.

Когда г-жа Лафаржъ встрѣтилась въ Бюзаньи съ Маріей Леото, послѣдняя опасаясь, чтобы Феликсъ Клаве, о которомъ мы говорили выше, не выдалъ тайны ихъ прежнихъ отношеній, рѣшилась купить его скромность, для чего нужно было продать нѣсколько старыхъ фамильныхъ брилліантовъ и просила содѣйствія г-жи Лафаржъ. Чтобы объяснить потомъ пропажу вещей, ихъ нарочно оставили нѣсколько времени на видномъ мѣстѣ и когда потомъ г-жа Лафаржъ унесла ихъ, рѣшено было, что онѣ украдены. Не имѣя случая продать ихъ до своего замужества, она увезла ихъ съ собою въ Гландье, взявъ для себя нѣсколько жемчужинъ въ счетъ долга 180 франковъ.

Впослѣдствіи Марія Лафаржъ писала г-жѣ Леото, что сильно нуждается въ деньгахъ и просила позволенія продать вещи, чтобы употребить капиталъ въ дѣло, предлагая десять процентовъ и долю въ предпріятіи.

Все это могло сильно повредить дѣлу; г. Бакъ немедленно отправился въ Парижъ, чтобы убѣдить г-жу Леото открыть истину и передать ей письмо г-жи Лафаржъ. Вотъ оно :

• Марія, не дай Богъ вамъ испытать половины несчастій, которыя я подвергнусь теперь изъ за васъ! Я знаю, что вы добры, но у васъ не доставитъ мужества спасти меня. Вы вѣроятно подумали, что обвиненіе кражѣ ничто въ сравненіи съ ужаснымъ обвиненіемъ, которое ужъ тяготѣетъ на мнѣ и молчали; я тоже молчала, надѣясь на вашу справедливость, но напрасно. Марія! Ради Бога, ради совѣсти, спасите меня! Конечно, дурно съ моей стороны напоминать вамъ о благодарности, но теперь такіа обстоятельства! Вспомните прошедшее и не берите на душу моей смерти, потомучто я не переживу позора. Я умру, но передъ Богомъ, передъ священникомъ и друзьями, я громко скажу, что невинна и умирая вашей жертвой, буду требовать защиты своему имени, своей могилѣ! Когда я умру, жена пожалѣетъ, за меня заступится и тогда наша слабость будетъ преступленіемъ, позоромъ... Вамъ остается одно: написать своей рукой записку, въ которой вы поручаете мнѣ своимъ брилліанты съ правомъ продать ихъ, если мнѣ вздумается: это останется дѣло. Вы объяснитесь съ вашимъ мужемъ какъ знаете и получите назадъ всѣ ваши письма. Божусь вамъ, что все останется въ неприкосновенной тайнѣ.

• Прощайте! Повѣрьте, что для вашего спасенія, я уже вытерпѣла двѣ ужаснѣйшихъ пытки. Жизнью я могла бы еще пожертвовать для васъ, но добрымъ именемъ, уваженіемъ друзей, честью сестеръ моихъ... никогда!

Изъ этого письма и вторичной повѣдки къ Парижъ Лашо ничего не вышло; началось слѣдствіе 9 іюля, въ Бривѣ. Дѣло это подымало поводъ къ различнымъ толкамъ. Лица неприкосновенныя позволяли себѣ сомнѣваться въ справедливости судебныхъ дѣйствій. Казалось, что съ намѣреніемъ стараются очернить репутацію подсудимой, чтобъ оставить ей менѣ шансовъ къ оправданію въ главномъ обвиненіи. Говорили также о вѣкоторыхъ сильныхъ вліяніяхъ, не позволившихъ судьямъ взмѣнить порядокъ процесса. Въ пользу подсудимой можно было сдѣлать только одно: оттянуть на нѣсколько времени разбирательство. Г-жа Лафаржъ, напротивъ, желала немедленнаго разъясненія, но уступила совѣтамъ своихъ защитниковъ. Стали требовать, чтобъ отложили судъ до рѣшенія главнаго процесса, но просьба не была уважена, хотя подобная отсрочка не была бы вовсе противозаконна. Г-жа Лафаржъ апеллировала два раза, но безъ успѣха.

Залы суда постоянно наполнялись раздраженными женщинами, съ жадностью спѣшившими насладиться скандаломъ. Той публики, которая дѣйствительно могла бы подать дѣльное мнѣніе, не было въ залѣ, но она была бы навѣрное на сторонѣ подсудимой. Въ личности Маріи Лафаржъ было что-то инстинктивно притягивающее. Тюремныя ея сотоварійца обращались къ ней съ уваженіемъ и предупре-

лнзательствъ, доходящую до такой степени, что на тюремномъ дворѣ, до того всегда шумномъ, каждое утро до десятого часа, была совершенная тишина; «барыни спятъ», говорили арестанты.

Случилось происшествіе, еще увеличившее интересъ къ этой романической личности. Одинъ молодой человекъ, сынъ аптекаря въ Монмеди, узнавъ о заключеніи Маріи, застрѣлился. Встрѣчался онъ еще въ ранней молодости и даже вели перописку.

6 августа подсудимую перевели въ Тюль (Tulle), а 13 судъ исправительной полиціи началъ дѣйствія въ пользу подсудимой, стараясь:

1) Дѣлѣнать рѣшенію, поставовленное въ Бривѣ, которое отвергло прошеніе объ отсрочкѣ дѣла до окончанія главнаго процесса, ссылаясь на то, что не скоро соберутся свидѣтели и пройдетъ много времени.

2) Уничтожить приговоръ, произнесенный не смотря на аппеляцію подсудимой.

Свидѣтели состояли почти только изъ родственниковъ семейства Леото, чѣмъ легко объясняется единодушіе въ обвиненіи; однакожъ въ одно изъ заведеній произошолъ слѣдующій неожиданный случай:

Г-нъ Клаве, офицеръ при военномъ госпиталѣ въ Алжирѣ, показалъ слѣдующее: Въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ 1836 года, былъ присланъ ящикъ на его имя: сомнѣваясь, что посылка дѣйствительно принадлежитъ ему, онъ сталъ разыскивать нѣтъ ли въ Алжирѣ, сего однофамильца и нашолъ въ отелѣ регенства нѣкоего Феликса Клаве, объявившаго, что ящикъ содержитъ краски и присланъ ему графинеру Леото.

Если происшествіе это вѣрно, то г-жа Леото говорила неправду, увѣряя, что съ 1836 года, прекратила всякія сношенія съ г. Клаве. Обстоятельство это показалось такъ важно защитникамъ г-жи Лафаржъ, что они правили его къ свѣденію и объявили въ судѣ присяжныхъ.

Позднѣе, въ октябрѣ мѣсяцѣ, во время судебныхъ преній, Клаве снова писалъ изъ Африки. Онъ выражалъ въ письмѣ негодованіе, что былъ удаленъ изъ Алжира во время процесса, требовалъ, чтобы ему позволено было пріѣхать подтвердить свое показаніе и утверждалъ, что всѣ объясненія, данныя г-жею Леото по поводу ящика, ложны и что онъ имѣетъ на то вѣрныя доказательства.

Г. Корало, адвокатъ противной партіи, представилъ въ опроверженіе словъ Клаве омонима свидѣтельство, что Феликсъ Клаве воротился во Францію, въ концѣ апрѣля 1839 года; предъявилъ также показаніе г. Церрекъ, прежняго сотоварища Феликса Клаве, который утверждалъ, что Декрузиль, другой товарищъ Клаве, сказалъ ему: я

утвердительно могу сказать, что ящикъ присланъ былъ г-жею Ларошфуко, для передачи сыну, служившему въ Алжирской арміи.

Изъ всего этого слѣдовало, что если бы даже Клаве I-й ошибался во времени, когда присланъ былъ ящикъ, фактъ полученія его не подлежалъ сомнѣнію. Оставалось только привести въ извѣстность дѣйствительно ли онъ присланъ г-жею Ларошфуко, но этого не сдѣлали, хотя сама она жила тогда въ десяти льё отъ мѣста слѣдствія.

Дѣло покончилось однако на томъ, что рѣшеніе его отложили до окончанія главнаго процесса.

Родные г-жи Лафаржъ поручили защиту ея дѣла г. Палле (Paillet) изъ Парижа, а помощниками его избрала сама Марія г. Бака и Лашо. Приходилось вести дѣло съ властями Лимузена, которые были возстановлены противъ *парижанки* и считали долгомъ держать сторону своихъ жителей. Смѣнили королевскаго прокурора, опасаясь, что онъ будетъ дѣйствовать въ пользу подсудимой и на мѣсто его назначили генеральнаго адвоката Деку (Decous). Защитники хотѣли требовать перевода дѣла въ другой судъ, но г-жа Лафаржъ не согласилась, говоря, что невинность восторжествуетъ надъ всякимъ предубѣжденіемъ.

Прежде всего, нужно было опредѣлить состояніе дѣла покойнаго передъ его смертію, и доказать, что онъ прибѣгалъ къ выдачѣ фальшивыхъ векселей, на что г-жа Лафаржъ не согласилась, не желая класть позорнаго пятна на свое имя. Изъ денегъ, принадлежавшихъ собственно Маріи, потрачено было на предпріятіе сто тысячъ франковъ.

Еще за долго до открытія засѣданій, назначенныхъ 2 сентября, защитники объявили, что распоряженія суда пристрастны. Обвинительный актъ подписанъ былъ 5-го августа; 10-го только сообщили его подсудимой, между тѣмъ какъ еще 4-го, т. е. прежде его законнаго существованія, онъ былъ уже напечатанъ въ *Gazette des Tribunaux*, въ Парижѣ. Приводимъ здѣсь этотъ документъ, въ которомъ проглядываетъ какая-то страстность.

Г. Лафаржъ представленъ владѣтелемъ значительныхъ недвижимыхъ имѣній, добрымъ, великодушнымъ, любимымъ всѣми окружающими и способнымъ на всякое возвышенное чувство. Первые несогласія супруговъ, возникшія еще во время поѣздки въ Гландье, пропущены, а представлено прямо письмо г-жи Лафаржъ, «письмо странное, гдѣ видны нравственная испорченность и цинизмъ, съ которымъ *эта женщина* открываетъ своему мужу всѣ пагубныя страсти, гнѣздящіяся въ ея сердцѣ».

Во вѣрности въ некоторомъ времени, Марія Каппель уже не

чувствовала такого отвращенія къ мужу; отношенія ихъ сдѣлались даже дружескими. Такая быстрая переменѣ должна была удивлять окружающихъ и никто не повѣрилъ ей искренности.

Вотъ какъ рассказано, въ обвинительномъ актѣ, дѣло о завѣщаніи:

«Однажды подсудимая занемогла довольно серьезно. Супругъ оказывалъ ей самыя вѣжливыя пощеченія. Она была этимъ такъ тронута, что изъявила желаніе сдѣлать завѣщаніе въ его пользу. Въ свою очередь, г. Лафаржъ не захотѣлъ оставаться въ долгу и вручилъ ей завѣщаніе, въ силу котораго, она дѣлалась его единственной наследницей. Марія Капсель тотчасъ же передала этотъ документъ г. Летро, нотаріусу въ Суассонѣ. Дѣло происходило 28 го октября 1839 года.

«Съ этой минуты, обвиненная только и думала о средствахъ избавиться отъ того, кто окружалъ ее такими вѣжливыми пощеченіями.

«Новое открытіе, сообщенное ей мужемъ, могло быть приведено въ исполненіе только при двухъ условіяхъ: полученіи привилегій и добытій капиталовъ.

«Съ этою цѣлью, Лафаржъ уѣхалъ въ Парижъ, въ половинѣ ноября мѣсяца и возвратился 3 января, чтобъ умереть жертвой ужасной отравы.

«Во время пребыванія его въ Парижѣ, самая вѣжная переписка велась между супругами. Каждый день получались и отсылались письма, исполненыя увѣреній въ страстной любви; жена описывала свою грусть и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты свиданія; также указывала ему, какъ дѣйствовать для достиженія цѣли; въ словахъ ея выражалось нетерпѣніе волочить какъ можно скорѣй ожидаемую привиллегію.

«Корреспонденція продолжалась все въ этомъ духѣ, до половины декабря мѣсяца.

«Въ это время сдѣлалось несомнѣнно, что Лафаржъ получить такъ страстно ожидаемую привиллегію и съ этой минуты, жена его рѣшилась привести въ исполненіе свой пагубный замыселъ. 15 декабря, подъ предлогомъ истребленія крысъ, она кунила въ антекѣ Еисартъ мѣшьяку.»

Тутъ рассказывается отправка въ Парижъ пироговъ и «странная фантазія» требовать, чтобы мужъ съѣлъ одинъ изъ нихъ въ извѣстный день. Марія Капсель, сказано въ актѣ, требовала, чтобы свекровь вложила въ ящикъ собственноручную записку съ извѣстіемъ, что она сама дѣлала упомянутые пироги. Потомъ, говорятъ, что маленькіе пирожки были замѣнены однимъ большимъ и первая болѣзнь Лафаржа приписывается тому, что онъ съѣлъ кусочекъ этого пирога.

«Въ это время, Марія Капсель рассказывала дознающимъ о какихъ-то мрачныхъ предчувствіяхъ. Мужъ написалъ, что страдаетъ мигренью и

это подало ей поводъ къ сильному безпокойству. Она скрываетъ болѣзнь свою отъ свекрови и собиралась ѣхать въ Парижъ подъ вымышленнымъ предлогомъ. Она посылала нарочнаго узнать, нѣтъ ли къ ней писемъ и все опасалась получить письмо съ черною печатью.

• Однажды, противъ обыкновенія, она встала изъ за обѣда и бросилась на встрѣчу принесенному письму, чтобы убѣдиться, не оправдалась ли ея предчувствія.

• Вотъ первые факты, которые судьямъ слѣдуетъ глубоко обдумать.

Возвратясь изъ Парижа, Лафаржъ слегъ въ постель; жена принесла ему разъ тридцатей, послѣ которыхъ съ нимъ сдѣлалась рвота и расстройство желудка «и съ этого времени не прекращались симптомы отравы». Марія Каппель не хотѣла, чтобы кто нибудь, кромѣ ея, ухаживалъ за больнымъ и старалась удалять изъ его комнаты всѣхъ родственниковъ. Болѣзнь усилилась и въ Марію стали замѣчать странную озабоченность. Она еще разъ послала прикащика Дени за мышьякомъ, поручивъ ему хранить это въ тайнѣ. Все это возбудило подозрѣнія семейства; послали къ аптекарю, который нашолъ, что въ соусѣ изъ яичнаго желтка есть мышьякъ и наказывалъ Лафаржу принимать пищу и пить только отъ вѣрныхъ людей. Отравленіе тѣмъ не менѣе продолжалось. Дѣвица Брѣтъ видѣла, какъ Марія Каппель принимала въ питье большого бѣлый порошокъ, который слѣдователи признали за мышьякъ; равно оказалась примѣсь мышьяка и въ остаткѣ яичнаго соуса. Марія Каппель, съ намѣреніемъ прибавляла въ питье для себя и мужа гумми-арабикъ, чтобы не подать подозрѣнія. Даже фланель, которой терли большого была посыпана мышьякомъ, что показало позднѣйшее изслѣдованіе. Такимъ образомъ, несчастный Лафаржъ умираетъ въ присутствіи преданныхъ ему людей и докторовъ, которые, удивляясь странному ходу болѣзни, не рѣшались еще обнаружить своихъ подозрѣній, такъ нечеловѣчна казалась имъ даже мысль объ убійствѣ мужа женою (не смотря на подозрѣнія, у нихъ не доставало духа удалить преступницу).

Призвали доктора Лесинаса, который открылъ Лафаржу причину его болѣзни. Тогда-то наступила минута отчаянія для семейства. На Марію Каппель смотрѣли съ ужасомъ; больной гналъ ее отъ своей постели и съ горькой улыбкой оттолкнулъ питье, поднесенное ею. Съ этой минуты, она уже не входила въ комнату мужа.

Вотъ главные факты, на которыхъ основывается обвиненіе, но вотъ еще одинъ, по мнѣнію судей, усиливающей вѣроятность преступленія:

• 12 декабря 1839 и 5 и 10 января 1840 года, Марія Каппель по-

купила мышьякъ, отъ чего и не отказывается, но утверждаетъ, что онъ былъ употребленъ или назначенъ для истребленія крысъ.

•Однакожь, найдена часть мѣсива, въ которой мышьяка не оказалось. Мышьякъ, купленный 10 января, Марія отдала служанкѣ Клементинѣ Серва, предупредивъ ее, что съ этимъ снадобьемъ надо какъ можно осторожнѣе обращаться. Служанка испугалась и зарыла пакетикъ въ саду, но когда потомъ откопали его, оказалось, что въ немъ не мышьякъ, а сода. Куда же дѣвался мышьякъ, купленный 10 января? •

•Смерть и страданія Лафаржа во время болѣзни, слѣды яда, найденные въ его желудкѣ, ясно показываютъ, какое употребленіе сдѣлано изъ этого мышьяка. •

Сообразно съ этимъ, Марія-Фортуна Каппель, вдова Лафаржъ, обвиняется въ отравленіи мужа своего Карла-Жозефа Лафаржа и подвергается наказанію за преднамѣренное убійство сообразно 301 и 302 статьѣ свода законовъ.

Наступило 2 сентября. Городокъ Тульль наполнился прѣзжими. Всѣ отелы были заняты свидѣтелями или просто зрителями процесса. Самые незначительные трактиры удостоились принять посетителей хорошаго тона; многамъ и вовсе не доставало мѣстъ, даже въ частныхъ домахъ. Съ пяти часовъ утра народъ толпился у дверей суда, хотя засѣданіе должно было начаться только въ половинѣ осьмага. Зала такъ быстро наполнилась, лишь только отворили двери, что почти не осталось мѣста свидѣтелямъ. Между зрителями, было множество дамъ.

Начался громкій говоръ и споры между представителями обѣихъ партій, но все замолкло, когда въ залу вошла блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. Г-жа Лафаржъ вошла съ опущенными глазами, но когда раздался всеобщій ропотъ, она подняла ихъ и окинула собраніе яснымъ взглядомъ, не утратившимъ своей силы во время заключенія. Когда читался обвинительный актъ, она была совершенно спокойна, только два раза, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось слишкомъ утвердительно о ея преступленіи, подняла глаза къ небу. Сухой и постоянный кашель мучилъ ее все время, въ рукахъ у нея былъ флаконъ, который она по временамъ нюхала.

Защитники подсудимой были поражены тѣмъ, что въ обвинительный актъ о преступленіи, вставили дѣло о брилантахъ, не смотря на рѣшеніе суда исправительной полиціи не поднимать этого дѣла раньше 20 сентября и дать время виновной представить свидѣтелей. По мнѣнію адвокатовъ, это было нарушеніемъ священнаго права защиты.

Кромѣ того, прежде допроса, государственный прокуроръ обя-

защиты ~~исполнить~~ дѣло, передъ судомъ, ясно, спокойно, безъ участія личныхъ мнѣній, а г. Деку произнесъ грозную, рѣшительную рѣчь. Она не только заслѣ въ нее обвиненіе въ кражѣ, вовсе не относящееся къ настоящему случаю, но въ каждомъ словѣ его, проступала какая-то особенная страстность. Изъ его рѣчи можно было заключить, что обвиненіе по дѣлу брилліантовъ гораздо важнѣе самаго преступленія. Выписываемъ вторую половину рѣчи, которую г. Деку называлъ простыми изложеніемъ фактовъ.

«Хотѣлъ бы я, милостивые государи, остановиться на этомъ, и безъ того уже длинномъ изложеніи, но съ присморгіемъ чувствую, что обязанъ выставить поведеніе этой женщиной въ новомъ, гнуснѣйшемъ свѣтѣ. Впрочемъ, она сама того хотѣла. Если бы вѣсто ~~бессознательной~~ защиты, которая сама по себѣ есть уже преступленіе, она призналась въ покражѣ брилліантовъ, я чувствовалъ бы сожалѣніе къ ея проступку и не прибавилъ бы ничего болѣе; но, кромѣ чувства долга и справедливости, которыя руководятъ мною въ эту минуту, въ душѣ моей возстаегъ голосъ чести и вѣрности. Я знаю, что воровство и убійство собственно не имѣютъ связи между собою, но на самомъ основаніи, почему я долженъ упоминать ихъ вѣстѣ.»

«Посмотрите, до какой степени испорчена натура подсудимой! Она была дружна съ молодой дѣвушкой, которая постоянно оказывала ей лѣтнѣйшее вниманіе и ласку; это была дочь швейцара Николаи. Чѣмъ бы вы думали? Она ее обокрала! Ее уличили въ воровствѣ, представили ясныя доказательства. Что оставалось дѣлать? признаться, сдать судьямъ: Не понимаю, какому пагубному влеченію я могла поддаться. Это было бы хотя сознание въ проступкѣ, но что вы сдѣлали, Марія Каппель! Нѣтъ примѣра подобнаго поведенію въ судебныхъ лѣтописяхъ, ни одного, гдѣ бы выказывалась такая смѣлость и дерзость. Хотѣлось бы вѣрить, что не сами вы изобрѣли его, что васъ руководили пагубныя совѣты!.. Но нѣтъ, всѣ эти факты записаны съ вашихъ словъ при допросѣ. Этотъ живыиъ рассказъ, будто вы получили брилліанты изъ рукъ самой г-жи Дево, подписаны вашей рукою!.. Существуетъ ужасное письмо, въ которомъ вы не только просите, но угрожаете этой молодой женщинѣ; вы напоминаете ей пріисшествія, которыя она будто бы забыла и исчисляете, одно за другимъ, обстоятельства, посредствомъ которыхъ вы собираетесь запятнать ея честь публично, передъ лицомъ цѣлой Франціи. О! вы возбуждаете во мнѣ ужасъ, Марія Каппель, и я бы съ болѣею снисходительностью смотрѣлъ на васъ, какъ только на преступницу. Послѣдній фактъ показываетъ всю чудовищность вашей природы: это что-то необъяснимое, невѣроятное!»

Такъ ли слѣдовало обращаться къ личности только подозрѣваемой въ кражѣ и передъ началомъ страшнаго процесса? Такия слова можно развѣ приложить къ осужденной?

Но все это кажется легким, въ сравненіи съ заключеніемъ рѣчи, съ которымъ г. Деку обратился къ присяжнымъ:

«Еще послѣднее слово: этотъ процессъ очень важенъ, быть можетъ, важнѣе всѣхъ, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ, придется разсматривать правосудію. Вы положились свято исполнить своей должности, а вы честные люди. Судьи Коррезы, вы, которыхъ я не знаю, но къ которымъ влечетъ меня чувство любви къ общей родинѣ, будьте дѣльны своей присягѣ! не сообщайте ни съ кѣмъ, не поддавайтесь ни какому впечатлѣнію, могущему измѣнить ваши убѣжденія, помрачить истиноту вашего приговора. Прежде всего нужно быть справедливыми, а справедливость не будетъ соблюдена, если вы поддадитесь увѣщанію лжи; старайтесь всѣми силами спасти женщину, для которой невозможно совѣстіе.»

Эти ужасныя слова раздались похороннымъ звономъ въ ухахъ присутствующихъ. Люди спокойные спрашивали себя, къ чему вести этотъ процессъ, если для подсудимой нѣтъ болѣе надежды, и приговоръ промзнесенъ заранѣе. Вотъ отвѣтъ г. Палье:

«Королевскій прокуроръ не удовольствовался тѣмъ, что включилъ въ обвинительный актъ дѣло, которое должно быть отложено и съ измѣреніемъ сгруппировалъ факты такъ рельефно, что тѣмъ падала на подсудимую, не представляя возможности возраженія. Вместо простого изложенія обвиненія, онъ развернулъ передъ нами цѣлую драму, ис- полненную ужасовъ и ораторскихъ восклицаній, а между тѣмъ, время оправдываться еще не настало... но наступить оно и придетъ наша очередь. Терпѣніе пока, потому что такъ нужно!»

Со стороны противной партіи противозаконно, во-первыхъ призваніе въ судъ семейства Леото и Николай и преднамѣренная отсрочка уголовного процесса; во-вторыхъ эта пристрастная рѣчь, въ которой такъ выхваляется одна сторона и такъ жестоко и унижительно говорится объ обвиненной. На это генеральный адвокатъ отвѣчалъ, что были употреблены *хитрости* для отсрочки уголовного процесса потому только, что видѣли какъ дѣло о брильянтахъ должно было отразиться въ этомъ процессѣ. Г. Деку утверждалъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, требовать свидѣтелей и привелъ въ примѣръ случай въ 1836 году, въ которомъ рѣшено было, что одни и тѣже свидѣтели могутъ быть выслушиваемы въ двухъ процессахъ противъ одной и той же личности, если она не была осуждена въ первый разъ.

Судъ присяжныхъ принялъ это мнѣніе и свидѣтели были допущены.

Вотъ самые замѣчательные отвѣты подсудимой. Назрѣвъ, вотъ какъ она объясняла свое первое письмо къ мужу:

«Дѣлаюся такому отчаянію, такъ мнѣ хотѣлось уѣхать, что я насакала тысячу нелѣпыхъ вещей... Войдите въ мое положеніе. Я уѣхала отъ родныхъ на другой день послѣ свадьбы, совершенно одна... Въ Орлеанѣ у меня была съ мужемъ непріятная сцена... потомъ, въ продолженіе всей дороги, я была очень несчастлива. Въ Гландѣ, вмѣсто прелестнаго жилища, о которомъ мнѣ столько толковали, я нашла голыя развалины. Я осталась одна, въ большой пустой комнатѣ, гдѣ предстояло провести цѣлую жизнь. У меня голова пошла кругомъ... Я задумала ѣхать на востокъ... Я передумала обо всемъ... Противоположность дѣйствительности съ ожиданіемъ подѣйствовала на мое воображеніе... Я была такъ несчастна, что отдала бы все на свѣтъ, чтобъ не быть въ этомъ положеніи.»

Президентъ спросилъ, что была за причина въ переměнѣ обращенія ея съ мужемъ впослѣдствіи. Отвѣтъ: Г. Лафаржъ оказывалъ мнѣ столько вниманія, былъ такъ добръ, что это меня тронуло. Я рѣшилась... исполнить въ отношеніи его свои обязанности, сдѣлать его счастливымъ. Потомъ, я стала заниматься доможь и мало по малу почувствовала уваженіе и расположеніе къ г. Лафаржу.

Предосторожности, принятые г-жею Лафаржъ въ письмахъ къ аптекарю о присылкѣ мышьяку, показались странными президенту. Г-жа Лафаржъ отвѣчала, что все это можетъ быть очень глупо, но что она не умѣетъ дать никакого другого объясненія.

Она увѣряла, что не вытирала платкомъ ложки, чтобъ уничтожить слѣды бѣлаго порошка; также, что не поручала Дени держать въ тайнѣ третью покупку мышьяка и что порошокъ, примѣшиваемый въ питье, былъ гумми-арабикъ. Ее стошнило послѣ того, какъ она попробовала питья, оттого что она въ то время страдала тошнотой. Говорила также, что у ней никогда не было бѣлой бабочки, о которой говорилось въ доносѣ, ктому же она уже давно не жила въ той комнатѣ, гдѣ нашли бабочку.

Относительно пакетика, зарытаго въ саду, она сказала, что приняла изъ рукъ Дени бумажку, въ которой долженъ былъ находиться мышьякъ и тотчасъ же отдала ее горничной. «Когда мнѣ сказали, что бумажка эта зарыта, я подумала, что это очень невыгодно для моего процесса. Чтоже касается до того, что мышьякъ не былъ положенъ въ тѣсто, а оказался въ питьѣ, то если бы я могла объяснить этотъ случай, меня признали бы невинной; къ несчастію, я не знаю причины, и потому махожусь здѣсь.» Въ аудіенціи 4 сентября допросъ по дѣлу о брилліантахъ былъ отложенъ, по причинѣ видимой слабости подсудимой. Тутъ генеральный адвокатъ почему-то выразилъ опасеніе, что смерть Лафаржа могутъ приписать кому-

нибудь изъ членовъ его семейства и указавъ на г-жу Корню, готовяго опровергнуть эти чудовищные слухи.

Когда призвали къ допросу мать Лафаржа, видъ этой женщины, удрученной горемъ и рассказывающей, хотя пристрастно, но съ истинной горестью подробности женитьбы и смерти сына, произвелъ сильное впечатлѣнiе. Рядомъ съ нею сидѣла та, которую она нѣкогда называла дочерью, а напротивъ стоялъ ящикъ съ брѣвными остатками сына. Конечно, рѣчь ея была энергичнымъ повторенiемъ того, что говорилось въ обвинительномъ актѣ. Всѣ мысли, всѣ поступки невѣстки, съ перваго вступленiя ея въ дошъ, объяснялись такъ, что виновность ея становилась очевидна. Последнiя слова старухи были встрѣчены всеобщимъ сочувствiемъ.

— Въ послѣднiя минуты Карлъ не могъ видѣть жены. Когда она подошла къ его постели, онъ взглянулъ на нее съ ужасомъ и глубоко вздохнулъ. Я не хотѣла покинуть моего бѣднаго сына; онъ звалъ меня до послѣдней минуты и наконецъ вскричалъ: подите, позовите... окончить онъ уже не могъ.

Тутъ бѣдная мать закрыла руками лицо и не могла продолжать отъ рыданiй.

Вслѣдъ за нею выслушали Анну Брѣвъ, и это было самое важное показанiе.

Анна Брѣвъ высказала всѣ подозрѣнiя и наблюденiя за обвиненной. Во время рѣчи, она часто останавливалась, какъ будто припоминавая, иногда не могла окончить фразы. Она утверждала, что г-жа Лафаржъ сама укладывала въ ящикъ пироги, что мышьакъ, который принесъ Дени, она положила сначала на каминъ, но на другое утро, Анна Брѣвъ видѣла пакетикъ въ ея коммодѣ. Былъ ли это тотъ же самый, она навѣрное сказать не могла, только изъ этого пакетика Мэриа всыпала ложечку въ вичный соусъ мужа и помѣшала пальцемъ. Когда отворили дверь, она поставила бокалъ на мѣсто. Я спросила, не клала ли она въ соусъ какого-нибудь успокоительнаго средства, она отвѣчала, что положила померавцовой воды.

— Но вы клали что-то другое? Она ничего не отвѣтила. Правда, что я сдѣлала вопросъ нѣсколько тише. Я подумала, что хотать дать г. Лафаржъ въ питьѣ какое-нибудь лекарство.

Потомъ, г-жа Лафаржъ давала мужу воды съ виномъ, отъ которой у него загло въ горлѣ; дѣвица Брѣвъ замѣчала слѣды бѣлаго порошка въ ящикѣ и на коммодѣ; она попробовала бѣлый порошокъ, который выдавали за гумми-арабикъ и нашла, что онъ щиплетъ языкъ и ишегетъ совсѣмъ другой запахъ. Я сообщила объ этомъ

Маріи, въ отвѣтъ на что, она всыпала порошокъ въ стаканъ и, кажется, выпила.

На все это обвиненная отвѣчала, что она нѣтъ привычку писать по утрамъ въ постель; что невѣроятно, чтобы она рѣшилась сдѣлать что либо могущее водить подозрѣніе, при свидѣтеляхъ, или оставила подозрительный порошокъ въ отпертомъ ящикѣ.

Генеральный адвокатъ согласился, что все это очень необыкновенно, но и подеулима необыкновенная женщина, Она не скрывалась, потому что не думала, что ее подозрѣваютъ; все впрочемъ объясняется ея смѣлостью.

Г. Палье возразилъ, что судя по доносу, личный желтокъ оставался въ комнатѣ цѣлыхъ четыре часа, и г-жа Лафаржъ не принимала никакихъ предосторожностей. Что бачочка оставалась также два дня въ единственномъ незапертомъ ящикѣ коммода. Чтобы показать, что за личность дѣвица Брэнъ, онъ представилъ ей письмо къ Маріи, въ которомъ она угрожаетъ, что станетъ всюду распространять ея портреты, если ей не отдадутъ денегъ за работу.

Одно изъ важныхъ обвиненій было со стороны Дени Барбье, прежняго прикащика на литейномъ заводѣ въ Гландь. Онъ рассказывалъ о частыхъ покупкахъ мышьяка, прибавивъ, что барыня сказала ему: «мы вмѣстѣ будемъ мѣсить тѣсто для крысъ; не надо говорить маменькѣ: она такая подозрительная».

На допросы г. Палье, Дени признался, что скрывалъ въ Гландь свое настоящее имя Барбье, потому что подъ этимъ именемъ онъ, по порученію Лафаржа, обдѣлывалъ сомнительныя дѣла.

Въ показаніяхъ онъ сбивался. Сначала объявилъ, что добровольно рассказалъ старой Лафаржъ о покупкѣ мышьяка, а нѣсколько спустя, сказалъ, что она его допрашивала.

У него спросили, какимъ образомъ дошолъ онъ до подозрѣнія; онъ отвѣчалъ, что по поводу еще перваго письма Маріи къ мужу, а между тѣмъ, не побоялся принести ей 64 грана мышьяку, когда она даже и не назначила количества. Спросили еще, не питалъ-ли онъ ненависти къ своей госпожѣ. Онъ поклялся честью, что нѣтъ.

На одной изъ слѣдующихъ аудіенцій, явился добровольный свидѣтель. Онъ жилъ въ одной квартирѣ съ г. Катрьюро, свидѣтелемъ, причастнымъ къ дѣлу и видалъ у него Дени. Разъ, Барбье съ ужасной ненавистью говорилъ о г-жѣ Лафаржъ; рассказалъ два нелѣпныхъ случая, будто изъ ея молодости и хвастался, что дастъ себя знать при допросѣ. «Я не могъ равнодушно слышать теперь его клятвы въ безпристрастіи», прибавилъ свидѣтель.

Катрьюро добровольно подтвердилъ истину словъ товарища. «Такъ вотъ каковъ свидѣтель! вскричалъ г. Палье. Онъ не только

кавещеть въ присутствіи судей, во разноситъ повсюду дьявольскія слухи!»

Послѣ этого восклицанія Дени скрылся.

Впоследствии Иванъ Барду, лэкей, показавъ, что Дени говорилъ ему послѣ смерти Лафаржа: «Я бы желалъ завѣзать въ куски эту женщину!»

Развѣ она ему что нибудь сдѣлала? спросилъ президентъ. — «Никогда! она была добрая барыня, я въ жизнь не видѣлъ лучшей. Тотъ-же Дени говорилъ мнѣ, что она дѣлала морща морща барыня.»

Президентъ. Не знаете ли еще чего?

И. Б. Когда Дени возвратился изъ Парижа, то хвасталъ, что онъ теперь хозяинъ въ Гландѣ, и всѣхъ насъ можетъ выгнать вонъ. Другіе слуги говорили почти тоже самое.

Самая интересная личность между свидѣтелями — Эмма Потье, молодая прелестная дѣвушка, одна изъ всего семейства не раздѣлявшая подозрѣній насчетъ Маріи.

Вотъ какъ рассказывала горничная ссору супруговъ въ Орлеанѣ: барыня была въ ваннѣ, когда баринъ началъ стучаться въ дверь. Я сказала, что нельзя войти, а онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ Гландѣ прекратятся всѣ эти глупости и что онъ дастъ себя знать.

Генеральный адвокатъ. Онъ имѣлъ полное право сказать это.

Г. Куаншонъ де Ботфоръ, отецъ первой жены Лафаржа, ведущій процессъ съ его семействомъ, показавъ, что дочь его была несчастлива въ замужествѣ; что Лафаржъ женился на ней, чтобъ заплатить долги; что онъ былъ грубъ, нечестенъ въ дѣлахъ и подверженъ припадкамъ первической болѣзни.

Г. Дюфуръ, священникъ въ Villiers-Hellon показавъ, что всегда зналъ Марію какъ благочестивую, добрую и безкорыстную, и что все селеніе охотно протестовало-бы противъ ея обвиненія.

Генеральный адвокатъ. Какъ же вы согласите всѣ эти добродѣтели съ страннымъ письмомъ, которое она писала мужу?

Аббатъ. Не знаю, позволено ли мнѣ будетъ выразить здѣсь, въ той же формѣ, мысль, которая мнѣ пришла въ то время въ голову. Я подумаю... Собака, которая лаетъ, не опасна.

Но главный вопросъ, былъ ли отравленъ Лафаржъ, все еще не рѣшался. Первые медицинскіе опыты подтверждали это предположеніе, но между экспертами не было ни одного авторитета.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, г. Массена, докторъ въ Бривѣ, имѣлъ разговоръ объ этихъ опытахъ съ г. Орфила. Мѣсяць спустя, когда въ числѣ изслѣдователей помѣстили имя этого ученаго, онъ письменно объявилъ, что не принималъ въ дѣлѣ никакого участія. Г. Палле

также обращался къ нему съ вопросами , на которые получилъ слѣдующій письменный отвѣтъ :

Парижъ, 20 августа 1840 года

Милостивый государь,

Вы спрашиваете, служить ли доказательствомъ, что есть мышьякъ въ жидкости, найденной въ пиццириемномъ каналѣ трупа для полученной посредствомъ кипяченія части этого канала въ водѣ, если ова дастъ желтый клочковатый осадокъ, растворимый въ аммоньякъ. Нѣтъ, милостивый государь. Всѣ медики-юристы согласны, что изъ этого осадка получается металлическій мышьякъ. Я настаивалъ въ своихъ сочиненіяхъ, что во всякомъ тѣлѣ есть извѣстная часть этого мышьяка.

Въ 1830 г. мы съ Баррюелемъ изложили въ третьемъ томѣ *Annales d'hygiène* судебное дѣло, въ которомъ вы найдете разрѣшеніе вашихъ вопросовъ. Слѣдователи, которыхъ бесполезно мазывать здѣсь, основывали подозрѣнія въ отравѣ на томъ только, что разлагая извѣстныя жидкости посредствомъ сѣрной виселоты, получили желтый, клочковатый осадокъ, растворяемый въ аммоньякъ. Мы доказали, что тамъ не было капли мышьяка и что это было вещество, заключающееся въ жолчи. Г. Шевалье объявилъ печатно, что съ 1830 г. два раза находилъ подобное вещество.

Примите увѣреніе и проч.

Орfila.

Это важное объявленіе совершенно уничтожало результаты перваго опыта. Необходимо было приступить къ переслѣдованію. Его поручили болѣе извѣстнымъ химикамъ. Половина органическихъ веществъ и подозрительныхъ жидкостей поручена была Дюбуа отцу съ сыномъ и Дюнойтрену. 5-го сентября, эти господа единодушно объявили, что вещества и жидкости, разложенныя по новѣйшему способу, въ особенности съ помощью аппарата Марча, не содержатъ ни одной капли мышьяка.

Это объявленіе произвело въ залѣ дѣйствіе электрическаго удара. Г-жа Лафаржъ съ благодарностью взглянула на небо, Лашо съ жаромъ схватилъ ея руку, а Шалье, тронутый до слезъ, вскричалъ: Восемь мѣсяцевъ напрасныхъ подозрѣній! Г-жу Лафаржъ вынесли безъ памяти.

Президентъ потребовалъ объясненія, почему такая огромная разница между первымъ и вторымъ изслѣдованіемъ и не хотѣлъ согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ. Рѣшили слѣдовать въ третій разъ и вырыть тѣло Лафаржа. Судъ утвердилъ это рѣшеніе, не смотря на протестъ защитниковъ.

8-го числа утромъ, вырыли совершенно испорченный трупъ Лафаржа. Опытъ производился въ залѣ суда, гдѣ пылало шесть печей, поставленныхъ полукругомъ и не смотря на это, запахъ былъ невыносимый.

9-го числа г. Дюпюитренъ донесъ отъ лица своихъ сотоварищей, что и во второй разъ не найдено признаковъ мышьяка.

При этомъ извѣстїи, зала огласилась рукоплесканїями. Обвинители впрочемъ не убѣждались. «Съ которыхъ поръ залъ правосудїа сдѣлался ареной пагубныхъ страстей!» спрашивалъ генеральный адвокатъ. *Развѣ думаютъ, что обвинители не найдутъ болѣе доказательствъ?* Берегитесь! подсудимая будетъ обязана вамъ только проволочкой этого тягостнаго дѣла.»

Послѣ этого, судъ долго совѣщался, назначить ли еще слѣдствїе. Хотѣли отложить дѣло до другого засѣданїя, но г. Палье рѣшительно возсталъ, объявивъ, что г-жа Лафаржъ при смерти и, вмѣстѣ одного, можетъ оказаться два трупа для изслѣдованїя. Тогда рѣшили, что Орфила, Девержи и Шевалье будутъ вызваны въ Тюль, для произведенїя опыта. 10-го генеральный адвокатъ держалъ рѣчь. Тонъ его значительно измѣнился. «Я до сихъ поръ былъ убѣжденъ въ виновности подсудимой, но послѣдніе опыты поколебали это убѣжденїе. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился еще на одинъ шагъ, потому что въ столь важномъ обвиненїи, нужно блистательное оправданїе. Обвинителя первые порадуются невинности подсудимой.

Тщетно г. Палье протестовалъ противъ новаго слѣдствїя, котораго судъ вѣрно бы не допустилъ, еслибъ его требовала подсудимая, при худшихъ обстоятельствахъ.

При второмъ изслѣдованїи, разсматривались также вещества, казавшіяся подозрительными:

Личный желтокъ, по мнѣнїю г. Дюбуа, содержалъ въ себѣ много мышьяковой кислоты. Тѣмъ, что осталось на днѣ бокала, можно отравить десять человѣкъ. Немного мышьяку найдено также и въ пятнѣ.

Орфила пригласилъ съ собою гг. Оливїе и Бюсси, своего обыкновеннаго сотрудника, такъ что изслѣдованїе дѣлалъ собственно онъ одинъ. 13 числа, эти господа прибыли въ Тюль и, въ тотъ же вечеръ, приступили къ дѣлу, которое и окончили на слѣдующее утро.

Въ то время, какъ Орфила собирался говорить, вся зала напряженно молчала.

«Я раздѣлю на четыре пункта то, что имѣю сказать, началъ онъ.

1) Я докажу, что есть мышьякъ въ тѣлѣ Лафаржа.

Подъ этимъ заявствіемъ всѣ содрогнулись.

2) Что этотъ мышьякъ не происходитъ ни отъ реактивовъ, которые мы употребляли, ни отъ земли, въ которой лежало тѣло.

3) Что этотъ мышьякъ не есть тотъ, часть котораго должна находиться въ человѣческомъ тѣлѣ.

4) Наконецъ, что не трудно объяснить противорѣчіе результатовъ, между моими и предшествующими изслѣдованіями.

Въ тѣлѣ Дафаржа есть мышьякъ, потому что часть желудка, жидкости въ немъ въведенныя и рвота, обугленныя вмѣстѣ, посредствомъ селитряной кислоты и пропускаемыя сквозь аппаратъ Марча (Marsh) произвели небольшое количество мышьяка.

Другой опытъ надъ грудной полостью, желудкомъ, печенью, сердцемъ, кишечнымъ каналомъ и мозгомъ тоже далъ изрядное количество мышьяка. Часть тѣла, не обращенная въ пещель, произвела большее количество мышьяка.

Мышьякъ, остатки савана, земля, взятая снизу и сверху гроба не произвели мышьяка.

Мышьякъ этотъ не произошелъ отъ употребленныхъ, при опытахъ, реактивовъ, потому что эти самыя реактивы были уже употреблены слѣдователями въ Тюллѣ, а тогда мышьяка не было найдено. Селитряная кислота была дистиллирована азотной кислотой на серебрѣ, значитъ въ ней не могло быть мышьяка. Въ могильной землѣ его тоже не было, да и гробъ вынуть изъ нея совершенно дѣлать.

Остается узнать, произошелъ ли этотъ мышьякъ изъ извѣстнаго количества, который долженъ находиться во всякомъ человѣческомъ тѣлѣ?

Говорили, и теперь я самъ убѣдился посредствомъ опытовъ, что въ костяхъ человѣка и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, заключается небольшое количество мышьяка, но доказано также, что тѣми средствами, которыми мы можемъ располагать, никогда еще не было добыто мышьяка изъ желудка, печени, селезенки, спинного хребта, сердца и легкихъ человѣка. Наши опыты производились не надъ костями, а надъ внутренними органами, слѣдовательно, добытый нами мышьякъ не есть обыкновенно находящійся въ тѣлѣ.

Чтоже касается до различныхъ результатовъ, полученныхъ при разныхъ изслѣдованіяхъ, то они могутъ быть объяснены случайностями, напримеръ тѣмъ, что лопнуло стекло въ трубкѣ или слишкомъ малая часть вещества взята была для опыта. Второе изслѣдованіе гг. Дюбуа и Дюпюитрена производилось надъ несравненно меньшимъ количествомъ вещества, нежели въ первый разъ и притомъ, аппаратъ Марча, какъ новѣйшее изобрѣтеніе, не вполне еще изу-

ченъ всѣми; сегодня, напр. когда уже была получена часть мышьяка изъ одной жидкости, мы вдругъ перестали получать ее; это могло произойти отъ слишкомъ усиленнаго жара, оттого, что тарелку держали слишкомъ далеко или близко, оттого, что открыли дверь и пламя приняло другое направленіе и проч...

Неудивительно, что произволя опытъ надъ такимъ малымъ количествомъ вещества, не получали должнаго результата. Отдавая полную справедливость познаніямъ гг. слѣдователей, я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь сказать, что вещества было слишкомъ недостаточно и аппаратъ Марча подвергнутъ слишкомъ сильному дѣйствию жара, отчего улетучилось полученное количество мышьяка.

Во всемъ этомъ, я не вижу противорѣчія съ нашимъ теперешнимъ опытомъ.

При второмъ изслѣдованіи, не были обращены въ пепель оставшіеся куски тѣла, а въ этихъ-то обугленныхъ остаткахъ и оказался теперь мышьякъ.

Способъ, которому слѣдовали мои предшественники, указанъ многими авторами, но онъ не есть лучший, въ чемъ, конечно, не ихъ вина. Теперь, по этой части, сдѣланы новыя открытія; прежде, не обращали вниманія на то, что животныя вещества такъ упорно удерживаютъ мышьякъ, что его трудно выкипятить, почему, во многихъ случаяхъ, присутствіе его ускользало отъ глазъ изслѣдователей.

Такимъ образомъ все измѣнилось. Наука оправдала было подсудимую и таже наука вновь осуждала ее! Въ одинъ этотъ день, волосы г-жи Лафаржъ побѣлѣли. На слѣдующія аудіенціи, ее уже приносили въ креслахъ.

Пренія кончились: всѣ съ трепетомъ ждали рѣшенія. Въ аудіенціи 17 сентября, генеральный адвокатъ Деку сказалъ слѣдующее:

«Господа судьи, время дорого, мы всѣ должны желать окончанія этого процесса. Дѣло правосудія идетъ медленно, потомучто подсудимая пользуется выгоднымъ общественнымъ положеніемъ и находитъ симпатію и защиту въ этихъ стѣнахъ. Вы сами были свидѣтелями, какъ не смотря на ваше присутствіе, раздражались здѣсь бурныя страсти и выражалось скандальное участіе. Пора покончить. Послѣ подобныхъ преній, уничтожается энергія духа и тѣла, но такъ какъ намъ предстоитъ святая обязанность уличить злодѣйство, отъ котораго содрогается цѣлое человѣчество, у насъ найдутся силы и мужество.

«Не смотря на все волненіе пагубныхъ страстей, происходящее предъ вашими глазами, на всѣ изъявленія такого страннаго сочувствія, вы не измѣните своему долгу, не правда ли? Помните, что вся Франція смотритъ на васъ; не забудьте, что это вопросъ о чести, достоинствѣ, нравственности, который будетъ обсуживаться во всей Европѣ!»

• Да, ма не забывайте чтобы сказали, что вѣсы правосудія ослабли въ вашихъ рукахъ.

• Сегодня говорила наука; она сказала свое послѣднее слово, и это слово есть приговоръ; это слово есть осужденіе. Вы видѣли, какое глубокое, страшное дѣйствіе произвело оно въ этомъ собраніи.

• Но скажутъ, что количество мышьяка въ тѣлѣ Лафаржа такъ мало? Какое до этого дѣло! Нужно ли возвращаться къ тѣмъ положительнымъ доказательствамъ, которыя мы имѣемъ? Отрицать новый фактъ, пріобрѣтенный сегодня, значитъ отрицать науку! Лафаржъ отравленъ. Кто же могъ отравить его, если не эта женщина, авторъ ужаснаго письма въ первые дни замужества? Еще тогда вырывались у ней слова объ отравѣ и преступленіи. Послѣ примиренія, Лафаржъ былъ уже обреченъ на смерть. Корысть конечно руководила убійцу, но главной цѣлью было избавиться отъ ласкъ ненавистнаго человека.

• Не скажете ли вы, Марія Каппель, что мать подлила яду своему сыну? О, если когданибудь придетъ вамъ эта мысль, бойтесь гнѣва суда; берегитесь, чтобы это не принудило его къ большей строгости. Вы, Марія Каппель, отравили своего мужа; цѣлыя двѣ недѣли вы покупали ядъ, много яду. Недостаточно говорить, что вы невиноваты, укажите того, кто подмѣнилъ пирогъ, назовите употребленіе огромнаго количества мышьяка, который вы покупали.

• Я смотрю на это обвиненіе не просто, какъ на уголовное дѣло, но какъ на вопросъ о равенствѣ передъ закономъ. Нужно, чтобы правосудіе было для всѣхъ одинаково; вы не допустите, чтобы сказали, что судьи обнаружили слабость при осужденіи подобной женщины, тогда какъ не задумались бы произнести приговоръ надъ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ преступникомъ.

• Выбирайте. Я съ своей стороны не хочу брать на себя отвѣтственности. Я буду стоять за честь и правду и надѣюсь, что вы также послѣдуете моему примѣру.

Послѣ этой рѣчи, засѣданіе прекратилось и началось только вечеромъ. Г-жу Лафаржъ внесли въ креслѣ, совершенно болъную и слабую.

Рѣчь г. Палье :

• Милостивые государи,

• Во время восьмимѣсячнаго ужаснаго заточенія, единственной отрадой подсудимой было слышать, передъ судомъ, голосъ одного защитника, а между тѣмъ ей приписываютъ какихъ-то сильныхъ покровителей, которыхъ однакожъ не назвали. Странная забота для государственнаго прокурора, притомъ такъ ясно опровергаемая дѣйствительными фактами! Пока г-жа Лафаржъ одиноко томилась въ темницѣ, сколько слуховъ распустило о ней, сколько романическихъ, ложныхъ, сенсационныхъ рассказовъ облетѣло цѣлую Францію! Сколько оскорбленій, направленныхъ на болъную, беззащитную женщину! Увы, само

правосудіе, въ которомъ мы признали исцѣлыя споры, уклонилась на этотъ разъ отъ своего серьезнаго, благороднаго пути, чтобы дѣлать большую пищу предубѣжденіямъ. Нужно имъ говорить о преждевременныхъ сѣяніяхъ, о самыхъ важныхъ бумагахъ, которыя каждый могъ читать, о ложномъ изданіи обвинительнаго акта, известнаго вельичкѣ пѣлей Фрайдіи, но и Европѣ, прежде нежели прочитаемъ его подслушанной.

Общее движеніе въ присутствіи.

• Говорятъ о сильныхъ вліяніяхъ!.. Напротивъ, я имѣю право указать на нихъ противной партіи и всѣмъ справедливымъ и безпристрастнымъ лицамъ. Вотъ какъ успѣли поселить предубѣжденіе даже между вами, господа присяжные!

• Предубѣжденіе — опасный врагъ правосудія и истины. Одинъ изъ важнѣйшихъ нашихъ чиновниковъ, также королевскій прокуроръ д'Агессо, называлъ предубѣжденіе заблужденіемъ истины, осмѣлюсь даже сказать, преступленіемъ честныхъ людей. Потому, вотъ что онъ прибавляетъ: «Мы и сами не подозреваемъ, какая рѣкая добродѣтель не имѣть лицепріятія; но одной ее все-таки недостаточно для судьи».

• Тѣ, кого онъ называлъ тогда судьями, теперь наши присяжные. Будемъ же продолжать съ Монтескье:

• Во всякомъ дѣлѣ уже кроется предубѣжденіе: все зависитъ отъ перваго взгляда на него; часто мы о дѣлахъ судимъ, какъ и о людяхъ, по первому впечатлѣнію. А между тѣмъ, отъ этого перваго впечатлѣнія зависитъ иногда вопросъ о жизни и смерти. Какъ же должны мы остерегаться его ужасныхъ послѣдствій; иногда собирается цѣлая фаланга случайностей, какъ бы нарочно клявшихся къ погибелю несчастнаго, цѣлая толпа нѣмыхъ, но опасныхъ свидѣтелей. Судья предубѣжденъ, онъ увлечается своимъ гнѣвомъ, ревностью къ истинѣ; изъ судьи, онъ дѣлается обвинителемъ и перестаетъ видѣть законныя доказательства, отыскивая только средства къ обвиненію. Непредвидѣнный случай открываетъ внослѣдствіи невинность и уничтожаетъ признаки, ослабившіе ложнымъ свѣтомъ глаза судьи. Истина выходитъ наконецъ наружу, но уже поздно; кровь жертвы уже вопіетъ о мщеніи: судья предстоитъ цѣлая жизнь бесполезнаго рамашиа...

• Монтескье какъ будто предвидѣлъ процессъ Лафаржъ.

• Но перейдемъ къ дѣлу:

• Каково было положеніе Маріи Капель до замужества?

Тутъ г. Палье взложилъ все рассказанное нами выше и призналъ всѣмъ какъ писемъ отъ лицъ, знавшихъ ее съ малолѣтства:

Вотъ напр. письмо маркиза де Морне отъ 26 августа 1840 года:

..... Теперь, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, я рѣшаюсь подтвердить что дѣвица Капель приобрѣла право на всеобщее уваженіе и любовь, какъ за престоинную преданность своимъ родственникамъ, тѣмъ и въ

чувство надежды, но къ всему окружающему. Ея прекрасныя качества не допускаютъ и мысли о приписываемомъ ей злодѣйствѣ къ угбѣ дѣлъ безпримиримыхъ людей...

• Вотъ письмо маршала Жерара :

« Я получилъ письмо, милостивый государь, въ которомъ вы обращаетесь къ моимъ воспоминаніямъ о личности женщины, защищавшей меня съ такою неутомимымъ постоянствомъ.

• Съ душевнымъ прискорбіемъ улышалъ я о войдѣ ужасныхъ обвиненій, собирающихся, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, надъ мною невѣстной; какъ старый другъ ея семейства, я искренно горюю отъ ея бѣдствій, но домогаю сильную надежду на вашу защиту. Марія Каппель, въ то время, какъ я зналъ ее въ дѣлѣ моемъ спрощенъ, была одарена многими прекрасными качествами: Она была кроткого, вѣрнаго характера, всегда готова оказать услугу каждому. Когда въ послѣдствіи она переселилась къ своему дѣду, то ухаживала за этимъ старикомъ съ истинною дочернею нѣжностью. У ней было много друзей и слуги всегда были ей преданы.

• Дай Богъ, чтобы старанія ваши увѣнчались успѣхомъ; это исчерпана желаніе преданнаго вамъ.

• Вотъ руки какой дѣвушки искалъ г. Дафаржъ, выдавая себя за богача, тогда какъ состояніе его такъ было разстроено, что онъ прибѣгалъ къ выдачѣ фальшивыхъ денегъ.

• Посмотрите, съ какими чувствами вступала въ бракъ жевѣта. Въ объявленіи сказано, что она горючилась дѣвужествомъ, и вотъ опроверженіе въ одномъ изъ ея писемъ изъ г. Эльморъ, другу ея семейству, за день до свадьбы.

«...Хочу сообщить вамъ важную новость, добройшій г. Эльморъ, новость, которая удивитъ васъ столько же, сколько удивляетъ меня самое. Я, такая осторожная, такъ обдумывающая заранѣе дурную сторону всякой вещи, я выхожу замужъ, что размыслена, на почтовыхъ. Вы сразу я видѣла у Мюара одного господина; я ему понравилась, онъ мнѣ не очень. Въ четвергъ его представили тетущкѣ; онъ былъ столько внимателенъ, что поврадовалъ мнѣ нѣсколько болѣе. Въ пятницу онъ сдѣлалъ формальное предложеніе; въ субботу я не сказала ни да, ни нѣтъ, а въ воскресенье, сегодня, печатается оглашеніе о нашей свадьбѣ!..

• Я задыхаюсь отъ множества разнородныхъ чувствъ.

• Все полночено... Вотъ что я могу вамъ сказать о моемъ женихѣ: г-ну Дафаржъ двѣдцать восемь лѣтъ, онъ дуренъ собой, съ угловатыми манерами, но съ прекрасными зубами и добродушной физиономіей. Онъ пользуется прекрасной репутацией, имѣетъ литейный заводъ въ 130 лье отъ Шариша и очень хорошенькое помѣстье, на сколько я могу судить по плану. Каждый годъ онъ будетъ приѣзжать въ Шаржъ по дѣламъ. Желая онъ замуженъ, что мнѣ очень пріятно; онъ любитъ лошадей. Въ половинѣ лье отъ Главды есть конскій заводъ, на которомъ назначены скачки 17 августа, потому-то мы и торопились свадьбой!..»

«Вотъ письмо болѣе интимное къ Урсулѣ Дюранъ, старому другу семейства Каппель.

«Добрая моя Урсула, цѣлую тебя и сестру и надѣюсь, что оба вы радуетесь моему счастью. Мой мужъ не красивъ, но очень добръ; онъ обожаетъ меня и старается окружать всею возможною вниманіемъ. Такъ какъ вблизи его имѣнія будутъ скачки, балы и разныя увеселенія, то онъ упросилъ меня сыграть свадьбу раньше 12 часа и я обѣщала... Не забудь купить мнѣ шляпу. Будущій мужъ мой страстный охотникъ до верховой ѣзды; у него двѣ верховыя лошади и пара каретныхъ. Онъ подарилъ мнѣ прекрасную зеленую амазонку! (Эта амазонка была съѣдена крысами въ Гландѣ и подала поводъ къ докупкѣ мышьяку).

«У меня есть рисунокъ моего прекраснаго маленькаго замка; тамъ есть садъ, рѣка протекаетъ подъ самыми окнами; величиной онъ будетъ съ Villiers Hellon.

«Г. Лафаржъ любитъ общество; у него часто бываютъ гости; вы прїѣдете ко мнѣ, неправда ли? Это будетъ очень полезное путешествіе для здоровья, а я буду такъ счастлива возможностью принимать у себя людей, которые такъ хорошо принимали меня самое. Какимъ кофеемъ, я угощу Марию: если она не скоро прїѣдетъ, мы ссоримся на вѣки.

«Мнѣ купили прекрасный ройаль, который поѣдетъ въ Гландѣ ожидать свою хозяйку. Не правда ли, какая милая внимательность? Когда я сказала, что охотно беру ванны, онъ тотчасъ поспѣлъ въ Гландѣ, чтобъ къ моему прїѣзду приготовленъ былъ будуаръ съ ванною. Во всемъ-то онъ такъ добръ; стоитъ мнѣ пожелать чего-нибудь, чтобъ это немедленно исполнилось. Мое замужество не въ примѣръ другимъ; каждый день узнаешь что нибудь лучшее, или о характерѣ, или о состояніи.»

«Все это конечно мелочи, но доказывающія, что Марія Каппель выжила замужъ безъ всякой задней мысли и что тутъ не было никакой другой любви.

«Обвинители указываютъ на письмо 15 августа, какъ на что-то чудовищное, находятъ въ немъ всевозможныя пагубныя страсти. Письмо, правда, странно, но всѣ романтическія выдумки въ немъ опровергаются фактами. Это роль временнаго помѣшательства, оправдываемаго обстоятельствами.

«Нѣсколько дней спустя, г-жа Лафаржъ писала своей теткѣ г-жѣ Гара и, повѣряя ей свое разочарованіе, прибавила: «Я находилась въ необъяснимомъ состояніи цѣлыя сутки, но всѣми силами старалась выдаться въ свое положеніе. Но наружности оно невыносимо; нарочито съ терпѣніемъ, силою воли и привязанностью мужа, можно еще изъ него выйти. Я добровольно покорилась своей участи...» Пролѣтѣвъ жванъ супруговъ, защитникъ всюду находитъ доказательства шепрѣтворнаго мира и дружбы.

«2 сентября Марія пишетъ къ г-жѣ Гара:

... Когда опуститъ мои глаза, чувствуетъ только то, что в ту минуту, однимъ словомъ, совершенно измѣнился, въ чемъ признается самъ двадцать разъ въ день. Что можетъ быть отраднѣе, какъ чувствовать себя любимой человѣкомъ сильнымъ, сознавать, что есть на него опираться въ случаѣ горя. Мы провели два дня въ Тюльѣ. Жена профессора была ко мнѣ чрезвычайно внимательна. Ты не знаешь, какъ меня адѣсь бадюють; я тоже стараюсь не оставаться въ долгу и, кажется, успеваю; мужъ мой отъ этого въ восторгѣ, семейство его довольно и гордится мною; они называютъ меня благословеніемъ Божиимъ и я не знаю, какъ отплатить имъ за всѣ ласки.

Г. Эльморъ 2 октября:

...Мое новое семейство удивительно хорошо со мною; но имѣ внимательны, даже предупредительны. Наконецъ я въ своемъ домѣ любима, счастлива, спокойна.

Всѣ отвѣты, найденные въ бумагахъ подсудимой въ Гландѣ, писанные лицами, заслуживающими полнѣйшаго довѣрія, доказываютъ, что г-жа Жафаржъ всѣмъ повѣряла свое семейное счастье.

Изъ писемъ Жафаржа видно, что онъ просилъ жену искать покровительства въ дѣлѣ о привилегіи, такъ что она занималась дѣлами, по его же порученію. Въ обвиненіи сказано, что пироги отправлены въ Парижъ, тотчасъ по полученіи Жафаржемъ привилегіи; новое забаужденіе! Не только 13 декабря, но и 20-го Жафаржъ не имѣлъ еще этой привилегіи. Пироги были подиѣнены, но чѣмъ вы докажете, что это сдѣлано въ Гландѣ, а не дорогой? Изъ Гланды ящикъ посланъ заколоченный гвоздями, а полученъ запертымъ небольшими крючками.

Ставятъ въ укоръ женѣ, что ее беспокоила болѣзнь мужа; что же сказали бы, еслибъ она осталась къ ней равнодушна? Правда, это женщина исключительная, эзальтированная, но не убійца!..

18 сентября, г. Палье говорилъ о показаніяхъ:

• Кто же свидѣтели? Мать, которая по закону не имѣла права быть свидѣтелемъ. Эта женщина, у неостывшаго еще трупа сына, забираетъ его бумаги, осмѣливается вскрыть завѣщаніе.

• Анна Брѣтъ, дѣвушка истерическаго темперамента, показанія которой основаны на собственныхъ соображеніяхъ, болѣе чѣмъ на фактахъ.

• Дени, поддѣлыватель векселей, питающій глубокую ненависть къ подсудимой.

• Такъ вотъ этотъ процессъ, которому общественное положеніе подсудимой, собраніе странныхъ случайностей, письмо и злонамѣренные слухи, дали такую небывалую огласку!

• Я рассмотрѣлъ его, изучилъ хладнокровно, систематически, со всею добросовѣстностью. Чтожъ вышло? Всѣ важныя доказательства, разсматриваемыя въ массѣ и издали, уничтожились и блѣднѣли по мѣрѣ

приближенія къ жизни. Вы сами видите, что что еще нѣсколько вамъ оставалось, но числомъ событій: нѣтъ, эта женщина не была и не могла быть жива.

«Это одно вы еще можете для нея сдѣлать, потому что вамъ не возвратитъ уже ей разбитой, уничтоженной жизни; никто изъ свѣтъ не отдастъ ей потеряннаго счастья. Да и было ли оно въ ея жизни?»

«Она осталась сиротою, не съ извѣстными именами, безболѣзненно; но недостаточнымъ состояніемъ; воспитаніе ея даже превосходное; личность ея вполнѣ заслуживала счастья. Явился Лафаржъ... Я не хочу оскорблять его память: сама обвиненная не допустила безъ этого, но, вы знаете, какимъ образомъ получилъ онъ ея руку, въ какомъ положеніи находились его дѣла. Итакъ, явился Лафаржъ и съ нимъ, честь, состояніе, надежда, будущность, даже здорѣвье, все погибло!»

«Господа, всего этого вамъ не возвратитъ ей, но сдѣлайте хотя то, что еще въ вашихъ рукахъ. Возвратите ету болѣзную, слабую женщину нѣжкимъ жопеченіемъ ея родни. Посмотрите, что стало съ етими дѣтскими, молодымъ созданіемъ? Сами врачи ея должны почувствовать состраданіе!»

«Мужайтесь, бѣдная страдалица! пусть Провидѣніе, поддерживавшее вашу силу во время этихъ тяжкихъ дней, не оставитъ васъ и въ эту минуту. Нѣтъ, вы будете жить для любящаго васъ семейства, для вашихъ многочисленныхъ друзей; вы будете жить также для судей вашихъ, какъ живое доказательство справедливости людскаго суда, когда онъ въ рукахъ людей просвѣщенныхъ, честныхъ, человѣколюбивыхъ!»

По окончаніи аудіенціи, подсудимую унесли безъ чувствъ въ тюрьму, откуда она написала своему защитнику слѣдующія строки:

«Мой благородный защититель, посылаю вамъ вещь, драгоценнѣе которой нѣтъ для меня на свѣтъ; это орденъ моего отца.» (*)

Наконецъ пренія кончились. Президентъ спрашиваетъ, не имѣютъ ли сказать еще чего-нибудь и обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ самой подсудимой.

Г-жа Лафаржъ, съ трудомъ приподнимаясь съ кресла, произнесла слабымъ голосомъ: Г. президентъ, клянусь вамъ, что я невинна (всеобщее волненіе).

Президентъ. Я не слышалъ...

Г. Бакъ. Подсудимая сказала: клянусь вамъ — я невинна (многіе изъ присутствующихъ плачутъ).

Президентъ провѣряетъ всѣ пренія, обращается къ судьямъ и предоставляетъ имъ рѣшить вопросъ слѣдующаго содержанія:

«Виновна ли Марія Капнель, вдова Карла Лафаржа, въ умерщвленіи»

(*) Въ этой запискѣ видна — вся французскія.

ни своего мужа министерского дома въ концѣ декабря и началъ января текущаго года?»

Подсудимую вывели; судьи ушли; въ три четверти восьмого они возвратились въ залу совѣщаній. Черезъ часъ вышла она въ залъ общаго присутствія, гдѣ царствовало гробовое молчаніе. Главный юри проницатель произнесъ слѣдующее :

«Да, по большинству голосовъ, подсудимая виновна (общее движеніе, восклицанія).

«Да, по большинству голосовъ, есть смягчающія обстоятельства въ пользу подсудимой».

Тогда стояла въ молчаніи. Президентъ приказалъ вывести подсудимую, но г. Палье, встревоженный, съ явнымъ усиленіемъ хотѣ только произнести, что состояніе г-жи Лафаржъ не позволяетъ ей явиться. Судъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ о рѣшеніи было объявлено ей чрезъ экзекутора и, послѣ часового совѣщанія, произноситъ слѣдующій приговоръ :

«Марія Каппель, вдова Лафаржъ, осуждается на вѣчную каторжную работу и на выставленіе къ позорному столбу на площади города Тюль». Надо было сообщить это рѣшеніе Маріи. Г. Лашо поручена была эта тягостная обязанность. Онъ вошелъ въ тюрьму, протянулъ къ осужденной руки, не говоря ни слова... Она повала все, приподнялась судорожно, съ словами :

«Я хочу идти въ присутствіе, еще разъ объявить, что я невинна или выразить все презрѣніе къ этимъ подкупленнымъ судьямъ!» но силы ее оставили и она упала безъ чувствъ. Говорятъ между прочимъ, что г. Браудель, главный юри, объявилъ, отправляясь въ Тюль, «что никакія пренія не убѣдятъ его въ невинности г-жи Лафаржъ и что онъ непременно подастъ голосъ въ пользу ея осужденія.»

Другой присяжный, г. Терриу, не побоялся сказать въ одномъ кафѣ : «Я бы очень желалъ, чтобъ химики открыли ядъ въ тѣлѣ Лафаржа».

Г. Пюзане объявилъ, «что рѣшился осудить, во что бы ни стало».

Дунсолъ сказалъ : «Пусть Орфила ничего не откроетъ, она все-таки будетъ осуждена».

Наконецъ, когда Орфила нашла признаки мышьяка, г. Шанбовъ писалъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, прося совѣта, какъ поступать. Нужно положиться на рѣшеніе г. Орфила, окончательно судьи въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ родственникъ.

Общественное мнѣніе протестовало противъ заключеній Орфи-

дальше уже точно не соглашалась съ его выводами. Замысливши подумать обратится къ извѣстному ученому Распайлю.

Въ четвергъ, 17 сентября, Бадо Ларибьеръ, молодой адвокатъ въ Лиможѣ, былъ посланъ къ Распайлю съ просьбой отъ г. Бада и съ письмомъ отъ родулиной.

• Я невинна и очень несчастна, милостивый государь, говорилось въ письмѣ. Я страдаю и жду спасенія отъ вашихъ познаній, отъ вашего сердца!

• Два химическихъ изслѣдованія возвратили было мнѣ надежду; явилась г. Орфила, и я снова погрузилась въ пропасть.

• Надѣюсь на васъ, м. г.; поддержите свою ученостью бѣдную жертву клеветы; спасите ту, которую всѣ оставляютъ.

Марія Лаваржъ.

Распайль сначала отказывался, говоря, что имя его можетъ только повредить лѣлу, потомучто извѣстны его прежнія несогласія съ г. Орфила. Его можетъ быть даже не допустить высказать своего мнѣнія, но Бадо Ларибьеръ настоялъ.

13 сентября посланные прибыли въ Лиможъ; нужно было промѣшкать, потомучто Распайль заболѣлъ лихорадкой; въ одиннадцать часовъ вечера, они были наконецъ въ Тюллѣ.

Толпа обступила карету, съ криками: Вы ее погубили, она осуждена на вѣчную каторгу!.. Это будетъ на вашей совѣсти.

Мы знаемъ однакожъ, что это было не по винѣ ученаго: онъ проѣхалъ 120 лѣ въ сорокъ часовъ, по гористымъ дорогамъ и въ страшную погоду.

Вотъ что рассказываетъ о Маріи Капель самъ г. Распайль.

— Я видѣлъ ее на слѣдующее утро. Всѣ, даже тюремщики, интересовались ея судьбою. Родные были при ней каждую минуту; посторонніе ежеминутно приходили справляться на дворъ тюрьмы. У меня не было недостатка въ вожатыхъ; я переходилъ съ рукъ на руки, до самыхъ ея дверей.

Марія хотѣла говорить со мною наединѣ, и потому я выждалъ, когда уйдетъ ея семейство. Мнѣ бы хотѣлось сказать передъ лицомъ всѣхъ свое мнѣніе, но воля осужденной священна: я покорился, безъ возраженія.

Она была больна, въ постелѣ, съ пестрыми занавѣсками, раздѣлявшими комнату на двѣ половинны; въ первой помѣщалась ея горничная, не хотѣвшая покинуть госпожи своей въ горѣ. Кажется примѣръ этой женщины имѣлъ вліяніе на всѣхъ друзей Маріи Капель: почти всѣ оставались ей вѣрны въ несчастіи. Сохрани Богъ ея здоровье! Въ ея умѣ и сердцѣ есть многое, что оправдываетъ ее

въ общественномъ мнѣніи, даже безъ посторонней помощи. А оправданіи она жаждетъ больше чашо, чѣмъ свободы.

«Я былъ тронутъ (я старъ и уже мнѣо звучать, это произведеніе чувства не можетъ быть произведено увлеченіемъ), я дѣлалъ всё увидя, чтобъ остаться холостымъ, какъ подобаетъ хищнику, а кончилъ свое свиданіе словами утѣшенія. Марія Каппель не притворно религіозна, это подтверждаютъ всё ея близкіе.

«Слезы душили больную, я долженъ былъ выйти. Она прислала мнѣ сказать, что мое посѣщеніе возвратило ей часть надежды, которую она совсемъ было утратила и что у ней однимъ другомъ больше.

«Выходя изъ тюрьмы, я спрашивалъ себя, неужели я говорилъ съ г-жею Лафаржъ; даже и теперь мнѣ трудно произнести это имя: передъ глазами моими рисуется образъ Марія Каппель.

«Я видѣлъ г-жу Лафаржъ больною, удрученною горемъ, но прежде, она вѣроятно, была прелестная дѣвушка. Черты лица ея неправильны, но чрезвычайно оживлены и выразительны. Взглядъ ея, даже сквозь слезы, не терялъ своей силы, и повято какое впечатленіе производилъ онъ въ лучшее время. Говорятъ, одинъ только королевскій прокуроръ остался неумолимъ къ г-жѣ Лафаржъ, но и онъ былъ тронутъ произноса приговора.

«Марія блѣдна, у ней густые черные волосы. Въ тюрьмѣ, она не показала мнѣ знатной дамой, и я не смѣшался въ ея присутствіи. Говорятъ впрочемъ, что и прежде она отличалась изящной простотой въ обращеніи.

«У ней пріятная, ласковая рѣчь, что-то такое доброе и симпатичное, что влекло къ ней во времена ея лучшаго времени. Трудно встрѣтить другую женщину, умѣющую такъ хорошо стать въ уровень съ понятіями своего собесѣдника и не унижить его своимъ превосходствомъ. Она всѣмъ нравится и никого не унижаетъ; обо всемъ говоритъ съ одинаковымъ интересомъ. Она отлично поетъ и играетъ на фортепьяно, отлично образована, переводитъ Гёте, знаетъ нѣсколько языковъ, пишетъ итальянскіе стихи также хорошо какъ и французскіе. Марія была слишкомъ нѣжное растеніе для грубой почвы Лимузена.»

Вотъ какъ Распайль говоритъ о химическихъ изслѣдованіяхъ:

«Я видѣлъ въ регистратурѣ три тарелки, полученныя г. Орешлемъ; не только составилъ ихъ описаніе, но даже снялъ мѣрку и спрашивалъ нѣкоторыхъ экспертовъ о томъ, какъ совершались опыты.

«Двѣ первыя тарелки получены посредствомъ азотной кислоты; но вѣща, видныя на нихъ такъ неясны и малы, при употребленіи реактивовъ, показала такіе сомнительные признаки, что я не рѣ-

платил бы утверждать, что эти пятна отъ мышьяка и желтого свинца, и даже количества вещества въ нихъ содержащаго; об этомъ въпрочемъ буду говорить подробнѣе.

«Осудить, основываясь только на этихъ признакахъ, невозможно и, рано или поздно, правосудію придется расквашиться, что оно придало важность такой ошибочной системѣ.

«Что же касается до третьей тарелки, то по собственному наблюденію и разсказамъ экспертовъ, я долженъ согласиться, что на ней точно мышьяковыя пятна. Но по этому поводу мнѣ остается сообщить много важныхъ вещей.

«Пятна на первыхъ тарелкахъ малы, сѣро-желтого цвѣта и оставили едва замѣтный слѣдъ.

«Пятна на третьей — широкія, синеватыя, съ отливомъ къ серединѣ, лиловато-желтые къ краямъ. Но... погодите... онѣ полученны посредствомъ азотно-кислаго потапа, который г. Орфила привезъ съ собой изъ Парижа.

«На замѣчанія экспертовъ, что это можетъ быть не одна чистая кислота и что ее нужно бы разложить, онѣ отвѣтилъ: что если опытъ кажется имъ сомнителенъ, онъ готовъ оставить дальнейшее изслѣдованіе.

«Такъ нужно уничтожить и двѣ первыя тарелки, сказалъ г. де Бюсси, потому что на нихъ нельзя еще основать обвиненія.

«Въ доведеніи г. Орфила не было этихъ подробностей, но я увѣренъ, что онъ не осмѣлится опровергнуть моихъ словъ!

«Все это такъ важно, что я рѣшился заявить свое мнѣніе публично.

«Я сказалъ господамъ химикамъ, что необходимо довести до конца открытіе и просилъ указать мѣсто для разложенія реактивовъ, которые употреблялъ г. Орфила, въ присутствіи одного изъ членовъ суда.

«Мнѣ отвѣчали, что г. Орфила оставилъ въ распоряженіи г. Борра, аптекаря, всѣ реактивы, за исключеніемъ:

Поташа

Цинка, и

Азотной кислоты,

посредствомъ которой получены были пятна на третьей тарелкѣ.

«Составы эти стоятъ не болѣе 50 сантимовъ, но онѣ положитель-но отказался оставить ихъ аптекарю:

«Когда говорятъ обвинителя, ихъ выслушиваютъ; почему же бы не выслушать защитниковъ, когда они указываютъ на несоблюденіе вѣхъ формъ при обвиненіи.

«Ей хочу и требую, чтобы вы знали, чтобы не выслушали; притворство забыть свое внимание къ новымъ словамъ отънесеніемъ приговора, а общественное мнѣніе будетъ навѣрное на моей сторонѣ.

«Я исполню свою обязанность, не смотря на всѣ трудности. По крайней мѣрѣ, сонъ мой не будетъ смущаться призракомъ законнымъ въ цѣля и не заподозрять меня въ составѣ кислоты сомнительнаго свойства.

«Представьте себѣ, что защищая подсудимую, я слѣдовалъ бы составъ Орнела и привезъ изъ Парижа составъ, посредствомъ котораго можно открыть слѣды яда тамъ, гдѣ не откроютъ его другіе реактивы. Чтобы сказать тогда г. королевскій прокуроръ?

«Онъ сказалъ бы, чтобы г. экспертъ представилъ немедленно свой составъ для изслѣдованія учеными, здѣсь присутствующими.

«А въ случаѣ моего отказа, что слѣдела бы противная сторона?

«Составила бы актъ, по которому я, при случаѣ, подвергаюсь преслѣдованію, какъ заподозрѣнный въ ложномъ свидѣтельствѣ.

«Вѣроятно всѣ согласятся съ справедливостью такого предположенія.

«Ничего подобнаго не было однакожъ слѣдено относительно г. Орнела; и основываясь на одномъ этомъ опытѣ, который могъ бы быть заподозрѣтъ, если бы его дѣлалъ я, и который принять безусловно со стороны г. Орнела, лишили чести Марію Капель.

«Судьи повѣрили, что едва-замѣтное количество мышьяку въ тарелкахъ, означаетъ смерть отъ отравы: это количество г. Орнела определялъ половиной миллиграма, а я определяю этой долей миллиграма.

«Но, если бы судьи могли знать, впервые, что этого количества слишкомъ мало для того, чтобы отравить человека, и во вторыхъ, что оно могло произойти отъ реактива, который впрочемъ привезенъ изъ Парижа экспертомъ, то они не осудили бы Марію Капель, потому что всѣ нравственныя доказательства уничтожаются за недостаткомъ осязательной улики.» (*)

Въ концѣ этого г. Распайль несправедливо возмущаетъ на г. Палье и отвѣчалъ ему, Маріа Капель всеми силами оправдываетъ своего адвоката.

Тамъ, 1 октября.

«Я съ благодарностью прочла краснорѣчивыя страницы, которыя вы посвятили несчастной заключенной; и искренно порадовалась, что съ вашимъ глубокими познаніями соединяется такое горячее сердце.

(*) Помѣщено въ gazette des «Nordaux».

Непріятно поразили меня только нѣсколько строкъ и я кону откровенно поговорить съ вами, чтобы уничтожить въ умѣ вашемъ всякое несправедливое предубѣжденіе.

Вы не видались съ г. Палле и это крайне меня огорчаетъ, потому что не смотря на разность въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, вы поняли бы другъ друга. Въ обонхъ васъ есть общая черта честности и великодушія.

Я не нашла въ немъ краснорѣчиваго оратора, но зато благороднаго защитника, которому обязана многими дѣльными совѣтами.

О, умоляю васъ, милостивый государь, не отдаляйтесь отъ этой сильной опоры моей невинности; позвольте мнѣ помолиться, рекушъ, на два такихъ благородныхъ сердца: Богъ воздастъ вамъ за это и дочь ваша будетъ гордостью и утѣшеніемъ вашей жизни.

Прощайте, милостивый государь, жаю съ нетерпѣніемъ выхода вашего мемуара и смѣю еще ожидать спасенія, надѣясь на вашу заштиту и мою собственную невинность.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи

Маріи Каппель.

28 сентября, въ одиннадцать часовъ вечера, г-жа Лафаржъ была такъ слаба, что не могла даже понять читаемый ей приговоръ. По всѣмъ признакамъ, у нея было начало чахотки.

Между тѣмъ дѣло перевели въ кассационный судъ и подали на апелляцію. Ее не приняли. И такъ человѣческій судъ сказалъ свое послѣднее слово. Защитники хотѣли оправдать Марію, хоть бы только въ общественномъ мнѣніи.

Личность Дени Барбье невольно внушала подозрѣнія и на него подали просьбу за ложное свидѣтельство. Просьба эта также не была принята. Тогда рѣшились преслѣдовать его косвенно, судомъ гражданскимъ и Марія Каппель подала на него просьбу, но ей отвѣтили, что осужденные не могутъ имѣть голоса.

Выставленіе къ позорному столбу было отмѣнено, и г-жу Лафаржъ отравили прямо въ тюремный замокъ, въ Монпелье.

Не смотря на всю физическую и нравственную тяжесть заключенія, у Маріи бывали свои свѣтлыя минуты. Г. Колларъ, дѣдъ, котораго она прежде не знала, выхлопоталъ позволеніе навѣщать ее, тотчасъ по переводѣ въ Монпелье. Сначала позволеніе это давалось съ большими затрудненіями, но когда болѣзнь Маріи усилилась, къ ней допускали всѣхъ желающихъ ее видѣть. Дѣвица Колларъ, впродолженіе одиннадцати лѣтъ ухаживала за больной съ неутомимымъ усердіемъ. Горничная Клементина Серва просила позволенія служить, но прежнему, своей госпожѣ, на что послѣдняя не согласилась. Г. Ламо, одинъ изъ защитниковъ ся въ Тюльзъ, достигнувъ громкой извѣстности какъ адвокатъ пріѣзжалъ въ Монпелье и хо-

тѣмъ посвятить свое заглавіе на пользу заключенной. Наконецъ всѣ доктора, лѣчившіе Марію, дѣлались непременно ея друзьями. Съ 1848 г. здоровье г-жи Лафаржъ совершенно разстроилось. Четыре извѣстныхъ медика созваны были на консультацію и объявили, что одно только освобожденіе спасетъ больную. Это мнѣніе не было принято.

21 февраля 1851 года, ей позволено было отправиться въ больницу въ Сен-Реми, гдѣ стараніа г. Шабранъ продолжили нѣсколько ея жизнь. Наконецъ по прошенію г. Колларъ, Людовикъ Наполеонъ, бывший тогда президентомъ, подписалъ ея освобожденіе.

1 іюня 1852 года, Марія Каппель была наконецъ на свободѣ, но уже осужденная другими, неотразимымъ приговоромъ. Она прожила еще нѣсколько мѣсяцевъ и 7 ноября 1852 года, скончалась на водахъ въ Усса.

Процессъ Лафаржъ произвелъ до того сильное впечатлѣніе въ цѣлой Европѣ, что два извѣстнѣйшихъ прусскихъ законовѣда, занялись его обсужденіемъ въ Берлинѣ, на основаніи прусскихъ законовъ и рѣшили оправдать подсудимую, за неимѣніемъ доказательствъ. Вотъ замѣчательнѣйшія мѣста этого мемуара:

«Мы не можемъ оставаться хладнокровными при воспоминаніи о личности Дени Барбье. Защитники представляютъ его человѣкомъ безиравственнымъ, выставляющимъ на показъ свои пороки. Онъ помогалъ Лафаржу во всѣхъ незаконныхъ продѣлкахъ; можетъ быть даже внушалъ ему ихъ: если бы злоупотребленія были открыты, чему подвергся Дени? Онъ пріѣхалъ въ Парижъ за нѣсколько дней до присылки пирога и пріѣхалъ туда тайно; даже въ Гландье ничего объ этомъ не знали. Что онъ дѣлалъ въ Парижѣ, осталось тоже для всѣхъ неизвѣстнымъ.

«Подозрѣвать подобнаго человѣка въ убійствѣ, весьма естественно. Онъ могъ желать отдѣлаться отъ свидѣтеля своихъ преступленій. Увѣдомленіе о посылкѣ получено ранѣе, и Дени, узнавъ о его содержаніи, могъ уже въ Парижѣ положить яду въ пирогъ, тѣмъ болѣе, что Лафаржъ получилъ ящикъ открытымъ. Пусть также подумаютъ, что рѣшительно невозможно, чтобъ г-жа Лафаржъ отравила пирогъ и пусть припомнятъ восклицаніе этого Дени, по возвращеніи изъ Парижа: «теперь я здѣсь хозяинъ!»

«Дени возвратился тремя днями ранѣе своего хозяина, и во время его болѣзни, былъ постоянно дома. Въ его распоряженіи былъ ядъ и, при допросѣ о немъ, онъ сильно сбивался въ показаніяхъ.

«Онъ отдалъ подсудимой пакетикъ, въ которомъ не оказалось потомъ мышьяка. Его постоянно впускали къ больному, и онъ же своими рѣчами подалъ поводъ подозрѣвать г-жу Лафаржъ. При

допросъ безъ всякаго прывода онъ повторять, что онъ отравленъ.

«У насъ передъ глазами дѣло совершенно неразрѣшенное. Нельзя доказать, что Дафаржъ умеръ отъ отравы. Подозрѣніе иногда такъ неосновательно, что невозможно на нихъ положитьсь. Свидѣтели или пользовались дурной репутаціей, или же были близкими родственниками умершему.

«Предположеній въ пользу подсудимой встрѣчается очень много. Наконецъ существуютъ важные поводы къ обвиненію другихъ личностей. Въ подобныхъ обстоятельствахъ слѣдовало оправдать обвиненную, за неимѣніемъ доказательствъ. Временнаго оправданія было бы недостаточно, по прусскимъ законамъ, потому что тогда существовало бы подозрѣніе, ничѣмъ не подтверждаемое. Много должно лежать на совѣсти у судей Тюлля, что и выразилось въ допущеніи ими смягчающихъ обстоятельствъ. Судьи суть представители народа, но народъ, находящійся въ судѣ, выражалъ постоянно сочувствіе къ осужденной, хотя видѣлъ и слышалъ то же, что видѣлъ судья. Откуда такое противорѣчіе? Кто могъ имѣть такое вліяніе только на двѣнадцать присяжныхъ? Ахъ, время разрѣшить эту необъяснимую задачу.»

СЕЛО НА ЮРУ

РАЗСКАЗЪ

I

Наканунѣ перваго осеняго праздника (по деревенскому календарю), Ильина дня, у большой деревни Валухи, по большому архангельскому тракту, остановилась неуклюжая, дребезжащая бричка, запряженная тройкой маленьких кругленьких лошадокъ. Времени было около четырехъ часовъ, и солнышко еще порядочно припекало.

Ямщикъ соскочилъ съ козелъ и, постукивая кнутомъ въ косячатое окно повой, красивой, крытой тесомъ избы, закричалъ:

— Дядя Александръ, а дядя Александръ, — хошь я тѣ сѣдоковъ сдать?

— Пару али тройку? отвѣчалъ голосъ изъ избы.

— Тройку, голова, тройку, акиважь свой, брика, да легка больно.

— Сѣдоковъ-то сколько?

— Трехъ. бара хорошіе, знатные бара... бери, голова... добрые бара.

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Мужикъ, котораго ямщикъ называлъ дядей Александромъ, поназавел на крыльцѣ и снявъ шапку, поклонился сѣдокамъ. Это былъ ужъ очень пожилой, высокій, плотный мужикъ, съ большой бородой, почти совсемъ посѣдѣвшей и большими же голубыми глазами.

— Почему ѣхать изволите? спросилъ онъ, приближаясь къ бричкѣ и быстро окинувъ взглядомъ и бричку и лошадей и сѣдоковъ.

— По восьми копѣекъ, любезный, — цѣна хорошая, а тамъ увидимъ, какъ повезешь — и на водку будетъ! отвѣчалъ старшій изъ сѣдоковъ, полновѣсный господинъ въ истертой и запялившейся шинели.

— По восьми! не такъ чтобы хорошая цѣна, — намъ вѣдь, сударь, кормы дороги, сѣно по четвертаку платили, а овесъ — рукой махви, хошь лошадей продавай... Ну да ужъ вѣхали по восьми, такъ нѣче дѣлать... Отпрягай, Иванушко, отпрягай съ Богомъ помаленечку... а вамъ, господа честные, въ избу неугодно ли, отдохнуть... чайку не напьетесь ли, али перекусить не угодно ли? У насъ самоварчикъ на разъ скипить...

Сѣдоки хотѣли высаживаться, какъ съ противоположной стороны улицы послышался голосъ: «почемъ вѣзда, баринъ? У меня тройка — у — у — какая тройка! Мигомъ на Никольское преставлю! ухъ какая тройка, — будете довольны, право-слово будете!»

— Да, ужъ у тебя тройка, видалъ ли ты сродясь тройку-то у себя на дворѣ, хоть бы во снѣ примѣрно! Охъ, Микитка, Микитка! твоей тройки не дождешься и на тотъ годъ объ эту пору! отозвался дядя Александръ, помогая ямщику отпрягать лошадей.

— Какъ же не быть у него тройки! поддакнулъ ямщикъ, — сивая кобыла, да онъ съ женой самъ-другъ, — вотъ тѣ цѣлая тройка какъ есть: садись да поѣзжай!

Не смотря на такой пріемъ, Микитка не угомонился: «Ей ребята, сѣдоки! тройку надѣть, чего зѣваете-то... сѣдоки!»

— Гдѣ сѣдоки? откликнулся еще голосъ.

— Сѣдоки, сѣдоки! послышалось со всѣхъ сторонъ, и скоро цѣлая толпа окружила почти распряженную бричку.

— Нечего вамъ тутъ дѣлать братцы, сказалъ дядя Александръ, — мы съ бариномъ ужъ срядились!

— Срядились! эка голова, очередь-то твоя что ли!

— Ну срядились, такъ нечего тутъ и толковать! по восьми копѣекъ — плѣвое дѣло! сказалъ Микитка, поднявшій всю тревогу, отходя прочь.

— Срядились, такъ нечего и баять! отозвалось нѣсколько голосовъ: — пусть его везетъ!

— Нѣтъ стой, голова, не его чередъ! Онъ и позавчера лѣвничева возилъ!

— А ты не возишь что ли? я повезь и ты повезь — тутъ такъ память коротка, — охъ ты голова!

— Нѣтъ врешь ты, старый, — не отступался ярый претендентъ, — жеребьеваться!

— Жеребьеваться, жеребьеваться! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну жеребьеваться, такъ и жеребьеваться! отвѣчалъ дядя Александръ.

— Жеребьеваться, жеребьеваться! кричалъ что есть мочи опять возвратившійся Микитка.

И злополучные сѣдоки, сидя въ распряженной бричкѣ, поневолѣ сдѣлались свидѣтелями жеребьеванья. Микитка кричалъ всѣхъ больше и выкричалъ таки: жеребій выпалъ ему.

— Ну вези, голова, твое счастье! — отозвался дядя Александръ.

— Да на чемъ повезешь-то, себя да жену въ пристяжки-то что ли? спросилъ ящикъ.

— Васюха, дашь что ли пару-то? спросилъ Микитка молодого парня, стоящаго рядомъ.

— Да, какъ же, держи карманъ, для тебя приготовлена!

— Фу ты, чортова кукла, ишь какъ чванится! Бери ужь, дядя Александръ, сѣдоковъ-то, пожалуй я тѣ сдамъ ихъ! ты радился, ты и вези!

— То-то, голова, не за чѣмъ было и шумъ подымать! Милости просимъ, господа, пожалуйста въ избу, я на разъ заложу!

Народъ разошелся, смѣясь надъ Микиткой, который ворчалъ про себя: «мужикъ-то хорошій, какъ не сдать, — сусѣдъ, одно слово, сусѣдъ!» Только ярый претендентъ, изъявившій желаніе жеребьеваться, бурчалъ еще: «нѣтъ это не резонъ! ишь славетъ, да разѣ его чередъ? Не везешь, лошадей нѣтъ, такъ нечего и въ жеребей идти!» но его никто не слушалъ, занявшись выходкой Микитки.

Между тѣмъ сѣдоки вылѣзли изъ брички, заваленной подушками, корзинками и прочими разными разностями, и двинулись въ избу дяди Александра. Впереди тащился полновѣсный господинъ въ шинели, еще не старый, но съ весьма апатичнымъ выраженіемъ въ лицѣ; олавянные глаза смотрѣли безжизненно и тупо, изъ-подъ бровей, которыя можно было только угадывать по нѣсколькимъ русымъ волоскамъ; вообще лицо его можно

было бы назвать цвѣтушишь, кабы не эта безжизненность, отъ глазъ разлившаяся по всей физиономіи, да не страшная бѣдность растительности, какъ на бровяхъ, такъ надъ губами и на подбородкѣ, придающая лицу что-то бабье, — вовсе не гармонирующее съ атлетическими формами тучнаго стана. За господникомъ въ шинели поспѣвали двѣ женщины: жена его, бойкая, неуклюжая, хотя и недурная собой; женщина изъ тѣхъ, которыхъ обыкновенно называютъ «съ душкѣмъ», что можно было угадать по выразительно-сдвигающимся и раздвигающимся бровямъ и тонкимъ, сжатымъ губамъ; да еще сестра его, матерая дѣвка, не первой молодости, но красивая, съ размашистыми ухватками и такимъ складомъ губъ, отъ котораго такъ и ждешь рублевого, веселаго, вызывающаго словца. Обѣ въ коцевейкахъ изъ ситцу и въ ситцевыхъ же довольно пестрыхъ платьяхъ, съ тою разницею, что у первой преобладаетъ зеленый, а у второй красный цвѣтъ.

Дядя Александръ принялъ сѣдоковъ въ горницѣ, то есть въ чистой половинѣ избы, устроенной на городской манеръ, хотя и съ неизбѣжнымъ запахомъ тараканами, но съ примѣсю базалика, который красовался на окнѣ.

— Давай же, голубчикъ, лошадей поскорѣе, пора, къ ночи надо намъ въ Никольскомъ, значить, быть...

— Чтой то, Павелъ Ивановичъ, перебила жена, сдвинувъ брови, — почестъ цѣлые сутки ѣдемъ, маковой росинки въ роту не бывало...

— Охъ, бы до Никольскаго—то намъ добратся поскорѣе! Тотъ бы лихо! замолвила сестра, смотря въ раскрытое окно.

— Доѣдемъ, матушка, доѣдемъ, — эка невидаль ваше Никольское! никто насъ не гонить... Самоварчикъ, хозяйинъ, самоварчикъ давай... Больно ужъ вамъ съ братцемъ—то въ Никольскомъ—то погулять захотѣлось!

У сестры глаза такъ и сверкнули, а братецъ молча опустилъ голову.

— Ой сестрица, шесть лѣтъ, какъ своихъ не выдали... затеропишься... ну да ужъ и село наше — не покаешь, развеселов село... на городишку вашему чета, хоть ѣсть нечего, да жить весело... Вѣдь правда, братецъ?

— Что правда, то правда, грѣхъ сказать супротивъ этого... Точно, Анна Яковлевна, село знатное...

Последні слова, сопровождаемыя тревожнымъ взглядомъ, относились къ женѣ, которая не совсѣмъ весело усмѣхнулась.

— Что и говорить... знатное, только дѣвками и знать себѣ нажило!.. И ты туда же — старый, старый... добро Матрена — дѣвка, такъ дѣвка и есть... Охъ вы гудѣны: видать, что никольтвина безшабашная!

— Не обезсудьте, Анна Яковлевна, какими Богъ уродилъ... вы вѣдь купчиха горожанка, а мы изъ крестьянъ, люди не мудреные, дѣвимъ пряники неписанные.

— Ну ты ужъ востра больно уродилась, такъ какъ хошь, пожалуй и оставайся въ своемъ Никольскомъ, клаяться не будемъ... А ты, Павелъ Ивановичъ, своего званья не забывай.. съ мужичьемъ этимъ никольскимъ не слишкомъ братайся: какъ они носы—то не вздергивай, все—таки мужики сиволапые, а ты теперича купецъ, изъ ихнаго званья вышелъ, значить и держать себя долженъ повыше...

— Передъ родней—то, Анна Яковлевна, не больно ли по модному будетъ?.. вымолвила Матрена.

— Эка невидаль родня ваша сиволапая... да тьфу! на твои слова—то плевать я хочу, знай сверчокъ свой шестокъ.

— Это точно, сестра, ты не то говоришь... мы купцы, значить не резонъ... это точно... пробурчалъ Павелъ Ивановичъ, весело привѣтствуя взглядомъ огромный, позеленѣвшій мѣстами и неистово пыхтѣвшій самоваръ, который дядя Александръ торжественно втащилъ въ горницу.

— Кушайте на здоровье, господа честные, а я объ лошадахъ похлопочу... на разъ спроворимъ. У меня вѣдь сынишко помощникъ, хоша и не больно обыченъ къ эфтому дѣлу, да все двѣ руки...

— Что же ты не приучаешь его! Чѣмъ балбесомъ—то жить, помогалъ бы отцу! сказала Анна Яковлевна, заливая чай.

— Да пѣтъ, сударка моя, не балбесъ онъ у меня, а значить для другого дѣла паровилъ я его: было ихъ у меня двое, голубушка, старшему я лошадей слать хотѣлъ, чтобы значить и вышелъ изъ парня ямщикъ, а эфтого около земли ходить приучалъ: у насъ вѣдь земля тоже, а я одинъ, жена померла, поди десять лѣтъ будетъ, гдѣ одному управиться... И ужъ лхой былъ ямщикъ мой Васютка, охъ какой ямщикъ, поди ты всю

волюсть обходи, другого съ огнемъ не найдешь... шустрый былъ парень, веселый, пѣсни пѣлъ — соловьемъ заливался...

— Чтожъ, онъ померъ что ли?

— Померъ не померъ, а почитай что хуже, нежели померъ. За доброе дѣло въ Сибирь сослали... А какой ужъ парень былъ, на рѣдкость... И притомъ меньшакъ-то, — грѣхъ пожаловаться — работающій, ну а характеромъ супротивъ того не будетъ: звѣремъ смотреть, суровый такой, потачки отцу родному не дастъ и канпаніи веселой не любить... а вѣдь тотъ Васюха-то, просто колоколо былъ.

— Видно хорошъ былъ, коли въ Сибирь ушолъ, замѣтила Матрена.

— Въ Сибирь, да что въ Сибирь? кабыть самъ собой, а то по милости чорта и проклятаго Микольскаго, все отъ тетушки Орины вышло: вѣдьма проклятая, чтобъ ей пусто было...

— Слышишь дѣвка, твое Никольское въ какой чести! замѣтила купчиха.

— Тетушки Орины, какой тетушки Орины? спросилъ Павелъ Иванычъ и въ оловянныхъ глазахъ его блеснулъ огонекъ.

— Погоди, голубчикъ, вотъ Петрухъ лошадей велю справиться, да потомъ и расскажу... а хозяйшка-то старикку чайку поднесетъ!

II

Досталось порядкомъ толстому Павлу Иванычу за неумѣстные распросы о тетушкѣ Оринѣ, пока не воротился дядя Александръ.

— Вамъ знать знакомо, сударка моя, самимъ эфто Микольское, спросилъ онъ.

— Родина, дядя, сказала Матрена, —туда ѣдемъ на побывку къ брату родному... Самойло Рожинъ — можетъ слыхалъ?

— Самойло Иванычъ! какъ не слыхатъ — знакомый мужикъ! въ эфтой самой избѣ сиживалъ, чай пивалъ! очинно знаемъ Самойла Рожина!

— Хорошо село наше, развеселое... ужъ одно мѣсто — просто мое почтенье.

— Мѣсто знатное... булькнулъ Павелъ Иванычъ.

— Оно точно что развеселое село, продолжалъ дядя Александръ, — одно слово на юру село: тутъ тебѣ и рѣка большал, суда, тамъ лодки по ней плывуть...

— Ни одна мимо не проѣдетъ...

— Не проѣдетъ... внизъ ли, вверхъ ли теперича — Микольского не миновать... Ну и дорога большая о бокъ, тоже всякая тройка али пара — все завернетъ. То на юру село, и хрестьяне богатые есть. А ужъ проклятое мѣстечко...

— Врешь ты, старшій хрѣвъ, не вашему чета...

— Какъ не врешь, замѣтила Анна Яковлевна, вливая въ себя пятую чашку и безпрестанно обжигая губы горячимъ чаемъ.

— Истинно проклятое, потому развращенность большая... Мужики туту живутъ мало, все въ Питерѣ больше, перевозки держуть и на иныхъ разныхъ работахъ. Бабы да дѣвки почти тай однѣ... а это ужъ не стать! Прибылаго, проѣзжаго народу пропасть и съ рѣки и съ большой дороги, — долго ли до грѣха? А тутъ еще эта шельма Оринка притонъ держить... Очинно развращенный народъ.

— Про какую тамъ Орину ты затвердилъ? спросила Матрена.

— Али не знаешь?.. спроси у малаго ребенка въ волости, ее всякій знаетъ; нѣтъ значить души человѣческой, коя бы тетушки Орины не знала. Просто на просто дѣвка — постоянный дворъ держить. Лодочники али извозчики все у нее останавливаются, такъ ужъ и знаютъ тетушку Орину. Развратница. Молодымъ парнямъ побывать у нее — гибель, такъ-то приворожить, что отступу не будетъ, а тамъ въ какое ни на есть скверное дѣло и заманить — воровство али разбой, али штуку какую мошенническую, — ни за деьгу парень пропадетъ, а она въ стороиѣ остается, да еще и съ барышомъ. Одно слово: притонъ разбойничій, да и шабашъ.

— Не твоя-то ли это любезная, Павелъ Ивановичъ, эта Ориша, — чтой-то по карактеру-то ровно смахиваетъ? замѣтила Анна Яковлевна.

— Вотъ и моего-то Васюху евадимъ манеромъ она сгубила, змѣя подколодная. Парень былъ веселый, непьющій, честный, вѣдь спомла, да воромъ сдѣлала: взъ за нее, шкуры барабанной, и въ Сибирь-то ушоль.

— Батька, лошади-то готовы, подь одѣвайся... сказалъ въ

это время вошедшей Петруха, молодой мальчикъ лѣтъ шестнадцати, смотрящій угрюмо изъ-подъ лобья.

— Ладно, ладно, Петруха... Да поѣхать бы тебѣ... нечего дѣлать, надо Ваську замѣнять...

— Какъ хошь, пожалуй и я поѣду.

Хотя Петруха изъявилъ свое согласіе нехотя, но по лицу заметно было, что онъ радъ былъ предложенію отца.

— Такъ не подавать ли, господа честные!.. только смотря, Петруха, къ Орникѣ ни ногой... иначе нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія.

— На кой чортъ я пойду къ ней, чтобъ ей пусто было! отвѣчалъ угрюмо Петруха, сплюнулъ и вышелъ.

Черезъ пять минутъ лошади были поданы и звенѣли колокольцомъ и ширкунцами; Петруха заботливо показивалъ около нихъ, проводя время въ разговорахъ, то съ воронкомъ, то съ карькой, то съ рыжкой, участіе которыхъ въ этомъ разговорѣ выражалось храпѣньемъ: въ мальчикѣ такъ и просвѣчивалась удалая ямщикья натура; едва ли изъ него вышелъ бы хорошій земледѣлецъ, едва ли не ошибся отецъ, опредѣляя специальности для своихъ сыновей!

Сѣдоки собрались не скоро и не скоро уѣли; дядя Александръ заботливо усаживалъ ихъ, повторилъ еще разъ сыну, чтобы къ тетущкѣ Орникѣ ни ногой, на что тотъ опять сплюнулъ и помянулъ чорта и наконецъ сказалъ: «ну съ Богомъ, трогай Петруха, трогай, эту карьку—то похлестывай, лѣнива, куда лѣнива шельма!»

Тройка, управляемая ловкой рукой, побѣжала дружной, ровной рысью; Петруха присвиснулъ, повелъ кнутомъ, — пыль взвилась по улицѣ и скоро брика пропала изъ виду вонъ...

Съ необъяснимымъ волненіемъ приближались къ Никодьскому Павелъ Ивановичъ и красивая Матрена, между тѣмъ какъ Анна Яковлевна преспокойно задремала, пригрѣваемая заходящимъ солнушкомъ. Братъ и сестра были тутошныя уроженцы, тутъ выросли, воспитались, начали жить, и на всякой другой мѣстности жили, какъ оторванные отъ родной почвы. Село на юру имѣло свои права надъ существомъ людей, которые навывали

его своей родиной. Жизнь въ удовольствіе свое и веселіе, безъ оглядки и безъ заглядки, не огражденная и не стѣсненная никакими уставами, составляла искони гордость, неминуцій предметъ похвалы его жителей. Среди этой жизни, напитанные этою гордостью, сложились Павелъ Ивановичъ и его сестра; тутъ бы и умереть имъ, кабы случайность не примкнула ихъ къ иной средѣ, въ которой имъ плохо жилось, чинные обряды которой червемъ грызли ихъ вольныя души. Павелъ Ивановичъ, когда еще былъ никольскимъ крестьяниномъ и жилъ съ братомъ своимъ Самойломъ, первымъ человѣкомъ въ селѣ, крѣпко сдружился съ сестрой Матреной, за нее душу былъ готовъ положить: веселились, потѣшались они вмѣстѣ. Она слюбилась съ сосѣдомъ, а онъ за компанію съ сестрой его Ориной (потому-то имя тетушки Орины и задѣло раздобрѣвшаго купца за живое): онъ-то за компанію, а Орина привязалась къ лихому Павлу, какъ шальная, словно душу вынулъ онъ изъ нее. На грѣхъ точно сосѣдъ на праздникѣ хватилъ лишка и душу Богу отдалъ, да тутъ еще домъ сгорѣлъ; Орина хоть по міру вди, а Павлу Самойло невѣсту засваталъ, городскую купчиху, обольстилъ парня богатствомъ да почестями. Съ ума сошолъ Павелъ — идетъ по улицѣ, дѣвки или парни окликають — куда! и не смотритъ, задумался, голову въ землю — все себя купцомъ воображаетъ, какъ онъ будетъ въ городѣ жить, лавку заведетъ, съ барами спознается, бѣлое вино гостямъ велитъ разносить: купецъ, одно слово! А Анна Яковлевна долго кочеряжилась и первымъ условіемъ положила переѣхать Павлу въ городъ, выписаться изъ крестьянъ и въ гильдію записаться... Пуще того замечтался и распалился нашъ женихъ. Какъ убивалась Орина, какъ уговаривала брата Матрена: всѣ рѣчи ихъ, какъ горохъ къ стѣнѣ!..

Женился Павелъ, въ городъ переѣхалъ, купцомъ сталъ, — да тутъ-то Анна Яковлевна и дала ему себя знать, по рукамъ и ногамъ связала: и то не такъ, и это не ладно, мужикъ сиволапый, званья поддержать не умѣешь, — просто бѣда! Куда и удалъ, и гордость никольская дѣвалась, сталъ Павелъ Ивановичъ тише травы, ниже воды, по стрункѣ ходить. Наконецъ же всгрустнулось ему шибко: выпросилъ у жены позволеніе — взять къ себѣ сестру и написалъ ей самое жалостное посланіе. А Матрена ужъ и безъ того измучилась, истосковалась, думая, гадая про любимаго брата, недѣли не прошло — поѣхала въ городъ... да

такъ и ахнула! Сначала было хотѣла вступить за брата, да въдь Анна Яковлевна не свой братъ, — на первый же разъ обрела золовку: «въ чужой монастырь, молъ, съ своимъ уставомъ не ходить, а не хочешь по нашему жить, такъ поворачивай оглобли, откуда пріѣхала!» Какъ братца покинешь одного въ этомъ аду кромѣшномъ, — нельзя — ну и осталась Матрена, грустя о Никольскомъ, да о братѣ своемъ любимомъ. Павелъ Ивановичъ мало по малу свыкъся, недостатка же у него въ домѣ ни въ чемъ не было, раздобрѣлъ, брюшко отпустилъ и жилъ больше въ брюхо, благо дѣтей ему Господь Богъ не давалъ: «нѣтъ, братецъ, на тебѣ благословенія Божія и дѣтей-то Богъ вамъ не даетъ...» говорила Матрена.

Такъ-то прожили они шесть лѣтъ. Какъ ни бился Павелъ Ивановичъ, ни разу не удалось ему побывать на родинѣ, — онъ ужъ и думать объ этомъ забылъ, какъ вдругъ получила Анна Яковлевна письмо отъ брата, изъ Архангельска, что вотъ такъ и такъ, померла у него жена, осталось двое дѣтей, хозяйство большое (подъ конецъ братъ Анны Яковлевны шибко расторговался), а ему жить дома не приходится, такъ пріѣзжала бы она къ нему хозяйничать, а мужу онъ-де мѣсто хорошее дать и деньги на дорогу вышлетъ. Живо порѣшила Анна Яковлевна: домъ свой продала, лавку сосъду слала и приказала Павлу Ивановичу собираться. Вхать въ Архангельскъ надо было мимо Никольскаго, — тутъ-то Павелъ Ивановичъ замолвилъ словечко, что, молъ, хорошо было бы заѣхать на денекъ, на два въ Никольское — съ братцомъ повидаться, да и проститься, — можетъ быть и не увидать будетъ на этомъ свѣтѣ. Противъ такого резона Анна Яковлевна не спорила, хоть Никольскаго сильно не любила, — потомучто знала холостую жизнь своего благовѣрнаго...

Пока мы исторію эту рассказывали, бричка нашего купца, при разудаломъ прикрикиваньи да присвистываньи Петрухи, вкатилась въ Никольское.

III

Славное мѣсто занимаетъ село Никольское! Оно расположено на обѣихъ сторонахъ судоходной рѣки, по правому берегу кото-

рой, через самое Никольское, проходит большая Архангельская дорога. Что может быть выгоднѣе такого мѣста! Отъ того Никольское и растянулось такъ широко по обоимъ берегамъ, отъ того въ немъ и насчитывается больше 300 домовъ, да двѣнадцать лавочекъ (большею частью при домахъ), да двѣ церкви, да два кабака; отъ того у никольскихъ крестьянъ есть свои барки, которыя съ хлѣбомъ и лѣсными матерьялами отправляются въ Архангельскъ и въ Питеръ, есть даже заводы и дома, выстроенные на городской манеръ, въ девять оконъ и съ мезониномъ. Народъ торговый, промышленный, тертый, выдавшій виды. Но что составляетъ собственную физиономію Никольскаго; — это преобладаніе женскаго пола, особенно въ лѣтнее время, когда почти все мужское населеніе его уходитъ для заработковъ въ Петербургъ, да отсутствіе собакъ, что доказываетъ неустрашимость и гостепримство никольскихъ женщинъ, не нуждающихся въ неподкупныхъ церберахъ. Въ дополненіе къ этому надобно сказать, что женщины никольскія по всей губерніи славятся своей красотой, своей гордой осанкой, виднымъ ростомъ, черной бровью и бойкой рѣчью. «Ишь какая пѣва — видно никольская» — верѣдко услышите въ нашемъ краю отъ крестьянъ, даже и не бывавшихъ въ Никольскомъ: слухомъ земля полнится... Какъ же не зажитья въ селѣ на юру проѣзжему человѣку въ такомъ красивомъ женскомъ обществѣ, — куда онъ ни взглянетъ — всюду встрѣчаетъ черный глазъ: женщины торгуютъ въ лавкахъ, женщины работаютъ въ полѣ, женщины везутъ его на тотъ берегъ, въ сосѣдній городъ, если ему вздумается нанять лодку...

Кушцы Рожины пріѣхали въ Никольское ночью; Петруха, ухарски пригаркивая, лихо пролетѣлъ по улицѣ, еще не опустѣвшей: ночь была ясная, мѣсячная, березки и елочки, красующіяся передъ каждымъ домомъ, стояли неподвижно, а никольскія дѣвки, сидя на крыльцахъ кружками, весело вели не совѣмъ скромные разговоры и хохотали полнымъ, неудержимымъ хохотомъ. Рѣка лѣжала покойно и въ неподвижныхъ водахъ ея картинно отражался пожаръ, разложенный на берегу судорбочими; яркій огонекъ фонтаномъ сыпалъ на воздухъ искры, озаряя неуклюжія фигуры барокъ, каюковъ и крытыхъ лодокъ; вдали мелькали двѣ-три душегубки, на которыхъ видѣлось по человѣческой фигурѣ съ длиннымъ шестомъ и слыша-

лись женскіе голоса, далеко отдававшіеся въ ночномъ воздухѣ. Въ крайнемъ домѣ, весьма не новомъ и неказистомъ, раздавался громкій говоръ, пѣсни и звуки гармоніи. «Вишь у Оринки проклятой какой гамъ!» сказалъ Петруха, свиснулъ, повернулъ въ улицу на право и остановился у большого дома съ мезониномъ, потонувшего въ кустахъ. Анна Яковлевна преспокойно спала, а Павелъ Ивановичъ съ Матреной такъ и прислушивались съ жадностью къ шуму и пѣснямъ родимаго села; сердца ихъ бились быстро, быстро, даже духъ замиралъ... Въ домѣ Самойла Рожина всѣ спали. Оказалось, что Самойла иѣтъ дома. Гостей встрѣтила хозяйка — типъ никольской женщины, — высокая, стройная, черноглазая... Павелъ Ивановичъ оживился въ домѣ брата, а Матрена почувствовала себя дома, живо обѣжала всѣ комнаты, нашла все въ прежнемъ видѣ, отыскала самоваръ и сама раздула его. Въ домѣ была какаѣ-то смѣсь деревенской обстановки съ желаніемъ городскихъ порядковъ, но гордая хозяйка не извинялась передъ невѣсткой купчихой, что у нея то не ладно, да это не убрано, какъ дѣлаютъ обыкновенно деревенскіе ахалы; — она была увѣрена, что въ домѣ ея все въ должномъ видѣ. Въ залѣ и гостиной стояли стулья и кресла — какъ быть слѣдуетъ, стѣны были оклеены пестрыми обоями, подъ окнами висѣли какія-то пѣвчія птицы, на окнахъ красовались бальзаминны и герани, но тутъ же въ углу помѣщался и станокъ для тканія, и торчала раскрашенная пряслица и лукошко съ какой-то крупой. Вообще замѣтно было, что зала и гостинная не составляли любимыкъ хозяйскихъ комнатъ, и въ нихъ по видимому относились принадлежности, въ которыхъ хозяева мало нуждались въ данную минуту. Всѣ признаки жилья, начиная отъ чулка — работы хозяйки, до боченка съ квасомъ и посуднаго шкапа, унизаннаго тарелками, соединяла въ себѣ довольно большая угловая комната, куда и теперь, послѣ первыхъ привѣтствій, помѣстились гости въ ожиданіи самовара.

— Такъ вы въ Архангельскѣ, братецъ, — ладно, что припомнили насъ, — и то еще на самый праздникъ пріѣхали. Я ужь думала одна праздничать, Самойло Ивановичъ хотѣлъ было съ собою взять, — да поѣду ли я отъ своего праздника...

— У насъ вѣдь завтра веселье на всю ивановскую, — замѣтила Матрена, обращаясь къ Аннѣ Яковлевнѣ, которая изъ-всѣхъ

силъ старалась представить изъ себя почетную гостью, хотя на ея выходки никто не обращалъ вниманія.

— Въ чемъ же ваше веселье? спросила она улыбаясь.

— Пѣсни, гулянье цѣлую ночь. Самъ становой прїѣзжаетъ... Помнишь, я чай, братецъ, какъ мы гуливали?

— Какъ не помнить! отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ: — веселое было время... Самсонка-то не забыла? Эгакой золотой паренъ былъ: всякому веселью голова.

— Эко веселье! Пьянство одно, да пѣсни мужицкія! съ неудовольствіемъ замѣтила Анна Яковлевна.

— Мы веселимся по своему, сестрица, а бывала я тоже и въ городу о праздникахъ, — купецъ знакомый у Самойла Ивановича былъ, Мыльниковъ прозывался, — на вечеринку насъ приглашалъ, — такъ скука...

— Ужь точно скука! подхватила Матрена съ какимъ-то азартнымъ увлеченіемъ: — сидятъ въ гостиной эти гости, вытянулись, какъ утки, губки сжали, руками перебираютъ... скука смертная! вѣтъ, чтобы попѣть, посмѣяться... словно кто пришелъ ихъ къ мѣсту—то, да и ротъ глиной замазалъ; какъ деревянные, точно статуи...

— Купчихи, извѣстное дѣло, такъ не по мужицкому себя и держать, чинно, благопристойно; дѣвушки тоже и поютъ, да не по твоему орутъ, слыхала я твои пикольскія пѣсни...

— Ужь поютъ! и Матрена залилась хохотомъ. — Ужь поютъ! и затаяла пискливымъ монотоннымъ голосомъ, ударяя на ô:

• Офицеръ мѣ-ло-дѣи,
• Подъ нимъ конь воровѣи...»

Точно за душу тянуть, прости Господи!

— Правда, что скверно, ужь что скверно, такъ скверно поютъ! рѣзко проговорилъ Павелъ Ивановичъ, допивая стаканъ чаю, на половину разбавленный ромцомъ.

— Ты что, рому-то натянувшись что ли свою мужицкую манеру взял? Скверно! Да ты самъ-то кто, — мужикъ что ли?

Павелъ Ивановичъ призатихъ, усердно принявшись за чай.

— Ой, сестрица, что ужь вы насъ мужичествомъ-то все попрекаете... да наши мужички захотѣли бъ, такъ давно бъ купцами были... Только зачѣмъ эту скуку на себя брать... То-ли

дѣло наше житье развеселое .. Ухъ! продолжала разболтавшаяся Матрена.

Хозяйка мало принимала участія въ разговорѣ, съ достоинствомъ и гордо угощая спѣсивую гостью; Павелъ Ивановичъ и безъ угощенія потягивалъ *пунштикъ*, который супруга его не очень-то жаловала.

Чай кончился поздно, и домъ Рожина совершенно затихъ за полночь. Среди вочного мрака и всеобщей тишины, ненарушаемой даже лаемъ собакъ, на крыльцѣ рожинскаго дома видѣлись двѣ человѣческія фигуры. Если бы вы подошли къ нимъ поближе, то разсмывали бы ихъ тихій разговоръ :

— Видишь, и не знать, что тутъ былъ ихъ домъ: вовъ какія палаты стоятъ... говорилъ женскій голосъ.

— Ты не видела ее? спросилъ другой, мужской голосъ.

— Нѣтъ еще... да узнаеть, такъ прибѣжить. Она, слышь, какъ ты женился, и закутила, крѣпко загуляла, со всякими потаскушками спозналась. Тутъ опять постоялый дворъ стала держать, славу на всю волость нажила... богата теперя очинно, сказываютъ, были женихи знатные, даже изъ купцовъ, всѣхъ выпроводила взашею, — хочу, говорятъ, вольной волей жить...

— Какъ бы мнѣ-то съ ней, сестра, повидаться... больно бы хотѣлось...

— Завтра праздникъ — какъ не повидаться, минутка какая слободная перепадетъ, а ужъ я ей скажу: и поди радостей то будетъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Охъ, село ты мое родимое! Нѣтъ ужъ полно: кажись, мнѣ не разстаться съ нимъ будетъ...

— Полно сестра, — я то какъ останусь? все же родная душа рядомъ какъ-будто и повеселѣе.

— Скучно у васъ, братецъ, больно скучно. Здѣсь то славно, и воздухъ-то другой...

Въ эту минуту по улицѣ показалась еще человѣческая фигура, и Павелъ Ивановичъ съ Матреной призамолкли.

IV

Между-тѣмъ Петруха разложилъ лошадей у знакомаго ямщика, всыпалъ имъ овса и пошолъ бродить по селу. На берегу, около яркаго пожога, судорабочіе подкрѣплялись кашницей; чванье прекратило ихъ разговоръ: некогда говорить, когда ротъ на барщинѣ.

— Хлѣбъ да соль! сказалъ Петруха, подходя къ пожогу.

— Милости прошу къ нашему грошу со своимъ пятакомъ! отвѣчалъ одинъ изъ судорабочихъ, не глядя на того, къ кому относились эти слова.

— Въ Архангельскъ идете съ судномъ?

— Въ Архангельскъ, побратимъ... да ты нашего поля ягода, съ борку али съ сосенки?

— Ямщикъ, съ Валухи ямщикъ, — купцей привезъ на побывку къ Самойлѣ Рожину.

— Ямщикъ — распахви-душа мужикъ... ладно-съ, молъ... подитка обратныхъ найдти хочется...

— Кабы встрѣлись — хорошо бы, да гдѣ ихъ найдешь.

— А я тебѣ, парень хорошій, скажу гдѣ найти... подь ты къ тетушкѣ Оринѣ, — да, чай, и безъ меня найдешь: знаешь гдѣ, парень, раки-то зимуютъ. Молодой вѣдь? Покажись-ка сюда, покажись каковъ ты тамъ человѣкъ есть.

— На кой прахъ я къ ней пойду, я ни черта у ней не забылъ, чтобъ ей пусто было.

— Егѣ, голова, да ты я вижу, хоть изъ молодыхъ, а того съ душкомъ да еще съ малиновымъ! Ладно-съ. Все-таки скажу тебѣ, душа-человѣкъ, поди къ тетушкѣ Оринѣ, найдешь тамъ человѣчка—во какого—съ мизинецъ, кота въ сапогахъ, на немъ красная рубаха, что ни плисовы штаны, пряжки съ искорками — вонъ повыскакали...

— Да ты что, мелешь али взаправду? съ неудовольствіемъ прервалъ Петруха.

— Ни-ни, голубчикъ, — онъ ужъ все такъ, — дуракъ не дуракъ — а съ придурью... (заговорилъ другой изъ судорабочихъ). — Это точно ѣхалъ съ нами на суднѣ какой-то человѣчекъ, этакій махонькій, да здѣсютко праздникъ захватить хо-

четь — очинно весело сказывается, — а мы то съ солнцемъ уйдемъ, — значить, коли переждешь, такъ съ обратнымъ будешь.

— У тетки Оринки говоришь, онъ?

— Ну да, да... я же тебѣ сказывалъ, душа-человѣкъ, продолжалъ первый изъ судорабочихъ, — подь къ тетущкѣ Оринѣ, выпей за насъ да и выпись за насъ, — тамъ себѣ и сѣдока найдешь.

— А что, братцы, ночевать къ вамъ можно: въ компаніи-то оно все повеселѣе будетъ!

— Я тѣ сказываю — у Орины ночуй — тамъ будетъ повальготнѣе: какая ужь у насъ ночѣвка, — самъ пуховникъ, самъ одѣяло, хоть какъ хошь!

— Можно, голубчикъ, можно, для-ча невозможно, мѣста много! ласково отвѣчалъ второй работникъ, изможденный старикъ.

— Мѣста не пролежишь, а и пролежишь, такъ не наше, не больно жаль!

Петруха пошолъ къ тетущкѣ Оринѣ. Изба ея стояла, какъ мы уже говорили, на краю села: довольно большая, но уже старенькая, освѣщенная, не смотря на позднее время. Съ какимъ-то особенно неприятнымъ выраженіемъ въ лицѣ отворилъ нашъ лмщикъ дверь, и на него пахнуло табачнымъ дымомъ. Изба раздѣлялась на двѣ половины: чистую и черную; Петруха попалъ въ первую; во второй слышалось храпѣнье. Но въ чистой половинѣ, куда принималась избранная публика, еще не спали. Въ переднемъ углу, за столомъ, покрытымъ довольно чистою скатертью, сидѣла особа женскаго пола, не первой молодости, съ высокой грудью, весьма небрежно прикрытой, широкими плечами, но весьма блѣднымъ лицомъ, которое однако было замѣчательно хорошо: влажные, неопредѣленнаго цвѣта глаза, вздернутый, съ тонкими, подвижными ноздрями носъ и толстыя сухія губы придавали ему то выраженіе, которое обыкновенно приписываютъ вакханкамъ. Около нея юлилъ, то самодовольно похаживая вокругъ и потирая руки, то обхватывая красивый станъ женщины, маленькій, вертлявый человѣчекъ въ красной рубашкѣ и плюсовыхъ штанахъ. На столѣ стояли графинъ, бутылка и стаканы. Облокотясь обѣими руками на столъ и подпирая отчаянно угреватое лицо, сидѣлъ третій собесѣдникъ — молодой дѣтина въ суконномъ кафтанѣ, обстриженный въ кружокъ. Передъ нимъ стоялъ полный стаканъ водки.

— Орина, вдругъ сказалъ онъ, хватаясь за стаканъ и хлопая имъ объ столъ, — гони мазурика вонъ, слышь, гони вонъ его. Что ты мнѣ вечеръ говорила — помнишь, что вечеръ говорила али запаматовала... Гони мазурика!

— Какъ не гони — для тебя то это что-ли? вѣтъ еще — карманъ тонокъ!

— А вчера что говорила? Что ты вчера говорила менѣ? а?

— Что говорила, то и теперъ скажу: голь — ты, молоко-сось, — отецъ тебѣ баню задасть, потому ты у него подъ началомъ, безъ спросу его шагу ступить не можешь, копѣйки не израсходуешь! Поэтому самому ты и голь! Плевать я на тебя хотѣла!

— Плевать! Я голь! Ну ладно! А коли я завтра все ваше Никольское затоплю виномъ на мои денежки и съ отцомъ не поѣду до зари, на праздникъ останусь — что тогда скажешь! Смотри Орина — тогда другое запоешь!

— Запѣла бы другое, только этому не бывать, и быть энтаго никогда не можетъ!

— Не можетъ? Ну-ка великанъ, наливай вина!

Малютка въ красной рубахѣ налилъ два стакана, чокнулся съ парнемъ и визгливымъ голосомъ провозгласилъ:

— Ты слушай, молодець, меня... Всѣ люди и всѣ человѣки! Ты не сердись на меня за Оринку, — она не для твоего рыла сотворена, хоть ты и я — все равно, все люди, все человѣки! Я тебѣ это докажу, а не сердись: поцѣлуемся!

— Отваливай, отваливай! отвѣчалъ парень, отводя локтемъ гуманнаго человѣчка.

— Не хочешь, такъ какъ хочешь... тѣфу!..

Запропала ежова голова,
На чужой сторонѣ живучи,
Живучи, живучи,
Да горемыкаючи!

Ухъ ты!..

— Такъ не можетъ? спросилъ парень, выпивая вино.

— Не можетъ! отвѣчала Орина.

— Ну ладно... — и вслѣдъ затѣмъ парень вышелъ и хлопнулъ дверью.

Только что маленькій человѣчекъ залился звонкимъ хохотомъ и успѣлъ затянуть, фертомъ становясь передъ Ориной:

Не запѣть ли, Орина, по-дворянски?

Не запѣть ли, Орина, по-дворянски?

Какъ по улицѣ. . . . .

дверь снова отворилась и на порогѣ показался Петруха.

— Что тебѣ? спросила Орина, пристально глядя въ лицо новопришедшаго.

— Къ ихъ милости — ямщикъ... отвѣчалъ этотъ, мигомъ оглядывая избу и угадавъ личность, описанную судорабочими.

— Сказываютъ, лошадей надо... Я съ Валухи — тройка знатная — съ обратными, значить, коли угодно, не дорого возьмемъ...

— Ладно, ямщикъ, только не сегодня!

— Знаю это, что не сегодня, до завтра обождать можно, это ничего, только ужъ чтобы, значить, вѣрно было, безъ обмана.

— Ужъ вѣрно, глупая голова, вѣрно... Водку пьешь, такъ пей! Я вашимъ братомъ не брезгую; по моему всѣ люди, всѣ человѣки!

— Нѣтъ, баринъ, на томъ благодаримъ, водки не пью, только ужъ вы на счѣтъ прогонъ-то не обидьте. Везъ сюда купца, къ Самойлѣ Рожину братана, на побывку — знатно удоблетворили, четвертакъ на водку дали!

— Ну такъ отъ меня полтину получишь! А я за тебя выпью:

Охъ ты солда-тка мо-ло-дая!

Что же ты, солдатка, поздно ходишь,

Поздно ходишь, да личико наводишь.

Между-тѣмъ имя братана Рожина произвело странное дѣйствіе на Орину:

— Къ Рожину, говоришь, брата? Павла что-ли?

— Точно, ровно какъ Павломъ зовуть, — нехотя отвѣчалъ Петруха.

Черезъ секунду Орины уже не было въ избѣ, — какъ сумасшедшая выскочила она на улицу, дрожа всѣмъ тѣломъ.

А маленькій человѣчекъ остался одинъ допивать графинъ и допѣвать «солдатку», потому что и Петруха, заключивъ окончательное условіе съ сѣдокомъ, пошелъ спать къ судорабочимъ.

Орина въ страшномъ волненіи, въ безумномъ забытіи бѣжала по широкой улицѣ, пустынной и безмолвной. Свѣжій ночной

воздуху пахнула на ея горящія щеки; тишина царствующая кругомъ, нарушаемая только протяжнымъ крикомъ, сторожей на судахъ, увеличившаяся: она лихорадочный трещетъ; длинная черная коса распустилася. Инстинктивно, безсознательно бѣжала; она къ дому Рожинныхъ, гдѣ на крыльцѣ сидѣли Павелъ Ивановичъ и Матрѣя. Читатель помнитъ, какъ прваатили они, увидя прибавившагося челоуѣка. Около дома шаги Орныи начали зашевеливаться; она подошла къ крыльцу и остановилась, словно окаменѣлая...

— Гмша! закричала Матрѣя, всмотрѣвшись въ лицо Орныи. Матрѣя! Въ секунду приятельницы ожимали другъ друга въ объятіяхъ, всхлипывали и рыдали. А Павелъ Ивановичъ сидѣлъ и смотрѣлъ въ какомъ-то оупѣнии отъ неожиданности встрѣчи со своей первой и послѣдней любовью.

Въ это время блеснулъ первый лучъ восходящаго солнца, золотой струйкой пробѣжала надъ дымящейся паромъ рѣкой, яркими искорками заигралъ въ капляхъ росы и розовымъ, сіяющимъ свѣтомъ окрасилъ восточную половину неба...

Когда черезъ нѣсколько времени медленный, плавный ударъ колокола, призывая жителей и гостей Никольскаго къ заутренѣ, торжественно прогудѣлъ надъ безмолвствующимъ селомъ и далеко-далеко понесся по зарѣ, ни Павла Ивановича, ни Матрѣю, ни Орныи уже не было у Рожинскаго дома...

Въ первомъ колоколѣ проснулись судорабочіе, прикурнувшіе на берегу, около погасшаго дежога, зѣвая и потягиваясь, подымались на ноги и перекрестились: «вѣге, голова, сказала одицъ, — ужъ бѣлый день!» Вслѣдъ затѣмъ всѣ макнули свои широкіе сѣрые армяки и отправились на суда. Петруха, помѣщавшійся между ними, тоже всталъ, перекрестился и, щуря глаза, поглядѣлъ на солнце. Ему вставать спозаранокъ было не зачѣмъ, но утро свѣтилось такое ясное, такое пламенное, вѣтерокъ отъ воды ведувалъ такъ жавительно, картина рѣки и оживающей на ней дѣятельности такъ освѣжительно дѣйствовала на душу, да къ тому же торжественный благовѣстъ раздавался все чаще и громче, необъятными волнами разливаясь въ утреннемъ воздушнѣмъ...

Вотъ на какомъ слѣ послышались громкіе голоса, начавшійся дѣлать. Вотъ на одномъ громкій голосъ закричалъ: «убирай следки!» а черезъ минуту: «могишь» и наконецъ «отъ ча-ди-вай!» и еще гдѣ-то гдѣ-то дѣломъ повторило: «могишь!»... и судно двинулось...

Но много погодя на немъ развернулся большій парусный надутый иль свѣжиль попутный швертокъ. Всплывъ за тѣмъ, расплашивъ при укладкѣ барка, а тамъ крылся лодки, тамъ еще барка... *Л. В.*

На каждой суднѣ повторялись также церемоніи: раздѣлаемъ также прѣдѣльные прии дощана, слышались похвалы надутымъ парусъ, и черезъ часъ пристали. Никольская осушила иль дѣлѣ заботливый хозяинъ бочка понасть въ пристави иль прѣдѣльнѣ: рабочіе переплюются, да и самъ, чего добраго, не унырится, а время уходитъ...

Того же гудѣль да гудѣль, и прѣдѣльнѣ жителѣ Никольскаго и тайныя разраженныя плац въ церкови Ильи, трѣблѣнаго пророка.

V

Прѣдѣльнѣ Ильи Пророка былъ самымъ большимъ прѣдѣльнѣ комъ въ Никольскѣмъ. Приготовленія къ нему начинались уиждѣмъ заняточнаго и неажиточнаго крестьянина за ильскодо дней: покупалось вино, варилося вино въ безириемъ калѣчѣмъ стѣвѣ, пекались пироги, заготовлялись всевозможныя сласти. Гости изъ далека навѣзали въ село на зѣру, прѣдѣльнѣ останавивались, даже самъ становой лѣлялся ежегодно, удостоивая своимъ посѣщеніемъ, конечно не бѣдныхъ изъ жителей. Рано утромъ отворяются гостепріимныя дощани съ слѣчками надѣи дверью, которой рѣшительно нѣтъ никакого шокѣя. Гости иль хозяйка не пренебрегаютъ зайдти подѣ гостепріимный кровъ, тѣмъ болѣе, что и становой не прѣдѣлѣтѣ такому равнѣрѣ угощенію, вѣроятно ильѣи на то свои причины. Всѣ лѣвоиши вѣстѣтъ: красивыя торговки такъ и заманиваютъ торомѣтъи, покупателѣй разными разнѣстями, начиная отъ трески иль красѣнѣнѣго мѣду до табаку и чаю. Около церкѣвъ шарѣтъ кнѣвѣи кѣи шить, — всѣ слышатъ къ обѣднѣ. Торжественнѣйшѣй блѣнѣвѣтъѣи заглѣшатъ всеобщій шумъ и говоръ. После обѣди рѣшѣтѣтъи крѣпнѣйшѣй ходъ около села и благовѣщенію жителѣи, котѣрѣи рѣшѣтѣтъи иль жѣлѣтъѣи, волнѣтъѣи, слоино море. Иностранѣи тѣмъи слоитѣи блѣнѣиши; густѣи блѣнѣи дѣлѣчѣи заливаются иль вѣрѣторѣи (золѣишѣи) крѣтъи слѣтъи на волнѣи. Оиѣтъи водѣи прѣдѣльнѣи брѣтъишѣи тѣи рѣшѣтѣтъи въ немолажнѣишѣи, слоидѣишѣи крѣпнѣишѣи рѣс

сой падают на жатву,.. Жители Никольского усердно ищутъ швейцаровъ: пощона и таверна кресные знаменіе; крова: солдатыно сильно прадкуютъ, обирая егo: обильныи попомъ, а расклатъ еще болыио, боъ того уже расстрелянуеа: саръ за-сужа, почему: швейцар! Жители Никольского не грустятъ, а швейцары: забываютъ, что Ильинъ день, праздникъ древняго пророка; но проводятъ безъ грозы и ливня; онъ видятъ, что все швейцарская ташна природы обиднасть что-то, видятъ: саръ тучу, поднимающуюся изъ за саяго лѣса, — и самодовольно шибитъ на свое поле, на свою тучную жатву: швейцарскую: небесной влаги...

Славная будетъ жатва! Не даромъ падали на нее: капли: швейцары, не даромъ падали брильянты святой воды, не даромъ прольется и ливень небесной влаги!

Между тѣмъ въ каждомъ домѣ хлопотъ—то, хлопотъ—то! Въ каждомъ хозяйка ждетъ священника съ крестомъ и гостей, ни швейцары изъ каждому домохозяину изъ разныхъ саровъ. Въ швейцары, даме въ самомъ бѣдномъ домишней, чистая скатерть воставляется на столъ, стоящій въ переднемъ углу и чисто на чистого выскребенный, вымытый; достается изъ завѣтнаго шкапика свѣтлый пресвѣтлый графинчикъ и не менѣ свѣтлая рюмочка; наливается ендова крѣпкаго пива: въ печь зарумяниваются ситные пироги съ морковью да яичами; швейцары словно шибитъ хватить изъ печи... А передъ окнами, между которыми швейцары временно есть Николай Чудотворецъ, теплится золотая восковая свѣчка... Все это дѣлается у бѣднѣйшаго изъ жителей, — что же должно быть въ домѣ Самойла Рожина?.. Тамъ въ каждой комнатѣ горятъ ясныя лампы; въ залѣ же раскрытъ лѣтній столъ, накрытъ скатертью и поставленъ передъ образомъ; на столѣ воставлена миска съ водой и положено швейцарыко восковыхъ свѣчъ, потому что Самойло такъ уиетъ, разъ на время завезетъ, чтобы слушали у него въ этотъ праздникъ на дому швейцары: достаточный молодецъ. Въ гостиной сдвинуты два стола работъ и на крайничѣ воставлены два графинчика съ разнообразными водками и двѣ бутылки бѣлаго вина, то есть теверна и керосинъ окруженыи достаточнымъ количествомъ рюмокъ весьма рѣзультатнаго свойства. Остальное же пространство пола оставлено пусто въ ожиданіи гостей, еще не появившихся, но готовить швейцары: шибитъ шибитъ свѣтъ для насмѣчки и воспріимчивости швейцары

«переселенцы» (не-никольскому выражению) въ одинъ, въ другой, въ третій домъ и на крыльцѣ Ронинныхъ застасть ихъ натрасанной раскатъ, и вслѣдъ затѣмъ сильнѣйшій ливень, обильнѣйшій цѣлой ночью воды. Небога была въ семомъ разгарѣ, когда по совершеніи водоволтія, гости принялись сперва за чай, а потомъ за другое возгдѣнное пѣтіе, занимавшее крайнякъ уже минутами рѣчь стола, который уже не былъ пустымъ и молчаніемъ, а распространялъ также благоуханіе разными хорошишими съдобными вещами, что слюньки текла.

Кругъ гостей былъ весьма разнообразенъ и украшался нѣсколькими весьма почтенными личностями, какъ самъ становой, блистающій ополченскимъ крестомъ и бронзовой медалью; его писмоводитель, хотя ничѣмъ не блистающій, но тѣмъ не менѣе чиновная особа; прикащикъ губернскаго купца, заѣхавшій въ эту сторону для закупки льну и пряжи, съ весьма вкусной фамиліей въ родѣ Мыльниковъ или Сальниковъ; наконецъ священникъ и въ заключеніе Анна Яковлевна, которая, какъ говорится, разфуфырилась, словно принцеса: пышное шелковое платье съ рыжевато-зеленоватымъ отливомъ украшало ея сутулуй станъ, шелковая же темно коричневая мантилія лежала на плечахъ, стразовыя, увѣсистыя серьги болтались въ ухахъ, довольно массивный чепчикъ, въ видѣ вороньяго гнѣзда, покоился на головѣ. Въ такомъ грандіозномъ костюмѣ наша купчиха, пестрала какъ кукушка, возсѣдала въ гостиной на диванѣ и, ведя пріятныя разговоры преимущественно со становымъ и пріѣзжимъ прикащикомъ о томъ, какъ безобразна жизнь деревенскихъ обитателей, какъ пріятно жить въ городѣ, по какому случаю переселится она въ портовый городъ Архангельскъ и какъ весело будетъ тамъ проводить время, совершенно забыла о своемъ отсутствующемъ супругѣ. Напротивъ хозяйка не шутя начинала тосковать о своемъ братѣ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе его было замѣчено гостями и требовало объясненія.

Наконецъ бесѣда кончилась, какъ кончается все на свѣтѣ, вино выпито, вкусныя яства съѣдены. Къ тому же и гроза миновалась, и дождикъ приватилъ, и солнышко снова начало выглядывать изъ-за облаковъ; только прѣстранныя лужи наводили ническія улицы, но онѣ не помѣщали солончому, съ пріятномъ отвратителемъ, по прихотямъ, а становому съ писмомъ

водителями — несмотря, что дѣлается съ едой и размещеніем, что будучи неслыханно для прихода.

Дочь Ражиныхъ опустила.

Тутъ только хватилась Анна Яковлевна своего Петра Ивановича, кусая губы, всплеснула руками: «куда же это онъ, баба, шибанувшій, запропастился?» Никто не могъ дать положительнаго отвѣта, а кто и могъ, да молчалъ. Какъ нарочно зашолъ въ это время Петруха, — съ праздникомъ поздравить своихъ следковъ. «Не выдалъ ли, молодецъ, мужа?» спросила немедленно Анна Яковлевна.

— Хмъ! какъ не видать!

— Гдѣ же онъ тамъ шатается?

— Хмъ! Извѣстно гдѣ!..

— Ну, гдѣ же, скажешь ли ты?

— Извѣстно гдѣ — у Оринки сидитъ — гдѣ же больше, какъ не у Оринки!

— Ахъ онъ, простофиля эдакой, мужикъ сиволапый! Сходи ты, голубчикъ, къ нему поскорѣе: молъ Анна Яковлевна сейчасъ же домой велѣла идти, сію же минуту... Ахъ онъ сукоинное рыло, свинья нескобленая!

Почтенная и не менѣе задорная купчиха до того разходилась, что кулаки ея сжались, а глаза хотѣли выскочить изъ зрачковъ; губы же произносили какія-то довольно безсвязныя ругательства, относящіяся, сколько къ мужу, столько же къ его роднѣ и всему проклятому Никольскому.

Черезъ полчаса воротился Петруха, но фигура Павла Ивановича не слѣдовала за нимъ.

— Не нашолъ его что-ли, чтожь онъ нейдетъ? скороговоркой спросила Анна Яковлевна.

— Какъ не найти, отвѣчалъ Петруха, почесывая затылокъ, — у Оринки сидитъ, веселье у нихъ такое, — знать поландили они... Я говорилъ, что молъ хозяйка требуетъ, распалилась молъ — ужась какъ... да нейдетъ, «скажи, говоритъ, ей плююхѣ, что и на нее плевать хочу, убиралась бы, говоритъ, она къ...»

— Ахъ онъ мужикъ-деревня, голова тетерья, такъ я икъ ему задамъ, такъ что небо съ овчинку покажется! не дала договорить озабоченная купчиха, дѣйствительно «распалилась улитка какъ», и выдвинула на улицу: «веди-жь меня къ нему, къ еврею»

ишири Оршанъ, а смугленья Батмаки Анны Яковлевны хлещали по лужамъ, черепки падали на боты, а лицо ужасилось по валову красной бахрошкой, но не обращая вниманія ни на дальнейшее состояніе своего туалета, ни на толпы, бродящія по улицѣ, ни на остроты николевскихъ красавиць, сопровождающія ея странное путешествіе, Анна Яковлевна храбро, съ азартомъ проскользнула сквозь толпы, хлопала по лужамъ и сжимала крѣпкіе кулаки.

VI

Иванъ Ивановичъ дѣйствительно находился у Оршанъ, наведенная цѣлую ночь и цѣлый день, и трудно было узнать образъ его лица въ ликомъ гулякѣ, изъ котораго онъ вдругъ превратился отъ прикосновенія съ родной стѣной. Все, что замышляло, заговорило въ ней неудержимой, наукротливой на доброе зло, николевской манерѣ, забитое омерза самолюбивыми грезами, и потому чуждой жизнью уѣзднаго мундшета, — вдругъ поднялось со дна души, развернулось безъ транши, безъ всякой умѣренности; разгорѣлись апатичные глаза, выпрямилась полновѣсный станъ, развязались затекшія руки, рассынались мелкимъ козачкомъ отжелѣвшія ноги. Въ чистой горницѣ Оршанной избы собралось не мало всякаго народа. На столѣхъ, устланныхъ чистыми скатертинами, стояло множество графиновъ, штофовъ, бутылокъ, стакановъ и разныхъ увеселеній: не трудно угадать, что тутъ былъ пиръ горой; многіе изъ гостей уже не могли подняться съ мѣста, другіе бермотали великую ополосицу, а молодой парень, котораго мы видѣли наканунѣ въ такомъ отчаянномъ положеніи, безъ движенія растянулся на полу, разметавъ руки и опрокинувъ голову. Посреди избы, другъ противъ друга, стояли Павелъ Ивановичъ и Орива. Онъ уже давно скинулъ свой длиннополый городской сюртукъ, выпустилъ сверхъ брюкъ красную рубашку и смотрѣлъ совершенно николевскии гулякой. Она вырядилась въ самый лучший малиновый сарафанъ, въ косы вплела алая ленты; въ глазахъ ея и во всемъ лицѣ свѣтлось азартное веселье. Тутъ же вертѣлся и маленький человечекъ, уже видимо потерявшій здѣсь торжество, которое еще вчера такъ убивало молодого угрюмаго паря.

Павелъ Иванычъ, ухвативъ руки въ бока, не востыжаясь, а лишь улыбаясь, засобладалъ поговори и пощелкалъ язычкомъ, и началъ, какъ въ старину говорили, «запирать» сзади армяны дикимъ образомъ, — и очень широко въ тугой векторъ: — «Знаю, знаю, а вы не знаете, что такое это такое?»

— Чужь, започка, повиню я тебя!
 Не повиню, моя започка,
 Полюблю, моя бударушка!

Орша поддѣлывала его примѣру со всей величавой граціей никольской красавицы, и громкіе крики удовольствія раздались со всѣхъ сторонъ: «знатно, знатно, ай да тетушка Орша! знатно, ребята, лихо! Ишь, какъ отхватываютъ!» А маленький человечекъ, самый шикъ до шоломъ, ризы, армяны, бѣлоснежный пиджакъ, дергаясь, обѣими руками шлохъ, кричалъ: «знатно, да, зна, протипитивалъ между ногами Павла Ивановича, князьскому вельвету орятелей; ободряющихъ его: «ай да молодцы! Знай штукеръ мазурикъ!» Нисколько не оскорбляясь малюткой, она отшретила и названіемъ мазурка, малютка продолжала свои флуки, выдѣляя умерительное молвіма, и вдругъ стала вѣрять въ пощелки между Павломъ Ивановичемъ и Оршей, скорчивъ личико въ гримасу, широко затаявъ:

«Не забытъ ли, Орша, по казацки?»

Но Павелъ Иванычъ небрежно толкнулъ его: «убирайся, мазурикъ», и при общемъ хохотѣ, выронивъ свой онустивній шолохъ, малютка кубыркнулся среди комнаты, и взошелъ, какъ и въ чемъ не бывало; опять зацѣпалъ кругомъ и завлачилъ своею «не забытъ ли, Орша...»

Павелъ Иванычъ вошелъ въ полный азартъ, какъ лезть расплывалась и влетѣла разсвирѣпѣвшая его супруга, сопровождаемая Петрухой.

— Ахъ ты, мужничкое рыло, закривала она, ухватясь обѣими руками за тучный корпусъ своего благовернаго, — зотъ ты слѣпляешься, воть по какимъ домамъ!

— Убирайся ты, шлюха, отъ куда пришла! — оглядываясь отвѣчать Павелъ Иванычъ, отряхавъ съ себя видномашковца мушкетеру, но отряхнуть ее было не такъ легко, какъ малютку мазурка. — Говорять тебѣ убираться, варитьтъ ошь, — не до тебѣ шнѣ таперь!

Толпа, окружавшая моихъ героевъ, разразилась хохотомъ;

ной затрепанной. Тут еще дрались; проминались проминало сквозь зубы Петруха, рывались что стоишь и Ордын как споты, повалилась на пол.

→ Убилъ, убилъ! раздались въ толпѣ; — въ смятенью, про- бѣдѣ, къ станочному, держи его, молодецка, держи!

Убийство произошло такъ неожиданное, что никто еще не зналъ. Анна Яковлевна и мезуринъ очутились врознь и уползли куда Павелъ Ивановичъ хотѣлъ броситься на Петруху, который съ- крѣпко потаргалъ руки въ некому-то дикомъ, забредомъ-параша- девин; но его удержали. Когда первый приливъ злости прошолъ, онъ только умолялъ не увести его отъ трупа Ордына и смотрѣлъ на него неподвижными, мутными глазами.

Смерть Яковлева началась слѣдствіе...

Анна Яковлевна уѣхала въ Архангельскъ сама, потому что Павелъ Ивановичъ не долго пережилъ Ордына: онъ сгорѣлъ отъ жара, и спялъ отъ тоски. Дядя Александръ остался одинъ, про- дѣлъ лодкой и вручался доказывать свой вѣкъ, милая за побѣ- дныхъ ослепшей, и прованіе по архангельскому тракту часто веде- минають его добрую тройку...

В. ПУШКИНЪ

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цѣтокъ увидалъ ;
«Тутъ сувенирчикъ у васъ —
Онъ, улыбаясь, сказалъ ;

«Что еслибъ онъ говорилъ ?
Можетъ быть, цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ бы и мужъ тутъ тирить,

«Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было — и въ тѣ времена
Много, чай, всякихъ проказъ?...»

— «Грѣхъ надъ старухой шутить...»
Бабушка внучку въ отвѣтъ ;
«Кто жъ бы еще подарить
Могъ мнѣ его какъ не дѣдъ?»

«Дѣдушкинъ это цѣтокъ?»
Внучекъ опять — «признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ !
Дѣдушка — эдакой тузъ!»

— «Молодъ покойничекъ былъ !...
Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ !...
Тоже была молодя...

«Вздали разъ мы весной
 Въ ранній уловъ стерлядей,
 Къ мельницѣ нашей лѣсной...
 Батюшка... много гостей...

«Я и стою на мосту;
 Вкругъ молодежь мнѣ постъ
 Все про мою красоту:

«Мельница такъ и дрожить;
 Омуть-то въ пѣнныхъ буграхъ
 Ходенемъ ходить, кипить,
 Такъ что и испомалить-то страшно!

«Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
 — Кто, говорю я, сиротенекъ
 Съ мосту отсюда въ потокъ
 И мой цвѣтокъ привнесетъ,

«Тотъ мнѣ и есть кавалеръ! —
 Всѣ заэфались вокругъ;
 Только одинъ офицеръ
 Съ мосту-то прямо и — бух!

«Я обомлѣла. Народъ
 Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
 Только глядимъ — онъ плыветъ,
 Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...

«Мнѣ подаетъ: «я готовъ
 Жизнь, молъ, за васъ положить!
 Вотъ молодецъ былъ каковъ!
 Да, не любилъ онъ шутить!

«Дѣдушку я твоего
 Тутъ и узнала тогда... —
 Такъ и пошла за него...
 Былъ человекъ, это!.. Да!

«Старого вѣка кремень!
 Баринъ онъ былъ матерой!

Сель что имѣлъ, деревень (и проч.)
 Видный, пресильный оброкъ.

«Соколомъ ласнымъ ходилъ,
 Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
 Что онъ народу корытъ!
 Ну, да и самъ жить царемъ!»

«Въ гости ль мени званосна
 Въ золото, жемчугъ, атласъ,
 Словно царицу ридишь,
 Словно воевъ вези на прокъ!»

«Сѣрый лихой жезлоториъ
 Держать едва полъ-узды...
 Кучерь былъ — сила-мужикъ,
 И гайдуки — поводы!»

«И какъ жила я за вѣкъ,
 Тронуть меня ужъ не смѣи
 Кто хоть бы словомъ худымъ:
 Со свѣту сповннть — ей-ей!»

«Да, это былъ человекъ!...
 Нынче и роль ужъ не тотъ!
 Нынче — не тотъ ужъ и вѣкъ!
 Мелкій пошолъ все народъ!»

— «Бабушка! внучекъ прерасиль,
 «Я отъ самихъ стариковъ
 Часто про дѣла слыхалъ:
 Онъ не совсѣмъ былъ талантъ!»

«Былъ онъ — надменнѣй богачъ,
 Жилъ — азятскимъ пашой;
 Самъ и судья и палачъ,
 Ночью вѣжалъ на разбой!»

«И въ душегубствѣ не рѣкъ
 Былъ по суду обвиненъ...
 Правда, въ то время у насъ
 Знатному что былъ законъ!»

«Пьянство и ночью и днём!
 Въ домѣ жить цѣлой гаремъ!
 Вы же — всю жизнь полъ замкомъ
 Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ!

«Вась-то онъ будто любилъ?
 Боже мой! онъ лаялъ злодѣй
 Вашу всю жизнь загубилъ,
 Васъ загубилъ, и дѣтей!

«Мѣсяцъ или два приедемъ
 Первой-те страстной порой,
 Ласковъ былъ съ вами какъ левъ
 Съ львицей своей молодой!

«Ну, а какъ душу отася...
 Бабушка! сердце во мнѣ
 Рвется, при мысли — что золь
 Вынесли вы-то оди!»

«Вѣрите, люблю я какъ мать
 Васъ за страдальный вашъ вѣкъ...
 Что жъ отъ меня вамъ скрывать?
 Дѣлъ былъ — дурной человекъ?...»

Бабка трясеть головою,
 Шепчетъ на рѣчи его:
 «— Что говорить мнѣ съ тобой!
 Ты не поймешь ничего!»

Вижеть старушка чуломъ,
 Вижеть чулокъ и молчанъ,
 И на засохшій цвѣтокъ
 Нѣжно верою глядеть...

Смотрить на бабушку звукъ...
 Онъ изумленъ, что у ней
 Слезы закапали вдругъ
 Тихо изъ тусмакъ очей...

Въ жизни, дитя — не угнѣе
 Сердца еще онъ понять!

Онъ немытатъ не успѣлъ,
Какъ оно можетъ — прощать!

Какъ, изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя что тьму,
Сладкій лишь мигъ — все аснѣи
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуешь того,
Кто это сердце терзаетъ
Кто такъ измучалъ его!

А. МАЙКОВЪ

ПОВѢСТЬ ОБЪ ОДНОМЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ПОЭТѢ (*)

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖЕНѢ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Я говорю о Пятковичѣ, который сошелъ съ ума и умеръ. Онъ умеръ, и одинъ только я знаю исторію вынесенныхъ имъ бурь; одинъ я только помню смыслъ его долгаго ропота; одинъ я знаю тайну его паденія, и потому я хочу о ней вамъ рассказывать. Онъ умеръ и лежитъ въ могилѣ, и конечно, не прилетитъ оттуда посмотреть на вашу нѣжный разцвѣтъ и рассказать вамъ свои предсмертныя думы. А какъ бы онъ радъ былъ, если бы вы явились теперь передъ нимъ въ своемъ новомъ блескѣ, прекрасная, какъ южный, роскошный цвѣтокъ, готовая внимать любви и безумству! Какихъ бы онъ нажелалъ вамъ освѣжающихъ росъ и радостей въ вашей жизненной дали! Сколько бы онъ нажелалъ вамъ такого, о чемъ вы никогда и не думали! Онъ такъ любилъ васъ...

Но я вижу улыбку на молодыхъ и прекрасныхъ устахъ вашихъ, которая хочетъ сказать мнѣ: «Что пользы отъ этихъ желаній!» Какъ, что пользы? Кто такъ успѣлъ уже испортить молодое и, конечно, нѣжное сердце ваше! «Но онъ того же и также горячо желалъ всю жизнь себѣ; и чтожъ изъ этого вышло? — Онъ сошелъ съ ума, видя, что ни одно его желаніе не исполняется!» — О, заблужденіе! Мои всѣ желанія исполняются; но я схожу съ ума оттого, что никто, кромѣ меня, не желаетъ мнѣ того же самаго. Онъ сошелъ съ ума оттого,

---

(*) -Повѣсть объ одномъ сумасшедшемъ поэтѣ- есть воспоминаніе друга о другѣ, уже не существующемъ. Мы не имѣли чести знать лично самаго поэта и потому всѣ похвалы, всѣ достоинства и похвальные качества, приписываемыя поэту его другомъ, осталяемъ на его совѣсть. Мы помѣщаемъ эти воспоминанія, потомучто изложеніе ихъ показалось намъ довольно оригинальнымъ....
Впрочемъ объ этомъ пусть судятъ читатели.

Ред.

что его желанія, были слишкомъ велики, и несчастью и горю было за что хватить его. Въдъ густолиственный дубъ легче вырывается бурю, нежели тонкая березка какая нибудь. Но знаете ли вы, что и несчастье и горе были въ немъ самомъ, и создавались для него собственными его желаніями. Такъ что, уверяю васъ, ничто бы его не могъ погубить, если бы онъ самъ не могъ погубить себя. Вамъ это кажется странно? Отчего же? — Въдъ самая лучшая жизнь принадлежитъ именно только въ душѣ нашей, да, потому что у насъ въ душѣ заключается экстрактъ жизни — жизни цѣлаго міра, со всѣмъ ея добромъ и зломъ въ ихъ гармоническомъ переплетеніи. Въ жизни вышней добро и зло часто встрѣчаются разрозненными; и оттого даже тѣ люди, которые примирились съ жизнью, сознавши достаточность добра и законность зла, въ ней заключающагося, примирились съ нею только въуздри себя и закричать: «караулъ!» при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Чѣмъ лучше жизнь нашей души, тѣмъ ужаснѣе кажется намъ дѣйствительная наша обстановка, потому что тѣмъ она кажется намъ черствѣе, тупоумнѣе и безобразнѣе. И что всего ужаснѣе, такъ это то, что по какому-то странному закону судьбы, въ то время какъ все живущее этою прекрасною жизнью, втайнѣ застѣнчиво сокрушается о томъ, что живетъ какими-то иссохшими обглодками жизни міра; зло громко и явно ненавидитъ это живущее за его любовь и за его сокрушенія, и потому на каждую лучшую, задушевную мысль его торопится послать по три тысячи пятисотъ пятидесяти семи скверныхъ, возмущающихъ всю его душу улыбокъ; и громко старается заявить ему, что оно не нуждается въ его любви и его сокрушенія, и съ непонятной горячностью защищаетъ ничтожную жизнь свою. И это случается именно съ тѣми, которые сознаютъ правоту сокрушающагося. — Если кто-то у кого-то саногъ разорванъ, не знаетъ этого, скажите ему: нечего быть у него; будетъ вамъ благодаренъ. Но не говорите этого тому, кто это самъ знаетъ. Кто знаетъ это самъ, тотъ хочетъ, чтобы другіе этого не самѣтили. Но одинъ при этомъ конузится, а другой сидитъ и смеетъ челузу, и сейчасъ же хочетъ оскорбить васъ, чтобы хоть въ дѣдъ драки имѣть передъ вами преимущество.

И вы улыбулись; улыбулись, думая, конечно, что нужно пританки случадъ такъ улыбатся, ибо все округляющее васъ такъ улыбаются на каждое слово добра и свободы, и такъ улыбалось на каждую рѣчь Петкевича. И я знаю, что каждое мое слово манетъ къ вамъ душою и дико: о немъ всѣ говорили совершенно противоположно!

Но я вижу, что я васъ опечалилъ своимъ разсужденіемъ. Я вазгу за это называю то стихотвореніе, въ которомъ Петкевичъ такъ поране всёъ описываетъ. Петкевичъ поэтъ, и неметра на то, что во все жизнь его ни одно его стихотвореніе не было напечатано; и по мнѣнію оцѣнокъ, не поэтъ потому, что случайно приталъ къ поэтической партіи міра этого, а поэтъ по рожденію, протъ потому, что самъ никакъ другимъ быть не могъ; хотя поэтъ и не ждалъ прихода его въ среду свою. Итакъ слушайте все это стихотвореніе.

Она еще дѣти, шестнадцатой весны
Ей ожидать осталось два-три года;
Изгибы плечъ ея не всё округлены,
И медлитъ въ ней развитіемъ природа.
Всегда она, въ сторонкѣ отъ гостей,
Собравшася въ кружокъ многорѣчивой,
Явлетоя средѣ семьи олеж,
Задумчива, грустна и молчалива,
Ее другой замѣтивъ, иногда
Къ ней подойдетъ и скажетъ съ видомъ ласки:
«Ахъ, Боже мой, какъ черны ваши глазки!
Умойте ихъ, а то — бѣда, бѣда!»
На возмущеніи цѣлобыи ожившая
Улыбкою пріятной, скажетъ: «Гм...»
И полная какихъ-то тайныхъ думъ,
Скрывается. Ее манитъ нѣмая
Тѣма залы; тамъ, въ себя погружена,
Напомнить веѣмъ, гдѣ скривлася она:
На клавишахъ прискиваетъ звуки;
И вдругъ гремитъ проснувшійся родъ
Какую-то незрѣлую печаль,
Какія-то несознанныя муки...

Не правда ли, какъ хорошо, съ какою любовью, достойной самаго предмета, онъ васъ описываетъ? Впрочемъ вы вообще стихотворца не любите, и не шлово ли три поета уже воспѣли весь въ пѣсняхъ своихъ? — На это стихотвореніе вамъ нравится; оно должно вамъ нравиться, потому что въ немъ изображены съ удивительной вѣрностью черты той сердечной глубины, которая теперь составляетъ самую отличительную черту вашего характера, и вообще все вы представляете въ томъ обстоятельномъ свѣтѣ, который постоянно васъ окружаетъ, потому что это собственный свѣтъ души вашей. На какъ иногда одна и таже вещь производитъ на различныя люди различныя впечатлѣнія! Мне въ этомъ стихотвореніи представ-

лется прежде всего самъ Петкевичъ съ его большимъ носомъ, надъ которымъ вы такъ часто и такъ наивно смѣялись, будучи еще дѣвочкою, и съ его большою душою, заключающею въ себѣ безпредѣльный міръ со всеми его печальми и радостями, съ его добромъ и зломъ, да еще въ придачу васъ съ вашею маленькою незрѣлою печалью и съ вашими крошечными, для васъ самыхъ непонятными мундими. И трогаетъ меня больше всего этотъ контрастъ между вами и міромъ; между вашими печальми и роковою, шумливою, какъ лѣсъ въ непогоду, печалью Петкевича. — «Но откуда же такая печаль?» говорите вы мнѣ. — Отъ мысли! Не отъ той мысли, которая неминуемо вызывается во всякомъ живомъ существѣ впечатлѣніемъ предмета, и научаетъ различать столъ отъ стула; не отъ той мысли, которая научаетъ голоднаго достать себѣ кусокъ хлѣба или повкусить что-нибудь; не отъ той, которая строитъ дома, составляетъ парходныя компаніи и проч. и проч.; но отъ той вѣчной, великой мысли, которая съ самаго начала міра мучить человечество, и растетъ, развивается; и въ то время, какъ она говоритъ о предметахъ, касающихся до всѣхъ разомъ и ни до кого въ особенности, около нея, какъ ледъ отъ солнца, распадается цѣпи, врепадають предразсудки, исчезаютъ повѣрія, — отъ той мысли о любви и ненависти, о жизни и смерти, которой, какъ самому міру, конца не будетъ. На долю каждаго человѣка досталось немалое мысли этой; но во всѣхъ она исчезаетъ подъ другими, посторонними, временными желаніями и идеями; но есть люди, надъ которыми, съ самыхъ нѣжныхъ ихъ лѣтъ, она приобретаетъ власть исключительную, — это тѣ люди, въ большихъ сердцахъ которыхъ сосредоточиваются жизнь и страданія человечества: они сильнѣе всѣхъ чувствуютъ свое ничтожество, потому что сильнѣе всѣхъ имъ хочется быть могуче и прекраснѣе; потому что сильнѣе всѣхъ чувствуютъ они свое безсиліе отвѣтить на все вопросы великой души своей. И они стонуть и гибнутъ подъ бременемъ этихъ вопросовъ, и горько плачутъ, замѣная, что бездна другихъ людей еще безсилнѣе и ничтожнѣе ихъ; а эти люди, всю жизнь нестолаивувавшиеся ни съ однимъ вопросомъ, передъ которымъ могли бы почувствовать свое безсиліе, за ихъ рѣчи, бросають въ нихъ камнями; особенно пока не замѣтятъ пѣкоторую справедливость въ ихъ обвиненіи, или пока вапроедъ не привыкнутъ къ нему. И нечего жрецовъ у этой мысли, потому что ими дѣлаются не по выбору: природа сама назначаетъ эти жертвы себѣ; жертвы, по-

тому, что хотя эти люди имѣютъ неизъяснимые восторги и неизъяснимыя наслажденія, они имѣютъ также точно и неизъяснимыя муки, и печали неизъяснимыя. — Но не думайте, чтобы хотя одинъ изъ нихъ отдалъ за какое нибудь или даже за всѣ ваши сокровища печаль свою: это печаль свободной души, и они знаютъ, что они велики своей печалью. Это печаль свободной души, и безъ нея нѣтъ въ мірѣ свободы! Это тоска познанія добра и зла; это тоска жажды справедливости.

— Мало человѣку знать, чтѣ добро и чтѣ зло, изъ сказки или изъ преданія. Зависимость отъ преданія лишаетъ уже человѣка душевной свободы его. Надо выплакать и выстрадать эту свободу. Въдъ въ этомъ отношеніи между людьми только и есть одно различіе: одни — люди свободы, другіе — рабы. И увѣряю васъ, что не нужно ни единой формы, никакого обычая, для того, чтобы первые не дѣлали вреда себѣ или зла своимъ ближнимъ: высшій земной судъ ихъ заключается въ ихъ собственной совѣсти; все же то, что не дѣлаетъ худого только въ силу преданія или въ силу обычая, все то, надъ чѣмъ тяготеютъ предрасудки, страхъ и повѣрія, все то, чья совѣсть не есть порука за его добродѣтель, все это — рабы, и нѣтъ имъ другого названія. Вотъ почему поэты постоянно упрекаютъ въ рабствѣ человѣчество. И это составляетъ не малую причину той тоски, которую испытываютъ эти души; и эта тоска тѣмъ невыносимѣе, что за нее-то и бросаютъ въ нихъ каменьями и они не хотятъ на нее жаловаться. А жалобы есть вся жизнь ихъ, все ихъ дѣло. Пусть такая душа живетъ и говоритъ о томъ, что она чувствуетъ; и уже отъ одного ея голоса, вокругъ нея будутъ бродить всѣ вопросы объ улучшеніи той жизни, на которую она жалуется; только надо, чтобы громокъ и горекъ былъ плачъ ея: ей за это больше придется терпѣть отъ ближнихъ, но за то этимъ ближнимъ будетъ лучше. И будьте увѣрены, что этимъ душамъ ничего лучшаго и не хочется: тираньте меня, но слушайте, что я буду вамъ говорить. И только когда не даютъ говорить имъ, они умираютъ, задыхаясь, потому что рѣчь есть ихъ дыханіе.

Но отчего же вы отреклись отъ Петкевича, когда я спросилъ васъ, не встрѣтили ли вы когда-нибудь подобнаго человѣка? — Отчего же? Оттого ли, что авторитетъ его не былъ признанъ міромъ? оттого ли, что его стиховъ не хотѣли даже печатать? или оттого, что онъ былъ такъ коротко знакомъ съ вами, игралъ съ вами, пилъ и ѣлъ съ вами, и вы, какъ всѣ люди, думаете, что если бы онъ точно былъ чѣмъ-нибудь

будь особеннымъ, то не захотѣлъ бы знать васъ, и ушелъ бы отъ васъ, оставивши вамъ ваши мелкія печали и радости, къ чему нибудь болѣе крупному, болѣе широкому? Такъ думаютъ всѣ люди, и даже тѣ, которые очень довольны собою и считаютъ себя верхомъ человѣческаго развитія. Они также думаютъ, что выше ихъ быть не можетъ; а если и можетъ, то гдѣ нибудь въ другой сторонѣ, подъ другимъ небомъ, при другихъ совершенно условіяхъ. Въ своей деревнѣ пророкомъ не будешь. И ни въ чемъ такъ ярко какъ въ этомъ не выражается мелкота души человѣческой. Они не хотятъ, чтобы было что нибудь великое посреди нихъ. Не оттого ли они такъ охотно вѣнчаютъ своими лаврами и даютъ мѣсто въ своихъ журналахъ поэтамъ, пишущимъ сатиры о разбавленной водкѣ, — и съ недоверіемъ и презрѣніемъ отталкиваютъ все то, чему подтвержденія нужно искать въ цѣломъ мірѣ, или отрывать, среди всякой дряни, въ сокровенныхъ нѣдрахъ души своей. Когда маляръ чертитъ ямъ безобразную личность, порожденную въ его воображеніи временными вопросами, а еще болѣе недоношенными отвѣтами ихъ эпохи, личность, доминирующую среди представлений ихъ общества, они, въ шель съ охотою признавая себя, кричатъ: «Вотъ великолѣпно! вотъ гений!» а когда человѣкъ, заглянувшій въ сокровеннѣйшіе изгибы души человѣческой, называетъ поименно ихъ чувства, которыя при этомъ дрожать и стыдливо прячутся, и они чувствуютъ, что уже имъ больше не выйти на позорище жизни щеголять подъ чужими названіями, тогда они кричатъ: «Ужасъ! позоръ! поношеніе! безвкусица!»

Во всякомъ обществѣ благодушно принимаютъ пустого говоруха и разсказчика, но не охотно встрѣчаютъ человѣка-обличителя. И люди правы: не хороши угрызенія совѣсти, и конечно гораздо легче избѣгать всякаго ихъ пробужденія, нежели дѣлать такъ, чтобы ихъ вовсе не было: этого и не сдѣлаешь; нужно уже родиться такъ. Петровичъ вовсе не былъ обличителемъ; но вы очень хорошіе вѣроятно помните, какъ онъ возмущалъ нѣкоторыхъ своею открытою рѣчью; и вы также точно, вѣроятно, помните какъ многіе изъ вашихъ знакомыхъ, по большей части женщины, болѣе его любившія, собирались вокругъ него вѣнкомъ, и смѣясь, какъ съ ребенкомъ, старались заговорить съ нимъ на его же яздъ, и какъ онъ при этомъ добродушно конфузился, великодушно удерживая на устахъ то слово, которое могло бы превратить ихъ въ рдѣющихъ резовъ со слезою на румянцѣ стыда. И это съ нимъ повторялось всюду.

Петкевичъ былъ чиновникъ; онъ былъ бѣденъ и потому никакъ не могъ выйти изъ своего закодваннаго круга. Вы не можете также себѣ представить всего негодованія и озлобленія, какое онъ возбуждалъ въ чиновной братіи однимъ уже только механическимъ печатанъ своихъ стихотвореній. Никогда вора, душегуба, злодѣя не преслѣдовалъ такъ законъ и не карали такъ люди, какъ преслѣдовали и карали его своя братья за это совершенно ничтожное желаніе. Но оно то и было имъ допереть горла. Они неистовствовали, они выходили изъ себя за то, что этотъ человекъ, который знаетъ и ходитъ какъ они, ѣстъ и пьетъ какъ они, какъ они чихаетъ и кашляетъ, хочетъ лѣзть въ мѣстность, тогда какъ имъ высшее въ мірѣ благополучіе сидѣть и строчить бумаги, такъ чтобы ихъ никто не видалъ и не сифачивалъ. «И какой въ немъ талантъ? гдѣ жъ онъ намъ показавъ талантъ этотъ? — у него даже почеркъ прескверный!» рассуждали межъ собою чиновники; и Петкевичъ все слышалъ это и выслушивалъ, и конечно улыбался; но какъ улыбался! Высшимъ наслажденіемъ, высшею радостью для этихъ людей было то, что стихотвореній Петкевича не печатали. — «Что братъ, ожогся. Видно, не далеко отъ насъ ты уйдешь!..» была ихъ любимая фраза. Положимъ, во всемъ этомъ много нищеты душевной, но во всѣ вещи въ мірѣ такъ перенутаны, что я ей-Богу никогда не умѣю отличить этой душевной нищеты отъ холопскаго надоброжелательства. — Поверьте мнѣ, каждый кусокъ станетъ въ горлѣ, когда человѣку приходится пить и ѣсть съ подобными людьми, — «Что жъ? если онъ былъ великъ, то за чѣмъ онъ обращалъ вниманіе на такіа мелочи?»

Вы, можетъ быть, думаете, что человѣку съ большою душою кусанье влоповъ или блокъ можетъ доставить удовольствіе? Будьте увѣрены, что чѣмъ выше душа человѣческая, тѣмъ она чувствительнѣе ко всѣмъ неудобствамъ и непріятностямъ.

Мнѣ очень жаль, что я не помню всего того стихотворенія, въ которомъ Петкевичъ говоритъ между прочимъ:

«И кровь мою, какъ въ сказкахъ о вампирахъ,
Сосала жизнь, безумно разъярясь,
Въ толгѣ людей какихъ-то въ вицмундирахъ,
Безжалостно меня толкавъ въ грязь.»

Это было у него комическое стихотвореніе: онъ никогда серьезно не жаловался на собратовъ своихъ; онъ даже почти не говорилъ

о нихъ. И самое это стихотвореніе написано имъ уже въ сумаше-
сшествіи: Не выдумасшеотнмъ онъ иттенне жаловался на все то, а Чемъ
молчалъ въ свѣтлые дни своего пониманія. Но что для вара не по-
терасча?

И лучше прочту вамъ другое стихотвореніе:

Стремнины мрачной на краю,
Стоялъ я съ нею; въ грудь мою
Вселялся страхъ, и голова
Горѣла; жгучія слова
Моимъ владѣла языкомъ,
Я съ нею говорилъ о томъ,
Что сердцу въ жизни жизнь страшна,
Что вся она окружена
Коварствомъ, злобою страстей,
Пространствомъ скорбей;
Что опасно съ живкою душой
Быть вѣчно жалкою рабой
Закоренѣлаго глупца
И жизнь влечить съ нимъ до конца;
Что нужно женщину судить
По выбору, кого любить,
Кому отдать себя во власть
Въ ея душѣ возникнетъ страсть;
Что въ этомъ вся ея борьба,
Ея развитіе, судьба...
Когда же я въ разгарѣ словъ
Назвалъ по имени глупцовъ,
Которыми такъ полонъ свѣтъ,
Въ которыхъ вѣры въ чувство нѣтъ,
Нахмуривъ брови, — какъ она,
Съ какимъ презрѣніемъ, полна
Свѣтлаго гнѣва, головой
Встрѣкнувъ, сказала: Воже мой!
И чувствомъ пламеннымъ дыша,
Я слышалъ, какъ ея душа,
Внимая мнѣ, дрожа со мной
Сливалась въ искрѣ роковой;
Я слышалъ, какъ звучала въ ней
Струна извольовавшая страстей,
Но сердце страшишь невольный смѣлъ;
Я руку ей поцѣловалъ,
И какъ несчастный Прометей,
Бѣжалъ съ огнемъ моимъ отъ ней.

Но правда ли, вамъ очень нравится это стихотвореніе?

Не совесть?

Вамъ кажется страннымъ, что Петкевичъ убѣжалъ въ такую счастливую минуту?

Я знаю, что женщины очень не любятъ, когда отъ нихъ бѣгутъ, даже тогда, когда онѣ вовсе не намѣрены осчастливить взаимностью; такъ этого не любятъ, что съ досады готовы полюбить именно того, который убѣжить отъ нихъ.

Вы говорите: «Такъ безпощадно прервать лучшую минуту жизни!»

Но Боже мой, то и хорошо, что онъ убѣжалъ, и такимъ образомъ не испортилъ этой минуты: онъ сдѣлалъ это, самъ не зная, почему. Можетъ быть, онъ смутно почувствовалъ, что любить эту особу случайно; что сердце его, увлеченное потокомъ мысли, остановилось у ногъ этой женщины, но не надолго; что, прервавъ этотъ мигъ, онъ вѣчно будетъ за него благодаренъ; тогда какъ пойдетъ дальше, и будетъ похожъ на безрасчетнаго дурака, который,

Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ гѣсу,
Бранить обдранное тѣло.

А шутить онъ не хотѣлъ; и въ немъ не было вовсе этого звѣрскаго «не прочь отъ обладанія не надолго всякою женщиной». Къ тому же самое благодѣтельное вліяніе на сердце имѣютъ вещи, которыя начинаются въ жизни, но окончаніе которыхъ происходитъ въ тайникахъ души нашей; оно обыкновенно происходитъ такъ хорошо, что мы, увѣренные, что оно непременно такъ бы разыгралось и въ жизни, цѣлую жизнь жалѣемъ, что онѣ были нами рано оставлены, и вовсе не подозреваемъ, что если бы онѣ продолжались, то мы дошли бы въ нихъ, можетъ быть, до такого пресыщенія, что потомъ намъ тошно бы было объ нихъ и подумать. И подъ вліяніемъ этихъ сожалѣній, подъ вліяніемъ этого самовольнаго, фантастическаго развитія сѣмени, брошеннаго въ душу жизнью, душа совершенствуется. Всѣ эти прерванные встрѣчи, всѣ эти ни къ чему не приведшія столкновенія, составляютъ, говоря языкомъ политической экономіи, наилучшее удобреніе души нашей. Вы помните, какъ вы, играя однажды съ барашкомъ, сентиментально дали ему понюхать букетъ цвѣтовъ, который собралъ для васъ Петкевичъ; а баранъ прямо сталъ ѣсть его. Такъ зачастую не понимая намѣреній жизни, мы прямо пожираемъ то, что должны бы были только деликатно понюхать. Мы тогда

ужасные сновиденья! А иногда какъ хорошо, если бы мы только по-
вѣдали!

Послушайте: былъ я однажды между тремя поэтами; зашолъ у
насъ разговоръ о счастливейшихъ минутахъ жизни; и вотъ что
рассказалъ первый изъ нихъ:

— Счастливейшія минуты жизни моей были безъ сомнѣнія тѣ,
которыя я простоялъ на балконѣ, уходя домой и держа въ одной рукѣ
перчатку, а въ другой руку моей возлюбленной, и разговаривая съ нею
кажется о грамматикѣ. Первый разъ я держалъ такъ долго ее за
руку, и боялся сказать ей о томъ, что люблю ее, чтобы она въ
глазѣ, не отвела отъ меня руки своей. Счастливе этихъ минутъ ни
прежде, ни послѣ въ моей жизни не было.

Остальные рассказали тоже нѣчто подобное. И когда дошла оче-
редь до меня, то я, самый младшій изъ нихъ, рассказывалъ слѣдующее:

— Госюда, я не могу назвать ни одной минуты счастливою въ
жизни своей потому, что если у меня и были такія, то всѣ оны были
вслѣ захарканы и заилеваны тѣмъ, что за ними слѣдовало; но я
знаю, что каждый годъ воздвигается въ сердцѣ моемъ новый идолъ,
и я служу ему, и молюсь ему, и убриваю его цвѣтами и листьями,
сооружаю ему колесницу, и воегда мнѣ хочется самому броситься
подъ нее, какъ индѣйцу, и погибнуть жертвой безконечной любви
своей. Но также каждый годъ меня идолъ мой выводитъ наповоцѣ-
ль чертѣна, и я сержусь на него, бравлю его и, ободравши съ него
всѣ цвѣты, разбииваю наконецъ и ту колесницу, которую соорудилъ
ему. Но между тѣмъ какъ я воздвигаю и низвергаю своихъ ежегодно
новыхъ идоловъ, есть въ моемъ сердцѣ нѣчто необычайно нѣжное,
необычайно свѣтлое, что я люблю, люблю въ тайнѣ, люблю безмолв-
но, не разсуждая о томъ, стоитъ ли это нѣчто любви моей, и стою ли
я любви его, потому что у насъ о любви никогда и рѣчи не было. Каж-
дый годъ перемѣняются уста, которыя я цѣлую; но никогда не измѣ-
няются уста, о которыхъ я думаю въ то время, когда устаю отъ сво-
ихъ поцѣлуевъ; когда каждое слово цѣлуемыхъ мною устъ начи-
наетъ казаться мнѣ непроходимую глупостью, и когда тотъ взглядъ,
изъ котораго я принималъ жизнь и смерть свою, начинаетъ казаться
мнѣ невыносимо недѣльнымъ и скучнымъ. И Боже мой, какимъ пер-
ломъ, какимъ сокровищемъ кажутся мнѣ тогда эти милыя, добрыя
уста, никогда еще не горѣвшія отъ моего поцѣлуя! И всякій разъ я
иду къ нимъ, чтобы отъ нихъ просить жизни и счастія, но мнѣ страш-
но: я боюсь сказать свое слово и упрямо молчу, какъ иногда мы упря-

мо щурить глаза въ момент пробужденія; съ жадностью прожево сладкое какое нибудь сновидѣнье. И вотъ до сихъ поръ я не зналъ нилъ себя. Бѣсъ, чтобы когда нибудь, какъ нибудь въ сорадосъ съ языка невозвратимое слово; и что являло нѣжнѣе, благоуданыхъ отношеній нашихъ, не измѣнило нашей весны въ зимнюю осень съ дождемъ и слякотью. О, эта осень любви! Какъ хорошо сдѣлалъ Петкевичъ, что убожалъ отъ нея! Но онъ это сдѣлалъ инстинктивно: его душа была слишкомъ чиста и горяча, для того, чтобы онъ могъ въ такую минуту лгать нехорошимъ мыслямъ. Я угадалъ, что онъ даже почувствовалъ страхъ оттого, что думалъ, что онъ не достоинъ любви этой женщины. Таковы все эти люди. Не можете быть, таковы вообще человекъ: я не люблю хорошеенько, сколько разъ я была влюбленъ; но помню, что всякій разъ я думалъ, что предметъ моей новой любви не имѣетъ ничего общаго съ прежними женщинами; что онъ безконечно выше ихъ всѣхъ, и безконечнее тоже выше меня; и между тѣмъ послѣ постояннаго свиданья, что онъ хуже и ниже всѣхъ предыдущихъ, и что самое лучшее только самое отдаленное. И мнѣ очень грустно иногда думать, что можетъ быть и это отдаленное также пусто и глупо, какъ все недавнее прошедшее, и что оно кажется такимъ чистымъ и такимъ прозрачно-сверкающимъ только въ отдаленіи. Я себя гораздо больше нравлюсь ребенкомъ, нежели взрослымъ, не потому ли это самому? Но все равно, — Боже мой, какъ былъ счастливъ Петкевичъ однажды, когда пришелъ ко мнѣ прочесть слѣдующее стихотвореніе:

Позабитыя язвы страданій
Пробуждаются на сердцѣ вновь;
Въ немъ, подъ бременемъ злыхъ испытаній,
Пробудилась нежданно любовь.

Безъ нея, омраченный томленьемъ
Мнѣ на казнь предназначенныхъ дней,
Я влачилъ съ непонятнымъ терпѣньемъ
Цѣпи жизни печальной моей;

Но при чувствахъ возникающей страсти,
Поглащающей душу мою,
Не имѣя ни силы, ни власти,
На судьбу и на жизнь встаю.

Боже мой, какъ онъ былъ счастливъ! какими могущимъ образомъ и какою гордостью отъ него вѣдало! Такъ что мнѣ, неосознанному въ то

время этимъ сладкимъ подругамъ, ближнему же смотрѣть на него. Въдѣлюбленные вообще очень смѣшны для невлюбленныхъ и некрасивы, и тѣмъ смѣшнѣе и некрасивѣе, чѣмъ больше сами довольны они своею любовью, и чѣмъ больше азъ этой любви разожженной, не ненасыщенной страсти. Потому въ душѣ и сѣлелся надъ Петковичемъ и думалъ: теперь я не могу тебя почувствовать: сердце мое холодно какъ ледь, и не отзывается на твое счастье; даже выраженіе твоего лица кажется мнѣ нѣсколько неприличнымъ. И конечно, если за твоимъ жгучимъ утромъ придетъ жгучій полдень и назоветъ на тебя грозу со своимъ громомъ и молніей, и шумящій, ослѣпительный дождь, ты не придешь ко мнѣ искать поощренія и сочувствія. На погоди, когда придутъ за вошью этимъ скучные, охоложденные упреси и жалобы; когда всю жизнь твою заволокутъ сиверныя, сѣренькія тучи, и шобетъ тебѣ на голову мелкій, утомительный дождь, слѣпчивый, какъ надобительныя требованія посылкой менщины, какъ любовь, лѣтимо и нехотя оканчивающая свое существованіе, — тогда придетъ ко мнѣ и ты во мнѣ найдешь для своихъ жалобъ самаго рѣшительнаго и горячаго соучастника, и если тогда понадобится тебѣ надъ бѣды выручить, я буду весь къ твоимъ услугамъ.

Но этихъ услугъ не понадобилось, потому что Петковичъ самъ разыгралъ всю трагедію, и когда я черезъ нѣсколько времени спросилъ его:

— А что случилось съ той, которая васъ противъ судьбы возстать заставила, и по взгляду которой вы возстали, не имѣла ли власти, ни силы?

Онъ улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ: Я написалъ ей отличное стихотвореніе.

Потомъ мы много говорили о любви и о женщинахъ; но все это была клевета, черная клевета раздраженныхъ душъ, которой я не хочу тревожить вашего слуха и пугать ваше молодое и нѣжное воображеніе... Клевета! У Петковича душа была какъ чувствительныя вѣсы: малѣйшая пылинка производитъ въ нихъ колебаніе. Но только не подумайте, чтобы ихъ могло испортить чтонибудь тяжелое: въдѣэто было дѣло природы, а не дѣло рукъ человѣческихъ. И могъ ли клеветать человекъ, который любилъ каждую былинку, для котораго каждый листокъ, каждый лучъ, каждая соломинка, крутимая бурей, имѣла свой смыслъ, свою жизнь, свои ощущенія и значеніе; для котораго вся природа была проникнута его радостями и его печальми. Прочтите только это его стихотвореніе:

Видишь, как так дивно угадала угадала:

Сердце так сладко тревожишь отраднымъ сіяньемъ,
 Въ мигъ пробужденья, когда не успѣють ворваться
 Въ душу заботы насущныя новаго дня;
 Въ мигъ, когда въ ней, подъ вліяніемъ сна и покоя,
 Всѣ впечатлѣнія тѣломъ спящимъ, нечувствуя,
 Радость сознанія жизни дадутъ ей обнять, —
 Знаю, зачѣмъ ты, небесная утра лазурь,
 Сердце такъ сладко волнуешь отраднымъ сіяньемъ,
 Но во мгновенье то знанье темнѣетъ во мнѣ.

Но я вамъ ничего не сказала до сихъ поръ толкомъ о Петровичѣ, который и вы и я очень много интересуемся, и который по моему стоитъ того, чтобы имъ и другіе интересовались.

Петровичъ родился въ Могилевѣ и конечно, какъ всѣ мы смотрѣли, вышуча глаза на все, что ему попадалось и также до вѣснуги танула и также охотѣлъ хватить за самое пламя; но только гораздо раньше насъ его стали занимать причины явленій, и потому гораздо раньше насъ нѣкоторыя изъ нихъ, осмысленныя, стали ему нравиться, и также гораздо раньше насъ онъ почувствовалъ ихъ красоту. И въ то время какъ мы смотримъ еще съ желаніемъ и завистью на уродливыхъ деревянныхъ лошадокъ и солдатиковъ, онъ любилъ уже осмотрѣть на полуразрушенную и со всѣхъ сторонъ заколоченную бесѣдку, въ сумракѣ одинокаго и заглушаго сада, и все ему хотѣлось заглянуть туда, внутрь, сквозь высокое и таинственное окно: что тамъ дѣлается или что тамъ дѣлалось? и маленькая мечта его уже училась создавать по этому маленькому поводу маленькія фантастическія предположенія. Потомъ манили его далекія горы въ свои таинственныя области и также хотѣлось ему узнать, что тамъ за ними; бо же ли что и здѣсь, или что другое, и нѣтъ ли тамъ чудеса какихъ? И въ то время какъ мы любимъ играть въ чихарду или въ шмурки съ такими же какъ мы дѣтьми, онъ любилъ больше одинъ входить въ лѣсъ и любилъ тотъ страхъ, который овладѣвалъ имъ при первомъ шагѣ подъ свѣжую и душистую тѣнь его; и потомъ тихимъ вечеромъ, когда другія дѣти строятъ изъ картъ, со своими нянями домики или начинаютъ карандашомъ на бумагѣ, маленькій Петровичъ, тоже любившій эти занятія, тотчасъ оставлялъ ихъ, если къ матери или старшей сестрѣ приходила какая нибудь взрослая, хорошенькая дѣвушка съ розовымъ личикомъ и миндальными зубами и становилась противъ нея у стула и долго глядѣлъ на все корончѣе существо ея. Чаше всего думали, что онъ любитъ слушать нуше

разговоры и потому гнали его прочь; онъ же шёлъ — это наказывали.

Говорили мнѣ про Шамиля, что онъ по осмотру какой-то букашкиной сабрани, сказать выходъ изъ нея: «Я вижу, что въ одной этой сабрани больше ума, чѣмъ во всемъ моемъ Дагестанѣ и со мною въ придачу; между тѣмъ я думаю, что лучше и убитъ этого Дагестана ничего на свѣтѣ нѣтъ и рѣзалъ головы тѣмъ; кто не соглашался со мною!» О Шамиль, Шамиль! еслибы во всѣхъ насъ мѣсть была столько ума, сколько заключается въ одной твоей головѣ, чтобы мы могли хоть подъ старость такъ исправлять ошибки свои; но мы дини, какъ зѣбри горъ твоихъ, и нѣтъ въ насъ сознанія, нѣтъ въ насъ разсуженія! А какъ ты, мы наказываемъ дѣтей своихъ, не сомнѣваясь ни на одну минуту въ своей правотѣ. Горь челоуку, не воспитавшемуся духомъ любви и сомнѣнія! Но только въ сельникахъ, роковыя сердцахъ эти два чувства живутъ въ одно время, а миръ считаетъ ихъ чувствами несовѣстными. И надъ тѣмъ, кому суждено узнать ихъ, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, они приобретутъ свою силу. И никогда такой рыцарь любви и сомнѣнія не станеть собирать тѣнныхъ благъ міра въ свою житницу; — онъ собираетъ богатства, которыхъ ни моль не съѣдаеть, ни тля не подтачиваетъ. Только вы не подумайте, что я иду противъ политической эволюціи; напротивъ: мнѣ всегда казалось, что нѣтъ ничего гнуснѣе; какъ мошенникъ проповѣдывающій о добродѣтели; северны только люди ве на своемъ мѣстѣ, и къ разбойнику по природѣ, я чувствовала всегда больше симпатіи, чѣмъ къ поэту по ремеслу или къ художнику по неволѣ. Мнѣ и тѣ рыцари, о которыхъ я говорю, нравятся только тогда, когда они иначе и быть не могутъ. Такъ и Петсенитъ нравится мнѣ потому, что онъ всю жизнь оставался самимъ собою, и оттого былъ херонъ какъ природа въ своей величавой дикости. Ничто не могло измѣнить его. Его гнали люди и обстоятельства; все ему говорило: черемъни муть свой, выбери себѣ другое занятіе; но что ему было за дѣло до другихъ занятій, когда его занимали вопросы, — вопросы съ юности завладѣвшіе его умомъ и душою. Его мучили сомнѣнія и съ самаго нѣжнаго дѣтства, амъ все чего-то добавался, все спрашивалъ и спрашивалъ часто о томъ, на что шельный міръ не былъ бы въ состояніи ему отвѣтить! Вы смѣли улыбаются! Какъ! не смотря на все вышнее мною сказанное, вы смѣли говорить: «что пользы все спрашивать и искать отвѣта на то, чему нѣтъ отвѣта»? Но что такое вся поэзія, какъ не одинъ только во-

просит. Гдѣ отъѣзжать уже не влезетъ, а... сплыветъ. Часто въ художественномъ произведеніи заключается уже и отвѣтъ на вопросъ его; но этотъ отвѣтъ видать все, кромѣ самаго художника, можетъ быть потому, что этотъ отвѣтъ, удовлетворяющій нѣтъ, не является ему: вовсе отвѣтомъ, и въ немъ самомъ онъ видитъ еще тысячи другихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Вопросъ Петкевича начинался тамъ, гдѣ оканчивался отвѣтъ нашъ. И жизнь его не давала ему отвѣтовъ, а только давала все новые и новые вопросы, и по мѣрѣ того, какъ онъ глубже и глубже уходилъ въ лѣсъ ея, все насущнѣе и насущнѣе становились задаваемые ей вопросы; потому что бѣдное страстное сердце все безотлагательнѣе и безотлагательнѣе просило отвѣтовъ и счастья, а счастья все дѣлалось невозможнѣе и невозможнѣе. Отчего же это? Оттого, что душа Петкевича была создана для счастья, которое въ жизни нѣтъ; оттого, что онъ самъ долженъ былъ создать себѣ счастье; а всякое созданное нѣтъ счастье разрушалось его же собственнымъ сомнѣніемъ; да еще вѣчная нужда, вѣчно не любимый трудъ, вѣчная жажда труда другого, того труда, надъ которымъ сибьются тѣ, кому не удалось вкушать его сладости; да еще недостатокъ образования, который мучилъ и терзалъ его душу постоянной дозой и постояннѣею раскаяніемъ. Я не знала Петкевича съ молодости, но мнѣ говорилъ одинъ господинъ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ въ гимназій, что онъ просидѣлъ лѣтъ пять въ низшемъ классѣ, а потомъ за лѣность былъ выключенъ. Не могу что говорилъ мнѣ самъ Петкевичъ: «Для меня было праздникомъ, когда меня повели въ гимназію. Я думала, что теперь я тамъ все узнаю, все и какъ деревья растутъ и откуда облака и вѣтры приходятъ и куда идутъ; и какіе на землѣ люди живутъ и что они все дѣлаютъ; я думала, что весело будетъ учиться, а тутъ чертъ знаетъ, что мнѣ такое толкуютъ! Я походила, походила въ гимназію, да и стала потомъ, вмѣсто нея, отправляться каждое утро къ своимъ старымъ знакомымъ, дубамъ и березамъ, въ лѣсу, у корней которыхъ грибы растутъ, а въ лѣтвяхъ которыхъ чижики цѣбондутъ съ малиновками, и стала по прежнему этихъ птицъ ловить и сълики, да грибы собирать. Вы знаете, что все наши школы такъ устроены, чтобы привести въ отчаяніе всякое юное сердце, каждую идею возманивъ или вообще что нибудь обидѣющее. Однако все мнѣ учился; учить названія меридіановъ, экваторовъ и эллиптики, и совершенно съ чистою совѣстью представлялъ себѣ землю въ видѣ сферическаго шара, нечерченнаго равными линиями и звѣздочками, и

сдѣланнаго изъ ~~защитной~~ картонной бумаги, — представляемъ себѣ города въ видѣ точекъ; учимъ, дважды два—четыре, и нѣтъ для насъ ничего общаго между тѣмъ, что мы видимъ, и тѣмъ, что мы учимъ, и намъ до этого никакого дела нѣтъ и, одолевая ежедневно новыми уроками, мы боимся спросить учителя, для чего все это? чтобы не пришлось еще запоминать что нибудь. Увѣрю васъ, меня одинъ разъ прибили мои товарищи за то, что я попросилъ у учителя объясненія. И такъ, говорили они, насилу запомнишь, а онъ еще лѣзетъ съ объясненіемъ! И я думаю, что они были правы, и Петкевичъ былъ тоже совершенно правъ; находя, что-то, что рассказывали ему деревья и небеса съ ихъ облаками и листьями, было гораздо умнѣе всего, рассказываемаго въ классѣ учителемъ. Вы опять улыбаетесь? Но если вы никогда не находили, что въ децетѣ листьевъ и въ умной лазури неба гораздо больше смысла и мысли, нежели въ нашихъ учебникахъ, то я никакъ не возьмусь вамъ этого доказывать, и потому пускай это будетъ глупость, не такъ это было съ Петкевичемъ, и ему за это почетнымъ образомъ предоставили право никогда больше не посѣщать училища. Онъ съ радостью вышелъ въ открытыя ему двери, а дома его за это высѣкли; это заставило его согласиться на нѣкоторое время, что онъ точно большой преступникъ. И тутъ, никѣмъ не руководимый, никого не интересующій, его умъ сталъ блуждать, какъ разбитая щепка въ морѣ, повсюду ища отвѣтвъ на вопросы души своей и нигдѣ ихъ не находя. Онъ читалъ безъ устали, но тѣ книги, которыя онъ могъ доставать, только разжигали его любопытство и не удовлетворяли его; онъ не зналъ, за чѣмъ вѣстись и скоро бѣжалъ изъ дому въ Петербургъ, и чтобы не быть въ тягость бѣдному своему семейству, опредѣлился на службу, о которой я уже сообщилъ вамъ самыя важныя подробности. Прибавить можно развѣ только, что онъ служилъ семнадцать лѣтъ, не получая чина, канцелярскимъ чиновникомъ, и это время такъ врезалось въ его память, что когда сумасшедшаго привезли его свидѣтельствовать въ губернское правленіе, то на первый же вопросъ онъ отвѣтилъ жалобой на эти семнадцать лѣтъ, хотя въ послѣднее время его жизни, все это нѣсколько поисправилось. Судьба его гнала, но и тутъ находилъ онъ еще возможность отъ времени до времени выражать свои жалобы въ звукахъ, полныхъ иногда воплемъ и гармоніей:

• Съ упрекомъ, съ горечью какого-то стыда
Припоминаю дни минувшіе, когда

Ты меня душу мнѣ, какъ принимаешь эликсиромъ,
 Причудливыхъ идей туманная видѣнья.
 Но память, всё промчавъ идеи предо мной,
 Съ любовью и теперь обращена къ одной, —
 Къ одной, которая такъ страстно увлекала
 Меня въ дремучій лѣсъ, и душу расширяя,
 Искала тишины, рвалась на просторъ...
 Съ ней полною иногда взойдя къ вершинамъ горъ,
 Въ полетахъ пылкого и мрачнаго мечтанья,
 Я руку простираю до края міроздавья...
 Тамъ, въ безпредѣльной мглѣ, воображенья взглядъ,
 Теряясь, не встрѣчалъ передъ собой преградъ,
 И жилая какую-то въ просторъ безъ очертавъ
 Лишь сердца моего вливали трепетанья.
 Казалось, мракъ меня о чемъ-то вопрошалъ,
 И странной думою смущая, вдохновлялъ,
 Объемля ужасомъ невольнымъ убѣжденья,
 Что вдругъ меня, во тьмѣ, погубилъ всё творенья,
 Что въ одиночествѣ, и безъ надежды дая,
 Мракъ будетъ окружать въ безсмертіи меня.
 Вдругъ полные угрозъ, отчаянья и муки
 Въ немъ чудились мнѣ и образы и звуки,
 Которыхъ дивный смыслъ мгновенно леденилъ
 Взволнованную грудь въ избыткѣ гордыхъ силъ;
 Смущенная душа неясно сознавала,
 Какіе въ ней тогда вопросы возбуждала
 Идея, полная восторженныхъ тревогъ:
 Глубокихъ тайнъ ея проникнуть умъ не могъ.
 И если бы тогда силъ творческихъ сознанья,
 Вдругъ вспыхнули въ груди, и дивный кругъ созданья,
 Простерся предо мной, и облеклись мечты
 Въ живые образы высокой красоты;
 При свѣтѣ радостномъ природа молодая,
 Въ величьи своемъ себя не постигая,
 Кипѣла бѣ жизнію и счастьемъ бытія, —
 Тоски отчаянной не избѣжалъ бы я.
 Тамъ страстною душой играя и владая,
 Та неизбѣжная, могучая идея,
 Встретившись пылкій умъ, не открывала мнѣ
 Таиншагося въ ней стремленія вполнѣ.
 Межъ тьмѣ настали дни мучительныхъ томленій,
 Когда въ отчаяньи мой умъ изнемогалъ
 И долго выхода желаннаго неналъ;
 Когда душа росла, стремилась и пылала,
 Старая жаждою въ исканьи идеала;
 Когда иная тьма мой покрывала путь;

Когда съ дриришима я стою въ отчаяннѣмъ
 Отъ сердца и любви съ улыбаемъ участіемъ,
 Украшенную рѣчку, что носить имя счастья;
 Когда при ужасахъ рѣшительной борьбы,
 Мрачилось сильнѣй чело глухой судьбы;
 Когда со скрежетомъ въ мостонихъ бѣ жиламъ бѣжитъ,
 Я сердце надрывалъ въ отчаяннѣмъ волнѣннѣмъ,
 Но въ страданнѣмъ душѣ, подя нѣмъ тажакъ бѣтъ,
 Иден лучшихъ дѣей порой являлся свѣтъ.
 Въ часы отчаянныя и мукъ разувѣренія,
 Она потужествомъ въ ней скрытаго значенія,
 На потужившій шумъ; какъ мѣсяцъ въ-за тучъ,
 Бросала нѣмъ своей прогнѣннѣмъ гучъ,
 И указала мнѣ отраду, солнце бѣтъ.
 • Живи одинъ, любя и не прося отвѣта! •

Слышите ли вы, видите ли вы всю жизнь, всю кутерьму безпокойнаго сердца Петкевича въ этомъ стихотвореніи? Вглядитесь въ него: оно точно вышло изъ потучей груди первообразнаго челоука, у котораго ни единой формы не было готовой, ни одной идеи, доставшейся по наслѣдству; который все долженъ былъ самъ себя выработать. Всю кутерьму этого стихотворенія можно сравнить только съ большимъ геологическимъ періодомъ, когда силою стѣсненнаго жара выдвигаются изъ нѣдръ земли горы, сдавливая и заставляя переливаться съ мѣста на мѣсто цѣлыя моря и океаны — одной шумъ, трескъ и свистъ! Дѣло въ томъ, что ему нужно было все свое. Не мудрено, если такой челоукъ сначала много ошибокъ дѣлаетъ! И кто знаетъ! можетъ быть немножко благопріятныхъ обстоятельствъ, одна только улыбка счастья, и онъ принялся бы за дѣло; и его вѣра въ себя горы своротила бы. Но мы равнодушны и безучастны къ чужимъ страданіямъ, и особенно равнодушны къ тѣмъ людямъ, которые отъ природы имѣютъ въ себѣ начатки того, что можетъ ихъ поставить лучше и выше насъ. И Петкевичъ нигдѣ не встрѣчалъ участія. И горе, скорбь и нужда все мрачнѣй и мрачнѣй скоплялись грозными тучами надъ его непокрытой головою, а неудача на каждомъ шагу загораживая ему пути къ спасенію, загоняла его все дальше и дальше, въ печальную глубину лѣса жизни нашей, до тѣхъ поръ, пока въ озлобленіи онъ поднялъ руки къ небу и сталъ звать себя на голову всѣ его удары и молніи. Именно въ такомъ положеніи и въ такую минуту, тѣмнымъ весеннимъ вечеромъ, вошелъ онъ въ католическій храмъ свой. «Я хотѣлъ; говорилъ онъ мнѣ послѣ, рассказать всю свою жизнь и всѣ

свои буйные помыслы всену. И въ отчаяніи сказать, что въ церковь меня изъ себя изгонять и отъ себя отлучить. Мнѣ не хотѣлось оставлять на землѣ что-нибудь, не прервавшее со мной связи и считающее меня еще своимъ. » И до поздней ночи продолжалась его исповѣдь священнику; онъ говорилъ не для того, чтобы примириться, но для того, чтобы окончательно расстроиться. — Вы кончили? спросилъ его ястреже воевода. И на утвердительный отвѣтъ Петкевича, онъ скрылся и черезъ минуту, съ глазами полными слезъ, вынесъ ему дары примиренія. И Петкевичъ, уничтоженный, причастился...

Церковь оказалась противъ его ожиданія, добротѣ и дружелюбію всѣхъ обществъ въ мѣстѣ: она вошла, какою вошла, она принимаетъ въ ряды свои, и одна не захотѣла отпустить его. Ея слезы смягчили ожесточенную душу и навсегда себя купили ее. Съ той поры вся жизнь Петкевича принадлежала церкви: онъ раздавалъ нищимъ все свое жадованіе за вычетомъ себя, только на самое необходимое; онъ сталъ собираться въ монахи. — Зачѣмъ же вы пойдете туда? спросилъ я его однажды. — «Какъ зачѣмъ? возразилъ онъ торжественно: — зачѣмъ, чтобы протягивать свою руку и поить своими слезами всякого, кто забѣжитъ ко мнѣ въ храмъ, загнанный вѣтромъ или перепуганный бурей!» Вы знаете легенду о Христофорѣ, о томъ силачѣ, который хотѣлъ служить чему-нибудь самому сильному. Петкевичъ поступилъ какъ этотъ силачъ, и я нахожу, что онъ былъ правъ совершенно. И онъ сталъ изучать богословіе, сталъ приготовляться къ монашеству. И знаете ли вы, что человекъ именно только тогда начинаетъ чувствовать злобу къ тому, что онъ любилъ и что отвергло его, когда онъ освобождается отъ его власти; когда онъ кончаетъ съ нимъ всѣ счеты свои, или когда онъ, не находя чѣмъ замѣнить его, съ отчаянія мѣняетъ кукушку на ястреба. Я видѣлъ человека, который любилъ сильно, любилъ глубоко, не смотря на то, что ему не отвѣчали взаимностью. Онъ возненавидѣлъ предметъ непринятой любви своей только тогда, когда женился на первой женщинѣ, шепнувшей ему однажды кстати слово участія; но онъ потомъ говорилъ мнѣ: «Вотъ что я хотѣлъ бы, подвести къ ней и сказать: «Посмотрите, чѣмъ я замѣнилъ васъ, сударыня.» Петкевичъ былъ радъ, былъ неистово радъ, что покончилъ свои расчеты съ жизнью. Иногда только старая насмѣлка, просыпаясь въ груди его, дарила ему новое стихотвореніе; но вообще онъ писалъ мало и мало заботился о людской славѣ и о людскихъ почестяхъ. Но зато чѣмъ рѣже просыпались въ немъ ста-

радъ его: шестыи и жемчуга, тѣмъ украсивъ было; при ихъ присутствіи, онъ сожалѣніе о прожитыхъ и невозвратимыхъ годахъ; и былъ очень страшною когда онъ однажды съ елсави на глазаху вслухъ сказалъ при ней: «Такъ неужели же все покончено у меня съ жизнью? Какимъ-то пробованъ голосомъ отговаривалъ въ груди моей слова его, и это для меня было тѣмъ невыносимѣе; что я ничего не впасть ни въ сердце, ни въ голову, что бы сказать ему въ утѣшеніе. Мнѣ показавось, что это было бы также невыносимо, какъ утѣшать преступника, кладущаго на плаху свою голову: неужели будеть ему вонзаны какия-нибудь утѣшенія! Я не знаю, что нужно дѣлать въ такія минуты. И Петкевичъ не вынесъ. Онъ выпелъ-тѣмъ еще разъ на борьбу съ жизнью. Вновь писать онъ не могъ, но онъ отсылалъ старую одну свою комедію, и не смотря на утѣшанья многихъ друзей своихъ, оставить ее въ покоѣ, онъ съ какою-то непонятнымъ упрямствомъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы ее поставили на театрѣ. Ему это легко удалось. Комедія его была принята; но постановка на сцену была отложена до осени. Дѣло было весною. Петкевичъ ожилъ: ему показавось, что пришло наконецъ то время, когда онъ примется бодро и страстно за долго-желанный трудъ, оставивши скучныя и ненавистныя занятія своей прошлой жизни, и можетъ быть помирится съ ними, съ ними разставившись. И на думѣ его поднялась тревога. И ксендзъ и церковь были имъ позабыты. Ему хотѣлось камнямъ на улицѣ рассказывать радость свою. Онъ весь сдѣлался веселъ какъ день. И онъ сталъ печатать свою комедію. И вотъ комедія его напечатана. Онъ ждетъ, чтобы ее поставили на театрѣ; но явилась критика; и могу васъ увѣрить, тутъ не было никакой пасквили, никакой неприличности, потомучто она явилась въ почтенномъ журналѣ, и на него напустилась не кабаянибудь тля литературная, а человекъ талантливый и съ здравымъ смысломъ; но только въ его отзывѣ было слишкомъ мало любви, слишкомъ мало снисходительности и вообще очень много презрѣнія, такъ, что комедію и на сцену поставить раздумали. Петкевичъ пропалъ. Случись это въ первые годы его жизни, случись это въ время кипящей надеждами молодости, можетъ быть это рождало бы только упрямство его; но это былъ послѣдній, последний; отчаянный опытъ — его Ватерлоо. Такъ часто можетъ быть мы читаемъ легонькую статейку въ журналѣ и смѣемся или даже не обращаемъ на нее никакого вниманія, и не знаемъ, что подъ нею будетъ погребена цѣлая жизнь человѣческая. Петкевичъ

исчезъ. Никто изъ его знакомыхъ не встрѣчалъ его болѣе. Разъ онъ попался мнѣ какъ-то на Навскомъ у католической церкви; онъ выходилъ изъ нея, завернувшись усрюмо въ шинель; но такъ какъ что увидалъ меня, онъ снова вернулся въ церковь и исцезъ въ народъ. Я спрашивалъ о немъ: говорили, что онъ сидитъ дома, спитъ на голѣмъ полу съ подушкой подъ головой, и никого не выпускаетъ къ себѣ. Только черезъ годъ онъ пришелъ ко мнѣ; но уже пришелъ сумасшедшій, съ двумя булыжниками въ рукахъ и съ какими-то странными глазами.

— Я взялъ эти камни, сказалъ онъ мнѣ, заливаясь слезами: — потому что изъ всѣхъ камней, которые я вкатывалъ въ жизни на гору, это самые легкіе. И пока они въ моихъ рукахъ, я скорѣе могу примѣнить ими другого, нежели самъ о нихъ ушибиться.

Потомъ онъ отдалъ мнѣ тетрадку своихъ стихотвореній, сказавши: «Возьмите это; я умру спокойнѣе, когда это будетъ у васъ. Вы ихъ когда-нибудь напечатаете. Ужасно боюсь, чтобы это все не пропало!» Чернымъ гробомъ, въ которомъ похоронена жизнь человѣческая, легли мнѣ на сердце эти слова. Потомъ онъ еще говорилъ довольно благоразумно; вездѣ еще была мощная, напряженная мысль, которая только изрѣдка вдругъ ослабѣвала, но потомъ снова принимала свое обычное напряженіе.

Онъ какъ-будто самъ поминутно себя испытывалъ и хотѣлъ все прорѣшить свои мысли.

— Скажите пожалуйста, говорилъ онъ: — мнѣ кажется, жизнь есть величайшій скандалъ; по крайней мѣрѣ во всѣхъ самыхъ лучшихъ, величайшихъ изображеніяхъ этой жизни, во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, больше всего насъ интересующихъ и любимыхъ нами, — вездѣ скандалъ: Отелло — скандалъ, Гамлетъ — скандалъ; Донъ-Кихоть, Герой нашего времени, наконецъ цѣлые авторы: Дантъ, Байронъ, Гейне — все это скандалъ, и скандалъ каждое слово ихъ. Какъ вы объ этомъ думаете?

Я сказалъ ему, что я совершенно съ этимъ согласенъ.

— И не кажется вамъ это сумасшествіемъ? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что ни чуть. И онъ меня обнялъ, горячо поцѣловалъ и сказалъ, что онъ отъ меня очень радъ это слышать.

— Странныя нынче мнѣ мысли приходятъ въ голову, сказалъ онъ задумчиво, и потомъ улыбувшись прибавилъ: — посмотрите, какіе я нынче стихи пишу:

• Тревогъ житейскихъ не любя,
 Въ себя я часто углублялся;
 Но мнѣ всегда и самъ старался
 Вогнать меня во внутрь себя.
 Тоски такого положенья
 Я не испытывалъ сперва:
 Питалась часто голова
 И сердце силой вдохновенья;
 Когда жъ теперь мои мечты
 Померкли, чувства охладѣли,
 И отъ сердечной пустоты
 Душой страдавья завладѣли, —
 Я средства не могу найти,
 Куда бы отъ себя уйти...

Потомъ, вы помните, вечеромъ этого самаго дня я былъ съ нимъ у васъ. Я не сказалъ вамъ, какую я переѣмну замѣчаю въ Петкевичѣ; а онъ все говорилъ, читалъ стихи и видимо слѣдилъ за впечатлѣнiемъ, которое производитъ на постороннихъ. И вы помните, у васъ еще тогда былъ одинъ господинъ, съ бородкой и усиками, такой развязный, такой самоувѣренный; тотъ, которому казалось, что въ наше время все рѣшено, и который поминутно называлъ всѣхъ и каждого людьми отсталыми, видимо желая этимъ напугать ихъ и заставить согласиться съ собою. Онъ наносилъ последние удары Петкевичу своими копытами. Вы помните, Петкевичъ прочелъ свое стихотворенiе — молитву къ Божьей Матери:

• Въ изнеможенiи, съ тоской,
 Склоняюсь въ страхъ предъ тобой
 Съ благоговѣнiемъ на колѣни...
 Забудь страдальческiя пени
 И горделивый ропотъ мой!
 Избавь отъ тяжкаго томленья!
 Открой мнѣ тайну примиренья
 Съ тревогами печальныхъ дней
 И съ жизнью, полною скорбей —
 Спаси отъ мукъ ожесточенья!
 Томясь въ тревогахъ суеты,
 Я долго шолъ средъ темноты;
 Какiя тернии жестоко
 Вонзались на пути глубоко
 Мнѣ въ сердце, — знаешь только Ты!

И этотъ господинъ сказалъ, фамильярно потрепавъ его по плечу: «Нѣтъ, Игнатiй Петровичъ, бросьте стихи, стихи вамъ не даются!»

займитесь лучше прозою.» И Петкевичъ смотрѣлъ на него безчувственно, кажется очень довольный, что съ нимъ всё продолжаютъ обращаться постарому. И этотъ господинъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, такъ что между нами чуть ссоры не вышло, и мнѣ было такъ жаль, что я уговорилъ Петкевича оставить у меня на квартирѣ свои булыжники. Вамъ тогда пришло въ голову, что Петкевичъ пьянъ; я очень радъ былъ повѣрить этому. Но Петкевичъ никогда не пилъ.

На другой день начался у него уже бредъ; онъ говорилъ о счастья, которое суждено ему узнать на землѣ; онъ говорилъ, что его стихи всюду печатаются и переводятся на всѣ языки; онъ говорилъ, что въ послѣднее время онъ сдѣлался «во многихъ домахъ необходимымъ»; что его любитъ панна Валерія, которой онъ сказалъ, выходя сегодня изъ церкви: «Можетъ быть, панна Валерія хочетъ быть моею женою?» и которая отвѣчала ему: «Я сегодня была у причастія, и потому не могу вступать въ разговоры съ мужчинами.» Онъ говорилъ, что онъ женится на васъ, и это меня окончательно убѣждало, что онъ болѣвъ безнадежно, потому что при легкомъ сумасшествіи онъ долженъ бы былъ знать, что онъ васъ недостойнъ; цѣлою жизнью, отданною вамъ безраздѣльно, долженъ человекъ заплатить вамъ за любовь вашу; а жизнь поэта принадлежитъ на половину поэзіи. И женщины это знаютъ, и судьба знаетъ это тоже; и потому на долю поэтовъ она оставляетъ самое только негодное. Но Петкевичъ говорилъ, что ему нуженъ другъ, и что никто кромѣ васъ не можетъ быть его другомъ. Много говорилъ онъ, и изъ омраченной мысли его сыпались, какъ изъ рога изобилія, цвѣты фантазіи, иногда мрачныя, иногда яркіе и блестящіе свѣжестью и красками. Я сказалъ ему: «У васъ глаза мутны, Игнатій Петровичъ, вамъ бы нужно было съѣздить въ больницу, къ доктору. Скажите, вы ничего не чувствуете?» — «Какъ же! — сказалъ онъ: чувствую, — что мнѣ нужно по лечиться отъ сумасшествія.» И онъ потупилъ глаза съ какой-то странной улыбочкой и отвернулся отъ меня, какъ-будто не хотѣлъ прочесть въ глазахъ моихъ подтвержденія этому. Это было страшно. Это было хуже, чѣмъ видѣть человека, желающаго еще жить, но умирающаго съ полнымъ сознаниемъ, что еще мигъ, и его не будетъ, и всего того, что онъ такъ любилъ, и съ чѣмъ ему такъ жалко разстаться, какъ-будто никогда и не было! И потому Петкевичъ прибавилъ: «Впрочемъ, меня ужъ возили въ больницу, но тамъ сказали, что такихъ больныхъ какъ я,

не приписывать безъ позволенія губернатора.» Понимая онъ, что говорилъ или нѣтъ — это для меня осталось тайною.

И его посадили въ больницу. И вы послали ему туда, въ тюрьму его, чай и сахаръ, это большое утѣшеніе для бѣднаго человѣка! — И я относилъ ему все это. Тамъ онъ сдѣлался мраченъ и не понималъ ничего. Я какъ теперь вижу его передъ собою съ оботриженной подъ гребенку головой; въ стромъ больничномъ халатѣ, съ бѣлой косынкой на шеѣ и съ мутными, точно одоленными дремотою глазами, съ безумными рѣвцами въ устахъ... Но въ этомъ видѣ онъ уже не былъ мнѣ страшенъ: страшенъ видъ человѣка умирающаго, а не умершаго, трупъ только непріятенъ. Но была минута, когда сожалѣніе снова пробудилось въ груди моей. Мы говорили съ Петкевичемъ о васъ, и вдругъ глаза его засверкали, все лицо приняло обычное выраженіе, и онъ со свойственнымъ ему жестомъ, совершенно очнувшись, сказалъ мнѣ съ горечью: «А она была такъ добра, что даже ни разу не навѣстила меня!» Я содрогнулся; но я оставилъ этотъ упрекъ за вами, и не сказалъ ему, что вы хотѣли похвалить его, но что я васъ отговорилъ; что я представилъ вамъ разныя хитрыя причины; и что въ глубинѣ души у меня было только желаніе, чтобы первыиъ сумасшедшимъ, на безумной головѣ котораго вы своей въяной рукой поправите надѣвшие на лобъ волосы, былъ я, если головы моей не обрѣютъ, когда я съ ума сойду, что, впрочемъ не всегда дѣлается. Теперь мнѣ ужасно горько, что и я, какъ все люди, лишилъ своего друга послѣдняго утѣшенія. Я ему за это принесъ сладкихъ пирожковъ, и онъ ѣлъ ихъ; не знаю, какой ядовитой цѣною они имъ куплены. Но потомъ я захворалъ, и цѣлый мѣсяцъ мною не былъ у Петкевича; я все-таки оказывалъ его лучшимъ другомъ. А когда, выздоровѣвши, я пришелъ въ нему, его уже въ больницу не помнили, и ко мнѣ вывели какого-то похобранца, къ фамиліи котораго не успѣли еще привыкнуть. Это не тотъ, сказалъ я: мнѣ нужно видѣть Петкевича, Игнатія Петровича, вотъ: рый одинъ разъ, здѣсь, сидя со мною, при васъ (я обращался къ смотрителю), говорилъ, что здѣсь бездна образованныхъ людей, между которыми одинъ, со связанными руками и ногами, совершенно здоровый человѣкъ, «чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они тутъ держатъ его», иначе не говоритъ съ нимъ, какъ по татарски. Еще вы такъ сдѣлались надъ этимъ, говорилъ я ему, и меня еще это такъ непріятно тронуло.»

Тогда смотритель, до тѣхъ поръ смотрѣвшій вопросительно,

поднесъ руку ко лбу и сталъ тереть что, наклонивши голову, и теръ его до тѣхъ поръ, пока наконецъ улыбка расширила его губы, и онъ сказалъ: Помню, помню! Игнатій Петровичъ, поэтъ! да вѣдь его ужь похоронили давно.

— Какъ давно?

— Да ужь больше недѣли.

Эти добрые люди въ недѣлю успѣли забыть Петкевича; но мудро, что они въ мѣсяць успѣли забыть меня.

И я узналъ, что Петкевичъ умеръ униженный и уничиженный, зализывая лязвомъ язвы, открывшіяся на тѣлѣ его; но я не хочу тревожить васъ этою мрачною картиною; хотя, сказать между нами, вся наша жизнь есть ничто иное, какъ вѣчное зализыванье постоянно снова и снова открывающихся на сердцѣ ранъ. Тутъ же узналъ я, что Петкевичъ похороненъ на Католическомъ кладбищѣ, что на Выборгской сторонѣ, куда я и отправился уже весною, въ первую свою прогулку за городъ, спустя пять мѣсяцевъ послѣ моего послѣдняго визита въ больницу. Кладбище было привѣтливѣе больницы. Тутъ, не смотря на такой долгій промежутокъ времени, и не смотря на то, что Петкевичъ былъ похороненъ въ даровомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ нищихъ хоронятъ, мнѣ тотчасъ, безъ справокъ, показали ту мокрую яму, въ которой лежалъ онъ, и въ которую былъ воткнутъ ярлыкъ съ надписью: Игнатій Петкевичъ, умеръ 19 декабря 1859 г. тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Впрочемъ это было маніей, какимъ-то особеннаго рода спеціальнымъ направленіемъ кладбищенскаго смотрителя помнить всѣхъ покойниковъ. Онъ послѣ погорилъ мнѣ:

«Пусть найдутъ другого такого смотрителя, пусть найдутъ, я очень радъ буду; мнѣ курьезно будетъ посмотреть на другого такого смотрителя, который бы помнилъ всѣхъ покойниковъ. Вотъ могла: тутъ похоронена нищая старуха изъ нашей церкви на Васильевскомъ острову Матильда Блумъ... Вотъ еще и т. д. И наконецъ предлагалъ, что онъ мнѣ расскажетъ и назоветъ поименно всѣ могилы. И своимъ безпредѣльнымъ удовольствіемъ по этому случаю онъ отвлекъ мое вниманіе отъ Петкевича и заставилъ думать со всѣмъ о другомъ.

О иностранцы! думалъ я, во сколько разъ вы выше или ниже насъ, русскихъ, которыхъ здравый смыслъ заставляетъ понимать суету всѣхъ этихъ ничтожныхъ способностей и либерально пренебрегать ими. Какими умными и послушными дѣтьми кажетесь вы въ сравне-

нѣ съ нами, дѣтьми своевольными и непокорными, не смотря на наружное наше спокойствіе; и какимъ облеченнымъ въ формы разума тупоуміемъ покажется намъ ваша сосредоточенность, намъ, понимающимъ, что только все въ мірѣ хорошо, вмѣстѣ взятое, и что скучно корпѣть надъ одной какою-нибудь частью міра, не обхватывая всего цѣлаго. И какъ смѣшны намъ, людямъ безъ принципа, покажутся всѣ ваши принципы, которые всѣ суть не что иное, какъ какая-то почтенная умственная ограниченность. Вы за это тоже будете смѣяться надъ нами, но это будетъ смѣхъ школьника, повторяющаго слова учителя, надъ человѣкомъ, въ которомъ отразилась вся дѣйствительность, со всеми ея непонятными для узенькой мысли человѣческой противорѣчіями; и который жизнь понималъ сердцемъ, а умомъ понималъ уже только сердце свое. И ужь только въ слѣдующій разъ, придя на могилу Петкевича, я задумался о немъ самомъ; но какое кому дѣло до мыслей моихъ, мыслей о той бурѣ, на которую былъ выгнанъ Петкевичъ изъ-за кулисъ жизни, и въ которой онъ бился и стоналъ, никѣмъ не видимый и не замѣчаемый.

Въ тетрадкѣ, которую онъ оставилъ мнѣ, были кромѣ выписанныхъ стихотвореній еще слѣдующія :

I

И слабъ и жаждою человекъ;
 Онъ о своемъ существованьи
 Заботится изъ вѣка въ вѣкъ;
 Бодрится иногда въ сознаньи
 Высокихъ, мощныхъ силъ въ себѣ,
 А какъ преступника на плахѣ,
 Вся жизнь его проходитъ въ страхѣ
 И въ темныхъ грезахъ о судьбѣ.

II

Постигнувъ цѣли бытія,
 Всѣ разрѣшилъ вопросы я:
 Жизнь тяготѣла надо мной —
 Я смѣло вызвалъ жизнь на бой.
 И удружилъ за то мнѣ рокъ:
 Жизнь стала въ горлѣ поперекъ.
 Кто жизнь такую въ сласть не съѣсть,
 Тотъ отвергаетъ жизни крестъ.
 Я примираюсь съ ней горой;
 Но путь тяжелый предо мной

Къ могилѣ мрачной, предстоитъ;
 И сердце ужась леденить —
 Что долго мнѣ еще идти,
 Крѣпясь, по этому пути.

III

(СТИХОТВОРЕНІЕ, НАПИСАННОЕ УЖЕ ВЪ СУМАСШЕСТВІИ)

Когда уязвеныя
 Тревогъ и мученья
 Томительныхъ дней
 Мой умъ омрачаютъ
 И грудь наполняютъ
 Отравой скорбей:
 Съ стѣсненной душою,
 Я, объятый тьмою,
 Въ страданьяхъ горю,
 И какъ откровенья,
 Въ нихъ часто видѣнья
 Ужасныя врю:
 Сверкая грозою,
 Встаютъ предо мною,
 Какъ призраки сна,
 И міра ковчина,
 И ада пучина,
 Когда сатана
 За помыслъ надгробный,
 За нигъ дерзновенной,
 Преступной мечты,
 Какъ молнія съ неба,
 Въ пучину Зреба
 Летѣтъ съ высоты.

IV

Мучительныя грезы,
 Въ душѣ темно;
 Звенять уныло слезы
 Дождя въ окно.
 И вѣтра шумъ жестокий
 Во тьмѣ ночью,
 Проникнуть такъ глубоко
 Твоей тоской.
 Въ предвѣдшее мѣтъ силы
 И заглянуть;
 Въ грядущемъ до могилы
 Тяжелый путь.

Ты нещадъ взоръ печальный —
 Гляди, гляди;
 Тамъ ликъ многострадальный
 Съ мечомъ въ груди.

V

ВЪ АЛБОМѢ

Въ былые дни, когда въ душѣ моей
 Стремленья и мечты кипучія рождались,
 Делала много я причудливыхъ идей,
 И въ звуки стройные онѣ переливались.
 Еще, быть можетъ, вы не позабыли строку,
 Вышешныкъ мнѣ тогда счастливой встрѣчей съ вами —
 Хранился ли доселѣ тотъ листокъ,
 Исписанный завитыми стихами? —
 Теперь же ихъ опять вы ждете отъ меня,
 И я, покинувъ музу — печальное признание —
 Липовый прежнихъ силъ священнаго огня,
 Коснулся зры вновь на милое призванье;
 Но много лучинихъ струнъ на ней давно уже мѣтъ:
 Онѣ отъ бурь, отъ грозъ, въ стеманіяхъ порвались,
 Когда въ душѣ моей, подъ игомъ тяжкихъ лѣтъ,
 Вопросы страшные и вопли раздавались.

VI

ПОЭЗІЯ

Какъ мысли лучъ, какъ вѣчный живяи духъ,
 Она въ чертахъ природы обитаетъ;
 Есть рѣчь у ней, но только сердца слухъ
 Ея рѣчей значенье понимаетъ.
 Слышна она и въ говорѣ лѣсовъ,
 И въ тишинѣ глубокой ихъ таится,
 Является и въ красотѣ луговъ,
 И въ формахъ морь, въ улыбкѣ прояснится
 Убогаго пустыщаго цвѣтка;
 Она влечетъ невольно къ дивной думѣ —
 Въ жужжаньи пчелъ и въ сладкозвучномъ шумѣ
 Воздушныхъ струй и крыльевъ голубка,
 И въ допляхъ совъ, и въ ревѣ волнъ въ часъ бури,
 Подъ сводами померкнувшей лазури;
 Но лишь тому, кто съ юныхъ лѣтъ принесъ
 Ей въ даръ любовь и токи жгучихъ слезъ,
 Чтобъ заглушить порой его страданье,
 Она кой гдѣ шепнетъ свое названье.

Много и другихъ написалъ стихотвореній Петкевичъ, но въ тетрадкѣ ихъ не нашлось, а я ихъ не помню, и потому они пропали безъ слѣда и на вѣки...

Вы еще чего-то ждете отъ меня, но тутъ все.

— Какъ все? Вы хотѣли намъ разсказать повѣсть; какая же это повѣсть?

А какъ же не повѣсть? Изъ нея вы узнаете все, что вамъ нужно узнать, и даже больше, потому что вы узнаете еще, что я думалъ по поводу разныхъ случаевъ.

Но ваши прекрасные глаза глядятъ на меня вопросительно, точно удивленные, что я безпрестанно приписываю имъ вопросы и замѣчанія, которыхъ никогда въ вашей доброй душѣ и быть не могло, и не было. Простите меня. Я знаю, что ни одна недоброжелательная улыбка никогда не омрачила нѣжныхъ устъ вашихъ, и ни однимъ оскорбительнымъ взоромъ не смутили вы никогда ни одного сердца человеческого.

Но во время нашей бесѣды, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ губы ваши благочестиво смыкались, и глаза ваши становились серьезнѣе и печальнѣе, другія уста улыбались; другія уста, много разъ ужъ меня оскорблявшія, хотѣли вновь оскорбить меня недовѣрчивой своею улыбкой; только прямо съ ними мнѣ не хотѣлось вступать въ объясненія, потому что еще недавно я смотрѣлъ на нихъ съ такимъ уваженіемъ и умиленіемъ, и еще не застыла та боль, которую поднималъ я у себя на сердцѣ, отрывая его отъ этихъ губъ и глазъ съ недоброжелательною улыбкою. И потому я говорилъ вамъ то, что хотѣлъ имъ сказать. Вѣдь вы впрочемъ знаете, что я всегда прихожу къ вамъ съ разбитымъ, истерзаннымъ сердцемъ, и всякій разъ даю себѣ слово никогда больше не уходить за предѣлы вашего добраго взгляда. Но всякій разъ... и Богъ знаетъ, сколько разъ еще отведетъ меня отъ васъ лѣшій сердце, и въ какую глубь, и въ трясину какихъ лѣсовъ меня заведетъ оно, и Богъ знаетъ тоже, какимъ изувѣченнымъ и измученнымъ, и съ какими новыми рѣчами я вернусь оттуда когда-нибудь къ вамъ — я, котораго вѣчно въ лѣсъ янеть.

П. П. КУСКОВЪ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВЪДУДЛИВАГОСЯ ЛИНТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА III

— А знаете ли что, сказалъ мнѣ князь, садясь вмѣстѣ со мною въ коляску: — что еслибъ намъ теперь поужинать, а? какъ вы думаете?

— Право не знаю, князь, отвѣчалъ я колеблясь: — я никогда не ужинаю...

— Ну, разумѣется, и поговоримъ за ужиномъ, прибавилъ онъ, пристально и хитро смотря мнѣ прямо въ глаза.

Какъ было не понять! Онъ хочетъ высказаться, подумалъ я, а мнѣ вѣдь того и надо. Я согласился.

— Дѣло въ шляпѣ. Въ Большую Морскую, къ В.

— Въ ресторанъ? спросилъ я съ нѣкоторыми замѣшательствомъ.

— Да. А чтожъ? Я вѣдь рѣдко ужинаю дома. Неужели жъ вы мнѣ не позволите пригласить васъ?

— Но я вамъ сказалъ уже, что я никогда не ужинаю.

— Что за дѣло однихъ разъ. Ктому же вѣдь это я васъ приглашаю...

— То есть заплатилъ за тебя; я уверяю, что онъ прибавилъ это шепотомъ. Я, позволивъ себѣ себя, не въ ресторанъ рѣшился платить за себя самъ. Мы приѣхали. Князь началъ събуло-пошлону

и со вкусомъ и знаніемъ дѣла выбралъ два-три блюда. Блюда были дорогія, равно какъ и бутылка тонкаго столоваго вина, котораго онъ велѣлъ принести. Все это было не по моему карману. Я посмотрѣлъ на карту и велѣлъ принести себѣ поларабачка и рюмку лафиту. Князь взбунтовался.

— Вы не хотите со мной ужинать! Mais, mon cher, вѣдь это даже смѣшно. Pardon, mon ami, но вѣдь это... возмутительная щепетельность. Это ужь самое мелкое самолюбіе. Тутъ замѣшались чуть ли не собовные интересы и бьюсь объ закладъ, что это такъ. Увѣрю васъ, что вы меня обижаете.

Но я настоялъ на своемъ.

— Впрочемъ, какъ хотите, прибавилъ онъ. — Я васъ не принуждаю... скажите, Иванъ Петровичъ, можно мнѣ съ вами говорить вполнѣ дружелюбно?

— Я васъ прошу объ этомъ.

— Ну такъ по моему такая щепетельность вамъ же вредить. Такъ же точно вредятъ себѣ и всѣ ваши, этимъ же самымъ. Вы литераторъ, вамъ нужно знать свѣтъ, а вы всего чуждаетесь. Я не про рябчиковъ теперь говорю, но вѣдь вы готовы отказываться совершенно отъ всякаго сообщенія съ нашимъ кругомъ, а это положительно вредно. Кроме того, что вы много терпите, т-ну, однимъ словомъ, даже карьеру, — кроме того, хоть одно то, что надобно самому узнать, что вы описываете, а у васъ тамъ, въ повѣстяхъ, и графы и князья и будуары... впрочемъ, что жид? У васъ тамъ теперь все нищета, потерянные ширели, ревизоры, задорные офицеры, чиновники, старые годы и расколоты вѣдъ быть, знаю, знаю.

— Но вы ошибаетесь, князь; если я не дожу въ такъ называемый вами «высшій кругъ», то это потому, что тамъ, во-первыхъ, скучно, а во-вторыхъ, нечего дѣлать. Ну и наконецъ, я все-таки бываю...

— Знаю, у князя Р., разъ въ годъ; я тамъ васъ и встрѣтилъ. А остальное время года вы коситесь въ демократической сардодости и заднеге на великихъ чердакахъ, хотя и не естъ такъ подступать изъ великихъ. Дать тамъ сколько прикалосній, что даже меня тошнитъ...

— Во-первыхъ, это я одинъ живу на чердакѣ, а во-вторыхъ, я просилъ бы васъ, князь, передать этотъ разговоръ и нечего разсказывать въ вашъ на чердакѣ.

— «Ах, Боже мой, вотъ вы и обидѣлись! Впрочемъ; если же вы позволите мнѣ говорить съ вами дружелюбно. Но виноваты, если вы еще не заслужили вашей дружбы. Выно передачите. Попроубте.

Онъ изложилъ мнѣ постанова изъ своей бутылки.

— «Вотъ видите, мой милый Иванъ Петровичъ, я вѣдь очень хорошо понимаю, что навязываться на дружбу неприлично. Вѣдь не всѣ же мы грубы и наглы съ вами, какъ вы о насъ воображаете; ну я тоже очень хорошо понимаю, что вы сидите здѣсь со мной не изъ расположенія ко мнѣ, а оттого, что я обѣщался съ вами поговорить. Не правда ли?»

«Онъ засмѣялся.

А такъ какъ вы наблюдаете интересы известной особы, то вамъ и хочется послушать, что я буду говорить. Такъ ли? прибавилъ онъ съ злою улыбкою.

«Вы не ошиблись, прервалъ я съ нетерпѣніемъ (я видѣлъ, что онъ былъ изъ тѣхъ, которые видя челоѣка хоть капельку въ своей власти, сейчасъ же даютъ ему это почувствовать. Я уже былъ въ его власти; я не могъ уйти, не выслушавъ всего, что онъ намѣревшъ былъ сказать, и онъ зналъ это очень хорошо. Его тонъ вдругъ измѣнился, и все больше и больше переходилъ въ высоко-фамиллярный и насмѣшливый). — Вы не ошиблись, князь: я именно за этимъ и прѣхалъ, иначе право не сталъ бы сидѣть такъ поздно.

Мнѣ хотѣлось сказать: иначе ни за что бы не остался съ вами, если бы не сказалъ и перевернулъ по другому, не изъ боязни, а изъ проклятой моей слабости и деликатности. Ну какъ въ самомъ дѣлѣ сказать челоѣку грубость прямо въ глаза, хотя онъ и стоялъ того и хотя я именно и хотѣлъ сказать ему грубость? Мнѣ кажется какъ это привѣтилъ, по моимъ глазамъ, и въ насмѣшливою смотрѣлъ на меня во все продолженіе моей сражи, какъ бы наслаждаясь моимъ малодушіемъ и точно подзадоривая меня своимъ взглядомъ: «А что, не посмѣлъ, сбродидитъ, то-то браня!» Это навѣрно такъ было, потому что онъ, когда я кончилъ, расхохотался и съ какой-то протежирующей насмѣшкой потрепалъ меня по конѣву.

Сидѣвшій же ты, братель, пречиталъ и въ его взглядѣ. Последней же! подумалъ я про себя.

Мнѣ соведля очень досадно! всматривать онъ, прѣхалъ

жду почему. Да, да, мой друг, да! Я именно объ этой-особѣ и хотѣлъ поговорить. Надо же спомнить о немъ въ разговорахъ, да не дай же что-нибудь, и надѣюсь, что въ эту разговору вы совершенно поймете. Давеча я съ вами заговорила объ этой деньгахъ и объ этомъ колдунѣ отъ, шестидесятилѣтнемъ владѣнцѣ. Ну! не стоитъ теперь и помнить. Я вѣдь это такъ говорю! ха, ха, ха, вѣдь вы литераторъ, должны же были догадаться...

— Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на него. Кажется, онъ былъ еще не пьянъ.

— Ну а что касается до этой дѣвушки, то право я ее уважаю, даже люблю, увѣряю васъ; капризна она немножко, но вѣдь «дѣтъ розы безъ шиповъ», какъ говорили пятьдесятъ лѣтъ назадъ и хорошо говорили: шипы колются, но вѣдь это-то и замечательно и хотъ мой Алексѣй дуракъ, но я ему отчасти уже простилъ, за хорошии вкусъ. Короче, мнѣ эти дѣвицы нравятся, и у меня — (онъ многозначительно сжалъ губы) — даже видны особенныя... Ну да это поелъ...

— Князь! послушайте, князь! вскричалъ я: — я не понимаю въ васъ этой быстрой переменны, но... переименуйте разговоры дрожу васъ!

— Вы опять горячитесь! Ну, хорошо... переименуйте, переименуйте! только вотъ что хочу спросить у васъ, мой добрый другъ: какъ вы ее уважаете?

— Разумѣется, отвѣчалъ я съ грубымъ нетерпѣніемъ.

— Ну, ну и любите? продолжалъ онъ, старательно сжавъ зубы и прищуривъ глаза.

— Князь! вы забываетесь! вскричалъ я.

— Ну, не буду, не буду! успокойтесь! Въ удивительнѣйшемъ расположеніи духа я сегодня. Мнѣ такъ весело, какъ давно не было. Не выпить ли намъ шампанскаго! такъ думаете, мой другъ?

— Я не буду пить, не хочу!

— И не говорите! вы непременно должны мнѣ съестъ сердцемъ. Я чувствую себя прекрасно и такъ какъ-то добръ до сантиментальности, то и не могу быть несчастливъ. Кто знаетъ, какъ можетъ быть еще дождь до-гого. Пейте же на ты, ха, ха, ха! Нѣтъ, молодой мой другъ, такъ не могу я дождаться, я удержу. Это вы меня любите, а я не могу, а чтобъ вы

раздѣлили сегодня со мною и горе и радость, и веселье и слезы, тотъ надѣюсь, что я-то, по крайней мѣрѣ, не заплачу. Ну какъ же, Иванъ Петровичъ? Видѣ вы сообразите только то, что если небудетъ того, что мнѣ хочется, то все мое вдохновеніе пройдетъ, провадетъ, улетучится, и вы ничего не услышите; ну а видѣ вы здѣсь единственно для того, чтобъ что-нибудь услышать. Не правда ли? прибавилъ онъ, опять нагло мнѣ подмигивая: — ну такъ и выбирайте.

Угроза была важная. Я согласился. Ужь не хочеть ли онъ меня навести пьянымъ? подумалъ я. Кстати здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ слухѣ про князя, слухѣ, который уже давно дошелъ до меня. Говорили про него, что онъ — всегда такой приятный и изящный въ обществѣ, — любить иногда во ночамъ, шалостовать, напиваться, какъ стелька, и потаенно развратничать, гадко и таинственно развратничать... Я слыхалъ о немъ ужасные слухи... Говорять, Алеша зналъ о томъ, что отецъ иногда пьетъ, и старался скрывать это передъ всѣми и особенно передъ Наташей. Однажды было онъ мнѣ проговорился, но тотчасъ же замаялъ разговоръ и не отвѣчалъ на мои распросы. Впрочемъ, я не отъ него и слышалъ и признаюсь прежде не вѣрилъ; теперь же ждалъ, что будетъ.

Подали вино; князь налилъ два бокала, себѣ и мнѣ.

— Милая, милая дѣвочка, хотъ побранила меня! продолжалъ онъ, съ наслажденіемъ смакуя вино: — но эти милыя существа именно тутъ-то и милы, въ такіе именно моменты... А видѣ она вѣрне думала, что меня пристыдила, помните въ тотъ вечеръ, разбила въ прахъ! ха, ха, ха! И какъ къ ней идетъ румянецъ! Знатокъ вы въ женщинахъ? Иногда внезапный румянецъ ужасно идетъ въ блѣднымъ щекамъ, замѣтили вы это? Ахъ, Боже мой! да вы кажется опять сердитесь?

— Да, сержусь! вскричалъ я, уже не сдерживая себя: — и я не хочу, чтобъ вы говорили теперь о Натальѣ Николаевнѣ, то есть говоривъ въ такомъ тонѣ. Я... я не позволю вамъ этого!

— Ога! ну, извольте, сдѣлаю вамъ удовольствіе, переменяю тему. Я видѣ устучивъ и мягокъ какъ тѣсто. Будемъ говорить объ васъ. Я васъ люблю, Иванъ Петровичъ, еслибъ вы знали какое дружеское, какое искреннее я беру въ васъ участіе...

— Князь, не лучше ли говорить о дѣлѣ, прервалъ я его.

— Не есть о своемъ дѣлѣ, хотите вы сказать. Я васъ поня-

маю отъ безусловна, моя дѣла, но вы и не подозреваете какъ близко мы коснемся къ дѣлу, если заговоримъ теперь объ васъ и если разумѣется вы меня не прервете. Итакъ, продолжайте: я хотѣлъ вамъ сказать, мой бездѣльный Иванъ Петровичъ, что жить такъ какъ вы живете, значить просто губить себя. Ужъ вы позволите мнѣ коснуться этой деликатной матеріи, а мнѣ дружбы. Вы бѣдны, вы берете у вашего антрепренера впередъ, платите свои должишки, на остальное питаетесь только одними насомъ и дрожите на своемъ чердакѣ, въ ожиданіи когда упадетъ вашъ романъ въ журналъ вашего антрепренера, вѣдь такъ...

— Какъ и такъ, но все же это...

— Полегче, такъ верить, наклонно читать, брать вѣтки, интриговать, ну и проп. и проп. Знаю, знаю что вы можете оказать; все это давно напечатано.

— А естественна вамъ ничего и говорить о моихъ дѣлахъ. Неужели я васъ долженъ, клянъ, учить деликатности.

— Ну, ужъ конечно не вы. Только что же дѣлать, если вы именно касаетесь этой деликатной струны. Вѣдь не обходится же се. Ну, да впрочемъ оставимъ чердани въ покоѣ. Я и самъ дѣлать ихъ не охотникъ, развѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, (и она рѣзко вратительно захохотала). — А вотъ что меня удивляетъ: что за охота вамъ играть роль второго лица? Конечно одинъ вашъ писатель, даме, помнится, сказалъ гдѣ-то: что можетъ быть самымъ великимъ подвигомъ человека въ томъ, если онъ съ умѣньемъ ограничиться въ жизни ролью второго лица... Кажется, что-то странное! Объ этомъ и еще гдѣ-то разговоръ слышала, но вѣдь Анна и отбѣля у васъ новость, а вѣдь это знаю, а вы, какъ какой-нибудь Шамлеръ, за нихъ же распинаетесь, имъ же приписываете, и чуть ли у нихъ не на побѣгушкахъ... Вы ужъ пощипайте меня, голубчикъ Иванъ Петровичъ, но вѣдь это какой-то гаденый игра въ безиндушия чувства... Какъ это вамъ не надоѣсть, въ самомъ дѣлѣ! Даже стыдно! Я бы наскочилъ на васъ шепотомъ умеръ съ досады! а главное: стыдно, стыдно!

— Клянъ! вы кажется нарочно привезли меня сюда, чтобы оскорбить! вскричалъ я, вѣдь себя отъ злобы.

— О штъ, мой другъ, нѣтъ, я въ эту минуту просто задрожалъ дѣловой неловкостью, и хоту самого счастья. Однимъ словомъ, я хоту уладить все дѣло. Не оставимъ на время все дѣло, а вы

вотъ дискуссия до конца, постарайтесь не горячиться хоть двѣ какія-нибудь минутки. Ну, какъ вы думаете, что еслибъ вамъ случилось? Видите, я вѣдь теперь совершенно говорю о *мистарон-вельс*; чтожъ вы на меня съ такимъ удивленіемъ смотрите?

— — — Иду, когда вы все кончите, отвѣчалъ я, дѣйствительно любуясь на него съ удивленіемъ,

— — Да выскazyвать-то нечего, Миѣ именно хотѣлось знать, чтобы вы сказали, еслибъ вамъ, кто-нибудь изъ друзей вашихъ, желающій вамъ *реалдательнаго*, истиннаго счастья, изъ эссенціи какого-нибудь, предложилъ дѣвushку, молоденькую, хонитъ *менъкува*, но... уже кое-что испытывающую, я говорю аллегорически, но вы меня понимаете, ну, въ родѣ Натальи Николаевны, *рануиетия* съ приличнымъ вознагражденіемъ... (Замѣтите я говорю о постороннемъ, а не о *мисселе дѣлѣ*); ну, чтобы вы съотъзали?

— — — Я сижу вамъ, что вы... сшилъ съума.

— Ха, ха, ха! Ба! да вы чуть ли не бить меня собираетесь?

— — — Я дѣйствительно готовъ былъ на него броситься. Дальше я не могъ выдержать. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе какъ кого-то гада, какого-то огромнаго паука, котораго мнѣ ужасно хотѣлось раздавить. Онъ наслаждался своими насмѣшками надо мною; онъ игралъ со мной какъ кошка съ мышью, предполагая, что я весь въ его власти. Миѣ казалось (и я понималъ это), что онъ находилъ какое-то удовольствіе, какое-то можетъ быть даже влдоустрасіе въ своей наглости, въ этомъ *накальствѣ*, въ этомъ цинизмѣ, съ которымъ онъ срывалъ наощацъ передо мной свою маску. Онъ хотѣлъ насладиться моимъ удивленіемъ, моимъ ужасомъ. Онъ меня докренно презиралъ и смѣлся надо мною.

Я предчувствовалъ еще съ самаго начала, что все это предвѣренно и къ чему-нибудь клонится; но я былъ въ такомъ *посомѣннѣ*, что во что-бы-то ни стало долженъ былъ его дослушать. Это было въ интересахъ Наташи, и я долженъ былъ рѣшиться на все и все перенести, потому что въ эту минуту можетъ быть рѣшалось все дѣло. Но какъ можно было слушать эти *циническія*, *воллыя* выходы на ея счетъ, какъ можно было это переносить хладнокровно! А онъ въ добавокъ изъ-за триу, самъ *очамъ* хорошо понималъ, что я не могу его не выслушать, и эта *очамъ* усугубляла обиду. Впрочемъ, онъ вѣдь самъ нуждается въ

миѣ, подумалъ я, сталъ отвѣчать ему рѣзко и бранчиво. Она поняла это.

— Вотъ что, молодой мой другъ, началъ онъ, серьезно смотря на меня: — намъ съ вами этакъ продолжать нельзя, потому лучше уговоримся. Я видите ли, нахвренъ былъ вамъ кое-что высказать, ну, а вы ужь должны быть такъ любезны, чтобы согласиться слушать, что бы я ни сказалъ. Я желаю говорить какъ хочу, и какъ миѣ нравится, да по настоящему такъ и надо. Ну, такъ какъ же, молодой мой другъ, будете вы терпѣливы?

Я скрѣпился и смолчалъ, не смотря на то, что онъ смотрѣлъ на меня съ такою ѣдкою насмѣшкою, какъ-будто самъ вызывалъ меня на самый рѣзкій протестъ. Но онъ понялъ, что я уже соглашался не уходить и продолжалъ:

— Не сердитесь на меня, другъ мой. Вы вѣдь на что разсердились? На одну наружность, не правда ли? Вѣдь вы отъ меня, въ самой сущности дѣла, ничего другого и не ожидали, какъ бы я ни говорилъ съ вами: съ раздушонною ли вѣкливостью, или какъ теперь; слѣдовательно смыслъ все-таки былъ бы тотъ же, какъ и теперь. Вы меня презираете, не правда ли? Видите ли, сколько во миѣ этой милой простоты, откровенности, этой bonhomie. Я вамъ во всемъ признаюсь, даже въ моихъ детскихъ капризахъ. Да, mon cher, да, побольше bonhomie и съ вашей стороны, и мы сладимся, сговоримся совершенно и наконецъ поймемъ другъ друга окончательно. А на меня не дивитесь: миѣ до того наконецъ надоѣли всѣ эти невинности, всѣ эти Алешины пасторали, вся эта шиллеровщина, всѣ эти возвышенности въ этой проклятой связи съ этой Наташей (впрочемъ очень миленькой дѣвочкой), что я такъ сказать поневолѣ ради случая, надъ всѣмъ этимъ погримасничать. Ну, случай и вышелъ. Ктому же я хотѣлъ передъ вами излить мою душу. Ха, ха, ха!

— Вы меня удивляете, князь, и я васъ не узнаю. Вы впадаете въ тонъ полишинеля; эти неожиданныя откровенности...

— Ха, ха, ха, а вѣдь это вѣрно отчасти! премиленькое сравненіе! ха, ха, ха! я кучу, мой другъ, я кучу, я ридъ и доволенъ, ну, а вы, мой поэтъ, должны ужь оказать миѣ всевозможное снисхожденіе. Но давайте-ка лучше пить, рѣшилъ онъ, совершенно довольный собою, и подливая въ бокалъ: — Вотъ что, другъ мой, ужь одинъ тотъ глупый вечеръ, помните у Ни-

тани, докадлаь мѣня ошечтательно. Правда, сама она была очень мила, но я вышелъ оттуда съ ужасной злобой и не хочу этого забыть. Конечно, будетъ и мое время и даже быстро приблизится, но теперь мы это оставимъ. А между прочимъ я хотѣлъ объяснить вамъ, шоп ашѣ, что у меня именно есть черта въ характерѣ, — это ненависть ко всѣмъ этимъ пошлымъ, ничтогъ настояющимъ наивностямъ и пастералаямъ, и одно изъ самыхъ пикантныхъ для меня наслажденій всегда было прикинуться смѣломъ самому на этотъ ладъ, войти въ этотъ тонъ, обласкать, ободрить какого-нибудь Шиллера и потомъ вдругъ сразу, огорчить его; вдругъ поднять передъ нимъ маску и изъ истерзаннаго лица сдѣлать ему гримасу, показать ему языкъ, шопше въ ту минуту, когда онъ менѣе всего ожидаетъ этого сюрприза. Что? вы этого не понимаете, вамъ это кажется гадкимъ, нехвальнымъ, неблагороднымъ можетъ быть, такъ ли?

— Разувѣется такъ.

— Вы откровенны. Ну, да что же дѣлать, если самого меня мучать! Глупо и я откровененъ, шоп ашѣ, но ужъ таковъ мой характеръ. Впрочемъ мнѣ хочется вамъ рассказать кой-какія черты изъ моей жизни. Вы меня поймете лучше, и это будетъ очень любопытно. Да, я дѣйствительно можетъ быть сегодня похожъ на полишинеля; а вѣдь полишинель откровененъ, не правда ли?

— Послушайте, князь, теперь поздно, и право...

— Что? Боже, какая нетерпимость! Да и куда спѣшить? Ну, посидимъ, поговоримъ подружески, искренно, знаете, этакъ за бокаломъ вина, какъ добрые пріатели. Вы думаете, что я пьянъ; ничего, это лучше. Ха, ха, ха! Право, эти дружескія слѣдкі всегда такъ долго потомъ памятны, съ такимъ наслажденіемъ объ нихъ вспоминается. Вы недобрый человекъ, Иванъ Петровичъ! Сантиментальности въ васъ нѣтъ, чувствительности. Ну, кто вамъ часикъ, другой для такого друга, какъ я? Кому же вѣдь это тоже касается къ дѣлу... Ну, какъ этого не понять? А еще литераторъ; да вы бы еще должны были случай благодарять. Вѣдь вы можете съ меня типъ писать, ха, ха, ха! Боже, какъ я мило откровененъ сегодня!

.. Онъ видимо хмѣлялъ. Лицо его намѣнилось и приняло какое-то злобное выраженіе. Ему очевидно хотѣлось язвить, колоть, кусать, насмѣхаться. Это отчасти и лучше, что онъ пьянъ,

подумалъ я: вѣнчикъ всегда разбалтается. Впрочемъ, какъ балли себя на ушъ.

— Другъ мой, началъ онъ, видимо насмѣхаясь надъ собою: оченъ сдѣлалъ вамъ сейчасъ одно признаніе, можете быть дѣлать еще умѣстное, что у меня иногда является непредсказуемое: охотно показатъ кому-нибудь въ известномъ случаѣ языкъ. За эту наивную и прѣстодушную откровенность мою, вы снисходили меня и пулычнелестъ, что меня искренно уважали. Но если вы упрекаете меня или дивитесь на меня, что я съ вами теперь грубъ и пожалуй еще неблагопріестонъ какъ мужикъ, однимъ словомъ вдругъ перемѣнилъ съ вами тонъ, то вы въ этомъ случаѣ совершенно несправедливы. Во первыхъ, мнѣ такъ угодно, во вторыхъ я не у себя, а съ вами... то есть я хочу сказать, что мы теперь *кутиллы*, какъ добрые пріестели, а въ третьихъ — я ужасно люблю капризы. Знаете ли, что когда-то и въ каприза даже были метафизикомъ и филантропомъ и вращался чуть ли не въ тактикъ же идеяхъ какъ вы? Это впрочемъ было ужасно давно, въ вѣтмы дни моей юности. Помню, я еще тогда пріесталъ къ себѣ въ деревню съ гуманьими цѣлями и разувѣтся скучалъ, на чѣмъ свѣтъ стоять; и вы не повѣрите, что тогда случалось со мною? Отъ скуки и началъ тогда знакомиться съ хорошенькими дѣвочками... Да ужъ вы не гримасничаете ли? О, молодой мой другъ! да вѣдь мы теперь въ дружеской сходкѣ. Когда жъ и покутилъ когда жъ и распахнутъся! Я вѣдь русская натура, неподдѣльная русская натура, патриотъ, люблю распахнутъся, да и кому же надо ловить минуту и насладиться жизнью. Умреть и — что тамъ! Ну, такъ вотъ—съ я и волочился. Помню еще у одной настушки былъ мужъ, красивый молодой мужичекъ. Я его болѣе наказалъ и въ солдаты хотѣлъ отдать (прошлыя проказы, мой постъ!) да и не отдалъ въ солдаты. Умеръ онъ у меня въ больницѣ... У меня вѣдь въ солѣ больница была, на двѣнадцать кроватей, — великолѣпно устроенная; чистота, воды верховныя. Я впрочемъ ее давно ужъ уничтожилъ, а тогда гордился ею: филантропомъ былъ; ну, а мужичка чуть не засѣкъ за жену... Ну, что вы опять гримасу состроили? Вамъ откровенно слушать? Возмущаетъ ваши благородныя чувства? Ну, ну, уснойтемы! все это прошло. Это я сдѣлалъ когда романтизировалъ, хотѣлъ быть благодѣтелемъ человечества, филантропическое общество основать... въ такую тогда колею попалъ. Тогда и свѣтъ. Теперь

по существу; теперь надо примаскировать; теперь мы всё гримасничаемъ, — такое время пришло... Не было всего меня омрачить изверь подруги Иккеловъ. Я уверяю, что онъ видалъ весь этотъ пассажъ съ дурачникомъ... а чтожъ? онъ изъ доброты своей души, созданной комиссией изъ патени, и оттого что влюбленъ когда въ меня и самъ же захвалилъ меня самому себя, — рѣшился почему не шутить и не веселиться; те есть фанту не докбрлтъ и двѣнадцать лѣтъ стоялъ за меня горой до тѣхъ поръ, пока до одного не крѣнулся. Ха, ха, ха! Ну, да все это вадоръ! Вышесть, мой юный другъ. Послушайте; любите вы женщинъ? — рѣш: почему не отвѣчалъ. Я только слушалъ его. Онъ уже напиль вторую бутылку.

... А я люблю о нихъ говорить за ужиномъ. Познакомилъ былъ васъ послѣ ужина съ одной m-lle Philibert, — а? какъ вы думаете? да что съ вами? вы и смотрѣть на меня не хотите... тм!

Онъ было задумался. Но вдругъ поднялъ голову, какъ-то значительно взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Вотъ что, мой поэтъ, хочу я вамъ открыть одну тайну природы, которая кажется вамъ совсемъ невъѣрна. Я уверяю, что вы меня называете въ эту минуту грѣшникомъ, можетъ быть даже подлецомъ, чудовищемъ разврата и порока. Но вотъ что вы мнѣ скажу! еслибъ только могло быть (чего впрочемъ по чело-вѣческой натурѣ, никогда быть не можетъ), еслибъ могло быть, чтобъ каждый изъ насъ описалъ всю свою подшоготную, но такъ, чтобъ не побоялся изложить не только то, что онъ боится сказать и ни за что не скажетъ людямъ, но только то, что онъ боится сказать своимъ лучшимъ друзьямъ, но даже и то, въ чемъ боится подчасъ признаться самому себя, — то вѣдь на свѣтѣ поднялся бы тогда такой смрадъ, что намъ бы встать надо было задыхаться. Вотъ почему, говоря въ екобнахъ, такъ хороши наши свѣтскія условія и приличія. Въ нихъ глубокая мысль — не столько нравственная, но просто предохранительная, комфортная, что разумѣется еще лучше, потому что нравственность въ сущности тотъ же комфортъ, то есть изобрѣтена единственно для комфорта. Но о приличіяхъ послѣ; я теперь сбиваюсь, напомнимъ мнѣ о нихъ потомъ. Заключу же такъ: вы меня обвиняете въ пороки, развратѣ, безнравственности, а я можетъ быть только тѣмъ и виновать теперь, что *откровеннѣе* другикъ и больше ничего; что не утаиваю того, что другіе скрываютъ даже отъ са-

мнѣ себя, какъ сказалъ я прежде... Это я сказалъ и дѣлаю, но я теперь такъ хочу. Впрочемъ не беспокойтесь, прибавляя еще съ насильственнымъ улыбкой; — я сказалъ «виновать», но выдѣ я просто не прошу прощенья. Забудьте себя еще: я не кончую пока, не спрашиваю о томъ: мнѣ ли у васъ у самого нѣхотѣли быдѣ такъ какъ же тайнѣ, чтобъ вашими тайнами обрадовать и себя... Я поступаю прилично и благородно. Вообще я всегда поступаю благородно...

— Вы просто заговариваетесь, сказалъ я, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Заговариваюсь, ха, ха, ха! а сказать, объ чемъ вы теперь думаете? Вы думаете: Зачѣмъ это я заведъ васъ сюда и заведу ни съ того ни съ сего, такъ передъ вами разоткровенничался? Такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, это вы послѣ узнаете.

— А проще всего, вы вынули чутъ не двѣ бутылки... охмѣли.

— То есть, просто пьянъ.. И это можетъ быть. «Охмѣли!» то есть, это по нѣкиѣ, чѣмъ пьянъ. О пресуполненнѣй деликатностей человекъ! Но... мы кажется опять начала браниться, а заговорили было о такомъ интересномъ предметѣ. Да, мой поэтъ, если еще есть на свѣтѣ что-нибудь хорошенькое и сладенькое, такъ это женщины.

— Знаете ли, князь, я все-таки не понимаю, почему вамъ вздумалось выбрать именно меня confidentомъ вашихъ тайнъ и любовныхъ... стремлевій.

— Гм... да вѣдь я вамъ сказалъ, что узнаете послѣ. Не беспокойтесь, а впрочемъ хоть бы и такъ, безо всякихъ причинъ; вы поэтъ, вы меня поймете, да я ужъ и говорилъ вамъ объ этомъ. Есть особое сладострастіе въ этомъ внезапномъ ерыщѣ мажоръ, въ этомъ цинизмѣ съ которымъ человекъ вдругъ высказывается передъ другимъ въ такомъ видѣ, что даже не удостоиваетъ и постыдиться передъ нимъ. Я вамъ расскажу анекдотъ: былъ въ Парижѣ одинъ сумасшедшій чиновникъ; его потомъ поместили въ сумасшедшій домъ, когда волюнѣ убѣдились что онъ сумасшедшій. Ну такъ, когда онъ сходилъ съ ума, то воу чѣ выдумалъ для своего удовольствія: онъ радѣвался у себя дома, совершенно, какъ Адамъ, оставляя на себѣ одну обувь, и напѣ

двигалъ къ себѣ широкій плащъ до пята, закутывался въ него, и съ важной величественной миной выходилъ на улицу. Ну, съ боку поспотрѣть, — человекъ какъ и всѣ, пропуплившись себѣ въ широкомъ плащѣ для своего удовольствія. Но лишь только случалось ему встрѣтить какого-нибудь прохожаго, гдѣ-нибудь вадниѣ, такъ чтобы кругомъ никого не было, онъ молча шель на него, съ самымъ серьезнымъ и глубокимъ solemnнымъ видомъ, вдругъ останавливался передъ нимъ, раздвигалъ свой плащъ и показывала себя во весь... чистосердечіи. Это продолжалось одну минуту, потомъ онъ заворачивался опять и молча, не поворачивая ни однимъ мускуломъ лица, проходилъ мимо ослабѣвшихъ отъ изумленія зрителя, важно, плавно, какъ тѣнь въ Гамлетѣ. Тогда онъ постуналъ се въѣмъ, съ мушкетерами, женщинами и дѣтми, и въ этомъ состояло все его удовольствіе. Вотъ часть-то этого самого удовольствія и можно находить, высавано огорченія какого-нибудь Шиллера и высунуть ему языкъ, когда онъ все-го шельбѣ ожидать этого. «Огорчить» — какое словечко? Я его вычиталъ гдѣ-то въ вашей же современной литературѣ...

— Ну такъ то былъ сумасшедшій, а вы...

— Себѣ на-умѣ?

— Да.

Князь захохоталъ.

— Вы справедливо судите, мой милый, прибавилъ онъ съ самымъ наглымъ выраженіемъ лица.

— Князь, сказалъ я, разгорячившись отъ его нахальства, — вы насъ ненавидите, въ томъ числѣ и меня, и мстите мнѣ теперь за все и за всѣхъ. Все это въ васъ изъ самаго мелкаго самолюбія. Вы злы и мелочно злы. Мы васъ развелили, и можетъ быть больше всего вы сердитесь за тотъ вечеръ. Разумѣется вы ничѣмъ такъ сильно не могли отплатить мнѣ, какъ этимъ окончательнымъ презрѣніемъ ко мнѣ, неуваженіемъ ко мнѣ; вы забываете себя даже отъ обыденной и всѣмъ обязательной вѣжливости, которою мы всѣ другъ другу обязавы. Вы ясно хотите показать мнѣ, что даже не удостоиваете постыдиться меня, сылавъ передо мной такъ откровенно и такъ неожиданно вашу гадкую маску и выставляя передо мной въ такомъ нравственномъ значаніи...

... Для чего жъ вы это мнѣ все говорите? спросилъ онъ, гру-

бе и изгублю смотри на меня! — Чего бы пожелала этого прощания, тельность?

— Чего бы показать, что я вѣсь повинна и заливить это порокомъ вѣны.

— Quelle idée, mon Dieu, продолжалъ она вдругъ перебивъ свою тоню на прежній веселый и болтливый-добродушный. — Вы только отбили меня отъ предмета: Вѣнонь, mon ami, позвольте вѣсь назвать. — А я только что было хотѣла рассказать одно прекраснѣйшее и чрезвычайнѣйше-любопытное приключеніе. Рассказку его вамъ въ общіяхъ портахъ. Былъ я знакомъ, когда-то, съ одной барыней; была она не первой молодости, а тамъ, лѣтъ двадцати семи-восьми; — красавица первостепенная! что за блость, что за оманка, что за походка! она глядѣла пронзительно, какъ орлица, но взглядъ суровъ и строгъ; держала себя величаво и недоступно. Она омыла холодной, какъ крошечная зима и замуривала всѣхъ своєю недостигаемою, своєю грозною добродѣтелью. Именно грозною. Не было во всемъ ея кругѣ, такого нетерпимого судьи, какъ она. Она карала не только пороки, но даже малѣйшую слабость въ другихъ женщинахъ и карала безвозвратно, безъ аппеляціи. Въ своемъ кругѣ она имѣла огромное значеніе. Самыя гордыя и самыя страшныя по своей добродѣтели старухи, почитали ее, даже заискивали въ ней. Она смотрѣла на всѣхъ безстрастно-жестоко, какъ абесса средневѣковаго монастыря. Молодыя женщины трепетали ея взгляда и сужденія. Одно ея замѣчаніе, одинъ намекъ ея уже могъ погубить репутацію, — ужь такъ она себи поставила въ обществѣ, — боялись ее даже мушоны. Наконецъ она бросилась въ какой-то совершательный мистицизмъ, впрочемъ тоже спокойный и величавый... И что-жь? Не было развратницы развратитѣ этой женщины, и я выѣлъ счастье заслужить вполнѣ ея довѣренности. Однимъ словомъ — я былъ ея тайнымъ и таинственнымъ любовникомъ. Сношенія наши были устроены до того доко, до того мастерски, что даме никто изъ домашнихъ не могъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія; только одна ея прекрощенская камеристка, французженка, была посвящена во всѣ ея тайны, но въ эту камеристку можно было вполнѣ положиться: она тоже брала участіе въ дѣлѣ, — какимъ образомъ? и это теперь опущу. Барыня моя была сладострастна до того, что самъ маркизъ де Садъ могъ бы у ней поучиться. Но самое сильное, самое произни-

только и потрещивающее въ этомъ наслажденіи, — была его тщетность и нигдость обмана. Эта наситивка надъ всѣмъ, надъ всѣми утѣхами человѣческими; надъ войнѣ, о чемъ грешная проповѣдывала въ обществѣ какъ о высокомъ, недоступномъ и непопулярномъ, и наконецъ, этотъ внутренній, дьявольскій хохотъ и сознательное помирание всего, чего нельзя поправить — и все это быть предѣломъ, доведенное до самой послѣдней степени, до такой степени, о которой самое горячее воображеніе не смѣло бы и помыслить, — вотъ въ этомъ-то, главное, и заключалась самая яркая черта этого наслажденія. Да, это была самая дьявольскія во плоти, но онъ былъ неизбежно-оскорбительнъ. И теперь не могу припомнить о ней безъ восторга. Въ пылу самыхъ горячихъ наслажденій, она вдругъ хохотала какъ наступавшая, и я понималъ, вполне понималъ этотъ хохотъ, и самъ хохоталъ... Я еще и теперь задыхаюсь, при одномъ воспоминаніи, хотя тому уже много лѣтъ. Черезъ годъ она пережила меня. Если бы я и хотѣлъ, я бы не могъ повредить ей. Ну, кто бы могъ мнѣ повредить? Каковъ характеръ? что скажете, молодой мой другъ?

— Фу, какая пакость! отвѣчалъ я, — съ оторваніемъ выслушивать это признаніе.

— Вы бы не была молодымъ момъ другомъ, если бы отвѣчалъ иначе! Я такъ и зналъ, что вы это скажете. Ха, ка, ха! Подождите, мой ами, понизите и войдите, а теперь, — теперь вамъ еще нужна приличка. Нѣтъ, мой ами, вы не позѣте послѣ этого: эта женщина понимала жизнь и умѣла всю воспользоваться. А вы, — вы всю жизнь свою взяли на прокатъ, вы переживаете не свое: вамъ чужіе ее разливали, еще прежде чѣмъ вы родились, — а вы и не подумали ни разу, что стоитъ захотѣть, стоитъ хоть въ мгновеніе показать свою самостоятельность, хоть стотысячную долю самостоятельности, и жизнь будетъ сама, велика, оригинальная, вами изобрѣтенная и сочиненная, полная и богатая, въ которой во сто разъ будетъ больше настоящихъ жизненныхъ соковъ, чѣмъ теперь ваша жалкая жизнь на прокатъ, жизнь приказанная папюшкой и мамюшкой.

— Я понимаю, о чемъ вы говорите, отвѣчалъ я ему, — но развѣ самостоятельность непременно должна довести до такого звѣрства?

— До какого звѣрства?

— До котораго должна эта женщина и вы съ нею.

— Да, вы называете это вздоромъ, — признаю, что вы все сидите на помочахъ и на веревочкѣ. Конечно, я признаю, что самостоятельность можетъ явиться и совершенно въ продолженіи жизни, но... будемъ говорить по-прежнему, при аш... согласитесь сами, вѣдь все это вздоръ.

— Что же не валоръ?

— Не вздоръ — это личность, это я самъ. Все для меня и весь міръ для меня созданы. Послушайте, мой другъ, но я, сидя вѣрую въ то, что на свѣтѣ можно хорошо пожить. А это самая лучшая вѣра, потому что безъ нея даже и худо-то жить нельзя: пришлось бы отравиться. Говорить, такъ и сидѣть какой-то дуракъ. Онъ за философовъ до того, что, разругавъ все, все, даже законность всѣхъ нормальныхъ и естественныхъ обязанностей человѣческихъ и дошелъ до того что ничего у него не осталось; остался въ итогѣ нуль, вотъ онъ и провозгласилъ, что въ жизни самое лучшее синильная кислота. Вы скажете: это Гамлетъ, это грозное отчаяніе, однимъ словомъ чтонибудь такое величавое, что вамъ и не приснится никогда. Но вы не вѣрьте, а я простой человѣкъ, и потому скажу, что надо смотрѣть на дѣло съ самой простой, практической точки зрѣнія. Я напримѣръ уже давно освободилъ свою личность отъ всѣхъ путей и даже обязанностей. Я считаю себя обязаннымъ только тогда, когда это мнѣ принесетъ какую-нибудь пользу. Вы, разумеется, не можете такъ смотрѣть на вещи; у васъ ноги едутая и вкусъ большой. Вы толкуете про идеалы, по добродѣтелямъ. Но, другъ мой, я вѣдь самъ готовъ признавать все что прикажете; но что же мнѣ дѣлать, если я навѣрно знаю, что въ основаніи всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей лежитъ глубочайшій эгоизмъ. И чѣмъ добродѣтельнѣе дѣло, — тѣмъ болѣе тутъ эгоизма: Люби самаго себя, — вотъ одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сдѣлка; даромъ не бросайте денегъ, но пожалуй платите за угожденіе, и вы исполните всѣ свои обязанности къ ближнему, — вотъ моя нравственность, если ужъ вамъ ее непременно нужно, хотя признаюсь вамъ, по моему, лучше и не платить своему ближнему, а ступить заставить его дѣлать даромъ. Идеаловъ я на мѣню и не хочу имѣть; если бы ихъ никогда не чувствовалъ. Въ свѣтѣ можно такъ весело, такъ мило прожить и безъ идеаловъ... и еп sempre, я очень радъ, что могу обойтись безъ синильной кислоты. Вѣдь будь я немного

обсудимъ, а бы можетъ быть быть полнъ на обстояла, какъ тотъ дуракъ-философъ (безъ сомнѣнн явннца). Нѣтъ! въ жизни такъ много еще хорошаго! Я люблю значеніе, ширъ, атель; огрѣннте ставку въ карты (ужасно люблю карты). Но главное — женщины... и женщины во всѣхъ видахъ; я даже люблю потаенный, темный развратъ, постраниче и оригинальнѣе, даже пейшожке съ грязнотной для разнообразія... Ха-ха-ха! Смотрите я на ваше лице: съ какими презрѣннми смотрите вы на меня теперь!

— Вы правы, отвѣчалъ я.

— Ну положимъ, что и вы правы, но вѣдь во всякомъ случаѣ лучше грязнотца, чѣмъ сивильная кислота. Не правда ли?

— Нѣтъ уже сивильная кислота лучше.

— Я нарочно спросилъ васъ: не правда ли? чтобы насладиться вашимъ отвѣтомъ; я его зналъ заранее. Нѣтъ, мой другъ; если вы истинный человѣколюбецъ, то пожелаите всѣмъ умнымъ людямъ такого же вкуса какъ у меня, даже и съ грязнотной, иначе вѣдь унному человѣку скоро нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ и останутся одни только дураки. То то имъ счастье будетъ! Да вѣдь и теперь есть пословица: дуракамъ счастье, и видите ли, шоп ами, нѣтъ ничего прнятнѣе какъ жить съ дураками и поддакивать имъ: выгодно! Вы не смотрите на меня, что я даже иногда дорожу предразсудками, держусь известныхъ условій, добиваюсь значенія; вѣдь я вижу, что я живу въ обществѣ пустомъ; но въ немъ покажѣсть тепло, и я ему поддакиваю, показываю, что за него горю, а при случаѣ я первый его и оставляю. Я вѣдь всѣ ваши новыя идеи знаю, хоть и никогда не страдалъ отъ нихъ, да и не отчего. Угрызеній совѣсти у меня никогда не было ни о чемъ. Я на все согласанъ, было бы мнѣ хорошо, и насъ такихъ legionъ, и намъ дѣйствительно хорошо. Все на свѣтѣ можетъ погибнуть, одни мы никогда не погибнемъ. Мы существуемъ съ тѣхъ поръ какъ мнръ существуетъ. Весь мнръ можетъ куда-нибудь провалиться, но мы всплывемъ, мы всегда всплывемъ вверхъ.

Кстати: посмотрите хоть ужъ на одно то, какъ живучи такіе люди какъ мы. Вѣдь мы примѣрно, феноменально живучи; поразила васъ это когда вѣбудъ? Мы доживаемъ до восьмидесяти, до девяносто лѣтъ? Значитъ сама природа насъ покровительствуетъ, не, не, не! Я хочу непремѣнно жить до девяносто лѣтъ. Я смер-

ти не люблю и боюсь ее. Видь, чортъ знаетъ еще какъ придетъ умереть!! Не ить чему говорить объ этомъ! Она мене страшно вѣселила, развлекла. Къ чорту философия! Вивена, мой снор! Видь вы начинали было говорить о хорошихъ дѣлушкахъ... Куда это вы?

— Я иду, князь, да и вамъ пара...

— Полноче, полноче! Я такъ сказать открылъ персть свое все мое сердце; а вы даже и не чувствуете такого яркаго доказательства дружбы. Хе, хе, хе! въ васъ мало любви, мой снор! Но постойте, я хочу еще бутылку...

— Третью?

— Третью. Про добродѣтель, мой гонимый питомецъ, (вы бы позволили назвать себя этимъ сладкимъ именемъ: кто знаетъ, можетъ быть мои поученія пойдутъ и въпрокъ)... Идите, мой питомецъ, про добродѣтель я ужь сказалъ вамъ: «чѣмъ добродѣтель добродѣтельнѣе, тѣмъ больше въ ней эгоизма». Хочу вамъ разказать на эту тему одинъ премиленькій анекдотъ: я любилъ однажды одну дѣвушку и любилъ почти искренно. Она даже многимъ для меня пожертвовала...

— Это та, которую вы обокрали? грубо спросилъ я, не жалея болѣе сдерживаться.

Князь вздрогнулъ, перемигнулся въ лицѣ, и утѣвился на меня своими воспаленными глазами; въ его взглядѣ было недоумѣнiе и бѣшенство.

— Пойдите, проговорилъ онъ какъ бы про себя, — постойте, дайте мнѣ сообразить. Я дѣйствительно пьянъ и мнѣ трудно сообразить...

Онъ замолчалъ и пылливо, съ той же злобой смотрѣлъ на меня, придерживая мою руку своей рукой, какъ бы боясь, чтобы я не ушелъ. Я увѣренъ, что въ эту минуту, онъ соображалъ и доискивался, откуда я могу знать это дѣло, почти никому неизвѣстное, и нѣтъ ли во всемъ этомъ какой нибудь опасности? Такъ продолжалось съ минуту; но вдругъ лице его быстро измѣнилось; прежнее насмѣшливое, пьяно-веселое выраженiе пошло съ нова въ его глазахъ. Онъ захохоталъ.

— Ха, ха, ха! Тамъ правда да и только! Ну чтожъ, моя снор, я дѣйствительно стоялъ передъ ней, какъ ослѣпанный; только она бранила мнѣ въ глаза, что я обокралъ ее! Какъ она смеялась въ эту минуту, какъ ругалась! Бѣшенка была женщина

и... быть всякой выдержки. Но послушайте сами, тов ами. Во-первых, я должна не обогреться, а, какъ вы сейчасъ выразились, она подарила мнѣ свои деньги сама и они уже были мои. Ну, во-вторыхъ, вы мнѣ дарите самую лучшую вещь (говорю это, оня възяла уль на мой единственный и довольно-безобразный фракъ, дин-тый года три назадъ портнымъ Иваномъ Скорнягинымъ), я вамъ благодарна, мему его, вдругъ черезъ годъ вы поссорились со мной, я пробуешь его назадъ, а я уже его выношу. Это не благо-родно; зачемъ же дарить? Во-вторыхъ, я, не смотря на то, что деньги были мои, непременно бы возвратила ихъ назадъ, но соглашались сами: гдѣ же я вдругъ могу собрать такую сумму, а главное, я говорить не могу пастораши и шиллеровщины, я уже вамъ говорила, ну, это-то и было всему причиною. Вы не по-нрете, какъ она рисовалась передо мною, крича, что дарить мнѣ (явочетъ мой же) деньги. Злость взяла меня, и я вдругъ сумѣла разгадать совершенно правильно, потому что присутствіе лука и-ногда не оставляетъ меня: я рассудила, что отдавъ ей деньги, сделаю ее можетъ быть даже несчастною. Я бы отняла у ней наслаждение быть несчастною вполне изъ-за меня, и прокли-нать меня за это всю свою жизнь. Повѣрите, мой другъ, въ не-счастьи такого рода есть даже какое-то высшее упоеніе созна-вать себя вполне правымъ и великодушнымъ и имѣть полное право называть своего обидчика подлецомъ. Это упоеніе злобы, у шиллеровскихъ натуръ разумѣется, — можетъ быть потому ей было печче бѣть, но я увѣренъ, что она была счастлива. Я и не хотѣлъ лишить ее этого счастья и не отослалъ ей денегъ. Та-кимъ образомъ и оправданъ вполне мое правило, что нѣтъ грѣше и крушій человѣческое великодушіе, тѣмъ больше въ немъ, самого отвратительнаго злова... Неужели вамъ это неяс-но, тов сбер? Но... вы хотѣли поддѣть меня, ка, ха, ха!.. му признайтесь, хотѣли поддѣть?.. о Талейранъ!

— Прощайте! сказалъ я, оставая.

— Минуту! два важнотельныхъ слова, вскричалъ, оня на-тѣвая, вдругъ свой гадкій томъ на серьбанный. Выслушайте мое послѣднее: изъ всего что я сказалъ вамъ, слѣдуетъ ясно и ар-ко, (думаю что и вы сами это замѣтили), что я, иногда и не-декого мочечу упуская мою выноду. Я люблю деньги, и мнѣ они надобны. У Кати ихъ много; ее отецъ десять лѣтъ ве-теринарскій окуръ. У ней три милліона, и она три милліона

мнѣ очень пригодится. Алеша и Катя, — совершенно чужаки: оба дураки въ послѣдней степени: мнѣ того и надо. И потому я непремѣнно желаю и хочу, чтобъ ихъ бракъ устроился какъ можно скорѣе. Недѣли черезъ двѣ, черезъ три графиня и Катя ѣдутъ въ деревню. Алеша долженъ сопровождать ихъ. Предупреждаю Наталью Николаевну: чтобъ не было настояній, чтобъ не было шиллеровщины, чтобъ противъ меня не вставали. Я не гонимъ и зель; я за свое постою. Ея я не боюсь: все безъ сомнѣннѣе будетъ по моему, и потому если предупреждаю теперь, то шель для нея же самой. Смотрите же, чтобъ не было глупостей и чтобъ веда она себя благоразумно. Не то ей будетъ плохо, очень плохо! Ужь она за то только должна быть мнѣ благодарна, что я не поступилъ съ нею какъ слѣдуетъ, по законамъ. Знайте, мой другъ, что законы ограждаютъ семейное спокойствіе; они гарантируютъ отца въ повиновеніи сына и что тѣ, которые отвлекаются отъ священныхъ обязанностей къ ихъ родителямъ, законамъ не поощряются. Сообразите, наконецъ, что у меня есть связи, что у ней никакихъ и... неужели вы не понимаете, что я бы могъ съ ней сдѣлать?.. но я не сдѣлалъ, потому что до сихъ поръ она веда себя благоразумно. Не безпокойтесь: каждую минуту, за каждымъ движеніемъ ихъ присматривали зоркіе глаза всѣ эти полгода, и я звалъ все до послѣдней мелочи. И потому я спокойно ждалъ, пока Алеша самъ ее броситъ, что ужъ и начинается; а покажѣсть ему милое развлеченіе. Я же остался въ его вниманіяхъ гуманнымъ отцомъ, а мнѣ надо, чтобъ онъ такъ обо мнѣ думалъ. Ха, ха, ха! Какъ вспомню, я что чуть не complements ей дѣлалъ, тогда вечеромъ, что она была такъ великодушна и безкорыстна, что не вышла за него замужъ; желалъ бы я сейчасъ какъ бы она вышла! Что же касается до моего тогдашняго къ ней прѣзрѣнія, то все это было единственно для того, что ужъ пора было кончить ихъ связь. Но мнѣ надобно было увѣриться всецѣли своими глазами, своимъ собственнымъ опытомъ... Ну довольно ли съ васъ? или вы можете быть хотѣте узнать еще: для чего я завелъ васъ сюда, для чего я передъ вами такъ ломался и такъ просто открывалъ чашу, тогда какъ все это можно было выказать безъ всякихъ откровенностей, — да?

— Да. Я сирѣчился и жадно слушалъ. Мнѣ вечно было хотѣть ему болѣе.

— Единственно потому, мой другъ, что въ оныхъ разговорахъ

несколько болѣе благоразумія и яснаго взгляда на вещи, чѣмъ въ обоняхъ нашихъ дурачкахъ. Вы могли и раньше знать кто я, предугадывать, составлять предположенія обо мнѣ, но я хотѣлъ васъ избавить отъ всего этого труда и рѣшился вамъ наглядно показать, что такое вы имѣете дѣло. Дѣйствительное впечатлѣніе выдаетъ о васъ: «Помните же меля, мой аті. Вы знаете съ какою вы имѣете дѣло, — ее вы любите, и потому, я надѣюсь теперь, что вы употребите все свое вліяніе (а вы-таки имѣете на нее вліяніе), чтобы избавить ее отъ *Никотриль* хлопотъ. Иначе, — будутъ хлопоты и уверю, уверяю васъ, что не шуточные! Пусть, наконецъ, трезвая причина моихъ съ вами откровенностей это! (да вы-таки угадали же, мой аті), да, мнѣ дѣйствительно извѣстно, почему невозможно на все это дѣло, и поблѣвать имѣетъ въ вашихъ глазахъ...

— И вы достигли вашей цѣли, сказали я, дрожа отъ возмущенія. Я сожалѣю, что ничѣмъ вы не могли такъ выразить передо мною всей вашей злобы, и всего презрѣнія вашего ко мнѣ, и къ вамъ, какъ отъ откровенности. Вы не только не обиделись, что ваши откровенности могутъ васъ передо мною кому-нибудь промотировать, но даже и не стыдились меня... Вы дѣйствительно походили на того сумасшедшаго въ плащѣ. Вы меня за человека не считали.

— Вы угадали, мой юный другъ, сказали онъ вставая, — вы все угадали: не даромъ же вы литераторъ. Надѣюсь, что вы разстанетесь дружжелюбно. Брудершафтъ вѣдь не будемъ пить?

— Вы нѣтъ, и единственно потому я не отвѣчаю вамъ какъ бы следовало...

— Опять фигура умолчанія, — не договорили какъ следовало бы отвѣчать, да-ха-ха? Заплатить за васъ вы мнѣ не позволете?

— Не беспокойтесь, я самъ заплачу.

— Ну, ужъ безъ сомнѣнія. Вѣдь намъ не по дорожѣ?

— Я съ вами не поѣду.

— Прощайте, мой позъ. Надѣюсь, что вы меня повѣли...

Онъ вышелъ, шагая несколько не твердо и не обращившись ко мнѣ. Лакей усадилъ его въ коляску. Я пошелъ своею дорогою. Былъ третій часъ утра. Шелъ дождь, почъ была темная.

ГЛАВА IV.

Но стану описывать моего озлобленія, Не смотря на то, что можно было всего ожидать, я былъ пораженъ; почти еще не сталъ перело мной во всемъ своемъ безобразіи совсѣмъ изнедаженъ. Впрочемъ, помню, ощущенія мои были смутны: какъ будто я былъ чѣмъ-то придавленъ, ушибенъ, и морная тоска все болѣе и болѣе сосала мнѣ сердце; я боялся за Натану. Я прелюбоваюсь ей много мучъ впереди и смутно работала какъ бы нѣтъ работы, какъ бы облегчить эти послѣднія минуты своей окончательной развязкой всего дѣла. Въ развязку же смутнѣнія не было никакого. Она приближалась и, какъ будто не успѣла дать ответа, она будетъ!

Я и не замѣтилъ какъ дождь дошелъ, хотя дождь мѣтилъ меня всю дорогу. Было уже часа три утра. Не успѣвъ, а сплыву въ дверь моей квартиры, какъ послышался стонъ и дверь тревожно начала отпираться, какъ будто Нелли и не дожидаясь спать, а все время сторожила меня у самого порога. Сбѣгаю въ дверь. Я взглянулъ въ лицо Нелли и испугался; оно все замигалось: глаза горѣли какъ въ горячкѣ, и смотрѣли какъ-то искоса, точно она не узнавала меня. Съ ней былъ сильный жаръ —

— Нелли, что съ тобой, ты больна? — спросилъ я, взявшись за нее и обнявъ ее рукой.

Она трепетно прижалась ко мнѣ, какъ будто боялась чего-то, что-то заговорила, скоро, порывисто, какъ будто тоска и ждала меня, чтобъ поскорѣй мнѣ это рассказать. Но слова ея были бессвязны и странны; я ничего не понималъ: она была въ бреду.

Я повелъ ее поскорѣй на постель. Но она все бросалась ко мнѣ и прижималась крѣпко, какъ будто въ испугѣ, какъ будто прося защитить себя отъ кого-то и когда уже легла въ постель, все еще хваталась за мою руку и крѣпко держала ее, боясь, чтобъ я опять не ушелъ. Я былъ до того потрясенъ и разстроены нервами, что глядя на нее, даже заплакалъ. Я самъ былъ боленъ. Увидя мою слезу, она долго и неподвижно глядялась въ меня съ усиленнымъ, напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто стараясь что-то осмыслить и сообразить. Видно было, что ей стоило это

Большинство усиди. Вышелицъ что-то похожее на мысль прояснилось въ лицѣ ея; послѣ сильнаго припадка падучей болѣзни, она обыкновенно въ некоторое время не могла соображать свои мысли и шатно произносить слова. Такъ было и теперь; сдѣлавъ надъ собой чрезвычайное усилие, чтобъ выговорить мнѣ что-то и дождаться, что я не понимаю, она протянула свою рученку и начала отирать мои слезы, потомъ обхватила мою шею, нагнула меня къ себѣ и поцѣловала.

Было ясно: съ ней безъ меня былъ припадокъ и случился онъ именно въ то мгновеніе, когда она стояла у самой двери. Отлучившись отъ припадка, она вѣроятно долго не могла прийти въ себя. Въ это время действительность сдѣшивается съ бредомъ, и ей вѣрно представилось что нибудь ужасное, какіе нибудь страши. Въ то же время она смутно сознавала, что я долженъ воротиться и буду стучаться у дверей, а потому, лежа у самого порога на полу, чутко ждала моего возвращенія и приподнялась на мой первый стукъ.

Но для чего жъ она какъ разъ очутилась у дверей? подумалъ я, и вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она была въ шубѣ (я только что купилъ ей шубку у знакомой старухи-горюшки, зашедшей ко мнѣ на квартиру в уступавшей мнѣ нѣбольшаго товара въ долгъ); следовательно она собиралась куда-то идти со двора и вѣроятно уже отпирала дверь, какъ вдругъ эпилепсія поразила ее. Куда жъ она хотѣла идти? Ужъ не была ли она и тогда въ бреду?

Между тѣмъ жаръ не проходилъ и она скоро опять впала въ бредъ и безсмысленство. Съ ней былъ уже два раза припадокъ на моей квартирѣ; но всегда оканчивался благополучно, а теперь она была точно въ горячкѣ. Посидѣвъ надъ ней съ полчаса, я прилестилъ къ дивану стулья и легъ, какъ былъ одѣтый, близъ нея, чтобы скорѣй проснуться, еслибъ она меня позвала. Свѣчки я не тушалъ. Много разъ еще я взглядывалъ на нее прежде чѣмъ она заснула. Она была блѣдна; губы запекшіяся отъ жару и окровавленныя вѣроятно отъ паденія. Съ лица не сходило выраженіе страхи и какой-то мучительной тоски, которая казалась не покидала ее даже во снѣ. Я рѣшился на завтра какъ можно раньше сходить къ доктору, еслибъ ей стало хуже. Боялся я, чтобъ не приключилось настоящей горячки.

— Это ее клать напугавъ? подумалъ я съ содроганіемъ, и

вспомнить, рассказать, что я жидовилъ, бросилъ ей въ лицо свои деньги.

ГЛАВА V

Прошло две недѣли; Нелли выздоровѣла. Горячка съ ней не была, но была она сильно больна. Она встала съ постели уже въ концѣ апрѣля, въ свѣтлый, ясный день. Была страшно слаба.

Бѣдное созданіе! Я не могу продолжать моего разсказа въ прежнемъ порядкѣ. Много прошло уже времени до той роковой минуты, когда я записываю все это прошлое, но до сихъ поръ съ тяжелой, пронзительной тоской вспоминается мнѣ это бѣдное, худенькое личико, эти пронзительные, длинные, черные глаза, когда бывало мы оставались вдвоемъ, и она смотрѣла на меня съ своей постели, смотрѣла, долго смотрѣла, какъ бы вызывая меня угадать, что у ней на умѣ; но видя, что я не угадываю и все въ прежнемъ недоумѣніи, тихо и какъ будто про себя улыбнется и вдругъ ласково протянетъ мнѣ свою горячую ручку съ худенькими, высокими пальчиками. Теперь все прошло, уже все извѣстно, а до сихъ поръ я не знаю всей тайны этого больного, измученнаго и оскорбленнаго маленькаго сердца.

Я чувствую, что я отвѣкнусь отъ разсказа, но въ эту минуту мнѣ хочется думать объ одной только Нелли. Странно: теперь, когда я лежу на больничной койкѣ одинъ, оставленный всеми, кого я такъ много и сильно любилъ, — теперь иногда одна какая нибудь мелкая черта изъ того времени, тогда часто для меня не приметная и скоро забываемая, вдругъ приходи на память, и это задне подучаетъ въ моемъ умѣ совершенно другое значеніе, глубокое и объясняющее мнѣ теперь то, чего я даже до сихъ поръ не умѣлъ понять.

Первые четыре дня ее болѣзани мы, я и докторъ, ужасно за нее боялись, но на пятый день докторъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что бояться нечего, и она непременно выздоровѣетъ. Это былъ тотъ самый докторъ, давно знакомый мнѣ старейшій докторъ, добрякъ и чудакъ, котораго я призывалъ, когда въ первую болѣзнь Нелли и который такъ порадовалъ ее своимъ Станиславомъ на шеѣ, чрезвычайныхъ размѣровъ.

— Было бы еще чего бояться! сказала я, обиденно.

— Да; она теперь выздоровѣетъ, но потому она весьма скоро умретъ.

— Какъ умретъ! да почему же! вскричалъ я, ошоломленный таиннымъ приговоромъ.

— Да; она непремѣнно весьма скоро умретъ. У пациентки органическое порокъ въ сердцѣ, и при малѣйшихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, она сляжетъ снова. Можетъ быть снова выздоровѣетъ, но потомъ опять сляжетъ снова и наконецъ умретъ.

— Неужели жъ нельзя никакъ спасти ее? Нѣтъ, этого быть не можетъ!

— Но это должно быть. И однако при удаленіи неблагоприятныхъ обстоятельствъ, при спокойной и тихой жизни, когда будетъ болѣе удовольствій, пациентка еще можетъ быть отдалена отъ смерти; и даже бывають случаи... неожиданные... ненормальные и странные... однимъ словомъ пациентка даже можетъ быть спасена, при совокупленіи многихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, но радикально спасена — никогда.

— Но, Боже мой, что же теперь дѣлать?

— Слѣдовать совѣтамъ, вести покойную жизнь и исправно принимать порошки. Я замѣтилъ, что эта дѣвица капризна, перепятого характера и даже насмѣшлива; она очень не любитъ исправно принимать порошки и вотъ сейчасъ рѣшительно отказалась.

— Да, докторъ. Она дѣйствительно странная, но я все приписываю болѣзненному раздраженію. Вчера она была очень послушна; сегодня же, когда я ей подносилъ лекарства, она швырнула ложку какъ будто нечаянно, и все пролилось. Когда же я хотѣлъ развести новый порошокъ, она вырвала у меня всю коробку и ударила ее объ полъ, а потомъ залилась слезами... Такое кажется не оттого, что ее заставляли принимать порошки, прибавилъ я подумавъ.

— Гм. irritація. Прежнія большія несчастья (я подробно и откровенно разсказалъ доктору многое изъ исторіи Нелли, и разсказъ мой очень поразилъ его), все это въ сущности, и вотъ отъ этого и болѣзнь. Покаместъ единственное средство — принимать порошки, и она должна принять порошокъ. Я пойду и еще разъ постараюсь внушить ей ея обязанность слушаться медицинскихъ совѣтовъ или, то есть говоря вообще... принимать порошки.

Мы оба вышли из кухни (из которой происходило наше свиданіе), и докторъ снова приблизился къ постели больной. Нелли замесила постель санитарно; но крайней мѣрѣ она приподняла голову съ подушекъ и обративъ въ нашу сторону ухо, все время чутко прислушивалась. Я забывалъ это въ щель полуотворенной двери; когда же мы пошла къ ней, науточка принуждены вновь войти отдѣло и потлаживала на насъ съ насильственной улыбкой. Вѣднѣжъка очень похудѣла въ эти четыре дни болѣзни; глаза вывалились, жаръ все еще не проходилъ. Тѣмъ страшнѣе шло къ ея лицу палочливый видъ и задорные блестящіе взгляды, очень удивившіе доктора, самого добрейшаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ людей въ Петербургѣ.

Она серьезно, но стараясь какъ можно смягчить свой голосъ, ласково и кѣжливѣйшимъ тономъ изложила необходимость и опасность порошковъ, а слѣдственно и обязанность каждой больнаго принимать ихъ. Нелли приподняла было голову, но вдругъ, повидяшему совершенно нечаяннымъ движеніемъ руки, свѣтила ложку, и все лекарство пролилось опять на нелль. Я уверень, что она это сдѣлала нарочно.

— Это очень неприятная неосторожность, — сѣвкобно-сказалъ старичекъ, — и я подовѣрваю, что вы сдѣлали это нарочно, что очень не похвально. Но... можно все исправить и еще развести порошкѣ.

... Нелли засмѣялась ему прямо въ глаза.

Докторъ методически покачалъ головою.

— Это очень не хорошо, сказалъ онъ, разводя новый порошокъ, — очень, очень непохвально.

— Не деритесь на меня, отвѣчала Нелли, тѣтенью стараясь не засмѣяться снова, — я непременно прину... А любите вы меня?

— Если вы будете вести себя похвально, то очень буду любить.

— Очень?

— Очень.

— А теперь не любите?

— И теперь люблю.

— А подслушаете меня, если я захочу васъ поцѣловать?

— Да, если вы будете того заслуживать.

Тутъ Нелли опять не могла вытерпеть и снова засмѣялась.

У Нелли был веселый характер, она была от этого первая в парфюмерии, прозванная мисс доктор с самым серьезным видом доктором. Она была порошечка; закрывала вдруг своими слабыми плечиками Нелли, — но когда я вырасту и буду большой, как вы можете меня на себя занулить?

Вряд ли я подумаю этой новой жалости очень ей нравиться; глаза ее сажь и горькая, а губки так и подергивали смехом, в ожидании, когда Нелли скажет о том же монтере.

— Ну да, отвечал он, улыбаясь невольно этому новому капризу, — ну да, если вы будете добрая и благоволяющая девушка, будете послушны и будете...

— Принимать порошки? подхватила Нелли.

— Ого! ну да, принимать порошки. Добрая девушка, шептунья онъ мнѣ снова, — въ ней много, много... доброто и умнотѣ, неодомаютъ... замунтъ... какой странный капризъ...

Мисс снова подверь ей лекарство. Но въ этотъ разъ, она даже и не схитрила, а просто снизу вверх подтолкнула рукой ложку, и все лекарство выскочило прямо на ланчикъ и на лицо бѣдному старичку. Нелли громко засмѣялась, мисс прерывимъ простодушнымъ и веселымъ смѣхомъ. Въ лицѣ бѣдника появилось что-то жестокое, злое. Въ это время, она какъ будто избѣгала моего взгляда, смотрѣла на одного доктора и съ восторгомъ, сквозь которую преглядывало однакоже беспокойство, ждала что-то будетъ теперь дѣлать «счастливой» старичокъ.

— О чемъ думать... Какое несчастье! Но... можно еще развести порошечку, протереть старичка, отирая платочкомъ лицо и ланчикъ...

Это ужасно поразило Нелли. Она ждала нашего гнѣва; она думала, что ее начнутъ бранить, упрекать и можетъ быть ей! Безсознательно, горю только и хотѣлось въ эту минуту, чтобы мнѣ предлогъ тотчасъ же закинуть, зарыть какъ въ истерикъ, разбросать опять порошки какъ дичи и даже разбить что-нибудь съ добалы! (въ вѣдь эти углы мои капризы, капризы большого сердца). Такие капризы бывають и не у одной бѣдницы, а и у одной Нелли. Какъ часто бывало и ходить вѣдь впередъ не командъ съ безразличнаго желаніемъ, чтобы мисс рѣшила, что-нибудь обидѣть, или сказать слово;

интересом можно было принять за обиду, а шестерой бороться на том же шибле сердце: Женщины же, срываясь, как лавина, врываются в сердце; начинают плакать самыми искренними слезами, как синевы; чувствуют, как им в грудь дано... доводить до удивления. Для отца прощай и самое живейкое, и бывающее чудное, когда есть другая, часто никому невозможная печаль в сердце; и кто-то и кто-то без, да только никому высказаться...

Но вдруг, паразитная ангальской добротой обиженною старичка и терпимости, от которых он снова разведливый третий персонаж; не сказав ей ни одного слова упрёка. Не лишить притиска. Намёнок слетела с явубекъ, красная дарила ей въ лицо, глаза повлажились; она маленько взглянула на меня, и тотчас же окоретилась. Докторъ подошёл ей съ братою. Она, сморщившись, робко выпнула его, схватила красную, встала, руку старичка, маленько похлопала ему въ глаза...

— Вы... сердитесь... что я знаю, сказала, было она, не совсем довольная; юркнула вонь, одёжа, накрылась отголоской и красной, истерически зарыдала...

— Видите мое, на плачке... да, ничего... Это перы; видите воды...

Но, Нелли не слушала.

— Учитель, не расстройвайте себя; продолжал онъ, чуть самъ маленькая медь нему, потому что былъ очень чувствительный человек; — я васъ прощаю и замужъ возьму, если вы, при нашемъ поведении честной дѣвицы, будете...

— Принимать порошки! послышалось изъ подъ одёжа съ тономъ какъ колокольчикъ неричестимъ смѣхомъ, прерываемымъ рыданиями — очень мнѣ знакомымъ смѣхомъ...

— Доброе, признательное дитя, сказала докторъ, терпеливо и чуть не до слезамъ на глазахъ. — Бѣдная дѣвица!

И въ этотъ поръ между нами и Нелли началось какое-то страшная, удивительная симпатия. Со мной же напротивъ, Нелли становилась все угрюмѣе, раздражительнѣе. Я не зналъ, чему это приписать и дивился на нее, тѣмъ болѣе, что эта перемена произошла въ ней какъ-то вдругъ. Въ первые дни бѣдныя она была со мной чрезвычайно добрая и ласковая; мало-по-ли, не могла наглядѣться на меня, не отпускала отъ себя, хватала мою руку, своимъ горячемъ ртомъ и садила меня, возить себя и если замѣтала, что я угрюмъ и раздраженъ, и старалась раз-

вспомогла ей, и ушла. А когда ее увидели у себя дома, она сказала: «Вот она, моя бедная, которая так долго ждала, чтобы увидеться со мной!» Она сказала, что ей было так тяжело, что она не могла спать, и что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть.

Но четвертый день ее болезни, я весь вечер сидела у ее постели, и она сказала мне, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть.

Также она была очень рада, когда я пришла к ней, и она сказала мне, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть.

Тотчас же она встала у нас, и сказала мне, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть.

Итак, она была очень рада, когда я пришла к ней, и она сказала мне, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть. Она сказала, что она была так несчастна, что она хотела умереть.

пара, как старая лошадь. Не одна ли лошадь? А ты, голубчик, ей не хороша лошадка? Чая не пропавшею подлинку, чтобы никак не могла не ехать: да и заставитъ: не дурно ли дома дитя, подлинку? Отъ дождя кой-то провалить. Ахъ, какой я дура! а не ужъ не пришла, привезеть. Я, пожалуй за мной. Не нужно ли огонь развести? Я свою старуху, вонъ пришила. У меня есть такая старуха. У вась въ альчике по вѣкъ изъ женской прилуги... Ну, что же теперь дѣлать? Это чтой право... докторъ прислать? Вѣрно для трудного чаю? Сей-часъ пойдя справляю... 11

— Мама, не убожалась, ма она оченъ удивилась и даже онегодилась, чва я въ томъ случаѣ съестной дѣвкѣ не такъ много. Это дурное же обезкуражило ее совершенно. Она тотчасъ же подружилась съ Маврикомъ и много поговорила мнѣ, во все время ея болѣзни; вѣдала насъ жонки каждый день, а всегда бывало, придетъ съ валики валицы, какъ будто, что-нибудь провадо или куда-то уѣдало, и валицы шорты носить. Она всегда прибавляла, что такъ и Феллианъ Филиппы къ провадалъ. Нелли она оченъ понравилась. Очъ понравилась одна дружную мать дѣв сестры, а я думаю, что Александръ самаря, братъ ее, во многомъ, была такой же точной работницей, какъ и Маври. Она рассказывала ей разные исторіи, смѣшила ее и Нелли потому, ласко, случалась, когда Александра Семеновна уѣзжала домой. Первое же ея дозвоніе у насъ удивило мою болыую, ма: она тотчасъ же догадалась зачѣмъ пришла незваная гостыня, во обыкновеніи своему, даже накуривалась, съвагалась молчалива и не любезна.

— Она зачѣмъ къ намъ прибѣжала? спросила Нелли, такъ братъ съ недовольнымъ видомъ, когда Александра Семеновна уѣхала.

— Прощай, тебѣ Нелли и ходить за тобой.

— Дѣлать что? За что же? Вѣдь я ей ничего такого не сдѣлала.

— Дѣлать: людиги не ждуть, чтобы имъ провадалъ. Нелли. Очъ не беззащитно любить, помогать тѣмъ, кто цумалаетъ. Полю, голубчикъ Нелли; на свѣтѣ оченъ много добрыхъ людей: Тамъ то твою же бѣду, что ты жкъ не встрѣчала и не встрѣтила, когда феллианъ отъ... 12

— Нелли, не злодѣяла, я отощель отъ нея. Не четверть часа спустя, она сама позвала меня къ себѣ, слабымъ голосомъ! не шло, было тихо, она вѣдуть вѣдиль, обила онеца! привезла къ

людей трудящихся, но и заступилась за них, когда увидела, что они страдают. Она пришла к ним, когда они были в отчаянии, и сказала им: «Не бойтесь, я буду с вами, как вы будете со мной».

ГЛАВА VI

Вот в пятницу-то день я и была у Наташи (воскресенье). Я пришла ужь поздно. Наташа спала. Александр Семанович тоже хохотал спать, но она все сделала так, чтобы он не спал. Тотчас же оторопелаямъ шепотомъ начала она шнырять по комнате. Наташа сначала была очень весела, циничного смехомъ, но потомъ стала скучна и увидя, что я не прихожу, она начала плакать и заплакала и такъ разрыдалась, что губы и я не могла говорить. Она прибавила Александра Семановича. Завтра было воскресенье. Наташа Николаевна, но я ей ничего не могла сказать; она и переотгла расплачиваться и все это плакала, такъ и уснула въ слезахъ. Ну, прощайте же, Иванъ Петровичъ; ей все-таки перече, какъ и забыла, а швырьте домой, такъ и Филиппъ Филипповичъ приказалъ. Ужъ я: прощаюсь вамъ, ведь вы ведь этотъ разъ только на два часа отпустили, а я ужъ сама осталась. Да что, ничего, не беспокойтесь обо мнѣ; не смѣете вы сердиться... Только вотъ развѣ... Ахъ, Боже мой, голубчикъ, Иванъ Петровичъ, что мнѣ дѣлать: ахъ, Боже мой, перече домой кнѣзьмой приходитъ! Ваня отъ чѣмъ-то очень, но мной не говоритъ, тоскуетъ, дѣло у него важное на умѣ; я ужъ это вижу; а вечеромъ все-таки вѣдь... Подумаю: точно: вернется: онъ теперь домой, кто-то его тамъ уложитъ? ну! Яду, Яду, прощайте. Прощайте, мой голубчикъ. Книжки я у васъ тутъ свертала: сколько книгъ-то у васъ, а все должно быть убито; а я-то дура; ничего-то я никогда не читала... Ну, до свиданья!

«Но на-завтра же!» Наташа проснулась грустная и утришала, какъ она была мнѣ. Сама же ничего со мной не заговаривала, точно сердилась на меня. Я забывала только несколько вещей, «Бременныхъ» на меня исполнил, какъ бы урядомъ; «въ этихъ взглядахъ» было много какой-то «матерной» (сердитой) силы, но все-таки въ нихъ проглядывала вѣжливость (какой-то)

близко, когда она пришла сюда, по имени. В это время, когда я
впервые пришла сюда, при приеме лекарств, съ доктором; а: по
здоровью подумать.

Но Нелли пережилась ко мнѣ окончательно. Въ страше-
сти, капризы, иногда чуть не ненависть ко мнѣ, все это продол-
жалось вплоть до самого того дня, когда она перестала жить со
мною, вплоть до самой той катастрофы, которая развязала весь
наш романъ. Но объ этомъ послѣ.

И случилось иногда такое, что она вдругъ становилась на
время симпатична ко мнѣ по привычку Ласки: Ласки едвали
забыла удивлялась въ эти моменты; чаще всего въ эти моменты
цуть она порою плакала. Но часы эти проходили скоро, и эти
минуты опять въ прожитую тоску и опять врандобо смотрѣть
каменна, лица не призналась, какъ при докторѣ; или вдругъ, какъ
туть, что мнѣ неприятна какая-нибудь ея новая мысль, пяти-
шля подумать: и всегда чуть кончала слезами.

иногда поссорилась даже разъ съ Александрой Семеновной,
сказала ей, что ничего не хочетъ отъ нея. Когда же я стала пе-
ники ей, при Александрѣ же Семеновнѣ, она разгорячилась, от-
вѣтила съ дѣкой-то порывчатой, накончившейся злобой, и
вдругъ замолчала и ровно два дни ни одного слова не говорила
со мною, не хотѣла принять ни одного лекарства, даже не хо-
тѣла пить и есть, и только старичекъ-докторъ съумѣлъ угово-
рять и усовестить ее.

и я сказала уже, что между докторомъ и ею, съ самого дня
пріема лекарства, началась какая-то удивительная симпатія,
Нелли очень любила его, и всегда встрѣчала его съ веселой
улыбкой, какъ бы ни была грустна передъ его приходомъ. Съ
своей старены старичекъ началъ водить къ намъ каждый день,
а иногда и по два раза въ день, даже и тогда, когда Нелли
стала жалити и уже совсемъ выздоравливала, и, казалось, она за-
решилась такъ, что онъ не могъ прожить два, не слышать
ся слышу и шутокъ надъ нимъ, перидке очень забавныхъ. Онъ
сталъ возить ей книжки съ картинками, все навидательнаго
содержа. Одну ему нарочно купала для нее. Потомъ сталъ до-
сти ей сласти, конестъ въ хероненькины коробочкахъ. Въ та-
кое разе еще входила обыкновенно съ тержественнымъ видомъ,
какъ будто была именинакъ, и Нелли хотчае же дегадна-
лась, все онъ приидать съ подаркомъ. Но подарка онъ не под-

живо, что, если только вышло, произошло по воле Небес; так
 махалъ, что если одна молодая дѣвица умѣла вести себя хорошо
 и заслужить на; себя эти дѣтскія удовольствія, то такая хорошая дѣ-
 вица достойна хорошей награды. При этомъ онъ, какъ д-рессе-
 динъ, съ добродѣтью на моръ, полагалъ, что, Небесъ хотъ и
 свѣчалась надъ нимъ самымъ откровеннымъ смѣломъ и чуждыми
 съ тѣмъ чуждыми, дѣлаемая, дѣлаемая, дѣлаемая
 въ эту минуту жь онъ просидѣвшихъ гласныхъ. На этотъ старина
 торжественно, подымался со стула, вынималъ карманную съ кон-
 фетомъ и вручал ее Нелли, невѣстине дѣлаемая, и: Мой бу-
 дущей и любезной супругѣ. Въ эту минуту онъ самъ, безъ зна-
 ченія свѣдѣннѣ Нелли.

— Подойдите, пожалуйста разговораться и какой-нибудь отъ себя
 серьезно и убедительно, упреждая съ собой дѣлаемая, дѣла-
 вать ей убедительные молчаливые совѣты. . . . .
 . . . . . Боже, всего, надо беречь, свою дѣловую, поваренную
 дѣлательность, тонень; — и, во первыхъ, дѣлаемое, дѣлаемое
 чтобъ остаться въ живыхъ, дѣлаемое — чтобы дѣлаемая, было
 дѣлаемое, в записи, образамъ, дослужить, стараться въ жизни.
 Если вы дѣлаете, мое милое дитя, какія-нибудь дѣлаемые, тогда
 дѣлайте, дѣла, дѣла, дѣла, дѣла, старайтесь о нихъ, дѣлаемые
 Если же, не, имѣете, никакихъ дѣлаемыхъ, то, дѣлаемое, дѣлаемое
 дѣлайте, а старайтесь думать, объ, удовольствіяхъ, кои, вамъ
 нибудь, веселомъ, игривомъ. . . . .

— А объ чемъ же, это, дѣлаемое, и игривомъ дѣлаемые? спросилъ
 вода Нелли.

— Докторъ, немедленно становился въ тупикъ. . . . .

— Ну, тамъ, объ, какой-нибудь, неллиной игрѣ, (справившей
 вашему, возрасту, и, тамъ, ну, что-нибудь, а, тамъ, —

— Я не хочу играть; я не люблю играть, вскорѣмъ Нелли, тамъ
 А вотъ я люблю, лучше, новыя, платья, ...

— Новыя платья! гм. Ну, это уже не такъ, хорошо. Надъ во
 всемъ, удовлетворяться, широкою, долей въ жизни. А впро-
 чемъ... пожалуй .. можно любить и новыя платья. . . . .

— А вы много мнѣ сошьете, платьевъ, когда, я, да, васъ, за-
 мучу, выйду? . . . . .

— Какая идея! говорилъ докторъ, и ужь, немало, имен
 рясей! Нелли, паузочки, дѣлаемая, и, даже, разъ, дѣлаемая, съ
 улыбочкою, взглянула и на меня. — А впрочемъ, ...

жалась, если вы его замучите своими вопросами, предположил докторъ. — Но вы и в самом дѣлѣ съ своимъ нѣпоколебимымъ — да, да! — порешеніемъ нужно будете каждый день притискивать меня къ груди и вынуть вѣдуньи! — докторъ и докторокъ вполголоса вдыхали и выдыхали. Ну, тогда можно будетъ и не всегда прижимать порешеніе, и доктори начинали улыбаться. — Но вы и в самом дѣлѣ съ своимъ нѣпоколебимымъ порешеніемъ нужно будете каждый день притискивать меня къ груди и вынуть вѣдуньи! — докторъ и докторокъ вполголоса вдыхали и выдыхали. Ну, тогда можно будетъ и не всегда прижимать порешеніе, и доктори начинали улыбаться. — Но вы и в самом дѣлѣ съ своимъ нѣпоколебимымъ порешеніемъ нужно будете каждый день притискивать меня къ груди и вынуть вѣдуньи! — докторъ и докторокъ вполголоса вдыхали и выдыхали. Ну, тогда можно будетъ и не всегда прижимать порешеніе, и доктори начинали улыбаться.

Она была права. Я рѣшительно не зналъ, что двавасомъ было. Она какъ будто совѣтъ не хотѣла говорить со мной, точно и передъ мной въ сѣнѣя нѣбуди прощались. Мнѣ это было очень горько. Я даже самъ нахмурился и однажды цѣлый день не выговаривалъ съ нею, при на другой день мнѣ стало стыдно. Часто она плакала, и я рѣшительно не зналъ, что ей утѣшить. Впрочемъ она однажды прервала со мной свое молчаніе, и я тогда — да, да! — вернулся домой передъ сумерками и увидѣла, что Нелли быстро обрѣтала подъ подушку книгу. Это была та же романичка, которую она взяла со стола и читала въ мое отсутствіе. Кому же было его прятать отъ меня? точно она стыдилась, и не думая, что не показывая виду, что замѣтилъ что-нибудь. Черезъ часъ спустя, когда я вышелъ на минутку въ кухню, она быстро вскочила съ вѣстелю и положила романичку на прежнее мѣсто; воротясь, я увидѣлъ уже его на столѣ. Черезъ минуту она позвала меня къ себѣ; въ голосѣ ея отзывалось какое-то волненіе. Уже четыре дня какъ она почти не говорила со мной.

— Вы... сегодня... хотите опять къ Нелли? спросила она меня прерывающимся голосомъ.

— Да, Нелли; мнѣ очень нужно ее видѣть сегодня.

— Вы... очень... ее любите? спросила она опять слабымъ голосомъ.

— Да, Нелли; очень люблю.

— И я ее люблю, прибавила она тихо. За тѣмъ опять наступило молчаніе.

— Я хочу къ ней въ съ ней буду жить, начала опять Нелли, робко выгнувъ плеченка.

— Да, да, да! — сказала она, — да, да, да! — и она вышла из комнаты, оставив Нелли одну. Нелли села на кровать и заплакала. Она была так счастлива, что ей казалось, будто она была в раю. Она вспомнила, как она была в детстве, как она была влюблена в своего жениха, как она была счастлива. Она вспомнила, как она была влюблена в своего жениха, как она была счастлива. Она вспомнила, как она была влюблена в своего жениха, как она была счастлива.

— Есть.

— Ну, так как вы хотите, чтобы я оставила своего служанку, а я ей буду служить. Я буду ей делать и ничего съезду не возмю; я люблю ее, буду вынуждена буду продать. Вы так и скажите ей сегодня.

— Скажите ей, что это за фантазия, Нелли? В какъ же ты можешь судить? Неужели ты думаешь, что она согласится взять тебя за свою служанку? Ужъ, если вы хотите, то какъ свою родственницу, какъ младшую сестру свою.

— Нѣтъ, я не хочу быть родной. Такъ я не хочу.

— Почему же?

— Потому что она будет любить, увидеть отъ ней

и ее одну броситъ? спросила она наконецъ.

— Не удивляйся.

— Да почему же это знаете, Нелли?

— Вы и сами говорили мнѣ все, и третью дня, когда мужъ Меллобаръ Семеновъ приходилъ утромъ, я его спрашивала: онъ вамъ все и сказалъ.

— Да разве Меллобаръ приходилъ утромъ?

— Приходить, отвѣчала она, потупивъ глазки!

— А зачѣмъ же ты мнѣ не сказала, что онъ приходилъ?

— Такъ да, да, да!

Я подумалъ съ минуту. Богъ знаетъ, зачѣмъ этотъ Меллобаръ идетъ, съ своею тайнственностью. Что за сношенія завелъ? Надо бы его увидеть.

— Ну, такъ, что же тебѣ Нелли, если онъ ее броситъ?

— Вѣдь вы ее любите же очень, отвѣчала Нелли, не подымая на меня глазъ. — А коли любите, стало-быть замужъ ее возьмете, когда тотъ увидитъ.

— Нѣтъ, Нелли, она меня не любитъ, такъ какъ я ее люблю, да, да, да. Нѣтъ, не будетъ этого, Нелли.

— А я бы вамъ обманъ служила какъ служанка ваша; а вы бы меня, и ради меня, прощала она тихо, чуть не шепотомъ, не смотря на меня.

точно бросилась, чтобъ она не убѣжала другой разъ. Я чашь и бросилась къ нейъ.

— Нелли, что съ тобой! закричала я — куда ты уходишь, зачемъ!

— Постойте, не торопитесь; пойдите-на въскорѣ въ ваннъ, тамъ все и узнаете, зашептала Александра Семеновна: — какия вещи-то я вамъ разскажу, Иванъ Петровичъ, шептала она на-скоро дорогою. Двигаться только надо... Вотъ, пойдите, сейчасъ узнаете.

На лицѣ ея было написано, что у ней чрезвычайно важная новость.

— Ступай, Нелли, ступай, прилягь немножко, сказала она, когда мы вошли въ комнату: — идѣ ты устала; шутка ли серьезно обѣдала; а послѣ болѣзни-то тяжело; прилягь, голубчикъ, прилягь. А мы съ вами уйдемте-на пона отсюда, не будемъ ей мешать, пусть уснетъ. И она мигнула мнѣ, чтобъ я вышолъ съ ней въ кухню.

Но Нелли не прилегла, она была на диванѣ и закрыла обѣими руками лицъ.

Мы вышли и Александра Семеновна наскоро разсказала мнѣ въ чемъ дѣло. Потомъ я узналъ еще болѣе подробностей. Вотъ какъ это все было.

Уйдя отъ меня, часа за два до моего возвращенія, я оставилъ мнѣ записку, Нелли побѣжала сперва къ старичку-доктору. Адрессъ его она успѣла вывѣдать еще прежде. Докторъ разсказывалъ мнѣ, что онъ такъ и обмеръ, когда увидѣлъ у себя Нелли и все время, пока она была у него, «не вѣрилъ глазамъ своимъ». Я и теперь не вѣрю, прибавилъ онъ, въ заключеніе своего разсказа и никогда этому не повѣрю. И однакъжъ Нелли дѣйствительно была у него. Онъ сидѣлъ спокойно въ своемъ кабинетѣ, въ креслахъ, въ шафрокъ и за кофеемъ, когда она вбѣжала и бросилась къ нему на шею, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Она плакала, обнимала и цѣловала его, цѣловала ему руки и убѣдительно, хотя и безсвязно, просила его, чтобъ онъ взялъ ее жить къ себѣ; говорила, что не хочетъ и не можетъ болѣе жить со мной, потому и ушла отъ меня; что ей тяжело; что она уже не будетъ болѣе смѣяться надъ нимъ и говорить объ новыхъ платьяхъ, а будетъ вести себя хорошо, будетъ учиться, выучится «манишки ему старать и гладить» (вѣроятно она со-

обрывила всю свою ричь: дорогову, а можеть быть и карману), и что наконецъ будетъ послушна и хоть каждый день будетъ принимать какіе угодно порціи. А что если она говорила тогда, что замужъ хотѣла за него выйти, такъ вѣдь это она шутила, что она и не думаетъ объ этомъ. Старый идиотъ, бывъ такъ ошеломленъ, что сидѣлъ все время, разинувъ ротъ, подмывъ свою руку, въ которой держалъ сигару, и забывъ объ рукѣ и объ сигарѣ, такъ что она и потухла.

— Мадмуазель, проговорилъ онъ наконецъ, получивъ кестъ какъ употребленіе языка: — мадмуазель, сколько я васъ поцалъ, вы просите, чтобъ я вамъ далъ мѣсто у себя. Но это, — невозможно! Вы видите, я очень стѣсненъ и не имѣю значительнаго дохода... И наконецъ, такъ прямо, не подумавъ... Это ужасно! И наконецъ вы, сколько я вижу, бѣжали изъ своего дома. Это очень непохвально и невозможно... И наконецъ, я вамъ позволялъ только немногo гулять, въ ясный день, подъ надзоромъ вашего благодѣтеля, а вы бросаете своего благодѣтеля и бѣжите до мнѣ, тогда какъ вы должны беречь себя и... и... принимать лекарство. И наконецъ... наконецъ я ничего не понимаю...

Нелли не дада ему договорить. Она снова начала плакать, снова упрашивать его, но ничего не помогло. Старичекъ все болѣе и болѣе впадалъ въ изумленіе и все болѣе и болѣе ничего не понималъ. Наконецъ Нелли бросила его, вскрикнула: Ахъ, Боже мой! и выбѣжала изъ комнаты. Я былъ бодрѣе весь этотъ день прибавилъ докторъ, заключая свой рассказъ: — и на ночь при- нялъ декокть...

А Нелли бросилась къ Маслобоевымъ. Она запаслась и ихъ адрессомъ и отыскала ихъ, хотя и не безъ труда. Маслобоевъ былъ дома. Александра Семеновна такъ и всплеснула руками, когда услышала просьбу Нелли взять ее къ себѣ. На ея же распросы: почему ей такъ хочется, что ей тяжело что ли у меня? Нелли ничего не отвѣчала и бросилась, рыдая, на стулъ. Она такъ рыдала, такъ рыдала, рассказывала мнѣ Александра Семеновна, что я думала, она умретъ отъ этого. Нелли просилась хоть въ горничныя, хоть въ кухарки, говорила что будетъ полъ мести, и научится бѣлье стирать. (На этомъ мытьѣ бѣлья она основывала какія-то особенныя надежды и почему-то считала это самымъ сильнымъ прельщеніемъ, чтобъ ее взяли). Мнѣніе Александры Семеновны было оставить ее у себя до разъясненія

дѣла, а мнѣ дать знать. Но Филиппъ Филиппычъ рѣшительно этому воспротивился и тотчасъ же приказалъ отвести бѣглянку къ мнѣ. Дорогою Александра Семеновна обнимала и цѣловала ее, отчего Нелли еще больше начинала плакать. Смотря на нее, расплакалась и Александра Семеновна. Такъ обѣ всю дорогу и плакали.

— Да почему же, почему же, Нелли, ты не хочешь у него жить; что онъ обижаетъ тебя, что ли? спрашивала, заливаясь слезами, Александра Семеновна.

— Нѣтъ, не обижаетъ...

— Ну, такъ отчего же?

— Такъ, не хочу у него жить... не могу... я такая съ нимъ все злая... а онъ добрый... а у васъ я не буду злая, я буду работать, проговорила она, рыдая какъ въ истерикѣ.

— Отчего жъ ты съ нимъ такая злая, Нелли?..

— Такъ...

— И только я отъ нее это: «такъ» и выпытала, заключила Александра Семеновна, отирая свои слезы: — что это она за горемычная такая? родилецъ что ли это? Какъ вы думаете, Иванъ Петровичъ?

Мы вошли къ Нелли, она лежала, скрывъ лицо въ подушкахъ и рыдала. Я сталъ передъ ней на колѣни, взялъ ее руки и началъ цѣловать ихъ. Она вырвала у меня руки и зарыдала еще сильнѣе. Я не зналъ что и говорить. Въ эту минуту вошелъ старикъ Ихменевъ.

— А я къ тебѣ по дѣлу, Иванъ, здравствуй! сказалъ онъ оглядывая насъ всѣхъ и съ удивленіемъ видя меня на колѣняхъ. Старикъ былъ болѣнъ все послѣднее время. Онъ былъ блѣденъ и худъ, но какъ будто храбрясь передъ кѣмъ-то, презиралъ свою болѣзнь, не слушалъ увѣщаній Анны Андревны, не ложился, и продолжалъ ходить по своимъ дѣламъ.

— Прошайте покаместъ, сказала Александра Семеновна, пристально посматривая на старика. Мнѣ Филиппъ Филиппычъ приказалъ какъ можно скорѣй воротиться. Дѣло у насъ есть. А вечеромъ, въ сумерки, приѣду къ вамъ, часика два посижу.

— Кто такая? шепнулъ мнѣ старикъ, повидимому думая о другомъ. Я объяснилъ.

— Гм. А вотъ я по дѣлу, Иванъ...

Я зналъ, по какому онъ дѣлу иждать его посѣщенія. Онъ пришолъ переговорить со мной и съ Нелли и перебраться ко у меня. Анна Андревна соглашалась наконецъ взять въ домъ сиротину. Случилось это вълѣдствіе нашихъ тайныхъ переговоровъ: я убѣдилъ Анну Андревну и сказалъ ей, что видя сиротку, которой мать была тоже проклята своимъ отцомъ, можетъ быть повернетъ сердца нашего старика на другія мысли. Я такъ ярко разъяснилъ ей свой планъ, что она теперь сама уже стала притавать къ мужу, чтобъ взять сиротку. Старикъ съ готовностью принялся за дѣло: ему хотѣлось во первыхъ угодить своей Аннѣ Андревнѣ, а во вторыхъ, у него были свои особыя соображенія... Но все это я объясню потомъ подробнѣе...

Я сказалъ уже, что Нелли не любила старика еще съ перваго его посѣщенія. Потомъ я замѣтилъ, что даже какая-то ненависть проглядывала въ лицѣ ея, когда произносили при ней имя Ихменева. Старикъ началъ дѣло тотчасъ же безъ колеблѣній. Онъ прямо подошолъ къ Нелли, которая все еще лежала, срывая лица свое въ подушкахъ и взявъ ее за руку, спросилъ: 'хочетъ ли она перейти къ нему жить вмѣсто дочери?'

— У меня была дочь, я ее любилъ больше самаго ребѣ, заключилъ старикъ, — но теперь ее нѣтъ со мной. Она умерла. Хотите ли ты вступить ея мѣсто въ мои домъ и.. въ мои сердца?

И въ его глазахъ, сухихъ и воспаленныхъ отъ лихорадочнаго жара, накупѣла слеза.

— Нѣтъ не кочу, отвѣчала Нелли, но подымая головы.

— Почему же дитя мое? у тебя нѣтъ никого. Иванъ не можетъ держать тебя вѣчно при себѣ, а у меня ты будешь какъ въ родномъ домѣ.

— Не хочу, потомучто вы злой. Да злой, злой! прибавила она, подымая голову и садясь на постели противъ старика. И сама алая, и злѣ всѣхъ, но вы еще злѣе меня!.. Говоря это Нелли поблѣднѣла, глаза ее засверкали; даже дрожащія губы ея поблѣднѣли и искривились отъ прилива какого-то сильнаго ощущенія. Старикъ, въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее.

— Да, злѣе меня, потомучто вы не хотите простить своею дочь; вы хотите забыть ее совсѣмъ и берете къ себѣ другое дитя. а развѣ можно забыть свое родное дитя? Развѣ вы будете любить меня? Вѣдь какъ только вы на меня взглянете, такъ и вспомни-

те, я до меня вужаю, и что у насъ была одна дочь, которую вы сами забыли, потому что въ жестокой чужбѣ. А я не хочу жить у жестокихъ людей, не хочу, не хочу!.. Нелли вскрикнула, и заплакала, и загнула на меня.

— После завтра Суббота Воскресенья, Христосъ воскресъ, всё празднуютъ и обнимаются, всё мирятся, всё сами прощаются... Я вѣдь знаю... Только вы... одинъ вы... у! жестокой! подите прочь!

Она заглянула глазами. Эту рѣчь она касетол давно уже сообразила и вытвердила, на случай если старикъ еще разъ будетъ ее приглашать къ себѣ. Старикъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ. Болѣзненное ощущеніе выразилось къ лицу его.

— И изъ чему, къ чему, зачѣмъ обо мнѣ всё такъ беспокоилась? Я не хочу, не хочу! вскрикнула вдругъ Нелли въ какомъ-то изступленіи; я милостыню пойду просить!

— Нелли, что съ тобой? Нелли, голубчикъ мой! вскрикнулъ я невольно, но восклицаніемъ моимъ только поддала къ огню масла.

— Да, я буду лучше ходить по улицамъ и милостыню просить, а здѣсь не останусь, кричала она рыдая. И мать моя милостыню просила, а когда умирала сама сказала мнѣ: будь бѣдная, и лучше милостыню проси, чѣмъ... Милостыню не стыдно просить: я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу, а всё не одинъ человѣкъ; у одного стыдно, а у всѣхъ не стыдно; такъ мнѣ одна нищенка говорила; вѣдь я маленькая, мнѣ итѣдѣ вѣсть. Я у всѣхъ и прошу. А здѣсь я не хочу, не хочу, не хочу, я злая, я злѣе всѣхъ; вотъ какая я злая!

И Нелли вдругъ совершенно неожиданно схватила со стола чашку и бросила ее объ полъ.

— Вотъ тебѣ и разбилась, прибавила она съ какими-то выпячивающимъ торжествомъ смотря на меня: — Чашекъ-то всего двѣ, прибавила она, я и другую разобью... Тогда нѣтъ чего будете чай-то пить?

Она была какъ взбѣшенная, и какъ будто сама ощущала наслажденіе въ этомъ бѣшенствѣ; какъ будто сама сознавала, что это и стыдно и не хорошо, и въ тоже время какъ будто поджигала себя на дальнѣйшія выходки.

— Она больна у тебя, Ваня, вотъ что, сказалъ старикъ вли... или я ужъ и не понимаю что это за ребенокъ. Прощай!

— Онъ шепнулъ мнѣ: «ураганъ! толкаетъ мнѣ руку.» Онъ былъ мною убитый; Нелли страшно оскорблена его; все поднялось во мнѣ!

— И не пожалѣла ты его, Нелли? вскричала я, когда мы остались вдвое. — «Вѣдь не стыдно тебѣ это! вѣдь ты не добрая; ты и вранду эла! и какъ былъ безъ шпы такъ и побѣжала и послѣдъ ва старикомъ: Мнѣ хотѣлось проводить его до воротъ и хотъ два слова сказать ему въ утѣшеніе. Сбѣжав съ лѣстницы, я какъ будто еще видѣлъ передъ собой лицо Нелли, страшно поблѣднѣвшее отъ моихъ упрековъ.

.. Я скоро моргнулъ моего старика.

— Бѣдная дѣвочка оскорблена, и у ней свое горе, вѣрь мнѣ, Иванъ; а я ей о своемъ сталъ расписывать; сказалъ онъ горько улыбаясь. Я расстроилъ ее рану. Говорить, что сытый голоднаго не разумѣеть; а я, Ваня, прибавлю, что и голодный голоднаго не всегда пойметъ. Ну, прощай!

.. Я было затворилъ о чемъ-то постороннемъ, но старикъ только рукой махнулъ.

.. — Полно мнѣ-то утѣшать; лучше смотри, чтобъ твоя-то не убѣжала отъ тебя: она такъ и смотритъ, прибавилъ онъ съ какимъ-то озабоченіемъ и пошелъ отъ меня скорыми шагами, покачивая и постукивая своей палкой по тротуару.

.. Они и не ожидали, что будетъ пророкомъ.

.. Чѣмъ сдѣлалось со мной, когда воротаясь къ себѣ, я къ ужасу моему, вошелъ дома Нелли! Я бросился въ сѣни, искалъ ее на лѣстницѣ, кашкалъ, стучался даже у сосѣдей и спрашивалъ о ней; повѣрить я не могъ и не хотѣлъ, что она опять бѣжала. И какъ она могла убѣжать? ворота въ домѣ одни; она должна была пройти мимо насъ, когда я разговаривалъ съ старикомъ. Но скоро, къ большому моему унынію, я сообразилъ, что она могла прежде спрятаться гдѣ-нибудь — на лѣстницѣ и выждать пока я пройду обратно домой, а потомъ бѣжать, такъ, что я никакъ не могъ ее встрѣтить. Во всякомъ случаѣ она не могла далеко уйти.

.. Въ страшномъ безпокойствѣ, выбѣжалъ я опять на поиски, оставивъ на всякій случай квартиру отпертою.

Прежде всего я отправился къ Маслобоевымъ. Маслобоевыхъ я не засталъ дома, ни его, ни Александры Семеновны. Оставивъ у нихъ записку, въ которой извѣщалъ ихъ о новой бѣдѣ и проси;

если къ нимъ дѣйствительно, то послѣднее дѣло, и въ этотъ моментъ, я пошла къ доктору: того тоже не было дома, служанка объяснила мнѣ, что кромѣ давняго посѣщенія, другого не было. Что было дѣлать? я отправилась къ Бубновой и узнала отъ знакомой мнѣ гробовщицы, что хозяйка со втораго дня сидитъ за что-то въ полици, а Нелли тамъ съ тѣмъ-то и не видала. Усталый, измученный, я побѣждаю опять къ Маслобеевымъ; тотъ же отвѣтъ: никого не было, да и они сами еще не возвращались. Записка моя лежала на столѣ. Что было дѣлать?

Въ смертельной тоскѣ возвращался я къ себѣ домой, поздно вечеромъ. Мнѣ надо было въ этотъ вечеръ быть у Наташи: она сама знала меня, еще утромъ. Но я даже и не былъ ничего въ этотъ день; мысль о Нелли возмущала всю мою душу. Что же это такое? думалъ я. Неужели жъ это такое мудреное слѣдствіе болѣзни? Ужъ не сумасшедшая ли она или сходитъ съ ума? Но Боже мой, — гдѣ она теперь, гдѣ я сыщу ее!

Только что я это воскликнулъ, какъ вдругъ увидѣлъ Нелли, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на В—мъ мосту. Она стояла у фонаря и меня не видала. Я хотѣлъ бѣжать къ ней, но остановился: «Чтожъ это она здѣсь дѣлаетъ? подумалъ я въ недоумѣніи и, увѣренный, что теперь ужъ не потеряю ее, рѣшился ждать и наблюдать за ней. Прошло минутъ десять, она все стояла, поглядывая на прохожихъ. Наконецъ прошолъ одинъ старичекъ, хорошо одѣтый и Нелли подошла къ нему: тотъ, не останавливаясь, вынулъ что-то изъ кармана и подалъ ей. Она ему поклонилась. Не могу выразить, что почувствовалъ я въ это мгновеніе. Мучительно жалось мое сердце; какъ будто что-то дорогое, что я любилъ, лелѣялъ и миловалъ было оговорено и обижено передо мной въ эту минуту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слезы потекли изъ глазъ моихъ.

Да, слезы о бѣдной Нелли, хотя я въ тоже время чувствовалъ непримиримое негодованіе: она не отъ нужды просила; она была не брошенная, не оставленная кѣмъ-нибудь на произволъ судьбы; бѣжала не отъ жестокихъ притѣснителей, а отъ друзей своихъ, которые ее любили и лелѣяли. Она какъ будто хотѣла кого-то изумить или испугать своими подвигами; точно она рисовалась передъ кѣмъ-то! Но что-то тайное зрѣло въ ея душѣ... Да, старикъ былъ правъ; она оскорблена, рана, ея не могли зажить, и она какъ бы нарочно старалась растравлять свою рану.

этой таинственности, этой вековой загадочности и вѣчной шпиги; тычница наслаждалась сама своей болью, этичъ этоизиломъ отрадамъ; если такъ можно выразиться. Это расстройство боли и это наслаждение ею было мнѣ понятно: это наслаждение многихъ обиженныхъ и оскорбленныхъ, приобретенныхъ судьбою и сознающихъ въ себѣ ея несправедливость. Но на какую же несправедливость нашу могла пожаловаться Нелли? Она какъ будто хотѣла насъ удивить и искутать своими подвигами, своими капризами и дикими выходками, точно она въ самомъ дѣлѣ рисовалась передъ нами и казалась... Но вѣтъ! она теперь одна, никто не видитъ изъ насъ, что она проиграла миаостыню. Неужели жь она сама про себя выиграла въ этомъ наслажденіи? Для чего ей миаостыня, для чего ей деньги?

Получивъ подавнѣе, она сошла съ моста и подошла къ яркостѣщеннымъ окнамъ одного магазина. Тутъ она принялась считать свою добычу; я стоялъ отъ нея въ десяти шагахъ. Денегъ въ рукѣ ея было уже довольно; видно, что она съ самаго утра проработала. Взявъ ихъ въ рукѣ, она перешла черезъ улицу и вошла въ молочную лавочку. Я тотчасъ же подошелъ къ дверямъ лавочки, отворилъ ихъ настежь, и смотрѣлъ: что она тамъ будетъ дѣлать?

Я видѣлъ, что она положила на прилавокъ деньги и ей подали чашку, простую чайную чашку, очень похожую на ту, которую она давеча разбила, чтобъ показать мнѣ и Икменеву какая она зла. Чашка эта стояла можетъ быть консекъ пятнадцать, можетъ быть даже и меньше. Купецъ завернулъ ее въ бумагу, завязалъ и отдалъ Нелли, которая торжественно съ довольнымъ видомъ выпила изъ лавочки.

— Нелли! вскрикнулъ я, когда она поравилась со мною, Нелли!

Она вздрогнула, взглянула на меня, чашка выскользнула изъ ея рукъ, упала на мостовую и разбилась. Нелли была блѣдна; но взглянувъ на меня и убѣдившись, что я все видѣлъ и знаю, вдругъ восклицала; этой красной сказывалась нестерпимый, мучительный стыдъ. Я взялъ ее за руку и повелъ домой; идти было не далеко. Мы ни слова не промолвили дорогою. Придя домой, я сѣлъ; Нелли стояла передо мной, задумчивая и смущенная; блѣдная по прежнему, опустивъ въ землю глаза. Она не могла смотреть на меня.

— Нелли, ты просила милостивую?

— Да! прощентала она и еще больше потупилась.

— Ты хочешь набрать денегъ, чтобъ купить разбитую давеча ташку?

— Да...

— Но развѣ я не перекалъ тебя, развѣ я бранилъ тебя за эту ташку? Неужели жъ ты не видишь, Нелли, сколько злого, само-довольно-злого въ твоёмъ поступкѣ? Хорошо ли это? Неужели тебѣ не стыдно? Неужели...

— Стыдно... прощентала она чуть слышнымъ голосомъ и слезинка покатиалась по ея щекѣ.

— Стыдно... повторилъ я за ней; — Нелли, милая, если я виновать передъ тобой, прости меня и помярится.

Она взглянула на меня; слезы брызнули изъ ея глазъ, и она бросилась ко мнѣ на грудь.

Въ эту минуту влетѣла Александра Семеновна.

— Что! она дома? опять? Ахъ Нелли, Нелли, что это съ тобой дѣлается? Ну! да хорошо; что по крайней мѣрѣ дома... гдѣ вы отыскали ее, Иванъ Петровичъ?

Я магнулъ Александрѣ Семеновнѣ, чтобъ она не спрашивала и она поняла меня. Я вѣжко простился съ Нелли, которая все еще горько плакала и упростила добренькую Александру Семеновну помянуть съ ней до моего возвращенія, а самъ побѣжалъ къ Наташѣ. Я опоздалъ и торопился.

Въ этотъ вечеръ рѣшалась наша судьба; намъ было много о чемъ говорить съ Наташей, но я все-таки ввернулъ словечко о Нелли и рассказалъ все, что случилось, со всѣми подробностями. Рассказъ мой очень заинтересовалъ и даже поразилъ Наташу.

— Знаешь что, Ваня, сказала она подумавъ: — мнѣ кажется, она тебя любитъ.

— Что... какъ это? спросилъ я въ удивленіи.

— Да, это начало любви, женской любви...

— Что ты, Наташа, полно! Вѣдь она ребенокъ!

— Которому скоро четырнадцать лѣтъ. Это ожесточеніе оттого, что ты не понимаешь ея любви, да и она-то можетъ быть сама не понимаетъ себя; ожесточеніе, въ которомъ много дѣтскаго, но серьезное, мучительное. Главное, — она ревнуетъ тебя ко мнѣ. Ты такъ меня любишь, что вѣрно и дома только обо мнѣ одной заботишься, говоришь и думаешь, а потому на нее обра-

щашь мало вниманія. Она замѣтила это, и ее это уязвило. Она можетъ быть хочетъ говорить съ тобой, чувствуетъ потребность раскрыть передъ тобой свое сердце, не умѣетъ, стыдится, сама не понимаетъ себя, ждетъ случая, а ты вмѣсто того, чтобъ ускорить этотъ случай, отдаляешься отъ нея, убѣгаешь отъ нея ко мнѣ и даже, когда она была больна, по цѣлымъ днямъ оставлялъ ее одну. Она и плачетъ объ этомъ: ей тебя не достаетъ и хуже всего ей больно, что ты этого не замѣчаешь. Ты вотъ и теперь, въ такую минуту, оставилъ ее одну для меня. Да она больна будетъ завтра отъ этого. И какъ ты могъ оставить ее? ступай къ ней скорѣе...

— Я и не оставилъ бы ее, но...

— Ну да, я сама тебя просила прійти. А теперь ступай.

— Пойду, но только, разумѣется, я ничему этому не вѣрю.

— Оттого, что все это на другихъ не похоже. Вспомни ея исторію, сообрази все, и повѣришь. Она росла не такъ какъ мы съ тобой...

Воротился я все-таки поздно. Александра Семеновна рассказала мнѣ, что Нелли опять, какъ въ тотъ вечеръ, очень много плакала «и такъ и уснула въ слезахъ, какъ тогда. А ужъ теперь я, уйду, Иванъ Петровичъ, такъ и Филиппъ Филиппычъ прикажутъ. Ждетъ онъ меня бѣдный».

Я поблагодарилъ ее и сѣлъ у изголовія Нелли. Мнѣ самому было тяжело, что я могъ оставить ее въ такую минуту. Долго до глубокой ночи сидѣлъ я надъ нею задумавшись... Роковое было это время.

Но надо рассказать, что случилось въ эти двѣ недѣли...

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ЯРМАНОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО ВЪТА

Русь! Русь! открыто, пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какаѣ же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ?

Изъ Мертвыхъ Душъ.

Впрочемъ я такъ только упомянулъ объ удачномъ судѣ.

Изъ Ревизора. (Слова городничаго).

ГЛАВА I

28 августа 185* года большое село Дубовыя Липы было еще не такъ торжественно, какъ торжественно оно было 29 августа того же года, затѣмъ что 28 было только предпразднество Іоанна Предтечи, а 29 самый праздникъ. Конечно для человѣка посторонняго, если онъ возьметъ во вниманіе факты, случившіеся наканунѣ праздника и сравнитъ ихъ съ фактами, бывшими въ самый праздникъ, торжественность этихъ двухъ дней будетъ почти одинакова; но смотря съ точки зрѣнія Македона Елистратича Нетроньвозжева, письмоводителя Дубово-Липовскаго становаго пристава, выходитъ, что торжественность этихъ двухъ дней, весьма, какъ онъ говорилъ, различествуется. Македонъ Елистратичь, какъ мнѣ удалось подслушать, говорилъ: «Нечего Бога гнѣвить! Наканунѣ праздника, да и въ самый праздникъ мнѣ таки перепадаетъ; да дѣло не въ томъ, что перепадаетъ, а сколько и какимъ, такъ сказать, методомъ перепадаетъ.» (Македонъ Елистратичь, видите ли, изъ ученыхъ былъ; въ коробов-

скихъ духовныхъ училищахъ цензоромъ шелъ и уже изъ семинаріи былъ выгнанъ за великовозрастіе и душевредительное поведеніе, какъ значилось въ его аттестатѣ.) Ты вотъ на что, говорить, вниманіе обрати: для нашего брата-чиновника, канунъ праздника — пустяки и далеко на немъ уѣхать никакими манерами нельзя. Тутъ хоть и погуливаютъ, да съ кругу-то, говорить, никто не спивается, а это главное! Берешь, а ушки на макушкѣ держишь!.. Смотришь, какъ бы не налетѣть на бестію какую-нибудь отъ исправника, вотъ какъ въ прошломъ году. Вѣдь взялъ-то только рубль тридцать съ какого-то прощельщика-красноярца. Позвольте, говорить, Макадонъ Елистратичъ, аршинчикъ сей въ дѣвство употребить-съ! А аршинъ-то всего $\frac{3}{4}$ съ небольшимъ былъ... Ну я съ дуру-то, катая, говорю... А мнѣ, какъ теперь оказывается, слупить-то съ него, мошенника, слѣдовало, да и вздуть-то онимъ аршиномъ тоже бы не мѣшало. Служба-то тогда пошла бы сама-собой, да и дружба-то сама-собой!.. Нѣтъ, вѣдь снисходительность-то насъ, начальниковъ, губить. И какая же, я вамъ доложу-съ, скотина — этотъ красноярдецъ, — хоть бы солянку какую ни наестъ прикинулъ; а то суцнулъ, невидалъ какую, — рубль тридцать, да и пошелъ; а исправникъ-то и нагрѣлъ. Прежде того, стало быть, единомысліе такое съ красноярцемъ подвелъ, чтобы моего станowego-то поддѣтъ — въ сердцахъ были. Ну чтожъ? И поддѣлъ вѣдь! Такую контрибуцію содралъ съ станowego, что тотъ ~~долго~~ бывало, какъ взглянетъ на красную шкатулку, которая у него въ спальнѣ стояла, такъ и давай на ~~своѣ~~ волосы рвать. Ну а меня-то, ~~въ~~ вѣстное дѣло, попался подъ руку фальшивый безмѣнъ (сотснй съ ярманки ~~принесъ~~), онъ и ну имъ меня, да такъ признаться, бока-то вздулъ, что по неволѣ пришлось къ Коробовскому лекарю ѣхать. Такъ вотъ какой скверный случай вышелъ; а все отъ того, что на предпразднество взялъ, да ужъ добро бы много взялъ, такъ и душа не болѣла бы, а то вѣдь за кроху какую-нибудь, за пустяки суцо, (тутъ же вѣдь отдавалъ я ихъ въ кичергинскомъ трактирѣ шарманкѣ за пѣсню), такъ и за нихъ вѣдь у начальника подъ безмѣномъ страдалъ. На самый праздникъ, прямо скажу, такихъ случаевъ не бываетъ, потому, значить, что и быть имъ никакимъ, т. е. способомъ, нельзя. Православный народъ всегда для праздника накуликается, и ужъ тутъ ему не до хитростей, не станеть онъ въ это время ближнему яму рыть, а все дѣла идутъ у него на чистоту съ цѣлованіемъ дружнымъ... И не только я — начальникъ, можно сказать, непосредственный, луплю со всѣхъ въ это

время, а десятский какой-нибудь — шиншимора, гроша не стоит, так и тотъ едва упѣваетъ шапку съ тринками домой относить... Право, какъ посмотрѣшь, такъ смѣшно даже! Цѣлуются, цѣлуются сначала, такъ что у незнающаго, пожалуй, душа въ умиленіе придеть; а потомъ ни за што, ни вро што, и по ушамъ другъ-друга. А ты ихъ разнимай, да рассуживай! Такъ и дуи съ праваго и виноватаго. Зачѣмъ, дескать, благочиніе нарушаете, предъ публикой безчинствуете? Ну ужъ тутъ известное дѣло; виноватый кричитъ: возьми, что хошь, только въ холодную не сажай; а правый: я тѣ, говорить, Македонъ Алистратичъ, чѣмъ хошь отвѣчаю, засади только! Тутъ съ нихъ съ обоихъ берешь, да обоихъ и сажаешь. Утромъ встануть, мировую, говорятъ, хотимъ, — не дадимъ врагу радоваться, да и прошеніе объ этомъ становому написать просятъ... Тутъ опять: за прошеніе съ нихъ возьмешь, да за безпокойство возьмешь, да за то возьмешь, чтобы воротить нарочнаго, посланнаго будто бы къ губернатору съ рапортомъ объ ихъ смертоубійственной дракѣ... А какъ ставятъ прошеніе-то становому подавать, такъ тотъ еще имъ зубы начистить, чтобъ послѣ праздничной попойки вороту не воняло, да и сдереть съ буяновъ въ десять разъ болѣе того, что я содралъ, потомучто первое дѣло, я-то въ стану цвѣтикъ, а становой ягодка; а второе дѣло, — проситель, что овца, сколько не стриги, на немъ все шерсть вырастетъ... Одно жаль: благодати-то такія не каждую недѣлю бывають, а то все бы какъ нибудь на бѣломъ свѣтѣ промаячлся!..

Такъ вотъ какое находилъ Македонъ Алистратичъ различіе между днемъ предпразднества и самимъ праздникомъ; но намъ гдѣ же тягаться съ Македономъ Алистратичемъ? Онъ начальникъ, — у него, видите ли, свой собственный взглядъ на эти вещи, взглядъ, соединяющій, такъ сказать, глубочайшее знаніе правилъ администраціи съ требованіями положительными... Съ насъ — мелкихъ людей, будетъ очень достаточно, если мы окинемъ случившееся во время праздника, простымъ взглядомъ, расскажем съ посылною вѣрностью другимъ то, что видѣли сами, не рассуждая почему было такъ, а не иначе; потомучто Македонъ Алистратичъ, какъ начальникъ, можетъ рассуждать, на то онъ и начальникъ; а намъ, простымъ людямъ, ужъ не до рассужденій...

Заснуло село, потомучто была полночь глухая. Ярнимъ свѣтомъ мѣсяца освѣщены были и золотой крестъ деревянной церкви, и соломенные крыши бѣдныхъ хижинъ, в дороги, и лѣсъ, и рѣка, все тонуло

въ этомъ волшебномъ свѣтѣ; избы села, раскинутыя по скату длинной, отлогой горы, осыненные деревьями, усыпанныя, такъ сказать, густой, зеленой травой, которая была и на улицѣ и на огородахъ, представляли наблюдателю, смотрящему сверху горы, рядъ уступовъ, облитыхъ мѣсячнымъ свѣтомъ и убранныхъ роскошною зеленью. Въ параллель съ главною сельскою улицей шелъ высокій, земляной валъ, видѣвшій времена Годунова, результатъ его попеченій о безопасности Россіи, которымъ онъ хотѣлъ оградить ее отъ вторженій татаръ. Памятникъ былого, пощаженный временемъ, валъ служитъ теперь источникомъ разныхъ разсказовъ, и часто блуждающіе огоньки, появляясь на его вершинахъ, заставляютъ креститься суевѣрнаго мужика, которому въ дѣтствѣ старою бабкой сказано было, что это очи демона, стерегущаго богатый кладъ, зарытый въ старину какимъ-то разбойникомъ...

Въ самомъ низу села широкая рѣка пересѣкаетъ этотъ валъ, который на другомъ берегу начинается снова высокою земляною башней. Говорятъ, что башня эта была когда-то сторожевою и на ней зажигались вѣстовые огни, предостерегающіе поселянъ и собирающіе ратниковъ на защиту. Прошло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я не видалъ этой башни; но какъ живо помнится мнѣ она, окаймленная молодымъ орѣшникомъ и, какъ будто рукою чловѣка, а не природой, обвитая плющемъ. Неизгладимы должно быть впечатлѣнія дѣтства, затѣмъ что, мнѣ кажется, я никогда не забуду, какъ, дитя еще, я любилъ проводить цѣлые дни въ кустахъ этой башни и, сидя тамъ, я уносился дѣтскою мыслью къ временамъ тяжелаго испытанія Россіи, когда она страдала подъ вражескимъ игомъ. Молодое воображеніе рисовало мнѣ это время, полное ратной дѣятельности, и я представлялъ себѣ набѣгъ хищниковъ, страшную борьбу на завѣтномъ валу, крикъ побѣдителей и послѣдній стонъ воиновъ, умершихъ за славу и честь своей родины... А тамъ не вдалекѣ изъ лѣсу мнѣ слышались молитвы отшельниковъ о побѣдѣ и видѣлось мнѣ сквозь чащу деревъ, какъ на монастырской стѣнѣ мелькали золотыя ризы и развѣвались святыя хоругви... Теперь только столбъ съ истертою надписью, да нѣсколько могильныхъ камней говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ въ былыя времена стояла обитель. Чаща лѣса, почти непроходимая, окружаетъ священное мѣсто...

Но вотъ надъ лѣсомъ возшло яркое солнце и брызнуло оно на окрестности тѣмъ яркимъ, серебрянымъ свѣтомъ, который такъ отличенъ отъ золотого блеска луны. То былъ свѣтъ тайныхъ видѣ-

нѣ, свѣтъ, при которомъ безъ отчета думаешь о чемъ-то долго и сладко; а это былъ веселый, ясный свѣтъ, преобладающій въ дѣятельности. Онъ сообщилъ какое то радостное, смѣющееся выраженіе до него задумчивому селу и его окрестностямъ, разбудилъ дремлющій лѣсъ съ его неразумными жителями — и пошли и полетѣли они, кто на вѣтку душистой черемухи попить свѣтлой росы, ярко блестящей на солнцѣ; а кто просто повитать надъ рѣкой, да посмотрѣться въ ея тихія и прозрачныя волны...

И вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, мимо знакомой земляной башни, по большой дорогѣ, проложенной въ лѣсу, потянулись въ село телѣги съ грузомъ и телѣги пустыя. Шумно стучали онѣ, проѣзжая бревенчатый мостъ и распугивая встрѣчное стадо. Съ сельской колокольни раздавался благовѣстъ, народъ шель въ церковь, телѣги устанавливались на церковномъ выгонѣ, споря о выгодномъ мѣстѣ, а въ церкви далеко разносилось праздничное пѣнье...

ГЛАВА II

Было уже такъ около полудня, когда деревенскій колоколъ тоненькимъ и веселымъ голосомъ заблаговѣстилъ къ обѣднѣ. Народъ толпами валилъ въ церковь и, расходясь по ярмаркѣ, увеличивалъ общую суматоху. Жаръ былъ нестерпимый, и надъ селомъ носилось густое облако пыли. Ни малѣйшій вѣтеръ не охлаждалъ лицъ, разрисованныхъ потомъ и пылью. Деревья, обставляющія церковь, въ полномъ смыслѣ были напудрены пылью. Ни одна птица не осмѣливалась даже и подумать о томъ, чтобы вылетѣть и посмотреть на ярманку. Засѣла, должно быть, она въ густыя вѣтви лѣсныхъ дубовъ, куда не можетъ проникнуть ни малѣйшій солнечный лучъ. А рѣка такъ тихо, такъ лѣниво катилась, какъ лѣниво тащится по косогору почти издохлая кляча Ивана Зеленыхъ. Ожидаетъ, видите ли, его на ярманкѣ горе-невзгодье великое: строго на строго приказалъ ему баринъ привести къ нему въ Дубовыя Липы оброкъ за цѣлыхъ двѣ трети. Такъ вотъ теперь Иванъ на своей телѣжонкѣ и думаетъ великую думу, какъ бы попокорнѣе доложить осударь — Ѳомѣ Алексѣичу, чтобы онъ маненечко пообождалъ съ него, хѣтъ бы, прихѣрно, до рождественскихъ заговѣній. И какъ объ Иванѣ можно было заключить, что онъ не истуканъ какой-нибудь, а живой православный, по слезѣ только, которая катилась по загорѣлой,

сохлой щегъ его ; такъ можно было сказать и про рѣку, что она не превратилась еще въ прозрачный хрусталь потому, что кой-гдѣ на ея неподвижной поверхности раздавались струйчатые яруги, которые дѣлала зубастая щука, гоняясь за жирнымъ линемъ...

Наперекоръ такому оцѣпенѣнію природы, какъ постоянное неродонаселеніе Дубовыхъ Липъ, такъ и пріѣхавшіе на ярмарку, были исполнены самой суетливой дѣятельности. Помѣщичьи экипажи и крестьянскія телѣги, скатываясь съ горы, съ ужаснымъ грохотомъ пробѣжали по мосту, стараясь, какъ можно бойчѣе, подѣхать къ церкви. И цѣлыя семейства, въ высшей степени разнокалиберныя и разномастныя, вытѣзали изъ своихъ чудовищныхъ тарантасовъ и повозокъ, отряхивались, какъ гуси, послѣ дождя, вытирали занетѣвшія лица нестрыми платками и спѣшили въ церковь. А группы слѣпыхъ и безногихъ нищихъ, усѣвшись подъ тѣнь церковныхъ березъ, дико выкрикивали разныя разности, повѣдывавшія собраншейся на ярмарку публикѣ объ удивительной испорченности человеческого рода и о скорости, будто бы, наступленія по этому случаю страшнаго суда, который они описывали такими мрачными красками, что деревенскія бабы плакали на взрыдъ и спѣшили загладить свои грѣшишки посильнымъ приношеніемъ въ пользу несчастныхъ крикуновъ. Но началась служба, и нищія смолади, пересчитывая свою добычу. Смирно и молча стоялъ въ церковной оградѣ народъ, не вошедшій за тѣснотой въ самую церковь и когда изъ растворенныхъ дверей храма слышалось громкое и протяжное: «Господи помилуй,» всѣ благоговѣйно кланялись въ землю. И на ярмаркѣ все пріутихло — и около парусинныхъ лавокъ, разбросанныхъ около церкви, стояли хозяева съ непокрытыми головами и тоже молились, чтобы послалъ Господь хорошую торговлю. И такая въ то время была тишина, что ничего не было слышно, кромѣ церковнаго хора, да какого-то необъяснимаго шума, какъ будто бы дальняго звона, что обыкновенно бываетъ ня югѣ въ палатіе, лѣтніе дни. Въ отворенныя церковныя окна можно было видѣть священную процессію, предшествующую чтенію евангелія, и лишь только слышалось это чтеніе, какъ въ углу храма раздалось громкое, истеричное рыданіе, полное какого-то необъяснимо-безумнаго веселья, тотчасъ же смѣняемаго страшнымъ порывомъ необъятной грусти, леденящей постороннюю душу... И этотъ отчаянный, болѣзненный вопль страдающей души громко разнесся по церкви, заглушая священныя возгласы и раздирая слухъ какою-то особенною дисгармо-

ной противоположныхъ звуковъ... Это была кликуша. Бѣдныхъ женщинъ, одержимыхъ этимъ недугомъ, помѣщики и управители нѣмцы очень удачно иногда вылечиваютъ плетью; но при всемъ томъ какъ-то странно было видѣть, что десять сильныхъ рукъ едва могли вывести больную, слабую женщину изъ церкви... Молодое лицо испорченной освѣщено какимъ-то неестественнымъ блескомъ, какимъ-то особеннымъ выраженіемъ силы и граціи дышетъ оно! Ея черныя косы выбились изъ подъ золотой кичи и рассыпались по ситцевому сарафану. Глазъ ея, наполовину закрытыхъ, сыпалось что-то жгучее, ослѣпляющее, и бѣлыя руки ея съ напряженными мускулами рѣзко отънялись отъ синихъ чусекъ мужиковъ, которые держали ее и, какъ змѣи, извивались эти руки, стараясь вырваться; и тяжело дышала грудь, въ которой повидимому собралась самая страшная, самая неукротимая энергія. Мужикамъ нужно было собрать всю силу, чтобы удержать безумную, которая съ проклятіями рвалась отъ нихъ, и когда эти усилія истощали ее, она упала на землю безъ движенія, безъ дыханія, какъ пораженная громомъ! Страшно было смотрѣть на красоту, за секунду мощную и граціозную: эта бѣдная женщина лежала теперь, какъ бездушный трупъ, и на лицѣ ея выпечаталось какое-то мрачное выраженіе буйства и непримиримой мести.

На всѣхъ присутствовавшихъ при этой сценѣ замѣтно было рѣзкое впечатлѣніе невольнаго страха. Всѣ стоящіе въ церковной оградѣ молились какъ будто усерднѣе, изрѣдка поглядывая на больную, около которой суетились ея домашніе.

Между тѣмъ, подъ конецъ обѣдни, ярмарка была уже, какъ говорится, въ самомъ разгарѣ; и разгаръ этотъ еще болѣе увеличился, когда въ свою очередь народъ, находившійся въ церкви, вышелъ на ярмарку и разпестрилъ ее своими праздничными одеждами. Церковный выгонъ, прежде обыкновенное гулянье телятъ и коровъ, не попавшихъ по какому-нибудь случаю въ стадо, былъ теперь заставленъ разнаго рода палатками, шалашами и просто телѣгами, съ ослабами, поднятыми кверху, на которыхъ, въ видѣ балдахиновъ, навинуты были рогожи и армяки для защиты отъ зноя. Огромныя кучи дынь, арбузовъ и огурцовъ навалены были около церковной ограды, и дешевизна этихъ плодовъ была изумительная. Деревенскіе мальчишки то и дѣло шныряли около этихъ кучъ и ловко зашарывали откатившіеся плоды въ неизмѣримыя пазухи своихъ праздничныхъ рубахъ. Ни жгучая крапива, ни дранье хохловъ не

отгоняли лакомокъ, а развѣ только усиливали энергію ихъ. Какъ партизаны вокругъ неподвижной пѣхотной колонны, вились мальчишки около вороховъ и, когда рука торговца, вцѣплялась въ шершавые волосенки одного мальчугана, другіе съ ожесточеніемъ расхищали плоды, а страдалецъ, вырвавшись, показывалъ дядюшкѣ красный языкъ и собиралъ въ виду своего врага дань съ сотоварищей за свое пожертвованіе общему дѣлу.

Но центръ ярмарки, такъ сказать, душа и средоточіе ея было около моста, подъ горой, затѣмъ что тамъ стояла пестрая, досчатая лавка, надъ которой на длинномъ рожкѣ висѣлъ красно-голубой флагъ. На дощечкѣ, прибитой на верхнемъ карнизѣ лавочки, по черному полю бѣлыми буквами, намалевано было: Выставка. Не подумайте, чтобъ это была выставка какихъ нибудь сельскихъ произведеній. Нѣтъ, это былъ... да впрочемъ эту лавку, какъ-то неприлично назвать ея настоящимъ именемъ, и мы должны будемъ прибѣгнуть къ разнаго рода обинякамъ, чтобы дать о ней понятіе, вполне соответствующее ея свойствамъ. Такъ напримѣръ: чернь, или какъ характерно называлъ этотъ низкій классъ русскаго народонаселенія нашъ окружный: мужварье и суконныя рыла, — обыкновенно называли эту лавку Иванъ Ивановичемъ Елкинымъ, звали также бабушкой, съ придачей какого нибудь женскаго имени, примѣрно Дуньки, или Химки. Но, говоря по совѣсти, все это быть можетъ очень остро, но нисколько не вѣрно. И мнѣ, если ужъ очень не захочется назвать выставку кабакомъ (виновать—промолвился), то я ужъ лучше назову ее чистилищемъ, какъ называлъ ее Дубово-Липовскій дьячекъ, человекъ съ паразитическими способностями, но погибшій въ слѣдствіе слишкомъ сильнаго закладыванія за галстухъ, хотъ и ходятъ въ томъ краю слухи, что означенный дьячекъ отъ рожденія своего галстуховъ не употреблялъ, не употребляетъ и, какъ кажется, употреблять не намѣренъ.

Событія, случающіяся обыкновенно въ заведеніяхъ подобнаго рода, вполне показываютъ смѣтливость дьячка, назвавшаго кабакъ чистилищемъ, и приходится сильно жалѣть о томъ, что злая судьба не дала пронизательной смѣткѣ дьячка никакого хода, ограничивъ кругъ его дѣятельности однимъ только пребываніемъ по праздникамъ въ кабакъ и отчасти на колокольнѣ, а по буднямъ въ кабакъ исключительно. Желаящимъ видѣть полную картину чистилища мы скажемъ, что къ пестрой, досчатой лавкѣ былъ придѣланъ на живую руку помѣстительный парусинный шатеръ, снабженный длинными

столами и скамейками. Шатеръ этотъ строился собственно для отборной публики, и поэтому случаю въ одномъ изъ его угловъ стоялъ красный коробъ и сидѣла страшно-размалеванная дѣва, на мѣстномъ варъчѣи, называемая шарманкой. Въ ожиданіи публики, которая бы могла совершенно оцѣнить обаяніе ея голоса и разстроеннаго бундука — органа, шарманка звучно щелкала каленые орѣхи и, когда деревенскіе мальчишки, старая нетерпѣніемъ послушать ея музыки, старались, сквозь парусину шатра, рассмотреть невиданную доселѣ машину и ее, городскую, разубранную барыню, она старалась подкараулить ихъ и кулакомъ, вовсе не дѣвичьимъ, разбивала носы слишкомъ неосторожнымъ меломанамъ. Такіе подвиги, повидимому, очень развлекали барыню и она звонко смѣялась, когда ей удавались ея нетрудныя операціи.

Такимъ образомъ, какъ видите, нельзя сказать, чтобы выставочный шатеръ или его внутренняя обстановка отличались особенною привлекательностью, но тѣмъ не менѣе внутри шатра и около него разыгрывались самыя главныя ярмарочныя комедіи, а подъ часъ и драмы.

ГЛАВА III

Не знаю, сказалъ кто-то, что гдѣ есть люди, тамъ есть и страсти, а если гдѣ есть страсти, тамъ бываютъ и преступленія. На ярманкѣ нашей были люди, слѣдовательно были и страсти. Правда, страсти небольшія, страстишки, такъ сказать; а потому я не скажу, чтобъ были преступленія; но за то смѣло можно сказать, что были обманы, было плутовство, размѣры котораго были такъ крупны, что казались гигантами въ сравненіи съ размѣрами полезныхъ результатовъ, для достиженія которыхъ употреблялось это плутовство. Вотъ здѣсь то устроители обществъ, предвидѣвшіе подобныя вещи, для устранения слѣдствій, неизбежно происходящихъ отъ столкновенія страстей и страстишекъ, постановили выбирать опытныхъ и образованныхъ мужей, которые бы смотрѣли за нравами массы, обуздывали ея страсти и вообще, которые бы, какъ говорится, производя судъ и расправу, счищали нравственную грязь съ народа, порученнаго ихъ надзору. Такъ, примѣрно въ Дубовыхъ Липахъ, такимъ благодѣтельнымъ дѣйствителемъ былъ становой приставъ, а сподручникомъ его по этой части, знакомый уже нѣсколько Македонъ Елистратичъ

Конечно, становой не такая вещь, чтобъ ему самому можно было всякую дрянь разбирать. Въ пору бѣ только экстренныя бумаги успѣть подписать, да въ лянтикъ съ пріятелемъ тальницъ пятокъ перекинуть, такъ и то служащій человекъ, который можно сказать въ постоянномъ напряженіи умъ свой держать, отдыха не знаетъ, и ни вѣсть какъ обрадовался бы такому развлеченію. Такой человекъ, небойсь, въ кабакъ, какъ какой нибудь мужланъ, не затѣнется; а воспользуется Божимъ временемъ по благородному. Пріятелей въ комнату, да графинчикъ на столъ, да сырку, да колбаски, да трубочки съ жукетцемъ, да наливочки имъ, эдакъ, домашней, — наливочки, малиночки, — веселой стало быть причины къ разговорцу, да къ улыбочкѣ... Подумаешь вѣдь какое благородство, вмѣстѣ съ какою такъ сказать невинностью сопряжено! Только бы, кажись, этимъ однимъ и заниматься то нужно образованному, да посредственного состоянія человеку... Анъ не тутъ-то было: наберутся къ тебѣ въ комнату оборванцы разные съ цѣлой волости, да какъ заревутъ въ горла то свои воачьи, такъ, ей Богу, аппетитъ весь и отобьютъ. Такъ гдѣ ужъ тамъ становому по ярмаркѣ ходить, да волнение народныхъ страстей умирять. Благодареніе бы Господу Богу, если бы удалось пріятелей во вкусъ, какъ говорится, принять, которые, по пріязни да дружбѣ служебной, нарочно изъ города пріѣхали, чтобъ съ праздникомъ поздравить,

Такъ неужто становой вмѣсто того, чтобы въ благородномъ разговорѣ съ пріятелями отвести утружденную душу, долженъ по ярмаркѣ ходить, да объ какого нибудь, прости Господи, пьянаго галмана бѣлые руки обколачивать?... Понадобятся еще безъ того на другія дѣла барскія руки!...

Ради такого-то недосужества станового на ярмаркѣ всѣмъ заправляетъ Македонъ Елистратичъ. Господи, Боже мой! Слѣвшимъ вѣдь рѣшительно надо быть, чтобы не видѣть, какихъ высокихъ и благодѣтельныхъ дѣятелей производитъ наука, да образованность на службу-то человечеству. Посмотрите съ какимъ самоотверженіемъ головаца эта умиряетъ волнение народныхъ страстей и очищаетъ нравы невѣжественной черни. Не казиста хоть наружность у Македона Елистратича: лѣвая щека у него освѣщена какъ-то особенно, точно онъ ее только сейчасъ свѣчнымъ саломъ вымазалъ, да носъ какой-то расплюснутый, такъ что не было еще человека, который бы не захохоталъ, увидѣвъ этотъ носъ и не согласился съ тѣмъ, что и нарочно нельзя сдѣлать такого носа; во все-таки нельзя было не

сознаться, что въ Македонѣ Елистратичѣ было что-то сильно поражающее, когда онъ окидывалъ ярмарку взглядомъ сокола, который хотя и проголодался, но который утѣшаетъ себя тѣмъ, что не далеко видить добрую добычу.

И похаживаетъ онъ по ярмаркѣ, этотъ Македонъ Елистратичъ, дожа бывалая, ястребъ обстрѣленный, махая ременной нагайкой и высматриваетъ онъ ягоду красную, о которую можно бѣ было погрѣть широкія руки. А народъ православный все подходитъ къ нему, да все чувствуетъ; а онъ себѣ и усомъ не ведетъ, съ рѣдкимъ развѣ купцомъ, да и то, что называется, на самую на минуту юркнетъ онъ въ парусинный шатеръ, и только что успѣетъ разъ, другой по мадеркѣ пройтись, какъ и спѣшить уже на свое бурное поприще, т. е. на ярмарку, которую бурнымъ поприщемъ я назвалъ собственно для красоты слога.

Впрочемъ и нельзя назвать поприще, на которомъ въ настоящее время подвизается Македонъ Елистратичъ, иначе, какъ бурнымъ, потому что рѣдному прѣсутствовавшему на ярманкѣ удалось обойтись безъ руководства Македона Елистратича. Всѣ должно быть сознавали опасность этого поприща и потому спѣшили обратиться къ Македону Елистратичу съ разными умиловительными приношеніями, вѣроятно какъ къ человѣку, который одинъ только можетъ спасти несчастныхъ, попавшихъ въ круговоротъ его дѣятельности.

А тѣмъ людямъ, которые забывали, что Македонъ Елистратичъ, такъ сказать, нептунъ въ своей лужѣ, онъ самъ напоминалъ объ этой несомнѣнной истинѣ и напоминалъ, могу сказать, вразумительно. Вонъ, напримѣръ, мѣщанинъ изъ уѣзднаго города, прозжонная бестія, пріѣхавшій на ярмарку со всякою дрянью, видите, какъ онъ отвѣшиваетъ сельской красавицѣ на шесть гривенъ румянъ. Кажется бы, что тутъ удивительнаго? Ничего; а по мнѣнію Македона Елистратича тутъ заключается многое!.. Какъ голодный ястребъ бросается коломъ съ поднебесья на одинокаго цыпленка, такъ и Македонъ Елистратичъ бросился къ подвижной лавчонкѣ негодяя, откатавъ его своей страшной нагайкой и приказавъ, какъ будто выросшимъ изъ подъ земли сотскимъ, отвести въ станъ промахнувшагося шельмеца. Схватили раба Божія сотскіе подъ руки, да эдакъ тычкомъ, да шивкомъ его и подганиваютъ... А онъ имъ на полдорогѣ началъ рѣчь держать: съ бариномъ, говорить, говорить хочу. Доляжись, говорить. А сотскій ему: ты, говорить, потолкауй, а то въ морду дамъ; а если барину сказать что хошь, такъ все равно, при-

мѣромъ, и мнѣ объяви. Барину-де мы сами доложимъ; а мѣщанинъ ему три цѣлкача въ зубы-то и пырнулъ, барину, говоритъ, отдай; а это вотъ на чай вамъ всѣмъ вмѣстѣ, да мелочи, гривенъ на семь, чай было, вынулъ изъ кармана и тоже имъ отдалъ. Ну, говоритъ, квитъ что ли? А сотскій, какъ будто замялся, кашлянулъ какъ-то особенно, довольно долго и пристально разсматривалъ свою облязлую шапченку и наконецъ проговорилъ: то-то квитъ! Ты, братъ, съ нашимъ барининомъ, смотри, не спорь. Хорошій баринъ, онъ тѣ, пожалуй, возьметъ, да въ зубы-то вотъ такъ и съѣздитъ, и при этомъ сотскій сжалъ кулачище и хотѣлъ было показать мѣщанину, какъ бы, примѣрно, баринъ могъ его въ зубы съѣздить; но мѣщанинъ благоразумно откачнулся, плюнулъ и пошолъ опять на ярмарку самымъ нагляднымъ образомъ показывать охотникамъ до наблюдений, какъ у насъ на Руси добрые люди съ пятака милліоны наживаютъ, а сотскій съ подручниками отправился въ выставку хватить малую толику за здоровье благолѣтельнаго мѣщанина.

Такимъ образомъ Македонъ Елистратичь напомнилъ мазурику-мѣщанину, что его уважать должно, въ противномъ случаѣ онъ всегда найдетъ штучку, за которую надлежащимъ манеромъ вздуетъ нагайкой. А штука эта состояла въ томъ, что ко дну вѣсовъ, на которыхъ негоціантъ отвѣшивалъ мужикамъ разныя произведенія природы и искусства, снизу была прилѣплена гривна временъ великой Екатерины... Конечно, гривна, прилѣпленная снизу къ чашечкѣ вѣсовъ, вещь малая есть и Македонъ Елистратичь очень легко могъ бы ее не примѣтить; но толкъ въ томъ, что хитрецъ-мѣщанинъ, усовершенствовавшій такимъ образомъ вѣсы, при прѣѣздѣ на ярмарку, нисколько не озаботился визитомъ къ Македону Елистратичу, чѣмъ, въ нѣкоторомъ родѣ, показалъ неумѣстную гордость и амбицію, каковыя качества Македонъ Елистратичь очень нетерпѣлъ въ людяхъ вообще; а въ мѣщанахъ и мелкихъ купцахъ, прѣѣзжающихъ на сельскія ярмарки его стана, въ особенности.

А между тѣмъ ярмарка разыгрывалась все болѣе и болѣе. Изъ парусиннаго шатра, придѣланнаго къ выставкѣ, начали выходить разгорѣвшіеся, покрытые потомъ посѣтители. Лихо заломляли они на ухо поярковыя шляпы и съ какимъ-то особенно довольнымъ выраженіемъ оглядывали почтенную публику и какъ будто собирались они гаркнуть на цѣлую ярмарку. «Что, дескать, эй вы тумакі-дураки, на насъ посмотрите! Вотъ мы ужъ, почитай что на четвертомъ вьводѣ, а вы что? Эхма! Дрянъ вы, вотъ вы что!».. А звуки лихихъ

гармоникъ и дергающихъ русское плечо балалаекъ еще болѣе раззадоривали пьяную удаль гулякъ и на туго прибитой землѣ раздавался лихой тонотъ быстрого трепака. Удаляя поговорки сыпались изъ устъ плясуна, и толпа гремяла поощрительнымъ хохотомъ, когда удалецъ выхватывалъ изъ среды ея какого-нибудь нюню, вертѣлъ его вмѣстѣ съ собою, приговаривая что-нибудь въ этомъ родѣ :

Эй, кумъ Матвѣй,
Не жалѣй лаптей!

И въ слѣдъ затѣмъ удалецъ показывалъ, что нюня такъ нюней и останется, что онъ самъ и носа-то своего утереть, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ и тутъ же быстро срывалъ шапку съ нюни, утиралъ ему носъ и колѣномъ снова вталкивалъ въ толпу и снова принимался потѣшать собравшійся людъ проворной присядкой подъ ладъ пѣсеннаго разсказа о томъ, что

Ужъ какъ барыня вдова
Во своемъ дому жила...

Немного подалѣе другая толпа, еще болѣе многочисленная, ждала съ нетерпѣніемъ очереди насладиться разнаго рода зрѣлищами, разыгрывавшимися въ небольшой коробкѣ у отставнаго, стараго ундера. Вниманіе народа было совершенно поглощено словами сѣдого усачища, который говорилъ смотрѣвшимъ въ его панораму: вотъ вы извольте, гос-спода, посмотрѣть, какъ эфота, значить была, судырри вы мои, баталья при теткѣ Натальѣ и какъ, стало быть туррки валятся, какъ чуррки, а наши безъ головъ стоятъ, да табаччо-о-къ понюхиваютъ. А эфота, судырри вы мои, пѣсня въ лицахъ :

Лѣтъ пятнадцать не больше-съ
Вышла Катя погулять-съ.

И при этомъ старикъ-ундеръ обыкновенно оставлялъ свою папирску, молодечески и съ визгомъ подскакивалъ къ какой-нибудь молодлицѣ, хваталъ ее за бѣлы руки и съ неописаннымъ удалствомъ пускался съ ней въ плясъ, самымъ захлывающимъ манеромъ напѣвая продолженіе пѣсни, вѣроятно для той собственно цѣли, чтобы показать зрителямъ, какъ гуляла Катя въ то время, когда ей было не болѣе, какъ пятнадцать лѣтъ. Напрасно молодка отпѣкивалась, когда ундеръ, по окончаніи пѣсни, изъяснялъ рѣшительное намѣреніе поцѣловать ее въ сахарныя уста, напрасно закрывалась она краснымъ, нумачнымъ нарукавникомъ, солдатъ непремѣнно цѣловалъ ее и снова продолжалъ, прерываемую этимъ пассажемъ, ра-

цею : а это, госно-о-да, горродъ Китай, въ Бѣл-арабской землѣ на поднебесной выси стоитъ. А это, примѣр-ро-о-мъ, дѣвка Винерка, въ старину она богиней бывала, а темерича, значить, она на Спасскихъ воротахъ на одной ножкѣ стоитъ, а другою по вѣтру поворачивается ; а втащилъ ее на ворота, сталъ быть, машину такую, Брюсъ колдуннице заморскій. А эта, я вамъ доложу-съ, французскій царь Наполеонтъ, тотъ самый ; котораго батюшка нашъ Александръ Благословенный, блаженной памяти въ Бозѣ почивающій, сослалъ на островъ Еленцію за худую поведенцію... Ну, а тутъ судыри вы мои, и конецъ скоро. Осталось значить, тутъ вотъ сколько : Васька Кузьку въ зубы, губы хопъ-хопъ и въ коробѣ быстро показывались два деревянныхъ барана и съ ожесточеніемъ колотили другъ друга въ крѣпкіе лбы.

Толпа ревѣла отъ удовольствія и много было дракъ за окошечки незамысловатой панорамы.

Очевидно было, что старый ундеръ производилъ фуроръ. Хозяинъ выставочнаго шатра, лысый эдакой гостепріимецъ, стоялъ въ дверяхъ своего заведенія и замѣтно было, что онъ съ удовольствіемъ ангажировалъ бы его въ свой шатеръ, если бы всѣ попытки его на этотъ счетъ не остались рѣшительно безуспѣшными, потому что солдатъ ломилъ съ него за день своихъ безостановочныхъ спектаклей чуть ли не 50 рублей. Такимъ образомъ лысина удовольствовалась только сдѣлкой съ шарманщицей, которая, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ, сильно запарилась и пѣла чрезвычайно вяло, такъ что посѣтители шатра были крайне недовольны ея хриплымъ голосомъ. Какъ-то лѣниво вертѣла она ручку сундука органа и по лицу ея ; вѣроятно отъ этой трудной работы, безъ преувеличенія можно сказать, текли ручки румянъ и бѣлилъ, такъ что въ это время съ нея довольно вѣрно можно было свять портретъ татуированной диварии.

Вѣроятно самымъ печальнымъ образомъ кончились бы спекуляціи лысаго гостепріимца, разчитанныя на сборъ за пѣсни шарманщицы, если бы въ это время не пришелъ въ шатеръ Македонъ Блистратичъ, въ сопровожденіи господина, какъ замѣтно, сильно подгулявашаго. Громадно-толстый, съ заплывшими отъ жира глазами, съ лицомъ страшно-краснымъ, господинъ этотъ былъ одѣтъ въ длинный, ватный сюртукъ, называемый въ уѣздахъ *пальмистромомъ*. При появленіи этихъ персонажей, мужики и мѣщане, бывшіе въ шатрѣ, встали съ видомъ наиглубочайшаго почтенія къ пришед-

щамъ , но Македонъ Елистратичъ мановеніемъ руки , истинно величественнымъ , пригласилъ ихъ продолжать начатыя занятія . Лысый хозяинъ съ сладчайшей улыбкой почтительнѣйше спрашивалъ Македона Елистратича : Чего имъ желательно-съ ? Фу , говоритъ Македонъ Елистратичъ , обращаясь къ пальместрону , усталъ , я тебѣ скажу , вотъ до сихъ поръ , и при этомъ онъ провелъ рукою по горлу . Тутъ только онъ удостоилъ отвѣтомъ гостепріимнаго старца и сказалъ ему : дай , говоритъ , арбузикъ сюда , да того знаешь бальзамчку .

Принесли бальзамчику , прошлись они по рюмкѣ-другой , а можетъ и по третьей и равкнулъ пальместронъ истинно ужасающимъ басищемъ : истинно , говоритъ , Македонъ , скажу тебѣ , что житья нѣтъ . Самъ знаешь , въ прошломъ году чинъ получилъ , а какія , я тебѣ скажу , груести дѣлаеть , такъ уму непостижимо ! А наемдни смѣртъ для больныхъ изъ запасной аптеки прислали ; ну , признаюсь , попробовалъ я немного ; а онъ , т . е . истинно скажу тебѣ , пришелъ свидѣтельствовать и , эхъ не повѣришь вѣдь ты , говоритъ : свинья ты , говоритъ , смоть необузданный ! А въ аптекѣ насъ только двое было , хоть бы сторожишка какой ни на есть случился , такъ засвидѣтельствовалъ бы ; а то ни одного бестіи : ну онъ меня , эдакъ знаешь какъ хватить , такъ я тебѣ истинно скажу , инда искры изъ глазъ посыпались . Не посмотрю , говоритъ , животное , что ты въ чиновники записался . Я было , знаешь , того эдакъ его хотѣлъ... Благо никого нѣтъ , думаю . Въ порошокъ бы стеръ , щедушный такой ! Сбѣкнулъ онъ , да какъ взглянетъ , истинно скажу , поджилки затряслась... А отъ чего бы ? Маленькій , вѣдь дрянъ ! На ладонь посадить , другою разплюснуть . Нѣтъ , догадался . За одно , говоритъ , полдець , намѣреніе въ Сибирь упеку . А городничій пріятель ему , оба питерскіе... Вотъ онъ записку къ нему и шлетъ : выпоротъ , говоритъ , скота , спиртъ казенный выпилъ , да сахаръ , назначенный больнымъ , укралъ . Чтожъ дѣлать ? Не дайся съчь ! Безъ хлѣба умрешь ; ну и выпороли , а чинъ имѣю... Полицейскіе солдаты по городу разнесли...

И пальместронъ какъ-то дико захопалъ . Старанія его удержать всхлипыванія , тяжело бы сдавили сердце присутствовавшаго при этой сценѣ . Въ самомъ дѣлѣ , какъ-то странно было видѣть такого огромнаго , сильнаго человѣка плачущимъ , по его собственному сознанію , отъ человѣка слабаго и щедушнаго... И пальместронъ опять говорилъ , жалуясь другу : истинно скажу тебѣ , боюсь , какъ взгля-

нетъ, потому огонь какой-то такъ и сверкаетъ въ глазахъ. Дрожимъ передъ нимъ и дивимся отъ чего?.. Истинно скажу: отъ земли не видать!.. И чтоже вѣдь? Все въ Сибирь, говорить! Свѣтъ тамъ узнаеть что ли у больныхъ взялъ, или двумъ одну порцію дашь, все у него въ Сибирь, все у него донесу... Про смотрителя амамедни (знаешь, кандидатъ вѣдь на офицерство былъ, затхлую муку въ больницу принялъ), такъ онъ про него въ управу въ губернію написалъ, ну и въ отставку его, штрафъ взяли, а дѣтей было шестеро. Такъ чтоже? Самъ смотритель то съ женою у камня безчувственного въ ногахъ валялся, весь городъ за себя на ноги подвѣлялъ, наконецъ младенца, этто, грудного принесъ и плачетъ: по міру; говорить, ваше высокоблагородіе идти не дозвольте... Плаутъ ты говорить, не потаю—и оставили, имѣньишко продали. А за что? Развѣ мы одни? Всѣ такъ, не въ нашу версту, да всѣ такъ... Они одни съ городничимъ то въ святые насильно лѣзутъ... И великанъ опять зарыдалъ и *вырѣзалъ* стаканъ бальзаму. А чѣмъ жить? Съ гарнизонныхъ, съ вдовыхъ солдатокъ даже за пѣйки не велить брать, — вотъ говорить, возьми три цѣлковыхъ изъ моего жалованья, а брать не смѣй. Вырѣзалъ еще стаканъ великанъ, да и говорить: Эхъ! Была, не была, убью, говорить — попадись только...

Это, изволите видѣть, фельдшеръ изъ Красновска жаловался Македону Елистратичу на притѣсненія недавно прѣѣхавшаго доктора. А Македонъ Елистратичъ видитъ, что пріятель ужъ черезчуръ заранпортовался при постороннихъ, быстро толкнулъ его въ бокъ и сказалъ: ты смотри, не азартничай. Не въ четырехъ стѣнахъ сидишь, — народъ есть. Видно было, что жалобы пріятеля сильно подѣйствовали на Македона, а потому онъ налилъ рюмки и предложилъ пальмestрону еще выпить по той собственно причинѣ, что времена нынѣ пришли дѣйствительно скверныя; но что въ стану у него, похожаго на это, слава Богу, покуда еще ничего нѣтъ...

Такимъ образомъ, благодаря усердію гостепріимнаго старца, много графиновъ ставилось на столъ и уносилось съ него. Скатерть, разсланная на столъ, была совершенно смочена арбузнымъ сокомъ и пролитою настойкой, и пріятели наши находились уже въ совершенномъ разрѣзѣ. Замѣтно было, что Македонъ Елистратичъ желалъ, какими бы то ни было средствами, освободиться изъ подъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него разговоромъ пальмestрона, а потому онъ то и дѣло подчивалъ его водкой, не забывая угощать и себя надлежащимъ образомъ. Наконецъ пріятели до того

раскутились, что оба ощутили сильнѣйшую потребность въ музыкальномъ наслажденіи, а потому Македонъ Елистратичъ и обратилъ свое вниманіе на шарманщицу, которая, пользуясь разговоромъ друзей, совсѣмъ уже перестала вертѣть сундукъ-органъ и преспокойно спала въ складныхъ креслахъ. Ни басъ пальместрона, ни громкія восклицанія пирующихъ, ни ярманочный шумъ, не могли потревожить сна ярманочной невинности.

— Эй ты, артистка, воскликнулъ Македонъ Елистратичъ, — проснись, чортъ тебя побори.

Быстро встрепенулась барыня и машинально схватилась за ручку органа. Потомъ она вдругъ опомнилась, видя какой важности меломаны стоятъ передъ ней. Пугаясь буйства Македона Елистратича, она въ тоже время трепетала и предъ фельдшеромъ, который имѣлъ надъ ней довольно сильное вліяніе по разнымъ дѣлишкамъ въ городѣ. Оправившись немного отъ своего смущенія, она спросила, преимущественно впрочемъ обращаясь къ Македону Елистратичу, что они спѣтъ прикажутъ-съ? — *Катай: на погибельный Кавказъ не ляди.* — Съ чувствомъ прикажете-съ? спросила барыня. — Разумѣется съ чувствомъ, заревѣлъ Пальместронъ. Методу пѣть съ чувствомъ показалъ шарманщикъ пріѣзжавшій въ прошломъ году въ Красновскъ за лошадьми ремонтеръ. Это, изволите видѣть, при окончаніи каждаго куплета каждой пѣсни, какого-бы рода ни была эта пѣсня, шарманщица должна была вскакивать съ креселъ и плясать отчаянную Русскую подъ хоръ кутиль, которые на разные голоса ревели: *кто: ай жим, говори,* — *кто: жимъ, былъ у бабушки спренъкій козликъ*, тогда какъ другіе волчиными голосами изъявляли желаніе своихъ пьяныхъ сердецъ удалиться *во пустыню, отъ прекрасныхъ, здѣшнихъ мѣсть.* Прошлогодній ремонтеръ всегда съ умиленіемъ воспоминалъ о знакомомъ ему студентѣ, который показалъ ему эту, можно сказать, превосходящую всякое описаніе, штуку — и въ бумажникѣ его крупными русскими буквами написано было, что эта штука называется: *кводъ-либеть*, что ремонтеръ и показывалъ всѣмъ желающимъ усвоить себѣ назидательное названіе этого пріятнаго увеселенія...

И завертѣлась ручка органа чрезвычайно дѣятельно и раздался этотъ пронзительный, высохшій, такъ сказать, горловой голосъ шарманщицы, который слышать можно только въ однихъ Лебедянскихъ трактирахъ, на знаменитыхъ конныхъ ярманкахъ, — больше нигдѣ нельзя слышать такого голоса. Вотъ и послѣдній стихъ купле-

та спѣла шарманщица и сперва грянулъ бастъ пальмestрома: *оъ, не одна то во полъ дорожка*, потомъ Македонъ Елистратичъ теноромъ, похожимъ на крикъ голоднаго павлина, затянулъ: *какъ у нащмъ, у нащмъ, ой у нащм-и-тъ у воромъ* — и съ свистомъ ринулся онъ съ своего мѣста и вмѣстѣ съ шарманщицей началъ такой поразительно быстрый и лихой трепакъ, что пыль поднялась бы столбомъ, еслибы она предварительно не была вся выметена. Фельдшеръ былъ въ какомъ-то неестественно-веселомъ расположеніи духа; съ неописаннымъ восторгомъ потиралъ онъ руки, подергивая плечами и припрыгивая на скамьѣ. Сидѣвшій тутъ за столомъ одинъ молодецъ изъ мѣщанъ, долго ухмылялся, смотря на такое веселье, долго переминался на скамейкѣ, наконецъ не выдержалъ и затянулъ въ свою очередь: *шла Машутка, стало-быть, изъ льсочка*. Не успѣлъ онъ окончить и половины стиха, какъ Македонъ Елистратичъ, съ свойственною ему важностью, схватилъ молодца за шиворотъ и сказалъ ему: ты что? съ свинымъ рыломъ, да въ калашный рядъ?.. Съ своимъ братомъ ты, что ли?.. Нагайка свиснула, и молодецъ примирѣлъ: только долго онъ улыбался той неопредѣленной улыбкой, которую можно замѣтить у всякаго достаточно выпившаго мужика, когда онъ, съ разбитымъ удалцами-товарищами носомъ, идетъ по улицѣ и, съ свойственною русскому народу откровенностью, кричитъ на весь Божій міръ, что вотъ мы какъ, что насъ никто не могъ трогать, а то сдачи дадимъ...

Барыня запѣла второй куплетъ и пальмestронъ облокотился на столъ и, повидимому, глубоко обдумывая онъ какую-то идею, вероятно ту самую, что чѣмъ и какъ будетъ онъ жить при новомъ докторѣ?.. Кончился куплетъ, вскрикнулъ Македонъ Елистратичъ и пальмestронъ пробудился отъ думы своей глубокой и съ большимъ энтузіазмомъ началъ поощрять танцующихъ. Эхма, истинно скажу, говорилъ онъ, залихватски ты, Македошка, плашешь. Дока ты на эти вещи, подлець эдакой! Значительно улыбнулся при этомъ Македонъ Елистратичъ, подперся фертомъ эдакимъ и на каблукахъ однихъ, лежа почти, увивался около шарманщицы, потомъ вдругъ вспрыгнулъ и бросился цѣловать ее. Славная ты, говоритъ, дѣвка, чортъ тебя побери! Баста плясать. Устала ты, вижу, донского давай, лысый ты шутъ. И принесли донского и долго пили они втроемъ, до того пили, что пальмestронъ, нисколько не стѣсняясь, ревълъ во все горло, что онъ всѣхъ убьетъ и лѣкаришку своего — мозгляка эдакого, чортъ его возьми, и гордничему спуску не дастъ и что онъ,

какъ и всѣмъ извѣстно, если дастъ кому загвоздку эдакую, такъ ужъ рѣдкій встанетъ; а Македонъ Елистратичъ изъявлялъ желаніе узнать біографію шарманщицы во всей ея подробности...

Шарманщица, достаточно уже освоившаяся съ Македономъ Елистратичемъ, довольно смѣло начала было рассказывать ему, что, дескать, тятенька былъ у меня маіоръ, а маменька маіорша, какъ вдругъ, къ величайшему ея изумленію, Македонъ сильно хватилъ ее своей страшной нагайкой. Забылась, говорить, бестія ты эдакая, что начальникъ говорить съ тобой. Ты мнѣ правду говори, а брехать не смѣй. Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь къ пальмestрону: третья мерзавка одинаковымъ образомъ начинаетъ мнѣ рассказывать про свою жизнь. Тятенька, дескать, былъ у меня маіоръ, а маменька маіорша — и вѣдь все врутъ, каналыи, а зачѣмъ врутъ, безъ ихъ знаеть. А пальмestронъ въ отвѣтъ на это громко стукнулъ по столу и съ энергіей провозгласилъ, что дѣйствительно шарманщица дочь маіора и что онъ въ городѣ видѣлъ у нее похвальные листы разные и что ты, Македошка, не смѣй бить ее, а то, говорить, я тебя такъ встряхну, что ты ноги протянешь...

Выдали ль вы, когда двѣ грозныя тучи сойдутся съ противоположныхъ сторонъ и брызнуть на оробѣвшую землю перекрестнымъ огнемъ своихъ молній? Если видѣли, такъ можете теперь судить и о той грозной картинѣ, которую представляли писарь и пальмestронъ — эти представители сельскаго аристократизма.

Пропустивъ, какъ говорится, мимо ушей слова пальмestрона, Македонъ Елистратичъ накинулся на шарманщицу, ожидавшую смерти и лишь только поднялъ было онъ на нее руку съ своей губельной нагайкой, какъ пальмestронъ такъ хватилъ его по становой жилѣ, что ужъ истинно можно сказать, у Македона Елистратича искры изъ глазъ посыпались. Такое, можно сказать, еще незаписанное въ скрижаляхъ исторіи событіе сильно отуманило Македона. Трактиръ заколыхался, какъ колыхается земля, потрясенная громовымъ ударомъ, шарманщица драматически бѣжала съ поля битвы, а лѣвый гостепріимецъ стремглавъ летѣлъ за сотскими.

Прабѣжало человекъ пять сотскихъ и, предводительствуемые Македономъ, стремительно атаковали они фельдшера съ фронтомъ, тыла и съ обоихъ фланговъ. Надобно было видѣть, какіе тузы раздавалъ пальмestронъ на право и на лѣво; повторяю, видѣть надобно было, какъ великолѣпно изуродовалъ онъ рожи сотскихъ и если его схватили и отвели въ станъ, такъ онъ все таки безъ малѣйшаго фанфарон-

ства могъ сказать, какъ сказалъ какой-то старинный французскій король: я разбить, но не побѣжденъ!

Сильно пострадалъ въ этой ожесточенной борьбѣ важный пальмestронъ фельдшера; но пальмestронъ что? Пустяки, наживное дѣло, а главное—то, что въ стану келейнымъ образомъ, по приказанію Македона Елистратича, сотскіе до того колотили фельдшера, что новому Красновскому доктору уже нечего было бояться его загвоздокъ, потому что спустя недѣлю послѣ этого событія пальмestронъ умеръ въ Красновской городской больницѣ...

ГЛАВА IV

Нестерпимый жаръ, который доселѣ жегъ и душилъ деревенскую зелень, спалъ наконецъ. Съ рѣки повѣяло освѣжающей прохладой, мелкія струйки зарыбили по ней. Перекатываясь одна чрезъ другую, онѣ сверкали искрами такого ослѣпляющаго блеска, что глазамъ становилось больно смотрѣть на нихъ, — и тогда только успокоивались глаза ваши, когда вы обращали ихъ на раскидистыя, зеленыя вѣтви прибрежныхъ ивъ. Наклоненныя въ воду, онѣ казались, испытывали неизъяснимую сладость, купаясь въ прохладительной влагѣ послѣ палящаго зноя...

Пѣзъ деревенскихъ избъ, куда забралась большая часть ярмарочной публики, слышались и громкій говоръ и еще громчайшія пѣсни. Ярмарочная площадь замѣтно опустѣла. Остались на ней только такъ называемые красные ряды, гдѣ все еще продолжалъ толпиться народъ, да продавцы забракованныхъ плодовъ. Уныло стояли они около нераспроданныхъ кучъ и рассчитавъ, что не стоитъ тратиться на обратный провозъ оставшагося товара, уже ничего не предпринимали противъ очевиднаго грабежа свиней, которыя, съ свойственною имъ вальяжностью, рылись въ плодахъ мордами, страшно запачканными сокомъ прокислыхъ дынь.

Торговые обороты, собственно, такъ сказать, домашніе, были совершенно окончены. Мужики бѣдные, пріѣхавшіе на ярманку съ жалкими произведеніями своего хозяйства, или съ еще жалчайшими вещичками собственнаго досужества, продали все это мужикамъ побогаче, запили могоарычи съ покупателями, закупили домой соли и дегтю, по калачику дѣткамъ и пошли въ другой разъ въ кабакъ пропиать остальное... Такимъ образомъ во вторыхъ рукахъ составились

небольшія партіи масла, холста, кожъ, телѣжныхъ осей и прочаго, что перешло въ третьи руки, именно къ мѣщанамъ, или къ такъ называемымъ куликамъ, пріѣхавшимъ изъ уѣзднаго города, которые долго спекулируютъ этими вещами между собою, долго зашиваютъ могарычи при каждой перекункѣ и перепродажѣ и наконецъ перепродаютъ все это купцамъ, торгующимъ оптомъ...

Лысый гостепріимецъ съ своими помощниками не успѣвалъ отпустить то невѣроятное количество могарычей, которые требовались торговцами и неторговцами. Въ это время пили ужъ не для того, чтобы выпить; а для того, чтобы показать православнымъ: во, дескать, колька потреблять мы можемъ... И такая шла лафа въ это время лысинѣ, что одни потребители болѣе половиннаго количества водки оставляли ему на хлѣбъ, другіе, жарко разговаривая съ дорогимъ куманькомъ или сватомъ любезнымъ, забывали о сдачѣ съ цѣлковаго; а экстазъ третьихъ простирался до той степени увлеченія воображаемой добротой лысаго гостепріимца, что они убѣдительноше просили его, чтобы онъ маненечко выпилъ съ ними и что, если не хочетъ онъ хватить родного, такъ хоть чего-нибудь выпилъ бы на ихъ счетъ: бальзаму тамъ, али грому какого... И гостепріимецъ уважалъ просьбы милыхъ дружковъ, — пить хоть можетъ быть не пилъ, за то, разсчитываясь съ ними, непременно прикидывалъ къ итогу копейекъ пятнадцать, за которыя онъ въ уваженіе пріятелей сладкихъ себя угостилъ и еще болѣе раззадоривалъ онъ короткихъ знакомцевъ своихъ, когда дѣлалъ имъ уваженіе въ томъ собственно разѣ, что скидывалъ съ счетовъ ту разную дрянъ, разрѣзанную на мельчайшіе кусочки, которая обыкновенно валяется на прилавкахъ питейныхъ заведеній и которою мужикъ заѣдаетъ адскую микстуру, искусно приготовляемую, на потѣху ему, кліентами винныхъ откуповъ.

Поэтому въ выставкѣ слышались, или тѣ забубенныя рѣчи, которыми выпившій объясняетъ своему задушевному другу свое житье бытѣ молодецкое, или слѣзныя жалобы на злую судьбу-лиходѣйку, которая будто бы до того молодца загоняла, что у него ни на что ужъ и не поднимаются бѣлыя руки...

— Эхъ, курица, говоритъ, жисть ты моя злодѣйская, участь моя безталанная, пропадай ты совсѣмъ. И запивала она горе свое великое новой косушкой, которая черезъ великую силу въ ротъ влѣзла, но за которую тѣмъ не менѣе заложенъ новый полушубокъ.

Въ то же самое время и лихачи эти — кудрявичи, увлекшись

разказомъ о своей удали неописанной , о своемъ таланѣ и досужествѣ во всякихъ дѣлахъ , пропивали сперва красный кушакъ и парковую шляпу , а потомъ и новую поддѣвку и оставались они , добрые молодцы , въ однихъ красныхъ рубахахъ . Въ дружескихъ обниманьяхъ незамѣтно отрывались застежки рубашнаго ворота и тогда можно было видѣть ту широкую , желѣзную грудь , по справедливости названную богатырской , которая одна лишь , кажется , долго можетъ выносить злое вліянье адскаго питья , которымъ жгутъ ее и когда горе сушитъ ее , и когда радость волнуется , когда у мужика отъ непосильнаго труда кости заломить и когда онъ отъ бездѣлья на теплой печкѣ лежать соскучится...

Море водки было выпито . Вотъ и теперь въ его необъятной пучинѣ погибъ человекъ . Съ самаго дѣтства отъ дѣда , отъ отца и отъ добрыхъ людей слышалъ онъ , какъ иногда къ статьѣ говорилось , что всякое горе въ винѣ утопить можно . Долго жилъ онъ на свѣтѣ и не зналъ , что-де за скусъ такой винный есть , затѣмъ что горя не зналъ никакого , а теперь вотъ пришлось испытать и то и другое , да жаль — поздно ! Правда другимъ урокъ ; но за то какъ дорогъ этотъ урокъ !..

И стоитъ толпа надъ трупомъ бездушнымъ и думаетъ : что-де за исторія такая ? Былъ сейчасъ человекъ — и ужь нѣтъ его ! Сроднилась она съ этимъ родомъ зрѣлицъ до того , что другихъ словъ они уже и не внушаютъ ей .

А о томъ , какого рода исторія подвела подъ обухъ человека , расскажу сейчасъ ; а теперь доброй ночи , добрые люди ! Новое утро завтра настанетъ для насъ — вновь мы увидимъ свѣтлое солнце , добрыхъ людей ; а жертва порока самаго грустнаго , но тѣмъ не менѣе обыкновеннаго у насъ и , какъ будто бы , нужнаго , потому что дозволеннаго , — ничего не увидитъ . Доброй дороги ей , въ вѣчный путь отходящей , даже нельзя пожелать...

ГЛАВА V

Верстахъ въ пяти отъ Дубовыхъ Липъ есть огромное барское село . Каменный помѣщичій дворецъ есть въ немъ съ обвалившейся штукатуркой , съ закрытыми ставнями и заглохшимъ садомъ . Давно покинуть хозяиномъ домъ этотъ и только въ развалившихся службахъ живутъ человекъ съ полсотни дворовыхъ . Къ соблазну крестъ-

яскихъ бабъ, народецъ этотъ покуриваетъ себѣ трубки, охотится лѣтомъ за перепелами (свистюльками такими ихъ въ сѣти заманиваетъ), а постоянное занятіе этого народа заключалось главнымъ образомъ въ охаиваніи мужиковъ: дескать, вы что? Суконные пироги ѣдите, ремненнымъ гужемъ давитесь, а мы при господскихъ персонахъ служимъ и съ городскими приказными знаемся... Дѣйствительно лѣтомъ, бывало, наѣдутъ къ нимъ кутилы красновскіе подъ предлогомъ наслажденія сельской природой, да по цѣлымъ недѣлямъ въ барскихъ хоромахъ и пьянствуютъ. О тѣхъ сценахъ, которыя разыгрывались кутилами въ самомъ домѣ, можно судить по тому обстоятельству, что они днемъ, бывало, выбѣгутъ на село *in rogibus naturalibus*, да за деревенскими собаками и охотятся...

Человѣкъ, о которомъ я хочу рассказывать, былъ управителемъ въ этомъ селѣ. вмѣстѣ съ этою должностію, отецъ его, находясь при смерти, передалъ ему во владѣніе небольшой дубовый сундукъ, полученный имъ съ своей стороны тоже отъ отца. Какимъ манеромъ пріобрѣтена была внутренность, заключающаяся въ сундукъ, неизвѣстно; извѣстно только то, что внутренности этой было тысячъ на пятьдесятъ серебромъ. Ну-съ и живетъ себѣ управитель нашъ бариномъ настоящимъ, хотя онъ въ сущности былъ ничто иное, какъ крѣпостной настоящаго барина, который постоянно по заграницамъ шатался, отъ природы полученныя способности, по части бѣнія баклушъ изоцрѣлялъ... Управительскія дочки (двѣ у него ихъ было: Сашета старшая, а Пашета младшая) съ утра до вечера чаекъ себѣ попиваютъ въ накладочку съ кренделечками, а въ интервалахъ относительно каленыхъ орѣшковъ, да подсолнечныхъ семянъ зубки навастриваютъ. Словомъ, чадолюбивый отецъ воспитаніе далъ имъ именно такое, результатомъ котораго бывають грандіозныя особы, такъ часто встрѣчаемыя въ дѣвичьихъ большихъ помѣщичьихъ домовъ. Изумляютъ васъ эти особы яркостью розовыхъ щекъ своихъ и тѣмъ прелестнымъ сходствомъ съ откормленными утятами, которое такъ восхищаетъ богатыхъ стариковъ, знатоковъ и специалистовъ этой части. Ну, красновскіе приказные видятъ тѣlesa то и думаютъ: какъ бы это, канальство, карьеръ сдѣлать, съ управительской дочкой какойнибудь законнымъ супружествомъ сочетаться? И многіе изъ нихъ сильно истратились на покупку разныхъ платочковъ и колечекъ, которыми они дарили дворовыхъ бабъ, подкупая ихъ снести управительскимъ барышнямъ записочку эдакую золотообрѣзную, на конвертѣ которой самымъ тщательнымъ почеркомъ написано было:

Лети, лети мой вздохъ,
 Кто моему сердцу дорогъ.
 Лети, лети туда,
 Гдѣ примуть его безъ труда.

Всѣ эти поэтическія штуки, выбранныя цѣликомъ, съ небольшими соботвенными добавленіями, изъ сладчайшей повѣсти о битвѣ русскихъ съ кабардинцами, глубоко потрясали все существо барышень. Онѣ тоже въ свою очередь брали какую-нибудь книжонку съ синими крышками, выбирали оттуда на розовую бумажку что послаще и отсылали приказному съ адресомъ такого зажигательнаго свойства :

Ачѣй манхъ свету
 Міламу прідмету, —

несколько впрочемъ не имѣя понятія о личности милого предмета, съ которымъ онѣ тѣмъ не менѣе изъявляли въ своихъ цидулкахъ твердое и ни чѣмъ неизмѣняемое намѣреніе убѣжать въ страны счастливой Аркадіи.

Въ силу полученныхъ отъ барышень разныхъ нѣжныхъ нѣжностей, многіе приказные засылали къ управителю свахъ съ просьбою осчастливить ихъ рукою Сашеты или Пашеты; но онъ подавалъ кареты всѣмъ свахамъ, весьма справедливо рассуждая, что весь этотъ народъ сгараеть любовнымъ пламенемъ къ его дубовому сундуку, а вовсе не къ дочкамъ. Ужь если, говорилъ онъ, дѣвку надо будетъ отдать съ капиталомъ, такъ отдать ее за купца какогонибудь, а съ этой голюю приказною, пожалуй, и безъ насущнаго насидится.

Неизвѣстно, сколько бы времени претрадали дѣвы въ своемъ печальномъ уединеніи, если бы Сашета предъ старухой теткой не изъявила опасенія, постоянно и глубоко по неизвѣстнымъ причинамъ ее беспокоившаго, что какъ бы къ ихъ дому чегонибудь не подкинули... Просто уснуть не могу ни на минуту, говорила теткѣ Сашета. Ужаси какъ страшно!.. Старуха тетка передала эти опасенія отцу. Отецъ хотъ и сказалъ, что все это пустое; однакоже послалъ одну дворовую старуху, занимавшуюся сватовствомъ и удивительно гадавшую на картахъ, въ Красновскъ, къ одному приказному, который передъ тѣмъ сватался за Сашету, да отказъ получилъ, чтобы онъ пріѣзжалъ къ нему въ усадьбу смотрины дѣлать. Приказный съ разу смѣкнулъ, что исторія-то того-съ... и пріѣхалъ. Этимъ же вечеромъ порѣшили, что быть свадьбѣ черезъ недѣлю, тѣмъ болѣе, что и Сашета, когда отецъ спросилъ ее, нравится ли ей женихъ, рѣши-

тельно отвѣчала : что дескать , тятенька , я къ нему большую склонность въ моемъ сердцѣ питаю . Дѣйствительно свадьба была черезъ недѣлю — и на свадьбѣ этой были приказные изъ всѣхъ судовъ , втихомолку разсуждавшіе на счетъ жениха , за что-де дуракамъ всегда счастье везетъ ?

Спустя другую недѣлю послѣ свадьбы , въ одно прекрасное утро , Сашета не обрѣла своего доблестнаго супруга , потомучто онъ уѣхалъ въ дальніе края съ благородною цѣлью себя показать , да людей посмотреть и кетати , должно быть , захватилъ съ собою тѣ десять тысячъ рублей , которые взялъ за нею въ приданое . Такъ , бестія , кругло дѣльце обдѣлалъ , что ни котъ , ни кошка не знали , какъ онъ , при содѣйствіи попечительнаго начальства , отставку взялъ .

Это былъ первый щелчокъ , который судьба закатила управителю ; а ужъ извѣстное дѣло , коль скоро кого судьба по носу хватить , такъ только успѣвай считать ея щелчки . Такъ и здѣсь было дѣло . Замужняя вдова опять къ отцу на старое житье переселилась , а черезъ мѣсяць послѣ этого переселенія опасенія , тревожившія ее въ барышняхъ , оправдались на дѣлѣ , — къ дому управителя дѣйствительно подкинули микроскопическаго мальчугана . . .

Въ это время управитель почувствовалъ въ себѣ первые припадки старости — поясница стала ломить . Перепробовалъ онъ всѣ эти бузинные наборы , каждую ночь малиновымъ чаемъ себя до седьмого пота угощалъ , — нѣтъ легче !

Вотъ однажды и пріѣзжаетъ къ нему пріятель одинъ , выгнанный изъ службы чиновникъ (Въ губерніи стало жить нечѣмъ , такъ онъ на свою родину въ село пріѣхалъ и занимается въ настоящее время тѣмъ , что мужикамъ прошенія пишетъ , да тягаться ихъ другъ съ другомъ стравливаетъ) . Ну , извѣстное дѣло , управитель сейчасъ для него закуску съ графиномъ на столъ , а пріятель-то , признаться , ужъ *заложилши былъ* . И началъ управитель жаловаться пріятелю , что вотъ-де у него поясница ужаси какъ болитъ съ тѣхъ самыхъ поръ , какъ несчастье-то его постигло , а пріятель между тѣмъ на старые дрожжи еще пропустилъ дважды и началъ хозяина упрашивать , чтобы тотъ съ нимъ компанію раздѣлилъ , относительно т. е. выпивки , божбой утверждая , что рюмки двѣ или три , если онъ выпьетъ , такъ горе-то съ него , можно сказать , какъ съ гуся вода сбѣжить и поясницѣ не въ примѣръ легче будетъ .

— Что это вы , говорилъ управитель , — съ ума спятили , что

ли? Слава Богу, пятьдесят съ хвостикомъ лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, не пилъ; такъ теперь ужь не къ чему покойныхъ родителей обижать.

— Да вѣдь это что, говорилъ чиновникъ? Вѣдь это съ лекарственной цѣлью. Ты выпей, и тогда посмотри что съ тобой будетъ. Новый человекъ совоёмъ будешь; — и чѣмъ болѣе отказывался управитель отъ чести раздѣлить съ нимъ компанію, тѣмъ онъ убѣдительнѣе просилъ его объ этой чести и наконецъ даже сталъ на колѣни и съ слезами чувствительнаго сердца, глубоко проникнутаго состраданіемъ къ немощамъ ближняго, началъ утѣрять управителя, что онъ добра ему желаетъ, видя его горе великое и что самъ онъ отъ покойника тятеньки получилъ завѣщанье не пить, потому-де что смертный грѣхъ пьянство есть и что наконецъ теперь онъ, слава Богу, многолѣтнимъ опытомъ дозналъ ошибочность тятенькина завѣщанія.

Кончились наконецъ просьбы чиновника тѣмъ, что управитель выпилъ... Сидитъ онъ, а гибельный процессъ, которымъ несчастныя жертвы вербуются подъ знамена порока, совершается въ немъ. Размгачаются устарѣлыя кости, горячѣетъ, начинавшая уже охлаждать кровь, и теплой струей приливаетъ она къ изнывшему сердцу, заставляя его такъ радостно биться...

Послѣ второй рюмки, все окружающее управителя показалось ему въ такомъ добромъ, благопріятномъ свѣтѣ, что онъ очень удивлялся тому обстоятельству, какъ это могли беспокоить его такіе пустяки, какъ напримѣръ потеря десяти тысячъ, увезенныхъ безсовѣстнымъ зятемъ и разныя глупыя сплетни относительно Сашеты и подкинутаго мальчугана?..

Уѣхалъ пріятель, — вышелъ часа черезъ два хмѣль изъ головы управителя и опять заболѣла поясница и опять, на мѣсто испарившейся водки, полѣзли въ голову тѣ страшныя сказки, которыя до сужіе языки разнесли о его дочери по цѣлому уѣзду.

Полечился немного старикъ и опять ничего, хорошо стало и въ головѣ и въ поясницѣ...

Такой порядокъ вещей продолжался съ годъ, или немного болѣе. Сашета пустилась между тѣмъ, какъ говорится, во вся тяжкая — и ужь не то, чтобы какъ прежде въ свободное время чайкомъ позабавиться, нынче она наровитъ эдакъ въ укромномъ мѣстечкѣ на счетъ перцовки пройтись, потому собственно случаю, что вотъ де подъ ложечкой очень больно...

Надобно знать сельскую жизнь, чтобы понять, как терзали отцовское сердце разные приятельские эживки на счет его дочери — этой пѣвчей птички, которая принявъ еще утромъ свое обыкновенное лекарство отъ боли подъ ложечкой, по цѣлымъ днямъ, бывало, сидитъ себѣ подъ окошкомъ, да напѣваетъ сентиментальные стишки, гласившіе о нѣкоемъ, хотя и зломъ, но все еще милымъ тиранѣ.

Такимъ образомъ, чѣмъ язвительнѣе былъ клинокъ, которымъ хотѣли подколотъ глазъ управителю, тѣмъ болѣе былъ приемъ лекарства, которымъ онъ уже привыкъ заживать раны глубоко уязвленнаго сердца. Къ концу года старыя опасенія Сашеты, относительно, такъ сказать, подкинутія къ нимъ чего-нибудь, возобновились и очень скоро осуществились на самомъ дѣлѣ. Въ другой разъ около управительской квартиры найдено было микроскопическое существо человѣческой породы.

Старикъ началъ пить по цѣлымъ мѣсяцамъ...

Видятъ всѣ въ околodкѣ, что управитель съ панталыку сбился и юристъ-то — приятель видитъ, и запала ему въ голову счастливая мысль спихнуть съ мѣста друга любезнаго, а самому попасть на это мѣсто. Вещь, думалъ юристъ, хлѣбная будетъ.

И принялся онъ за это дѣло съ тою ловкостью истиннаго дѣльца, за которую много головицъ по нижегородской дорогѣ прогуливается. Безыменное письмецо лѣвой рукой, во избѣжаніе предательства со стороны почерка, накаталъ, да къ владѣльцу имѣнія и пустилъ.

Письмо юриста попало, что называется въ самую центру. Хорошо еще, что управителю дали изъ-подъ руки знать, что баринъ къ нему на ревизію ѣдетъ. Опомнился старикъ, вытащилъ внутренности изъ сундука, въ пакетъ ихъ заложилъ, да и думаетъ: кому бы это, какъ гроза пройдетъ, сокровище повѣрить. Наконецъ выдумалъ онъ, что кому же болѣе, какъ не юристу. Съ нимъ онъ въ малолѣтствѣ въ казанки игрывалъ, у одного дьячка вмѣстѣ азбуку учились и теперь вотъ лѣтъ ужъ будетъ съ десятокъ, какъ они хлѣбъ соль другъ съ другомъ водятъ, да и дѣтей у юриста управитель крестилъ, — на что же вѣрнѣй человѣка? Вотъ и пріѣзжаетъ управитель къ куму, — тотъ тоже закуску съ графиномъ на столъ — и пошли у нихъ разговоры, обыденные, сельскіе разговоры, какъ на примѣръ красновскій купецъ Лабочинниковъ надулъ сопатымъ

рысакомъ Васю Тарасовскаго (личность эта скоро имѣеть быть представлена благосклонному вниманію читателей), и какъ у Васи Тарасовскаго означеннаго рысака выигралъ Григорій Лукичъ. (А Григорій Лукичъ, если вамъ угодно знать, до статскаго совѣтника, будучи какъ говорится изъ прискорбныхъ, дошелъ; а теперь живетъ на покой въ Красновскѣ, да на обухъ рожъ помолачиваетъ.)

Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ, управитель прямо къ дѣлу пошелъ, вынулъ пакетъ, да и говорить: слышалъ ты, кумъ, баринъ къ намъ ѣдетъ. Неровенъ случай съ повальнымъ нагрянетъ, такъ я ужь къ тебѣ привезъ — спрячь! Да какъ развернетъ пакетъ—то, да какъ пачками на двѣсти тысячъ хлынетъ, такъ у юриста голова кругомъ и пошла. Задрожалъ и замлѣлъ весь, какъ эти розы—то сотенныя, да серіи зеленыя въ глазахъ у него зарябили... Ну, кумъ, говоритъ юристъ, — вижу, что ты меня любишь. Ну, а какъ я тебя, да того... подь сиротскій судъ упеку, шутливо прибавилъ юристъ? Что ты тогда станешь дѣлать? и пріятели оба засмѣялись такому несбыточному предположенію, — должно быть другъ на друга крѣпко надѣялись.

Разсказывать ли вамъ о томъ, какъ порѣшивъ дѣло, пріятели долго сидѣли за свѣтлою рюмкой, какъ юристъ упрашивалъ кума, чтобы онъ ни подь какимъ видомъ не беспокоился о своихъ деньгахъ, потомучто совѣсть ему дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ и какъ наконецъ, по отѣздѣ помѣщика, кумъ—юристъ протурилъ въ три шеи кума—управителя, когда тотъ пріѣхалъ къ нему за своимъ пакетомъ?.. Все это исторіи обыкновенныя, какъ обыкновенна и та исторія, что помѣщикъ, пріѣзжавшій ревизовать свое имѣніе, смѣнилъ управителя и увезъ съ собою его младшую дочь, подь тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такой воспитанной дѣвушкѣ, какою на его барскіе глаза показалась Пашета, неприлично жить съ постоянно пьянымъ отцомъ...

— Мы эти исторіи сами до тонкости знаемъ, говорилъ одинъ мѣщанинъ, когда квартировавшій у него служивый, рассчитывая пообѣдать съ нимъ за однимъ столомъ, старался расцотѣшить его забавнымъ разсказомъ о томъ, какъ дескать мы подь турецкой были.

Старикъ началъ пить запоемъ, пропивая крошки, оставшіяся отъ прежнихъ счастливыхъ дней, — и болѣзнь его, такъ страшно свирѣпствующая въ простомъ народѣ, получила еще большее раз-

внѣ въ слѣдствіе слуховъ, разнесшихся по-уѣзду, что младшая дочь его, увезенная помѣщикомъ, пропала безъ вѣсти послѣ того, какъ онъ подарилъ ей вольную и приказалъ убираться на всѣ четыре стороны...

Такимъ манеромъ свалило старика сердцекрѣпительное! Лежить онъ теперь на голой землѣ — и окружила его ярманочная толпа, — благо, что некому укрыть его отъ чужихъ насмѣшливыхъ глазъ — и не прощальные вопли жены или дочери раздаются надъ его грѣшной головой, а холодные толки людскіе.

— Что, что тутъ такое, братцы мои, тараторила городская бабенка, торговавшая на ярмаркѣ прошлогодними и какъ-будто кирпичными калачами?

— А вотъ, примѣромъ, про то толковище завели, чтобы городскими калашницами плотины мостить, отвѣтилъ ей длинный сюртукъ, пропитанный саломъ и дегтемъ.

— Молоденекъ вижу ты, батенька, зубы у тебя еще не прорѣзались, а ты ужъ на честныхъ людей лаешься. У моего жильца, приказнаго, въ городѣ меделанскій кобель есть, такъ и тотъ на меня еще ни разу не брехалъ.

— Ну-ну проваливай, добавилъ сюртукъ, — стукну вотъ по затылку-то, такъ у меня небось позолота-то съ серегъ, какъ разъ слетить...

Два пріятеля подходили къ толпѣ, — одинъ черноватый такой, съ лицомъ какъ-будто нарочно засѣяннымъ угрями и въ разорванномъ архалукѣ, а другой рыжеватый, съ бородой и въ кучерской сбруѣ — дворовые, надобно быть. Архалукъ съ неимовѣрными жемами, то останавливаясь, то забѣгая впередъ, говорилъ кучеру: Вѣдь знаешь же ты, какой я былъ тогда? Говори, знаешь? Краснощекій я тогда былъ, ухъ какой краснощекій! Маку-то этого розоваго на лицѣ не имѣлось. Да! Развестъ, стало быть, мнѣ его еще некогда было — мальчишка былъ. И вѣдь ты не повѣришь, какой я тогда былъ малый, — во всѣхъ статьяхъ молодчина, кровь съ молокомъ! А она, барыня-то и говоритъ мнѣ: ты, говоритъ, Степанъ, здѣсь ложись, — я боюсь одна... А у барина-то я, когда онъ, бывало, домой набѣдетъ (рѣдко ѣзжалъ домой-то — слышь?), такъ я, значитъ, всегда у него камардинскую должность справлялъ. Ну и погибъ черезъ эсто! Да — черезъ эсто самое и погибъ; слухи, значитъ, до него донеслись, а я и погибъ...

— А ты бы того, говорила сбруя, — къ Марѣѣ сходилъ бы, она, говорить, хорошо на водѣ наговариваетъ, помогло бы можетъ...

— Нѣтъ! Я тебѣ говорю, не вода тутъ нужна, потому ничего ты въ этомъ разѣ водой не подѣлаешь, а нуженъ тутъ плетюганъ... Да!

— Вонъ она куда исторія-то поѣхала, добавилъ кучеръ. Приѣзжими скрылись за парусинныя полы выставочнаго шатра, откуда громко неслись раздрающіе душу звуки органа и разбитая фистула маіорской дочери.

— Ведмѣда, ведмѣда ведутъ! кричало нѣсколько парней, со всѣхъ ногъ бѣжавшихъ къ толпѣ, волны которой неистово бурлили кругомъ покойника. Обманулись парни, рассчитывая въ толпѣ этой даромъ увидѣть косматаго мишку и неизбѣжную спутницу его — козу бородатую.

На завальнѣ церковной караулки, мимо которой шла большая дорога, сидѣли мужики, тщетно пытающіеся разрѣшить себѣ вопросъ, для чего де это у нихъ на дорогѣ ставятъ такія длинныя плахи съ желѣзными проволоками? Одни говорили, что все это французъ выдумалъ и что выдетъ изъ этого какое-нибудь наваждение недоброе; а другіе говорили, что это машина какая-нибудь, добрымъ царемъ на ихъ счастье поставленная, а какая именно машина, того они доподлинно сказать не могли...

Знакомый намъ юристъ тоже въ это время по улицѣ шелъ — и онъ тоже мимоходомъ на покойнаго кума взглянулъ, — гробъ ему заказалъ, да рубашку новую приказалъ сшить. Юристъ нашъ теперь, изволите видѣть, приказываетъ; въ настоящее время онъ въ Черногрудскѣ живетъ, тамъ постройкой казенныхъ домовъ спекулируетъ, своихъ уже штукъ шесть ихъ имѣетъ и вообще въ губерніи большимъ тузомъ считается, а видишь мы его на ярманкѣ по тому случаю, что онъ ежегодно на престольный праздникъ пріѣзжаетъ въ родное село покойныхъ родителей помянуть, да всѣмъ церковнымъ иконамъ гигантскія свѣчи постанковитъ. Думаетъ такимъ образомъ грѣхи замолить!..

Растроенный смертью кума, которую случай привелъ ему видѣть, идетъ онъ злой на весь міръ, а тутъ какъ на зло встрѣтилась съ нимъ дворовая баба съ штофомъ въ рукахъ, — пробиралась она, изволите видѣть, на выставку и орала во все горло какую-то безпутную пѣсню.

Быстро махнулъ рукою нашъ баринъ челоуѣку съ мѣдной бляхой на груди, означавшей сотскаго и приказалъ ему взять пѣвицу въ холодную. Юриста-то, изволите видѣть, дѣтъ пять тому назадъ, самого неоднократно съ похмѣлья въ кабакъ забѣгавшаго, уже начали возмущать сцены сельской ярманки: его благородные нервы уже не могли выносить, какъ тамъ эдакія бабы неумытыя горланять нѣси безсмысленныя...

Ну сотскій, извѣстное дѣло, всегда съ бадикомъ ходитъ, такъ онъ прежде нежели забралъ бабу въ станъ, взялъ ее, да бадикомъ раза три и огрѣлъ, а самъ приговариваетъ: смолкни, пташка-канарейка, — подвостритъ, значить, надъ дворовой кантатриссой хотѣлъ; анъ не туда глядишь. Востроту эту, какъ на грѣхъ увидалъ мужъ кантатриссы, эдакая, можете себѣ представить, забіяка съ кулачицами самаго гибельнаго свойства, — налетѣлъ онъ на сотскаго, да въ зубы его; за какія, говоритъ, великія прегрѣшенія бьешь ты ее, разбойникъ ты эдакой? Да, до насъ, говоритъ, баринъ нашъ, такъ и тотъ перстомъ не касается. (Въ скобкахъ сказать, баринъ на дняхъ ему лихую встрепку задалъ, за то что забіяка барскихъ индюковъ московскому курятнику потихоньку продалъ.) Сотскій въ свою очередь вовсе не былъ такимъ лапчатымъ гусемъ, чтобы личную обиду могъ безъ отмщенія перенести, самъ его съѣздилъ, да хараулъ закричалъ. Подбѣжалъ другой сотскій и другой дворовый, къ тому подстали сваты, къ тому кумовья, а тамъ налетѣли и тѣ добрые молодцы съ ретивыми сердцами, для которыхъ подраться тоже, что меду поѣсть — и пошли ломить стѣна на стѣну...

Вотъ онѣ разыгрались страсти-то челоуѣческія. Укротитель понадобился!..

ГЛАВА VI

Тумаки, которыми пальмestронъ угостилъ въ выставочномъ шатрѣ Македона Елистратича, имѣли слѣдствія въ высшей степени благоприятныя для послѣдняго и очень замѣтно отозвались и на ярманкѣ. Кто бы разогналъ этихъ буйныхъ забіякъ, которые безъ милосердія тузили другъ друга и что было бы со всей ярманкой, если бы Македонъ Елистратичъ закутился съ пріятелемъ у лысаго гостепріймца? Мужики разѣхались бы по домамъ, къ крайнему своему удивленію, не поколоченные Македономъ Елистратичемъ —

этимъ, по ихъ выраженію, драчливымъ бариномъ, а тогда нечѣмъ было бы имъ и ярманку вспомнать, да и вообще вся ярманка пролетѣла бы облакомъ мимолетнымъ, тучей безгрозною, безъ тѣхъ неизбежныхъ результатовъ, которые производятъ на всѣхъ сельскихъ торгахъ доки въ родѣ Македона. Только вечеромъ надъ селомъ пыль взвилась бы столбомъ отъ телѣгъ пьяныхъ мужиковъ и опять улеглась бы она на окрестныхъ поляхъ, увлажненная ночью росой; только бы загремѣли бубенчики на лошадяхъ, имѣвшихъ увезти въ городъ краснорядцевъ съ ихъ незамысловатыми товарами.

Конечно, одинъ мой знакомый и именно начальникъ Красновской инвалидной роты (человѣкъ замѣчательный по своему поэтическому таланту), бывшій на ярманкѣ, рассказывалъ мнѣ, что движеніе это, какъ онъ говорилъ, совершавшееся въ прекрасный лѣтній вечеръ, при этакомъ слабомъ мерцаніи звѣздъ небесныхъ, представляло эффектъ поразительный; оно, изволите видѣть, не знаю какими манерами, напоминало ему эдакую, чортъ возьми, Сахару бесплодную, караванъ въ пескахъ утонувшій; а сестра его, молодая барышня, лѣтъ 35, извѣстная по своей шикозности въ цѣломъ уѣздѣ, прибавила къ разсказу брата, что дѣйствительно ярмарочный разѣздъ въ цѣломъ представлялъ чрезвычайно милую картинку, полную жизни — и такой жизни, которая, по ея мнѣнію, рѣшительно неизвѣстна въ нашей душной темницѣ. (Подъ душевною темницею она разумѣла Красновскъ. Либералка такая, Богъ съ ней! Все французскіе романы въ русскомъ переводѣ читаетъ и даже слово новое въ свѣтъ выдала по поводу произвольнаго оставленія одной красновской барышней родительскаго дома, для того, чтобы слѣдовать за другомъ сердца — юнкеромъ, похожимъ на сажженный бокаль, выразившись объ ея поступкѣ такимъ манеромъ: ахъ, какой Жоржъ-Зандизмъ!..)

Но Македону Елистратичу какое дѣло до всѣхъ этихъ прелестей природы? Ему нужна была ярманка съ ея звенящими, если такъ можно выразиться, качествами, часть которыхъ, присоединенная къ его собственнымъ достоинствамъ, могла бы его цѣлый годъ прокормить. Безъ этого присоединенія ему неминуемо пришлось бы испытать то печальное положеніе гончей собаки, у которой заяцъ изъ подъ носа выскочилъ. На мѣстѣ охоты ее за такой несчастный промахъ арапникомъ вздуютъ, а по пріѣздѣ съ охоты благодатной овсянки лишатъ. Вотъ куда подѣзжали обстоятельства, если бы

пальмestронъ своей живительной кашкой не отрезвилъ совѣмъ было загулявашагося Македона Елистратича.

А теперь вотъ сходилъ онъ въ станъ, умылся тамъ холодной водою, и по первомъ извѣщеніи о тревогѣ, какъ ни въ чемъ не было, вышелъ на ярмарку.

Конечно публика уже вся знала, что шарамыгъ-писарю въ шею наклали; а потому появленіе его было причиной разныхъ остротъ, выраженныхъ болѣе или менѣе гласно. Особенно прогуливались въ этотъ разъ на счетъ Македона Елистратича, краснорядцы, и кто знаетъ, въ какой степени забористымъ феферомъ угостилъ бы онъ ярманочныхъ остряковъ, если бы въ это время не встрѣтился съ нимъ Вася Тарасовскій, тотъ самый, который Григорью Лукичу рысака проигралъ.

При видѣ Васи, Македонъ Елистратичъ уже нисколько не обращалъ вниманія на драку удалцовъ, представляющую ему полную возможность набить несчастными узниками тотъ чуланъ въ становой конторѣ, въ который приставъ обыкновенно сажаетъ молодцовъ, имѣющихъ съ нимъ разныя дѣлишки.

Вася Тарасовскій принадлежитъ къ числу тѣхъ гороховыхъ шутковъ, которыхъ называютъ великими людьми на малыя дѣла. Не имѣя счастливой возможности утвердительно сказать, кто былъ его папаша, Вася съ дѣтства жилъ въ домѣ стараго, безроднаго холостячка, отставнаго капитана Тарасовскаго, владѣльца чудесной деревни съ семью стами крестьянъ по послѣдней ревизіи. Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ Вася попалъ къ тарасовскому барину, неизвѣстно; извѣстно только то, что капитанъ ищетъ теперь выгоднаго покупщика на свою деревню съ тѣмъ, чтобы вырученнымъ за нее капиталомъ навсегда обезпечить своего приемыша. На этомъ основаніи, Вася кутитъ себя на чемъ свѣтъ стоитъ и, не будучи тѣмъ человѣкомъ, который выдумалъ порохъ, онъ нисколько неподозрѣваетъ, что только лѣнивѣйшіе въ уѣздѣ не щиплютъ изъ него его золотыхъ перьевъ.

Расклавявшись другъ съ другомъ съ граціозностью тѣхъ людей, о которыхъ въ таинственные часы полночи такъ много ломается биллиардныхъ киевъ въ уѣздныхъ трактирахъ, Вася и Македонъ Елистратичъ единогласно объявили, что взаимное ихъ свиданіе доставляетъ имъ обоимъ большое удовольствіе, и что вслѣдствіе этого не худо бы выпить.

Есть у насъ въ Дубовыхъ Липкахъ пивкая благопріятная женщина; въ старину принадлежала она къ разряду барскихъ барынь, а теперь на своей волѣ живетъ и занимается партикулярной коммерціей по трактирной и по питейной частямъ. Мужикъ найдетъ у ней всегда разлихую водку, не въ примѣръ лучше кабацкой, а такіе господа, какъ Вася и Македонъ Елистратичъ — все, что ихъ душа пожелаетъ. Вотъ наши удалцы и затесались къ этой благопріятной женщинѣ; она же, разсыпаясь предъ гостями мѣлкимъ бѣсомъ, сейчасъ имъ особнякъ отвела, а дочь ея, эдакій расфуфыренный въ шелки персонажъ, въ сторонкѣ пуншики готовить.

— Ну, что тутъ у васъ новенькаго? спросилъ Вася Македона Елистратича.

— Да, что можетъ быть новаго подъ луной? Вотъ бывший управитель опился, видѣли?

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ; думаю, что и тебѣ тоже, Македонъ. Мѣднаго гроша съ своимъ становымъ не получите вы за это слѣдствіе. Правда, что ли?

— А до этого вамъ нѣтъ дѣла, нашелся отвѣтить Македонъ Елистратичъ: — впрочемъ относительно прикосновенности надежда есть, съ свидѣтелей быть можетъ сорвемъ. Да! скажите пожалуйста, Василій Петровичъ, что это у васъ за исторія азамедни съ Григорьемъ Лукичемъ вышла?

— Старая каналья онъ и больше ничего, вспылилъ Вася. — Представъ: мечу я, эдакъ, шитосъ, — становить онъ карту съ самымъ жидовскимъ кушемъ — бью; становить другую, и знаешь вѣдь ты, какъ онъ за картами польскій языкъ коверкаетъ и говорить: илземъ до тарасавскѣго банку, панъ круль, — и послѣ этого, хоть ты про бабушку-рѣпку ной, панъ круль его дьявольскій непрѣмѣнно рвалъ мой банкъ. Ужь я закладывалъ, закладывалъ и тутъ только догадался я, что онъ, старый идомъ, тремя картами рѣзалъ, (одну-то назадъ возьметъ, а двѣ у меня въ талиі оставить) когда уже я рысака ему съ одноколкой спустилъ. Спасибо, мой старикъ про этотъ ужасъ не знаетъ, а то бы унеси ты мое горе на гороховое поле. Кажъ вспомню я на какую дѣтскую шутку поддѣлъ меня, можно сказать, обстрѣленного война этотъ старый каплюга, такъ бы всѣ волосы на себѣ вырвалъ.

— А вѣдь я недавно былъ у него, сказалъ Македонъ Елистратичъ.

— Что же ты мнѣ не скажешь, злодѣй? Повѣдай намъ, какими, говоря высокими слогами, новыми шерзестами этотъ старый плутъ украшаетъ свои маститыя сѣдины?

— Слѣдствіе въ подгородней слободѣ было (она вѣдь къ нашему стану принадлежитъ), такъ я тамъ цѣлую недѣлю выжилъ. Скука такая, что хоть во дремучіе лѣса бѣжи. Смотрю: человекъ отъ него приходитъ и записку мнѣ подаетъ. Читаю: пріѣзжай, говоритъ, Македонъ, ни мало не медля. Припомадился я, знаете, и пріѣхалъ и вижу: сидятъ у него. Князь-то этотъ Татарскій абазами своими стертыми всю честную компанію снабжаетъ, да главноуправляющій откупной, да капитанъ сосланный (не тотъ, который у Лабочинникова ворота дегтемъ вымазалъ, а тотъ, что у этой вдовой барыни, какъ ей фамилія-то забылъ, всѣ окна повыбилъ), и, можете себя представить, четвертые сутки въ картицы и рѣжуются. А Григорій Лукичъ прямо ко мнѣ, съ шуточкой эдакъ: разведи, говоритъ, Македонъ, пѣтуховъ, дай умамъ направленіе другое. Ошалѣли, говорить, совсѣмъ. Посмѣялись мы тутъ немного. Хересомъ меня Григорій Лукичъ подчивать сталъ, не хочешь ли, говоритъ? Гдѣ, молъ намъ, дуракамъ чай пить, хоть бы родное-то изъ устъ не лилось — пропустилъ я стаканчикъ. Потомъ Григорій Лукичъ отвелъ меня къ сторонѣ, да и шепчетъ: Македонъ, относительно клубники разстарайся любезный, въ приличномъ нашему компанству количествѣ къ тому времени, когда, говорить, серебряная луна горизонтъ небесъ озолотить... Право, такой удалой старичина! Къ нему въ окно смерть смотреть, а онъ себя все посмѣивается, какъ-будто не до него дѣло касается...

Пошелъ я, и что же? Куда ни сунусь, вездѣ, знаете, носъ эдакой! Куда ни поплю (сколько, признаться, народу съ ногъ сбилъ), вездѣ, говорятъ, отъ молодого тарасовскаго барина пенсія идетъ — занято и, кромѣ того, надзоръ строгій...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа, Вася залился своимъ звонкимъ, безпечнымъ смѣхомъ. Нашла, говорить, коса на камень. И мой механизмъ возымѣлъ свое дѣйствіе на эту старую ракалію, Это ужъ не то, что идемъ до банку, панъ круль. Вотъ монополія-то и въ нѣкоторомъ родѣ. Стоила она мнѣ, другъ любезный, коку съ сокомъ, да по крайней мѣрѣ распотѣшила: не жаль на такую штуку и деньги бросить.

И дѣйствительно штука весьма сильно потѣшала друзей; громко

хотали они надъ ней, попивая крайне забористое произведеніе рукъ расфуфыренного персонажа.

— Ну, рассказывай, что тамъ было, какъ ты показавъ имъ свою физиономію, измученную неудачною экспедиціей?

— Да тутъ ужъ, почитай что ничего не было. Деньги всѣ перешли къ капитану, играть не на что. На вексель у него просили — не далъ. Нѣтъ, говоритъ, господа, тятеньки ваши про это узнають, такъ и мнѣ бѣда будетъ. (Это онъ откупного управляющаго на зубокъ поднималъ, изъ купцовъ вѣдь онъ.)

— Изрядно должно быть мы выпили въ это время, потому что ухитрилъ же насъ шутъ вывѣски поснимать у акушерки и у цирюльника. Вывѣску акушерки мы приколотили къ водочному магазину, а цирюльнику къ дому той купчихи, которая, знаете, всѣхъ прикащиковъ своихъ съ собою беретъ, когда въ лѣсъ за грибами ѣдетъ... Въ магазинѣ-то цѣлый день не примѣтили, какъ на немъ красовалась доска съ надписью: привилегированная бабка Дарья Гусакова...

— Богатую идею далъ ты мнѣ, Македонъ. Нарочно закажу я теперь огромную вывѣску, крупнѣйшими буквами вею изобразить на ней примѣрно хоть это: здѣсь производится постоянная выгрузка чужихъ кармановъ, и ночью приколочу къ логовищу этого безпутнаго Лукича. Штука будетъ затѣйливая.

Македонъ Едистратичъ согласился съ тѣмъ, что штука эта дѣйствительно будетъ затѣйливая; но что она можетъ быть еще затѣйливѣй, еслибъ можно было, не нарушая сна мирныхъ гражданъ, могущихъ наколотить за нее шею, прибить вывѣску, и, въ довершеніе эффекта, иллюминировать ее.

— Другъ души, завопилъ Вася: — прижмись къ нашему родительскому сердцу! Ничего не пожалѣю, а ужъ угощу иллюминаціей съдую крысу. Послушайте, мамзель, соблаговолите осчастливить сего удалого дѣтину другимъ пуншикомъ, да позловреднѣй чтобъ былъ, кстати и себя не забудьте дамскимъ поподчивать, слабенькимъ. Сообразуйтесь въ этомъ случаѣ, мой прекрасный другъ, съ потребностями вашего чувствительнаго сердца.

— Шутники вы эдакіе, Василій Петровичъ. Барышнямъ не прилично пуншъ употреблять. Вамъ, если прикажете, сейчасъ изготавлю-сь.

— О, нѣжный другъ мой, декламировалъ Вася! Шутники, почти-тѣльнѣйше докладываю вамъ, живутъ по ту сторону Оки, а относи

тельно пунша скажу: потрудитесь ужь изготовить медвѣдя, ибо геройская душа моя, опасностей жаждущая, ощущаетъ сильную потребность сразиться съ симъ кровожаднымъ звѣремъ

— Какого-жь это ведмѣдя вы еще выдумали? съ сомнительной улыбкой спрашивалъ расфуфыренный персонажь.

— Справедливые боги! Вы — такая прекрасная миссъ и спрашиваете: какого ведмѣдя-съ? Въ этомъ трагическомъ случаѣ отсылаю васъ къ нѣжно-любящей васъ матери вашей. Обратитесь къ ней, она дастъ вамъ всѣ зоологическія свѣденія, необходимыя для составленія кровожаднаго животнаго, называемаго вами ведмѣдемъ.

Благопріятная женщина сейчасъ же показала дочери, какъ надобно изготовлять ведмѣдя. Въ капельку чая ухнуть, что называется, стаканъ рому, вотъ вамъ и медвѣдь будетъ. Сражаясь съ медвѣдемъ, Вася энергично увѣрялъ Македона въ своей неизмѣнной дружбѣ; а Македонъ Елистратичъ, въ свою очередь, общался разуважить его такимъ сюрпризомъ, о какомъ Вася, будто бы и не думаетъ; но что для того, чтобы окончательно овладѣть этимъ сюрпризомъ, нужно на предварительные расходы малую толику финансовъ, которыхъ въ настоящее время у Македона Елистратича будто бы не имѣлось.

На убѣдительнѣйшія просьбы Васи, сказать ему, въ чемъ состоялъ этотъ сюрпризъ, Македонъ Елистратичъ только многозначительно подмаргивалъ глазомъ, улыбался и щелкая языкомъ говорилъ: ну ужь удружилъ бы я васъ, еслибы у меня было теперь цѣлѣнакчей пятьдесятъ. Въ одну недѣлю такого бы снигиря представилъ, что взгляни, да ахни!.. Не спрашивая болѣе ни о чемъ, Вася досталъ изъ бумажника полсотенную и отдалъ Македону Елистратичу.

Удовлетворивъ надлежащимъ образомъ благопріятную женщину, пріятели вышли изъ ея гостепримнаго убѣжища.

— Куда же теперь? спрашивалъ Васю Македонъ Елистратичъ.

— Если тебѣ нѣтъ дѣла, поѣдемъ со мной, авось куда нибудь пріѣдемъ, отвѣтилъ Вася; а теперь видишь: старикъ мой затѣваетъ на свои именины сельскій праздникъ для крестьянъ сдѣлать, такъ послалъ меня сюда разной дряни имъ закупить. Пошатаемся покуда немного, не придется ли какую нибудь буржуазію вздуть: что-то руки чешутся...

И пошли они по этимъ, такъ называемымъ, краснымъ рядамъ, владѣльцы которыхъ пріѣхали въ Дубовыя Липы съ похвальною цѣлю удовлетворить изящнымъ требованіямъ своихъ покупателей.

При первомъ взглядѣ на эти ряды, они представляли совершенное сходство съ цыганскими таборами. Колья, вбитые въ землю и накрытые грубой парусиной, громко назывались лавкой, въ которой можно было найдти соль и деготь, окаменѣлыя конфеты и вяленую рыбу, ржавыя подковы и ситцы серпуховской фабрикаціи съ такими неестественными колерами, для обозначенія которыхъ еще не придумано соотвѣтствующихъ имъ эпитетовъ.

Долго забавлялся Вася въ красныхъ рядахъ, разбрасывая на драку сокрушающіе зубы пряники, и долго деревенскія дѣвки хохотали надъ его плутовскою рѣчью, съ которою онъ обращался къ нимъ, желая узнать имѣлъ ли онъ высокую честь своими медовыми пряниками заслужить доброе расположеніе высокородныхъ леди и, если имѣлъ, то въ какой сильной степени?

— Ваше высокоблагородіе, соблаговолите пожертвовать лепту отъ своихъ трудовъ праведныхъ, бѣдному страннику, идущему во святой градъ Іерусалимъ и на Синайскія горы! Съ такой рацеей обратился къ Васѣ старикъ съ бородой самаго почтеннаго вида, въ длинномъ порыжѣломъ, должно быть отъ дальней дороги, халатѣ и въ плисовой остроконечной шапочкѣ.

Краснорядецъ, въ лавкѣ котораго сидѣли наши молодцы, досталъ нарочью приготовленный для подобныхъ случаевъ грошъ и подаль старому человѣку. Вася въ свою очередь далъ ему цѣлковый; а Македонъ Елистратичъ по обязанности своей обратился къ нему съ вопросомъ: позвольте, говорить, старче Божій, на вашъ пашпортъ взглянуть?

Старъ человѣкъ съ смиреніемъ, отличающимъ всякаго подобнаго странника, отвѣтилъ Македону Елистратичу, что пашпортъ свой онъ затерялъ какъ-то; но что ему въ самомъ непродолжительномъ времени другой вышлютъ...

— Такъ ужъ ты, любезный, подожди у насъ въ конторѣ, пока тебѣ новый пашпортъ вышлютъ, сказалъ Македонъ Елистратичъ. Взять его!

— Неужели и съ этого съумѣешь слупить? сомнительно спросилъ Вася.

— Съ этого народа и лупить-то, утвердительно отвѣтилъ Македонъ Елистратичъ и, должно быть, зналъ онъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, потомучто старче Божій дѣйствительно поплатился въ становой конторѣ.

Изволите видѣть: по представленіи путника въ станъ, приставъ

началь ему допросъ чинить: кто онъ, откуда и проч. На все старъ челоѣкъ отвѣчаетъ удовлетворительно, ни одной загвоздки подпустить подъ свои слова не даетъ. Правда, отсутствіе паспорта давало становому право препроводить старика въ городъ, да что толку? Возня одна, да переписка излишняя... Къ тому же и старъ челоѣкъ, нисколько непрочъ отъ удовольствія прокатиться въ Красновскъ на обывательской подводѣ, и ужь хотѣлъ быдо становой совѣтъ его отпустить, мало ли, дескать, бродягъ по бѣлу свѣту шатается, всѣхъ не переловишь! Да ужь на прощанье почти, такъ, ради шутки, и говоритъ ему: что старина, небойсь достаточно собралъ съ православныхъ на дорогу—то? Хоть бы ты съ нами бѣдными, мірскими людьми подѣлился, а то тебѣ одному не много ли будетъ? А старикъ видитъ, что становой на него между пальцевъ смотритъ, — заѣлся, значить, (все равно, какъ сытая кошка съ мышью играетъ: уйдешь, дескать, такъ уйдешь — чортъ съ тобой! Я сыта!) и говоритъ становому: только вамъ должно быть, ваше благородіе, и дѣла—то въ стану, что бѣдныхъ стариковъ обижать, да съ праваго и виноватаго въ свой карманъ собирать.

Какъ, заревѣлъ становой! Тебѣ благодѣяніе дѣлають, а ты еще забываешься, да за бородочку его и ухвати... Недаромъ пословица говорится: и на старуху бываетъ проруха. Бородочка—то у стараго челоѣка и отвалилась...

— Ступайте вонъ, шелопаи! Чего вы тутъ глазѣте! закричалъ становой на двухъ сотскихъ, стоявшихъ въ комнатѣ, а самъ старому челоѣку и говоритъ: такъ вотъ ты каковъ сахаръ медовичъ? А старикъ видитъ, что дѣло—то плохо — на чистоту пошелъ: виновать, говоритъ, ваше благородіе! Двѣнадцать губерней, говоритъ, прошелъ, а въ вашей, тринадцатой, налетѣлъ. Тысячки, говоритъ, ассигнаціями довольно будетъ, чтобы дѣльцо покончить?.. Видитъ становой, что парень—то бравый: доставай, говоритъ, пять сотъ серебра и квитъ, а старикъ и толковаться не сталъ. Подкладку у норыжѣлаго халата распоролъ, да пятью радужными станового и спрыснулъ, да еще благой совѣтъ ему подалъ. Я, говоритъ, ваше благородіе, бороду—то опять подвяжу, а вы позовите сотскихъ, да при нихъ у меня, акибы за напрасную обиду, христіанскаго прощенія попросите. Дѣло—то, кажись, круглѣе будетъ...

Такъ и сдѣлали и, конечно, сотскіе хоть и поняли, что тутъ должна быть штука; но отъ этого имъ нисколько не было теплѣе; а старикъ эту ночь ночевалъ у станового и откровенно рассказалъ

ему, что онъ-солдатикъ, удравшій изъ полка, въ слѣдствіе обѣщанной ему жаркой бани, за разныя молодецкія штуки...

— Не пора ли намъ, свать, по домамъ, говорилъ одинъ мужикъ другому мужику, собираясь впрягать лошадь въ телѣгу. Вишь солнышку—то до заката на полкнутовища пройти не осталось.

— Поѣдемъ, дорогой мой, поѣдемъ. Ухъ и закатымъ же мы съ тобой. Во, какъ закатымъ, только шапка держись. Только ты удружи мнѣ, братище, запряги мою лошадь. Не слуха-а-ется меня, волкъ ее зарѣжъ, отвѣчалъ сильно восторженный свать, угощая пинками свою жалкую клячу, безъ видимаго на то основанія.

Послѣднія пѣсни пѣлъ дѣвичій хороводъ въ то время, какъ солнце бросало послѣдніе лучи на сцены нашей ярманки, которой пришла пора разѣзжаться.

Послѣдней плутней заключалась практика купцовъ, торговавшихъ въ красныхъ рядахъ. Одинъ изъ нихъ продалъ молодой крестьянкѣ отворотный корень, которымъ она воображала прекратить обыкновеніе стараго управителя, вслѣдствіе котораго онъ очень часто наряжалъ ее одну мыть полы въ своей квартирѣ... Краснорядецъ вызывался было кстати уступить ей за сходную цѣну и приворотный корень, которыхъ у него отъ ярмарки, будто бы только два и осталось; но она приворотнаго не купила, потому ли что не имѣла въ немъ настоящей нужды, или быть можетъ потому, что на пріобрѣтеніе отворотнаго она истратила бы всѣ деньги, вырученныя ею за продажу холстовъ, которые она выпрядала въ длинныя зимнія ночи...

Ночь наступила. Долго туманные облака затемняли мѣсяцъ, а потомъ понемногу разсѣялись они и выплылъ онъ на небо, молодой и свѣтлый!..

Изъ окна помѣщичьяго дома неслись звуки рояля. Съ звуками этими сливался молодой, женскій голосъ, который пѣлъ печальную исторію про березу, раненую безжалостной сѣкирой. Говорила эта исторія, какъ горячая кровь текла изъ надрубленной березы, а потомъ рана ея, имѣющая зажить на другое лѣто, сравнивалась съ ранами человѣческаго сердца, которыя никогда не заживаютъ...

Кончилось полное грустной правды слово поэта, и на счастье

души, измученной бурей страстей, въ природѣ была такая полнота покоя и мира, при видѣ которыхъ забывалось всякое горе...

Быстро съ неба скатилась звѣзда. Въ тысячи мелкихъ искръ разсыпалась она, и казалось, что искры эти зажгутъ рѣчной камышъ, въ который онѣ упали. Вонъ Господь погасилъ христіанскую душу, крестясь говорятъ мужики. когда упадаетъ съ неба звѣзда.

Глубоко безмолвіе ночи, громко отзываются въ немъ звуки, неслышанные прежде. Нельзя уловить, откуда принесъ вѣтеръ полнотный звуки эти, усвоить ихъ тайнаго смысла нельзя; а между тѣмъ никто не можетъ не слушаться ихъ. Нѣтъ помина въ это время о жизненномъ горѣ, тихо и свѣтло на душѣ, а между тѣмъ такъ тоскливо замираетъ она!..

А. ЛЕВИТОВЪ

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

ДЖОНЪ СТУАРТЪ МИЛЬ И ЕГО СИСТЕМА ЛОГИКИ

(СТАТЬЯ Г. ТЭЦА)

Въ прошломъ году, во время засѣданій British association for the advancement of learning, я былъ въ Оксфордѣ и, изъ числа не многихъ остававшихся студентовъ, сошелся съ однимъ молодымъ англичаниномъ, весьма умнымъ малымъ. Онъ водилъ меня, по вечерамъ, въ новый музей, наполненный образчиками всякаго рода; тамъ читаются небольшія лекціи, пробуются новозобрѣтенныя машины; тамъ бываютъ дамы, и очень интересуются опытами; въ послѣдній разъ, въ избыткѣ восторга, онъ спѣли God save the Queen. Дивился я этой ревности, этой строгости ума, этой организаціи науки, этимъ добровольнымъ подпискамъ, этой способности къ ассоціаціи и къ труду, этой огромной машинѣ, дружно двигаемой такимъ множествомъ рукъ и такъ хорошо приспособленной къ собиранію, провѣркѣ и классификаціи научныхъ фактовъ.

А между-тѣмъ, во всемъ этомъ богатствѣ чувствовался недостатокъ чего-то. При чтеніи отчетовъ, мнѣ казалось, что я присутствую на засѣданіи какихъ-нибудь заводчиковъ. Всѣ эти ученые занимались повѣркою частныхъ и подводили итоги. Мнѣ все казалось, что сидятъ мастеровые и сообщаютъ другъ другу способъ выдѣлки кожи или окраски бумажныхъ издѣлій: общихъ идей не было. Я пожаловался на это моему пріятелю и по вечерамъ, при лампѣ, среди того глубокаго молчанія, въ которое погружается здѣсь университетскій городъ, мы вдвоемъ стали искать причинъ такого явленія.

Однажды я сказалъ ему:

— У васъ совершенно нѣтъ философіи, т. е. того, что нѣмцы называютъ метафизикой. У васъ много ученыхъ, но нѣтъ мыслителей.

— Вы скоры въ заключеніяхъ, какъ истинный французъ, отвѣчалъ мой товарищъ; — вы перескакиваете черезъ факты и разомъ располагаетесь въ области теоріи; нѣтъ, у насъ есть мыслители, за которыми и ходить далеко не нужно, не дальше напимѣръ Christ Church.

Одинъ изъ нихъ, профессоръ греческаго языка, такъ глубокомысленно читалъ о наитіи, о твореніи и конечныхъ причинахъ, что у него отняли кафедру. Просмотрите этотъ новенькій сборникъ *Essays and Reviews*; всѣ ваши философскіе взгляды прошлаго вѣка, всѣ новѣйшія заключенія геологіи и космогоніи, смѣлыя нѣмецкія толкованія, все — есть въ нихъ въ сокращеніи. Конечно многого и нѣтъ; недостаетъ шалостей Вольтера, туманнаго зарейнскаго жаргона и прозаической грубости Конта; по моему это еще небольшая потеря. Лѣтъ черезъ двадцать, вы найдете въ Лондонѣ парижскія и берлинскія идеи.

— Но онѣ и останутся парижскими и берлинскими; а чтожь у васъ самобытнаго?

— Стюартъ Миль.

— Что же такое Стюартъ Миль?

— Политикъ; его *On Liberty*, книга въ такой же степени достойная вниманія, въ какой никуда не годится *Contrat social* вашего Руссо.

— Ну, это сильно сказано.

— Нѣтъ, потомучто принципъ Мила — личная свобода, а принципъ Руссо — государственнй деспотизмъ.

— Пусть такъ, но это еще не доказываетъ, что онъ философъ; посмотримъ, что есть еще въ вашемъ Стюартѣ Милѣ?

— Въ политической экономіи, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и подчинилъ произведенія человѣку, а не человѣка произведеніямъ.

— Такъ, но это все еще не философъ.

— Онъ написалъ систему логики.

— Къ какой школѣ принадлежать его воззрѣнія?

— Къ его собственной. Я вамъ сказалъ, что онъ самобытенецъ.

— Онъ гегельянецъ?

— О, вовсе нѣтъ; онъ слишкомъ любитъ факты и доказательства.

— Не слѣдуетъ ли онъ Порт-Ройялю?

— И того меньше; онъ слишкомъ хорошо знаетъ современныя науки.

— Не подражаетъ ли онъ Кондильяку?

— Бѣвъ сомнѣнія нѣтъ; Кондильякъ учить только хорошо писать.

— Кого жъ онъ держится ?

— Локке и Конта (Comte) во первыхъ , потомъ Юма (Hume) и Ньютона.

— Онъ систематикъ или спекулятивный реформаторъ ?

— Онъ слишкомъ уменъ для этого : онъ просто выводитъ лучшія теоріи и указываетъ наилучшій способъ примѣнять ихъ къ практикѣ. Онъ не беретъ на себя титула возстановителя науки ; не объявляетъ, какъ ваши нѣмцы , что съ его книгой откроется новая эра для человѣчества. Онъ идетъ шагъ за шагомъ , немножко медленно и часто ползкомъ черезъ множество частныхъ случаевъ. Онъ умѣетъ точно опредѣлить какую-нибудь идею , разъяснить принципъ , отыскать его во множествѣ различныхъ формъ , опровергнуть , различить , построить доказательство. Онъ вполне обладаетъ точностью , терпѣніемъ , методой и проницательностью законовѣда.

— Прекрасно , но вы подтверждаете мою первую мысль ; Милъ законовѣдъ , другъ Локке , Конта , Ньютона и Юма , все это только англійская философія , не больше. Достигаетъ ли онъ глубокаго общаго взгляда ?

— Да.

— Есть ли у него полное , самобытное понятіе о природѣ и духѣ ?

— Да.

— Приведены ли у него къ одному принципу дѣйствія и открытія человѣческаго духа и рассмотрѣны ли онѣ съ новой точки ?

— Да, только нужно отыскать этотъ принципъ.

— Это ужъ ваше дѣло.

— Но я могу впасть въ отвлеченность.

— Въ этомъ не будетъ ничего дурного.

— Но все это сжатое рассужденіе будетъ похоже на колючую изгородь.

— Ничего , мы поколемъ руки.

— Но три четверти рода человѣческаго не стали бы терять времени на эти рассужденія , какъ на дѣло праздное.

— Тѣмъ хуже для нихъ ; вѣка и народы существуютъ для развитія этихъ созерцаній. Только черезъ это и дѣлается настоящимъ человѣкомъ. Если бы житель другой планеты явился на землю и пожелалъ узнать , какъ далеко мы ушли , нужно бы было указать ему на пять или на шесть міровыхъ идей о природѣ и духѣ , и только по нимъ , онъ могъ бы составить понятіе о степени нашего мышленія. Объясните мнѣ вашу теорію , и я уѣду съ большими познаніями , чѣмъ я приобрѣлъ , осмотрѣвъ массы кирпичей , которыя вы называете Лондономъ и Манчестеромъ.

І. О П Ы Т Ъ

І

— Ну, такъ начнемте, какъ истые логики, сначала: допускаете вы существованіе логики?

— Ну, смотря потому, что дальше.

— Согласны ли вы, что есть предметы, принадлежащіе собственно логикѣ, а не другой какой наукѣ?

— Да, если вы мнѣ ихъ укажете.

— Вамъ стоитъ только открыть глаза, предметы эти — науки. Существуют не одни только растенія и животныя, но также ботаника и зоологія; не только линія, плоскости, величины и числа, но геометрія и ариметика. Науки также несомѣнно существуютъ, какъ и факты, стало-быть должны точно также составлять предметъ изученія: ихъ можно анализировать, какъ анализируютъ факты, изыскивать ихъ элементы, ихъ составъ, порядокъ, отношенія между собою и цѣль. Слѣдовательно, существуетъ наука о наукахъ: эта наука называется логикой и составляетъ содержаніе книги Стюарта Милля. Въ ней не разлагаются собственно дѣятельность духа, память, ассоціація идей, внѣшнія ощущенія: это дѣло психологіи. Не разсуждается также о достоинствѣ этихъ отправленій, о достовѣрности нашего мышленія, абсолютной вѣрности нашихъ элементарныхъ познаній: это дѣло метафизики. Тутъ берутся наши способности уже въ дѣйствіи и предполагаются ихъ первобытныя открытія. Орудіе берется въ томъ видѣ, въ какомъ его даетъ намъ природа и вѣрность его допускается. Другимъ предоставляется объяснять его механизмъ и контролировать его результаты. Его первоначальныя дѣйствія служатъ точкою исхода; здѣсь только разсматриваютъ, какъ они прибавляются одно къ другому, сочетаются одно съ другимъ, превращаются одни въ другія; какъ, слагаясь, сочетаясь и преобразуясь, онѣ составляютъ систему истинъ, тѣсно связанныхъ между собою, въ восходящей прогрессіи. Теорія науки составляетъ также, какъ другіе составляютъ теорію растительности, духа и чиселъ. Вотъ идея логики; ясно, что она, подобно другимъ наукамъ, имѣетъ свое реальное содержаніе, свою отдѣльную область, свою методу, свою очевидную важность и свою несомнѣнную будущность.

— Согласенъ.

— Но всѣ эти науки, входящія въ составъ логики, суть только

собрания предложеній, а предложеніе только отдѣляетъ или соединяетъ подлежащее и сказуемое, т. е. одно имя съ другимъ, качество съ сущностью, т. е. одну вещь съ другою. Опредѣляемъ теперь, что разумѣется подъ словомъ вещь, и что обозначаетъ имя; другими словами, то, что мы знаемъ въ предметахъ, то, что мы соединяемъ или раздѣляемъ, то, что составляетъ сущность нашихъ предложеній и всѣхъ нашихъ наукъ. Есть одна точка, на которой сходятся всѣ наши познанія, есть общій элементъ, который, безпрестанно повторяясь, входитъ въ составъ каждой идеи. Есть маленькій первичный кристаллъ, который, будучи безконечно и различно прибавляемъ къ самому себѣ, порождаетъ дѣлую массу; узнавъ его разъ, мы можемъ напередъ знать законы и составъ сложныхъ тѣлъ, которыя изъ него произошли. Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая внимательно ядро, которую мы имѣемъ о предметѣ, — что мы въ ней находимъ? Возьмите сначала сущности, т. е. тѣла и духовъ. Этотъ столь темнаго цвѣта, длинный, широкій, высокій, это значитъ, что онъ составляетъ маленькое пятно на полѣ зрѣнія; другими словами, производитъ впечатлѣніе на оптическій нервъ. Онъ вѣситъ десять фунтовъ: это значитъ, что нужно для поднятія его мѣньшее усиліе, нежели для поднятія тяжести въ одиннадцать фунтовъ и большее, нежели для тяжести въ девять фунтовъ, другими словами, онъ дѣлаетъ извѣстное впечатлѣніе на мускулы. Онъ твердъ и четырехуголенъ: это значитъ, что, толкнувъ и обведя его рукою, получишь два различные рода мускульныхъ впечатлѣній и т. д. Разсмотрѣвъ поближе то, что я объ немъ знаю, прихожу къ заключенію, что знаю только тѣ впечатлѣнія, которыя онъ на меня произвелъ. Наша идея о всякомъ тѣлѣ не представляетъ ничего другого: мы знаемъ только впечатлѣнія, которыя оно въ насъ возбуждаетъ, мы опредѣляемъ его по роду, числу и порядку этихъ впечатлѣній; мы ничего не знаемъ о внутренней его природѣ, даже и того, есть ли у него такая природа; мы просто утверждаемъ, что онъ есть неизвѣстная причина нашихъ впечатлѣній. Если мы говоримъ, что тѣло существуетъ и въ этихъ впечатлѣній, это значитъ только то, что, если бы мы въ это время были близъ него, оно сообщало бы намъ тѣ же впечатлѣнія. Опредѣлять его мы только и можемъ впечатлѣніями настоящими или прошедшими, будущими или возможными, сложными или простыми. Это такъ справедливо, что философы, какъ напр. Берлей, утверждали, что матерія есть воображаемое существо и что весь чувственный міръ состоитъ изъ ряда ощущеній. По крайней мѣрѣ, онъ такъ представляется нашему знанію, и всѣ сужденія науки относятся только къ впечатлѣніямъ, которыя онъ на насъ производитъ.

Тоже можно сказать, говорить Миль, и о духѣ. Мы можемъ предположить, что въ насъ есть душа, наше я, субъектъ или «пріемникъ» впечатлѣній и другихъ формъ существованія, отличающійся отъ самыхъ ощущеній и формъ; но мы ничего не знаемъ о немъ положительно. «Все, что мы замѣчаемъ въ себѣ, говоритъ Миль, есть роль тканей изъ внутреннѣхъ состояній, рядъ впечатлѣній, ощущеній, волненій и желаній.» Понятіе наше о духѣ выйдетъ далѣе понятія о матеріи. Итакъ субстанціи, какія бы онѣ не были, тѣло или духъ, въ насъ или внѣ насъ, представляются намъ какъ ткани болѣе или менѣе сложныя, болѣе или менѣе правильныя, составленныя изъ нѣсколькихъ впечатлѣній.

Еще яснѣе это видно въ качествахъ, чѣмъ въ субстанціяхъ. Когда мы говоримъ, что свѣтъ бѣлъ, это значитъ, что когда онъ представляется нашему взору, у насъ есть ощущеніе бѣлизны. Когда говоримъ, что огонь горячъ, мы хотимъ выразить, что нахлысь вблизи его, мы чувствуемъ ощущеніе тепла.

Когда мы говоримъ о духѣ, что онъ склоненъ къ набожности, суевѣрію, размышленію или веселости, мы хотимъ выразить, что идеи, волненія и желанія, означенныя этими словами, часто повторяются въ ряду формъ его существованія.

Когда мы говоримъ, что тѣла тяжелы, раздѣляются на части, подвижны, мы хотимъ сказать, что предоставленныя сами себѣ, они бы упали, разрѣзанныя раздѣлились бы на части, а получивши толчекъ, пришли бы въ движеніе, т. е., въ томъ или другомъ случаѣ, произвели бы какое нибудь впечатлѣніе на наше зрѣніе или на наши мускулы.

Аттрибутъ всегда означаетъ наше состояніе или дѣльный рядъ состояній. Какъ ни маскируемъ мы ихъ, раздѣляя на группы, скрывая подъ отвлеченными названіями, измѣняя до такой степени, что трудно бываетъ узнать, вслѣдствіе разъ, какъ посмотришь во пристальнѣе на сущность словъ и идей, находишь все ихъ же и ничего болѣе. «Разложите на части отвлеченное предложеніе, говоритъ Миль, напр. *благодѣтельный человекъ достоинъ уваженія*. Слово *благодѣтельный* будетъ означать одно изъ обычныхъ состояній духа и нѣкоторыя привычныя особенности поведенія, т. е. внутреннее состояніе и внѣшніе осязательные факты. Слово *уваженіе* выражаетъ чувство одобренія и удивленія, сопровождаемое при случаѣ соответствующими внѣшними дѣйствіями. Слово *достойнъ* означаетъ, что мы одобряемъ дѣйствіе уваженія. Всѣ эти вещи суть *основаны* или состоянія духа, сопровождаемыя фактами ощущенія.»

Итакъ , куда бы мы ни повернулись , все остаемся въ томъ же кругу.

Будетъ ли предметомъ самая субстанція или только ея принадлежность , будетъ ли предметъ простой или сложный , конкретный или отвлеченный , содержаніе его для насъ одинаково : мы влагаемъ въ него только наши собственные состоянія. Умъ нашъ , въ природѣ , похожъ на термометръ , опущенный въ воду : мы опредѣляемъ свойства природы впечатлѣніями , которыя они на насъ производятъ , какъ опредѣляемъ температуру воды по степени измѣненія термометра. Мы знаемъ въ томъ и другомъ только ихъ состояніе , ихъ измѣненія ; мы образуемъ ихъ изъ отдѣльныхъ и измѣняющихся данныхъ : предметъ , для насъ , есть только собраніе явленій. Вотъ пока единственные элементы нашей науки : впередъ , всѣ усилія будутъ обращены на прибавленіе одного факта къ другому или связь одного факта съ другимъ.

II

— Прекрасно , вотъ великая идея , богатая выводами ; не возможно быть лучшимъ ученикомъ Бакона , большимъ врагомъ истинъ аргіогі и поклонникомъ чистаго опыта. Если ученый вашъ умѣетъ разсуждать , онъ обновитъ все своимъ принципомъ ; онъ будетъ видѣть , во всѣхъ формахъ и степеняхъ званія , только познаніе фактовъ и ихъ соотношеній.

— Онъ и не видитъ въ нихъ ничего другого.

— Такъ онъ измѣнилъ понятіе , которое имѣли прежде о цѣли и средствахъ науки ?

— Да.

— Онъ на свой ладъ обтесалъ два краеугольныхъ камня логики — теорію опредѣленія и теорію доказательствъ ?

— Конечно.

— Я боюсь , чтобы онъ ихъ не слишкомъ стесалъ.

— Погодите , пока увидите.

— Я слушаю.

— Нѣтъ , говорите ; теперь ваша очередь излагать теорію старой школы.

— Вотъ наша идея объ опредѣленіи. Логикѣ говорятъ : возьмите животное , растеніе , чувство , геометрическую фигуру , предметъ или цѣлую группу предметовъ. Разумѣется , предметъ имѣетъ свои свойства , но также и свою сущность. Онъ проявляетъ свое существованіе множествомъ дѣйствій и свойствъ , но всѣ

эти проявленія суть слѣдствія или творенія его внутренней природы. Въ немъ есть скрытое основаніе, самое первичное и важное, безъ котораго онъ не могъ бы существовать и быть мыслимымъ; и которое составляетъ его существо и его понятіе. По мнѣнію логиковъ идеалистовъ, до этого существа можно дойти, выходя изъ понятія; идея, разложенная посредствомъ анализа, обнаруживаетъ сущность. По мнѣнію логиковъ классификаторовъ, до этой сущности можно достигнуть, ставя предметъ въ группу однородныхъ ему предметовъ и его понятіе опредѣляютъ, назвавъ ближайшій къ нему родъ и указавъ различіе. Тѣ и другіе согласны, что можно постичь сущность. Они называютъ опредѣленіемъ предложенія, которыя на нее указываютъ и говорятъ, что лучшая сторона науки состоитъ изъ этихъ предложеній.

— Напротивъ, эти предложенія ничего не доказываютъ; они указываютъ только смыслъ слова; они суть чисто словесныя опредѣленія. Что я узнаю, если вы мнѣ скажете, что человѣкъ есть разумное животное, или что треугольникъ есть пространство, заключающееся между тремя линіями? Первая половина фразы выражаетъ кратко то, что во второй части развивается подробнѣе. Вы повторяете два раза одно и тоже, представляете тотъ же фактъ подъ двумя различными терминами. Вы не прибавляете фактъ къ факту, а переходите отъ того же къ тому же. Ваше предложеніе не поучительно. Вы могли бы собрать миллионъ ему подобныхъ, а мой умъ ничего бы не выигралъ; я прочелъ бы только лексиконъ и не приобрѣлъ бы ни одного познанія.

Вмѣсто того, чтобъ говорить, что предложенія, относящіяся къ сущности, главныя, а тѣ, которыя относятся къ качествамъ, второстепенны, слѣдовало сказать на оборотъ, что относящіяся къ качествамъ главныя, а къ сущности второстепенны. Я ничего не узнаю, если мнѣ скажутъ, что кругъ есть фигура, образуемая обращеніемъ прямой линіи вокругъ одной изъ ея точекъ; другое дѣло, если мнѣ скажутъ, что хорды, стягивающія равныя дуги, равны, или что три точки достаточны для опредѣленія окружности. То, что называютъ природою существа, есть ничто иное, какъ сплетеніе фактовъ, которые составляютъ это существо. Природа млекопитающаго плотояднаго состоитъ въ томъ, что способность кормить дѣтенышей молокомъ и соответствующее ей строеніе тѣла соединяются съ острыми зубами, съ вистяжкомъ добыванія мясной пищи не соответствующими способностями. Вотъ элементы составляющіе его природу. Это членики, соединенныя одна съ другой, какъ петля съ петлей. Мы забываемъ въ некоторыхъ изъ нихъ и знаемъ, что за предѣлами настоящей науки и будущихъ опытовъ тянется безпечная цѣль этихъ пе-

тель, перебиваясь и распадаясь на множество новыхъ. Сущность или природа существа есть неопредѣленная сумма его свойствъ.

«Никакое опредѣленіе, говоритъ Миль, не выражаетъ всей этой природы, и всякое предположеніе выражаетъ часть этой природы.» Оставьте тщетную надежду открыть, прѣзъ научное, аналитическое изученіе свойствъ, какое-нибудь таинственное, перенчное существо, источникъ и сокращеніе всего остального; предоставьте сущности (entités) Дунсъ-Скоту (Duns-Scot), не думайте, что углубляясь въ свои мысли какъ нѣмцы, распредѣляя предметъ по родамъ и видамъ, какъ схоластики, возобновляя номенклатуру среднихъ вѣковъ или цирку Гегелевой метафизики, вы откроете субстанціальную форму и замѣните наблюденіе. Не можетъ быть опредѣленія вещей: если и существуютъ опредѣленія, то это опредѣленія именъ. Никакая фраза не объяснитъ мнѣ, что такое лошади, но есть фразы, которыя откроютъ мнѣ, какое понятіе соединяется съ этими шестью буквами. Никакая фраза не выразитъ неисчерпаемаго количества свойствъ, составляющихъ существо, но нѣсколько фразъ могутъ указать факты, соответствующія слову. Въ такомъ смыслѣ можно сдѣлать опредѣленіе, потому что возможенъ анализъ. Отъ краткаго, отвѣченнаго термина оно ведетъ насъ къ свойствамъ, которыя онъ выражаетъ; отъ этихъ свойствъ къ опытамъ внутреннимъ или внѣшнимъ, которыя служатъ имъ основой. Отъ термина сама оно доводитъ насъ до свойствъ: млекопитающее, плотоядное и другихъ, которыя терминъ представляетъ, а отъ нихъ до опытовъ зрѣнія, осязанія или анатоміи, служащихъ ихъ основаніемъ. Онъ обращаетъ сложное въ простое, производное въ первоначальное. Онъ приводитъ наше знаніе къ первоначальному источнику, превращаетъ слова въ факты. Если существуютъ опредѣленія, напр. въ геометріи, могущія породить цѣлый рядъ новыхъ истинъ, то это потому, что въ нихъ, кромѣ объясненія слова, заключается утвержденіе вещи. Въ опредѣленіи треугольника есть два отдѣльных предположенія: одно, говорящее, что можетъ существовать фигура, ограниченная тремя прямыми линиями; другое, говорящее, что такая фигура называется треугольникомъ. Первое есть постулатъ, второе опредѣленіе; первое скрыто, второе видимо; первое можетъ быть вѣрно и невѣрно, второе не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. Первое есть источникъ всѣхъ теоремъ, которыя можно построить о треугольникахъ, второе совокупляетъ въ одномъ словѣ всѣ факты, заключающіеся въ другомъ. Первое истина, второе — удобство; первое есть часть науки, второе — одно изъ средствъ языка. Первое выражаетъ возможное отношеніе между тремя прямыми линиями, второе даетъ названіе этому отношенію. Только одно вер-

все полезно, потому что оно одно, исполняя значеніе каждаго полезнаго предложенія, соединяетъ два факта. И такъ поймемъ отчетливо сущность нашего знанія: оно относится или къ словамъ, или къ предметамъ, или къ тѣмъ и другимъ разомъ. Если рѣчь идетъ о словахъ, какъ при опредѣленіи имени, то все усиліе знанія будетъ состоять въ приведеніи словъ къ первоначальнымъ опытамъ, т. е. къ фактамъ, которые составляютъ элементы. Если рѣчь идетъ о предметахъ, какъ при опредѣленіяхъ вещей, все дѣйствіе знанія состоитъ въ томъ, что оно соединяетъ факты, чтобы приблизить ограниченную сумму извѣстныхъ свойствъ къ безконечной суммѣ свойствъ, требующихъ изученія. Если же рѣчь идетъ о тѣхъ и другихъ виѣствъ, какъ при опредѣленіи названій, которыя скрываютъ въ себѣ опредѣленіе вещей, оно будетъ стремиться къ той и другой цѣли. Дѣйствіе вездѣ одно и тоже. Вездѣ нужно только или понимать другъ друга, т. е. возвращаться къ фактамъ, или что-нибудь узнать, т. е. соединять одинъ фактъ съ другимъ.

III

— Прекрасно выведено; вотъ логикъ, — это идеи Локке, но развитыя болѣе тонкимъ и крѣпкимъ умомъ. Посмотримъ однакоже, какъ онъ справится съ теоріей доказательствъ. Ее не затрогивали уже двѣ тысячи лѣтъ; на аналитику Аристотеля и геометрію Эвклида смотрятъ, какъ на доказанныя, положительныя, неопровержимыя истины. Что скажетъ Миль противъ такого силлогизма: «Всѣ люди смертны; принцъ Альбертъ человекъ, слѣдовательно онъ смертенъ.» Вотъ образецъ доказательства; всякое сложное доказательство сводится на такія. Что же содержитъ въ себѣ это доказательство? Общее предложеніе, относящееся ко всѣмъ людямъ, въ соединеніи съ частнымъ, касающимся одного человека. Отъ перваго переходятъ ко второму, потому что второе содержится въ первомъ. Отъ общаго переходятъ къ частному, потому что частное содержится въ общемъ. Второе есть только случай перваго; его истина уже заранѣе заключается въ истинѣ перваго, потому-то она и есть истина. Если заключеніе не содержится въ первыхъ посылкахъ, разсужденіе ложно, и всѣ сложныя правила среднихъ вѣковъ были сведены Порт-Ройлемъ въ одно то, что заключеніе должно содержаться въ первыхъ посылкахъ. И такъ вся работа человеческого ума, когда онъ разсуждаетъ, состоитъ въ отысканіи въ частномъ предметѣ того, что онъ знаетъ въ цѣлой группѣ, въ подтвержденіи, въ подробностяхъ того, что сказали о цѣломъ, въ по-

степенномъ положеніи по частямъ того, что сначала уже было положено цѣлкомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, потомучто еслибъ было такъ, говорить Миль, то разсужденіе ни къ чему бы не служило. Оно не прогрессъ, а повтореніе. Когда я утверждаю, что всѣ люди смертны, я вмѣстѣ утверждаю, что и принцъ Альбертъ смертенъ. Говоря о цѣлой группѣ, я говорю о каждой личности, въ ней заключающейся, слѣдственно и о принцѣ Альбертѣ.

Назвавши его отлѣльно, я не скажу ничего новаго. Мое-заключеніе не прибавитъ ничего моему положительному знанію; оно только представитъ въ другой формѣ то, что я уже знаю, слѣдственно оно лишнее. Если это разумѣть подъ именемъ заключенія, то подобное заключеніе ничему не научитъ; мы будемъ только переставлять слова съ мѣста на мѣсто, не подвигаясь впередъ. На самомъ же дѣлѣ, разсужденіе должно приводить насъ къ познанію новыхъ истинъ. То, что принцъ Альбертъ смертенъ, есть для насъ новая истина, и эту истину мы открываемъ посредствомъ разсужденія, потомучто, видя его въ живыхъ, мы не могли увѣряться въ ней посредствомъ опыта. Итакъ логики ошибаются, и сверхъ чисто схоластической теоріи силлогизма, которая сводитъ разсужденіе на подстановку словъ, нужно искать положительной теоріи доказательствъ, которая бы выводила изъ разсужденія новые факты.

Для этого нужно только замѣтить, что общее предложеніе не есть настоящее доказательство частнаго; оно только кажется доказательствомъ. Я вывожу мысль о смертности принца Альберта не изъ общей смертности прочихъ людей; первыя посылки находятся не здѣсь. Главное предложеніе есть только замѣтка, родъ краткаго ресстра, въ которомъ записанъ плодъ моихъ наблюденій; въ него можно заглядывать для памяти, но знаніе почерпается не изъ него, а изъ предметовъ, которые мы видѣли. Значеніе общаго предложенія состоитъ только въ томъ, чтобы приводить на память наблюденія и соединять нѣсколько частныхъ фактовъ. «Смертность Ивана, Тома и комп. есть единственное доказательство смертности принца Альберта.» — «Настоящая причина, заставляющая предполагать, что принцъ Альбертъ умретъ, есть та, что всѣ его и наши предки и всѣ лица имъ современныя умерли. Эти факты и суть настоящіе первыя посылки заключенія.» Изъ нихъ мы вывели общее предложеніе, онѣ сообщили ему его силу и истину; оно только излагаетъ ихъ въ болѣе краткой формѣ, а всю свою сущность получаетъ изъ нихъ; онѣ дѣйствуютъ въ немъ и приводятъ къ заключенію. А оно есть только ихъ выраженіе, безъ котораго можно и обойтись, при случаѣ. Дѣти, невѣжды и животныя знаютъ безъ помощи этого

предложенія, что взойдетъ солнце, что въ водѣ можно утонуть, въ огнѣ сгорѣть: Они разсуждаютъ и мы также разсуждаемъ, не переходя отъ общаго къ частному, а отъ частнаго къ частному. Умъ только переходитъ всегда отъ случаевъ наблюденныхъ къ случаямъ ненаблюденымъ, съ помощью или безъ помощи наименоющихъ формулъ; онѣ служатъ тутъ только для бѣдшаго удобства». — «Еслибъ у насъ была обширная память и способность удерживать въ порядкѣ множество подробностей и частныхъ, мы были бы въ состояніи разсуждать, не прибѣгая къ общему предложенію.»

Здѣсь какъ и выше, логики ошибаются: они ставятъ на первомъ мѣстѣ операціи словесныя и оставляютъ на заднемъ планѣ дѣйствія плодотворныя; они даютъ словамъ преимущество передъ фактами и тѣмъ продолжаютъ поминательную науку среднихъ вѣковъ. Они приняли объясненіе названій за сущность вещей, а преобразование идей за прогрессъ мышленія. Мы должны опровергнуть этотъ порядокъ въ логикѣ, потомучто уничтожили его въ наукахъ, и дать перевѣсъ частнымъ и поучительнымъ наблюденіямъ, однимъ словомъ, дать имъ въ теоріи то мѣсто и значеніе, которое уже триста лѣтъ принадлежитъ имъ въ практикѣ.

IV

— Я еще не спору, а только слушаю. Какъ бы то ни было, это по крайней мѣрѣ ново. Нуженъ былъ смѣлый умъ для преобразования теоріи доказательствъ. Остается только взять еще одну, такъ сказать, философскую крѣпость, въ которой укрываются идеалисты. Въ началѣ всѣхъ доказательствъ лежитъ источникъ доказательствъ, т. е. аксіомы. Двѣ прямыя линіи не могутъ составить круга; двѣ величины, равныя третьей, равны между собою; если къ равнымъ величинамъ прибавлять равныя, то и суммы будутъ равныя; вотъ поучительныя предложенія, потомучто они выражаютъ не значеніе словъ, но отношенія вещей, и предложенія самыя полезныя, потомучто ариметика, алгебра и геометрія суть слѣдствія истинъ, въ нихъ заключающихся. Съ другой стороны однакожъ они не добыты наблюденіемъ, потомучто намъ не нужно видѣть своими глазами двухъ прямыхъ линій, чтобъ убѣдиться, что онѣ не замыкаютъ пространства; намъ достаточно справиться съ нашимъ внутреннимъ понятіемъ объ нихъ; свидѣтельство нашихъ чувствъ въ этомъ случаѣ бесполезно; здѣсь наша вѣра и вся ея сила основывается на простомъ сравненіи нашихъ идей. Притомъ же, наблюденіе можетъ слѣдовать за этими линіями только на разстояніи десяти,

ста, тысячи футовъ, а аксіома оправдана до безконечности; стало-быть уже не на наблюденіи основывается аксіома. Наконецъ, аксіома необходима, стало-быть, противоположное ей невозможно. Мы не можемъ вообразить пространства, заключеннаго двумя прямыми линіями. Какъ скоро мы представимъ себѣ пространство заключенныиъ, линіи перестаютъ быть прямыми; и какъ скоро представимъ двѣ прямыя линіи, пространство перестаетъ быть заключеннымъ. Въ утвержденіи аксіомъ основныя идеи соединяются неодолимо, а въ отрицаніи аксіомъ неодолимо отталкиваются. Въ опытныхъ же предложеніяхъ это не имѣетъ мѣста: они утверждаютъ случайныя отношенія, а не необходимыя; они указываютъ, что два факта соединены, а не то, что два факта должны соединиться; они утверждаютъ, что тѣла тяжелы, а не то, что тѣла должны имѣть тяжесть. Итакъ, аксіомы не могутъ быть слѣдствіемъ наблюденій, потому что ихъ можно создать въ головѣ, безъ наблюденія, и потому, что ихъ истины превосходятъ, въ сущности и силѣ, истины, выведенныя изъ наблюденія. У нихъ другой источникъ, болѣе глубокой. Онѣ идутъ дальше и имѣютъ другое начало.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчаетъ Миль; теперь, какъ и прежде, вы рассуждаете, какъ схоластикъ; вы забываете факты, скрытые за представленіемъ; посмотрите на свой первый аргументъ. Конечно, вы можете открыть безъ помощи глазъ, по одному мысленному созерцанію, что прямыя линіи не составляютъ круга, но это созерцаніе будетъ только перемѣщенное наблюденіе. Воображаемая линія замѣняетъ вамъ настоящія: вы переносите фигуры въ самаго себя, вмѣсто того, чтобъ перенести ихъ на бумагу; ваше воображеніе играетъ роль математической доски; вы доверяете ему, какъ доверяетесь доскѣ, потому что въ отношеніи къ фигурамъ и линіямъ, воображеніе вполне воспроизводитъ ощущеніе. То, что вы видите съ открытыми глазами, вы, минуто спустя, точно также видите съ закрытыми, и вы изучаете геометрическія особенности, перенесенныя на внутреннее поле зрѣнія, точно также, какъ изучали бы ихъ въ полѣ внѣшняго зрѣнія. И такъ существуетъ наблюденіе головою, какъ наблюденіе глазами; основываясь на такомъ-то наблюденіи, вы и не допускаете, чтобы прямыя линіи могли заключить пространство, даже если бы были продолжены до безконечности. Вамъ не нужно для этого слѣдить за ними до безконечности, стоитъ только вернуться воображеніемъ на то мѣсто, гдѣ онѣ сходятся въ одной точкѣ и вы получите впечатлѣніе сгибающейся линіи, т. е. такой, которая перестала быть прямою. Воображаемое присутствіе замѣняетъ вамъ дѣйствительное присутствіе вещи; первое есть тоже, что и второе, только болѣе гибкое, подвижное, могущее прости-

рельефа горъ и долинъ. Это телескопъ, вѣсто глаза; свидѣтельства телескопа составляютъ различныя предложенія, значить и свидѣтельства воображенія суть столь же опытыя... Что же касается до аргумента, различающаго аксіомы и предложенія опытыя, на томъ основаніи; что противоположное однимъ невозможно, а противоположное другимъ возможно, то онъ несправедливъ, потому что это различіе не существуетъ. Почему нельзя принять, что мы можемъ допустить противоположное однимъ опытнымъ предложеніямъ и не можемъ допускать противоположнаго другимъ? Это зависитъ отъ устройства нашего ума. Очень возможно, что въ некоторыхъ случаяхъ, онъ способенъ отвергнуть свои наблюденія, а въ некоторыхъ вѣтъ; что иногда познаніе разнится отъ воспріятія, а иногда нѣтъ. Въ некоторыхъ случаяхъ вѣшнее созерцаніе разнится отъ внутренняго, а въ другихъ нѣтъ. Мы уже видѣли, что въ геометрическихъ фигурахъ внутреннее созерцаніе совершенно вѣрно воспроизводитъ вѣшное зрѣніе. Значать, въ аксіомахъ фигуръ, внутреннее созерцаніе не будетъ противоположно вѣшному; воображеніе не противорѣчитъ ощущенію. Другими словами, противоположное аксіомамъ будетъ невозможно. И такъ, аксіомы, хотя противоположное имъ и невозможно, принадлежать къ наблюдѣніямъ извѣстнаго рода и потому-то, что онѣ суть извѣстнаго рода наблюденія, невозможно имъ противоположное. Отсюда вытекаетъ одно и то же заключеніе, которое и есть сокращеніе системы: всякое плодотворное и поучительное предложеніе происходитъ изъ наблюденія и есть только связь фактовъ.

V

— Это настоящее чудо философской стратегіи. Вотъ вы и разбили или привлекли на свою сторону лучшихъ непріятельскихъ воиновъ. Нѣтъ болѣе источниковъ науки, нѣтъ лабораторій! Нѣтъ ключа къ природѣ, кромѣ наведенія!

— Конечно.

— Что-жъ такое наведеніе, но Милю?

— Это операція, «которая открываетъ и доказываетъ общія предложенія. Это дѣйствіе, по которому мы заключаемъ, что справедливое въ отношеніи къ одному недѣльному, справедливо въ отношеніи къ цѣлому классу, или, что то, что справедливо въ одну эпоху, будетъ справедливо во всѣ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ». Это разсужденіе, по которому, замѣтивши, что Иванъ и Петръ и боль-

шее или меньшее количество другихъ умерли, мы заключаемъ, что всякій человѣкъ умретъ.

— Хорошо, выводъ соединяетъ смертность и качество человѣка, т. е. два общихъ факта, обыкновенно слѣдующихъ другъ за другомъ, и объявляетъ, что первый есть *причина* второго. Вотъ еще метафизическое слово. Что-то съ намъ сдѣлаетъ Миль?

— Онъ изгоняетъ его, какъ и всѣ другія. Когда онъ говоритъ, что соприкосновеніе желѣза съ сырымъ воздухомъ производитъ ржавчину, или что теплота расширяетъ тѣла, онъ не упоминаетъ о таинственной связи, посредствомъ которой метафизики соединяютъ причину и дѣйствіе. Онъ не занимается внутренней силой и образовательной способностью, которую нѣкоторые философы ставятъ между производителемъ и произведеніемъ. «Единственное понятіе, въ которомъ нуждается въ этомъ случаѣ индукція, можетъ быть дано наблюденіемъ», говоритъ онъ. Мы видимъ изъ наблюденія, что въ природѣ есть неизмѣнная послѣдовательность, что каждому факту предшествуетъ другой фактъ. Мы называемъ причину *неизмѣнное предшествующее*, а дѣйствіемъ *неизмѣнное послѣдующее*. Другого значенія мы не придаемъ этимъ словамъ. Мы хотимъ только сказать, что, всегда и вездѣ, соприкосновеніе желѣза съ сырымъ воздухомъ поведетъ за собой появленіе ржавчины, а теплота — расширение тѣлъ. «Настоящая причина есть рядъ условій, совокупность предшествующихъ явленій, безъ которыхъ не могло бы быть взятаго нами слѣдствія... различіе между причиной явленія и его условіями не имѣетъ научнаго основанія... Причина есть сумма отрицательныхъ и положительныхъ условій, взятыхъ вмѣстѣ, итогъ всякаго рода случайностей, за которыми, если они существуютъ, неизмѣнно слѣдуетъ извѣстное слѣдствіе». Много кричатъ о словѣ *необходимый*. «Необходимое, то, что не можетъ не существовать, есть то, что случится, каковы бы ни были наши предположенія относительно всѣхъ другихъ вещей.

Вотъ все, что хотятъ сказать, когда говорятъ, что понятіе о причинѣ заключаетъ понятіе необходимаго. Хотятъ сказать, что предшествующее такъ полно, что нѣтъ надобности предполагать ничего кромѣ его, что оно содержитъ въ себѣ всѣ условія, и, вмѣсто его, никакое условіе не нужно. Безусловная послѣдовательность — вотъ все объясненіе причины и дѣйствія. Другого мы не имѣемъ. Философы ошибаются, открывая въ нашей волѣ типъ причины и объясняя, что въ ней мы находимъ дѣйствующую причину въ самомъ дѣйствіи. Мы не видимъ въ ней ничего подобнаго. Въ ней, какъ и во всемъ другомъ, мы видимъ только неизмѣнную послѣдовательность. Мы не видимъ факта, который бы порождалъ другой фактъ, но только фактъ,

слѣдующій за другимъ фактомъ. «Наша воля, говоритъ Миль, порождаетъ наши тѣлесныя дѣйствія, какъ холодъ порождаетъ ледъ или какъ искра производитъ выстрѣлъ изъ пушки». Тутъ есть предшествующее, какъ и вездѣ, выраженное въ рѣшимости или состояніи духа, и послѣдующее—усиліе или физическое ощущеніе. Наблюденіе ихъ соединяетъ и даетъ намъ предвидѣть, что усиліе послѣдуетъ за рѣшимостью точно также, какъ выстрѣлъ за прикосновеніемъ искры. Оставимъ психологическія иллюзіи и будемъ просто видѣть, подъ именемъ дѣйствія и причины, явленія, которыя *составляютъ пары, безъ исключенія и условія.*

Чтобы устанавливать эти опытные соединенія, Миль открылъ четыре метода, и только четыре : методъ согласованій, методъ различій, методъ остатковъ и методъ параллельныхъ измѣненій. Вотъ единственные пути къ природѣ. Они встрѣчаются всюду, и черезъ множество поворотовъ, по безчисленному множеству направленій, приводятъ насъ къ вершинамъ, до которыхъ достигли наши науки. Они объясняютъ своими границами и протяженіемъ наши успѣхи и безсиліе. Изучая ихъ, можно узнать, почему одна наука окончена, а другая только получила начальное очертаніе; какими средствами зарождающіяся науки преобразовываются въ науки установившіяся; какіе успѣхи возможны для нашего знанія и какихъ усилій оно не должно предпринимать.

Вотъ пятьдесятъ тиглей съ растопленнымъ веществомъ, которыми дають охладиться, и пятьдесятъ растворовъ, которыми дають испаряться; во всѣхъ происходитъ кристаллизація. Сахаръ, сѣра, хлористый натрій, вещества, температуры, обстоятельства, все различно. Мы находимъ во всемъ одинъ общій фактъ, переходъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, и заключаемъ, что этотъ переходъ есть необходимое предшествующее кристаллизаціи. Вотъ примѣръ методы согласованій: основное его правило: если два или нѣсколько случаевъ разсматриваемаго явленія имѣютъ только одно общее обстоятельство, это обстоятельство есть его причина или дѣйствіе.

Вотъ птица, которая дышетъ въ воздухѣ; погрузимъ ее въ угольную кислоту, — она перестанетъ дышать. Уничтоженіе дыханія встрѣчается во второмъ случаѣ, и не встрѣчается въ первомъ; впрочемъ оба случая сходны, потому что въ обоихъ дѣло идетъ о той же птицѣ и почти въ ту же минуту; они различаются по одному обстоятельству, погруженію въ угольную кислоту, вмѣсто воздуха. Изъ этого заключаютъ, что это обстоятельство есть одно изъ неизмѣнныхъ, предшествующихъ прекращенію дыханія. Вотъ примѣръ методы различій; ея основное правило то, что «если случай, въ которомъ встрѣчается разсматриваемое явленіе и случай, въ которомъ

оно не встрѣчается, имѣютъ всѣ одинаковыя обстоятельства, **кроме** одного, это одно и есть причина или дѣйствіе явленія».

Положимъ у насъ двѣ группы, одна изъ предыдущихъ, другая изъ послѣдующихъ; всѣ предыдущіе связаны съ ихъ послѣдующими, **кроме** одного, также и всѣ послѣдующіе, исключая также одного. Можно заключить, что оставшееся предыдущее соединится съ оставшимся послѣдующимъ. Напр. физики, рассчитавъ по закону распространенія звуковой волны, какова должна быть скорость звука, нашли, что на дѣлѣ звукъ доходить скорѣе, нежели показываесть расчетъ. Этотъ излишекъ или остатокъ скорости есть послѣдующее и предполагаетъ предыдущее; Лапласъ напользъ это предыдущее въ теплотѣ, происходящей отъ сгущенія каждой звуковой волны, и введеніе этого новаго элемента въ вычисленіе сдѣлало его вполне вѣрнымъ. Вотъ примѣръ методы остатковъ: ея правило: «если отдѣлить отъ явленія часть, составляющую слѣдствіе извѣстныхъ предыдущихъ, остатокъ явленія будетъ слѣдствіемъ остающихся предыдущихъ».

Возьмемъ два факта: существованіе земли и качаніе маятника, или существованіе луны и приливы и отливы. Чтобъ прямо соединить эти два явленія вмѣстѣ, нужно бы было уничтожить первое и провѣрить, послѣдуетъ ли за нимъ уничтоженіе второго. Это уничтоженіе, въ обоихъ случаяхъ, матеріально невозможно. Поэтому мы употребимъ косвенный путь для соединенія этихъ двухъ явленій. Мы замѣчаемъ, что всѣ измѣненія въ одномъ соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ другомъ, что всѣ качанія маятника соотвѣтствуютъ различнымъ положеніямъ земли, что всѣ обстоятельства повышенія и пониженія воды соотвѣтствуютъ положенію луны. Изъ этого мы заключаемъ, что второй фактъ есть предыдущее перваго. Вотъ примѣръ методы параллельныхъ измѣненій: ея основное правило: «если одно явленіе измѣняется какимъ нибудь образомъ; каждый разъ, когда измѣняется другое; то первое есть прямая или косвенная причина или слѣдствіе второго».

Замѣйте, что всѣ эти дѣйствія основаны на исключеніяхъ, и дѣйствительно, наведеніе есть ничто иное, какъ исключеніе. У насъ двѣ группы, одна изъ предшествующихъ, другая изъ послѣдующихъ, каждая содержитъ болѣе или менѣе элементовъ, напр. десять. Съ какимъ предшествующимъ соединить послѣдующее, первое съ третьимъ, шестымъ или десятымъ? Весь вопросъ и заключается въ этомъ.

Чтобъ разрѣшить его, надо исключить предшествующія, не связанные съ рассматриваемымъ послѣдующимъ.

«Метода различій, говоритъ Миль, основана на томъ, что все, чего нельзя исключить, связано закономъ съ явленіемъ.

«Метода согласованій основана на томъ, что все, могущее быть исключеннымъ, не связано закономъ съ явленіемъ.

«Метода остатковъ есть видоизмѣненіе метода различій, точно также и метода параллельныхъ измѣненій, съ тѣмъ только различіемъ, что она относится не къ явленіямъ, а къ ихъ измѣненіямъ».

Въ сущности, все дѣло въ составленіи паръ (couples), а составлять ихъ можно только изолируя ихъ.

VI

— Совершенно ясно и основательно; но это еще не всѣ приемы наукъ.

— Подождите, эти ведутъ къ другимъ. Вы увидите, какъ у Мила все находится въ связи. Это одинъ изъ самыхъ строгихъ умовъ. Конечно, эти приемы изолированія во многихъ случаяхъ недостаточны и въ тѣхъ именно, гдѣ дѣйствіе, произведенное совокупностью причинъ; не можетъ раздѣлиться на свои элементы. Тогда методы изолированія неприложимы. Мы не можемъ исключать, значить, не можемъ и дѣлать наведенія.

Это важное затрудненіе встрѣчается почти во всѣхъ случаяхъ движенія, потому что всякое движеніе есть дѣйствіе совокупности силъ и взаимныя дѣйствія различныхъ силъ сливаются въ немъ до такой степени, что нельзя раздѣлить ихъ, не уничтоживъ движенія; такъ что невозможно узнать, какое участіе имѣла въ немъ каждая сила взятая отдѣльно.

Возьмите тѣло, движимое двумя силами, направленія которыхъ образуютъ уголъ; оно движется по діагонали; каждая часть, каждое мгновеніе, каждое положеніе, каждый элементъ его движенія есть соединенное дѣйствіе двухъ движущихъ силъ. Оба дѣйствія такъ проникаютъ одно въ другое, что нельзя отдѣлить одно и отыскать его источникъ. Чтобы увидѣть каждое дѣйствіе отдѣльно, нужно бы было наблюдать различныя движенія, т. е. уничтожить данное движеніе и замѣнить его другими. Ни метода согласованій или различій, ни метода остатковъ или совпадающихъ измѣненій, такъ какъ всѣ они основаны на разложеніяхъ и исключеніяхъ, не могутъ быть употреблены съ явленіемъ, которое по природѣ не допускаетъ исключенія и разложенія. Надо обойти препятствіе и тутъ-то представится послѣдній ключъ природы, метода дедукціи, выведенія. Мы оставляемъ явленіе въ сторонѣ и беремъ другія,

болѣ простыя , опредѣляемъ ихъ законы и соединяемъ каждое съ его причиною , посредствомъ обыкновеннаго наведенія ; потомъ , предполагая совокупное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ подобныхъ причинъ , мы заключаемъ , по ихъ извѣстнымъ законамъ , каково должно быть ихъ общее слѣдствіе . Мы провѣряемъ потомъ сходно ли данное движеніе съ предсказаннымъ нами и , если сходно , то приписываемъ его причинамъ , изъ которыхъ оно выведено . Такимъ образомъ , чтобы открыть причины движенія планетъ , мы отыскиваемъ посредствомъ простыхъ наведеній законы двухъ его причинъ , одной , состоящей въ первоначальномъ толчкѣ по касательной линіи , другой , состоящей въ ускоряющей силѣ притяженія . Изъ этихъ законовъ , добытыхъ наведеніемъ , мы выводимъ посредствомъ вычисленія движеніе тѣла , которое бы подвергалось ихъ совокупному дѣйствію , и провѣривъ , что наблюдаемая движенія планетъ совершенно соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ нами движеніямъ , мы заключаемъ , что обѣ упомянутыя силы суть дѣйствительныя причины движенія планетъ . «Этой методѣ , говоритъ Миль , человѣческой умъ обязанъ величайшими своими побѣдами . Благодаря ей , мы нашли всѣ теоріи , соединяющія обширныя и сложныя явленія въ нѣсколько простыхъ законовъ» . Ея обходы довели насъ далѣе , нежели прямой путь ; изъ своего несовершенства она извлекла свою силу .

Если мы сравнимъ теперь эти двѣ методы , ихъ удобство , заслуги , область , то найдемъ въ сокращенномъ видѣ исторію , раздѣленія , надежды и границы человѣческой науки . Первая является въ началѣ , вторая въ концѣ . Владычество первой было во времена Бэкона , и теперь начинаетъ падать ; сила второй должна была потеряться во времена Бэкона , но теперь начинаетъ возрастать ; такъ что наука прежде перешла отъ дедукціи къ наблюденію , а теперь отъ наблюденія переходитъ къ дедукціи . Область первой состоитъ въ явленіяхъ разложимыхъ и надъ которыми можно дѣлать опыты ; область второй содержитъ явленія неразложимыя , надъ которыми опытовъ мы дѣлать уже не можемъ . Первая сильна въ физикѣ , зоологіи , ботаникѣ , на первыхъ ступеняхъ каждой науки , всюду , гдѣ явленія не очень сложны , пропорціональны нашивъ силамъ , примѣняемы доступными намъ средствами . Вторая могущественна въ астрономіи , въ высшихъ отдѣлахъ физики , въ физиологіи , въ исторіи , на послѣднихъ ступеняхъ каждой науки , всюду , гдѣ явленія очень сложны , какъ напримѣръ жизнь животная и общественная , или не легко доступны для насъ , какъ движенія небесныхъ тѣлъ и измѣненія земной коры . Если надлежащей методы не употребляется , наука останавливается ; если прилагается надлежащая

метода, наука идетъ впередъ. Въ этомъ вся тайна ея прошедшаго и будущаго. Если до Бэкона естественныя науки не сдѣлали шага впередъ, то потому только, что прибѣгали къ дедукціи, вмѣсто наведенія. Если физиологія и нравственныя науки въ настоящее время еще не разработаны, это потому, что дѣлаютъ наведенія, тогда какъ нужна дедукція. Посредствомъ дедукціи и законовъ физическихъ и химическихъ можно будетъ объяснить физиологическія явленія. Посредствомъ дедукціи и законовъ мышленія можно надѣяться объяснить явленія историческія. То, что служитъ орудіемъ этимъ дамъ наукамъ, составляетъ цѣль всѣхъ другихъ. Всѣ стремятся стать дедуктивными и совмѣститься въ немногихъ главныхъ предложеніяхъ, изъ которыхъ можно бы было вывести остальное. Чѣмъ малочисленнѣе эти предложенія, тѣмъ больше успѣховъ сдѣлала наука. Чѣмъ меньше наука требуетъ предположеній и данныхъ, тѣмъ она совершеннѣе. Это сжатіе есть ея конечное состояніе. Астрономія, акустика, оптика дошли до этой точки. Мы будемъ знать природу, когда будемъ въ состояніи вывести ея милліоны фактовъ изъ двухъ или трехъ законовъ.

Осмѣлюсь сказать, что теорія, которую вы слышали, безукоризненна. Я пропустилъ многія частности, но вы довольно видѣли, чтобъ убѣдиться, что никогда наведеніе не было объяснено съ болѣею точностью и съ такимъ множествомъ тонкихъ и вѣрныхъ различій, съ такими обширными и точными примѣненіями, съ такимъ званіемъ употребительности пріемовъ и всѣхъ открытій, съ болѣе совершеннымъ исключеніемъ принциповъ аргюи и метафизическихъ предположеній, въ духѣ болѣе согласномъ съ строгими правилами новѣйшаго опыта. Вы меня сейчасъ спрашивали, что мы сдѣлали въ области философіи; я отвѣчаю: теорію наведенія. Милль есть послѣдній въ великомъ ряду, начатомъ Бэкономъ и продолжаемомъ Гоббсомъ, Ньютономъ, Локке, Юмомъ, Гершелемъ, до нашего времени.

Они внесли въ философію нашъ національный духъ; они были положительны и практики; они не заносились выше фактовъ, не прокладывали необыкновенныхъ дорогъ; они очистили человѣчскій мозгъ отъ его иллюзій, претензій и фантазій; они употребили его тамъ, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ дѣйствовать; они хотѣли только освѣтить путь, уже проложенный истинно плодотворными науками. Они не хотѣли тратить труда внѣ пути, уже изслѣдованнаго и провѣреннаго. Они помогали общему современному труду, открытію законовъ, примѣняемыхъ къ дѣлу; они способствовали, какъ ученые спеціалисты, къ увеличенію могущества человѣка. Найдите мнѣ другую философію, которая сдѣлала бы столько же.

VII

— Ничто на свѣтѣ не обходится даромъ. Вѣроятно вашъ философъ подрѣзалъ себѣ крылья, чтобъ укрѣпить ноги.

— Конечно; и очень хорошо сдѣлалъ. Наблюденіе ограничиваетъ путь, который намъ открываетъ; оно даетъ намъ цѣль и указываетъ предѣлы.

Стоять только рассмотреть элементы, которые его составляютъ, и случаи, отъ которыхъ оно беретъ начало, чтобъ понять, что его протяженіе ограничено. Его природа и его дѣйствія сводятъ его путь на вѣсколько шаговъ. Во первыхъ, послѣдніе законы природы должны быть не менѣе многочисленны, какъ и различные виды нашихъ ощущеній. Мы можемъ свести одно движеніе въ другое, но не можемъ свести ощущеніе тепла на ощущеніе запаха или цвѣта, или звука, и не можемъ свести какое нибудь ощущеніе на движеніе; мы можемъ свести одно на другое явленія различныхъ степеней, но не различныхъ видовъ. Мы находимъ отдѣльныя ощущенія въ основаніи всѣхъ нашихъ познаній, какъ простые, неразлагаемые элементы, совершенно неспособные къ сведенію однихъ на другіе. Наблюденіе не въ силахъ уничтожить этого различія, которое лежитъ въ его основѣ; съ другой стороны, оно не можетъ уклониться отъ условій, при которыхъ дѣйствуетъ. Какая бы ни была его область, оно все-таки ограничено пространствомъ и временемъ; фактъ, который оно разсматриваетъ, ограниченъ и имѣетъ начало отъ безчисленнаго множества другихъ, которые ему недоступны. Оно принуждено предположить какую нибудь исходную точку, съ которой оно начинается, но которой не объясняетъ.

Всякая проблема имѣетъ случайныя и произвольныя данныя: изъ нихъ выводится остальное, но онѣ ни изъ чего не выведены. Солнце, земля, планеты, начало движенія небесныхъ тѣлъ, первоначальныя свойства химическихъ веществъ принадлежатъ къ этимъ даннымъ. Еслибъ онѣ всѣ были намъ доступны, мы все объяснили бы посредствомъ ихъ, но не объяснили бы ихъ самихъ. «Почему, спрашиваетъ Миль, явились въ началѣ именно эти дѣятели? почему онѣ перемѣшаны въ извѣстной пропорціи? почему онѣ расположены, тѣмъ или другимъ образомъ, въ пространствѣ?» Вотъ вопросъ, на который мы не въ состояніи отвѣчать. Мы не видимъ даже правильности къ этому распредѣленію, мы не можемъ свести его на какой-нибудь законъ. Совокупность этихъ дѣятелей для насъ случайность. Сама астрономія, которая сейчасъ представля-

дась намъ образцомъ оконченной науки, кажется уже теперь образцомъ науки ограниченной. Мы можемъ предсказать безчисленныя положенія небесныхъ тѣлъ, но должны предполагать, кромѣ первоначальнаго толчка и степеней его силы, кромѣ притягательной силы и ея закона, навѣстныхъ массы и разстоянія тѣлъ, о которыхъ мы говоримъ. Мы понимаемъ миллионы фактовъ, но съ помощью сотенъ другихъ фактовъ, которые для насъ необъяснимы; мы достигаемъ необходимыхъ послѣдствій, при помощи случайныхъ предположеній, такъ что, еслибъ теорія вселенной была закончена, въ ней оставалось бы два большихъ пробѣла: одинъ въ началѣ физическаго міра, другой въ началѣ нравственнаго; одинъ, заключающій въ себѣ начальные элементы существъ, другой, заключающій элементы наблюденій; одинъ, содержащій первоначальныя сужденія, другой — первоначальныя дѣйствующія силы.

«Наша наука, говоритъ вашъ Ройе-Колларъ, состоитъ въ томъ, чтобы почерпнуть незнаніе изъ самыхъ отдаленныхъ источниковъ».

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, утверждать, что эти неприводимыя данныя только кажутся намъ такими, что они таковы только относительно къ нашему уму? Можемъ ли мы сказать, что онѣ имѣютъ причины, какъ и выведенныя изъ нихъ факты? Можемъ ли мы рѣшить, что всякое происшествіе, во всякій моментъ въ пространствѣ и времени, случается по законамъ, и что нашъ маленькій міръ, такъ хорошо устроенный, есть сокращеніе большого? Можемъ ли мы, съ помощью какой-нибудь аксіомы, выйти изъ нашей тѣсной рамки и сказать что-нибудь утвердительное о вселенной? Никакимъ образомъ. И тутъ-то Миль доходитъ до крайнихъ послѣдствій, потому что законъ, приписывающій причину каждому явленію, не имѣетъ для него другого основанія, другой цѣны и другого примѣненія, кромѣ нашего наблюденія. Онъ не заключаетъ въ самомъ себѣ своей необходимости, и получаетъ свою силу отъ множества случаевъ, въ которыхъ его признали вѣрнымъ; онъ только резюмируетъ сумму наблюденій, соединяетъ двѣ данныя, которыя, рассматриваемыя сами по себѣ, не имѣютъ внутренней связи; онъ соединяетъ предшествующее и послѣдующее взятое вообще, какъ законъ тяготѣнія соединяетъ предшествующее и послѣдующее взятое въ частности; онъ указываетъ на пару, какъ и всѣ другіе опытные законы, и подобно всѣмъ имъ не говоритъ ничего рѣшительнаго. Вслушайтесь въ эти твердыя слова: «Я убѣжденъ, что если бы человѣкъ, привыкшій къ умозрѣніямъ и анализу, добросовѣстно употреблялъ свои способности, для него не было бы трудно понять, при извѣстномъ настроеніи воображенія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр.,

въ одной изъ твердей, изъ которыхъ звѣздная астрономія составляетъ теперь вселенную, явленія могутъ происходить случайно, безъ опредѣленнаго закона; ничто въ нашихъ наблюденіяхъ и нашемъ умственномъ устройствѣ не даетъ намъ достаточной причины, и даже какой бы то ни было причины, думать, что это нигдѣ не имѣетъ мѣста.» Практически, мы можемъ положиться на такой твердо установившійся законъ, но «въ отдаленныхъ частяхъ звѣздныхъ пространствъ, гдѣ явленія могутъ быть совершенно различны отъ извѣстныхъ уже намъ, было бы сумасшествіемъ смѣло утверждать владычество этого общаго закона, какъ было бы неразумно утверждать существованіе всѣхъ частныхъ законовъ, имѣющихъ мѣсто на нашей планетѣ.» Итакъ, мы безвозвратно изгнаны изъ безконечности; наши способности и наши выводы не могутъ до нея достигнуть, мы остаемся заключенными въ тѣсномъ кругу; нашъ умъ не возвышается далѣе наблюденія; мы не можемъ установить, между фактами, необходимой всеобщей связи. Можетъ быть между фактами и вовсе не существуетъ никакой необходимой и всеобщей связи. Миль останавливается на этомъ, но конечно, доведя его мысль до конца, нужно смотрѣть на міръ, какъ на простое собраніе фактовъ. Никакая внутренняя необходимость не производитъ ихъ связи и существованія. Они суть чистыя данныя, т. е. случайности. Иногда, какъ въ нашей системѣ, они сгруппировываются такъ, что даютъ правильныя повторенія; иногда они сгруппированы такъ, что этихъ повтореній не бываетъ вовсе. Такимъ образомъ случай, какъ у Демокрита, былъ бы въ самомъ корнѣ вещей: Изъ него, тамъ и сямъ, то простекали бы законы, то вовсе не простекали бы. Съ существами было бы тоже, что съ числами, напр. съ дробями, которыя, смотря по двумъ первоначальнымъ факторамъ, то развертываются, то не развертываются въ правильные періоды. Вотъ, безъ сомнѣнія, смѣлое и оригинальное понятіе. Оно составляетъ крайнее слѣдствіе первоначальной и господствующей идеи, которую мы видѣли въ началѣ системы, которая преобразовала теорію опредѣленія, предложенія и силлогизма, которая превратила аксіомы въ наблюдательныя истины, которая развила и усовершенствовала теорію наведенія, опредѣлила цѣль, предѣлы, области и методы науки, которая въ природѣ и наукѣ, вездѣ исключила внутреннія связи, замѣнила неизбѣжное случайнымъ, причину предельнымъ и которая утверждаетъ, что всякое полезное положеніе должно имѣть слѣдствіемъ образованіе паръ, т. е. соединеніе двухъ фактовъ, раздѣльныхъ по своей природѣ.

II, ОТВЛЕЧЕНИЕ (abstraction)

I

— Бездна случая и бездна невѣденія... Перспектива мрачна; но что за дѣло, если она справедлива, но крайней мѣрѣ это чисто англійская теорія науки. Я согласенъ, что рѣдко мыслитель лучше выразилъ, въ своей доктринѣ, практическую сторону своей націи; рѣдко человекъ вѣрнѣе изображалъ своими отрицаніями и открытіями предѣлы и мѣру познаній своего племени; онъ составляетъ науку изъ тѣхъ пріемовъ, которые вамъ наиболѣе сподручны и утѣшаетъ всѣ тѣ, которыхъ вамъ недостаетъ больше, чѣмъ кому либо. Онъ изобразилъ англійскій умъ, думая изобразить умъ общечеловѣческій. Въ этомъ его слава, но въ этомъ же и его слабость. Въ вашей идеѣ о познаніи есть пробѣлъ, который, постоянно умножаемый на самого себя, образуетъ ту бездну случайности, изъ которой, по его мнѣнію, рождаются вещи, и ту пропасть невѣденія, на краю которой, по его мнѣнію, должна остановиться наука. Посмотрите, что изъ этого выходитъ. Исключая изъ науки познаніе первыхъ причинъ, т. е. причинъ божественныхъ, вы доводите человека до скептицизма, положительности, утилитарности, если у него сухой умъ, или дѣлаете его мистикомъ, экзальтированнымъ методомъ, если онъ одаренъ живымъ воображеніемъ. Въ той невѣдомой пустотѣ, которую вы ставите за предѣлами нашего маленькаго міра, человекъ съ горячей головой, или съ печальной совѣстью, можетъ помѣстить всѣ свои мечтательные призраки, тогда какъ человекъ съ холоднымъ разсудкомъ, не надѣясь достигнуть чего-нибудь высшаго, долженъ весь погрузиться въ практическія изслѣдованія объ улучшеніяхъ матеріальнаго быта. Мнѣ кажется, чаще всего, эти двѣ крайности встрѣчаются въ головѣ англичанина. Религіозность и духъ положительности уживаются у него рядомъ, но иная другъ другу. Это составляетъ странную смѣсь, и мнѣ, признаюсь, болѣе нравится нѣмецкій способъ примиренія религіи съ наукой.

— Не нѣмецкая философія ничто иное, какъ дурно написанная новизна.

— Можетъ быть.

— Но то, что они называютъ разумомъ или умозрѣніемъ начальъ, есть только способность строить гипотезы.

- Может быть.
- Но ихъ системы не устояли противъ наблюденій.
- Я и не вступаю за ихъ творенія.
- Но ихъ абсолютное, ихъ субъектъ и объектъ и прочее, все это одни громкія слова.
- Отступаюсь и отъ ихъ слога.
- Чтоже вамъ нравится?
- Ихъ идея о причинѣ.
- Такъ вы тоже думаете, что причины могутъ быть открыты отпавленіемъ разума?
- Совсѣмъ нѣтъ.
- Такъ вы согласны съ нами, что причину можно открыть простымъ наблюденіемъ?
- Ни мало.
- Такъ вы находите, что, кромѣ наблюденія и разума, существуетъ другая способность открывать причины?
- Да.
- Вы думаете, что, есть средняя операція, занимающая мѣсто между разумомъ и наблюденіемъ, способная достигать началъ, какъ говорить о первомъ, и достигнуть истины, какъ мы знаемъ о второмъ?
- Да.
- Чтожъ это такое?
- Отвлеченіе. Возьмемъте снова вашу начальную идею; я стараюсь доказать, въ чемъ нахожу ее неполной и почему мнѣ кажется, что вы уродуете человѣческій умъ. Только мнѣ нужно много времени.

Ваша начальная точка хороша: въ самомъ дѣлѣ, человекъ не знаетъ сущности, онъ не знаетъ ни духа, ни тѣла, онъ видитъ только свои внутреннія состоянія, прехолящія и изолированныя, онъ пользуется этимъ, чтобъ опредѣлить и означить наружныя проявленія, положенія, движенія, перемѣщенія и не прилагаетъ своего знанія ни къ чему другому. Онъ достигаетъ только фактовъ, внутреннихъ или внешнихъ, то прехолящихъ, если его впечатлѣніе не повторяется, то постоянныхъ, если его впечатлѣніе, повторившись нѣсколько разъ, приведетъ его къ мысли, что оно будетъ повторяться каждый разъ, когда онъ захочетъ. Онъ воспринимаетъ только цвѣта, звуки, сопротивленія, движенія, то быстрыя и разнообразныя, то сходныя и повторяющіяся. Онъ предполагаетъ свойства и качества только на словахъ, для болѣе удобной группировки фактовъ. Мы идемъ даже далѣе васъ, мы думаемъ, что нѣтъ ни духа, ни тѣла, но просто группы движеній видимыхъ или нео-

возможны в группы мыслей действительных или возможных. Мы думаем, что быть сущности, но только есть системы фактов. Мы смотрим на идеи о сущности, какъ на психологическую иллюзию. Мы считаемъ сущность, силу и всё метафизическія существа, оставшія схоластическихъ доктринахъ. Мы думаемъ, что на свѣтѣ есть только факты и законы, т. е. явления и ихъ соотношенія, и признаемъ вѣсели съ ними, что всякое знаніе состоитъ прежде всего въ связи или сложеніи фактовъ. Но, вслѣдъ за этимъ, начинается новая операція, самая изодовитая изъ всѣхъ; состоящая изъ разложенія этихъ сложныхъ данныхъ въ простыя. Является величайшая способность, источникъ языка, источниковательница природы, вступивши религіи и философіи, единственное отличие человека отъ животныхъ и великихъ людей отъ обыкновенныхъ, т. е. способность *отвлеченія* или способность отбавлять элементы фактовъ и разсматривать ихъ отбавно. Я сажу глазами контуръ квадрата и отвлеченіе изолируетъ двѣ существенныя особенности, равенство боковъ и угловъ. Пальцы мои дотрогиваются до поверхности цилиндра и отвлеченіе изолируетъ два главныхъ элемента: прямоугольность и вращеніе его около одной изъ своихъ сторонъ, признавая за ось. Сто тысячъ опытовъ раскрываютъ мнѣ черезъ бесчисленное множество подробностей рядъ физиологическихъ операцій, составляющихъ жизнь, и отвлеченіе изолируетъ направленіе этого ряда, который есть ничто иное, какъ круговоротъ постоянной потерп и постоянного возобновленія. 1200 страницъ излагаютъ мнѣ сужденіе Милля о различныхъ частяхъ науки; отвлеченіе изолируетъ его основную идею, что единственными полезными предложеніями суть тѣ, которыя присоединяютъ одинъ фактъ къ другому факту, не содержащемуся въ первомъ. Такъ всюду повторяется одно и то же. Всякое фактъ или рядъ фактовъ можетъ быть разбѣшенъ на свои составныя части. Этого разложенія требуютъ, когда спрашиваютъ о природѣ предмета. Этимъ же составнымъ частямъ ищутъ, когда хотятъ проникнуть во внутренность существа. Ихъ обозначаютъ именами фактовъ, причинъ, законовъ, сущностей, первоначальныхъ качествъ. Они не новый фактъ, прибавленный къ первымъ, но часть, вытекающая изъ него: они содержатся въ самыхъ фактахъ и суть ничто иное, какъ эти факты. Отрывая ихъ, не переходятъ отъ одной линіи къ другой, но отъ той же къ той же, отъ дѣлаго къ частямъ, отъ сложнаго къ составнымъ частямъ. Одну и ту же вещь видятъ также въ двухъ формахъ, сначала цѣлую, потомъ раздѣленную; это переводъ одной и той же идеи съ одного языка на другой, съ языка чувствительнаго на языкъ абстрактный, такъ точно, какъ переводятъ красную линію на уравненіе, какъ выражаютъ кубъ функцией

одного изъ его реберъ. Что нужно, если этотъ переходъ труденъ, если для него нѣтъ нужно огромное собраніе или среднее собрание, если иногда нашъ умъ падаетъ, не достигнуть цѣли; не въ этомъ дѣло. Все-таки въ этой операціи, очевидно плодотворной, вмѣсто перехода отъ одного факта къ другому, переходятъ отъ одного же къ тому же; вмѣсто прибавленія одного наблюденія къ другому, оставляютъ въ сторонѣ какую-нибудь часть перваго; вмѣсто того, чтобы идти впередъ, останавливаются и роютъ на одномъ мѣстѣ. Стало быть, существуютъ сужденія поучительныя, но основаныя на опытахъ; есть предложенія, рассматривающія сущности, и однакоже не словесныя; значить есть операція, отличная отъ наблюденія, дѣйствія которой состоятъ изъ исключеній, вмѣсто присоединенія; которая не ищетъ прибрѣтеній, а работаетъ надъ прибрѣтенными данными, и, возвышаясь надъ наблюдениемъ, открываетъ наукамъ новый путь, опредѣляетъ ихъ ходъ и сущность, подбираетъ ихъ средства и назначаетъ имъ цѣль.

Вотъ огромный пропускъ въ нашей системѣ: отвлеченіе оставлено на заднемъ планѣ, объ немъ едва упоминается, въ числѣ другихъ умственныхъ операцій и то какъ о прибавленіи къ наблюдению; намъ слѣдуетъ ввести его въ общую теорію, а мы преобразуемъ частныя теоріи, гдѣ его не доставало. Возьмемъ опредѣленіе. Мы говоримъ: нѣтъ опредѣленія вещей и когда мы опредѣляютъ сферу, какъ тѣло, происходящее отъ вращенія полушарья около своего діаметра, мы опредѣляютъ только названіе. Конечно намъ объясняютъ смыслъ названія, но вмѣстѣ съ тѣмъ узнается еще другое: намъ говорятъ, что свойства всякой сферы происходятъ отъ этой первоначальной формулы. Чрезвычайно сложную данную, сводятъ въ два элемента: данную видимую преобразуютъ въ данныя абстрактныя; выражаютъ сущность сферы, т. е. внутреннюю, первоначальную причину всѣхъ ея свойствъ.

Вотъ природа всякаго истиннаго опредѣленія: оно не только объясняетъ названіе или указываетъ отличительное свойство, оно не ограничивается выставленіемъ на предметъ этикета, отличающаго его отъ всѣхъ прочихъ. Кромѣ опредѣленія, есть иное средство распознать предметъ: у него есть всегда какое-нибудь несомненно ему принадлежащее свойство; сферу можно опредѣлить тѣмъ, что нѣтъ всѣхъ тѣлъ, имѣющихъ равныя поверхности; она занимаетъ наибольшій объемъ, или какъ-нибудь иначе. Только вотъ эти указанія не будутъ опредѣленія; онѣ выказываютъ характеристическое, производное свойство, а не образовательное и первое; онѣ не приводятъ предмета къ его факторамъ, не сводятъ его впередъ нашими глазами, не указываютъ его внутренней природы и по-

дѣлать моменты. Опредѣленіе есть предположеніе, указывающее въ предметѣ качество, изъ котораго происходятъ другія, но которое само не происходитъ изъ другого качества. Это не словесное предположеніе, потому что оно указываетъ качество предмета, и не опредѣленіе простаго качества, а того, которое есть источникъ другія: это совершенно особаго рода положеніе, самое плодотворное изъ всѣхъ, на которое сводится цѣлая наука и къ которому стремится каждая наука. Есть опредѣленія въ каждой наукѣ и для каждаго предмета. Мы его не вездѣ находимъ, но всюду ищемъ. Мы опредѣляли движеніе планетъ посредствомъ касательной силы и законовъ притягательной силы; мы отчасти опредѣляемъ уже химическое тѣло понятіемъ объ эквивалентѣ, а живое тѣло, — понятіемъ о питіи. Мы стараемся превратить групу явленій въ нѣсколько законовъ, или въ абстрактныхъ понятій. Мы стремимся открыть въ каждомъ предметѣ образовательные элементы, какъ мы достигли этого въ цилиндрѣ, кругѣ, конусѣ и всѣхъ математическихъ сложностяхъ. Мы приводимъ естественныя тѣла къ двумъ или тремъ родамъ движенія, притяженію, колебанію, поляризаціи, а тѣмъ геометрическимъ мы сводимъ къ двумъ или тремъ родамъ элементовъ, точкѣ, движенію, линіи, и называемъ нашу науку частною или полною, предварительною или окончательною, смотря потому, приближительно или абсолютно, слабо или полно это приведеніе. Тоже измѣненіе нужно сдѣлать и въ теоріи доказательствъ. Но мнѣнію Милля, говоря, что всѣ люди смертны, мы не доказываемъ, что принцъ Альбертъ умретъ, потому что это только повтореніе два раза одного и того же, а доказать можно тѣмъ, что Иванъ, Петръ и всѣми подобныи умерли. Я утверждаю, что настоящее доказательство составляетъ не смерть Ивана и Петра и проч. и не смертность всѣхъ людей, но нѣчто другое. Фактъ доказывается, говоритъ Аристотель, тѣмъ, что указывается его причина. Значитъ и смертность принца Альберта можно доказать, только указавъ на причину его смерти, а причина безусловно та, что тѣло человеческое, какъ непостоянный химическій составъ, должно разложиться въ извѣстное время, другими словами, потому что смертность есть одно изъ свойствъ человѣка.

Вотъ и причина и доказательство. Этотъ отвлеченный законъ, присутствуя въ природѣ, производитъ смерть принца, а присутствуя въ насъ умѣ, убавываетъ шифъ на эту смерть. Доказательно только это отвлеченное положеніе, а не частная и не общая посылка. Оно есть дѣйствительно доказательство, потому что оно же и доказываетъ посылку. Если Иванъ, Петръ и проч. умерли, то только потому, что смертность связана съ качествомъ человѣка. Если всѣ люди умерли или умрутъ, то опять потому, что смертность есть одно

ить свойства человека. Въ этомъ случаѣ, Милль также не далъ мѣста отвлеченію; онъ сифналь его съ наблюденіями, не отличая доказательства отъ матеріаловъ, его составляющихъ, абстрактнаго закона отъ опредѣленнаго или неопредѣленнаго числа его примѣненій. Примѣненія содержатъ въ себѣ законъ и доказательство, но они не суть ни законъ, ни доказательство. Примѣры Истин, Истра и другихъ содержатъ въ себѣ причину, но не суть сама причина. Недостаточно собрать случаи, надо вывести изъ нихъ законъ; недостаточно сдѣлать наблюденія, требуется сдѣлать отвлеченіе. Вотъ великая научная операція. Силлогизмъ не переходитъ отъ частнаго къ частному, какъ говоритъ Милль, и отъ общаго къ частному, какъ говорятъ другіе логики, но отъ абстрактнаго къ конкретному, т. е. отъ причины къ сдѣлствію. Въ этомъ видѣ онъ составляетъ часть науки, образуетъ и обозначаетъ ея звѣзль; соединяетъ началъ съ дѣйствіями, связываетъ опредѣленія съ властными. Онъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ науки то отвлеченіе, которос опредѣленіе ставитъ только въ началѣ.

Таже операція объясняетъ и аксіомы. По мѣрнію Милля, то, что равныя величины, прибавленныя къ другимъ равнымъ величинамъ, производятъ равныя суммы и, что двѣ прямыя линіи не заключаютъ пространства, мы узнаемъ или посредствомъ внѣшняго наблюденія, при помощи глазъ, или посредствомъ наблюденія внутренняго, съ помощью воображенія. Конечно, такимъ образомъ можно узнать, что двѣ прямыя линіи не заключаютъ пространства, но суть для этого познанія еще другой способъ. Прямую линію можно представить въ воображеніи и можно также постичь ее разумомъ. Можно разсматривать ея образъ и ея опредѣленіе. Можно изучать ее на ней самой или на ея образовательныхъ элементахъ.

Я могу представить себѣ уже ирведенную прямую линію, но также могу ирвести ее въ ея факторы. Я могу воспроизвести ея образованіе и отдѣлать породившіе ее абстрактные элементы, также, какъ дѣлаю это при образованіи цилиндра и отдѣленіи прямоугельника, который служитъ ему основой. Я могу сказать не то только, что прямая линія есть самая короткая отъ одной точки къ другой, это уже ирпроизводное свойство, но то, что она есть линія, ирпроизведенная стремленіемъ одной точки къ соединенію съ другой, и только съ этой одной точкой; это будетъ значить, что двукъ точекъ довольно для опредѣленія прямой линіи, другимъ словами, что двѣ прямыя линіи, имѣющія двѣ общія точки, совпадаютъ на всемъ своемъ протяженіи, изъ чего можно видѣть, что еслибы двѣ прямыя линіи сошлись, онѣ составили бы только одну прямую линію и не заключили бы никакого пространства. Вотъ второй способъ

знать аксіому, совершенно различный отъ перваго. Въ первомъ говорить, что она существуетъ, во второмъ ее выводить. Въ первомъ чувствуютъ, что она справедлива, во второмъ это доказываютъ. Въ первомъ ее допускаютъ, во второмъ объясняютъ. Въ первомъ замѣчаютъ только, что противоположное аксіомы невообразимо, во второмъ открываютъ еще, что противоположное аксіомы противорѣчить само себѣ. Въ опредѣленіи прямой линіи уже заключается аксіома, что двѣ прямыя не замыкаютъ пространства; она происходитъ изъ него, какъ слѣдствіе изъ своего начала. Вообще она есть тождественное предложеніе, въ которомъ подлежащее содержится въ себѣ сказуемое; она не соединяетъ два отдѣльные термина, не сводитъ одинъ на другой, но два термина, изъ которыхъ второй есть часть перваго. Она есть только простой анализъ, какъ и всѣ аксіомы. Стоитъ только разложить ихъ, чтобы увидѣть, что онѣ переходятъ не отъ одного предмета къ другому, но отъ того же къ тому же. Стоитъ только понятія равенства, причины, вещества, времени и пространства привести къ ихъ абстрактамъ, для того, чтобы явились аксіомы. Есть только одна аксіома, аксіома тождества; всѣ другія суть только ея примѣненія или послѣдствія. Допустивъ это, тотчасъ увидимъ, что предѣлъ нашего ума измѣнился. Мы способны не къ однимъ только относительнымъ и ограниченнымъ познаніямъ, но къ абсолютнымъ и безконечнымъ; мы въ аксіомахъ имѣемъ данныя, которыя не только слѣдуютъ одна за другой, но содержатъ одна другую. Еслибъ онѣ были только послѣдовательны, мы должны были бы прійти къ убѣжденію Милля, что послѣдовательность эта иногда нарушается. Мы не видѣли бы внутренней необходимости ихъ союза, но выражали бы ее какъ фактъ; мы сказали бы, что такъ какъ двѣ данныя по своей натурѣ взаимодействуютъ, то могутъ однократно же встрѣтиться случаи, которыя ихъ раздѣляютъ; мы утверждали бы справедливость аксіомъ только относительно нашего міра и нашего ума. Если напротивъ изъ двухъ данныхъ, первая заключаетъ вторую, то тѣмъ самымъ выражается необходимость ихъ связи; первая всюду носитъ въ себѣ вторую, потому что она есть ея часть, и ей невозможно отдѣлится отъ самой себя. Между ними нѣтъ мѣста случайности, могущей раздѣлять ихъ, потому что онѣ составляютъ одно и то же, въ двухъ видахъ. И такъ ихъ соединеніе абсолютно и всеобще, и мы имѣемъ истины, не допускающія сомнѣній, границъ, условій и ограниченій. Отвлеченіе даетъ настоящую силу аксіомамъ, показывая ихъ происхожденіе, и мы возвращаемъ наукѣ отнимаемое у нея значеніе, возвращая уму отнятую у него способность.

Остается теперь наведеніе, которое кажется триумфомъ частаго

наблюдения. Выходит однако же, что наоборот: наведение есть триумф отвлечения. Когда я посредством наведения открываю, что холод производит росу или что переходъ изъ жидкаго состоянія въ твердое производитъ кристаллизацию, я устанавливаю соотношеніе между двумя отвлеченностями. Ни холодъ, ни роса, ни переходъ изъ состоянія жидкаго въ твердое, сами по себѣ не существуютъ. Это суть части явленій, извлеченія изъ атихъ сложностей, простые элементы, заключенные въ болѣе сложныхъ жѣдыхъ явленіяхъ. Я изолирую ихъ; я изолирую росу, взятую вообще отъ всякой мѣстной, временной и случайной, которую я могу наблюдать; я изолирую холодъ, взятый вообще отъ всѣхъ холодовъ, частныхъ, различныхъ, отдѣльныхъ, которые могутъ происходить отъ различія тканей, веществъ, неровностей температуры и соединенія другихъ обстоятельствъ. Я срединяю абстрактное предыдущее съ абстрактнымъ послѣдующимъ и связываю ихъ, по указанію самаго Мысли, посредствомъ сокращеній и исключеній. Я исключаю изъ двухъ группъ, которыя ихъ содержатъ, всѣ смѣшанныя обстоятельства, отыскиваю яру, въ закрывающей ее обстановкѣ, отдѣляю посредствомъ ряда сравненій и наблюденій всѣ побочныя обстоятельства и вывожу ее наружу. Кажется, что я рассматриваю множество случаевъ яругъ, между тѣмъ какъ я доискиваюсь только одного; кажется, что я дѣйствую посредствомъ сложенія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ я употребляю только дѣйствіе вычитанія. Всѣ способы наведения суть приемы отвлеченія, а всѣ его дѣйствія состоятъ въ томъ, чтобы соединить абстракты.

Намъ представляются теперь два великіе момента науки и двѣ великія стороны природы. Существуютъ двѣ операціи: наблюденіе и отвлеченіе, и двѣ области: — сложныхъ фактовъ и простыхъ элементовъ. Первая операція есть дѣйствіе, вторая причина. Первая заключается во второй и выводится изъ нея, какъ слѣдствіе изъ причины. Обѣ равны между собою, составляютъ одну вещь въ двухъ видахъ. Этотъ удивительный движущійся міръ, этотъ хаосъ перестѣкающихся явленій, эта непрерывная, безконечно-разнообразная жизнь сводятся на нѣсколько элементовъ и ихъ соотношенія. Все наше усиліе клонится къ тому, чтобы перейти отъ одного къ другому, отъ сложнаго къ простому, отъ фактовъ къ законамъ, отъ наблюденій къ формуламъ. Причина этого очевидна: волкій фактъ, который я соннаю или ощущаю, есть какъ-бы часть безконечной ткани существующаго, отдѣленная моими чувствами или моимъ сознаніемъ. Еслибы мои чувства или сознаніе были иначе устроены, они восприняли бы другую часть. Эта же часть опредѣляется случайностью

изъ устройства. Они похожи на шарикъ, который могъ бы быть отъкрытъ болѣе или раньше. Кругъ, который они описываютъ, не естественный, а искусственный съ внутренней и съ внешней стороны; потому что когда я замѣчаю явление, я искусственно извлекаю его изъ естественной обстановки и искусственно составляю его изъ элементовъ, которые не представляютъ естественной совокупности. Когда я вижу, что камень падаетъ, я отдѣляю паденіе отъ предъидущихъ ему обстоятельствъ, которыя съ нимъ нераздѣльны, и соединяю вмѣстѣ паденіе, форму, построеніе, вѣтъ, звукъ и множество другихъ обстоятельствъ, вовсе съ нимъ не соединенныхъ. Такимъ образомъ фактъ есть произвольное соединеніе, произвольная вырѣзка, т. е. искусственная группа, раздѣляющая то, что соединено и соединяющая то, что раздѣлено (*). И такъ пока мы смотримъ на природу только со стороны наблюденія, мы не видимъ ее такъ, какъ она есть: мы имѣемъ о ней только обманивающую и пригласительную идею. Это кавказскій узоръ, видимый наизвѣнку. Вотъ почему мы стараемся его перевернуть. Мы стараемся отыскать законы, т. е. естественныя группы, которыя на самомъ дѣлѣ отличались бы отъ окружающаго и состояли бы изъ элементовъ, дѣйствительно соединенныхъ. Мы отыскиваемъ соединенія, пары, т. е. настоящіе составы и настоящія связи. Мы переходимъ отъ случайнаго къ необходимому, отъ относительнаго къ абсолютному, отъ правдоподобія къ истинѣ. Найдя первыя пары, мы производимъ надъ ними ту же операцию, какъ и надъ фактами, потому что они имѣютъ ту же природу, въ меньшей только степени. Они сложны, хотя и абстрактны, и могутъ быть разлагаемы и объяснены. Они имѣютъ причину существованія, причину, которая ихъ строитъ и соединяетъ. Для нихъ, какъ и для фактовъ существуютъ образовательные элементы, на которые они могутъ быть разрѣшены и изъ которыхъ они выводятся; эту операцию нужно продолжать, пока дойдемъ до совершенно простыхъ элементовъ, т. е. такъ, которыхъ разложеніе будетъ заключать въ себѣ противорѣчіе. Найдемъ мы ихъ или нѣтъ, но они несомнѣнно существуютъ; недостатокъ ихъ опровергалъ бы всякому причинѣ. Итакъ, есть неразложимые элементы, изъ которыхъ вытекаютъ самыя общія законы, производящіе въ свою очередь самыя частныя, изъ которыхъ составляются факты, подобно тому; какъ въ геометріи есть три первоначальныхъ понятія, изъ которыхъ происходятъ свойства линій, изъ нихъ свойства плоскостей,

(*) Фактъ, говоритъ мнѣ одинъ извѣстный физикъ, есть наслоеніе законовъ одного на другой.

въ этихъ свойствахъ твердыхъ тѣлъ и безчленивыхъ формъ, существующихъ въ природѣ или образуемыхъ воображеніемъ. Теперь становится понятна важность аксіомы причинъ, которая всѣмъ управляетъ и которую Милль изуродовалъ. Есть внутренняя, побуждающая сила, вызывающая явленіе, которая связываетъ все, что возможно, и порождаетъ всѣ дѣйствія. Это значитъ, съ одной стороны, что есть причина всякой вещи, что всякій фактъ имѣетъ свой законъ, что все сложное сводится на простыя начала, что всякое произведеніе предполагаетъ факторы, что всякое свойство и всякое существованіе должны быть выведены изъ какого-нибудь высшаго и предъидущаго предѣла. Съ другой стороны это значитъ, что произведеніе равняется факторамъ, что они составляютъ одно, въ двухъ видахъ, что причина не разнится отъ слѣдствія, что образовательныя силы суть только элементарныя свойства, что дѣйственная сила, въ которой мы представляемъ природу, есть только логическая необходимость, преобразующая одно въ другое, сложное въ простое, фактъ въ законъ. Этими мы напередъ указываемъ предѣлы всякой науки и получаемъ могущественную формулу, которая, указывая необходимую связь и самобытное происхожденіе существъ, указываетъ, что сила природы заключена въ самой природѣ, и въ то же время захватываетъ глубину каждого живаго существа желѣзными клещами необходимости.

Можемъ-ли мы знать эти первые элементы? Милль кажется, что можемъ. Именно, такъ какъ это абстракты, то они существуютъ не вне фактовъ, а заключаются въ нихъ самихъ, — стоитъ только взглянуть на нихъ. А такъ какъ они должны быть самые отвѣченные абстракты, т. е. самыя общія, то нѣтъ факта, изъ котораго нельзя бы было ихъ извлечь. Какъ бы ни былъ ограниченъ нашъ опытъ, мы все-таки можемъ дойти до нихъ; на этомъ-то основаніи, невѣрные германскіе метафизики пробовали создать свои великія построенія. Они поняли, что есть простыя понизія, т. е. неразложимыя отвлеченія, что изъ соединенія порождается остальное и что правила ихъ взаимнаго соединенія или противположенія составляютъ неричные законы вселенной. Они пробовали дойти до нихъ, воспроизвести посредствомъ чистой мысли міръ въ томъ видѣ, какъ намъ показалъ его наблюденіе. Они въ половину не достигли своей цѣли и изъ гигантское званіе представляетъ развалины, подобно предварительнымъ лѣсамъ, показывающимъ только планъ будущаго зданія. Глубоко чувствуя наше могущество, они прилагали ему сравнительно большіе размѣры и потеряли изъ вида его предѣлы; потому-что отсюда мы теряемся въ безконечности пространства и времени; въ этой чудовищно-огромной вселенной мы похожи на раковину

не прямо указали или ты муравья у подножія горы. Въ этомъ отноше-
ніи Милль оказалъ правду; случай является въ концѣ всякой данной;
но смотри на весь уездъ, ты можешь достигнуть, и то по предполо-
женіи, до вѣвотораго начальнаго состоянія; не это состояніе за-
виситъ отъ предыдущаго, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ
другого и т. д.; такъ что мы принуждены принять его какъ частую
данную и отказать отъ вывода, хотя и знаемъ, что оно должно быть
выведено. Это повторяется въ каждой наукѣ, въ геологіи, есте-
ственной исторіи, физикѣ, химіи, психологіи, исторіи и первоначаль-
ный случай простираетъ свое вліяніе на всю окружающую его обо-
ру. Еслибъ онъ былъ другой, а не этотъ, у насъ бы не было ни
такихъ планетъ, ни такихъ химическихъ веществъ, растеній, жи-
вотныхъ, людскихъ породъ, можетъ быть не было бы ни одного
изъ этихъ существъ. Если муравья перевести въ другую страну,
онъ не найдетъ бы ни тѣхъ деревьевъ, ни тѣхъ насекомыхъ, ни
тѣхъ измѣненій воздуха, и можетъ быть ни одной изъ формъ суще-
ствованія. Въ каждомъ фактѣ и въ каждомъ предметѣ есть случай-
ная и чисто мѣстная часть, часть огромная, зависящая, какъ и
остальное, отъ первоначальныхъ законовъ, но зависящая не прямо,
а, такъ сказать, заключенная цѣлымъ лабиринтомъ случайностей,
такъ что между нею и первоначальными законами остается беско-
нечное пространство, которое можетъ наполнить только безконеч-
ный рядъ выводовъ.

Вотъ необъяснимая часть явленій и вотъ — что за реиискіе мета-
физики старались разъяснить. Они хотѣли вывести изъ своихъ эле-
ментарныхъ теоремъ форму планетной системы; законы физики и
химіи, главнѣйшіе жизненные типы, ходъ цивилизаціи и человѣ-
ческихъ мыслей. Они всячески перевертывали свои мировыя форму-
лы, чтобы извлечь изъ нихъ частные случаи; они признали непре-
вѣдныя и отдаленныя слѣдствія за слѣдствія явные и близкія;
они пропустили огромный ходъ машины между первоначальными
законами и крайними послѣдствіями; они устранили изъ своихъ
основаній случай, какъ основаніе неустойчивое науки, и это-то пу-
стыя, которую они наполнили подлежащими матеріалами, была при-
чиной паденія всего ихъ зданія.

Будетъ ли это значить, что въ данныхъ, доставляемыхъ намъ
природою уголокъ вселенной; все только мѣстное? Далеко нѣтъ. Если
бы муравей могъ дѣлать наблюденія, онъ дошелъ бы до идеи физиче-
скаго закона, живой формы, представительнаго ощущенія, отвлече-
нной мысли, потому что все это заключается въ клочкѣ земли, на
которомъ помѣщается мыслящее существо; какъ бы ни было огра-
ничено поле ума, въ вещь встани будутъ общія данныя, т. е. рас-

пространенныя на далѣнія вѣдѣнія пространства, куда самъ онъ по своей конечности не можетъ проникнуть. Если бы муравей могъ разсуждать, то могъ бы построить арифметику, алгебру, геометрію, механику, потому что движеніе, на временіи полуэриха, уже содержится въ рекуррѣ время, пространство, число и силу, всё матеріальны для математики; итакъ, какъ бы ни было ограничено поле мышленія, оно содержитъ всеобщія данныя, то есть такія, которыя распространяются на всю область времени и пространства. Если бы муравей философствовалъ, онъ могъ бы найти идею бытія, ничто и вообще всё матеріальны метафизики, потому что ихъ представляетъ всякое движеніе внѣшнее или внутреннее; итакъ, какъ бы ни было ограничено поле ума, оно содержитъ въ себѣ абсолютныя данныя, т. е. такія, которыя заключаются въ каждомъ предметѣ. Необходимо, чтобы было именно такъ, потому что чѣмъ общѣ данная, тѣмъ больше нужно изрѣзать фактовъ, чтобы ее встрѣтить: если она міровая, то встрѣтится всюду; если она абсолютна, невозможно ее не встрѣтить. Вотъ почему, несмотря на узость нашихъ опытныхъ наблюденій, метафизика, т. е. изысканіе начальныхъ причинъ, возмоща только съ условіемъ, оставаться на большой высотѣ и не впадать въ подробности; разсматривать только самыя простыя элементы существованія и самыя общія стремленія природы. Если бы кто нибудь овладѣлъ тремя или четырьмя великими идеями, къ которымъ пришли наши науки, и обнялъ три или четыре вида существованій, образующихъ нашу вселенную; если бы онъ сравнилъ эти два страннѣйшихъ количества, называемыя пространствомъ и временемъ, эти главныя формы или опредѣленія количества, называемыя физическими законами, химическими типами и живыми породами и эту чудесную представительную силу духа, которая составляетъ умъ, и не подпадая единаколичеству, представляетъ в оба количества и видѣтъ себя; если бы онъ открылъ между этими тремя терминами: чистое количество, количество опредѣленное и количество поглощающее, такой поринокъ, чтобы первое влекло за собою второе, а второе третье; если бы онъ доказалъ, что чистое количество есть необходимѣе начало природы, а мысль есть крайній предѣлъ, на которомъ держится вся природа; если бы далѣе, проливая элементы этихъ дѣяній, онъ показалъ, что они должны находиться въ той комбинаціи, въ которой находятся, а не иначе; если бы наконецъ онъ доказалъ, что нѣтъ другихъ элементовъ и не можетъ быть, — онъ одѣлалъ бы очеркъ метафизики, не заходя въ область положительныхъ наукъ, и достигъ бы источника, не бывъ вынужденнымъ спускаться на дно вѣкъ ручьевъ.

По моему мнѣнію, это двѣ великія операціи, наблюденіе, такъ

какъ мы его слышали, и отвлеченіе, въ тожь видѣ, какъ я старался его опредѣлить, составляютъ вдвоемъ всѣ источники человѣческаго ума. Одно есть практическое направленіе, другое — умозрительное. Первое смотритъ на природу, какъ на столкноненія фактовъ, второе — какъ на сползему законовъ; первое отбываетъ, первое будетъ чисто эмпирическое, а второе часто нѣмедное. Если есть нѣчто между этими двумя нѣціями, то оно принадлежитъ намъ, французамъ. Мы расширили англійскія идеи XVIII вѣка, а въ XIX можемъ дать большую точность идеямъ германскимъ. Наме дѣло умѣрять, исправлять и дополнять одинъ словъ другимъ, сшить ихъ въ одно, выразить ихъ общепонятнымъ языкомъ, и такимъ образомъ сдѣлать ихъ вѣрными.

II

Мы вышли. Каждый изъ насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, заставлялъ другого мыслить, но оба остались при своихъ убѣжденіяхъ. Видъ всѣхъ серьезныхъ размышленій разсѣиваются передъ прекраснымъ лѣтнимъ утромъ.

Старыя стѣны, камни, источенные дождемъ, улыбаются восходящему солнцу. Желтый свѣтъ обливаетъ зубцы стѣнъ, фес-товы аркады и блестящую листву плюща. Ползучія розы и капризныя фоліи подвигались вдалѣ по перекладинамъ и вѣтчика ихъ дрожали и блестяли подъ дыханіемъ вѣтра.

Прелестный городъ выходилъ изъ утренняго тумана, разукрашенный и покойный, какъ дворець фей. Архитектуры всѣхъ вѣковъ смѣшивались свои своды и стрѣлки, свои статуи и свои колонны; время словно ихъ красилъ; солнце соединяло ихъ своимъ свѣтомъ....

Вездѣ я замѣчалъ слѣды того практическаго здраваго смысла, который производитъ коренныя намѣненія, не прибрѣгая къ кровопролитіямъ, улучшаетъ, не уничтожая прошедшаго, сохраняетъ свои старыя деревья и конституціи, обрѣзываетъ сухія вѣтви, не касаясь ствола, и одинъ, между всѣми народами, пользуется не только настоящимъ, но и прошедшимъ.

Примечаніе. Главное достоинство этой прекрасной статьи состоитъ, конечно, въ изложеніи содержанія системы логики Миля, изложеніи, отличающемся обыкновеннымъ мастерствомъ французовъ. Джонъ Стюартъ Миль уже очень извѣстенъ русскимъ читателямъ, какъ одинъ изъ передовыхъ мыслителей Ан-

гид, и потому читатель *должен* возмущаться его *запискам*. Она замечательна в высшей степени, как крайнее выражение казистаго мирозерцания. А мысль развитая до конца, вполне, необходимо сама обличает свою истину или свою ложь.

Система Милля ведет прямо къ отрицанию мышления, то есть къ полному скептицизму. Онъ хочет доказать, что мы живемъ мышлениемъ, а не одну память, то есть, что мы *оцениваемъ и согласуемъ* все, что содержитсяъ въ нашемъ умѣ, а не оставляемъ *каждаго* элемента въ его частности и отъдельности. Такъ какъ мышление есть начало, служащее для пониманія міра, то, отказываясь отъ мышления, Милль необходимо долженъ былъ отказаться и отъ пониманія міра. Поэтому *вѣдь* у него является *заключеніе*, въ полномъ смыслѣ этого слова, и онъ доходитъ до того, что *выводитъ* *бессмысленнымъ* всякое другое *пониманіе* міра, т. е. *всѣмъ* *предположеніемъ* въ немъ *какого-нибудь* порядка, *какой-нибудь* *единицы* и гармоніи.

Съ необыкновенною послѣдовательностью Милль отрицаетъ въ мышленіи все *диалектическое*, все, въ чемъ собственно состоитъ сущность мышления. Такъ что, чтобы принять эту систему, нужно *вовсе* разучиться мыслить, потому что она не совместима съ простѣйшимъ движеніемъ мысли.

Чтобы опровергнуть подобный взглядъ, нужно было доказать необходимость *какого-нибудь*, хотя бы самого элементарнаго приема мышления и показать *неизбѣжное* присутствіе этого приема и у самого Милля. Такъ и сдѣлалъ Тэнъ, доказывая *неизбѣжность* отвлеченія и указывая его дѣйствія. Всякая дѣятельность мысли есть необходимо дѣятельность *связующая, организующая*, и потому *каждъ* Милль тотчасъ же долженъ былъ *исчезнуть* *передъ* *отвлеченіемъ* Тэна. Вездѣ явилась связь и необходимость, свойственная мышленію. Въ сдѣлкахъ Тэна много остроумнаго и вѣрнаго, но онъ не идетъ до конца. Отозвавшись съ высокоуміемъ о *разумѣ* нѣмцевъ, Тэнъ, *взвѣсивъ* его, одаряетъ *человѣка*, какъ *особую* *способностью*, отвлеченіемъ, которое, по его словамъ, *надежныѣ* и *чистаго* опыта и чистаго разума.

Такимъ образомъ мышленіе является *чѣмъ-то* *распадающимся*, не *имѣющимъ* цѣлости и слѣдовательно *настоящаго* своего смысла. *Отвлеченіе* дѣйствительно приводитъ Тэна къ нѣкоторой связи и даже къ отождествленію *всѣхъ* *явленій*; міръ уже не разбѣгъ на безчисленные отъдельные факты, какъ у Милля, но представляетъ сплошные ряды

Этотъ сложный міръ *однакоже* *только* *сложимой*; Тэнъ въ немъ еще не *находитъ* *ни центра*, ни *границы*. И потому въ *концѣ* *мысли* Тэнъ *сходится* съ Миллемъ; почему все такъ, а не иначе, это, говоритъ онъ, *зависитъ* отъ случая; при другихъ обстоятельствахъ все было бы совершенно иначе.

Впрочемъ мысли Тэна не отличаются большою систематичностью и потому кажется *страдать* нѣкоторою *темнотою* и *недоконченностью*. Н. С.

СВѢЖЕЕ ПРЕДАНЬЕ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

ГЛАВА I

Давно Таптыгинъ, князь извѣстный
Въ Москвѣ, какъ солнце въ поднебесной, —
Затихъ, шампанскаго не пьетъ
И вечеровъ ужь не даетъ.
Куда, злодѣй, онъ путь направилъ,
Гдѣ онъ слѣды свои оставилъ?
Зачѣмъ исчезъ, какъ метеоръ?
Кто князя помнить? — Но съ тѣхъ поръ
Боговъ россійскаго парнаса
Перевели на залній дворъ;
Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, во имя Спаса
Успѣли выстроить соборъ;
Прошла желѣзная дорога;
Палъ Севастополь; — въ добрый часъ
Иная ломка началась,
И утекло воды такъ много,
Что можетъ быть Таптыгинъ князь
Давно ужь превратился въ грязь.

Давно въ Москвѣ его забыли:
Забылъ и тотъ, кто обыгралъ,
И тѣ, которые трубили,
Что онъ невѣжда и нахаль,
И та, которую любовнымъ
Письмомъ онъ нѣкогда сразилъ,
И тотъ, кто нѣкогда грозилъ
Ему процессомъ утомленнымъ.

Когда я прилеталъ въ Москву,
 Какъ юноша, когда-то праздный,
 Любилъ я старую молву
 Ловить за хвостъ немножко грязный,
 И помню, какъ одинъ приказный
 Съ какими-то чувствомъ говорилъ,
 Какъ этотъ князь его побилъ,
 И какъ онъ щедро наградилъ
 За свой поступокъ безобразный.
 Когда же я его спросилъ :
 Какъ звали князя, гдѣ онъ жилъ,
 Гдѣ онъ служилъ и куралесилъ, —
 Съдой пьянушка носъ повѣсилъ
 И повинился, что забылъ ;
     «Забылъ, сударь ! забылъ, признаться !
     «Забылъ — кажись бы и не пѣлъ»...
 Такъ часто трудно добираться
 До историческихъ яманъ.

Таптыгина не зналъ я лично :
 Но, какъ его историкъ, я
 Въ то время велъ себя отлично.
 Нельзя писать о немъ шута,
 Писать подробно неприлично ;
 Мы не дозрѣли, говорятъ,
 И можетъ быть не безъ причины !
 Разврата грязныя картины
 Насъ потѣшаютъ, какъ ребятъ.

Жена Таптыгина, Ульяна
 Ивановна, довольно рано
 Покинула московскій свѣтъ.
 Я зналъ ее : она въ разводѣ
 Жила у брата на заводѣ.
 (Теперь ее въ живыхъ ужъ нѣтъ ;
 Погребены ея страданья,
 Чтó значить : вся погребена.)

Старушка блѣдная, она
 Ходила въ темномъ одѣяньи ;
 Какъ у игуменьи, у ней
 Былъ гордый видъ, но не сибирский.

Глаза ея, когда на васъ
 Она глядѣла въ первый разъ
 Съ какой-то грустью молчаливой,
 Казалось, говорили вамъ;
 Еще ты молодъ — по губамъ
 Я это вижу; — что-то будетъ
 Какъ ты съ моею то поживешь;
 Ума прибавится на грошъ,
 А сердца на алтынъ убудетъ.

Въ рукахъ она вездѣ съ собой
 Носила бархатный мѣшочикъ,
 Тамъ было все: платокъ, клубочникъ,
 Наперстокъ, ея начатой
 Чулокъ, рогулька для вязанья,
 Молитвенникъ и поминанье.

Порой черты ея лица
 На юность навѣвали скуку.
 Я помню два большихъ кольца
 У ней на пальцѣ; помню руку
 Худую, блѣдную — она
 Была дѣйствительно блѣдна
 Какъ старый воскъ — не исчезаетъ
 Она изъ памяти моей;
 И право странно — мнѣ объ ней
 Всего скорѣй напоминаетъ
 Одеколонъ, когда его
 Я слышу запахъ — отъ чего,
 И почему? — самъ чортъ не знаетъ;
 А чортъ не знаетъ потому,
 Что онъ не вѣрить ни чему
 И Мошота изучаетъ.

Старушка добрая, она
 Была ненивѣшняго вѣку;
 Я для нее ходилъ въ аптеку,
 Когда она была больна,
 Пилъ чай у ней, всегда съ вареньемъ,
 Читалъ ей лучшія мѣста
 Изъ Ф . . . съ удареньемъ,
 И даже гладилъ съ наслажденьемъ

Ея любимого кота.
 О мужъ темныя преданья
 Она могла бы пояснить,
 Да мало было въ ней желанья
 Со мной объ этомъ говорить.
 Бывало все молебны служить,
 Чего-то ждать, о чемъ-то думать;
 Порой собирается въ Москву,
 Порой задумается, — бредить:

Отецъ помретъ — она придетъ —
 Княжна съ отцомъ теперь живетъ,
 Но скоро будетъ мой чередъ —
 У Бога очередь ведется,
 Ужъ это такъ! что Богъ возьметъ
 У одного, — другому дается.

Съ старушкой было бы смѣшно
 И даже глупо спорить, — но
 Я часто въ постъ у ней обѣдалъ
 И все-таки кой-что развѣдалъ.
 Не разъ, хвала обѣдъ простой,
 Да подливая супъ грибной
 Въ тарелку съ гречневою кашей,
 Я спрашивалъ: а гдѣ вашъ мужъ?
 И что княжна? отъ дочки вашей
 Ужъ нѣтъ ли писемъ? почему жъ
 Она не пишетъ?

— Мужъ въ изгнѣнн

И, говорятъ, сталъ нелюдимъ,
 Моя княжна конечно съ нимъ,
 Она въ большомъ уединенн
 Живетъ, почти-что ни ког
 Не видитъ, нѣкого и видѣть —
 Степь, лѣсъ и больше ничего;
 Богъ милостивъ, и не обидитъ
 Ее, бѣдняжку!..

Тутъ рука

Книжки лѣно начинала
 Дрожать, и дѣло безъ платки
 Необходимо. Разъ взяла
 Она его и подвила,
 Какъ будто къ носу, провела

Повыше переносья, словно
Такъ было нужно...

Изъ сего

Я заключилъ, что хладнокровно
Она допроса моего
Не можетъ слышать. Такъ невольни
Я заставлялъ ее страдать ;
Такъ ей, замѣтно, было больно
Мнѣ отвѣчать.

И то сказать,

Пріятно въ старость принимать
Въ свой домъ безпечнаго повѣсу,
Его кормить, ему внимать,
Но передъ нимъ сорвать завѣсу
Съ той сцены, гдѣ судьба, смѣясь,
Когда-то безъ пощады въ грязь
Насъ повалила и топтала,
Или, какъ съ мышью котъ, играла —
Увы! не всякому легко.
Не все, что скрыто глубоко,
У насъ въ душѣ, легко всплываетъ ;
Любовь погибшая, и та
На откровенныя уста
Печать молчанья налагаетъ.

То были дни моей весны,
И было у меня пророкомъ
Мечтательное сердце ; въ сны
Его я вѣрилъ ; изъ княжны
Я создалъ по однимъ намекамъ
Тотъ чистый, грустный идеалъ,
Который спать мнѣ не давалъ.
Тогда благоразумья окомъ
Еще глядѣть я не умѣлъ...
Хоть я и не былъ аръ и смѣлъ
Какъ Донъ-Кихоть ; хотя идея
Спасти княжну была смѣшна ;
Но для меня моя княжна
Была такая жъ Дульцинея...

Герой грядущаго, я мнилъ
Сойтись съ несчастной героиней ;

Вотъ, почему я говорилъ
 Такъ часто съ бѣдною княгиней,
 Въ ней струны сердца шевелилъ,
 И на лицѣ ея слѣдилъ
 За каждой вздрогнувшей морщиной;
 Я даже случай находилъ
 Съ ея служанкой Катериной,
 Кривою дѣвкой въ сорокъ лѣтъ,
 Болтать о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 И, разумѣется, читатель,
 Былъ любопытенъ какъ поэтъ,
 Иль какъ увѣданный засѣдатель.

И я ей-Богу не шутилъ.
 Однажды мучимый тоскою
 (Отъ лихорадки праздныхъ силъ)
 Я вдругъ старухѣ объявилъ,
 Что самъ поѣду за княжною.
 И привезу ее.

Она

(Хоть и была изумлена)
 Спокойно на меня взглянула,
 И равнодушно протянула
 Миѣ руку съ тѣмъ, чтобъ я ее
 Поцѣловалъ, — прошу покорно,
 Какая милость! Я проворно
 Впился въ нее губами. О!
 Теперь и самъ я начинаю
 Смѣяться, зачѣмъ и отчего
 Я эту руку вспоминаю
 Живѣе вдвое, чѣмъ черты
 Ея поблекшей красоты.

Тогда я жилъ, какъ подобаетъ
 Жить юношамъ холостякамъ,
 Жилъ гдѣ прійдется. — Куликашъ
 Тамъ и уютно, гдѣ къ водамъ
 Камышь болотный прилегаетъ;
 Гдѣ можно въ тишу запустить
 Свой длинный носъ и угостить

Себя на славу. — Не мѣшаетъ
Сказать, что истинный куликъ,
Къ какой бы кочкѣ ни приникъ,
Нагдѣ крыла не замарасть.

Я помню — разгарался день,
Но облака ходили низко,
И на Москвѣ лежала тѣнь.
Отъ насъ Москва была не близко,
Хоть и мелкали съ двухъ сторонъ
Ея макушки. Ранній звонъ
Колоколовъ ея въ туманѣ
Носился смутно надъ землей.
На первомъ планѣ надъ рѣкой,
У ближней рощи, на полянѣ
Сидѣли кучками цыгане;
Дымился таборъ кочевой.
Въ кустахъ посвистывали птиць;
Вдоль сѣрыхъ грядокъ свекловицы
Тянулся низенькій заборъ;
За нимъ ряды фабричныхъ зданій,
Сушильня, кузница, двѣ бани
Глядѣли окнами на дворъ;
Косую тѣнь бросали трубы
На дернъ покатаго двора;
Изъ темной пасти ихъ, съ утра
Выбрасывались дыма клубы,
Столбомъ тянулись въ облака,
Потомъ на западъ уходили
И тамъ терялись въ тучахъ пыли.
За банями текла рѣка;
Тамъ раздавался стукъ вальки;
Фабричные бѣлье тамъ мыли;
На лѣво — шолъ сосновый лѣсъ,
А я подъ небольшой навѣсъ
Присѣлъ на пыльных ступеньки
Избы, что съ краю деревеньки,
Гдѣ я въ то время нанималъ
Чуланъ съ окномъ и сѣновалъ.

Что вамъ сказать о сѣновалѣ?
Онъ былъ мой маленький эдемпъ,

И что тамъ было — и за чѣмъ,
 Туда сквозь кровлю мнѣ микали
 Ночныя звѣзды, говоря :
 Ты, братъ, блаженнѣе царя, —
 Зачѣмъ за полуночной тѣнью
 Слѣдилъ мой глазъ — и отчего
 У изголовья моего
 Такъ пахло свѣжею сиренью? —
 О пусть перо мое молчать!
 Къ чему дразнить мнѣ ацетиль,
 Когда желудокъ мой набитъ
 Неперевареннымъ обѣдомъ?
 Мнѣ только слѣдуетъ сказать,
 Что я княгинѣ былъ сосѣдомъ, —
 И могъ старушку навѣщать.

Старушка къ своему сосѣду
 Хоть недоувѣрчива была,
 Однако иногда звала
 Меня по праздникамъ къ обѣду;
 Но рано утромъ никогда
 Ни для варенья, ни для чтевя
 Не получалъ я приглашенья.
 А въ это утро, господа,
 Ея пославница кривая
 Явилась вдругъ передо мной,
 Какъ будто листъ передъ травой,
 — А! вы ужъ встали! Вишь какая
 Погода! Птички какъ поютъ!..
 Она болтать со мной пустилась,
 И наконецъ договорилась :
 — Васъ просять на десять минутъ
 Пожаловать.

— Что это значить!

Ужъ не больна ли?

— Нѣтъ, все плачетъ..

Княгиню я засталъ одну
 Въ какомъ то шлафорѣ, съ букетомъ

Фіалокъ и въ чепцѣ, вальтомъ
Немного на сторону.

— Ну,

Любезный мой! — не осудите

Старуху — послужите ей.

— Все, что прикажете!

— Сходите

Въ Москву, мой милый, Отъ моей

Княжны, вотъ видите ли, цѣту

Совсѣмъ извѣстій. Я боюсь;

Онъ тамъ сживаетъ ее со свѣту...

Ей-Богу толку не добьюсь...

Сходите, милый.

— Чужъ могу я...

Скажите...

Плача и тоскуя,

Съ лицомъ измятымъ, раза два

По комнатѣ прошлась старуха;

У ней качалась голова,

У ней не доставало духа

Со мной бесѣдовать...

— А вотъ,

Я дамъ вамъ адресъ: онъ живетъ

Близъ *курьихъ ножекъ*... Вотъ... *восьмине*

Хоть это перышко... Помните:

Домъ Савиной — второй кварталъ...

Я взялъ перо; перо скрипело

И брызгало... Я записалъ...

— Вотъ видите — какое дѣло...

Чего я не могу постичь...

Но, впрочемъ, если Петръ Ильичъ

Камковъ васъ приметъ, то, быть можетъ,

Разкажетъ вамъ. — Меня *травожать*

Одно: не умеръ ли Камковъ?

Онъ былъ всю зиму нездоровъ:

Все кашлялъ — этакое горе.

Спросите: — не было ли *вскорѣ*

Послѣ святой, какъ былъ Матвѣй,

Письма отъ дочери моей.

Пусть сходить справиться въ конторѣ.

Мой другъ, — утѣшите вы меня —
 Всю жизнь вамъ благодарна буду.

И вечеромъ того же дня
 Я шолъ Москвой. Не позабуду,
 Какъ, послѣ дождика съ грозой,
 Надъ Воробьевыми горами,
 И надъ пустынными дворцами,
 И надъ садами за рѣкой
 Гасъ тихо вечеръ золотой; —
 Какъ съ теплотой боролся холодъ;
 Какъ подрумяненъ былъ и молодъ
 Мاستитый Кремль съ его стѣной;
 Какъ горячо горѣли главы
 Его соборовъ; . . . . .
 . . . . .
 Какъ были зелены бульвары;
 Какъ тамъ заманчиво въ тѣни
 Влюбленные гуляли пары
 (Такъ мнѣ казалось въ оны дни);
 Какъ пахло хлѣбомъ близъ пекаренъ, —
 И помню я, какъ въ тишинѣ,
 Изъ-за гардинъ, въ одномъ окнѣ,
 Я услыхалъ: «зайдите, баринъ.»
 Я останавливался... и
 Усталый, мокрый, весь въ пыли,
 Опять шагалъ, какъ иѣкій странникъ,
 Какъ тотъ, кому самъ чортъ не братъ,
 И пробирался на Арбатъ.

Фантазіи наивный денникъ,
 Я представлялъ себѣ, каковъ
 Собою долженъ быть Камковъ.
 Объ немъ уже молва блуждала
 Въ той бѣдной, маленькой средѣ,
 Которая благословляла
 Зародыши талантовъ, — гдѣ
 Авторитеты колебали,

И критику изъ-подъ-тишка
 Не громко, но рукоплескали ;
 Смотрѣть ходили изъ райка
 Мочалова, — передавали
 Кольцова стихъ изъ устъ въ уста,
 И въ Наблюдатель искали
 Стиховъ подъ литерой Ф.
 И такъ, объ немъ слыхалъ я прежде.
 Я думалъ: гений и поэтъ —
 Синонимы: и былъ въ надеждѣ,
 Что славой онъ покроетъ свѣтъ,
 Что на святой Руси онъ будетъ
 Владѣе солнца самого,
 И мiръ, конечно, не забудетъ
 Меня, какъ спутника его.

Я былъ на столько легковѣренъ,
 На сколько зеленъ былъ душой ;
 А потому и не намѣренъ
 Смѣяться надъ моею весной
 Почтенной публикѣ въ угоду.
 (Пора оставить эту моду !)

Я и теперь, читатель мой,
 Увѣренъ въ томъ, что будь вы гений, —
 Не внемля крику пошлыхъ мнѣнiй,
 Я былъ бы раньше самъ собой,
 И былъ бы выше головой.
 Но что объ этомъ...

Близъ Полянки,

Камковъ жилъ у одной мѣщанки
 Во флигелѣ. — Къ его снямъ
 Прошелъ я по сырымъ доскамъ
 И сталъ стучаться. — Оказалось,
 Что дверь была не заперта
 И очень просто отворилась.
 Вхожу — передняя пуста.
 Тутъ, признаюсь вамъ, я смутился :
 Вообразите вы, — что вдругъ
 Я у поэта очутился
 Съ пустою вѣшалкой самъ-другъ.

Я думалъ: за перегородку
 Идутъ слѣды Камень — и чтожь
 Увидѣлъ? — половую щетку,
 Да пару стоптанныхъ калошъ!
 Я кашлявуль, какъ будто въ глотку
 Мнѣ пыль засѣла; — я не зналъ
 Войдти ли мнѣ — и — не рѣшался.
 «Я дома — дома!» отозвался.
 Мнѣ тихій голосъ: онъ звучалъ
 Какимъ-то дѣтскимъ нетерпѣньемъ,
 Какъ-будто звалъ меня болярной,
 Капризный другъ. — Съ благоговѣньемъ
 Вошелъ я въ комнату.

Худой,

Въ халатишкѣ, одной ногой
 Поймавши туфлю, онъ съ дивана
 Приподнялся, — то былъ Камковъ.
 Я началъ: «Къ вамъ меня Ульяна
 Ивановна...» — Я не здоровъ,
 Онъ перебилъ: — и поджидаю
 Къ себѣ давно кого нибудь.
 Вообразите, — самъ не знаю
 Что дѣлать? — Собираюсь въ путь,
 И обреченъ на влудую скуку.
 Лежу весь день — совсѣмъ разбитъ,
 Бока болятъ и грудь болитъ.
 Садитесь.

Протянувши руку,

Онъ для меня подвинулъ стулъ,
 И словно въ душу заглядывалъ
 Большими, сѣрыми глазами.
 Я не бывалъ знакомъ съ ордами,
 Но, думаю, что на орда
 Похожъ онъ не былъ... Надъ бровями
 Его, замѣтной складкой, шла
 Морщина — знакъ упорной воли,
 Иль напряженья мускулъ. Онъ
 Былъ моложавъ, — но сокрушонъ,
 Подавленъ чѣмъ-то; — по неволѣ
 Я на него глядѣлъ — глядѣлъ,

И слушалъ, и понять хотѣлъ
 Казалось, былъ онъ безвременно —
 Внимателенъ и добръ; — конечно
 Съ такими качествами, кто же
 Бываетъ на орла похожъ?
 А между тѣмъ и самъ постигъ я
 Не въ состояннн, отъ чего
 Сначала мнѣ въ лицѣ его
 Почудилось что-то птичье,
 Тогда какъ черезъ часъ потомъ
 Глядѣлъ онъ просто добрыкомъ: —
 Улыбка мягкая скользнула
 По очертанью тонкихъ губъ
 И прямо, ясно говорила:
 Повѣрьте мнѣ, Камковъ не грубъ,
 Хоть и бываетъ золь и флокъ.

Я сълъ — онъ сълъ — и на прощанокъ
 Мы познакомились.

Друзья,

Пиши я въ прозѣ, вѣрно бы я
 Вамъ описалъ его коморку,
 Столъ, кресла, книги подь столомъ
 И на столѣ, да съ табакомъ
 Кисеть; — но, господа, что толку
 Намъ въ описаннн такомъ! —
 Жилище моего Камкова
 Теперь напомнило бы мнѣ
 Мое студенчество; другого
 Сказать вамъ нечего.

Вполнѣ

Довольный тѣмъ, что дѣсь дорогн
 Напился чаю съ калачемъ,
 Тогда я думалъ, что мы божь —
 Сошлись и судимъ обо всемъ.

Камковъ просилъ меня любезно
 Отвѣтъ княгини передать,
 Ни чуть не думая скрывать,
 Что было вовсе безвременно.
 И тутъ кой что узналъ я, — ни
 Одной страницы двѣ романа

Мнѣ не довольно... и смѣшно
 Вамъ раскрывать ее — и равно.
 Пусть подождетъ меня Ульяна-
 Ивановна, — пусть положитъ
 Меня княжна. — Пушу впередъ,
 Сіятельныхъ не безпокоя,
 Камкова, моего героя.
 Друзья! какъ друга моего,
 Рекомендую вамъ его.

Простымъ и грустнымъ разговоромъ
 Знакомство наше началось,
 И тронулъ онъ меня до слезъ
 Однимъ рассказомъ (о которомъ
 Теперь умалчиваю). Споромъ
 Мы заключили разговоръ.
 О чемъ былъ сей великій споръ?
 Не помню. — Я уже порядкомъ
 Отъ метафизики отсталъ;
 Уже давно не повѣрялъ
 Своихъ идей по тѣмъ тетрадамъ,
 Въ которыхъ иногда писалъ
 Дневникъ мой: тайно признавался,
 Какъ я любилъ, какъ я терзался,
 Какъ правды-истины искалъ,
 И на себя наввно лгалъ.

Я только помню впечатлѣнье, —
 Я только помню — какъ, живой
 Своею рѣчью, молодой
 Моей души святой покой
 Онъ нарушалъ безъ сомнѣнья,
 Онъ не смѣялся надо мной,
 Не нападалъ, — но по-немногу
 Одолѣвалъ, и въ міръ иной,
 Не огражденный никакой
 Стѣною, сталъ казаться дарову.

Оставшись до другого дня
 Въ его коморкѣ, — помню, —
 Заснулъ подь утро. Для меня
 Камковъ дѣйствительно былъ гений

Хоть онъ замѣтнаго слѣда
Среди общественныхъ явленій
И не оставилъ, господа.
Увы! какъ Рудину, — тогда
Ему была одна дорога
Въ домъ богачливыи, нль острога.

Но между Рудинимъ и нимъ,
Какъ поладимъ да пострашимъ,
Была значительная разность.
Характеровъ разнообразность
Разнообразитъ вѣчный типъ.
Идея, будь одна и та же,
Въ одномъ засядетъ какъ полниги,
Другого выравниваетъ глаже,
Или заставить съ бородой
Ходить безъ галстука. — Иной,
Принявъ ее въ свои владѣнья,
Идетъ на гибель какъ герой,
Иной напротивъ на покой
Отправится въ уединенье,
И сложить руки. — Мой Камковъ
Былъ съ нею чѣмъ-то въ родѣ Пери,
Блуждающей у райской двери,
Внимающей изъ облаковъ
Далекаго блаженства звукамъ,
И въ то же время адскимъ мукамъ,
Огню и скрежету зубовъ.
Онъ былъ далеко не ребеночекъ;
Все понималъ: и жизнь и вѣкъ,
Зло и добро — былъ добръ и тонкъ;
Но — былъ невзрослый человекъ,
Какъ часто, самъ сознавшись въ этомъ,
Искалъ онъ дѣла — и грустилъ;
Хотѣлъ ученымъ быть, поэтому,
Рвался и выбился изъ силъ.
Онъ бѣленъ былъ, но не нуждался,
Хотѣлъ любить — и не влюблялся,
Какъ-будто жаръ его любви
Былъ въ головѣ, а не въ крови.

Онъ по лѣтамъ своимъ былъ сверстникъ

Бѣлинскому. — Станкевичъ былъ
 Его любимецъ и наперсточникъ,
 Къ нему онъ часто заходилъ
 То сумрачный, то окрыленный
 Надѣждами, и говорилъ —
 И говорилъ, какъ озаренный,
 А то такъ надъ собой трунилъ —
 Или пріятелю твердилъ:
 «Какъ зналъ ты жизнь — намъ мало жила.» (*)

Какую роль игралъ онъ въ свѣтѣ,
 И какъ онъ въ высшій свѣтъ попалъ,
 Когда не ѣздилъ онъ въ каретѣ
 И модныхъ галстуковъ не зналъ.
 Туда, сказать вамъ откровенно,
 Попалъ онъ необыкновенно,
 И вовсе роли не игралъ,
 С . . . . . тамъ его встрѣчалъ —
 Онъ появлялся блѣдный, скромный,
 Всегда съ улыбкою заѣмной,
 Всегда одинъ, — всегда вдали
 Отъ пышныхъ дамъ, воть эти дамы
 И были какъ немая милая,
 Вообразивъ, что на мужей
 Онъ сочиняетъ эпиграммы.

Но не пора ли кончить мнѣ
 Бесѣдовать наединѣ
 Съ моею музой престоюшной,
 Чтобъ за мнѣ героевъ вслѣдъ
 На время окунуться въ свѣтъ,
 Холодный свѣтъ, но не бездушный —
 Свѣтъ не бездушный, но съ душой
 Опутанной, нѣмой, слѣпой,
 Коварнымъ идоламъ послушной,
 Свѣтъ не ходящій безъ головы,
 Но обладающій крылами
 Могучими. — Друзья! найду ль

(*) Стихъ Веневитинова.

Я крылья тамъ, — иль вывѣсть съ вами?
Пройдусь въ толпѣ, гордая цѣлими?

Читатель! Если ты желалъ
Въ началѣ моего творенья
Найти ошибку, упущенье,
Иль вялый стихъ, — и не зѣнать
Надъ этой первою главою, —
Ты ничего не потерялъ:
Я угощу тебя второю.
Но если ты не дотянулъ
До половины и — заснулъ,
Спи, милый мой! — Господь съ тобою!

ГЛАВА II

Въ Москвѣ жилъ-былъ одинъ баронъ.
Какъ всѣ бароны, вѣрно онъ
Былъ человѣкомъ не безъ вѣса:
Онъ былъ богатъ, игралъ въ бостонъ,
По утру дѣлалъ моціонъ,
И — былъ дуракъ. Но баронесса...
Была особая статья!
О! будь я дама, — вѣрно бъ я
Ей подражалъ, иль, ужъ повѣрите,
Возненавидѣлъ бы до смерти.
(Пишу по слухамъ мой рассказъ),
Я къ сожалѣнью только разъ
И видѣлъ, какъ она въ концертѣ
Съ тетрадкой нотъ сидѣла, и —
Рѣсницы длинныя свои
Склоня къ колѣнамъ, какъ маэстро,
Карандашемъ, подъ громъ оркестра,
Чертила что-то.
Гордый Листъ,
Извѣстный вамъ фортепьянистъ,
Когда изъ Венгріи опальной
(Артистовъ модный идеалъ)
Онъ прилетѣлъ и взволновалъ
Нашъ сѣверъ славою музыкальной, —

Ее не даромъ посетить,
 Былъ пьянъ и геніально мигать.

Не даромъ Щепкинъ знаменитый,
 Поборникъ Гоголя маститый,
 Ея гостямъ «Разъѣздъ» читалъ,
 Смѣшилъ, смѣялся и рыдалъ.

Не даромъ зеленью, цвѣтами
 Въ морозъ крещенскій убрала
 Она свой уголъ, и была
 Всегда особенно мила
 Съ московскими профессорами.
 Стихи читала какъ поэтъ,
 Хоть и безъ лишнихъ декламаций,
 И на защиту диссертаций
 Възжала въ университетъ.
 Не даромъ въ обществѣ старались
 Ей потихоньку подражать:
 Хвалили, громко заступались,
 Или за нравственность боялись,
 И торопились клеветать.
 Но ложь была такого рода, —
 Такая радужная ложь,
 Что ей завидовала мода
 И восхищалась молодежь.

Баронъ былъ мужъ довольно вялый,
 Не дѣлалъ ни добра, ни зла;
 Жена конечно не могла
 При немъ быть женщиной отсталой;
 У ней былъ сынъ — не глупый малый,
 Но, недогадливый — въ отца.
 Когда онъ въ зеркало глядѣлся,
 Чертами своего лица
 Онъ любовался и вертѣлся,
 И этого-то молодца
 Училъ Камковъ. Воображаю,
 Какъ онъ внушалъ, какъ прививалъ
 Онъ философію къ лѣнту.

Однажды, право я не знаю —

Кто баронессѣ подсказалъ,
 Что это — золото-учительъ,
 Что онъ магистръ и сочинительъ,
 Что онъ, какъ древній Ювеналъ,
 Не только знаетъ по латынѣ,
 Но, что довольно рѣдко нынѣ,
 Прочелъ Гомера до конца;
 И также изучилъ глубоко
 Языкъ боговъ и духъ слѣпца,
 Какъ баронесса Воль-де-Кока.

Такая новость не могла
 Не изумить ее сначала;
 Но баронесса отвѣчала
 Спокойно, то есть солгала;
 Не покраснѣвъ : — я это знала,
 Для сына я его брала.

Потомъ какъ-будто испугалась,
 Пошла и сѣла въ уголокъ,
 Когда Камковъ давалъ урокъ.

Черезъ недѣлю оказалось,
 Что онъ, хотя и латинистъ,
 Но вовсе не семинаристъ,
 И также знаетъ по-французски
 И по-нѣмецки, какъ по-русски.

Какъ говорить онъ ! Боже мой,
 Какъ миль !

Упала съ главъ завѣса : —
 Онъ человекъ передовой, —
 Вообразила баронесса.

Ему восторженно внимать,
 Ему безмолвно поклоняться,
 За нимъ карету посылать,
 Задерживать и въ свѣтъ толкать,
 И за Камкова расшнаться
 Она повсюду, гдѣ была;
 За первый долгъ себѣ сочла.

Не будь Гамлетомъ мой ученикъ,
 Онъ натолкнулся бы на грѣхъ,
 Рѣшился онъ смѣло быть враною
 Въ павлиньихъ перьяхъ, — и убитъ;
 Его завидный ждалъ бы въ сѣти;
 Но, — бѣдный, на чужомъ паркѣ,
 Онъ спотыкаться не желалъ,
 Себя цѣнилъ, и наблюдалъ.

Любилъ онъ юность, свѣжесть, стройность,
 Наряды, штофы, зеркала,
 Картины, мраморъ, даже зла
 Наружную благопристойность.
 Не приглядѣвшись ни къ чему,
 Онъ все любилъ, — во не по страсти
 Къ кумирамъ, и не похому,
 Чтобъ вѣрилъ, — нѣтъ, Камковъ отчасти.
 По складу сердца былъ артистъ,
 А по уму идеалистъ.
 И не людей онъ непамятлѣнъ,
 Нѣтъ! въ нихъ таинственной судьбы
 Онъ временную жертву видѣлъ,
 Непризванную для борьбы.
 Конечно къ дикимъ отношеньямъ,
 Отъ поколѣнья къ поколѣнья
 Переходящимъ какъ зарѣтъ,
 Онъ чувствовалъ антицятю;
 Но... какъ дитя, любилъ Россію,
 И вѣрилъ въ то, чего въ ней нѣтъ.

Всегда съ протянутой рукою
 Баронъ Камкова принималъ;
 Перель ученою женою
 Онъ какъ-то смутно сознавалъ
 Свое ничтожество; являлся
 На полчаса, финтиль, играя
 Съ собачкою, — и пропадалъ.
 Женѣ во всемъ онъ довѣрялся,
 Но о Камковѣ отзывался
 Что это перль. Чтожъ? Можетъ быть,
 Онъ зналъ (не даромъ же учился),
 Какъ неприлично походить

На пѣтуха, который рылся
 Въ навозѣ — и *нашедъ* зерно
 Жемчужное : «къ чему оно ?!»
 Воскликнулъ и расцѣтущійся.

А между тѣмъ мой старый другъ,
 Въ навозѣ рывшійся пѣтухъ,
 Какъ человѣкъ обыкновенный,
 Былъ и понятнѣй и сноснѣй
 (Хоть можетъ быть и не умнѣй)
 Иной, глубоко современной
 Намъ критики : онъ не желалъ
 Чудеснаго соединенья
 Душеспасительныхъ началъ
 Съ жемчужинами вдохновенья.
 Нашедъ жемчужное зерно,
 Онъ не желалъ, чтобы оно,
 Не переставша быть жемчужнымъ,
 Могло быть для закуски нужнымъ.
 Онъ просто на-просто не зналъ
 Ему цѣны, и браковалъ.
 Конечно столь же откровенныхъ,
 Фортуною благословенныхъ,
 Я знаю много пѣтухоѣ.
 Они кричатъ намъ : «для голодныхъ
 «Не нужно украшеній модныхъ,
 «Не нужно вашихъ жемчуговъ —
 «Изящной прозы и стиховъ».
 «Мы для гражданства не видали,
 «Отъ музы никакихъ заслугъ :
 «Стихи бесплодны, какъ жемчугъ.
 «Прочъ, — это роскошь !» Но, — едва ли
 У этихъ бѣдныхъ пѣтуховъ,
 Опровергающихъ искусство,
 Изящное просто чувство
 Для *настоящихъ жемчуговъ* ? —

И такъ, мой бѣдный другъ, Камковъ
 Барономъ не былъ забракованъ :
 Онъ скоро былъ рекомендованъ
 Всѣмъ знаменитостямъ, — *инымъ*.
 Онъ нравился умомъ своимъ

Оригинальнымъ и живымъ,
Другими самъ былъ очарованъ.

Въ тѣ дни Тургеневъ молодой
Еще на пажитяхъ чужой
Науки думалъ сѣять розы;
Глядѣлъ на женщинъ какъ герой;
Писалъ стихи, не зная прозы,
И былъ преслѣдуемъ молвой
Съ какимъ-то юношескимъ жаромъ,
Что суждено ему не даромъ
Ходить съ большою головой.

Аксаковъ былъ еще моложе,
Но — юноша — глядѣлъ онъ строже
На жизнь, чѣмъ патриархъ иной.
Весь до костей проникнуть вѣрой
Въ туманный русскій идеалъ,
Онъ счастье гордо отрицалъ,
И называлъ любовь химерой.

Краснорѣчивый Хомяковъ,
Славянства чуткій предвозвѣстникъ,
Камкову былъ почти ровестникъ.
Камковъ нерѣдко съ первыхъ словъ
Сходилса съ ними. Разговоры
Ихъ часто до пяти часовъ
Утра тянулись. — Эти споры
Звалъ мой насмѣшливый Камковъ
Взаимнымъ щупаньемъ головъ.
Иные на него косились,
Потомъ какъ-будто ничего
Въ немъ не нашли, — и подружились.
Иные, раскусивъ его,
Тянули на свою дорогу,
Ему замазывали ротъ,
И льстили; — словомъ по немногу
Заманивали въ свой приходъ...
Иные... но мы только знаемъ,
Что онъ въ сороковыхъ годахъ
Былъ на виду, былъ приглашаемъ, —
И сталъ являться на балахъ.

Вотъ онъ на улицу выходитъ
 Въ снотъ, въ шляпѣ и кашне.
 Ужъ ночь. Все глухо. Въ сторонѣ
 Собака лаетъ... кто-то бродитъ...
 Мятель, шума по чердакамъ,
 Съ досчатыхъ кровель свѣгъ сдуваетъ;
 Фонарь таинственно мигаетъ
 Двумъ отдаленнымъ фонарямъ;
 Закрѣты ставни у сосѣдей;
 Высоко гдѣ-то на стеклѣ
 Свѣтъ огонька дрожитъ во мглѣ.
 — Вотъ подлинно страна мелвѣдей! —
 Самъ про себя Камковъ ворчитъ,
 Въ карманъ свои перчатки суетъ,
 Глядитъ, — ну такъ, платокъ забыть!
 И мой герой съ досады плюетъ.
 Вотъ ѣдетъ Ванька. Ванька — стой!
 Не повали меня, онъ проситъ,
 И въ сани ногу онъ заноситъ
 И ѣдетъ. — Носъ его поникъ
 Въ зашнѣвѣлый воротникъ;
 Извозчикъ клячу поговяетъ;
 Камковъ сидитъ и размышляетъ:
 — Кой чортъ несетъ меня туда?
 А впрочемъ что же за бѣла!
 Балъ охраняетъ нашу личность,
 Такъ какъ никто — и . . . .
 И тотъ не скажетъ неприличность
 Тому, кто приглашонъ на балъ,
 Хотя бы этотъ, приглашонный,
 Былъ самый жалкій подчиненный.
 Балъ нашихъ женщинъ обновилъ
 И насъ съ Европой породнилъ.

Такъ ѣдучи да размышляя
 О томъ о семъ, онъ у Тверскихъ
 Воротъ очнулся. — Десять бьетъ
 На монастырской башнѣ. Вотъ
 И Дмитровка. Освобождая
 Свой носъ, глядитъ онъ: у воротъ
 Четыре плошки, — въ бель-этажѣ
 Сіяютъ окна. Экипажи

Пустые ѣдутъ со двора;
 Надъ ихъ двойными фонарями
 Торчатъ, какъ тѣни, кучера.
 Одинъ изъ нихъ : «куда ты лѣшишь!»
 Кричитъ на Ваньку въ воротахъ,
 «Опѣшилъ что ли?» Самъ опѣшилъ,
 Бормочетъ Ванька въ попыхахъ
 И барина благополучно
 Подвозитъ по двору къ сѣнямъ
 На зло горластымъ кучерамъ.

Камковъ идетъ ; — ему не скучно ;
 Онъ радъ внезапному теплу ;
 Онъ всѣмъ доволенъ — завываемъ
 Оркестра, вазой на углу
 Воздушной лѣстницы, сниманіемъ
 Салоповъ, обнаженныхъ плечъ
 Благоуханной бѣлизною,
 Блондинкою, что передъ нимъ
 Идетъ легка, шумя своимъ
 Атласомъ, — стройная, — одною
 Рукою платье приподнявъ,
 Другую опустивъ съ букетомъ.

Камковъ былъ правъ, смѣясь надъ свѣтомъ,
 Но, и любуясь, былъ онъ правъ,
 Когда на все глядѣлъ поэтомъ.

Вотъ посреди толпы живой
 Онъ озаренный залъ проходитъ,
 Тутъ, слава Богу, мой герой
 Два или три лица находитъ
 Ему знакомыхъ ; — ухватилъ
 За пуговицу, чуть не обнялъ
 Его одинъ славянофилъ,
 И, милый спорщикъ, тутъ же поднялъ
 Вопросъ : чѣмъ вѣче началось
 Новгородское ? — Вопросъ
 Не бальный, но за то мудреный.
 — Мирскою сходкой, — отвѣчалъ
 Ему Камковъ. — Захоталъ
 Славянофилъ ; — но споръ ученый

Былъ какъ-то скоро превращень.
 Ихъ разлучилъ. — Съ двухъ сторонъ
 Танцующихъ грѣшъ подѣмлетъ
 Летучій вальсъ своимъ жезломъ ;
 Толпа ему послушно внемлетъ ;
 Вотъ подъ его пѣвучій громъ
 Несутся пары. — Вотъ кругомъ
 Тѣснится зрители. — Межъ ними,
 Засунувъ палецъ подъ жилетъ,
 Стоитъ весь въ черное одѣтъ,
 Съ лицомъ задумчивымъ, съ живыми
 Глазами, съ складкою на лбу,
 Камковъ, какъ нѣкій вождь, впервые
 Вдали слышавшій палубу.

О чемъ онъ думаетъ, — въ какія
 Мечты душою погруженъ ?
 Кого въ толпѣ замѣтилъ онъ, —
 За кѣмъ слѣдять онъ такъ прилѣжно ?

Въ числѣ танцующихъ была
 Одна особенно мила.
 Нѣжна, какъ ландышъ самый нѣжный,
 Свѣжа, какъ роза. — На влечахъ
 У ней (не только на щекахъ)
 Игралъ застѣнчивый румянецъ ;
 Игралъ онъ даже на локтяхъ,
 Когда ее, какъ деспотъ, танецъ
 На середину увлекалъ.
 Въ ея глазахъ огонь пугливый
 То вспыхивалъ, то померкалъ ;
 Она переходила залъ
 То медленной, то торопливой
 Походкой ; — такъ была робка,
 Такъ граціозно не ловка,
 Такъ не похожа на плутовку,
 Что странно, кто рѣшиться могъ
 Надѣтъ вакхическій вѣнокъ
 На эту дѣтскую головку.

Она дитя, — но кто она ?
 Камковъ невольно знать желаетъ.

— Кажись, — Таптыгица княжна,
 Ему знакомый отвѣчаетъ, —
 А впрочемъ, право, чортъ ихъ знаетъ,
 Я можетъ статья и совралъ,
 У ней, онъ вяло продолжалъ,
 Поднявъ лорнетъ, — не дурень прошлый,
 Но я, товарищъ старый мой,
 На все гляжу, какъ Мефистофель.
 Что дѣлать? пожилъ, братецъ мой,
 И вкуса въ сливахъ недозрѣлыхъ,
 Не вижу: — вяжутъ, чортъ возьми!
 Люблю я барынь угорѣлыхъ
 Лѣтъ этакъ двадцати-осьми...

Камковъ немпожко удивился —
 Такимъ рѣчамъ, — посторонился,
 И на знаконца своего
 Взглянулъ съ усмѣшкой. — Для него
 Такого рода мнѣніе было
 Довольно ново — и — смѣшило.

Вотъ, вѣкъ живи, подумалъ онъ,
 Да вѣкъ учись, — прошу покорно, —
 Какъ выражается задорно.
 Камковъ былъ самъ порой смѣшонъ
 И страненъ, — но иначе онъ
 Блюхою жизни былъ укушенъ,
 Инымъ фантазіямъ послушенъ,
 Иною солью просоленъ.

Вотъ началась кадриль — одна,
 Другая, третья, — кто ихъ знаетъ
 Какая?! — Балъ не отдыхаетъ.
 Въ фигуры переплетена,
 Толпа скользитъ; перебѣгаетъ
 Рука къ рукѣ; — по жемчугамъ,
 По брилліантамъ, по цвѣтамъ,
 По золоту огонь играетъ,
 Тѣнь бѣгаетъ по рукавамъ,
 И музыка гремя сливаетъ
 Людскія рѣчи въ птицій гамъ.

Кто ихъ подслушаетъ, — едвали
 Съ невольной грустью не вздохнетъ.
 Да, — въ нашемъ обществѣ на балѣ
 Тотъ и уменъ, кто больше вретъ.

Но не люблю я темъ любимыхъ ;
 Изъ тысячи провозносимыхъ
 Словъ вѣроятно девять сотъ
 И девяносто девять были
 На этомъ балѣ лишены
 Значенья, десять замъ смѣшили,
 Забыты и повторены.

Греми же музыка сильнѣе,
 Рычи охриплый контра-басъ, —
 Пускай никто не слышитъ насъ ;
 Себя же слушать, не краснѣя,
 Давно привыкли мы, — и намъ
 Недостаетъ лишь только дамъ,
 Чтобъ быть подъ часъ еще пустѣе.

Камковъ кадрили не считалъ,
 Но такъ глядѣлъ, и такъ вникалъ,
 Какъ-будто, право, каждый бантикъ
 Въ нарядахъ дамскихъ изучалъ.
 Философическій романтикъ;
 Быть можетъ, въ танцахъ открывалъ
 Онъ всенародное значенье ;
 Слѣдя быть можетъ за княжной,
 Онъ дѣвственною красотой
 Проникнуть былъ до умиленья.
 Сбираясь на этотъ балъ,
 Онъ вѣрно Шиллера читалъ.

Но тотъ, кто вѣчно наблюдаетъ,
 Тотъ часто ходитъ, какъ слѣпой.
 Такъ скромный наблюдатель мой
 Рѣшительно не замѣчаетъ,
 Какъ отъ него близка гроза,
 И чьи ревнивые глаза
 За нимъ давно слѣдятъ на балѣ.

Вотъ три часа. — Въ сосѣдномъ залѣ
 По двумъ раздвинутымъ столамъ
 Приборы ставятъ. — По угламъ
 Сидятъ разрозненныя пары.
 Кому до танцевъ дѣла нѣтъ,
 Идетъ въ хозяйскій кабинетъ
 Курить хозяйскія сигары.
 Вотъ и мазурка. — Пышный балъ
 Подходитъ къ ужину. — Усталъ
 Камковъ; ужь онъ спѣшитъ убраться,
 Ужь онъ спиной къ дверямъ стоитъ,
 Но баронесса оставаться
 Ему до ужина велитъ.

Игравъ вѣеромъ, вздыхая
 Всей грудью, — словно отдышалъ,
 Она задумчиво сидитъ.
 Онъ долженъ низко наклониться,
 Чтобъ слушать; — дама говорить:

— Вы не хотѣли увлекаться,
 И не хотѣли танцовать,
 Я, — надо правду вамъ сказать; —
 Васъ изучаю...

— Многѣ чести.

— Нѣтъ... увѣряю васъ безъ лести,
 Что вы предобрый человекъ,
 Но, знаете! — большой нашъ вѣкъ
 Вамъ повредилъ, — вашъ умъ озлобленъ
 И сердце спитъ, — не грѣхъ ли вамъ?
 — Нѣтъ, баронесса, я къ баламъ
 Былъ съ юныхъ лѣтъ не приспособленъ:
 Когда я гимназистомъ былъ,
 Я все змѣйки пускать любилъ;
 Когда въ студенты поступилъ,
 Я самого себя пустилъ
 Подъ облака, и въ нихъ терлся,
 Леталъ — пока не оборвался.
 Такъ прозѣвалъ я жизнь и свѣтъ.
 Танцмейстеру же въ тридцать лѣтъ
 Платить за рѣзвые уроки,
 И прыгать въ образѣ сороки

Смѣшно тому, кто учить самъ —
Судить людей не по ногамъ.

— А знаете, что я желаю
Быть вашей ученицей, — и
Боюсь...

— Я васъ не понимаю.

— Недавно съ вами о любви
Я спорила... вы слишкомъ строги;
Вы забываете, что мы
Простые люди, а не боги.
Конечно жить въ стѣнахъ тюрьмы
Я не хочу, — но и на волѣ
Нельзя всегда на свѣтъ безъ боли
Глядѣть. — Вы хоть немножко тѣмы
Намъ дайте, — для отдохновенья, —
Ну... хоть немножко, — для меня...

Камковъ любилъ опредѣленья; —
(Педантъ — не правда ли лрузья?!)
— Что значитъ ваша тѣма? Позвольте
Спросить? — къ роскошному плечу
Склонясь, бормочетъ онъ.

— Увольте

Отъ объясненій, — не хочу
Я объясняться, отвѣчаетъ
Она поспѣшно. — На щекахъ
У ней румянецъ, — на губахъ
Усмѣшка, — тихо пожимаетъ
Она плечемъ, — опять глядитъ
Ему въ лице и говоритъ:
— Что значитъ тѣма? Да развѣ съ вами
Былъ вѣчно свѣтъ? Да развѣ сами
Вы... не блуждали никогда?
Ни разу не были счастливы?
— Я, никогда!

— Ужели?

— Да!..

— Такъ чтожъ вы такъ краснорѣчивы!
— Вы убиваете меня...
Но, баронесса, если я
Въ моихъ невольныхъ увлеченьяхъ

Одно мученье почерпалъ,
 Метался, путался въ сомнѣньяхъ,
 Какъ будто выхода искалъ
 Изъ лабиринта, или хаоса,
 И, если самая любовь
 Глядѣла на меня такъ косо,
 Что въ жилахъ не кипѣла кровь,
 А застывала, — неужели
 За это надо васъ просить
 Меня, какъ варвара, казнить...
 Прощайте! — накрываютъ ужинъ,
 Какъ кавалеръ, — а вамъ не нуженъ,
 Къ тому же... право — сплю давно —
 И даже брежу...

— Уѣзжайте,
 Богъ съ вами! Миѣ самой пора.
 И такъ М-г Камковъ, прощайте...
 И... до свиданья... до утра...

ГЛАВА III

Ночь на исходѣ. Снѣжнымъ кономъ
 Уединенна и блѣдна,
 Виситъ надъ кровлями луна,
 И дымъ встаетъ надъ каждымъ домомъ
 Столообразнымъ облакамъ
 Подобно; медленно и грозно
 Онъ къ потухающимъ звѣздамъ
 Ползетъ.

Неужели такъ поздно?!

Лѣниво удаляясь прочь,
 У башенъ спрашиваетъ ночь.
 Который часъ?

— Да ужь девятый!

Звонить ей Спасская въ отвѣтъ,
 И ночь уходитъ. Ей во слѣдъ
 Глядятъ, зардѣвшись, кремль зубчатый
 Сквозь призму неподвижной мглы.
 Надъ сѣрыми его зубцами
 Кресты и вышки и орлы
 Горятъ пурпурными огнями,

И утро съ розовымъ лицомъ
Стучится въ ставни кулакомъ :
«Вставай лѣвтяй ! вставай затворникъ» !

И просыпается Камковъ.
Уже къ нему съ вязанкой дровъ
Ввалился неуклюжій дворникъ,
Вотъ онъ на корточкахъ сидитъ
Передъ заслонкою ; трещитъ
Подъ пальцами его береста,
И печка топится.

«Морозъ—то

Какой Богъ далъ, — такой лихой,
Что ина *жгетъ*.

— А что, большой?

— Да такъ себѣ, изрядный ; галка,
И та вишь мерзветъ на лету.

Камковъ (ему какъ будто жалко
Что птицу вольную, и ту
Не пощадилъ морозъ проклятый),
Облокотясь одной рукой
На край своей подушки смятой,
Хандрить, и кажется ему,
Что онъ похожъ на инвалида,
Что онъ не можетъ ни къ кому
Пристать, какъ каторжникъ безъ вида,
Тайкомъ покинувшій тюрьму ;
Что предаваться увлеченьямъ
Не смѣетъ онъ, и на себя
Глядитъ герой мой съ сокрушеньемъ,
И мыслить : чортъ возьми тебя,
Камковъ ! ты вкуду не годенъ.
Вотъ, погляди, мужикъ сей рабъ
И такъ здоровъ, а ты свободенъ,
И непростительно такъ слабъ.
Да я бѣ дрова колотъ, да я—бѣ
Таскать тебя заставилъ воду,
Чтобъ ты здоровую свободу
Благословлялъ.

Ну словомъ мой
Герой всталъ лѣвою ногой.

Такъ онъ хандрилъ. — Конечно это
 Хандра минутная была,
 Но иногда она вѣда
 Его къ стихамъ; произвела
 Его для многихъ въ чинъ поэта,
 Хотя элегическихъ стиховъ
 Своихъ терпѣть не могъ Камковъ.

Блаженъ, кто съ раннею зарей,
 Или къ полуденной порѣ,
 Проснувшись съ свѣжей головою,
 Не спросить: что-то на дворѣ?
 Какая-то теперь погода?
 Кому и счастье и природа
 Равно всегда благоволятъ;
 Кто сильно молодъ, или богатъ;
 Кому въ минуты пробужденья,
 Мечта пророчить наслажденья,
 Поеть ему: ты мой женихъ,
 Сердечный, милый, неважный,
 Тебя на крыльяхъ зодотыхъ
 Я унесу въ чертогъ нарядный:
 Тамъ посреди зеркальныхъ стѣнъ
 Я проведу тебя украдкой
 И положу въ истомѣ сладкой
 У трепетныхъ ея колѣнъ.
 Или поеть: мой другъ, сегодня
 Лети на биржу, да бери
 Съ собою акцій пукъ, да ври
 Безсовѣстнѣй какъ можно, и
 Авось для праздника Господня
 По прежнему кого-нибудь
 Я помогу тебѣ надуть,
 И будешь ты богаче вдвое
 И разжирѣешь на покой.

Или поеть; начальникъ твой
 Тебѣ сегодня улыбнется...
 Не даромъ у тебя такъ бьется
 Сердчишко; ты, любимецъ мой;
 Повѣрь, что у слѣпой Фемиды
 Есть на тебя большіе виды,

И наканунѣ имяннѣ
Къ тебѣ слетитъ желанный чинъ.

И такъ друзья, блаженъ, кто грѣшенъ
Безъ ссоры съ золотой мечтой;
Кто ласкою ея утѣшенъ,
Тотъ вѣрно лѣвою ногой
Не встанетъ съ утренней постели,
Не скоро сброситъ свой халатъ,
И на морозы, ни мятели
Его блаженства не смутятъ.

Камковъ недолго оставался
Въ своемъ халатѣ, потому
Что было некогда ему.
Онъ брился, мылся, одѣвался:
Ну, словомъ, выѣхать спѣшилъ:
Едва-едва онъ не забылъ,
Что ровно въ десять начинался
Урокъ, что цѣлый пансіонъ
Дѣвницъ учить обязанъ онъ;
Что ученицы молодая
Нетерпѣливы, что дѣныя
Съ утра долбятъ: Платонъ, Сократъ,
Периклъ, Софоклъ, Адживадъ,
И такъ долбятъ, и такъ спѣшатъ,
Что даже, не доѣвши будки
За чаемъ, посовала ихъ
Въ кармашки фартушковъ сводитъ;
Камковъ, какъ вижу я, прогулки
Въ Афины съ ними совершалъ,
Ихъ юность въ древность посвящалъ.

Вотъ мой герой напился чаю,
И не въ Афины ѣдетъ, а онъ
На Ванькѣ ѣдетъ къ Ермолаю
Въ вышерѣченный пансіонъ,
Туда, гдѣ помавая бровью,
Не разъ онъ съ жаромъ говорилъ,
Гдѣ платонической любовью
Дѣв-три шалуны заразилъ,
И тѣмъ заставилъ ихъ смириться,

Сидѣть прямѣе, не болтать,
За нимъ въ Элладу улетать,
И чуть не взапуски учиться.

Увы! подсиѣжные цвѣты,
Прощайте!.. выросла крапива,
Дурманъ, цикорій, хмѣль для пива;
Деревья, травы и кусты
Уже блестятъ въ нарядахъ лѣта,
Прощайте дѣтскія мечты!
Вы позабыты въ шумѣ свѣта
Подъ вѣявшемъ житейскихъ грозъ,
Страстей, борьбы, заботъ и слезъ.

Изъ пансіона къ молодому
Барону ѣдетъ мой Камковъ,
(Хоть онъ и не совсѣмъ здоровъ);
Но къ баронессѣ, даже къ дому
Ея, невольно какъ-то онъ
Привыкъ, замѣтно окружонъ
Предупредительнымъ вниманьемъ
Хозяйки: — могъ онъ тамъ курить,
Входить въ гостаную, — смѣшать,
Пугать хандрой, иль отрицаньемъ
Житейскихъ всякихъ пустяковъ.

Такъ незамѣтно мой Камковъ
Сталъ баронессѣ тѣмъ пріятель,
Что былъ и простъ и непонятель:
Ей нравиться не прилагалъ
Онъ ни малѣйшаго старанья,
А потому и привлекалъ.
Ея намеки иль признанья
Полушутливыя (давно
Другой бы понялъ ихъ: одно
Изъ нихъ мы слышали на балѣ)
Его нисколько не смущали;
Ея пріазнь онъ принималъ
За симпатію убѣжденій;
Другихъ же тайныхъ побужденій
Покуда не подозрѣвалъ.

Такъ ѣздя на урокъ съ урока,
 Въ наукѣ жизни не далеко
 Ушолъ ученый мой поэтъ;
 Но, говорятъ, кто съ юныхъ лѣтъ
 Нѣмецкой мудростью наупресть,
 Не можетъ быть не кѣлеумудресть.

Попробуйте вообразить,
 Положимъ Гегеля — Фобласонъ,
 Иль Канта — Казановой, — разомъ
 Поймете вы, что совмѣстить
 Такіе типы высшій разумъ
 И тотъ не въ силахъ. Только брава
 И можетъ сочетать съ вакомкой
 Философическій колпакъ;
 И если кофе и табакъ
 Сольются запахами, — смолкой
 Ихъ духъ не выкурите никакъ.

Не странно ль! — Эти замѣчанья,
 Поздній, въ часъ горькаго признанья,
 Отъ самаго Камкова я
 Подслушалъ. — Самаго себя
 Онъ не щадилъ нисколько. Съ этимъ
 Глуменьемъ надъ самимъ собой
 Онъ былъ (мы отъ себя замѣтимъ)
 Гамлетомъ съ русскою душой.
 И вспомнимъ кстати, что Гамлета
 Тургеневъ громко обвинялъ.
 Но кто же, кто имъ не бывалъ
 Изъ тѣхъ, кто мыслить и страдалъ,
 Кто раболѣпно не склонялъ
 Колѣвъ предъ идолами свѣта,
 Кто сердце честное возмалъ
 Объ ихъ желѣзній педесталъ,
 И кончилъ тѣмъ, что притворался
 Юродивымъ, или смирился...

Отъ баронессы мой герой
 Спѣшилъ обѣдать те въ военной,
 То у друзей, или домой
 Летѣлъ забиться въ уголь свой,

Заняться новой книжкой Гейде, и прочесть и переписать
 Прочесть романа свѣжій томъ, иль углубиться надъ трудомъ
 Историка. — Все, отъ Сибуна до современнаго Прудона, —
 Онъ все читалъ, какъ-будто меду
 Изъ нихъ высасывалъ. — Но тотъ,
 Кого считалъ онъ великаномъ,
 Кто въ черепѣ своемъ вмѣщалъ
 Весь міръ, хотя и прикрывалъ
 Философическимъ туманомъ
 Зерно идей своихъ, — чей взоръ
 Въ границахъ отыскалъ престоуръ;
 Нашолъ, что духъ всему основа,
 Для малаго и для большаго,
 Для зла и для добра, — и то,
 Что абсолютное ничто,
 Всему есть вѣчное начало;
 Ну, словомъ, Гегель для него
 Былъ первый другъ и зашало.
 Изъ отвлеченностей его
 Онъ много разныхъ истинъ вывелъ,
 И даже — чуть не оплѣшивъль.

О! часто думалъ я, — родился
 Камковъ мой въ Мюнхенѣ, въ Берлигѣ,
 Въ философическую высь
 Ушолъ бы мой герой, и нынѣ,
 Быть можетъ, въ парикѣ, въ очкахъ,
 Шумѣлъ бы съ кафедры — писалъ бы
 Трактатъ ученый, — издавалъ бы
 Въ ста двадцати пяти частяхъ
 Иль выпускахъ свои творенья;
 Въ нихъ разрѣшилъ бы всѣ сомнѣнья,
 Доволенъ былъ бы самъ собою;
 Своей дешевою сигаркой,
 Сантиментальною кухаркой,
 Или кухаркою женой,
 Своимъ уютнымъ, скучнымъ домомъ,
 И докторскимъ своимъ диваномъ,
 И былъ бы счастливъ.

— Не такой! —

Былъ мой талантливый Камковъ;
Онъ радъ былъ день и ночь трудиться,
Но увѣрялъ, что не годится
Въ московскіе профессора;
И увѣрялъ, что самъ предвидеть,
Какъ пичего, пзъ подъ пера
Его, хорошаго не выдетъ.

Я, говорилъ онъ: — «я похожъ
На скрипача. Едва начнешь
Играть въ своей каморкѣ тѣсной
Какой-нибудь концертъ, — едва
Смычокъ, струна и голова
Сольются въ музыкѣ чудесной,
Какъ вдругъ какой-нибудь соседъ,
Больной подагрой иль чахоткой,
Стучится за перегородкой,
И вамъ кричитъ: «Эхъ, мочи чѣтъ,
Мнѣ ваша скрипка спать мѣшаетъ!»
И вотъ чувствительный скрипачъ
Отъ струнъ смычокъ свой отрываетъ
И въ вѣжномъ сердцѣ ощущаетъ
Такую злобу, что хотъ плачь.
Вотъ ночь проходитъ. Солнце всходитъ.
На скрипача опять находить
Охота къ солнцу улетѣть
И вотъ опять смычкомъ онъ водить,
И вотъ ужъ гимны сталъ онъ пѣть:
Чу! кто тамъ? — Отъ хозяйки Прощка:
За чѣмъ ты? — Начали говѣть
И просятъ погодить немножко,
Недѣлку эту не скрипѣть;
И вспомнилъ онъ, что и намѣдн
Его просили не играть
За тѣмъ, что попъ прошолъ къ обѣдн.
Что дѣлать бѣдняку? Искать
Другое мѣстопребыванье
Иль оказать непослушанье;
А такъ-какъ робость на него
Нашла, что выгонять его
Съ квартиры на морозъ безъ денегъ, —

Карманъ—то видно былъ пудтенецъ, —
 То вы изъ этого всего
 И выводите заключение.»

Камковъ былъ мастеръ на сравненья;
 Онъ вѣроятно испыталь,
 Что значуть камни преткновенья
 И съ видомъ остряка желалъ
 Передъ друзьями оправдаться,
 Но онъ отъ этого, признаться,
 Ни выигралъ, ни проигралъ.

Чудакъ! писалъ бы да писалъ,
 И вѣрно бы не хуже многихъ
Судей рѣшительныхъ и строгихъ (*)
 Къ намъ въ просвѣтители попалъ.
 Чего ему не доставало?
 Знать не было геройства? Да,
 Такого свойства, госнола,
 Въ моемъ героѣ было мало,
 А безъ геройства, чортъ возьми,
 Какъ трудно вѣдаться съ людьми!

Уроки, чтенье, споры, Боже!
 Ужели все одно и то же?
 Но дни бѣгутъ, какъ за волной
 Волна, сказалъ бы я въ сравненье,
 Когда бы съ русскою зимой
 Могло мое воображенье
 Себѣ представить волну теченье...
 Стояли рѣки въ берегахъ,
 Но дни къ веснѣ текли, — и ночи
 Замѣтно дѣлались короче,
 Хотя по прежнему морозъ
 Знобилъ народъ, и зябкій ность
 Красивѣлъ порякомъ. Но едва ли
 На то вниманье обращали

(*) Стихъ А. Пушкина.

Всѣ тѣ, кому вездѣ тепло,
Куда бы ихъ ни занесло.

Пусть въ берегахъ рѣки застыла
И снѣгу много намело,
Москва попрежнему кутила
Природѣ пасмурной на зло.
Въ сердцахъ, по милости лохматыхъ
Шкуръ, содранныхъ съ лисиць, волковъ,
Медвѣдей, котиковъ, бобровъ,
Звѣрей, ничѣмъ невиноватыхъ,
По милости печей и дровъ,
Играла кровь, вставали страсти,
Просили счастья, денегъ, власти,
И волновались зимой
Еще сильнѣе, чѣмъ весной,
Однимъ на смѣхъ, другимъ на горе.

И вотъ печальной волной
Страстей волнуемое море
Плеснуло даже на него...
Да-съ, на героя моего
Оно пласнуло. Онъ забылся, —
Не остерегся и влюбился,
Какъ вѣкій отрокъ. Но въ кого?
Вопросъ, — ужели въ баронессу?
Чтожъ развѣ это мудрено:
Ей двадцать девять слишкомъ, но
Она свѣжа, она повѣсу
Любого можетъ вдохновить
И сонъ блаженства подарить.
И этому Бальзакъ нисколько
Не удивился бы. Отецъ
Тридцатилѣтнихъ дамъ на столько
Зналъ глубину людскихъ сердець,
Что зрѣлыхъ женщинъ страсти зрѣлой
Онъ отдалъ пальму первенства
Передъ волненьями едва
Не плачущей, въ любви не смѣлой,
Неловкой дѣвушки. Онъ зналъ
Конечно для кого писалъ.
Камковъ и самъ былъ почитателемъ

Большой Бальзака, — для него . . . . .
 Онъ былъ съ достоинствомъ . . . . .
 Но не оракулъ, отъ того . . . . .
 Быть можетъ, что въ его натурѣ . . . . .
 (Равно какъ и въ его фигурѣ) . . . . .
 Вы не нашли бы ничего . . . . .
 Французскаго. Камковъ поѣхъсой . . . . .
 Увы! ни разу не бѣдалъ, ...
 Поэтому, друзья мои, ...
 Не могъ плѣниться баронессой: . . . . .
 Онъ къ ней привыкъ, и тамъ . . . . .
 Ужъ слишкомъ началъ уважать . . . . .
 Въ ней умъ и сердце, а . . . . .
 Какъ это чувствено . . . . .
 Тамъ, гдѣ великій самодуръ . . . . .
 Шалить и тѣшится Амуръ . . . . .
 Амуръ, и мой Камковъ ! . . . . .
 Довольно странная игра . . . . .
 Судьбы, но мнѣ давно пора . . . . .
 Судьбѣ ни въ чемъ не удивляться . . . . .

М. КОЛОДЕЦКІЙ

1861 г.

МЕРИ БАРТОНЪ

НОВЪСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА X.

Не дай ей вѣсть во грѣхъ, который я свершила,
Ея невинность вѣжную лелѣй;
О! лучше во сто кратъ холодная могила,
Чѣмъ низкій жребій мой, во цвѣтъ юныхъ дней!

«Отверженная».

Отчаяніе мрачнымъ облакомъ спустилось надъ ними; изрѣдка прерывая тишина тупаго страданія прерывалась рѣзкимъ свистомъ бурнаго вѣтра, который служилъ унылымъ предзнаменованіемъ того, чѣмъ могла, чѣмъ должна была разразиться эта собирающаяся буря. Въ такіа времена насъ нерѣдко утѣшаютъ народныя поговорки и пословицы, и мы съ нѣкоторой отрадой повторяемъ эти знакомыя старыя слова, эссенцію праотцевской мудрости, въ родѣ того что «нѣтъ худа безъ добра», «у всякой дорожки свой поворотъ», «всему приходитъ конецъ», и такъ далѣе. Но въ настоящемъ случаѣ тяжкія времена уже такъ долго, такъ неумолимо тяготѣли надъ бѣднымъ населеніемъ, что подобныя поговорки казались бессмысленными и утратили всю свою прелесть. Бѣдняки погружались все больше и больше въ безвыходную нищету: Удивительно живучесть челоуѣка, если подумаемъ какъ немногіе (сравнивая) перемерли за это время, тогда какъ жизнь была имъ такъ трудна, такъ долго, долго морила ихъ. Но вспомнимъ, что смерть

тогда только поражаетъ насъ, когда выхватываетъ изъ общества людей крѣпкихъ, годныхъ къ труду; престарѣлыхъ, хворыхъ и дѣтей мы почти несчитаемъ въ чужь. Но мало ли остается послѣ нихъ осиротѣлыхъ сердецъ, которые годами еще не успѣютъ оплакать всѣ свои потери. Вспомнимъ также, что хотя очень много нужно времени, чтобы окончательно умирить крѣпкаго человѣка страданіями и лишеніями, но вовсе не такъ много для того, чтобы нормальное, существо полное достоинствъ и способностей оборотить въ хилое, немощное, безучастное созданіе, съ жолчнымъ сердцемъ и изнеможенною плотью продолжающее свое незавидное существованіе.

Бѣдняки считали прошедшіе года очень тяжелыми, и тогдашняя судьба ихъ казалась имъ горькою; но этотъ годъ принесъ имъ несравненно худшіе дни.

На долю Бартона конечно выпало также не мало физическихъ страданій. Передъ путешествіемъ въ Лондонъ, понапрасну отнявшимъ у него дорогое время, онъ имѣлъ уже немного работы; но тогда, въ надеждѣ на скорую переѣзду къ лучшему, вслѣдствіе вмѣшательства парламента, онъ не призадумался отказаться отъ этого мѣста. Теперь же, когда онъ снова сталъ просить работы, ему отвѣчали, что на фабрикахъ и такъ каждую недѣлю уменьшаютъ число рабочихъ, и дали ему замѣтить между прочимъ, что еслибы и потребовались новые работники, то фабриканты стали бы выбирать ихъ конечно не изъ числа чартистовъ и не изъ дѣйствительныхъ членовъ-предводителей Торговаго Общества. Бартонъ все еще держался молодцомъ и старался не падать духомъ. Онъ зналъ, что гололъ ему ни почемъ, потому что привыкъ переносить его еще въ ранней дѣтствѣ, когда мать откладывала свою порцію насущнаго хлѣба, съ тѣмъ чтобы раздѣлить ее потомъ между дѣтьми; и самъ онъ, въ подражаніе ей, смѣло произносилъ благородную ложь, что «сытъ и не можетъ больше проглотить ни куска»; и тогда его частица передавалась въ руки младшихъ членовъ семьи, неразумно плакавшихъ отъ голоду. Мери была обезпечена у миссъ Симмондсъ, гдѣ ее кормили два раза въ сутки; однако добрая модистка также не избѣгла вліянія трудныхъ обстоятельствъ и принуждена была отказать своимъ швеямъ въ обычной порціи вечерняго чая; впрочемъ она лично подзавала имъ примѣръ воздержанія, откладывая свою вечернюю трапезу до того времени, когда швеи расходились по домамъ, какъ бы это ни было поздно.

Но квартира! Видъ изъ Месъ было почти похороненъ въ небытію — почти весь заработокъ Мери — а вѣтъ имъ такое большое поощреніе? Видъ ихъ всего только двое: — Да, пришла время благодарить Бога за то, что онъ раньше прибралъ остальныхъ и не далъ имъ дожидать до этой крайности. Хлѣбомашинъ и вообще поселенцевъ сильно пресаживаются къ мѣсту своего жительства; но отъ горожанъ нахъ стало нельзя сказать. Однако есть исключенія, и къ числу ихъ принадлежалъ именно Бартошь. Онъ поселился въ этомъ домѣ тотчасъ послѣ смерти своего малютки Тома; тогда онъ задумалъ переимѣнить квартиру, для того, чтобы хлопотами и ночными заботами развлечь свою обезумѣвшую отъ горя жену; да и самъ онъ по этой причинѣ принялъ такое дѣйтельное участіе въ перестановкѣ и отдалъ равныя желанія, какому вѣроятію при живыхъ обстоятельствахъ не удостоился бы отъ него никакой квартиры. За то въ этомъ жильѣ зналъ онъ каждый гвоздикъ и вѣрочекъ, прирѣзанный когда-то для удобства бѣдной жены. Одишь только гвоздикъ и былъ выкутъ съ той поры: то былъ гвоздикъ, на который Эсмеръ вѣшила свои хорошенькія шапки и который послѣ смерти жены онъ съ жонглинскимъ чувствомъ выдернулъ изъ стѣны и выбросилъ на улицу.

Тяжко было бы теперь выбираться изъ этого дома, освѣщеннаго дорогими воспоминаніями о прошломъ счастьи. Но признавъ что-либо нужнымъ и разумнымъ, Бартошь оставлялъ для себя закономъ исполненіе такой обязанности, и хотя подобный самодѣльный законъ бывалъ подъ часъ очень тяжелъ и обременителенъ, Бартошь за этимъ не стоялъ.

Онъ рѣшилъ немедленно предупредить управляющаго о сдачѣ своей квартиры и объявить дочери о перемѣнѣ. Бѣдная Мери! Она также привязалась къ дому, и сердце перевернулось въ ней при мысли разстаться съ нимъ. Скоро ли еще привыкнетъ это сердце къ другому очагу!

Но нѣтъ, эта чаша прошла мимо. Въ тотъ самый понедѣльникъ, въ который Бартошь пожелалъ предупредить управляющаго, этотъ послѣдній самъ отъ себя понизилъ цѣну за квартиру на три цента въ недѣлю; т. е. ровно настолько, чтобы соблазнить Бартона остаться на старомъ мѣстѣ.

Но мало ли малу квартира лишилась всѣхъ своихъ маленькіхъ украшеній. Иныя вещи переломались отъ времени, а починить ихъ было не на что, потому что каждая монетка шла на необходимую насущную пищу. Другія вещи начали исчезать изъ дому еще болѣе

положить семидесять оброчныхъ, а гдѣ нѣтъ: Маря отъосади тогда за дру-
гой, закладывать роотышдуку.

Восписной поднефъ и дрякій чайный ларецъ и гдѣ долго и тѣмъ:
гелъно сохранимъ, упидѣ туда же, на кѣбѣ отцу: Онъ влече: не
проситъ и не требовалъ, не она видѣла, что онъ поподасть, по соу-
нущемуся лицу, по безпокойному выраженію его: глаза, лихора-
дочно горѣвшихъ. Но вѣтъ она сиустма: съ рукъ одѣала, шоземужо
время было: лѣтное и особой нужды въ нѣдѣ не было; вырученныя
за нихъ деньги составили изрядную маленькую сумму, и Маря на-
дѣлалась, что она прокамелся до тѣхъ поръ, пока судьба ихъ и вѣско-
но обличителъ: Не деньги скоро выщли, и она снова свала осмагри-
таты компану; лица: нѣтъ ли чего лишняго. На все это отецъ не сло-
валъ ни одного слова: Поотылся ли онъ, или шировагъ (воелъ дрова:
ли какой нибудь лепицы); востраннымъ кускомъ хлѣба и сыра, ему
былъ повидимому все равно, и эта угрюмое равнодушіе странно
загадывало: сердце Маря. Она часто думала, отчего бы ему не обра-
тился: въ попписительному комитету о бѣднѣхъ, и дивилась, что ком-
мерцкій клубъ нѣтъ не помогалъ ему. Однажды, когда онъ цѣ-
лый день просидѣлъ безъ лица у камна, худой, небритый, въ
ветной одеждѣ и съ какими-то дикими и воспаленными глазами; она
сверсила: это, почѣму: онъ не вполночьетъ о вспоможеніи изъ дород-
ной: кассы; онъ обернулся и, бросилъ на нее молчный, смирный
взглядъ; сказалъ: «не нужно мнѣ ихъ денегъ, Маря! Чортъ небери
къ деньгу и благодѣнія! Мнѣ надо работу, я имѣю на нее право.
Работу мнѣ надо!»

Онъ оказалъ: повѣ; что: все стерпеть, все вынести. И точно
свѣтилъ; Мо: бѣтъ всякой кротости; этого уже нельзя было и ожидать.
Настоящую кротостью обладаютъ только тѣ люди, которые видѣли
многочуброты и участіе отъ своихъ ближнихъ. А Бартозу во часто
приходилось подвергаться такому примирительному влиянію. Но во
смерила: крайнюю нищету; онъ умерно отразывался: отъ вспоможе-
нія, которое предлагалъ ему коммерцкій клубъ. Правда, что клубъ
этотъ давалъ: нацнефъ — и давать ему было не изъ чего, но зато, пре-
муро: взирая: на житейскія дѣла, они рѣшилъ оказывать вспоможе-
ніе только самымъ благонадежнымъ членамъ общества, т. е. самымъ
энергическимъ и дѣятельнымъ; а не тѣмъ, которые болѣе нужда-
лись.

Но такъ: разсуждалъ: Джонъ Бартоу. По его мнѣнію: нужна
равна: законному: праву.

и — Отдайте мою долю Тому Дербиншефру, соборный топи! Онъ больше моего имѣть правъ на помощь „глоточкуе ему служиво: му лего сѣмеро дѣтой“.

Надо знать, что Томъ Дербиншефръ былъ прішительнымъ: ме- доброжелателемъ и приходтишка врасомъ Джона Бартона и Джонъ зналъ это; но въ настолицей слынаѣ что за дѣло? Теперь не время было входить въ такія мелочи.

Мери по прежнему рано уходила на работу; но дѣвушки, то- верки ея, замѣчали, что давно уже не слышно въ швейной комнатѣ ея: звоннаго, веселаго смѣха. Мысли ея тоскливо летали надъ кар- тинами настоящей нищеты, но по мѣрѣ того, какъ иголка правиль- но передвигалась въ ея рукахъ, мысли группировались: группѣ отраднѣхъ картинъ будущаго; она всею душой предавалась меч- тамъ о предстоящемъ ей богатствѣ, о роскоши и оуетныхъ забав- вахъ, и едва, мимокодомъ; задумывалась о любимомъ человѣкѣ; ко- торый раздѣлять съ нею все это! Однако же она гордилась мыслью, что привлекла вниманіе человѣка, поставленнаго въ обществѣ на столько выше ея; она тайнѣ наслаждалась сознаніемъ, что она, окруженный такимъ блескомъ, избалованный всеобщією любовью и похвалами; не разъ говорилъ, что готовъ отдать все на свѣтъ за одну ея улыбку. Любовь ея къ нему была не болѣе, какъ пузырь, надутый тщеславіемъ; но на видъ любовь эта казалась очень правдо- подобною и горячею. Салли Ледбиттеръ между тѣмъ терпѣливо вы- ждала у моря погоды; она уже замѣтила, что Мери начинаетъ цѣ- нить деньги, какъ великое средство къ жизни; а мало ли дѣвушекъ пошло на эту золотую приманку, не ощущая даже; ни клѣши той увлекающей страсти, которая по ея мнѣнію наполнила уже сердце Мери. Вслѣдствіе этого она постоянно подстрекала молодаго мастера Карсонса повестъ дѣло порѣшительнѣе, въ особенности наирая на крайнюю бѣдность Мери. Но онъ какъ-то инстинктивно остере- гался оскорбить ее намекомъ на эту бѣдность, зная, что далеко не одна она страдаетъ отъ такого положенія дѣлъ. Онъ чувствовалъ, что покажѣсть довольно и тихихъ встрѣчъ, тихихъ нечаянныхъ про- гулокъ въ длинныя лѣтніе вечера и довольствовался покажѣсть тѣмъ, что напоятывалъ ей сладкія рѣчи и заставлялъ ея щечку веселѣ- вать, а губки улыбаться и оіяты милонидѣйшимъ счастьемъ. Да, нужна осторожность, чтобы вѣрнѣе достигъ своей цѣли! Такъ или иначе, — Мери неминуемо будетъ принадлежать ему. Онъ никакъ не сомнѣвался въ своихъ личныякъ промышествахъ и въпривае;

капельности своей особы: сознавая себя очень красивымъ; онъ полагалъ, что онъ неотразимъ.

Если бы онъ видѣлъ или зналъ, что такое внутренній бытъ Бартоновъ; онъ конечно не сталъ бы приписывать глупости своимъ личнымъ достоинствамъ той готовности, съ которою Мери соглашалась теперь проводить съ нимъ на улицѣ тихіе лѣтніе вечера. Возвращаясь на ночь домой, Мери часто не заставала тамъ отца, а самая квартира далеко уже не представляла теперь того веселенькаго и пріятнаго вида, какъ въ прежнія времена: давно пропало для нея то время, когда не жалѣли ни мыла, ни щетокъ, ни штукатурки, ни помитурны для приведенія ея въ надлежащій порядокъ. Квартира была грязна и безпріютна, тѣмъ болѣе, что ее не оживляла даже и обычный, безмолвный другъ дома, каминный огонекъ. Маргарита приходила рѣдко, потому что теперь ее очень часто приглашали играть въ концертахъ, и она развѣзжалась по великолѣпнымъ домамъ: А Алиса? О, какъ Мери жалѣла, что Алиса покинула свой родимый и переселилась въ Энкотъ къ невѣсткѣ! А Мери была очень виновата по этой части: она все откладывала, да откладывала своей вѣсткѣ ко двору Джоржа Вильсона, со страху встрѣтиться съ Джекомъ или подать ему видъ, будто кочеть оставаться съ нимъ на той же короткой ногѣ, какъ и прежде; и ужъ такъ давно не пообщала она Энкота, что ей было ужасно совѣстно, и она вовсе не хотѣла ходить туда.

Когда отецъ бывалъ дома, то дѣло выходило ни чуть не лучше, а даже хуже. Онъ рѣдко говорилъ, рѣже чѣмъ когда либо; а когда начиналъ говорить, то у него вырывались большею частью жесткія, срубныя выраженія, которыхъ Мери никогда не слыхивала прежде: Она сама всплывала и также рѣзко отвѣчала ему. Одинъ разъ, въ припадкѣ гнѣва, онъ даже ударилъ ее. Случись въ эту минуту подъ рукою Салли Лодбиттеръ или мистеръ Карсонъ, Мери была бы готова навсегда поклонуть родительскій кровъ. Отецъ хлопнулъ дверью и ушелъ, а она осталась одна, вспоминая о давно прошедшихъ дняхъ семейнаго счастья и тишины; она сидѣла и раздумывала, что напрасно погорячилась съ отцомъ, потомъ рассудила, что должно быть отецъ уже не любить ее. Одна горькая мысль приходила за другою и заволакивала ея смущенное сердце. Кто же ее любитъ теперь? Можетъ быть мистеръ Карсонъ; но только это какъ-то неутѣшительно въ минуту настоящей печали. Мать лежитъ въ сырой землѣ! Отецъ сталъ такой сердитый, а вотъ сегодня и жесто-

кій (потому что ударъ былъ ослепителенъ, а рѣчная лавина) Мери-распростерлась отъ боли). Тутъ сердце ея омялось, она стихла и начала преобладать, что въ последнее время она сама гораздо драгнѣе его своими взглядами и отъѣздами, а бѣдному отцу и такъ не слабово; а прежде, какъ онъ былъ добръ и внимателенъ къ ней! Одно за другимъ столпились передъ ней воспоминанія о разныхъ проявленіяхъ его родительской любви, и она не могла надвинуться, что се получила такъ дурно обращаться съ нимъ.

Онъ воротился домой. Если бы не стыдъ, она бы тотчасъ высказала ему все свое раскаяніе. Но, усиливаясь скрыть свое возмущеніе, она казалась угрюмою, и отецъ нѣсколько минутъ не зналъ, какъ подступиться къ ней. Наконецъ онъ поборолъ свою гордость и сказалъ:

— Мери, признаюсь, что мнѣ очень жаль, что я тебя прибилъ. Ты меня вывела изъ терпѣнія, да и самъ я уже не тотъ человекъ, что былъ прежде. Но все-таки я напрасно это сдѣлалъ и постараюсь никогда больше не задѣвать тебя подъ сердитую руку.

Онъ протянулъ къ ней руки, она бросилась въ его объятія и съ горькими слезами покаялась въ своихъ ошибкахъ. Онъ действительно съ тѣхъ поръ ни разу не ударилъ ее.

Но сердился онъ все также. А для Мери его гнѣвъ былъ все же легче угрюмаго молчанія. Потомъ онъ сѣлся къ камину (чисто по привычкѣ, потому что огня не было) и курилъ или жевалъ опиумъ. О, какъ ненавидѣла Мери запахъ этого опиума. А по вечерамъ, уже къ самой ночи, она боязливо поглядывала на окна, лицевыя теперь всякихъ сторъ и занавѣсовъ: тамъ нерѣдко видѣлись ей такіе виды, отъ которыхъ духъ занимался и спать наверху было жутко. То были блѣдныя, изхудалыя лица съ блестящими, впалыми глазами, которыя съ темнаго двора въ окно разглядывали еще болѣе темную комнату Бартонъ, чтобы удостовѣриться, дома ли онъ. Иногда въ полурастворенную дверь кухни всовывалась снаружи одна только рука, остальнаго тѣла не было видно, и безмолвныи жестомъ приглашала Бартонъ куда-то идти. Онъ тотчасъ вставалъ и уходилъ. А разъ или два, когда Мери была уже въ постели, она слышала съ верха горячій шопотъ нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ. То были отчаянные члены коммерческаго клуба, на все потопивъ и доведенные до этой крайности нищетою.

Всѣ эти перемѣны и глухая буря, собиравшаяся вокругъ, какою цовою тяжестью ложились на сердце Мери и воставляли ее крѣпше

закружилась. Она сидела в кресле, и вдруг встала, спросила ее, давно ли она вышла из Джима Вильсона. Тот ее вопроса даже показывал, что он был чужд; но когда был оставлен неизъяснимый, потому что он ни разу не упоминал об этом. Теперь же он резко приказал ей немедленно идти туда на следующее утро и еще грубо выругался за то, что она давно не ходила. Это обстоятельство даде Мери необходимый толчок для возобновления сношений съ Вильсонами, и на другой день, рассчитавъ въ какіе часы Джемъ возвращается домой, она пошла вечеромъ въ Эджотъ.

Наружность знакомаго дома сильно поразила ее: дверь, въ прѣжнія времена гостеприимно растворенная настежь, теперь была заперта. Комнатныя растения на окнахъ, составляшія дѣлогда предметъ самыхъ нѣжныхъ попеченій и гордыхъ радостей Джоржа Вильсона, завяли и казались изнуренными. Они долго стояли безъ поливки, а потомъ, когда вдова опомнилась и сознала такое упущеніе, она, въ припадкѣ раскаянія и любви, и въ совершенномъ невѣденіи ихъ настоящихъ потребностей, стала поливать ихъ безпрестанно. Отворивъ дверь, Мери увидѣла Алису, которая не суетилась по комнатамъ въ мелкихъ хлопотахъ, какъ въ былыя времена, а сидѣла съ вязаньемъ у огня. Въ комнатѣ было жарко, хотя огонь едва теплился въ сѣрыхъ угольяхъ, облитыхъ горячими лучами заходящаго солнца. Мистрисъ Вильсонъ прибираетъ посуду и, тихо ходя взадъ и впередъ, все время говорила, но какъ-то жалобно и съ возгласами. Мери нѣсколько минутъ не могла вникнуть, что она такое говоритъ; наконецъ ей стало ясно, что долгое ея отсутствіе замѣтили, толковали о немъ, а теперь недовольное лицо печальной мистрисъ Вильсонъ общало Мери впередъ порядочный нагоняй.

— Батюшки мои! Мери, ты ли это? начала она. Вотъ ужъ никакъ не ожидала! И кто бы могъ подумать? Я думала, ты ужъ вовсе насъ позабыла. А Джемъ частенько говоритъ, что если встрѣтитъ тебя на улицѣ, то пожалуй и не узнаетъ.

Блѣдая Джемъ Вильсонъ терпѣла много горя, и печаль ея перешла теперь въ постоянную брюзгливость и нервозность характера. Ей хотѣлось порядкомъ извести Мари, до какой степени она считаетъ себя оскорбленною ея забываніемъ, и думала, что всего лучше подкупить своимъ подаркомъ, пригласивъ Джемъ своимъ собственнымъ провіантомъ изъ ея сундука.

Мери чувствовала себя виноватою в донельзя оправданной и хотя сколько-нибудь годныхъ отговорокъ, и потому стояла молча, очень сконфуженная; потомъ она обратилась къ тетѣ Алисѣ, — которая въ испугахъ, восторгѣхъ и восторженности, уронила на полъ и теперь занималась спасеніемъ прикладъ въ вышивку иголки, — потому что хотѣла удержать уже завадѣть въ глубокую и обертнуть нитку, во одному разу! вокругъ каждая стула и два разваго-крутъ пошевелить стола.

— Говори громче, если хочешь, чтобы она тебя услышала, сказала мистрисъ Вильсонъ. — Она совсѣмъ оглохла въ последнее время, ужь не знаю околько времени, какъ оглохла, я бы и сказала тебѣ, да не помню много ли недѣль ты здѣсь не бывала.

— Да, душечка, я стала очень туга на ухо, сказала Алиса, тотчасъ догадавшись о чемъ идетъ рѣчь. — Видно ужь конецъ мой приходить.

— Полно ты говорить такія вещи! вскричала ея невѣстка. Кажется довольно было у насъ всякихъ концовъ и смертей, что еще то накликать! Она закрыла лицо передникомъ, съѣла и заплакала.

Мало по малу она стихла, и, выглядывая на Мери изъ за передника, заговорила сивозъ слезы: Какой онъ былъ мужъ-то, кабы кто зналъ! Никто, никто не можетъ себѣ представить, какова моя потеря, потому что никто не зналъ его, какъ я.

Живѣйшее участіе, написанное на лицѣ растроганной Мери, окончательно смягчило наболѣвшее сердце Джени и побудило ее къ дальнѣйшимъ излияніямъ горести.

— О, Боже мой, Боже! Конечно, кому жъ понять мою потерю! Когда умерли мои крошки, я думала, что Господь излилъ на меня величайшія испытанія и что хуже не можетъ быть. Никогда мнѣ и на умъ не приходило, чтобы потерять Джоржа; я не думала, чтобы можно было пережить его. И вотъ я здѣсь, а онъ...

Новые потоки слезъ прервали ея слова.

— Мери, знала она оныя черезъ нѣсколько минутъ, — слышала ли ты, какая я была неварачная и дрянная, когда онъ на мнѣ женился? А охъ-то какой былъ красавецъ! Ужь на то Джени дорожку тепарь, а отецъ же въ примѣтъ былъ лучше его въ эти годы. Когда Мери слышала объ этомъ и отивчала утвердительно. Не вспоминая бедной вдовы пробудились съ такою силой, что она не могла удержаться отъ разсказа и продолжала говорить то же, что

до прерыванія въ свѣтѣхъ водоналивъ, (солонина), и въ случаѣ отъказа го-
ловы.

— Ничего не имѣлъ же было побѣшеннаго, и не имѣла ужасъ, за что онъ имѣлъ свои амбрау. До того-случая съ доведомъ и нища была туда и сюда, а уми-порѣ: ступая рѣшительно, и никуда не годилась. И въ этомъ же самое время Бесси Уилеръ ухаживала за мнѣ, ухаживала, такъ что кажется готова была все на свѣтѣ за него отдать. Она послѣ вышла замужъ за мистера Карсонса, потому что надо правду сказать, хороша была, хоть я тогда и не соглашалась съ этимъ. Впрочемъ, тогда мистеръ Карсонсъ былъ для мнѣ далеко не такой блестящей партией; они были почти равна по состоянію. А вотъ теперь какъ оба вѣдывались надъ нами грѣшными.

Мери покраснѣла какъ макъ и отъ всего сердца желала скрыть это. Она желала также, чтобы мисстрисъ Вильсонъ побольше распространялась о родителяхъ ея возлюбленнаго, но сама не смѣла дѣлать вопросовъ; а мысли вдовы тотчасъ опять перенеслись къ покойному мужу и къ первому времени ихъ женитьбы.

— Я тебѣ по правдѣ скажу, Мери, хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ: въ цѣломъ свѣтѣ не было такой дуры, какъ я, на счетъ домашняго хозяйства; и онъ все-таки женился на мнѣ! Я работала на фабрикѣ почти-что съ пятилѣтняго возраста, и ничего не умѣла, ни чистить, ни печь, ни варить, не говоря уже о стиркѣ бѣлья и другой черной работѣ. На другой день послѣ свадьбы онъ пошелъ на работу послѣ завтрака, да и говоритъ мнѣ: за обѣдомъ, Джени, мы поѣдимъ холодной говядины съ варенымъ картофелемъ, и будетъ отлично. Мнѣ очень хотѣлось угодить ему, Богъ видитъ какъ хотѣлось. А между тѣмъ я и понятія не имѣла, какъ варится картофель. Знала что въ воду кладутъ, да кожу счищаютъ, да и только. Вотъ, убрала я кое-какъ горницу и поглядѣла на часы, на эти самые, — она указала рукою на стѣну гдѣ висѣли старинные часы; — вижу что девять часовъ, да и думаю себѣ: ну, картофель-то авось сварится къ обѣду, и привалась его чистить. Какъ ни трудно мнѣ это было, я его весь облупила, и сварила въ закрытый горшокъ; залила водой, поставила вариться, да и пошла свои лички и картошки разбирать. Въ половинѣ перваго приходитъ мужъ; я поставила на столу говядину и пошла за картофелемъ. И что же, Мери! Открываю крышку, а вода-то вся выкипѣла, а картофель свѣтло; онъ грядое, строе тѣсто, да такъ воняетъ, что по всему дому запахло. Мужъ ни слова не сказалъ и была все такой же несчастливой; а я несей

обѣдъ: напалазаясь. И никогда, Мери, никогда я этого не позабуду. И прежде, и послѣ много на мнѣ было всякихъ грѣшковъ, но ни одинъ не стоилъ мнѣ такого горя.

— Отецъ мой тоже не любитъ, когда дѣвушки ходятъ на фабрику, замѣтила Мери.

— Да, я знаю, что не любить, и хорошо дѣлаетъ. А ужъ послѣ-то свадьбы, какъ плохо продолжать фабричную работу, куда какъ плохо! Да вотъ, я знаю (она стала считать по пальцамъ) девять мужей отъ фабричныхъ жонъ впади въ пьянство и привыкли къ трактирамъ; и все хорошіе люди, да что за радость дѣтей отдавать кормилицамъ, а дома видѣть только грязь, да беспорядокъ, да холодныя печки безъ огня; къ такому дому кто же будетъ радѣть! Повесть пойдешь въ трактиръ, гдѣ и чисто, и весело, и каминъ горитъ такъ ярко, какъ-будто манить тебя въ комнату.

Алиса, чтобы лучше разслышать, стала какъ можно ближе къ собесѣдницамъ и дѣйствительно многое поняла изъ этой рѣчи; очевидно, что невѣстки уже и прежде говорили объ этомъ предметѣ, потому что она тотчасъ подхватила:

— Вотъ, кабы нашъ Джемъ поговорилъ королевѣ о фабричной работѣ для замужнихъ женщинъ! Нечего оказывать, есть чего послушать, когда онъ заговоритъ объ этомъ. Небось, его женѣ никогда не придется уходить на работу вонъ изъ дома.

— Нѣтъ, ты лучше вотъ что скажи, вмѣшалась мистриссъ Вильсонъ: — не королевѣ объ этомъ докладывать, а принца Альберта слѣдуетъ спросить, каково показалось бы ему, еслибы возвращаясь откуда-нибудь онъ не заставалъ дома своей жены, и некому бы его, усталого и ослабѣвшего, приглубить и успокоить; или вслѣдъ за нимъ притащилась бы откуда-нибудь и жена, тоже усталая да измученая; каково бы ему было тогда, коли некому присмотрѣть ни за уборкой горницъ, ни за топкою печей, не говоря уже объ обѣдѣ. Какой тутъ обѣдъ, если хозяйкѣ до него дѣла нѣтъ! Да, будь онъ себѣ хоть семи пядей во лбу, да если жена угоститъ его такимъ родомъ, я голову отдамъ на отсѣченіе, что онъ пойдетъ въ трактиръ или въ какое-нибудь такое мѣсто. — Такъ что же онъ не сочинить закона, чтобы жоны бѣдныхъ людей не ходили работать на фабрику?

Мери осмѣлилась замѣтить, что кажется ни королева, ни принцъ Альбертъ не имѣютъ права сочинять законовъ, но на это мистриссъ Вильсонъ отвѣтила ей очень рѣшительно:

— Подъ твои съ своими правами, кто же какъ не перевернетъ: будетъ законы сочинять? А королева обивала во весь новинарскій принцу Альберту, потому что онъ мава. Такъ сова: ошь скажетъ, чтобы не смѣли! — Она скажетъ, чтобъ не смѣли; а тогда ужь и весь народъ скажетъ, что никогда, моль, этого больше не будетъ.

— Джемъ идетъ отлично; сказала Алиса, которая не дѣлала краснорѣчивыхъ толковъ невѣстки и все еще размышляла о своемъ племянникѣ и его разнообразныхъ талантахъ. — Онъ ведамо выдумать еще какой-то танъ или вранъ, не знаю хорошенко, — и ховлинъ назначилъ его теперь на болышымъ, тогда какъ дружицъ рабачихъ то и дѣло выключаетъ изъ заведенія. Но съ Джемомъ, говорить, разстаться не могу. И жалованье положилъ ему болыное. Я говорю ему, что вотъ моль скоро и женишься; да ужь онъ лянн стѣить самой лучшей жены! Авооъ, Богъ милостивъ.

Мери сильно покраснѣла и лицо ея выразило досаду. Хотя сердце бкнуло съ радости, когда она услышала такой отвѣтъ о Джемѣ. Но Джени Вильсонъ замѣтила только досаду и мигомъ обидѣлась за сына. Ей не очень хотѣлось, чтобы онъ женился; присутствіе его въ домѣ какъ-то еще связывало ее съ прошедшими счастливыми днями, а къ будущей женѣ его, кто бы она ни была, Джени начинала уже ревновать. Тѣмъ не менѣе она не могла не носить мысли, чтобы кто-нибудь не цѣнить предпочтенія Джемъ; а въ томъ, что онъ предпочиталъ Мери всѣмъ остальнымъ женщинамъ въ мѣрѣ, она увѣ была слишкомъ увѣрена. Наде признавая, что она никогда не считала Мери достойною Джемъ, а продолжительное ея отсутствіе въ послѣднее время еще болыше повстановило противъ нея вдову Вильсонъ. По этому вдова рѣшилась даже искрыжить душой, чтобы только доказать Мери, что никакъ не ей выпадетъ честь быть «самой лучшей» женою для ея сына, какъ выражалась тетка Алиса.

— Да, да, не долго ему оставаться колостымъ, сказала Джени, и потомъ прибавила, понизивъ голосъ, какъ-будто по секрету, а въ сущности для того, чтобы не слышала невѣстка, которая по протестодушію своему могла вѣдъ и поспорить съ нею или пуститься въ объясненія.

— Скоро, Богъ дастъ, Моли Гибсонъ (дочь лавочника, нрѣ у насъ ва угломъ фруктовую лавку держитъ) услышитъ одну нацицу, которая ей; я думаю, очень будетъ по сердцу. Она даво ужь овакою поглядываетъ на нашего Джемъ, но онъ думаетъ, что она не

однять ее за преставленнаго работника. Ну, а теперь-то онъ ничѣмъ не хуже ея, и не ниже. Я думала прежде, что онъ на тебя имѣеть виды, Мери; но вы кажется вовсе не пара и потому хорошо, что оно выводитъ такъ, а не иначе.

Мери съ усиленіемъ подавила свое волненіе и досаду, и сказала:

— Я надѣюсь, что онъ будетъ счастливъ съ Молли Гибсонъ, Она вѣдь очень хороша собой.

— О да, и такая почтительная. Я сейчасъ схожу наверхъ, и принесу тебѣ показать одѣяло, которое она мнѣ выстегала и подарила въ прошлую субботу.

Мери обрадовалась, когда она вышла изъ комнаты. Каждое слово Джени раздражало ее, и можетъ быть тѣмъ сильнѣе, что половинѣ ея рассказовъ она не вѣрила. Кромѣ того, ей хотѣлось поговорить съ Алисою, а мистриссъ Вильсонъ, по праву безпомощной вдовы, повидимому думала, что все вниманіе должно исключительно сосредоточиться на ней самой.

— Милая Алиса, начала Мери: — какъ огорчаетъ меня ваша глухота. И какъ это скоро сдѣлалось!

— Да, душечка, но истиннѣ испытаніе божеское, это вѣрно. Моему Богу, чтобы и это послужило мнѣ только благимъ указаніемъ. Сперва-то я крѣпко опечалилась. Пошла я одинъ разъ въ поле, поискать одну травку отъ кашля для Джени; и показалось мнѣ въ полѣ что-то необыкновенно тихо и глухо. Я сначала не могла равно брать, въ чемъ дѣло; но потомъ, какъ сообразила, что не слышу пташьяго пѣнья и шибетанья, да и никогда больше не услышу, — меня горе взяло и я таки поплакала. Ну, мнѣ все-таки есть за что благодарить Бога; мнѣ придется для бѣдной Джени я служу кой-какимъ утѣшеніемъ; ей теперь есть по крайней мѣрѣ на комъ сердце сорвать. Бѣднаячекка! Хоть пробранить кого можно, ей и то мало на душу. А я ничего, лишь бы Господь зрѣнія не отнялъ, а ты угадываю глазами, о чемъ говорить при мнѣ.

Великолепное красное одѣяло съ золотыми разводами появилось на сцену, и Джени Вильсонъ не успокоилась до тѣхъ поръ, пока Мери осмотрѣла и узоръ, и борты, и середину, и подкладку, изнанку и лицо. Мери подробно исполнила эту обязанность и выхваляла тѣмъ краснорѣчивѣе, что въ душѣ вовсе не восхищалась подаркомъ своей соперницы. Однако она постыдилась откланяться и поцѣловать, чтобы не съожидаться съ Джени. Какъ только она достигла

точно удалилась отъ дома и улицы, гдѣ жила Вильсоны, она пошла потише и стала раздумывать. Точно ли Джемъ обращаетъ вниманіе на Молли Гибсонъ? Чтожь, пусть его. Кажется всѣ думаютъ, что она, Мери, его не стоитъ. Хорошо, пусть ихъ. А можетъ кто-нибудь другой, гораздо покрасивѣе и поважнѣе ихъ, докажетъ имъ на дняхъ, что она стоитъ того, чтобы называться мистриссъ Бенри-Карсонъ. — Такимъ образомъ досада или, какъ она думала, *своя воля* понудила ее съ этихъ поръ ободрять мистера Карсона больше чѣмъ когда-либо.

Нѣсколько недѣль спустя, въ коммерческомъ клубѣ, къ которому принадлежалъ Джонъ Бартонъ, былъ большой митингъ. Утромъ того дня, который назначенъ былъ для митинга, Джонъ долго лежалъ въ постели, потому что вставать было незачѣмъ. Потомъ онъ колебался, чего купить на этотъ день, съѣстнаго или опиума? и рѣшился на послѣднее, потому что уже привыкъ къ нему. Опіумъ сдѣлался ему необходимъ, чтобы хоть нѣсколько разогнать страшную тоску, въ которую онъ неминуемо впадалъ въ противномъ случаѣ.

Съ помощью большой порціи опиума возвращался онъ теперь къ своему прежнему состоянію, или по крайней мѣрѣ становился похожимъ на то, что былъ прежде. Въ восемь часовъ собрались члены клуба; на митингъ читали письма, полученныя съ разныхъ сторонъ и отовсюду свидѣтельствовавшія о безнадежномъ положеніи рабочаго класса. Мрачное, дикое уныніе овладѣло оборищемъ, и члены разошлись въ одинадцать часовъ, въ самомъ тяжкомъ, мстительномъ настроеніи духа; иные были особенно раздражены оппозиціею, встреченною ими со стороны умѣренныхъ, которые противились отчаяннымъ ихъ намѣреніямъ и выходкамъ.

Выйдя изъ залы клуба, ярко освѣщенной газомъ, они попали въ другую атмосферу, ни мало не смягчавшую для нихъ впечатлѣнія этаго вечера. Ночь была темная, улица сырая; шолъ непрерывный, холодный дождь, и самые фонари едва свѣтились изъ за мокрыхъ стеколъ, такъ что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фонарныхъ столбовъ уже ничего не было видно. Улицы были пусты; казалось ничто не шевелилось въ городѣ, кромѣ нѣсколькихъ полицейскихъ, которые тамъ и сямъ прохаживались по тротуарамъ въ своихъ клеенчатыхъ фуражкахъ. Бартонъ простился съ товарищами и побрелъ домой. Пройдя еще улицы двѣ, онъ ясно разслышалъ за собою ускоренные шаги; но не чувствовалъ ни малѣйшей охоты оглянуться и посмотреть, кто за нимъ идетъ. Но нѣсколько далѣе, шаги

еще ускорились и кто-то тронулъ его за руку. Онъ обернулся и увидѣлъ, не смотря на полутьму тусклыхъ фонарей, что то была женщина, и притомъ особа известной профессіи. Это видно было по ея невыскажному и обветшалому наряду, который странно жоражалъ въ эту ненастную, бурную ночь: на ней была креповая шляпка, когда-то розовая, а теперь грязно бѣлая; кисейное платье, измятое и отъ дождя прилипавшее къ колѣнкамъ; а яркій баржевый платокъ плотно окутывалъ худую фигуру, дрожавшую отъ стужи. Женщина проговорила шепотомъ: мнѣ надо поговорить съ вами.

Онъ отвѣтилъ ей бранью и велѣлъ идти прочь.

— Мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо поговорить съ вами. Не гоните меня. Я такъ запыхалась, что не могу вдругъ сказать всего, что мнѣ нужно. — Она приложила руку къ боку и съ очевиднымъ трудомъ стала откашливаться.

— Говорю тебѣ, что отъ меня тебѣ нечего ждать! сказалъ Бартонъ съ ругательствомъ. Постой! прибавилъ онъ, пораженный звуками ея голоса, и быстро схвативъ ее за руку, которую только что оттолкнулъ, потащилъ женщину къ ближайшему фонарю. Она слабо сопротивлялась. Онъ сдвинулъ ея шляпку назадъ, грубо повернулъ къ свѣту ея лицо, которое она силилась скрыть, и узмалъ эти чудные, большіе сѣрые глаза, какъ-то странно блестящіе; и хорошенькій, полуоткрытый ротъ, безмолвно молившій о пощаду; — да, это была Эсвиръ, давно пропавшая сестра, горькая причина смерти жены его. Многие изъ ея лицъ напоминало еще прежнюю, веселую дѣвушку; но нарумяненные щеки, заостренные черты, и это новое, ужасное выраженіе лица!.. А главное возмущалъ Бартонъ ея нарядъ, хотя несчастная выбрала изъ своего гардероба самый простой костюмъ для этой ночи.

— А-а! такъ это ты, — это ты? воскричалъ Джонъ, стиснувъ зубы и грубо трясъ ее за плечо. — Я уже давно высматриваю тебя за углами; на улицѣ и во всѣхъ такихъ мѣстахъ. Я зналъ, что наконецъ найду тебя тутъ. А помнишь ты, что я говорилъ тебѣ тогда, — помнишь, что я говорилъ объ уличныхъ потаскушкахъ? — Да цѣтъ! Какъ же можно подумать, чтобы ты стала такою! Никто не скажетъ этого. Стоитъ взглянуть на твое поганое платье, да на румяное лицо!..

Онъ задыхался отъ бѣшенства.

— О, пощади, Джонъ, пощади! Выслушай меня, ради самой Мери!

Она говорила о его дочери; но Бартоль думалъ только о женѣ и слова ея еще больше раздражили его. Напрасно смертная блѣдность покрывала лицо ея, и мертвенно отдѣлялась вокругъ нарумявленная щека; тщетно шептала она невязаныхъ слова, моля о помилованіи, — онъ отшатнулся и крикнулъ:

— И ты еще смѣешь призывать ея имя! И ты еще думаешь, что ради ея я надъ тобой могу сжалиться! Да знаешь ли, что ты ее убила, какъ Каинъ убилъ Авеля! Она тебя любила, какъ дочь родную, вѣрила тебѣ, какъ родной дочери; а какъ убивала ты изъ дому, она глазъ не осушала, головы не подняла ни разу и черезъ три недѣли умерла. Когда встанетъ она изъ гроба, въ день страшнаго суда, то уважаетъ на тебя, какъ на убійцу свою. А если она не сдѣлаетъ этого, то я укажу!

Онъ толкнулъ ее, дрожащую, задыхающуюся, и быстро ушелъ. Она съ слабымъ крикомъ упала у фонаря и долго лежала; не въ силахъ будучи приподняться или прійти въ себя. Подошелъ полицейскій и, видя ея слабость и трепетъ, заключая, что она пьяна. Влѣдствие этого онъ поднялъ ее, почти безъ памяти, отвелъ въ часть и вперѣ на ночь въ назначенную для этого комнату. Главный сторожъ этого мрачнаго пристанища нищеты и униженія слышалъ въ полудремотѣ, какъ въ тишинѣ темной ночи раздавались тихіе жалобные вопли и какъ-будто бредъ; но все это приписалъ онъ нетрезвому состоянію заключенной. А еслибы онъ прислушался, то услышалъ бы слѣдующія слова, повторяемая на множество ладовъ, но все тѣмъ же страждущимъ голосомъ, и скороговоркою.

— Не хотѣлъ онъ выслушать меня, — что мнѣ дѣлать? Не хотѣлъ слушать, а надо его предупредить! О, что же сдѣлать, чтобы спасти дитя моей Мери! Что дѣлать? Какъ быть, чтобы она не сглазась такою же пропащей тварью, какъ я, такой же несчастной, презрѣнной тварью! Она слушаетъ его рѣчи, какъ я слушала, и любитъ, какъ я любила, и конецъ будетъ такой же... Какъ мнѣ спасти ее! Она не послушаетъ моего предостереженія, какъ и я не слушала; а кто же любить ее на столько, чтобы присмотрѣть за нею, какъ слѣдуетъ? — Господи, помилуй ее отъ бѣды! — Да нѣтъ, не надо мнѣ молиться о ней, — какъ могу я, грѣшная! Развѣ Богъ услышитъ меня? Нѣтъ, мои молитвы только повредятъ ей. Какъ же спасти ее? — А онъ меня не выслушалъ!

Такъ проходила ночь. На слѣдующій день ее посадили въ смиренный домъ. Дѣло было ясное, ее обвинили въ ночномъ брѣ-

двухъ месяцевъ и три судимъ къ тюремному заключенію на одинъ мѣ-
сяцъ.

— Мало ли что можетъ случиться въ одинъ мѣсяцъ!

ГЛАВА XI

— О Мери, ты въ его отырилась?
Вѣдь онъ бы умеръ за тебя!
Не разрушай его надежды,
Онъ только и живетъ, любя.

Р. Борнсъ.

— Я, важный санъ люблю, богатства уважаю,
А бѣднаго въ душѣ своей предпочитаю;
И сердца не могу на столько измѣнить,
Чтобъ принудить себя за деньги васъ любить.

У ИТЕРЪ: (Фиделія).

Послѣ встрѣчи съ Эсвирью, Бартонъ воротился домой безпокой-
ный и недовольный. Онъ сказалъ ей отнюдь не больше того, что за-
мышлялъ въ послѣдніе годы, на случай если встрѣтится съ нею
лично въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ думалъ, что она стомаа
вѣнать рѣчей, но тѣмъ не менѣе жалѣлъ, зачѣмъ все это выска-
залъ. — Ея умоляющій взглядъ, ея просьба о пощадѣ, то и дѣло
ондмсь ему въ эту безпокойную ночь. Онъ не могъ забыть какъ
онъ оставилъ ее, бессильно распростертою на постоной, и смугра
ся въ этомъ возоженинлюстоанно его, вреслѣдовала во снѣ. Онъ сѣлъ
на своей кровати, чтобы разсѣять всѣ эти видѣнія, я тутъ совѣсть
стала сильно упрекать его, въ жестокости. Все это можно было ей
высказать, думалъ онъ, но отчего же не прибавить нѣсколько де-
брыхъ словъ? Онъ обдумывалъ, можетъ ли его покойная жена знать
что то, что случилось въ эту ночь? Хорошо если нѣтъ, потому что
лаба Эсвиря, такъ какъ она ее любила, и видя ее теперь такую от-
верженною и униженною, душа Мери не могла ощущать блаженнаго
поноя даже и въ раю. — Ему представилось, какъ смиренна, какъ
кротка быма Эсвирь въ этотъ вечеръ — очевидно, она вполнѣ соз-
насть свое униженіе. Тогда онъ подумалъ, а что если бы религія
могла еще спасти ее и возвратить на истинный путь, — вѣдь это,
говорить, случалось? Онъ чувствовалъ, что никакая человѣнская
она не въ состояніи совершить такого чуда, но мысль, что могла

бы въ такомъ случаѣ сдѣлать религія, омутно свѣтлалась ему во тьмѣ. — Гдѣ же теперь найти Эсеирь? Въ суматохѣ громаднаго города, гдѣ отыскать личность, до такой степени темную и шибко-ную?

Во всѣ послѣдующіе вечера онъ ходилъ взадъ и впередъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ въ первый разъ слышалъ за собою шаги, и заглядывалъ подъ каждую странную или сомнительную шляпку, въ надеждѣ опять напасть на Эсеирь и съ намѣреніемъ заговорить съ нею теперь совершенно въ другомъ тонѣ. Но каждый вечеръ онъ ходилъ по напрасну, съ досадою возвращался домой, и рѣшился наконецъ прекратить свои поиски; онъ старался даже возбудить все свое прежнее негодование и злобу противъ Эсеири, чтобы чѣмъ-нибудь оправдаться въ собственныхъ глазахъ и заглушить свое раскаяніе.

Часто, смотря на Мери, его поражало сходство ея съ теткою и онъ невольно пугался этаго сходства, какъ будто эта чисто-физическая случайность могла имѣть вліяніе на ея судьбу. Мало по малу эти мысли раздражали его до ярости, и онъ сталъ недоверчиво слѣдить за поведеніемъ Мери. Такъ какъ до сихъ поръ она пользовалась неограниченною свободою во всѣхъ своихъ поступкахъ, то новыя придржки отца выводили ее изъ терпѣнія. Въ то самое время, какъ она всего охотѣе начала соглашаться на усиленную молитву Карсонса, видѣться какъ можно по чаще, ей несносны были настоячивыя распросы отца, въ какіе часы она уходитъ съ работы, да прямо ей пришла домой изъ магазина, да что такъ замѣшкатель, и т. д. Она не хотѣла лгать; но еслибы ни о чемъ ее не спрашивали, скрыть истину было бы такъ легко! По этому она больше отмалчивалась, подѣлъ тѣмъ предлогомъ что ее оскорбляютъ эти подозрительные допросы. Такая система дѣйствій разумѣется не способствовала къ улучшенію отношеній между отцомъ и дочерью; а между тѣмъ они искренно любили другъ друга, и каждый изъ нихъ именно потому подымалъ войну, что думалъ этимъ путемъ вѣрнѣе обезпечить благосостояніе своего противника.

Отецъ сильно желалъ теперь отдать Мери замужъ. Тогда только избавился бы онъ отъ томительнаго, суевѣрнаго опасенія, возбужденнаго въ немъ сходствомъ ея съ Эсеирью. Онъ чувствовалъ, что уже такъ ирѣучилъ ее къ свободѣ, что теперь не заставитъ безпрекословно повиноваться себѣ. А будь она замужемъ — тогда иное дѣло. Еслибы на ней женился напримеръ Джемъ Вильсонъ — че-

ловѣкъ съ такимъ твердымъ, степеннымъ характеромъ и съ такими прищипанными опосѣбностями! Но должно быть Мери его отвадила изъ-наибудь, потому что въ послѣднее время онъ что-то рѣдко бывалъ у нихъ въ домѣ. Спросить, развѣ?

— Мери, что у васъ такое вышло съ Джемомъ Вильсономъ? Вы прежде были кажется большими друзьями.

— О, говорятъ, онъ женится на Мелли Гибсонъ; должно быть сватовство его отвлекаетъ и беретъ у него много времени, отвѣчала Мери, какъ можно равнодушно.

— Стало быть ты надурила, возразилъ отецъ сердито. — Еще недавно онъ тебя любилъ безъ ума, за это я ручаюсь. И гораздо больше любилъ, чѣмъ ты стоишь.

— Вкусы бываютъ разные, отвѣчала Мери отрывисто и запальчиво; она вспомнила, что, не далѣе какъ наканунѣ утромъ, мистеръ Карсонъ увѣрялъ ее со вадохами, клятвами, и иными нѣжными доказательствами, что въ свѣтѣ нѣтъ никого лучше, краше, милѣе ея, и т. д. А потомъ она встрѣтила его, когда онъ ѣхалъ верхомъ съ одною изъ своихъ красавицъ-сестеръ; онъ ее замѣтилъ тотчасъ, какъ особу вовсе не обыкновенную и не дюжинную, и, осадивъ нѣсколько свою лошадь, нарочно отсталъ отъ сестры, чтобы послать ей, Мери, рукою нѣсколько поцѣлуевъ. Такъ что же за важность, если она не пришлась по вкусу какому нибудь Дему Вильсону.

Но отрывистый отвѣтъ ея совсѣмъ не успокоилъ отца и онъ до тѣхъ поръ укорялъ ее въ потерѣ расположенія Джема, пока она не покусала себѣ губъ до крови, желая удержаться отъ жесткихъ словъ, просившихся на языкъ. Наконецъ отецъ ушелъ изъ дому и оставилъ ее вволю насердиться и наплакаться.

Случилось такъ, что Джемъ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшился въ этотъ день попытать счастья и узнать навѣрное свою судьбу. Онъ теперь былъ въ такомъ положеніи, что содержать жену могъ очень хорошо. Правда, мать и тетку долженъ онъ былъ также содержать; но это часто случается въ ихъ быту, и, въ случаѣ добраго согласія между всѣми членами семьи, все обходилось очень благополучно. Джемъ и въ настоящемъ случаѣ не считалъ этого обстоятельствомъ помѣхою своему супружеству; онъ думалъ, что и мать, и тетка, съ радостью примутъ Мери. А сколько счастья ему самому могла принести эта радость; и говорить нечего.

Цѣлый день онъ погруженъ былъ въ размышленія объ этомъ вечерѣ и соображалъ, какъ ему поступить. Умывался и прибираясь

передъ этимъ визитомъ, онъ взглянулъ въ зеркало и замѣтилъ что онъ равсѣлся своему озабоченному виду. Онъ подумалъ, какъ бы не пойти за другими, какъ будто тотъ или другой смѣется надъ нимъ: какое влияние на такое важное обстоятельство! Онъ пердѣлся впередъ зеркаломъ, только чтобы выиграть время, потому что такъ сильно боялся предстать передъ любимею дѣвушкой. Онъ говорилъ себѣ, что въ сущности нечего такъ горячо объ этомъ думать, и думалъ еще горяче.

Бѣдный Джемъ! Не добрую ты выбралъ минуту!

— Войдите! сказала Мери, услышавъ стукъ въ дѣра. Она печально сидѣла одна и шила, стараясь заработать нѣсколько ливингъ пенсовъ изготовленіемъ траура, по заказу, со стороны.

Джемъ вошелъ, еще смелѣе и застѣнчивѣе, чѣмъ когда-либо. Мери была дома, и одна, именно такъ какъ ему было надо. Она не приглашала его садиться, но, постоявъ съ минуту, онъ самъ вѣдъ стулъ и сѣлъ около нея.

— Отецъ вашъ дома, Мери? спросилъ онъ, чтобы съ чего нибудь начать разговоръ; потому что она повидимому нерасположена была говорить и безмолвно продолжала стегать.

— Нѣтъ, онъ должно быть ушелъ въ свой клубъ. — Опять воцарилось молчаніе. Нечего ждать, подумалъ Джемъ. Объ чемъ ни заговори, главный предметъ никакъ не придется къ слову; во всякомъ случаѣ теперь не придумаешь, какъ бы ловчѣе подступитъ къ дѣву, и потому лучше начать прямо.

— Мери! произнесъ онъ тихо; звукъ его голоса заставилъ ее поднять голову. По выраженію его лица она тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло, и сердце ея забилося такъ внезапно, такъ сильно, что она съ трудомъ могла усидѣть спокойно на мѣстѣ. Она одно только знала навѣрное: что бы онъ ни говорилъ, она ни за что не пойдетъ за него. Вотъ она покажетъ имъ всемъ, кто на ней лежитъ, да еще тѣмъ радостію. После разговора съ отцомъ она все еще не спрашивала себя и не утомилась. Однако она не выдержала страстнаго взгляда, устремленнаго на нее въ эту минуту, и опустила рѣшницы.

— Милая Мери! не могу выразить какъ вы мнѣ дороги и милы. Все, что я вамъ скажу, будетъ не ново. Вы давно уже могли замѣтить и знать это; съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами были еще почти дѣтьми, я любилъ васъ пуще отца и матери, больше всего на свѣтѣ. Но вселюбой мысли моей, во всякой речѣ, всегда принимавшая мысль о васъ; и думаю о васъ день и ночь. До сихъ поръ я не

въ состоянн быть содержать семейство, а' обзавая вась какия либо обладанн не хотѣлъ. Чувствъ я боялся, какъ отвѣсился, чтобы кто-нибудь не пришолъ и не взял вась совѣтъ. . . . А теперь Мари, я старанн приказать въ заведенн, и — выслушайте меня, Мари! Она встала и въ сильномъ волненн отвернулась отъ него. Онъ также всталъ и подождать ей еще ближе хотѣлъ взять ея руку; но она не дала. Она собиралась съ духомъ, чтобы отвѣзть ему равъ навсегда:

— Теперь Мари, я предлагаю вамъ спокойное жилье и ярче сердце, вѣрное сердце, которое всю жизнь будетъ любить и лелѣть вась. Мы никогда не сбѣдемся богатыми людьми, этого и думать нечего; но если довольно любящаго сердца и доушой руки, чтобы защитить вась отъ горя и нужды, я могу дать вамъ и то и другое. Я не умѣю сказать всего этого такъ, какъ бы хотѣлось; мою любовь не перескажешь словами. Но жилия, дорогая моя; скажите что вы мнѣ вѣрите, что вы будете принадлежать мнѣ.

Она не могла говорить, у ней захватило дыханн.

— Мари, правду ли говорятъ, что молчанн — знанн согласн? прошепталъ онъ.

Теперь или никогда, надо кончить! подумала Мари.

— Нѣтъ, теперь это не то; преговорила она. Голосъ ея былъ спокойн, хотя вся она дрожала какъ листъ. — Я всегда буду вашимъ другомъ, Джеммъ, но женю вашу быть не могу.

— Женю не можете, сказалъ онъ съ грустью: — О, Мари, подумайте объ этомъ хорошенько! вы не можете быть мнѣ другомъ, если не хотите быть моею женою. По крайней мѣрѣ я не могу привыкнуть къ мысли, чтобы быть для вась только другомъ. Подумайте еще! Если вы еще скажете нѣтъ, то вы доведете меня до безнадѣжнаго отчаянн. Въдъ я не со вчерашняго дня полюбилъ вась. Эта надежда всегда меня поддерживала и воспитала все, что есть во мнѣ добраго. Я не знаю что со мной будетъ, если вы рѣшительно откажете мнѣ. Подумайте, Мари, какъ радъ былъ бы вашъ отецъ! Можетъ быть вамъ покажется тщеславіемъ то, что я вамъ говорю теперь, но сколько разъ онъ говорилъ мнѣ, что болѣе всего на свѣтѣ желалъ бы нашего брака!

Джеммъ полагающъ, что додѣлнй доводъ его особенно убѣднтеленъ; но при существующихъ обстоятельствахъ этотъ-то доводъ и возстановилъ Мари рѣшительно противъ него; потому что ей тотчасъ пришла въ голову глупая и совершенно несообразная мысль,

что отецъ, такъ нетерпѣливо желавшій этого супружества, въ припадкѣ усердія самъ говорилъ о немъ: Джемъ и даже можетъ быть просилъ его жениться на ней.

— Я говорю вамъ, Джемъ, что этого не будетъ. Разъ навсегда объявляю вамъ, что я за васъ не пойду.

— Такъ и должны кончиться всѣ мои надежды и опасенія? Тутъ и конецъ моей жизни, или по крайней мѣрѣ того, для чего стоило жить... Волненіе его усилилось и дошло до отчаянія. Мери! можетъ статься вы услышите, что я сталъ пьяницей; или воромъ, а можетъ быть и убійцей. Помните же! когда всѣ будутъ осуждать меня, вы одиѣ не имѣете на то никакого права, потому что одна ваша жестокость можетъ довести меня до такихъ крайностей. Вы не говорите даже, что постараетесь полюбить меня, — Мери — постарайтесь! и голосъ ея, отъ отчаянной угрозы перешолъ къ страстной вѣжкости; онъ насильно взялъ ея руку и пытался взглянуть ей въ лицо, тогда какъ она усиленно отвертывалась отъ него. Она молчала; потому что была слишкомъ глубоко и сильно взволнована. Но для него такое безмолвіе, такое ожиданіе были не выносимы. Онъ не хотѣлъ онять обманываться мечтами, боясь снова разбить ихъ о жестокую действительность; въ эту тяжкую минуту ему легче было предаться полной безнадежности, нежели колебаться между страхомъ и надеждою; и прежде, чѣмъ она успѣла, на что либо рѣшиться и промолвить слово, онъ отбросилъ ея руку и выбѣжалъ вонъ изъ дому.

— Джемъ! Джемъ! слабо крикнула она ему вслѣдъ, задыхавшимся голосомъ. Но было уже поздно: онъ летѣлъ какъ стрѣла, изъ одной улицы въ другую, и ушелъ наконецъ въ поле, гдѣ могъ безъ помѣхи предаться своему глубокому, безвыходному отчаянію.

За десять минутъ передъ тѣмъ, входя въ домъ Бартона, онъ нашелъ Мери сравительно довольно спокойною; а теперь, если бы онъ могъ ее видѣть! Закрывъ лицо руками и почти лежа поперегъ комода, она горько плакала, такъ что отъ рыданій вздрагивала всею тѣлою. Сначала, если бы кто спросилъ ея, и главное, если бы она сама въ состояніи была отвѣчать, она едва ли могла бы сказать, о чемъ именно плачетъ такъ неутѣшно. Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что она ничего разобрать не могла. Она чувствовала только, что сама устроила себѣ самую печальную, самую безутѣшную будущность. Мало по малу слезы ея утомили и она въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Мысли ея кружились и путались. Еще часъ тому назадъ ничто не было рѣшено: судьба ея была въ

ея собственныхъ рукахъ. А между тѣмъ, какъ давно уже рѣшилась она дать ему при случаѣ тотъ самый отвѣтъ, который дала сейчасъ. Съ чего же убиваться?

Казалось, въ ней теперь боролись два различныхъ существа, спорившихъ и побивавшихъ другъ друга: то была теперешняя Мери, Мери настоящей минуты, и другая, вчерашняя Мери, та, что была за часъ передъ тѣмъ. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе испыталъ, какъ одна рѣшительная минута въ жизни являетъ намъ и прошедшее и будущее въ совершенно новомъ свѣтѣ; какъ внезапно прозрѣваемъ мы въ смыслъ собственныхъ дѣйствій своихъ и разомъ клеймимъ ихъ тщеславіемъ или даже преступленіемъ; какъ намѣняется взглядъ нашъ на грядущее, и предметы дотогѣ самые желанные вдругъ становятся намъ противны и гадки. Такія минуты могутъ перевернуть цѣлый характеръ человѣка, радикально измѣнивъ все его цѣли и надежды.

Но возвратимся къ Мери. Мы уже знаемъ, что она намѣрена была выйти замужъ за мистера Карсонса и съ этою цѣлью дала Джемю такой неутѣшительный отвѣтъ; то былъ, по ея мнѣнію, не болѣе какъ предварительный шагъ къ осуществленію упомянутыхъ намѣреній. Это такъ; но этотъ-то именно поступокъ и уяснилъ ей состояніе ея собственнаго сердца; онъ доказалъ ей, что Джемю она любитъ болѣе всего на свѣтѣ. А Джемъ бѣдный машинистъ, у котораго на рукахъ еще тетка и мать; и мать эта къ тому же на дняхъ довольно ясно выразила, что не желаетъ имѣть ее невѣсткою; между тѣмъ какъ мистеръ Карсонсъ богачъ, красавецъ, веселый и щедрый, который тотчасъ поставитъ ее на высокую ступень въ обществѣ и навсегда избавитъ отъ всякой нужды и заботы. Но что значать для нея все эти пустяки и бездѣлки теперь, когда она познала наконецъ кипучую тайну своей души? Ей показалось, что она почти ненавидитъ мистера Карсонса, за то, что онъ судитъ ея такія вѣдорныя и суетныя блага. Ясно, что все великолѣпія и блестящія преимущества богатства, все забавы и удовольствія для нея ничто, если нельзя раздѣлить ихъ съ Джемомъ; да, съ Джемомъ, котораго она такъ жестоко отвергла за полчаса назадъ. Что за бѣда, что онъ бѣденъ? За это она его любитъ только еще нѣжнѣе. А что мать находитъ ее не достойною Джемю, такъ она совершенно права, Мери теперь съ горемъ сознаетъ это. До сихъ поръ она шла въ жизни ослѣпая, и притомъ шла къ своей гибели; но въ этотъ знаменательный часъ довилъ свѣтъ озарилъ ея путь: она все уви-

дѣла, познала опасность и отвернулась отъ нея, решительно отвернулаась навсегда.

Теперь она утѣшалась мыслию, что по крайней мѣрѣ навѣрно знаетъ, чего не надо дѣлать, чего не слѣдуетъ желать, какимъ некушительнымъ не должно поддаваться. Какъ поправить дѣло, какъ вознаградить Джема и самое себя за обманутыя ожиданія, за отвергнутую любовь, это другой вопросъ. Она измучилась, то изобрѣтая, то опровергая различныя планы дѣйствій.

Наконецъ, она очнулась, услышавъ какъ на соседней церковной башнѣ било двѣнадцать часовъ. Она знала, что отецъ долженъ былъ придти съ минуты на минуту; но чувствуя, что въ настоящемъ разстроенномъ состояннн духа встрѣтиться съ нимъ было бы крайне неприятно, поспѣшно убрала работу и ушла къ себѣ навѣрхъ, предоставляя ему входить и распоряжаться одному.

Она задула свѣчу, чтобы отецъ не видалъ у ней огня изъ подъ двери, и сѣла на кровать. Но сколько ни думала, ни передумывала она о своей судьбѣ, выходило одно: надо тотчасъ же и самымъ положительнымъ образомъ разорвать всякія сношенія съ мистеромъ Карсонсомъ. Дѣвическая скромность (истинная любовь всегда скромна) воспрещала ей предпринять что бы то ни было для увѣреннн Джема въ ея раскаяннн и любви, такъ внезапно для нея самой откровенной. Она пришла къ тому необыкновенно мудрому заключеннн, что дѣлать ничего особеннаго не нужно, но что слѣдуетъ терпѣливо ждать и только пользоваться благоприятными обстоятельствами. Видя, что она не выходитъ замужъ, Джемъ вѣроятно еще разъ попробуетъ посвататься; не удовольствуется же онъ первыми отказомъ; Мери чувствовала, по крайней мѣрѣ, что на его мѣстѣ она бы не удовольствовалась. Она была очень виновата; но впередъ постарается быть умнѣе и лучше, вооружится женскою кротостнн и терпѣннн; азовъ Джемъ замѣтитъ эту перемѣну и обвинитъ ея раскаяннн. Если бы пришлось ждать еще годы, то и то не беда; это будетъ ей наказанннмъ, во первыхъ за глупое кокетство, а во вторыхъ за такую грубую ошибку въ своемъ собственномъ сердцѣ. Въ сладкой надеждѣ на счастливое окончаннн своего романа, хотя бы и весьма отдаленное, она заснула, въ то самое время, какъ по городу раздавались первые фабричныя звонки. Она легла, не раздеваясь, и сонъ ея былъ вовсе неосвѣжнтеленъ. Она проснулась, озлобленная и усталая тѣломъ, смущенная душой, хотя въ первую минуту не могла хорошенько припомнить, что причинно ея смущеннн и грустно:

Вспомнивъ приключенія вчерашняго вечера, она снова рѣшилась поступать сообразно вчерашнему рѣшенію; но утра вечера, худрейте — и задача старльмилъ оказалась ей наутро также гораздо мудренѣе...

Она, поспѣвшина сойдти внизъ, и, въ усердномъ желаніи дѣйствовать какъ можно лучше, употребила всѣ усилія, чтобы изготозить, яну порядочный, хотя конечно смудный завтракъ. А когда онъ лѣниво сощезъ съ верху, расначиваясь на ходу и очевидно готовый рассердиться при каждомъ удобномъ случаѣ, она все вышесла съ крохотью и смиреніемъ, пока наконецъ тихіе отвѣты ея не разсѣяли отворскаго гнѣва.

Ей тяжело было при мысли о необходимои встрѣчѣ съ Салли Даббиттеръ, въ швейномъ заведеніи; однако, отъ этой встрѣчи избавиться было невозможно, и потому она вячески старалась приготозиться къ свиданію; между прочимъ она придумывала, какъ бы съ разу дать ей почувствовать, что съ этой минуты конецъ всякой короткости между ними, такъ какъ она рѣшилась вовсе прекратить знакомство съ мистеромъ Карсонсомъ.

Но Салли была не таковская, чтобы допустить съ собою подобную тактику. Она мигомъ сообразила, что происходитъ на душѣ у Мери, но все приписала дѣвической перемѣчивости и положила дѣйствовать рѣшительнѣе, такъ какъ по ея соображеніямъ Мери со временемъ будетъ ее же благодарить за то, что она ее какъ будто приневолитъ сблизиться съ богатымъ любовникомъ.

Прошло еще дня два; Мери все также замѣтно избѣгала столкновеній съ Салли; съ своей стороны мистеръ Карсонсъ пожадовался этой послѣдней, что Мери больше не является на улицѣ въ условные часы, и что если не удерживать ее силою, то она ни за что не останавливается поболтать съ нимъ, возвращаясь вечеромъ домой, Салли рѣшила убѣдить Мери не противиться долѣе «ея собственному влеченію», какъ она выражалась.

На третій день она какъ будто не замѣчала больше охлажденія Мери и спокойно смѣла за работою; повидимому, она даже сама неощирала эту холодность.

Она рано убрала свое шитье и ушла домой къ матери, которая, по ея словамъ, хворала еще хуже обыкновеннаго. Остальныя швей вечеромъ посѣдовали ея примѣру, и Мери, оставшись одна, на пороѣ миссъ Симондсъ, и послѣдно оглянувъ улицу по обѣ стороны, устремилась также къ себѣ домой, въ надеждѣ избѣгнуть встрѣчи съ Уэйнъ,

которыхъ она наконецъ начинала бояться. На этотъ разъ она прошла по улицамъ благополучно, и, возвратясь къ себѣ на квартиру, нашла ее, какъ и ожидала пустою; въ тотъ вечеръ собирался клубъ, она это знала и думала, что отецъ ни за что не пропуститъ митинга. Она съѣла, чтобы перевести духъ и утишить біенія своего сердца, которое усиленно билось скорѣе отъ нервнаго безпокойства, нежели отъ усталости, хотя она шла довольно скоро. Успокоившись, она встала и, снимая шляпку, увидѣла фигуру Салли Ледбиттеръ, медленно проходившую мимо окна и пристально смотрѣвшую во внутренность темной комнаты, какъ бы для того, чтобы увѣриться, тутъ ли Мери. Въ ту же минуту она еще разъ прошла мимо окна и постучалась въ дверь, но, не дожидаясь отвѣта, тотчасъ вошла.

— Ну, Мери, моя милая, начала она, впрочемъ вполне сознавая, какъ не мила она въ эту минуту для Мери;—у миссъ Симмондсъ ни минутки не выберешь поговорить порядкомъ, такъ я рѣшилась зайти къ тебѣ на домъ, повидаться на свободѣ.

— Ты кажется говорила, что у тебя мать больна, и что тебѣ нужно съ ней посидѣть, возразила Мери, вовсе не пріятливо.

— О, матушкѣ стало лучше; отвѣчала Салли, безъ запинки. Отца твоего нѣтъ дома, я надѣюсь? продолжала она, оглядываясь какъ можно внимательнѣе. Мери не спѣшила радужными пріятствіями и даже не трудилась доставать спичекъ, и зажечь свѣчу.

— Да, его дома нѣтъ, отвѣчала она отрывисто и дѣшнво пошла отыскивать свѣчу, не попросивъ гостю даже сѣсть.

— Тѣмъ лучше, сказала Салли, — потому что, по правдѣ сказать, тамъ въ концѣ улицы стоитъ у меня одинъ пріятель, который ужасъ какъ жааетъ придти и повидаться съ тобою здѣсь, если ужъ ты стала такая щепетильная, что на улицѣ съ тобою и говорить нельзя. Онъ сейчасъ прійдетъ сюда.

— О, Салли, не пускай его! воскликнула Мери съ живостью, и прыгнувъ къ двери хотѣла было припереть ее, но Салли удержала ее за руки, громко смѣясь такой строптивости.

— О, сдѣлай милость Салли, отбивалась Мери: — милая Салли, не пускай его сюда, что скажутъ сосѣди, да и отецъ, вѣдь онъ съ ума сойдетъ, если узнаетъ! Онъ убьетъ меня, Салли, право убьетъ до смерти. Къ тому же вѣдь я не люблю его и никогда не любила. Ахъ, пусти же меня! На дворѣ послышались шаги и Мери рванулась; но шаги прошли мимо и она продолжала умолять: — Пожалуйста, Салли, милая моя, поди скажи ему, что я его не люблю, и вовсе

не хочу имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Я думаю, по правдѣ, что очень дурно было съ моей стороны знакомиться съ нимъ, но я въ этомъ очень раскаиваюсь, и мнѣ будетъ очень досадно, если я заставила его слишкомъ много объ себѣ думать; я не хочу больше, чтобы онъ занимался мною. Ты это скажешь ему, Салли? Если ты скажешь, я готова все на свѣтѣ для тебя сдѣлать!

— Вотъ что я тебѣ скажу, заговорила Салли по типу: — мы съ тобою пойдемъ сейчасъ туда, гдѣ онъ ждетъ насъ, или лучше сказать туда, гдѣ я велѣла ему ждать четверть часа, покуда узнаю дома ли твой отецъ; у насъ было такое условіе, что если черезъ четверть часа я не ворочусь къ нему, то онъ придетъ сюда и пожалуй хотъ дверь выломаетъ, лишь бы увидѣть тебя.

— О, такъ пойдемъ же, пойдемъ! сказала Мери, чувствуя, что такъ или иначе, а этого свиданія не миновать, и все-таки лучше ему случиться гдѣнибудь на улицѣ, чѣмъ дома, гдѣ каждую минуту могъ очутиться отецъ. Она схватила свою шляпку и въ одну минуту перебѣжала дворъ; но у воротъ, не зная куда идти, на право или на лѣво, принуждена была остановиться и подождать Салли, которая подошла себѣ ровнымъ шагомъ, и рѣшительно взявъ Мери подъ руку, повела ее твердою стопой, уничтожая такимъ образомъ всякую возможность побѣга или увертки съ ея стороны. Такая тактика однакоже вовсе была не по сердцу Мери. Она не разъ уже думала, что вѣроятно придется ей еще разъ повидаться съ мистеромъ Карсонсомъ и порѣшивъ въ умѣ, что это свиданіе будетъ послѣднее, собиралась непременно высказать ему свое искреннее сожалѣніе о томъ, что такъ необдуманно подавала ему ложныя надежды.

Вспомнимъ при этомъ, что она настолько была простодушна или невинна, что вполне вѣрила въ честность его намѣреній; рѣшившись овладѣть ею во что бы то ни стало, а впрочемъ желая устроить это какънибудь подешевле, мистеръ Карсонсъ никогда не разувѣрялъ ее въ чистотѣ своихъ цѣлей; между тѣмъ, какъ Салли Ледбиттеръ втихомолку посмѣивалась надъ обоими и наблюдала, чѣмъ все это кончится; пожалуй, думала она, Мери выиграетъ дѣло и заставить его на себѣ жениться, притворяясь дурочкой и будто бы не понимающей, чего онъ добивается.

Не далеко отъ конца той улицы, на которой жила Мери, онѣ встрѣтили мистера Карсонса, нахлобучившаго свою шляпу очень низко, какъ будто бы онъ боялся быть узнаннымъ. Завидѣвъ ихъ, онъ обернулся и не сказавъ ни слова, не смотря на то, что онѣ шли

тотчасъ вслѣдъ за нпмъ, повелъ ихъ въ боковую улицу, гдѣ стояло нѣскольکو недостроенныхъ домовъ.

Переходы эти были такъ длинны, что Мери успѣла прійти въ себя и сознать всю неприятность предстоящаго свиданія ; но какъ ни хотѣлось ей избѣгнуть этихъ переговоровъ, Салли Ледбиттеръ держала ее подъ руку очень крѣпко, такъ что уйти не было возможности иначе какъ вступивъ съ нею въ единоборство.

Надонецъ онъ остановился подъ защитою деревяннаго забора, выстроеннаго повидимому для прикрытiя строевыхъ матеріаловъ или для огражденiя тротуара отъ опилокъ и чурокъ. Черезъ минуту обѣ дѣвушки стояли вмѣстѣ съ нимъ за заборомъ и Мери, сама уцѣпившись за руку Салли съ еще большею силою, держала ее очень рѣшительно, съ тѣмъ, чтобы волею или неволею сдѣлать ее свидѣтельницею предстоявшаго разговора. Но Салли и безъ того такъ интересовалась бесѣдою, что подверглась плѣненiю безъ малѣйшихъ отговорокъ.

Мистеръ Карсонсъ позволилъ себѣ на этотъ разъ несравненно болѣе свободы, нежели обыкновенно, и, не смотря на гнѣвное сопротивленiе Мери, смѣло обнялъ ее одною рукою за талию.

— Нѣтъ, нѣтъ! моя маленькая волшебница! Теперь-то я васъ поймалъ наконецъ и задержу въ плѣну. Скажите-ка, отчего вы выдумали отъ меня бѣгать всѣ эти дни? Ну, говорите же, моя очаровательная кокеточка!

Мери перестала сопротивляться, но, обернувшись къ нему почти лицомъ, заговорила спокойно и смѣло.

— Мистеръ Карсонсъ! Мнѣ надо поговорить съ вами рѣшительно, разъ навсегда. Съ послѣдней встрѣчи нашей, въ понедѣльникъ вечеромъ, я много думала и положила прервать съ вами всякія сношенія. Я знаю, что очень дурно поступила, подавъ вамъ поводъ думать, будто я къ вамъ равнодушна; но мнѣ кажется, что до сихъ поръ я сама не знала, что дѣлала. А теперь, сэръ, я искренно прошу у васъ прощенія за то, что заставила васъ такъ мною много заниматься.

Въ первую минуту слова эти сильно удивили его; вслѣдъ затѣмъ заговорило въ немъ тщеславiе, и онъ подумалъ, что все это шутка. Онъ такъ молодъ и красивъ, такъ богатъ и любезенъ! Нѣтъ, это вѣрно только такъ, женская тактика, маленькое кокетство!

— О, да какая же вы восхитительная плутовочка, со своею скромностью! — Покорнѣйше просите у меня прощенія за то, что заста-

ваша сминкомъ много о себѣ думать! Какъ будто вы не знаете, что я съ утра до ночи только о васъ и думаю! Но вамъ можетъ быть хотѣлся, чтобы я еще и еще разъ повторилъ вамъ тоже самое?

— Нѣтъ, сэръ, увѣряю васъ, что нѣтъ. По мнѣ было бы гораздо лучше, если бы вы вовео обо мнѣ позабыли, нежели говорить такія вещи. Право, сэръ, я съ вами говорю совершенно серьезно и увѣряю васъ, что вполне знаю, что дѣлаю, когда объявляю вамъ, что сегодня вечеромъ въ послѣдній разъ говорю съ вами.

— Вечеромъ въ послѣдній разъ, милѣйшая спорщица, значить двумъ будетъ можно? А, Мери, наконецъ-то я поймалъ васъ! вскричалъ онъ, видя что она затрудняется отвѣтомъ; она видѣла, что онъ все повертываетъ въ шутку и остановилась, придумывая, какъ бы выразиться пояснѣе.

— Нѣтъ, сэръ, возразила она рѣзко, — это значить, что я никогда больше не стану говорить съ вами съ сегодняшняго вечера.

— Что же значить такая переменна, Мери? спросилъ онъ довольно серьезно. Не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ нибудь? прибавилъ онъ съ жаромъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчала она тихо, но твердо. — Я не могу объяснить вамъ, почему именно измѣняю свое поведеніе; но еще разъ измѣнять его не хочу. Повторяю, сэръ, извините меня, если я чѣмъ нибудь досадила вамъ; а теперь позвольте пожелать вамъ спокойной ночи.

— Нѣтъ, я не позволяю. Вы такъ не уйдете отъ меня. Чѣмъ я провинился, Мери? Скажите мнѣ. Я не отпущу васъ прежде нежели узнаю, чѣмъ вы не довольны. Говорите же, что желаете, чтобы я сдѣлалъ?

— Ничего, сэръ, но... (взволнованнымъ голосомъ) — о, прустите меня! Вы не можете измѣнить моего рѣшенія; это кончено. О, сэръ! зачѣмъ вы такъ крѣпко сжимаете меня! Если вы непремѣнно хотите знать, отчего я не хочу имѣть съ вами никакихъ сношеній, такъ это оттого, что я никакъ не могу любить васъ. Я старалась васъ полюбить, но право не могу!

Такая простодушное и откровенное признаніе не могло ни къ чему. Онъ не могъ понять, какъ это могло случиться. Что нибудь дамы такъ, думать болѣе нежели когда либо. влюбленный юноша. Что же сдѣлать, чтобы соблазнить ее? — Внезапно озарилъ его новая мысль.

— Послушайте, Мери; нѣтъ, — я не могу разстаться съ вами, пока вы не выслушаете меня. Я васъ люблю страстно, и мнѣ трудно повѣрить, чтобы вы не любили меня немножко, ну — хоть самую крошечку! Чтожъ, если вы и въ этомъ не хотите признаться, то дѣлать нечего. Я только хочу вамъ выразить, какъ я васъ люблю и чѣмъ рѣшаюсь наконецъ вамъ пожертвовать. Вы знаете, а можетъ быть и не знаете хорошенько, какъ неприятно было бы моимъ родителямъ, если бы я женился на васъ. Такой бракъ такъ разсердилъ бы ихъ и подалъ бы поводъ къ столькимъ насмѣшкамъ на мой счетъ, что я конечно никогда и не думалъ объ этомъ до сихъ поръ. Я полагалъ, что намъ очень будетъ хорошо и безъ женитьбы. (Эти слова глубоко запали въ душу Мери.) — Но теперь, если хотите, я выхлопочу церковное позволеніе завтра утромъ или даже хотъ сейчасъ, и женюсь на васъ вопреки всему свѣту, лишь бы не лишиться васъ. Черезъ годъ или два отецъ навѣрное проститъ меня, а до тѣхъ поръ я вамъ доставлю все, что можно купить на деньги, окружу васъ всевозможною роскошью и всѣми удобствами жизни, словомъ, изощрю свою любовь для вашего счастья. Чтожъ, вѣдь и мать моя была изъ фабричныхъ дѣвушекъ! — (Это замѣчаніе произнесено было въ полголоса и какъ будто относилось къ нему самому; видно было, что совѣсть его возмущалась противъ такого дерзкаго предпріятія.) — Ну, Мери, вы видите, что я готовъ, готовъ принести вамъ довольно большую жертву; я предлагаю вамъ даже женитьбу, для успокоенія вашего честолюбиваго сердечка. Что же, теперь, согласны вы признаться, что можете полюбить меня, хотъ немножко?

Онъ потянулъ ее къ себѣ; но, къ изумленію его, она опять оказала сопротивленіе. Да, въ эту самую минуту, какъ настало осуществленіе всѣхъ ея надеждъ и грезъ, въ ту минуту, какъ возможность назваться женою Карсона была въ ея рукахъ, она противилась. Рѣчь его произвела на нее одно только впечатлѣніе: у ней какъ гора свалилась съ плечь. Она было боялась, что внушила слишкомъ горячую привязанность; зная теперь по собственному опыту, что значить истинная, глубокая любовь, она опасалась, чтобы ея кокетство не возбудило въ ея поклонникѣ серьезнаго чувства и уже неразъ горько упрекала себя въ томъ, что стала причиною несчастья для молодаго челоуѣка. Но какъ отлегло у ней отъ сердца, когда она убѣдилась, что то была любовь низкаго, мелкаго сорта, такая любовь, которая можетъ рассчитывать на соблазнъ, стремится лишь къ удовлетворенію личной прихоти и незадумывается погубить, разбить

существованіе и честь мнимо-любимой особы. Ну, ей не въ чемъ больше упрекать себя! По крайней мѣрѣ это утѣшительно.

— Я очень вамъ благодарна, сэръ, за все, что вы мнѣ сказали. Вы можете считать меня очень глупою, но я вѣдь во все время думала, что вы намѣрены жениться на мнѣ; и, не смотря на то, все-таки не могла полюбить васъ. Однако же я раскаявалась въ знакомствѣ съ вами и уже упрекала себя въ этомъ. Теперь, сэръ, знайте, что если бы я и любила васъ прежде, то навѣрное перестала бы любить съ той минуты, какъ вы признались, что замыслили погубить меня, — да, погубить! какъ же иначе понять ваши слова, что до сихъ поръ вы не думали на мнѣ жениться? Я сказала вамъ, что раскаяваюсь въ своемъ поведеніи и покорно прошу вашего прощенія; но я тогда не знала еще, кто вы такой. Теперь говорю вамъ, что презираю васъ, за то что вы собирались погубить бѣдную дѣвушку. Прощайте.

И, рванувшись изво всей силы, она быстро убѣжала. Они слышали, какъ раздавались ея торопливые шаги по пустынной улицѣ, и молчали. Наконецъ Салли захохотала; смѣхъ ея неприятно поразилъ слухъ мистера Кароонса и подѣйствовалъ на него раздражительно.

— Что вы находите такого забавнаго, Салли? спросилъ онъ.

— О, сэръ, извините пожалуйста, я покорно прошу прощенія, какъ говоритъ Мери, но право, нельзя нерасхохотаться, какъ подумаю, какъ она славно насъ перехитрила! (Она едва не сказала «васъ надула», — но благоразумно смягчила выраженіе).

— Что же это такое, Салли, ожидали ли вы хоть сколько-нибудь, что она такъ и убѣжитъ отъ насъ?

— Нѣтъ, этого никакъ не ожидала. Но если вы уже рѣшились на ней жениться, то — позвольте спросить, для чего же вы ей объявляли, что когда-либо имѣли другія намѣренія? Это-то ее и взорвало теперь.

— Но я и прежде не разъ уже намекалъ ей, что вовсе не думаю о сватбѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы она была такая романтическая дурочка и принимала бы мои слова въ такомъ смыслѣ! По этому очень естественно, что я хотѣлъ ей показать, чѣмъ я жертвую для нея, какими предразсудками пренебрегаю, какъ рискую наконецъ своею особою; — этого-то кажется она такъ и непоняла хорошенько. Я думаю, я могъ бы выбирать любую леди изво всего Манчестера, а теперь хотѣлъ жениться на бѣдной швейкѣ. Понимаете

ли вы это? Сознаете ли вы, какую огромную жертву приношу я ей самолюбю? — И все это даромъ!

Салли молчала. Карсонъ продолжалъ.

— Отецъ скорѣе простилъ бы мнѣ какую угодно временную связь, нежели бракъ съ дѣвушкой, до такой степени ниже меня по состоянію.

— А мнѣ показалось будто вы сказали, сэръ, что матушка ваша была изъ фабричныхъ? замѣтила Салли лукаво.

— Ну да, да! — Но тогда и отецъ мой былъ почти одинаково съ нею поставленъ въ свѣтъ; во всякомъ случаѣ между ними не существовало такой огромной разницы, какъ между Мери и мною.

Опять молчаніе.

— Такъ вы думаете ужь отказаться отъ нея, сэръ? Она, кажется, безъ обиняковъ объявила, что отказываетъ вамъ.

— Нѣтъ, я вовсе не думаю отъ нея отказываться, что бы вы ни думали объ этомъ, и она тоже. Я влюбленъ въ нее больше чѣмъ когда либо, именно за этотъ миленькій капризъ, за это очаровательное сопротивленіе, Она еще одумается, вы увидите. Женщины всегда такъ. Сначала непременно поломаются, попробуютъ отвергнуть поклонника, а потомъ смотришь — и раскаянія являются. Только не думайте пожалуйста, чтобы я сталъ ей въ другой разъ предлагать женитьбу; о нѣтъ, теперь пойдетъ иная рѣчь.

Поговоривъ еще въ такомъ духѣ, союзники разошлись.

ГЛАВА XII

-Я безъ любви, безъ гори съ нимъ разошлась —

Онъ мнѣ не милъ.

А вотъ теперь, когда одна осталась,

Мнѣ свѣтъ постылъ.

Его словамъ тогда я не внимала

Въ душѣ своей...

Теперь же я послушать бы желала

Его рѣчей!

В. С. Лендоръ.

Теперь, думала Мери, устранены оба вздыхателя. Но вздыхатели съ своей стороны смотрѣли на такое отстраненіе съ весьма различными точками зрѣнія. Тотъ, который любилъ ее всею душой, считалъ себя окончательно отвергнутымъ. Онъ и не подумалъ утѣшать-

си мыслию, которая въ настоящемъ случаѣ была особенно справедлива, т. е. мыслию, что женщина, отвергающая обожателя, часто спохватывается и сильно раскаивается въ этомъ. Онъ слишкомъ уважалъ свое серьезное и глубокое чувство, чтобы въ глубинѣ души считать себя недостойнымъ Мери; такая лицемѣрная насмѣшка не приходила ему въ голову. Онъ думалъ только, что пришлось ей «не по нраву», и, какъ ни пошло покажется это выраженіе, онъ живо чувствовалъ его горькую справедливость. Въ умѣ его бродили неясныя, смутныя предположенія и планы: то онъ хотѣлъ записаться въ рекруты, то намѣревался съ горя спиться до забытья, или вообще какъ нибудь загулять, для разсѣянія; но мысль о матери постоянно охраняла его отъ всѣхъ этихъ крайностей и, подобно ангелу-хранителю, удаляла его отъ порока. Вѣдь онъ одинъ былъ у матери, бѣдной вдовы, единое ея утѣшеніе и опора. По этому онъ не могъ себѣ позволить расточать время и здоровье, замѣнявшія ему деньги и доставлявшія матери насущное пропитаніе. Вслѣдствіе того онъ сталъ ходить на работу, какъ обыкновенно, какъ будто ни въ чемъ небывало; но тяжело, тяжело было у него на сердцѣ.

Что касается до мистера Карсонса, то, какъ мы уже видѣли, онъ продолжалъ считать отказъ Мери за очаровательный капризъ. Приходя на работу, она могла быть увѣрена, что Салли Ледбиттеръ непременно сунуть ей въ руку какую нибудь сладчайшую записочку самаго страстнаго содержанія и такъ ловко ускользнетъ потому, что невозможно будетъ возвратитъ ей нѣжное посланіе, не возбудивъ вниманія всѣхъ швей. Она даже вынуждена была многія изъ такихъ записочекъ уносить съ собою домой. Но прочтя одну изъ нихъ, немедленно рѣшила что ей дѣлать. Она перестала избѣгать полученія пакетиковъ отъ Салли, но ни одного больше не распечатывала и время отъ времени возвращала ихъ тѣмъ же путемъ, завернувъ по нѣскольку въ чистый листокъ бумаги. Но гораздо хуже этой корреспонденціи были ежедневныя и непремѣнныя встрѣчи съ настойчивымъ обожателемъ. Онъ такъ давно и такъ подробно изучилъ всѣ ея привычки и дорожки, что ускользнуть отъ него не было никакой возможности. Какъ бы рано или поздно не возвращалась она домой, онъ былъ тутъ, какъ тутъ. Какую бы ни выбрала она дорогу, въ ту самую минуту, какъ она радовалась, что спаслась хоть на этотъ разъ, изъ близкаго переулка непремѣнно являлся мистеръ Карсонсъ. Надо сознаться, что онъ выбралъ вѣрнѣйшее средство окончательно ей опротивить и надоесть.

И во все это время ни разу не пришолъ Джемъ Вильсонъ! Конечно не къ ней, этого она и не ожидала, но хоть бы къ отцу зашолъ повидаться. Она сама не знала почему, но постоянно надѣялась, что онъ придетъ подѣ какимъ нибудь предлогомъ, чтобы посмотрѣть, не одумалась ли она, можетъ быть. Но онъ не шолъ. Она уставала и выходила изъ терѣбнiя, падала духомъ. Преслѣдованiе одного вздыхателя и равнодушiе другаго тяготили ее страшно. Она почти не могла уже спокойно просиживать вечеровъ за работою, а если ей удавалось принудить себя, запретить себѣ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, она чувствовала непремѣнную потребность пѣть, чтобы развлечься за шитьемъ. Всѣ ея пѣсни отличались теперь самую необузданною веселостью, какою-то удалой игривостью, чего прежде не бывало. Прежде пѣвала она Барбару-Эленъ и тому подобныя унылыя мелодiи, но то было хорошо въ прежнiя, счастливыя времена. Теперь же ей надо было всѣми силами, всѣми внѣшними средствами заглушать въ себѣ горестныя, печальныя размышленiя.

Сильно беспокоилъ ее также старшій отецъ: онъ такъ измѣнился, такъ исхудалъ въ послѣднее время; но не жаловался ни на какую боль и не признавалъ своего болѣзненнаго положенiя. Она сидѣла по вечерамъ съ шитьемъ до самой поздней ночи, и такимъ образомъ ей всякiй день удавалось заработать отцу на завтрашнее пропитанiе по нѣскольку пенсовъ, въ случаѣ, если бѣдныя служанки, на которыхъ она чинила и штопала всякое тряпье, могли выплатить ей аккуратно; но, сидя такъ долго по ночамъ, она не въ состоянiи была вставать рано и на слѣдующее утро до урочнаго часа у миссъ Симмондсъ едва находила время отнестъ свою работу и получить за нее деньги; по большей части, ей нѣкогда было закупать самой провизию и она отдавала отцу деньгами. Онъ съ жадностью хваталъ ихъ и иногда дѣйствительно употреблялъ на ѣду, но чаще на покупку опиума.

Въ сущности онъ далеко не такъ терпѣлъ отъ голода, какъ дочь его. Отъ обѣда миссъ Симмондсъ, который приходился въ часъ полудни, до вечерняго отдыха, который, нерѣдко, откладывался до полуночи, постъ былъ порядочный, а Мери была молода, живо ощущала потребность пищи и къ голоданью не привыкла.

Однажды вечеромъ она по обыкновенiю сидѣла за шитьемъ и пѣла веселую пѣсню, изрѣдка прерывая ее вздохами, какъ вдругъ дверь отворилась и оцупью вошла слѣпая Маргарита. Отсутствiе

ей давно уже было дополнительнымъ горемъ для Мери: Маргарита ѣздила вмѣстѣ съ профессоромъ музыки по разнымъ промышленнымъ городамъ Йоркшира и Ланкашира. Дѣдъ ея разсудилъ, что теперь самое время ему постранствовать за различными предметами натуральной исторіи; такимъ образомъ квартира ихъ стояла пустая и уже нѣсколько недѣль сряду была заперта.

— О Маргарита, Маргарита! Какъ я рада тебѣ! постой, не ушибись, вотъ сюда — теперь такъ, это батюшкино кресло. Сядь. И Мери нѣсколько разъ принималась цѣловать ее.

— Точно новое солнышко взошло, какъ я тебя увидала, Маргарита, милая ты моя. И какъ ты похорошѣла!

— Доктора всегда предписываютъ хворымъ людямъ перемѣну воздуха, а ты знаешь что за послѣднее время у меня этого снадобья было довольно.

— О да, ты просто стала путешественницей! Расскажи же все по порядку, Маргарита. Во-первыхъ, гдѣ ты была?

— Ну, душа моя, это долго рассказывать. Кажется чуть не полсвѣта объѣздила. Въ Болтонѣ была, въ Бери, въ Ольдгемѣ, въ Галифаксѣ — да, кстати: угадай, Мери, кого я тамъ встрѣтила? Или можетъ быть ты уже знаешь, такъ угадать не мудрено будетъ.

— Нѣтъ, ничего не знаю, а догадываться терпѣть не могу. Скажи, Маргарита, не мучь.

— Такъ вотъ что. Иду я, разъ вечеромъ, съ хозяйскимъ слугою, изъ своей квартиры въ ту залу, гдѣ мнѣ назначили пѣть, иду, и слышу, какъ впереди меня кто-то кашлянулъ, да и думаю себѣ: вѣдь это словно кашель Джема Вильсона. Черезъ минуту опять тотъ же кашель и на этотъ разъ съ чиханьемъ; тутъ ужъ я убѣдилась, что это онъ. Сначала мнѣ было совѣстно съ нимъ заговорить, потомучто, думаю, если это чужой, то пожалуй подумаетъ, что я къ нему привязываюсь; но потомъ разсудила, что слѣпому челоувѣку съ своимъ языкомъ церемониться нечего, и говорю: Джемъ Вильсонъ, это вы? Онъ и былъ, своею особой. А ты знала, что онъ въ Галифаксѣ, Мери?

— Нѣтъ, отвѣчала она печально и чуть слышно. Галифаксъ представлялся ей чѣмъ-то въ родѣ Америки, все равно: оттуда не видать ея смиреннаго, раскаяннаго взгляда, не видать признаковъ ея дѣвической любви.

— Ну, такъ онъ тамъ теперь; устраниваетъ какую-то машину для какихъ-то господъ, за своего хозяина. Онъ должно быть на хо-

рошемъ счету, у него пятеро помощниковъ. Мы съ ними встрѣчались раза два или три, и онъ мнѣ рассказывалъ про свое изобрѣтене, съ краями или съ кажими-то тамъ трубочками. Хозяинъ купилъ у него эту выдумку и взялъ привилегію, а Джемъ получилъ за это столько денегъ, что теперь всю жизнь можетъ прожить бариномъ. Но впрочемъ ты вѣрно уже обо всемъ этомъ слышала.

Нѣтъ, не слышала?

— Ну вотъ, а я думала, что все это случилось передъ его отъѣздомъ изъ Манчестера, а тогда, разумѣется, тебѣ все было бы извѣстно. Но можетъ быть онъ устроилъ свой дѣла только въ Галифаксѣ. Двѣсти или триста фунтовъ стерлинговъ дали ему за эту штуку! Да что же это, Мери, ты будто вовсе ничего не знаешь. Вѣдь вы кажется съ Джемомъ не ссорились?

Тутъ Мери расплакалась. Тѣломъ она ослабѣла, духомъ приуныла и вотъ теперь пришла минута, когда можно облегчить свое сердце, все рассказавъ подругѣ. Впрочемъ, она никакъ не рѣшалась признаться ей до какой степени страдала теперь отъ сознанія своего прошлаго тщеславія и глупости. Она надѣялась, что объ этомъ можно будетъ умолчать на вѣкъ, и сама не любила останавливаться на этой мысли.

— О, Маргарита, знаешь ли что было? Одинъ разъ вечеромъ, когда я была раздосадована и зла, приходилъ Джемъ. О Боже мой, Господи! Какъ подумаю объ этомъ, готова откусить себѣ языкъ. Онъ мнѣ говорилъ какъ любить меня, а я думала, что не люблю его, да такъ ему и сказала. А онъ, Маргарита, онъ мнѣ повѣрилъ, и такъ опечалился, такъ разсердился! А я бы теперь готова была сдѣлать все на свѣтѣ, право... рыданія прервали ее слова. Маргарита слушала ее задумчиво, но не теряя надежды. Въ душѣ, она не сомнѣвалась, что разрывъ этотъ не надолго.

— Скажи мнѣ, Маргарита, сказала Мери, опустивъ передникъ, которымъ отирала глаза, и глядя на свою подругу съ довѣренностью и вниманіемъ, — скажи, что мнѣ дѣлать, чтобы воротить его, — не написать ли?

— Нѣтъ, возразила Маргарита, этого дѣлать не слѣдуетъ. Мушкетеры вѣдь знаешь какіе странные; хотятъ, чтобы все ухаживанье было только на ихъ сторонѣ.

— Но что же за ухаживанье, если я напишу письмо; вѣдь я не подлаживаюсь же къ нему буду! сказала Мери съ досадою.

— Да, но если ты напишешь, то это будетъ значить, что ты раздумала и очень рада была бы теперь отдаться ему. Мнѣ кажется, лучше будетъ, если онъ самъ все это увидитъ и откроетъ.

— Но онъ и не подумаетъ искать, сказала Мери, вздыхая. Какъ же ему узнать, когда онъ въ Галифаксъ?

— Захочетъ, такъ все узнаетъ, въ этомъ ты будь увѣрена. А ты вѣдь вѣрно не желала бы выйти за него, если онъ самъ этого не захочетъ? Да нѣтъ, милочка! продолжала она, внезапно переходя отъ строгаго тона, которымъ, обыкновенно, говорятъ разсудительные люди, къ нѣжному и ласкающему тону, который такъ особенно дорогъ въ ихъ устахъ. — Нѣтъ милочка, ты только жди и будь терпѣлива. И будь увѣрена, что само собою все кончится отлично, гораздо лучше, чѣмъ если ты сама возьмешься все переделывать.

— Но терпѣть такъ трудно! жалобно проговорила Мери.

— Какъ же быть! Терпѣніе, конечно, самое трудное дѣло, какое только выпадаетъ человѣку въ жизни; это такъ. Ждать несравненно мудренѣе, чѣмъ дѣйствовать. Это я испытала съ своей слѣпотой, и всякій испыталъ, кому случалось ходить за больными; но это ужъ Божіе предопредѣленіе, которому всѣ мы должны подчиняться, такъ или иначе. — Маргарита замолчала и потомъ прибавила: — А давно ты не ходила къ его матери?

— Давно, уже нѣсколько недѣль. Въ послѣдній разъ, какъ я ходила, она была со мною такъ неласкова, что я право думала лучше уже оставить ее въ покоѣ.

— Ну, а я бы на твоемъ мѣстѣ опять пошла. Джемъ узнаетъ объ этомъ и, навѣстивъ его мать, ты конечно больше выиграешь въ его мнѣніи, нежели написавъ къ нему письмо. Да и что ты станешь писать? подумай только, какъ это трудно: побоишься сказать лишнее, и побоишься не договорить. Однако мнѣ пора уйти; дѣдушка дома ждетъ. Сегодня мы первый вечеръ опять вмѣстѣ проведемъ, и мнѣ не хочется заставлять его долго дожидаться.

Она встала, но все не уходила, въ какой-то нерѣшимости.

— Мери, мнѣ надо еще кое-что сказать тебѣ, только право не знаю съ чего начать. Видишь ли, мы съ дѣдушкой знаемъ, что значатъ тяжкія времена и нужды, знаемъ и то, что отецъ твой безъ работы; а у меня денегъ столько, что и тратить не посѣваю. Такъ не возьмешь ли ты, душечка, вотъ эту золотую монетку: заплатишь

когда-нибудь послѣ. — На глазахъ Маргариты навернулись слезы при этихъ словахъ:

— Милая Маргарита, намъ вѣдь не такъ ужь дурно. — (Говоря это, въ умѣ Мери мелькнуло воспоминаніе объ отцѣ, о его изнуренномъ лицѣ и скудной пищѣ, и она прибавила:) А впрочемъ, душечка, если тебя это не раззорить, то... Я постараюсь поскорѣе заработать и выплатить тебѣ, — а дѣдушка не разсердится?

— Дѣдушка-то! О нѣтъ, какъ можно. По правдѣ сказать, это онъ и выдумалъ предложить вамъ, а дома у насъ еще столько же денегъ, такъ ты не торопись возвращать. — Большое горе моя слѣпота, но за то какъ легко стало деньги добывать! И какое удовольствіе притомъ, я такъ люблю пѣть!

— Ахъ, кабы я умѣла пѣть! сказала Мери; глядя на золотую монету.

— Чтожь, одному дается одно, другому другое. Сколько разъ, Мери, пока я еще не была слѣпа, мечтала я быть такой красавицей какъ ты! — Всѣ-то мы, точно дѣти, только за тѣмъ и гонимся, чего нѣтъ у насъ. Теперь еще одно слово, Мери: помни, пожалуйста, что если вамъ опять понадобятся деньги, ты просто обидишь меня, если не скажешь. — Прощай, милочка.

Несмотря на слѣпоту, Маргарита поспѣшно удалилась, отчасти торопясь къ дѣдушкѣ, отчасти желая избѣгнуть изліяній благодарности Мери.

Ея посѣщеніе во многихъ отношеніяхъ облегчило Мери. Оно усилило ея терпѣніе и надежду, оживило въ ней увѣренность въ тепломъ участіи Маргариты и наконецъ (какъ ни ничтожны житейскія блага въ сравненіи съ дарами любви, которые повидимому всякому доступны) она оцѣнила важность золотого, оставшагося у ней въ рукахъ. Сколько разныхъ вещей можно купить на него! Во первыхъ, тотчасъ же можно приготовить славный ужинъ для отца; съ этою мыслью Мери въ ту же минуту выбѣжала за провизією, въ надеждѣ, что не всѣ еще лавки заперты, несмотря на поздній часъ.

Въ этотъ вечеръ квартира Бартона сіяла необыкновеннымъ блескомъ сальной свѣчи и пылающаго каминна, а отецъ и дочь съѣли за ужинъ, который показался имъ даже черезъ чуръ роскошнымъ: такъ давно уже они не наѣдались до сыта.

Пища душу крѣпитъ, говоритъ народная поговорка. И на слѣдующій день Мери нашла таки время сходить къ мистриссъ Вильсонъ, по совѣту Маргариты.

Она застала ее совершенно одну и нашла старушку на этотъ разъ несравненно лобезнѣе, чѣмъ въ прошлый визитъ. Она сказала ей, что Алиса отлучилась изъ дому.

— Она пошла на почту, только я увѣрена, что воротится съ пыстыми руками. Хотѣла, видишь ли, спросить, нѣтъ ли тамъ письма на ее имя, отъ пріемнаго сына ея, Вилля Вильсона, моряка.

— Почему ей пришло въ голову, что тамъ можетъ быть письмо? спросила Мери.

— А вотъ былъ здѣсь сосѣдъ, изъ Ливерпуля, и сказывалъ ей, что пришло тутъ корабль, на которомъ служитъ Вилль. Въ прошлый разъ, какъ пріѣзжалъ этотъ корабль, онъ не могъ отлучиться для свиданья съ Алисою, потому что они и всего-то одну недѣлю стояли въ гавани, а дѣла было имъ по горло. Такъ Алиса думаетъ, что Вилль непремѣнно побываетъ у ней теперь, и то и дѣло прикладываетъ руку къ ушамъ, прислушивается къ каждому шуму на улицѣ, все воображаетъ, что это онъ идетъ. А сегодня ужъ не могла сидѣть на мѣстѣ и побѣжала хоть на почту справиться, не писалъ ли онъ на прежній ея адресъ, что около васъ. Я пыталась отговорить ее, чтобъ не ходила, потому что, не говоря уже о глухотѣ, она становится такъ слѣпа, что за пять аршинъ впереди ничего не видитъ. Нѣтъ таки, пошла моя старуха.

— Я не знала, что у ней и зрѣніе испортилось. Когда она жила по сосѣдству съ нами, у ней были славные глаза.

— Да, а вотъ въ послѣднее время вовсе плохи стали. Да что же ты ничего не спросишь о Джемъ? проговорила вдова, желая поскорѣе обратиться къ главному и любимому предмету всѣхъ своихъ помышлений.

— Ахъ да! сказала Мери, вспыхнувъ какъ роза; — какъ онъ поживаетъ?

— Въ эту самую минуту не могу тебѣ сказать, какъ онъ поживаетъ, по той причинѣ, что онъ въ Галифаксѣ. Но въ прошлый вторникъ онъ писалъ, что здоровъ, слава Богу. Слышала ты объ его удачѣ?

Мери призналась, что слышала какую сумму Джемъ получилъ отъ хозяина за свое изобрѣтеніе, чѣмъ вдова была не совсѣмъ довольна.

— Ну, а сказывала тебѣ Маргарита, куда онъ дѣвалъ эти деньги? Впрочемъ это такъ на него и похоже, если онъ ни слова не сказалъ ей объ этомъ. Видишь ли, какъ только получилъ онъ свое, тотчасъ

отправился къ хозяину и просилъ помочь ему купить пожизненное обезпеченіе для меня и Алисы. Такъ и написано ея имя въ контрактъ; только недолго ей осталось пользоваться своими доходами; очень она становится плоха, моя годубушка. И такъ, Мери, ты видишь какія мы стали важныя люди, доходы получаемъ съ своихъ имѣній. Говорятъ, это составитъ фунтовъ по двадцати въ годъ. Ахъ, кабы близнечки-то мои живы были! прибавила она со слезами. — Послала бы ихъ на выучку въ лучшую школу, и кушали бы вдводемъ, ангельчики мои. Конечно на томъ свѣтѣ имъ должно быть лучше, но какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть ихъ!

Сердце Мери преисполнилось любовью при этомъ новомъ доказательствѣ прекрасной души Джема; но говорить она не могла. Взявъ руку Джени Вильсонъ, она съ чувствомъ сказала ее и снова свела разговоръ на Вилля, племянника-моряка. Джени нѣсколько подсадовала на перемену разговора, но такъ какъ доводство значительно смягчило ея нравъ, то она не нападала на Мери за такое равнодушіе къ Джему и его добродѣтелямъ.

— Вилль? Онъ былъ въ Африкѣ и вообще въ той сторонѣ, какъ жется. Красивый малый, но никогда у него не было такихъ волосъ какъ у Джема: все что-то рыжеватое въ отбѣлкѣ. Онъ присылалъ Алисѣ — она можетъ говорила тебѣ тогда — присылалъ ей изъ за моря фунтовъ пять стерлинговъ; но въ сравненіи съ доходомъ нашимъ что же это такое? Самая малость, разумѣется.

— Не всякій же можетъ разомъ зашибить сотни фунтовъ, сказала Мери.

— О нѣтъ, нѣтъ, не всякій. Это-то совершенно справедливо. Не много на свѣтѣ такихъ, какъ Джемъ. Вонъ я слышу Алиса идетъ, прибавила она и поспѣшила отворить дверь своей комнаты. Алиса устала, запыхалась и была печальна. Пыли и усталости можетъ быть никто бы и не замѣтилъ, если бы не эта печаль.

— Нѣтъ цисежь? спросила мистриссъ Вильсонъ.

— Нѣтъ! еще денекъ придется ждать вѣстей отъ моего парня. Какое тяжелое дѣло, это жданье, сказала Алиса.

Мери вспомнила слова Маргариты. Всякому выпадаетъ на долю свой крестъ терпѣнія и ожиданія.

— Хотъ бы знать только, что онъ живъ и здоровъ, не утонуть гдѣ-нибудь! заговорила опять Алиса. — Или ужъ знать, что утонуть, и просить у Господа силы подождать на Его святую волю. Но ждать-то, ждать!

— Всѣмъ намъ трудно дается терпѣніе, сказала Мери. — Я знала, что для меня оно трудно, но не ожидала, чтобы для васъ это было такъово, Алиса. Теперь я не буду такъ сильно упрекать себя въ нетерпѣніи, узнавъ, что даже вы находите его мудреннымъ.

Мери и не думала, чтобы въ словахъ ея заключался какой-нибудь упрекъ; Алиса также не думала этого, но тѣмъ не менше сошла за нужное отвѣтить:

— Въ такомъ случаѣ прости меня, душачка, и да проститъ мнѣ Богъ за то, что я ввела тебя въ соблазнъ, выказавъ передъ тобой всю мою слабость. Половина жизни нашей проходитъ въ ожиданіи, и конечно не пристало мнѣ грѣшной жаловаться, тогда какъ Господь осыпаетъ меня своими милостями. Постараюсь укоротить свой рыдъ и унять свои мысли.

Она говорила очень смиренно и кротко, какъ-будто дѣйствительно просила прощенія.

— Ну, ну, Алиса, въѣшалась мистриссъ Вильсонъ, не мучь себя изъ-за какого-то вздора. Вотъ я поставила котелокъ и мигомъ заварю чай для тебя и для Мери.

Она засуетилась, принесла большой, вкусный хлѣбъ, заставила Мери рѣзать ломтики и намазывать ихъ масломъ, а сама зажегла чашками и блюдами — звукъ всегда отраднѣе, особливо для бѣднѣе!

Только что онѣ сѣли за чай, какъ послышался стукъ въ дверь и кто-то, не дожидаясь отвѣта приподнявъ скобу, отворилъ дверь, и заглянувъ въ комнату, спросилъ мужественнымъ, пріятнымъ голосомъ: здѣсь ли живетъ нѣкто, по имени Джорджъ Вильсонъ?

Мистриссъ Вильсонъ тотчасъ пустилась въ длинныя и печальныя объясненія о томъ, что точно жилъ здѣсь прежде такой человекъ, но теперь уже онъ скончался; какъ вдругъ Алиса, съ вѣрнымъ инстинктомъ любви, встала и подлезла къ двери. Во всѣхъ прочихъ, обыкновенныхъ случаяхъ жизни, слухъ и зрѣніе ея были уже до того слабы, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія звуковъ и образовъ достигали до нея несравненно позже, — чѣмъ слѣдовало. Но на этотъ разъ другое дѣло.

— Мой мальчикъ! — мой милый, безцѣнный мальчикъ! вскрикнула она, кидаясь на шею къ Виллю Вильсону.

Читатель можетъ себѣ вообразить, какая послѣдовала живая и радостная сцена; какъ мистриссъ Вильсонъ смѣялась, болтала и всхлипывала въ одно и тоже время; какъ Мери съ пріятнымъ удив-

леніемъ осматривала съ ногъ до головы своего стараго пріятеля, прежняго товарища по разнымъ дѣтскимъ играмъ, а нынѣ виднаго, загорѣлаго, кудряваго моряка, съ открытымъ, веселымъ и привѣтливымъ лицомъ.

Но радость Алисы, при свиданіи съ своимъ пріемнымъ сыномъ выходила изъ разряда обыкновенныхъ. Она ничего не говорила, потому что дѣйствительно не въ состояніи была произнести слова; но обильныя слезы ручьями текли по старымъ, сморщеннымъ щекамъ и туманили большія очки, въ роговой оправѣ, которыя она надѣла, чтобы лучше разглядѣть своего любимца. Убѣдившись наконецъ, что слѣпота и слезы не дадутъ ей хорошенько изучить это милое лицо, она нашла средство сдѣлать это безъ помощи зрѣнія, и употребила въ дѣло другое чувство. Она подняла свои желтыя, сухія руки къ его головѣ, терпѣливо склоненной передъ нею, и дрожащими отъ волненія пальцами провела по мужественнымъ чертамъ юноши, который съ величайшею кротостью подвергся этой странной операціи. Наконецъ—то она налюбовалась вволю!

Послѣ чаю Мери почувствовала, что съ обѣихъ сторонъ многое нужно имъ было сказать другъ другу на единѣ и что въ такомъ случаѣ даже и она была лишняя, не смотря на давнишнюю короткость свою въ этомъ кружкѣ. Это движеніе, какъ будто впервые, пробудило Алису отъ полноты блаженства и она поспѣшно бросилась къ дверямъ вслѣдъ за Мери. Выйдя на улицу и держась рукою за скобу, она схватила Мери за руку и горячо проговорила, чуть ли не первыя слова съ самаго появленія племянника.

— Душечка! я никогда не прощу себѣ, если грѣшныя рѣчи мои послужатъ тебѣ камнемъ преткновенія на пути жизни. Видишь ли, какія горячія уголья Господь положилъ на мою голову! — О Мери, да не будутъ слова мои помѣхою твоей вѣрѣ, — вѣдь это я такой Ома невѣрный! А ты терпѣливо жди и надѣйся на Господа, какое бы ни было у тебя горе.

ГЛАВА XIII

Русалка сидитъ на высокой скалѣ,
 Въ туманной во мглѣ;
 И волосы чешетъ, и въ воду глядитъ,
 И плѣсни звѣнитъ.
 А плѣню русалки услышатъ лишь тотъ,
 Кто за солнцемъ поидетъ
 И съ солнцемъ вдвоемъ, какъ заходитъ оно,
 Окунется на самое дно.

В. С. Лендоръ.

Дней черезъ пять, послѣ описанныхъ происшествій, Мери стояла у окна своей квартиры и, погружившись думою въ неопредѣленные грезы и размышленія, увидѣла Вилла Вильсона, который быстро вошелъ въ ворота и также быстро приблизился къ ея двери. Она рада была видѣть его, потому что съ дѣтства была съ нимъ очень дружна и, можетъ быть, только чрезвычайное сходство характеровъ помѣшало имъ считать другъ къ другу чувства болѣе нѣжныхъ. Она отворила ему дверь и ласково отвѣчала на его дружеское привѣтствіе.

— Ну-ка, Мери, надѣвайте шляпу и шаль, или тамъ какія другія штуки, словомъ то, въ чемъ вы уходите со двора. Меня прислали за вами, а когда я исполняю порученіе, то времени тратить не люблю. Живо, живо!

— Куда же мы пойдѣмъ? спросила Мери, и сердце въ ней замерло при мысли о томъ, кто можетъ быть ждетъ ее.

— Не очень далеко, отвѣчалъ онъ. Всего-то за уголъ, къ старому Джобу Легу. Меня тетюшка привела туда, чтобы познакомить съ своими новыми друзьями, а потомъ мы хотѣли идти сюда, навѣстить васъ и вашего батюшку, но старый джентльменъ расположонъ кажется задать сегодня аваный вечеръ и потому прислалъ меня захватить васъ. Гдѣ отецъ? Мнѣ и его надо, его также ждутъ.

— Его дома нѣтъ, но я попрошу соседа, чтобы сказали ему гдѣ я и куда ему прійти; то есть это въ томъ случаѣ, если онъ скоро воротится домой. — А что, у Джоба Лега больше никого нѣтъ! прибавила она нерѣшительно.

— Нѣтъ; тетка Джени не пришла, у ней какія-то домашнія хлопоты, а Джемъ — что и говорить! И какого зелья все вы ему

туть подсыпали, что онъ какъ въ воду опущенный, право! Конечно было горе и у него, бѣдняги, да пора бы ужъ стряхнуться и глядѣть молодцомъ; а то что это, слово баба!

— Такъ онъ ужъ воротился изъ Галифакса? спросила Мери.

— Да, брѣнное тѣло его воротилось; а сердце должно быть посяяло гдѣ нибудь. Языкъ то еще кажется на мѣстѣ, какъ бывало говаривали мы ребятамъ, которые говорить не хотятъ. Я иногда пробую расшевелить его; и онъ какъ будто не прочь отъ моей компаніи, но все такой же угрюмый и печальный. Вчера шли мы съ нимъ на заводъ, слѣдно два квакера, на которыхъ еще не сошолъ святой духъ; всю дорогу вромолчали. Ну, мѣстечко! По неволѣ съ ума сойдешь: что за шумъ, что за темнота! Впрочемъ есть двѣ три хорошия вещи, на примѣръ, раздувательные мѣха, или лучшия, вѣзаныя дѣржавый вѣтеръ, который они зовутъ мѣхами. Тутъ я бы навѣлся: весь день простоялъ; и еслибы, когда нибудь, затесала меня легкая въ эту каторгу, я бы выпросилъ себѣ мѣсто раздувателя, коли есть такое мѣсто. А Джемъ даже и этимъ не тѣшится: стоитъ себѣ, словно истуканъ, тогда какъ у меня этотъ вѣтеръ чуть шапку изъ рукъ не вырвалъ. Отъ бѣды тоже его отбьютъ, и объ этомъ тетка вполнонудца сокрушается. Ну, Мери, готовы ли вы?

Мать всей этой рѣчи она все-таки не могла понять, пришло ли Джемъ изъ Джобу-Легу; но едва отворилась передъ ней господствующая дверь, какъ она сразу увидала и почувствовала, что его тутъ нѣтъ. Стало быть и этотъ вечеръ пройдетъ для нея напусту, думала она. Но минуту черезъ пять уныніе ея исчезло подъ вліяніемъ встрѣчи съ добрыми старыми друзьями, изъ которыхъ каждый, кромѣ ея самой, имѣлъ особую причину быть довольнымъ и счастливымъ.

Маргарита, которая безъ работы не могла существовать, что-то вязала, разумѣется не глядя на вязанье и обративъ свое внимательное лицо къ присутствующимъ. Алиса сидѣла тихо и терпѣливо, съ тусклыми глазами и крѣпкимъ выраженіемъ лица, старалась вглядываться и прислушиваться, но ни разу не пожаловалась на свои недуги. Въ дунгъ она даже очень искренно благодарила Бога за свое необыкновенное счастье, потому что радость отъ присутствія племянника перебивала для нея печальный недостатокъ зрѣнія и слуха.

Джобъ съ честію исполнялъ должности хозяина и хозяйки, потому что съ времени слѣпоты Маргариты онъ, ничего не говоря, страж-

нулъ свѣдѣ обыкновенную разсѣянность и взялъ на себя большую часть мелкихъ хозяйственныхъ хлопотъ, лежавшихъ, до тѣхъ поръ, исключительно навнучкѣ. Ходя по комнатамъ туда и сюда, сѣлъ въ тоже время велъ самую задушевную бесѣду съ молодымъ морякомъ, стараясь извлечь какия нибудь естественно-историческія подробности изъ всѣхъ его разсказовъ о путешествіяхъ въ далекіе края.

— О, если вы такой охотникъ до мухъ, стрекозъ и червей, то вамъ бы съѣздить въ Сиерра-Леоне, тамъ ихъ всего больше. Жаль, что вамъ не случилось съ нами, а намъ, по правдѣ сказать, черезъ туръ уже много доставалось этаго добра: и въ питѣвѣ, и въ вѣдѣ, не оберешься. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы на свѣтѣ были охотники до такихъ жирныхъ зеленыхъ тварей, а не то я бы вамъ привезъ ихъ тысячи. Въ одну тарелку гороховаго супа вамъ впадало бы ихъ достаточное количество, я полагаю; намъ-то, пожалуй, казалось даже, что и слишкомъ довольно.

— О, я бы дорого далъ за такую штуку! сказалъ Джобъ.

— Чтожь, я зналъ многихъ на родинѣ, которые любятъ разныя заморскія рѣдкости; но не думалъ, чтобы кому либо могли понадобиться такія противныя гадины. Вотъ русалокъ я всегда искалъ и очень хотѣлъ встрѣтить, потому что это по крайней мѣрѣ вещь любопытная.

— Долго же пришлось бы вамъ искать, проговорилъ Джобъ въ поголоса, но съ замѣтнымъ презрѣніемъ, которое не ускользнуло отъ чуткаго уха моряка.

— Не такъ-то долго какъ вы полагаете, сэръ, особенно въ нѣкоторыхъ широтахъ. Все дѣло въ томъ, что въ иныхъ мѣстахъ для русалокъ слишкомъ холодно, — это тамъ, гдѣ женщины еще не носятъ полунагія отъ жара. Но я бывалъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ подъ одной кисеей не знаешь куда дѣваться отъ зноя, а вода въ морѣ теплѣе парнаго молока. Вотъ тутъ-то и водятся русалки, и хотя самому мнѣ ни разу не удавалось видѣть ихъ, но я лично знаю очевидцевъ.

— Разскажите, — какъ это? подхватила Мери.

— Разсказывай! проговорилъ натуралистъ скептически.

Оба восклицанія подстрекнули Вилла разсказать свою исторію. И что же это, въ самомъ дѣлѣ? тутъ все народъ, который съ роду изъ своей мурьи не выгызалъ и ничего не смыслить въ моронихъ чудесахъ, а еще ему же ротъ занимаетъ.

— Вот изводьте видѣть, пріятель мой Джекъ Гаррисъ, нашъ подкиперъ, въ последнее плаваніе не разъ намъ объ этомъ досканально рассказывалъ. Засталъ ихъ штиль около острова Чэтема (это въ Тихомъ океанѣ; жара тамъ порядочная и водятся всякія страсти, и русалки, и акулы, и все такое). Вотъ нѣкоторые изъ матросовъ и вздумали на веслахъ съѣздить на островъ, посмотрѣть его по ближе; взяли лодку и поѣхали. Приближаясь къ берегу, слышатъ они какъ будто кто вздыхаетъ или отдувается, словно духъ переводитъ. Вы водолазовъ видали? Нѣтъ! Ну, видали по крайней мѣрѣ людей, одержимыхъ одышкою? Такъ этотъ звукъ именно на то былъ похожъ. Вотъ осмотрѣлись наши молодцы кругомъ, и что же они видятъ? Сидитъ на утесѣ русалка и грѣется на солнцѣ. Вода бываетъ гораздо тепдѣе во время бури или сильнаго волненія, такъ въ затишьѣ-то она видно озябла и вышла погрѣться.

— Какая же она была? спросила Мери, затанувъ дыханіе.

Джобъ между-тѣмъ взялъ съ камина свою трубку и сталъ курить, попыхивая очень явственно, въ знакъ того, что рѣчи идутъ самыя пустыя.

— О, Джекъ говоритъ, что она была такая красавица, какъ бываютъ восковыя куклы у паракмахеровъ на окнахъ; только вотъ что, Мери, волоса у ней были ярко-зеленаго цвѣта.

— А я бы не думала, чтобы это могло быть такъ красиво, сказала Мери нерѣшительно, какъ будто ей самой странно было сомнѣваться въ чѣмъ либо, касающемся такого достовѣрнаго предмета.

— О, вѣдь это только съ непривычки кажется некрасиво. А по мнѣ, какъ подплываешь къ твердой землѣ, ничего не можетъ быть отраднѣе и лучше ярко-зеленой травы. Ну, такъ волоса-то у ней зеленѣя и повидимому она этимъ очень довольна, потомучто, когда они ее увидѣли, она то и дѣло расчесывала ихъ во всю длину. Они подумали, что это славная добыча, ничѣмъ не хуже кита (моряки-то эти были всѣ китоловы), и продать ее можно за чистыя денежки. Потомучто, видите ли, бываютъ иные великіе охотники до русалокъ, чтобы тамъ ни говорили объ этомъ другіе — прочіе.

Это былъ камешекъ въ огородъ Джоба Лега, который съ новымъ рвеніемъ и свистомъ принялся выпускать изо рта табачный дымъ.

— Ну, такъ они повернули лодку въ ея сторону, съ намереніемъ поймать ее. Она все время чесала свои чудесные волосы и жонила ихъ рукою, а въ другой рукѣ держала зеркало.

— Много ли у ней рукъ-то было? спросилъ Джобъ.

— Разумѣется двѣ, также какъ у всякой другой женщины, отвѣчалъ Вилль съ негодованіемъ.

— А-а! мнѣ показалось по вашимъ словамъ, что она одной рукой манила, другой чесала волосы, а третьей держала зеркало, сказалъ Джекъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ.

— Нѣтъ, этого я не говорилъ! а если сказалъ, то разумѣлъ, что все это она дѣлала не вдругъ; это кажется всякій можетъ понять, кто только не... (послѣдовало легкое бормотанье себѣ подъ носъ). Ну, Мери (рѣчь обратилась теперь рѣшительно къ Мери), какъ увидѣла она, что они приближаются, испугалась. Ружье въ ли побоялась, что въ лодкѣ были приготовлены для стрѣлянна дичи на острову, или просто бабій капризъ напелъ (что очень можетъ быть, потому что половина ея тѣла все-таки женская); но только едва они подошли шаговъ на восемь къ утесу, на которомъ она сидѣла, какъ она бултыхъ въ воду — только и мелькнулъ кверху рыбій хвостъ ея, и тотъ исчезъ въ ту же минуту.

— И никогда больше ее не встрѣчали? спросила Мери.

— Никогда такъ близко. Одинъ изъ нашихъ матросиковъ, стои разъ ночью на часахъ, сказывалъ, что видѣлъ, какъ она плавала вокругъ корабля и подняла къ нему свое зеркальце; и въ зеркалѣ онъ ясно увидѣлъ избушку, въ которой оставилъ свою жену въ валлійскомъ княжествѣ, и очень хорошо рассмотрѣлъ тамъ на порогѣ жену: стоитъ будто у двери, и глаза загородила рукою, словно идетъ его и глядитъ на дорогу. Однако Джекъ Гаррисъ ему не болѣно вѣрилъ, потому что этотъ матросикъ, говорятъ, былъ такой мечтательный, унымый, да по родинѣ сильно тосковалъ.

— Жаль, что не поймали! сказала Мери задумчиво.

— Они таки достали одну вещицу, которая ей принадлежала, возразилъ Вилль. Я тысячу разъ видѣлъ эту вещицу собственными глазами, и помнѣ она достаточно доназываетъ, что это все выдумки; впрочемъ вѣдь такихъ ясныхъ доказательствъ, слава Богу, не всѣ и требуютъ.

— Что же это было? спросила Маргарита, отъ души желавшая, чтобы дѣдушка наконецъ убѣдился.

— Да она, видите ли, въ помыхахъ позабыла на камнѣ свой гребень; одинъ изъ матросовъ замѣтилъ это, подумалъ что все же лучше хотъ гребень взять, и слазилъ за нимъ на утесъ. Потомъ гребень перешолъ въ руки Джека Гарриса, и я самъ видѣлъ, какъ онъ имъ чесался по воскресеньямъ на нашемъ кораблѣ.

— А какой онъ былъ? спросила Мери съ удвоеннымъ любопытствомъ; она уже вообразила себѣ коралловый гребешокъ, украшенный жемчугомъ.

— Болѣе бы не отравная какая-то нитка или шерстинка, которою онъ былъ опутанъ, то въ немъ ничего бы не было необыкновеннаго: такой же гребень какъ и всѣ ваши чистые гребни.

— Вотъ какъ, пророчалъ Джебъ Легъ съ презрительною усмѣшкой.

Морякъ закусилъ губы, чтобы какъ-нибудь не всплыть до опарика. Маргарита сидѣла какъ на иголкахъ; она знала, что дѣлъ за словомъ въ карманъ не полѣзеть, и съ замираніемъ сердца старалась угадать, что еще дальше будетъ и не выведетъ ли онъ изъ терпѣнія своего молоденькаго гостя.

Но Мери до того углубилась въ морскія чудеса, что даже не замѣтила недоверія, съ которымъ Джебъ Легъ слушалъ разсказъ о русалкѣ; когда Вильсонъ, нѣсколько оскорбленный такимъ сомнѣніемъ, замолчалъ и намѣревался не развѣгать больше рта во весь вечеръ, Мери опять пристала къ нему съ просьбами:

— Разскажите еще что-нибудь, что вы видѣли и слышали тамъ на кораблѣ. Разскажите, Виль!

— Что за охота, Мери, когда тутъ не вѣрять? Я собственными глазами видалъ такія вещи, что если ихъ разсказывать, то мнѣ же въ глаза начнутъ фыркать, какъ малому ребенку, чтобы заставить замолчать. Но если, Мери, я пожалуй разскажу о какихъ-нибудь морскихъ чудесахъ, попомучу вы кажется не считаете себя самымъ мудрою, чтобы вѣрить мнѣ на слово. Я видалъ, какъ рыбы летаютъ.

Это извѣстіе повергло Мери въ величайшее изумленіе. О русалкахъ она еще слышала, и даже на вывѣскахъ видала ихъ изображенія; но о летучихъ рыбахъ неимѣла ни малѣйшаго понятія. Но Джебъ не такъ это принималъ. Онъ положилъ трубку на мѣсто и, энергически кивнувъ головою, сказалъ:

— Вотъ это дѣло, молодой человекъ; теперь вы правду говорите!

— Ну, наконецъ-то, хоть это пришлось по нутру! проговорилъ Виль. Какъ же такъ, старина? когда я говорю, что видѣлъ тварь полу-рыбу и полу-птицу, вы вѣрите; а когда говорю, что бываютъ твари полу-рыбы и полу-женщины — не вѣрите. Развѣ не все равно чудо?

— Видь вы сами-никогда не видавали русалокъ? кротко амтнчалась Маргарита. Но Вилль держался пословицы «кто меня любить, любн и собаку мою», и на этотъ разъ перевертывалъ ее такъ: кто мнѣ вѣрнть, вѣрь и Джеку Гаррису. По этому примирительное замѣчаніе Маргариты не произвело на него желаемого дѣйствія.

— Это охачесть, продолжалъ старій Джобъ, оидню зандрессованной летучею рыбой; онъ принадлежитъ къ овраду *Malaopterygii abdominales*.

— А-а, какъ вотъ что! Вы видно изъ тѣхъ людей, которые не признають звѣря, покажутъ не окрестить его какимъ-нибудь бурманскимъ именемъ. Наряди скотину въ воскресное платье, вы ее тотчасъ узнаете; а привели вамъ ее въ чомъ мать редида, такъ это уже не та. И много встрѣчалъ такихъ чудаковъ. Кабы я зналъ, что вы принадлежите къ ихъ числу, то назвалъ бы русалку бдлаго Джека какое-нибудь долговязое названіе, съ латинскимъ красномъ. Вотъ напримѣръ, Русаликусъ Джеки Гаррисовскій, — это хорошее названіе, точъ въ точъ на вашу манеръ. Какъ вы полагаете, сѣрь, въ Тлхонъ ованъ Русаликусы водятся? продолжалъ Вилль, чрезвычайно довольный своею остротой.

— Нѣтъ, этого нѣтъ. А вы расскажите-ка мнѣ объ...

— Ладно! сказалъ Вилль, довольный и тѣмъ, что старикъ нему-либо вѣрнть и чѣмъ-либо заинтересовался изъ его разсказовъ.

— Это было въ послѣднее наше плаваніе, за день пути отъ Мадейры; слышу я, что одинъ изъ нашихъ матросовъ...

— Не Джекъ Гаррисъ, я надѣюсь, пробормоталъ Джобъ.

— Завѣсь меня (продолжалъ Вилль, не слушая замѣчанія) на калубу, посмотрѣть эту ликовнику, какъ били вы ее называли, ну, по нашему летучую рыбу. Она летѣла футовъ на двадцать надъ водою и пролетѣла пространство шаговъ во сто. А медати объ этомъ, сѣрь, я одну поймалъ и высушилъ; не хотите ли ее взять? Я уступлю вамъ охотно. Только, прибавилъ онъ вполголоса, хоть бы за это вы повѣрили моему Русаликусу.

Если бы такая вѣра поставлена была непремѣннымъ условіемъ уступки летучей рыбы, то я думаю, что Джобъ Легъ, несмотря на все свое прямодушіе, покривилъ бы душою на этотъ разъ и притвердился бы, что вѣрнть въ русалонъ: такъ хотѣлось ему приобрести этотъ акампляръ. Схвативъ объ руки молодого моряка, онъ такъ ярвко и усердно пожалъ ихъ, что этимъ несомнѣннымъ выраженіемъ благодарности тотчасъ расположилъ юношу въ свою

пользу, къ великому недоумѣнію старой Алисы, которая не могла понять, что это значить; впрочемъ, догадываясь, что такое движеніе во всякомъ случаѣ происходитъ отъ добраго чувства къ ея племяннику, она добродушно улыбалась, глядя на собесѣдниковъ.

Джобу захотѣлось чѣмъ-нибудь существеннымъ доказать свою признательность; но онъ не могъ придумать, какъ бы это сдѣлать? Онъ разсудилъ, что молодой человѣкъ едва ли оцѣнитъ по достоинству одинъ изъ дублетовъ его Аранеидъ; того и гледи, что онъ останется равнодушнымъ даже къ большой американской Мигале, главнѣйшему сокровищу Джоба; въ противномъ случаѣ Джобъ готовъ былъ подѣлиться даже этими предѣстами съ великодушнымъ юношей, который доставить ему экземпляръ настоящаго сущаго экзотетуса. Чѣмъ же однако возблагодарить его? Можно спросить Маргариту пѣть. Вѣдь и кромѣ ея стараго, баловливаго дѣда многіе теперь восторгаются ея пѣніемъ. И такъ, Маргарита запѣла одну изъ своихъ старинныхъ, чудныхъ пѣсень. Новѣйшей музыки она не знала (и за это слушатели должны были быть ей наиболѣе благодарны); но звучнымъ, мягкимъ голосомъ сыѣла нѣсколько классическихкихъ мелодій, которымъ выучилъ ее въ послѣднее время страдающая профессоръ музыки.

Мери съ удовольствіемъ слѣдила за восторженнымъ лицомъ молодого моряка; широко раскрывъ глаза, съ легко разинутымъ ртомъ, сидѣлъ онъ въ какомъ-то оцѣпененіи; боясь проронить малѣйшій звукъ этого чуднаго, великолѣпнаго голоса. Онъ даже не мигнулъ ни разу, какъ будто опасался и этииъ быстрымъ движеніемъ прервать очарованіе. Въ первый разъ въ жизни Мери пришло въ голову, что маленькая, невзрачная Маргарита, такая смиренная и тихая, можетъ вскружить голову такому красивому, остроумному и молодцоватому юношѣ, какъ Вилль Вильсонъ.

Въ умѣ Джоба также произошла быстрая перемена въ пользу молодого гостя. Летучая рыба конечно много къ тому способствовала, но откровенный восторгъ его отъ пѣнія Маргариты также не мало возвысилъ моряка во мнѣніи Джоба.

Довольно забавно было видѣть, какъ эти два человѣка, за часъ передъ тѣмъ оказывавшіе другъ другу самую обыкновенную и даже холодную вѣжливость, теперь наперерывъ старались угождать одинъ другому. Вилль, только что оправившійся отъ пѣнія Маргариты, глубоко и благоговѣнно вздохнулъ; потомъ подвѣлъ къ Джобу и сказалъ, не совѣмъ твердымъ и очень умильнымъ голосомъ:

— Вы можете быть желали бы иметь живую безхвостую кошку?

— Что-о?

— Я право не знаю, какъ это называется по настоящему, отвѣчалъ Вилль смиренно. Мы ихъ зовемъ просто безхвостыми кошками, отъ того, что они похожи на кошекъ, только безъ хвостовъ.

Оказалось, что Джобъ, изучая натуральную исторію, и не слышавъ о такой зврушкѣ: Вилль продолжалъ.

— Я, видите ли, передъ отправленіемъ на свой корабль хочу побывать на островѣ, у матушкиныхъ родныхъ, и тогда съ охотою привезу вамъ такую кошку, если вы желаете. Онъ ужасно странный и съ непривычки также поражаютъ какъ летучая рыба и... (онъ проглотилъ послѣднее слово). Особливо странно на нихъ смотрѣть, когда онѣ ходятъ по крышамъ: обыкновенная кошка въ такихъ случаяхъ всегда держитъ хвостъ вверху и онъ ясно рисуется на небѣ, а этой подымать нечего, потому что хвоста она не имѣетъ, и многимъ это кажется очень любопытно. Если вы позволите, я могу такую вещь привезти для миссъ. И онъ головою указалъ на Маргариту. Джобъ согласился съ признательнымъ любопытствомъ и сознался, что очень интересуется безхвостой диклянкой.

— Когда вы отплываете? спросила Мери.

— Навѣрное не знаю. Корабль нашъ поѣдетъ теперь въ Америку, какъ мнѣ говорили. Одинъ изъ моихъ однокорытниковъ дастъ мнѣ знать какой день назначать для отплытія; но сначала я отпраюсь на островъ Менъ. Въ прошлый разъ, какъ были мы въ Англии, дядя наказалъ мнѣ непременно побывать тамъ. А такъ какъ я со дня на день жду повѣстки, то не надолго я вамъ достался, Мери, и вы пользуйтесь моимъ присутствіемъ, какъ можно больше.

Джобъ спросилъ его; былъ ли онъ въ Америкѣ.

— Я-то? Какъ же, и въ Сѣверной, и въ Южной. Теперь мы идемъ въ Сѣверную, въ землю Янки.

Мери не совѣмъ поняла послѣднее выраженіе и подѣла къ Алисъ, которая ничего не слыхала иначе, какъ если относились прямо къ ней. Она терпѣливо и безмолвно просидѣла большую часть вечера и привѣтствовала Мери спокойною улыбкой.

— Гдѣ твой отецъ? спросила она.

— Въ своежъ клубѣ, я думаю. Онъ туда почти каждый вечеръ уходитъ.

Алиса покачала головою; но отъ того ли, что не разслышала отвѣта, или отъ того, что не одобряла его, Мери не могла разо-

братъ. Она тихо сидѣла около Алисы и грустно смотрѣла на ея тусклые, незрячіе глаза, еще недавно такіе живые и блестящіе. Алиса, какъ будто по инстинкту, угадала ея мысли и, внезапно обратившись къ Мери, сказала ей:

— Ты горюешь обо мнѣ, душечка, а горевать нечего. Я счастлива, какъ малое дитя. Иногда мнѣ кажется, что Господь уже баюкаетъ меня передъ вѣчнымъ сномъ, какъ ребенка. Когда я служила нянюшкой, барыня всегда учила меня говорить, какъ можно тише и спускать все сторы, когда дитя ложилось почивать. И теперь все звуки земные такъ для меня непонятны, и все вокругъ меня какъ стемнѣло, что видно Отецъ мой небесный уже готовить меня ко сну. Я очень довольна и тебѣ печалиться нечего. Я пережила на своемъ вѣку чуть ли не все роды человѣческаго счастья, право такъ.

Мери подумала о давшемъ, сердечномъ желаніи Алисы еще разъ увидѣть родное пепелище; желаніе это столько разъ было отложено, и вотъ теперь вѣроятно уже совсѣмъ не будетъ приведено въ исполненіе. А если бы и было, то какая разница между тѣмъ, чего она такъ пламенно ждала столько лѣтъ, и неумолимую дѣйствительностью! Для слѣпой и глухой старухи такое свиданіе съ родной было бы похоже на насмѣшку судьбы.

Вечеръ прошолъ быстро. Подали скромный, чистенькій ужинъ, потомъ весело и шумно простились и разошлись по домамъ. Мери снова вступила въ свое безмолвное, одинокое жилище, непривѣтное и печальное; отца все еще не было дома, каминъ потухъ, а вечерняя работа ея, неубраная и даже неоконченная, валялась на комодѣ. Но этотъ вечеръ внесъ пріятное разнообразіе въ ея жизнь, доставилъ ей рядъ пріятныхъ воспоминаній. Онъ отвлекъ ея вниманіе отъ многихъ тяжелыхъ заботъ и подавляющихъ думъ; отъ размышленій о трудныхъ временахъ, о горестяхъ и нуждахъ, стѣною обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, объ отцѣ, объ его исхудалой фигурѣ, разстроенномъ здоровьи и ожесточенномъ сердцѣ; о завтрашнемъ днѣ и о всѣхъ послѣдующихъ дняхъ, которые предстояло проводить въ душной, тѣсной комнатѣ швейнаго заведенія, но неволь слушала противныя рѣчи Салли Ледбиттеръ, а Салли непременно станетъ нащипывать ей въ уши всякую дрянь. А потомъ Мери съ ужасомъ будетъ осматриваться на порогѣ миссъ Симмондсъ и прислушается, не слышио ли гдѣ нибудь по близости ненавистныхъ шаговъ мистера Карсона, который въ послѣднее время надѣлалъ ей свыше всякой

иѣры, потому что съ удивительною настойчивостью подстерегала ее всюду и насильно останавливала на улицѣ для переговоровъ. При этомъ она съ величайшимъ равнодушіемъ подвергала ее замѣчаніямъ всѣхъ прохожихъ, которые вольны были проедавить о ней всякую молву; ну что, если бы такая молва дошла до ушей Джона Бартона? Она ужасалась этой мысли, и не срывала отъ себя; что для Джона Вильсона подобныя слухи были бы также хуже смерти.

И все это навлекла она на себя своимъ глумимъ кокетствомъ! О, какъ тяготило ее воспоминаніе о томъ танцѣмъ лѣтнимъ вечерѣ, когда она, усталая и лѣнивая, возвращалась съ работы и тикѣ для по улицѣ въ первый разъ прислушивалась къ лѣстивымъ рѣчамъ своего обожателя.

А Джемъ Вильсонъ? О, Джемъ! зачѣмъ не приходилъ ты, зачѣмъ не выдалъ нѣжнаго взгляда, не слышалъ любящихъ словъ, которыми Мери готова была наградить тебя за поспѣшный отказъ, такъ поспѣшно принятый тобою за окончательное рѣшеніе твоей участи. А сколько слезъ и доски строила вамъ обоимъ эта разлука! Но дни проходили за днями и терпѣніе Мери истощалось понемногу; не разъ повторяла она слова заученной старой баллады:

Но чтожъ, его все не видать!
А я такъ устала, устала...
Ужъ лучше-бъ скорѣй умирать,
Тогда-бъ я покойнѣе стала!

ГЛАВА XIV

«Не осуждай, жо выслушай сперва.
Смотри, вотъ дубъ; онъ былъ красивъ и зеленъ,
Еще недавно такъ тѣнистъ и свѣжъ.
И чтожъ его такъ страшно иссушило?
Едва пуская слабые ростки,
Тонится онъ нежданнымъ недугомъ.
Его недугъ въ корняхъ его, въ землѣ,
Тамъ ихъ бѣда глухая подточила
И не спасетъ его бывшая сла».

Процолъ иѣсанъ. Для новорожденныхъ мадовый мѣсяцъ время молодого счастья; для родильницы время отраднаго выздоровленія и знакомства съ новорожденнымъ сокровищемъ; для вдовы и сироты тяжкое время недавней, невозвратной потери; для темнаго плѣнника,

нелюдимаго и угрюмаго, законный срокъ одиночнаго заключенія, безмольнаго труда.

На одрѣ болѣзни и въ темницѣ, вы навѣстили меня. Кто изъ насъ съ вами заслужить такую мзду, читатель? А я знаю человека, который заслужилъ ее. Директоръ одной изъ манчестерскихъ типографій, сѣдой старикъ, уже много лѣтъ сряду проводить воспресмытые дни въ тюрьмахъ и рабочихъ домахъ, навѣщая манчестерскихъ преступниковъ. Онъ не ограничивается совѣтами и утѣшеніями, но доставляетъ имъ средства возвратиться къ мирной и порядочной жизни, самъ отыскиваетъ имъ занятія и работу, и никогда не теряетъ изъ вида тѣхъ, кто однажды обратился къ нему за помощію.

Срокъ заключенія Эсофири миновалъ. Въ книгѣ смотрителя о ней сдѣлана была похвальная отмѣтка: она аккуратно сдавала свою ежедневную урочную работу, ни разу не заслужила дополнительнаго наказанія за нитянымъ станкомъ и въ рѣчахъ своихъ постоянно была учтива и прилична.

Эсофиръ очутилась опять на свободѣ, но когда захлопнулась за нею дверь тюрьмы, ей показалось, что она снова покидаетъ родимый кровъ; потому что для несчастной женщины этотъ домъ былъ все-таки единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ; другаго крова у ней не было, денегъ тоже не было, а день былъ ненастный и сумрачный.

Но она не долго стояла въ раздумьи. День и ночь преслѣдовала ее мысль, недававшая ей покоя; то была мысль о Мери, единственномъ дитяти покойной сестры, милomъ ребенкѣ, такъ много любимомъ ею самой въ счастливые дни невинности и чистоты. Какъ бы спасти Мери отъ несчастія, какъ бы отвратить ея заблудшіе шаги отъ пути порока? Кому сказать объ этомъ, кого просить о помощи? При мысли о Джонѣ Бартонѣ она приходила въ ужасъ: вспоминая свою встрѣчу съ нимъ, его гнѣвный толчекъ и жестокія слова, она чувствовала, что кровь застывала въ ней. Обратиться къ самой Мери казалось ей еще ужаснѣе, хотя по временамъ она думала, что это было бы самое лучшее средство, самое дѣйствительное предостереженіе. Во всякомъ случаѣ дѣйствовать было необходимо; безъ этого, она чувствовала, что не будетъ ей покоя; но къ кому обратиться? Она боялась возобновить сношенія съ которой бы то ни было изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, хотя и предполагала, что у нѣкоторыхъ достало бы ума, доброты, или престо услужливости, чтобы передать ея порученіе.

Кому же отверженная расскажетъ свою темную повѣсть? Кто протянетъ ей руку помощи? Она какъ прокаженная, и всякій по-боятся заразы.

Во время своихъ мочныхъ странствій по городу, она замѣчала жилье и изучала привычки многихъ людей, которые и не воображали, чтобы за ними слѣдила эта несчастная женщина. Само собою разу-мѣется, что она съ удвоеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдила за тѣми, кого знала въ дѣтствѣ, въ тѣ давно прошедшіе дни, которые казались ей тогда такими однообразными и скучными, а теперь жи-вали въ ея памяти ясными и безоблачными. Мы видѣли, что она безошибочно знала, гдѣ встрѣтитъ Джона Бартона въ ту ночь, какъ онъ такъ страшно съ нею обошелся, а она попала въ тюрьму. Она знала также, что онъ продолжаетъ свое короткое знакомство съ Виль-сонами, выдава какъ онъ шолъ по улицамъ и разговаривалъ то съ отцомъ, то съ сыномъ, — тоже ея старыми друзьями; и не мало про-плама она тайныхъ, никому невѣдомыхъ слезъ, когда узнала о вне-запной смерти Джоржа Вильсона. Ей вдругъ пришло въ голову, что сынъ Вильсона былъ въ дѣтствѣ друженъ съ Мери, любилъ ее какъ сестру родную, и что ему можно все повѣрить: онъ все вы-слушаетъ и быть можетъ найдетъ средство какъ нибудь сбѣжать и охранить Мери.

Все это, она обдумала еще въ тюрьмѣ, и потому, когда ее выпу-стили, планъ дѣйствій уже ясно обрисовался въ ея воображеніи и она недумала предаваться печали о своей свободѣ, о своемъ одино-чествѣ, какъ предавалась бы вѣроятно въ иныхъ обстоятельствахъ.

Въ этотъ вечеръ она за-свѣтло помѣстилась около типографіи, въ которой работалъ Джемъ. Онъ долго не выходилъ изъ дома, за-нятый какими-то распоряженіями на завтрашній день. Эсфирь уто-милась и терла тертіаніе; многіе работники уже вышли и прошли мимо ея, вдоль длинной кирпичной стѣны, и каждому изъ нихъ она пристально и поспѣшно заглянула въ лицо, не обращая вниманія на ругательства и обидныя ироніи; которыми надѣляли ее эти про-хожіе. Нѣтъ, видно онъ раньше всѣхъ ушелъ домой; она рѣшилась въ послѣдній разъ пройтись вдоль стѣны и потомъ удалиться.

Въ ту самую минуту, какъ она совершала это послѣднее путе-шествіе, въ тихой, уединенной улицѣ раздались шаги Джема. На мгновеніе она остановилась въ сильномъ смятеніи, но все-таки не перемѣнила намѣренія, какъ ни трудно казалось ей теперь его ис-полненіе.

Она положила руку на его плечо. Случилось то, чего она ожидала: взглянувъ въ сторону на особу, задержавшую его такимъ дѣйствіемъ, онъ съ усиліемъ тряхнулъ плечомъ, чтобы освободиться отъ ея руки и хотѣлъ пройти мимо. Но какъ ни сильно дрожала она всѣмъ тѣломъ, предвидя его сопротивленіе, она крѣпко держалась за его плечо.

— Вы должны меня выслушать, Джеймъ Вильсонъ, произнесла она почти повелительно.

— Ступайте, ступайте, матушка; отъ меня вамъ ждать нечего, я ни слушать васъ, ни говорить съ вами не намѣренъ.

И онъ попытался освободиться отъ ея руки.

— Вы должны слушать, повторила она настойчиво, вы должны, изъ участія къ Мери Бартонъ.

Это имя произвело магическое дѣйствіе. Онъ сталъ, какъ вкопанный, и съ дѣтскимъ вниманіемъ вслушивался въ каждое ея слово.

— Я знаю, вы довольно къ ней привязаны, чтобы желать ей всего добраго и защитить ее отъ зла.

Онъ пристально и серьезно посмотрѣлъ ей въ лицо и воскликнулъ:

— Кто же вы, если знаете Мери Бартонъ и можете предполагать, что я къ ней привязанъ?

На минуту въ душѣ Эсэри произошла борьба; она стыдилась назвать себя по имени, но чувствовала, что такое признаніе съ ея стороны придаетъ особый вѣсъ ея предположенію.

— Помните ли вы Эсэри? сказала она: Эсэри, сестру Бартоновой жены, тетку Мери? Помните ли записку, которую я написала вамъ въ день св. Валентина, лѣтъ десять тому назадъ?

— Записку я помню. Но вѣдь вы вѣроятно не Эсэри? Онъ снова взглянулъ ей прямо въ лицо и видя, что действительно передъ нимъ стояла подруга его дѣтства, онъ взялъ ея руку и пожалъ ее съ величайшимъ дружескимъ восторгомъ.

— Какъ, Эсэри! Это вы? Да гдѣ жъ вы пропадали столько лѣтъ? Куда вы дѣвались, что никто изъ насъ не могъ васъ отыскать?

Вопросы эти сдѣланы были слѣвка, вовсе не обдуманно; но отвѣтъ, послѣдовавшій на нихъ, былъ ужасенъ своею грубою серьезностью.

— Гдѣ я была? Что я дѣлала? Зачѣмъ вы мучите меня такими вопросами? Развѣ этого нельзя угадать? Но хорошо, вы узнаете всю

мою исторію, она придастъ особый смыслъ тому, что я хочу сказать вамъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не отговаривайтесь теперь, не увѣряйте меня, что вамъ не захчѣтъ знать всего. Вы должны слушать, а я обязана все высказать, и тогда вы побережете Мери, позаботитесь, чтобы она не пошла по моей дорогѣ. Какъ она теперь любитъ, такъ и я любима чюмовѣна гораздо выше меня по состоянію. (Въ волненіи своемъ она не замѣчала какъ тяжело дышала Джемъ, какъ онъ внезапно прислонился къ стѣнѣ и съ какимъ страшнымъ вниманіемъ вникался въ каждое ея слово). Онъ былъ такъ хорошъ собою, такъ добръ! Полкъ его выступилъ въ Честеръ, да я кажется не сказала вамъ, что онъ былъ военный. Онъ не могъ перенести мысли о разлуцѣ со мною и я не могла съ нимъ разстаться. Онъ взялъ меня съ собою. Я и не думала, чтобы бѣдная сестра Мери такъ приняла это къ сердцу! Я все думала, когда нибудь послать за ней, чтобы она у меня погостила, когда я буду замужемъ. Вы замѣтите, что онъ общалъ жемиться на мнѣ. Они все общаютъ. Три года прошли для меня въ неизъяснимомъ блаженствѣ. Мнѣ кажется вовсе не слѣдовао такъ наслаждаться своимъ положеніемъ, не я наслаждалась. У меня и дочка была. О, какой прелестный ребенокъ, если бы вы знали! Но нѣтъ, мнѣ не надо думать о ней, или я съ ума сойду.

— Вы больше не разсказывайте о себѣ, сказалъ Джемъ тихо и усюконтельно.

— Какъ, вамъ уже наскучило? Но я все-таки скажу, все скажу; вы меня вызвали на это и обязаны выслушать. Не даромъ же припомнились мнѣ все мученія прошедшаго. По крайней мѣрѣ есть кому равсизать ихъ. О, какъ я была счастлива! Голось ея понизился и въ немъ слышались почти дѣтскія, жалобныя ноты. — Когда онъ пришолъ сказать мнѣ, что его переводятъ въ Ирландію и что ему нельзя взять меня съ собою, меня это смертельно поразило. Мы были тогда въ Бристолѣ.

Джемсъ пробормоталъ что-то; она не разслышала, но понявъ смыслъ его словъ, подхватила съ жаромъ и тревогою:

— О, не осуждайте его! Ни словомъ не оскорбляйте его. Вы не знаете, какъ я люблю его до сихъ поръ; да, даже теперь, когда я вѣла такъ близко. Вы себѣ представить не можете, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ. Передъ разлукою онъ далъ мнѣ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, а я знаю, что тогда это было ему затруднительно. Пожалуйста, Джемъ, не говорите ничего такого. (Джемъ опять въ неподованіи проворчалъ: что-то не совсѣмъ лестное для военнаго

джентльмена, но, видя ея горе, удержался и замолчал). Я могла бы употребить эти деньги гораздо лучше, теперь я знаю это; а тогда я цѣны деньгамъ не знала. Прежде я легко выработывала ихъ на фабрикѣ и, не имѣя серьёзныхъ нуждъ, всё тратила на наряды и лакомства. Живя съ нимъ, я и подавно ни въ чемъ не терпѣла нужды, и потому думала, что пятидесяти фунтовъ мнѣ достанетъ очень надолго. И такъ я воротилась въ Честеръ, гдѣ была такъ счастлива, открыла тамъ маленькій магазинъ и около него наняла себѣ крошечную квартиру. Все пошло бы хорошо, но малютка моя заболѣла, — заболѣла моя крошечка. Я не могла въ одно и тоже время присмотрѣть за магазиномъ и за нею, и дѣла мои пошли вверхъ и внизъ. Я продавала свои товары, какъ попало, лишь бы скорѣе взять деньги и купить ей лекарство и кушанья. Я нѣсколько разъ писала къ ея отцу, прося его о скорой помощи; но онъ должно быть опять перѣѣхалъ куда-нибудь, потому что я никогда не получала отвѣта на мои письма. Что осталось у меня въ магазинѣ: тесемокъ и кружевъ, хозяйка дома ваяла за долгъ; а хозяйка того дома, въ которомъ я занимала бѣдную и дрянную квартиру, грозилась непременно выгнать меня съ ребенкомъ, если я тотчасъ не заплачу ей. Такъ прошло нѣсколько недѣль, а была холодная, крутая зима; дочка моя лежала въ тяжкой, тяжкой болѣзни, а я изнемогала отъ голода. Я не выдержала, не могла видѣть ея страданій и забыла, что лучше бы еще немножко подождать и умереть вмѣстѣ. Но она такъ стонала, такъ стонала... и деньгами еще можно было помочь ей, я знала это! — Вотъ я и вышла на улицу въ одну темную январскую ночь... Какъ вы думаете, Богъ покараетъ меня за это? — прибавила она какъ-то дико и порывисто; взглядъ ея помутился и она крѣпко схватилась за руку Джема, жадно ожидая его отвѣта.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ высказать все, что глубоко-тронутое сердце внушало ему примиряющаго и успокоительнаго, голосъ ея смягчился и она продолжала говорить со своею привычкою полнаго отчаянія.

— Все равно! Я это и послѣ дѣлаю, и поведеніе мое во всякомъ случаѣ проложило темную бездну между нею и мной, — бездну, что отдѣляетъ небеса отъ преисподней. Тутъ у ней вырвался вопль. — Сокровище мое, малютка моя! Даже и послѣ смерти не могу я увидѣться съ тобою, родное, безцѣнное дитя мое! О, она была такъ мила, такъ добра, совершенный ангелъ. Какъ бишь этотъ текстъ, я не помню... Текстъ, которому узнала меня мать моя давно, давно,

когда еще я сживала у ней на колѣнахъ. Онъ начинается такъ: Блаженны чистые...

— Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ, подскажутъ Джемъ.

— Такъ, такъ, это и есть! Если бы знала матушка, что изъ меня вышло, она умерла бы съ горя; — вотъ Мери, сестра моя, умерла же отъ этого! Ахъ да, мнѣ надо было что-то сказать вамъ на счетъ ея дочери, Джемъ. Вы знаете Мери Бартонъ, не правда ли? продолжала она, стараясь собраться съ мыслями.

Да, Джемъ знаетъ ее. И еще какъ знаетъ! Безумно забилось его сердце при этомъ имени.

— Ну, такъ что-то нужно для нея сдѣлать. Забыла я, что это... Чстойте. Какъ она похожа на мою малютку! начала она опять, поднимая на Джема глаза полные слезъ и лица въ его взоръ участія и состраданія.

Ему было чрезвычайно жаль ее; но Боже мой, чего бы онъ не далъ, чтобы снова навѣсть ее на разговоръ о Мери, о ея знатномъ обожателѣ и о томъ, что нужно для нея сдѣлать. Но онъ удержался и ждалъ молча. Черезъ минуту она заговорила тише и ровнѣе.

— Послѣ ея смерти я не могла оставаться въ Честерѣ и прѣехала сюда. Здѣсь я скоро нашла всѣхъ васъ; но все еще не знала, что бѣдная сестра моя умерла. Кажется, мнѣ просто не хотѣлось этого думать и узнавать. Я много вечеровъ простояла у ихъ забора и бродила вокругъ двора, на которомъ жилъ Бартонъ; заглядывала туда и старалась изъ болтовни ихъ сосѣдей узнавать все, что у нихъ происходило. Я никогда о нихъ не спрашивала никого, но собирала мимоходомъ всѣ случайные слухи и этимъ довольствовалась. Не разъ я улучала минуту, когда полисмень уходилъ подальше, и, подкравшись къ дому, разсматривала сквозь щелку ставня знакомую комнату, въ которой часто сидѣла Мери съ отцомъ и засиживалась иногда до поздней ночи. Я вскорѣ узнала, что Мери ходитъ учиться швейному мастерству и начала бояться за нее; потому что плохое дѣло дѣвочки ходить одной по улицамъ въ темные вечера, да еще послѣ долгаго трудового дня; съ усталости и скуки она рада всякой новости, и какъ знать, что можетъ случиться? Тогда я рѣшила, что каковая ни есть, а все еще гожусь хоть издали наблюдать за Мери и беречь ее, можетъ быть и спасти. И каждый вечеръ я дожидалась ее на улицѣ и провожала домой, тогда какъ она и неподозрѣвала что за нею есть кто-нибудь. У ней есть одна подруга, которой я тер-

пѣтъ не могу и крѣпко подозрѣваю эту дѣвушку въ какой-нибудь мерзости. Черезъ нѣсколько времени Мери стала возвращаться не одна: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ швейнаго заведенія къ ней присоединялся мужчина, джентльменъ. Я начала сильно за нее бояться, потому что видѣла, какъ она легкомысленно и какъ охотно принимаетъ его любезности. А онъ казался мнѣ тѣмъ хуже, что я часто видала его въ длинныхъ переговорахъ съ тою пахальной дѣвушкой, о которой я говорила вамъ. Но вскорѣ я сама слегла въ постель, долго была больна, кашляла кровью, и ничего не могла сдѣлать; кажется болѣзнь моя именно оттого и усиливалась, что я все думала о Мери и о томъ что съ нею можетъ приключиться въ мое отсутствіе. Когда же я снова вышла на улицу, то увидѣла, что все идетъ по-прежнему, только она какъ будто еще нѣжнѣе привязалась къ нему. Я хотѣла сказать ей отцу, но онъ не хотѣлъ меня выслушать Джемъ. О, ради всего святаго, спасите ее хоть вы! Вы для нея все равно, что братъ родной, можете быть вы могли бы дать ей советъ, присмотрѣть за нею, и во всякомъ случаѣ хоть съ Джономъ переговорить: васъ то онъ послушаетъ. А со мной онъ такъ грубъ, такъ жестокъ! Вспомнивъ его страшныя слова, она заплакала; но Джемъ внезапно прервалъ ее глухимъ и страннымъ голосомъ:

— Кто же этотъ обожатель Мери, котораго она любитъ? скажите мнѣ его имя.

— Это молодой Карсонъ, сынъ того Карсонса, у котораго на фабрикѣ работалъ вашъ отецъ.

Настало молчаніе. Черезъ минуту она заговорила:

— О Джемъ, я на васъ налагаю отвѣтственность за нее! Убить ее было бы конечно преступно, но все лучше, чѣмъ допустить до такой жизни, какую я веду. Слышите ли, Джемъ?

— Да, слышу. Лучше было бы. А лучше всего всѣмъ намъ умереть.

Это было произнесено тихо и отрывисто, какъ будто онъ подумалъ вслухъ; но тотчасъ перемѣнивъ тонъ, онъ продолжалъ.

— Эсвиръ, повѣрьте, что я сдѣлаю для Мери все, что могу. На это я уже рѣшился. Теперь послушайте. Судя потому, какъ вы говорите о своей жизни, ясно что вы ненавидите такое существованіе. Пойдемте со мной къ намъ. Пойдемте къ моей матери: она живетъ вмѣстѣ съ тетуской Алисой. Общаю вамъ съ ихъ стороны радушный пріемъ, а завтра мы посмотримъ, нельзя ли доставить вамъ средства къ честной жизни. Пойдемте домой.

Съ минуту она замолчала и онъ думалъ, что убѣдилъ ее. Но она сказала :

— Да благословить васъ Богъ, Джемъ, за то, что вы сейчасъ сказали. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы бы могли еще спасти меня, какъ я надѣюсь спасете Мери. Но для меня теперь уже поздно. Поздно! прибавила она съ глубокимъ отчаяніемъ.

Но онъ продолжалъ крѣпко держать ее за руку.

— Пойдите домой, говорилъ онъ.

— Говорю вамъ, что нельзя. Если бы я и хотѣла вести порядочную жизнь, то уже не могу. Я только васъ буду мучить. Если вы хотите знать все за разъ, продолжала она, видя что онъ все еще надѣется склонить ее, — то я скажу вамъ, что привыкла къ вину. Существованія мнѣ подобныя не могутъ жить безъ этаго; одно опьяненіе способно удерживать насъ отъ самоубійства. Если бы мы не пили, то не могли бы выдержать воспоминаній о прошломъ и сознанія настоящаго, сознанія того, что мы такое. Не будь у меня ни пищи, ни крова, но водка мнѣ необходима. О, еслибы вы знали какія ночи проводила я въ тюрьмѣ, гдѣ не было водки! — Она вздрогнула и горячими, тревожными глазами повела кругомъ, какъ бы опасаясь увидѣть подлѣ себя какой-нибудь грозный призракъ.

— Они такъ страшны! прошептала она съ дикимъ ужасомъ. Всю ночь ходятъ вокругъ моей постели, всю ночь! Мать моя носить на рукахъ мою крошку Анни (какъ это онѣ тамъ сошлись?) и Мери сестра моя, — и всѣ смотрятъ на меня неподвижными, грустными глазами... О, Джемъ! это такъ ужасно! Они не ходятъ взадъ и впередъ передо мною, а обходятъ вокругъ изголовья, и я во все время чувствую на себѣ ихъ взглядъ. Если закутаюсь въ одѣяло съ головою, и то вижу ихъ, и, что еще хуже, продолжала она съ тревогою, — они меня тоже видятъ. Не говорите мнѣ о другой жизни, нѣтъ, — мнѣ нужно вина. И сегодня вечеромъ я не могу обойтись безъ своей порціи, — не смѣю!

Джемъ былъ глубоко тронуть и молчалъ отъ сильнаго волненія. О, неужели онъ ничего уже не въ состояніи для нея сдѣлать? Она снова заговорила, гораздо спокойнѣе, но съ глубокимъ чувствомъ.

— Вамъ жаль меня, я вижу! Я чувствую это, гораздо лучше, нежели вы могли бы выразить мнѣ словами. Но вы для меня ничего не можете сдѣлать. Для меня все кончено. Но Мери вы можете спасти. Вы должны, — она ни въ чемъ не виновата, развѣ въ томъ

только, что полюбила человека, гораздо выше ее поставленного. Джемъ, вѣдь вы спасете ее, вы хотите этого?

Изъ глубины встревоженной души Джемъ въ короткихъ словахъ обѣщалъ ей, что все возможное на землѣ простому смертному онъ сдѣлаетъ, лишь бы спасти ее. Она благоговѣйно поблагодарила его и стала прощаться.

— Подождите еще минуту! сказалъ онъ, удерживая ее. — Можетъ случиться, что мнѣ опять нужно будетъ поговорить съ вами. Надо знать, гдѣ васъ найти. Гдѣ вы живете?

Она засмѣялась страннымъ смѣхомъ.

— И вы думаете, что твари, подобныя мнѣ, имѣютъ свой кровъ? Домашній очагъ бываетъ только у порядочныхъ людей, а у насъ ничего такого нѣтъ. Нѣтъ, если я буду нужна вамъ, выдѣте ночью на улицу и ищите меня за углами, въ темныхъ переулкахъ. Чѣмъ холоднѣе, чѣмъ ненастнѣе и бурнѣе ночь, тѣмъ вѣрнѣе вы найдете меня, потому что, прибавила она жалобнымъ, заунывнымъ голосомъ: — въ такую погоду такъ холодно въ чужихъ сѣняхъ, на чужихъ порогахъ и крыльцахъ, а водка мнѣ нужнѣе, чѣмъ когда либо.

Она быстро повернулась и ушла. Джемъ также ушелъ въ противоположную сторону. Но не дойдя еще до конца улицы, не смотря на муку ревности, которая томила его сердце, онъ почувствовалъ сильное угрызение совѣсти: онъ ничего не сдѣлалъ для спасенія Эсэири. Еще минута убѣжденія, еще одна усиленная просьба, и она можетъ быть согласилась бы слѣдовать за нимъ. Да что одна просьба! Стоило двадцать разъ просить и убѣждать, лишь бы убѣдить. Онъ вернулся назадъ за нею, но она уже скрылась. Въ тревогѣ своего смущеннаго сердца онъ на время заглушилъ голосъ совѣсти; но сколько разъ, во всѣ послѣдующіе дни, упрекнулъ онъ себя горько и глубоко за такое упущеніе нравственной обязанности, за равнодушіе къ добру.

Что же остается дѣлать? добраться до дому и уединиться отъ всѣхъ Мери любитъ другаго. О, какъ же вынести это? Онъ думалъ, что отказъ ея очень тяжкое испытаніе, но въ сравненіи съ настоящимъ горемъ, все это были еще пустяки. Вспоминая объ этомъ прошедшемъ, сравнительно мелкимъ горемъ, онъ благодарилъ Бога, что не поддался искушенію еще разъ попробовать счастья и не подвергся мученію видѣть по ея лицу и движеніямъ, что все лучшее въ ней, ея милыя улыбки, ея граціозная хлопотливость, ея нѣжныя

ласки суждены другому, будутъ радовать другое сердце, разливать свѣтъ и счастье у чуждаго очага.

А онъ все будетъ жить; это казалось всего страннѣе и всего болѣе не кстати. Джемъ зналъ, что человѣкъ можетъ жить ужасно долго съ глубокимъ, гнетущимъ горемъ на душѣ и думалъ, что вотъ ему предстоитъ такая долгая, долгая жизнь одному, безъ Мери; и главное, съ сознаниемъ, что Мери принадлежитъ другому. Но нѣтъ, эти мысли, этотъ адъ надо отложить до ночи, до того времени, когда онъ запрется одинъ въ своей комнатѣ. Вотъ и дверь въ его квартиру.

Онъ вошелъ. Все тѣ же лица, все та же комната. Какъ они ему опротивѣли! И какъ онъ самъ себя проклиналъ за это! Материнская заботливость въ этотъ вечеръ была сварливаго свойства, потому что его ждали такъ долго, что заманчивыи ужинъ, приготовленный для него съ безконечнымъ стараніемъ, успѣлъ почти вовсе испортиться. Алиса, которая день ото дня глохла и слѣпла все больше, молча и неподвижно сидѣла у огня; она была очень счастлива, зная что Вилль сидитъ тутъ же, что въ случаѣ нужды онъ повторитъ ей громкимъ голосомъ то, что говорится вокругъ, а когда она встанетъ и побредетъ по комнатѣ, онъ отстранитъ съ ея пути всѣ лишніе предметы. А Вилль, по добротѣ своего сердца, болталъ и шутилъ больше, чѣмъ когда либо. Онъ замѣтилъ, что Джемъ повѣсилъ носъ, и думалъ своей болтовней развеселить его; во всякомъ случаѣ онъ заглушилъ ворчанье недовольной тетки Джени и хотъ нѣсколько оживилъ этотъ мрачный семейный вечеръ. Наконецъ пришло время спать. Вилль ушелъ на свою квартиру по сосѣдству. Джени и Алиса Вильсонъ поправили угли въ каминѣ, заперли двери и ставни, и поплелись наверхъ со своею старческой походкой и крикливыми голосами.

Джемъ также пошелъ въ комнату, называвшуюся его спальней. Замка у двери не было, она припиралась изнутри тяжелымъ ящикомъ, который сдвигался сильною рукой Джема. Онъ затворилъ, сѣлъ на кровать и задумался.

Мери любить другаго! Эта мысль затемняетъ всѣ другія, высятся надъ всѣми и мучить разнообразными пытками. Чтожь, нѣтъ ничего удивительнаго, что она предпочла челоуѣка до такой степени превосходящаго Джема во всѣхъ виѣшнихъ отношеніяхъ. Но джентльменъ, — зачѣмъ онъ, которому открывался такой богатый выборъ женщинъ въ его собственномъ кругу, между блестящими

леди, — зачѣмъ ему нужно было нисходить въ эту бѣдную сферу и отымать у бѣднаго человѣка его единственное сокровище? У джентльмена подъ рукою всё богатства роскошнаго сада; зачѣмъ ему понадобилось сорвать именно эту дикую розу, — Джемовъ любимый, свѣжій цвѣточекъ шиповника?

Джемовъ любимый, — да, но не ему принадлежащій. Нѣтъ, и никогда онъ не будетъ принадлежать ему.

Тогда зашевелилась въ немъ преступная жажда крови, — демонъ ревности. Кто-нибудь долженъ умереть. Лучше положить Мери въ холодную могилу, чѣмъ отдать ее другому. И вотъ, передъ его глазами всталъ ея блѣдный, прекрасный образъ, ея милая головка, съ запекшеюся кровью на чудныхъ волосахъ; лицо было мертвенно, но открытые глаза смотрѣли на него пристально, кротко и печально, съ выраженіемъ нѣмага упрека. Что она сдѣлала, чѣмъ заслужила такое страшное наказаніе. За нею ухаживалъ человѣкъ богатый, красивый и блестящій, и она отдала ему свое сердце. Вотъ и все! Такъ не ей, а обожателю ея надо умереть, и знать за что онъ умираетъ. Дjemu представился образъ этого человѣка, распросертаго, побѣжденнаго, но все еще не потерявшаго сознанія: сомкнувъ уста, умирающій выслушиваетъ осужденіе своего убійцы. Зачѣмъ покинулъ онъ свой блестящій кругъ и осмѣлился полюбить дѣвушку ниже его по состоянію; зачѣмъ — о, это главное и худшее, — зачѣмъ привязалъ къ себѣ эту дѣвушку! Потомъ заговорила другая струна: Джемъ вспомнилъ, какое страданіе готовить онъ для самой Мери. Сначала онъ не слушалъ этого голоса совѣсти, или слушая, переиначивалъ смыслъ: онъ думалъ, что насладится ея горемъ, съ радостью будетъ внимать воплямъ ея растерзаннаго сердца.

Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь, повторялъ тихій голосокъ. Хуже, въ тысячу разъ хуже быть причиною такого бѣдствія, нежели переносить все, что ты теперь переносишь.

Но не слишкомъ ли тяжело, не слишкомъ ли горько все вынести, и все жить, жить? Да, онъ самъ уберется, а любовники, пусть солнце свѣтитъ имъ тепло и ярко; а его разбитое, кипящее страстью сердце обрѣтетъ покой. «Покой, иже уготованъ праведникамъ».

Но онъ обѣщалъ оградить Мери, спасти ее отъ судьбы Эсепри; онъ обязался такими словами, которыя важнѣе всякихъ клятвъ. Неужели онъ пренебрежетъ обязанностями, налагаемыми жизнью, и отъ нихъ малодушно укроется въ добровольную могилу? Кто же

будеть заступникомъ Мери, кто останется покровителемъ ея любви и девственности? Не лучше ли будетъ передъ Богомъ служить ей, не смотря на то, что она любитъ другого; беречь ее на трудномъ пути жизни, хоть бы она никогда этого не узнала?

Онъ воспрянулъ духомъ и сказалъ себѣ, что съ Божьей помощью станеть земнымъ хранителемъ Мери.

И вотъ туманъ сталъ проясняться, тучи разсѣялись, путь освѣтился, все еще тяжкій путь, усыпанный терніями. Когда выполненъ былъ этотъ первый, ближайшій долгъ, когда онъ укротилъ нѣсколько свое взволнованное сердце и привелъ мысли въ порядокъ, остальное показалось легче и проще.

Быть можетъ личный опытъ бѣдный Эсеири обманулъ ее, быть можетъ она напрасно думаетъ, что мистеръ Карсонъ имѣеть дурныя намѣренія относительно Мери; по крайней мѣрѣ, на чемъ же основаны такія опасенія? Очень можетъ быть, по мнѣнію Джема, даже очень вѣроятно, что Карсонъ за счастье почтетъ на ней жениться. Чѣмъ она не леди? Ея умъ, красота, изящная грація, дають ей естественное право на барство. Да и что значить знатность породы для манчестерскаго фабриканта, тогда какъ многіе изъ нихъ по справедливости гордятся тѣмъ, что сами творцы своего богатства? Судя по себѣ, Джемъ воображалъ, что ничего не можетъ быть отраднѣе какъ всѣ свои сокровища повергнуть къ ногамъ любимой женщины. Мать Гарри Карсона тоже была не болѣе, какъ фабричная дѣвушка. Итакъ, гдѣ же поводъ сомнѣваться въ его намѣреніяхъ относительно Мери?

Сначала разумѣется будутъ нѣкоторыя затрудненія: во первыхъ, отецъ Мери такъ сильно предубѣжденъ противъ всего сословія богачей; во-вторыхъ, со стороны Карсонсовыхъ родителей тоже не обойдется безъ задержекъ. Но Джемъ зналъ свое вліяніе на Джона Бартона, и конечно это вліяніе будетъ очень важно, если употребить его для счастья Мери; а о себѣ самомъ и думать нечего.

О, зачѣмъ Эсеири выбрала его для этаго дѣла? Такое безпристрастіе и благоразуміе едвали въ его силахъ. Отчего же все это выпало на его долю?

Отвѣтъ пришолъ только тогда, когда на душѣ улеглась буря и онъ былъ довольно спокоенъ, чтобы подумать, что у его Мери нѣтъ друзей, способныхъ къ исполненію подобнаго долга: дѣтская дружба его съ Мери внушила Эсеири мысль, что они могли оставаться въ братскихъ отношеніяхъ. И такъ, онъ будетъ ей братомъ.

Вслѣдствіе этаго прежде всего слѣдовало удостовѣриться, каковы были намѣренія Гарри Карсона, при его ухаживаніи за Мери. Джемъ рѣшился спросить его прямо безъ обиняковъ, какъ подobaетъ мужчинѣ говорить съ женщиною. Въ случаѣ надобности онъ намѣревался объяснить ему даже свои личныя чувства и отношенія къ Мери.

Рѣшившись такимъ образомъ честно исполнять свой трудный долгъ, онъ почувствовалъ въ душѣ миръ и спокойствіе. Буря кончилась, онъ пережилъ грозу.

За два часа до разсвѣта онъ заснулъ.

ЗАРЯ

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жадой;
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ!
Свое для всѣхъ положить каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ биеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы!

Пусть умирающихъ, ослабшихъ голоса
Звучать... Земля моя родная!
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь новая!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,
И храма ветхаго, — подъ твердою стопой —
Дрогнули ишистыя ступени..•

О. ВЕРГЪ

ГРЕЗА

(МЫСЛЬ ШЕНЬЕ)

Прійди къ ней по утру, когда по изголовью
Красавицы свой макъ съ ревнивою любовью
Сна и забвенія лѣнивый сыплетъ богъ:
О, еслибъ увидать ее тогда ты могъ!
Какъ хороша она! отъ жаркаго лобзанья
Проснушагося дня ей душно, — одѣянья
Ночныя сброшены; что мраморъ бѣлизной,
Она нетронутой сверкаетъ наготой!
Румянцемъ дѣвственнымъ горять ея ланиты,
Улыбкой легкою уста полураскрыты,
Въ волнахъ ея кудрей высокое чело
Бѣлѣтъ лилей и чисто и свѣтло;
Какъ хороша рука, что, задрожавъ неволью,
Скользитъ и свѣсилась; какъ дышетъ грудь привольно,
Какъ габокъ станъ ея, какъ страстно прихотливъ
Волнистыхъ очерковъ причудливый извивъ!
О, еслибъ у тебя въ вѣкъ сердце не любило,
Оно бы в тогда въ груди твоей запыло,
Не въ силахъ удержать восторженный порывъ:
Ты все бы сталъ глядѣть, дыханье затанувъ,
И все бы ты слѣдилъ колѣнопреклоненный
За каждою чертой красы неоцѣненной.

Н. КЮРОЧКИНЪ

ОТЪ БОСФОРА ДО ПЕРСИДСКАГО ЗАЛИВА

ВЪЗЪ ЗАПИСОМЪ, ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ВЪТѢШЕСТВІЯ ДЕМАРКАЦІОННОЙ КОММИСИИ ПО ТУРЦІИ И ПЕРСІИ

ВВЕДЕНІЕ

I

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. — ОБЩАЯ ПАНОРАМА БОСФОРА. — ДЕКОРАЦІЯ СЕМИ ХОЛМОВЪ И ОКРЕСТНОСТЕЙ. — ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА. — СЦЕНЫ. — ЗА КУЛИСАМИ.

... -Ville étrange que Constantinople!
Splendeur et misères; larmes et joies; l'arbitraire plus qu'ailleurs, et ainsi plus de liberté....

GÉRARD DE NERVAL.

Въ январѣ 1849 года я покидалъ Константинополь для долгихъ ночеваній въ царствѣ солнца. Миѣ тяжело было разставаться съ своимъ любезнымъ Босфоромъ и его игривыми окрестностями. Я боялся что никогда ихъ болѣе не увижу; а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, я на вѣки прощался... Но читателю какое до этого дѣло. Не буду останавливаться надъ воспоминаніями о неизвѣстныхъ ему лицахъ... Я увидѣлъ Босфоръ ровно четыре года послѣ той эпохи и хотя въ глазахъ моихъ онъ утратилъ уже много своей прелести; но я все-таки неспасанно ему обрадовался. Я чувствовалъ себя какъ бы возрожденнымъ послѣ четырехлѣтней тажкой болѣзни, послѣ долгихъ терзаній въ отдаленныхъ, негостепріимныхъ странахъ. Я вступилъ на этотъ цвѣтистый, блистательный и такъ миѣ знакомый порогъ родной Европы, и страшная мысль о вѣчной съ нею разлукѣ, преслѣдовавшая меня съ навойливостью, оборвалась на Босфорѣ и какъ

бы потонула въ его семи теченіяхъ. Какъ было не радоваться, не благословлять судьбу свою!

Но тогда, въ январѣ 1849 года, мнѣ надо было покидать его для долгихъ кочеваній.

А кто свылся съ Босфоромъ, какъ я свылся съ нимъ, кто узналъ его, подобно мнѣ, во всѣхъ его граціозныхъ движеніяхъ, въ рѣзвой и пріятельской игрѣ роскошныхъ его береговъ и волнистой дали съ заревомъ восходящаго или заходящаго солнца, — кто, какъ я, искрестилъ его, исшвырялъ по всѣмъ его направленіямъ и познакомился со всѣми его кудрявыми, многоцвѣтными, пріятно улыбающимися и сладко поющими уголками и закоулками, — кто, какъ я, привыкъ засматриваться, съ высокихъ береговъ, на безчисленные и восхитительныя панорамы Босфора, сидя, по цѣлымъ часамъ, на приземистыхъ скамеечкахъ кофейнъ и дымя трубку, то одинъ, то съ товарищемъ, а не то, бесѣдуя съ туземцами на ихъ благозвучномъ языкѣ, тотъ пойметъ тоску, овладѣвшую мною при разставаньи съ Босфоромъ. А Босфоръ Эракійскій тѣмъ и замѣчателенъ, что чѣмъ болѣе знакомишься съ нимъ, тѣмъ сильнѣе къ нему привязываешься.

Много есть ловкихъ описаній Константинополя, много есть прекрасныхъ картинъ его изображающихъ; но ни перу, ни кисти, какъ бы они искусны ни были, не суждено дать, о красотахъ этого избраннаго мѣста, вѣрнаго понятія.

Развѣ можно передать этотъ воздухъ, это движеніе, это постепенное и суетливое снованіе свѣта и тѣней по его мягкимъ и пестрымъ изворотамъ, эти переливы, по вечерней зорѣ, красныхъ огней азіятскаго берега, гдѣ Скутари можетъ, по справедливости, оставить за собою прозваніе Хризополиса, золотого города, нѣкогда красовавшагося на его мѣстѣ? А сумракъ кипарисовыхъ сѣней на мусульманскихъ кладбищахъ? А при восходѣ солнца, радужное, полное необъятнаго величія, разоблаченіе Истамбульскихъ куполовъ, башенъ, кипарисовъ отъ клубящихся паровъ, по которымъ скользятъ и дробятся яркіе, ослѣпительныя блески лучей еще не показавшагося солнца? И сверканье зеркальныхъ водъ затишшаго моря и миганье розоваго паруса на его дымящейся поверхности и полетъ легкаго канка на чешуйчатомъ полѣ золотого столба, разрастающагося поперегъ Босфора; благоуханье кипарисовой рощи, маслина и жимолости, разметавшихъ, посреди фестоновъ виноградника, бѣлыя и розовыя кудри свои по стѣнамъ садовъ, говоръ воды и людей, шелестъ листьевъ въ садахъ и рощахъ, гдѣ уже начинаютъ мелькать тамъ и здѣсь шестрыя группы утреннихъ бе-

сѣдѣ... И замирающая пѣсня утренняго соловья и октавы утренней молитвы звана :

«Боже великій! Боже великій! Боже великій!

«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ пророкъ Его.

«Правовѣрные, просыпайтесь скорѣе и спѣшите въ храмъ святой!

«Къ молитвѣ! Къ молитвѣ!

«Промѣняйте сонъ вашъ на призваніе Бога никогда не дремлющаго!

«Заря появляется; да будетъ она для васъ сигналомъ къ богопоклоненію и исполненію вашихъ обязанностей религіозныхъ!

«Къ молитвѣ! Къ молитвѣ! Богъ великъ и Мухаммедъ пророкъ его.»

и ропотъ, и всплески водомета и журчанье каляна; а въ палящіе дни прохлады липовой или платановой сѣни; а, по закатѣ солнца, въ густой чащѣ кустовъ, рѣянье сверкающихъ лучьолей; студеность ключей Розовой долины или Алемдага и всѣхъ безчисленныхъ изворотовъ обонхъ береговъ! А эта безмятежность и не возмутимая тишина удивенныхъ пріютовъ Агаджъ-алты (1), внезапно открываемыхъ вами, во время прогулки, въ глубинѣ зеленѣющихъ ложинъ и обрывистыхъ овраговъ;—тамъ, съ кофейною, гдѣ или у мраморнаго бассейна, или у журчащаго протока горнаго источника, встрѣчаетъ васъ услужливый и молчаливый кафеджі (2) въ передникѣ и съ засученными рукавами,—тутъ, съ картиною христіанскаго кладбища, гдѣ, склонившись надъ могилою плитою, убогій священникъ углубился въ чтеніе ветхаго молитвенника? И все это, освященное такъ тепло и привлекательно!

Вотъ луна Рамазана (3) выставила серебрянный серпъ свой изъза высоко поднявшихся Кандильскіихъ родей и садовъ, в тысячу огнями засверкали воды и берега Босфора, какъ бы отражая звѣзды. Мусульманскій міръ, утомленный, одурѣвшій отъ дневнаго воздержанія и умерщвленія плоти, очнулся, зашевелился, заходилъ; повсюду видно движеніе, слышны голоса, пискливые звуки азіатскихъ инструментовъ, клокотанье азіатской пѣсни! Наступаетъ и священная ночь Рамазана, съ четверга на пятницу: сколько огней, на небесахъ, на землѣ, въ водахъ Босфора, на воздухѣ, въ причудливыхъ, громадныхъ узорахъ, представляющихъ изрѣченія изъ ку-

(1) Подъ деревьями.

(2) Прислуга или хозяинъ кофейнаго дома.

(3) Священный мѣсяцъ мусульманъ, въ который они постятся, т. е. не ѣдятъ вовсе ничего и не пьютъ съ восхода и до заката солнца.

рана или цѣлый корабль и другія изображенія, *Mosaic*, повѣшенныя высоко, между вершинами минаретовъ. Сколько таинственной торжественности! Сколько во всемъ этомъ величія и поэзи!

Сегодня, это празднества и торжества мусульманъ, то по случаю бракосочетанія султанскихъ дочерей и сестеръ, то обрѣзанія султанскихъ сыновей. Тянутся великолѣпныя и причудливыя процесіи въ праздничныхъ одѣяніяхъ; улицы, площади, набережныя, холмы и самый Босфоръ запружены и волнуются разливомъ народнымъ; въ промежуткахъ предмѣстій, съ высоты холмовъ и до морскаго берега, и на зеленой скатерти обширныхъ выгоновъ, тѣбонятся ряды громаднѣхъ, зеленыхъ ставокъ съ краснымъ подбоемъ, золотыми украшеніями и сверкающими золотыми маковками; фигляры, плясуны въ женскихъ платьяхъ, продавцы лакомствъ, прислуга кофейнъ суетятся, кривляются, голосать, и все сверкаетъ и кипитъ жизнію. А ночью, съ плотовъ, выведенныхъ на середину и во всю длину пролива, поднимаются и искрятся въ воздухъ разноцвѣтные узоры потѣшныхъ огней, отражаясь въ потемнѣвшей его поверхности. Завтра, это очередь Перы и Галаты: христіанское народонаселеніе шумно справляетъ свой карнавалъ и снуетъ по улицамъ, поереди своихъ узорчатыхъ домовъ, по загороднымъ пустырямъ и сѣбистымъ погостамъ, посреди величавой обстановки трехъ городовъ, и необъятныхъ для глаза предмѣстій, сафирнаго моря съ его отраженіями, сафирнаго неба съ его облачками. Тяжелые Анатолийцы, пришедшіе въ Истамбулъ на заработки, сплетаясь руками, кружатся въ медвѣжьей пляскѣ, подъ звуки сопѣлки и турецкаго барабана, презабавно покачиваясь отъ хмѣля и подымая, въ тактъ и безъ такта, носки грубо обутихъ ногъ своихъ; красныя и влажныя лица ихъ лоснятся подъ сѣбью черной повязки, мохнатая грудь открыта; и вдругъ, вся ватага, предводимая своею оглушительною музыкою и толпою кривляющихся ребятишекъ, не расплетаясь и не оставляя косолапыхъ ужинокъ пляски, валить по улицамъ одна за другою; навстрѣчу къ нимъ маски, мужскія съ пенъковыми бородами, длинными носами, женскія, съ помятою физиономіею, съ коротенькою юбкою лубочной сальфиды... Свѣсившись изъ оконъ или изъ шахнишиновъ (1), глядятъ на всю эту суматоху, нарядныя коконы и коконницы (2), сверкая черными глазами и брилліантами, и пожовывая мастику... «Делѣ олдулѣръ!» (3) говорить, глядя на нихъ съ презрѣніемъ, надутый, натянутый османлы.

(1) Закрытыя со всѣхъ сторонъ балконы.

(2) Дамы и дѣвочки: греч. слова.

(3) Съ ума сошли.

Почь. Чу! Пущечный выстрѣлъ! одинъ, другой; послѣ седьмого, на минуту, воцаряется тишина; но усиленный стукъ по мостовой мелюзомъ обитанной палии бекчи⁽¹⁾ и протяжное его звыиваніе не позволяютъ долѣ сомнѣваться: надъ необъятнымъ городомъ встало перловое зарево; на одной сторонѣ его зарумянилось небо, все ярче и ярче, и вырвались на немъ и темныя силуэты безчисленныхъ мачтъ Волотога Рога⁽²⁾, и мина, и башни и кипарисы; повалили клубы чернаго дыма по ветру жарному полу и поднялись отъ земли злобный, глухой и протяжный крикъ: «Истамбулда янгынъ варъ»⁽³⁾! Страшный тулъ человѣческихъ голосовъ и топота бѣгущихъ людей загудѣлъ. Поднялася пожарная заввруха! Какъ передать это движеніе, эту суматоху, это мельканье во уединенъ и темныхъ улицахъ лошадей, собакъ, людей всѣхъ сословій и между прочимъ носильщиковъ, съ огромными кладами на спинахъ и связанныхъ веревкою, чтобы не растерялись въ толпѣ, или не зашли бы нечаянно куда-нибудь подалше отъ своего коновода хозяина. Тамъ, несутся, какъ ураганъ, полунагіе и покрытые потомъ и сажею, водоносы съ ручнымъ насосомъ, сбивая съ ногъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, тутъ разстрепанные и разстроенные жители бѣгутъ, кто съ фонаремъ, кто съ ребенкомъ, и скачутъ чауши⁽⁴⁾ и носятся ординарцы, обрызгивая грязью и давя народъ; всѣ двери въ домахъ распахнулись и внутри идетъ разгромъ; тѣмъ ближе къ пожару, тѣмъ этотъ разгромъ страшнѣе. Въ дальнѣйшихъ домахъ всѣ пожитки сложены въ одномъ покоѣ цѣлыми холмами и на нихъ присѣли женщины и дѣти съ беспорядкомъ въ одеждѣ, со страхомъ въ глазахъ, и безпрестанно допрашиваютъ мимобѣгущій народъ и забѣгающихъ къ нимъ друзей дома объ успѣхахъ пожара. Хозяева пожраемыхъ домовъ, если они христіане, сыплютъ деньгами, умоляя неподатливыхъ воловцовъ, жадно пользующихся этими случаями для своего обогащенія, отстоять ихъ достояніе, напрасно! Тѣмъ скученныя досчатыя зданія, охваченныя пламенемъ, трещать, коробятся, рвутся и обращаются въ груды угля съ немощвѣрною быстротою. Ви то мусульманскіи, когда загорѣлся домъ его, смирннно прошептать свое «Аллахъ Керимъ»⁽⁵⁾, такъ же какъ и въ случаѣ смерти любимого родственника, жены, сына, и, закуравъ свою трубку пылающею голубицею, садится подалъ и съ ннружнымъ хладнокровіемъ въираетъ на постепенное уничтоженіе добра своего. Пусть его до-

(1) Сторожъ.

(2) Константинопольскій портъ.

(3) Въ Истамбулѣ пожаръ.

(4) Разсылные.

(5) Богъ милостивъ.

машиніе, женщины и дѣти, вѣща и гелюса на весь кварталъ, хлѣпочуть о спасеніи пожитковъ; онъ съ достоинствомъ разыгрываетъ роль, предписанную ученіемъ пророка. Это живая картина, освѣщенная красными огнями.

Ученіе ли пророка расположило ихъ къ этой невозмутимой неподвижности, къ этой бессмысленной неповоротливости? врожденная ли лѣнь отыскала себѣ въ немъ законный предлогъ? Кажется все вмѣстѣ, ученіе и лѣнь подаютъ другъ другу руку, пятаютъ другъ друга.

Къ каждому изъ министровъ султана врывается намъ въ домъ, или въ присутствіе, полумагой и босой бекчі, съ желѣзной тросточкой на плечѣ, въ короткихъ и узкихъ штанахъ, съ открытою грудью; все двери передъ нимъ открываются. Онъ подбѣгаетъ къ самому уху паши и шепчетъ ему, гдѣ и какъ пожаръ, особенно если онъ близокъ къ публичнымъ зданіямъ. Челадь подаетъ господину своему саблю, подводитъ коня, и онъ, послѣдуемый своею свитою, несется по звонкой мостовой къ пожару. Тѣснота, давка, удары, дребезгъ разбиваемыхъ или ломающихся отъ огня стеколъ, вой, визгъ людской, ржаніе коней, суматоха на кладбищахъ, разсыпанныхъ по кварталамъ, куда сносятъ жители пожитки, оставая присматривать за нами дрыхлыхъ членовъ семейства или дѣтей, и надъ всѣмъ этимъ стоитъ во все время зловѣщее завываніе бекчі: «Истамбуладъ янгѣнъ-варъ!» А эти драмы повторяются по Босфору вѣчно ежедневно и по нѣскольку разъ въ сутки. Команды пожарной до сихъ поръ нѣтъ въ Константинополѣ, и до сихъ поръ эта часть въ одиѣхъ рукахъ Божіихъ... Но зато какой видъ надъ Босфоромъ!

А пятничныи выѣздъ султана въ одну изъ мечетей на обязательную молитву, при блистательной обстановкѣ причудливыхъ зданій съ фантастическими выступами, водъ съ безчисленными судами и суденышками, войска съ музыкою, свиты покрытой золотомъ, пѣвшихъ нахей съ ихъ зелеными султанами и блестящими алебардами, нестрыхъ рядовъ народа по обѣимъ сторонамъ поѣзда, аснаго неба...

Тутъ тянется длинная вереница четверомѣстныхъ придворныхъ каретъ европейской отдѣлки, запряженныхъ парю добрыхъ коней; на козлахъ сидятъ красавцы айвазы (?), болгарами, въ своихъ національныхъ костюмахъ, облитыхъ золотыми узорами курткахъ, широкихъ кушакахъ, перевитыхъ золотыми часовыми цѣпочками, красныхъ фескахъ. Вокругъ каретъ, на

(?) Коююшіе.

красивыхъ жеребцахъ въ золотой збруѣ, безобразные едники въ безобразной формѣ европейскаго покроя, съ иппотамовыми хлыстами въ рукахъ противъ любопытныхъ или неловкихъ. Въ каретахъ, съ открытыми боками, по три, по четыре, сидятъ Заремы и Марин султанскаго гарема, въ разноцвѣтныхъ яркихъ цвѣтовъ, фереджѣ (1) и въ ашмакахъ (2) изъ тончайшей кисей, такой же какъ и у дамъ, толпящихся по сторонамъ дороги, такъ что вы можете разглядѣть иногда всѣ жилки на этомъ запрещенномъ плодѣ. Надрасно султанъ издастъ безпрестанно фирманы (3), чтобы дамы не осмѣливались, для ашмаковъ, употреблять тонкихъ прозрачныхъ кисей, кокетство беретъ свое, — не курану же было искоренить его, и истамбульская пословица не даромъ говоритъ: «пальшахынъ фермавы ючъ-гювъ сюрёръ»: повелѣніе султанское дѣйствуетъ только три дня.

А движеніе при южномъ вѣтрѣ, вдоль Босфора, цѣлой арміей кораблей, ожидавшихъ, при входѣ въ проливы, этой попутной струи. Ни что не можетъ быть величественнѣе этой плывучей дружины, на всѣхъ парусахъ, весело стремящейся по одному пути, какъ бы сплетаясь руками.

Вездѣ, куда ни помотришь, глазъ встрѣчаетъ пестроту и небрежное великолѣпіе восточныхъ одеждъ, разнообразіе восточныхъ типовъ, и прекрасныхъ, выразительныхъ лицъ, то строгихъ, величавыхъ, съ рѣзкими чертами, съ пышными кудрями, выютившихся изъ-подъ краснаго феса, съ чернымъ усомъ или съ сѣдою какъ лужа боролою, то нѣжныхъ, тонкихъ, античныхъ, съ бѣлымъ какъ снѣгъ цвѣтомъ лица, съ голубымъ глазомъ и темною бровью прекраснаго рисунка. И вездѣ и во всемъ этомъ щегольство, желаніе нравиться и вмѣстѣ съ тѣмъ каждаго естественность и непридуманность, и благородство посадки и движеній, — я не говорю только о ногахъ, искривленныхъ отъ складыванія какъ калачикомъ во время сидѣнія!

И памятники древнихъ, восточныхъ построекъ, граціозные, мраморные фонтаны, причудливые турбѣ (4) султановъ и саято-совъ, увѣшанные трапичками всѣхъ цвѣтовъ, радъ жальченія лихерадецъ: живописная крыша ихъ съ позолотою и налитраичными сѣдъ надписи, и рѣзьба, бронзовыя рѣшотки, и тамъ ишарисъ, и

(1) Mantia, берязь.

(2) Duall, обматывающая голову и лицо кромѣ глазъ и носа.

(3) Повелѣніе.

(4) Мавзолей.

звѣсь голубь, и тутъ въковой платанъ, и мастатый орѣхъ и стаа голубей!..

Вездѣ громадный, необъятный калейдоскопъ узоровъ и неумѣленныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ гармоническихъ сочетаній; на каждомъ шагѣ рѣзкія противоположности какъ бы нарочно сошлись, чтобы отбивать другъ друга. Это тѣни и блески; суета и — безмятежное спокойствіе; мерцанье зыбей и — мертвая неподвижность; жаріе и — холодные тоны и оттѣнки; отчетливость и — туманность живописныхъ линий и очерковъ; природа и — искусство; отпечатки Европы и Востока; глубокая и строгая древность и — изящная новизна; живописный обломокъ развалины, обросшій плющемъ и фиговыми деревьями, и — новая, щегольская постройка; степенность и — игривость въ фнзіономіяхъ; и наконецъ красота и — типическое безобразіе, и роскошныя одежды и — картинныя лохмотья!.. Здѣсь все скомканъ и омѣшано въ какой-то живописный хаосъ.

Видъ Вавилона не могъ быть такъ величественъ и картиненъ:

Развѣ Евратъ можетъ сравниться съ Босфоромъ, съ его великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ портомъ, который не даромъ носить названіе Золотого Рога? Развѣ равнины Месопотаміи могли когда-нибудь имѣть обворожительную прелесть холмистыхъ добрей Фракіи и Влодніи, густо поросшихъ самородною растительностью? Развѣ искусственныя сады Семирамидъ и Нитокрисъ могутъ замѣнить въ воображеніи въковѣчныя, прохладныя сѣни дубровъ и рощей береговъ Румелии и Аватоліи? Наконецъ, развѣ строгая и однообразная красота ассирійскихъ лицъ имѣетъ привлекательную игривость разнохарактерныхъ типовъ, ровщихся на Босфорѣ?

Итакъ природа, преданіе, современность, особенности и вѣтаны, отпечатки, оттѣнки всѣхъ странъ свѣта соединили, на этихъ холмахъ и впадинахъ двадцати пяти верстахъ пространства, ⁽¹⁾ все сокровища, все обильствія и все свое эфекты.

Но въ какой степени пользуются своими сокровищами жители этого земного рая? Надо сказать, что не всѣмъ одинаково достается онъ дешево и долговѣ:

Въ то время, какъ мусульманинъ всѣхъ классовъ общества, по преимуществу, конечно, достаточное люди, полными прегорками и даже чернаетъ въ этомъ беззаконномъ ридикѣ измалодѣи, труженику христіанину, сгорбившемуся надъ дѣлами своими, только къ вечеру удастся, изъ-подъ ихъ бремени, высунуть голову на свѣжій воздухъ, подышать имъ свободно, оторвать отъ безчислен-

(1) Длина Босфора Фракійскаго.

вѣтъ и легкіи свѣтъ цвѣтъ усталые глаза свои и дать имъ поѣзжаться на оборонительныхъ шатормахъ босфорскихъ. . . . .
 Должностной орманлы проводитъ, обыкновенно въ присутствіи не болѣе четырехъ или пяти часовъ. Главнѣя лица, да и Большая часть чинавшихъ чиновниковъ, занимаются дѣлами своими, сидя на диванѣ у раствореннаго окна, обращеннаго на море. Посреди толпѣ тѣльнаго единообразія приказныхъ дѣлъ, пропавша дѣловыхъ бумага, отчетностей, онъ постоянно освѣжаетъ себя, не говоря уже о трубахъ и кофе, онъ постоянно освѣжаетъ себя дыханіемъ чистаго и прохладнаго воздуха, созерцаніемъ упоительной природы и городскаго движенія. Часто сановникъ отправляетъ дѣла государственныхъ, вѣжась на диванѣ своего босфорскаго лава (1). Подъ оцнами плещутся рѣзвые струйки соленой воды, рѣютъ легкіе парчовые кайки, быстрые альціоны или эяморолки и бѣлые рыболовы, плывутъ важныя парусники, мчатся шипящіе пароходы; дѣла, противоположный берегъ съ его зеленою и уступчатыми лачами и куполами бань и мечетей; а въ противоположныя море окна пріятно глядятъ на хозяина благовоныя цвѣты его параднаго сада; у дверей, со сложенными на груди руками, стоитъ его челядь въ трепетномъ ожиданіи приказаній и между ними черныя, осаветый свухъ; въ барскихъ рукахъ его, въ одной четки, въ другой марпичъ (2) великолѣннаго наргиле (3); по бородѣ его стелется синій дымомъ благоуханнаго ширазскаго тембеки (4); по кофляхъ розовое дитя; а передъ нимъ, на тарелкѣ, червильница, кальянъ, (5), ножичекъ, деревянная, такъ называемая, дѣловая шкапулка; возлѣ, дѣловой шашокъ изъ алой тѣты или атласа, а иногда просто изъ бѣлаго каленкора, съ двумя, тремя десятками лоскутковъ исписанной бумаги. Вотъ и вся обстановка наши или эсидія, посреди его служебной дѣтельности.

Мусульмане, занимающіеся въ Истамбулѣ торговлею, прива, сидятъ по цѣвямъ дѣламъ въ своихъ открытыхъ лавкахъ; но какъ сидятъ! Надо видѣть невозмутимую флерму мусульманскаго купца; чтобы получить о ней настоящее понятіе; фарфоровая и раскрашенная кукла, съ трубкою въ рукѣ, возстающая у насъ на намишихъ и этажеркахъ, не можетъ похвастаться болѣею неподвижностью. Дѣловымъ взглядомъ, сквозь клубы табачнаго дыма, встрѣ-

(1) Загородный домъ на берегу моря.

(2) Витой чубукъ.

(3) Кальянъ.

(4) Табакъ для кальяна.

(5) Камышевыя перья.

часть онъ покупателя, съ усиленіемъ подымаетъ съ шкура отяжелѣвшее тѣло свое, и, какъ бы нехотѣ, прижимаетъ его къ продажѣ; молча снимаетъ съ нихъ и развертываетъ товаръ, молча ошель-чуетъ на вопросы о дѣлѣ его, потому что для этого у него есть пальцы, молча отказывается уступить дешевле, вылезъ и подымаетъ голову къ небу; или, наскучивъ торговлю и базарною суетою, бросаетъ сѣтку на товары, что означаетъ отсутствіе хозяина, либо передаетъ ихъ сидѣльцу и бредетъ самъ въ кофейную, пожевывать на берегу Бозаза (1), или въ виду какой-нибудь живою его картины.

А христіанинъ!.. Конурки грязныхъ каравансераевъ Стаматы, Истамбула, Скутари, въ которыхъ копошатся они ежедневно отъ ранняго утра до поздняго вечера, подернутыя вѣчною грязью, вѣчными сумерками, вѣчною затхлостью, похощи болѣе на секреты крѣпостей, вѣтъ на конторы негодянтоевъ, банкироевъ. Узкіе переулки, охватывающіе эти мрачныя гостинныя дворы своею ветшею сѣтью, извиваясь посредствѣ высокыхъ, сплошныхъ стѣнъ ихъ, едва ли не также мрачны и грязны, какъ и самыя конуры каравансераевъ и уже во всякомъ случаѣ заражены еще болѣею, захватывающею дыханіе вонью; отъратительная: мостовая заружена всякою нечистотою, падающею злыми добаками, завьюченными ослами, такъ что едва-едва можно пребраться по этимъ путямъ сообщенія. Одиѣ только тяжбы, заключенія контрактовъ, хожденіе за долгами вызываютъ терпѣливыхъ торговцевъ изъ ихъ сырденныхъ логовищъ. Но и тутъ новыя испытанія, новая каторга! Цѣлыми днями обтираютъ они пороги и рогожки въ переднихъ присутственныхъ мѣсть, въ толпѣ шакальныхъ и жалкихъ оборванцевъ — равсальныхъ дивана, и часто возвращаются, къ вакату солнца, въ ханъ (2) свой съ пустыми руками, тяжелою головою, съ обманутыми надеждами или съ обѣщаніями, данными на вѣтеръ; запираютъ лавку и тащатся къ пристани, откуда какъ-то пародъ несетъ олуфѣвную ихъ особу, въ загородный домъ ихъ, къ сиротѣвшему цѣлый день семейству. Тутъ либо очнутса они, либо вѣтъ, подъ нянтіемъ семейныхъ радостей. Если не надо имъ завѣяться опять какъ-нибудь недоконченнымъ расчетомъ, либо не дѣламъ владѣться съ товарищемъ или съ должникомъ, они пытаются перейти къ кейфу (3); но рѣдко дается имъ это наслажденіе; мысли ихъ не могутъ оторваться отъ ихъ конуры, отъ счетныхъ

(1) Пролитъ; такъ называютъ турки Босфоръ.

(2) Каравансерай.

(3) Усладительный покой.

кисть, отъ піастровъ, росписокъ, банковыхъ бланкетовъ, обанкрѣній; полемъ. Передъ ними мелькають ихъ покинутыя жены, покинутыи дѣти, покинутая природа, сквозь грязную сѣтку ихъ дѣловой жизни. Напрасно глядятся къ нимъ въ окно Богазъ, еръ вѣсти его очирова- ваніями, небо, съ луною и звѣздами, — они спѣшатъ пообѣдать, на- дѣть кофакъ и завалиться въ постель. Рано утروهъ, глотнувъ ва- ренья, воды и кофе, промышленникъ мой садется въ каякъ и былъъ таковъ! Жена его опять одна до поздняго вечера, и мается она съ своими дѣтьми, между заботъ по хозяйству, сплетень, бани, про- гулокъ по базару; скуи и... Богъ ихъ знаетъ еще чего!

Таковы обидѣ черты жизни христіанина, будь онъ райа⁽¹⁾ или европейскій купецъ. Конечно и въ ней сверкають минуты отдыха и отрады; но онѣ составляютъ исключеніе.

Европа, мнѣ кажется, не одиѣмъ въ тѣ времена мужавшимъ сво- нимъ силамъ, но и обольщеніямъ этой избранной природы, быть мо- жеть, обязана своимъ спасеніемъ. Эдемъ босфорскій наложилъ гнетъ неволи и безсилія на всеокрушавшую энергію смѣрѣлыхъ азиат- цевъ, катившуюся огненною лавою для ея поглощенія. Въ сладост- ныхъ объятіяхъ этой красоты гасли мало по малу завоевательныи порывы и пала желѣзная воля оттомановъ, такъ же точно какъ сила савсонова упала подъ ножицами Далилы. Неразвитая природа чув- ственнаго османлы, осужденная ученіемъ пророка на вѣчное мла- денчество, не устояла противъ вѣжвыхъ убаюкиваній этой сев. На- прасно характеризилсь преемникъ Мухаммеда Завоевателя и съ живо- писною своею чашмою и налитыми кровью глазами нахали атага- номъ на право и на лѣво, — Европа, выходящая въ то время изъ изгоса и начинавшая крѣпнуть и жить разумною жизнію, показала намъ, что въ мірѣ торжествуетъ не одна животная и грубая сила, и что только подтгнишія общества, каковы были монархіи Азіи и сама Византія, могли, и еще такъ скоро, пасть подъ ихъ ударами. Герои Польши, Венгрии и габсбургскаго дома, славянскія племена, адмиралы Венеціи, въ числѣ которыхъ Мочениго, не настигни его внезапная смерть, выгнали бы турокъ изъ Европы, рыцари Мальты и Родоса, предприимчивая Гепуя, львы Чорной горы и наконецъ орлы сиатершинскіе не дали оттоманамъ ругаться надъ собою; и на удары ихъ отвѣчали ударами удвоенными и уроками страшными для оттоманскаго тицеславія.

Въ то время, какъ завоеватели Византіи претерѣвали такимъ образомъ неудачи въ своихъ послѣдующихъ предпріятіяхъ⁽²⁾ на

(1) Турецко-подданный христіанинъ.

(2) Исключая нѣкоторые частныи усѣхи, какъ напр. противу Канди.

подать и на сугубъ Европий, особенно со времени арабскаго дѣла, (*) историкъ ихъ, въ вышесказанной прозѣ и стихахъ, воспѣвалъ дѣла юныя, мимолетныя торжества и мнимыя подвиги и побѣды надъ турками во славу пророка и его учениа. Оттоманы не были такъ глупцы: они внутренно не могли не признавать неминуемости своего позора, а щелоты своихъ усилій, также какъ и въ настоящее время; во чиня отечественныя бытописатели, вѣдѣрчивыхъ и джизельныхъ безыадовствъ, облызались отъ самодовоольствіа за недостаткомъ дѣйствительной славы и успѣховъ, поддавались хмелью поддѣльнаго вина, подвоимаго имъ народными льстецами и съ возрастающимъ удеченіемъ предавались сладкой дремотѣ, которую навѣвала на нихъ, обольстительная природа Босфора и необятныя удобства его положенія на земномъ шарѣ. А помириться съ мыслью о своемъ бесславіи потомкамъ Мухаммеда IV ничего не стоило: законъ предопредѣленія, какъ тутъ, успокоилъ ихъ совѣсть и прощралъ ихъ бездѣйствіе:

«Каждому народу, гласитъ куранъ, назначено время, когда онъ станетъ частью его кончины; людямъ нельзя будетъ не остановить его, ни упорить».

Таковъ Босфоръ.

Намъ приходилось его понимать, говорили, всего на два года; но мы знали, какъ понимать два года въ подобномъ нашему случаѣ: помирить турокъ съ персіанцами на границахъ ихъ государствъ, и провести нѣкогда доголѣ не существовавшую, опредѣленную трактатами, пограничную черту между ними, намъ казалось дѣломъ не легкимъ; и мрачная будущность долгихъ, безвыходныхъ кошачаній въ негостаимныхъ странахъ солнца пугала наше воображеніе и смущала духъ.

Но съ другой стороны, какъ ни дико, какъ ни угромо смотрѣла на меня будущность наша на границѣ, какъ ни тяжело мнѣ было разлчаться съ Босфоромъ, я не безъ сердечнаго удовольствія помышлялъ о томъ, что на долгое время избавлюсь отъ мрачной стороны моей константинопольской жизни.

Если не хотите разочароваться въ красотахъ Константинополя, не знакомьтесь со внутреннею его обстановкою. Такъ же, какъ и во всемъ остальномъ на Востокѣ, внутренняя сторона въ Константинополѣ и въ самихъ его жителяхъ далеко не отвѣчаетъ ладовой. Это настоящій театръ: все, что на сценѣ, обольщаетъ и вѣдѣтъ чувства наши; но, какъ только вы заглянули за кулисы, разочарованіе бросается къ вамъ на встрѣчу:

(*) Когда герцогъ Лоренскій въ 1686 году положилъ предѣлъ ихъ власти.

Гриваты, ушицы, крутые и скользяніе подъямы на жарыиной мосто- вой, стада охратительныхъ, злыхъ собакъ, кинжалы мальтійцевъ, каваліютець и братія, среди бѣлаго дня и безъ всякаго стѣсненія, угрожающіе кривоуму жителю, пать защитою законовъ Англіи, и, наконецъ всякаго рода зловопія ошдають васъ на берегахъ оудре- сшемяна *Восфора*. Незвѣстность, злоба и надменность не замедлятъ выглануть изъ подъ добродушной личины живонцонаго турка, если вы съ ними сблизитесь.

Да; сношенія съ эфендіями бываютъ подъ часъ очень неприятны. Опытный глаза и опытное ухо понимаютъ смыслъ каждаго турецкаго слова, каждаго турецкаго взгляда, какъ бы они не были замаскированы лакомъ, и не могутъ не оскорбляться и не смущаться ежеминутно. Но надо объяснить это, и потому я позволю себѣ небольшое отступленіе.

II

Отоманы и ихъ нововведенія. — Уничтоженіе янычаръ и чыны. — Фанатизмъ. — Туркиче христіане. — Невсудавимость.

«La Turquie n'est pas à l'heure de l'Europe»

S. M. GIRARDIN. 1838.

Читатель, я надѣюсь, увидить здѣсь турокъ въ настоящемъ ихъ сѣтѣ.

Нѣтъ народа въ мірѣ, по моему, болѣе турокъ склоннаго и способнаго къ ибелѣ. Духъ этотъ они очевидно наслѣдовали отъ грековъ восточной имперіи.

Извѣстно, что прямыя потомки этихъ послѣднихъ; жители константинопольскаго предмѣстья Фанаря, такъ называемые фанаріоты, со времени водворенія въ Константинополь оттомановъ, служили имъ постоянными посредниками въ ихъ сношеніяхъ политическихъ и торговыхъ съ чужеземными народами. Изъ среды ихъ избирались драгоманы для всѣхъ отраслей правленія. Колеса этой машины не двигались безъ ихъ участія. Драгоманъ Порты, въ сущности, замѣчалъ болѣе, чѣмъ самъ тогдашній реисъ-эфенді (¹), который большею частью, какъ нѣкоторые и изъ нынѣшнихъ министровъ сѣлтана, подымался на эту степенъ или изъ кайка или изъ кофейной и мелочной лавочки, и потому не многое смыслилъ въ наукѣ государ-

(¹) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

ственного управленія. Драгоманъ Порты держалъ; *сольдатинъ* *ведго*, самовластною рукою вѣти оттоманской политики и награждалъ: былъ за службу свою, сперва должностно драгомана адмиралтейства, а потомъ и званиемъ бея одного изъ придунайскихъ княжествъ. Князья Молдавіи и Валахія, начиная съ 1731 года, поставались всегда изъ этого сословія. Въ вѣстѣ съ княжескою собольею шапкою, съ верхоуцъ изъ желтаго сукна, подымалась надъ счастливецемъ зора невообразимыхъ почестей, роскошнѣйшей жизни, безпримѣрныхъ, баснословныхъ стажаній. Княжества трепетали предъ грозною его силой, великолѣпія и вліянія, съ работливоствомъ ползали къ краснѣхъ подошвѣ его туфель и осыпали ихъ золотомъ. И потому фанаріоты, шли впередъ собою такія заманчивыя цѣли, все до одного росли и воспитывались въ надеждѣ когда нибудь достигнуть ихъ. Съ самого дѣтства они, такъ сказать, всасывали въ себя турецкую грамоту, которая, вмѣстѣ съ языками греческимъ, французскимъ и итальянскимъ, и составляла главный предметъ ихъ образованія. Она изучалась ими въ совершенствѣ, до какого достигали рѣдкіе турки. Но вмѣстѣ съ этимъ языкомъ, они изощрили въ себѣ свою естественную склонность къ кознямъ, потому что надо же было каждому стараться опередить другого на лестномъ поприщѣ или сбить своего соперника и самому удержаться на этой скользкой и обрывистой вершинѣ благополучія; а безъ пронырства нельзя было успѣть въ этомъ. Когда послѣ греческой революціи турки охладѣли къ фанаріотамъ, да в самое время знакомства съ европейскими обычаями наступало для нихъ, турки стали низводить фанаріотовъ съ ихъ пьедестала и замѣщать ихъ людьми изъ своей среды; а эти, въ свою очередь, не могли не руководствоваться на новомъ поприщѣ духомъ и манерою своихъ ловкихъ предшественниковъ. Другихъ примѣровъ и учителей имъ негдѣ, да и незачѣмъ было искать. Духъ этотъ и манера принялись и развились съ необыкновенною силою на почвѣ врожденной смѣси и нетерпимости оттоманской и вліянія харема, этого расадника всякаго рода козней и честолюбивыхъ вліяній.

Довольно иногда пріятные и даже симпатичные въ частныхъ бесѣдахъ и сношеніяхъ турки, — въ дѣлахъ съ христіанами, въ особенностяхъ же съ чиновниками иностранныхъ миссій, обнаруживаютъ всю свою мелочность, суетность, невѣжество, упрямство, духъ клаузы, сутяжничества, недовѣрія, но болѣе всего надменность и склонность къ злобной насмѣлкѣ. Между молодыми турками попадаются даже весьма ласковые и услужливые люди, старающіеся поддѣлаться подъ тонъ и манеры людей просвѣщенныхъ; но искренности въ нихъ нѣтъ, и быть не можетъ, пока окончательно несбро-

силъ они съ себя окривы свѣжихъ недѣльныхъ вѣрованій и не забудутъ предвѣій своихъ. Пожилой и старый Османлы, прѣжняго вѣка обворованій вѣсть иногда достоинствомъ и добродушіемъ своей постановки и обонихъ дѣйствій, духомъ справедливости и благородствомъ въ сужденіихъ; но османлы этого только рисуется. Турки, или вѣрвѣ, оттопканы не дѣлають добро: они, отъ перваго до послѣдняго, изволятъ оказывать *благодѣльнѣ, покровительство*. Оборваный вѣростолюдинъ, напримѣръ; протягиваетъ руку къ знатному европеяду, для того, чтобы... съ одобреніемъ, или снисходительною ласкою потрепать его по плечу и снавать ему при этомъ: «валахъ зѣ адамъ-сымъ» — ей Богу, ты хороший человекъ!

Вращенные въ предразсудкахъ своей религіи, раздутые минувшею славою своего оружія и налегающіе, какъ господствующее племя, на христіанъ и ихъ подвластныхъ, всюю тяжестью аристократическаго преишущества и высокоумнаго религіознаго презрѣнія, турки безсознательно заглушаютъ въ себѣ начала добра, которыми щедро наградила ихъ природа и которыми они между прочимъ такъ тщеславились, — и не могутъ проникнуться въ своемъ слѣпомъ эгоизмѣ общечеловѣческими побужденіями и потому, при настоящихъ условіяхъ своего общества, не доступны истинному просвѣщенію.

Внимательно слѣдящіе за событіями этой страны и читающіе соврѣменные газеты знаютъ хорошо, какъ ничтожны успѣхи ихъ на поприщѣ общественной жизни и какъ мало исравила ихъ и прирѣсла имъ существенной пользы опека западныхъ державъ.

Конечно нельзя не признавать дѣйствительности наружнаго переворота, совершившагося въ турецкомъ бытѣ со времени вступленія на престолъ Абдуль-Меджида (1). Отецъ его подаялъ на Этмейданъ (2) первый сигналъ къ этому перевороту. Съ уничтоженіемъ милиціи лычаръ начинается новая эра для оттомановъ. Какъ только разорвались связи этой громадной и вѣковой плотины, потокъ европейскаго вѣлвія хлынулъ на Турцію и сталъ просачиваться во все жмы этого безобразнаго тѣла. Но не суждено было ему призвать тѣло это къ новой жизни! Онъ придалъ ему каков-то искусственное судорожное движеніе; только вздымъ похожее на жизнь, на возрожденіе; а между тѣмъ онъ смылъ обаяніе его прежней силой и вслчія. Пушка Кара-Джехеннема (3) взорвала на воздухъ такъ называемое турками «оттоманское ведиколѣпіе», «Салтанати али-османъ».

(1) Скончался 13-го этого мѣсяца.

(2) *Госадья площадь* въ Истамбулѣ, на которой стояли казармы лычаръ.

(3) Артиллеристъ Ибрахимъ, впоследствии паша, игравшій главную роль въ побѣнн лычаръ на Этмейданъ. Въ молодости онъ былъ каякчи, (лодочникъ) и

Дестры восточныя одежды: уступили мѣсто европейскія дѣшными кафтанамъ и узкими панталонамъ, чалма замѣнилась фескою, размѣры бородъ, ятарныхъ мундштуковъ и чубуковъ уменьшились, чадрки и сѣдла утратили много своей роскоши. Я, еще засталъ въ 1839 году, въ Константинополѣ, турецкихъ армякъ и грековъ въ ихъ огромныхъ и безобразныхъ черныхъ каулахъ, похожихъ на опрокинутый на голову котелъ, въ ихъ широкополыхъ черныхъ бинишахъ. Но уже два года спустя все это исчезло и въ Константинополь былъ одѣтъ въ подобіе однообразнаго европейскаго костюма. Молодое поколѣніе высшаго турецкаго сословія ятараторило по французски, картава и жеманясь; лакированныя ботинки заступили мѣсто желтыхъ туфель, босые ноги богатыхъ женщинъ одѣлись въ топкіе, дорожно натанутые чулки, а даже мѣкоторыя тамъ, надеты, уже сжимаются корсетами. Развѣсны европейскіе экипажи на лежачихъ рессорахъ, а прежнія сѣбы, покрытыя красною тканью и преоригинально запряженныя быками, обшитыя раковинами и коралломъ, красныя *джипси* и деревобитыя *шадикки*, въ которыхъ вьлазываютъ, какъ и на арбу и въ кибитку, по приставленнымъ мѣсенкамъ, тонко въ бѣнку, поставленную на рогатки, служатъ теперь только среднему и низшему сословіямъ.

Одинъ *клекъ* (1) сохранилъ свою обворожительную наружность и качества: та же легкая и изящная форма, та же красная или голубая ткань, съ золотою бахромю на оидѣннѣ, небрежно свѣшавшаяся кормы, тѣже богатые подушки изъ бархатной брусской ткани; тѣже гребцы, рослые, красивые, съ открытою до пояса грудью, съ обнаженными руками до плечъ и ногами до колѣнъ, въ прозрачныхъ шелковыхъ или ватяныхъ рубашкахъ, въ круглыхъ крошечныхъ *чеккахъ*, торчавшихъ на темени, та же сила въ ихъ мышцахъ, тѣже взмахи ихъ огромныхъ и выточенныхъ какъ итрузкии весель при шумномъ вбирании воздуха широкую грудью за каждымъ ударомъ весла, и удары весла такъ же мягки и не слышны отъ безпрестаннаго смазыванья бортовъ самогъ, и тотъ же легкій и быстрый полетъ по волнамъ, среди рвущихъ птицъ и рвѣющихся морскихъ свинокъ...

служилъ въ этомъ качествѣ у одного изъ членовъ нашей мисіи въ Константинополь. Не знаю живъ ли теперь этотъ старый артиллерійскій генералъ, съ прекраснымъ лицомъ, бѣлою бородою и черными, густыми бровями; но еще до 1848 года я видѣлъ, какъ онъ, при встрѣчѣ съ своимъ прежнимъ воспитанникомъ, оказывалъ ему знамя уваженія и воспоминалъ о своей службѣ у него. *Клекъ Асселаннекъ* есть прозвище и значитъ *черный адъ*.

(1) Лодка.

Все же останяе премазанно, чимех, ласки, чаше. Базары на воднаго европейскима градъма, а въ якимъ и центрациранъ и въ дуковскія, намаше, европейсккъ торговцѣ уварилъ туркамъ. Наконецъ, самая строгость въ много мѣсяцъ религиозныхъ образцовъ, уступила мѣсто укваткамъ и образу, а тѣмъ, чюдоденнымъ легкомыслию, а между тѣмъ, сарати чевкя, въ ходи противъ шайбъ, какъ де уменьшилосъ, только, проважнія дѣлъ различны, и смотря по класдамъ общества и по степени воспитанія. Въ то время, какъ, протстолудинъ, въ особешности, садитъ, угощаетъ, аренга (1), афинъ, съ борчимъ и затѣйливо, оваргическими въраженіями, рудатедеваго словаря своего, самыми нахалными взглядами, а при случаѣ не поцеремонится метнуть въ него и камнемъ (2), очищенный османлы прекрываетъ, наивѣшну свою, ненависть и спѣсь, приличнымъ обходженіемъ. Не всякій и различитъ ихъ сквозъ сътъ арлушевскихъ и ласковыхъ выраженій, мягкихъ пріемовъ и взглядовъ, наружнаго смиренія и протости. Особенно, если европейецъ не видяетъ, еще въ турецкомъ языкѣ, афинъ, акадаеть, его, и, поставитъ въ тупикъ двусмысленными словами и оборотами рѣчи, малкими, особенно, стамъ и тѣхкрестамъ необыкновенно труднаго и обрѣотаниаго, языка овердо, который, не легко, на, перевести, на усомить. Европейецъ улыбается и кланяется турку, не понимая, что тотъ, надъ нимъ издѣвается и тѣшилъ жалкомъ и смѣшною роамо, которую, дастааляетъ оиъ, играть собешданиа глаура, въ плазакъ, своихъ, клавретовъ, и чюдда. Если же, европейецъ и пойметъ, на смѣшну, такъ, не овладаетъ съ фразою, чтобы, отплатить турку тою же монетою. Въ продолженіе подобной бесѣды, турокъ, съ торжествомъ во, взглядѣ, перемагивается съ окружающими, его, аличовѣрцами, которые ослабляются отъ удовольствія и кланяются ему, прикладывая руку къ своей, фекѣ, выражая тѣмъ, что оиъ, ловко отдымалъ, и одурачилъ, цевѣрнаго; когда аототъ уйдеть, оиъ, переводятъ, восхищеніе свое на слова и шуткамъ, и острогамъ, икъ нѣтъ конца. Въ особешности это бываетъ замѣтно въ постыые дни мѣсяца Рамазана. Въ это время камшій турокъ, представляеть собою, два, различныа лица, аосмае и скоромное. Днемъ, когда аиошъ, на прешаетъ, ему, не только бѣтъ, пить и курить, но и лавать, свои, обьяніе запахомъ, цѣткя, и маска, снаааетъ съ лица его, аго коробитъ, пѣщій, желудокъ, и, всѣ, скверныа, побужденія, турка, выхолодкъ, какъ бы, на, шоказъ: брови, хмуратся,

(1) Такъ мусульмане называютъ европейцевъ.

(2) Еще въ 1853 году меня атгановая турецкіе обидати ругательствами и нахами, днемъ, посреди гулянья безъ всякаго, разумѣетъ, повода съ моей стороны.

лицо подергивается мелчью, вместо сильных рывков, из рта его, среди неистовых выкриков, вырываются какие-то варварские звуки, и вѣтъ европейцу возможности говорить съ нимъ; потому что онъ непремѣнно отвѣтитъ ему колкостью, грубостью или нескладницею, какъ будто съ просонья или съ перепою, въ тяжелыя минуты *капцель-аммера*. Ночью же, когда дружеская кофота табачнаго дыма, вмѣстѣ съ пищею, оживляетъ и укрѣпляетъ желудокъ его, турокъ возвращается къ обычной, твердо заученной роли своей, масляная маска снова является на лицѣ его и по прежнему продолжаетъ онъ интриговать и дурачить новичковъ, не посвященныхъ въ таинства этихъ оттоманскихъ передергиваній, которыми бы позавидовалъ самъ пресловутый Робертъ-Макеръ.

Нечего и говорить о положеніи тѣхъ иностранцевъ, которымъ приходится вести съ турками бесѣду черезъ уличнаго переводчика, такъ называемаго *dogman de place*! Всѣ эти наемные и временные слуги или плуты, или шевъки, или то и другое вмѣстѣ, и уже всѣ вообще непремѣнно зануганы фанатическими выходками и надменностью этихъ аристократовъ мусульманъ.

Такъ называемые образованные турки, пожалуй будутъ пить съ нами вино, причѣмъ перепьютъ васъ непремѣнно, будутъ издѣваться передъ вами надъ своимъ пророкомъ; будутъ наѣдаться въ постные дни рамазана; но, только что вы отвернулись, они назовутъ васъ «нечистою собакой». Вы нѣрѣдко увидите турка на базарахъ и въ кофейнахъ Константинополя, въ магазинахъ и гостиницахъ Перы, чуть не обнимающагося съ христіаниномъ; не думайте, чтобы турокъ этотъ одушевленъ былъ истинною къ нему приязнью или сознавалъ свое съ нимъ равенство на ступеняхъ челоуѣчества, «эстагуръ-аллахъ»!.. (1) онъ завалъ, занимаетъ или замышляетъ занять у христіанина нѣсколько нѣастровъ, не всегда съ тѣмъ, чтобы возратить ихъ ему (2), или старается воспользоваться его вліаніемъ для достиженія успѣха въ своихъ замыслахъ; или наконецъ перенимаетъ у него или языкъ его или приемы, сдѣлавшіеся теперь для нихъ необходимою. А христіанинъ, особенно если онъ турецко-подданный, и не обращаетъ вниманія на настоящія побужденія эти. Онъ увлекается ласковымъ обращеніемъ надменнаго обманлы, гордится наидиратствомъ его, нажничаетъ, зоветъ своего турка къ себѣ въ домъ, иногда на сутки цѣлые и болѣе; поить его лучшими винами и часто до-пьяна; переноситъ съ терпѣніемъ его

(1) Помилуй Боже! или сохрани отъ этого Богъ!

(2) Авторъ говоритъ изъ опыта, потому что, продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, ему приходилось разбирать тяжбы между христіанами и турками.

присуды; и не смотря на то, что за однимъ нескромный взглядъ на турчанку, закутанную въ уличахъ въ свои покровы, со всего плеча уростаетъ его курбачемъ⁽¹⁾ по шини, по лицу или по чему пошло, заставляетъ женщинъ или дѣвѣцъ своего семейства подносить турку кофе, трубки, варенье, заставляетъ ихъ кланяться передъ гостемъ и проч. Онъ влюбленъ въ своего турка, прославляетъ его, хотя иногда тотъ живетъ на его счетъ, его трудовою копѣйкою. Въ томъ же смыслѣ ведутъ себя и власти турецкія относительно христіанскихъ банкировъ, негодяевъ, поданныхъ Порты, промышленныя, дѣлательныя, оборотливыя. Случалось, что эти послѣдніе наживали, черезъ нихъ, большія деньги; но во первыхъ, такихъ было немного. Они составляли собою особую касту «саррафонъ»⁽²⁾, нынѣ потерявшихъ всю свою силу и обаяніе; а во вторыхъ, или дѣлатель или ихъ внезапно умираетъ, либо попадаетъ въ опадъ, въ сыдыку, въ шиуроукъ, и они разомъ теряютъ и потраченный капиталъ свой, и кредитъ, и вліяніе, путаются въ счетахъ, въ отчетности, въ тѣмбахъ съ масѣдчиками дѣлителя и казною, и наконецъ разоряются и шлю по міру; для угнетательныя мѣры жалкихъ властей обращая вверху дномъ матіею аданіе колоссальныхъ богатствъ этихъ набранныхъ. Примеровъ много на лицо: куда дѣвались богатства армянина Казазъ Артина, который изъ уличнаго мальчишки сдѣлался опоромъ и первымъ министромъ султана Махмуда, и котораго смерть навлекла слезы изъ глазъ этого государя, прославившагося своимъ желѣзнымъ характеромъ? Что случилось, на глазахъ нашихъ съ другими армянами, прославленными богачами Константинополя? Имелъ ихъ приводить не зачѣмъ. Онѣ такъ извѣстны всѣмъ. Идея о непрочности такого благосостоянія не дѣлала однакожъ многимъ утверждать, что турки, эти въ сущности лѣнивые, не поворотливые и вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ турки, одушевлены вѣротерпимостью и благодарительствуютъ своимъ поданнымъ, христіанамъ.

А христіане такъ привыкли къ своему положенію, что и не оскорбляются, на примѣръ названіемъ глаура⁽³⁾, употребленіе котораго впрочемъ нынѣ запрещено султаномъ. Простой народъ в те перь еще, на вопросъ турка «ты кто такой?» отвѣчаетъ прехладнокровно, по старой привычкѣ: «урумъ-гяурѣ-нишъ или армені-гяурѣ-нишъ»⁽⁴⁾. И сколько другихъ насмѣшливыхъ названій райа⁽⁵⁾ по-

(1) Хлысть изъ ввopotамовой жилы.

(2) Банкиръ.

(3) Невѣрный.

(4) Я невѣрный грекъ или я невѣрный арменинецъ.

(5) Христіанскій подданный султана.

лучилъ отъ турокъ! Онъ вошелъ въ землю, остался параднымъ вымпломъ. Такъ жители Архидеяга турецкаго ожидаютъ, что думаютъ, что несколько унижить себя: «бенъ-таушанъ-ымы»⁽¹⁾; Турки называли ихъ такъ потому, что эти обитатели равнинъ не вѣдъ стороны, какъ зайцы, при появлении сборщиковъ податей съ флотомъ адмирала. Говоря христіанскимъ торговцамъ, въстоѣи хуваши, смъ эи чорбаджи,⁽²⁾ турки приучили ихъ считать это названіе почетнымъ. Чорбаджи бывъ конечно почетнымъ чиновникомъ у инычаръ, потому что котлы инычары были у нихъ чымъ-то священныи самое знаменн; но тѣмъ становится яснѣе, что названіе это было оставлено за христіанами въ инычарку. Инычары нѣкъ христіанъ, ходившіе на поклоненіе въ Иерусалимъ, называютъ себя хаджи; такъ встрѣчаются имена хаджи-Фоти, хаджи-Юрри и др. Турки, предающіе священныи смыслъ слову хаджи⁽³⁾, придумали также въ насмѣшку надъ христіанами, писать въ официальныхъ актахъ, а иногда и въ печати: Аджи-Фоти, аджи-Юрри, т. е. торккй Фотій, торккй Георгій. Въ Турціи не дозволено строить церквей съ куполами и колокольнями; желѣзан доска замѣняетъ у нихъ колоколъ. Надъ могилами христіанъ вы не увидите въ Турціи обычнаго креста; приморнаиная друтии плита, на которой съ именованъ покойнаго, вырѣзана ошблза его ремесла: топоръ, ножницы, киркуль, вѣсы и проч., составляетъ все убранство могилнаго. Инычары изъ старыихъ плитъ этии носить изображенія и рода смерти покойнаго, если оны бывъ каменны; отсѣченнаи голова между ногъ, тѣло на вѣшанцѣ и т. д.

Турки останутся турками. С. М. Жирардены замѣтилъ недавно, что турки все тѣже интропаги; канима были и прежде; только они теперь бѣдѣе вилкама. Никто, конечно, не придаетъ словамъ вѣдѣ буквального смысла; но въ переносномъ значеніи своемъ, они вѣрно обрисовываютъ настоящее положеніе.

Да, время взяло свое, и давъ гадры, эти инычарныи особенности прежней константинопольской жизни, были выданы въ вѣдѣи запада:

Не стало чумы и необузданныи инычары, державшіи въ востанномъ ужасѣ жителей оттоманской столицы, но бѣдѣе еще ии иностранныхъ гостей.⁽⁴⁾

(1) Я заяць.

(2) Эй суповаръ или поварь.

(3) Ходившій въ Мекку на поклоненіе.

(4) Последняя чума въ Константинополѣ была въ 1837 году. Инычары уничтожены въ 1826 году.

Когда, бывало, появлялся на большой улицѣ Перы одинъ изъ этихъ чудовищнѣйшихъ воиновъ въ своей красной одеждѣ, шитой золотомъ, въ выхально и высоко взбитой чалмѣ, весь уаѣшанный и утыканный оружіемъ, съ жесткими и свирѣпыми взглядомъ, съ дикими хватками хозяина дома буйнаго гуляки, тирана, передъ которымъ все должно трепетать и преклоняться, — всѣ съезживались, какъ похъ выхрѣстъ самуша, бѣжали по сторонамъ, прижимались къ стѣнамъ домовъ, моргая глазами, или забѣгали въ лавки и переулки. Узкая улица вся занималась его широкою особою, и бѣда тому, кто или не далъ ему дороги во-время или, задѣлъ его нечаянно! Онъ былъ мгновенно приплюснутъ или опрокидывался съ окровавленною головою. На мѣсто этихъ свирѣпыхъ чудовищъ встрѣчаете вы теперь невзрачныхъ солдатиковъ, мизерно и грязно одѣтыхъ по европейски, которые хотя одушевлены тѣми же побужденіями, хотя также нахально и грубо глядятъ на васъ, но они, по крайней мѣрѣ, сдержаны какииъ-то подобіемъ дисциплины и не всегда удается имъ безнаказанно уязвить и обидѣть васъ.

А чума⁽¹⁾, это блѣдное и грозное чудовище, рѣдко удалявшееся съ береговъ Восфора! Оно правда, запыхавшись отъ яростныхъ своихъ опустошеній, по семи лѣтъ⁽²⁾ не переводитъ бывало духъ, чтобы съ новыми силами броситься на беззащитныхъ жертвъ своихъ; но и въ продолженіе своего отдыха оно держало всѣхъ въ постоянномъ страхѣ и отъ времени до времени душило въ когтяхъ своихъ блѣднугу, обреченнаго ея ненасытности. Но надо было, говорятъ, видѣть горемычныхъ константинопольцевъ, когда чума подымалась на нихъ послѣ своего коварнаго отдыха! Все блѣднѣло и мертвѣло заранѣе. Улыбка отлетала изъ семействъ, заиравшихся на-глухо въ домахъ своихъ и прекращавшихъ прямое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. У каждой двера являлись рѣшотки и желѣзные щипцы, которыми принимали съѣстные припасы, вещи. Каждый доскутокъ, валявшійся на полу, или въ-тормъ занесенная въ домъ соломенка, приводила въ тревогу всѣхъ его жителей. Влетитъ ли въ окно жаворонокъ, забѣжитъ ли кошка съ сосѣдней крыши, сердца бились отъ невольнаго страха, и все пряталось отъ нева-

(1) Турки, въ какомъ-то трепетномъ сознании неизбежности и безпощадности этой кары небесной, дали ей названіе болѣзни *благословенной*, мубарекъ.

(2) Въ природѣ, семилѣтній срокъ и вообще число *семь*, играютъ какую-то таинственную, роковую роль. Такъ напр. Въ Восфорѣ считаютъ 7 теченій, въ Кавказскомъ морѣ 7 волновъ; большой Кавказскій заваль падаетъ въ долину Терека въ 7 лѣтъ разъ. Есть источники, измѣняющіе каждые 7 лѣтъ или цвѣтъ свой или температуру. Зимородки вьютъ свои гнѣзда 7 дней до и 7 дней по зимнемъ равноденствіи и проч.

ныхъ гостей. Пріятели, братья, при встрѣчѣ на улицахъ, протянувъ трости, старались не допустить къ себѣ другъ друга, и дозвращаясь домой, или жгли одежды свои, или окуривали ихъ уксусомъ. Дни и ночи проходили въ постоянной тревогѣ. Похороны тянулись по улицамъ безпрерывною вереницею; христіане нарвали куда-нибудь дать тягу; мусульмане, преданные тупому фанатизму, умирали семьями; дома, караансерай, цѣлыя кварталы пустыли; и даже собаки, не находившія себѣ пищи, перекочевывали въ другія части города.

Учрежденный въ Константинополь, въ послѣдніе дни царствованія султана Махмуда, карантинъ остановилъ чуму и уничтожилъ ее. Мѣсто ея конечно не осталось не занятымъ; но холера не имѣетъ того страшнаго характера заразы, какимъ вооружена чума... И въ этомъ есть утѣшеніе для человѣчества.

Правда, въ провинціяхъ турецкихъ карантинъ и до сихъ поръ представляется въ какихъ-то легкихъ, не полныхъ и пресмѣшныхъ очертаніяхъ. Такъ, во многихъ мѣстахъ, давно уже водворены европейскіе медики, большею частію самозванцы, изъ выходцевъ Италіи; но карантиновъ нѣтъ; ни строгій, ни аптеки, ни заставы. Со мною, въ 1840 году, былъ презабавный и вмѣстѣ съ тѣмъ предосадный случай: мнѣ привелось, во время плаванія на турецкой чектырмѣ⁽¹⁾, выйти, въ Айвалыкскомъ заливѣ, между Тенелосомъ и Смирною, въ Адремити. Я нанялъ верховыхъ лошадей въ портѣ и поскакалъ въ городъ, отстоящій верстъ на десять отъ моря. Прибывъ туда, я пошелъ прямо къ Каймакану, начальнику города и округа, бесѣдовалъ съ нимъ около часу, курилъ его трубку, пилъ его кофе, далъ еще ему прочесть одну бумагу, бывшую со мною, и когда вышелъ изъ палаты его, на площади подошелъ ко мнѣ какой-то турченокъ въ оборванномъ сюртукѣ реформы и потребовалъ отъ меня карантиннаго ярлыка. Увы! я вспомнилъ, что эта грамотка осталась въ чалмѣ проводника моего, покинувшего меня на первой станціи отъ Дарданелль. Турченокъ тогда подпросилъ меня въ карантинное зданіе... *Такъ, собственно для виду!* Я послѣдовалъ за нимъ. За городомъ торчала какая-то будка, онъ ввелъ меня въ нее и заперъ дверь на замокъ, приставивъ къ ней караульнаго. Напрасно я рвался, кричалъ что онъ съ ума сошелъ, что послѣ этого надо и самого каймакама, съ которымъ я общился, и людей его и весь городъ запереть со мною въ карантинъ! Это плоское чудовище держало меня два дня въ заперти, и продержало бы и двѣ недѣли, какъ грозилось, еслибъ не проходилъ мимо моего окна, случайно, какой-

(1) Большой барказъ.

то левантинецъ , сказавшій что онъ консулъ и агентъ всѣхъ державъ Европы и Азии, о существованіи котораго въ Адремети я и не подозревалъ, и избавившій меня изъ этой шутовской западни.

Въ самой столицѣ дѣло это конечно пошло серьезнѣе подъ наблюдениемъ европейскихъ миссій , — ишбюющихъ своихъ депутатовъ въ карантинномъ правленіи.

Третій бичъ Константинополя также какъ будто начинается покидать его. Это злая порода уличныхъ собакъ, живущихъ по семьямъ во всѣхъ кварталахъ столицы. Не смѣйтесь, читатель! Я вамъ совиѣтую, и теперь еще, если вы посѣтите Босфоръ, быть осторожными въ вашихъ кочеваньяхъ по берегамъ его. Случалось и мнѣ самому попадаться имъ на зубокъ и оставлять на немъ часть своего платья, и не одинъ европеецъ бывалъ буквально загрызанъ ими.

Туркофилы прославляютъ добродушіе своихъ любимцевъ , указывая, между прочимъ, на попеченіе Константинопольскихъ турокъ о своихъ уличныхъ собакахъ, для прокормленія которыхъ иные выдаютъ булочникамъ города мѣсячную плату. Туркофилы не хотятъ видѣть и тутъ фанатическихъ побужденій оттомановъ: эти собаки, какъ бы въ угоду своимъ покровителямъ, съ остервенѣніемъ бросаются на френковъ и на всѣхъ христіанъ вообще, узнавая ихъ даже и подъ турецкою одеждою. Это положительный фактъ, какъ ни похожъ онъ на выдумку. А между тѣмъ онѣ подбираютъ падаль, оставляемую, по лѣности и нерадѣнію жителей, на улицахъ и площадяхъ.

Итакъ, время взяло свое. Не одно зло оно искоренило въ Турціи; но переворотъ, въ ней совершившійся, въ послѣдніа двадцать пять лѣтъ, все-таки, повторяю, переворотъ наружный, односторонній, и не общается, даже и въ отдаленномъ будущемъ, никакихъ благотворныхъ успѣховъ турецкому обществу на поприщѣ просвѣщенія, потому что не ведетъ онъ его къ вещественному сближенію съ понятіями, преданіями и потребностями европейской жизни.

Нагубное употребленіе опиума, искажающее челоуѣка, напр. вышло изъ моды, но его замѣнилъ заной спиртомъ; — образовалось регулярное войско; но нѣтъ въ немъ не только ни одного дѣльнаго, но и ни одного на что-нибудь похожаго офицера; запрещено публично продавать невольниковъ и фабриковать евнуховъ; но чѣмъ же питаются харемы оттоманскіе, до сихъ поръ процвѣтающіе со всею ихъ обстановкою? Ввелось книгопечатаніе; но вышла ли въ свѣтъ хотя одна серьезная книга въ Константинополь, которая бы заслуживала вниманія историка, ученаго или литератора? А племянниковъ и племянницъ султанскихъ и до сихъ поръ давятъ при

ихъ рожденіи; и до смѣхъ поръ, хотя не замѣтно, мѣшани съ невѣрными женами отправляются ко дну Восточнаго.

Кто бы повѣрилъ что по мѣрѣ того, какъ Турція, съ дѣтскимъ важничаньемъ, подвигается на пути этихъ мишурныхъ преобразованій, какъ Европа все громче и громче привѣтствуетъ возрожденіе страны этой и обращеніе ея къ лучшимъ чувствамъ, — ея фанатизмъ растетъ все болѣе и болѣе, все глубже и глубже пуская свои корни въ эти сердца, въ самомъ зародышѣ испорченныя ложнымъ и сбивчивымъ ученіемъ. Чѣмъ сильнѣе и настойчивѣе вліяніе христіанскаго міра ослабляетъ ихъ религіозный фанатизмъ, тѣмъ плотнѣе они жмутся другъ къ другу, стараясь его защитить отъ христіанства, тѣмъ съ большей недовѣрчивостью, тѣмъ съ сильнѣйшею ненавистью глядятъ они на тѣснящія ихъ стихіи. Спросите райа улучшается ли ихъ положеніе; онъ со вздохомъ отвѣтитъ вамъ, что время ихъ жатвы и относительнаго благосостоянія миновало. Хотя, въ былыя эпохи, собственность не принадлежала имъ невозвратно, завися отъ произвола владыки; но по крайней мѣрѣ они наживали ее свободно, быстро, и наконецъ келейно пользовались до поры ея удобствами. Такъ, было время, блескъ «салтавати али-османъ» отражался на жизни, на обстаповкѣ, на самой посадкѣ многихъ христіанскихъ семействъ въ Турціи. Теперь мелькаютъ въ ней однѣ развѣ тѣни этого прошедшаго великолѣпія и каждый райа, или сохранившій частицу его, или подвизающійся на поприщѣ приобрѣтеній, мечтаетъ объ одномъ, какъ бы ему добыть *пашпуртъ* иностранной державы и ея покровительство. Дознано опытомъ, что чѣмъ турокъ долѣе терся въ нашемъ обществѣ, чѣмъ далѣе онъ жилъ въ Европѣ, чѣмъ ближе знакомъ съ ея языками и обычаями, тѣмъ болѣе питаетъ презрѣнію къ христіанамъ. Духъ неприязни ко всему христіанскому нисколько не измѣнился въ Турціи, если не увеличился: каменья, ругательства, дразнящіе языки мальчишекъ, косые взгляды, плевки розовыхъ и прелестныхъ дѣточекъ оттоманскихъ, которыхъ въ началѣ такъ хотѣлось мнѣ приласкать, каменность, недоброхотство или лукавое притворство эфендиевъ встрѣтили меня въ Истамбулѣ съ перваго же дня моего приѣзда и проводили оттуда, когда четырнадцать лѣтъ спустя я покидалъ его (1).

(1) Все это было написано нами до Джеддской рѣзни, а слѣдовательно и до послѣдовавшихъ за ними кровавыхъ проявленій оттоманскаго фанатизма въ Сиріи, проявленій, торжественно подтверждающихъ слова наши. Въ парижскомъ законодательномъ собраніи, одинъ изъ членовъ онаго, г. Плишонъ весьма крапорѣчно и какъ нельзя болѣе вѣрно обрисовалъ въ рѣчи своей, произнесенной 8-го текущаго мѣсяца, настоящее расположеніе умовъ въ Турецкой землѣ

Въ то время, какъ самъ хозяинъ катается ли по Босфору на своемъ легкомыломъ лебедѣ-каикѣ, чтобы подышать пороховымъ фиміамомъ орудій, гремящихъ ему на встрѣчу съ береговъ Европы и Азіи и съ бортовъ разноплеменныхъ военныхъ судовъ, толпящихся въ Золотомъ Рогѣ, плыветъ ли на пароходѣ по мраморному морю до Исмиа (1), чтобы полюбоваться своею суковною фабрикою, или поближе, посмотреть въ Санъ-Стефано, на стѣны своего пороховаго завода (2), прогуливается ли верхомъ или въ блестящемъ экипажѣ, предшествуемый взводомъ уланъ и послѣдуемый своею свитою, то въ Кеатъ-Хана (3), то въ любимые ею Иылдызлы Кіюшкь (4) и Ыхламуръ-Алтѣи (5), — паши, по прежнему, занимаются своею подземною стряпнею, толкаютъ другъ друга, падаютъ и безпрерывно тасуются въ служебныхъ ихъ должностяхъ; по прежнему ладони (6) ихъ, обвѣшанныя жемчугомъ и алмазами, насурмленные и густо вымазанные по бровямъ черною краскою, гомозятся въ харамахъ, завязывая отъ бездѣля безконечныя нити интригъ и честолюбивыхъ затѣй, и за одно съ свнухами, ихъ дяльками, преподають дѣтямъ своимъ турецкую науку жить въ свѣтѣ; по прежнему, бѣлая чалма Шейхъ-уль-Ислама и всей духовной касты держитъ всѣхъ вмѣстѣ въ почтеніи и страхѣ, набиваетъ свои карманы отъ безконечныхъ тяжбъ... и останется по этому навсегда для земли своей незыблемымъ громоотводомъ истиннаго просвѣщенія.

Сверхъ того, мусульманскій міръ, по крайней мѣрѣ всѣ сунниты, смотритъ на султана, какъ на намѣстника своего пророка, халифа. Титуль этотъ, со временъ султана Селима, перешолъ отъ послѣдняго Аббасида Мухаммеда XII къ оттоманскимъ владыкамъ, и можно себя представить, какъ эти послѣдніе гордятся имъ! И потому, пока у оттомановъ будетъ султанъ, съ его священнымъ титуломъ халифа, пока на этомъ основаніи *Санджакы-шерифъ* (7) будетъ храниться въ константинопольской мечети Айна Софіа, для того, чтобы, во время войны съ невѣрными, вести на бой дружины мусульман-

и несостоятельность надеждъ на усвоеніе турецкимъ обществомъ идей образованнаго міра. Впрочемъ и у правительственныхъ лицъ самой Англіи, такъ гордо патронирующей турокъ, вырываются въ парламентѣ подобныя же совнанія.

(1) Никомедія.

(2) Подъ управленіемъ армянина Дадіана.

(3) Буквально бумажная фабрика, которой однакоже нѣтъ. Это долина европейскихъ прѣсныхъ водъ, любимое гулянье константинопольцевъ.

(4) Звѣздный Кіюшкь.

(5) Подъ липами. Кофейня и мраморныя бассейны и фонтаны.

(6) Госпожи.

(7) Зеленое знамя Мухаммеда.

скія и воодушевлять ихъ сугубымъ фанатизмомъ, пока будутъ храниться у нихъ, въ такомъ почтеніи какъ нынѣ, *Хыркян-Сеадетъ* ⁽¹⁾ и мечъ пророка, вмѣстѣ съ мечами первыхъ халифовъ, перенесенные изъ Египта въ Истамбуль; пока эти лохмотья, весь этотъ хламъ изувѣрства не сдѣлаются, напрямѣръ, достояніемъ Британскаго музея; пока Истамбуль будетъ для мусульманъ всего земнаго шара убѣжищемъ ислама по преимуществу, *Даръ-уль-исламъ*; пока турки будутъ смотрѣть на женщинъ, какъ на вещь, или какъ на *имаму*, по выраженію курана, данную людямъ только для оплодотворенія; а на музыку, живопись и ваганіе какъ на святотатство, позоръ и скверну, — напрасно будутъ ожидать существеннаго въ Турціи переворота, который бы поставилъ ее на одну степень съ европейскими государствами.

ГЛАВА I

П Л А В А Н І Е

ВАСИТАЙ ТИДЖАРЕТЪ. — ПРОЩАНЬЕ СЪ БОСФОРОМЪ. — ЧЕРНОЕ МОРЕ. — ПЛАЗУБА ПАРОХОДА. — ТУРЕЦКІЙ САНОВНИКЪ. — ИНЕБОЛІ. — СИНОПЪ. — ПРИЕЫТІЕ ВЪ САМСУНЪ.

Fare thee well and if for ever. В.

Въ послѣднихъ числахъ декабря мы должны были выйти въ море. Люди были наняты; въ числѣ ихъ явился у насъ на сценѣ знаменитый македонецъ Ставри Байко, о которомъ я говорилъ уже прежде. ⁽²⁾ Закупки сдѣланы; а о запасахъ надо было подумать, потому что страны, ожидавшія нашего посѣщенія, конечно не заботились о нуждахъ нашихъ и прихотяхъ. Бараны же, рисъ, куры, сыръ, молоко, яйца, ключевыя, рѣчныя и колодезные воды, которыми обилуютъ первобытныя страны эти, не способны были удовлетворить всѣмъ нуждамъ нашимъ и привычкамъ.

Надо было также подумать о запасѣ медикаментовъ, о снабженіи себя медикомъ. Все было сдѣлано къ сроку. Медика мы наняли по поламъ съ англичанами; это былъ очень милый молодой человекъ, уроженецъ Буэносъ-Айреса, учившійся въ Лондонѣ. Онъ впоследствии оказался очень искуснымъ.

⁽¹⁾ Плащъ пророка мусульманскаго.

⁽²⁾ Современникъ. Августъ 1857. *О Турціи и Персіи.*

Оставалось съѣсть на пароходѣ. Но отъѣздъ нашъ откладывался нѣсколько разъ. Мы стали хворать одинъ за другимъ, и это послужило къ нашему счастью, потому что пароходы, на которыхъ мы должны были отправиться, претерпѣли жесточайшія бури, и съ послѣдняго изъ нихъ море смыло нѣсколько человѣкъ матросовъ. Англійская коммисія, вышедшая въ море недѣлю ранѣе насъ, вмѣсто трехъ дней, употребила шесть, чтобы добраться до Самсуна; пароходъ ея былъ занесенъ вѣтрами въ близкое сосѣдство Одессы и много ови бѣдовали, пока не выбрались на прямой путь.

Не даромъ, въ Константинополѣ, съ поконъ вѣка замѣчено, что опасно до Крещенья пускаться въ *негостепримное море* (1). Не только христіанскія, но и мусульманскія суда не выходятъ въ Понтъ, пока патріархъ Греческій не погрузитъ креста въ воды Золотога Рога.

А зима съ 1848 на 1849 годъ была какъ-то особенно богата бурями.

Но вотъ в 6-е Января! И такъ называемое турками Кючюкъ Язъ (2) вступило въ права свои. Вѣтры опустили крылья; тучи растаяли. Пора подымать якорь! Мѣста взяты на пароходѣ *Васитан Тиджаретъ* (3), великолѣпномъ турецкомъ фрегатѣ, подъ командою опытнаго капитана Славянина Кличена, котораго турки называютъ *Кылычъ капитанъ* (4).

Прощальные визиты сдѣлавы.

Прощай Босфоръ!

Наступило 17-е января. Пароходъ наконецъ принялъ насъ со всѣми людьми и запасами, которыхъ набралось цѣлая гора. Я обнялся съ провожавшими меня пріятелями и слѣдилъ за ними прослезившимися глазами до самаго берега; и долго не могъ оторвать глазъ отъ него...

Пароходъ двинулся. Все вокругъ зашевелилось, заходило. Одинъ предметъ прятался за другимъ отъ глазъ нашихъ по мѣрѣ того, какъ быстрый Васитан Тиджаретъ описывалъ на Босфорѣ кривыя линіи и повороты и скользилъ по шипѣвшей влагѣ, преслѣдуемый веселою гурьбою дельфиновъ. Бѣлая станъ чаекъ и мартышекъ съ крикомъ кружились около парохода, какъ будто тоже прощаясь съ нами. Камки, не менѣе ихъ быстрые и легкіе, но болѣе граціозные, стремительные, разрѣзали волны подъ кормою, подъ носомъ; а нѣкоторые изъ нихъ едва не обгоняли насъ.

(1) Аксеновъ, откуда Эвксинскій Понтъ.

(2) Малое лѣто.

(3) Посредничество торговли.

(4) Капитанъ-сабля.

Ушла изъ глазъ Пропонтида съ ея островами и сизою далью, въ которой такъ живописно вырѣзывается снѣжная вершина брусскаго Олимпа! Ушли и Фаараки, и самый Скутари, съ его кладбищами и кипарисами, и граціозная Леандрова башня, и вся очаровательная декорация Серай Бурну, съ его садами, куполами, башнями, и Айа-Софія, и Султанъ — Сулейманъ (1), и прибрежный дворецъ султанскій, и Золотой Рогъ, съ пловучимъ мостомъ его, оживленнымъ толпами народа, съ его лѣсомъ мачтъ и пароходныхъ трубъ. А ужъ Пера, съ высокими чертогами русскаго посольства и съ атмѣ картиннымъ хаосомъ строеній, давно повернулась ко намъ спинною и юркнула за прилежащія высоты Бешикъ-Таша, съ его Байылдымъ-Кѣшкомъ (2). Вотъ бѣгутъ отъ насъ и литейный дворецъ Тол-ханъ, съ прелестною его мечетью и золочеными манаретами, единственными на всемъ Босфорѣ, и Фындыкль и Бешикъ-Ташъ, — эта послѣдняя якорная стоянка Аргонавтовъ, передъ вступленіемъ ихъ въ Эвксинскій Понтъ, и султанскіе дворцы европейскаго и азіятскаго береговъ: Долма-Багчѣ, тогда еще воздвигавшійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ исторія записала имена Даріевъ и Мухаммадовъ завоевателей, и узорчатый Чераганъ; а на той соронѣ Бейлербей (3), и загородные сады, и кѣшки и мечети, и каравансераи, и пристаньки съ кофейнями, мраморными фонтанами, бассейнами и древесною сѣнью для кейфа гуляющихъ.

Здѣсь пронеслись мимо насъ Іени кѣй, Куру чешмѣ, Бебѣкъ, Арнаутъ Кѣй, съ своимъ пестрымъ и кипящимъ живію населеніемъ, — тамъ задумчивыя и безмолвныя красавицы Анатолиі — Кулелі, Канлыджі; а за ними вслѣдъ и Кавакі (4) и азіятскія прѣсныя воды Гюкх-су, и европейка Стенія, — каждый, съ своими кофейнями, фонтанами, гуляньями, и широко и густо разросшеюся зеленью старыхъ платановъ, фиговъ, кипариса и пестрыми кружками гуляющихъ.

За ними понеслись Чубукль, треща своимъ эхомъ, повторившимъ топотню колесъ нашего парохода. А тамъ, уже близко, на европейскомъ берегѣ, и веселый Орта-Кѣй. Вотъ онъ бѣжитъ къ намъ на встрѣчу, взвиваясь и сверкая, какъ змѣя своими кольцами. За нимъ пробѣжали, на право — Бейкосъ, на лѣво — гульдивая Тера-

(1) Мечети.

(2) Этому кіоску дано названіе Байылдымъ: я *обвалямакъ*, потомучто изъ него открывается одинъ изъ пѣгнителейнѣйшихъ видовъ на Босфоръ и на Мармару.

(3) Долма-Багче, Чераганъ, Бейлербей, три султанскіе дворца.

(4) Укрѣпленные замки Румелиі и Анатолиі, стоящіе одинъ противъ другого на половинѣ всей длины Босфора.

тѣ, въ то время, какъ со стороны Анатоліи, кружились и летѣли мимо насъ цѣлыя вереницы очаровательныхъ уголковъ. Прочтѣлись наконецъ и Хювкаръ — Искелесъ, и Гигантова гора и Киротъ-Вурну, и самый Букдере... передъ нами открылся Понтъ!

Когда я очулся отъ грустныхъ мыслей, порожденныхъ во мнѣ разстизаньемъ, мы были уже посреди необозримаго, воднаго пространства.

Но пера осмотрѣться на палубѣ.

Она была загромождена разноцвѣтными народами, толпами, полчищами, грудями камениаго угля и всякаго клама. Мужичья, женщины, дѣти болѣею частью мусульманы — турки, персіане, татары, кавказскіе горцы. Они разсѣлись у бортовъ на коврикахъ и войлокахъ, облокотясь на сѣдла и узлы свои, и дымя трубки и кальяны. Нечистота лежатъ на всѣхъ этихъ группахъ отвратительнѣе; цѣлыя лужи отъ палывовъ и мѣдныхъ кувшиновъ, служившихъ для всякаго рода омовеній, окружаютъ ихъ ноги, или босыя или обутыя въ грязныя, шерстяныя носки, и пробіраются къ самымъ сидѣльцамъ; — а между тѣмъ, издали, все это составляетъ картину. Мужественныя, красивыя лица, затѣйливыя, пестрыя анатолійскія одежды, причудливыя посадки, неподвижность азіятцевъ, когда они предаются койфу, являютъ ихъ живою картиною, иногда очень вавашивою.

Но тамъ и здѣсь мелькаютъ европейскія фizioноміи, нахохлившія довольно уродливо надъ узлами и сундуками; наши люди, уже одѣтые по походному и даже вооруженные на всякій случай. На юномъ злобномъ болгарѣ красуется турецкая сабля на красныхъ шнуркахъ и огромный пистолеть заткнутъ за кушакъ.

Не было здѣсь тѣхъ граціозныхъ, изящныхъ явленій, которыя слушать постояннымъ украшеніемъ пароходныхъ палубъ на другихъ моряхъ, или въ рѣкѣ, на другихъ рейсахъ. Здѣсь же все было грубо, грязно, неприглядно. Были и тутъ женщины; но какія! азіятки, африкянки: бѣлыя, черныя, шоколадныя, кутались онѣ въ свои дорожныя, грязныя, дырявыя покровы.

Но вотъ меня зовутъ къ работѣ: помогать разговору Е. И — ча съ нашимъ-то туркомъ почтенной наружности, съ сѣдою бородою, съ медовымъ выраженіемъ лица, съ осанкою и трубкою великаго лжаря. Онъ заинтересовалъ своего собесѣдника припоминаніемъ случайностей компаніи 1828 года, въ которой они оба участвовали.

Это были знакомые уху моему и музыка и самый мотивъ. Турки мастера говорить и любятъ пощеголять, особенно передъ иностранцемъ, изяществомъ и музыкальностью своего разговорнаго языка и похвастать благороднымъ образомъ мыслей и человеколюбіемъ.

Сверхъ того, у мусульманъ страсть преподавать и поощрять правильное нравственности и общечеловѣческия обязанности. Незастѣнливыхъ господъ такого рода, пожалуй, встрѣчаемъ мы и въ нашемъ обществѣ: не принимая въ соображеніе на дѣла, на опытность своего собесѣдника, эти господа заносчиво навязываютъ ему свои взгляды на вещи, свои мнѣнія, учатъ его предметамъ, которые онъ иногда знаетъ лучше ихъ, разглагольствуютъ о приличіи, не замѣчая того, что они сами нарушаютъ его основанія и главные условія, и увлеченные своимъ краснорѣчіемъ, смотрятъ вокругъ себя съ самоудовольствіемъ и съ увѣренностью въ своемъ превосходствѣ. Турки же вообще всѣ таковы, хотя и сохраняютъ достоинство и умѣренность движеній несравненно лучше нашихъ домеромешныхъ демократовъ. Въ невѣжественномъ своемъ ослѣпленіи они воображаютъ, что куранъ одинъ содержитъ въ себѣ основанія всѣхъ добродѣтелей; что бѣдняжки невѣрные, не изучающіе его и не слѣдующіе ученію ихъ пророка, не могутъ имѣть истиннаго понятія о чловѣческихъ обязанностяхъ; что если они иногда и отличаются благородствомъ и доблестями, то это безъ всякаго сознанія; и что наконецъ совершенство есть удѣлъ однихъ мусульманъ, избраннаго и любимаго небомъ народа.

Главные правила чловѣка, говорилъ добродушный старичокъ, обращаясь къ моему начальнику, должны быть кротость, чловѣколюбіе, терпимость, великодушіе. Чловѣкъ, служба своему государю, долженъ исполнять его волю и приказанія, и драться на войнѣ храбро, но не долженъ онъ при этомъ отступать и отъ долга чловѣколюбія.

«Я воевалъ много, дрался подъ Тульчею, Шумлою, Бранловымъ, Исакчи, Варшой; былъ во время войны Салихдаромъ Сераскера Хюсейна Пашы; но во время войны я старался всегда изъ враговъ дѣлать себѣ друзей. Однажды, между прочимъ, вотъ что случилось: во время осады Шумлы, одинъ изъ часовыхъ вашей цѣпи поставленъ былъ ближе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ редута, названнаго въ честь моего тогдашняго званія, салихдарокимъ. Люди мои приложились къ нему; я остановилъ ихъ изъ сожалѣнія къ бѣднягѣ. Войско наше было въ то время не то что теперь: послушанія и дисциплины ни на волосъ; солдаты мои стали ворчать на меня и ругаться. Я имъ сказалъ, что смерть одного солдата на часахъ не поможетъ нашему дѣлу; а что изъ чловѣколюбія лучше будетъ послать сказать ему, чтобы онъ отошелъ подалѣе, и не навязывался бы понапрасну на пулю. Турки унялись и я, клмкнувъ одного некрасовскаго казака, послалъ его предложить часовому отойти еще на ружейный выстрѣлъ. Некрасовець воротился съ отвѣтомъ, что ча-

своей приказалъ премию благодарить генерала за его доброе попеченіе, но что онъ поставленъ туда ефрейторомъ, и куда тотъ не смѣнитъ его, онъ не отоидетъ ни на шагъ, хотя и очень хорошо видитъ, что жизнь его въ вашихъ рукахъ. Отвѣтъ этотъ такъ пришелся мнѣ по душѣ, что я рѣшительно запретилъ трогать часоваго и наблюдать за этимъ, пока его не смѣнили.»

Не удалось мнѣ только хорошо разобрать, чѣмъ турокъ болѣе восхищался, отвѣтомъ ли русскаго часоваго или собственнымъ поступкомъ. Не знаю также какъ бы онъ вышутался изъ задачи, если бы у него тогда спросили повторалъ ли онъ ту же операцію съ слѣдующими за этимъ часовыми, которые естественно должны были выходить въ однѣхъ условіяхъ съ первымъ, или... но разговоръ прекратился на этомъ наивномъ буракѣ оттоманскаго тщеславія.

Послѣ мы узнали, что этотъ важный, осанистый вельможа въ турецкомъ вкусѣ, бывшій, по словамъ его, еще въ компанію 1828 г. генераломъ, былъ нѣкто Дарбазъ-Ага, и не болѣе какъ Мухасылъ, ⁽¹⁾ назначенный начальникомъ курдистанскаго города *Джозирен-ибни-Омаръ*, на который лежалъ и намъ путь... Впрочемъ и то правда, генераловъ у нихъ пекутъ заурядъ; почему же было и Дарбазъ-Агѣ не быть въ свое время генераломъ!

Море было тихо, качка едва ощущалась. Вѣтеръ не сильный и дулъ съ береговъ Анатолиі, подъ защитою которыхъ, иногда высоко подымавшихся надъ моремъ, пароходъ несся довольно плавно по десяти узловъ.

При тихомъ и благополучномъ плаваньи время летитъ однообразно на пароходѣ, когда берегъ далекъ или ни чѣмъ не замѣчательнъ и когда нѣтъ на палубѣ предметовъ, годныхъ для наблюдательности или вызывающихъ послѣдовательное созерцаніе. Берега Анатолиі, хотя и не были у насъ, что называется, за горами и хотя природа ихъ не лишена красоты, но все это горы, покрытыя лѣсомъ, лощины, тамъ и здѣсь довольно живописныя; но населеній мало, почти нѣтъ ихъ.

Но вотъ закатъ солнца! Въ ясное время этотъ торжественный моментъ бываетъ всегда сигналомъ движенія на пароходѣ: мусульмане бросаютъ на палубу настилки, — войлокъ, коврикъ или абѹ ⁽²⁾, и принимаются класть земные поклоны, то стоя, то сѣвъ себѣ на ноги; европейцы облакачиваются на борты и устремляютъ глаза къ горизонту, гдѣ небо слилося съ моремъ въ одномъ огромномъ заревѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться съ этимъ зрѣлищемъ?

⁽¹⁾ Сборщикъ податей. Начальникъ округа.

⁽²⁾ Плащъ.

Но зарево начинаетъ гаснуть, воздухъ свѣжѣетъ, палуба покрывается сыростью, до того, что ни къ чему нельзя прислониться, ни сѣсть на скамьи; все кутаются въ плащи бурки и тубы. Мусульманское общество, сѣвъ по кусочку сыру, хлѣба, луку и еще какой-нибудь дряни, отправляется спать, завернувшись съ головою въ свои покровы. Звонятъ къ чаю.

Чай, трубки, сигары, шаганье взадъ и впередъ по палубѣ, отъ перилъ, поставленныхъ около шпиль для харема, и до трубы, а пожалуй и далѣе, если найдется мѣсто для прогулки посреди этого хаоса растянувшихся людей и кладь. — вотъ, въ это время, занятія пассажира.

Изъ средняго люка высовывается растрепанная саміелевская голова, съ лицомъ густо покрытымъ сажею, это голова кочегара. Онъ поднялся по трану, чтобы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ отъ своей адской работы у пылающаго жерла печи. Несутъ къ люку тяжелые кладь каменнаго угля и съ громомъ сыпятъ кочегару его насущную провпзю. Раздается дребезжащій свистокъ, и со всѣхъ концовъ судна, топая босыми ногами, стекаются матросы хватить чарочку горячаго. Минута отрадная для этихъ труженниковъ!

Является ночь съ своими небесными спутниками. Сонъ клонить, а то бы не сходилъ съ палубы... такъ хорошо!

На другой день, въ три часа по полудни, бросили мы якорь на рейдѣ Инеболи. Это портъ города Кастамболи, и состоитъ изъ незрачнаго селенія и верфи для незначительныхъ судовъ. Инеболи не щеголяетъ даже и мѣстоположеніемъ, онъ лежитъ у входа въ ущелье и замѣчательнъ только тѣмъ что находится на удобнѣйшемъ, по всему Анатолийскому берегу, пунктѣ сообщенія со внутренностью Азіи. Хорошая дорога ведетъ отсюда на Кастемунн (Германикополисъ), до котораго не болѣе двадцати пяти верстъ. Тутъ мы помѣнялись нѣсколькими пассажирами, и, не простоявъ и двухъ часовъ, залопатили далѣе.

Въ этотъ день мы тоже не видѣли ничего замѣчательнаго. Тѣ же берега; вѣтеръ тотъ же.

Усталость тѣла и тоска душевная усиливаются обыкновенно и начинаютъ тяготѣть надъ нами только на другой день послѣ отъѣзда въ долгій путь. Въ день разставанья съ милыми людьми, съ долговременными привычками, съ мѣстами освященными для васъ сердечными воспоминаніями, вы въ какомъ-то чаду, въ какомъ-то напращенномъ состояніи. Да вамъ и некогда было сосредоточиться. Васъ занимаютъ мелочныя хлопоты, покупки, дорожныя и хозяйственныя распоряженія, однимъ словомъ, матеріальная часть, суета отъѣзда. Но на другой день, когда вы останетесь одни и васъ ни

что болѣе не развлекаетъ, особенно при тихомъ плаваньи, васъ одолеваетъ тоска. Видъ безбрежнаго моря, однообразный гулъ валовъ, однозвучное шлепанье пароходныхъ колесъ способствуютъ особенно къ подобному настроенію.

Такъ и со мною было : тоска туманила глаза мои , безпрестанно отылекала мое вниманіе отъ окружающихъ предметовъ и помѣшала бы мнѣ слѣдить за всѣми изгибами береговъ, бѣжавшихъ мимо парохода, и въ такомъ даже случаѣ, еслибъ они были интереснѣе Анатоійскихъ... Испытавшіе поймутъ меня.

19-го поздно вечеромъ мы бросили якорь передъ Синопомъ. Громкое имя это напоминало намъ въ то время и Диогеновъ и Митридатовъ , Тиграновъ и Лукулловъ ; а теперь вызываетъ оно другія болѣе близкія намъ воспоминанія.

Синопъ замѣчательнъ портомъ, единственнымъ, по своему удобству, на всемъ протяженіи Анатоійскихъ береговъ, до Батума.

Ночь была лунная, но на разстояніи, на которомъ мы остановились, намъ трудно было разсмотрѣть въ подробности этотъ городъ, любопытный, какъ ни жалки были тогдашнія его турецкія строения. Передъ нами явственно зубрились только бѣлыя стѣны, кажется Генуэзской постройки, да подымался бѣлый минаретъ, — все это задернутое дымкой ночи, да лежали дома и сады черными пятнами. Тогда въ городѣ было не болѣе 1600 домовъ, да плохая верфь.

Черезъ нѣсколько часовъ мы стояли уже въ Самсунскомъ рейдѣ и... конецъ нашему плаванью, удачному необыкновенно! Слѣдующій за нашимъ пароходъ претерпѣлъ сильную бурю, а о бѣдствованіяхъ предшествовавшаго я говорилъ выше.

Мы ступили на берегъ Анатолиіи.

На низменностяхъ страшная грязь и слякоть; на лѣсистыхъ высотахъ снѣгъ и снѣгъ глубокій. Не привѣтная, не утѣшительная картина! А крути-то! Крути-то, страшною стѣною поднявшіяся надъ самымъ городомъ! И намъ карабкаться на нихъ!

Господи, какъ сурово глядятъ на насъ Тавръ, занесенный снѣгами, изъ подъ черныхъ тучъ, окутавшихъ его вершины!

М. Г.

Молю тебя, скажи : ты любишь ли меня ?
Мое ли, трепеща, ты имя произносишь ?
Во тьмѣ нѣмыхъ ночей мучительно стая,
Во снѣ моихъ ли поцѣлуевъ просишь ?

Когда, въ объятіяхъ моихъ заключена,
Меня ты медленно и пламенно лобзаешь,
Любовью-ль чистою душа твоя полна ?
Ты не глядишь, ты мнѣ не отвѣчаешь !

Иль сладострастія нечистаго порывъ
Тебя властительно толкнулъ въ мои объятія,
И пала ты — пошла на гибельный призывъ,
Тая въ душѣ своей невольныя проклятья ?

О, если такъ — молчи ! Пусть сладостный обманъ
Чаруетъ сердце мнѣ желаннымъ обаяньемъ.
Цѣлуй, цѣлуй меня ! Не нужно новыхъ ранъ,
Не отравляй любви губительнымъ страданьемъ !

О. ВЕРГЪ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ИНТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА VIII

Послѣ достопамятнаго для меня вечера, проведеннаго мною съ княземъ въ ресторани у Б. я, въсколькo дней сряду, былъ въ востоянненѣмъ страхѣ за Наташу. «Чѣмъ грозилъ ей этотъ проклятый князь и чѣмъ именно хотѣлъ отмстить ей?» спрашивалъ я самъ себя поминутно и терялся въ разныхъ предположеніяхъ. Я пришелъ наконецъ къ заключенію, что угрозы его были не вздоръ, не фанфаронство и что покаместъ она живетъ съ Алешей, князь дѣйствительно могъ надѣлать ей много неприятностей. Онъ мелочень, мстителень, золь и расчетливъ, думалъ я. Трудно чтобъ онъ могъ забыть оскорбленіе и не воспользоваться какимъ нибудь случаемъ къ отищенію. Во всякомъ случаѣ онъ указалъ мнѣ на одинъ пунктъ во всемъ этомъ дѣлѣ и высказался на счетъ этого пункта довольно ясно: онъ настоятельно требовалъ разрыва Алеши съ Наташей и ожидалъ отъ меня, чтобъ я приготовилъ ее къ близкой разлукѣ и такъ приготовилъ, чтобъ не было «спенъ, пасторалей и шиллеровщины». Разумѣется онъ хлопоталъ всего болѣе о томъ, чтобъ Алеша остался имъ доволенъ и продолжалъ его считать вѣжливѣмъ отцомъ; а это ему было очень нужно для удобнѣйшаго овладѣнія впоследствии Катвиными дѣвками. Итакъ мнѣ пред-

стояло приготовить Наташу къ близкой разлукѣ. Но въ Наташѣ я замѣтилъ сильную переменѣну: прежней откровенности ея со мною и помину не было; мало того, она какъ будто стала со мною недоувѣрчива. Утѣшенія мои ея только мучили; мои распросы все болѣе и болѣе досаждали ей, даже сердили ея. Свѣжу бывало у ней, гляжу на нее: она ходитъ, скрестивъ руки, по комнатѣ изъ угла въ уголъ, мрачная, блѣдная, задумчивая, какъ будто въ забытїи, забывъ даже что и я тутъ, подлѣ нея. Когда же ей случалось взглянуть на меня (а она даже и взглядовъ моихъ избѣгала), то нетерпѣливая досада вдругъ проглядывала въ ея лицѣ и она быстро отворачивалась. Я понималъ, что она сама обдумывала можетъ быть какой нибудь свой собственный планъ о близкомъ, предстоящемъ разрывѣ и могла ли она его безъ боли, безъ горячи обдумывать? А я былъ убѣжденъ, что она уже рѣшилась на разрывъ. Но все-таки меня мучило и пугало ея мрачное отчаянье. Къ тому же, говорить съ ней, утѣшать ея я иногда и не смѣлъ, а потому со страхомъ ожидалъ чѣмъ это все разрѣшится.

Что же касается до ея суроваго и неприступнаго вида со мной, то это меня хоть и безпокоило, хоть и мучило, но я былъ увѣренъ въ сердцѣ моей Наташы: я видѣлъ, что ей очень тяжело и что она была слишкомъ разстроена. Всякое постороннее внимательство возбуждало въ ней только досаду, злобу. Въ такомъ случаѣ особенно внимательство близкихъ друзей, знакомыхъ наши тайны, становится намъ всего досаднѣе. Но я зналъ тоже очень хорошо, что въ послѣднюю минуту Наташа придетъ же ко мнѣ снова и въ моемъ же сердцѣ будетъ искать себѣ облегченія.

О моемъ разговорѣ съ княземъ я разумѣется ей умолчалъ: рассказъ мой только бы взволновалъ и разстроилъ ея еще болѣе. Я сказалъ ей только такъ, мимоходомъ, что былъ съ княземъ у графини и убѣдился, что онъ ужасный подлець. Но она и не спрашивала про него, чему я былъ очень радъ; за то жадно выслушала все, что я рассказалъ ей о моемъ свиданїи съ Катей. Выслушавъ, она тоже ничего не сказала и о ней, но краска покрыла ея блѣдное лицо и весь почти этотъ день она была въ особенномъ волненїи. Я не скрылъ ничего о Катѣ и прямо признался, что даже и на меня Катя произвела прекрасное впечатлѣнїе. Да и къ чему было скрывать? Вѣдь Наташа

угадала бы, что я скрываю и только разсердилась бы на меня за это. А потому я нарочно рассказывала как можно подробно, стараясь предупредить все ее вопросы, тѣмъ болѣе что ей самой, въ ея положеніи, трудно было меня спрашивать: легко ли въ самомъ дѣлѣ подъ видомъ равнодушія выпытывать о совершенствахъ своей соперницы?

Я думаю что она еще не знаетъ, что Алеша, по непремѣнному распоряженію князя, долженъ былъ сопровождать графиню и Катю въ деревню, и затруднился, какъ открыть ей это, чтобъ, по возможности, смягчить ударъ. Но каково же было мое изумленіе, когда Наташа съ первыхъ же словъ остановила меня и сказала, что нечего ее *утѣшать*, что она уже пять дней какъ знаетъ про это.

— Боже мой! вскричала я, да кто же тебѣ сказалъ?

— Алеша.

— Какъ? онъ уже сказалъ?

— Да, и я на все рѣшилась, Ваня, прибавила она, съ такимъ видомъ, который ясно и какъ-то нетерпѣливо предупреждалъ меня, чтобъ я и не продолжалъ этого разговора.

Алеша довольно часто бывалъ у Наташи, но все на минутку; одинъ разъ только просидѣлъ у ней нѣсколько часовъ сряду; но это было безъ меня. Входилъ онъ обыкновенно грустный; смотрѣлъ на нее робко и нѣжно; но Наташа такъ нѣжно, такъ ласково встрѣчала его, что онъ тотчасъ же все забывалъ и развеселялся. Ко мнѣ онъ тоже началъ ходить очень часто, почти каждый день. Правда, онъ очень мучился, но не могъ и минуты пробыть одинъ съ своей тоской и поминутно прибѣгалъ ко мнѣ за утѣшеніемъ.

Что могъ я сказать ему? Онъ упрекалъ меня въ холодности, въ равнодушій, даже въ злобѣ къ нему; тосковалъ, плакалъ, уходилъ къ Катѣ и ужъ тамъ утѣшался.

Въ тотъ день, когда Наташа объявила мнѣ, что знаетъ про отъѣздъ (это было съ недѣлю послѣ разговора моего съ княземъ), онъ вбѣжалъ ко мнѣ въ отчаяніи, обнялъ меня, упалъ ко мнѣ на грудь и зарыдалъ какъ ребенокъ. Я молчалъ и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Я низкій, я подлый человекъ, Ваня, началъ онъ мнѣ: спаси меня отъ меня самого. Я не оттого плачу, что я шизокъ и подлъ, но оттого, что черезъ меня Наташа будетъ несчастна,

Вѣдь я оставляю ее на несчастье... Ваня, другъ мой, скажи мнѣ, рѣши за меня, кого я больше люблю изъ нихъ: Катю или Наташу?

— Этого я не могу рѣшить, Алеша, отвѣчалъ я: тебѣ лучше знать, чѣмъ мнѣ...

— Нѣтъ, Ваня, не то; вѣдь я не такъ глупъ, чтобъ задавать такіе вопросы; но въ томъ-то и дѣло, что я тутъ самъ ничего не знаю. Я спрашиваю себя и не могу отвѣтить. А ты смотришь со стороны и можешь больше моего знаешь... Ну, хоть и не знаешь, то скажи, какъ тебѣ кажется?

— Мнѣ кажется, что Катю ты больше любишь.

— Тебѣ такъ кажется! Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Ты совсѣмъ не угадалъ. Я безпредѣльно люблю Наташу. Я ни за что, никогда не могу ее оставить; я это и Катѣ сказалъ и Катя совершенно со мною согласна. Чтожъ ты молчишь? Вотъ, я видѣлъ, ты сейчасъ улыбнулся. Эхъ Ваня, ты никогда не утѣшалъ меня, когда мнѣ было слишкомъ тяжело, какъ теперь... Прощай!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ чрезвычайное впечатлѣніе въ удивленной Нелли, молча выслушавшей нашъ разговоръ. Она тогда была еще больна, лежала въ постели и принимала лекарство. Алеша никогда не заговаривалъ съ нею и, при посѣщеніяхъ своихъ, почти не обращалъ на нее никакого вниманія.

Черезъ два часа онъ явился снова и я удивился его радостному лицу. Онъ опять бросился ко мнѣ на шею и обнялъ меня.

— Конечно дѣло! вскричалъ онъ: — всѣ недоумѣнія разрѣшены. Отъ васъ я прямо пошелъ къ Наташѣ: я былъ разстроенъ, я не могъ быть безъ нея. Войдя я упалъ передъ ней на колѣни и цѣловалъ ея ноги: мнѣ это нужно было, мнѣ хотѣлось этого; безъ этого я бы умеръ съ тоски. Она молча обняла меня и заплакала. Тутъ я прямо ей сказалъ, что Катю люблю больше ея...

— Чтожъ она?

— Она ничего не отвѣчала, а только ласкала и утѣшала меня, — меня, который ей это сказалъ. Она умѣетъ утѣшать, Иванъ Петровичъ! О, я заплакалъ передъ ней все мое горе, все ей высказалъ. Я прямо сказалъ, что люблю очень Катю, но, что какъ бы я ее не любилъ и кого бы я не любилъ, я все-таки безъ нея, безъ Ната-

ни, обойтись не могу и умру. Да, Ваня, дня не проживу безъ нея, я это чувствую! да! и потому мы рѣшили немедленно съ ней обвѣнчаться; а такъ какъ до отъѣзда нельзя этого сдѣлать, потому что теперь великій постъ и вѣнчать не стануть, то ужъ по пріѣздѣ несмь, а это будетъ къ первому іюня. Отецъ позволитъ, въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія. Что же касается до Кати, то чтожъ такое! Я вѣдь не могу же жить безъ Наташи... Обвѣнчаемся и тоже туда съ ней поѣдемъ, гдѣ Катя...

Бѣдная Наташа! каково было ей утѣшать этого мальчика, сидѣть надъ нимъ, выслушать его признаніе и выдумать ему, наивному эгоисту, для спокойствія его, сказку о скоромъ бракѣ. Алеша дѣйствительно на нѣсколько дней успокоился. Онъ и бѣгалъ къ Наташѣ собственно изъ того, что слабое сердце его не въ силахъ было одно перенести печали. Но все-таки, когда время начало приближаться къ разлукѣ, онъ опять вналъ въ безпокойство, въ слезы и опять прибѣгалъ ко мнѣ и выплакивалъ свою горе. Въ послѣднее время онъ такъ привязался къ Наташѣ, что не могъ ее оставить и на день, не только на полтора мѣсяца. Онъ вполне былъ однакожъ увѣренъ, до самой послѣдней минуты, что оставляетъ ее только на полтора мѣсяца и что по возвращеніи его будетъ ихъ свадьба. Что же касается до Наташи, то она, въ свою очередь, вполне понимала, что вся судьба ея мѣняется, что Алеша ужъ никогда теперь къ ней не воротится, и что такъ тому и слѣдуетъ быть.

День разлуки ихъ наступилъ. Наташа была больна, — блѣдная, съ воспаленнымъ взглядомъ, съ запекшимися губами, изрѣдка разговаривала сама съ собою, изрѣдка быстро и провизгательно взглядывала на меня, не плакала, не отвѣчала на мои распросы и вздрагивала какъ листокъ на деревѣ, когда раздавался звонкій голосъ входившаго Алеша. Она вспыхивала какъ зарево и спѣшила къ нему; судорожно обнимала, цѣловала его, смѣялась... Иногда въ эти минуты она какъ-будто вся перерождалась... Алеша вглядывался въ нее, иногда съ безпокойствомъ спрашивалъ здорова ли она? утѣшалъ, что уѣзжаетъ не на долго, что вотомъ ихъ свадьба. Наташа дѣлала видимыя усилія, перемогала себя и давила свои слезы. Она не плакала передъ нимъ.

Одинъ разъ онъ заговорилъ, что надо оставить ей денегъ на все время его отъѣзда, и чтобъ она не безпокоилась, потому что

отецъ обѣщаль ему дать много на дорогу. Наташа нахмурилась. Когда же мы остались вдвоемъ, я объявилъ, что у меня есть для нея сто-пятьдесятъ рублей, на всякій случай. Она не расспрашивала откуда эти деньги. Это было за два дня до отъѣзда Алеши, и наканунѣ перваго и послѣдняго свиданія Наташи съ Катей. Катя прислала съ Алешей записку, въ которой просила Наташу позволить посѣтить себя завтра; при чемъ писала и ко мнѣ: она просила и меня присутствовать при ихъ свиданіи.

Я непремѣнно рѣшился быть, въ двѣнадцать часовъ (назначенный Катей часъ), у Наташи, не смотря ни на какія задержки; а хлопотъ и задержекъ было много. Не говоря уже о Нелли, въ послѣднее время мнѣ было много хлопотъ у Ихменевыхъ.

Эти хлопоты начались еще недѣлю назадъ. Анна Андревна прислала въ одно утро за мною, съ просьбой, чтобъ я бросилъ все и немедленно спѣшилъ къ ней, по очень важному дѣлу, нетерпящему ни малѣйшаго отлагательства. Прийдя къ ней, я застаю ее одну; она ходила по комнатѣ, вся въ лихорадкѣ отъ волненія и испуга, съ трепетомъ ожидая возвращенія Николая Сергѣевича. По обыкновенію я долго не могъ добиться отъ нея въ чемъ дѣло, и чего она такъ испугалась, а между тѣмъ, очевидно, каждая минута была дорога. Наконецъ, послѣ горячихъ и ненужныхъ дѣлу попрековъ: «зачѣмъ я не хожу и оставляю ихъ какъ спроть, однихъ въ горѣ», такъ что ужь «Богъ знаетъ, что безъ меня происходитъ»? — она объявила мнѣ, что Николай Сергѣичъ, въ послѣдніе три дня, былъ въ такомъ волненіи, «что и описать невозможно».

— Просто на себя не похожъ, говорила она: — въ лихорадкѣ, по ночамъ тихонько отъ меня, на колѣнкахъ передъ образомъ молится, во снѣ бредитъ, а на яву какъ полуумный: «стали вчера ѣсть щи, а онъ ложку подлѣ себя отыскать не можетъ, спросишь его про одно, а онъ отвѣчаетъ про другое. Изъ дому сталъ неминуемо уходить: все по дѣламъ, говорить, ухажу, адвоката видѣть надо; наконецъ сегодня утромъ вперся у себя въ кабинетъ: мнѣ, говорить, нужную бумагу по тяжбному дѣлу надо писать». Ну какую, думаю про себя, тебѣ бумагу писать, когда ложки подлѣ вѣбора не могъ отыскать? Однако въ замочную щелку я подсмотрѣла: сидитъ, пишетъ, а самъ такъ и заливается плачетъ. Какую жъ такую, думаю, дѣловую бумагу такъ пишутъ? али можетъ ему ужь такъ Ихменевку нашу

жалка; стало быть ужь софистъ провала наша Ихменевка! Вотъ думаю я это, а онъ вдругъ вскочилъ изъ за стола, да какъ ударить перомъ по столу, раскраси́лся, глаза сверкають, схватился за фуражку и выходитъ ко мнѣ. Я, говорить, Анна Андревна скоро прійду. Ушолъ онъ, а я тотчасъ же къ его столику письменному; бумагъ у него по нашей тяжбѣ тамъ пропасть такая лежитъ, что ужь онъ мнѣ и прикасаться къ нимъ не позволяетъ. Сколько разъ бывало прошу: «дай ты мнѣ хоть разъ бумаги поднять, я бы пылъ со столика стерла». Куды, закричить, замашеть руками: нетерпѣливый онъ сталъ такой злѣсь въ Петербургѣ, крикунъ. Такъ вотъ я къ столику-то подошла и ищу: которая это бумага, что онъ сейчасъ-то писалъ? потому доподлинно знаю, что онъ ее съ собой не взялъ, а когда вставалъ изъ за стола, то подъ другія бумаги сунулъ. Ну вотъ, батюшка Иванъ Петровичъ, что я нашла, посмотри-ка.

И она подала мнѣ листъ почтовой бумаги, вполовину испи-санный, но съ такими помарками, что въ нихъ мѣстахъ разобрать было невозможно.

Бѣдный старикъ! Съ первыхъ строкъ можно было догадаться, что и къ кому онъ писалъ. Это было письмо къ Наташѣ, къ возлюбленной его Наташѣ. Онъ начиналъ горячо и нѣжно; онъ обращался къ ней съ прощениемъ и звалъ ее къ себѣ. Трудно было разобрать все письмо, написанное нескладно и порывисто, съ безчисленными помарками. Видно только было, что горячее чувство, заставившее его схватить перо и написать вервья, задушевные строки, быстро, послѣ этихъ первыхъ строкъ, переродилось въ другое: Старикъ начиналъ укорять дочь, яркими красками описывалъ ей ея преступленіе, съ негодованіемъ напоминалъ ей о ея упорствѣ, упрекалъ въ безчувственности, въ томъ, что она ни разу, можетъ быть, и не подумала, что сдѣлала съ отцомъ и матерью. За ея гордость опъ грозилъ ей наказаніемъ и проклятіемъ и кончалъ требованіемъ, чтобъ она немедленно и покорно возвратилась домой и тогда, только тогда, можетъ быть, послѣ покорной и примѣрной новой жизни «въ нѣдрахъ семейства», мы рѣшимся простить тебя, писалъ онъ. Видно было, что первоначальное, великодушное чувство свое, онъ, послѣ нѣсколькихъ строкъ, принялъ за слабость, сталъ стыдиться ея, и наконецъ почувствовалъ муки оскорбленной гордости, кончилъ гнѣвомъ и угрозами. Старушка стояла

передо мной, сложа руки и въ страхѣ ожидая, что я скажу объ прочтеніи письма.

Я высказалъ ей все прямо, какъ мнѣ казалось. Именно: что старикъ не въ силахъ болѣе жить безъ Наташи и что положительно можно сказать о необходимости скорого ихъ примиренія; но что однакоже все зависить отъ обстоятельствъ. Я объяснилъ при этомъ мою догадку, что, во первыхъ, вѣроятно дурной исходъ процесса сильно разстроилъ и потрясъ его, не говоря уже о томъ, насколько было уязвлено его самолюбіе торжествомъ надъ нимъ князя и сколько негодованія возродилось въ немъ при такомъ рѣшеніи дѣла. Въ такія минуты душа не можетъ не искать себѣ сочувствія, и онъ еще сильнѣе вспомнилъ о той, которую всегда любилъ больше всего на свѣтѣ. Наконецъ можетъ быть и то: онъ навѣрно слышалъ (потому что онъ слѣдитъ и все знаетъ про Наташу), что Алеша скоро оставляетъ ее. Онъ могъ понять, каково было ей теперь и по себѣ почувствовалъ, какъ необходимо было ей утѣшеніе. Но все-таки онъ не могъ преодолѣть себя, считая себя оскорбленнымъ и униженнымъ дочерью. Ему вѣрно приходило на мысль, что все-таки не она идетъ къ нему первая; что можетъ быть даже она и не думаетъ объ нихъ, и потребности не чувствуетъ къ примиренію. Такъ онъ долженъ былъ думать, заключилъ я мое мнѣніе, и вотъ почему не докончилъ письма и можетъ быть, изъ всего этого, произойдутъ еще новыя оскорбленія, которыя еще сильнѣе почувствуются, чѣмъ первыя и, кто знаетъ, примиреніе можетъ быть еще надолго отложиться...

Старушка плакала, меня слушая. Наконецъ, когда я сказалъ, что мнѣ необходимо сейчасъ же къ Наташѣ и что я опоздалъ къ ней, она вся встрепенулась и объявила, что и забыла о главномъ. Вынимая письмо изъ подъ бумагъ, она нечаянно опрокинула на него чернильницу. Дѣйствительно цѣлый уголокъ былъ залитъ чернилами и старушка ужасно боялась, что старикъ, по этому пятну, узнаетъ, что безъ него перерыли бумаги и что Анна Андревна прочла письмо къ Наташѣ. Ея страхъ былъ реченъ основателемъ: ужъ изъ одного того, что мы знаемъ его тайну, онъ со стыда и досады, могъ продлить свою злобу и изъ гордости упорствовать въ прощеніи.

Но, разсмотрѣвъ дѣло, я уговорилъ старушку: не безво-

пошел. Онъ всталъ изъ-за письма въ такомъ волненіи, что могъ и не помнить всѣхъ обстоятельствъ и теперь, вѣроятно, по-думаетъ, что сама запачкала письмо и забыла объ этомъ. Утѣшивъ такимъ образомъ Анну Амреву, мы осторожно положили письмо на прежнее мѣсто, а я вздумала уходя поговорить съ нею серьезно о Нелли. Мнѣ казалось, что бѣдная брошенная сиротка, у которой мать была тоже проклята своимъ отцомъ, могла бы грустивымъ, трагическимъ рассказомъ о прежней своей жизни и о смерти своей матери тронуть старика и подвигнуть его на великодушныя чувства. Все готово, все созрѣло въ его сердцѣ; тоска по дочери стала уже пересиливать его гордость и оскорбленное самолюбие. Недоставало только толчка, послѣдняго удобнаго случая; и этотъ удобный случай могла бы замѣнить Нелли. Старушка слушала меня съ чрезвычайнымъ вниманіемъ; все лицо ея оживилось надеждою и восторгомъ. Она тотчасъ же стала меня упрекать: зачѣмъ я давно ей этого не сказала; вѣтерпѣливо начала меня расспрашивать о Нелли и кончила торжественнымъ обѣщаніемъ, что сама теперь будетъ просить старика, чтобъ взять въ домъ сиротку. Она уже начала искренно любить Нелли, жалѣла о томъ, что она больна, разсвѣршивала о ней, принудила меня взять для Нелли банку варенья, за которымъ сама побѣжала въ чуланъ; принесла мнѣ вѣтъ цѣлковыхъ, предполагая, что у меня нѣтъ денегъ для доктора, и, когда я ихъ не взяла, едва успокоилась, и утѣшилась тѣмъ, что Нелли нуждается въ платьѣ и бѣльѣ, и что, стало-быть, можно еще ей быть полезною, вслѣдствіе чего стала тотчасъ же перерывать свой сундукъ и раскладывать всѣ свои платья, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя можно было подарить «сироткѣ.»

А я пошелъ къ Наташѣ. Подымаясь на послѣднюю лѣстницу, которая, какъ я уже сказалъ прежде, шла винтомъ, я замѣтилъ у ея дверей человѣка, который хотѣлъ уже было постучаться, но слыша мои шаги приостановился. Наконецъ, вѣроятно послѣ нѣкотораго колебанія, вдругъ оставилъ свое намѣреніе и вступилъ внизъ. Я столкнулся съ нимъ на послѣдней забѣжной ступенькѣ и какою было мое изумленіе когда я узналъ Ихменева. На лѣстницѣ и днѣмъ было очень темно. Онъ прислонился къ стѣнѣ, чтобы дать мнѣ пройти и помню странный блескъ его глазъ; пристально меня разсматривавшихъ. Мнѣ казалось, что онъ

ужасно покраснѣлъ; по крайней мѣрѣ онъ ужасно смѣшался и даже потерялся:

— Эхъ Ваня, да это ты! проговорилъ онъ неровнымъ голосомъ; а я здѣсь къ одному человѣку... къ писарю... все по дѣлу... не давно переѣхалъ... куда-то сюда... да не здѣсь кажется живетъ. Я ошибся. Прощай.

И онъ быстро пустился внизъ по лѣстницѣ.

Я рѣшился до времени не говорить Наташѣ объ этой встрѣчѣ, но непременно сказать ей, тотчасъ же когда она останется одна, по отъѣздѣ Алеши. Въ настоящее же время она была такъ разстроена, что хотя бы и поняла и осмыслила вполне всю силу этого факта, но не могла бы его такъ принять и прочувствовать, какъ впоследствии, въ минуту подавляющей послѣдней тоски и отчаянія. Теперь же минута была не та.

Въ тотъ день я бы могъ сходить къ Икменевымъ и подмывало меня на это, но я не пошелъ. Миѣ казалось, что старику тяжело будетъ смотрѣть на меня: онъ даже могъ подумать, что я нарочно прибѣжалъ вслѣдствіе давишной встрѣчи. Пошелъ я къ нимъ уже на третій день: старикъ былъ грустенъ, но встрѣтилъ меня довольно развязно и все говорилъ о дѣлахъ.

— А что, къ кому это ты тогда ходилъ, такъ высоко, вотъ помнишь, мы встрѣтились, — когда бишь это, — третьяго дня кажется, спросилъ онъ вдругъ, довольно небрежно, но все-таки какъ-то отводя отъ меня свои глаза въ сторону.

— Пріятель одинъ живетъ, отвѣчалъ я, тоже отводя глаза въ сторону.

— А! А я писаря моего искалъ, Астафьева; на этотъ день указали... да ошибся... Ну такъ вотъ я тебѣ про дѣло-то говорилъ: въ сенатѣ рѣшили... и т. д. и т. д.

Онъ даже покраснѣлъ, когда началъ говорить о дѣлѣ.

Я рассказалъ все въ тотъ же день Аннѣ Андревнѣ, чтобы обрадовать старушку, умоляя ее, между прочимъ, не заглядывать ему теперь въ лицо съ особеннымъ видомъ, не вздыхать, не дѣлать намековъ и, однимъ словомъ, ни подъ какимъ видомъ не показывать, что ей извѣстна эта послѣдняя его выходка. Старушка до того удивилась и обрадовалась, что даже сначала ни въ чемъ не повѣрила. Съ своей стороны она рассказала миѣ, что уже намекала Николаю Сергѣичу о сироткѣ, но что онъ промолчалъ, тогда какъ прежде самъ все спрашивалъ взять въ домъ дѣ-

взвук. Мы рѣшили, что завтра она попроситъ его объ этомъ прямо, безъ всякихъ предисловій и намековъ. Но на завтра она ны была въ ужасномъ испугѣ и безмокойствѣ.

Дѣло въ томъ, что Ихменевъ видѣлся утромъ съ чиновникомъ, хлопотавшимъ по его дѣлу. Чиновникъ объявилъ ему, что видѣлъ князя и что князь хоть и оставляетъ Ихменевку за собой, но, «вслѣдствіе некоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ», рѣшается вознаграждать старика и выдать ему десять тысячъ. Отъ чиновника старикъ прямо прибѣжалъ ко мнѣ, ужасно разстроенный; глаза его сверкали бѣшенствомъ. Онъ вызвалъ меня, неизвестно зачѣмъ, изъ квартиры на лѣстницу, и настоятельно сталъ требовать, чтобъ я немедленно шолъ къ князю и передалъ ему вызовъ на дуэль. Я былъ такъ пораженъ, что долго не могъ ничего сообразить. Началъ было его уговаривать. Но старикъ пришелъ въ такое бѣшенство, что съ нимъ сдѣлалось дурно. И бросился къ себѣ за стаканомъ воды; но, воротясь, уже не сталъ Ихменева на лѣстницѣ.

На другой день я отправился къ нему, но его уже не было дома; онъ исчезъ на цѣлыхъ три дня.

На третій день мы узнали все. Отъ меня онъ кинулся прямо къ князю, не засталъ его дома и оставилъ ему записку: въ запискѣ онъ писалъ, что знаетъ о словахъ его, сказанныхъ чиновнику, что считаетъ ихъ себѣ смертельнымъ оскорбленіемъ, а князя низкимъ человѣкомъ, и вслѣдствіе всего этого вызываетъ его на дуэль, предупреждая при этомъ, чтобъ князь не смѣлъ уклоняться отъ вызова, иначе будетъ обезчещенъ публично.

Анна Андревна рассказывала мнѣ, что онъ воротился домой въ такомъ волненіи и разстройствѣ, что даже слегъ. Съ ней былъ очень иѣженъ, но на распросы ея отвѣчалъ мало и видно было, что онъ чего-то ждалъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. На другое утро пришло по городской почтѣ письмо; прочтя его онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Анна Андревна обмерла отъ страха. Но онъ тотчасъ же схватилъ шляпу, пальку и выбѣжалъ вонъ.

Письмо было отъ князя: сухо, коротко и вѣжливо онъ извѣщалъ Ихменева, что въ словахъ своихъ, сказанныхъ чиновнику, онъ никому не обязанъ никакимъ отчетомъ. Что хотя онъ очень сожалѣетъ Ихменева, за проигранный процессъ, но, при всемъ своемъ сожалѣніи, никакъ не можетъ найдти справедливымъ,

чтобъ проигравшій въ тяжбѣ выигралъ право, изъ мщениа, вызывать своего соперника на дуэль; что же касается до «публичнаго безчестія», которымъ ему грозили, то князь просилъ Ихменева не беспокоиться объ этомъ, потому что никакого публичнаго безчестія не будетъ, да и быть не можетъ; что письмо его немедленно будетъ представлено куда слѣдуетъ и что предупреденная воллица навѣрно въ состояніи принять надлежащія мѣры къ обезпеченію порядка и спокойствія.

Ихменевъ съ письмомъ въ рукѣ тотчасъ же бросился къ князю. Князь опять не было дома; но старикъ успѣлъ узнать отъ лакея, что князь теперь вѣрно у графа N. Долго не думая, онъ побѣжалъ къ графу. Графскій швейцаръ остановилъ его, когда уже онъ подымался на лѣстницу. Взбѣшенный до послѣдней степени, старикъ ударилъ его палкой. Тотчасъ же его схватили, вытащили на крыльцо и передали полицейскимъ, которые препроводили его въ часть. Доложили графу. Когда же случившійся тутъ князь, объяснилъ сластолюбивому старичку, что этогъ тотъ самый Ихменевъ, отецъ той самой Натальи Николаивы, (а князь не разъ прислуживалъ графу по *этимъ дѣламъ*), то вельможный старичокъ только засмѣялся и перемѣнилъ гнѣвъ на милость; слѣдано было распоряженіе отпустить Ихменева на всѣ четыре стороны; но выпустили его только на третій день, при чемъ (навѣрно по распоряженію князя) объявили старичку, что самъ князь упросилъ графа его помиловать.

Старикъ воротился домой, какъ безумный, бросился на постель и цѣлый часъ лежалъ безъ движенія; наконецъ пришелся и, къ ужасу Анны Андревны, объявилъ торжественно что *на вѣки* проклинаетъ дочь и лишаетъ ея своего родительскаго благословенія.

Анна Андревна пришла въ ужасъ, но надо было помогать старичку и она, сама чуть не безъ памяти, весь этотъ день и почти всю ночь ухаживала за нимъ, примачивала ему голову укусомъ, обкладывала льдомъ. Съ нимъ былъ жаръ и бредъ. Я оставилъ ихъ уже въ третьемъ часу ночи. Но на утро Ихменевъ всталъ и въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ, чтобъ окончательно взять къ себѣ Нелли. Но о сценѣ его съ Нелли я уже рассказывалъ; эта сцена потрясла его окончательно. Воротясь домой онъ слегъ въ постель. Все это происходило въ Страстную пятницу, — когда было назначено свиданіе Кати и Наташи, наканунѣ отъ-

туда Алеша и Катя изъ Петербурга. На этомъ свиданіи я былъ: оно происходило рано утромъ, еще до прихода къ мнѣ сваришка и до перваго побѣга Нелли.

ГЛАВА IX

Алеша пріѣхалъ еще за часъ до свиданія предупредить Наташу. Я же пришелъ именно въ то мгновеніе, когда коляска Кати остановилась у нашихъ воротъ. Съ Катей была старушка-француженка, которая, послѣ долгихъ упрасиваній и колебаній, согласилась наконецъ сопровождать ее и даже отпустить ее наверхъ къ Наташѣ одну, но не иначе, какъ съ Алешей; сама же осталась дожидаться въ коляскѣ. Катя подозвала меня и, не выходя изъ коляски, попросила вызвать къ ней Алешу. Наташу я засталъ въ слезахъ; и Алеша и она оба плакали. Услышавъ, что Катя уже адѣсь, она встала со стула, отерла слезы и съ волненіемъ стала противъ дверей. Одѣта она была въ это утро вся въ бѣломъ. Темнорусые волосы ея были зачесаны гладко и назади связывались густымъ узломъ. Эту прическу я очень любилъ. Увидавъ, что я остался съ нею, Наташа попросила и меня пойдти тоже на встрѣчу гостямъ.

— До сихъ поръ я не могла быть у Наташи, говорила мнѣ Катя, подымаясь на лѣстницу. — Меня такъ шпиюнали, что ужасъ. М-ме Albert я уговаривала дѣлать двѣ ведѣли, наконецъ то согласилась. А вы, а вы, Иванъ Петровичъ, ни разу ко мнѣ не зашли! Писать я вамъ тоже не могла, да и окоты не было, потому что письмомъ ничего не разъяснишь. А какъ мнѣ надо было васъ видѣть... Боже мой, какъ у меня теперь сердце бьется...

— Лѣстница крутая, отвѣчалъ я...

— Ну да... и лѣстница... а что, какъ вы думаете: не будетъ сердиться на меня, Наташа?

— Нѣтъ, за что же?

— Ну да... конечно за что же, сейчасъ сама увижу; къ чему же и спрашивать?..

Я велъ ее подъ руку. Она даже поблѣднѣла и кажется очень боялась. На послѣднемъ поворотѣ она остановилась перевести духъ, но взглянула на меня и рѣшительно поднялась наверхъ.

Еще разъ она останавливалась въ дверяхъ и шопотомъ да мнѣ: я просто войду и скажу ей, что я такъ въ нее вѣрида, что прѣехала по опасаясь... впрочемъ, чтожъ я разговариваю; вѣдь я увирила, что Наташа благороднѣйшее существо. Не правда ли?

Она вошла робко, какъ виноватая, и пристально взглянула на Наташу, которая тотчасъ же улыбнулась ей. Тогда Катя быстро подошла къ ней, схватила ее за руки и прижалась къ ея губамъ своими пухленькими губками. Затѣмъ, еще ни слова не сказавъ Наташѣ, серьезно и даже строго обратилась къ Алешѣ и попросила его оставить насъ на полчаса однихъ.

— Ты не сердись Алеша, прибавила она: — это я потому, что мнѣ много надо переговорить съ Наташей, объ очень важномъ и о серьезномъ, чего ты не долженъ слышать. Будь же уменъ, поди. А вы, Иванъ Петровичъ, оставайтесь. Вы должны выслушать весь нашъ разговоръ.

— Сядемъ, сказала она Наташѣ по уходѣ Алеши; я такъ, противъ васъ сяду. Мнѣ хочется сначала на васъ посмотреть.

Она сѣла почти прямо противъ Наташи и нѣсколько мгновеній пристально на нее смотрѣла. Наташа отвѣчала ей невольной улыбкой.

— Я уже видѣла вашу фотографію, сказала Катя: — мнѣ показывалъ Алеша.

— Чтожъ, похожа я на портретъ?

— Вы лучше, отвѣтила Катя, рѣшительно и серьезно. — Да я такъ и думала, что вы лучше.

— Право? А я вотъ всматриваюсь на васъ. Какая вы хорошенькая!

— Что вы! Куды мнѣ!.. голубчикъ вы мой! прибавила она, дрожавшей рукою взявъ руку Наташи, и обѣ опять примолкли, всматриваясь другъ въ друга. — Вотъ что, мой ангелъ, прервала Катя: — намъ всего полчаса быть видѣть; m-me Albert и на это едва согласилась, а намъ много надо переговорить... Я хочу... я должна... ну я васъ просто спрошу: очень вы любите Алешу?

— Да, очень.

— А если такъ... если вы очень любите Алешу... то... вы должны любить и его счастье... прибавила она робко и шопотомъ.

— Да, я хочу, чтобъ онъ былъ счастливъ...

— Это такъ... не вотъ въ чемъ вопросъ: состою ли я его счастье? Нѣтъ ли я право такъ говорить, потому что я его у васъ отнимаю. Если вамъ кажется, и вы рѣшите теперь, что съ вами онъ будетъ счастливѣе, то... то...

— Это уже рѣшено, милая Катя, вѣдь вы же сами видите, что все рѣшено, отвѣчала тѣже Наташа и склонила голову. Ей было видимо тяжело продолжать разговоръ.

Катя приготовилась, кажется, на длинное объясненіе на тему: кто лучше составитъ счастье Алени и кому изъ нихъ придется уступить? Но, послѣ отвѣта Наташи, тотчасъ же поняла, что все уже давно рѣшено и говорить больше не объ чемъ. Полураскрывъ свои хорошенькія губки, она съ недоумѣніемъ и съ печалью смотрѣла на Наташу, все еще держа ея руку въ своей.

— А вы его очень любите? спросила вдругъ Наташа.

— Да; и вотъ я тоже хотѣла васъ спросить и вѣхала съ тѣмъ: скажите мнѣ, за что именно вы его любите?

— Не знаю, отвѣчала Наташа и какъ-будто горькое нетерпѣніе послышалось въ ея отвѣтѣ.

— Умень онъ, какъ вы думаете? спросила Катя.

— Нѣтъ, я такъ его, просто люблю.

— И я тоже. Мнѣ его все какъ-будто жалко.

— И мнѣ тоже, отвѣчала Наташа.

— Что съ нимъ дѣлать теперь! И какъ онъ могъ оставить васъ для меня, не понимаю! воскликнула Катя. — Вотъ какъ теперь увидѣла васъ и не понимаю! — Наташа не отвѣчала и смотрѣла въ землю. Катя помолчала немного и вдругъ, поднявшись со стула, тихо обняла ее. Обѣ, обнявъ одна другую, заплакали. Катя сѣла на ручку кресель Наташи, не выпуская ея изъ своихъ объятий и начала цѣловать ея руки.

— Еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю! проговорила она, плача. Будемъ сестрами, будемъ всегда писать другъ другу... а я васъ буду вѣчно любить... я васъ буду такъ любить, такъ любить...

— Онъ вамъ о нашей свадьбѣ, въ июнѣ мѣсяцѣ, говорилъ? спросила Наташа.

— Говорилъ. Онъ говорилъ, что и вы согласны. Вѣдь это все только такъ, чтобъ его утѣшить, не правда ли?

— Конечно.

— Я такъ и поняла. Я буду его очень любить, Наташа, и

вамъ обо всемъ писать. Кажется онъ будетъ теперь скоро мнѣ нуженъ; на то идетъ. И они всё такъ говорятъ. Голубчикъ Наташечка, вѣдь вы войдете теперь... въ нашъ домъ?

Наташа не отвѣчала ей, но молча и крѣпко поцѣловала ее.

— Будьте счастливы! сказала она.

— И... и вы... и вы тоже, проговорила Катя. Въ это мгновеніе отворилась дверь и вошелъ Алеша. Онъ не могъ, онъ не въ силахъ былъ переждать эти полчаса, и увидя ихъ обнявъ въ объятіяхъ другъ у друга и плакавшихъ, весь изнеможенный, страдающій упалъ на колѣна передъ Наташей и Катей.

— Чего же ты-то плачешь? сказала ему Наташа, что разлучаешься со мной? да надолго ли? къ июню вѣдь пріѣдешь?

— И свадьба ваша будетъ тогда, поспѣшила, сквозь слезы, проговорить Катя, тоже въ утѣшеніе Алеши.

— Но я не могу, я не могу тебя и на день оставить, Наташа. Я умру безъ тебя... ты не знаешь какъ ты мнѣ теперь дорога! именно теперь.

— Ну, такъ вотъ какъ ты сдѣлай, сказала, вдругъ оживляясь, Наташа, вѣдь графиня останется хоть сколько-нибудь въ Москвѣ?

— Да, почти недѣлю, подхватила Катя.

— Недѣлю! такъ чегожъ лучше: ты завтра проводишь ихъ до Москвы, — это всего одинъ день, и тотчасъ же пріѣзжай сюда. Какъ имъ надо будетъ выѣзжать изъ Москвы, мы ужь тогда совѣмъ, на мѣсяцъ, простимся и ты воротись въ Москву ихъ провожать.

— Ну такъ, такъ... А вы все-таки, лишникъ четыре дня пробудете вмѣстѣ, вскрикнула восхищенная Катя, обнявшись многозначительнымъ взглядомъ съ Наташей.

Не могу выразить восторга Алеши отъ этого новаго проекта. Онъ вдругъ совершенно утѣшился, его лицо засіяло радостью, онъ обнималъ Наташу, цѣловалъ руки у Кати, обнималъ меня. Наташа съ грустною улыбкою смотрѣла на него, но Катя не могла вынести. Она переглянулась со мной горячимъ, свержающимъ взглядомъ, обняла Наташу и встала со стула, чтобъ ѣхать. Какъ нарочно въ эту минуту сраниженна прислала человѣка съ просьбою окончить свиданіе поскорѣе и что условленные полчаса уже прошли.

Наташа встала. Обѣ стояли одна противъ другой, держась за руки, и какъ будто снѣсь передать взглядомъ все, что скопилось въ душѣ.

— Видь мы ужь больше никогда не увидимся, сказала Катя.

— Никогда Катя, отвѣчала Наташа.

— Ну, такъ простимся. Обѣ обнялись.

— Не проклиняйте меня, прощентала наскоро Катя... а я... всегда... будьте увѣрены... онъ будетъ счастливъ... Пойдемъ Алеша, проводи меня! быстро произнесла она, схватывая его руку.

— Ваня! сказала мнѣ Наташа, взволнованная и измученная, когда они вышли, ступай за ними и ты, и... не приходи назадъ: у меня будетъ Алеша до вечера, до восьми часовъ; а вечеромъ ему нельзя, онъ уйдетъ. Я останусь одна.. Приходи часовъ въ девять. Пожалуйста!

Когда въ девять часовъ, оставивъ Нелли (послѣ разбитой чашки) съ Александрой Семеновной, я пришолъ къ Наташѣ, она уже была одна и съ нетерпѣніемъ ждала меня; Мавра подала намъ самоваръ; Наташа палила мнѣ чаю, сѣла на диванъ и подозвала меня поближе къ себѣ.

— Вотъ и кончилось все, сказала она пристально взглянувъ на меня. Никогда не забуду я этого взгляда.

— Вотъ и кончилась наша любовь. Полгода жизни! И на всю жизнь, прибавила она, сжимая мнѣ руку. Бя рука горѣла. Я сталъ уговаривать ее одѣться потеплѣе и лечь въ постель.

— Сейчасъ, Алеша, сейчасъ мой добрый голубчикъ. Дай мнѣ поговорить и припомнить немного... Я теперь, какъ разбитая... Завтра послѣдній разъ его увижу, въ десять часовъ... *въ послѣдній!*..

— Наташа, у тебя лихорадка, сейчасъ будетъ ознобъ; пожалѣй себя...

— Что же? Ждала я тебя теперь, Ваня, эти полчаса какъ онъ ушолъ, и какъ ты думаешь, объ чемъ думала, объ чемъ себя спрашивала? Спрашивала: любила я его, или не любила, и что это такое была наша любовь? Что тебѣ смѣшно, Ваня, что я объ этомъ только теперь себя спрашиваю?

— Не тревожь себя Наташа...

— Видишь Ваня: вѣдь я рѣшила, что я его не любила какъ ровню, такъ какъ обаятельно женщина любить мужчину.. Я любила его какъ... почти какъ мать. Мнѣ даже кажется, что совѣтъ я не бываю на свѣтѣ такой любви, чтобъ оба другъ друга любили какъ равные, а? Какъ ты думаешь?

Я съ безпокойствомъ смотрѣла на нее и боялся не начнется ли съ ней горячка. Какъ будто что-то увлекало ее; она чувствовала какую-то особенную потребность говорить; нѣмые слова ея были какъ будто безъ связи и даже иногда она плохо выговаривала ихъ. Я очень боялся.

— Онъ былъ мой, продолжала она. — Почти съ первой встрѣчи съ нимъ у меня явилось тогда непреодолимое желаніе чтобъ онъ былъ *мой*, поскорѣй *мой* и чтобъ онъ ни на кого не глядѣлъ, ни чего и не зналъ, кромѣ меня, одной меня... Катя, девочка, хорошо сказала: я именно любила его такъ, какъ будто мнѣ все время было отчего-то его жалко... Было у меня всегда непреодолимое желаніе, даже мученіе, когда я оставалась одна, о томъ, чтобъ онъ былъ ужасно и вѣчно счастливъ. На его лицо (ты вѣдь знаешь выраженіе его лица Ваня) я спокойно смотрѣть не могла; такого выраженія ни у *кого не бываетъ*, а засмѣется онъ, такъ у меня холодъ и дрожь была... Право!..

— Наташа, послушай...

— Вотъ говорили, перебила она, — да и ты впрочемъ говорилъ, — что онъ безъ характера и... и умомъ не далекъ, какъ ребенокъ. Ну, а я это-то въ немъ и любила больше всего... вѣришь ли этому? Не знаю впрочемъ любила ли именно одно это: такъ, просто, всего его любила, и будь онъ хоть чѣмъ-нибудь другой, съ характеромъ, иль умнѣе, я бы можетъ и не любила его такъ. Знаешь, Ваня, я тебѣ признаюсь въ одномъ: помнишь у насъ была ссора, три мѣсяца назадъ, когда онъ былъ у той, какъ ее, у этой Минны... я узнала, выслѣдила, и вѣришь ли: мнѣ ужасно было больно, а въ тоже время какъ будто и пріятно... не знаю почему... одна ужъ мысль, что онъ тѣшится... или нѣтъ не то: что онъ тоже, какъ *большой* какой-нибудь, вмѣстѣ съ другими *большими* по красотамъ раздѣляется, тоже къ Миннѣ поѣхалъ! Я... Какое наслажденіе было мнѣ тогда въ этой ссорѣ; а потомъ простить его... о шилый!

Она взглянула мнѣ въ лицо и какъ-то странно разсмѣялась. Потомъ какъ-будто задумалась, какъ-будто все еще приноси-

нала. И долго сидѣла она такъ, съ улыбкой на губахъ, вдумываясь въ прошедшее.

— Я ужасно любила его прощать, Ваня, продолжала она, и знаешь что, когда онъ оставлялъ меня одну я хожу бывало не помнить мучилось, плачу, а сама иногда подумаю: чѣмъ виноватѣе онъ передо мной, тѣмъ вѣдь лучше... да! И знаешь: мнѣ всегда представлялось, что онъ какъ-будто такой маленькой мальчишкѣ; я сижу, а онъ положилъ ко мнѣ на колѣни голову, заснулъ, а я его тихонько по головкѣ глажу, ласкаю... Всегда такъ воображала о немъ, когда его со мной не было... Печальной, Ваня, прибавила она вдругъ: — какая это прелесть Катя!

Мнѣ показалось, что она сама нарочно растравляетъ свою рану, чувствуя въ этомъ какую-то потребность, — потребность отчаянія, страданій... И такъ часто бываетъ это съ сердцемъ, много потерявшимъ!

— Катя, мнѣ кажется, можетъ его сдѣлать счастливымъ, продолжала она. Она съ характеромъ и говоритъ, какъ-будто такая убѣжденная, и съ нимъ она такая серьезная, важная, — все обильныхъ вещахъ говоритъ, точно большая. А сама-то, сама-то — настоящій ребенокъ! Милочка, милочка! О! пусть они будутъ счастливы! пусть, пусть, пусть!..

И слезы, рыданія, вдругъ, разомъ такъ и хлынули изъ ея сердца. Цѣлыхъ полчаса она не могла прийти въ себя и хотя сколько нибудь успокоиться.

Милый ангелъ Наташа! Еще въ этотъ же вечеръ, не смотри на свое горе, она смогла таки принять участіе и въ моихъ заботахъ, когда я, видя что она немножко успокоилась или лучше сказать устала, и думая развлечь ее, рассказалъ ей о Нелли... Мы разстались въ этотъ вечеръ повдвое, я дождался, пока она заснула, и, уходя, просилъ Мавру не отходить отъ своей больной госпожи всю ночь.

— О поскорѣе, поскорѣе! восклицалъ я, возвращаясь домой, — поскорѣе конецъ этимъ мукамъ! хоть чѣмъ нибудь, хоть какъ нибудь, но только скорѣе, скорѣе!

На утро, ровно въ десять часовъ, я уже былъ у нея. Въ одно время со мной приѣхалъ и Алеша... прощаться. Не буду говорить, не хочу вспоминать объ этой сценѣ. Наташа какъ-будто дала себѣ слово скрывать себя, казаться веселѣе, рав-

недущице, но не могла. Она обняла Алешу судорожно, криком. Мало говорила съ нимъ, но глядѣла на него долго, пристально, мученическимъ и словно безумнымъ взглядомъ. Жадно вслушивалась въ каждое слово его и кажется ничего не понимала изъ того, что онъ ей говорилъ. Помню онъ просилъ простить ему, простить ему и любовь эту и все чѣмъ онъ оскорблялъ ее въ это время, свои измѣны, свою любовь къ Катѣ, отъѣздъ... Онъ говорилъ безсвязно, слезы душили его. Иногда онъ вдругъ принимался утѣшать ее, говорилъ что ѣдетъ только на мѣсяць, или много что на пять недѣль, что прѣдетъ лѣтомъ, тогда будетъ ажъ свадьба и отецъ согласится и, наконецъ, главное, что вѣдь онъ послѣ завтра прѣдетъ изъ Москвы, и тогда цѣлыхъ четыре дни они еще пробудутъ вмѣстѣ и что, стало-быть, теперь расстанутся на одинъ только день.

Странное дѣло: самъ онъ былъ вполне увѣренъ, что говорить правду и что непременно послѣ завтра воротится въ Москву... Чего же самъ онъ такъ плакалъ и мучился?

Наконецъ часы пробили одиннадцать. Я насилу могъ уговорить его ѣхать. — Московскій поѣздъ отправлялся ровно въ двѣнадцать. Оставался одинъ часъ; его вѣрно ждали. Наташа мнѣ сама потомъ говорила, что не помнить какъ она послѣдній разъ взглянула на него. Помню что она нерекрестила его, поцѣловала и закрывъ руками лицо бросилась назадъ въ комнату. Мнѣ же надо было проводить Алешу до самаго экипажа, иначе онъ непременно бы воротился и никогда бы не сошелъ съ лѣстницы.

— Вся надежда на васъ, говорилъ онъ мнѣ, сходя внизъ. — Другъ мой, Ваня! Я передъ тобой виноватъ и никогда не могъ заслужить твоей любви, но будь мнѣ до конца братомъ: люби ее, не оставляй ее, пиши мнѣ обо всемъ, обо всемъ, какъ можно подробно и мельче, какъ можно мельче пиши, чтобъ больше уписалось. Послѣ завтра я здѣсь опять, непременно, непременно! Не потому, когда я уѣду, пиши!

Я посадилъ его на дрожки. — До послѣ завтра! закричалъ онъ мнѣ съ дороги, — Непременно!

Съ замиравшимъ сердцемъ, воротился я на верхъ, къ Наташѣ. Она стояла посреди комнаты, скрестивъ руки, и въ недоумѣннѣ на меня посмотрѣла, точно не узнавала меня. Волосы ея сбились какъ-то на сторону; взглядъ былъ мутный и

блуждающій. Мавра, какъ потерянная, стояла въ дверяхъ, со страхомъ смотря на нее.

Вдругъ глаза Наташи засверкали :

— А! Это ты! ты! вскричала она на меня. — Только ты одинъ теперь остался. Ты его ненавидѣлъ! Ты никогда ему не могъ простить, что я его полюбила.. Теперь ты опять при мнѣ! Чтожь? опять *утѣшать* пришолъ меня, уговаривать, чтобъ я шла къ отцу, который меня бросилъ и проклялъ. Я такъ и знала еще вчера, еще за два мѣсяца!.. Не хочу, не хочу! Я сама проклинаю ихъ!.. Поди прочь, я не могу тебя видѣть! Прочь, прочь!

Я понялъ, что она въ изступленіи и что мой видъ возбуждаетъ въ ней гнѣвъ до безумія, понялъ, что такъ и должно было быть, и разсудилъ лучше выйти. Я сѣлъ на лѣстницѣ, на первую ступеньку, и — ждалъ. Иногда я подымался, отворялъ дверь, подзывалъ къ себѣ Мавру и спрашивалъ ее; Мавра плакала.

Такъ прошло часа полтора. Не могу изобразить, что я вынесъ въ это время. Сердце замирало во мнѣ и мучилось отъ безпредѣльной боли. Вдругъ дверь отворилась и Наташа выбѣжала на лѣстницу, въ шляпкѣ и бурнусѣ. Она была какъ въ безпамятствѣ и сама потомъ говорила мнѣ, что едва помнить это и не знаетъ куда и съ какимъ намѣреніемъ она хотѣла бѣжать.

Я не успѣлъ еще вскочить съ своего мѣста и куда нибудь отъ нея спрятаться, какъ вдругъ она меня увидала, и какъ пораженная остановилась передо мной безъ движенія. Мнѣ вдругъ припомнилось, говорила она мнѣ потомъ, что я, безумная, жестокая, могла выгнать тебя, тебя моего друга, моего брата, моего спасителя! И какъ увидѣла, что ты бѣдный, обиженный мною, сидишь у меня на лѣстницѣ, не уходишь и ждешь, пока я тебя опять позову, — Боже! Еслибъ ты зналъ Ваня, что тогда сомной стало! Какъ будто въ сердце мнѣ что-то вонзили...

— Ваня! Ваня! закричала она, протягивая мнѣ руки, — ты здѣсь!.. и упала въ мои объятія.

Я подхватилъ ее и понесъ въ комнату. Она была въ обморокѣ. Что дѣлать! думалъ я. Съ ней будетъ горячка, это на-вѣрно!

Я рѣшился бѣжать къ доктору; надо было захватить болѣзнь. Съѣздить же можно было скоро; до двухъ часовъ мой старикъ-

«Меня обижено сидѣлъ дома. Я побѣждалъ къ нему, умоляя Мавру ни на минуту, ни на секунду не уходить отъ Наташи и не пускать ее никуда. Богъ мнѣ помогъ: еще бы немного и я бы не засталъ моего старика дома. Онъ встрѣтился уже мнѣ на улицѣ, когда выходилъ изъ квартиры. Мигомъ я посадилъ его на моего извозчика, такъ что онъ еще не успѣлъ удивиться и мы пустились обратно къ Наташѣ.

— Да, Богъ мнѣ помогъ! Въ полчаса моего отсутствія случилось у Наташи такое превѣщенье, которое бы могло совсѣмъ убить ее, еслибы мы съ докторомъ не подоспѣли во время. Не прошло и четверти часа послѣ моего отъѣзда, какъ вошелъ князь. Онъ только что проводилъ своихъ и явился къ Наташѣ прямо съ желѣзной дороги. Этотъ визитъ, вѣроятно, уже давно былъ рѣшенъ и обдуманъ имъ. Наташа сама рассказывала мнѣ потомъ, что въ первое мгновеніе она даже и не удивилась князю. «Мой умъ мѣшался», говорила она.

Онъ сѣлъ противъ нея, глядя на нее ласковымъ, соболѣзующимъ взглядомъ.

— Милая моя, сказалъ онъ вздохнувъ, — я понимаю ваше горе; я зналъ, какъ будетъ тяжела вамъ эта минута, и потому положилъ себѣ за долгъ посѣтить васъ. Утѣштесь, если можете, хотя той мыслью, что, отказавшись отъ Алеши, вы составили его счастье. Но вы лучше меня это понимаете, потому что рѣшились на великодушный подвигъ...

Я сидѣла и слушала, рассказывала мнѣ Наташа, но сначала право какъ будто не понимала его. Помню только что пристально, пристально глядѣла на него. Онъ взялъ мою руку и началъ пожимать ее въ своей. Это ему кажется было очень пріятно. Я же до того была не въ себѣ, что и не подумала вырвать у него мою руку.

— Вы поняли, продолжалъ онъ, — что, сдѣлавшись женою Алеши, могли возбудить въ немъ, впоследствии, къ себѣ ненависть и у васъ достало благородной гордости, чтобъ сознать это и рѣшиться... но, — вѣдь не хвалить же я васъ пріѣхалъ. Я хотѣлъ только заявить предъ вами, что никогда и нигдѣ не найдете вы лучшаго друга, какъ я. Я вамъ сочувствую и жалѣю васъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ я принималъ невольное участіе, но — я исполнилъ свой долгъ. Ваше прекрасное сердце пойметъ это и примирится съ мной... А мнѣ было тяжело вашего; поверьте!

— Довольно, князь, сказала Наташа. — Оставьте меня в покое.

— Непременно, я уйду скоро, отвѣчалъ онъ, — но я люблю васъ, какъ дочь свою, и вы позволите мнѣ посѣщать себя. Смотрите на меня теперь какъ на вашего отца и позволяйте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

— Мнѣ ничего не надо, оставьте меня, прервала опять Наташа.

— Знаю, вы горды... Но я говорю искренно, отъ сердца. Что нахвосту вамъ теперь дѣлать? Помирится съ родственниками? Доброе бы оно дѣло, но вашъ отецъ несправедливъ, гордъ и деспотъ; простите меня, но это такъ. Въ вашемъ домѣ вы встрѣтите теперь одни попреки и новыя мученія... Но однакоже надо, чтобъ вы были независимы, а моя обязанность, мой священный долгъ — заботиться теперь о васъ и помогать вамъ. Алеша умолялъ меня не оставлять васъ и быть вашимъ другомъ.. Но и кромѣ меня есть люди вамъ глубоко преданные. Вы мнѣ, вѣроятно, позволите представить вамъ графа N. Онъ съ превосходнымъ сердцемъ, родственникъ вашъ и даже, можно сказать, благодѣтель всего нашего семейства; онъ много сдѣлалъ для Алеши. Алеша очень уважалъ и любилъ его. Онъ очень сильный человекъ, съ большимъ вліяніемъ, уже старичокъ, и принимать его вамъ, дѣвицѣ, можно. Я ужъ говорилъ ему про васъ. Онъ можетъ пристроить васъ и, если захотите, доставитъ вамъ превосходное мѣсто... у одной изъ своихъ родственницъ. Я давно уже, прямо и откровенно, объяснилъ ему все наше дѣло и онъ до того увлекся своимъ добрымъ и благороднѣйшимъ чувствомъ, что даже самъ спрашиваетъ меня теперь какъ можно скорѣе представиться вамъ... Это человекъ сочувствующій всему прекрасному, повѣрьте мнѣ, — щедрый, почтенный старичокъ, способный цѣнить достоинство и еще даже, недавно, благороднѣйшимъ образомъ обошелся съ вашимъ отцомъ, въ одной исторіи.

Наташа приподнялась какъ уязвленная. Теперь она уже понимала его.

— Оставьте меня, оставьте сейчасъ же! закричала она.

— Но, мой другъ, вы забываете: графъ можетъ быть полезенъ и вашему отцу...

— Мой отецъ ничего не возьметъ отъ васъ. Оставьте да вы меня! закричала еще разъ Наташа.

— О Боже, какъ вы нетерпѣливы и недоуѣрчивы! Чѣмъ заслужилъ я это, произнесъ князь, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ осматриваясь кругомъ: — во всякомъ случаѣ вы позволите мнѣ, продолжалъ онъ, вынимая большую пачку изъ кармана: — вы позволите мнѣ оставить у васъ это доказательство моего не имѣя участія и въ особенности участія графа N, побудившаго меня своимъ совѣтомъ. Здѣсь, въ этомъ пакетѣ, десять тысячъ рублей. Подождите мой другъ, подхватилъ онъ, видя что Наташа съ гнѣвомъ поднялась съ своего мѣста: — выслушайте терпѣливо все: вы знаете, отецъ вашъ проигралъ мнѣ тажбу и эти десять тысячъ послужатъ вознагражденіемъ, которое...

— Прочь, закричала Наташа, прочь съ этими деньгами! Я васъ вижу насквозь... о низкій, низкій, низкій человѣкъ!

Князь поднялся со стула, блѣдный отъ злости...

Вѣроятно онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ оглядѣть мѣстность, разузнать положеніе и, вѣроятно, крѣпко рассчитывалъ на дѣйствіе этихъ десяти тысячъ рублей передъ нищею и оставленною всѣми Наташей... Низкій и грубый, онъ не разъ подслуживался графу N, сластолюбивому старику, въ такого рода дѣлахъ. Но онъ ненавидѣлъ Наташу, и догадавшись, что дѣло не пошло на ладъ, тотчасъ же перемѣнилъ тонъ и съ злою радостию поспѣшилъ оскорбить ее, чтобъ *не уходитъ, по крайней мѣрѣ, даромъ*:

— Вотъ ужъ это и нехорошо, моя милая, что вы такъ горячитесь, произнесъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, отъ нетерпѣливаго наслажденія видѣть поскорѣе эффектъ своей обиды: — вотъ ужъ это и нехорошо. Вамъ предлагаютъ покровительство, а вы подымаете носикъ... А того и не знаете, что должны быть мнѣ благодарны, потому что уже давно могъ бы я посадить васъ въ смирительный домъ, какъ отецъ развращаемаго вами молодого человѣка, котораго вы обирали, да вѣдь не сдѣлалъ же этого... хе, хе, хе, хе!

Но мы уже входили. Услышавъ еще изъ кухни голоса, я остановилъ на одну секунду доктора и вслушался въ послѣднюю фразу князя. Затѣмъ раздался отвратительный хохотъ его и отрадное восклицаніе Наташи: «О Боже мой!» Въ эту минуту я отворилъ дверь и бросился на князя.

Я плюнулъ ему въ лицо и всею всею силой ударилъ его по щекѣ. Онъ хотѣлъ было броситься на меня, но, увидѣвъ, что

насъ двое, впустился бѣжать, схвативъ сначала со стола свою пачку съ деньгами. Да, онъ сдѣлалъ это; я самъ видѣлъ. Я бросилъ ему въ дюгонку скалкой, которую схватилъ въ кухнѣ, на столѣ. Вбѣжавъ опять въ комнату, я увидѣлъ, что докторъ удерживалъ Наташу, которая билась и рвалась у него изъ рукъ, какъ въ придакъ. Долго мы не могли успокоить ее; наконецъ, ванъ удалось уложить ее въ постель; она была какъ въ горячешномъ бреду.

— Докторъ, докторъ! что съ ней! спросилъ я, замирая отъ страха.

— Подождите, отвѣчалъ онъ: — надо еще приглядѣться къ болѣзни и потомъ уже сообразить... но, вообще говоря, дѣло очень не хорошо. Можетъ кончиться даже горячкой... Впрочемъ, мы примемъ мѣры...

Но меня уже остигла другая мысль. Я умолилъ доктора остаться съ Наташей еще на два или на три часа, и ваялъ съ него слово не уходить отъ нея ни на одну минуту. Онъ далъ мнѣ слово, и я побѣжалъ домой.

Нелли сидѣла въ углу, угрюмая и встревоженная, и странно поглядѣла на меня. Должно быть, я и самъ былъ страненъ.

Я схватилъ ее на руки, сѣлъ на диванъ, посадилъ къ себѣ на колѣни и горячо поцѣловалъ ее. Она всхлинула.

— Нелли, ангелъ! сказала я: — хочешь ли ты быть нашимъ спасеніемъ? хочешь ли спасти всѣхъ насъ?

Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— Нелли! вся надежда теперь на тебя! Есть одинъ отецъ: ты его видѣла и знаешь; онъ проклялъ свою дочь и вчера приходилъ просить тебя къ себѣ вмѣсто дочери. Теперь ее, Наташу (а ты говорила, что любишь ее!), оставилъ тотъ, котораго она любила и для котораго ушла отъ отца. Онъ сынъ того князя, который пріѣзжалъ, помнишь, вечеромъ ко мнѣ, и засталъ еще тебя одну, а ты убѣжала отъ него и потомъ была больна... Ты, вѣдь знаешь его? Онъ злой человѣкъ!

— Знаю, отвѣчала Нелли, вздрогнула и поблѣднѣла.

— Да, онъ злой человѣкъ. Онъ ненавидѣлъ Наташу за то что его сынъ, Алеша, хотѣлъ на ней жениться. Сегодня уѣхалъ Алеша, а черезъ часъ его отецъ уже былъ у ней и оскорбилъ ее, и грозилъ ее посадить въ смиренный домъ и смѣялся надъ ней. Понимаешь меня, Нелли?

Черные глаза ее сверкнули, но она тотчас же мать опустила.

— Не понимаю, прошептала она чуть слышно.

— Теперь Наташа одна, больная; я оставил ее съ шашки докторомъ, а самъ приближалъ къ тебѣ. Слушай, Нелли: пойдешь къ отцу Наташи; ты его не любишь, ты къ нему не хотѣла идти, но теперь пойдешь къ нему вмѣстѣ. Мы войдемъ, и я скажу, что ты теперь хочешь быть у нихъ вмѣстѣ дочери, вмѣстѣ Наташа. Старикъ теперь боленъ; потомучто проклялъ Наташу, и потомучто отецъ Алеши еще на дняхъ смертельно оскорбилъ его. Онъ не хочетъ и слушать теперь про дочь, но онъ ее любитъ, любитъ, Нелли, и хочетъ съ ней примириться; я знаю это, и все это знаю! это такъ!.. Слышишь ли, Нелли?

— Слышу, произнесла она тѣмъ же шепотомъ. Я говорила ей, обливаясь слезами. Она робко заглядывала на меня.

— Вѣришь ли этому?

— Вѣрю.

— Ну такъ я войду съ тобой, посажу тебя, и тебя примутъ, обласкаютъ и начнутъ спрашивать. Тогда я самъ такъ подведу разговоръ, что тебя начнутъ спрашивать о томъ, какъ ты жила прежде: о твоей матери и о твоихъ дѣдушкѣ. Расскажи имъ Нелли все такъ, какъ ты мнѣ рассказывала. Все, все расскажи, просто и ничего не утаивая. Расскажи имъ, какъ твою мать оставилъ злой человекъ, какъ она ушарала въ подвалѣ у Бубиной, какъ вы съ матерью вмѣстѣ ходили по улицамъ и просили милостыню; что говорила она тебѣ и о чемъ просила тебя, умирая... Расскажи тутъ же и про дѣдушку. Расскажи, какъ онъ не хотѣлъ прощать твою мать, и какъ она посылала тебя къ нему въ свой предсмертный часъ, чтобъ онъ пришолъ къ ней простить ее и какъ онъ не хотѣлъ... и какъ она умерла. Все, все расскажи! И какъ расскажешь все это, то старикъ почувствуетъ все это и въ своемъ сердцѣ. Онъ вѣдь знаетъ, что сегодня бросилъ ее Алеша, и она осталась униженная и поруганная, одна, безъ помощи и безъ защиты, на поруганіе своему врагу. Онъ все это знаетъ... Нелли! спаси Наташу! Хочешь ли ѣхать?

— Да, отвѣчала она, тяжело переводя духъ и какимъ-то страннымъ взглядомъ, пристально и долго посматривая на меня; что-то похожее на укоръ было въ этомъ взглядѣ, и я почувствовалъ это въ моемъ сердцѣ.

Но я не могъ оставить мою мысль. Я слишкомъ вѣрилъ въ веру. Я схватидъ за руку Нелли, и мы вышли. Былъ уже третій часъ по полудни, Находила туча. Все послѣднее время погода стояла жаркая и удушливая, но теперь послышался, гдѣ-то далеко, первый, ранній весенній громъ. Вѣтеръ пронесся по пыльнымъ улицамъ.

Мы сѣли на извозчика. Всю дорогу Нелли молчала, взрѣдка только взглядывала на меня все тѣмъ же страннымъ и загадочнымъ взглядомъ. Грудь ея волновалась, и, придерживая ее на дрожжахъ, я слышалъ, какъ въ моей ладони колотилось ея маленькое сердечко, какъ-будто хотѣло выскочить вонъ.

ГЛАВА X

Дорога мнѣ казалась безконечною. Наконецъ мы пріѣхали, и я вошелъ къ моимъ старикамъ съ замираніемъ сердца. Я не зналъ какъ выйду изъ ихъ дома, но зналъ, что мнѣ, во чтобы то ни стало, надо выйти съ прощеніемъ и примиреніемъ.

Былъ уже четвертый часъ. Старики сидѣли одни, по обыкновенію. Николай Сергѣичъ былъ очень разстроены и боленъ и полулежалъ, протянувшись въ своемъ покойномъ креслѣ, блѣдный и взнеможенный, съ головой, обвязанной платкомъ. Анна Андревна сидѣла возлѣ него, взрѣдка примечивала ему виски уксусомъ и безвреднѣе, съ пытливымъ и страдальческимъ видомъ, заглядывала ему въ лицо, что, кажется, очень безопасно старика и даже досаждало ему. Онъ упорно молчалъ, она не смѣла заговорить. Нашъ внезапный пріѣздъ поразилъ ихъ обоихъ. Анна Андревна что-то вдругъ испугалась, увидя меня съ Нелли, и въ первые минуты смотрѣла на насъ такъ, какъ-будто въ чемъ-нибудь вдругъ почувствовала себя виноватою.

— Вотъ я приѣзжъ къ вамъ мою Нелли, сказала я, входя. — Она надумалась, и теперь сама захотѣла къ вамъ, Примите и полюбите...

Старикъ подозрительно взглянулъ на меня и уже до одному этому взгляду можно было угадать, что ему все извѣстно, то есть что Наташа теперь уже одна, оставлена, брошена, и можетъ быть уже оскорблена. Ему очень хотѣлось проникнуть въ тайну нашего прибытія, и онъ вопросительно смотрѣлъ на меня и

на Нелли. Нелли дрожала, крѣпко сжимая своей рукой мою, смотрѣла въ землю и изрѣдка только бросала кругомъ себя пугливый взглядъ, какъ пойманный звѣрокъ. Но скоро Анна Андревна опомнилась и догадалась: она такъ и кинулась къ Нелли, поцѣловала ее, приласкала, даже заплакала и съ нѣжностью усадила ее возлѣ себя, не выпуская изъ своей руки ея руку. Нелли съ любопытствомъ и съ какимъ-то удивленіемъ оглядѣла ее искоса.

Но, обласкавъ и усадивъ Нелли подлѣ себя, старушка уже и не знала больше что дѣлать и съ наивнымъ ожиданіемъ стала смотрѣть на меня. Старикъ поморщился, чуть ли не догадавшись для чего я привелъ Нелли. Увидѣвъ, что я замѣчаю его недовольную мину и нахмуренный лобъ, онъ поднесъ къ головѣ свою руку и сказалъ мнѣ отрывисто:

— Голова болить, Ваня.

Мы все еще сидѣли и молчали; я обдумывалъ что начать. Въ комнатѣ было сумрачно; надвигалась черная туча и вновь послышался отдаленный раскатъ грома.

— Громъ-то; какъ рано въ эту весну, сказалъ старикъ. — А вотъ въ тридцать седьмомъ году, помню, въ нашихъ мѣстахъ, былъ еще ранше.

Анна Андревна вздохнула.

— Не поставитъ ли самоварчикъ, робко спросила она, но никто ей не отвѣтилъ, и она опять обратилась къ Нелли.

— Какъ тебя, моя голубушка, звать? спросила она ее.

Нелли слабымъ голосомъ назвала себя и еще больше потупилась. Старикъ пристально поглядѣлъ на нее.

— Это Елена, что ли? продолжала, оживляясь, старушка.

— Да, отвѣчала Нелли, и опять послѣдовало минутное молчаніе.

— У сестрицы Прасковьи Андревны была племянница Елена, проговорилъ Николай Сергѣвичъ: — тоже Нелли звали. Я помню.

— Чтожъ у тебя, голубушка, ни родныхъ, ни отца, ни матери нѣту? спросила опять Анна Андревна.

— Нѣтъ, отрывисто и пугливо прошептала Нелли.

— Слышала я это, слышала. А давно ли матушка твоя померла?

— Недавно.

— Голубчикъ ты мой, сироточка, продолжала старушка, жалостливо на нее поглядывая. Николай Сергѣичъ въ нетерпѣніи барабанилъ по столу пальцами.

— Матушка-то твоя изъ иностранокъ, что ли была; такъ, что ли вы рассказывали, Иванъ Петровичь? продолжались робкіе распросы старушки.

Нелли бѣгло взглянула на меня своими черными глазами, какъ-будто призывая меня на помощь. Она какъ-то не ровно и тяжело дышала.

— У ней, Анна Андревна, началъ я: — мать была дочь англичанина и русской, такъ что скорѣе была русская; Нелли же родилась за границей.

— Какже ея матушка-то съ супругомъ своимъ за границу поѣхала?

Нелли вдругъ вся вспыхнула. Старушка мигомъ догадалась, что обмолвилась и вздрогнула подъ гнѣвнымъ взглядомъ старика. Онъ строго посмотрѣлъ на нее и отворотился было къ окну.

— Ея мать была дурнымъ и подлымъ человѣкомъ обманута, произнесъ онъ, вдругъ обращаясь къ Аннѣ Андревнѣ. — Она уѣхала съ нимъ отъ отца и передала отцовскія деньги любовнику; а тотъ, выманилъ ихъ у нея обманомъ, завезъ за границу, обокралъ и бросилъ. Одинъ добрый человѣкъ ее не оставилъ и помогалъ ей до самой своей смерти. А когда онъ умеръ, она, два года тому назадъ, воротилась назадъ къ отцу? Такъ что ли ты рассказывалъ, Ваня? спросилъ онъ отрывисто.

Нелли въ величайшемъ волненіи встала съ мѣста и хотѣла было идти къ дверямъ.

— Поди сюда Нелли, сказалъ старикъ, протягивая наконецъ ей руку. — Сядь здѣсь, сядь возлѣ меня, вотъ тутъ, — сядь! Онъ нагнулся, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо началъ гладить ее по головкѣ. Нелли такъ вся и затрепетала... но сдержала себя. Анна Андревна въ умилени, съ радостною надеждою смотрѣла какъ ея Николай Сергѣичъ приголубилъ, наконецъ, сиротку.

— Я знаю, Нелли, что твою мать погубилъ злой человѣкъ, злой и безнравственный, но знаю тоже, что она отца своего любила и почитала, съ волненіемъ произнесъ старикъ, продолжая

гладить Нелли по головкѣ, и не стерпѣвъ, чтобы не бросить намъ въ эту минуту этотъ выдохъ. Держая краску покрывала его блѣдыя щеки; но онъ старался не заглядывать на насъ.

— Мамаша любила дѣдушку большо, чѣмъ ее дѣдушка любилъ, ребко, но твердо проговорила Нелли, тоже стараясь ни на кого не взглянуть.

— А ты почему это знаешь? рѣзко спросилъ старикъ, но вы державъ какъ ребенка, и какъ будто самъ стыдился своего нетерпѣнія.

— Знаю, отрывисто отвѣтила Нелли. Онъ не принялъ нашу тушку и... прогналъ ее...

Я видѣлъ, что Николаю Сергѣичу хотѣлось было что-то сказать, возразить, сказать напримѣръ, что старикъ за дѣло не принималъ дочь, но онъ заглядѣлъ на насъ и смолчалъ.

— Какъ же, гдѣ же вы жили-то, когда дѣдушка васъ не принималъ? спросила Анна Андревна, въ которой вдругъ родилось упорство и желаніе продолжать именно на эту тему.

— Когда мы уѣхали, то долго отыскивали дѣдушку, отвѣчала Нелли, — но никакъ не могли отыскать. Мамаша мнѣ и сказала тогда, что дѣдушка былъ прежде очень богатый и фабрику хотѣлъ строить, а что теперь онъ очень бѣдный, потому что тотъ, съ кѣмъ мамаша уѣхала, взялъ у ней всѣ дѣдушкины деньги и не отдалъ ей. Она мнѣ это сама сказала...

— Ги... отозвался старикъ.

— И она говорила мнѣ еще, продолжала Нелли, все болѣе и болѣе оживляясь и какъ будто желая возразить Николаю Сергѣичу, но обращаясь къ Аннѣ Андревнѣ, — она мнѣ говорила, что дѣдушка на нее очень сердитъ и что она сама во всемъ передъ нимъ виновата, и что нѣтъ у ней теперь на всей землѣ никого кромѣ дѣдушки. И когда говорила мнѣ, то плакала... «Онъ мени не проститъ», говорила она, еще когда мы сюда ѣхали, «не можетъ быть тебя увидѣть и тебя полюбить, а за себя и меня проститъ». Мамаша очень любила меня и когда это говорила, то всегда меня цѣловала, а къ дѣдушкѣ идти очень боялась. Меня же учила молиться за дѣдушку и сама молилась и много мнѣ еще рассказывала, какъ она прежде жила съ дѣдушкой и какъ дѣдушка ее очень любилъ, больше всѣхъ. Она ему на фортепьяно играла и книги читала по вечерамъ, а дѣдушка сидѣлъ

валя и много ей дарила... все дарила, такъ что единъ разъ она и рассорилась, въ мамашины швейники; потомучто дѣдушка думалъ, что мамаша еще не знаетъ какой будетъ подарокъ, а мамаша уже давно узнала какой. Мамашѣ хотѣлось серьги, а дѣдушка все нарочно обманывалъ ее и говорилъ что подаритъ не серьги, а брошку; а когда она принесла серьги и какъ увидѣла, что мамаша ужъ знаетъ, что будутъ серьги а не брошка, то рассердилась за то, что мамаша узнала, и половину дня не говорила съ ней, а потомъ сама пришла ее цѣловать и прощенья просить...

Нелли рассказывала съ увлеченіемъ и даже краска заиграла на ея блѣдныхъ, больныхъ щечкахъ.

Видно было, что ея мамаша не разъ говорила съ своей маленькой Нелли о своихъ прежнихъ счастливыхъ дняхъ, сидя въ своемъ углу, въ подвалѣ, обвиняя и цѣлуя свою дѣвочку (все что у ней осталось отрадного въ жизни), и плача надъ ней, а въ тоже время и не подозрѣвая, съ какою силою отзовутся эти рассказы ея въ болѣзненно впечатлительномъ и рано развившемся сердцѣ больного ребенка.

Но увлекшаяся Нелли какъ будто вдругъ опомнилась, недобриво осмотрѣлась кругомъ и притихла. Старикъ наморщилъ лобъ и снова забарабанилъ по столу; у Анны Андревны показались на глазахъ слезинка и она молча отерла ее платкомъ.

— Мамаша пріѣхала сюда очень больная, прибавила Нелли тихимъ голосомъ, — у ней грудь очень болѣла. Мы долго искали дѣдушку и не могли найти, а сами занимали въ подвалѣ, въ углу.

— Въ углу, больная—то! вскричала Анна Андревна.

— Да... въ углу... отвѣчала Нелли. Мамаша была бѣдная. Мамаша мнѣ говорила, прибавила она, оживляясь, — что не грѣхъ быть бѣдной, а что грѣхъ быть богатымъ и обижать... и что ее Богъ наказываетъ.

— Что же вы на Васильевскомъ нанимали? это тамъ у Бубновой, что ли? спросилъ старикъ, обращаясь ко мнѣ и старался выказать нѣкоторую небрежность въ своемъ вопросе. Спросилъ же какъ будто ему недолго было сидѣть молча.

— Нѣтъ, не тамъ... а сперва въ Мѣщанской, отвѣчала Нелли. Тамъ было очень темно и сыро, продолжала она, по-

молчать, и матушка очень заболѣла, но еще тогда ходила. Я ей бѣлье мыла, а она плакала. Тамъ тоже жила одна старушка, капитанша, и жилъ отставной чиновникъ и все приходило. пьяный и всякую ночь кричалъ и шумѣлъ. Я очень боялась его. Матушка брала меня къ себѣ на постель, и обнимала меня, а сама вся бывало дрожить, а чиновникъ кричитъ и бранится. Онъ хотѣлъ одинъ разъ убить капитаншу, а та была старая старушка и ходила съ палочкой. Мамашѣ стало жаль ее, и она за нее заступилась; чиновникъ и ударилъ мамашу, а я чиновника...

Нелли остановилась. Воспоминаніе взволновало ее; глазки ея засверкали.

— Господи Боже мой! вскрикнула Анна Андревна, до послѣдней степени заинтересованная рассказомъ и не спускавшая глазъ съ Нелли, которая преимущественно обращалась къ ней.

— Тогда мамаша вышла, продолжала Нелли: — и меня увела съ собой. Это было днемъ. Мы все ходили по улицамъ, до самаго вечера, и мамаша все плакала и все ходила, а меня вела за руку. Я очень устала; мы и не ѣли этотъ день. А мамаша все сама съ собой говорила и мнѣ все говорила: будь бѣдная, Нелли, и когда я умру, не слушай никого и ничего. Ни къ кому не ходи; будь одна, бѣдная, и работай, а ибѣтъ работы, такъ милостыню проси, а къ нимъ не ходи. Только въ сумерки мы переходили черезъ одну большую улицу; вдругъ мамаша закричала: «Азорка! Азорка!», и вдругъ большая собака, безъ шерсти, подбѣжала къ мамашѣ, завизжала и бросилась къ ней, а мамаша испугалась, стала блѣдная, закричала и бросилась на колѣни передъ высокимъ старикомъ, который шолъ съ палкой и смотрѣлъ въ землю. А этотъ высокій старикъ и былъ дѣдушка и такой сухощавый, въ дурномъ платьѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и увидала дѣдушку. Дѣдушка тоже очень испугался и весь поблѣднѣлъ и какъ увидалъ, что мамаша лежитъ подлѣ него и обхватила его ноги, — онъ вырвался, толкнулъ мамашу, ударилъ по камню палкой и пошелъ скоро отъ насъ. Азорка еще остался и все вылъ и лизалъ мамашу, потомъ побѣжалъ къ дѣдушкѣ, схватилъ его за ногу и потащилъ назадъ, а дѣдушка его ударилъ палкой. Азорка опять къ намъ было побѣжалъ, да дѣдушка кликнулъ его, онъ и побѣжалъ за дѣдушкой и все вылъ. А

маманша лежала какъ мертвая, кругомъ народъ собрался, полицейскіе пришли. Я все кричала и подымала мамашу. Она и встала, оглядѣлася кругомъ и пошла за мной. Я ее повела домой. Люди на насъ долго смотрѣли и все головой качали...

Нелли пріостановилась перевести духъ и скрѣпить себя. Она была очень блѣдна, но рѣшительность сверкала въ ея взглядѣ. Видно было, что она рѣшилась наконецъ все говорить. Въ ней было даже что-то вызывающее въ эту минуту.

— Чтожъ, замѣтилъ Николай Сергѣичъ, неровнымъ голосомъ, съ какою-то раздражительною рѣзкостью: — чтожъ, твоя мать оскорбила своего отца и онъ за дѣло отвергъ ее...

— Магущка мнѣ тоже говорила, рѣзко подхватила Нелли: — а какъ мы шли домой, все говорила: это твой дѣдушка, Нелли, а виновата передъ нимъ, вотъ онъ и проклялъ меня, за это меня теперь Богъ и наказываетъ, и весь вечеръ этотъ и всѣ слѣдующіе дни, все это же говорила. А говорила, какъ-будто себя не помнила...

Старикъ смолчалъ.

— А потомъ какъ же вы на другую-то квартиру перебрались? спросила Анна Андревна, продолжавшая тихо плакать.

— Мамаша въ ту же ночь заболѣла, а капитанша отыскала квартиру у Бубиной, а на третій день мы и переѣхали и капитанша съ нами; и какъ переѣхала, мамаша совсѣмъ и слегла, и три недѣли лежала больная, а я ходила за ней. Деньги у насъ совсѣмъ всѣ вышли, и намъ помогла капитанша и Иванъ Александрычъ.

— Гробовщикъ, хозяинъ, сказалъ я въ поясненіе.

— А когда мамаша встала съ постели и стала ходить, тогда мнѣ про Азорку и рассказала.

Нелли пріостановилась. Старикъ какъ-будто обрадовался, что разговоръ перешолъ на Азорку.

— Чтожъ она про Азорку тебѣ рассказывала? спросилъ онъ, еще болѣе нагнувшись въ своихъ креслахъ, точно, чтобъ еще больше скрыть свое лицо и смотрѣть внизъ.

— Она все мнѣ говорила про дѣдушку, отвѣчала Нелли: — а больная все про него говорила, а когда въ бреду была, тоже говорила. Вотъ она какъ стала выздоравливать, то и начала мнѣ опять рассказывать, какъ она прежде жила... тутъ и про Азорку

разказала, потому что равъ гдѣ-то на рѣкѣ, за городомъ, мальчишки тащили Азорку на веревнѣ топить, а мамаша дала имъ денегъ и купила у нихъ Азорку. Дѣдушка, какъ увидѣлъ Азорку, сталъ надъ нимъ очень сѣбѣяться. Только Азорка и губѣжала. Мамаша стала плакать; дѣдушка испугался и сказалъ, что дастъ сто рублей тому, кто приведетъ Азорку. На третій день его и привели; дѣдушка сто рублей отдалъ и съ атыхъ поръ сталъ любить Азорку. А мамаша такъ его стала любить, что даже на постель съ собой брала. Она имѣ рассказывала, что Азорка прежде съ комедіантами по улицамъ ходилъ, и служить умѣлъ, и обезьяну на себѣ возилъ, и ружьемъ умѣлъ дѣлать и много еще зналъ... А когда мамаша уѣхала отъ дѣдушки, то дѣдушка и оставилъ Азорку у себя и все съ нимъ ходилъ, такъ что на улицѣ, какъ только мамаша увидела Азорку, тотчасъ же и догадалась, что тутъ же и дѣдушка...

Старикъ видимо ожидалъ не того объ Азоркѣ, и все больше и больше хмурился. Онъ ужъ не спрашивалъ болѣе ничего.

— Такъ какже, вы такъ больше и не видали дѣдушку? спросила Анна Андревна.

— Нѣтъ, когда мамаша стала выдояривать, тогда я встрѣтила опять дѣдушку. Я ходила въ лавочку за хлѣбомъ: вдругъ увидѣла человѣка съ Азоркой, посмотрѣла и узнала дѣдушку. Я посторонилась и прижалась къ стѣнѣ. Дѣдушка посмотрѣлъ на меня, долго смотрѣлъ и такой былъ страшный, что я его очень испугалась, и прошолъ мимо. Азорка же меня припомнилъ и началъ скакать подлѣ меня и имѣ руки лизать. Я поскорѣй пошла домой, посмотрѣла назадъ, а дѣдушка зашелъ въ лавочку. Тутъ я подумала: вѣрно спрашиваетъ и испугалась еще больше, и когда пришла домой, то мамашѣ ничего не сказала, чтобъ мамаша опять не сдѣлалась больна. Сама же въ лавочку на другой день не ходила, сказала, что у меня голова болитъ, а когда пошла на третій день, то никого не встрѣтила и ужасно боялась, такъ что бѣгомъ бѣжала. А на слѣдующій день вдругъ я иду, только что за уголъ зашла, а дѣдушка передо мной и Азорка. Я побѣжала и повернула въ другую улицу и съ другой стороны въ лавочку зашла; только вдругъ прямо на него опять и наткнулась и такъ испугалась, что тутъ же и остановилась и не могу идти. Дѣдушка остановился передо мной и опять долго смотрѣлъ на меня, а потомъ поглядѣлъ меня по головѣ, взялъ за руку и

волею меня, а Азорка за нами, и хвостомъ махаетъ. Тутъ я и увидала, что дѣдушка и ходить прямо ужъ не можетъ и все на пальцу упирается, а руки у него совсѣмъ дрожать. Онъ меня привелъ къ ремешку, который на углу сидѣлъ и продавалъ пряники: и яблоки. Дѣдушка кушалъ пряничнаго шѣтушка, и рыбку, и одну конфетку, и яблоко, и когда вынималъ деньги изъ кожанаго кошелька, то руки у него очень тряслись и онъ уронилъ пятакъ, а я подняла ему. Онъ мнѣ этотъ пятакъ подарилъ, и пряники отдалъ и погладилъ меня по головѣ, но опять ничего не сказалъ, а пошелъ отъ меня домой.

— Тогда я пришла къ мамашѣ и рассказала ей все про дѣдушку, и какъ я сначала его боялась и пряталась отъ него. Мамаша мнѣ сперва не повѣрила, а потомъ такъ обрадовалась, что весь вечеръ меня расцарашивала, цѣловала и плакала, и когда я ужъ ей все рассказала, то она мнѣ впередъ приказала: чтобъ я никогда не боялась дѣдушку, и что стало-быть дѣдушка любить меня, коль нарочно приходилъ ко мнѣ. И велѣла, чтобъ я ласкалась къ дѣдушкѣ и говорила съ нимъ. А на другой день все меня высылала нѣсколько разъ поутру, хоть я и сказала ей, что дѣдушка приходилъ всегда только передъ вечеромъ. Сама же она за мной издали шла и за угломъ пряталась и на другой день также, но дѣдушка не пришелъ, а въ эти дни шолъ дождь, и матушка очень простудилась, потомучто все со мной выходила за ворота и опять слегла.

Дѣдушка же пришелъ черезъ недѣлю и опять мнѣ купилъ одну рыбку и яблоко и опять ничего не сказалъ. А когда ужъ онъ пошелъ отъ меня, я тихонько пошла за нимъ, потомучто заранѣ такъ вздумала, чтобъ узнать, гдѣ живетъ дѣдушка и сказать мамашѣ. Я шла издали по другой сторонѣ улицы, такъ чтобъ дѣдушка меня не видалъ. А жилъ онъ очень далеко, не тамъ, гдѣ послѣ жилъ и умеръ, а въ Гороховой, тоже въ Большомъ дошѣ, въ четвертомъ этажѣ. Я все это узнала и поздно воротилась домой. Мамаша очень испугалась, потомучто не видала, гдѣ я была. Когда же я рассказала, то мамаша опять очень обрадовалась, и тотчасъ же хотѣла идти къ дѣдушкѣ, на другой же день; но, на другой день стала думать и болтаться и все боялась, цѣливыхъ три дня; такъ и не ходила. А потомъ повѣдала меня и сказала: вотъ что, Нелли, я теперь больна и не могу идти, а я написала письмо къ твоему дѣдушкѣ, ходи къ нему и

отдай письмо. И смотри, Нелли, какъ онъ его прочтетъ; и что скажетъ, и что будетъ дѣлать; а ты ставь на колѣни, цѣлуй его и проси его, чтобъ онъ простилъ твою мамашу... И мамаша очень плакала, и все меня цѣловала и крестила въ дорогу и Бегу молилась, и меня съ собой на колѣни передъ образомъ поставила, и хоть очень была больна, но вышла меня провожать къ воротамъ и когда я оглядывалась, она все стояла и глядѣла на меня, какъ я иду...

Я пришла къ дѣдушкѣ и отворила дверь, а дверь была безъ крючка. Дѣдушка сидѣлъ за столомъ и кушалъ хлѣбъ съ картофелемъ, а Азорка стояла передъ нимъ, смотрѣлъ какъ онъ ѣстъ и хвостомъ махалъ. У дѣдушки тоже и въ той квартирѣ были окна низкія, темныя, и тоже только одинъ столъ и стулъ. А жилъ онъ одинъ. Я вошла, и онъ такъ испугался, что весь поблѣднѣлъ и затрясся. Я тоже испугалась и ничего не сказала, а только подошла къ столу и положила письмо. Дѣдушка какъ увидалъ письмо, то такъ разсердился, что вскочилъ, схватилъ палку и замахнулся на меня, но не ударилъ, а только вывелъ меня въ сѣни и толкнулъ меня. Я еще не успѣла и съ первой лѣстницы сойти, какъ онъ отворилъ опять дверь и выбросилъ мнѣ назадъ письмо нераспечатанное. Я пришла домой и все рассказала. Тутъ матушка слегла опять...

ГЛАВА XI

Въ эту минуту раздался довольно сильный ударъ грома, и дождь крупнымъ ливнемъ застучалъ въ стекла; въ комнатѣ стемнѣло. Старушка словно испугалась и перекрестилась. Мы всѣ вдругъ остановились.

— Сейчасъ пройдетъ, сказалъ старикъ, поглядывая на окна; затѣмъ всталъ и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Нелли искоса слѣдила за нимъ взглядомъ. Она была въ чрезвычайномъ, болѣзненномъ волненіи. Я видѣлъ это; но на меня она какъ-то забѣгала глядѣть.

— Ну, чтожь дальше? спросилъ старикъ, снова усѣвшись въ свои кресла.

Нелли нугливо оглядѣлась кругомъ.

— Такъ ты ужь больше и не видала своего дѣдушку?

— Нѣтъ, видѣла...

— Да, да! рассказывай, голубчикъ мой, рассказывай, подхватила Анна Андревна.

— Я его три недѣли не видала, начала Нелли, — до самой зимы. Тутъ зима стала и снѣгъ выпалъ. Когда же я встрѣтила дѣдушку опять, на прежнемъ мѣстѣ, то очень обрадовалась... потому что мамаша тосковала, что онъ неходитъ. Я какъ увидѣла его, нарочно побѣжала на другую сторону улицы, чтобъ онъ видѣлъ, что я бѣгу отъ него. Только я оглянулась и вижу, что дѣдушка сначала скоро пошелъ за мной, а потомъ и побѣжалъ, чтобъ меня догнать и сталъ кричалъ мнѣ: Нелли, Нелли! И Азорка бѣжалъ за нимъ. Мнѣ жалко стало, я и остановилась. Дѣдушка подошелъ и взялъ меня за руку и повелъ, а когда увидѣлъ что я плачу, остановился, посмотрѣлъ на меня, нагнулся и поцѣловалъ. Тутъ онъ увидалъ, что у меня башмаки худые и спросилъ: развѣ у меня нѣтъ другихъ. Я тотчасъ же сказала ему поскорѣй, что у мамашы совсѣмъ нѣтъ денегъ и что намъ хозяева изъ одной жалости ѣсть даютъ. Дѣдушка ничего не сказалъ, но повелъ меня на рынокъ и купилъ мнѣ башмаки и велѣлъ тутъ же ихъ надѣть, а потомъ повелъ меня къ себѣ, въ Гороховую, а прежде зашелъ въ лавочку и купилъ пирогъ и двѣ конфетки и когда мы пришли, сказалъ, чтобъ я ѣла пирогъ и смотрѣлъ на меня, когда я ѣла, а потомъ далъ мнѣ конфетки. А Азорка положилъ лапы на столъ и тоже просилъ пирога, я ему и дала и дѣдушка засмѣялся. Потомъ взялъ меня, поставилъ подлѣ себя, началъ по головѣ гладить и спрашивать: училась ли я чемунибудь и что я знаю? Я ему сказала, а онъ велѣлъ мнѣ, какъ только мнѣ можно будетъ, каждый день, въ три часа, ходить къ нему и что онъ самъ будетъ учить меня. Потомъ сказалъ мнѣ, чтобъ я отвернулась и смотрѣла въ окно, пока мнѣ онъ скажетъ, чтобъ я опять повернулась къ нему. Я такъ и стояла, но тихонько обернулась назадъ и увидѣла, что онъ распоролъ свою подушку, съ нижняго уголка, и вынулъ четыре цѣлковыхъ. Когда вынулъ, принесъ ихъ мнѣ и сказалъ: «Это тебѣ одной». Я было взяла, но потомъ подумала и сказала: «Коли мнѣ одной, такъ я не возьму». Дѣдушка вдругъ разсердился и сказалъ мнѣ: «ну бери какъ знаешь, ступай». Я вышла, а онъ и не поцѣловалъ меня.

Какъ я пришла домой, все мамашѣ и разсказала. А мамашѣ все становилось хуже и хуже. Къ гробовщику ходилъ одинъ студентъ; онъ лечилъ мамашу и велѣлъ ей лекарства принимать.

А я ходила къ дѣдушкѣ часто; мамаша такъ приказывала. Дѣдушка купилъ Новый Завѣтъ и Географію и сталъ меня учить; а иногда разсказывалъ мнѣ какія на свѣтѣ есть земли и какіе люди живутъ, и какія моря и что было прежде и какъ Христосъ насъ всѣхъ простилъ. Когда я его сама спрашивала, то онъ очень былъ радъ; потому я и стала часто его спрашивать, и онъ все разсказывалъ и про Бога много говорилъ. А иногда мы не учились и съ Азоркой играли: Азорка меня очень сталъ любить, и я его выучила черезъ палку скакать и дѣдушка смѣялся, и все меня по головкѣ гладилъ. Только дѣдушка рѣдко смѣялся. Одинъ разъ много говорить, а то вдругъ замолчать и сидеть, какъ будто заснулъ, а глаза открыты. Такъ и досидитъ до сумерекъ, а въ сумерки онъ такой становится страшный, старый такой... А то бывало приду къ нему, а онъ сидитъ на своемъ стулѣ, думаетъ и ничего не слышитъ, а Азорка подлѣ него лежитъ. Я жду, жду и кашляю; дѣдушка все не оглядывается. Я такъ и уйду. А дома мамаша такъ ужъ и ждетъ меня: она лежитъ, а я ей разсказываю все, все, такъ и ночь придетъ, а я все разсказываю и она все слушаетъ про дѣдушку: что онъ дѣлалъ сегодня, и что мнѣ разсказывалъ, какія исторіи, и что на урокъ мнѣ задавалъ. А какъ начну разсказывать про Азорку, что я его черезъ палку заставляла скакать и что дѣдушка смѣялся, то и она вдругъ начнетъ смѣяться и долго бывало смѣется и радуется и опять заставляетъ повторять, а потомъ молиться начнетъ. А я все думала: чтожъ мамаша такъ любитъ дѣдушку, а онъ ее не любитъ, и когда пришла къ дѣдушкѣ, то нарочно стала ему разсказывать, какъ мамаша его любитъ. Онъ все слушалъ; такой сердитый, а все слушалъ и ни слова не говорилъ; тогда я и спросила, отчего мамаша его такъ любитъ, что все объ немъ спрашиваетъ, а онъ никогда про мамашу не спрашиваетъ. Дѣдушка рассердился и выгналъ меня за дверь; я немножко постояла за дверью, а онъ вдругъ опять отворилъ и позвалъ меня назадъ и все сердился и молчалъ. А когда потомъ мы начали Законъ Божій читать, я опять спросила: отчего же Иисусъ Христосъ сказалъ: любите другъ друга и прощайте обиды, а онъ не хочетъ простить мамашу? Тогда онъ вскочилъ и закричалъ, что это ма-

мама меня научила, вытолкнулъ меня другой разъ вопъ и сказалъ, чтобъ я никогда не смѣла теперь къ нему приходять. А я сказала, что я и сама теперь къ нему не приду и ушла отъ него... А дѣдушка на другой день изъ квартиры переѣхалъ.

— Я сказалъ, что дождь скоро пройдетъ, вотъ и прошолъ, вотъ и солнышко... смотри Ваня, сказалъ Николай Сергѣичъ, оборотаясь къ окну.

Анна Андревна поглядѣла на него въ чрезвычайномъ недоумѣннѣи, и вдругъ негодование засверкало въ глазахъ доселѣ смирной и запуганной старушки. Молча, взяла она Нелли за руку и посадила къ себѣ на колѣни.

— Разсказывай мнѣ, ангелъ мой, сказала она: — я буду тебя слушать... Пусть тѣ, у кого жестокія сердца...

Она не договорила и заплакала. Нелли вопросительно взглянула на меня, какъ бы въ недоумѣннѣи и въ испугѣ. Старикъ посмотрѣлъ на меня, пожалъ было плечами, но тотчасъ же отвернулся.

— Продолжай, Нелли, сказалъ я.

— Я три дня не ходила къ дѣдушкѣ, начала опять Нелли: — а въ это время мамашѣ стало худо. Деньги у насъ всѣ вышли, а лекарства не на что было купить, да и не ѣли мы ничего, потому что у хозяевъ тоже ничего не было, и они стали насъ попрекать, что мы на ихъ счетъ живемъ. Тогда я, на третій день утромъ встала и начала одѣваться. Мамаша спросила: куда я иду? Я и сказала: къ дѣдушкѣ просить денегъ и она обрадовалась, потому что я уже разсказала мамашѣ все, какъ онъ прогналъ меня отъ себя и сказала ей, что не хочу больше ходить къ дѣдушкѣ, хоть она и плакала и уговаривала меня идти. Я пришла и узнала, что дѣдушка переѣхалъ и пошла искать его въ новый домъ. Какъ только я пришла къ нему въ новую квартиру, онъ вскочилъ, бросился на меня и затопалъ ногами, и я ему тотчасъ сказала, что мамаша очень больна, что на лекарство надо денегъ, пятьдесятъ копѣекъ, а намъ ѣсть нечего. Дѣдушка закричалъ и вытолкалъ меня на лѣстницу и заперъ за мной дверь на крючекъ. Но когда онъ толкалъ меня, я ему сказала, что я на лѣстницѣ буду сидѣть и до тѣхъ поръ не уйду, пока мнѣ не дадутъ денегъ. Я и сидѣла на лѣстницѣ. Не много спустя, онъ отворилъ дверь и увидѣлъ, что я сижу и опять затворилъ.

Потомъ долго прошло, онъ опять отворилъ, опять увидалъ меня и опять затворилъ. И потомъ много разъ отворялъ и смотрѣлъ. Наконецъ вышелъ съ Азоркой, заперъ дверь и прошолъ мимо меня со двора и ни слова мнѣ не сказалъ. И я ни слова не сказала и такъ и осталась сидѣть, и сидѣла до сумерекъ.

— Голубушка моя, вскричала Аппа Андревна: — да вѣдь холодно, знать, на лѣстницѣ-то было!

— Я была въ шубкѣ, отвѣчала Нелли.

— Да чтожъ въ шубкѣ... голубчикъ ты мой, сколько ты потерпѣлась! Чтожъ онъ, дѣдушка-то твой?

Губки у Нелли начало было потрогивать, но она сдѣлала чрезвычайное усиліе и скрѣпила себя.

— Онъ пришолъ, когда уже стало совсѣмъ темно и входя наткнулся на меня и закричалъ: кто тутъ? Я сказала, что это я. А онъ вѣрно думалъ, что я давно ушла и какъ увидалъ, что я все еще тутъ, то очень удивился и долго стоялъ передо мной. Вдругъ ударилъ по ступенькамъ палкой, побѣжалъ, отперъ свою дверь и черезъ минуту вынесъ мнѣ мѣдныхъ денегъ, все пятаки и бросилъ ихъ въ меня на лѣстницу. — Вотъ тебѣ, закричалъ, возьми, это у меня все, что было и скажи твоей матери, что я ее проклинаю, а самъ захлопнулъ дверь. А пятаки покатались по лѣстницѣ. Я начала подбирать ихъ въ темнотѣ и дѣдушка видно догадался, что онъ разбросалъ пятаки и что въ темнотѣ мнѣ ихъ трудно собрать, отворилъ дверь и вынесъ свѣчку и при свѣчкѣ я скоро ихъ собрала. И дѣдушка самъ собралъ виѣсть со мной и сказалъ мнѣ, что тутъ всего должно быть семь гривенъ и самъ ушолъ. Когда я пришла домой, я отдала деньги и все рассказала мамашѣ, и мамашѣ сдѣлалось хуже, а сама я всю ночь была больна и на другой день тоже вся въ жару была, но я только объ одномъ думала, потому что сердилась на дѣдушку, и когда мамаша заснула, пошла на улицу, къ дѣдушкиной квартирѣ, и, не доходя, стала на мосту. Тутъ и прошолъ тотъ...

— Это Архиповъ, сказалъ я: тотъ, объ которомъ я говорилъ, Николай Сергѣичъ, — вотъ что съ купцомъ у Бубновой былъ и котораго тамъ отколотили. Это въ первый разъ Нелли его тогда увидала... Продолжай Нелли...

— Я остановила его и попросила денегъ, рубль серебромъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: рубль серебромъ? я сказа-

ла: да. Тогда онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: пойдемъ со мной. Я не знала идти ли, вдругъ подошелъ одинъ старичокъ, въ золотыхъ очкахъ; а онъ слышалъ, какъ я спрашивала рубль серебромъ, нагнулся ко мнѣ и спросилъ: для чего я непременно столько хочу. Я сказала ему, что мамаша больна и что нужно столько на лекарство. Онъ спросилъ: гдѣ мы живемъ? и записалъ и далъ мнѣ бумажку, рубль серебромъ. А тотъ, какъ увидалъ старика въ очкахъ, ушелъ и не звалъ меня больше съ собой. Я пошла въ лавочку и раздѣлила рубль на мѣдныя; тридцать копѣекъ завернула въ бумажку и отложила мамашѣ, а семь гривенъ не завернула въ бумажку, а нарочно зажала въ рукахъ и пошла къ дѣдушкѣ. Какъ пришла къ нему, то отворила дверь, стала на порогѣ, размахнулась и бросила ему съ размаха всѣ деньги, такъ они и покатались по полу.

— Вотъ, возьмите ваши деньги! сказала я ему. — Не надо ихъ отъ васъ мамашѣ, потомучто вы ее проклинаете, хлопнула дверь и тотчасъ же убѣжала прочь.

Ея глаза засверкали, и она съ наивно-вызывающимъ видомъ взглянула на старика.

— Такъ и надо, сказала Анна Андревна, не смотря на Николая Сергѣича и крѣпко прижимая къ себѣ Нелли, — такъ и надо съ нимъ; твой дѣдушка былъ злой и жестокосердый...

— Гм, отозвался Николай Сергѣичъ

— Ну такъ какъ же, какъ же? съ нетерпѣніемъ спрашивала Анна Андревна.

— Я перестала ходить больше къ дѣдушкѣ и онъ пересталъ ходить ко мнѣ, отвѣчала Нелли.

— Чтожъ, какъ же вы остались съ мамашей-то? Охъ бѣдныя вы бѣдныя!

— А мамашѣ стало еще хуже, и она уже рѣдко вставала съ постели, продолжала Нелли и голосъ ея задрожалъ и прервался... Денегъ у насъ ужъ ничего больше не было, я и стала ходить съ капитаншей. А капитанша по домамъ ходила тоже и на улицѣ людей хорошихъ останавливала и просила, тѣмъ и жила. Она говорила мнѣ, что она не нищая, а что у ней бумаги есть, гдѣ ея чинъ написанъ и написано тоже, что она бѣдная. Эти бумаги она и показывала, и ей за это деньги давали. Она и говорила мнѣ: что у всѣхъ просить не стыдно. Я и ходила съ ней и

цямъ подавали, тѣмъ мы и жили. Мамаша узнала про это , потомучто жильцы стали попрекать, что она нищая, а Бубнова сама приходила къ мамашѣ и говорила, что лучше бѣ я ее къ ней отпустила, а не просить милостыню. Она и прежде къ мамашѣ приходила и ей денегъ носила; а когда мамаша брала отъ нея, то Бубнова говорила: зачѣмъ вы такія гордыя, и кушанье присымала. А какъ сказала она это теперь про меня, то мамаша заплакала и испугалась, а Бубнова начала ее бранить, потомучто была пьяна и сказала, что я и безъ того нищая и съ капитаншей хожу и въ тотъ же вечеръ выгнала капитаншу изъ дому. Мамаша, какъ узнала про все, то стала плакать, потомъ вдругъ встала съ постели, одѣлась, схватила меня за руку и повела за собой. Иванъ Александрычъ сталъ ее останавливать, но она не слушала, и мы вышли. Мамаша едва могла ходить и каждую минуту садилась на улицѣ, а я ее придерживала. Мамаша все говорила, что идетъ къ дѣдушкѣ и чтобъ я вела ее, а ужъ давно стала ночь. Вдругъ мы пришли въ большую улицу; тутъ передъ однимъ домомъ останавливались кареты, и много выходило народу, а въ окнахъ вездѣ былъ свѣтъ и слышна была музыка. Мамаша остановилась, схватила меня и сказала мнѣ тогда: «Нелли, будь бѣдная, будь всю жизнь бѣдная, не ходи къ нимъ, кто бы тебя ни позвалъ, кто бы ни пришолъ. И ты бы могла тамъ быть, богатая, и въ хорошемъ платѣ, да я этого не хочу. Они злые и жестокие, и вотъ тебѣ мое приказаніе: Оставайся бѣдная, работай и милостыню проси, а если кто ярїдетъ за тобой, скажи: не хочу къ вамъ!.. Это мнѣ говорила мамаша, когда больна была, и я всю жизнь хочу ее слушаться, прибавила Нелли, дрожа отъ волненія съ разгорѣвшимся личикомъ и: — всю жизнь буду служить и работать, и къ вамъ пришла тоже служить и работать, а не хочу быть, какъ дочь...

— Полно, полно, голубка моя, полно! вскрикнула старушка, крѣпко обнимая Нелли. — Вѣдь матушка твоя была въ это время больна, когда говорила.

— Безумная была, — рѣзко замѣтилъ старикъ.

— Пусть безумная! подхватила Нелли, рѣзко обращаясь къ нему, — пусть безумная, но она мнѣ такъ приказала, такъ я и буду всю жизнь. И когда она мнѣ это сказала, то даже въ обморокъ упала.

— Господи Боже! вскрикнула Анна Андревна, — большая-то, на улицѣ, зимой?..

— Насъ хотѣли взять въ полицію, но одинъ господинъ вступился, распросилъ у меня квартиру, далъ мнѣ десять рублей и велѣлъ отвезти мамашу къ намъ домой на своихъ лошадахъ. Послѣ этого мамаша ужъ и не вставала, — а черезъ три недѣли умерла...

— А отецъ-то чтожъ? Такъ и не простилъ? вскрикнула Анна Андревна.

— Не простилъ! отвѣчала Нелли, съ мученіемъ пересиливая себя. За недѣлю до смерти, мамаша подозвала меня и сказала: «Нелли, сходи еще разъ къ дѣдушкѣ, въ послѣдній разъ, и попроси, чтобъ онъ пришолъ ко мнѣ и простилъ меня; скажи ему, что я черезъ нѣсколько дней умру, и тебя одну на свѣтъ оставляю. И скажи ему еще, что мнѣ тяжело умирать...» Я и пошла, постучалась къ дѣдушкѣ, онъ отворилъ и какъ увидѣлъ меня, тотчасъ хотѣлъ было передо мной дверь затворить, но я ухватилась за дверь обѣими руками и закричала ему: «мамаша умираетъ, васъ зоветъ, идите!..» Но онъ оттолкнулъ меня и захлопнулъ дверь. Я воротилась къ мамашѣ, легла подлѣ нея, обняла ее и ничего не сказала... Мамаша тоже обняла меня и ничего не спрашивала...

Тутъ Николай Сергѣичъ тяжело оперся рукой на столъ и всталъ, но обѣдая насъ всѣхъ какимъ-то страннымъ мутнымъ взглядомъ, какъ бы въ безсиліи опустилсѣ въ кресла. Анна Андревна уже не глядѣла на него, но, рыдая, обнимала Нелли...

Вотъ послѣдній день, передъ тѣмъ какъ ей умереть, передъ вечеромъ, мамаша подозвала меня къ себѣ, взяла меня за руку и сказала: Я сегодня умру Нелли, хотѣла было еще говорить, но ужъ не могла. Я смотрю на нее, а она ужъ какъ-будто меня и не видитъ, только въ рукахъ мою руку крѣпко держитъ. Я тихонько вынула руку и побѣжала изъ дому, и всю дорогу бѣжала бѣгомъ и прибѣжала къ дѣдушкѣ. Какъ онъ увидѣлъ меня, то вскочилъ со стула и смотреть и такъ испугался, что совсѣмъ сталъ такой блѣдный и весь задрожалъ. Я схватила его за руку и только одво и выговорила: «сейчасъ умереть». Тутъ онъ вдругъ такъ и заметался; схватилъ свою палку и побѣжалъ за мной; даже и шляпу забылъ, а было холодно. Я схватила шляпу и на-бѣла ее ему, и мы вмѣстѣ выбѣжали. Я торопила его и говорила,

чтобъ онъ нанялъ извозчика, потомучто мамаша сейчасъ умретъ; но у дѣдушки было только семь копѣекъ всѣхъ денегъ. Онъ останавливалъ извозчиковъ, торговался, но они только смѣялись и надъ Азоркой смѣялись, а Азорка съ нами бѣжала, и мы все дальше и дальше бѣжали. Дѣдушка усталъ и дышалъ трудно, но все торопился и бѣжалъ. Вдругъ онъ упалъ и шляпа съ него соскочила. Я подняла его, надѣла ему опять шляпу и стала его рукой вести и только передъ самой ночью мы пришли домой... Но матушка уже лежала мертвая. Какъ увидѣлъ ее дѣдушка, всплеснулъ руками, задрожалъ и сталъ надъ ней, а самъ ничего неговорить. Тогда я подошла къ мертвой мамашѣ, схватила дѣдушку за руку и закричала ему: «вотъ жестокой и злой человѣкъ, вотъ смотри!.. смотри!» тутъ дѣдушка закричалъ и упалъ на полъ, какъ мертвый...

Нелли вскочила, высвободилась изъ объятій Анны Андревны и стала посреди насъ, блѣдная, взмученная и испуганная. Но Анна Андревна бросилась къ ней, и, снова обнявъ ее, закричала, какъ будто въ какомъ-то вдохновеніи:

— Я, я буду тебѣ мать, теперь, Нелли, а ты мое дитя! Да, Нелли, уйдемъ, бросимъ ихъ всѣхъ, жестокихъ и злыхъ! Пусть потѣшаются надъ людьми, Богъ, Богъ зачтетъ имъ... Пойдемъ Нелли, пойдемъ отсюда, пойдемъ!..

Я никогда, ни прежде, ни послѣ, не видалъ ее въ такомъ состояніи, да и не думалъ, чтобъ она могла быть когда-нибудь такъ взволнована. Николай Сергѣичъ выпрямился въ креслахъ, приподнялся и прерывающимся голосомъ, спросилъ:

— Куда, куда ты, Анна Андревна?

— Къ ней, къ дочери, къ Наташѣ! закричала она и потащила Нелли за собой къ дверямъ.

— Пстой, постой, подожди!..

— Нечего ждать, жестокосердый и злой человѣкъ! Я долго ждала и она долго ждала, а теперь прощай!..

Отвѣтивъ это, старушка обернулась, взглянула на мужа и остолбенѣла: Николай Сергѣичъ стоялъ передъ ней, захвативъ свою шляпу и дрожащими бессильными руками торопливо натягивалъ на себя свое пальто.

— И ты... и ты со мной! вскрикнула она, съ мольбою сложивъ руки и недовѣрчиво смотря на него, какъ будто не смѣя и повѣрить такому счастью.

Людмила! гдѣ же! Наташа! гдѣ она! гдѣ дочь моя! — вырвалось наконецъ изъ груди старика. Отдайте мнѣ мою Наташу! гдѣ, гдѣ она! — вскрикнувъ косясь, который я ему подаю; онъ бросился къ дверямъ.

— Простить! простить! — вскричала Анна Андревна.

Но старикъ не дошелъ и до порога. Дверь быстро отворилась, и въ комнату вбѣжала Наташа, блѣдная, съ сверкающими глазами, какъ будто въ горячкѣ. Платье ея было измято и смочено дождемъ. Платочекъ, которымъ она накрыла голову, сбился у ней на затылокъ и на разбившіеся густыхъ прядяхъ ея волосъ сверкали крупныя капли дождя. Она вбѣжала, увидала отца и съ крикомъ бросилась передъ нимъ на колѣни, простраивая къ нему руки.

ГЛАВА XII

Но онъ уже держалъ ее въ своихъ объятіяхъ!

Онъ схватилъ ее, и, поджавъ какъ ребенка, отнесъ ее въ свои кресла, посадивъ ее на свои колѣна, и она упала въ его объятія. Онъ вложилъ ей руки, ноги; онъ терпѣливо и ласково смотрѣлъ на нее, и какъ будто еще не вѣря, что она опять вышла съ нимъ, что онъ опять ее видитъ, — и слышитъ ее, — тихо спросилъ Наташу: Анна Андревна, рыдая, окатала ея прижатую голову своею грудью и такъ и замерла въ этомъ объятіи, и не въ силахъ произнести слова.

— Другъ мой! — крикъ мой! — радость моя! — безвзвѣнно восклицалъ старикъ, схвативъ руки Наташи и какъ влюбленный смурясь блѣдное, худенькое, но прекрасное личико: онъ въ глаза ея, въ которыхъ блистали слезы. — Радости мой! дитя мое! — повторялъ онъ и опять смолкалъ и съ благоговѣющимъ упоеніемъ глядѣлъ на нее. — Что же, что же мнѣ сказали, что она поху- дѣла! — протворилъ онъ съ торопливостю, какъ-будто дѣтскаго утѣшкою, обращаясь къ ней и все еще стоя передъ ней на колѣннѣхъ. — Худенькая, — правда, блѣдненькая, — да; но посмотрѣ на нее, какія торопельская! еще лучше, чѣмъ прежде была, да лучше! правдильно бы, — возможно улыбаясь подъ душевной

брани, радостное браню, жуть поперей мамъ-будто души лопить
нашарилъ.

— Встаньте, мамаша! да, встаньте же, говорюль Наташа: —
вѣдь мнѣ тоже хочется васъ цѣловать!..

— О, милая! слышишь, слышишь! Анушка, какъ-один это
хорошо сказала, и оуъ судорожно обидѣлъ ее.

— Нѣтъ, Наташа, мнѣ, мнѣ надо у твоихъ ногъ лежать до
тѣхъ поръ, пока сердце мое услышитъ, что ты простила меня,
потому что никогда, никогда не могу заслужить я теперь отъ те-
бя прощенія! Я отведуъ тебя, я забудуъ тебя, я проклиналъ те-
бя, слышишь Наташа, я проклиналъ тебя, — и я могу это сде-
лать!.. А ты.. а ты, Наташа: и могла ты повѣрить, что я тебя
проклялъ! И повѣрила — вѣдь повѣрила! Не надо было дѣ-
рять! Не вѣрила бы, просто бы не вѣрила! Жестокое сердечко!
Что же ты не шла ко мнѣ? вѣдь ты знала, какъ я приму тебя!..

О Наташа, вѣдь ты помнишь, какъ я прежде тебя любилъ: Ну,
а теперь, и во все это время я тебя вдвое, въ тысячу разъ боль-
ше любилъ, чѣмъ прежде! Я тебя съ кровью любилъ! Душу бы
изъ себя съ кровью вынулъ; сердце свое равнолообвалъ; да къ
ногамъ твоимъ полезный бы!.. О радость моя!

— Да, поцѣлуйте же меня, жестокой вы человекъ, въ губы,
въ щеки поцѣлуйте; какъ мамаша цѣлуешь! воскликнула Наташа
большими, разслабренными, волнеными слезами радости голо-
вою.

И съ глазами заплака! И въ глаза Аношки: вѣдшишь, какъ
прежде, шептала старинъ послѣ долгихъ, славныхъ обаятъ съ
дочерью. — О, Наташа! Снилось ли тебѣ когда про насъ? А нѣтъ

ты смилась: вуть! по каждую ночь и каждую ночь, ты ко мнѣ при-
качала, и я пласть поной пыкала; а сколько разъ ты, какъ малень-
кая пришла, помнишь когда, еще тебѣ только десять лѣтъ было,

и ты на фортепьяно только что начинала учиться, отъ друцѣвъ
мороганъ конь жалеть, въ королевскихъ баншачкахъ мнѣ ду-
ками прасенъными, вѣдь у ней, красенчикъ твоя, дулко былъ
погубя, помнишь Анушка? — пришла ко мнѣ, да, подарила мнѣ
обняла меня.. И ты, и ты, девочка ты вѣдь! и ты тогда думать
я прокилъ тебя, чю я же враню тебя, родитъ ты пришла!

Да, вѣдь да, слышишь Наташа! да, вѣдь да, часто ли тебѣ когда
мама не знала ни мнѣ ни выла; таи подъ одеяломъ у тебя сто-

вспомнил: вслѣдствіе этой минуты гдѣ-нибудь на тротуарѣ у
какихъ дверей? но выходя изъ тыла, чтобы взглянуть только досмо-
треть на тебя? А ты у тебя во время сна на окошкѣ ласте
гребенъ; ласте съедно дождя. Наташа, во время въ тебѣ иди
двѣ, хоть на секунду твою посмотрѣть, хоть тебѣ твою руку
увидать, благословить тебя на ночь. А ты, голубушка, благосло-
вляла ли меня на ночь? Думала ли обо мнѣ? Слышало ли твое
сердце?.. твѣ дѣла окномъ? А сколько разъ, зимой, я
поздно ночью на твою лѣстницу подынусь и въ темныхъ снѣгахъ
стою, сквозь дверь прислушиваюсь: не услышу ли твоего голосо-
ка? Не засмѣешься ли ты? Проклялъ? Да, вѣдь я въ этотъ ве-
черъ къ тебѣ приходилъ, простить тебя хотѣлъ и только отъ две-
рей воротился... О Наташа!

Онъ всталъ, онъ приподнялъ ее изъ кресель и крѣпко —
крѣпко прижалъ ее къ сердцу.

— Она здѣсь опять у моего сердца, вскричалъ онъ: — о бла-
годарю тебя Боже, за все, за все, и за гнѣвъ Твой и за милость
Твою!.. И за солнце Твое, которое просіяло теперь, послѣ гро-
зы, на насъ! За всю эту минуту благодарю! О! Пусть мы уни-
женные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вмѣстѣ и пусть,
пусть теперь торжествуютъ эти гордые и надменные, унижившіе
и оскорбившіе насъ! пусть они бросятъ въ насъ камни! Не бой-
ся, Наташа... Мы пойдемъ рука въ руку, и я скажу имъ: это моя
дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрѣшная дочь моя,
которую вы оскорбили и унижили, но которую я, я люблю, и ко-
торую благословляю во вѣки вѣковъ!..

— Ваня, Ваня!.. слабымъ голосомъ проговорила Наташа,
протягивая мнѣ изъ объятій отца свою руку. — О! никогда я не
забуду, что въ эту минуту она вспомнила обо мнѣ и позвала
меня!

— Гдѣ же Нелли? спросилъ старикъ, озираясь.

— Ахъ, гдѣ же она? вскрикнула старушка: — голубчикъ
мой! вѣдь мы такъ ее и оставили!

Но ея не было въ комнатѣ; она незамѣтно проскользнула въ
спальню. Всѣ пошли туда. Нелли стояла въ углу, за дверью, и
пугливо пряталась отъ насъ.

— Нелли, что съ тобой, дитя мое! воскликнулъ старикъ, же-
лая обнять ее. Но она какъ-то долго на него посмотрѣла...

Ужасная, ужасная! протоскрипачом, как бы бешено
влетела: — где, где мамаша? вскрикнула она еще раз, про-
чавшая свои дрожавшие руки и встав, и в дурь страшный, утес-
ный крик вбросилась в ее руки; судороги пробыли по форму
ею, и она в страшном припадке ушла на пол. —

— (Конечье четвертой части. Окончание романа и вступительного
— описания явлений в ее развитии)

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

(Конечье четвертой части. Окончание романа и вступительного
— описания явлений в ее развитии)

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...
... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

... **около дождливый** ...
... **дождливый** ...

ОППОЗИЦІЯ ЗАСТОЯ

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПРАКОВЪСІЯ

Ты видишь: я припоминаю,
Алеша, старую печаль.

Пушкинъ.

I

Бываютъ въ литературѣ вещи, которыя совершенно ускользаютъ отъ вниманія современниковъ, но которыя, для послѣдующихъ поколѣній, представляютъ собою факты въ высшей степени замѣчательные, озаряютъ цѣлымъ направленіемъ. Такихъ вещей не надобно искать промежду крупныхъ литературныхъ явленій, ибо въ такомъ случаѣ онѣ были бы замѣчательны современниками; такія вещи ищутся обыкновенно безъ всякихъ притязаній на какое либо значеніе, ищутся такъ, вполне отъ души, вполне навano. Въ нихъ мысль извѣстныхъ направленій является по домашнему, на расшатанку, какъ можетъ быть и не хотѣли бы показать ее головы извѣстныхъ направленій, или по крайней мѣрѣ, какъ не хотѣли бы они показать ее сначала. Въ такихъ проговорахъ направленій, — проговорахъ по большей части неожиданныхъ и равныхъ, сказывается нѣчто роковое... Рада бы курочка не вати, да за хохолокъ тащутъ.

Къ числу такихъ наивныхъ и въ историческомъ смыслѣ драгоценныхъ вещей принадлежитъ письмо благороднѣйшаго изъ смертныхъ М. Н. Загоскина къ издателю первоначальнаго «Мавка» — 1840 года, Петру Александровичу Корсакову, — письмо, которое издатель, какъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, помѣстивъ, скрѣпилъ сердце.

Въ своемъ рѣдѣ, это наивное письмо Загоскина такъ же смѣло, какъ знаменитое письмо Чаадаева. Не надобно забывать только неизмѣримую разницу между авторами писемъ въ отношеніи къ умственному ихъ развитію, равно какъ и того, что одинъ, Чаадаевъ,

разсѣкъ хорошо ли, худо ли гордіевъ узелъ лжи, а другой... другой только открылъ заткнутое до тѣхъ поръ отверстіе, изъ котораго ползлась всякая нечистота.

Вотъ это письмо. Я привожу его цѣликомъ, какъ очень немногимъ извѣстное и всѣми забытое, а между тѣмъ знаменательное по отношенію къ вопросу, составляющему предметъ моихъ изслѣдованій.

«Любезный другъ, Петръ Александровичъ! Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ и поблагодарить тебя за истинное удовольствіе, которое приноситъ мнѣ изданіе твоего издавія, и вотъ наконецъ собрался, тогда какъ бы мнѣ вовсе писать не слѣдовало, потому что я, измученный ужасными спазмами, три дня уже ничего не ѣлъ и едва могу отъ слабости сидѣть на стулѣ; на сердце мое не терпятъ никакихъ, я прочелъ намъ, душею окаянъ, проглотилъ послѣднюю (IV) часть «Мадрака» — ретивое закипѣло, стлянку съ микстурой за окно, перо въ руку и пишу.»

Прежде всего надобно замѣтить, что М. Н. Загоскинъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ вполне искреннихъ и чистыхъ людей, у которыхъ «сердце не терпитъ цѣлостей». Стоявъ только прочесть очеркъ его личности, художественно изобразившій С. Т. Анисимовъ въ биографіи Загоскина и въ разсѣхъ истрѣхъ «Воспоминаній», чтобы въ этомъ убѣдилась вся читательская, возмущающая Загоскина, какъ писателя и какъ человека. Что Загоскинъ была точно болельщикъ и точно оживленъ степенію «Шамма» до того, что стлянки съ лекарствами полетѣли въ окно, и что онъ тотчасъ же схватилъ перо, чтобы передать свои впечатлѣнія, въ этомъ грѣхѣ и сомнѣваться. Что же, спрашивается, подвинуло и оживило такъ эту добрую, честную, искреннюю натуру, которая до старости всеплевчась легла какъ снѣгъ свинка? Что?... А вотъ послушайте:

«Боже мой! сколько въ этой части прекрасныхъ вещей? что за историческая, свѣтлая и умная голова у твоего товарища Бурачка! сколько новыхъ, дѣльныхъ идей; сколько святыхъ истин! — Наконецъ, благодаря Бога, явилось у насъ изданіе книги, въ которой говорятъ прямо, что безъ религіи не можетъ быть и хорошей литературы.»

«Когда я прочелъ между прочимъ въ разборѣ Герояхъ нѣкоторыя слѣдующія слова: «Какъ не малъ херонце дарованіе просвѣщать талантъ гадкамъ величествамъ, изъ одной только удѣренности, что она будетъ имѣть успѣхъ; дѣло давно извѣстное, чѣмъ всего скорѣе угодишь имъ, бѣдѣ людямъ; но дѣло ли художника заниматься этой слабостью людей, когда художникъ призванъ именно бороться съ этой слабостью, и развивать ее», — то я такъ бы и бросился къ Бурачку на шею, да на бѣду шея — то его въ Петербургѣ, а мои руки въ Москвѣ, — такъ

приму тебя, любезный другъ, исполнить это за меня par obligation. Однакожъ, я не во всемъ согласенъ съ твоимъ соговорителемъ, и въ дѣлѣ случаюхъ вовсе его не понимаю — вотъ въ качествѣ писателя.

• Не понимаю, какъ могъ Бурачекъ, человекъ религиозный, доспеченный, чедовѣкъ, который такъ хорошо опредѣлилъ достоинство *Горда империо времени* — какъ могъ назвать Марлинскаго *голосомъ*. О Господи! да простится ему этотъ грѣхъ и въ сей и въ будущей жизни! Что такое былъ Марлинскій? Разскащикъ съ талантомъ и воображеніемъ. Марлинскій, этотъ, по временамъ, самый рабскій подражатель женственной французской школы — этотъ бонмотистъ, шеголяющій самыми нелѣпыми сравненіями и остроуміи, этотъ умникъ, который жва на Кавказѣ, описывалъ нравы московскаго общества по Бальзаку и вѣроятно лучше зналъ бытъ дербентскихъ татаръ, чѣмъ русскихъ мужиковъ; этотъ исковерканный, вычурный, осыпанный полными французскими блестями Марлинскій, который говоритъ, что *улыбка разговора перешла на другой предметъ и думаетъ, что сказка очень умна; этотъ безусловный обожатель запада и слѣдъ его жервавшей*, — этотъ Марлинскій, который находитъ, что между *дикимъ чеченцемъ и русскимъ дворянскомъ мнѣнъ разстояніа, чѣмъ между этими послѣднимъ и какими нибудь французскимъ маркизомъ или англійскимъ лордомъ, какъ будто бы все маркизы и лорды люди истинно просвѣщенные, а все русскіе дворяне рѣшительно неграды*, — Марлинскій, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ подобныя нелѣпости рассыпаны тысячами; Марлинскій, который коверкалъ, увѣчилъ, ломалъ, терзалъ безъ всякой пощадъ русскій языкъ; Марлинскій, который никогда не соображалъ души читателя ни одной вышней религиозной мыслию; наконецъ Марлинскій, въ которомъ я только потому и признаю истинный талантъ, что не смотря на все эти драки, онъ читается съ удовольствіемъ — этотъ Марлинскій — водосѣлъ! Что же послѣ этого тотъ, кого Бурачекъ называетъ пигмеемъ? чтожъ онъ такое? инфузорій?

Я еще не останавливаюсь пока на частномъ предметѣ вражды и озлобленія покойнаго Загоскина на Марлинскаго, хотя одной этой вражды къ нему, — вражды честной и искренней со стороны такого честнаго и искренняго представителя застоя какъ Загоскинъ, — достаточно для того, чтобы заставить всякаго серьезнаго мыслителя перевѣрить взглядъ Бѣлинскаго на дѣятельность А. А. Вестужева; — взглядъ, относящійся къ тому переходному моменту привертія съ дѣйствительностью, на которомъ въ общихъ своихъ замѣчаніяхъ не остановился долго нашъ великій критикъ, и который во многомъ сходится со взглядомъ Загоскина. Дѣло пока не въ Марлинскомъ. Загоскинъ ненавидитъ въ Марлинскомъ начало тревожное, начало движенія и порыва впередъ, ненавидитъ наивно, и ненавидитъ до того ослѣпленія, что обвиняетъ А. А. Вестужева;

который былъ русскимъ человѣкомъ по крайней мѣрѣ не менѣе его, М. Н. Загоскина, «*въ безусловномъ обожаніи запада и вслѣдствіе мерзостей*». Вотъ что важно какъ фактъ, и въ особенности важно то, что Загоскинъ упрекаетъ критика «Маяка» въ *нелюбовь действительности*, — упрекаетъ съ точки зрѣнія застоя совершенно справедливо, до того справедливо, что Корсаковъ въ примѣчаніи принужденъ оправдывать Бурачка и головою выдать Загоскину Марлинскаго.

Человѣкъ простой и искренній, какъ Загоскинъ, навѣйшимъ образомъ влечетъ теоретиковъ въ роковой путь:

• Другой случай — продолжаетъ Загоскинъ — касается одного мѣня. Бурачекъ говоритъ, что *всѣхъ русскихъ романистовъ нельзя обвинять въ религіозности*. Въ этомъ общемъ числѣ, вѣроятно нахожусь и я многогрѣшный. Я могу быть писателемъ бездарнымъ, невѣждою — вѣтъ, что ему угодно; но чтобъ въ романахъ и повѣстяхъ моихъ не проявлялись идеи религіовныя, нѣтъ! воля его, въ этомъ я никакъ не могу согласиться. Я не сомнѣваюсь, убѣжденъ, вѣрую, что мой первый романъ обязанъ своимъ успѣхомъ именно религіозному чувству, которымъ онъ согрѣтъ. Если Бурачекъ, прочтя первый томъ «Асодовой могилы» не забылъ въ этомъ романѣ рѣшительно религіознаго направленія, то или ему не угодно было вовсе обратить на это своего вниманія, или наши понятія о религіозности не имѣютъ ничего общаго.

Не самолюбіе оскорбленнаго автора — нѣтъ! это можно сказать положа руку на сердце — внушило Загоскину эти строки, а оскорбленное убѣжденіе человѣка, честно и горячо сдѣлавшаго убѣжденію. И вотъ онъ во имя этого горячаго убѣжденія, гнетъ гѣхъ, которыхъ признаетъ своими собратіями, какъ говорится «на рѣшаву». Отступать нельзя. Корсаковъ въ примѣчаніяхъ извиняется передъ романистомъ и прямо говоритъ: «Guilty! вотъ и все оправданіе! Я и товарищъ совершенно согласны во всемъ этомъ...» Это даже трогательно, кромѣ всякихъ шутокъ.

Но, точно ли отступать передъ религіозностью М. Н. Загоскина и его романовъ было нельзя? Вотъ это другой вопросъ. Послѣдствія доказали, что можно, но только послѣдствія доказали это, а еще доказываютъ и можетъ быть долго еще будутъ доказывать, что между обскурантизмомъ и религіею свѣта, между застоємъ и ученіемъ любви — нѣтъ ничего общаго... Для всѣхъ этихъ послѣдствій нужны были и простая книга отца Парсенія, поразившая своей простотою мудрыхъ и разумныхъ и жадно прочтенная толькою, и глубокое мышленіе И. Кирѣвскаго и блестящія, оригинально-смѣлые и широкіе взгляды Хомякова, и полное вѣры, любви и жизни слово архимандрита Осодора и, позволю себѣ сказать,

чисто-наивныя литературныя выкладки, — идеалия натурализма, на который всего болѣе нападали слѣпые поборники застоя. Посмотрите, какъ поблѣднѣлъ юродивый Митя «Юрія Милославскаго» передъ одной главой въ «Дѣтствѣ» Толстаго, гдѣ съ такой правдой и любовью изображено лицо юродиваго, такъ что вы въ этомъ простомъ художническомъ изображеніи не заподозрите не то что тѣни фальши, но даже какой либо сентиментально-субъективной примѣсы. Сравните смерть идеальнаго добродѣтельнаго человѣка въ романѣ «Рославловъ», съ смертями севаstopольцевъ у Толстаго же, для сцену дѣйствительно теплую, но фальшивую по примѣси субъективнаго и сентиментальнаго, — сцену смерти боярина Кручины-Шалонскаго въ «Юріѣ»... ну хоть съ сценою смерти простаго благочестиваго мѣщанина, въ очеркахъ г. Зарубина, печатающихся въ «Библіотекѣ для Чтенія» подъ названіемъ: «Жизнь», — очеркахъ замѣчательныхъ въ высшей степени, какъ свидѣтельство громадныхъ шаговъ натурализма въ наше время... Сравните все это между собою, — сравните наконецъ противно-сентиментальное добродушіе загоскинскихъ лицъ съ типами Островскаго, въ роляхъ «Агаѳона» и для васъ будетъ ясно, что передъ «религіозностью» загоскинскихъ романовъ отступить было можно безъ оправданій и извиненій, во имя правды и жизни.

Но теорія — слѣпая и узкая, какъ всякая теорія — отступить не могла и повлеклась къ крайностямъ роковымъ процессомъ.

• Я полагаю — продолжаетъ нещадно-последовательно наивный талантливый человѣкъ застоя — что религіозность въ романѣ состоитъ въ томъ, *чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминать читателю, что земная жизнь есть не цѣль, а только средство къ достиженію цѣли; что безъ христіанской религіи нѣтъ истиннаго просвѣщенія, что мудрость западныхъ философовъ есть только муть земная и кимвалъ земцалы, и что наконецъ одна только вѣра въ Христа даетъ человѣку возможность быть истинно добродѣтельными: все это — видитъ Богъ — можетъ быть очень душно, но я стараюсь выполнять во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ...*»

Что за удивительная смѣсь — невольно перерву я выписку — вышнихъ, несомнѣнныхъ истинъ, съ узкими, чисто-личными враждами противъ философіи, съ чисто-личными стремленіями заставлять искусство *напоминать*, указкой указывать. Невольно повторить слова, сказанныя отцомъ архимандритомъ Теодоромъ въ его борьбѣ съ г. Аскоцекскимъ, «Всѣ обскуранты кажутся думающими, что для Бога разумъ человѣчскій такъ же мало дорогъ какъ для шихъ!»

Прямая — говорить даже Загоскину, — съ инфернала, впрочем, поделбать, поэтому устал бороться одинъ противъ нашихъ склятковъ, еврейцевъ, дубровлазовъ, неадамистниковъ Ррасси, аполлогистовъ немстодыхъ страстей и постоовъ сладострастья, т. е. заццтмиковъ земной жизни и встать ея наслажденій. Но когда сталъ выходить вашъ «Маякъ», и я познакомился съ Бурачкомъ, то сердце мое снова ободрилось; я сказалъ: слава Богу! теперь я не одинъ — насъ двое! теперь есть у меня сослуживецъ на этомъ ратномъ полѣ — да еще какой? чудо-богатырь! не тутъ-то было. Бурачекъ не хочетъ меня признать и товарищемъ. Жалъ! нашъ полкъ не великъ, а нѣтъ — забавя Господа!!

Удивительно видѣнъ въ этомъ мѣстѣ Загоскинъ, — видѣнъ и дѣтѣхъ вѣроятно, которые не знали его, не читали даже его сочиненій, а читали аксаковскія «Воспоминанія» — добродушный, наивный, ведалекій — кидяющійся на шею и... таковъ фанатизмъ терроръ, чуть что не инквизиторъ въ своихъ умственныхъ враждахъ. Да иначе и нельзя, Терроръ требуетъ жертвъ какъ древнѣе идолы. «Домашняя Бесѣда» обнаружила же въ прошломъ году интимную переписку Загоскина, переписку, изъ которой видно, что мрачное изувѣрство и ему самому грозило огненными сковородами за сомнѣнїе въ огненныхъ сковородахъ... Благодушный старый ребенокъ играетъ съ огнемъ, а все-таки остается старымъ ребенкомъ. Такъ съ нимъ и обращаются мудрые друзья его: «Guilty! Guilty! повторяетъ въ выноску П. А. Корсаковъ». Безъ вины виноваты! Заставьте жѣ себя вѣчно Бога молить». А тѣмъ не менѣе онъ какъ роковая сила влечетъ и долженъ влечь своихъ мудрыхъ друзей, къ тѣмъ крайнимъ предѣламъ, гдѣ всѣ разсужденія становятся уже только амплификаціею немногословной, но глубокой содержаніемъ думы Паша Леонасьевича Фамусова:

По моему, чтобъ зло прастѣть,
Такъ вѣдь бы книги дѣй да сжечь!

Вотъ онъ обращается къ самому г. Бурачку, съ слѣдующею рѣшительною рѣчью:

«Теперь я обращусь прямо къ вамъ, неумолимый мой судья; я думаю Корсаковъ исполнилъ уже мое препорученіе, мы съ вами обвинались, слѣдовательно можемъ говорить откровенно какъ старинные прїатели. Г. Бурачекъ (имя и отчества вашего не имѣю честь знать)! я прочелъ съ восторгомъ вашъ разборъ духовныхъ сочиненій, съ наслажденіемъ почти всѣ статьи о словесности; но когда дочитался до послѣдсша Мараньскаго и взглянулъ потомъ въ статью о философіи, то лжи такъ холодомъ и обдало! ахъ, батюшки! подумалъ я, ужь не хочешь ли

одинъ изъ самыхъ лучшихъ изъ насъ Гаммади? Что это, почтенный Бурачекъ, вы такъ уважаете философію, разумѣется, я говорю о философіи, которая ведетъ или лучше сказать, старается вести насъ къ познанію истины и къ необходимости нашего перерожденія, другой я не признаю. Эта философія для плохого христіанина наука сбивчивая, шатающаяся и рѣшительно неудовлетворительная, потому что душа его чувствуетъ, что она ищетъ истину не тамъ гдѣ долженъ искать ее и что божественная истина недоступна для всякаго и всякаго разума, и ограничивается одною только вѣрою. Для истиннаго христіанина философія (не протестантская!) одно пустословіе; потому что истинныя ея вопросы для него давно уже рѣшены. Не истинный тотъ христіанинъ, который считаетъ себя доказателемъ бессмертія души въ Цаходоховѣ Фредоу, не истинный тотъ христіанинъ, который старается блуждать передъ наукою, въ которой дѣлаются слѣдующіе вопросы (извѣняйте); Не самобытенъ ли видимый міръ? Конечно ли онъ, или у него не было начала и не будетъ конца? Не правда ли, что эти вопросы и рѣшенія ихъ должны выказаться христіанину не только пустословіемъ, но даже и богохульствомъ? Осмѣлился ли онъ повѣрить своимъ ничтожнымъ земнымъ умомъ истинны вѣрченныи самими Богомъ? да и что прибыли ему изучаться философіи; чтобы узнать, что онъ долженъ вѣрить тому, чему давно уже, безъ всякихъ доказательствъ вѣрить. Воля ваша, какъ бы ни вы стали уже доказывать, что я, т. е. М. Н. Загосинъ — точно М. Н. Загосинъ, а не кто-нибудь бы я сказалъ, что это пустословіе. Къ чему же ведетъ эта наука когда кто вѣруетъ? ровню ли къ чему; и неужели вы скажете, что вѣруетъ только тотъ, кто учился философіи? Г. Бурачекъ! вы называете почти всѣхъ насъ язычниками, что къ несчастію довольно справедливо, смотрите не сдѣлайтесь сами язычникомъ, не вздумайте сами вѣсто Бога поклоняться философіи, т. е. вашему земному разуму. Древніе ему и поклонялись, это очень естественно, философія была откровеніемъ эллино-мудрецовъ, а мы по милости Божіей христіане, т. е. знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окена, ни всѣхъ этихъ эллино-христіанскихъ болтуновъ, о мудрости которыхъ лижется не съ большою похвалою отзывался апостолъ Павелъ. Теперь, позвольте, Бурачекъ, помазать у васъ на прощанья руку, только сдѣлайте милость не будьте ласковымъ, не гнѣвайтесь на меня за то, что я думаю не по вашему, а по моему...

Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ является въ этихъ тирадахъ одѣтымъ пожалуй нѣсколько по модѣ ужѣ, онъ и о Кантѣ и объ Фихте слыхалъ, до него объ Окенѣ какъ-то долетѣли слухи, а все же онъ Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ, милый, достолюбезный врагъ всякаго духа изслѣдованія

Обычай мой такой —

Подписано и съ рукъ долой!

Решите, пожалуйста, «принимать ли юль» будущаго года, однако, если не съ

Лизю, то сценами сентиментально-добродетельной любви, добрый-шій Павелъ Аванасьевичъ, который

всякому, ты знаешь радъ,

со всякимъ обнимается и т. д. Но кромѣ забавныхъ «амусовскихъ» чертъ, въ тирадахъ, есть черты мрачныя, по крайней мѣрѣ вводящія на мрачныя размышленія.

Теорія «всѣхъ» едешь къ извѣстнаго рода терроризму своихъ adeptовъ. Загоскинъ былъ наивный Камилла Дюмулена, «обскурантизма, относительно строгости и суровости Робеспьера этого дѣла. Но на этого Камилла Дюмулена была своего рода Марата, чистый господинъ, съ которымъ интимную корреспонденцію его обнаружилъ «Домашняя Вѣзда» этотъ истинный гебертизмъ «вракобъеизмъ». Въ обскурантизмъ были и свои constituents и свои жирондисты...

На смѣлыя наивности Камилла Дюмулена, г. Бурачекъ отвѣчалъ какъ наставникъ, въ некоторую защиту философию, въ выноскѣ подъ письмомъ, но въ сущности, наивное письмо бросило «Маякъ» въ роковую процессъ. Конечнымъ словомъ этого процесса, — была вражда ее «славы» дукомъ исследования. Чего не доказала «Маякъ» то въ наши дни по терзущимъ и стогнамъ гласить «Домашняя Вѣзда», послѣдовательнѣйшее развитіе мрачной теоріи, которой первою жала однако въ «Маякъ» съ самаго начала этого изданія, которой плевеи заглушали все доброе и передовое, что было въ «Москвитянинѣ» до 1850 года и примѣшивались по временамъ даже къ преобразованному «Москвитянину» пятидесятихъ годовъ, съ которой невольное соприкосновеніе въ некоторыхъ пунктахъ парализировало силы благороднаго славянофильскаго направленія, то заставляя другихъ ложно смотрѣть на него, то вторгаясь иногда страннымъ образомъ въ самое это направленіе. Теорія мрака и застою, съ которой борьба стала вполне возможна только въ наши дни, на ее же полѣ — теорія, которой часть суждено только въ такой борьбѣ подъ ударами могущественной діалектики автора книги: «Православіе и современность» и догматической учености «Православнаго обзрѣнія»...

Теорія разумѣется начала свое дѣло не съ тѣхъ крайнихъ положеній, которыя такъ добросердечно высказалъ наивный Загоскинъ въ своемъ письмѣ, появившемся въ VI части перваго (1840) года «Маяка современнаго просвѣщенія и образованности». Крайнія положенія конечно заключались уже и притомъ заключались сознательно въ идеяхъ издателей журнала, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, но еще не высказывались съ такою ясностью и простотою.

Что такое была «Маякъ»? Для многихъ изъ читателей, этотъ

шурвалъ: «чуждой» дѣлкій шнуръ, и дикъ всѣхъ, это можно сказать утвердительно, онъ представляется чѣмъ-то въ родѣ «Домашней Бесѣды» въ большихъ размѣрахъ. Между тѣмъ такое понятіе не совсѣмъ вѣрно. Между «Малкомъ» и «Домашней Бесѣдой» такая же бродня, какъ — опять прибѣгаю къ сравненію — между теоріями Максимилиана Робеспьера и гобертизмомъ. «Малкъ» въ наше время вѣроятно также бы отвернулся отъ цинизма убогой газетки, какъ нѣкогда французскій депутатъ и сто партій отъ аютювель Рѣге Дюшессне'я, который бралъ почти всегда съ собою.

«Малкъ» для насъ уже теперь — исторія. Мы можемъ подойти къ нему какъ къ всякому явленію безъ страха и вражды. «Малкъ» былъ на болѣе немалѣе какъ прямой наследникъ направленія Шиншера съ одной стороны и продолжатель направленія Лабзинскаго «Сіонскаго Вѣстника» съ другой: Стало быть, онъ сложился изъ двухъ элементовъ, которые можно назвать: одинъ — мистифицизмомъ; — другой — петербургскимъ націонализмомъ.

Мистифицизмъ можно оставить въ сторонѣ; но первыхъ потому, что онъ дѣло до сихъ поръ загадочное, породившее и Вейсгаута съ его маломыслиемъ и Новикова съ его просвѣтительскою дѣятельностью и видѣтъ съ тѣмъ множество совершенно противоположныхъ явленій; но вторыхъ потому, что собственно къ предмету новыхъ разсужденій, къ вопросу объ отношеніяхъ нашего сознанія къ народности, эта струя не относится. Во всякомъ случаѣ, въ мистифическія начала «Малка» есть своего рода блестящая сторона. Логичностью изложенія и извѣстнаго рода силою мышленія г. Бурачекъ могъ поразиться не одинъ М. П. Загоскинъ. Suum cuique, пора это сказать во всеуслышаніе. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о философскихъ принципахъ, г. Бурачекъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы «Маяка», является мыслителемъ логическимъ, діалектикомъ въ разработавшимъ свой оригинальный методъ, съ которымъ можно спорить, но котораго нельзя было бы не уважать, если бы онъ самъ по болѣе уважалъ свои принципы и не прилагалъ ихъ ко всякой дѣятельности, за недостаткомъ лучшей, если бы онъ своихъ личныхъ, старческихъ вкусовъ и антипатій не вносилъ въ борьбу за принципы.

Противъ взгляда чисто отрицательнаго должна была непременно явиться реакція, долженъ былъ выступить взглядъ положительный...

Но взглядъ отрицательный былъ силенъ и тѣмъ, что отрицалъ дѣятельность общества, и тѣмъ, что имѣлъ точки опоры въ литературѣ. Это литература, которая отомла имени литературѣ, которая была живая, онъ принималъ за точку отправленія: все мертвое, вы-

думанное, осужненное — они отвергали. Но точка отрицательная не расходилась съ общимъ сочувствіемъ. Въ стрѣжѣ, да въ отеческой «альшмивоего выдуманнаго, сочиненнаго паклячалося гдѣсь нмъ, обрѣземъ его силъ. Со' вѣтъ жидымъ онъ имѣть объ руку, разлосилъ его, проков'дуд, распространяя: Борьба за Пушкина, за Лермонтова, за Гоголя, была для него вѣтъ съ тѣмъ и борьба за вѣтъ. Онъ вѣрилъ въ живыя силы жизни.

Но въ вѣтъ живыхъ силахъ отрицательный взглядъ видѣлъ не все, что онъ въ себѣ заключалъ, что онъ вѣселъ съ собой въ мирѣ и потому разлосилъ ихъ односторонне, по своему. Они были также тебрія, и не могъ быть инымъ.

Несообразные съ его выводами, а темновѣе было въ ту эпоху не мало, раздѣлились на два толка. Одни отвергли самую точку зрения отрицательнаго взгляда, отвергли живую литературу и нѣтъ жалко намъ, тѣмъ должны были отвергать безпомяданно. Чтобы держаться за что нибудь дѣйствительное, они въ сѣбѣ усердія защищали рядъ «выдуманныхъ» сочиненій, сами «выдумывали» сочиняли новую литературу и сочиненныя ими или ихъ послѣдователями мѣшлости въ какомъ-то странномъ освѣщеніи выдавали за настоящую литературу, отстаивали жарко надѣиости, и разумѣется остались совершенно одни. Это направление называлось поперечное «ѣе Млжнова и замкнулось въ «Маякъ».

Другіе напротивъ жарко вѣрили въ живую литературу, но вѣрой мѣрѣ въ Пушкина и въ Гоголя, но имѣть съ тѣмъ не могли долго перейти завѣтной черты и хотѣли помирить сочувствіе къ живому, съ сочувствіемъ къ отжившему во имя святости преданія. Въ мысли о значеніи преданія, они были совершенно правы, но высокую мысль они приковывали къ такому выдуманному водору, какъ почти вся наша литература XVIII и начала XIX вѣка и къ такимъ безобразнымъ остаткамъ этого выдуманнаго водора, какъ творенія г. М. Дмитріева или пѣснопѣнія г-жи Авдотьи Глинки. Правые въ борьбѣ за народность и преданіе съ отрицательнымъ взглядомъ, они были въ высшей степени неправы въ борьбѣ за фальшь, которой обличеніе считали чуть ли не за стѣпенъ leae majestatis. Это направленіе породило «Москвитянинъ» первой эпохи, такъ много мѣшавшій «Москвитянину» пятидесятыхъ годовъ, мѣшавшій и самому редактору его безспорно передовыхъ идеяхъ и молодой редакціи въ ея юношескихъ, но честныхъ и пламенныхъ стремленіяхъ.

Ни то ни другое направленіе не было славнопочтествомъ, хотя съ тѣмъ и съ другимъ славнопочтество имѣло подлинное, многообщаго, до того, что въ главахъ отрицателей славнопочтество съ тѣмъ, то съ другимъ направлениемъ, до самой минуты своего отпаденія. Славно-

это было только въ видѣномъ. Славянофильство никогда не мѣрилось съ существующимъ, какъ напрвленіе «Маяка», не прилагало своихъ строгихъ принциповъ къ первой попавшейся дѣйствительности; самые принципы захватывало несравненно шире и притомъ выводило ихъ изъ мистическаго тумана въ философско-историческій области какъ Курѣвскій и Хомяковъ; честно во имя этихъ принциповъ отвергло всякую фальшь, порожденную реформою и отвергло даже значеніе самой реформы. Идеалъ свой оно отодвинуло въ прошедшее. Съ другой стороны оно не могло слиться и съ направлениемъ, выходящимъ въ «Москвитинѣ». За направлениемъ «Москвитинина», в первой и второй его формѣ, можно зачислить одну задачу. Оно никогда не было теоретическимъ, будучи часто хаотическимъ. Оно вѣрило въ живую жизнь, и несло по ея волнамъ, вербаке съ вѣтромъ и тучами. Оно видѣло всегда народъ какъ народъ, не зная дѣленія его на до петровскій и послѣ петровскій, на стемной и городской и т. д. Славянофильство выдѣлилось изъ этихъ двухъ направленій, какъ совершенно особое явленіе, какъ сила болѣе отрицательная, чѣмъ положительная и потому, оно не войдетъ въ настоящее разсужденіе, имѣющее дѣло съ оппозиціею положительнаго взгляда.

Оппозицію эту я называлъ оппозиціею застоя и попытку историческаго анализа ея, чертами изъ исторіи мракобѣсія. Она была дѣйствительно такою въ «Маякѣ», потому что онъ и опирался на одну дѣйствительность застоя и самъ сочинялъ новую, по такому же образцу, осѣдленно враждуя со всеми живыми силами жизни до того, что водъ конецъ все живое ирривозгласилъ погребельнымъ и погребивъ самъ, передалъ свое завѣщаніе гебертизму «Домашней Бесѣды». Она являлась такою и въ «Москвитинѣ», потому что долго стремилась служить двумъ идеямъ, и вѣруя въ живое, все пробовала нельзя ли какъ нибудь сберечь и драгоценную тину. Оппозиція положительнаго взгляда только тогда перестала быть оппозиціею застоя, когда она оперлась на новыя силы жизни, сказавшіяся въ новой литературѣ, въ литературѣ натурализма. Тогда она стала оппозиціею законной, оппозиціею жизни теоріямъ, какъ западнымъ, такъ равно и славянофильскимъ.

II

«Много добраго — такъ говорили издатели «Маяка» въ заключеніи VI книги перваго года своего изданія (1840) — хотѣлось намъ одышать духъ добраго русскаго, издаваніемъ «Маяка». Дѣль его — духъ полнаго

и наслаждение. *Содержание* его — общность *идей*: что только может заинтересовать человека. *Исполнение* «Маяка» — не погнушайте процфрять теперь *вместѣ* съ нами: что такъ — примите, что не такъ — помогите исправить. Мы уже столько сдѣлали, что можно довольно безошибочно обсудить и цѣль и исполненіе; и не такъ еще далеко мы зашли, чтобы не было возможности поправить и передѣлать...

Такъ говорилось въ той самой книжкѣ, въ которой печаталась статья Загоскина; — въ той самой книжкѣ, съ которой теорія *не* — увлеклась по роковому процессу къ своимъ крайностямъ. Въ заключительной статьѣ этой VI книжки, въ сжатыхъ и точныхъ чертахъ повторялась нѣкоторымъ образомъ программа изданія, — программа, съ принципомъ которой можно было пожалуй спорить, но которая представляла собою, какъ основанную на известной документальномъ изложеніи убѣжденій, могущихъ имѣть свое законное *вѣсто* въ *человѣческомъ* мышленіи.

Мы начнемъ, — продолжаютъ издатели, — свой отчетъ подробнѣе изложеніемъ *содержанія* «Маяка», которое, направляясь къ разнымъ *исключительнымъ* цѣлямъ, черезъ нихъ же постоянно стремится въ тоже время къ одной преобладающей цѣли. Мы не побоимся войти, гдѣ это нужно будетъ, въ нѣкоторыя подробности и доказательства; вы не бойтесь и прочтите ихъ со вниманіемъ, для того, чтобы имѣть *полное* право судить и судить справедливо.

1) На заглавномъ листѣ вы читаете: «Маякъ — собраніе *трудовъ ученыхъ и литераторовъ русскихъ и иностранныхъ*». Цѣль не мудрая, такихъ сборниковъ у насъ много. Вѣтъ журналы, хоть не такъ, но *не* — добные же сборники. Какъ бы то ни было, все-таки эта цѣль достигнута; можетъ быть и не совсѣмъ дурно, по крайней мѣрѣ мы слышали будто въ «Маякѣ» есть вещи хорошія.

2) Но собирать статьи можно просто, какъ случится, разставляя ихъ только по условеннымъ сортамъ, не заботясь много о томъ, къ чему они ведутъ; были бы только сегодня интересны; или можно это собраніе подчинить особой системѣ, ведущей къ своего рода высшей цѣли. Это вторая главная цѣль, не только еще не достигнутая, но даже не вполне еще выясненная читателямъ «Маяка» — есть *просвѣщеніе и образованность*.

Итакъ, главная цѣль «Маяка» была повидимому въ высшей степени похвальная: просвѣщеніе и образованность... Но отъ чего же эту столь общую цѣль издатели какъ будто защищаютъ, защищаютъ свое изданіе отъ какихъ-то, — какъ слышится въ тонѣ, нападеній? *Все дѣло въ томъ*, что слова «просвѣщеніе и образованность» — понимаютъ они иначе, нежели понимали другія современныя *наши* журналы, выражающіяся въ другіхъ, современныхъ *нашихъ* журна-

лахъ, — и особенность своего пониманія этихъ словъ, они высказали въ общихъ чертахъ въ самой программѣ. Въ заключительной статьѣ VI книги — особенность эта выражена прямо и ясно.

Вотъ что говорятъ издатели:

«Странно покажется, а дѣйствительно такъ: XIX вѣкъ столько превозносится своимъ просвѣщеніемъ и образованностью, а между тѣмъ во второй четверти XIX же вѣка, три четверти человѣковъ едва ли умѣютъ различать два слова:

• *Просвѣщеніе* и — *скука*.

• *Образованность* и — *мораль*: таже скука. Для нихъ это синонимы. Истинно, о которыхъ бы они и слышать не хотѣли...»

А! вотъ оно что. Маякъ стало быть предполагалъ и въ обществѣ и въ литературѣ — выражающей и потому самому руководящей обществу — наибольшую разрозненность сознанія съ истиннымъ просвѣщеніемъ и съ моралью. Стало быть и особенность его понятія о просвѣщеніи и образованности — есть особенность отрицательная. Значеніе его въ оппозиціи — ложному просвѣщенію и безнравственности, господствующимъ въ обществѣ и литературѣ, — во имя истиннаго просвѣщенія и нравственности.

• Хорошо — такъ продолжается разъясненіе — если то, что я призываю за просвѣщеніе, точно просвѣщаетъ а не мрачитъ. Хорошо, ежели то, что я называю образованностью — дѣйствительно, изъ животнаго какимъ я родился, преобразуетъ меня въ человѣка — въ существо богоподобное, высокое, способное счастливить и быть счастливымъ.

• Но если все это на оборотъ? Тогда сколько усилій потерянныхъ, трудовъ напрасныхъ, а можетъ быть и — погибельныхъ! Вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи и образованности становится вопросомъ высочайшей важности; и вѣтъ человѣка, кто могъ бы сказать: «это до меня не касается». А когда такъ, то и мы коснемся этого предмета поглубже.

• Какъ безъ солнечнаго свѣта все томится, сидитъ во тьмѣ, спотыкается, падаетъ, леденѣетъ, мереть, такъ, и въ милліонъ разъ болѣе такъ, душа — безъ просвѣщенія.

• Просвѣщеніе и образованность могутъ быть истинныя и вздорныя, существенныя и поверхностныя, полезныя и вредныя. Мы относимъ просвѣщеніе къ разуму, образованность къ сердцу. Для разума необходимъ свѣтъ истины, для сердца — теплота любви.

Все это — философскіе принципы, въ которыхъ много истины, изъ которыхъ все пожалуй — истина, кромѣ одной повидному совершенно второстепенной, невывающей на первый планъ мысли, мысли о «потерянныхъ, мажорсныхъ и можетъ быть — погибельныхъ»

трудоу. Все остальное не новость, все остальное встрѣчаемъ мы въ мыслителяхъ какъ Хомаковъ, Курѣвскій, отецъ Θεодоръ (и напоминаю только о ближайшихъ къ намъ) — и видимъ, что это не ведетъ ни къ отрицанію свободы общественной, ни къ отрицанію красоты въ искусствѣ, ни къ отрицанію испытующаго духа въ философѣ, а напротивъ придаетъ только всѣмъ этимъ возвышеннымъ стремленіямъ силу, прочность, центръ. Но эти высокія основы — можетъ быть по сущности своей представляютъ собою такую высокую и острую крутизну, на которой въ железе равновѣсія могла удерживаться только глубочайше христіанскіе мудрецы первыхъ семи вѣковъ и весьма немногіе изъ современныхъ, наслѣдовавшіе отъ нихъ не букву, которая мертвитъ, а духъ, который животворитъ. Немногіе дошли до той высоты воззрѣнія, потребной для простой и великой въ простотѣ своей мысли о Θεодора, что для Христа человѣчeskій разумъ вовсе не такъ ничтоженъ какъ для нѣсколькихъ поборниковъ застоя и насильственного единства, для нѣсколькихъ духовныхъ централизаторовъ, которымъ всякіе пути, уклоняющіеся отъ буквы, представляются *«усиліями потерянными, трудами напрасными, а можетъ быть и погибельными»*. Централизаторы, приверженцы буквы, — странная вроня! — становятся свой собственный разумъ, т. е. свое личное, скованное пониманіе буквы мѣриломъ путей великой и таинственно-неусладливой силы и, — не зная ни ея послѣдующихъ проявленій, ни ея конечныхъ цѣлей, — произносятъ съ высоты присвоеннаго себѣ авторитета приговоръ всякимъ путямъ, кромѣ тѣхъ, которые условлены ихъ буквою... Вредъ происходящій отъ такого произвольнаго, хотя выѣстъ и рабски-буквальнаго указанія путей, ужасенъ и въ области мышленія и въ области искусства и въ области жизни. Много ли повтораю, найдется Хомаковыхъ, Курѣвскихъ, отцовъ Θεодоровъ? Мы были свидѣтелями страшнаго, трагическаго событія, которое было прямымъ результатомъ воздѣйствія страшной централизаторской теоріи на глубокую и впечатлительную, во несчастную и тревожную натуру высокаго художника, Гоголя. Его сомнѣніе въ духовномъ значеніи его дѣятельности, его смерть... не страшный ли это урокъ — но не міру, который лишился въ немъ великаго органа любви и свѣта, а централизаторамъ, еслибъ они въ гордости своей были доступны какимъ либо урокамъ? Въ высшей степени замѣчательно въ его несчастной «перепишкѣ» то письмо къ какому-то изувѣру-ираколюбцу, въ которомъ возгъ отстаиваетъ значеніе арены, на которой посильно служить оиъ правдѣ, красотѣ и любви — значенію театра. Есть избранныя, необыкновенно ясныя души, которымъ нравъ вовсе не касается, которымъ не можетъ представиться

и самый вопрос о возможности и победимости стремлений человека къ правдѣ, дружбѣ и любви, сама одна стремленія суть действительное стремленія. Такова была напримѣръ, ясная и свѣтлая душа Жуковского, котораго самыя мистическія размышленія, ни разу не довели до сомнѣнія въ значеніи высшихъ стремленій человеческихъ, который, въ письмѣ своемъ къ Гоголю боится и колеблется произнести судъ даже надъ дѣятельностью германскаго поэта и радикально-противоположному его собственному жизненному и поэтическому возрѣнію. Но Гоголь, именно потому что былъ несравненно глубже Жуковского по натурѣ, несравненно способнѣе къ энтузиазму и фанатизму, рѣшительно испугался «погибельныхъ» путей — испугался до того, что ни собственный его глубокий умъ, ни внушенія автора «Грѣхъ» писемъ къ Гоголю не могли его успокоить. Въ письмѣ напримѣръ къ враколюбцу, онъ видимо мучительно борется съ страшнымъ для него взглядомъ, подозревая въ тоже самое время самаго себя въ борьбѣ съ истиною. Тогда какъ дѣло рѣшалось очень просто. Враколюбецъ вопіялъ на театръ по буквѣ, а не по духу великихъ мудрецовъ и учителей, во времена которыхъ, театръ уже утратилъ всякое серьезное значеніе и которыхъ вражда была враждою серьезныхъ, и глубоко смотрящихъ на жизнь мыслителей противъ дѣла, потерявшаго всякое живое значеніе и получившаго значеніе враждной и даже развратной потѣхи властолюбія, сладострастія и порока. Однимъ словомъ, это была борьба духа съ плотью, съ мертвою, отжившею и извращенною бытіею, тогда какъ у нашихъ враколюбцевъ, стало это — борьбою жертвы буквы противъ живой жизни.

«Маякъ» хотѣлъ противодѣйствовать ложному просвѣщенію и безнравственности — но то, во имя чего онъ противодѣйствовалъ, его собственныя просвѣщеніе и нравственность, были чисто его, чисто субъективныя, прикованныя къ мертвой буквѣ понятія. Съ такого рода понятіями, онъ, чѣмъ далѣе шолъ, тѣмъ больше и больше расходился съ живою жизнью. Начавши довольно умѣренно, съ принциповъ, которые сами по себѣ совершенно истинны, онъ еще до загоскинскаго письма — въ приложеніяхъ принциповъ къ дѣлу, обличился уже въ своей полной несостоятельности. Свое собственное старческое несочувствіе къ явленіямъ жизни, онъ счелъ за проведение высокихъ идей...

Вотъ съ чѣмъ между прочимъ выступалъ онъ еще въ 1840 году, еще до письма Загоскина:

Въ книгѣ IV, обвинивши (стр. 185) литературу нашу вообще въ томъ, что ей недостаетъ философіи, религіозности, народности, — уничтоживши значеніе Жуковскаго, хотя до какой-то непослѣдо-

взятости искусственное впрочемъ съ изобиліемъ въ 1840-мъ году обвиненіями въ деизмъ; сохранивши еще уваженіе къ старшимъ критикамъ и къ Карамзину, критикъ доходить наконецъ до Пушкина:

«Что мнѣ будетъ, говоритъ онъ (Малкъ. 1840 г. ч. IV. стр. 188) если я не обвиняю скажу, что тотъ, кто признавъ былъ воссоздать русскую поэзію, именно тотъ *урокилъ ее, по крайней мѣрѣ десятилетия на четыре* — это Пушкинъ. Съ огромнымъ пренебреженіемъ быть орудуемъ человечества, онъ *удовольствовался словомъ ювелира*, оставилъ намъ нѣсколько томовъ чудныхъ поэтическихъ шрушекъ и почти ничего безсмертнаго. Пожалуйста не сердитесь! выслушайте, а дѣло говорю.

Первый стихъ его, могучій, ушный, звучный — возбудилъ общій восторгъ и удивленіе. Литературные старики на рукахъ его носили, молодежь гурьбой бѣжала за нимъ, осыпая знаками удивленія, и восклицанія. *Писать стихи ему ничего не стоило*: это была живая фабрика чудныхъ стиховъ. *Слава готова — къ чему ученье и трудъ?* И Пушкинъ не воспользовался всѣми предоставленными ему средствами ученія и просвѣщенія, онъ самъ намекнулъ объ этомъ въ своемъ портретѣ. Духъ, вылившійся по духу его времени, когда господствовали библейскія общества и либерализмъ, *для противныя, неразлучныя элементы (!!!)* увлекся въ молодости легкомысліемъ, свободой, разгуломъ друзей, молодежи, встрѣтилъ на пути преграды, плотныя — всѣхъ нисла, думалъ было волной перекатиться черезъ нихъ и развился *олицетворенной эпиграммой. Простое его захватили да полусмерти.*

«*Не ищите у Пушкина философіи. Онъ не зналъ ее.* Циркулярный умъ и лучше остроуміе, способное направляться во всѣ стороны, никогда не замѣнитъ философіи. Пушкинъ не всегда *бѣрный слухъ истины*; поэтическихъ соизмовъ, парадоксовъ у него много. Все это скрыто подъ блескомъ и красотой стиха. Не ищите у Пушкина религіозности: его умѣли отворить отъ нея. А безъ этихъ двухъ жизненныхъ элементовъ, не можетъ быть жизни и въ произведеніяхъ. Только въ послѣднихъ его произведеніяхъ, мелькаетъ что-то похожее на религіозность, и поэтому то нельзя довольно оплакать, что Пушкинъ, *самъ не успѣлъ поправить того, что самъ же испортилъ въ молодости.*

«Что касается до народности, Пушкинъ былъ бы поэтъ по превосходству русскій, если бы по недостатку некуственного просвѣщенія разума, особливо образованія сердца и воли, развитія и оживленія чувства, *т. е. по недостатку матеріаловъ, умственной капитала для творчества*, не смотря на значительный даръ творчества отъ природы, былъ бы, говорю, Пушкинъ великій поэтъ народный, если бы по всему этому *не увлекся за Жуковскимъ* въ подражаніе иноземному, особливо Байрону, сходному съ нимъ по превратностямъ жизни, борящійся съ обществомъ, но который далеко превосходилъ Пушкина ученостью и знаніемъ тайнъ человеческого духа и сердца, *чего Пушкинъ, какъ не философъ, никогда не изучалъ.* Пушкинъ былъ пейзажистъ, Байронъ —

историческій живописецъ. Что Пушкинъ видѣлъ, то мастерски схватывалъ и въ прозе и въ стихахъ писалъ; но онъ схватывалъ только вышшее въ челоука и общества. Человѣческія фигуры: да его пейзажажъ — вещь второстепенная. Не знаю, понятно ли я говорю: но больше разяснить некогда.

Пушкинъ какъ и Байронъ былъ *сухъ, колючъ, блестящъ, могучъ*: *оснаотворной теплоты любви — ни въ томъ ни въ другомъ*. Оба они больше разрушали, чѣмъ созидали, больше отрицали, чѣмъ полагали. Удивительно ли, что все преклонилось предъ ними, все увлеклось за ними? — подражатели разомъ поймали механизмъ пушкинскаго стиха, манеру, скорбь и вопли его генія, не туда направленного: но эти вопли приняли за разочарованіе, тоску, безнадежность самаго Пушкина, — за необходимую принадлежность всякаго великаго поэта. Кому не хотѣлось быть великимъ безъ великихъ дарованій и трудовъ? — и вотъ въ современной нашей поэзій много стиховъ прекрасныхъ, *есть даже лучіе чѣмъ у самаго Пушкина, но нтъ въ нихъ философіи, ни религіозности, ни народности, нтъ свѣта, тепла, жизни, нтъ поэзій*; а только безжизненный, красивый стихотворный трупъ. Надо здать новаго Пушкина. Между нынѣшними пѣвцами, почти ни одного нтъ; онъ еще арѣтежъ. Пушкинъ! кто бы ты ни былъ, сознающій уже въ себѣ его крылья, его могучесть — остановись! не читай своихъ стиховъ пріятелямъ, не показывай ихъ журналистамъ. Не лиши теперь много, не испясывайся прежде времени; ты пока еще теперь маленькій резервуаръ и скоро опорожнишься! роднякомъ, кто только призванъ быть *нмъ*, дѣлается въ половинѣ жизни. Сохрани же дѣятельность и свѣжесть поэтическихъ силъ твоихъ! изучай словомъ и дѣломъ философію, религію, народность. Подчини свою волю строгой «еругѣ» повиновенія. Спасай свое сердце отъ всего порочнаго. Разумъ свой просвѣщай истиной, чувство внушеніемъ красотъ природы, откровенья и искусства; но съ послѣднимъ будь остороженъ, не увлекайся ложными образцами: изучай, сравнивай всѣхъ, но никому не подражай и т. д.

Я не останавливаю читателей на поразительномъ сходствѣ упрековъ, дѣлаемыхъ «Маякомъ» Пушкину, — сходствѣ простирающемся до тождества самыхъ выраженій, съ упреками дѣлаемыми поэту въ наше время прогрессистами-теоретиками и обскурантами-теоретиками... Дѣло въ томъ, что какъ «Маякъ» 1840 года, такъ и теоретикъ нашихъ дней — равно теоретикъ, равно приступаютъ къ жизни съ готовыми мѣрками — и поневолѣ становятся къ ней и къ отраженію ея литературѣ — въ отношеніе чисто-отрицательное.

Я нарочно беру теоріи «Маяка» въ первую его эпоху, — въ ту эпоху, когда они еще не глядятъ съ одной стороны на одиннадцатую версту, какъ «Маякъ» 1844 и 1845 годовъ и не отвращаютъ еще отъ себя гербертизмомъ «Домашней Бесѣды». Отъ приводимыхъ мною мѣстъ, далеко еще до удивительныхъ статей о Пушкинѣ

г. Мартьянова, до обаянія всѣхъ писателей нашихъ въ области историческѣй, до сближенія литературы съ периодомъ энциклопедическѣй. Но всѣ эти послѣдующія «прелестя», принадлежащая къ области одиннадцатой версты или «Домашней Бесѣды», заключаются уже какъ бы въ зернѣ въ первоначальныхъ критическихъ статьяхъ «Маяка».

Что они не заключаются какъ въ зернѣ, въ тѣхъ принципахъ, которыхъ «Маякъ» хвалился быть представителемъ, на это лучшимъ доказательствомъ будетъ развернуть любую изъ статей Хомякова, Кирѣевского или отца Теодора...

Мракъ былъ послѣдствіемъ чисто-субъективной теоріи издателей и примѣси ея къ принципамъ. Примѣсь эта тѣмъ была вреднѣе, чѣмъ серьезнѣе были принципы, ибо тѣмъ болѣе вводила въ искушение. Самое славянофильство, изъ уваженія къ принципамъ не раздѣлилось явно, рѣзко съ «Маякомъ», не только сначала, но даже и въ послѣдствіи. Позволяя себѣ иногда отиѣтить фальшивый тонъ въ сочиненіяхъ г. Муравьева, оно какъ будто несмѣло вступить въ открытую борьбу съ теоріями г. Бурачка, ибо, по странному ослѣпленію, считало такъ же какъ «Маякъ» и его адепты своимъ родоначальникомъ Шишкова...

«Маякъ» былъ чистымъ органомъ шишковизма или петербургскаго славянофильства. Отличительнымъ свойствомъ этого направленія было отрицательное отношеніе ко всему современному, — стремленіе насильственно удержать старое, — однимъ словомъ не консерватизмъ, а застой. Застой этотъ — старчески бессильный, призываетъ къ себѣ на помощь принципы весьма важныя и существенныя, но и самыя принципы, профанируемые съ самаго начала приложеніемъ на защиту застойной тины, постепенно профанировались все болѣе и болѣе и дошли наконецъ до гебертизма «Домашней Бесѣды».

Да и не могло быть иначе. Вотъ какъ съ самаго же начала глядѣлъ «Маякъ» на современность и ея органъ — литературу.

• Ежели — говорить въ той же статьѣ критикъ, — образцы поэзій, съ одной стороны невѣрно направленные, а съ другой превратно, поверхностно понятыя и исключенныя, *прямо вели къ упадку нашу поэзію*, то теоріи, ученія, сужденіе о поэзій, окончившіяся *отрицаніемъ всѣхъ правилъ и законовъ*, окончательно довершили упадокъ всей литературы и довели ее до *нипышняго разжиженнаго состоянія*. («Маякъ» 1840 г. Т. IV. стр. 199).

«Маякъ» предполагалъ литературу въ упадкѣ — и только что на первый разъ предлчія ради, но жаловался съ адмираломъ Шишковымъ

вѣтъ на-то, что именованные осмѣливаются судить о Хорасовѣ — и серьёзные, существенные принципы заставляя служить такниче-скимъ и върѣшнымъ преданіямъ какъ Бургіева риторика, забвеніе которой считать отрицаніемъ «всѣхъ правды и законовъ» — и какъ вся наша высокотожественная литература XVIII вѣка, въ условіи отъ которой онъ видѣлъ *нынешнее разожженное состояніе* литературы. Великіе и серьёзные принципы брались литературными Фамусовыми только въ провѣтъ, вѣдько на защиту дорогой имъ эпохи «выдуманнхъ» сочиненій. Молясь съ самаго же начала вопіеть на то что «идею, всѣхъ извѣстныхъ произведеній поставили единственно *удовлетвореніе эстетическому вкусу*; не подчиняя ихъ ни какому другому условию...» Подъ другими условиями разумѣлись конечно — извѣстныя, китайски опредѣленные нравственные понятія. А какъ только какая бы то ни было теорія, но только теорія застою, но положительно какая бы то ни было, хотя бы теорія самаго крайняго прогресса — начнеть приступить къ жизни и ея органу — искусству, съ нашими либо *своими* требованіями, а не съ тѣми которыя въ видѣ заключаются, т. е. не съ эстетически-жизненными — такъ она тотчасъ же станетъ къ знаменательнѣйшимъ явленіямъ искусства и жизни въ то отрицательное отношеніе, въ которомъ Пуритане напримѣръ находились къ Шекспиру, а наши теоретики разныхъ сортовъ къ Пушкину, — всѣ отъ г. Бурача до г. Дудышкина, отъ г. —ова до г. Лекоченскаго и г. Гымаю.

Теорія же застою разумѣется не остановится да и не можетъ остановиться ни передъ какими безобразіями. Отъ признанія эстетическихъ требованій, «Маякъ» ведетъ всѣ бѣдствія, постигшія несчастную російскую словестность.

Отсюда — говоритъ критикъ (*ibidem*) — всѣ пороки рѣзни, оргія, преступничество, каторжники, цыгане, разбойники, пираты, контрабандисты, жидаы, шулеры, всѣ жестокости челоѣчества поступили въ число матеріаловъ для изящныхъ произведеній. Всѣ наши литераторы поголовно *не изучали философіи научнымъ образомъ* (*), вѣроятно, а принимая въ слова зто и другіе германскіе эстетическіе законы изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, какъ символъ литературной вѣры и проявляли эти теоріи словомъ и деломъ, ученіемъ и образцами.

(*) Далась же эта несчастная философія (разумѣется по Баумейстеру, какъ риторика по Бургію) — и далась не только литературнымъ фамусовымъ, а людямъ повыше. Попрекнулъ же недавно Бѣлинскаго незнаніемъ философіи, тоже явно незнающимъ по Баумейстеру или по Бавмейстеру) — челоѣкъ во многомъ передовой, г. Погодинъ. Эти — упреки нѣчто въ родѣ застарѣлой болтовни.

Какими образцами проявлять «Маякъ» свои теории — отрицается уже изъ этой же самой статьи. Образцами являются Вулгаринъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, Гречъ въ своей «Черной женщицѣ», Степановъ въ «Постоломъ дворѣ» и въ особенности г. Башуцкій — послѣдній въ особенности, жбо первые признаются образцами далеко несовершенными.

И такъ — вотъ какими шаткими опорами долженъ былъ «Маякъ» поддерживать свои теории въ дѣйствительности. Дѣйствительность же вся, кромѣ «Маяка», эти опоры отвергала.

Къ тому въ чемъ дѣйствительность являла руководящее выраженіе своихъ силъ, къ настоящей невыдуманной литературѣ — «Маякъ» сразу же сталъ въ отрицательное, укорительное и обличительное отношеніе. Въ особенности замѣчательно ясно высказался весь взглядъ «Маяка» — въ той же самой IV части, въ разборѣ Героя *какимъ временемъ* Лермонтова — разборѣ, замѣчательномъ и основными мыслями и даже самыми формами, которыя глядятъ уже на ольшадатую версту и приближаются къ достолюбезнымъ формамъ «Домашней Бесѣды.» Разборъ этотъ — позволяю собѣ привести съ большою подробностью.

Она начинается разговоромъ въ гостиной. Въ гостиной потому, что слово бы было по старому, но простодушной манерѣ «Вѣстника Европы» — подбивать публику разговоромъ между просвирней, дьячкомъ и корректоромъ типографіи. «Маякъ» покоряется условіямъ времени.

«Вы читали, сударыня Героя», какъ вамъ кажется? — Ахъ, безподобная вещь! по-русски ничего еще не было подобнаго... такъ это все живо, мило, ново... слогъ такой легкой, интересъ, такъ и заманиваетъ.

«А вамъ, сударыня?»

«Я не видала какъ прочла; и такъ жаль было что скоро нишалося — зачѣмъ только двѣ, а не двѣнадцать частей.»

«А вамъ, сударыня?»

«Читается... ну прелесть! изъ рукъ не хочется выпустить. Вотъ если бы всѣ такъ писали по-русски, мы не стали бы читать ни одного романа французскаго.»

«Ну, а вы Ив. Ив. что скажете?»

«А мнѣ кажется, что появленіе «Героя нашего времени» в такой приемъ ему *всею разительныи доказываетъ упадокъ нашей литературы и вкуса читателей.*

«*Вся (въ толку).* Ахъ! да какъ это можно? ахъ, кто такъ варварски судить! ахъ! это просто зависть!.. ахъ! вотъ какъ убиваютъ таланты... ахъ! помилуйте Иванъ Ивановичъ!»

«*J. Mesdames. messieurs* — чѣмъ такъ спорить, да шумѣть, не луч-

не имъ теперь же расчитывать всю книгу, пересмотрѣть всё ея при-
жизне, подотакки, винтики, части, обсудить и тогда...

• *Она.* Пересмотрѣть, обсудить. . . *настоящій мужчина*; кто разсуж-
даетъ, когда надо просто наслаждаться? • Герой • истинное наслажденіе,
душечка, какъ миль! ужась, какъ миль!

• *Я.* Какъ вамъ угодно, mesdames, я хоть для себя это сдѣлаю, пока
вы наслаждаетесь. . . (Маякъ, ч. IV, стр. 210).

Вооружаться на дурной тонъ этого приступа — нечего. У Нице-
дина Надоумки въ «Вѣстникѣ Европы», тонъ еще хуже — но у него,
впрочемъ грубыхъ сѣмипарскихъ выходовъ временами есть дѣло.
Приступъ «Маяка» я привожу вовсе не для глумленія надъ его претен-
зіями на свѣтскость. Изъ этого приступа видно — что «Маякъ» по-
нималъ, съ какимъ важнымъ для общества литературнымъ явле-
ніемъ онъ имѣетъ дѣло — хотѣлъ сказать имъ, какъ отозвалось въ
обществѣ созданіе Лермонтова, какъ оно возбудило интересъ даже
въ томъ, въ комъ ничто интереса не возбуждаетъ, кого Гоголь ад-
сдѣлствіи не церемонясь называлъ «пустыми свѣтскими баками».

• Я въ самой вещи развинтилъ «Героя», продолжаетъ послѣ *при-
стаю* приступа критикъ, «и вотъ что нашолъ: виѣшее построеніе ро-
мана хорошо, слогъ хорошъ; содержаніе *романтическое по превосход-
ству*, т. е. *ложное въ основаніи*; гармоніи между причинами, явленіями,
сдѣлствіями и цѣлью, ни малѣйшей, т. е. *внутреннее построеніе романа
нкуда не годится*, идея ложная, направленіе кривое. •

Вотъ что называется истинная обдѣлка à la Собакевичъ — но
слушайте далѣе:

• Оболочка свѣтскаго человѣка схвачена довольно хорошо, черты
духа и сердца человѣческаго, обезображены до негѣпости. Весь ро-
манъ — эпиграмма, составленная изъ безпрерывныхъ софизмовъ, *такъ
что философіи, религіозности, русской народности и слѣдовъ нѣтъ*. Все-
го этого слишкомъ достаточно, чтобъ угодить вкусу героевъ нашего
времени, но въ тоже время, для человѣка здравомыслящаго, т. е. для
профана въ современномъ героизмѣ, слишкомъ неотраднo; отъ души жа-
лѣешь, за чѣмъ Печоринъ, настоящій авторъ книги, такъ во зло упо-
требилъ прекрасныя свои дарованія, единственно изъ-за грошовой по-
дачки, похвалы людей, зѣвающихъ отъ пустоты головной, душевной
и сердечной. Жаль, что онъ умеръ и на могилѣ поставилъ себѣ на-
пятикъ легкаго чтенія, похожій на гробъ похвальный: снаружи
красивъ, блеститъ мишурой, а внутри гниль и сираль.

• Кто же вскрываетъ гробы?

• Правда, не сдѣловало бы, но для ложнаго литературнаго сдѣлствія
это необходимо.

• Вотъ содержаніе гроба: Герой нашего времени — *въ отличіи со-*

слава на Кавказъ, въ одну изъ эпопеическихъ арміею. Она является коменданту крѣпости, штабсъ-капитану Максиму Максимычу. Максимъ Максимычъ, герой прошлыхъ временъ, простой, добродѣтельный, чуть-чуть грамотный, слуга царю и людямъ на жизнь и смерть: больше многіе Максимы Максимычи перевернулись въ герои нашего времени. Бой гай въ отставкѣ по хуторамъ, а на Кавказѣ, но крѣпостямъ, уцѣлѣли ихъ отрывки. Здѣсь Максимъ Максимычъ весь цѣлкомъ, живой и былъ бы единственнымъ отдаленнымъ лицомъ во всей книгѣ; слава живописецъ для большого ужаса своего: «герои» не вздумаютъ отнять добрика штабсъ-капитана отливомъ дивной красоты, смущая чудяка. Таковы уже зазоры легкаго чтенія — *et salubre debrui cada cadoditur только смѣшное, оно будетъ судо и скучно.* За каждую милу и какъ великъ герой, стоя рядомъ съ Максимомъ Максимычемъ, который принялъ его въ свою пустыню какъ друга, ласкалъ какъ брата, ухаживалъ за нимъ какъ отецъ, а тотъ? ... тому все это было смѣшно, несносно... Только что не надѣлалъ онъ Максима Максимыча, за любовь его, щелчками по носу... жаль, авторъ не воспользовался этимъ для полноты трескучихъ эффектовъ.

Герой, настоящий герой! въ дождикъ, въ холодъ, целый день на охоту, вся иззябнуть и устануть, а ему ничего. А въ другой разъ, въ комнату, вперть пахнетъ, уверяетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а на кабана ходилъ одинъ на одинъ.

За тѣмъ критикъ въ насмѣшливомъ тонѣ рассказываетъ исторію похищенія Бельи, охлажденія къ ней Печорина и ея смерти. Замѣчательно, что на слова Печорина: Глупецъ я или злодѣй, не знаю, — критикъ отвѣчаетъ такъ, совершенно уже во вкусъ и въ тонѣ г. Аскоченскаго:

«А я, такъ знаю, слѣдовало бы отвѣчать Максиму Максимычу, ты и то и другое, и глупъ какъ дерево, при всей остротѣ твоей, и волъ какъ голодный волкъ! и если ты не хотѣлъ отдать за нее мимолетной прихоти, то жизни и подавно не отдашь. Но авторъ не велѣлъ ему такъ отвѣчать, а герой знай себѣ мелеть героическій вздоръ на тотъ же ладъ, нѣсколько страницъ и кончилъ — скукою.»

Въ такомъ же тонѣ продолжаетъ критикъ передавать и дальнѣйшее содержаніе романа. «Отдѣлавши» первый рассказъ, онъ замѣчаетъ:

«Ничто: воровство, грабежъ, пьянство, (??) похищеніе и освобожденіе двушки, два убійства, прерзаніе ко всему святому, одеревенѣлость, парадоксы, софизмы, зѣвство духовное и тѣлесное. Все это элементы перваго акта похождения героя! Въ самомъ дѣлѣ, ужасно какъ должно читаться, такъ легко, утѣшительно! и все такъ мило, совершенно во вкусъ образованнаго общества, особливо нѣжнаго пола, и такъ натурально! живая натура!»

«Стань я не хочу склеить будто грѣшныя, грязныя и порочныя лепешки человѣческія надѣе новсе исключить изъ числа матеріаловъ и колеровъ поэтической словесности и ублаживать читателя одними добродѣтельными, свѣтлыми, высокими, чистыми, которыя такъ же рѣдки въ падшемъ человѣчествѣ, нѣтъ, я хочу только, чтобъ всѣ колера картины человѣческаго сердца были съ подлиннымъ вѣрны, съ тѣсною и съ свѣтлою стороны, чтобъ читателей не водили въ кабинетъ идеальныя чудовища, нарочно подобранныя, чтобы картина грязной стороны къ чему-нибудь служила, а не вредила и (курсивомъ въ подлинникѣ) *шмебы авторъ не клеветалъ на цѣлое поколѣніе людей, выдавалъ чудовище, а не человека, представителемъ этого поколѣнія.*»

Здѣсь не мѣсто защищать Лермонтова отъ нелѣпныхъ обвиненій въ апофеозѣ порока — обвиненій, которыя самъ поэтъ какъ будто предвидѣлъ въ своемъ многосудномъ предисловіи ко второму изданію романа. Пойдемте дальше за критикомъ.

Разсказавши по своему равнодушную встрѣчу Печорина съ Максимомъ Максимычемъ — онъ удивительнѣйшимъ образомъ передаетъ разсказъ «Тамань». Передача эта — какъ будто похищена изъ неуязвимыхъ лавровъ г. Асоченскаго. Слушайте :

«Второе похождение героя случилось въ Тамани. Городишка жератій, никто не пускалъ героя на квартиру. Варвары, новѣжки! не пускать изъ себя героя нашихъ временъ! Толи дѣло образованный и просвѣщенный классъ! Не только всѣ будуары ему настежь: шиты и эти сколько хочешь, но и сама спать съ нимъ сладко и пресладко! Бѣда нашлась въ Тамани честная семья, на краю города, на берегу моря, глухая старуха, слѣпой сынъ и хорошенькая дочка; то были контрабандисты, герои, достойные героя нашихъ временъ. Въ первую же ночь герой подмѣтилъ, что старушка не глухая, слѣпой не слѣпъ, и дочка *лихалъ дѣвка*. Онъ какъ-то сталъ присматриваться на красотку, намекнуть ей, что онъ замѣтилъ ихъ промѣселъ. Дѣвушка героиня и въ лицѣ не измѣнилась, прикинулась влюбленною, обняла, поцѣловала героя, назначила ночью свиданіе на берегу, герой заткнулъ пистолетъ за поясъ и пошелъ. Дѣвушка ждала его, посадила въ лодку, отодвинулась, лодка поплыла, героиня обняла героя нѣжно-сладко, пистолетъ бухъ въ воду. Герой смѣкнулъ дѣло. *Дѣвка на героя*, такъ и тащить его въ воду. Герой борется лодка макренчалась. *Дѣвка — это, охъ — дѣвка*: кончилось тѣмъ, что, какъ слѣдуетъ, герой побѣдилъ героиню, сбросилъ ее въ воду, та скрылась въ волнахъ.»

Вы видите, что критикъ не брезгаетъ ни какими тономъ для введенія своего взгляда въ толпу — какъ и вообще теорія шрика блестятельно доказываетъ и въ наши дни отсутствіе брезгливости въ лицѣ своихъ агентовъ гг. Асоченскаго, Култинскаго, Баркова (незавѣстнаго переводчика академіи, и одного изъ сочинителей бро-

шюрт о современныхъ идеяхъ, представляющаго такъ сказать *оми-стительную* индйскую авитару прежняго). Непониманіе поэзіи рас-сказа «Тамань» тутъ явно намѣренное. Столь же явно намѣренное и непониманіе психологическихъ задачъ поэта. Съ софизмами Печорина — критикъ спорить, придастъ имъ нарочно значеніе *убльж-деній* времени и заключаетъ свои разсужденія такъ :

«Нельзя лучше придумать авитары на могилы всѣхъ героевъ на-шего времени! соизамъ на соизамъ, ложь на лжи, величость на величости, какъ сами они. Между тѣмъ, вѣдь мотивъ всего романа, имен-но эта тема, развита въ немъ въ лицахъ и словахъ. Психологическія несообразности на каждомъ шагу перенизаны мышленіемъ неустойчивой словесности. Короче, эта книга, идеаль геогностическій. Она должна имѣть огромный успѣхъ! Всѣ дѣйствующія лица, кромѣ Максима Макси-мыча съ его отливомъ *ridicule'a*, на подпоръ удивительные герои, и при оптическомъ разнообразіи, всѣ отлиты въ одну форму, самага автора Печорина, генераль-героя, и замаскированы, кто въ юпку, кто въ шинель, а присмотритесь, всѣ на одно лицо, и все *казарменные пра-порщики не переблсившіеся*. *Добрый пучекъ розогъ, и все бы рукой сма-ло!* Ну да впрочемъ это все вымышленное самимъ Печоринимъ для вѣщаго эффекта: *въ натуръ этакіе безчувственные, безсовѣстные люди невозможны*. Ванька Каинъ, и тотъ бывало, зарѣжетъ человѣка и му-чится совѣстью, а у этихъ господъ и гоеложъ совѣсти будто вовсе не бывало. Много есть эгоистовъ, негодяевъ, которые передъ людьми на-жуются, будто для нихъ нѣтъ ничего святого, *но въ думъ, въ сосамъ журналь, оми совсемъ другов чувствуютъ и вышутъ. А тутъ гарай, ташо доска, къ доска прибита мыслительная машинка; машинка вер-тится по: вѣтру, а вѣтру ничею не отдаѣется, ни разумъ, ни чувство, ни святость. Это психологически невозможно...*»

Положимъ, что и такъ — т. е. допустимъ, что критику фактъ, дѣйствительно странный и уродливый кажется психологическою не-возможностью — да вѣдь именно поэтому то онъ и долженъ былъ пресерьезнѣе въ него взглядѣться. Но дѣло въ томъ, что критикъ на-мѣренно принялъ его за психологическую невозможность, намѣрен-но относится къ нему легко, намѣренно искажаетъ его гдѣ толь-ко можетъ.

Вѣдь критикъ «Маяка» явнымъ образомъ — человѣкъ умный и по своему проницательный, вѣдь онъ явнымъ образомъ нарочно, юродства ради, влается въ тонъ гг. Баркова старшаго и Баркова младшаго. Вѣдь его воззрѣнія повторятся современемъ и въ воп-ляхъ славянофильства, настоящаго московскаго славянофильства, противъ «гнилыхъ» людей, и въ негодованіи г. — бова на Обломов-цевъ, и въ жизненномъ взглядѣ такихъ абсолютныхъ реалистовъ какъ Писемскій. Вѣдь въкоторыя выраженія и мысли въ ифстадѣ

и приведенныхъ — если забыть только неприличный тонъ — имѣютъ много общаго съ выраженіями и мыслями ненавистниковъ «гнилыхъ» «тронутыхъ тлетворной цивилизаціей» людей, гонимой Обломовцевъ, реалистовъ, которымъ Печоринъ не можетъ ничѣмъ живымъ казаться какъ непереребѣсившимся юношей, даже аналитиковъ какъ Толстой, которымъ въ натурѣ такія личности должны казаться невозможными. Однимъ словомъ во взглядѣ этомъ есть своя доля правды и эта доля правды, выступала въослѣдствіи и въ живыхъ типахъ литературныхъ и въ энергическихъ доктринахъ...

Странное дѣло, что доктрины столь по видимому различныя, какъ доктрина «Маяка», доктрина славянофильства и доктрина гг. Чернышевскаго и —ова, мирятся у насъ на одномъ — на враждѣ или равнодушіи къ Пушкину, на отрицаніи значенія типа Лермонтовскаго. Еще можетъ быть странноѣ то, что отрицая истинность Лермонтовскаго типа, всѣ доктрины самому Лермонтову придаютъ значеніе болѣе важное, чѣмъ Пушкину.

Критикъ «Маяка» понималъ, разбирая Лермонтова, съ какою силою онъ имѣетъ дѣло. Эту силу и свое пониманіе принесъ онъ въ жертву теоріи, доктринѣ мрака. Пушкина онъ явно не понималъ, но Лермонтова понималъ несомнѣнно. Мѣсто въ приведенномъ мною отрывкѣ о Пушкинѣ, гдѣ онъ обращается къ «новому» Пушкину, едва ли прямо не относится къ Лермонтову. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова въ XII книжкѣ «Маяка», того же 1840 года. Статья эта написана въ формѣ письма къ поэту, и заслуживаетъ подробнаго разбора. Человѣкъ умный и понимающій, человѣкъ честный, видимо борется въ ней съ фанатикомъ мрачной доктрины и фанатикъ — увь! одерживаетъ побѣду надъ умнымъ и честнымъ по натурѣ человѣкомъ. Не смотря на поучительный и назидательный тонъ статьи, въ ней слышно сердце, которому идолослуженіе теоріи можетъ быть многого стоило. Это не наглость «Домашней Бесѣды», хотя послѣ такой побѣды доктрины, наглость «Домашней Бесѣды» является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ взгляда «Маяка».

Статья начинается съ выходки противъ я и его господства въ нашемъ вѣкѣ — выходки, которая была бы и разумна и правильна, если бы не была такъ голо-отрицательна, если бы она оставляла этому я его законное существованіе, и если бы положеніе, что преобладаніе я убило повсемѣстно поэзію, не убивалось само такими громаднымъ фактомъ жизни какъ Байронъ и такими многозначительными фактами ея же, этой не поддающейся опредѣле-

віямъ жизни, какъ Лермонтовъ и Гейне. Кончивши свою діатрибу противъ я, критикъ прямо переходитъ къ Лермонтову.

• Перелъ нами (•Маякъ 1840 г. кн. XII, стран. 122), стихотворенія М. Ю. Лермонтова. Это замѣчательный стихотворецъ, очень и очень не послѣдній, можетъ быть первый изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ. Стихъ сильный, стальмой, оны и зметелъ, и удары, и запущены и блестятъ отраженіемъ мысли....

Неправда ли, что не смотря на старческій томъ начальныхъ словъ, стихъ Лермонтова опредѣленъ превосходно, точно какъ бы Бѣлинскимъ, и замѣтите! тогда, когда г. Шевыревъ доказывалъ, что стихъ у Лермонтова еще не сложился, еще подражательный, разбиралъ недосмотры и придирался къ грамматическимъ ошибкамъ. Особенность, *сталь* Лермонтовскаго стиха появили сразу только Бѣлинскій и — *credite pasteri!* — г. Бурачекъ. Послѣдній идетъ даже въ крайность:

• Но отличительное достоинство этого стиха, *которымъ оны едва ли не превосходитъ все русскіе стихи*: въ немъ столько словъ, сколько нужно ихъ для полного и яснаго выраженія мысли. Стихотворецъ кажется и не думаетъ о рѣмѣ, не разжигаетъ для полного счета стопъ своего стиха вставными ненужными словами. Если совершенный стихъ долженъ въ чтеніи сохранять всю естественность и свободу прозы, а это дѣйствительно такъ, то стихъ Лермонтова очень близокъ къ совершенству.

Критикъ, по глубокой инстинктивной враждѣ всякаго теоретика *biens* къ Пушкину, умалчиваетъ о Пушкинскомъ стихѣ, къ которому естественность, свобода и отсутствіе ненужныхъ вставокъ относятся несравненно въ большей степени, чѣмъ къ Лермонтовскому, но вслѣдъ же за этимъ удивительно мѣтко и точно говоритъ объ особенностяхъ Лермонтовскаго стиха, сравнительно съ стихами другихъ поэтовъ.

• Другое достоинство этого стиха — чистота, скудость на риторическіе орнаменты, даже иногда бѣдность ихъ. Оны совершенно *противоположенъ* стиху Бенедиктова, увѣшенному метафорическими серьгами, браслетами, фероньерками, гдѣ брильянтовыми, а *идь*, и большую частью *стразовыми*. оттого, что въ нихъ иногда, за неимѣніемъ мысли, могушей играть и отражаться въ тропическихъ границъ стиха — *вода, простая стекляная вода!* Стихъ Бенедиктова — *дѣвочка*: сформировуется, довоспнзается, образуется — *будетъ хорошеночная!* Стихъ Лермонтова — *мальчикъ*, рослый, плечистый, *себѣ на умѣ*. Рѣдко оны рѣзвится, еще рѣже оны играютъ *тѣми миленькими пуслячками*, *оу деторыхъ многіе находятъ воззю поэзіи*.

Да! такое трезвое и даже тонкое пониманіе, *какъ бы Бѣлин-*

слову такъ въ пору, особенно, повторю опять, въ ту эпоху, когда г. Шевыревъ мѣлъ въ ироническомъ восторгѣ передъ Бенедиктовымъ и отыскивалъ грамматическія ошибки въ Лермонтовѣ. Даже камешекъ, бросаемый въ огородъ Пушкина, въ граціозность его поэзіи, брошенъ во имя такого взгляда, съ которымъ можно спорить насчетъ его суровыхъ требованій, но который можно уважать.

«А когда такъ, спрашиваетъ вслѣдъ за тѣмъ критикъ, то чего жъ еще требовать? Россія можетъ гордиться отличнымъ поэтомъ?»

«Виредъ утро похвалу, какъ вечеръ ужъ наступить! *Одною захваленіемъ на повалъ, побережемъ хоть тѣхъ, которые цѣлы еще.* Послушайте, ушный поэтъ! Пока стихи ваши были въ вашей портфели, они были неприкосновенны для критики. Вы ихъ пустили въ свѣтъ, не угодно ли вамъ стать поодаль и вѣстѣ съ нами посмотрѣть на нихъ глазами посторонняго. Это право стоитъ труда.

«Стихъ мы видѣли; сохраните его навсегда такимъ: и на первой же выставкѣ покажемъ его всей Европѣ. Теперь посмотрите, что въ этомъ стихѣ содержится: его мысль, *содержаніе*, его душу.»

Прежде всего критикъ обращаетъ вниманіе на пьесу: «журналистъ, читатель и писатель. «При первыхъ же строчкахъ этого стихотворенія, т. е. при словахъ журналиста, онъ, старчески-вѣрющій, что все зло нашей литературы происходитъ отъ захваленія журналистами и друзьями (это цѣлая общая пѣсня съ покойнымъ Булгаринимъ), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

«Видите, всему злу причина эти журналисты. Вмѣсто того, чтобъ отъ поэтовъ требовать изобрѣтенія прекрасной дѣйствительности, истины, неразлучной съ добромъ и красотой, они требуютъ отъ нихъ сонныхъ грезъ, *мечты* (курсивомъ въ оригиналѣ), да еще и называютъ эти призракъ божественными. Должно быть у нихъ другой лексиконъ вещей и словъ. Но послушайся поэтъ? — журналисты не напечатаютъ стиховъ, не дадутъ колоссальной репутаціи; а не напечатаютъ — нечего будетъ собирать и издавать въ свѣтъ.»

Насколько это несправедливо вообще и въ особенности у насъ, въ нашей литературѣ, въ которой то и дѣло, что помимо критики и журналовъ, возникаютъ литературныя репутаціи повтовъ, какъ напримеръ Полонскій и Мей и зачастую такъ же холодно принимаются увѣщаніемъ журнальными лаврами репутаціи, нечего кажется и спорить. У критика «Мавка» это просто его *idée fixe*, такъ же, по отношенію къ Пушкину, какъ у Булгарина по отношенію къ Божалю.

Заключивши первоначальную выписку строкою поэмы, начинающейся вопросомъ: о чемъ писать? — критикъ говоритъ:

• Вы сунули правду сказали, умный поэт; сама же о чести писателя, а все журналы виноваты! Бѣгайте их! Не будь ежемѣсячной периодичности, оброка, поставки стиховъ къ сроку, вы бы можете быть добровольно написали цѣлую поэму, а изъ-подъ неволи: пиши, давай стиховъ! да еще стиховъ по нашей теоріи, чтобъ были *могучіе, раздирательные* (курсивъ въ оригиналѣ), безъ всякой цѣли, а пуще всего — непременно въ честь и славу я, которое терпѣть не *можетъ* «правственныхъ сентенцій», «наравоученій» или, что одно изъ тоже по новѣйшему толкованію «китайскаго духа». Да ко всему этому, чтобъ были еще и новенькіе, съ новою оригинальною мыслью. *Ни что не ново подлунною!* (курсивъ въ оригиналѣ). Данныхъ все тѣже отъ созданія міра, гдѣ же набраться новенькаго? по неволѣ бросишься въ свое я, оно теперь гигантски шагаетъ, молодѣетъ, новѣетъ, свобода у него полная; софизмы, призраки, все, что идетъ на перекоръ всему, признанному за истинное здравымъ смысломъ всего человечества, однимъ словомъ, полный просторъ: пиши что душе твоей угодно, только бы не совпадало съ тѣмъ, о чемъ прежде писали, и будетъ оригинально.

Здѣсь опять выступаетъ намѣренное непониманіе; все капризное, больное настроеніе поэта принимается за чистую монету, и когда поэтъ кончаетъ свою жолчную и грустную тираду опять тѣмъ же вопросомъ: *о чемъ писать?* критикъ хватается за этотъ вопросъ и нѣтъ ифры его торжеству надъ современностью.

• И такъ, поэтъ, — говорить онъ, — вамъ не о чемъ писать? Вы это говорите *не шутя, настойчиво, востерлате не разъ*. И такъ вы дѣлаете ваши поиски въ мрачной странѣ я, и за предѣлами этого мрака ничего болѣе не видите? Ежели это такъ, то я согласенъ, что вамъ не о чемъ писать: вы точно ничего не видите, потому именно, что сидите упорно въ потемкахъ я; это ужасное я не вамъ чета людей слѣпило. Но кто же вамъ далъ право думать, что если вы не видите, то ужъ ничего и нѣтъ? За странною мрака есть страна свѣта, зачѣмъ вы туда неидете? Тамъ, во свѣтѣ и при свѣтѣ вы увидите чудныя тайны міроздавія, устроеннаго по чертежу добра, истины и красоты...

Нѣсколько страницъ ратуетъ критикъ такимъ образомъ противъ я, привязывается къ «Думѣ», чтобы побранить наше поколѣніе, намѣренно принимаетъ случайный поэтический моментъ «И скучно и грустно» за убѣжденіе поэта и его поколѣвія... Всѣ эти воззрѣнія выражены впрочемъ серьезно и съ полнымъ уваженіемъ къ таланту автора. «Вопиющаго» въ нихъ нѣтъ ничего, многое изъ этого сказано было впоследствии и реализмомъ и разными доктринами; борьба противъ я обнаружилась впоследствии при домысливаніи бывшаго еколка съ героя нашего времени, «Тамарина»; а сама себя отголождъ въ насѣ. Чуть было даже борьба эта, полартама...

предѣлы доктринъ. Во всякомъ случаѣ, то, что говорилъ «Маякъ», повторилось.

Но это вовсе не торжество идей «Маяка», а торжество тѣхъ началъ, которыя онъ выставилъ на защиту своей идеи.

Идея же была чистый шишковизмъ, — шишковизмъ, который совершенно подавилъ даже и такой прямой и честный умъ, какъ умъ критика «Маяка». Странное дѣло! Можно ли узнать вѣрнаго и товкаго цѣнителя лермонтовскаго стиха въ слѣдующей оцѣнкѣ, а оцѣнка эта очень знаменательна. Дѣло идетъ объ одномъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній Лермонтова, о «Бородинѣ».

«Прекрасная вещь у васъ, поэтъ, «Бородино», говоритъ критикъ. Но «Бородино» такая колоссальная поэма, что простому усачу даже не понять колоссальности ея элементовъ. Объ этой вещи надо писать откъсывъ перомъ Ф. Н. Глинки. Вы сдѣлали большую ошибку, что не взяли труда на себя, а поручили усачу. Это произведеніе было бы выше и «пѣсни про царя Ивана Васильевича», и «Мцыри» двухъ серьезныхъ поэмъ, гдѣ вы вполне показали себя и прочъ.

Что это такое? спрашиваете вы себя съ невольнымъ удивленіемъ. Глубокая и товкая оцѣнка лермонтовскаго стиха, серьезность мысли и доктрины хотя односторонней въ борьбѣ съ я, и вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанность къ ходульности... Лермонтовъ и Ф. Н. Глинка, — правда поэзіи или поэзіи правды и сильная во-сторженность, стали и шумиха! Логическая рѣчь мужа превращается вдругъ въ старческую болтовню; человѣкъ способный понимать значеніе Лермонтова, требуетъ вдругъ отъ поэзіи того, надъ чѣмъ уже и Дмитріевъ насмѣялся, требуетъ, чтобы были

и Фебъ и райски кривы,

требуетъ того, чего

Нехитрому уму не выдумать и вѣкъ ..

Еще знаменательное мѣсто о «пѣсни про царя Ивана Васильевича». Критикъ, по видимому появившій всю красоту и силу поэмы, вдругъ, выписавши удивительное мѣсто о казни Степана Калашникова, замѣчаетъ, что «такія страницы, сказалъ Сегюръ, не достойны даже исторіи, не только поэзіи»... какъ-будто бы комунибудь нужно еще принимать къ свѣденію, что сказалъ Сегюръ, относить «подобныя сцены кроваваго, бурнаго молодечества» къ неистовствамъ словесности, съ ироніей потомъ называетъ Наполеона «молодцомъ изъ молодыхъ», съ замѣчательною тупостью порицаетъ «Три пальмы» за то, что караванъ срубилъ и сжегъ единственныя три благодѣтельные пальмы въ песчаной пустыни, закрывавшія коло-

дець съ водой, а «Дары Терекъ» за то, что тутъ есть два угасившихъ. Изумительно!

Критикъ переходитъ наконецъ къ «Мцыри.» Выписавши стихи:

Однажды русскій генералъ,
Изъ горъ къ Тифлису подвѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути:
Онъ былъ казалось лѣтъ шести;
Какъ сердца горъ пугавъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ какъ тростникъ.
Но въ немъ звучательный надумъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ

онъ начинаетъ новую діатрибу уже не противъ я, а противъ звѣрства, какъ-будто апотеозу звѣрства хотѣлъ представить поэтъ въ своемъ «Мцыри»:

«Надоѣлъ этотъ могучій духъ! Воспѣванія о немъ поэтовъ и мудрованія о немъ философвъ, удивительно жалки и приторны. Что такое могучій духъ? Это — дикія движенія челоука, не вышедшаго еще изъ состоянія животнаго, въ которомъ Я свирѣпствуетъ необузданно.»

Другими словами, могучій духъ — неукротимая страстность, и съ нею-то, не только съ неукротимой страстностью, но вообще съ страстностью борется доктрина «Маяка» — доктрина крайне односторонняя, проведеніе которой въ жизни удовлетворимо бы лишь только идеалу скотческихъ сектъ. А добрый и умный старикъ Крыловъ, который умелъ и не въ однихъ басняхъ, прекрасно сказалъ въ своемъ посланіи о пользѣ страстей, что

Они ведутъ науки къ совершенству,
Глупца ко злу, философа къ блаженству.
Хорошъ сей міръ, хорошъ; но безъ страстей
Онъ кораблю бъ былъ равенъ безъ снастей.

Могучій духъ въ медвѣдь, барсъ, василискъ, Ванька Каинъ, Картушь, Робеспьеръ, Пузачовъ, въ дикомъ юрецъ, въ Александра Македонскаго, въ Цесаря, въ Наполеонъ — одинъ и тотъ же родъ: дикая, необузданная воля, естественная въ звѣрѣ, преступная въ челоукѣ, тѣмъ болѣе преступная, чѣмъ онъ просвѣщеннѣе...

Вотъ оно, слово разгадки! Ванька Каинъ — явленіе совершенно однородное съ Наполеономъ и Александромъ Македонскимъ, это тотъ и другой, однородны съ барсомъ, медвѣдемъ, василискомъ.

Письмо благодушнаго М. Н. Загоскина, помѣщенное въ IV кнѣжкѣ — наконецъ таки принесло свой плодъ въ XII-й!..

Съ этого момента, взгляды «Маяка» естественно перестаютъ уже подлежать серьёзному спору, и серьёзному обсужденію...

III

Мы рѣдко оставились наединѣ. — такъ повѣствуетъ герой одного изъ загоскинскихъ романовъ о началѣ недозволенной и законопреступной страсти къ женѣ пріятеля, а когда это случалось, то говорили о нашей дружбѣ, о счастіи двухъ душъ, которыя понимаютъ другъ друга, читали вмѣстѣ «Новую Элоизу» • Вертера • Августа Лафонтена. • Закашской отгадавъ: мы трогались, плакали, раза три принимались перечитывать «Бѣдную Лизу» • Наталью боярскую дочь • и «Островъ Борнгольмъ» — но, что болѣе всего нравилось Нанинѣ, что мы знали оба почти наизусть, такъ это не большой драматическій отрывокъ: «Софья», особенно замѣчательный по своему необычайному сходству съ сочиненіями французскихъ романистовъ нашего времени. Читая его, мы такъ сказати, предвкушали наслажденіе, которое доставляетъ намъ теперь молодая французская словесность. Этотъ литературный грѣхъ великаго швейцера, едва начинавшаго свое блестящее поприще, не помѣщаетъ въ полномъ собраніи его сочиненій и, быть можетъ, многіе изъ нашихъ читателей не имѣютъ о немъ никакого понятія... (Искуситель сатиры. М. Загоскина. Москва 1854 г. (третье изданіе) ч. III. стран. 54),

Позволяю себѣ и я напомнить современнымъ моимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ большинству изъ нихъ, что этотъ грѣхъ принадлежитъ Карамзину. Въ смирдинскомъ изданіи полного собранія сочиненій русскихъ авторовъ, они найдутъ его въ сочиненіяхъ Карамзина, т. III, стран. 283. Въ литературномъ смыслѣ, — это дѣйствительно грѣхъ — и грѣхъ, который въ наше время не можетъ быть прочитанъ безъ смѣха, болѣе даже чѣмъ «Бѣдная Лиза», «Наталья боярская дочь», «Островъ Борнгольмъ» (наименѣе впрочемъ смѣшной изъ этихъ рассказовъ, не лишонный даже нѣкотораго жиденькаго, но сумрачнаго колорита). Загоскинъ или герой его романа, очень смѣшно и даже остроумно, хотя не вездѣ вѣрно, передаютъ всю нелѣпность содержанія этого драматическаго отрывка.

• Вотъ въ чемъ дѣло: Софья, молодая и прекрасная женщина, точь въ точь одна изъ героинь Бальзака или Евгения Сю, вышла замужъ, по собственнй своей волѣ, за г. Доброва, шестидесятилѣтняго старика, такого же самоподательнаго и услужливаго мужа, каковъ мосье Жанъ,

въ романъ изъстѣлаго Жоржа Занда, или лучше сказать, благодѣтельной 1-жи Дюдеванъ. У этого Добрава, Богъ вѣсть почему, живетъ какой-то французъ Летьень; онъ соблазняетъ Софью. Софья рѣшается сказать объ этомъ своему мужу и просить у него позволенія уѣхать съ своимъ любовникомъ въ Брянскіе лѣса. Старый мужъ удивляется, не вѣритъ; но Софья объявляетъ ему, что она уже три года въ интригѣ съ французомъ, и что сынъ, котораго Добровъ называетъ своимъ, не его, а ея сынъ. Старикъ начинаетъ кричать, шумѣть, передаетъ ее проклятію; съ нимъ дѣлается дурно; потомъ, онъ приходитъ въ себя, плачетъ, импровизируетъ ужасные монологи, проситъ у жены прощенья, становится передъ ней на колѣни. Но Софья женщина съ характеромъ: она говоритъ пречувствительныя рѣчи, и все-таки не хочетъ съ нимъ остаться и просить позволенія уѣхать съ французомъ. Наконецъ великодушный мужъ соглашается, закладываютъ карету и добродѣтельная супруга отправляется съ мосье Летьень въ Брянскіе лѣса.

Должно замѣтить, что здѣсь нашъ добрый романистъ пересолитъ. Какой бы ни былъ нравственный либералъ Карамзинъ въ свою эпоху — и все-таки онъ не дошолъ еще до теоріи добровольнаго соглашенія, такъ «блистательно» выдвинутой въ наши дни авторомъ «Подводнаго камня». Вы думаете, читатель, что «Подводный камень» вещь новая? Разуверьтесь! Еще Карамзинъ задавался этою мыслію. Но у него, какъ у человѣка, болѣе свѣжаго, менѣе зараженнаго теоріей, Добровъ вовсе не съ миромъ отпускаетъ отъ себя свою Софью. Когда она, прощаясь съ нимъ, бросается къ ногамъ его и рыдая говоритъ: «Въ послѣдній разъ прошу тебя забудь меня! Въ послѣдній разъ...» Добровъ, вырывается и раздражительно говоря: желаю вамъ всякаго добра, уходитъ въ кабинетъ. Софья бросается къ дверямъ, но онъ запираетъ ихъ. Карамзинъ еще былъ не теоретикъ, онъ только поставилъ вопросъ, а не рѣшилъ его какъ г. Авдѣевъ, который опередилъ, куда ужъ его — но даже автора великаго психологическаго романа: «Кто виноватъ» потому: г. Авдѣевъ — молодецъ, «молодецъ изъ молодцовъ» — выражаясь слогомъ г. Бурчака.

«Все это», продолжаетъ разказчикъ — «какъ яволите видѣть, оченъ натурально, но конецъ еще лучше. Жить вѣчно въ лѣсу вовсе не забавно. Французъ начинаетъ скучать и, отъ нечего дѣлать, вползаетъ за Парашею, горничной дѣвушкою Софьи. Барыня замѣчаетъ, ревнуетъ, французъ крадетъ у нее десять тысячъ рублей и угovarиваетъ Парашу бѣжать съ нимъ въ Москву. Софья ихъ подслушиваетъ, кладется на француза, рѣжетъ его ножомъ, потомъ сходитъ съ ума, бѣгаетъ по лѣсу, разговариваетъ съ бурными вѣтрами и кричитъ: мора, пролейтесь! Подлинно сумасшедшая! Ну какія мора въ брянскихъ

досадъ? Къ концу довольно длиннаго монолога, который закониваетъ сначала Шекспирова «Царя Лира», а подъ конецъ его же «Макбета», Софья подбѣгаетъ къ рѣкѣ, кричитъ: вода, вода! бросается съ берега и тонетъ....

Все это такъ, все это рассказано уморительно вѣрно — но не литературную неслѣпость юношеской попытки Карамзина казнить здѣсь добродушнѣйшій и талантливѣйшій изъ шишковистовъ, а «безнравственность» его содержанія и — вредное ея вліяніе. Вы удивляетесь конечно, что же намолъ онъ тутъ безнравственнаго и какое вредное вліяніе могло отъ Софьи происходить?.. А вотъ послушайте:

«Однажды, рассказываетъ герой — это было уже зимою, часу въ девятомъ вечера, я забѣжалъ къ Дѣтпровскимъ. Мужа не было дома; не смотря на ужасную вьюгу и морозъ, онъ отправился въ англійскій клубъ. Надинна была одна. Она сидѣла задумавшись передъ столикомъ на которомъ лежала разогнутая книга; мнѣ показалось, что глаза у нея заплаканы.

— Что съ вами?.. спросилъ я. Вы что то разстроены?

— Такъ, ничего! отвѣчала Надинна: — я читала..

— Софью?.. сказалъ я, заглянувъ въ книгу.

— Да. Странное дѣло, я знаю наизусть эти предествныя сцены и всякій разъ читаю ихъ съ новымъ наслажденіемъ.

— Чему жъ вы удивляетесь? Одно посредственное терлетъ вмѣстѣ съ новостью свое главное достоинство; но то, что истинно, превосходитъ...

— Повѣрите ли? продолжала Надинна, — мой мужъ, котораго я уговорила прочесть этотъ драматическій отрывокъ, говорить, что въ немъ нѣтъ ничего драматическаго; что пошлый злодѣй Летьевъ походить на самаго обыкновеннаго французскаго парикмахера; что Софья гадка; что мужъ ея *вовсе не жалокъ, а смѣшонъ и очень дурачъ*? Боже мой! до какой степени можетъ человекъ засушить свое сердце! То, что извлекаетъ невольныя слезы, потрясаетъ душу нашу, кажется ему и пошлымъ и смѣшнымъ! Я уважаю Алексѣя Семеновича: онъ очень добрый человекъ и любить меня столько, сколько можетъ любить; но сожалѣется, Александръ Михайловичъ, такое отсутствіе всякой чувствительности въ человекѣ, съ которымъ я должна провести всю жизнь мою, ужасно!..

Никому конечно въ наше время, при чтеніи «Софьи» Карамзина, не придетъ въ голову мысль о томъ, что это — произведеніе для нравственности вредное. «Софья», просто плохая вещь и потому конечно, великій писатель исключилъ ее изъ собранія своихъ сочиненій. Но въ ту эпоху, даже и его «Софья» — какъ ска-

заль я уже въ моей вступительной статьѣ, возбудила въ современникахъ шпиковизма благочестивый ужасъ, ибо вся его молодая литературная дѣятельность имѣла одну задачу, смягчить жестокіе нравы его окружавшіе. Поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ «жестокихъ», но крѣпкихъ нравовъ, такое разъясненіе казалось растлѣніемъ...

И вотъ когда оппозиція «жестокихъ» нравовъ, сбросивши съ себя личину борьбы за старый и новый слогъ, выступила прямо въ «Маякѣ» въ сороковыхъ годахъ; — она несомнѣнно должна была къ концу концовъ признать «растлѣніемъ» всю нашу литературу, отъ Карамзина и до Лермонтова включительно. Умѣренный товъ, взятый «Маякомъ» сначала его существованія, не могъ быть долго выдержанъ... Задача его, направленіе заключалось вовсе не въ философско-мистическихъ принципахъ: — философско-мистическіе принципы только употреблены были на службу теоріи застоя, на защиту «жестокихъ» нравовъ...

Такъ какъ всякая теорія должна же опираться на какіе либо факты дѣйствительности, то «Маякъ» опирался сначала на старую литературу нашу XVIII вѣка. Впоследствии, онъ и ее почти всю сталъ укорять въ деизмъ, безнравственности — и въ ней увидѣлъ ступень, которая вела къ ненавистной и враждебной ему современности.

Противъ ненавистныхъ и враждебныхъ ему силъ жизни — застой долженъ былъ выставить какіе либо свои идеалы, противъ литературы растлѣнія — свою литературу.

Ее не было въ прошедшемъ, ибо въ этомъ прошедшемъ «Маякъ» видѣлъ или явленія совершенно вымершія какъ Херасковъ, — явленія которыя нельзя было навязать жизни насильно, или явленія живыя весьма подозрительнаго для него свойства, какъ Фонъ Визинъ, Карамзинъ. Ея не было и въ настоящемъ. Единственный писатель, на котораго направленіе могло указать, былъ даровитый и благодушный литературный Фамусовъ, М. Н. Загоскинъ.

«Маякъ» долженъ былъ сочинить свою литературу и дѣйствительно сочинялъ ее цѣлыхъ четыре года, сочинялъ и романы и комедіи и стихотворенія — но все это сочиненное подлежитъ уже наравнѣ съ критическими статьями г. Мартыцова, миѣніями «Домашней Бесѣды» и «новымъ Асмодемъ» г. Кочки-Сопрана уже не литературнымъ, а патологическимъ изслѣдованіямъ. Сочиненіями своими застой окончательно подорвалъ себя.

Можно сказать даже, что ярость застоя, безсилая и свѣсившая

въ проявленіяхъ, содѣйствовала къ полному и, на время, исключительному торжеству отрицательнаго взгляда — наглядно показывая своимъ безспіемъ его силы.

Ибо за отрицательный взглядъ были въ то время жизнь и литература.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ДРАМЫ

(«Ревенюкъ», драма г. Боборыкина. Библіотека для Чтенія. Январь 1861 года.)

По поводу драмы, по поводу *одной* драмы!.. не переносятъ ли васъ, читатель, эти слова въ то далекое прошлое время, когда въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ прежнихъ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась небольшая статья, носящая тоже названіе? Но что же я спрашиваю васъ, мой читатель! въ то время, т. е. лѣтъ 16—17 тому назадъ, вы быть можетъ не только не читали «Отечественныхъ Записокъ», но кромѣ азбуки еще ничего не читали, беззаботно переживая золотые дѣтскіе годы, между тѣмъ какъ мы, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, сидѣли на скамьяхъ разныхъ университетовъ, днемъ зубрили профессорскія лекціи, а по ночамъ зачитывали на смерть «Отеч. Записки». Позвольте мнѣ, въ видѣ воспоминаній, увы! такъ отрадныхъ для человѣка *почтенныхъ* лѣтъ, перенестись съ вами въ то отдаленное время и кое-что сказать о его историческомъ значеніи. — Счастливое, благодатное время для нашей юности, счастливое и благодатное для «Отеч. Записокъ!» И знаете ли почему оно было счастливымъ и благодатнымъ для *почтеннаго* журнала? Нѣтъ, вы вѣрно не знаете: не по количеству подписчиковъ, я полагаю равному теперешнему «Современнику» (и замѣьте, подписчики эти не приобретались въ то время «Свисткомъ»), — о, совсѣмъ не то! а по той усладѣ, которую въ то время ощущалъ г. Краевскій, усладѣ авторскимъ самолюбіемъ. Замѣйте, читатель, что я, вашъ покорнѣйшій слуга, провинціалъ и буду говорить вамъ только о томъ, что самъ видѣлъ и въ чемъ принималъ part magna, знаете, какъ это у Виргилія... Тогда, т. е. назадъ тому 16—17 лѣтъ, воображали, что все, что съ такою жадностью поглощалось въ *жолтомъ* журналѣ, вышло изъ-подъ пера г. Краевского. Добродушный Бѣлинскій поддерживалъ это пріятное очарованіе. Съ какимъ жаромъ ратовалъ онъ противъ тогдашней «Сѣверн. Пчелы»,

не признававшей авторскаго таланта въ г. Краевскомъ! Добродушный Бѣланскій, да проститъ ему Аллахъ эту мистификацію, приводилъ такіе аргументы: какъ-де сомнѣваться, на что это похоже, въ авторствѣ того, кто уже 5—6 лѣтъ состоитъ редакторомъ журнала! И вѣрилось, и долго вѣрилось, что въ самомъ дѣлѣ сомнѣваться не слѣдуетъ. Но увы! говоря высокимиъ слогомъ, пришла череда разочарованію, потянулась веревница этихъ 15-ти—16-ти лѣтъ — и какія совершались событія и метаморфозы! Нѣтъ Фаддѣя Венедиктовича, замолкъ гласъ Николая Ивановича, этихъ *истыхъ спутниковъ* нашего прѣсвѣщенія, о которыхъ мы должны сказать съ *благодарностью*, что они *были!* Существуютъ «Отеч. Записки», но еще разъ увы! въ числѣ критиковъ этого журнала имя г. Краевскаго поставлено *послѣ* имени г. Дудышкина!

Говоря о благодатномъ времени для «Отеч. Записокъ», я называю его, это время, во многихъ отношеніяхъ благодатнымъ. То было время, право, замѣчательное — эпоха разогванія всяческихъ общественныхъ тумановъ; и утреннихъ и полдневныхъ и вечернихъ. Съ позволенія читателей и редакціи «Времени» я принимаю нѣсколько поэтической тонъ, вдаюсь быть можетъ въ несвойственный мнѣ лиризмъ. И какъ не вѣдаться, когда приходится заговорить о томъ, о чемъ 16 лѣтъ назадъ только мечталось, было только гаданіемъ! И встаютъ передъ вами эти 16 лѣтъ, встаетъ золотая юность не въ туманѣ, а озаренная неразлучнымъ съ нею свѣтомъ, подобнымъ теперешнему, весеннему солнцу, проглянувшему сегодня, 10 марта, только вполдень! Густой, поѣдающій печераѣвшій свѣтъ; туманъ висѣлъ въ воздухѣ все утро; раздался колокольный звонъ... что значить этотъ звонъ во дни великаго поста? Манифестъ объ освобожденіи, манифестъ о свободѣ читаютъ!.. Заиграло весеннее темное солнце, зажурчали мутные ручьи, исчезъ туманъ!..

Читатель слѣдовательно пойметъ, что въ теперешнее благодатное время, въ настоящіе отрадные для Россіи дни, на всемъ ея огромномъ пространствѣ, независимо отъ состоянія атмосферы, тепла и холода, густыхъ тумановъ или весенняго солнца, мутныхъ ручьевъ или еще нетронутаго свѣга, какъ-то неволью настроится поэтически все, что горитъ желаніемъ блага нашей милой родины, всѣ кто благословляетъ Виновника этого блага, нашего Защитника и Главу народнаго,

Предъ Конемъ частные труды,
Какъ мелководные пруды
Чередъ Невою многоводной!

Если юнъ читатель, то онъ вмѣстѣ съ талантливымъ поэтомъ

скажеть въ эти дни: *Погибни оубо, злое! Пускай не устаетъ блнть намъ солнце правды повсемьстно!* Если же миновалась его юность, то призывая для довершенія великаго дѣла свѣтъ правдиваго солнца, онъ непременно въ эти святые дни вызоветъ хоть нѣ забытыя, но закутанныя густымъ туманомъ времени воспоминанія прошлаго. Онѣ и самыя явятся, какъ живыя, эти воспоминанія! Онѣ и прежде не разъ являлись передъ нами и, милья гости, долго оставались съ нами, возбуждая уже дремлющія или готовыя задремать силы, снабжая насъ тѣмъ спасительнымъ пыломъ, которымъ съ избыткомъ надѣляется юность. Я говорю конечно о воспоминавіяхъ свѣтлыхъ. Можетъ быть для нѣкоторыхъ, а можетъ быть и для всѣхъ, спасительна сила и мрачныхъ воспоминаній, но о нихъ, по крайней мѣрѣ теперь, подѣ влияніемъ *теперешнихъ* дней, подѣ влияніемъ только что прочитанной драмы, мнѣ говорить не хочется...

Да, что ни говорите, чья юность проживалась вначалѣ 40-хъ годовъ, тотъ имѣеть полное право считать себя счастливѣе процвѣтавшихъ въ началѣ 30-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ: къ нему придетъ болѣе тѣсный сонмъ свѣтлыхъ воспоминаній, чѣмъ къ его предшественникамъ и преемникамъ, сколько бы послѣдніе къ нимъ ни зывали.

Да! начало сороковыхъ годовъ, действительно было эпохою разогнанія вслѣсныхъ тумановъ, правда скопившихся потомъ въ густыя, мрачныя тучи, заволокнушія нашъ общественный горизонтъ, но все-таки разогнанія и стало быть просвѣтленія. Русская литература въ правѣ гордиться этимъ временемъ. — Не покидая литературной почвы, постараемся набросать характеристику этой эпохи, насколько-то возможно для статьи, не имѣющей претензіи на глубину.

Печально было положеніе нашей литературы въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ. Представьте, читатель, что вы не русскій, но что вы очень любите все русское и пожелали бы познакомиться съ исторіей русскаго общества въ указанную эпоху. Откуда вамъ добыть матеріаловъ для подобнаго знакомства? Въ такъ называемыхъ *исторіяхъ* вы ихъ ни за что не найдете, а потому естественно вы обращаетесь къ литературѣ. Какъ ни плоха была наша литература за это время, но такъ или иначе, русская жизнь должна же была въ ней отражаться. Какое же явленіе представитъ вамъ тогдашняя русская жизнь, тогдашнее русское общество? — Весьма неутѣшительное: это было что-то отжившее, дряхлѣющее, кукольное, — мелочь интересовъ, мелочь мысли, крохотныя страстишки и какое-то тупоумное самодовоольство. Хотѣ бы что-нибудь было

живого, хоть бы какой-нибудь былъ задоръ! Въ такомъ положеніи дѣйствительно находилось тогдашнее такъ называемое лучшее общество, оторванное отъ всего живого, лишенное почвы, нелѣпо восстающее, еще нелѣпѣе питающееся. Не забудьте, это еще лучшая, свѣтлая сторона тогдашней жизни, какъ ни странно называть такую бы то ни было *манниловскому* овѣтомъ, — это, говоримъ, *лицедеи* стороны, но посмотрите на чужанку, прочтите Грибоѣдова, перечтайте поуже явившагося «Ревизора», котораго впрочемъ мы теперь отаваляемъ въ покой, хотя и хотѣлось бы по поводу его сказать вѣскольکو словъ. Въ «Горѣ отъ ума» вѣдь тоже рисуетса видѣвшее общество, да притомъ еще *москавоес*, знать или, какъ говорятъ въ провинціи, *аристократія*. Что же это за общество? «Горѣ отъ ума», господа, великое произведеніе, такъ даже думалъ Фаддѣй Венедиктовичъ съ своимъ мерзвучнымъ спутникомъ и другими. Ошибся только въ одномъ сей знаменитый мужъ; мападая на незначительнаго ему «Мертвыя Души», онъ не понялъ одного: историко-литературнаго торжества поэмы Гоголя съ комедіей Грибоѣдова. Въ самомъ дѣлѣ, сродство двухъ этихъ произведеній удивительное: главные герои «Мертвыхъ Душъ» не что иное, какъ опомѣщившіеся герои грибоѣдовской комедіи, покинувшіе первопрестольную столицу и разбрѣдшіеся по захолустьямъ. Посмотрите на Фамусова и на Чичикова, на Загорѣцкаго съ Репетиловымъ и Ноздрева, на Скалозуба и Собакевича: въ нихъ вы непременно найдете общія, генерическія черты; поставьте ихъ на живую, («въ три шеренги»), какъ умѣлъ ставить Скалозубъ, сходство будетъ еще разительнѣе. Одни предаются ловитвѣ «пчелестей иль мѣстечекъ», другіе — душѣ, живыхъ и мертвыхъ; на лицахъ тѣхъ и другихъ лежатъ толстымъ слоемъ какаѣ-то копошь, ни на что не похоже навращающая человѣческое лицо. Эти дюжія натуры потому такъ прокоптивлись, что прямо вышли изъ русской жизни, не то что маниловцы 30-хъ годовъ, обоего мода, эти исхудалые, хотя дѣйствительно существующіе личности — и *de facto* существующихъ и искусственно созданныхъ разною жизнью, столичною, деревенскою, литературною и т. п. — Вотъ въ общихъ чертахъ какова была русская жизнь въ концѣ 20-хъ и въ тридцатье годы. По крайней мѣрѣ насколько мы знаемъ это изъ литературы. Что же дѣлалъ, что сдѣлалъ пользы нашъ многохвалимый Пушкинъ? спросятъ насъ незнакомые съ русской жизнью или *насушники* въ искусствѣ. — Пушкинъ? — очень много. У насъ съ легкой руки гг. —бова и Дудышкина начинаютъ побраивать Пушкина. Это теперь даже крайне — современно; слава Богу и Государю, отъ крѣпостнаго права мы отдѣлались, ну, а что же сдѣлалъ Пушкинъ въ исто-

рин крѣпостнаго права? то ли дѣло Григоровичъ (*), Марко Вовчокъ! Посмотрите-ка, какъ послѣдній отдѣльваетъ крѣпостное право, какъ онъ жужжитъ вокругъ него! Появись такой писатель въ 30-тѣ годахъ, да мы-бы всѣ заткнули уши и убѣжали отъ крѣпостнаго права: Богъ съ тобой, матушка!

Третировать такимъ образомъ Пушкина значитъ не понимать ни искусства, ни русской жизни. Мы не знали, да и не могли знать Пушкина, какъ человѣка, какъ могли знать нѣкоторые изъ вѣдшихъ читателей (да простятъ намъ дерзость разсчитывать на большой кругъ ихъ); мы смотримъ на Пушкина въ *теперешніе* *полюбяемые* дни съ точки зрѣнія историко-литературной, не обращая вниманія на его личность. Русское общество до — и — послѣ Пушкина, если позволено будетъ такъ выразиться (впрочемъ *теперь* настало время *такъ* выражаться), было страшнымъ образомъ закопчено копотью *крѣпачества* (беремъ терминъ изъ М. Вовчка). Историко-литературная задача Пушкина состояла во первыхъ — въ томъ, чтобы явить намъ идеалъ истиннаго художника, что онъ блистательно и исполнилъ, а во вторыхъ — чтобы приготовить русское искусство (не фельетонъ, не памфлетъ, не газетныя статейки) къ полному и всецѣлому отраженію жизни. Такая миссія не легка и бываетъ по силамъ только генію. Странно укорять его въ такихъ приемахъ, которые только и возможны были въ его положеніи: вѣдь это все равно, что требовать, напримѣръ отъ профессора исторіи, чтобы онъ въ вступительной своей лекціи обратился къ слушателямъ съ слѣдующими словами: г-да! наша наука — пресквернѣйшая наука... и пошолъ и пошолъ откалывать въ этомъ родѣ, вѣдь сто того, чтобы представить сначала идеалъ исторіи, опредѣлить ея задачи и т. п. Пушкинъ явился съ *сольтомъ*, озарившимъ русскую мысль, придавшимъ ей новый, *державный* бѣгъ. Если вы, читатель, пессимистъ и усумнитесь въ возможности существованія въ пушкинское время женщинъ, подобныхъ *Татьянѣ*; то какъ русскій благодарите творца этого великолѣпнаго типа за его созданіе. Литературные типы, если вамъ угодно, отличаются тѣмъ же характеромъ насущности, какъ и разнаго рода общественныя улучшенія: вѣдь они, т. е. эти типы тоже, что моисеевы облачные столпы, что мѣдвнй змій. На нихъ устремляются взоры всего современнаго общества и нерѣдко послѣдующихъ поколѣній; смотря на нихъ (если это образы свѣтлые, какъ *Татьяна*), или врачуются и исцѣляются

(*) Г. Григоровичъ точно сдѣлалъ много въ исторіи крѣпостнаго права. Уже одно то, что это былъ первый голосъ въ избранномъ имъ родѣ искусства противъ этого права.

отъ всякихъ общественныхъ подруговъ и явивъ, или (если это образы нравственные) нравственно погибають. Въѣдъ иотъ, хоть бы все та же Татьяна, положимъ даже изукрашенная (*): неужели вы думаете, этотъ образъ не имѣеть громаднаго значенія въ исторіи нашей цивилизаціи, въ исторіи нашей русской женщины? Неужели вы полагаете, что вліяніе на насъ этого типа было менѣе знаменательно, чѣмъ героиня Завда? — Нѣтъ, г-да насущники, за свѣтъ не бранить: чѣмъ ярче онъ, тѣмъ лучше; чѣмъ большее пространство нашей жизни озарилъ свѣтъ Пушкина, чѣмъ больше тумановъ разогналъ онъ, тѣмъ большее ему спасибо. И да будетъ стыдно тому, кто въ теперешнее время, когда мы видимъ

рабство, навшее по мавію Царя :

когда такъ кстати задумавъ памятникъ великому поэту, омрачить несправедливымъ укоромъ тѣнь одного изъ лучшихъ людей земли русской, одного изъ великихъ вождей нашего самосознанія! Пушкинъ сдѣлалъ все, что могъ: не его была вина, если русская литература еще долго плелась по старымъ, избитымъ колеямъ, если русское общество все еще устремляло свои взоры и сердца на поражающихъ его проказою мѣдныхъ змѣевъ; дѣло было сдѣлано, и шагъ назадъ невозможенъ. Да не подумаютъ поборники насущности, что говоря о Пушкинѣ мы до такой степени увлекаемся его литературною дѣятельностью, что забываемъ вліяніе другихъ идей, помимо литературы къ намъ приходившихъ до — и послѣ Пушкина. Мы говоримъ только, что шагъ назадъ былъ невозможенъ, хотя дѣло и не пошло шибко, какъ это бываетъ всегда, когда социальныя задачи возлагаются на плеча литературы; мы хотимъ только сказать, что разъ вспыхнувшая искра свѣта не потушается. Въ исторіи нашей цивилизаціи играли и играютъ великую роль кружки, собиравшіеся вокругъ болѣе талантливыхъ и свѣтлыхъ личностей. Не говоримъ, чтобы это было очень хорошо и естественно; но что это было необходимо и весьма полезно, въ этомъ надѣемся, никто не усумнится, какъ никто, также позволяемъ себѣ надѣяться, не упрекнуть насъ въ поклоненія кружкамъ. Мы сказали, что они и теперь играютъ роль — да! играютъ въ провинціи и долго еще будутъ играть, какъ это положимъ, ни неестественно. Не знаемъ, дождемся ли мы когда-нибудь исторіи нашихъ кружковъ и возможна ли эта исторія, — а предметъ высокаго интереса. Круж-

(*) Даже и этой уступки не можемъ мы сдѣлать противникамъ Пушкина. Татьяна — прелестнѣйшій типъ русской женщины и первый такой типъ по времени въ нашей литературѣ.

ни — да вѣдь это протестъ противъ омраченнаго крѣпачествомъ общества; изъ кружковъ вышли всѣ лучшіе наши люди, въ кружкахъ находила литература свои свѣтлые идеалы; изъ кружковъ началось развѣлось *западничество* и *славянофильство*, соедажившія намъ такую честную службу, хотя западничество и славянофильство можно считать уже поглощеніемъ, сліяніемъ кружковъ. Благодаря дѣянію кружковъ, въ центрахъ нашего просвѣщенія начали мало по малу разгоняться всякаго рода общественные туманы, потонувшіе къ сѣверу, востоку и югу, стали болѣе и болѣе очищаться небосклонъ; будущая исторія русской литературы обязана со всевозможною полнотою раскрыть это интересное явленіе; намъ такая задача не по силамъ. — Лишонныя возможности наблюдать нашу жизнь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скорѣе очищался небосклонъ отъ всяческихъ тумановъ, мы обращаемся къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ долѣе они висѣли, гдѣ гуще и душливѣе были — къ провинціи, въ которой конецъ 30-хъ годовъ можно назвать эпохою туманопрощѣтанія.

Туманопрощѣтаніе! уже само по себѣ это слово избавляетъ насъ отъ необходимости представить удовлетворительную картину русскаго общества въ концѣ тридцатыхъ годовъ, — работа, которая едва ли по силамъ даже талантливому художнику. Современный юный читатель не можетъ даже приблизительно составить себѣ понятіе объ этомъ мракѣ. Онъ царилъ повсюду этотъ мракъ, это вездѣ и повсемѣстно проявляющееся *крѣпачество* — и во всѣхъ видахъ общественной и домашней жизни, и въ шкодѣ и, какъ ни горько въ этомъ сознаться! въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи, къ которому еще такъ многіе принадлежатъ изъ насъ. Надъ молодымъ поколѣніемъ витала бездна идей и идеаловъ — *благородства* и *неблагородства*, *мечтаній* и *мьстечкахъ*, *уларства* всѣхъ родовъ и видовъ, отъ героевъ Марлинскаго до Ноздрева включительно; молодой поколѣніе питалось и насыщалось романтизмомъ Александра Александровича Бестужева и пафосомъ великолѣпнѣйшаго и круцифѣйшаго изъ нашихъ повтовъ, Дениса Васильевича Давыдова. Грубый материализмъ грозилъ всеобщимъ порабощеніемъ тогдашнему бодршинству: почти не читался Пушкинъ, а если и читался, то недѣло понимался, забывался Жуковский, проходили мимо Баратынскаго и Одоевскаго, не обращали никакого вниманія, что выработалось лучшаго въ предшествующія эпохи, и, что всего печальнѣе, этотъ материализмъ, эти разныхъ родовъ идеи и идеалы обѣщали страшную живучесть, потому что, по несчастію, оперлись на народность и долго признавались *нашими*, *родными*. Противодѣйствіе такому направленію было спасительнымъ благодѣаніемъ. Противодѣйствіе въ жизни началось, конечно, раньше, съ кружковъ (но въ это не въ про-

ищущихъ); противодѣйствіе въ литературѣ — съ *западничествомъ*, съ Вѣлииского и *его* (да! его) «Отечественныхъ Записокъ». Западничество и славянофильство *теперь* отжили свой пѣнь: теперь мы ни западники, ни славянофилы, а *русскіе*; но, отдавая должное славянофильству и сочувствуя ему во многомъ, мы, въ интересахъ общества и исторіи, не можемъ не отдать предпоченія западничеству. Явившееся, какъ необходимое противодѣйствіе извѣстному общественному направленію, образовавшемуся вслѣдствіе какого-то насильственного отчужденія отъ остальнаго образованія міра, западничество выступило съ значеніемъ прогресса, ни разу ему не измѣняло и даже *ни кому не дало повода заподозрить его во измѣнѣ* (тѣмъ не можетъ похвалиться славянофильство, хотя мы *теперь* и не заподозрѣваемъ его во мракѣ). Западничество энергически взялось за дѣло, начатое еще въ прошломъ вѣкѣ, начатое, но не оконченное Карамзинимъ, вытекающее изъ всей литературной дѣятельности Пушкина; борьба его съ мракомъ была сильна и благородна; могучій боецъ его палъ съ мужествомъ трагическаго героя; самыя ошибки западниковъ, для указанія которыхъ, конечно, потребовалось славянофильство, были поучительны и отъ времени прошли бы сами собою. Несчастье славянофиловъ состояло въ томъ, что они выступили въ борьбу съ противникомъ, который прикрывался знаменемъ *селища*, и что не умѣли, по крайней мѣрѣ въ началѣ, выяснитъ значеніе народности, которую не только противники ихъ, но даже друзья смѣшивали съ мракомъ, съ туманопрозрачаніемъ. Впрочемъ, мы не пишемъ исторіи этихъ двухъ школъ и охотно извиняемся предъ читателемъ за длинное отступленіе, за то, что не сказали еще ни слова объ *одной драмѣ*, хотя мы собственно обѣщались говорить только по поводу ея. Дѣлаемъ еще одно, послѣднее отступленіе и попросимъ читателя помѣтчать вмѣстѣ съ нами и перенестись мыслью къ началу сороковыхъ годовъ, къ Вѣлиискому и *его* «Отечественнымъ Запискамъ.»

Мы называли эту эпоху разогнаніемъ тумановъ. Но тогдашніе туманы, какъ видѣлъ читатель, состояли изъ нѣсколькихъ густыхъ слоевъ; разорвать каждый слой требовалось особенное средство; чтобы не наскутить читателю личными воспоминаніями, мы не перечисляемъ ни этихъ средствъ, ни этихъ слоевъ. Мы позволимъ себѣ только вспомнить объ одной небольшой статьѣ, прочитанной нами много лѣтъ тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и, если не ошибемся, озаглавленной такъ: «*По поводу одной драмы*». Помнимъ лѣтнюю (и въ самомъ дѣлѣ) прекрасную ночь, проведенную нами безъ сна, надъ этой піеской, помнимъ много долгихъ — долгихъ дней, когда мысль объ этой статьѣ не

давала намъ покоя. Современный читатель не найдетъ бы, теперь ничего особеннаго въ этой статьѣ: въ ней трактовалось о социальномъ значеніи женщины; но, Боже! какое потрясающее впечатлѣніе произвела она въ ту эпоху, когда въ людяхъ нашего поколѣнія (если вамъ, читатель, сорокъ лѣтъ или около этого, значитъ вы наши сверстники) совершался тотъ ужасный нравственный неломъ, который такъ дорого намъ стоилъ! Мы ломались и *по многу* и *по часту*: въ насъ, въ тогдашней молодежи, до высшей степени были развиты всѣ тѣ истинныя, которые величайшій изъ русскихъ художниковъ воплотилъ потомъ въ отвратительномъ образѣ Ноздрева. Извольте—ка съ разу и вдругъ разбить этотъ типъ, который жилъ въ насъ! Онъ, какъ и другіе, ему подобныя, разбился; но во что обошлась эта побѣда!.. Надѣмся, что читатель извинить насъ за эти восклицанія, за эти немногія личныя воспоминанія: въ статьяхъ историко-литературнаго характера до известной степени онѣ необходимы, какъ матерьялъ, которымъ воспользуется будущій изслѣдователь нашей гражданственности, не мыслимой безъ изученія исторіи литературы.

Драма г. Боборыкина (потому что все, что сказали мы теперь было по ея поволу) навела насъ на воспоминанія о прошломъ, объ эпохѣ, имѣвшей такую высокую важность, о судьбѣ, по крайней мѣрѣ литературной судьбѣ русской женщины: въ «Ребенокъ» также представляется исторія женщины. Литературная судьба русской женщины, нашей литературной *примадонны*, если можно такъ выразиться, въ высшей степени интересна и, какъ многое другое у насъ, еще ни кѣмъ не изслѣдована. Русская женщина, какъ женщина, спаслась отъ той нравственной порчи, которой не избѣгнулъ ея грубый товарищъ, но крайней мѣрѣ ей легче было спастись, легче сохраниться и зацѣпиться хотя отрицательными достоинствами; эта истина превосходно между прочимъ доказывается литературною дѣятельностью Тургенева. Но, какъ бы то ни было, а положеніе нашей литературной *примадонны* было глубоко печально. Свѣтлый образъ *Татьяны*, безъ сомнѣнія имѣвшій въ дѣйствительной жизни громадное вліяніе на немногихъ, избранныхъ натуръ, въ литературѣ сталъ блѣднѣть и мельчать, и въ произведеніяхъ Марлинскаго, этого страннаго, въ разладѣ пошедшаго съ своею судьбою писателя, достигнулъ истиннаго уродства. Мы не собираемъ чертъ русской *примадонны* у талантливыхъ послѣдователей Пушкина, стихотворцевъ и прозаиковъ; мы готовы согласиться, что дѣйствительно можно подобрать черты свѣтлыя и привлекательныя; но дѣло въ томъ, что компоновка этихъ чертъ въ цѣльный живой образъ мѣшало лавыдовское и дзѣ-

ковское отношеніе къ женщинѣ. Но, предполагая за несомнѣнное, что русская женщина двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ могла быть выше мужчины, хотя между прочимъ по одному поэтическому вліанію на нее Пушкина, мы не можемъ однакоже назвать ея личнаго и общественнаго положенія вполне удовлетворительнымъ по тогдашнему состоянію мужчины, вліаніе котораго на женщину, конечно, велико. Литературное положеніе нашей *примадонны* было крайне печально: она не имѣла своего Гоголя, своего передового вождя. Русскую женщину спасло и возстановило западничество, — вотъ громадная, незабвенная услуга Бѣлинскаго и друзей его, немыслимая для славянофильства, если бы даже послѣднее съ самаго начала выступило съ тою же силою и правотою, чего никакъ нельзя у него отнять за послѣдній, самый плодотворный періодъ его дѣятельности. Вліаніе западниковъ на развитіе русской женщины предметъ высокой важности въ исторіи нашего просвѣщенія, предметъ неистощимый для литературной обработки, хотя надъ нимъ не разъ пробовали свои силы такіе талантливые писатели, какъ Майковъ, Некрасовъ и Тургеневъ. За подобную же обработку взялся и начинающій писатель, г. Боборыкинъ. — Въ добрый часъ!

Но мы не имѣемъ намѣренія писать теперь о самой драмѣ. Мы высказали только нѣсколько мыслей, навѣянныхъ на насъ чтеніемъ этой драмы. Скажемъ въ заключеніе только, что драма г. Боборыкина въ самомъ дѣлѣ переноситъ читателя въ доброе старое время: такъ и кажется, что она должна была появиться въ то время, когда писались «Двѣ Судьбы», «Кто виноватъ» и первые стихотворные опыты Тургенева. Все это доказываетъ только, что авторъ съ серьезною мыслью приступилъ къ своей работѣ, но во все не то, чтобы онъ подражалъ кому-нибудь изъ названныхъ писателей. Мы очень благодарны г. Боборыкину за то, что онъ взялся за разработку старыхъ, но не воплощенныхъ идей: не все же *насущность*, не все же облеченія! Процессъ развитія молодой женской натуры, схваченный въ самый патетическій моментъ, когда натура эта не выдерживаетъ борьбы съ жизнью, процессъ, совершившійся подъ вліаніемъ *западника* — вотъ идея «Ребенка», развитая очень не дурно и даже исполненная трагическихъ элементовъ.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва 1861 in 8°.

146 стр.

I

Критикъ «Русскаго Вѣстника», г. Лонгиновъ, разбирая вышедшее собраніе стихотвореній покойнаго А. С. Хомякова, въ заключеніе своего разбора, бросаетъ перчатку критикъ прежнихъ лѣтъ, неоцѣнившей по достоинству поэта и вызываетъ критику современную сказать теперь, по выходѣ въ свѣтъ болѣе полного чѣмъ прежняго изданія, настоящее правдивое слово о поэтической дѣятельности главы славянофильства.

Подъ критикою прежнихъ лѣтъ разумѣется конечно Бѣлинскій.

Г. Погодинъ въ статьѣ своей: «Нѣсколько словъ противъ статьи о юбилеѣ князя Вяземскаго» («Сѣв. Пч.» № 81), одной изъ тѣхъ несчастныхъ статей своихъ, которыя раздражительностью и безтактностью приводятъ въ отчаяніе самыхъ жаркихъ его поборниковъ, статей, въ которыхъ нѣсколько словъ правды исчезаютъ въ разливанномъ морѣ жолчи, въ изверженіи, отсталыхъ антипатій и домашнихъ дразговъ, между прочими обвиненіями, дѣлаемыми ко всему Бѣлинскому и прямо его послѣдователямъ, говорить:

«Такъ точно эти несчастные (послѣдователи Бѣлинскаго) ругали и дурачили Хомякова по указу данному Бѣлинскимъ, которому были притавы тѣ или другія убѣжденія Хомякова. Но вотъ теперь вышли стихотворенія Хомякова. И новые приверженцы и старыя противники могутъ читать ихъ сполна, не прибывая къ Христоматіи г. Галахова. Извольте сказать ваше мнѣніе и потомъ сравните, что говорилъ о Хомяковѣ Бѣлинскій».

«Точно такимъ же образомъ ругалъ онъ Языкова, Глинку» и проч..

Г. Лонгиновъ писалъ свою статью, исполняя двѣ свои равно официальные обязанности: обязанность секретаря Общества, которое хотя и назвало себя нѣсколько по новому: обществомъ любите-

лей Русской Словесности, но все-таки не можете перестать быть общественно любителями *Россійской Словесности*, и обязанность пристражнаго критика-хвалителя «Русскаго Вѣстника», съ высшихъ точекъ зрѣнія котораго русская литература стоить только всегда или словъ назидательныхъ или mention honorable.

Г. Погодинъ писалъ свою статью въ гораздо большемъ азартѣ, нежели тотъ азартъ, которымъ онъ попрекаетъ покойнаго Бѣлинскаго. Азартъ Бѣлинскаго — азартъ во время борьбы за мнѣнія, совершенно понятенъ. Азартъ Погодина — азартъ эдакимъ числомъ, только вредитъ той правдѣ, которую хотѣлъ онъ указать. Въ немъ слышится только застарѣлая, упорная и тѣмъ не мѣнѣ отсталая борьба съ Бѣлинскимъ и его мнѣніями, а въ сопоставленіи съ именами Языкова и Хомякова и имени Глинки (Ф. Н.), видна замѣчательная безтактность, послѣ которой такъ и ждемъ, что посыжутся еще имена другихъ непрізнаваемыхъ критикой Бѣлинскаго поэтовъ: М. Дмитріева, Шатрова, Милкѣва и проч. и проч. Удивительный человекъ г. Погодинъ. Передовой публицистъ, почтенный изслѣдователь, глава направленія, которое не смотря на имена г. М. Дмитріева и иныхъ, несмотря на повѣсти гг. Кульжвинскаго, Архипова и пр. появлявшіяся временами въ «Москвитяинѣ» пятидесятихъ годовъ и вредившія безконечно дѣлу, было однако направленіемъ новымъ и свѣжимъ, онъ постоянно портитъ лѣвою рукою то, что создаетъ правую...

Но не въ г. Погодинѣ и не въ его антипатіяхъ дѣло. Дѣло въ настоящую минуту въ стихотвореніяхъ Хомякова, о которыхъ Москва вызываетъ Петербургъ на новый отзывъ съ косвенными и прямыми укорами за прежніе отзывы.

Но *во-первыхъ*, Москва ли точно вызываетъ такимъ образомъ и *во-вторыхъ*, такимъ ли образомъ вызываютъ на правду?

Ни общество любителей *Россійской Словесности*, хоть вы ему и очень благодарны за его новыя полезныя изданія, ни «Русскій Вѣстникъ», хоть мы вполне признаемъ его большія заслуги въ дѣлѣ развитія нашего общественнаго сознанія, ни наконецъ г. Погодинъ, хоть мы и готовы видѣть въ немъ передоваго дѣятеля, не смотря на его странныя увлеченія старыми враждами и старыми признаностями, все это еще для насъ однако не Москва. Бѣлинскій вѣдъ былъ тоже голосъ Москвы, только голосъ этотъ раздавался въ Петербургѣ. Даже въ эпоху развитія своего отрицательнаго взгляда, въ 1840 году, лирически припоминая свои впечатлѣнія отъ игры Мочалова, говоритъ онъ: (Т. IV стр. 176.)

• Все это видѣлъ я на сценѣ того великаго города, въ видрахъ котро-
рю божья плутокъ русской жизни, гдѣ люди живутъ для жизни и, если

пробудившись от дремоты повседневнаго быта, предаются наслажденію, то предаются ему широко и вольно, со всею полнотою самозабвенія, на сценѣ того магистральнаго, царственнаго города, гдѣ все великое находитъ свой отзвѣвъ въ душахъ, и гдѣ самая толпа полна таинственной думы, какъ лѣсъ или море.

Съ другой стороны, такъ ли вызываютъ на правду, когда хотятъ добиться правды, а не тѣшиться праздными и устарѣлыми перекорами?.. На такого рода вызовъ и отвѣтъ будетъ безъ сомнѣнія старѣй, со стороны старѣйшихъ противниковъ, а со стороны новой жизни даже и не будетъ отвѣта, потому что вызовъ, судя по тому, сдѣланъ не ей, а старѣйшимъ противникамъ.

«Современникъ» первый въ лицѣ Новаго поэта поинялъ со всею своею искренностью перчатку, брошенную за стихотворенія Хомякова. Онъ повторилъ мнѣніе Бѣлинскаго, т. е. эстетическую сущность этого мнѣнія, повторилъ цѣлкомъ, не отдѣливши зерна отъ шелухи и былъ вполне въ своемъ правѣ. Въ вызовѣ, точно такъ же зерно не отдѣлено отъ старой шелухи домашнихъ дразговъ, и журналъ, однимъ изъ основателей котораго былъ Бѣлинскій, не можетъ отрѣшиться отъ своей исторіи, да и не долженъ, потому что эта исторія во всякомъ случаѣ, почтенная исторія, честная исторія.

Для насъ, т. е. для нашего журнала, исторія есть чисто уже исторія, т. е. прошедшее. Мы равно связаны и съ преданіями, составляющими основу «Современника», т. е. съ взглядами Бѣлинскаго, и съ преданіями московскихъ направлений. Тѣ и другія преданія въ существенно важныхъ сторонахъ ихъ намъ равно дороги. Это безпристрастіе вовсе не холодное равнодушіе съ нашей стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ не заслуга наша. Оно законное наследство. Для насъ нѣтъ уже ни славянофильства, ни западничества, нѣтъ даже Москвы и Петербурга въ этомъ смыслѣ. Мы стало быть вправѣ разсмотрѣть дѣло спокойно.

II

Вотъ что говоритъ Бѣлинскій о Хомяковѣ:

Въ 1840 году, разбирая стихотворенія Лермонтова, онъ задѣваетъ Хомякова и его поэтическую дѣятельность, а главнымъ образомъ неумѣренныхъ поклонниковъ Хомякова, слѣдующихъ, дѣйствительно оскорбительными словами:

• Какъ бы то ни было, но я въ толпѣ есть люди которые носятъ надъ нею, они поймутъ насъ. Они отличаютъ Лермонтова отъ какого-нибудь Фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и бе-

измыслить приемъ, который задумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричить о славѣ Россіи (несколько не нуждающейся въ этомъ) и вандализски смѣется надъ надыхающею будто бы Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на живущихъ студентовъ.» (Соч. Бѣл. Т. IV, стр. 329).

Прямо же говорить онъ о стихотвореніяхъ Хомякова въ 1845 году, въ статьѣ: «Русская литература въ 1844 году» разбирая ихъ вмѣстѣ съ стихотвореніями Языкова. Минувъ разборъ Языкова, разборъ въ высшей степени жолчный и несправедливый, мы должны по необходимости для разъясненія дѣла о Хомяковѣ какъ поэтѣ и объ отношеніяхъ къ нему критики, прибѣгнуть къ большимъ выпискамъ:

Муза г. Хомякова, — говоритъ Бѣлинскій (Соч. Бѣл. Т. IX, стр. 271), состоитъ въ близкомъ сходствѣ съ музою г. Языкова. Сперва о различіи: въ стихотвореніяхъ г. Языкова (прежнихъ) нельзя отрицать поэтической струи, которая болѣе или менѣе сквозитъ черезъ ихъ риторизмъ; въ стихотвореніяхъ г. Хомякова есть не только струя, но полный и блестящій талантъ, *только отнюдь не поэтической, а какой, мы скоро это скажемъ.* Теперь о сродствѣ: мы показали выше, что шумливая, пѣнистая и кипучая, хотя въ тоже время и холодная струя поэзіи г. Языкова была не изъ сердца, источника страстной природы, а изъ головы, которая у людей еще чаще бываетъ источникомъ притомъ празднаго и фантазирующаго разсудка, нежели источникомъ разума, глубоко и вѣрно постигающаго дѣйствительность. Мы показали, что народность поэзіи г. Языкова, непросыпанный хмѣль и пьяное буйство его музы, равно какъ и ея стремленіе быть вакханкою, все это болѣе или менѣе искусственно и поддѣльно. *Въ этой искусственности и поддѣльности г. Хомяковъ далеко опередилъ г. Языкова. Имѣя способность изобрѣтать и придумывать звучные стихи, онъ рѣшился ее употребить въ пользу себя, приобрести ею себя славу не только поэта, но и прорицателя, который проникъ въ дѣйствительность настоящую и постигъ тайну будущаго и который гадаетъ на своихъ стихахъ не о судьбѣ частныхъ личностей (какъ это дѣлаютъ ворожеи на картахъ), но о судьбѣ царствъ и народовъ.*

За тѣмъ, посмѣявшись надъ «Ермакомъ» покойнаго Хомякова, и опять задѣвши удалое и пьяное буйство поэзіи Языкова, критикъ продолжаетъ:

Г. Хомяковъ, какъ болѣе свободный отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, *выбралъ для своихъ стихотворческихъ занятій предметы гораздо выше.* Пушкинъ, напротивъ, не выбиралъ, потому что по призванію, поэтъ ведикій, лишонъ, не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ диссонансныхъ и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе: источ-

какъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть кѣ-
льскій, въ самомъ себѣ вникнутый міръ, который рвется наружу; задача
поэта, вывести наружу, объективировать въ поэтическомъ образѣ
свой собственный, внутренний міръ, сущность своего собственного ду-
ха. Г. Хомякову нельзя было не выбирать, онъ не былъ поэтомъ и ему
было все равно, чтобы ни петь. Онъ не долго думалъ, и рѣшился преем-
лать своимъ посильные труды на имени старой до-Петровской Руси. На-
мѣреніе похвальное, хотя и лишонное всякаго художественнаго такта,
потому что живое, современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтобы до-
срочить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Рус-
си видѣть старую Русь. Не дивитесь, читатели: для г. Хомякова это
было гораздо легче, нежели для насъ съ вами; людямъ простолю, мы все
вещи или видимъ такъ, какъ онѣ суть, или если не можемъ увидѣть
ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, не считаемъ нужнымъ представлять ихъ въ
ложномъ. Кто одаренъ способностью глубокаго, страстнаго убѣжденія,
кто захочетъ и жаждетъ истины, тотъ можетъ заблуждаться; но ему —
когда онъ сознаетъ свою ошибку, есть оправданіе въ ней: это страда-
ніе всего его существа, потому что онъ убѣждается всею своимъ су-
ществомъ, и умомъ и сердцемъ и плотію и кровію. Кто же напро-
тивъ одаренъ счастливою способностью свободнаго выбора во всемъ, тому
легко убѣдиться въ чемъ ему угодно и на столько времени, на сколько
ему заблагоразсудится, на годъ, на два, или на цѣлую жизнь, потому что
здѣсь это притомъ или расчетъ ума, а не убѣжденіе, спокойное дѣй-
ствіе головы, а не страстное сотрясеніе всей органической системы.

Эту возможность выбирать Бѣлинскій объясняетъ всю по-
этическую дѣятельность Хомякова, которую онъ разсматриваетъ и
какъ драматическую и какъ лирическую. Говоря о драматической
дѣятельности Хомякова, критикъ совершенно справедливо глумится
надъ шиллеризмомъ «Ермака», выписывая чувствительный романсъ
Ольги, и къ сожалѣнію, приподнявъ другую драматическую попыт-
ку автора «Дмитрія Самозванца» не видитъ за шумихой ложнаго
лиризма, ея блестящихъ, если не художественныхъ, до зачѣн-
гально умныхъ сторонъ, не дѣлаетъ молости и вѣрности ея поэти-
чески-исторической концепціи.

Защитники г. Хомякова, продолжаетъ онъ затѣвъ, — говорятъ, что
драма не его призваніе, что онъ лирикъ. Изъ романса Ольги можно
видѣть характеръ лиризма г. Хомякова. Прежде чѣмъ быть лирикомъ,
надо быть поэтомъ. Лиризмъ еще больше, нежели всякій другой родъ
поэзіи, основывается на непосредственности теплаго сердечнаго чув-
ства и не терпитъ холодныхъ головныхъ чувствъ, которыя выдвѣются
за мысли, но которыя въ сущности такъ же относятся къ выдвѣн-
нѣ, какъ умъ къ умничанью, чувство къ сантиментальности, цѣломуд-
рость къ впаществу.

И закончивши стихотвореніе: «Къ иностранкѣ» критикъ замѣчаетъ:...

«Не будемъ говорить о томъ, что въ этомъ стихотвореніи нѣтъ ни одного поэтическаго выраженія, ни одного поэтическаго оборота, которые встрѣчаются даже въ стихотвореніяхъ Бенедиктова, риторизмъ которыхъ не пужалъ какой-то дуртливостію струйки, не будемъ доказывать, что все это стихотвореніе, — наборъ модныхъ словъ и модныхъ фразъ, от которыхъ прозаическая ничтожность чувства и мысли такъ и бросается въ глаза. Вмѣсто этого, лучше разберемъ то будто бы чудство, ду блато бы мысль, которая положена въ основу этой пьесы и обнаруживаетъ всю ея дошность, неестественность и подальность. Поэтъ смотритъ на прекрасную женщину и задаетъ себѣ вопросъ: любить ея или нѣтъ? Вмѣсто дѣ, какъ влюбляются поэты. Совсѣмъ не такъ какъ простые смертные, не такъ какъ всякое существо, начинающееся человекомъ: иловикъ влюбляется просто, безъ вопросовъ, даже прежде, нежели пойметъ и сознаетъ что онъ влюбился. У человека это чувство зависитъ не отъ головы, у него оно естественное, непосредственное стремленіе сердца къ сердцу. Но нашъ поэтъ думаетъ объ этомъ иначе. Задаетъ себѣ глубокомысленный вопросъ: любить или нѣтъ? онъ не почелъ за нужное даже погадать хоть на пальцахъ, и отвѣчаетъ решительно: нѣтъ! Бѣдная женщина, бѣдная иностранка!.. Какого сердца, какого сокровища любви лишилась она! О! если бы она познала это!.. Намъ какъ-то скучно и совѣстно разсуждать о такихъ незамысловатыхъ вещахъ; но быть такъ, начать надо кончить, тѣмъ болѣе, что это для многихъ поэтовъ и не поэтовъ можетъ быть полезно. Мы помнимъ, что человекъ можетъ любить женщину и въ тоже время не хотѣть любить ее; но въ такомъ случаѣ, мы хотимъ видѣть въ немъ живое страданіе отъ этой борьбы разсудка съ чувствомъ, головы съ сердцемъ: только тогда его положеніе можетъ быть предметомъ поэтическаго воспроизведенія, а иначе оно — прихоть головы, ложь, юдкая только для сатиры, для эпиграммы; посмотрите же, какъ разсудителенъ, какъ благодарнаумецъ, дѣтъ едрокоевъ нацѣ дѣтъ, доказавъ себя силлогизмомъ, что ему не слѣдуетъ любить иностранку, которая знаетъ, слушая его родныя пьесы и эстетическія докдмцанія по той простой причинѣ, что не понимаетъ ихъ, онъ тѣмъ доволенъ собою, что въ состояніи сейчасъ же дѣсть за столъ и начать завтракать или обѣдать. Гдѣ же тутъ испица чувства, истина поэзіи? Тутъ нѣтъ ничего похожаго на чувство и поэзію. И таковы-то всѣ лирическія стихотворенія Г. Хомякова! У этого поэта родникъ вдохновенія бьется не въ сердце, также какъ у Самсона сила была не въ мышцахъ, а въ волосахъ, но Самсонъ показывалъ опыты сверхъ человеческой силы, гдѣ же опыты нашего поэта? А вотъ поищемъ.»

Пропустимъ дѣтъ страницы ѣакихъ, хотя и имѣющихъ свою эстетическую справедливость придинокъ критика къ фигурному

языку поэта, къ выраженіямъ въ родѣ «клинка стальнаго, въ обдѣлкѣ древности простой» — или: «сна лѣниваго забвенье къ мысли о ловлѣ вдохновенія» и т. д. Дѣло очевидно, что критикъ пожалуй и правъ — но, что онъ постоянно сердить и потому самому уже не правъ.

«Не поэтъ тотъ, — говоритъ критикъ — кто лясаетъ всякаго танта дѣйствительности, всякаго инстинкта истины; не поэтъ онъ, а искусникъ, который умѣетъ плясать съ завязанными глазами между лядищи, не разбивъ ихъ... Такой поэтъ похожъ на тѣхъ эконолобовъ диалектиковъ, которымъ все равно, о чемъ бы и какъ бы ни спорить, лишь бы только опровергнуть противника; которые доказавъ одному, что дважды два — четыре, съ тѣмъ же жаромъ доказываютъ другому, что дважды два — пять, и для которыхъ важнѣйшій результатъ спора есть не истина, а суетное, мелочное удовольствіе, переспорить другого и остаться побѣдителемъ, хотя бы то было на счетъ здраваго смысла и добросовѣстности.»

Обращаемъ особенное вниманіе читателей на этотъ косвенный ударъ, направленный въ Хомякова, какъ въ диалектика. Такимъ образомъ, въ пылу и ожесточеніи битвы, западники дѣйствительно изображали другимъ — и даже представляли добросовѣстнаго самимъ собой могучаго оратора-диалектика, каковыя были Хомяковъ.

Но мы нѣсколько отделились отъ нашего предмета — замѣчаетъ самъ критикъ — отъ стихотвореній г. Хомякова; возвратимся къ нимъ. Дока мы не нашли никакихъ признаковъ поэзии въ простыхъ дирическихъ его стихотвореніяхъ: можетъ быть, поэзія скрывается въ его прогидательныхъ дирическихъ пьесахъ? А вотъ посмотримъ. Въ стихотвореніи къ Россіи, г. Хомяковъ даетъ своему отечеству истинно отеческія наставленія: онъ запрещаетъ ему чувство гордости и рекомендуетъ смиреніе. Онъ говоритъ Россіи:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмная хребта
Жельзылыхъ силъ и воли дикой,
Осуществлялѣя мечта.
И вестернимъ былъ омъ булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей.

«Какіе великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи! Самъ Пушкинъ никогда не писалъ такихъ чудно-прекрасныхъ стиховъ. Мы очарованы и увлечены ими; однакожъ не до такой степени, чтобъ не могли освѣдомиться скромно о томъ, что скрывается въ этихъ дивныхъ стихахъ. И потому беремъ на себя смѣлость спросить кого бы то ни было — самаго поэта или нашихъ читателей: что такое царь семихолмную хребта» и т. д.

Опять идутъ грамматическія придирки — хотя и справедливыя болѣею частью съ точки зрѣнія того эстетическаго пуризма простоты, въ которомъ подѣ влияніемъ яснаго и простаго Пушкина, воспиталось критическое чутье Бѣлинскаго... Но въ справедливости придирокъ слышна злоба. «И такъ, вотъ они — эти великолѣбныя, энергическія и поэтическія стихи: *sic transit gloria mundi*» — восклицаетъ критикъ. Затѣмъ, выписавши нѣсколько стиховъ изъ стихотворенія къ Англіи, которую поэтъ, изумляясь ея величію, упрекаетъ

за то что ты лукава,
И за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда,
И за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой,
Приковала ты къ подножью
Власти суетной земной.

Бѣлинскій *намѣренно* не хочетъ понять Хомякова.

«Что это такое? говорить онъ — *іереміада по папской власти некогда повелевавшей царямъ и народамъ*? Да развѣ въ одной только Англіи служители церкви введены въ истинныя предѣлы нѣзависимости, высочинъ, священныя, но уже потому самому не тщетныя, земныя? Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, европейскими народами править *сводъ свѣтская власть* и т. д.»

Какъ будто бы Хомяковъ мечталъ о осократіи?! ..

Тоже *намѣренное*, раздражающее непониманіе обнаруживаетъ великій критикъ въ отношеніи къ стихотворенію «Мечта».

«Въ стихотвореніи *Мечта*, нашъ поэтъ оплакиваетъ *близкую гибель запада*, гдѣ *кометы бурныхъ свѣтъ бродили въ высотъ*. При сей вѣрной оказіи, онъ почелъ даже нужнымъ похвалить покойника, въ которомъ много-де было хорошаго.»

Какъ будто бы Хомяковъ не понималъ запада — какъ будто бы самое это стихотвореніе не пропикнуто все, высокимъ пониманіемъ запада и его чудесъ, его «святыхъ чудесъ» какъ называетъ ихъ самъ поэтъ!

Г. Хомяковъ — высказывается наконецъ Бѣлинскій, какъ истинный западникъ и централизаторъ, — очень хорошо слѣдуетъ, что *догадался потолкаться въ бокъ этою лежа, востокъ, который безъ трескучей ступотки его удивительныхъ стидовъ, впрямую и не подумалъ бы даже потолкаться или звануть во снѣ, не только что проснуться*. Такова ужъ восточная натура, ей хоть весь свѣтъ провазись, все снить и въ восточному человѣку, очень идутъ эти слова Тредьяковскаго:

Аще миръ сокрушенъ распадется
Сей шумъ николи жь содрогнется.

• Все это хорошо, но вотъ вопросъ: что разумѣть г. Хомяковъ подъ востокомъ. По крайней мѣрѣ, что кабається до насъ, мы такъ горды чувствомъ нашего національнаго достоинства, что подѣ състо-
комъ не можемъ разумѣть Россію. Видь западъ — Европа; а востокъ —
Азія? Россія же принадлежитъ къ Европѣ по своему географическому положенію, и т. д.

Между тѣмъ, тутъ же въ самой статьѣ — за прямыми и косвенными выходами противъ навражденія, къ которому принадлежалъ Хомяковъ — слѣдуетъ страница, которая допояляетъ нѣкоторымъ образомъ эти выходы — страница, которая можетъ показать современнымъ читателямъ, что и противники Вѣднскаго были вовсе не агнды.

• Намъ можетъ быть замѣтать — пишеть критикъ — что мы противорѣчимъ сами себя, увѣряя, будто г. Хомяковъ не поэтъ и въ то же время говоря о его произведеніяхъ какъ о чемъ-то важномъ. Мы пишемъ не для себя а для публики: въ ней могутъ найдтись люди, которые, пожалуй, похвалятъ создателя одного журнала, утверждая, что г. Хомяковъ — великій и національный русскій поэтъ. Отечествявдница Записки, въ прошломъ году, при выходѣ стихотвореній гг. Языкова и Хомякова, говорили о нихъ не только съ умѣренностью, но и съ свисходительностью. Чтожь вышло изъ этого? Журналъ, въ которомъ исключительно печатають стихотворенія обоихъ этихъ поэтовъ, умалчивая о г. Языковѣ, по поводу стихотвореній г. Хомякова объявилъ, что этотъ поэтъ великъ, а Отечественныя Записки нигуда не годятся, потому что не признають его великости. Затѣмъ онъ переиздалъ почти всю книжку стихотвореній г. Хомякова и сочтя это за неопровержимое доказательство ихъ высокаго достоинства, заключаетъ такъ: *Не правда ли, читатели, что надо быть слишкомъ наглу, слишкомъ дерзку, чтобъ ругать такіа стихотворенія. И какія несчастныя бредни выставляютъ публика на поклоненіе Иностранныя Записки, смѣсто Хомяковыя и Языковыя.*

Замѣтимъ между прочимъ, что бредни, которые выставлялись на поклоненіе тогдашними «Отечественными Записками» — были Державинъ и Кольцовъ, что тамъ, хотя нисколько не выставлемы на поклоненіе, печатались стихотворенія Огарева, который какъ поэтъ лирикъ, поэтъ съ особымъ внутреннимъ міромъ, съ особымъ строемъ лиры, — не смотря на свое однообразие, — эстетически и психически несравненно цѣннѣе даже и для насъ и Языкова и Хомякова, и стоитъ въ одной категоріи и пареміи съ Тютчевымъ, Фетомъ, Полонскимъ; ибо такъ же какъ они онъ поэтъ

внутренняго міра души, и поэтъ не воспроизводитъ внутреннему произволу, поэтъ сражается, а не гадаетъ.

Назвать поэтство какою-то журналь, роурумавшимся тогда за Хомякова, къ нему образомъ былъ — «Москвитинъ».

Не знаемъ — заключаетъ Бѣлинскій свой разборъ — согласился ли съ этимъ журналомъ его читатели; не считаемъ важнымъ сужденіе его о чинахъ журналь и ижеи ихъ мнѣній, равно какъ и обо всемъ, о чемъ онъ судитъ; но не можемъ не выставить на видъ, что если существуетъ журналъ, который до того убѣжденъ въ великости и національности г. Хомякова, какъ поэта, что печатно называетъ *дерзкими* и *напыщенными ругательствами* и *иностранными* всѣхъ, кто не согласенъ съ нимъ во мнѣніи о г. Хомяковѣ, стало бы существовать и люди, которые думаютъ и чувствуютъ точно также, какъ этотъ журналъ: вотъ для этихъ-то людей (а совѣтъ не для этого журнала) и пишемъ мы. Поэтъ съ подѣльнымъ дарованіемъ, но никѣмъ не замѣчаемый, никакимъ печатнымъ крикомъ не провозглашаемый, не опасенъ въ отношеніи къ порчѣ общественнаго вкуса: о немъ можно, при случаѣ, отозваться съ легкою улыбкою — и все тутъ. *Но поэтъ съ дарованіемъ славы: грозныя слова во бразистыя стоны, поэтъ, который замѣчаетъ вкусъ, жаръ чувства и основательность идей заволашеваемыми для опытныхъ людей сабызмами ума и чувства и между тѣмъ, имѣетъ усердныхъ гадатаевъ своей великости — воля ваша, надо предположить съ критикой рыблю кровь, если она можетъ оставаться равнодушною къ такому явленію и со всею энергіею не обнаружить истину.»*

И наконецъ, какъ бы емъ чувствуя, сколько злобы и ярости пошло въ разборъ, Бѣлинскій добавляетъ:

• Можетъ быть намъ еще замѣтить, что способъ нашего анализа, состоящій въ разборѣ фразъ, мелоченъ. Дѣло не въ способѣ, а въ его результатахъ; да кромѣ того, это единственный и превосходный способъ для сужденія даже и не о такихъ подѣтахъ, какъ Марлинскій, г. Языковъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ же родѣ. Многие фразы съ перваго раза закутятся блестящими, поэтическими и заключающими въ себя глубокія идеи; но если вы не воторопитесь, отдавшись первому впечатлѣнію, промашести о нихъ сужденіе, и хладнокровно спросите себя: что значить вотъ это, что хотѣлъ сказать поэтъ вотъ этимъ? то съ удивленіемъ увидите, что это сначала такъ поразившее васъ стихотвореніе — просто наборъ пустыхъ словъ... •

Въ разборѣ Бѣлинскаго явнымъ образомъ пужно различить два элемента — элементъ эстетическій и элементъ вражды къ направленію, котораго Хомяковъ былъ главнымъ представителемъ. Что касается до послѣдняго элемента — то мы уже въ нѣсколькихъ статьяхъ говорили и о значеніи отрицательнаго взгляда Бѣлинскаго и о причинахъ его вражды къ тогдашнему славыофидиству. Все

дѣло было во взаимномъ невниманіи. Славянофильство тогдашнее за вражду тоже платило враждею — и провъ того еще къ этому тогдашнему славянофильству причислялось множество старшихъ и запоздалыхъ стремленій, близкихъ къ стремленіямъ «Маяка» — и судавшихъ воззрѣнія Фамусова за народныя воззрѣнія.

Что же касается до эстетическаго элемента во взглядѣ Бѣлинскаго на Хомякова — то господа, дѣлающіе въ наше время видокъ этому взгляду — должны бы были сдѣлать этотъ вызовъ поосторожнѣе!

Бѣлинскій весьма рѣдко ошибался въ эстетическомъ отношеніи. Единственное что можно сказать противъ его эстетическихъ приговоровъ — это то, что онъ, увлекаемый своей искренней страстностью, иногда, позволяемъ себѣ выразиться вульгарно, но вѣрно — «пересаливалъ» въ похвалахъ или порицаніяхъ.

Въ особенности былъ онъ великій мастеръ иногда отличать все голубиное, какъ бы оно блестяще ни было, отъ сердечнаго, внутренняго...

Мы глубоко чтимъ память покойнаго Хомякова, какъ одного изъ самыхъ блестящихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ представителей нашего нравственнаго и общественнаго сознанія — но въ вѣрности существенныхъ чертъ взгляда Бѣлинскаго на его поэтическую дѣятельность — насъ несколько не разубѣдили нынѣ вышедшія стихотворенія Хомякова.

Сущность эстетическаго взгляда Бѣлинскаго на поэзію Хомякова въ томъ, что Хомяковъ — поэтъ головицкій. Что же? Вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ такъ. Поэзія была одно изъ орудій этой богатой, самобытно и даже вѣскольکو капризно-самобытно развившейся натуры.

Поэтъ истинный — будь онъ хоть до тла проникнуть завѣстныиъ философскимъ созерцаніемъ — какъ навримѣръ Тютчевъ — создаетъ вокругъ себя свой цѣлый, особый, неотразимо влонуцій міръ: осязательно-реальное бытіе примуть у него самыя отвлеченныя созерцанія, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, о томъ ли даже что

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ,
Кричитъ онъ бодро, живо, смѣло;
Ужь мѣсяць на небѣ потухъ
Струя въ Босфорѣ заагѣла,

о томъ ли, что

Не плоть а духъ растлился въ наши дни
или о странѣ, которую

одна мѣра небесный
Исподнѣ благословля,

вы чувствуете, что тутъ не мысль, не голова творили, что это пѣсня. Поэтъ истинный, чѣмъ онъ ни увлекись, хоть бы даже анализомъ общественныхъ бѣдствій, какъ Некрасовъ, какъ ни создавай онъ себѣ нарочно темъ для своей пѣсни, онъ васъ затянетъ въ свой магическій кругъ, вы войдете съ нимъ въ его мѣръ, будете дышать даже душнымъ воздухомъ этого міра...

Мы взяли нарочно двѣ грани поэзіи, двѣ такъ сказать крайности ея — поэта, совершенно отвѣченнаго отъ современности, поэта свободнаго до равнодушія какъ Тютчевъ, и другого поэта, который отдаетъ свое могучее дарованіе въ крѣпостное рабство современности, и странное дѣло! равнодушный, свободный Тютчевъ въ поэтическихъ впечатлѣніяхъ развиваетъ порою глубокія историческія и даже общественныя идеи, и вы никогда не почувствуете у него ничего дѣланнаго. Съ другой стороны, чтобы ни дѣлалъ съ своей бѣдной музою Некрасовъ — вы, если только пѣсня его родилась, а не сочинилась, можете досадовать на поэта за душный воздухъ, которымъ онъ заставляетъ васъ дышать, но идете за нимъ въ его мѣръ, переживаете его ощущенія, какъ бы личны, капризны, больны и даже ложны они ни были — переживаете горькія ощущенія «музы мести и печали».

Таже исторія повторяется съ вами относительно Полонскаго, Фета, Огарева. Вы можете на нихъ злиться за ихъ однообразіе или причудливость или наконецъ наивность, вы можете не хотѣть идти за ними въ ихъ внутренней мѣръ, но, попали разъ въ него — вы въ заколдованномъ кругу, вы ѣдете

на волнѣ верхомъ
Воевать съ чародѣемъ царемъ...

вы видите во очью страшный мѣръ, гдѣ

Листья поны свѣтлыхъ насѣкомыхъ
Все растеть и рвется вонъ изъ мѣры —

вы хотите, чтобы вамъ далеко было ѣхать, чтобы васъ

Безъ устали везла, везла карета
И не имѣлъ бы этотъ путь конца
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Смотря на очеркъ этого лица...

Но есть и другого рода поэты — поэты чудныхъ формъ, поэты пластики, поэты вполне объективные — играютъ ли они подчасъ даже нѣсколько холодно формами, какъ живописецъ красками (Май-

ковъ), переносятся ли они въ рѣчь созерцанія прошедшаго, какъ Мей, вы на каждомъ шагѣ чувствуете, что это дѣйствительно поэтическія силы, не всегда способныя возвыситься до глубокаго содержанія, но набрасывающія свой яркій колоритъ на всякій предметъ.

И къ такимъ поэтамъ формъ тоже не принадлежалъ Хомяковъ.

Стихотворенія его, даже не слѣды глубокаго и оригинальнаго духа, а просто роскошь его, избытокъ его силы. Слабы хомяковскаго духа — его философскія статьи, его теологическія брошюры, наконецъ историческій трудъ имъ оставленный.

Въ приговорѣ Бѣлинскаго несправедливо одно только. Онъ видѣлъ въ стихотвореніяхъ Хомякова заказныя, дѣланныя впечатлѣнія, тогда какъ впечатлѣнія эти нисколько не дѣланныя. Впечатлѣнія эти, какъ результатъ глубокихъ самостоятельныхъ убѣжденій, были отблесками цѣльной и полной, нравственной и умственной жизни. Эта цѣльная и полная жизнь — отражалась между прочимъ и въ стихотвореніяхъ, почти всегда блестящихъ, звучныхъ и сильныхъ, потомучтѣ блестящая и сильная натура не могла же въ чемъ бы то ни было выражаться дюжиннымъ образомъ тѣмъ болѣе въ своихъ поэтическихъ искрахъ.

Во всѣхъ поэтическихъ искрахъ натуры Хомякова есть и свѣтъ и огонь, но сосредоточивался свѣтъ и огонь этой высокой натуры въ другой дѣятельности...

Подтверждать дѣло выписками мы не станемъ. Выписокъ много въ различныхъ статьяхъ о покойномъ Хомяковѣ, но всѣ онѣ доказываютъ только силу и оригинальность его натуры и нисколько не опровергаютъ эстетической сущности взгляда Бѣлинскаго.

Вообще же на двухъ этихъ дорогахъ и рановременныхъ мгилахъ, пора бы намъ перестать перебрасываться вызовами и попреками.

Бѣлинскій и Хомяковъ — равно достоиніе нашего сознанія, равно борцы за святое и честное дѣло нашей умственной самобытности...

Этого можно было не знать и даже искренно не знать, дѣтъ шесть или даже пять назадъ, но этого нельзя уже не видѣть теперь. Исторія есть судъ Божій.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ РИМА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЛЕОНТЬЕВА: «О СУДЬБѢ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХЪ КЛАССОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ». (Русскій Вѣстникъ, № 1, 1861 г.)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

«Миръ классической древности, закончившій собою древнюю языческую исторію, представляетъ намъ высшую степень, которой могло достигнуть естественное развитіе языческаго человѣчества, ту степень, на которой вслѣдствіе возстановившагося равновѣсія основныхъ началъ человѣческой природы, должно было проявиться какъ бы въ подобіи и преобразованіи, все то, что только можетъ принести съ собою дальнѣйшая исторія человѣчества». Такъ говоритъ г. Леонтьевъ въ своей статьѣ, заглавіе которой приведено выше. Кажется авторъ сказалъ еще очень мало. Новая историческая школа, говоритъ, пожалуй, что явленія исторіи древняго міра составляютъ не подобіе только, не преобразованіе явленій исторіи послѣдующей, но что въ сущности тѣ и другія явленія совершенно сходны между собою; что новая исторія есть повтореніе древней, въ другихъ національностяхъ, въ другихъ подробностяхъ, въ другомъ объемѣ. Это до такой степени бросилось въ глаза нѣкоторымъ, что, не боясь упрека въ торопливости, они даже построили общую теорію развитія гражданскихъ обществъ, гдѣ какъ норму ставятъ смѣну трехъ періодовъ патріархальнаго, легальнаго и преторіанскаго, соответственно тремъ періодамъ возраста народовъ: юности, зрѣлости и старости. До сихъ поръ это было, пожалуй, и такъ. Г. Леонтьевъ прибавляетъ, что и дальнѣйшая исторія человѣчества можетъ принести съ собою только тоже самое. Ну съ этимъ можно и не согласиться, или по крайней мѣрѣ желать не согласиться. Но до сихъ поръ новая исторія, по мнѣнію знатоковъ, идетъ такъ же, какъ въ свое время шла лучше другихъ извѣстная исторія Рима, пожалуй даже и Греціи. И

съ этой точки зрѣнія нельзя не отдать справедливости трудамъ тѣхъ ученыхъ, которые въ самое недавнее время посвятили себя изученію жизни грековъ и римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ приходится переживать то, что пережили наши предшественники въ цивилизаціи, ихъ жизнь должна быть и можетъ быть для насъ урокомъ очень полезнымъ, тѣмъ болѣе, что мы можемъ слѣдить за всею отъ самаго начала до конца; можемъ не предположенія дѣлать о причинахъ и слѣдствіяхъ извѣстныхъ явленій, а видѣть самыя причины и самыя слѣдствія: все дѣло происходитъ передъ нашими глазами. Дѣлая предположенія, соображенія, мы могли бы увлечься, надѣлать ошибокъ; въ исторіи грековъ и римлянъ намъ стоитъ только не отворачиваться отъ явленій, не закрывать глазъ и вмѣсто дѣйствительности не сочинять фантазій, и мы будемъ имѣть вѣрное представленіе о ней и вѣрное пониманіе ея.

Послѣдніе труды по древней исторіи имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны въ нашихъ глазахъ, что они обращаютъ вниманіе на одну сторону общественной жизни древнихъ народовъ, значеніе которой не могло быть, какъ слѣдуетъ, понято даже за столѣтіе прежде. Постепенное умененіе экономическихъ идей, лучшее опредѣленіе и измѣреніе элементовъ общественнаго благосостоянія въ послѣднее столѣтіе, дали возможность ученымъ, посвятившимъ свои труды исторіи древнихъ народовъ, воспользоваться результатами наукъ экономическихъ и въ помощь ихъ вѣрнѣе познать судьбы древняго міра. Если пріобрѣтеніе исторической науки въ этомъ отношеніи еще не совсѣмъ удовлетворительны, если представленные до сихъ поръ выводы не выдерживаютъ критики и иногда рѣшаютъ вопросы совершенно неправильно, на это есть много причинъ и одна изъ нихъ бѣда обща заключается въ томъ, что самыя успѣхи наукъ экономическихъ не какъ велики, какъ это многимъ кажется; что въ политической экономіи есть много вопросовъ, которые рѣшаются самыми разнообразными и даже противоположными способами и ошибки ученыхъ, приложившихъ экономическіе принципы къ изслѣзованію древней жизни заключаются именно въ томъ, что они приняли за окончательные выводы экономической науки такія положенія, которые отличаются иногда крайнею односторонностію, болѣею частью поверхностны и потому за окончательные выводы науки быть приняты не могутъ, и дѣйствительно не принимаются лучшими мыслителями и основательнѣйшими учеными въ области политической экономіи.

Но для исторической науки важное пріобрѣтеніе состоитъ уже въ томъ, что экономическій элементъ введенъ въ ея изслѣзованіе; отъ этого выигрываетъ наука и сама для себя: она дѣлается всеобщее, стало быть ближе къ истинѣ; выигрываетъ и достоинство

науки, какъ школы для современныхъ обществъ, которыя могутъ брать изъ нея, хотя еще въ небольшой мѣрѣ именно тѣ уроки, которые имъ въ наше время всего нужныѣ.

Здѣсь происходитъ явленіе, которое вообще порядко встрѣчается въ дѣятельности человѣческой, явленіе очень простое и давно отмѣченное здравымъ народнымъ смысломъ въ пословицѣ. Прогрессъ политической экономіи отозвался въ исторіи и сдѣлалъ въ ней значительное движеніе впередъ. Но именно это движеніе уже оказало обратное дѣйствіе на политическую экономію и несомнѣнно окажетъ его еще въ большой мѣрѣ. Въ то время, какъ въ исторію вошелъ элементъ экономической, въ изученіе экономическихъ вопросовъ вошелъ элементъ историческій, и въ послѣднее время все больше и больше говорятъ объ историческомъ методѣ въ политической экономіи. Наиболеѣ ученые и основательные экономисты нѣмецкіе, англійскіе и даже французскіе не довольствуются, подобно нѣкоторымъ скороснѣлымъ экономистамъ, легонькими разсужденіями аргіогі объ экономическихъ вопросахъ, а слѣдятъ за всѣми экономическими явленіями и ихъ слѣдствіями въ исторіи, и результатъ до сихъ поръ оказавшійся тотъ, что политическая экономія поставлена на твердую и совершенно научную почву и что многое, принимавшееся за явленія науки, потеряло это качество, а экономисты, которые такъ поспѣшно проповѣдывали свои мнимые результаты науки, съ каждымъ днемъ теряютъ кредитъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатъ изъ сближенія исторіи съ политической экономіею выходитъ пріобрѣтеніе для той и для другой науки, и можно съ основательностью разсуждать, что это пріобрѣтеніе, замѣтное теперь главнымъ образомъ въ методѣ и только частью въ результатахъ, не замедлитъ дать и результаты, которые примирятъ всѣ школы, не желающія окончательно разойтись съ наукою, и что въ экономической наукѣ не будетъ больше мистическаго принципа, къ которому открыто принуждена была прибѣгнуть одна школа.

Сочиненіе г. Леонтьева о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ, принадлежитъ къ разряду историческихъ трудовъ новой школы. Въ него въ широкомъ размѣрѣ допущенъ элементъ экономическій и читатель можетъ только радоваться этому явленію въ русской литературѣ. Г. Леонтьевъ слѣдитъ именно за экономическимъ бытомъ сельской части римскаго населенія; выборъ для сочиненія чрезвычайно удаченъ, какъ потому, что экономическая сторона жизни народной вообще богаче другихъ общими историческими результатами, такъ и потому, что современная реформа экономического быта нашего сельскаго населенія конечно не потерпитъ ничего дурного отъ историческихъ изслѣдованій объ аналогическихъ явленіи-

лхъ у другихъ народовъ. Г. Леонтьевъ не останавливается на простомъ описаніи экономическаго быта сельскихъ жителей римской республики, но присоединяетъ сюда еще свои сробрашенія о значеніи этого быта на судьбу римскаго государства вообще. Все это чрезвычайно послѣдовательно и совершенно соответствуетъ уровню современнаго историческаго метода.

Къ сожалѣнію выводы, представленные г. Леонтьевымъ, не выдерживаютъ строгой критики и можно даже сказать, почти во всѣхъ совершенно противоположны тѣмъ выводамъ, которые должны по-обходимо вытекать изъ осторожнаго историко-экономическаго изученія судьбы римскаго народа.

Вотъ какъ изложилъ самъ г. Леонтьевъ свои выводы въ концѣ статьи:

• Римъ, начавшій свою исторію крѣпостнымъ состояніемъ, окончилъ ее также крѣпостнымъ состояніемъ. Древняя крѣпостная зависимость сама собою ослабѣла съ теченіемъ времени, по мѣрѣ распространенія патриціанскихъ помѣстьевъ на государственныхъ земляхъ. Сословіе крѣпостныхъ становилось все менѣе и менѣе замѣтно передъ возростающимъ и уединявшимся сословіемъ вѣбеевъ, т. е. свободныхъ землевладѣльцевъ. Имперіальное законодательство даровало вѣбеевъ полноправность и сделало ихъ собственниками. Слѣдствіемъ того было процвѣтаніе римскаго государства. Но Дициніевы крестьяне сильно пострадали отъ военной службы и отъ соперничества рабовъ, наводнившихъ Италію вслѣдствіе завоеваній. Число пролетаріевъ несоразмѣрно увеличилось, и этому злу уже не въ состояніи были помочь ни Гракхи, ни ихъ предшественники и преемники въ заботахъ о благѣ государства. Число гражданъ-собственниковъ уменьшалось, между тѣмъ какъ размножались граждане безземельные, пока наконецъ сила обстоятельствъ не ввела опять крѣпости на земли.

Кто остановится только надъ этою выпискою изъ статьи г. Леонтьева и еще больше кто прочтаетъ со вниманіемъ всю статью, тотъ не можетъ не задуматься надъ какимъ-то фатализмомъ, надъ злымъ рокомъ, ведущимъ римское общество къ страшному упадку. Г. Леонтьевъ рассказываетъ, что послѣ періода войнъ, экономическій бытъ римскихъ земледѣльческихъ классовъ или вѣрнѣе даже не земледѣльческихъ, а просто бѣдныхъ классовъ, (потому что большая часть изъ нихъ уже не занималась земледѣліемъ), находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Это поразило и людей того времени, и лучшіе изъ нихъ, по признацію самаго г. Леонтьева, съ необыкновенною энергіею, съ крайнимъ самопожертвованіемъ, взялись за трудъ исправить состояніе общества, трудъ который удался прежде за два вѣка съ половиною, и въ результатѣ не вышло ничего; общество все шло къ худшему, пока не дошло до такого состоянія, хуже котор-

риво въ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ состояніи мы ничего представить не можемъ; должно до этихъ нечеловѣческихъ, скандалическихъ частотъ животныхъ оргій римской знати и простаго народа во время цезарей. Кто, изучая исторію древнихъ народовъ, не можетъ забыть, что эти народы не просто предметъ изученія, а въ свое время также мысляли и чувствовали, какъ теперь мыслятъ и чувствуемъ мы; коротче кто изучаетъ исторію съ сочувствіемъ къ ея дѣятелямъ, тотъ вынесетъ тяжелое чувство изъ чтенія статьи г. Леонтьева. Будте въ самомъ дѣлѣ правда, что, какъ говорить г. Леонтьевъ, этузузу (т. е. несоразмѣрному увеличенію пролетаріата въ Римѣ, погубившему все общество), не были уже въ состояніи помочь ни Гракки, ни ихъ предшественники и преемники въ заботахъ о благѣ государства? И такъ зло было неотвратимо? И такъ и съ нашихъ обществахъ, которымъ подобію, по мнѣнію г. Леонтьева, составляетъ древній Римъ, можетъ быть такое неотвратимое зло, которое закончится такъ же, какъ въ Римѣ, прекрѣпленіемъ къ землѣ безземельныхъ гражданъ?

Нужно отвѣчать на этотъ вопросъ, измѣнивъ нѣсколько то, что мы сказали выше. Но счастье, выводы представленные г. Леонтьевымъ не выдерживаютъ строгой критики и можно даже сказать, почти вслѣдъ противоположны тѣмъ выводамъ, которые должны необходимо вытекать изъ осторожнаго историко-экономическаго изученія судьбы римскаго народа.

Во самомъ дѣлѣ, на чемъ г. Леонтьевъ основалъ свои выводы? Въ экономическомъ отношеніи онъ обращаетъ особенное вниманіе на три періода римской исторіи; на первоначальное устройство, дошедшее состояніе римскаго общества до необходимости реформы Лицинія, потомъ на реформу Лицинія и на реформу Гракковъ. Г. Леонтьевъ дѣлаетъ оцѣнку и первоначальныхъ учреждений и послѣдующихъ реформъ, называетъ ихъ дѣйствительными и возможными слѣдствіями, опираясь главнымъ образомъ на экономическія соображенія; и вотъ въ этомъ-то дѣлѣ онъ сдѣлалъ заключенія единственно осторожныя, которые привели его къ выводамъ изложеннымъ. Въ этой статьѣ будутъ разобраны экономическія основанія г. Леонтьева сами въ себѣ и въ приложеніи ихъ къ тремъ упомянутымъ эпохамъ римской исторіи.

Первоначальная форма поземельнаго владѣнія въ Римѣ имѣеть такой видъ: Каждое древнее семейство (патриціанское) имѣло въ собственности два югера (полдесятины), которые должны были не-

реходить по наследству, т. е. были неотчуждаемы. Рядомъ съ этими наследственными участками существовало общественное поле, которое образовалось мало по малу, и которыми пользовались также только патриціи за определенную плату, пропорционально количеству произведеній. Количество или пропорція земли, которую каждый патрицій могъ захватить въ общественномъ полѣ, не было определено; каждый патрицій могъ захватить столько земель, сколько могъ ея обработать. Вѣроятно въ этомъ дѣлѣ не обходилось безъ споровъ, безъ несправедливостей, потому что первоначально общественное поле Рима не могло быть велико; а двумя югерами герелиума патриціанское семейство не могло ограничиться. Но объ этомъ не сохранилось извѣстій; къ тому же дѣло вскоре цмѣнилось, благодаря увеличенію общественнаго поля посредствомъ завоеваній. И въ это время вѣроятно всѣ патриціанскіе роды успѣли занять по желанію земли на общественномъ полѣ; можетъ быть нѣкоторые успѣли захватить даже слишкомъ много, потому что общественное поле все расло, такъ что при Сервіѣ Туллиѣ уже была возможность надѣлать плебеевъ поземельными участками. Плебеи, пришедши въ Римъ, сначала совсѣмъ не имѣли земли, потому что вѣроятно они и составляли тотъ классъ населенія, который первоначально занимался ремеслами и торговлею. Но такъ какъ торговля и ремесла въ государствѣ съ патриархальнымъ хозяйствомъ, въ государствѣ почти изолированномъ въ экономическомъ отношеніи, какіи былъ древній Римъ, могутъ давать пропитаніе только незначительной части населенія, а число плебеевъ, благодаря вышнему увеличенію, все расло и расло несравненно быстрѣе, чѣмъ число патриціевъ; то къ концу періода царей оказалась необходимость надѣлать ихъ землею; и дѣйствительно плебеи получили поземельные участки при Сервіѣ Туллиѣ; а потомъ, тотчасъ послѣ изгнанія царей, въ другой разъ сдѣлавъ были надѣлы плебеевъ поземельными участками, можетъ быть изъ той части общественнаго поля, которая была въ пользованіи царской фамиліи. Плебеи получали свои участки въ полную собственность; они могли быть отчуждаемы по произволу; государство, отдавая ихъ плебамъ, отдавало ихъ въ полное ихъ распоряженіе.

Изъ плебеевъ конечно немногіе получили поземельные участки при Сервіѣ Туллиѣ и послѣ изгнанія царей. Другіе не получили вѣроятно потому, что не нуждались, наконецъ нѣкоторые такъ и остались пролетаріями ни съ чѣмъ. Незавидна была судьба плебеевъ, даже и тѣхъ, которые получили земли, потому что съ одной стороны на плебейхъ лежали тяжолыя, по причинѣ частыхъ войнъ, воицкія обязанности, а съ другой стороны, они же должны были

отдавать и часть военныхъ издержекъ трибунамъ, которымъ были обложены ихъ земли. Результатъ былъ тотъ, что плебеи скоро потеряли свои земли и задолжали патриціямъ, что вскорѣ повело къ спорамъ между патриціями и плебеями, окончившимся уравненіемъ правъ плебеевъ и патриціевъ и аграрными законами Лицинія, т. е. надѣленіемъ всѣхъ плебеевъ поземельными участками ихъ общественнаго поля.

Казалось бы что этого результата достаточно для того, чтобы найти неудовлетворительнымъ древній экономическій бытъ плебеевъ и слѣдовательно вообще римскаго государства.

Но г. Леонтьевъ не такъ судитъ объ этомъ первоначальномъ устройствѣ земледѣльческаго класса въ Римѣ. Онъ признаетъ вреднымъ результатъ, т. е. потерю земель плебеями; но экономическое устройство ихъ одобряетъ. Мало того, онъ не знаетъ какъ похвалить его, и ставитъ образцомъ, до котораго мы еще не дошли; прямо отдаетъ ему предпочтеніе предъ экономическимъ бытомъ нашего сельскаго класса. Конечно, и съ точки зрѣнія современной и съ точки зрѣнія нашей русской, нельзя осуждать древнія учрежденія; что найдено полезнымъ теперь, что созналъ хорошимъ русскій народъ, до того могли не дойти римляне: это очень естественно. Но г. Леонтьевъ судитъ первоначальный бытъ Рима не съ точки зрѣнія того времени: онъ старается выставить его безукоривеннымъ и съ точки зрѣнія тогда несуществовавшей, а исключительно свойственной въ настоящее время племенамъ славянскимъ и въ особенности намъ русскимъ, и абсолютно осуждаетъ порядокъ существующій у насъ, сравнивая его съ порядкомъ древняго Рима. Онъ задаетъ себѣ вопросъ: почему римляне не обеспечили какънибудь поземельное владѣніе плебеямъ на долгое время, навсегда; почему они отдали плебеямъ земли въ полную собственность, съ правомъ тотчасъ распродать ихъ. Справедливый отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: римляне не дошли до полнаго знанія и хорошаго пониманія всѣхъ видовъ поземельнаго владѣнія; они поступали извѣстнымъ образомъ, потому что слѣдовали извѣстнымъ образцамъ, потому что на владѣніе поземельною собственностью они перенесли взгляды съ владѣнія частною движимою и недвижимою городскою собственностью. Можетъ быть впрочемъ патриціи, раздавая плебеямъ земли въ полную собственность, — а все дѣло зависѣло только отъ нихъ, — дѣлали это не безъ тайной мысли скупить ихъ потомъ за безцѣнокъ, пользуясь крайнимъ положеніемъ плебеевъ. Эта мысль довольно вѣроятна, потому во первыхъ, что влиятельнѣйшіе патриціи, т. е. богатѣйшіе, не всѣ были такіе патриоты, какъ Цицинианъ: было много и такихъ, какъ Коріоланъ; а во вторыхъ они уже чув-

стивили недостатокъ въ землѣ или привели къ увеличенію земли, что можно видѣть изъ того, что они крѣпко стояли на томъ, чтобы земля, вновь поступавшая въ собственность государства, доставалась все-таки имъ же, патриціямъ, и для достиженія этого, не прочь были даже отъ тайного убійства, и наконецъ вполнѣдствіи земли, ренопродаными плебеямъ, дѣйствительно оказались въ рукахъ патриціевъ.

А г. Леонтьевъ объясняетъ отдачу участковъ плебеймъ въ полную собственность тѣмъ, что патриціи имѣли высшія экономическія соображенія и поступали въ дѣлѣ самой строгой идеи права.

«Зачѣмъ было терять деньги съ государственныхъ земель, — говоритъ г. Леонтьевъ, — и дарить ихъ крестьянамъ, когда имъ предоставлялось право тотчасъ же продать участки и разомъ уничтожить всѣ плоды законодательной заботы? Дѣло въ томъ, что римляне вѣрно и держивали коренныя основанія права и ясно понимали, что юридическіе интересы не могутъ быть въ противорѣчій съ экономическими интересами.»

Какъ вѣсть отъ этой послѣдней фразы дуромъ Бастья. Это согласіе интересовъ экономическихъ съ справедливостью, которое существуетъ только въ умѣ, или даже можетъ быть только на языкѣ эксплуататоровъ равныхъ видѣтъ, да экономистовъ, мысливших по Бастья! Вотъ гдѣ первый слѣдъ всѣхъ ошибокъ п. Леонтьева: онъ воображаетъ, что дѣйствительно Бастья снизжалъ послѣднее слово науки. Я говорю только *первый слѣдъ*; и не по одному этому вѣроту я заключаю, что г. Леонтьевъ держится экономическихъ взглядовъ Бастья, или все равно кого-нибудь другого изъ этой школы; вслѣдствіе г. Леонтьева въ экономическомъ отношеніи пропитана этими дуромъ.

Что касается до согласія экономическихъ интересовъ съ справедливостью или по выраженію г. Леонтьева съ интересами юридическими, то согласіе это не трудно бы опровергнуть, еслибъ г. Леонтьевъ на немъ что-нибудь построилъ. Нетрудно вывести заключеніе хоть бы изъ того только, что справедливость чаще всего нарушается именно изъ интересовъ экономическихъ. Но г. Леонтьевъ ничего не строитъ на согласіи справедливости съ интересами экономическими; потому этотъ вопросъ можно обойти. Сверхъ того г. Леонтьевъ не показываетъ вышшаго основанія, почему справедливости требовала, чтобы государство римское отдало свои земли въ полную собственность плебеймъ. А изъ сущности дѣла оказывается совершенно противоположное; государство, отдавая земли плеторымъ изъ пражданъ, имѣло полное право определять пользованіе

или такъ, чтобы интересъ государственній былъ сохраненъ. А интересъ государственный во всей этой операціи былъ тотъ, чтобы плебеи пользовались землею, т. е. одною изъ даровыхъ силъ природы для своего содержанія и для того, чтобы всегда быть готовыми служить государству. И при Сервіи Туллии и при изгнавіи царей, Римъ старался организовать военное дѣло, защиту государства, для чего и бѣгли родины землямъ плебеямъ. Заботливости правительства о томъ, чтобы сохранить за плебеями возможность и право пользованія землею была бы тѣмъ законнѣе, что этого требовало благосостояніе самихъ плебеевъ. Съ этимъ г. Леонтьевъ не согласенъ; онъ высказываетъ это прямо, приводитъ причины. Это и есть то мѣсто, въ которомъ онъ приводитъ свои экономическіе принципы, на основаніи которыхъ онъ судитъ объ экономическихъ явленіяхъ римской исторіи. Это именно то мѣсто, на которое стоитъ всего болѣе обратить вниманіе.

Для благосостоянія крестьянства, говоритъ г. Леонтьевъ, нужно, чтобы крестьянскіе участки давали своимъ владѣльцамъ на обезпеченіе продовольствія, которое, въ странѣ, пользующейся благосостояніемъ, легко можетъ быть снискано трудомъ, а возможность затрачивать на свою землю все свободное отъ другихъ занятій время.

Если читатель хорошо понялъ эту фразу, то безсомнѣнія онъ съяветъ изъ нея вѣрное заключеніе, т. е. благосостояніе крестьянства требуетъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ свою землю, и чтобы количество этой земли было достаточно для того, чтобы онъ не былъ принужденъ, сложа руки, сидѣть большую часть года на недостаточномъ клочкѣ земли. Чтобы благосостояніе было прочно, нужно, чтобы крестьянинъ *всегда* имѣлъ свою землю, т. е. не имѣлъ возможности потерять ее, иными словами, чтобы его земля была неотчуждаема. Мысль совершенно вѣрная, но не то хотѣлъ сказать г. Леонтьевъ; здѣсь слово *собоя* (земля) у него вырвалось противъ его желанія и оно находится въ противорѣчій съ другими словами этой же санди-фразы. Г. Леонтьевъ хочетъ только, чтобы крестьянинъ не сидѣлъ сложа руки, а будетъ ли онъ работать на своей или на чужой землѣ; это и для г. Леонтьева и для крестьянина, по мнѣнію г. Леонтьева, все равно; г. Леонтьевъ увѣренъ, что обезпеченіе продовольствія неважно, даже не нужно для благосостоянія крестьянства, потому что *въ странѣ, пользующейся благосостояніемъ, оно легко можетъ быть снискано трудомъ*, т. е. насильемъ. Здѣсь какъ будто дѣлу и конецъ, не стоитъ и толковать объ обезпеченіи продовольствія большинству народонаселенія, такъ какъ продовольствіе можно всегда быть снискано трудомъ. Сколько я знаю, даже Бастья

не говорилъ такъ легко объ этомъ легкомъ снискиваніи продовольствія трудомъ. Будто въ самомъ дѣлѣ г. Леонтьевъ однимъ этимъ пятью словами считаетъ возможнымъ рѣшить важнѣйшій и все растушій вопросъ о продовольствіи или все равно о пропитаніи. Будто г. Леонтьеву неизвѣстно, что даже въ Англии, которая несомнѣнно пользуется болѣе высокимъ благосостояніемъ, нежели другія современныя государства Европы, которыя всѣ пользуются благосостояніемъ болѣе высокимъ, нежели государства древняго міра, не только во время кризисовъ, но и во всякое время вообще, сотни тысячъ жителей переходятъ безъ труда, безъ того самаго труда, который по мнѣнію г. Леонтьева, такъ легко находится, — а слѣдовательно и безъ пропитанія. Такъ въ 1857 г. въ Англии было 960,000 лицъ, получавшихъ пособіе изъ общественныхъ суммъ, назначенныхъ для этой цѣли, а въ 1849 г. 1,630,000. Какимъ же образомъ г. Леонтьевъ допускаетъ, что въ Римѣ было легко заработать пропитаніе трудомъ? А вѣдь въ Римѣ не было фабрикъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, да и потому что они были ничтожны; въ это время была ничтожна и торговля и ремесла: гдѣ же могли бѣдные, безземельные люди заработать пропитаніе? На земледѣліи? Но въ какомъ состояніи находилось тогда земледѣліе? Знаетъ ли что нибудь г. Леонтьевъ объ этомъ? Если это было время старинныхъ двух-югерныхъ гереліумовъ, то очевидно на два югера никто работниковъ нанимать не сталъ бы, потому что патриціи сами обрабатывали свою землю. А если это было тогда, когда патриціи уже завладѣли большими участками въ общественномъ полѣ, то во первыхъ г. Леонтьевъ не долженъ забывать старинное римское правило, что старательно обрабатывать землю не стоитъ. А патриціи имѣли еще кліентовъ и рабовъ. Гдѣ же и какъ тутъ земледѣліе могло требовать наемныхъ рабочихъ рукъ? Да если наконецъ земледѣліе и требовало рабочихъ, почему г. Леонтьевъ думаетъ, что плебеи тотчасъ по желанію или по обстоятельствамъ (напр. по возвращеніи изъ похода), нашли бы себѣ работу на чужой землѣ? Кто бы ихъ взялъ къ себѣ на земледѣльческую работу, которая требуетъ непремѣннаго присутствія рабочаго на мѣстѣ, въ извѣстное время, даже иногда въ извѣстный день, а плебеи могли быть во всякое время оторваны въ походъ; въ другое же время рабочіе почти совсѣмъ ненужны для земледѣльческихъ работъ. Не выгоднѣе ли было болѣе высокимъ землевладѣльцамъ обрабатывать землю кліентами или рабами, или какими бы то ни было наемными рабочими, только не плебеями, обязанными вести военную службу?

Очевидно отвѣтъ на эти вопросы одинъ: римскому плебею было труднѣе, нежели кому-нибудь теперь, а даже въ древнее время, въ

спомогъ Римѣ найти работу. А слѣдуютъ еще вопросы, что было бы съ землею плебея, съ его женою и дѣтьми, когда онъ, бездомный работникъ, пошелъ бы въ походъ, или по возвращеніи изъ похода не ищѣлъ бы работы? гдѣ были бы ихъ принять, откуда пропитаніе? Г. Леонтьевъ на все это не обратилъ вниманія.

Но пусть бездомный плебей и найдетъ себѣ работу, каково должно быть его существованіе въ качествѣ наемника, котораго завтра могутъ выгнать? Если римскіе патриціи и были человѣколюбивы съ клиентами, то извѣстно, что они совсѣмъ не таковы были съ плебеями, не говоря уже о рабахъ. Извѣстно какъ они поступали съ плебеями, когда случался голодъ. Патриціи были непрочъ закабалить ихъ въ такую пору. Извѣстно также, какъ они поступали съ плебеями должниками; плебей наемникъ становился къ богатому землевладѣльцу въ тоже отношеніе, какъ должникъ къ кредитору, даже почти какъ рабъ къ господину. И гдѣ такому населенію было добыть себѣ права, какъ ихъ добыли потомъ плебеи? А между тѣмъ г. Леонтьевъ находитъ, что уравниеніе правъ плебеевъ и патриціевъ послѣ галлскаго нашествія было дѣломъ великимъ и плодотворнымъ для Рима, и что ему Римъ обязанъ своимъ величіемъ и всѣмъ своимъ историческимъ значеніемъ.

Продолжая свое разсужденіе о пользѣ той мѣры, что плебеи получали поземельные участки съ возможностью отчуждать ихъ, г. Леонтьевъ говоритъ, что при неотчуждаемости участковъ, размѣры ихъ должны быть одинаковы; и непремѣнно удалаться отъ своей естественной величины, опредѣляемой свободнымъ временемъ земледѣльца. Они будутъ или слишкомъ велики или слишкомъ малы. Если она будутъ велики, то *слѣдствіемъ будетъ потеря производительныхъ силъ земли*. Это разсужденіе до такой степени имѣетъ видъ правды, что становится даже страннымъ, что оно такъ похоже на чистую истину. А между-тѣмъ какъ просто ларчикъ открывается. Г. Леонтьевъ забылъ одно, что если участки будутъ слишкомъ велики, то это можетъ происходить только отъ одной причины, что масса населенія незначительна сравнительно съ количествомъ земли; и что ужъ тутъ какъ ни разсуждай, горю не поможешь; работниковъ изъ глины надѣвать нельзя, а придется подождать, пока населеніе размножится, что и будетъ, если дѣйствительно производительныя силы страны сравнительно больше народонаселенія. Но что всего любопытнѣе въ разсужденіи г. Леонтьева, это то, что *вѣдь онъ требуетъ отчуждаемости участковъ, т. е. чтобъ одни земледѣльцы могли продавать свои участки, а другіе могли покупать ихъ*. Какъ же, увеличивая участки, онъ хочетъ уничтожить потерю производительныхъ силъ земли? Вѣдь не всякій еще потерявшій

своей унастоукъ, шейметя для ведельнѣисоннѣ же работѣ. Такогообразомъ потеря производительныхъ силъ земли будетъ еще больше. Но это не вре; потеря производительныхъ силъ будетъ больше даже и въ томъ случаѣ, если всѣ, потерявшіе свои участки, будутъ продолжать заниматься земледѣіемъ. Г. Леонтьеву можно было замѣтить, что личный интересъ есть лучшее побужденіе къ старательной работѣ. Это говоритъ та наука, на основаніи которой онъ судитъ явленія римской жизни. И не вполнѣ признають это только утописты, къ числу которыхъ г. Леонтьевъ не принадлежитъ. Поэтому обращеніе собственниковъ въ работниковъ уже въ самомъ себѣ заключаетъ уменьшеніе количества работы, и слѣдовательно большую потерю производительныхъ силъ. Но это опять такъ не все. Кромѣ потери производительныхъ силъ земли, тутъ есть еще большая потеря нравственныхъ силъ человека. Въдѣ работниковъ всю жизнь зависящее. Онъ не обезпеченъ въ экономическомъ отношеніи. Землевладелецъ можетъ во всякое время отказать ему. Поэтому работникъ подчиняетъ его влдію; онъ долженъ мераль нямъ рдѣжаться, какъ это всегда бывасть передъ нашими глазами. Какъ въ такомъ случаѣ римскій плебей сократилъ бы свое самоуваженіе, которое дало ему средство вынести съ честью на своей плечахъ судьбу Рима, это самоуваженіе, слѣдствіе экономической независимости, которое русскій народъ такъ коротко выразилъ въ пословицѣ: шей горшокъ, да самъ большой.

Замѣчательно, что въслѣдствіи говоря о законахъ Андунія, г. Леонтьевъ самъ приходитъ къ той же мысли. Бевъ законовъ Андунія, говоритъ онъ, «вольный рабочій классъ былъ бы поставленъ фактически въ положеніе крѣпостного, и классъ сельскихъ жителей распался бы на два класса, раздѣленные цѣлою бездною; на классъ господъ и на классъ холоповъ.» Но въ этомъ случаѣ г. Леонтьевъ забылъ о возможномъ результатѣ прославляемой имъ дтчуждаемости участковъ.

Подобнымъ образомъ г. Леонтьевъ доказываетъ и невыгуду слишкомъ малыхъ участковъ. «Слѣдствіемъ», говоритъ онъ, будетъ потеря крестьянскаго времени; праздность, навязанная крестьянину, приучитъ его къ лѣни.» Въ другомъ мѣстѣ г. Леонтьевъ не оставилъ на этомъ результатѣ; онъ говоритъ даже, что эта лѣность неразвительна, и вотъ поэтому, по примѣру невольна издѣланныхъ крестьянъ, надѣленныхъ небольшими участками, все сельское населеніе стало бы лѣниться, чуть ли даже не вся Италия. Вотъ, любознательно, какъ вся Италия разлѣнилась бы; никто ничего не сталъ бы дѣлать, всѣ ослабли бы и физически и морально, пригнл бы Галлы, и шобы они слѣдали со всѣми этими лѣнтями; да если бы и во

Годы, гдѣ бы гонимыя развѣнчавшіяся римлянамъ покорить міръ? Но если даже и оставить эту сравнительную лѣньность, все-таки надѣсье поселить большинство неогнуждаемыхъ участника не такъ дурно, какъ объ этомъ думаетъ г. Левайтень. Здѣсь опять необходимо тоже разсужденіе, которое мы сдѣлали выше. Если недостаточность участіевъ происходитъ отъ того, что масса земель меньше сравнительно съ числомъ жителей, то бѣдѣ помочь нельзя и теперь, а еще менѣе было можно въ древнемъ Римѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если увеличить участія однихъ на счетъ другихъ, то конечно однимъ будетъ лучше, но каково будетъ другимъ? что будутъ дѣлать эти другіе? Они обратятся на ремесла, на мануфактуры? — О если бы это было въ самомъ дѣлѣ возможно! Если бы страхъ предъ растущимъ народонаселеніемъ могъ быть уничтоженъ такими легкими изобрѣтеніями! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче, какъ обратить массу жителей на ремесла, мануфактуры, торговлю и другія промыслы? Но вѣдь не такъ же въ самомъ дѣлѣ былъ гдѣ Мамагуса, какъ объ этомъ думаетъ г. Чернышевскій. И когда страна производитъ мало питательныхъ продуктовъ сравнительно съ народонаселеніемъ, тутъ еще есть надъ чѣмъ задуматься, не смотря на вѣсоды, сдѣлавшася г. Чернышевскимъ.

Нельзя ни по произволу ни по необходимости повернуть значительную массу народонаселенія на промыслы не земледѣльческіе, потому что отношенія между земледѣльцами и не земледѣльцами въ государствѣ изолированномъ или въ суммѣ государствъ, связанныхъ торговлею, подчинено строгимъ законамъ, опредѣляется отношеніемъ массы потребностей житанія къ массѣ другихъ потребностей народонаселенія. Отъ того-то даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ полная свобода промышленности, отношеніе между населеніями земледѣльческимъ и промышленнымъ (въ тѣсномъ смыслѣ) не мѣняется во доброй волѣ законодателей или экономистовъ, а всегда стоитъ около известнаго предѣла, обозначаемаго сущностью дѣла; и вотъ гдѣ полное примѣненіе правила: *laissez faire, laissez passer*.

Въ наше время въ Англіи только меньшая часть народонаселенія занята земледѣліемъ; но вѣдь Англія въ наше время первая страна въ мірѣ по своимъ мануфактурамъ и торговлѣ и притомъ получаетъ ежегодно около 10 милліоновъ четвертей иностраннаго хлѣба, т. е. около 14 милліоновъ четвертей, за которыя она платитъ около 140 мил. рублей серебромъ, и платитъ продуктами своихъ мануфактуръ и торговли. Возможно ли это было въ древнее время, въ Римѣ? откуда бы онъ получалъ себѣ хлѣбъ, и чѣмъ платилъ бы за него; вѣдь торговля древняго міра, въ существованіи которой со-

набываться невозможно, тѣмъ же мнѣнью была невозможна и интенсификация торговли хлѣбомъ; притомъ ввозъ хлѣба не былъ основной отраслью торговли, а только промывалился по временамъ при особенныхъ случаяхъ. Г. Леонтьеву конечно извѣстно изъ разговора Тита Ливія, съ какими затрудненіями Римъ могъ замѣстить иностраннымъ хлѣбомъ послѣ отхода народа на священную гору.

Но положимъ, что безземельное населеніе въ Римѣ находило бы работу, поземельные участки соединялись бы, и владельцы ихъ могли бы затрачивать все свое свободное время на ихъ обработку. Опять какого результата нужно ждать отъ этого соединенія? Будутъ ли земледѣіе давать больше продуктовъ? Очевидно нѣтъ: никакой нѣтъ причины предполагать какой нибудь дальнѣйшій успѣхъ въ земледѣіи. Если участки будутъ увеличиваться, обработываніе не будетъ тщательнѣе, потому что именно самое соединеніе нѣбось нѣсто только потому, что болѣе старательное земледѣіе не возможно, не выгодно. Иначе что же бы мѣшало самымъ мелкимъ владельцамъ усилить обработку тѣхъ же самыхъ мелкихъ участковъ. Если же это возможно, то къ чему толковать о потерѣ времени землевладельцемъ? Свой маленькій участокъ онъ будетъ старательнѣе обрабатывать и вреда не будетъ никакого, если дѣйствительно правда, что выгода земледѣія требуетъ, чтобъ обработка участковъ занимала все свободное время землевладельца. И ужъ конечно при этомъ условіи, если успѣхъ земледѣія требуетъ, чтобъ земля обрабатывалась старательнѣе, то не увеличеніемъ участковъ достигнется этотъ результатъ; напротивъ, чѣмъ меньше участокъ, тѣмъ старательнѣе можно его обрабатывать; чѣмъ онъ больше, тѣмъ это менѣе возможно. Успѣхи земледѣія именно всегда слѣдовали за уменьшеніемъ количества земли сравнительно съ массою населенія, слѣдовательно именно они слѣдовали сокращенію участковъ. Когда земли было слишкомъ много, тогда не было еще и трехпольной системы; трехпольная система явилась уже какъ усовершенствованіе при увеличеніи народонаселенія. Дальнѣйшее увеличеніе народонаселенія изгоняетъ и трехпольную систему, и на мѣсто ея входитъ система плодоперемѣнная; но плодоперемѣнная система требуетъ больше труда; и слѣдовательно въ данномъ случаѣ, предполагая что въ Римѣ участки, надѣленные плебамъ, могли быть слишкомъ малы, именно плодоперемѣнная система могла явиться только на этихъ участкахъ; на большихъ участкахъ трехпольная не могла уступить ей мѣсто. Дальше плодоперемѣнная система уступаетъ мѣсто системѣ огороднической и опять этому незначительность участковъ можетъ только благоприятствовать и всегда дѣйствительно благоприятствуетъ. Доказательствомъ служить хоть земледѣіе въ Китаѣ, гдѣ незначи-

тѣмъ же участки обработаны съ возможно-большою старательностью; и дѣйствительно даютъ необыкновенно изобильные продукты. Нельзя забыть вспомнить при этомъ и тотъ случай, который приводитъ Дюро де ля Маль и который хорошо извѣстенъ Моммсену. Дюро де ля Маль рассказываетъ, что во Франціи, въ Оверни онъ видѣлъ не большой клочекъ земли, раздѣленный между множествомъ мелкихъ собственниковъ. Обработка земли производится тамъ погороднически; заступъ и лопата замѣняютъ плугъ; и страна дѣйствительно отлично обработана. Дюро де ля Маль удивляется, что она прокармливаетъ слишкомъ большое населеніе и прибавляетъ, что *если бы страна была раздѣлена на большіе участки, она не могла бы кормить большіе половины того населенія, которое она кормитъ теперь.* Вотъ что значитъ слишкомъ мелкіе участки, которыхъ такъ боится г. Леонтьевъ вообще и для древняго Рима въ особенности. А замѣтите, Дюро де ля Маль весь этотъ случай приводитъ только къ тому, чтобъ показать, что и для Италіи такой способъ владѣнія землею и обработки ея былъ бы наивыгоднѣйшимъ. Онъ собственно и занимается только древнею Италіею; а объ Оверни говоритъ только для объясненія обстоятельствъ итальянскихъ; онъ находитъ большое сходство даже въ почвѣ Оверни и Италіи; и въ той и въ другой странѣ она вулканическая, и находится совершенно въ однихъ условіяхъ относительно обработки. (*)

Такимъ образомъ предположивши, что участки, данныя плебеямъ могли быть недостаточно велики за недостаткомъ земли вообще, мы должны допустить, что все-таки они представляли бы величину самую выгодную для земледѣлія и въ данный моментъ и на будущее время; т. е. что и возможныхъ усовершенствованій можно бы ждать только отъ той же самой формы мелкаго владѣнія. Увеличеніе участковъ, т. е. соединеніе ихъ было бы шагомъ назадъ и повело бы къ результатамъ, которые вывелъ Дюро де ля Маль въ подобномъ случаѣ для Оверни.

Если же мы предположимъ, что плебеи были бы надѣлены мелкими участками въ то время, когда масса всей земли въ Римѣ была велика; бѣда поправляется очень легко. Для этого слѣдовало бы только вмѣсто мелкихъ участковъ, нарѣзать имъ крупныя и дѣлу копейца. Если нарѣзывать какіе нибудь участки, то конечно нужно на-

(*) Эта страна называется *Limagne d'Auvergne* въ департаментѣ *Puy de Dôme*. Населеніе ея 2500 челов. на □ льѣ; тогда какъ во всемъ департаментѣ 1393; а слѣдовательно въ остальной его части еще меньше. Тамъ собирается два раза въ году зерновой хлѣбъ и овощи. Своимъ благосостояніемъ *Limagne d'Auvergne* по мнѣнію Дюро де ля Мале обязано раздробленію участковъ. *Dureau de la Malle, Vérité sur l'état des Romains*, I, 226.

разбивать такие, которые были бы всего выгоднее для земледельцев, следовательно для земледѣлія, следовательно для всего народа и государства. Если надѣлать плебеевъ ничтожными участками, тогда когда масса всей земли слишкомъ велика, сравнительно съ массою населенія, это значитъ все-таки задержать развитие земледѣлія, потому что большіе участки, которые не могли бы быть хорошо обработаны и при равномерномъ разпределеніи почвы, были бы еще хуже обработаны, когда значительная масса народа насильственными или дѣловыми искусственными средствами удалена отъ участія въ ихъ обработкѣ. Бѣднѣе участки въ такомъ случаѣ будутъ обработаны слабѣе, нежели въ томъ случаѣ, если бы они были раздроблены и предоставлены во владѣніе массѣ населенія. Можетъ быть и такой случай, что большіе землевладѣльцы станутъ все-таки обрабатывать землю старательно, но дѣловыми средствами? Они будутъ искать всевозможныя рабочіе для своей земли и обратятся къ труду принудительному или обязательному, какъ теперь новая республика называетъ рабство. Что дѣйствительно въ Римѣ и было еще при самомъ началѣ республики, въ то время, о которомъ мы говоримъ, что потому все усматривалось и къ концу республики рабскій трудъ дѣйствительно замѣнилъ трудъ свободный въ обработкѣ земли; но причиною этому все-таки была не малость или вообще не пропорциональность плебейскихъ участковъ, а масса земель чрезвычайно большая, раздѣленная огромными участками между богатыми семействами, которые накопили, что имъ было выгодно обрабатывать эти земли не собственнымъ трудомъ римскихъ гражданъ, а трудомъ рабскимъ. Такимъ образомъ мелкіе участки плебеевъ при большомъ количествѣ земли вообще, пожалуй можно сказать, были причиною упадка римскаго земледѣлія и земледѣльческаго сословія; но именно потому, что они были мелки, когда они должны были и могли быть велики. Ихъ вина была въ томъ, что они имѣли подлѣ себя большіе участки, которые одни и довели Италію до ея несчастнаго конца. Плиній былъ правъ, говоря: *latifundia perdidere statim*; и г. Леонтьевъ совсѣмъ не правъ даявъ этому выраженію особенный смыслъ, не принимая его во всей его простотѣ и истинности. Впрочемъ къ этимъ *latifundiis* мы еще возвратимся. Теперь сдѣлаемъ маленькое заключеніе. Мелкіе участки были бы спасеніемъ Италіи; въ случаѣ недостаточнаго количества всей земли вообще, они повели бы шагъ за шагомъ къ постепеннымъ усовершенствованіямъ въ качествѣ; въ чемъ вся сущность и заключается. Если мелкіе участки не могли быть возможны въ то время, какъ они искусственно были сдѣланы мелкими, когда могли быть крупными, это не ихъ вина, а вина того, что экономическіе расчеты римской знати получили перевѣсъ передъ желаніемъ

ни и требованіи всѣхъ вероя, законности и мощи повторить для того состояніи государству мы должны признать безъ всякихъ ограниченій.

Разсужденіе г. Леонтьева о томъ, что при отчуждаемости участковъ они могли быть для слишкомъ велики для слишкомъ малы, весьма важно въ изоблѣновеніи судьбы римскаго сельскаго хозяйства и государства; имъ стоить задаться еще нѣсколько. Г. Леонтьевъ предпологаетъ, что при отчуждаемости участковъ могутъ быть та же выгода, что участкомъ собственнаго гонора разны быть на въ такомъ случаѣ не могутъ; что однимъ останутся участки хорошие, другимъ дурные, что поэтому трудъ будетъ одинаково приложенъ къ хорошей и къ дурной почвѣ, что опять такъ будетъ похоро трудъ. Какъ дадеа этотъ трудъ и возможная его потеря г. Леонтьеву! А не обращаетъ г. Леонтьевъ вниманія на то, что во времена цезарей до имперіи дламы, въ Римѣ была постоянная потеря труда, иногда цѣлой половиной римскихъ гражданъ, а иногда даже больше, потому что граждане, не имѣя совсѣмъ земли, и не имѣя работы по найму, принуждены были сдѣлать слова руки; и какая огромная масса матеріальнаго труда? Вотъ если бы погрудилась бы сдѣлать г. Леонтьевъ, сколько труда потеряно благодаря безземельности большей части римскихъ гражданъ во все время республики и имперіи. Видѣ, если кто будетъ сдѣлать за этими разсужденіями г. Леонтьева о потерѣ труда вслѣдствіе отчуждаемости участковъ, тотъ можетъ подумать, что при отчуждаемости участковъ, имѣвшей мѣсто въ Римѣ, этой потеря не было. Заключение совершенно вѣрно. Не тутъ и обращаемъ къ г. Леонтьеву съ тѣмъ чтобъ напомнить ему объ этомъ фактѣ, что потеря труда, въ Римѣ, была огромная. Конечно г. Леонтьевъ не забылъ его; но онъ совершенно не обратилъ на него вниманія. И потому всѣ его разсужденія о потерѣ труда при отчуждаемости участковъ, въ случаѣ жхъ небольшого размѣра, совершенно уничтожаютъ сами себя. Видѣ вср-таки на значительныхъ участкахъ потеря труда могла быть частная, не вср-трудъ земледѣльца пропалъ бы; часть его, обращенная на обработку участка, дѣлала свое дѣло, приносила пользу; если что могло пропадать, то это было не все время земледѣльца. Впрочемъ это только добровольная услуга г. Леонтьеву; въ самомъ же дѣлѣ ее всѣмъ никакъ потеря быть не могло. Но если и сдѣлать г. Леонтьеву эту услугу, то все таки эта потеря была вынужденная, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при отчуждаемости участковъ, т. е. при безземельности большинства гражданъ, не часть труда терлась, а она терлась весь, т. е. большинство гражданъ историческою несправедливостью, злоупотребленіемъ лавраціевъ а потомъ ониматовъ, уже не-

ставлено было въ невозможности трудиться. Это абсолютно должно было вытекать изъ самаго дѣла, и дѣйствительно ничѣмъ истре, какъ показали результаты, какъ показала дальнѣйшая исторія Рима.

Что касается до неравенства количественнаго и качественнаго участковъ, которое г. Леонтьевъ признаетъ важнымъ элементомъ дѣйствительности такъ не важно, что объ немъ едва стоитъ говорить. Г. Леонтьевъ думаетъ, что при воочужденности участка трудъ будетъ обращенъ и на хорошую и на дурную почву. Да какъ же иначе-то? Если есть хорошая и дурная почва, то и та и другая должна быть обработана, если масса населенія требуетъ обработанной вообще почвы страны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, можно и не быть Рихардо и даже обойти его теорію. Вся народы всегда практиковали это правило, которое по простотѣ своей, очень доступно здравому, невзвѣженному теоріями, смыслу человѣческому. И думаетъ ли г. Леонтьевъ, что дурная земля такъ и осуждена на запущеніе? Если почва будетъ такъ дурно распределена, что въ однихъ участкахъ будетъ исключительно почва дурная, въ другихъ: исключительно хорошая, въ этомъ тоже бѣды нѣтъ. Производительная сила земли можетъ быть приблизительно вычислена для всякой почвы, и хитрости тутъ никакой нѣтъ: это дѣлаютъ наши крестьяне, въ своемъ дѣлѣ земли и отчасти соблюдаютъ это неудобство. Зная хорошо почву, они дѣлаютъ большіе участки тамъ, гдѣ почва плоха, а меньшіе тамъ, гдѣ она хороша; дѣлаютъ и среднія степені; такъ что неудобство избѣгается очень легко, если величину участка дѣлать обратно пропорціонально его плодородію. Такимъ образомъ и количественное и качественное неравенство участковъ могутъ быть самымъ простымъ, здравымъ смысломъ комбинированы такъ, что въ результатѣ выйдетъ дѣйствительное равенство участковъ, не смотря на то, что они будутъ нѣтъ не равное пространство или не равное плодородіе. Разумѣется это равенство не будетъ дѣйствительнымъ, абсолютнымъ равенствомъ. Но есть ли гдѣ нибудь абсолютное равенство? есть ли во всей Россіи двѣ десятины, наръзанныя законнымъ образомъ законнымъ землевромъ, которыя бы были равны между собой, т. е. содержали бы математически вѣрную площадь, равную 2400 сажень. Разумѣется объ этомъ возмѣльномъ равенствѣ участковъ ничего и говорить; если, благодаря неумѣнью, участки равныя въ видѣ будутъ даже и очень не равны въ дѣлѣ; этимъ возмущается нечего. Почему толковать по тому, что всенуждасенно участки будутъ даже значительно не равны по своему достоинству; осудить ихъ за это танке нельзя, такъ нельзя осудить напр. паровую машину, если, благодаря неискустну машиниста, она окажется не

велика, удобоиспорительнаго; въ такомъ случаѣ, если она уже одна недействительна, то стоить поправить ее; а если она идетъ хорошо, хотя и не такъ, какъ бы желательно было желать, позволяется ей и ждать усовершенствованій отъ опыта. Вообще случайное неравенство неотчуждаемыхъ участковъ осудить, какъ не можетъ, ни въ какомъ отношеніи, такъ какъ они остаются совершенно безукоризненны и въ томъ случаѣ, если по необходимости будутъ или слишкомъ велики или слишкомъ малы. Если они слишкомъ малы тогда, когда могутъ быть достаточно велики, они должны быть увеличены, и бѣда будетъ совершенно поправлена.

Но г. Леонтьевъ не тѣмъ только не правъ, что осуждаетъ недовольно основательно неотчуждаемые участки за то, что они или слишкомъ велики или слишкомъ малы или верныи однихъ иругимъ; онъ ошибается еще въ основаніи, въ своей исходной точкѣ, когда говоритъ, что для благосостоянія крестьянства нужно, ииногда крестьянинъ имѣлъ «возможность затрачивать на свои земледѣльческія свободное отъ другихъ занятій время.» Нѣкоторыя извещанія понимаютъ очень трудно; къ числу ихъ принадлежитъ и г. Леонтьевъ. Вообще въ своей статьѣ онъ ввелъ многое, что только затемняетъ дѣло; въ приведенной фразѣ тоже есть нѣсколько словъ, которые смыслъ ея только затемняютъ. Что хотѣлъ сказать г. Леонтьевъ въ этихъ словахъ: *свободное отъ другихъ занятій время*, — какія это другія занятія? По смыслу всей его статьи и особенно нѣсга, откуда выписаны эти слова, надобно эти занятія принимать въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Конечно это не сонъ, не употребленіе пищи, не необходимый отдыхъ послѣ усталости, что по справедливости входитъ въ соображенія экономистовъ, занимающихся вопросомъ о трудѣ рабочихъ; потомучто наконецъ это даже не занятія. Какія же это другія занятія земледѣльца? приготовленіе инструментовъ, поправка ихъ, уходъ за рабочимъ скотомъ, вообще забота по хозяйству? Но не думаю, чтобы г. Леонтьевъ, съ его экономическими взглядами, допустилъ какъ выгодное приготовленіе инструментовъ и ихъ поправку самимъ земледѣльцемъ; это противорѣчить ученію о раздѣленіи труда. Но что бы-то ни было; чтобы мы должны мы разумѣть подъ именемъ другихъ занятій, идея г. Леонтьева та, чтобы земледѣлецъ сколько можно больше труда затрачивалъ на землю; потомучто именно по этому-то случаю онъ говоритъ о потерѣ труда, если земледѣлецъ не можетъ затрачивать весь трудъ, которымъ онъ располагаетъ. Въ такомъ случаѣ, думаетъ г. Леонтьевъ, при возможности затрачивать сколько можно больше труда, и слѣдовательно при дѣйствительной затратѣ его возможно, благосостояніе крестьянства. Но что разумѣетъ г. Леонтьевъ

ведь благосостоянием крестьянства? Если взять разницу между количеством обработанной массы продуктов, добытых этими трудом крестьянства; это некалорийный тип; но и здесь еще возможны вопросы: в чью пользу идет эта масса: в пользу трудящегося крестьянства или кого другого? Вопрос этот тем интереснее, что в д. Леонтьеве не прочь, и даже прямо высказывает свое желание повернуть поделку и даже две трети крестьянства в извешных рабочих; весьма возможно такой случай, и действительно часто бывает, что рабочий поставленный поводом, да плеченъ томо голодавать и т.д.; тратить все свое свободное отъ другихъ занятій время на трудъ по своей специальности, но въ томе время вознагражденъ очень плохо; в.однимъ рабочимъ была совершенно правъ сказавши, что онъ трудился и получилъ какъ осеи, а голодавать какъ собака, и это не большое благосостояние, — голодать какъ собака; не смотря на то, что свое свободное отъ другихъ занятій время этого рабочего было специально вознаграждено. Какую гарантию дали г. Леонтьеву рабочему, что его трудъ пойдетъ въ его пользу? но объ этомъ было уже частенько сказано. Теперь обратимъ внимание г. Леонтьева на то, что даже обилие продуктовъ, хорошее вознаграждение не составляетъ благосостояние крестьянства, если его все свободное время употребитъ на трудъ земледѣлія. Пусть вспомнитъ г. Леонтьевъ, что они слышали изъ устъ Нибуръ, что свободный земледѣлецъ, самъ обрабатывающій и пожинающій свое поле, пользуется, сообразно течению года и природѣ своихъ занятій, *благодѣйными доухами, безъ которыхъ невозможно сохранить тѣло и душу въ неспорочномъ здравіи.* Вотъ еще важный вопросъ, кромѣ вопроса объ обилии продуктовъ, вопросъ объ этомъ здоровомъ организмѣ соматическомъ и особенно психическомъ. Все ваше богатство, вся масса продуктовъ будетъ ничего не стоить, если будетъ убито это здоровье всего существа рабочего. И въ рабочему земледѣльцу, такъ какъ понимаетъ его занятія и благосостояніе г. Леонтьевъ, никакъ нельзя отнести того, что относитъ къ нему Нибуръ, сообразно съ своимъ представленіемъ о немъ. Спорить къ нему годится то, что Нибуръ говоритъ о рабочемъ городскомъ, потому что въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, сущность заключается во въ шеть, въ деревнѣ или въ городѣ, а въ отношеніяхъ рабочего къ различнымъ лицамъ, представляемъ и действительны. «Породкой работнику», говоритъ Нибуръ, едва-едва отдыхаетъ въ праздникъ, да и то не посредствомъ успокоенія. Они во-вномъ зависятъ отъ другихъ людей, которые могутъ лишитъ его всей прибыли. Они или сами носятъ въ себя зачатки къ аримологическимъ или испытываютъ на себѣ ихъ плохое будущее. Не правда ли, работнику г. Леонтьева совершенно ра-

дѣла-предсказану работнику Нибурга, потому что онъ, будучи наем-никомъ, принужденъ много трудиться, затрачивать все свое свое-бадѣесть трудить занятии время, и въ извѣстныя моменты онъ дѣлаетъ. Онъ не можетъ зависѣть отъ другихъ людей, отъ земледѣльцевъ, предпринимателя или фермера, которые могутъ лишиться всей своей прибыли, т. е. послать его за дворъ; зависѣть отъ другихъ рабочихъ, потерявъ любовь конкуренціею, могутъ лишиться его всей прибыли, т. е. дѣлать его плату до суммы, которая не будетъ вознаграждать его труда, такъ что онъ пожалуй и сорвать свои жезлы трудиться, а уже натурально будетъ носить ихъ, себя занести въ сороседеленщикамъ и даже въ одно и тоже время будетъ шепель-тывать на себя ея злобу и т. д. Дѣйствительно земледѣльцы, факты его представляетъ Нибурга и земледѣлецъ в. Леонтьева, два пред-мета совершенно различныя. Недаромъ Нибурга говоритъ, что его земледѣлецъ самъ обрабатываетъ и поживаетъ свои поля. Несмотря однако на эту разницу, позволяетъ же себя г. Леонтьевъ быть своимъ земледѣльцемъ расширивъ словами Нибурга; это неоспо-собительно. Гораздо послѣдовательнѣе поступаетъ г. Леонтьевъ, когда говоритъ, что крестьянство неспособно къ самоуправленію, и что земледѣльцы развиваютъ въ рабочемъ способѣ неспособно-сти. Это очень послѣдовательно; дѣйствительно такой харак-теръ имѣетъ земледѣльчій классъ, какъ его представляетъ г. Леонтьевъ, и только такихъ результатовъ можно ждать отъ этого земледѣльчійскаго брата, который, какъ идеалъ представляется г. Леонтьевымъ. Но этотъ приговоръ о неспособности крестьян-ства къ одному и о способности его къ другому, сильно отоб-вѣтствія бюрократическими идеями, хотя всѣмъ извѣстно, г. Леон-тьевъ не партизанъ ихъ! и вотъ до чего мы доходимъ послѣ омон-чанія такъ давно ожиданнаго дѣла, которое съ такимъ сочувствіемъ в надеждою всѣ мы привѣтствовали. Противъ этого приговора мож-но бы представить г. Леонтьеву много возраженій, но я ограничусь однимъ, неаприорическимъ; тутъ и. Леонтьевъ поименно заговорилъ бы объ утопіи, а возмущенію изъ жизни, и даже прайръ не-яркій, который бы не могъ шокировать умѣренныхъ воззрѣній г. Леонтьева. Я не укажу ему на примѣръ бѣлыхъ пастуховъ и зем-ледѣльцевъ, которые были способны къ самоуправленію, тогда когда же Барона была еще подъ властью кулачанаго права, а укажу г. Леонтьеву, на примѣръ шведскихъ и поселенъ.

пату, и палата эта вотруетъ не хуже чѣмъ палаты другихъ сословій въ вопросахъ не только касающихся частныхъ дѣлъ сословія, но и общихъ государственныхъ.

Съ своей точки зрѣнія, г. Леонтьевъ правъ, дѣйствительно такъ

земледѣльческаго класса, какимъ онъ его представляеть въ идеалѣ; больше желать ничего нельзя; способности къ повиновенію и неспособность къ самоуправленію, это стѣна, за которую земледѣльческій классъ г. Леонтьева не перейдетъ. Но въ представленномъ г. Леонтьевымъ идеалѣ даже прибрѣтено быть не можетъ матеріальное благосостояніе земледѣльца, такъ какъ онъ поставленъ въ самыя невыгодныя условія. А что оказать еще о благосостояніи не матеріальномъ, на которое не даромъ обратилъ вниманіе Нибуръ. Въдѣ истинное благосостояніе невозможно безъ этого неспорческаго здравія души, по выраженію Нибура, безъ этого самоуваженія, довѣренности къ самому себѣ, которыя къ вѣкоторомъ смыслѣ застраховываютъ человѣка противъ разныхъ случайностей, т. е. даютъ ему средства выдержать невзгоду и неудачу, и не упасть, какъ въ отношеніи психическомъ такъ и экономическомъ. Будто наемный работникъ, фактически крѣпостной того, отъ кого онъ зависеть въ экономическомъ отношеніи, способенъ сохранить въ себѣ эти свойства, нежели свободный земледѣлецъ?

Итакъ затрата всего свободнаго времени земледѣльца ни въ какомъ случаѣ къ полному благосостоянію земледѣльца не приводитъ, навр. къ такому, которое представляеть себѣ Нибуръ. Оно можетъ иногда привести земледѣльца къ тому, что анбары его будутъ полны (*), т. е., что онъ не будетъ нуждаться въ средствахъ для прожитка. Но это можетъ быть только при условіяхъ, которыхъ не желаетъ для земледѣльца г. Леонтьевъ; а при условіяхъ, которыя представляеть г. Леонтьевъ, это рѣшительно невозможно, потому что въ такомъ случаѣ именно не будетъ имѣть мѣста то, чего совершенно справедливо желаетъ Нибуръ, т. е., чтобъ крестьянинъ самъ обрабатывалъ свою землю. А наемникъ земледѣлецъ не можетъ достигнуть не только полнаго благосостоянія: онъ не будетъ имѣть и матеріальнаго достатка; иначе онъ пересталъ бы быть наемникомъ.

Въ Римѣ именно это оказалось. Крестьяне, получившіе отъуждаемые участки, потеряли ихъ, достигли крайней нищеты, задолжали, поступили фактически въ крѣпость богатыхъ людей еще до законовъ Лицинія. Что было причиною этого? — этого вопроса

(*) Эта черта увеличенія массы богатствъ, безъ вниманія къ тому, какъ эти богатства будутъ относиться къ человѣку, и безъ вниманія къ здоровому состоянию тѣла и души, по выраженію Нибура, есть характеристика экономической школы, которой слѣдуетъ г. Леонтьевъ. Имѣя свое начало и главныхъ представителей въ классѣ буржуазіи, она никогда не могла подняться выше расчетовъ матеріальныхъ. Это ей приписываютъ правило: не богатство существуетъ для человѣка, а человѣкъ для богатства.

себѣ не задаетъ серьезно г. Леонтьевъ. Онъ говоритъ объ этомъ исходя; и трудно сказать, какое его мнѣніе объ этомъ предметѣ. То онъ какъ-будто считаетъ причиною объединенія плебеевъ — войны; но въ другомъ мѣстѣ гораздо прямѣе говоритъ, что не войны были причиною его до времени законовъ Лицинія. Повидимому, г. Леонтьевъ былъ не прочь рѣшить вопросъ о причинахъ объединенія плебеевъ; но не рѣшилъ. А между тѣмъ онъ долженъ бы рѣшить его, потому что безъ этого факты опровергаютъ его теорію. Былъ плебеевъ въ первое время республики былъ устроенъ, по мнѣнію г. Леонтьева, безукоризненно; а результаты вышли дурные. Отчего же это? Не оттого ли, что теорія г. Леонтьева не вѣрна? Видѣть смыслъ, вытекающій изъ фактовъ, всегда вѣрнѣе смысла апіорическихъ теорій. Впрочемъ г. Леонтьевъ говоритъ о какихъ-то внутреннихъ причинахъ, политическихъ причинахъ, которыя привели римскихъ земледѣльцевъ къ разоренію, не объясняя ихъ впрочемъ, не исчисляя, не представляя читателю, а просто говоря только: внутреннія причины, политическія причины. Но эти причины объясняютъ дѣло столько же, какъ если бы г. Леонтьевъ сказалъ: математическія причины или астрономическія причины, т. е. эти причины составляютъ въ сочиненіи г. Леонтьева только фразу, которая дѣла не объясняетъ а затемняетъ; именно, они удаляютъ изъ виду истинныя причины, дурное экономическое устройство, вслѣдствіе котораго одни земледѣльцы, владѣвшіе клочкомъ земли, скоро должны были уступить его жалкимъ сослѣдямъ патриціямъ, а другіе, не владѣвшіе землею, предоставлены были въ экономическомъ отношеніи произволу патриціевъ, которые довели ихъ, вольнонаемныхъ работниковъ, до тюрьмы и до дѣпей, а тоже не потому, чтобы натура патриціевъ отличалась особенною злобностью, а потому, что положеніе земледѣльцевъ было дѣйствительно беззащитно, все-таки въ экономическомъ отношеніи, и патриціи только, соблюдая свой интересъ, мало-по-малу довели земледѣльцевъ до того состоянія, изъ котораго на время вывелъ его Лициній.

Это несогласіе теорій г. Леонтьева съ фактами имѣетъ одинъ источникъ. Г. Леонтьевъ какъ-будто положилъ за правило находить хорошимъ все, что было сдѣлано, и дурнымъ то, чего не удалось привести историческимъ дѣятелямъ. Это-то правило довело г. Леонтьева и до его фаталистическаго заключенія о судьбѣ Рима. Это какое-то *statu quo* въ наукѣ. *Statu quo* не имѣетъ много партизановъ и въ другой сферѣ; и самъ г. Леонтьевъ едва ли вполнѣ сочувствуетъ ему; въ наукѣ оно годится еще меньше, и смыслъ фразы; все разумно, что дѣйствительно, имѣетъ совсѣмъ не то

значеніе, чтобъ мы должны были считать за лучшее и полезнѣйшее только такъ называемые совершившіеся факты; съ этимъ взглядомъ можно зайти слишкомъ далеко.

Законы Лицинія были проведены имъ, т. е. въ исторіи это фактъ совершившіеся, и вотъ полное сочувствіе ему со стороны г. Леонтьева. И чтобъ показать необходимость ихъ, г. Леонтьевъ говоритъ о своихъ внутреннихъ и политическихъ причинахъ, которыхъ г. Леонтьевъ дѣйствительно не представлялъ; онъ представилъ только имя, несоботвѣтствующее викакому опредѣленному предмету.

Если судить г. Леонтьева съ дѣйствительной точки зрѣнія и на основаніи тѣхъ причинъ, которыя сами пробиваются наружу, не смотря на невниманіе къ нимъ г. Леонтьева, то законы Лицинія должны быть осуждены. Въ самомъ дѣлѣ, почему же дозволили вдругъ ни съ того, ни съ сего; потому только что нѣкоторые граждане бѣдны, отнять у богатыхъ людей землю, на пользованіе которой они имѣли право, которою они уже пользовались около 200 лѣтъ, и отдать ее бѣднякамъ. Внутреннія причины и политическія причины разорили земледѣльцевъ, но дѣйствию этихъ внутреннихъ причинъ были подвержены и патриціи, и что худо для плебеевъ, то должно было вредить и имъ. Да гдѣ же, въ какомъ государствѣ не имѣютъ дѣствія разныя внутреннія и политическія причины, которыя вредятъ всему народу? Напр. государство находится въ войнѣ; вишняя торговля его прекратилась, внутренняя сильно страдаетъ; многіе теряютъ отъ этого. Если государство земледѣльческое, оно не вывозитъ своего хлѣба за границу, земледѣльцы не могутъ платить податей и процентовъ своихъ долговъ. Послѣ двухъ трехъ лѣтъ войны они дѣлаются нищими и неоплатными должниками. Обязано ли государство своими государственными средствами, т. е. на счетъ всѣхъ помогать немногимъ, особенно пострадавшимъ; и какъ оно это сдѣлаетъ, если пострадали очень многіе или даже всѣ? Отчужденіемъ государственныхъ земель? Но допустивши одинъ разъ правило отчужденія ихъ, вы въ другой разъ или въ третій уже не будете имѣть этого источника. Такимъ образомъ и политическія причины еще ни къ чему не обязываютъ государство, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія г. Леонтьева, а если обязываютъ, то опять съ той же точки зрѣнія ставятъ его въ невозможность сдѣлать что-нибудь. А если разбирать разныя внутреннія причины, то во всякое время много найдется такихъ, которыя вредятъ благосостоянію многихъ. Обязано ли и въ такомъ случаѣ государство позаботиться о гражданахъ? Если г. Леонтьевъ приметъ это, то онъ разоидется во всемъ съ Вастья и Молилари и самъ отвергнетъ всю свою статью о судьбѣ

земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ, отъ первой ступени до послѣдней.

Но этого г. Леонтьевъ конечно не сдѣлаетъ; въ такомъ случаѣ онъ и не долженъ оправдывать законовъ Лицинія. Между тѣмъ онъ съильно имъ сочувствуетъ, если только можно назвать сочувствіемъ тѣ похвалы, которыя онъ имъ дѣлаетъ. Сверхъ того, г. Леонтьевъ долженъ осудить ихъ еще съ другой стороны.

Главное дѣло законовъ Лицинія состояло въ надѣленіи бѣдныхъ плембеевъ землю, которая для этого была отобрана у богатыхъ патриціевъ, владѣвшихъ въ общественномъ полѣ слѣдующимъ большимъ количествомъ. Лициній отдалъ эти земли плембеевъ по семи югеровъ каждому. Съ точки зрѣнія г. Леонтьева, Лициній тутъ надѣлалъ только ошибокъ, т. е. не г. Леонтьевъ говорить такъ; онъ говоритъ совсѣмъ противное. Но онъ долженъ бы такъ сказать. Во первыхъ, какъ сказано выше, Лициній поступилъ противъ принципа г. Леонтьева тѣмъ, что хотѣлъ обратить населеніе къ сельскимъ занятіямъ, когда естественный ходъ вещей удалялъ его отъ нихъ. Это г. Леонтьевъ называетъ *муштроватъ жизнь*. Впрочемъ это муштрованіе жизни онъ находитъ только у современныхъ писателей и государственныхъ дѣятелей, которые стараются массы населенія обезпечить пропитаніе земледѣльческимъ трудомъ. У римлянъ онъ смотритъ на дѣло иначе. Профессоръ римской словесности, онъ не безпристрастенъ къ римлянамъ; у нихъ онъ находитъ хорошимъ-то, что у новыхъ народовъ дурно. Поэтому и оправдываетъ даже муштрованіе жизни Лициніемъ, тогда какъ онъ долженъ бы его осудить, тѣмъ болѣе, что пропитаніе въ Римѣ могло быть снискаемо очень легко; и Лициній дѣйствительно оказывается ни чѣмъ другимъ, какъ человѣкомъ муштрующимъ жизнь. Долженъ бы еще г. Леонтьевъ осудить Лицинія за то, что онъ отобралъ земли у патриціевъ и такимъ образомъ поступилъ противъ коренныхъ основаній права. Конечно эти земли составляли такъ называемое общественное поле, *ager publicus*. Но въ дѣло состоитъ не въ названіи, а въ самой сущности его. Конечно послѣ Гейне и Шибуря можно считать доказаннымъ, что отобрано было поле общественное. Но также можно считать доказаннымъ и то, что кромѣ общественнаго поля, да того, что изъ него же было выдѣлено плембеевъ прежде, въ Римѣ не было никакого другого поля; потому что о старинныхъ гегедумахъ, ничтожныхъ по пространству, уже въ Римѣ въ это время, и слуху не было. Они вѣроятно были поглощены тѣмъ же общественнымъ полемъ, слились съ нимъ. Да если и не слились, то все-таки были дѣйствительно ничтожны сравнительно съ общественнымъ полемъ; и исключительное богатство патриціевъ состояло въ томъ же обще-

ственномъ полѣ. Что это была не просто государственная земля, такъ такъ понимаемъ ее мы, отдаваемая во временное пользованіе гражданамъ, за известную плату, что это была собственность патриціевъ; конечно ограниченная, какъ всякая поземельная собственность, но тѣмъ не менѣе собственность, имѣвшая источникъ *jus primae occupatiōis*, это можно заключить уже изъ того, что патриціи могли продавать ее. Продавать, известно, можно только свою собственность. Патриціи платили съ земли известную подать государству, но и плебеи платили съ своей земли и даже больше, а между тѣмъ ихъ земля была ихъ полною собственностью. Но гдѣ же съ земли, находящейся въ самой полной собственности, не платится подать? Это дѣлается и въ первобытныхъ государствахъ и въ современныхъ и притомъ такъ, что у образованныхъ народовъ подать эта получаетъ все болѣе и болѣе объемъ и значеніе. Такимъ образомъ римскій *ager publicus* назывался *publicus* не болѣе какъ въ томъ смыслѣ, что и все государство называлось *respublica*. *Publicus* мы даже переводить не должны словомъ *общественный* съ нашими теперешними возрѣніями, а *государственный* въ томъ смыслѣ, что вся земля на государственной территоріи есть государственная и не можетъ быть отчуждена въ другое государство, будь она даже на границѣ. Да и сами римляне, что они такое были тогда, какъ не люди государства или правильнѣе члены государства, т. е. это было первое свойство, полъ который они себя представляли. Довольно вспомнить рассказы о Брутѣ, казнящемъ своихъ сыновей для блага государства, о Ветурии, проклинающей сына съ тою же цѣлью, о Сцеволѣ, жгущемъ себя для того же, и мы убѣдимся, что въ Римѣ все и самые люди были тогда чѣмъ-то государственнымъ, *publicum*, какъ *ager publicus*, какъ *respublica*. Если о Брутѣ, Ветурии, Сцеволѣ и рассказываютъ то, чего они не дѣлали, это ничего не значить. Тутъ имѣетъ смыслъ самое преданіе, самый взглядъ, идущій изъ старины, что истинный римскій гражданинъ именно прежде всего гражданинъ, что онъ существуетъ для государства и принадлежитъ ему, онъ именно есть вѣчно *publicum*. *Ager publicus* римскій не имѣетъ другого значенія. Это впрочемъ признаетъ невольно и самъ г. Леонтьевъ, когда говоритъ, что подати, называйте ихъ какими угодно именами, были гораздо значительнѣе съ земель бывшихъ въ частномъ владѣніи, нежели съ тѣхъ которые назывались *ager publicus*. Стало быть существенной разницы между ними не было. Можно сказать даже, что государство частныя земли считало даже болѣе своею собственностью, если облагало ихъ большими податями, нежели земли такъ называемаго общественнаго поля. И замѣчательно,

что г. Леонтьевъ называетъ это даже справедливымъ, вполне признавая, что подать съ земель общественнаго поля была ничтожна. Все это достаточно показываетъ, что *ager publicus* и земли плебеевъ относительно ихъ качества, какъ собственности частной и государственной, были по крайней мѣрѣ равны, и что только земли патрициевъ назывались *ager publicus*, это не должно удивлять на кого, ни даже г. Леонтьева, потому что ему хорошо известно, что и *res publica* состояла сначала только изъ патрициевъ и что гражданами, въ что *publicum*, были только патриции. *Ager publicus* это было только старинное названіе, которое впрочемъ еще не потеряло своего смысла даже во время Лицинія, когда плебеи еще не совсемъ вышли изъ своего стариннаго положенія иностранныхъ поселенцевъ въ Римѣ.

И такъ г. Леонтьевъ долженъ бы осудить Лицинія за то, что онъ отобралъ земли у богатыхъ патрициевъ и отдалъ ихъ бѣднымъ плебеямъ. Онъ долженъ осудить его еще и за то, что онъ мало далъ земли плебеямъ, только по семи югеровъ, и здѣсь слѣдовало бы г. Леонтьеву вспомнить о томъ, что онъ говорилъ о малыхъ участкахъ, что при малыхъ участкахъ происходитъ большая потеря труда. А что этой земли было мало для земледѣльческаго семейства, это не мое мнѣніе, а все-таки мнѣніе г. Леонтьева, который слѣдуетъ въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, *господину* Моммсену, профессору, кажется цюрихскаго университета. Семиюгерные участки, говоритъ г. Леонтьевъ, «далеко не доходили до той мѣры, которая, какъ показалъ г. Моммсенъ, считалась въ это время и даже нѣсколько послѣ, необходимою мѣрою хорошаго крестьянскаго участка». Тутъ нужно сдѣлать поправку. Моммсенъ не показалъ этого; онъ говоритъ только, что сто лѣтъ послѣ Лицинія, тѣ, которые получили семиюгерные участки, находили ихъ недостаточными. Это еще ничего не доказываетъ; потому что во-первыхъ они получали участки уже не въ томъ мѣстѣ, а въ другомъ, а во-вторыхъ они могли находить ихъ недостаточными, когда они были достаточны; известно, что получающіе очень рѣдко находятъ достаточнымъ то, что они получаютъ. И въ этомъ случаѣ г. Леонтьевъ измѣняетъ смыслъ Моммсена. Моммсенъ самъ думаетъ, что хорошій участокъ, достаточный для плебея, въ окрестностяхъ Рима, долженъ былъ имѣть около двадцати югеровъ. Но въ этомъ онъ ошибся, что будетъ показано ниже. Теперь замѣчу, что онъ его не доказалъ и потому мнѣніе его въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не можетъ быть принимаемо за слово науки, если разумѣется намъ каждый печатный за границей листъ не *быть кажется святымъ*. Впрочемъ можно уступить г. Леонтьеву его выводъ о недостаточности семиюгернаго участка;

но за это г. Леонтьевъ долженъ осудить Лициній, потому что онъ не вадлъ во вниманіе потерю труда, которая должна была произойти отъ этого. Г. Леонтьевъ не осудить за это Лициній; напротивъ, онъ ставитъ ему въ заслугу именно эту недостаточность участковъ. Почему вы, читатель, думаете, въ самомъ дѣлѣ Лициній далъ плебеямъ, только по семи югеровъ? Потому что земля было недорого много, и что Лициній едва успѣлъ и это сдѣлать? Что патриціи не хотѣли ограничиться даже 500 югерами, и плебеямъ не уступали совсѣмъ ничего? Что и изъ-за семи югеровъ дѣло тянулось десять лѣтъ?

О нѣтъ, земля было много, и патриціи согласились бы изъ 500 югеровъ поступиться многимъ, да самъ Лициній имѣлъ особенныя соображенія, которыя г. Леонтьевъ реставрируетъ очень остроумно. «Раздавая землю каждому желающему, римляне (т. е. Лициній и его партія), должны были знать, что не всякій способенъ хозяйничать и не всякій останется хозяиномъ. По тогдашнему состоянію земледѣльческаго промысла, приходилось вѣроятно на каждого сельскаго хозяина приблизительно по два работника, не имѣвшихъ своего хозяйства. Поэтому нужно было тремъ плебеямъ дать столько земли, сколько нужно одному хозяину». И такъ какъ хорошій участокъ долженъ былъ имѣть 20 югеровъ, то Лициній и далъ плебеямъ по семи югеровъ, потому что $3 \times 7 = 21$. Одинъ югеръ выходитъ лишній; но это не бѣда, потеря производительныхъ силъ земли выходила незначительная. Не правда ли, все это просто и ясно, какъ бржіи день? Но бѣдный римскій народъ, какъ онъ жалокъ! Вы думали, читатель, что изъ всѣхъ древнихъ народовъ римляне едва ли не самый крѣпкій духомъ, не самый способный, если не ко всестороннему развитію, то по крайней мѣрѣ къ оружію и земледѣльческимъ занятіямъ; вѣдь сами римляне говорили, что они сильны *armis et agris*, т. е. оружіемъ и подемъ или храбры на войнѣ, да терпѣливы и искусны въ обработкѣ поля. Нѣтъ, ничего этого не бывало: изъ трехъ римскихъ поселянъ двое были такъ неспособны, даже вѣроятно глупы, что были не въ состояніи вести свое собственное хозяйство; вотъ какой народъ были эти римляне! Двѣ трети его сельскаго населенія были нкуда не годны, и это такъ хорошо было въ Римѣ извѣстно, что Лициній, предлагая свои семиюгерные участки, даже рассчитывалъ на эту глупость римскаго народа. И слѣдовательно осуждать его не за что, если онъ и далъ недостаточное количество земли плебеямъ; онъ избѣгалъ именно потери труда и производительныхъ силъ; вѣроятно предчувствовалъ будущія экономическія идеи Бастья и Моллидари. При этомъ случаѣ не могу удержаться, чтобы не сдѣлать коротенькой параллели между римлянами и нами русскими. Вѣдь у

насъ изъ трехъ крестьянъ обыкновенно всѣ трое способны быть сельскими хозяевами, а римляне: то какъ плохи, изъ трехъ только одинъ? Не правда ли, римлянамъ далеко до насъ.

Впрочемъ Лициній все-таки долженъ осудить г. Леонтьевъ. Къ чему Лициній давалъ всѣмъ плебеямъ землю, когда онъ могъ сразу взять изъ нихъ третью долю, тѣхъ именно, которые заподлинно потеряли участки не по своей винѣ, а по причинамъ внутреннимъ и политическимъ?

Зачѣмъ ему было толочь воду въ ступѣ, т. е. проповѣдать этотъ всеобщій надѣлъ, когда онъ былъ увѣренъ, что для двухъ третей бѣдныхъ людей это бесполезно? За чѣмъ онъ не придумалъ чего нибудь, чтобы было бы для нихъ полезно? Въ этомъ Лициній очевидно не правъ. И зачѣмъ самъ народъ принималъ такое участіе въ законахъ Лицинія, съ такимъ усердіемъ поддерживалъ его, когда онъ зналъ не хуже Лицинія свою неспособность къ земледѣлю. Ну обвинять надо и народъ. И наконецъ, какова же могла быть потомъ судьба этого народа, тотчасъ потерявшаго свои земли сообразно плану Лицинія? Очень просто, онъ могъ пойти въ наемные работники къ патриціямъ. Но патриціевъ было немного, земли у нихъ тоже не Богъ знаетъ сколько; она же была уменьшена; прежде патриція имѣли огромныя помѣстья; одинъ патрицій владелъ участками 300 плебеевъ, а теперь они не могли имѣть больше 500 югеровъ; притомъ у нихъ были и кліенты и рабы, которые при нихъ и остались. И потому, если и прежде плебеи были безъ хлѣба, т. е. безъ работы и теперь они должны были оставаться тоже безъ хлѣба и безъ работы. Какъ же поправлялось дѣло? Гдѣ эта работа, и гдѣ это пропитаніе, которое, по мнѣнію г. Леонтьева, такъ легко могло быть снискано? Но плебеи могли наняматься въ работники къ тѣмъ же плебеямъ, которые скупили у нихъ участки; вѣдь плебеи, оставшіеся хозяевами, должны были владѣть каждый тремя первоначальными участками; это конечно хорошо; но если три участка были достаточны только для одного семейства, это значить, что они могли давать пропитаніе и работу только одному семейству и привязать къ нимъ еще одно или два семейства работниковъ невозможно. Едва ли на это метилъ г. Леонтьевъ, дѣлая свое соображеніе относительно взглядовъ Лицинія на это дѣло. Г. Леонтьевъ въ изслѣдованіи о судьбѣ земледѣльческаго населенія въ Римѣ, просто на просто забылъ о двухъ третяхъ этого населенія. Впрочемъ онъ забылъ не о двухъ третяхъ только, а обо всемъ бѣдномъ населеніи, о которомъ такъ хлопоталъ Лициній. Вѣдь предполагаемое имъ соединеніе трехъ плебейскихъ участковъ въ рукахъ одного плебея, дѣло столь же легкое, какъ и снисканіе пропитанія въ древ-

немъ Римъ для бѣдныхъ людей, т. е. дѣло совершенно невозможное. Въ самомъ дѣлѣ, почему г. Леонтьевъ предположилъ, что неспособные хозяева пѣз плебеевъ продадутъ свою землю непременно плебеевъ же, получавшимъ на свою долю семидюгерные участки, почему бы имъ не продать ихъ и патриціямъ или тѣмъ немногимъ пдбеевъ, которые имѣли большое состояніе и слѣдовательно не могли довольствоваться, какъ и патриціи, даже и двадцатидюгерными участками. Пожалуй и тутъ можно приискать какую-нибудь причину; если не понимать хорошо дѣла, то всегда вмѣсто дѣйствительныхъ причинъ и отношеній, можно сочинить какія-нибудь, которыя пожалуй на первый взглядъ и покажутся истинными. Но г. Леонтьевъ навѣрно ничего не придумаетъ для объясненія того, что плебей, продавшіе семидюгерные участки могли скупать у неспособныхъ хозяевъ ихъ участки. Чтобы скупать участки, для этого нужны деньги. Но гдѣ ихъ было взять этимъ бѣднымъ людямъ, которымъ дано было по семи югеровъ, для того, чтобъ спасти ихъ отъ голодной смерти. Въд конечно это были бѣдняки, которые добывались надѣла земель и получили ихъ наконецъ. Эти бѣдняки должны были обзаводиться хозяйствомъ, купить инструменты или матеріалъ, купить рабочій скотъ, выстроить необходимыя сельско-хозяйственныя постройки, конечно это должно было много стоить имъ; безъ долговъ все это слѣдано быть не могло. Потому эти плебей, опять обремененные долгами, должны были начать свое хозяйство на недостаточныхъ (по мнѣнію г. Леонтьева) участкахъ, и вкругъ ни оттуда ни отсюда у нихъ являются деньги, и они скупаютъ участки у неспособныхъ хозяевъ и становятся владельцами каждый двадцати одного югера, не больше и не меньше, во исполненіе теоріи г. Леонтьева. Это могло быть по шучьему велѣнію, но никакъ не по законамъ экономическимъ, толкователемъ которыхъ слѣдался г. Леонтьевъ (*).

(*) Если читатель самъ знакомъ со статью г. Леонтьева, онъ пожалуй рѣшитъ себѣ вопросъ о томъ, откуда плебей могли взять деньги. Разсуждая о соображеніяхъ Лицинія, почему онъ слѣдалъ участки плебеевъ по прежнему отчуждаемыми, г. Леонтьевъ говоритъ, что тутъ былъ расчетъ и на кредитъ. При неотчуждаемости участковъ, думаетъ онъ, кредитъ былъ бы невозможенъ для плебеевъ. *Дѣло кредита шире въ Римѣ обширныя размеры.* Все это заимствовуеъ г. Леонтьевъ изъ г. Моммсена. Не позволю себѣ думать, чтобъ г. Леонтьевъ умышленно искажалъ Моммсена. Безъ сомнѣнія, онъ только не понимаетъ его. Въд Моммсень говоритъ о развитіи кредита въ Римѣ, только во время Катона, т. е. больше 200 лѣтъ послѣ Лицинія. Кредитъ развился въ Римѣ, благодаря последовавшему, вслѣдствіе войнъ, знакомству римлянъ съ греками, карфагенянами и другими народами, также, благодаря притоку въ Римъ одичалыхъ капиталовъ, вслѣдствіе тѣхъ же войнъ. А во время Лицинія Римъ не имѣлъ

Лициній обрѣзаетъ, ослѣпъ судить съ точки зрѣнія г. Леонтьева, Лициній былъ скорѣе и въ стремленіяхъ и въ средствахъ и обманулся въ результатахъ предложенныхъ имъ законовъ. Во-первыхъ онъ не болѣе, какъ мушкетера въ жизни и притомъ безъ всякой нужды, тѣмъ какъ фронтисъ въ Римѣ легко находилось и безъ его оубра. Во-вторыхъ онъ не выдержалъ соренныхъ основаній права, отбравши землю у патриціевъ; на которую она никакъ: jus prius ассиріаціоніс, и отдавши ее плебеямъ. Въ третьихъ онъ надѣлалъ плебеевъ недостаточнымъ количествомъ земли и: на обратномъ шаганія на потерю труда, которая должна была произойти изъ этого. Въ четвертыхъ онъ все-таки, взявшись неправильно за то, чтобъ обезпечить пропитаніе плебеевъ, совсѣмъ его имъ не обезпечилъ. Г. Леонтьевъ можетъ похвалить Лицинія только за одно: что онъ не сдѣлалъ участковъ неотчуждаемыми, не потому однако, чтобъ тутъ были соблюдены коренныя основанія права; напр. тутъ право то и не было соблюдено: государство неизвѣстно для чего отказалось отъ своего права очень важнаго для него, какъ показывалъ и этотъ самый случай, надѣлъ плебеевъ землю. Г. Леонтьевъ можетъ въ этомъ случаѣ похвалить Лицинія только потому, что Лициній дѣйствовалъ въ духѣ Бастья и «Русскаго Вѣстника», который, говорятъ, недавно напечаталъ статью о необходимости продажи нашихъ государственныхъ земель и еще потому, что г. Леонтьевъ не понимаетъ разницы между различными родами собственности, изъ которыхъ одни служатъ для удовлетворенія суетности камелій и маменькиныхъ сынковъ, которые корчатъ либераловъ; предметы такой собственности большею частью могутъ быть умножаемы едвали не безконечно; тогда какъ другіе роды собственности, какъ земля, служатъ къ поддержанію жизни населеній, которою уже играть нельзя, какъ фасономъ фраковъ или экипажей. Предметы этой собственности къ сожалѣнію умножаемы быть не могутъ; ихъ объемъ данъ одинъ разъ навсегда; и умнѣйшіе люди, съумѣвшіе заглянуть въ будущее, въ возможное отношеніе населенія къ средствамъ пропитанія, съ ужасомъ увидѣли тамъ то, чему они пред-

еше даже всей Средней Итали. Образъ жизни и хозяйство тогда существовали еще въ прежнемъ простомъ видѣ. Кредитъ существовалъ еще въ видѣ ростовщичества. И къ этому времени относится неблагопріятный взглядъ римлянъ на проценты. Этотъ взглядъ г. Леонтьевъ приписываетъ и Лицинію; говоритъ даже, что Лициній ушаченные проценты предложилъ считать за уплату самаго капитала. И рядомъ съ этимъ онъ говоритъ, что Лициній расчитывалъ и на кредитъ?!

Да гдѣ же найти кредиторовъ, которые давали бы деньги безъ процентовъ? Римскіе ростовщики ихъ не дали бы.

вечли потребительную войну, море и землю подобно пришедшей лавине. Предметы этой победоносности имать такую важность, что не могут быть отданы отъ власти о высшей форме человеческого общества, государства, формы которая служила необходимыми условиями всякого действительного успеха въ сферѣ экономической, умственной и нравственной; территория государства эти два понятия столь же необходимо связанны, какъ народъ и государство, какъ тело и жизнь его, какъ машина и материалъ изъ котораго она сделана и т. п.

Въ настоящее время, когда мы живемъ въ эпоху великихъ переменъ, когда старые порядки рушатся, а новые еще не успели утвердиться, становится особенно важнымъ разбираться въ этихъ понятияхъ. Мы видимъ, какъ государства борются другъ съ другомъ, какъ народы страдаютъ отъ войнъ и революцій. Но почему такъ? Почему государство такъ важно? Почему территория такъ необходима? Эти вопросы требуютъ ответа, и этотъ ответъ долженъ быть основанъ на глубокомъ понимании природы государства и общества.

Государство — это не просто наборъ законовъ и чиновниковъ. Это сложная система, которая обеспечиваетъ порядокъ и безопасность въ обществе. Оно защищаетъ интересы своихъ гражданъ, поддерживаетъ законъ и обеспечиваетъ общественные блага. Безъ государства общество превратилось бы въ хаосъ, а жизнь стала бы невыносимой.

Территория — это не просто кусокъ земли. Это пространство, въ которомъ живетъ народъ, развивается хозяйство и культура. Территория — это основа государства, безъ которой оно не можетъ существовать. Она обеспечиваетъ безопасность, ресурсы и условия для жизни.

Народъ — это не просто группа людей. Это сообщество, которое имеетъ общие интересы, культуру и историю. Народъ — это душа государства, безъ которой оно превратилось бы въ безжизненный механизмъ. Народъ обеспечиваетъ государство силой и поддержкой.

Всѣ эти элементы — государство, территория, народъ — тесно связаны между собой и образуютъ единое целое. Они взаимозависимы и взаимодополняютъ другъ друга. Безъ одного изъ нихъ государство не можетъ существовать, а общество не можетъ развиваться.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ РИМА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ЛЕОНТЬЕВА: «О СУДЬБѢ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КЛАССОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ». (РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ, № 1, 1861 г.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Мы сказали уже въ первой статьѣ, что собственность, удовлетворяющую первымъ потребностямъ, г. Леонтьевъ ставитъ рядомъ съ собственностью въ родѣ кружевъ, шампанскаго и модной мебели. Это взглядъ Бастья и школы, къ которой онъ принадлежитъ; по это не взглядъ науки. Государство съ его существенными атрибутами иначе разсматривается экономистами, и нашей публикѣ можно порекомендовать хоть взглядъ Кери, въ которомъ восточнаго ничего увидѣть нельзя, потому что онъ идетъ не съ востока, а съ запада и съ далекаго запада, съ которыми мы еще очень мало знакомы, къ великому сожалѣнію. Бѣдному Кери у насъ одинаково достается отъ экономическихъ школъ, самыхъ противоположныхъ направленій. Г. Леонтьевъ называетъ его экономическія идеи парадоксами, а г. Чернышевскій еще чѣмъ-то едва ли не хуже. Вотъ, еслибъ дѣйствительно наши экономисты по меньше импровизировали, а по больше хоть только связывали свои собственныя идеи, ни г. Леонтьевъ, ни г. Чернышевскій о Кери такого мнѣнія не высказали бы, особенно г. Чернышевскій. Онъ увидѣлъ бы, что у Кери все получше сложено, чѣмъ въ его сочиненіяхъ, и что ему именно у Кери поучиться и слѣдуетъ; а не привязываться къ тѣмъ изъ его доказательствъ, которыя содержатъ въ себѣ попадающіеся вездѣ паралогизмы. Кромѣ паралогизмовъ у Кери есть много правды, и важнѣйшія изъ его политико-экономическихъ воззрѣній держатся крѣпко, не смотря на то, что другія, менѣе важныя, нуждаются въ поправкахъ.

Но, оканчивая это совершенно невольное отступленіе, возвращусь къ законамъ Лицинія. Правда ли, что они могутъ быть оправ-

даны и осуждены такъ не основательно, какъ это слѣдовало бы сдѣлать г. Леонтьеву, если бы онъ хотѣлъ быть послѣдователемъ. Нѣтъ, законы Лицинія имѣли въ себѣ много хорошаго — именно все, что по взгляду г. Леонтьева въ нихъ дурно, и они имѣли одинъ очень важный недостатокъ — именно то, что г. Леонтьевъ считаетъ достоинствомъ.

Дѣло состояло въ томъ: Римскіе плебеи, получившіе прежде земельные участки, давно распродали ихъ, и во время Лицинія народонаселеніе Рима состояло съ одной стороны изъ богачей патриціевъ и немногихъ плебеевъ, съ другой, изъ массы людей безземельныхъ, изъ плебеевъ, которые, не могли нигдѣ найти средствъ для своего содержанія; вотому были осуждены на крайнія лишенія. Положеніе ихъ было тѣмъ хуже, что, принужденные угрозой голодной смерти, они дѣлали долги и притомъ не подъ залогъ какой нибудь собственности, — они ея уже не имѣли, — а подъ залогъ своего собственнаго тѣла. Съ какою надеждою они дѣлали долги, чѣмъ рассчитывали платить ихъ, это сейчасъ окажется. Здѣсь важенъ вопросъ: отъ чего въ самомъ дѣлѣ плебеи потеряли свои поземельные участки. Прочитавши нѣсколько разъ всю статью г. Леонтьева, я не могу сказать, какое его мнѣніе объ этомъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ какъ будто думаетъ, что этому причиною были войны; въ другихъ мѣстахъ говоритъ, что войны не могли быть этому причиною, что это какія-то загадочныя причины, политическія и внутреннія. На самомъ дѣлѣ это причины экономическія. Войны, дѣйствительно, если произвели какой нибудь экономическій результатъ, то совершенно противный тому, какой какъ будто приписываетъ въ иныхъ мѣстахъ имъ г. Леонтьевъ. О причинахъ внутреннихъ и политическихъ я не говорю, потому что подѣлать ничего опредѣленнаго раздумить изъ статьи г. Леонтьева нельзя. А что войны не имѣли тутъ никакого результата, это можно видѣть изъ того, что войны періода до законовъ Лицинія ограничивались небольшимъ пространствомъ Средней Италіи; все это были войны незначительныя, и походы непродолжительныя, исключая весьма немногихъ случаевъ осады неприятельскихъ городовъ. Такіе походы не могли разстроивать сельскаго хозяйства, особенно въ Италіи, гдѣ періодъ обработки хлѣба гораздо продолжительнѣе, нежели гдѣ нибудь у насъ, и даже въ Средней Европѣ. Между тѣмъ и у насъ подобные походы не разстроиваютъ хозяйства нашихъ воиновъ-земледѣльцевъ. А у насъ именно есть состояніе очень похожее на состояніе римскихъ плебеевъ; это казаки, донскіе, кубанскіе, терекскіе и уральскіе. Всѣ они отрываются отъ занятій сельско-хозяйственныхъ для занятій военныхъ. Несмотря на то, ихъ экономическій бытъ не только лучше, нежели бытъ

нашихъ достоящихъ земледѣльцевъ, но и абсолютно весьма удовлетворительно. Объ уральскихъ казакахъ есть даже пѣсня, гдѣ поется, что они *осмаютъ богадо*; состояніе другихъ не только не хуже, но вѣроятно лучше. Отъ чего же такая разниа между положеніемъ нашихъ восточн.-земледѣльцевъ и римскихъ? Наши казаки получаютъ содержаніе, если идутъ въ походъ; но и римскіе плебей получали его, и этотъ законъ издавъ сенатомъ еще за долго до законовъ Лицинія. Плебей оцѣнили его какъ слѣдовало, и не знали какъ выразить свою признательность сенату, тѣмъ болѣе, что сенатъ издалъ его собственною инициативою, безъ требованія трибуновъ. Но этого мало; походы и безъ жалованья не могли быть обременительны для плебеевъ, потому что, какъ уже сказано, походы не были продолжительны; и потомъ—походы, болѣею частью, были усидчивы: въ это время Римъ подчинилъ себѣ мало по малу Лациумъ и Этрурию, а извѣстно, что счастливые походы скорѣе обогащаютъ воиновъ, нежели разоряютъ. Тутъ Ливій, дѣйствительно, не разъ разсказываетъ, что войска римскія именно въ это время грабили города непріятельскіе, и что это были города богатые. Естественно такіе походы должны были обогащать плебеевъ, что безъ сомнѣнія и было; и вотъ здѣсь вѣроятно нужно искать одну изъ причинъ, почему плебей дѣлали долги, и повидимому безъ всякой надежды уплатить ихъ, слѣдовательно съ увѣренностью попасть въ тюрьму и надѣть на ноги цѣпи; а въ самомъ дѣлѣ съ надеждою заплачивать ихъ послѣ похода. Въ этомъ случаѣ походы римлянъ мы можемъ сравнить съ походами донскихъ казаковъ въ западную Европу послѣ 1812 года. Извѣстно, что казаки послѣ этого похода воротились домой съ порядочнымъ богатствомъ; и ужь никакъ нельзя сказать, чтобъ этотъ походъ, равно какъ и другіе ихъ походы разстроивали ихъ бытъ экономическій, потому что онъ не разстроиваетъ, а до сихъ поръ хорошо устроиваетъ. Состояніе римскихъ плебеевъ весьма сходно съ состояніемъ нашихъ казаковъ, а между тѣмъ постоянный результатъ его совершенно противный. Гдѣ причина? Въ чемъ заключается дѣйствительная разниа быта казаковъ и быта плебеевъ? Почему одни пользуются возможнымъ благосостояніемъ, а другіе постоянно шли къ нищетѣ, нѣсколько разъ законодательными мѣрами были взяты пелъ извлекаемы, и опять доходили до прежняго состоянія? Дѣло все въ экономическомъ устройствѣ. Плебей имѣли рядомъ съ собою богатыхъ патриціевъ; по необходимости между ними начинались экономическія отношенія; а въ экономическихъ отношеніяхъ, гдѣ нѣкоторые претендуютъ на такъ называемое согласіе интересовъ, согласіе это дѣйствительно есть; но, рядомъ съ согласіемъ, есть и противоположность интересовъ. Напр., противоположность

интересовъ кредитора и должника, покупателя и продавца, хозяина и работника. Конечно, покупателю выгодно существованіе и занятія продавца; это согласіе интересовъ. Дальше слѣдуетъ несогласіе. Покупателю выгодно купить дешевле, продавцу выгодно продать дороже. Извѣстно, что въ экономическихъ отношеніяхъ согласіе интересовъ проявляется только вообще; тогда какъ противоположность дѣйствуетъ на каждомъ шагѣ. Кому не приходилось страдать отъ противоположности интересовъ, быть обманутымъ въ покупкѣ, заплатить много или получить мало за работу и т. п. И во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ плебей стоитъ невыгодно относительно патриція, всегда онъ нуждался въ патриціѣ; и потому всегда патрицій диктовалъ условія, а плебею оставалось только исполнять ихъ. Г. Леонтьевъ говоритъ, что римляне, какъ народъ серьезно смотрѣвшій на вещи (не смотря на глупость двухъ третей его), въ экономическихъ отношеніяхъ строго требовали соблюденія обязательствъ. Это совершенно справедливо. Но какъ обязательства были невыгодны для плебеевъ, то отсюда для нихъ ничего не происходило кромѣ потерь, кромѣ экономического упадка. И къ этому-то времени нужно отнести происхожденіе поговорки: *summius jus, summa injuria*; дѣйствительно, соблюденіе обязательства было для плебей великою несправедливостью. Патриціи сами это чувствовали и въ сколько разъ отказывались отъ своихъ правъ. Но дѣло отъ этого не измѣнялось; прежнее состояніе возвращалось. Почему же плебей стояли невыгодно относительно патриціевъ? На это можно бы много сказать, но размѣры статья не позволяютъ этого. Я приведу только слова экономиста, котораго если въ чемъ можно замодозрять, то не въ пристрастіи къ бѣдной части населенія, потому что съ нею онъ всегда не ладилъ. (1) *Si je puis me passer de vous pendant une semaine, et que vous ne puissiez vous passer de moi que deux jours, je suis votre maître et vous êtes mon serviteur de fait, sinon de droit* (2). Дѣло въ томъ, что бѣдные плебей были предоставлены на добрую волю патриціевъ во многихъ случаяхъ; неурожай, падежъ скота, — и плебей идеть къ патрицію занимать деньги на условіяхъ, которыя тотъ продиктуетъ; плебей принимаетъ ихъ, потому что ему не принять нельзя. При умѣренности участковъ, сбереженія на черный день у многихъ сдѣлавы не были. Потому бѣдный плебей принимаетъ вса-

(1) Шербюлье, бывшій профессоръ политической экономіи въ Женевѣ. Въ 1848 г., послѣ паденія консервативной партіи въ Женевѣ, оставилъ Женеву.

(2) Если я цѣлую недѣлю могу обходиться безъ васъ, а вы не обойдетесь безъ меня и двухъ дней, то я вамъ господинъ, а вы мой слуга по факту, если не по праву.

кимъ условіямъ. Батѣи еще неудача, и даже безъ новой неудачи, потому что долгъ есть постоянная неудача, участоужь отходитъ къ патриціямъ. А вотомъ свисканіе себѣ иронитанія трудомъ, легкое, по мнѣнію г. Леонтьева, по виду не легкое на самомъ дѣлѣ, потому что плебен имъ были недовольны; да и Лициній счелъ нужнымъ обезпечить этотъ легко добываемый трудъ тѣмъ, что положилъ закономъ въ обязанность патриціямъ имѣть известное число вольныхъ рабочихъ. Да и вся реформа надѣленія плебеевъ землею доказываетъ, что свисканіе иронитанія трудомъ было не легко. Или, можетъ быть, Лициній ошмбался, предлагая свою реформу, а правъ г. Леонтьевъ?

Но почему же не всѣ плебен были въ несчастномъ состояніи? Кѣкоторые были достаточны, другіе даже богаты? Не противорѣчатъ ли это картинѣ экономическаго быта, представленной выше? Это, напротивъ, подтверждаетъ ее. Плебен относительно патриціевъ стояли невыгодно дѣйствительно только въ экономическомъ отношеніи, а совсѣмъ не въ политическомъ. Въ политическихъ правахъ они значительно были подняты: еще конституціею Сервія Туллія, организовавшаго комиціи по центуріямъ, гдѣ плебен имѣли голосъ равный съ патриціями. Настоящею гарантіею правъ плебеевъ былъ трибунатъ, учрежденіе, идущее съ первыхъ временъ республики. Такихъ правъ, какія имѣли плебен до Лицинія, до сихъ поръ не имѣютъ работники въ странѣ, которую г. Леонтьевъ считаетъ образцомъ совершенства. Дурны были только экономическія отношенія, именно благодаря экономической безпомощности плебеевъ, благодаря недостатку крѣпкой точки опоры, недостатку убѣжища въ случаѣ несчастія. Тѣ плебен, которые прибыли въ Римъ съ состояніемъ, или которые, поселившись въ Римъ, успѣли заручиться состояніемъ, не смотря на неполное равенство правъ политическихъ, еще до Лицинія стояли высоко въ обществѣ, и Титъ Ливій самаго Лицинія называетъ *hincis quidem, vig tamen plebeis*. Но за то тѣ, которые были влохо поставлены экономически, необходимо должны были идти къ нищетѣ, къ безземельности, не смотря на то, что они получали земли. А поверить землю ничего не стоило, потому что участки, которыми надѣлялись плебен, будучи незначительны, въ тоже время были отчуждаемы. Въ несчастіи это помощи никакой не дѣлало: въ земледѣіи невозможно обойтись безъ неудачъ: отъ неурожаевъ не спасетъ никакая старательность земледѣльца; о страхованіи же тогда понятія не имѣли. Въ такихъ случаяхъ помогало государство. Но можетъ быть, благодаря самой отчуждаемости участковъ, государство или правительство, т. е. патриціи, не скоро было на такую помощь. Титъ Ливій передаетъ не одинъ случай, что патри-

ція не благосклонно смотрѣли на тѣхъ, которые сдѣлали помощь народу въ случаѣ голода; нѣкоторые за эту помощь заплатились головою. Что видѣть въ этой политикѣ патриціевъ? Видѣть можетъ быть они нарочно не помогали плебеямъ, чтобъ скунить ихъ участки. Видѣть нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрнѣе всегда повторенной сказкѣ, что партизаны народа, помогавшіе ему въ случаѣ голода, добивались царской власти. Между тѣмъ, при отчуждаемости участковъ, каждая неудача, неурожай и т. п., вела за собою потерю участка, за которою для плебея слѣдовалъ уже неостановившійся неурожай. При неотчуждаемости участковъ этого быть не могло. Если участки не могъ быть проданы, то богатые патриціи не могли и расчитывали на покупку его, и при несчастіи народномъ, безъ задней мысли, подумали бы о смягченіи народнаго бѣдствія; это и въ современныхъ государствахъ вездѣ дѣлается и за это, сколько помнится, еще никто не осуждалъ современныхъ правительствъ, если только правительства своими мѣрами не усиляли бѣдствія. Для земледѣльца, нѣкогда свое хозяйство, самый неурожай не такъ страшенъ: на своей клочкѣ земли онъ выдержитъ его легче. У него, какъ суррогатъ хлѣба, всегда найдется что нибудь: — продукты скотоводства, овощи, зелень или, какъ у насъ въ 1840 г., овесъ, даже лебеда, а въ Швеціи и Финляндіи древесная кора и т. д. Но проходить общее бѣдствіе, и при неотчуждаемости участковъ все населеніе скоро поправляется; при отчуждаемости часть его обижается безъ средствъ, потому что участки распроданы, отчего общее бѣдствіе нисколько не было уменьшено, потому что масса питательныхъ веществъ въ это время посредствомъ продажи земель нисколько не увеличилась. А между тѣмъ будущее испорчено; это рѣшительно исторія Исая; который за чечевичную похлебку отказался отъ овсянъ правъ. Но масса населенія, сумма его, весь народъ даже и никакой похлебки не получаетъ, а портитъ свое будущее ни за что.

Въ Римѣ вся бѣда, несчастное положеніе плебеевъ, происходила главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ, отъ ихъ беззащитности экономической, и отъ отчуждаемости участковъ. Плебеи, конечно, въ этомъ виноваты не были; тѣмъ не менѣе благосостояніе ихъ было нужно для Рима, и въ этомъ случаѣ нужно отдать справедливость г. Леонтьеву. Онъ умѣлъ хорошо понять необходимость реформы Лицинія: «Послѣ галльскаго нашествія, говоритъ онъ, т. е. передъ изданіемъ законовъ Лицинія, Римъ находился въ рѣшительномъ моментѣ своей исторіи. Онъ могъ превратиться въ олигархію. Крестьянство, которое, какъ показавшіе послѣдствія, было естественною потребностью Рима и въ политическомъ и въ экономическомъ состояніи, могло погибнуть. Патриціи могли завладѣть всею землею

и всѣмъ политическимъ правамъ, в римская исторія окончилась бы безславно».

Къ этому нужно прибавить, что самое существенное дѣло заключалось не въ политическихъ правахъ, а въ экономическомъ устройствѣ. Политическія права были уже достигнуты плебеями. Дѣйствительная гарантія ихъ, трибунатъ, существовала и имѣла значеніе, какъ показало самое проведеніе законовъ Лицинія. Лициній, потому только и провелъ ихъ, что былъ трибуномъ. Что касается до консульскаго достоинства, не смотря на то, что г. Леонтьевъ называетъ его цитаделью свободы, *arx libertatis*, въ самомъ дѣлѣ цитаделью свободы оно не было. Во всей исторіи Рима консулы ни разу не играли самостоятельной роли во внутреннихъ дѣлахъ, особенно они никогда не были защитниками плебеевъ и потому бѣдныхъ гражданъ; они были всегда только орудіемъ сената. Это выраженіе *arx libertatis* — изъ рѣчи, которую Лициній говорилъ народу; но тутъ надобно сдѣлать различеніе. Это могло только такъ казаться Лицинію, если не предполагать, что это ему даже и не казалось, а только было имъ сказано. Дѣйствительною цитаделью свободы былъ трибунатъ, а дѣйствительною свободою была экономическая свобода, независимость бѣдныхъ гражданъ отъ богатыхъ. Этой-то свободы и желалъ добиться для народа Лициній.

Большая заслуга Лицинія и достоинство его законовъ состоитъ въ томъ, что онъ понялъ необходимость этой экономической независимости бѣдныхъ римскихъ гражданъ отъ богатыхъ, безъ которой, какъ говоритъ Шербилюе, если не по праву, то по дѣлу всегда бѣдный человѣкъ есть рабъ богатого. Лициній стоялъ передъ многими препятствіями въ своемъ дѣлѣ. Изъ нихъ самое важное, давность владѣнія патриціевъ на государственныхъ земляхъ, *prescription, cette patronne du genre humain, comme on dit au palais*, по словамъ Курсыль-Сендла. Лициній рѣшился, сколько позволяли обстоятельства, а сколько требовала необходимость, возстановить историческую несправедливость; потому что патриція одни заняли земли, которыя должны были не столько ихъ оружіемъ, сколько оружіемъ плебеевъ. Патриціи крѣпко держались за свое право; но Лициній не столько горячился и торопился какъ его предшественники, погибшіе за дѣло народа, и выигралъ свое дѣло. Патриціи отказались отъ излишня земель, который былъ розданъ народу.

Лициній далъ плебеямъ только по 7 югеровъ; конечно, нельзя сказать, чтобъ этого было много, но этого было достаточно, не смотря на противное мнѣніе Моммсена и г. Леонтьева. Дюро-де-ля Мала, спеціально занимавшійся этимъ вопросомъ и на мѣстѣ въ Италіи; и сравнительно съ другими мѣстностями, имѣно находить,

что такого рода культура, т. е. мелкие поземельные участки были естественною формою хозяйства въ Средней Италіи, какъ въ Оверни. А что г. Леонтьевъ считаетъ достаточнымъ для одного хозяйства не менѣе 20-ти югеровъ, на это онъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, кромѣ мнѣнія Моммсена которому онъ далъ положительность, какой не давалъ ему самъ Моммсенъ. На двадцати югерахъ, т. е. на 5-ти десятинахъ можетъ существовать въ хорошемъ состояніи у насъ крестьянское хозяйство, не смотря на то, что нашъ крестьянинъ платитъ тоже разныя подати.

А нельзя забывать и того, что потребности жителей холодныхъ странъ и настоятельнѣе, и разнообразнѣе, нежели жителей странъ теплыхъ. Римскій плебей конечно могъ и не думать о тепломъ жилищѣ, о теплой обуви и одеждѣ. Да и самое питаніе въ холодныхъ странахъ должно быть обильнѣе. Не надобно забывать и того, что въ 2000 лѣтъ, раздѣляющія нашего крестьянина отъ плебея времени Лицинія, авилось нѣсколько новыхъ потребностей, которыя успѣли проникнуть въ наше земледѣльческое состояніе. При этомъ сравненіи не лишено смысла и то, что въ земледѣліи, относительно обилія продуктовъ, играетъ роль не одна почва, а и воздухъ; въ теплыхъ странахъ онъ доставляетъ растенію больше питательныхъ элементовъ, нежели въ холодныхъ. Италія, при современномъ несчастномъ экономическомъ состояніи ея, когда какъ-будто по наследству отъ римскихъ отпиматовъ еще продолжается система обращенія полей въ пастбища, не смотря на то, и не смотря на ничтожное развитіе мануфактуръ на своихъ 5,700 кв. миляхъ, кормитъ 20,000,000 народу, тогда какъ если г. Леонтьевъ отберетъ всѣ самыя населенныя страны Россіи, онъ не соберетъ на 5,700 кв. миляхъ даже 10,000,000, т. е. вдвое меньше. Отсюда можно прямо заключить, что требованіе для плебея времени Лицинія 20 югеровъ ни начеиъ не основано. Что 7 югеровъ были совершенно достаточны для скромнаго земледѣльческаго хозяйства можно видѣть и изъ того, что, много послѣ, Курій Дентатъ называлъ гражданскою опаснымъ для республики того, кто не довольствовался 7 югерами. Это значитъ, что на 7 югерахъ можно было жить даже въ это время, когда древняя римская простота въ образѣ жизни еще сохранялась. Цинцинатъ имѣлъ только четыре югера; и на это количество можно смотрѣть уже, какъ на несомнѣнно достаточное, потому Цинцинатъ и представляется образцемъ умеренности, а 7 югеровъ это почти два гектара; но извѣстно, что на двухъ гектарахъ французскій земледѣлецъ, даже въ сѣверной Франціи, живетъ безбѣдно, а на трехъ очень достаточно, не смотря на большую массу потребностей и на разницу климата. Въ Пруссіи есть больше миллион

земледѣльческихъ хозяйствъ, которыя имѣютъ даже меньше 5 моргенъ, т. е. меньше 5-ти югеровъ, потому что моргены и югеры почти совершенно равны. Къ этому нужно прибавить и то, что, кромѣ 7 югеровъ, плебей пользовался еще общественнымъ пастбищемъ; а продукты скотоводства составляютъ значительное подспорье въ продовольствіи сельскихъ жителей. Кромѣ того мы имѣемъ положительное свѣдѣніе, что во время Лицинія съ семи югеровъ собиралось довольно продуктовъ. Колумелла говоритъ, что Лициніевы 7 югеровъ давали больше продуктовъ, нежели во время Колумеллы, обширнѣйшія помѣстья (*).

Слѣдовательно 7 югеровъ мы должны считать достаточнымъ количествомъ для римскаго земледѣльца времени Лицинія, и потому никакой особенной теоріи для объясненія семи-югернаго надѣла сочинять не только нѣтъ надобности, даже и нѣтъ возможности. Лициній не могъ разсчитывать на неспособность римлянъ къ земледѣлію, потому что римляне къ нему были способны. Лициній не могъ предвидѣть будущихъ экономическихъ теорій французской споросѣвной школы; а онъ самъ, находя, что для благосостоянія государства нужно обезпеченное сельское населеніе, наконецъ можетъ быть и не для государства, а для самаго этого сельскаго населенія обезпечилъ его достаточнымъ поземельнымъ надѣломъ.

Такимъ образомъ, за что, съ точки зрѣнія г. Леонтьева, Лициній долженъ быть осужденъ, и за что онъ долженъ быть осужденъ даже съ истинной точки зрѣнія, если принимать реформу его въ томъ видѣ, какъ представляетъ ее г. Леонтьевъ (недостаточность 7 югеровъ), — все это въ самомъ дѣлѣ составляетъ дѣйствительную заслугу въ римской исторіи. Именно, благодаря ему, исторія Рима не окончилась безславно, и римляне въ состояніи были исполнить свое всемірное назначеніе. Лицинія нельзя осудить даже и за то, за что его такъ хвалятъ г. Леонтьевъ, именно, что онъ роздалъ плебеймъ поземельные участки съ правомъ отчуждать ихъ. Съ нашей точки зрѣнія мы не можемъ винить его за то, что онъ не дошелъ до взгляда на поземельное владѣніе, образовавшагося и окрѣпшаго въ послѣдствіи среди другой народности.

Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право сожалѣть, что благотворная мѣра Лицинія въ существѣ своемъ носила начало, которое уничтожило скоро плоды ея; это начало есть отчуждаемость поземельныхъ участковъ.

Послѣ Лицинія благосостояніе плебеевъ продолжалось вѣстнаго времени. Раньше нежели черезъ сто лѣтъ земледѣльцы потеряли

(*) Bureau de la Malle Jb. II, 224.

свои поземельные участки. Может быть они потеряли их еще скорее; но это оказалось уже в III столѣтін пр. Р. Х., послѣ самнитскихъ войнъ. Титъ Ливій, въ 11-й книгѣ (потерянной), рассказываетъ о долгихъ и жестокихъ мятежахъ народа, опять — тои изъ-за долговъ, и наконецъ объ отсутствіи народа на Ливинуской холмъ. Въ продолженіе войнъ, которыя слѣдовали за войною самнитскою, римляне выводили частыя колоніи, т. е. раздѣляли бѣднымъ гражданамъ земли въ странахъ, постепенно входившихъ въ составъ римскаго государства, но все это не помогло. Послѣ войны Римъ опять былъ наполненъ множествомъ гражданъ безземельныхъ; видно, что колонисты также легко теряли землю, какъ прежде бѣдные жители Рима до законовъ Лицинія и послѣ нихъ. Впрочемъ масса безземельныхъ римскихъ гражданъ увеличивалась еще другимъ путемъ, черезъ допущеніе въ число ихъ отпущенниковъ и ихъ дѣтей.

Вообще состояніе Рима, послѣ большихъ войнъ въ половинѣ II-го вѣка передъ Р. Х., было самое жалкое. Большинство гражданъ были истинными пролетаріями, безъ всякой собственности; сегодня не знали, что будутъ ѣсть завтра, и по нестиги не шли ни гдѣ преклонить голову, какъ говорилъ потомъ Тиберій Гракъ. Вся земля въ средней Италіи принадлежала немногимъ богатымъ фамиліямъ, которыя въ смутное время ужѣли захватить въ свои руки; даже не соблюдая наружной законности, имущество государства и бѣдныхъ гражданъ.

Незнаю, какъ смотреть на это захватываніе г. Леонтьевымъ; онъ не отвергаетъ того, что въ этомъ захватываніи незаконность и насиліе играли первую роль; но нигдѣ въ разсказѣ объ этомъ не ставитъ рядомъ этихъ захватываній съ юридическими интересами; вѣроятно онъ находитъ, что они были менѣе нарушены насиліемъ оптиматовъ, нежели какъ могли бы быть нарушены нечуждостью участковъ. Огромныя помѣстья оптиматовъ обрабатывались рабами, которые впрочемъ не совсѣмъ вытѣснили свободныхъ наемныхъ рабочихъ изъ земледѣлія, какъ можно видѣть изъ приведеннаго сама г. Леонтьевымъ отрывка изъ Катона, гдѣ Катонъ совѣтуетъ имѣть на участкѣ въ 240 югеровъ 11 рабовъ и 50 свободныхъ рабочихъ. Естественно свободныхъ рабочихъ Катонъ совѣтуетъ нанимать только тогда, когда въ нихъ есть особенная надобность, т. е. во время сбора земледѣльческихъ продуктовъ. Г. Леонтьевъ не доволенъ такимъ порядкомъ дѣлъ; но въ этомъ онъ такъ же послѣдователенъ, какъ и во всемъ другомъ. Такой порядокъ есть необходимый результатъ его теорій; и больше ждать отъ нея г. Леонтьевъ не могъ, да, думаю, и не ждалъ. Въ случаѣ

дѣлѣ, гдѣ же это вытѣсненіе свободнаго труда рабскимъ, когда въ представленномъ примѣрѣ свободныхъ рабочихъ почти вдесятеро больше, чѣмъ рабовъ, когда самъ г. Леонтьевъ смотритъ на этотъ примѣръ, какъ на норму земледѣльческаго быта извѣстнаго времени?

Но эти рабочіе, скажетъ г. Леонтьевъ, заняты только въ продолженіе незначительной части года, во время сбора продуктовъ. Конечно такъ; да о чемъ же думалъ г. Леонтьевъ, когда предлагалъ для Рима свою систему обработки полей вольнонаемными трудомъ, систему соединенія трехъ участковъ въ одинъ? Въдѣ это извѣстно даже и нефилософамъ и не агрономамъ, что въ земледѣліи есть одно время въ году, когда требуется на полѣ много рукъ, а въ другое время очень мало. Это практикуется у насъ по всей Россіи; только мы можемъ спокойно смотрѣть на этихъ прибавочныхъ рабочихъ, которые напр. лѣтомъ приходятъ въ большемъ числѣ въ Самарскую губернію; мы знаемъ, что эти люди имѣютъ свой пріютъ и кусокъ хлѣба, что послѣ рабочей поры они воротятся домой съ заработками; даже хотъ и безъ заработковъ, всетяки ихъ жизнь обезпечена, и въ то время, когда прекратились полевья работы, мы знаемъ, что они не умрутъ съ голода или холода, и не принуждены будутъ промышлять особеннымъ образомъ на большихъ дорогахъ, подъ защитою темной ночи, да темнаго бора, до чего значительная масса населенія приведена, даже въ наше время, подъ благословеннымъ небомъ Италіи и при столь же благословенной экономической организаціи, напр. хотъ папскихъ владѣній, гдѣ вся почва, какъ въ древней Италіи во время Сципіоновъ, раздѣлена на немногіе участки, но такіе, что между ними не рѣдкость участки въ цѣлую квадратную нѣмецкую милю, а попадаютъ и въ двѣ.

Г. Леонтьевъ явнымъ образомъ осуждаетъ вытѣсненіе свободнаго труда рабскимъ около времени Граковъ; но этимъ самымъ осуждаетъ свою собственную теорію.

Изъ нея ничего другого не могло и выйти.

Но г. Леонтьевъ и тутъ все-таки ошибается. Въ представленномъ примѣрѣ видно, что свободный трудъ рабскимъ вытѣсненъ не былъ; что все-таки свободный трудъ спрашивался, а больше или много больше спрашиваться не могъ. Пусть въ этомъ примѣрѣ г. Леонтьевъ предположитъ, что всѣ 11 рабовъ свободны; это ему совсѣмъ не трудно, — онъ и не такія предположенія дѣлалъ, да притомъ, принявши ихъ за истину, подкрѣплялъ ими свой взглядъ на судьбу земледѣльческихъ классовъ Рима. Если даже 11 рабовъ свободны,

все-таки остальные 50 рабочих большую часть года будут без хлѣба.

Богатый землевладѣлец всегда есть господинъ бѣдныхъ работниковъ, необезпеченныхъ своимъ поземельнымъ участкомъ. И имѣя рабовъ, онъ все-таки можетъ отказать имъ въ работѣ, потому что очень часто имѣетъ возможность превратить свое поле въ пастбище *съ выгодою для себя*. Вотъ, не угодно ли г. Леонтьеву на этомъ случаѣ приложить свою теорію или все равно теорію Бастья о согласіи юридическихъ интересовъ съ экономическими или въ другой формѣ о согласіи интересовъ частныхъ съ интересомъ общественнымъ, которое будто бы нигдѣ не нарушается и не можетъ быть нарушено. Читатель, не знакомый съ экономическими теоріями, подумаетъ о преувеличеніи, даже объ искаженіи съ моей стороны взгляда экономистовъ на это вездѣ существующее согласіе интересовъ, — нѣтъ, преувеличенія тутъ никакого нѣтъ. Дѣйствительно согласіе интересовъ такъ обобщается нѣкоторыми экономистами, что они совсѣмъ не предполагаютъ возможности того, чтобы интересы однихъ какъ быдуть противорѣчили интересамъ другихъ. Такой смыслъ имѣетъ и фраза г. Леонтьева о согласіи интересовъ юридическихъ съ экономическими. Согласіе интересовъ юридическихъ съ экономическими принимаетъ и другая школа въ политической экономіи, но въ смыслѣ, которому противорѣчитъ вся статья г. Леонтьева отъ перваго слова до послѣдняго.

Не угодно ли г. Леонтьеву обратить вниманіе на то, что въ современной Италіи агро готтапо существуетъ въ видѣ пастбища, когда тамъ и помину нѣтъ о рабствѣ. А что случилось съ рабочими, которые обрабатывали это поле, когда, нестѣсня ихъ свободы, послали ихъ прогуливаться, гдѣ имъ угодно? Чтобъ не считали это отступление отъ экономическаго быта древней Италіи слишкомъ далекимъ, сошлюсь на самого г. Леонтьева, который тоже обратилъ вниманіе на агро готтапо, на «этого любимца художниковъ, римскаго пастуха копыеносца, гоняющагося за своимъ стадомъ на борзомъ конѣ». Кому не извѣстна, говоритъ онъ, «эта гордая и граціозная фигура, ярко рисующаяся на тускломъ фонѣ пустыни, прерываемой лишь развалинами древнихъ водопроводовъ, гробницъ и вилъ?» — Конечно, эта фигура не лишена поэзіи; но поэзія съ ея развалинами и тусклымъ фономъ пустыни мало ладитъ съ политической экономіею, которая больше обращаетъ вниманія на хорошую постройку здавій, да на хорошую обработку полей. И кто не столько поэтъ, какъ г. Леонтьевъ, тому, при взглядѣ на это агро готтапо, пройдетъ на умъ не граціозная фигура пастуха и не его борзый конь, а судьба тѣхъ, которые когда-то имѣли свое обильное пропитаніе на

этой теперешней пустынь, и котораяхъ потомки совершенно юридическимъ образомъ согнанные съ почвы, орошенной потомъ и кровью предковъ, теперь у насъ на 30 градусномъ морозѣ играютъ на шаранкахъ тоже пьесы очень художественныя, не лишеныя поэзіи, если угодно г. Леонтьеву. Впрочемъ современную Италію г. Леонтьевъ пожалуй и неоправдаетъ; за то ужъ не допуститъ, чтобы осудили Англію, гдѣ онъ находитъ выгоднымъ для всѣхъ сторонъ, для общаго блага склоненіе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, проводя въ пользу своего мнѣнія объясненіе въ родѣ объясненія законовъ Лицинія. Забылъ г. Леонтьевъ, что смотря на Англію, одинъ писатель причислялъ барановъ къ самымъ хищнымъ животнымъ, говоря, что они не травой питаются, а мясомъ человеческимъ, потому что они поѣли населеніе цѣлыхъ округовъ, гдѣ поля обращены въ пастбища для разведенія тонкорунныхъ овецъ. Такихъ случаевъ можно представить десятки, въ подкрѣпленіе теоріи г. Леонтьева о согласіи интересовъ юридическихъ съ экономическими.

Послѣ Лицинія положеніе Италіи становилось все хуже и хуже не отъ рабовъ. Рабы тутъ явились не причиною, а слѣдствіемъ склоненія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ. Еслибъ не было рабовъ, то бѣдные граждане не много больше имѣли бы работы; и государство отъ этого не выиграло бы тоже много. Вѣдь рабовъ-то въ сущности было въ Италіи не такъ много, какъ объ этомъ думаетъ г. Леонтьевъ. Впрочемъ г. Леонтьевъ опять-таки объ этомъ не высказываетъ какого-нибудь опредѣленнаго мнѣнія; онъ говоритъ о полчищахъ рабовъ, о томъ, что *все промыслы* перешли въ ихъ руки, что даже шкиперами на корабляхъ и конторщиками у банкировъ были рабы. Можно къ этому прибавить еще всѣмъ извѣстный фактъ, что даже воспитатели дѣтей у римскихъ богачей были рабы. Но все-таки полчища рабовъ и всѣ промыслы въ ихъ рукахъ остаются фразою, которая при томъ показываетъ, что г. Леонтьевъ не можетъ никакъ отрѣшиться отъ взгляда на современное мануфактурное хозяйство и переноситъ его на Римъ наперекоръ исторіи. Передъ второй пунической войною въ Римской республикѣ было, по изслѣдованію Дюро де ля Мала, 2.715.000 свободныхъ жителей и 2.202.000 рабовъ. Слѣдовательно рабовъ было даже меньше, чѣмъ свободныхъ гражданъ. Число ихъ относилось къ числу гражданъ какъ 23 къ 27. Гдѣ же эти полчища, отъ которыхъ будто бы погибъ Римъ?

Въ Ассирахъ, по изслѣдованію Бека, безъ сомнѣнія извѣстному г. Леонтьеву, въ лучшую пору ихъ жизни было рабовъ въ четверо больше нежели свободныхъ гражданъ. А между тѣмъ экономическій

быть Афинявъ, если и страдаютъ отъ этого, то далеко не такъ, какъ экономическій бытъ Рима.

Изъ всего этого то заключеніе, что рабство, дѣйствительно общественная язва; можетъ иногда не оказывать на общую судьбу народа и государства гибельнаго вліянія. Несомнѣнно, что рабство развращаетъ, ослабляетъ самыхъ господъ; но если кромѣ богатыхъ рабовладѣльцевъ среди народа есть значительная масса жителей, которымъ обеспеченъ трудъ и пропитаніе, — этою массою можетъ держаться государство очень крѣпко, и конкуренція рабскаго труда не такъ страшна была въ древности, потому что хозяйство древнее совершенно отличалось отъ хозяйства современнаго. Денежное хозяйство или мануфактурное хозяйство, котораго столь разумнымъ толкователемъ въ наукѣ явился Адамъ Смитъ, не имѣло мѣста въ древнемъ мѣрѣ. Тогда едва ли не вездѣ былъ хозяйственный бытъ, который почти совершенно уцѣлѣлъ у насъ, еще больше уцѣлѣлъ въ некоторыхъ другихъ государствахъ Европы, напр. въ Норвегіи, и который состоитъ въ томъ, что въ каждомъ хозяйствѣ, при господствующихъ трудахъ земледѣльческихъ, всѣ остальные потребности удовлетворяются собственными средствами, т. е. почти все нужное для земледѣльца: платье, обувь, инструменты, посуда, приготавливается дома. Потому для римскаго гражданина была совсемъ не такъ страшна конкуренція рабскаго труда, какъ думаютъ объ этомъ г. Леонтьевъ. Онъ ни въ чемъ не нуждался, если только имѣлъ свой поземельный участокъ. Это конечно извѣстно г. Леонтьеву, и за это ему слѣдовало обратить вниманіе побольше, когда онъ говорилъ свою неопредѣленную фразу о затратѣ всего свободнаго времени римскаго плебея, необходимой будто бы для благосостоянія крестьянства. Съ точки зрѣнія мануфактурнаго хозяйства, это пожалуй справедливо. Но г. Леонтьеву должно быть извѣстно, что въ древнемъ мѣрѣ не было такого раздѣленія труда, какъ теперь, ни между народами, ни между отдѣльными классами народа, ни между отдѣльными личностями. Если древній мѣръ имѣетъ на современную мѣрку какой-нибудь экономистъ, который кромѣ устройства фабрики да купеческой конторы не хочетъ больше ничего знать, это ему простиительно; иначе онъ и разсуждать не можетъ. Странно, что г. Леонтьевъ, профессоръ древней словесности, также забываетъ впередъ въ исторіи и древній мѣръ судить, какъ современный. Не знаю, что индустриальная школа требуетъ возможно большей массы богатства; а удивительно, что г. Леонтьевъ требуетъ того же для римскихъ временъ Лицинія, когда индустриализма еще и въ зародкѣ не было. Прибавлю къ тому, что это не единственный примѣръ подобнаго забвѣнья впередъ. Читатель видѣлъ, какъ удачно похвалялъ

Ливіній г. Леонтьевъ за отчуждаемость участковъ, въ которой онъ видитъ противодействие неправящемуся ему учению объ обезпеченіи вредствъ жизни для массы народа. Г. Леонтьевъ еще и не то дѣлаетъ: онъ удивляется, что Римъ не дошелъ до представительной системы и восьма серьезно разсуждаетъ о слѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ за собою отсутствіе представительнаго правленія. Чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ бы прибавить сюда свои соображенія о вредныхъ результатахъ отсутствія у римлянъ паровыхъ машинъ, телеграфовъ, и пожалуй журналовъ и гласности. Какъ жаль, что время повернуть назадъ нельзя. Все, что возможно для насъ, это стараться вѣрно, безъ заднихъ мыслей, понять явленія жизни древняго міра.

Метода г. Леонтьева въ историческомъ прагматизмѣ та: онъ находитъ въ Римѣ вредное учрежденіе — рабство, ну на него и сваливай все несчастія. Этотъ методъ разумѣется можно не опровергать; можно заключить, что онъ удивительно облегчаетъ познаніе другой жизни.

Чего жъ легче: римскіе бѣдные граждане потеряли свои участки еще въ началѣ войнъ, когда рабовъ было очень мало, потому что число рабовъ особенно увеличилось вслѣдствіе войнъ римлянъ въ Италіи. Такъ говоритъ объ этомъ самъ г. Леонтьевъ. Римляне вели свои войны сначала въ средней Италіи; тогда бѣдные граждане и потеряли свои участки, пришли въ крайнюю нищету. Еще въ 323 г., т. е. до окончанія самнитской войны, народъ произвелъ смутеніе по вопросу о долгахъ. Послѣ самнитской войны народъ уже не хотѣлъ жить въ Римѣ и удалился на Яникуль. Это новтореніе отшествія на близлежащую гору. Вѣроятно народу было хорошо. Титъ Ливій разсказываетъ еще, что народъ рѣшился оставить Римъ послѣ долгихъ и жестокихъ смутеній. Послѣ этого римляне вели войны въ Южной Италіи, потомъ начались войны въ Италіи. Вслѣдствіе этихъ войнъ Римъ наполнился полчищами рабовъ. И г. Леонтьевъ думаетъ, что экономическій бытъ римскихъ гражданъ разстроился благодаря полчищамъ рабовъ! — Точно также основательно его сужденіе о войнахъ, какъ причинѣ разстройства экономическаго быта. Римляне продолжали только свои походы въ средней Италіи; вслѣдствіе полчищ получали жалованье. Походы были удачны, и Самнииты, съ которыми была война, разграблены. Такая война должна обогащать римскихъ гражданъ, — между тѣмъ они обнищали.

Настоящія большія войны въ Италіи и даже въ южной Италіи еще не начинались. А г. Леонтьевъ увѣряетъ, что крестьяне Ливіній разорились отъ войнъ. Право совсѣмъ не трудно составлять такіе сужденія объ историческихъ явленіяхъ, особенно если ихъ не

выводить изъ фактовъ, а такъ представлять въ видѣ аксіомъ, какъ дѣлаетъ г. Леонтьевъ; потому что г. Леонтьевъ и виду даже не дѣлаетъ, будто онъ доказываетъ свои положенія. Именно это что-то въ родѣ аксіомъ.

Итакъ не отъ войнъ и не отъ соперничества рабовъ было дурно состояніе бѣдныхъ римскихъ гражданъ. А оно дѣйствительно было жалко. Колонія, которыя Римляне выводили въ большомъ числѣ въ продолженіе войнъ, дѣлу не помогали.

Къ концу войнъ пролетаріевъ было больше нежели когда-нибудь. Все зло, очевиднымъ образомъ, происходило отъ дурного экономическаго устройства, отъ экономической беззащитности бѣдныхъ гражданъ.

Было и другое зло, на которое г. Леонтьевъ почти не обращаетъ вниманія, и которое стояло въ большой связи съ экономическимъ бытомъ сельскихъ классовъ, что признаетъ мимоходомъ и самъ г. Леонтьевъ.

Это зло — естественное слѣдствіе того, что оптиматы къ концу періода большихъ войнъ захватили въ свои руки всю власть въ государствѣ. Не имѣя достаточнаго контроля надъ собою, они позволяли себѣ величайшія беззаконія, бывшія достойною прелюдіею беззаконій цесарскаго періода. Оптиматамъ было мало того, что они отнимали у бѣдныхъ гражданъ съ соблюденіемъ наружной справедливости; очень часто они не женировались даже и этимъ, и безъ церемоній выгоняли бѣдныхъ сосѣдей изъ ихъ участковъ по праву сильного. Всякій искъ обиженнаго поступалъ на разсмотрѣніе тѣхъ же оптиматовъ, и разумѣется рѣшеніе было въ родѣ рѣшенія звѣрей, что по одной шкуркѣ съ овцы могутъ снять волки, только не больше. Положеніе бѣдныхъ гражданъ дѣйствительно не представляло даже никакой надежды на облегченіе въ будущемъ. Чтобы исправить дѣло, нужна была реформа и притомъ многосторонняя, надобно было притомъ неограничиться палативами; Римъ очевидно быстро шолъ къ безднѣ, которая должна была поглотить его.

И вотъ за это дѣло взялись Гракхи. Г. Леонтьевъ, не смотря на полное неодобреніе реформы Гракховъ, отдастъ справедливость блгородству и безкорыстью Гракховъ, позволяя себѣ однако нѣкоторыя неловкія выраженія, относительно ихъ не имѣющія ни малѣйшаго основанія. Конечно Гракхамъ отъ этого не больно; но дѣйствительно жалко видѣть это уваженіе только къ успѣху, и не уваженіе къ тому, что не удалось, именно частію благодаря высокой честности историческихъ дѣятелей. Напр. Каю Гракху онъ приписываетъ іезуитское правило, что цѣль освящаетъ средства. Говоря подобныя вещи, г. Леонтьевъ только роняетъ свою критику реформы

Гракховъ. Кай Гракхъ не только не сдѣлалъ, даже не сказалъ ничего, чтобы дало поводъ приписать ему это правило. Впрочемъ г. Леонтьевъ въ подобныхъ выраженіяхъ очевидно противорѣчитъ себѣ, потому что вообще и онъ называетъ Кая Гракха «истиннымъ патріотомъ, человѣкомъ далекимъ отъ всякаго эгоизма, желавшимъ блага Риму;» дальше говоритъ даже, что «нельзя не видѣть въ Гракхѣ высокаго благородства, нельзя не признавать его гениальности.» Что касается до гениальности, это все равно, пусть признаетъ или не признаетъ ее г. Леонтьевъ; а безукоризненную честность Гракха г. Леонтьеву не удастся запятнать ни однимъ обвиненіемъ. Это дѣйствительно мученикъ цивилизаціи, пожертвовавшій собою не въ минуту увлеченія, а обдуманнымъ образомъ подъ вліяніемъ высокихъ нравственныхъ принциповъ, которымъ онъ слѣдовалъ съ надеждою поднять нравственное и экономическое состояніе родины.

Что касается до критики реформы Гракховъ, которую дѣлаетъ г. Леонтьевъ, это собственно не критика; онъ даже не потрудился перечислить всѣхъ законовъ, предложенныхъ Гракхами; а взявъ нѣкоторые изъ нихъ, менѣе другихъ имѣющіе значеніе, и осудилъ ихъ тоже совсѣмъ не основательно. Напр. Кай Гракхъ предложилъ продажу бѣднымъ гражданамъ хлѣба по пониженной цѣнѣ. Нибуръ вполне оправдываетъ эту мѣру; но г. Леонтьевъ позволяетъ себѣ въ этомъ случаѣ большую самостоятельность: онъ не соглашается съ Нибуромъ и осуждаетъ этотъ законъ, впрочемъ весьма оригинально, — именно за то, что впоследствии стали раздавать хлѣбъ совсѣмъ безденежно. Хотя это совершенно противъ мысли Гракха, но г. Леонтьевъ этого разбирать не хочетъ и осуждаетъ за это Гракха. Я думаю, что я поступаю не менѣе основательно; если обвиню самого г. Леонтьева напр. за статьи г. Чернышевскаго или за нравственно-сатирическія статьи «Свистка.»

Изъ законовъ Гракховъ г. Леонтьевъ упоминаетъ и о самомъ важномъ, о надѣлѣ гражданъ неотчуждаемыми участками въ 30 югеровъ; разумѣется онъ осуждаетъ этотъ законъ; но опять даже не дѣлая вида, что разбираетъ его существенныя свойства и приложимость къ римскому государству въ свое время; такъ что произнесенный г. Леонтьевымъ въ концѣ статьи приговоръ, что реформы Гракховъ, если бы они удалась, не поправили бы дѣла, не покрѣпленъ у него ни однимъ доказательствомъ, ни однимъ подобіемъ доказательства. Это есть его личное мнѣніе, которое не обязательно ни для кого. Дѣйствительное же сравненіе законовъ Гракховъ съ положеніемъ дѣла въ ихъ время показываетъ, что Гракхи дѣйствительно принесли бы пользу, если бы противники ихъ не были люди

столь безчестные, что ихъ никто даже и не покушается оправды-
вать. Это были тѣ люди, которые такъ отличились во время войны
съ Югуртою, которые позволяли Югуртъ побѣждать римскія вой-
ска за деньги, и которые дали поводъ Югуртъ сказать, что не долго
наживетъ этотъ пролажный городъ Римъ. Югурта, какъ извѣстно,
не ошибся. Вотъ эти-то государственные мужи позволили себѣ всѣ
средства, чтобъ погубить Гракховъ и республику. А Гракхамъ бы-
ло бы легко, съ помощію народа, разогнать сенатъ, да они этого не
не сдѣлали. Товарищъ Кая Гракха, Флаккъ, далеко не имѣлъ того
вдѣянія, какое имѣлъ Гракхъ; а между тѣмъ и онъ могъ собрать
большую массу гражданъ для вооруженнаго сопротивленія сенату;
и разумѣется все-таки законность внѣшняя и внутренняя сиравед-
ливость были на его сторонѣ.

Положеніе дѣлъ при Гракхахъ было таково, что всякому граж-
данину оставалось изъ трехъ дорогъ выбирать одну. Если онъ не
думалъ объ общемъ дѣлѣ, то ему слѣдовало удалиться отъ дѣлъ,
чтобъ спасти по крайней мѣрѣ себя и свое семейство. Если онъ
не могъ отдѣлать своей судьбы отъ судьбы народа, и желалъ со-
дѣйствовать измѣненію общаго порядка дѣлъ къ лучшему, то онъ
могъ взяться за средства, дозволенные законами; въ такомъ случаѣ
для него вѣрнѣе всего было одно, что самъ онъ погибнетъ и ничего
не сдѣлаетъ, потому что неравнымъ оружіемъ сражаться нельзя.
Оптиматы, по праву насилія, попирали ногами всякіе законы; заста-
вить ихъ уважать законы, съ помощію тѣхъ же попираемыхъ и не
имѣющихъ никакой внутренней поддержки законовъ, было не воз-
можно. Кто хотѣлъ что нибудь сдѣлать, тотъ долженъ былъ стать
на одну доску съ своими противниками; долженъ былъ сражаться
одинакимъ оружіемъ съ ними и несвязывать себя тѣмъ, чѣмъ не-
связывали себя оптиматы. Впослѣдствіи до этого дошло; но съ тою
разницею, что тогда врагами оптиматовъ явились люди, или мало
понимавшіе потребность времени, какъ Марій, или такіе, для кото-
рыхъ общая польза была дѣломъ столь же чуждымъ, какъ и для са-
михъ оптиматовъ: къ такимъ принадлежали Катидина и Цезарь.
Если бы за тѣ же средства взялись Гракхи, они несомнѣнно шли бы
къ успѣху; даже они обошлись бы безъ многого, безъ чего не обо-
шелся Цезарь. Но результатъ ихъ успѣха былъ бы другой. Къ це-
заризму всегда были способны только такіе люди, которые въ рес-
публиканскихъ волненіяхъ играютъ второстепенную роль, которые
сначала слѣдуютъ за другимъ и всплываютъ на верхъ только своею
исполнительностью, люди, для которыхъ идея есть дѣло стороннее и
при случаѣ можетъ быть брошена въ сторону. Такъ изъ второстепен-
ныхъ дѣятелей, изъ хорошихъ исполнителей, поднялись Цезарь и

Бонапартъ. Люди одушевленные собственной мыслью, ими самими выработавною и влеченною, не исполнители, а мыслители и энтузиасты своей мысли, отъ цезаризма были далеки, какъ Брутъ, Тразибулъ, Эпаминондъ, Аратъ и первые дѣятели французской республики, фактически весьма смѣлые своими моральнымъ влияніемъ. И Моммсенъ напрасно думаетъ, что изъ конституціи Гракховъ могъ выйти цезаризмъ; никакихъ признаковъ будущаго цезаризма въ дѣятельности Кая Гракка нѣтъ. Что онъ хотѣлъ уничтожить значеніе аристократіи, Моммсенъ заключаетъ отсюда, что прежняя конституція пала бы. Но мысль Гракка была ясна; онъ хотѣлъ уничтожить значеніе незаконной аристократіи; при разеѣствѣ правъ гражданскихъ, которое de jure имѣло мѣсто, удаченіе отъ дѣлъ спекулятивныхъ семействъ оптиматовъ означало бы поле для людей болѣе честныхъ, въ которыхъ особенно былъ недостатокъ въ фамильныхъ оптиматовъ, и положеніе дѣлъ было бы исправлено: республика была бы спасена.

Вотъ важнѣйшіе законы, которые были предложены обоими братьями Гракхами.

Во первыхъ надѣленіе бѣдныхъ гражданъ землею, по 30 югеровъ. Это количество много больше того, сколько нужно для скромнаго сельскаго хозяйства; но тѣмъ не менѣе число это было весьма разумно опредѣлено. Во время Гракховъ римскіе граждане, познакоившись съ образомъ жизни другихъ народовъ, особенно грековъ, измѣнили свой старинный образъ жизни, — у нихъ явилось много потребностей, которыхъ они прежде не знали. Чтобы разнообразныя потребности могли быть удовлетворены, нужны были средства гораздо большія. Нужно было еще, чтобы граждане дорожили своими участками, чтобы они были нынѣ очень выгодны; нужно было частью увлечь ихъ въ реформу, частью, и гораздо больше, привязать ихъ къ новому порядку дѣлъ, который долженъ былъ вытти изъ реформы. Земля для этого была достаточно: оптиматы незаконно владѣли огромными помѣстьями, далеко превосходящими тѣ помѣстья, изъ которыхъ Лициній выдѣлялъ въ свое время участки бѣднымъ плебемъ. Изъ территоріи республики времянъ Лицинія едва можно было вырвать плебемъ по 7 югеровъ. Теперь, когда Римъ покорилъ всю Италію и многія страны внѣ Италіи, можно было вырвать по 30 югеровъ. Этою мѣрою Гракка создавалось новое земледѣльческое сословіе, которое должно было на своихъ плечахъ вынести будущую судьбу Рима, какъ земледѣльческое сословіе времянъ Лицинія вынесло на своихъ плечахъ прошедшую его судьбу. Что всего важнѣе въ этомъ законѣ, это то, что участки не могли быть отчуждаемы. Этою мѣрою благостояніе земледѣльческаго клас-

са прочно утверждалось: бѣдные граждане становились въ такое прекрасное экономическое положеніе, въ какомъ у насъ стоятъ казаки. Если не забыть при этомъ, что бѣдные граждане пользовались вполне политическими правами, то легко понять, что послѣ Гракховъ быть ихъ дѣйствительно было бы отлично устроено.

Не менѣе важна и другая мѣра — отнятіе судебной власти у сената и передача ея къ всадникамъ. Этою мѣрою прекращались всѣ беззаконія сенатскихъ чиновниковъ въ провинціяхъ, прекращалось беззаконіе богатыхъ оптиматовъ относительно ихъ бѣдныхъ сосѣдей, прекращалось то насильственное захватываніе чужихъ участковъ, о которомъ впрочемъ не можетъ не сожалѣть г. Леонтьевъ. Ваяточничество сенатскихъ судей переступало всѣ границы, народъ начиналъ изъ-за нихъ презирать и ненавидѣть весь сенатъ, который дѣйствительно, не имѣя надъ собою контроля, превзошелъ, въ несоблюденіи законовъ, всѣ извѣстныя въ исторіи легальныя правительства. Передача судебной власти всадникамъ ставила рядомъ съ сенатомъ независимое сословіе, столь же могущественное, какъ самое сословіе сенатскихъ фамилій. Выходилъ взаимный контроль двухъ сословій, отъ котораго кромѣ пользы ждать ничего было нельзя, особенно послѣ беззаконій прежняго времени. Впрочемъ судъ всадниковъ, не только сравнительно съ судомъ сената, но и абсолютно былъ хорошъ. Цицеронъ, противникъ реформы Гракховъ и почти современникъ ея, говоритъ (въ рѣчи противъ Верреса), что судъ всадниковъ, во все продолженіе своего существованія, отличался безкорыстіемъ. На это и рассчитывали Гракхи.

Чрезвычайно важною мѣрою было то, что Кай Гракхъ предложилъ дать право римскаго гражданства всѣмъ латинцамъ и союзное право всѣмъ итальянцамъ. Требованіе было справедливо. Что касается до пользы, которой можно было ждать отъ этой мѣры, сомнѣваться въ ней невозможно. Она привязывала къ судьбѣ Рима все населеніе Италіи и преимущественно населеніе Лаціума. Съ этой поры должно было кончиться то справедливое нерасположеніе къ римлянамъ, которое питали къ нимъ жители Италіи. Эта мѣра избавила бы Римъ отъ послѣдовавшей вскорѣ войны съ жителями Италіи, такъ называемой войны союзнической. Римляне принуждены же были уступить итальянцамъ право гражданства; но это было сдѣлано поздно, когда, благодаря уничтоженію плановъ Гракховъ, дѣло было разстроено окончательно. По мысли Гракховъ эта мѣра должна была дополнять общую реформу, которая въ цѣломъ, обнимая всѣ отрасли общественной жизни, совершенно замѣнила бы направленіе римской исторіи. Г. Леонтьевъ удивляется и сожалѣетъ, что Римъ не дошелъ до представительной системы. Да

какъ же ему было и дойти, если въ то время, когда была возможность этого, послѣ войнъ, оптиматы задушили мысль, изъ которой могла выйдти представительная система, а г. Леонтьевъ при томъ находить оптиматовъ правыми. Вѣдь въ исторіи въ самомъ дѣлѣ по щучьему велѣнію ничто не дѣлается. Учрежденія развиваются одни изъ другихъ; это нѣчто органическое, что въ себѣ самомъ носитъ условія дальнѣйшаго развитія, которое дѣйствительно и совершается, если враждебныя, антисоціальныя причины неостанавливаютъ его. Представительная система есть удѣлъ новой исторіи, потому что государства новыя начались не такъ, какъ государства Греція и Римъ. Тамъ государство состояло только изъ города. Римъ или Аѳины не были центромъ государства, а они-то сами и составляли государство; все, что было внѣ ихъ, составляло чисто механическую прибавку къ государству, привязанную къ нему оружіемъ; тогда какъ новыя государства состоятъ изъ цѣлыхъ однородныхъ странъ. Они начали свое существованіе не въ видѣ одного города, а въ видѣ цѣлой, большею частью, значительной территоріи. Сущность новыхъ государствъ не въ центрахъ ихъ, столицахъ, а въ самой территоріи и ея жителяхъ. Центры новыхъ государствъ сами составляютъ часть государства, весьма неважную по своему значенію; не центры притянули къ себѣ территорію государства, а сами образовались на ней; органическая часть новыхъ государствъ состоитъ въ территоріи и ея населеніи, и центръ есть нѣчто, образовавшееся изъ этого организма. Потому разумѣется въ новыхъ государствахъ легко образовалась представительная система, такъ какъ не могли же всѣ жители, напримѣръ Франціи, собраться со всѣхъ концовъ государства для обсужденія общихъ дѣлъ. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ это было возможно, и неудивительно, что даже въ Римѣ не дошло до представительной системы, потому что, когда права жителей разныхъ областей римскаго государства сравнивались, всѣ они уже были безъ правъ; это было больше равенство отсутствія правъ, нежели въ самомъ дѣлѣ равенство правъ. Во время Гракховъ было не то. Они хотѣли поднять права народа и законы, поправныя оптиматами; при этомъ хотѣли распространить права народа мало по малу на всѣхъ жителей римскаго государства, начиная съ латинцевъ. Отъ этой мѣры, при экономическомъ благоустройствѣ, при законности во всей общественной жизни, необходимо должно было слѣдовать представительное начало. Г. Леонтьевъ сожалѣетъ объ отсутствіи этого начала и между тѣмъ осуждаетъ мѣру, которая могла и должна была вести къ нему, и людей, которые предложили ее. По счастью г. Леонтьевъ не судьба, и приговоры его подвержены апелляціонному суду на основаніи фак-

товъ и дѣйствительныхъ экономическихъ теорій, а не на основаніи теоріи *laissez faire, laissez passer*, какъ при томъ понимаютъ ее Бастья и самъ г. Леонтьевъ, не безпристрастный судья людей, муштрующихъ жизнь.

Грачки дѣйствительно хотѣли сдѣлать всестороннюю разумную реформу. Приведенные три закона ихъ имѣли цѣлью возобновить здоровые элементы государственной жизни посредствомъ образованія крѣпкой массы земледѣльческаго населенія перѣзкою неотчуждаемыхъ участковъ, посредствомъ приведенія въ равновѣсіе двухъ вліятельныхъ сословій—сенаторскаго и всадниковъ, рядомъ съ которыми должно было стоять народное собраніе, усиленное аттичъ прекраснымъ населеніемъ Лациума, которое такъ хорошо дѣлалось всегда въ исторіи особенно во время союзнической войны. Ветированье народнаго собранія было гарантировано противъ вліанія всадниковъ измѣненіемъ порядка вотированія отдѣльныхъ классовъ. Богатыя центурии должны были перестать первыя подавать голоса и увлекать за собою остальныхъ бѣдныя центурии. Грачки все предусмотрѣли. Чтобъ избавить дѣятелей изъ среды народа отъ легальнаго мщенія сенатскихъ семействъ, слѣдовательно отъ ихъ вліанія, право провокаціи было разширено, а у консуловъ отнята власть даже во время войны казнить смертью гражданъ. Такимъ образомъ будущіе дѣятели изъ среды народа могли противодѣйствовать беззаконіямъ сената, если бы они возобновились, не боясь его мщенія во время похода.

Кая Гракха г. Леонтьевъ упрекаетъ, какъ уже сказано, за его законъ о дешовой продажѣ хлѣба бѣднымъ гражданамъ. Г. Леонтьевъ упрекаетъ его главнымъ образомъ за то, что потомъ стали раздѣлывать хлѣбъ совсѣмъ безденежно. Разумѣется это послѣднее обвиненіе—можно оставить между Каемъ Гракхомъ и г. Леонтьевымъ. Но г. Леонтьевъ недоволенъ и дешовою продажей хлѣба, не смотря на то, что Нибуръ оправдываетъ ее, находя въ пей явчю въ роуѣ англійской таксы для бѣдныхъ. Дюро де ла Маль тоже находитъ большое сходство между такою для бѣдныхъ и дешевой продажей хлѣба по закону Кая Гракха. Но Дюро де ла Маль оправдываетъ этотъ законъ потому, что онъ былъ необходимъ, потому что противъ необходимости идти было нельзя, а необходимость вытекала прямо изъ того, что оптиматы завладѣли всѣми землями въ ущербъ бѣднымъ гражданамъ. Гракху надо приписать еще въ заслугу, что онъ нашолъ возможнымъ остановиться только на дешовой продажѣ, а не пошелъ до раздачи. Впослѣдствіи императоры, при всемъ ихъ всемогуществѣ въ государствѣ, ничего не могли сдѣлать противъ этой необходимости, хотя и видѣли, что раздача хлѣба страшно

обремененія финансы. Если у гражданъ отнята была возможность трудомъ добывать пропитаніе, ихъ нужно было кормить, тѣмъ болѣе, что они никакъ не могли забыть того, что предки ихъ завоевали весь міръ, и что предкамъ ихъ Римъ и римляне были обязаны всемъ своимъ богатствомъ. Самъ г. Леонтьевъ приводитъ разсказъ изъ Светонія, что императоръ Клавдій едва былъ спасенъ отрядомъ солдатъ отъ ярости народной изъ-за недостатка въ хлѣбѣ. Вотъ какъ о себѣ думалъ римскій народъ почти черезъ 200 лѣтъ послѣ Гракховъ, послѣ 100 лѣтъ власти императоровъ, да какихъ еще императоровъ. Дешовая продажа хлѣба тѣмъ менѣе можетъ быть вѣнана въ упрекъ Гракху, что она была въ употребленіи еще прежде, и что ему нужна была поддержка бѣдныхъ гражданъ для исполненія плановъ, которые касались тѣхъ же бѣдныхъ гражданъ и всего народа римскаго. За это также упрекаетъ г. Леонтьевъ обоихъ Гракховъ, что они искали поддержки въ бѣдныхъ гражданахъ, въ черни, какъ онъ ихъ называетъ. Привизываться къ выраженіямъ не слѣдуетъ, и я не сказалъ бы ни слова противъ черни г. Леонтьева, хотя это выраженіе сильно смахиваетъ на черную кость, противопологаемую бѣлой кости у калмыковъ или у какой-то другой монгольской орды. Иногда даже названіе черни весьма прилично толпѣ, которая своею массою (матеріальною) хочетъ подавить честную мысль, идущую не изъ массы и противную ея неправымъ интересамъ. Но въ такомъ случаѣ чернь отличается отъ не черни не отсутствіемъ состоянія, приличной одежды, а отсутствіемъ внутренняго человѣческаго достоинства. А чѣмъ отличались бѣдные граждане времени Кая Кракха отъ богатыхъ, отъ сенатскихъ семействъ? чѣмъ сенаторы превосходили тогда эту толпу, которая собиралась на площади? Ничѣмъ другимъ существеннымъ, кромѣ большаго отсутствія человѣческаго достоинства. Во всемъ сенатѣ и во всемъ сенатскомъ сословіи и даже въ его партизанахъ не явился ни одинъ человѣкъ, который бы даже свои неправые сословные и личные интересы защищалъ честнымъ образомъ. А между тѣмъ, на площади нашлось три тысячи человѣкъ, которые не струсили передъ вооруженною силою Опимія, не сдались на амнистіи сената и не измѣнили дѣлу добра, которое защищали честнымъ образомъ. И какіе это были граждане! Плутархъ описываетъ ночь, которую часть ихъ провела передъ домомъ Кая Гракха, когда сенатъ рѣшился на насиліе; такую ночь могли проводить только люди, одушевленные высокою идеей, какъ въ послѣдствіи первые крестоносцы или вонны Густава Адольфа, или ополченіе Минина. Вскорѣ потомъ среди этой черни нашлись два человѣка, которыхъ достало на то, чтобы принести себя на очевидную жертву, на явную смерть для спасе-

нія Гракха, тогда какъ сенатъ принужденъ былъ оцѣнить голову Кая Гракха, но и тутъ еще не обошлось безъ черты совершенства въ духѣ оптиматовъ того времени. Тотъ, кто принесъ голову Гракха, налилъ въ нее свинцу, чтобъ она больше вѣсила, и получалъ сумму вѣса головы золотомъ, какъ было обѣщано сенатомъ. и замѣчательно, что это сдѣлалъ кто-то изъ оптиматовъ, изъ людей извѣстныхъ, другъ консула Олимпія, потомучто дальше Плутархъ прибавляетъ, что за другую голову, оцѣненную сенатомъ, денегъ не получилъ тотъ, кто принесъ ее, потомучто это былъ *человѣкъ темный*. Этотъ маленькій случай относительно платы за отрубенныя головы я нарочно представляю, потомучто онъ хорошо характеризуетъ всю эпоху, всѣ отношенія Рима, между сенатомъ, сенатскими фамиліями, бѣдными гражданами и ихъ защитниками. Головы защитниковъ народа приносятъ къ знати, но тѣ, которые привесли ихъ, не желаютъ ничего кромѣ денегъ. Оптиматъ дѣлаетъ обманъ, но имѣетъ отъ него большія выгоды. Знать или обманута этимъ оптиматомъ или смотрѣла сквозь пальцы на его обманъ. Но бѣднякъ, который повѣрилъ знати и принесъ голову своего защитника, не получилъ ничего: онъ обманутъ знатью. Это вся исторія Гракховъ въ мнѣшнѣнурѣ.

Во всякомъ случаѣ, если судить объ одноштатномъ достоинствѣ двухъ партій, не смотря на то, что и между бѣдняками были такіе, которые были не прочь принести головы своихъ защитниковъ за денги, все-таки между ними были и такіе, которыхъ Гракхи по справедливости предпочли знати. Если можно было только сдѣлать что-нибудь, то не иначе, какъ съ помощью народа, и упрекъ Гракхамъ за то, что они обратились къ народу, не имѣетъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что самое предложеніе закона въ народномъ собраніи ничего противуконституціоннаго въ себѣ не имѣло. Притомъ, какъ самъ г. Леонтьевъ говоритъ, Тиберій Гракхъ былъ не прочь перенести дѣло въ сенатъ, и дѣйствительно перенесъ; но, такъ какъ сенатъ только хитрилъ, то онъ обратно перенесъ его къ народу. Гракхамъ ничего дѣйствительно не оставалось дѣлать, какъ обратиться къ бѣдному народу, которому Кай Гракхъ счелъ нужнымъ продавать хлѣбъ по уменьшенной цѣнѣ, по примѣру прежнихъ временъ и по настоятельной необходимости, противъ которой идти онъ не могъ. Притомъ дешовая задача хлѣба была предложена имъ какъ временная мѣра, потомучто все его законодательство имѣло цѣлью сдѣлать ненужною всякую помощь бѣднымъ гражданамъ со стороны государства. А, какъ временная мѣра, продажа хлѣба по уменьшеннымъ цѣнамъ допускалась и въ наше время въ государствахъ, наиболѣе цивилизованныхъ. Какъ временная мѣра, продажа

дѣла по дешовымъ цѣнамъ, даже раздача даровая, могутъ быть осуждены только экономистами французской оффиціальной школы и ихъ подражателями, понимающими фразу *laissez faire, laissez passer*, какъ право правительства смотрѣть, сложа руки, какъ нѣкоторые, среди народа умирають съ голоду, оставлять дѣла какъ они идутъ, *laissez passer, laissez mourir de faim*. Это право очень свокоиво, но не всякій его приметъ. Чтобъ проповѣдывать его и даже принять, для этого надобно сначала къ нему привыкнуть, поучиться въ школѣ фабрикантовъ, эксплуатирующихъ законнымъ образомъ своихъ работниковъ или американскихъ плантаторовъ на основаніи самаго крѣпкаго положительнаго права обрабатывающихъ свои земли неграми.

Вообще законы Гракховъ, какъ и эти прекрасныя личности двухъ братьевъ, мучениковъ цивилизаціи, не могутъ подвергнуться ни одному упреку. Тиберій и Кай Гракхи составляютъ самое свѣтлое явленіе во всей вообще исторіи. Исходя изъ нравственныхъ и политическихъ принциповъ, выработанныхъ ими самими на основаніи здраваго воспитанія, которое они получили, на основаніи тогдашней науки и тогдашняго образованія, изъ котораго они воспользовались только лучшимъ здоровою стороною, они совершили подвигъ въ родѣ тѣхъ, на которые были способны только люди, одушевленные религиозною идеею. Будучи людьми высоко образованными, они не сочинили или не вообразили, что находятся въ сношеніяхъ съ міромъ метафизическимъ, какъ это сдѣлалъ потомъ Аполлоній Тіанскій, или Магометъ. Но въ этомъ и заключается ихъ нравственное превосходство передъ подобными людьми; хотя въ этомъ же заключается и невыгода ихъ положенія, потому что народъ больше вѣритъ тому и больше поддерживаетъ того, кто выдаетъ себя за что-то высшее, особенное, метафизическое или какое другое. Поэтому-то даже въ такія времена, когда нельзя обмануть толпу своими метафизическими свойствами, многіе старались окружить свою персону какою-то высшею атмосферою качествъ, если не метафизическихъ, то все-таки выше человѣческихъ: то высшаго пониманія, то высшаго происхожденія, то высшаго образованія и т. п., смотря по сферѣ дѣятельности. И среди толпы находились всегда люди, которымъ было выгодно принять и проповѣдывать остальнымъ эти высшія качества немногихъ или даже одного, дѣлавшагося въ такомъ случаѣ кумиромъ, и превосходившаго прочихъ смертныхъ только недобросовѣстностью, да искусствомъ въ обманѣ.

Гракхамъ, если чего не доставало, то именно этой недобросовѣстности и способности обманывать. Но за это, надѣюсь, никто вслухъ ихъ не осудитъ. Кто хочетъ непременно осудить ихъ, пусть прин-

скиваетъ другія причины. Самъ г. Леонтьевъ, если осуждаетъ ихъ, то какъ-то невольно, по неосторожности, заспорившись. За то онъ съ пожиманъ испымъ убѣжденіемъ говоритъ, что законы Гракховъ не вывели бы болѣзней римскаго общества, не приволя на это, какъ уже сказано, ни одного доказательства, даже подобія доказательства. Или нѣтъ — есть у г. Леонтьева одно доказательство. Онъ говоритъ, что смѣшно было бы ждать какого нибудь успѣха отъ реформы Гракховъ, когда они состояли въ изданіи законѣвъ. Издать законѣвъ, говорить онъ, чтожъ это такое? Тутъ ничего особеннаго не требуется, «никакой геніальности», взялъ да издалъ. Но г. Леонтьевъ самъ же и опровергнулъ это доказательство въ другомъ мѣстѣ, когда онъ, вѣроятно забывши объ этой геніальности, необходимо условіи всякаго успѣха, не отказалъ Каю Гракху именно въ геніальности. Такъ отсутствіе геніальности не могло быть препятствіемъ для успѣха реформы Гракховъ. Да и будто въ самомъ дѣлѣ что нибудь особенное нужно, чтобы провести мѣру полезную для общественной жизни? Будто вслѣдъ, кто будетъ развивать и предлагать что нибудь полезное обществу, долженъ подвергнуться упреку въ наглости, въ томъ, что онъ считаетъ и выдаетъ себя за генія, позволяя себѣ судить о потребностяхъ общества впереди другихъ? И будто «Русскій Вѣстникъ» считаетъ геніемъ автора статьи, который предлагалъ продажу государственныхъ земель? Будто наконецъ г. Леонтьевъ потому только рѣшился проповѣдывать извѣстное ученіе въ своей статьѣ, что онъ геній и сознаетъ свою геніальность? А въ статьѣ г. Леонтьева есть ученіе, есть практическіе уроки, какъ это можетъ быть читатель замѣтилъ изъ этой статьи. Это гораздо замѣтнѣе въ его собственной статьѣ: въ ней г. Леонтьевъ прямо говоритъ, что онъ занялся изученіемъ земледѣльческихъ классовъ, потому что у насъ самихъ теперь на очереди важнѣйшій вопросъ, касающійся земледѣльческихъ классовъ; что намъ нужны уроки исторіи. Избави Богъ отъ приложенія къ намъ теоріи г. Леонтьева. Она не годится нигуда сама по себѣ, а особенно въ отношеніи къ намъ. Г. Леонтьевъ, говоря его словами, хочетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ муштровать жизнь и въ наше русское общество ввести учрежденіе, которое погубило Римъ, и изгнать изъ него то, что сложилось въ камнѣ, что срослось съ русскою натурою и избавляетъ насъ отъ извы запада — пролетаріата. Г. Леонтьевъ — почитатель англійскихъ учрежденій. Но уже выше сказано, что и Англія не очень-то цвѣтетъ; что мнѣлой бѣдныхъ, получающихъ вспоможеніе, не очень утѣшительное явленіе. Но пусть вспомнитъ г. Леонтьевъ, что Англія имѣетъ еще до сихъ поръ прекрасный громоотводъ, Соединенные Штаты, которые берутъ отъ нея всѣ опасныя элементы. Только въ этомъ столѣтіи,

даже только отъ 1815 г. изъ Англіи выѣхало въ Америку 4,700,000 человекъ. Не угодно ли г. Леонтьеву представить, что эти 4,700,000 не уѣхали въ Америку, а продолжали жить въ Англіи и даже размножались. Вѣдь это были бѣдняки, изъ которыхъ многіе свою ненависть къ англійскимъ учрежденіямъ увезли съ собою и въ Америку; и это не одни ирландцы, которыхъ тоже презирать не слѣдуетъ; тутъ есть 1,500,000 собственно англичанъ. Вѣдь Англія не была бы такъ спокойна, и не цвѣла бы такъ, какъ теперь, если бы эти люди вставали въ ней. Пять милліоновъ человекъ не согласятся жить подальше, какъ скоро осматрятся и увидятъ, что ихъ пять милліоновъ, и ширьша парламентскія реформы, напр. реформа хлѣбныхъ законовъ, можетъ быть не были бы такъ ширны при пяти милліонахъ голодныхъ людей; равно и коалиціи работниковъ были бы не ограничили бы насильственнымъ выжиданіемъ прибавки заработной платы.

Г. Леонтьевъ выставляетъ, какъ одно изъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на неудачу реформы Гракховъ, то, что революціонный духъ овладѣлъ римскимъ обществомъ. «Время, говоритъ онъ, было дурное; время было революціонное. Раздражительная запальчивость заражала воздухъ и почти безсознательно влекла людей къ признанію возмутительнаго правила, что цѣль освящаетъ средства». Это онъ говоритъ на счетъ Кая Гракха, который не позволилъ себѣ даже слова противозаконнаго. Это, какъ уже замѣчено, сказано г. Леонтьевымъ невольно; и самъ онъ въ сущности Кая Гракха не считаетъ человекомъ съ такими іезуитскими правилами. Къ оптиматамъ эти слова могли бы быть отнесены, но не исполнѣ; потому что у нихъ и цѣль была дурная и средства такіа же. Но г. Леонтьевъ не признаетъ революціонерами оптиматовъ, а изъ Гракховъ только Тиберію можетъ поставить въ упрекъ то, что онъ лишилъ одного изъ трибуновъ его достоинства; но до революціи тутъ еще далеко, и изъ этого факта ничего и не произошло; самъ Тиберій Гракхъ дальше пошелъ, и первую кровь прѣлили, первую междоусобную войну начали тѣ же оптиматы, убившіе Тиберія Гракха, по предлогу, который самъ г. Леонтьевъ называетъ наглою ложью! Да наконецъ, если г. Леонтьевъ всмотрится въ прежнія реформы, то онъ тамъ найдетъ факты, которые выѣютъ болѣе революціонный характеръ, а между тѣмъ онъ прежнія реформы называетъ исполнѣ законами. О времени Гракховъ сохранилось много новѣстій; даже новѣстны ихъ слова, даже ихъ жесты, ихъ привычки и даже страстности; и потому, стараясь отыскать въ нихъ что-нибудь не конституціонное, не трудно наконецъ найти что-нибудь. Но о древнемъ времени мы не имѣемъ такихъ новѣстій; а между тѣмъ сохрани-

лись тоже нѣкоторыя извѣстія, нелишонныя смысла. Напр. очень походить на правду, что Лициній хотѣлъ употребить насиліе даже противъ диктатора; а что онъ убѣждалъ народъ не повиноваться ему, въ этомъ можно не сомнѣваться, потому что диктаторъ (Камиллъ), хотѣвшій сначала сопротивляться Лицинію и грозившій народу, вскорѣ уступилъ, и даже на его мѣстѣ оказался тотчасъ же другой диктаторъ. Тутъ что-то есть? А потомъ, пусть г. Леонтьевъ подумаетъ хорошо о своихъ собственныхъ словахъ. Послѣ отшествія народа на священную гору, говоритъ онъ, «патриція принуждены были согласиться на всеобщее банкротство». Видь всеобщее банкротство такая вещь, которую никакая революція не санкціонировала. Всеобщее банкротство есть прямое нарушение законовъ о собственности, которые обыкновенно аттануются послѣдніе и защищаются всего крѣпче. Въ защитѣ ихъ обыкновенно даже красные революціонеры дѣлаются самыми несговорчивыми консерваторами. И вотъ такая-то революція чисто коммунистическая совершилась еще въ началѣ республики, а г. Леонтьевъ только похваливаетъ въ этомъ случаѣ *«характеристическую умѣренность плебеса»*.

Такимъ образомъ г. Леонтьевъ и тутъ не сохранилъ безпристрастія. Незавѣстно, за что онъ такъ не расположенъ ко времени Гракховъ, не отказывая въ своемъ сочувствіи времени законовъ Лицинія и отшествія народа на священную гору. Ему бы хотѣлось можетъ быть, чтобъ Гракхи поступали въ родѣ того, какъ 2000 лѣтъ послѣ поступалъ Кобденъ. Но Кобденъ дѣйствовалъ на твердой почвѣ: ему можно было опереться на законы, которые въ Англіи хорошо соблюдаются. А когда въ Англіи законы не соблюдались, то тамъ произошли событія 1649 и 1688 г., которые нѣсколько отличаются отъ движенія, произведеннаго Кобденомъ, в которыхъ имѣли те результаты, что законы стали исполняться такъ, что Кобденъ могъ освободить отъ пошлинъ ввозимый хлѣбъ.

Возгласы г. Леонтьева относительно дурнаго времени, революціоннаго времени показываютъ только одно, что онъ не далъ себѣ труда взглянуть попристальнѣе въ историческія событія, изъ которыхъ онъ извлекаетъ уроки для настоящаго времени. Прежде у ученыхъ былъ подобный обычай, который однако давно вышелъ изъ употребленія. Покойникъ Кайдановъ, ординарный профессоръ не знаю какого заведенія, излагая свою всеобщую исторію, имѣлъ чудесное средство, которымъ объяснялъ упадокъ всѣхъ государствъ безъ исключенія. Когда доходилъ до упадка, онъ обыкновенно говорилъ, что наконецъ роскошь и развращеніе нравовъ мало по малу стали входить въ то или другое государство и оно начало ослабѣ-

вать. Не правда ли, коротко и ясно, а главное очень легко. У г. Леонтьева таже метода, только слова другія; время, говорить охъ дурное, время революціонное, и дѣлу конецъ. А оказывается, что и другія эпохи реформъ, которымъ г. Леонтьевъ сочувствуетъ, были тоже временемъ дурнымъ, временемъ революціоннымъ, даже еще больше. Если г. Леонтьевъ оглянется назадъ въ исторію, то онъ вездѣ увидитъ тоже самое; всегда полезныя реформы впереди себя нѣсли время смуть; конечно это не хорошее время, тѣмъ не менѣе, если партіи реформы удавалось одержать верхъ,—это дурное время означивалось. Такъ передъ реформою Солона въ Аѣнахъ были большіе безпорядки, несоблюденіе законовъ, тиранія Килона; а отъ Килона народъ освободился, нарушивъ самое священное право въ Греціи, право на защиту гонимыхъ въ священныя мѣстахъ; такова была раздражительная запальчивость, которая можетъ быть тоже послылась въ воздухѣ. Передъ реформою Ликурга было то же самое: сартанцы дрались между собою среди города; отецъ Ликурга, царь, самценная особа въ Спартѣ, былъ убитъ на млощадн. Опять, стало быть, раздражительная запальчивость въ воздухѣ. Вообще, если есть потребность реформы, это даетъ себя знать напередъ въ смутахъ, и смуты бывають сильнѣе, если есть потребность реформы экономической. Реформа Граковъ, какъ реформы Солона и Ликурга, соединила въ себѣ характеръ политическій съ характеромъ экономическимъ. Неудивительно, что и въ ней не обошлось безъ смуть, не смотря на желаніе обохъ братьевъ нати путемъ законности. Реформа не удалась, именно благодаря тому, что они все-таки не хотѣли отступить отъ законности; но это не значитъ, что она не могла удалась; еще меньше можно сказать, чтобъ она была безполезна.

Въ подрѣпленіе своей мысли о реформѣ Граковъ, я приведу сужденіе одного дѣйствительно компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ и даже авторитета. У насъ къ сожалѣнію авторитетъ еще очень много значить, благодаря поверхностному вниманію публики даже къ вопросамъ, которые ее повидимому интересуютъ. Да наконецъ и наши авторитеты крѣпко защищаютъ свои права не доказательствами, а ученою степенію, должностію и т. п. Потому считаю весьма умѣстнымъ привести мнѣніе Дюро де ла Малья о законахъ Граковъ. Дюро де ла Малья во первыхъ членъ французскаго института и притомъ не академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ, а потомъ онъ посвятилъ себя исключительно на историко-экономическое изученіе римскаго быта. Главное его сочиненіе *Economie politique des Romains* (Paris 1840, 2 тома). Это дѣйствительно замѣчательное сочиненіе, гдѣ авторъ показалъ необыкновенную ученость, знакомство

съ латинской литературой и при этомъ добросовѣстность, которая проглядываетъ въ каждой строкѣ. Вотъ, что пишетъ Дюро де ла Мала о законахъ Гракховъ въ заключеніи своихъ изслѣдованій.

«Возстановленіе закона Лициніева, предложенное Тиб. Гракхомъ, было единственною мѣрою, которая могла спасти республику въ то время; такъ какъ рабство богатыхъ или еще не съ давняго времени и были противозаконны, то эта мѣра, не заключающая въ себѣ никакого испроверженія общества, возстановила между тремя сословіями государства равновѣсіе поземельнаго владѣнія, богатства и политическаго значенія, равновѣсіе, необходимое для ихъ гармоническаго дѣйствія; потому, вмѣсто того, чтобы смертвѣть на Гракховъ, какъ на матеежниковъ, въ нихъ нужно видѣть государственныя люди, которые шли самыя справедливыя и обширныя виды на природу общества и римскаго правительства».

«Олигархія, движимая низкими личными расчетами, испропоргая насильемъ законы Гракховъ, умерщвляя (assassinant) неприкосновенное должностное лицо, давая первый примѣръ междоусобной войны и проскрипцій, нанесла смертельный ударъ и республикѣ и своему могуществу, которое съ времени этого преступленія было безпрестанно потрясаемо смутами, возмущеніями и несправедливыми честолюбивыми предводителями, которые льстили народу или подкупали его, чтобы подвять его противъ власти». (Т. II. 321.)

Вотъ до какихъ результатовъ дошолъ ученый, серьезно занимающійся изученіемъ экономическаго быта. Кто хочетъ дѣйствительно узнать судьбу земледѣльческихъ классовъ Рима, и вообще экономическую сторону жизни, тому слѣдуетъ познакомиться съ книгою Дюро де ла Мала. Огромная масса извлеченій изъ латинскихъ писателей, глубокомысленныя соображенія и, особенно, вполне всестороннее изученіе политической экономіи римлянъ вознаграждаетъ читателя его книги. Трудъ Дюро де ла Мала именно принадлежитъ къ разряду тѣхъ историко-экономическихъ изслѣдованій, которые стали возможны только въ этомъ столѣтіи, и надобно признаться, въ полномъ въ высшей степени добросовѣстности, а средства автора были вполне достаточны для такого труда.

Мнѣніе Дюро де ла Мала вполне раздѣляетъ другой писатель, взявшій на себя высокую задачу рѣшить *проблему бѣдности*, Моро Кристофъ. (*) Моро Кристофъ привился за свое дѣло съ полнымъ

(*) Du problème de la misère et de sa solution chez les peuples anciens et modernes. 3 тома. Другія сочиненія Моро Кристофа имѣютъ задачи очень близкія къ этой: всѣ они составляютъ экономико-историческія изслѣдованія о судьбѣ бѣдныхъ классовъ и преступниковъ въ древнихъ и новыхъ государствахъ.

одушевленіемъ къ нему; но безъ того презрѣнія къ исторіи, которое есть у дѣлъ многихъ писателей слишкомъ идеальныхъ, которые, воображая всѣхъ людей способными къ самоотверженію, не смотря на свои очевидно добрыя намѣренія, много повредили успѣхамъ экономическихъ наукъ въ общественной жизни вообще, проповѣдая ученія, слишкомъ не ладящія съ природою челоуѣка и съ исторіею. Моро Кристофъ не оторвался отъ исторіи; напротивъ, чтобъ его собственное мнѣніе имѣло большаю вѣдноту и крѣпость, и чтобъ облегчать другимъ рѣшеніе той же задачи, онъ прослѣдилъ во всей исторіи, начиная отъ евреевъ до нашего времени, причины бѣдности, степень ея и виды, слѣдствія и средства, которыя употреблялись у разныхъ народовъ для уничтоженія ея. Книга чрезвычайно любопытная и необходимая для хорошаго экономического пониманія исторіи. Моро Кристофъ говоритъ и о Грабжахъ; не такъ подробно, какъ Диуро де ла Малья, потому что предметъ его сочиненія гораздо шире, а объемъ немного больше; но, за то, знакомство съ явлениями и причинами бѣдности у другихъ народовъ, привычка смотрѣть на явленія именно этого рода, даетъ большую вѣрность и крѣдость его сужденіямъ о проявленіяхъ бѣдности у отдаленныхъ народовъ.

О реформѣ Грабковъ Моро Кристофъ думаетъ, что въ ней заключалось единственное спасеніе римскаго общества, и что она не удалась только благодаря крайнему своекорыстію оптиматовъ и ихъ безчестными дѣйствіямъ. Моро Кристофъ тоже внатокъ своего дѣла и въ утопіи его, какъ и Диуро де ла Малья, подозревать нельзя, потому что онъ получилъ премію за свое сочиненіе изъ академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ.

Объемъ этой статьи не позволяетъ слѣлать выписки, ни изъ Моро Кристофа, ни изъ Диуро де ла Малья. А это было бы очень полезно, особенно слѣлать извлеченія изъ Диуро де ла Малья. Потому мы позволимъ себѣ привести еще нѣкоторыя его мнѣнія:

О латифундіяхъ онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе Плинія, что онѣ погубили и Италію, и провинція. Онъ думаетъ, что скопленіе поземельной собственности въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ было главною причиною, разстроившею экономическую бытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю общественную жизнь римлянъ, и причину этого видятъ не въ томъ, что поземельная собственность скопилась во владѣніи знати насиліемъ, а въ томъ, что она лишила экономической независимости и даже вообще средствъ къ жизни большинства римскихъ гражданъ.

Мнѣніе г. Леонтьева объ этомъ предметѣ весьма любопытно. Онъ признаетъ, что латифундіи погубили Римъ, но ограничиваетъ:

эту мысль самым оригинальнымъ образомъ. Латифундіи, говоритъ онъ, потому погубили Италію, что они были дѣломъ насилія, а не естественнаго хода дѣла. Но во-первыхъ, будто это не все равно? Если я пойду по улицѣ и въ меня съ крыши дома бросятъ, какъ въ Пирра, камень; да бросятъ очень ловко, — мнѣ будетъ больно; но не потому, что мнѣ сдѣлали насиліе, а потому, что камень попалъ мнѣ въ голову; точно также мнѣ будетъ больно, если въ меня попадетъ камень, который оторвется отъ карниза высокаго дома или отъ трубы; это тоже иногда случается, хотя въ такомъ случаѣ камень падаетъ совершенно только вслѣдствіе естественныхъ законовъ природы, вслѣдствіе притяженія земли и слабого сцѣпленія отломившихся частицъ камня съ карнизомъ или съ трубою. Дѣло въ томъ, что когда вредны результаты какого нибудь явленія, то о причинахъ ихъ нечего и говорить, все равно какія бы онѣ ни были. Если скопленіе поземельной собственности вредно во всякомъ государствѣ, а особенно въ государствѣ чисто земледѣльческомъ, не богатомъ капиталами, или такомъ, гдѣ неразвита мануфактурная дѣятельность не требуетъ даже и существующихъ капиталовъ, то все равно, скопляется ли она насиліемъ или съ соблюденіемъ юридическихъ формъ: скопленіе остается вреднымъ въ томъ и въ другомъ случаѣ. Причины подобныхъ явленій тоже должны быть изслѣдованы, но только за тѣмъ, чтобы не допускать ихъ дѣйствія въ аналогическихъ обстоятельствахъ, а не затѣмъ, что нашедши причину вреднаго вліянія въ одномъ случаѣ, увѣрять, что явленіе перестаетъ быть вреднымъ, если производится другими причинами, какъ это сдѣлалъ г. Леонтьевъ, на основаніи какой логики, это ему одному должно быть извѣстно.

Но этого мало, г. Леонтьевъ ошибся не въ этомъ одномъ. Онъ ошибся еще въ томъ, что принимаетъ римскія латифундіи результатомъ беззаконности, насилія. Ему вѣроятно извѣстно, что до Лицинія римляне хорошо соблюдали законы и даже послѣ Лицинія до временъ Сципіоновъ, которые на основаніи своихъ подвиговъ позволили себѣ первые смѣяться открыто надъ законами республики. Но тѣмъ не менѣе до законовъ Лицинія поземельная собственность вся скопилась въ рукахъ богатыхъ людей; а о насиліи, беззаконности въ то время и помину быть не можетъ. Послѣ Лицинія также бѣдные граждане скоро потеряли свои участки. Это можно видѣть изъ приведенныхъ выше случаевъ, что 40 лѣтъ послѣ Лицинія начался снова вопросъ о долгахъ, а еще около 40 лѣтъ послѣ вародъ уже удалился на Яникуль. Титъ Ливій въ книгахъ, содержащихъ исторію Рима послѣ Лицинія, рассказываетъ объ основаніи многихъ колоній для бѣдныхъ гражданъ. Это значитъ, что бѣдные граждане

потеряли свою землю, и что она переходила въ руки богатыхъ фашилій. И это именно было тогда, когда насилій и беззаконія въ Римѣ не было, т. е. если и были преступленія, то они наказывались по законамъ. Вообще мнѣніе г. Леонтьева о насиліи, какъ причинѣ скопленія поземельной собственности, противорѣчитъ исторіи, и не подкрѣплено у него ни однимъ доказательствомъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ принимать за доказательство извѣстія Колумеллы и Плинія, писателей времени императоровъ (жили спустя 200 лѣтъ послѣ большихъ войнъ), что въ ихъ время бѣдные граждане подвергались насиліямъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Забавно видѣть эту увѣренность, съ какою г. Леонтьевъ говоритъ, будто *большія помѣстья* имѣютъ свое начало въ томъ, что *большіе землевладѣльцы* отнимали земли у мелкихъ сосѣдей. Но вѣдь прежде этого отниманья *большіе землевладѣльцы* уже владѣли *большими помѣстьями*; это слѣдуетъ изъ самыхъ словъ г. Леонтьева, если даже забыть, что уже за 200 лѣтъ едва ли не вся почва Италіи была соединена въ рукахъ богатыхъ людей. Это и есть единственное доказательство г. Леонтьева въ пользу того, что латифундіи своимъ началомъ обязаны насилію. И послѣ этого-то доказательства г. Леонтьевъ побѣдоносно восклицаетъ: и такъ вотъ какія латифундіи погубили Италію! Эти крупныя помѣстья *возникли* не изъ естественнаго теченія экономической жизни, а изъ насилія. Такимъ образомъ я могу доказать напримѣръ, что *городъ Римъ основанъ* хоть въ пятомъ столѣтіи *отъ основанія Рима*.

У Дюро де ла Маля все это хорошо разобрано и приводится больше примѣровъ насильственнаго захватыванья богатыми людьми мелкихъ сосѣдскихъ участковъ. Но у него это представлено въ истинномъ свѣтѣ, какъ округленіе большихъ помѣстій, уже существовавшихъ, или какъ капризное самоуправство богача-оптимата, не знающаго другого закона, кромѣ собственнаго произвола.

Читатель видѣлъ въ этомъ разборѣ все существенное изъ статьи г. Леонтьева о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ. Ни одно изъ его положеній не имѣетъ основанія; всѣ они построены на ложной экономической теоріи французской оффиціальной школы. Мѣстами г. Леонтьевъ былъ невѣренъ и этой теоріи, напр. въ сужденіи о реформѣ Лицинія: въ этомъ случаѣ онъ не могъ отступить отъ утвержденнаго окончательнаго мнѣнія о благотворности его законовъ, оказавшейся на дѣлѣ. Но, чтобы согла-

сить реформу Лицинія съ теорією Бастья и др., г. Леонтьевъ представилъ ее въ ложномъ свѣтѣ. Въ истинномъ свѣтѣ она совершенно противорѣчатъ этой теоріи; но за это не она должна быть осуждена, а поверхностная, лишняя научнаго основанія, теорія. Такимъ образомъ фатализмъ въ исторіи, до котораго дошелъ г. Леонтьевъ, не имѣетъ основанія. Несомнѣнно, что политическія и экономическія учрежденія всегда больше или меньше соответствуютъ внутреннему, человѣческому достоинству народонаселеній и имъ опредѣляются. Но также вѣрно, что и сами народонаселенія подвергаются вліянію учреждений. Учрежденія, дѣло ума человѣческаго, понятія и хорошо оцѣненные сначала только немногими, будучи приложены къ народной жизни, воспитываютъ весь народъ, и, мало-по-малу, постоянно сами совершенствуются, доводятъ его до большей нравственной и умственной высоты. Между учреждениями весьма важную роль играютъ учрежденія экономическія. Экономическая независимость отдѣльныхъ лицъ есть дѣло, весьма богатое благотворными результатами. Только она дѣлаетъ человѣка вполнѣ, не только *de jure*, но и *de facto*, свободнымъ, т. е. только она даетъ ему возможность здраваго и всесторонняго развитія.

Натурально объ абсолютной экономической независимости рѣчи быть не можетъ. Ее надобно понимать только какъ возможность имѣть обезпеченное содержаніе, не зависящее отъ произвола вліятельныхъ людей, фабрикантовъ, поземельныхъ владѣльцевъ, и разныхъ другихъ лицъ, поставленныхъ фактически въ положеніе начальниковъ.

Въ римской исторіи это значеніе учреждений, и преимущественно экономическихъ, видно больше нежели гдѣ нибудь.

Послѣ изгнанія царей бѣдные плебеи получаютъ земли, и они поддерживаютъ крѣпко патриціевъ противъ покушеній царя. Народъ, довольный новымъ порядкомъ дѣлъ, показываетъ много доблести, которую молва увеличила до слишкомъ героическихъ размѣровъ. Положеніе плебеевъ скоро, благодаря непрочному экономическому быту, дѣлается невыносимо, они уходятъ на священную гору, не хотятъ жить больше въ Римѣ. Но патриція уступаютъ: плебеи получаютъ новыя, очень важныя, политическія права и важное экономическое облегченіе (всеобщее банкротство). Это снова даетъ нравственную крѣпость народу, и слѣдующая исторія опять представляетъ доблести внутри и внѣ государства. Объ этой старинной римской доблести стоить сказать вѣсколько словъ. Въ наше слишкомъ прозаическое время она можетъ показаться не болѣе какъ словомъ, тѣмъ болѣе, что римскіе историки представляли

своихъ предковъ дѣйствительно черезъ-чуръ необыкновенными людьми, и дѣла ихъ очевидно разукрасились. Прикрасы такъ и остаются прикрасами, но основаніе въ этихъ разсказахъ несомнѣнно истинное, потому что перелъ судомъ исторіи, не только разсказы римскихъ историковъ о подвигахъ ихъ предковъ, но и результаты этихъ подвиговъ. Если бы эти разсказы шли изъ среды напр. какого-нибудь финскаго племени, живущаго въ Россіи, то естественно они не могли бы ничего вызвать, кромѣ улыбки. Но Римъ, маленькій городокъ въ средней Италіи, дѣйствительно мало-по-малу покорилъ всю среднюю Италію, потомъ и южную и сѣверную, наконецъ и весь міръ. Чтобы римляне могли сдѣлать это, нужно, чтобы среди народа была дѣйствительно причина, которая бы произвела такіе результаты. День счастье, годъ счастье, вѣкъ счастье, говорилъ Суворовъ; согласитесь тутъ нужно немножко и ума. Это вполнѣ приложимо къ Риму: 6 вѣковъ постоянныхъ успѣховъ, тутъ мало одного счастья; тутъ надо немножко и ума. И этотъ старинный римскій умъ заключался въ томъ, что среди народа, благодаря его прекраснымъ учрежденіямъ, всегда воспитывалось нѣсколько человѣкъ, которые были способны къ самому безкорыстному служенію, къ самой безграничной преданности родинѣ; и эти-то немногіе люди, которыхъ имена исторія сохранила, служили образцами для другихъ, для всего народа, который естественно любилъ свою родину и гордился ею, потому что ея учрежденія были лучше всѣхъ другихъ, которыя онъ зналъ. Характеръ всѣхъ римскихъ героев оцанъ: всѣ они прежде всего преданные дѣти своей родины, потомъ люди правды; хотя въ массѣ народа и въ правительственномъ сословіи большинство нерѣдко проявляло другія качества.

Послѣ отшествія народа на Священную гору, Римъ сначала не отказывался отъ реформъ: сюда относятся улучшеніе судопроизводства, законъ Канулея о бракахъ и др. И патриціи и плебеи имѣли причину почитать и защищать законы родины, справедливые для тѣхъ и для другихъ.

Но затѣмъ, патриціи стали слишкомъ ревниво посматривать на увеличеніе правъ плебеевъ. Явился вопросъ о земляхъ; плебеи обдѣлѣли и хотѣли поправить свой экономическій бытъ. Но патриціи не только не думали объ этомъ, но старались губить тѣхъ изъ среды своей, которые принимали сторону народа въ этомъ вопросѣ. Это тотчасъ дало себя чувствовать во внѣшнихъ неудачахъ. Римляне не защитили даже Рима, который былъ взятъ галлами. Послѣ изгнанія галловъ дѣла не поправлялись. Патриціи по-прежнему больше всего дорожили своимъ состояніемъ, а плебеи были нищими. Реформа Лицинія докончила политическое уравне-

шіе плебеевъ и патриціевъ; но, что всего важнѣе, она обезпечила плебеймъ матеріальное благосостояніе. И результатъ былъ, какъ говоритъ и г. Леонтьевъ, постоянныя удачи римлянъ послѣ этого въ войнахъ. Удача въ войнѣ, собственно говоря, дѣло не важное; особенно если она есть результатъ военной дисциплины, если она достигается съ помощію войска, за деньги готового идти на край свѣта; таковы были успѣхи Александра Македонскаго и его преемниковъ; оттого изъ этихъ войнъ ничего и не вышло, не смотря на громкія фразы, которыми нѣкоторые историки до сихъ поръ описываютъ походы Александра Македонскаго, не смотря на это quasi сближеніе запада съ востокомъ, которое въ самомъ дѣлѣ было подчиненіемъ запада востоку, разума силѣ. Воинскіе успѣхи римлянъ представляютъ совѣмъ другое дѣло. Римляне, сражавшіеся противъ враговъ, не были солдаты, это были граждане, защищавшіе интересы своего отечества, даже защищавшіе честь его, доброе имя. Идея объ отечествѣ, независимо даже отъ всякихъ личныхъ интересовъ, была очень сильна у римлянъ. Если въ какомъ нибудь дѣлѣ къ интересамъ отечества присоединялись личные интересы, то римляне были ему преданы еще больше. Такимъ образомъ успѣхи римлянъ въ войнахъ именно могутъ служить, разумѣется исключая немногія случайности, термометромъ ихъ внутренняго благосостоянія. И въ этомъ заключается одна изъ причинъ успѣховъ Рима въ первые 6 вѣковъ его существованія. Интересы огромнаго большинства гражданъ были согласны съ общими интересами республики. Это и есть идеалъ общественнаго устройства. При такомъ положеніи общество крѣпко; оно держится внутренними силами, и никакія случайности ему не страшны. Тогда какъ въ противномъ случаѣ, когда интересы большинства противны интересамъ общимъ, общество не имѣетъ внутренней связи, оно чѣмъ-то связано внѣшнимъ, чѣмъ-то въ родѣ обручей, которые когда перегниютъ, все цѣлое разсыпается.

Послѣ Лидинія была крѣпка эта внутренняя связь, и Hannibal ante portas не былъ страшенъ Риму. Народъ чувствовалъ полноту своихъ правъ; онъ былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи; изъ старины ему сохранились преданія о подвигахъ гражданъ, которыхъ наслѣдникомъ онъ себя почиталъ, и онъ старался, защищая въ одно время интересы свои собственные и интересы отечества, не отстать отъ предковъ въ доблести. Такъ Децій, во время самнитской войны, вскорѣ послѣ изданія законовъ Лидинія, по разсказу Ливія, пожертвовалъ собой, вспомнивши, что его отецъ такъ поступилъ въ подобномъ случаѣ. Но матеріальное благосостояніе

бѣдныхъ гражданъ вскорѣ разстроилось: съ одной стороны войны, безъ сомнѣнія, обогащали по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ гражданъ, а съ другой доставляли возможность устроить быть другихъ, посредствомъ отвода ихъ въ колоніи. Разумѣется, при этомъ все-таки не всѣ устраивались; многіе продолжали терять участки, благодаря ихъ отчуждаемости, и послѣ войнъ число бѣдняковъ оказалось огромно. Къ концу войнъ консулы, а за ними и вообще оптиматы, неограниченные повелители на войнѣ, мало-по-малу стали привыкать къ этому положенію, и перестали стѣснять себя и внутри города; это началось Сципіономъ африканскимъ; послѣ него росло и выросло въ цѣлую систему беззаконій оптиматовъ, которые захватили въ свои руки и власть, и богатство, и пользовались какъ тѣмъ, такъ и другимъ очень плохо, по всеобщему признанію, — даже по признанію г. Леонтьева.

Спасти Римъ могли, какъ говоритъ Дуро-де-ла Маль, только Гракхи. Гракховъ погубили оптиматы; этимъ они погубили себя: за Гракховъ отомстили Сулла, Марій, Цезарь, Антоній, и Октавианъ и наконецъ императоры. Еще съ Суллы начались проскрипціи изъ-за богатства и продолжались едва ли не до паденія западной римской имперіи, въ продолженіи 5 вѣковъ съ половиною. Но не выиграли ничего и бѣдные граждане, если не считать за большой выигрышъ даровой хлѣбъ и даровыя зрѣлища. Сельскіе жители обращены въ крѣпость, городскіе были нищими съ своею полнотою политическихъ правъ, которая сначала ступевалась передъ правами Цезарей, а потомъ передъ правами побѣдителей варваровъ. Исторія этихъ послѣднихъ пяти-сотъ лѣтъ есть тоже исторія Рима и римскаго народа; но это уже не тотъ Римъ, который показалъ во время оно столько доблестей дома и на войнѣ. Исторія того народа окончилась со смертью Гракховъ или пожалуй со смертью Катона Утическаго, Брута, Кассія и др., или съ допущеніемъ Горация въ приходую Августа. Скоро и дурно кончилъ этотъ прекрасный народъ; виноваты были одни оптиматы съ ихъ теоріею *laissez faire, laissez passer*, недопустившіе Гракховъ муштровать жизнь, какъ они называли ихъ реформу.

Г. Леонтьевъ вооружается въ реформѣ Гракховъ главнымъ образомъ противъ экономической ея стороны. Читатель видѣлъ, что въ этомъ онъ не послѣдователенъ; не смотря на свою теорію экономическаго квіетизма, онъ одобряетъ законы Лицинія и экономическую сдѣлку послѣ отшествія народа на Священную гору. Но, повидимому, это сдѣлано имъ только потому, что онъ не замѣтилъ и не понялъ хорошо экономическую сторону того и другаго произшествія. Если судить по тому, что у него какъ-будто возведено въ

систему, онъ дѣйствительно антагонистъ всякой экономической реформы, и находитъ ее излишнею всегда и вездѣ въ общественной жизни. Г. Леонтьевъ профессоръ древней словесности, и въ древней словесности онъ найдетъ полное опроверженіе своей теоріи. Жизнь грековъ и римлянъ, столь богатая общечеловѣческими результатами, обязана этимъ тому, что и тотъ и другой народъ въ лучшее время жизни были не прочь отъ реформъ, именно экономическихъ. Что касается до римлянъ, читатель видѣлъ, что всѣ ихъ важнѣйшія реформы самую существенную часть имѣютъ въ сторонѣ экономической. У грековъ было тоже самое. Наиболѣе полезная реформа Аѳинъ была реформа Солона, послѣ которой былъ дѣйствительный золотой вѣкъ аѳинской жизни, — вѣкъ персидскихъ войнъ. Но въ реформѣ Солона самая существенная часть есть экономическая, избавившая бѣдныхъ гражданъ отъ тиранніи богатыхъ. Это очень хорошо извѣстно г. Леонтьеву, потому что самъ онъ изложилъ это въ «Пропілеяхъ» по книгѣ Грота, и изложилъ дѣйствительно прекрасно, не затемняя дѣла, не подводя его подъ свою экономическую теорію. Изъ реформъ Солона двѣ имѣютъ экономическій характеръ и притомъ весьма знаменательный. Это во 1-хъ, обложение богатыхъ гражданъ бѣльшими налогами, сравнительно съ гражданами менѣе богатыми. Г. Леонтьевъ излагаетъ эту мѣру во всей ея подробности, приводитъ цифры, показывающія состояніе гражданъ, и цифры, показывающія налогъ, и не скрываетъ, что Солонъ ввелъ налогъ *прогрессивный*, даже самъ называетъ его этимъ именемъ. А что такое налогъ *прогрессивный*? Извѣстно ли читателю, что налогъ *прогрессивный* также противенъ школѣ, о которой мы столько разъ упоминали, сколько ей любезно правило: *laisser faire, laisser passer*.

Но гораздо важнѣе другой экономической законъ Солона, такъ называемая *сизахтія*. Г. Леонтьевъ подробно излагаетъ и его, и даже разбираетъ, и даже хвалитъ. А между тѣмъ *сизахтія* есть ни болѣе, ни менѣе, какъ полное нарушеніе правъ собственности. «Она, говоритъ г. Леонтьевъ, уничтожила всѣ контракты, по которымъ личность или поземельные участки служили залогомъ; она очистила аѳинскую землю отъ многочисленныхъ долговыхъ столбовъ и освободила отъ рабства всѣхъ приговоренныхъ къ нему за долги.» Чѣмъ же были вознаграждены кредиторы? — Ровно ничѣмъ. Ихъ кредитованныя суммы пропали безвозвратно. Кромѣ того и тѣ должники, которые не закладывали своей свободы и земли, получили право, вслѣдствіе уменьшенія цѣнности драхмы, заплатить только 73% своего долга, вмѣсто 100%, которые они обязаны были заплатить по контракту, такъ что кредиторы поте-

рши вѣщій, и въ дѣлахъ съ бѣдными, и въ дѣлахъ съ богатыми должниками. «Потери кредиторовъ, продолжаетъ г. Леонтьевъ, отъ уничтоженія контрактовъ и уменьшенія цѣнности монеты, составляютъ фактъ, котораго не можетъ скрыть никакое объясненіе. Солонова сизахтія была безъ всякаго сомнѣнія мѣра несправедливая, по скольку она уничтожала законно-заключенныя обязательства, но въ тоже время она была въ высшей степени благодѣтельна по своимъ послѣдствіямъ и находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что только съ ея помощію можно было поддержать въ Атикѣ разрывавшуюся ея государственную связь и облегчить сдѣлавшееся невыносимымъ положеніе бѣльшей части гражданъ.» Не правда ли г. Леонтьевъ партизанъ только успѣха и совершившихся фактовъ? Сизахтія удалась, и ей полное его сочувствіе. А между тѣмъ, какъ бы хорошо шли эти слова къ реформѣ Гракховъ, тѣмъ болѣе, что въ ней совсѣмъ не было той несправедливости, какая была въ сизахтіи Солона. А отчего же въ самомъ дѣлѣ г. Леонтьевъ такъ неровно судитъ объ историческихъ фактахъ? Пусть угадываетъ всякій какъ хочетъ; я считаю г. Леонтьева партизаномъ совершившихся фактовъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать еще нѣсколько строкъ о сизахтіи, тѣмъ болѣе, что онѣ очень плутъ, какъ увидитъ читатель, къ реформѣ Гракховъ; надобно только отдѣлать черту сизахтіи, — несправедливость. «Съ такой точки зрѣнія, говоритъ опять г. Леонтьевъ, смотритъ Гротъ на сизахтію (т. е. оправдываетъ ее), и это сужденіе несомнѣнно самое вѣрное и справедливое, какое можно о ней сдѣлать. Никакое средство, удерживающееся въ предѣлахъ законности, не могло пособить тоглашнему отчаянному состоянію государства; только цѣною рѣшительной мѣры могло быть восстановлено общественное спокойствіе и т. д.» «Сизахтія получила въ общественномъ мнѣніи чрезвычайную популярность: всѣ сословія нашли въ ней средство къ примиренію и приписали за нее благодарственные жертвы.» «Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что спорный вопросъ былъ рѣшонъ Солономъ окончательно и навсегда.» «Довѣріе и благодарность, которыя онъ внушилъ своимъ согражданамъ, были такъ велики, что они обратились къ нему съ просьбою лать Аѣинамъ новое законодательство.» Поэтому, Соломъ и прибавилъ къ реформѣ экономической еще реформу политическую и административную.

Надѣюсь, что эти выписки не нуждаются въ особенныхъ комментаріяхъ; система, которой держится въ сужденіи объ этомъ дѣлѣ г. Леонтьевъ, совершенно противоположна той, которой онъ держится въ сужденіи о Граккахъ. Вѣдь г. Леонтьеву извѣстно,

что, передъ законодательствомъ Солона, время въ Аѣнахъ было тоже дурное: раздражительная запальчивость тоже носилась въ воздухъ.

Впрочемъ, не за тѣмъ сдѣланы эти выписки, чтобъ показать невѣрность г. Леонтьева собственной системѣ; это такъ пришлось кстати. Я хотѣлъ показать, что никакая дѣйствительная, существенная реформа не обходится безъ значительнаго элемента экономическаго. Тѣмъ лучше, что пришлось показать это собственными словами г. Леонтьева. Дѣйствительно, въ реформѣ Солона элементъ экономическій играетъ по крайней мѣрѣ значительную роль, если не главную. И извѣстно, что Аѣны обязаны всею своею послѣдующею исторіею законамъ Солона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ учрежденія не остались безъ вліянія на развитіе народное. Не поступя Солонъ такъ смѣло, какъ это прекрасно представилъ г. Леонтьевъ, исторія Аѣнъ, говоря опять его словами, окончилась бы безславно, и мы не имѣли бы въ нихъ нашихъ учителей въ наукѣ и въ цивилизаціи вообще.

Другая замѣчательная реформа изъ исторіи Греціи есть реформа Ликурга. Въ ней элементъ экономическій также силенъ, какъ и въ реформѣ Солона. Съ этимъ г. Леонтьевъ не согласенъ: въ той же самой книгѣ «Пропилей» онъ изложилъ ученіе Грота и объ этой реформѣ. Но г. Леонтьевъ весьма ошибся, отвергая то, что Ликургъ уравнивалъ поземельныя владѣнія спартанцевъ; ошибся онъ конечно потому, что ошибся Гротъ. Но тѣмъ не менѣе это ошибка, которая, къ сожалѣнію, съ легкой руки г. Леонтьева привалась у насъ, хотя немного еще. Но считаю нужнымъ опять обезпечить себя противъ нареканій. Гротъ конечно ученый человекъ и опровергать его не всякому позволительно, особенно у насъ въ Россіи; мы какъ-то еще собственнымъ страхомъ не можемъ выйти изъ роли учениковъ, да притомъ самыхъ маленькихъ, не позволяющихъ себѣ, или не умѣющихъ судить о словахъ учителя. Но, если Гротъ ученъ, то Дункеръ еще ученѣй, притомъ Дункеръ написалъ свою исторію послѣ Грота; слѣдовательно она представляетъ болѣе новое слово науки; кажется все это резонно. Дункеръ принимаетъ, что Ликургъ уравнивалъ владѣнія спартанцевъ; слѣдовательно мы имѣемъ полное право, даже, пожалуй, должны принимать тоже самое.

Въ самомъ дѣлѣ мнѣніе Грота о томъ, что Ликургъ не трогалъ поземельныхъ владѣній спартанцевъ совсѣмъ не основательно, не смотря на видъ чрезвычайной учености, который оно имѣетъ. Въ этомъ случаѣ оно походить на тѣ мнѣнія Моисея, которыми пе-

замысливался г. Леонтьевъ и которые привели его къ разногласію съ самимъ собою. И Дункеръ совершенно правъ, не принимая его. Гротъ построилъ свое мнѣніе на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Что Ликургъ уравнилъ поземельныя владѣнія спартавцевъ, объ этомъ рассказываютъ Полибій, писатель 2 вѣка до Р. Х., и Плутархъ, писатель 2 вѣка послѣ Р. Х. Гротъ находитъ, что эти писатели не могли знать хорошо дѣла; а болѣе древніе писатели объ этомъ не говорятъ. 2) Плутархъ рассказываетъ, что Ликургъ раздѣлилъ всю Лаконію на 39,000 участковъ; а вся Лаконія тогда не была еще и покорена. 3) Исслѣдователи древней спартавской исторіи, Отфридъ Мюллеръ, Манзо, Титманъ, Ваксмуть, Германъ, Шеманъ, Терльвилъ, принимающіе уравненіе поземельныхъ участковъ Ликургомъ, измѣняютъ его каждый какъ-нибудь по своему и дѣлаютъ свои теоріи, тоже различныя для объясненія того, почему участки такъ и оставались равными много времени послѣ Ликурга. Начнемъ съ послѣдняго доказательства. Во первыхъ этотъ рядъ именъ ученыхъ уже говоритъ самъ за себя. Отъ чего предположить, что всѣ они ошибались, а Гроту одному далась истина? Вѣдь они тоже весьма основательно изслѣдовали древности Спарты и изслѣдовали безо всякой задней мысли, а Гротъ говоритъ прямо, что потому не слѣдуетъ вѣрить рассказамъ объ уравниніи поземельныхъ владѣній, что они въ наше время даютъ поводъ къ разнымъ планамъ, очень вреднымъ. Это одно уже заподозрѣваетъ самого Грота. И потому чужою это за метода, не принимать факта изъ древней жизни, потому только, что онъ въ своихъ подробностяхъ не совсѣмъ понятенъ, за недостаткомъ извѣстій. Естественно такой фактъ каждый ученый будетъ дополнять подробностями изъ своего соображенія: тутъ нѣтъ еще причины отвергать факты. Законы Лицинія, по мнѣнію г. Леонтьева, до Нибура ни кѣмъ не были поняты, слѣдовательно и нужно было отвергать ихъ? А я прибавлю, что и теперь есть люди и даже хорошо знакомые съ дѣломъ, которые все-таки мнѣнія Нибура объ «ager publicus» не принимаютъ и печатаютъ это, и мнѣніе Нибура называютъ парадоксомъ. По этому слѣдуетъ законы Лицинія отвергнуть? Нѣтъ, несогласіе ученыхъ въ подробностяхъ еще не даетъ причины отвергать фактъ, къ которому подробности относятся. Г. Леонтьевъ вполне доволенъ возраженіями, которые Гротъ дѣлаетъ на эти предположенія ученыхъ, принимающихъ законы Ликурга съ заднею мыслью. Естественно на всякое предположеніе можно сдѣлать возраженіе, а когда много различныхъ предположеній объ одномъ дѣлѣ, очевидно, кромѣ одного, всѣ они ложны, а можетъ быть истинное предположеніе и совсѣмъ невысказано. Это дѣло до такой степени простое, что объ этомъ много и

распространяться нечего. Удивительно ли, что Гротъ нашолъ въ возраженіи на нѣкоторыя предположенія.

Или другое доказательство, что Плутархъ принимаетъ раздѣленіе всей Лаконіи на 39,000 участковъ, когда Лаконія не была еще и покорена. Да кому же неизвѣстно, что Плутархъ въ своихъ біографіяхъ заботился всего больше о томъ, чтобъ начертить ясный и выразительный портретъ каждаго изъ своихъ героевъ; что система, литературное достоинство стояли у него впереди всего, и потому, едва ли не во всѣхъ біографіяхъ безъ исключенія, онъ наговорилъ басень, именно въ видахъ сдѣлать біографію яснѣе и выразительнѣе, а можетъ быть подбиралъ извѣстія, не заботясь о вѣрности, чтобъ параллели между греками и римлянами выходили заштыбѣ. Самъ же г. Леонтьевъ не принимаетъ извѣстія Плутарха, что Лициній хотѣлъ арестовать Камилла. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Камиллъ не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, даже не былъ противникомъ реформы Лицинія. Этотъ ложный систематизмъ понадается вездѣ; онъ даже необходимъ, потому что всякій старается понять что-нибудь вполнѣ, а не вполонину, и недостающія указанія добавляетъ соображеніемъ или воображеніемъ. Геродотъ рассказываетъ, что Ксерксъ велъ съ собою въ Грецію 5,000,000 человекъ. Можно доказать математически точно, что эти 5,000,000 погибли бы съ голоду, въ двѣ недѣли, если бы они только переступили Дардапеллы. И этой цифры, дѣйствительно, никто не принимаетъ. Тѣмъ не менѣе этого похода персовъ въ Грецію никто не отвергаетъ. Наконецъ вообще это дѣло слишкомъ извѣстное, что въ исторической критикѣ прикрасы и систематизированье не дають права отвергать самые факты, къ которымъ они относятся.

Между тѣмъ для г. Леонтьева эти ложныя разсужденія Грота вмѣютъ неопровержимую крѣпость. «Но, говоритъ г. Леонтьевъ, Гротъ не останавливается и на этомъ выводѣ, и идетъ еще далѣе. Онъ показываетъ *до послѣдней степени убѣдительности*, что Дикуртъ никогда и не предпринималъ трудной мѣры раздѣленія морвну поземельной собственности». Не угодно ли судить, что это за послѣдняя степень убѣдительности. Полибій говоритъ о раздѣленіи земли Дикургомъ на равныя участки, какъ о событіи, не подлежащемъ сомнѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ сообщаетъ извѣстіе, очень интересное для насъ, что къ крайнему его удивленію никто изъ болѣе древнихъ и самыхъ основательныхъ писателей, ни Платонъ, ни Каллисѣенъ, ни Ксенофонтъ, ни Эфоръ не обращаютъ вниманія на эту мѣру. Это говоритъ г. Леонтьевъ, но здѣсь онъ не болѣе и не менѣе, какъ изказилъ слова Полибія; Полибій и намекъ не дѣлаетъ на то, чтобы эти писатели не обращали вниманіе на раздѣ-

леніе земли Ликургомъ; онъ даже ничего не говоритъ ни о Ликургѣ, ни о раздѣленіи. Полибій говоритъ, что Платонъ, Каллисѣенъ, Эфоръ и Ксенофонъ находятъ сходство между конституціями Спарты и Крита. Полибій находитъ это неосновательнымъ и приводитъ черты различія между Спартою и Критомъ. Одна изъ этихъ чертъ есть та, что въ Спартѣ существовало равенство поземельнаго владѣнія, а въ Критѣ его не было. Онъ не говоритъ, что Платонъ, Каллисѣенъ и др. не знаютъ этого факта; онъ осуждаетъ ихъ только за то, что они, не смотря на различіе поземельнаго владѣнія, находятъ конституціи Спарты и Крита сходными, и въ этомъ ошибается самъ же Полибій. Въ этомъ случаѣ онъ попалъ въ смѣшной промахъ, показывающій его слишкомъ недалекое логическое развитіе. Извѣстно, что между двумя предметами полного сходства быть не можетъ, полное сходство есть тождество, которое дѣлаетъ предметъ равнымъ самому себѣ; тѣмъ не менѣе есть сходство между различными предметами. Отличительная черта сходства предметовъ та, что оно необходимо допускаетъ и различія, иначе это было бы тождество, существующее только въ одномъ предметѣ, и невозможное въ двухъ. Сходство бываетъ и больше и меньше, оно отыскивается даже между предметами самыми повидному непохожими. Такъ есть сходство между русскимъ и китайцемъ, хотя есть и различіе; есть сходство между человѣкомъ и деревомъ и т. п. Полибій этого не понимаетъ. Онъ знаетъ, что между учрежденіями Спарты и Крита есть различіе; потому думаетъ, будто уже нельзя сказать, что между ними есть и сходство. Платонъ, Каллисѣенъ и др. думаютъ, что между Спартою и Критомъ есть сходство; онъ опровергаетъ это тѣмъ, что есть между ними и черты различія. Но онъ не даетъ и намека на то, чтобы эти писатели не знали не только о раздѣлѣ земли Ликургомъ, но и о равенствѣ поземельной собственности, къ которой бы она произведена ни была. Да такъ и сказать онъ не могъ, потому что у тѣхъ изъ упомянутыхъ Полибіемъ писателей, которые сохранились, прямо говорится о раздѣленіи земли въ Спартѣ на равные участки. Такъ самъ Гротъ приводитъ слова Платона, что въ Спартѣ земля была *раздѣлена равномерно* (*). Во

(*) Weil sie (die Dorier) das Land unter sich angemessen vertheilten. Geschichte Griechenlands, переводъ Мейснера, Лейпцигъ 1850 г. стр. 705. Г. Леонтьевъ передаетъ это *angemessen vertheilten*, хорошее распредѣленіе поземельной собственности. Хорошимъ распредѣленіемъ собственности онъ признаетъ пятифундіи. Не прикажетъ ли онъ пятифундіи считать чертою первоначальнаго спартагскаго хозяйства. Что тутъ ошибка только въ разсужденіи самого Полибія, что онъ не приписываетъ помннутымъ древнимъ писателямъ незнанія о равномъ раздѣленіи земли въ Спартѣ, это видно изъ того, что Платонъ знаетъ объ немъ.

всей этой исторіи нужно удивляться только тому, что Гротъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ повясть смыслъ Полибія, а г. Леонтьевъ в со-всѣмъ искавилъ, прибавивши къ словамъ и Грота и Полибія то, что они и не думали говорить. Но Гротъ по крайней мѣрѣ не скрываетъ своей задней мысли, что онъ опровергаетъ раздѣленіе земли Ликургомъ, потому что оно даетъ поводъ къ вреднымъ тенденціямъ. А г. Леонтьевъ увѣряетъ, что онъ ищетъ только чистой исторической истины. А между тѣмъ искажаетъ не только Полибія, и даже Грота. А историческая истина имѣетъ дѣйствительно свои права, къ чему-нибудь ложному она вести не можетъ, а если кому-нибудь это такъ кажется, тотъ долженъ повѣрить свое сужденіе объ истинномъ и ложномъ, и убѣдиться дѣйствительно ли справедливо то, что онъ считаетъ справедливымъ.

Вотъ какъ Гротъ и г. Леонтьевъ показываютъ *до послѣдней степени убѣдительности*, что Ликургъ надѣлилъ земли между Спартацами. Послѣ извлеченія изъ Полибія, г. Леонтьевъ до послѣдней степени убѣдительности показываетъ тоже изъ Геродота. «Геродотъ, говорить онъ, который оставилъ намъ краткое описаніе поразившихъ его особенностей въ спартанскихъ учрежденіяхъ, не говоритъ ни слова о новомъ раздѣлѣ земли Ликургомъ». Г. Леонтьевъ подтверждаетъ это ссылкой на 6-ю книгу Геродота (61—60). Но если кто нибудь заглянетъ въ это мѣсто, тотъ вѣдь цитатамъ ученыхъ больше вѣрить не станетъ. Гдѣ же тамъ Геродотъ описываетъ поразившія его особенности въ учрежденіяхъ Спарты. Онъ говоритъ только о власти и преимуществахъ спартанскихъ царей въ городѣ и на войнѣ и больше ровно ничего. Находить сходство между Спартою и кажется Египтомъ во взглядѣ на царскую власть, да кстатя прибавляетъ, что сходство это замѣтно еще въ фактической послѣдственности ремеслъ. Почему г. Леонтьевъ требуетъ, чтобъ Геродотъ заговорилъ здѣсь о новомъ раздѣлѣ земли Ликургомъ? Говоритъ ли онъ о прежнемъ раздѣлѣ? — Ни слова. Говоритъ ли о Ликургѣ? — Напротивъ, онъ не понимаетъ даже его имени? — Дѣлаетъ ли онъ очеркъ исторіи Спарты? — Подобія этого нѣтъ. — Если поэтому отвергать дѣленіе земли Ликургомъ, то слѣдуетъ отвергнуть всѣ вообще законы Ликурга, потому что Геродотъ не говоритъ ничего и объ нихъ. Точно также г. Леонтьевъ находитъ, что

Эфоръ, спеціально занимавшійся Спартою, вѣроятно зналъ еще больше. А что Платонъ, Эфоръ и другіе не ошиблись, находя сходство между Спартою и Критомъ, сошлюсь опять на авторитетъ Дункера, который тоже его находить. Да его признаютъ и всѣ, и признавать его нельзя. Тутъ именно все дѣло только въ нелогичности Полибія.

и Фукидидъ долженъ бы сказать о раздѣлѣ земли Ликургою, когда Фукидиду до этого и дѣла совсѣмъ нѣтъ, когда онъ говоритъ только, что въ Спартѣ всѣ ведутъ одинъ образъ жизни, даже одинаково одѣваются и посвящаютъ этому пять или шесть строкъ не больше, ежели не меньше. Дѣйствительно всѣ эти требованія и могутъ быть объяснены только заднею мыслью. Всѣ другія доказательства Грота и г. Леонтьева слабѣе даже этихъ; самъ г. Леонтьевъ не приписываетъ имъ послѣдней степени убѣдительности; потому ихъ позволительно обойти. Но замѣчательно, что г. Леонтьевъ законъ Ликурга объ уравненіи поземельнаго владѣнія въ Спартѣ считаетъ окончательно опровергнутымъ, и находить не понятнымъ, «какимъ образомъ г. Рословскій остался при старомъ мнѣніи относительно этого важнаго пункта». Теперь г. Леонтьевъ пусть удивляется и тому, что Дункеръ тоже остался при старомъ мнѣніи. Видно не для всѣхъ до послѣдней степени убѣдительны доказательства Грота.

Такимъ образомъ и на основаніи мнѣнія всѣхъ ученыхъ, даже самыхъ позднѣйшихъ, и на основаніи сохранившихся источниковъ, мы должны принять, что въ реформѣ Ликурга главный элементъ былъ экономическій. Можно впрочемъ уступить г. Леонтьеву нѣсколько, даже пожалуй больше, нежели онъ хочетъ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не важно на сколько частей была раздѣлена Лаконія, и когда, и даже кѣмъ. Пусть даже и Ликурга никогда не было. Достоверно то, что въ Спартѣ первоначальное равенство поземельныхъ владѣній скоро исчезло. Какъ и всегда, послѣ этого нибѣли мѣсто внутренніе безпорядки весьма жестокіе, потому что никогда ожесточеніе партій не бываетъ такъ велико, какъ въ то время, когда ихъ раздѣляютъ вопросы экономическіе. Въ концѣ IX вѣка до Р. X. или около этого времени безпорядки прекратились, потому что совершенно законодательнымъ путемъ уравненіе поземельныхъ владѣній. Это историческій фактъ столь же вѣрный, какъ существованіе самой Спарты. Но всѣмъ извѣстно, что реформа Ликурга дала Спартѣ крѣпость и благосостояніе на пять или на шесть вѣковъ, которое тотчасъ же и окончилось, когда экономическіе законы Ликурга стали однимъ воспоминаніемъ. Его политическіе и административные законы нарушены и измѣнены гораздо прежде; отношенія между властями совершенно измѣнились, но это не поколебало благосостоянія Спарты. Когда же пало экономическое благосостояніе, когда граждане Спарты одни сдѣлались нищими, а другіе стали вести образъ жизни персидскихъ сатраповъ, тогда все пало. Изъ этого одинъ выводъ, что ни одна реформа, дѣйствительно солидная и полезная для народа, не обошлась безъ элемента экономическаго, или въ другомъ видѣ, чтобъ какая нибудь реформа могла имѣть значе-

ше, и полезныя и прочныя результаты, нужно чтобы она обезпечила матеріальное состояніе большинства народа, нужно, чтобы она была далека от того экономическаго квіэтизма, которымъ нѣкоторые, подобно Римскимъ оптиматамъ, прикрываютъ свои виды, и который другіе принимаютъ, какъ экономическую норму, благодаря или не желанію или не умѣнью пользоваться уроками исторіи и также благодаря неумѣнью анализировать сущность причины и слѣдствія явленій изъ жизни народовъ.

Д. ЩЕГЛОВЪ

19 апрѣля 1861 г.

ЕЩЕ О ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ» ПО ПОВОДУ ДВУХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СТАТЕЙ

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой!

ЛЕРМОНТОВЪ.

Кто не согласится, что въ настоящее время литература у насъ процвѣтаетъ особенно пышно и пушисто? Старые журналы не только сохраняютъ свои прежнія достоинства, но становятся лучше; въ «Библиотекѣ для Чтенія» перестали являться статьи, неудобныя для чтенія, по причинѣ крайняго недоумѣнія и неудовольствія, возбуждаемаго ими въ читателяхъ; «Русскій Вѣстникъ» издаетъ свою животрепещущую Современную Лѣтопись еженедѣльно и *прилагаетъ* къ ней ежемѣсячно свой журналъ, по прежнему ученый и серьезный. И такъ далѣе. Но сверхъ того, въ нынѣшнемъ году выходятъ новые журналы, которые не хуже старыхъ, на примѣръ ваше «Время», «Основа» и пр. Притомъ книжная дѣятельность, внѣ журналовъ, не перестаетъ возрастать.

Однимъ словомъ, никогда еще на Святой Руси столько не писалось и не читалось какъ въ настоящую минуту. Повидимому вездѣ широкое пишущее движеніе... Но вы уже знаете, какія мрачныя и безотрадныя мысли овладѣваютъ мною при взглядѣ на Русскую Словесность.

Меня неотступно преслѣдуетъ и часто давитъ, какъ кошмаръ, призракъ *брамбеусовщины*, ужасный призракъ пустого броженія, шумнаго, но безплоднаго словонизверженія, пестраго, но безобразнаго хаоса словъ и мыслей. Въ такихъ случаяхъ я напрягаю всѣ силы своего соображенія, для того, чтобы открыть какіянибудь руководящія нити, какіенибудь проблески и уловить что-нибудь определенное въ нашей текущей литературѣ.

Въ послѣднее время, въ прекрасномъ мѣсяцѣ маѣ появились двѣ статьи, которыя сильно возбудили мое утомленное и недовольное вниманіе, и о нихъ-то я желаю теперь побесѣдовать съ вами. Одна изъ нихъ есть статья г. Д. Писарева въ «Русскомъ Словѣ», подъ названіемъ *Схоластики XIX вѣка*; другая — статья г. Н. Чернышевскаго въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ *О причинахъ паденія Рима*.

Статьи эти показались мнѣ сущою находкою, и давно я не былъ такъ доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ онѣ принадлежатъ къ тѣмъ наивнымъ и вообще рѣзкимъ явленіямъ, въ которыхъ извѣстныя мнѣнія и направленія высказываются прямо, съ такою смѣлостію и беззащитностію, какъ будто кругомъ никого и ничего нѣтъ. Онѣ похожи на тѣ откровенныя рѣчи, которыя иногда произносятся во снѣ и которыхъ спящій никакъ не произнесъ бы въ присутствіи другихъ въ состояніи бдѣнія. Серьезно — я готовъ былъ вообразить, что въ нашей литературѣ кое-гдѣ царитъ сонъ, и что во снѣ она выдаетъ свои тайны.

Подслушавъ этотъ сонный говоръ, я пришолъ однако въ большое затрудненіе. Вообще замѣчу, что питаю сильное желаніе принять участіе въ нашемъ литературномъ движеніи, я большею частію бываю останавливаемъ непреодолимыми трудностями. Въ настоящемъ случаѣ дѣло вотъ въ чемъ:

Судить объ этихъ статьяхъ, то есть оцѣнить ихъ достоинство — чрезвычайно легко. Еслибы я сталъ на точку зрѣнія судьи, еслибы я, напримѣръ, могъ писать съ такимъ авторитетомъ, съ какимъ пишетъ «Русскій Вѣстникъ», то я повторилъ бы слова учнаго журнала и сказалъ бы, что статья г. Чернышевскаго есть *совершенная дичь*, а къ г. Писареву я примѣнилъ бы то, что «Русскій Вѣстникъ» говорилъ г. Антоновичу, то есть, *что онъ и понятія не имѣетъ о томъ, что значитъ мыслить*. Такой приговоръ, рѣшительный и опредѣленный, былъ бы вполне справедливъ. Но дѣло не такъ легко рѣшается. Къ величайшему сожалѣнію этотъ справедливый приговоръ былъ бы совершенно бесполезенъ. Онъ не убѣдилъ бы ни г. Писарева, ни г. Чернышевскаго, и даже ни мало не помѣшалъ бы душевному удовольствію, съ которымъ конечно очень многіе прочитаютъ ихъ статьи.

Повидимому слѣдуетъ поступать иначе; именно нужно опровергнуть эти статьи, нужно разрушить ихъ положенія и выводы. Но, — и здѣсь страшное затрудненіе. Проглядѣвшишь немного, легко видѣть, что опровергать статьи — *не стоитъ*. Судите сами.

Статья г. Чернышевскаго, ни больше, ни меньше, какъ *отрицаетъ исторію*, потому что эта статья отрицаетъ смыслъ величайшаго событія, какое только было въ исторіи, именно: паденія древняго міра и зарожденія новаго міра.

Статья г. Писарева, ни больше, ни меньше, какъ *отрицаетъ философію*, то есть вычеркиваетъ изъ области человѣческихъ интересовъ величайшіе подвиги человѣческаго ума.

Вы видите, что предметы, выбранные нашими писателями, не маловажны; наши писатели, какъ видно, любятъ говорить о возвышенныхъ предметахъ. Но, поэтому самому, не было ли бы совершенно смѣшно и по довь-кихотски — защищать отъ г. Писарева философію, а отъ г. Чернышевскаго исторію? Какое дѣло философія до г. Писарева, а исторіи до г. Чернышевскаго? Пусть для нихъ, и вѣроятно для множества другихъ, исторія и философія не существуютъ и кажутся пустяками; гораздо плачевнѣе то обстоятельство, что мы-то сами и съ г. Писаревымъ, и съ г. Чернышевскимъ, едва ли существуемъ для исторіи и для философіи. Исторія и пишется, и совершается тамъ гдѣ-то далеко, внѣ предѣловъ, въ которыхъ мы существуемъ; и философія движется тоже тамъ гдѣ-то, внѣ нашей дѣйствительности. До нихъ добраться трудно, и къ нимъ статьи гг. Чернышевскаго и Писарева не относятся. Эти статьи всецѣло принадлежатъ другой области, именно представляютъ опыты того чистѣйшаго *искуства для искусства*, которое часто одно и называется Русскою Литературой.

Замѣчаю ли вы, какъ я крѣпко держусь за дѣйствительность? Я надѣюсь, вы вполне оцѣните мои усилія и согласитесь, что это очень трудно. Я ни какъ не поддаюся соблазну и не хочу брать на себя фантастическій подвигъ — защищать исторію и философію; я не увлекаюсь примѣромъ этихъ двухъ писателей, которые оба пресерьезно стараются разрушить — одинъ исторію, а другой — философію.

Среди хаоса и мрака нашей литературы, я всячески стараюсь отыскать хоть маленькій клочокъ твердой почвы, на которомъ бы можно было крѣпко держаться.

И такъ беру дѣло съ надлежащей его стороны.

Если для разсматриваемыхъ статей судъ бесполезенъ, а опроверженія они не стоятъ, то однакоже я успѣлъ убѣдиться, что онѣ *стоятъ вниманія*.

Существуетъ у насъ не исторія и философія, но все-таки *существуетъ* нѣкоторый процессъ, нѣкоторое движеніе, именуемое

Русской Литературой. Въ этомъ процессѣ статьи гг. Цисарева и Чернышевскаго имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Я хотѣлъ бы видѣть, что онѣ же суть одинокія явленія, но что тысячи дитей соединяютъ ихъ со множествомъ другихъ статей и этихъ и другихъ писателей; я хорошо знаю, что статьи эти читаются и будутъ читаться съ великимъ удовольствіемъ множествомъ нашихъ читателей.

Что же это за явленіе, что за процессъ? Гдѣ его источники и какія главныя черты?

Исслѣдованію такого вопроса я придаю нѣкоторую важность. Во взглядѣ на него я, извольте замѣтить, очень расхожусь съ «Русскимъ Вѣстникомъ». По мнѣнію этого журнала такія явленія, какъ статьи гг. Чернышевскаго, Антоновича, Цисарева и подобныя, происходятъ отъ того, что мы, какъ общество морозное, лишены собственныя имѣтельности, не имѣющее своей мысли; не живящее умственно, безхарактерно и слабое, способно только замечать къ себѣ чужой соръ и щеголять въ чужихъ обносахъ. По моему же убѣжденію, во всѣхъ этихъ произведеніяхъ не одинъ только чужой соръ и чужіе обносы, но есть очень много своего, родного, самостоятельнаго. Изъ этого разнорѣчія вы можете убѣдиться, что я чувствую несравненно большую вѣжливость къ Русской Литературѣ, чѣмъ «Русскій Вѣстникъ». Нѣтъ, мы не всегда похожи на дикарей, какъ на насъ пошло нацѣпляющихъ на свое дикое тѣло европейскіе обносы; нѣтъ, хотя отчасти, хотя слегка, но мы дѣйствительно европеимся, принимаемъ цивилизацію въ нашу плоть и кровь. На нашей родимой почвѣ не одинъ чужой соръ, но изъ чужихъ европейскихъ сѣмянъ растутъ и разцвѣтаютъ настоящія, живыя растенія. Цивилизація существуетъ у насъ, положимъ, въ видѣ лопушниковъ и репейниковъ, но все-таки не въ видѣ мусора.

И въ настоящемъ случаѣ, взглядываясь въ два цвѣтка современной нашей словесности, я нахожу у нихъ вполне русскія формы, русскій цвѣтъ и запахъ. Вы видите слѣдовательно, что или можно и должно интересоваться, и вы видите въ какомъ смыслѣ. Такъ ботаникъ изслѣдуетъ каждую травку и эитомологъ не пренебрегаетъ мелкими букашками. Изучать же произведеніе духа конечно несравненно поучительнѣе, чѣмъ изслѣдовать сорныя травы, дадовъ и насѣкомыхъ отечественной почвы.

Начнемъ же. Въ статьяхъ, о которыхъ мы говоримъ, рѣзко бросается въ глаза черта, по которой онѣ сходны со многими статьями такого рода, именно: отрицаніе авторитетовъ. Если г. Чернышевъ

скій отвергаетъ исторію, а г. Писаревъ философію, то они отвергаютъ ихъ именно какъ авторитеты, т. е. какъ явѣно, стояще выше нихъ, и требующее себѣ отъ насъ уваженія и подчиненія. Вотъ, на примѣръ, какъ г. Писаревъ разуетъ протязъ философіи:

«Ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности мы имѣемъ полное право — во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознание, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ хаотическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ—явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монархія знаній и туманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монархій. Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты? Видѣ надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекаютъ изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это не правда; истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно рассмотреть глазами и ощупать руками, то пойметъ и десятилѣтній мальчишкѣ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ, и ученый спеціалистъ».

«Видите ли какъ это ясно и мило? Г. Писаревъ опасается *умственного аристократизма*; конечно онъ не думаетъ, что философы станутъ притѣснять другихъ людей и тиранировать надъ ними; ему досадно только то, что они возбуждаютъ къ себѣ *уваженіе* своимъ глубокомысліемъ. Вы видите, что бороться и спорить тутъ не съ чѣмъ, и не для чего; нужно просто только воспользоваться этими рѣчами въ проповѣдяхъ для точнѣйшей характеристики текущей литературы».

«Что рѣши характерна, въ этомъ имѣтъ сомнѣнія. Для ясности я долженъ поговорить здѣсь объ *авторитетахъ вообще*, и, скрывъ сердце, рѣшаюсъ на это, такъ какъ предметъ труденъ въ высочайшей степени. Авторитеты, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ разумѣю, вообще раздѣляются на *общіе* и *частные*. Напримѣръ, общій авторитетъ — поваія, частный авторитетъ — Пушкинъ; общій авторитетъ — критика; частный авторитетъ — Бланкскій и т. д. Теперь замѣтите, что одна изъ отличительныхъ чертъ настоящей литературы есть именно отрицаніе *общихъ авторитетовъ*. Напримѣръ отвергается не просто Пушкинъ, или другой поэтъ, а отвергается *поваія вообще*; отвергается не просто Гегель, а *Философія вообще*».

лософія вообще; отвергается не просто Гизо, а вся исторія и т. д. Разница между такимъ отрицаніемъ общаго авторитета и отрицаніемъ какого нибудь частнаго авторитета чрезвычайна большая. Частный авторитетъ всегда отвергается не иначе, какъ *во имя общаго*; такъ-что общій становится отъ этого только выше и крѣпче. Такъ человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ не признаетъ многого, чѣмъ восхищается толпа, но тѣмъ выше цѣнить то, что признаетъ. Если онъ приходитъ къ убѣжденію, что авторитетъ, который онъ признавалъ, есть авторитетъ фальшивый, то это отрицаніе есть только *очищеніе, возвышеніе* его понятія о красотѣ, и совершается во имя этаго болѣе чистаго и высокаго пониманія. Такъ точно философъ отвергается во имя философіи, историкъ во имя исторіи, поэтъ во имя поэзіи. Вотъ почему отрицаніе частныхъ авторитетовъ есть всегда успѣхъ, вотъ почему оно возбуждаетъ къ себѣ такое горячее сочувствіе. Мы радуемся каждый разъ, когда падаетъ фальшивый авторитетъ, потому что увѣрены, что онъ заслоняетъ намъ общій, и что, съ паденіемъ его, намъ будутъ доступны свѣтъ и теплота истинныхъ авторитетовъ.

Но у насъ, въ литературѣ, дѣло идетъ совершенно на оборотъ. Частный авторитетъ не признается потому, что отвергается общій. Такъ, въ безчисленныхъ толкахъ о Пушкинѣ, обнаружилось наконецъ вполне ясно, что онъ отвергается только потому, что не признается самая поэзія, что отвергается поэзія вообще. Если поэзія вздоръ, то разумѣется и Пушкинъ вздоръ. Такъ точно историковъ и философовъ не признаютъ потому, что отвергаютъ исторію и философію.

Отрицаніе общихъ авторитетовъ! Какое мрачное и жестокое дѣло! Оно разрушаетъ въ самомъ корнѣ величайшее счастье нашей человеческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если чѣмъ краше и теплее наша жизнь, то развѣ не тѣмъ, что мы вѣруемъ въ общіе авторитеты, въ добро, въ истину, въ красоту? Если бы я не понималъ ни философіи, ни исторіи, ни поэзіи, то не отрадно ли мнѣ все-таки думать, что есть на свѣтѣ настоящая философія, что совершается вокругъ меня исторія, что существуетъ чистая поэзія? Благотворно передъ ними и стараться понять ихъ, есть уже великое счастье. А безъ этой вѣры, безъ *вѣры въ людей* счастье невозможно. Только при ней мы можемъ ясно судить, тепло чувствовать и твердо дѣйствовать;—отвергать ложь во имя правды, казнить безвкусіе во имя вкуса, презирать ничтожество во имя величія.

Но что же это? я увлекся и даже сбился съ надлежащаго моего тр-

на. Не подумайте, сдѣлайте милость, чтобы я хотѣлъ, даже намекомъ, упрекнуть когонибудь въ отрицаніи такихъ авторитетовъ, какъ напримѣръ добро. Но, что касается до красоты, то она у насъ уже погибла безвозвратно; даже истинна, какъ вы отчасти видѣли, а дальше еще больше убѣдитесь, уже не нравится г. Писареву. Сейчас я подробно объясню вамъ, въ чемъ дѣло, и вы увидите, что все это возвано и простоудушно въ высочайшей степени.

Начали мы съ отрицанія частныхъ авторитетовъ, и сначала дѣло шло самымъ правильнымъ образомъ, то есть отрицалось частное во имя общаго. Постепенно мы становились все смѣлѣе и смѣлѣе и, наконецъ, дошли до смѣлости, которой примѣра, я вполнѣ увѣренъ, не было въ лѣтописяхъ міра. То есть я не думаю, чтобы въ какомънибудь обществѣ, въ книгахъ, написанныхъ для образованнаго класса, такъ часто и такъ развязно были осыпаны бранью великіе люди и великія дѣла всякаго рода, какъ у насъ. Я готовъ пари держать, что въ настоящую минуту нѣтъ литературы, въ которой бы такъ часто употреблялись бранныя слова — напримѣръ вздоръ, нелпость, дичь и пр. (г. Автоновичъ недовольный этими словами пробуетъ ввести еще новые — чепуха, ерунда и пр.). Въ потокѣ брани все сравнялось и мы стали за панвбрата обращаться съ какими угодно лицами, съ какими угодно предметами. Я помню яростнымъ, и наивнымъ, въ своей ярости, выходки противъ Цицерона, Горация, Корнелия, Расина, Шиллера и пр., не говоря уже объ отечественныхъ писателяхъ, и о множествѣ другихъ людей и другихъ предметовъ.

Разумѣется, общіе авторитеты уже не могли служить основаніемъ такихъ игривыхъ сужденій, и такимъ образомъ мало по малу открылось, что общіе авторитеты были употребляемы только по привычкѣ, почти безсознательно, для низверженія частныхъ, но что корень всего событія, истинная его причина скрывается глубже и совершенно въ другомъ мѣстѣ.

Эта причина, этотъ корень, — я убѣжденъ, милостивый государь, что я открылъ его и позволяю себѣ гордиться открытіемъ столь важнымъ въ исторіи современной отечественной словесности, — состоитъ въ томъ, что наши литераторы заразились сильною склонностью мыслить самостоятельно, вполнѣ самобытно. Такое явленіе, повѣрьте, радуетъ меня на сколько слѣдуетъ, но на столько же, на сколько слѣдуетъ, и печалитъ. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ легкомысленное довѣріе къ собственной логикѣ. Все больше и больше является людей, которые не хотятъ учиться у другихъ, не хотятъ быть

ни къ чему внимательными, не могут ни понять, ни оцѣнить чужое мнѣніе, а предаются только *удивленнымъ*, собственногъ мыслямъ. Они начинаютъ разсуждать сначала, какъ будто до нихъ еще никто не жилъ и не разсуждалъ, или какъ будто всѣ кто не жилъ, не умѣли разсуждать. Они блуждаютъ, какъ въ потьмахъ, потому что они совершенно слѣпы для свѣта чужихъ мыслей; за то свѣтъ, которымъ горитъ ихъ собственная мысль, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, кажется имъ единственно яркимъ и блистательнымъ. Имъ кажется, что весь міръ покрытъ глубокой ночью, и что они—свѣтляки, блуждающіе среди этой тьмы. Точнѣе я обозначаю это выраженіемъ — *тиранія собственныхъ мыслей*. Человѣкъ въ этихъ случаяхъ не самъ владѣетъ своею мыслью, но, на оборотъ, мысль имъ владѣетъ. Хорошо, если мысль великая: — тогда и явленіе будетъ великое; но вѣдь извѣстно, что мы большею частію люди маленькіе; слѣдовательно явленія необходимо будутъ жалкія и ничтожныя.

Не видя другого свѣта, кромѣ собственнаго, они не заботятся о томъ, чтобы воссламенить его также ярко, какъ у другихъ; они не заботятся о глубинѣ своихъ мыслей, и потому всякая мыслѣнка, рожденная собственнымъ ихъ чревомъ, помыкаетъ ими, какъ тряпкою. Жалкое состояніе! Человѣкъ, руководимый жизнью, видитъ вокругъ себя свѣтъ; онъ не легко рѣшается быть самостоятельнымъ, но, если рѣшается, то не попадетъ въ просакъ и слѣдетъ нѣчто прочное; человѣкъ же, который видитъ свѣтъ только въ себѣ, можетъ каждую минуту воображать, что слѣдетъ великія открытія, и однакоже цѣлую жизнь провозиться съ какими нибудь плохими софизмами собственнаго изобрѣтенія.

И вотъ насъ все больше и больше заѣдаютъ наши *самобытныя русскія разсужденія*; отъ нихъ-то и происходитъ отрицаніе общихъ авторитетовъ, потому что авторитетъ, какъ я уже сказалъ, требуетъ уваженія и подчиненія, и слѣдовательно мѣшаетъ раздолью самобытности.

Такъ, наиримѣръ, исторія очевидно сильно мѣшаетъ г. Чернышевскому. Вотъ, что онъ говоритъ:

... На этомъ способѣ разсужденія (т. е. на историческомъ способѣ), опираются разныя вздорныя мечтанія и объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Если бы толковали только о древней Римской имперіи, мало было бы намъ огорченія и вреда. Но бѣда въ томъ, что точно также трактуютъ о вопросахъ, важныхъ для нынѣшней практической жизни народовъ, въ особенности народовъ полуварварскихъ.

Точно такъ г. Писаревъ жалуется на то, что русская литература

испрѣчаетъ помѣху въ общихъ авторитетахъ и совѣтуетъ ей быть смѣлѣе.

Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства, говоритъ онъ, наша литература относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то шловоину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства.

И такъ вы видите, общіе авторитеты отвергаются во имя собственныхъ разсужденій или даже внушеній собственнаго чувства.

Что же это за разсужденія и за внушенія? Что возникаетъ въ глубинѣ нашихъ умовъ, довѣряющихся собственному свѣту? Постараюсь характеризовать эти мысли, при чемъ, прошу васъ замѣтить, я на мамо не уклонюсь отъ главной своей мысли, то есть, я на мѣренъ не *опровергать* ихъ, а только *излагать*; не *разрушать* ихъ, а напротивъ *вникать* въ нихъ и *описывать* ихъ.

Г. Чернышевскій начинаеть съ того, что объявляетъ исторію очень скучнымъ дѣломъ. Намѣреваясь писать о величайшемъ переворотѣ, какой только былъ въ мірѣ, онъ говоритъ, что это предметъ сухой и скучный, *передъ которыми суэскій каналъ и зундская жошлина — сюжеты занимательные*. Слѣдовательно, что же можетъ быть еще *снучнѣе*?

Сейчасъ вы и видите, что г. Чернышевскій не придаетъ этому перевороту того глубокаго смысла, который мы привыкли придавать ему. Въ паденіи древняго міра мы привыкли видѣть самое важное историческое событіе. Если кто знаетъ исторію только по слуху, то онъ все-таки воображаетъ, что нужно много учиться и думать для того, чтобы *вполнѣ познать, что и какъ здѣсь произошло*, познать, что это было за жизнь, *древняя жизнь*, которая ушла, и въ чемъ состоитъ новая жизнь, которая началась. Но во мнѣнію г. Чернышевскаго все это такъ просто, что тутъ не приходится и думать, да *скучно и говорить*. Римъ палъ просто *отъ варваровъ*, единственно и *исключительно* отъ варваровъ.

Варваровъ было тогда ужасно много. *Отъ Амура до Рейна*, пишетъ г. Чернышевскій, *все безмѣрное пространство было занято войскими дикарями*. Догадливый читатель тотчасъ смеянетъ — жаль, что этого не договорилъ г. Чернышевскій, что — варваровъ, пожалуй, было гораздо больше, чѣмъ жителей въ Римской имперіи.

Но кромѣ того, это были прѣжестокіе варвары. Вотъ какъ ихъ описываетъ г. Чернышевскій :

«Варваръ рѣзалъ людей такъ, какъ школьники бьютъ мухъ, безъ всякой надобности, просто отъ скуки. Ему не нужно было уклоняться съ пути, который онъ признавалъ справедливымъ; у него не было ни колебаній, ни опасеній, не было того непріятнаго чувства, которое отталкиваетъ челоуѣка отъ дурнаго дѣла, и для преодоленія котораго, нужны особенныя, довольно сильныя побужденія; нѣтъ, онъ не дѣлалъ ничего дурнаго, когда рѣзалъ и грабилъ. Онъ дѣлалъ это съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ мы выпиваемъ рюмку вина, или садимся играть въ преферансъ».

Ужасно, не правда ли? Ну можно ли было Римской имперіи справиться съ такими варварами? И вотъ они терзали, терзали и, наконецъ, совсѣмъ разрушили прекрасную имперію. Какой печальный и страшный случай! Даже самъ г. Чернышевскій, не смотря на свою смѣлость и рѣшительность, при мысли о *такомъ* разрушеніи древняго міра, впадаетъ въ элегическое настроеніе духа и повторяетъ прекрасныя стихи :

Сколькохъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькохъ низкихъ рокъ шадить!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ!

Но истина всего дороже, и потому онъ, не обинуясь, высказалъ свое рѣшительное мнѣніе :

«Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни меньше, какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротивъ жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель Римской имперіи такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи».

Вы видите, что настоящее возраженіе противъ этого мнѣнія, — именно то, что съ нимъ невозможно спорить. У кого же въ самомъ дѣлѣ достанетъ наивности приводить, по этому случаю, г. Чернышевскому доказательства внутренняго разложенія древняго міра, ссылаться на свидѣтельства самыхъ древнихъ писателей, и вообще припоминать и разъяснять какія нибудь черты этого страшнаго времени? Время было дѣйствительно страшное; такой тоски, такого отчаянія и сомнѣнія, такого упадка душевныхъ силъ, еще никогда

не испытывалъ человѣкъ. Время странное и страшно любопытное, и глубоко поучительное... Но увы! Все наше горе въ томъ, что дѣло-то у насъ идетъ совсѣмъ не объ этомъ времени, а только о г. Чернышевскомъ. Прекрасно было бы, если бы г. Чернышевскій сталъ изучать это время и сталъ говорить о немъ съ читателями. Но это благополучіе очень далеко отъ насъ. Теперь же г. Чернышскій вздумалъ только сообщить публикѣ одну изъ *своихъ собственныхъ мыслей*, и передъ этою мыслью, Римъ со своею исторіею долженъ былъ посторониться и исчезнуть безвозвратно. Въ этомъ весь смѣлъ, все значеніе и содержаніе статьи.

Какая же эта мысль? Г. Чернышевскій разсуждаетъ абсолютно и именно слѣдующимъ образомъ: внутреннихъ причинъ паденія Рима не было, потому что вообще внутреннихъ причинъ никакихъ не можетъ быть.

«Говорятъ: римскій міръ истощилъ свои жизненные силы». Что же, развѣ люди, его составляющіе, утратили человѣческую натуру? развѣ они перестали родиться имѣющими человѣческій умъ и человѣческія наклонности? или развѣ, по какому-то особенному случаю, всѣ люди въ Римской имперіи раждались идиотами? Что за вздоръ! пока общество состоитъ изъ людей, оно имѣетъ въ себѣ всѣ свойства человѣческой природы. Отживает свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но, съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ, является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа».

«Какъ же это общественныя силы могутъ истощаться? Какъ можетъ уменьшаться въ обществѣ свѣжесть и молодость, пока рождаются люди?».

Не правда ли, что подобныя рѣчи — драгоценная находка? Не правъ ли я былъ, говоря, что это сонныя рѣчи, въ которыхъ проговаривается русская литература, и которыя нужно тщательно замѣчать. Всмотритесь, какая въ нихъ дѣвственная самобытность! Какая наивная и соблазнительная ясность, возможная только при глубочайшемъ непониманіи предмета! Исторія, какъ вы видите, разрушается до корня. Если жизнь одного поколѣнія не входитъ, не воплощается въ жизнь другого, то исторія — чистый вздоръ. По мнѣнію г. Чернышевскаго, каждый новый человѣкъ какъ будто начинаетъ исторію сначала, каждый можетъ взять отъ предковъ только то, что самъ вздумаетъ, и г. Чернышевскій наивно увѣренъ, что, отъ начала міра, каждый юноша чувствовалъ себя такъ раздольно и свободно, и былъ связанъ со своими предками на столько, на сколько хотѣлъ.

Увы! Г. Чернышевский может быть правъ, только *основанъ* не въ томъ, въ чемъ онъ думаетъ. Мнѣ кажется, *въ* это мнѣніяхъ только простодушнѣйшимъ образомъ выразилось то положеніе, въ которомъ чувствуетъ себя самъ г. Чернышевскій. Да, онъ, какъ видно, свободенъ, онъ ни чѣмъ не связанъ, ни съ древнимъ Римомъ, ни съ чѣмъ нибудь другимъ въ исторіи. И едва ли не находится въ подобномъ положеніи многіе изъ нашихъ русскихъ умовъ и изъ нашихъ русскихъ писателей. Многіе изъ насъ, очень многіе обитаютъ въ свѣтлой области облаковъ, а не на твердой почвѣ исторіи. Скажу больше, кто изъ насъ не чувствуетъ, что онъ болѣе или мѣдѣе не нуждается атому положенію, что почва скользнуть у него подъ ногами?

Но это положеніе, въ которое мы приведены все-таки *нашею исторіей* есть положеніе бѣдственное и печальное. Носиться въ туманѣ одинокимъ и оторваннымъ, заключая весь свой міръ въ себѣ, и не чувствовать вокругъ себя свѣтлаго и кипучаго моря родной исторіи—грустно въ высочайшей степени. Есть жизнь гораздо лучше, когда каждый новый человекъ не отрывается отъ почвы, когда онъ вступаетъ въ ту жизнь, которою живетъ *цѣлый его народъ*, и въ этотъ періодъ этой жизни, въ какомъ онъ засталъ ея исторію. Объяснять г. Чернышевскому, въ чемъ состоитъ жизнь, о которой я говорю, я не стану. Я хотѣлъ только сказать, что хорошо только то общество, въ которомъ слышна и свѣжа эта общая историческая жизнь, въ которомъ каждый членъ чувствует шокъ собою эту *мечту*, этотъ родной авторитетъ. Напротивъ, жалько и ничтожно то общество, въ которомъ этого авторитета нѣтъ, въ которомъ каждый членъ цѣлую жизнь носится и нячится съ одними *собственными* мыслями.

Перейдемъ теперь къ г. Писареву. Множество родственнѣхъ чертъ ставятъ его статью въ одинъ разрядъ со статьёю г. Чернышевскаго. Если г. Писаревъ уничтожаетъ философію, то вовсе не потому, чтобы онъ зналъ философію и нашелъ бы въ ней что нибудь дурное. И здѣсь, къ несчастію, дѣло идетъ не о философіи, а только о г. Писаревѣ; онъ отрицаетъ философію точно также, какъ г. Чернышевскій исторію, то есть, во имя нѣкоторой мысли; до которой онъ собственнымъ умомъ дошелъ. Г. Писаревъ, какъ оказывается, очень хлопочетъ о *всеобщемъ благополучіи*, и вотъ какинъ егo идея:

«Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе пронесетъ васъ между равными подводными камнями жизни и литературы. Столетіями

убѣжденія, шестожелье на поделану, мягкой и добродушной натурѣ, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ, не тяжкимъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденіи будутъ легки, потому что вы не будете вѣбираться на непослаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а наслажденіемъ, занимательною книгою, въ которой каждая страница отличается отъ предыдущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не стѣняя другихъ непрощенными работами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство и съ благодарностію или вѣраіе съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Если бы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами не убѣжденіамъ, т. е. заботились только о себѣ и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ востаній идеала и долга и не выѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольіе было бы жить на облоузъ свѣта..»

«Идеалъ человѣка *sempiternus* и *laus*, челоуѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника — все это мечты, которыми многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отражаютъ жизнь и мѣшаютъ беззаветному наслажденію.»

Таковъ идеалъ благополучія, къ достиженію котораго г. Писаревъ старается способствовать своимъ ближнимъ. Г. Писаревъ заботится о томъ, чтобы ничто не отраало жизни, и потому, разувѣтается, возсталъ противъ философіи, такъ какъ она въ смыслѣ г. Писарева, сильно *отраалетъ жизнь*, порождая умственный аристократизмъ и мѣшая беззаветному наслажденію.

Съ своей точки зрѣнія онъ легко доказываетъ *безполезность* философіи.

«Въ практической жизни, пишетъ онъ, мы всѣ материалисты и всѣ идемы въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и материалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеалъ служитъ вѣчнымъ упрекомъ и протопанымъ кошмаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣластъ фактического вѣла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ; вы садитесь за письменный столъ и пишете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ и, если вѣзла тетрадь или книга не попадетъ вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя бы ваше сознаніе говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахару, то вы сейчасъ же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо убѣрены въ томъ,

что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахара, сколько кладете обыкновенно.»

Вы видите, что это также ясно и даже яснѣе, чѣмъ мысль г. Чернышевскаго, что исторіи нѣтъ, потому что старое поколѣніе — люди, новое поколѣніе — тоже люди и слѣдующее поколѣніе — опять таки люди. Такого рода соблазнительная и заразная ясность основывается, какъ я сказалъ, на глубочайшемъ непониманіи предмета, и потому дойти до нея очень легко.

Если вы напримѣръ вообразите, что идеализмъ есть чай, а материализмъ сахаръ, то вы можете съ поразительною ясностью доказывать, что идеализмъ безъ материализма не вкусенъ, т. е. что чай безъ сахара никакъ не будетъ сладокъ.

У г. Писарева есть еще другія доказательства.

«Философскіе вопросы, говоритъ онъ, останутся не понятными для человѣка, одареннаго простымъ, здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служить самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей бесполезности подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь (*profanum vulgus*) отъ храма науки, не въ духъ нашей эпохи; это не гуманно и опасно; если же всѣ вообще, а не одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не мѣшало бы выкинуть вонъ изъ науки то, что понимается не многими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Странно назвать міровою истинною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитие такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, вращаютъ формы, лишонныя содержанія, и умышленно отворачиваются отъ пріятельской пестроты живыхъ явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую-то не соразмѣрность въ развитіи отдѣльныхъ частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ ногу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣльнымъ тогъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона также странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ сионцѣ высшую фазу развитія человѣка.»

Опять повторяю, не съ тѣмъ я привожу эти выписки, чтобы опровергать ихъ или смѣяться надъ ними: я не способенъ къ по-

добному легкомыслію. Предлагаю вамъ серьезно выслушать въ нихъ. Разумъ человѣческій всегда дѣйствуетъ одинаково, и законы его непреложны; въ этомъ мы можемъ убѣдиться даже на г. Писарева. Всякій общій авторитетъ можетъ быть отрицаемъ съ видимою законностію не иначе, какъ во имя *другого общаго авторитета*. Такъ и поступаютъ наши писатели; они отрицаютъ извѣстную науку во имя другой науки или истины вообще; отрицаютъ право или красоту во имя пользы и т. д. Г. Писаревъ пошелъ дальше всѣхъ, и вы ясно видите, что онъ отрицаетъ все во имя одного общаго авторитета, во имя *жизни*, а жизнь онъ очевидно разумѣетъ, какъ *примелеательную шестроту жизни и беззащитныхъ наслажденій*.

Такимъ образомъ, я надѣюсь, вы убѣдились, милостивый государь, что здѣсь дѣйствительно есть нѣкоторое *движеніе самостоятельной мысли*, и что это не есть одна только чистая чепуха и ерунда, говоря слогомъ г. Антоновича.

Въ заключеніе приведу вамъ заключеніе статьи г. Писарева, такъ какъ въ немъ съ чрезвычайной наивностію высказывается глубокая тайна такихъ писателей, именно открывается, почему она такъ *беззащитно* предаются своимъ самостоятельнымъ размышленіямъ.

«Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *своѣмъ* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своими* личными впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ г. Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ наибольшую свободу выбрать тѣ или другія, или отвергнуть и тѣ и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи въ что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самостоятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтятся много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самостоятельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ нибудь рецензентомъ, это опять таки будетъ очень полезно: *du choc des opinions jaillit la verité*, говорятъ французы и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться.»

Повѣрьте, что этотъ драгоценный отрывокъ (я считаю его драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ, которые привелъ) написанъ недаромъ; не съ вѣтру; не думайте, что можно отъ него отдѣлаться, сказавши

автору: г. Писаревъ! ваша статья вызвала въ мнѣ только ту скромную мысль, что для насъ лучше бы было сочинить ее не писать. Нѣтъ; дѣло не такое простое. Эти соображенія г. Писарева очевидно подготовлены нашею литературой; они представляютъ логическій выводъ изъ того положенія, въ которое себя ставятъ, изъ того тона, который принимаютъ многіе наши писатели. Г. Писаревъ не виноватъ, вообразивши, что смелѣтельность мысли всегда полезна, а слѣдовательно всегда законна и нужна. Онъ видѣлъ, что вокругъ него мыслятъ самоудѣлительно одинъ, другой, третій, словомъ всякій, кто вздушается; вотъ онъ и возвелъ это явленіе въ принципъ, въ общее правило; вотъ онъ и говоритъ теперь намъ: *давайте же съ мысли смелостальныя и чуждыя другому не мыслать!*

Этимъ я заключаю, милостивый государь, мое изслѣдованіе двухъ современныхъ произведеній литературы. Мнѣ кажется, что я велъ дѣло съ надлежащею точностію, и что мой малый трудъ имѣлъ бы полное право украситься такимъ заглавіемъ; *краткая, но точная характеристика двухъ замѣчательныхъ образчиковъ статей, встречающихся въ изобилии на полѣ русской литературы.*

Скажу еще разъ, незначительность предметовъ ни сколько не япшаетъ важности и серьезности научныхъ изысканій надъ ними. Натуралисты даже съ особеннымъ любопытствомъ изслѣдуютъ микроскопическіе организмы, надѣясь *яснѣе видѣть* въ нихъ тайны жизненныхъ процессовъ. Въ этомъ отношеніи, я надѣюсь, вы найдете весьма удачнымъ мой выборъ статьи г. Писарева; она, по методу сравненія, во многомъ помогла мнѣ въ характеристикѣ статьи г. Чернышевскаго.

Позвольте теперь мнѣ предаться нѣскольکو болѣе общимъ соображеніямъ. Я доказалъ, что истинный источникъ статей есть самоотемтельное мышленіе. Что же мы выдумали, начиная излагать самостоительно? Мы выдумали страшное дѣло — отрицаніе *общихъ авторитетовъ*. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, мы просто только остались вѣрными своей натурѣ, только успѣли вполне ее выразить. Чуть только мы *невозможнѣ научились мыслить и говорить*, какъ мы и показали, что мы варвары, народъ дикій. У насъ нѣтъ ни науки, ни искусства, ни философіи, ни исторіи; мы не умѣемъ, не привыкли, не научились уважать ихъ; вотъ почему мы такъ грубо съ ними обращаемся, такъ мало ихъ цѣнимъ, такъ легко отбрасываемъ. Мы презираемъ и осмѣиваемъ историковъ, философовъ

фанта, поэты, потому что мы их не понимаем, не понимаем их изъ-за чего они хлопочутъ, что ихъ такъ сильно воодушевляеть; мы съ удивленіемъ смотримъ на нихъ, какъ дикарь смотритъ на зачатя образованнаго челоука, мы готовы считатьъ ихъ труды высеконарною болтовнею, или страшными, безцельными тожкостями.

И такъ, что же? Ужели намъ дѣйствительно суждено начать исторію *ананада*? Признаюсь, подобное будущее не разъ мелькало въ моемъ воображеніи, и съ нѣкоторымъ ужасомъ я пробовалъ вглядѣться въ него. Что будетъ, если самостоятельные люди размножатся, если они со временимъ будутъ господствовать въ обществѣ мѣтницъ? Общія авторитеты погибнутъ. Что намъ за дѣло до Рима съ его исторіей, или до нѣмецкихъ философовъ? Мы не станемъ изучать не только древнихъ языковъ, они давно признаны безцельными, но бросимъ и исторію, и философію, и поэзію, и всё искусство. Одна будетъ у насъ цѣль, и притомъ, кто не будетъ для нея работать! — *материальное благосостояніе*. И дѣйствительно, мы вѣроятно прекрасно устроимся, какъ скоро бросимъ заниматься пустяками. У каждаго будетъ работа; всё мы будемъ сыты, одѣты, не будемъ терпѣть ни голода, ни нищеты, будемъ здоровы, а заболѣемъ — найдемъ всегда докторовъ и лекарства. И тогда-тогда конечно можно будетъ позволить себѣ иногда позабавиться музыкою или поэзіею, или пофилософствовать на сытый желудокъ; но что касается до исторіи — скучная матерія! не лучше ли ее совсѣмъ ужъ бросить?

Я предупредилъ васъ, что я мечтаю; и дѣйствительно все это грезы, чистыя мечтанія. Спѣшу возвратиться на твердую почву дѣйствительности, которую столько люблю. Какъ можно вообразить себѣ, что погибнутъ общія авторитеты? Вѣдь они полны крѣпкой, неистощимой, вѣчно обновляющейся жизни. Сколько бы варварства въ насъ ни было, они принудятъ насъ себѣ покориться. Борьба съ ними и мнимое пораженіе ихъ, есть чистая игра фантазіи. Въ дѣйствительности наша литература чрезвычайно фантастична. «Современникъ» часто напоминаетъ мнѣ какой-то сказочный, баснословный міръ, въ которомъ совершаются большіе чудеса. Г. Чернышевскій или другой рыцарь, какъ новый Бова королевичъ, дѣлаеть въ этомъ мірѣ тысячи богатырскихъ подвиговъ. Онъ свиснетъ — и десятки ученыхъ уничтожены; махнетъ перомъ — смотришь, какой-нибудь науки какъ не бывало, или исторія цѣлаго народа — развѣлана прахомъ. Но все это такъ кажется только въ фантастическомъ мірѣ «Современника». Если же оглядѣться кругомъ въ дѣйствительности, то окажется, что и ученые,

и науки, и исторія здравы и невредимы и продолжают дѣлать свое дѣло.

Откуда же у насъ взялось это фантастическое богатство? Почему оно нашло себѣ такое сильное сочувствіе? Конечно потому, что корень его *самобытность* мысли. Самобытность, самодѣятельность мышленія есть явленіе драгоцѣнное, глубоко-привлекательное. Не смотря на нашу малую способность разсуждать, не смотря на наше пристрастіе къ *соблазнительной ясности*, не смотря на то, что эта самостоятельность почти неизбѣжно сопровождается чудовищнымъ развитіемъ самолюбія и презрѣнія къ другимъ людямъ, и вообще порождаетъ множество дикихъ явленій, какъ только выйдеть изъ границъ, не смотря на все это *самостоятельность* мысли сама по себѣ мнѣ мила, и конечно мила всякому. Она есть главная двигательная сила людей. Что же се у насъ такъ портитъ, такъ уродуетъ и заговяетъ въ фантастическія области? Какъ и почему наша исторія привела насъ къ этимъ нерадостнымъ явленіямъ?

Вы видите, что это такіе вопросы, на которые не легко отвѣчать.

Н. КО.

8 мая 1861 г.

**Энциклопедическій словарь, издаваемый
русскими учеными и литераторами. Т. I. А—
АДБ. Спб. 1861 г.**

Духъ ассоціаціи, бывшій главной причиною появленія въ 1859 и 1860 годахъ столькихъ акціонерныхъ компаній, проникъ тогда же и въ нашу литературу. Литераторы, конечно, не могли составить компаніи для проведенія желѣзной дороги, напримѣръ хотя бы отъ г. Краевскаго до г. Бенардаки, но тѣмъ не менѣе затѣяли дать публикѣ капитальнѣйшую вещь — полный энциклопедическій словарь. Составилась ассоціація чуть ли не изъ трехъ сотъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Фактъ, во всякомъ случаѣ хорошій, потому что онъ свидѣтельствуетъ о возможности еще на Руси соединиться умнымъ людямъ для одной общей цѣли. И такъ какъ за энциклопедическій словарь взялось громадное число ученыхъ и литераторовъ, то они затѣяли его не на шутку, а въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ что говорило объявленіе о немъ, вышедшее въ прошедшемъ году:

• Энциклопедическій словарь назначается преимущественно для большинства образованной, или ищущей образованія публики, съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ отчасти удовлетворялъ и нѣкоторымъ требованіямъ ученыхъ. Въ немъ должны находить себѣ объясненіе и истолкованіе различныхъ возбуждающихъ любопытство предметовъ грамотные люди всякаго состоянія, начиная отъ окончившаго университетскій курсъ студента до ученика гимназіи, до чиновника, купца, фабриканта, сельскаго хозяина, военнаго, не получившихъ высшаго классаго образованія, а между тѣмъ читающихъ книги и журналы, занимающихся своимъ дѣломъ серьезно, и потому нерѣдко ищущихъ отвѣта на разные вопросы, которое задаетъ имъ, или чтеніе, или ходъ работъ ихъ, или, наконецъ, самая жизнь, то общество, гдѣ часто они слышатъ толки о предметахъ, не совсѣмъ имъ знакомыхъ, но не менѣе

того любопытныхъ. Откуда почерпнули бы они эти ответы безъ словаря? Учиться поздно, а главное нѣкогда, а между тѣмъ узнать было бы и интересно и полезно! Въ этомъ случаѣ энциклопедическій словарь можетъ оказать имъ истинно благодѣтельную помощь, давая отвѣты на всѣ подобныя вопросы.

Такой словарь, естественно, не можетъ быть ни спеціальнымъ, ни такъ называемымъ, справочнымъ, а долженъ занимать между ними средину. Въ спеціальныхъ словаряхъ ищутъ не только объясненія, но цѣлыхъ отдѣльныхъ трактатовъ ученые, посвятившіе себя известной отрасли знанія; къ справочнымъ прибѣгаютъ только за справками, т. е. за краткимъ объясненіемъ какого-либо слова, въ хронологическомъ датую и т. п. Въ словарь энциклопедическомъ, имѣющемъ въ виду читателей, которые, кромѣ пополненія своихъ свѣдѣній, ищутъ занимательнаго и полезнаго чтенія, нельзя довольствоваться, въ большей части случаевъ, одними краткими указаніями, или намеками, понятными лишь тому, кто совершенно знакомъ съ предметомъ, а въ словарь видѣть только пособіе для своей памяти; въ немъ должно быть сверхъ краткихъ объяснительныхъ и полныя обстоятельныя статьи, легко читаемыя и легко передающія свѣденія, особенно по такимъ предметамъ, которые интересуютъ большинство публики. Отъ этого въ энциклопедическомъ словарѣ могутъ и должны помѣщаться, какъ полныя общенитересные трактаты, написанные языкомъ понятнымъ не для однихъ спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго человѣка, краткія указанія и поясненія словъ. Главное мѣсто въ такомъ словарѣ, естественно, занимаютъ статьи по предметамъ общаго интереса, т. е. по наукамъ историческимъ, философскимъ, политическимъ, замаральскимъ (промышленность и хозяйство), словеснымъ, естественнымъ и по искусствамъ; второстепенное же мѣсто принадлежить наукамъ, относящимся къ болѣе спеціальному образованію: математическимъ, медицинскимъ, военнымъ и др., съ тѣмъ однакожъ, чтобы и по этимъ предметамъ словарь давалъ возможно полное, ясное, и удобопонятное толкованіе.

Т. е. энциклопедическій словарь, предпринимаемый нашими русскими учеными и литераторами —

будетъ занимать средину между полнѣйшимъ спеціальнымъ и справочнымъ словаремъ, и потому —

назначается преимущественно для лицъ всякаго званія, состоянія и, пожалуй, всякой степени образованія, начиная отъ лицъ, окончившихъ курсъ университетскаго образованія и кончая купцомъ — фабрикантомъ; — что при этомъ —

онъ можетъ доставлять читателямъ легкое и пріятное чтеніе.

Вотъ видите, что это за энциклопедическій словарь, въ наше время затѣянный русскими учеными и литераторами. Какъ кажется, онъ долженъ заключать въ себѣ бредню мудрости по всѣмъ на-

культеташъ и всѣмъ русскимъ сынамъ будетъ помогать во всѣхъ жизненныхъ приключеніяхъ. Прихвѣрно, вы на вечерѣ у своего знакомаго. Ну, конечно, на вечерѣ бываетъ всякаго народу. Иной любить поболтать о наукѣ, о философіи, исторіи и проч., хотя самъ очень не силеетъ въ нихъ. Теперь вы, если имѣете подъ рукой энциклопедическій словарь, совершенно безопасны отъ словозверженія вашего противника. Справляетесь въ лексиконѣ о предметѣ разговора, и совершенно амнибасте своего противника. Иди, напримѣръ, въ обществѣ ядуть разговоръ о международныхъ отношеніяхъ, а вы рѣшительно не понимаете, что это за штука международныя отношенія. Возвращаетесь домой, прочитываете въ энциклопедическомъ словарѣ статью о международныхъ отношеніяхъ и на будущее время вы свободно можете разсуждать объ нихъ въ обществѣ. Иной, пожалуй, скажетъ, что коли въ головѣ нѣтъ ничего, такъ не много начиташь и въ словарѣ, что онъ не подыметъ уровня вашего образованія, такъ какъ къ чтенію чего хотите нужна своего рода подготовка; что если нѣтъ у васъ органическаго взгляда на вещи, уже приобрѣтеннаго, при которомъ невозможны столбняки при разговорахъ въ обществѣ, такъ къ вамъ не привьется прочно никакое знаніе; что, слѣдовательно, спасеніе ваше не въ энциклопедическомъ словарѣ, а въ научномъ образованіи, котораго, во всякомъ случаѣ, не найдете въ лексиконѣ. Но вѣдь это говорить такъ просто... не вѣрете нѣтъ. Вотъ хоть бы г. Головачевъ. Прочитайте-ка 22 № «Нашега времени» за прошедшій годъ, и вы увидите какъ про началъ онъ на мысль объ энциклопедическомъ словарѣ. Не совѣсть-то лестныхъ комплиментовъ неговорилъ онъ по поводу этого энциклопедическаго словаря; намъ, говорилъ г. Головачевъ, нужны отъ литературы трактаты о воспитаніи, педагогическія пособія и учебники. А они эти 300 ученыхъ профессоровъ и академиковъ подносятъ энциклопедическій словарь. Не грустное ли дѣло, вѣдате?

«Безикій грѣхъ, говорилъ онъ, все тотъ же г. Головачевъ, «общій всѣмъ намъ, брать готовые формы и втискивать въ нихъ какое нибудь содержаніе, и сплести, да риломъ удовлетворяться одной сорочкой, — и сколько легъ на сѣдло редакціи энциклопедическаго словаря и прочтества литераторовъ, подписавшихъ свои имена подъ объявленіемъ, умудря публику во столько качествомъ, сколько количествомъ. Редакція и сотрудники не разобрали, что если *словари*, дѣйствительно, бываютъ различнаго рода, то все-таки энциклопедическій словарь, какой бы онъ ни былъ, у насъ въ настоящее время не мыслимъ и неисполнимъ, потому что мы не только не имѣемъ достаточнаго числа ученыхъ, которые согласились бы усердно работать для него, но даже на каждомъ шагѣ чувствуемъ недостатокъ просто въ хорошихъ переводчикахъ, а

тѣ молодые люди, которые способны къ дальнему труду, которые занимаются мелкими расчетами, попадают въ сотрудничество великобюджетной индустриальной, должны возбудить въ каждомъ благородномъ, серьезномъ и искреннемъ сожалѣніи. Они отдадутъ свое лучшее время и свои лучшие силы на пустяки, приобретутъ не много, а въ будущемъ потеряютъ и т. д. Редакція не разобрала, что энциклопедическій словарь есть всегда выводъ, результатъ, формулированіе известной образованности, что онъ или завершаетъ опредѣленный циклъ ея, представляя итоги всей умственной жизни народа, или онъ есть справочная книга для людей, какъ специально ученыхъ, такъ и получившихъ общее образование; но это только тогда, когда уровень образованности въ определенной странѣ стоитъ высоко и равномерно, когда наука есть дѣло болѣе или менѣе популярное. Во всякомъ случаѣ словарь есть крайняя стадія цивилизаціи. Спрашивается гдѣ же у насъ что нибудь подобное? Гдѣ могла зародиться мысль о пользѣ энциклопедическаго словаря, какъ не въ коммерческихъ (sic!) соображеніяхъ? Да, почтенная редакція, общая и частная, не хорошо вы дѣлаете, увѣряя общество, что оно образовано, когда оно *полуграмотно*, да еще именно въ то самое время, когда оно начинаетъ сознавать всѣ свои недостатки въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, когда ему нужна поддержка, а не льстивыя рѣчи и т. д.

Т. е., говоря другими словами, мы еще не созрѣли до энциклопедическихъ словарей. А такъ какъ, по всѣмъ соображеніямъ, не предвидится, чтобы у насъ наука слѣдилась популярною скоро, по крайней мѣрѣ, хотя на роду нашемъ, то энциклопедическіе словари, по мысли г. Головачева, навсегда будутъ для насъ вредны. Какъ ни шпритно было намъ слушать отъ г. Головачева такіе горькіе комплименты, все-таки въ душѣ мы создавались, что онъ въ волюнну правъ. Хотѣли было доказывать ему, что мы созрѣли, — во-первыхъ, критическими статьями «Отечественныхъ Записокъ», далеко подвинувшими, но ихъ собственнымъ словомъ, на Руси критику уже послѣ выхода отъ нихъ Бѣлинскаго; во-вторыхъ, редакционными тономъ «Русскаго Вѣстника», возможнымъ только при самой высокой степени образованности въ странѣ, гдѣ онъ раздается; наконецъ, — тѣмъ, что намъ теперь ни почемъ ни Пальмерстонъ, ни Кавуръ, ни Россель, ни Гизо, ни Маклеей; давай кого угодно — въ пухъ разобьемъ. Но вѣдь г. Головачевъ скептикъ; пожалуй, еще самъ воспользуется для своихъ цѣлей этими фактами. И приходится согласиться съ одной половиной его силлогизма, что мы какъ-то плохо еще созрѣли. Но, въ силу нашей незрѣлости, будетъ ли энциклопедическій словарь бесполезенъ для насъ и вреденъ? это еще вопросъ, въ рѣшеніи котораго, пожалуй, мы и разойдемся съ г. Головачевымъ. Во-первыхъ — бесполезенъ

ль: онъ? Объ этомъ вы думали такъ: русскіе ученые издають энциклопедическій словарь... значить трудятся, хотя, правда, достается при этомъ и иностранцамъ словарникъ. Трудн не укрѣплотъ силы, следовательно для нихъ самая польза есть. Они побольше прочтутъ, лишній разъ подумаютъ, покажутся въ книжкахъ, значить, еще събудутся ученые. Ну, а для насъ-то? а мы иногда, хотя у насъ даже образованіи не такъ слѣшкомъ водни, прочитаемъ лишнюю статейку, полежаиъ даже для того, чтобъ деньги, заплаченныя нами за энциклопедическій словарь, не пропали даромъ. Глупѣе, если не умѣе, мы оттого не отблается; еслииъ лишнее знаніе забредеть въ голову — в слава Богу! Или справку какую нужно съблать; коли есть подъ рукой энциклопедическій словарь, такъ и дѣло кончово; не придется шагать лишній разъ въ библиотеки, хотя и тутъ приходится на умъ, что ужъ справляться въ энциклопедическомъ словарь, только въ крайней развѣ нуждѣ можно, да и для легкой или легкой либо журнальной статьи, потомучто въ ученыхъ сочиненіи не вычитавши цитата въ родѣ съблующаго: (см. энци. слов. 1861 года, стр. NN, изд. подъ ред. Краескаго). Все-таки словарь, новы и не въ большой мѣрѣ; можетъ быть для насъ полезныиъ. Что же касается до того, что онъ положительно вреденъ, какъ подумалось г. Головачеву, то это ужъ большая ипербола. Намъ думается, что не словарь будетъ вредить нашей недозрѣлости, а скорѣи на оборотъ. Положимъ, мы не созрѣли для него. Если мы не возрѣли, такъ и не оцѣнимъ его важности; значенія и достоинства, следовательно не купимъ, потомучто кому же охота бросать три рубля за книжку — дрянъ, по его мнѣнію. Изданіе уже тутъ не можетъ состояться и должно кончиться, коли скоро оно потерпѣтъ пренестъ новизны для недозрѣлой публики, значить панажется и повредитъ себѣ самъ же энциклопедическій словарь.

Такъ, говоримъ, словарь вообще, разумѣется, если онъ порядочно составленъ, не бесполезенъ для публики и тѣмъ болѣе не вреденъ. При всемъ томъ мы должны высказать собственное мнѣніе, что общіе энциклопедическіе словари, въ настоящее время неудобны для публики и что они отжили уже свой вѣкъ. Энциклопедія есть сборникъ всего, что выработано важнаго въ наукѣ и жизни человечествомъ въ данную эпоху. Въ тѣ эпохи исторической его жизни, когда наука и жизнь еще не получили слѣшкомъ большаго объема, энциклопедическіе словари были удобны и даже необходимы. Небогатыя содержаніемъ, жизнь и наука, удобно могли умѣститься въ какихъ-нибудь пяти-шести томахъ. Итакъ какъ въ нихъ подведены были все итоги умственного, нравственнаго и соціального развитія известной эпохи, то отнимъ

сильнѣе еще много облагался прогрессъ для каждаго изъ поколѣній: они легко могли въ одномъ источникѣ узнать все достаточныя и недостаточныя стороны развитія, преимущественныя и исключительныя и дополнить то, чего не доставало или пролкали. Такъ въ XVI вѣкѣ не трудно было собрать въ одно средневѣковыя трактаты и квадраты. Темъ не трудно было сформулировать все итоги устнаго и письменнаго развитія и въ XVIII вѣкѣ, когда наука и жизнь, хотя и широко развились, но все-таки требовали для своего помѣщенія еще не слишкомъ обьемистаго словаря. Въ настоящее же время, въ послѣдней половинѣ 19-го столѣтій, предпринимать энциклопедическій словарь, при такомъ широкомъ развитіи науки и общественныхъ отношеній, — значитъ предпринимать слишкомъ обширное, а потому и не совсѣмъ удобное для публики, изданіе. Научная сила современнаго человѣка состоитъ въ его специальности. Гумбольдтомъ не всякій можетъ быть; такіе гении рѣдятся только вѣками. Потому-то все гумбольдты забирають себѣ какую-либо науку, иногда часть ея и специально занимаются ею. При раздѣленіи труда, при вынѣшнихъ удобствахъ къ обнародованію добытыхъ результатовъ въ наукѣ, умелый специальный трудъ болѣе дешево другого приноситъ пользу послѣдней. Далейдвинуть въ наукѣ, говорить, нынче есть зло, указываетъ только на вѣдущую пустоту въ человѣкѣ. Ну-съ, такъ вотъ въ силу такихъ-то обстоятельствъ естественнаго опыта, пожалуй, и не приходится заключаться напр. къ со-стратегіей: его войско слишкомъ мирное и обходитя безъ битвъ; или напр. историкъ, пожалуй обойдется и безъ бухгалтерій. А кто посвятилъ себя Богословію тому не оченато нужно знать политическія науки. Спрашивается, при такомъ раздѣленіи ученаго труда, для кого же предназначаются общіе энциклопедическіе словари? Въдь если каждую изъ всѣхъ существующихъ наукъ, излагать въ полномъ ея обьемѣ, такъ вѣдь тутъ, по-ди, и бувади не найдешь въ Петербургѣ ма такой словарь? Вы скажете, что, молъ, въ энциклопедическомъ словарѣ вмѣщается только то-то, что нужно для человѣческаго образованія... но чѣмъ вы ренарѣдѣните границы въ выѣтвой наукѣ: гдѣ кончается нужное для человѣческаго образованія и начинается нужное для специальнаго. При томъ, какія науки внесете въ кругъ человѣческаго образованія: тѣ ли, которыя преподаются въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, откуда, между нами будь сказано, очевъ мало выходитъ людей, или сами составите имъ списокъ? Если теперь примемъ во вниманіе, что большая часть нашего образованнаго общества, для котораго и мазначается словарь, состоитъ изъ специалистовъ во разныхъ наукахъ, то — какъ же дорого обойдется

длинныхъ эти общіе энциклопедическіе словари? Мы неспшимъ нашу малолетку пришивать. Вы хотѣли бы приобрести въ обозначенное изданіе единств. уполном. повѣща, у котораго, зашѣгъте, рядомъ съ единственн. фирмивѣйшій дѣнь и съ садомъ. Вы торгуетесь съ хозяиномъ о какой помѣщкѣ... не вуть-то было: онъ продасть или некупить, вамъ ничего. Вы говорите, что вамъ нуженъ одинъ только елигаль, да постралуй, какъ говорится, изъ уваженія, еще въ дѣнь три-четыре комнаты, — можетъ быть и пригодится на что-нибудь. А хозяинъ стоитъ на своемъ. Ясно дѣло, что вы или вовсе некупите у него всего обширнаго заведенія, или, если покупаете, то остаетесь въ большомъ наладѣ, потому что изъ всего купленнаго огромнаго помѣщенія вы въ состояніи пользоваться только, можетъ быть, десятою частію его. Такъ вотъ, по нашему мнѣнію, тоже самое въ настоящее время и эти общіе энциклопедическіе словари. Вы зашѣгались, прицѣпиво физикой; для васъ, собственно-то говоря, мы имѣемъ интересъ статьи по этой наукѣ, или по другимъ, выходящимъ съ сою слезъ. А между тѣмъ въ общемъ словарѣ есть статьи по военнымъ наукамъ, къ которымъ вы, особенно если у васъ мирный характеръ, вовсе не чувствуете расположенія; тутъ есть статьи дѣль статей о развѣданныхъ монастыряхъ, о которыхъ, еслибъ вы желали вѣдать, намъ сообщимъ съ другой стороны, чѣмъ съ этой помѣщкы о нихъ свидѣнія въ словарь. И покупаете, значитъ, въ энциклопедическомъ словарѣ выхотѣ съ десятью нужными, а те зашѣгали вполонину, статьями двадцать, либо тридцать ненужныхъ; перья, следовательно, ободаете намъ въ тридцать. Не лучше ли, говори правду, купить на эти дѣньги какое либо новое сочиненіе извѣстнаго ученаго, имѣющее отношеніе къ вашему специальному предмету; или во всякомъ случаѣ вы произведительнѣе употребили бы дѣньги въ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ. Вотъ другое дѣло — частные, или специальные словари. Что они нужны и были бы полезны и удобны для нашей публички, это намъ весьма сомнѣнія. Частный словарь, по извѣстной наукѣ, можетъ всю се принять въ себя, конечно, можетъ быть для специалита очень полезной справочной книгой, въ тоже время во время обременяя его кармана. Такой словарь могъ бы стать съ уровнемъ современной науки... Ну какъ бы полезенъ былъ теперь у насъ подробный словарь хотя по географіи, или по исторіи, математикѣ и т. д.; уже же говоримъ, что по естественной исторіи и физикѣ она крайне нужна, за недостаткомъ у насъ хорошихъ рукодѣтъ. И подобныя частные словари были бы ходъ себѣ въ публичкѣ. Въдѣ издается по философскій лекціонъ Гороцкаго? Помогаютъ, что онъ неудовлетворителенъ, но видно, что публика поддерживаетъ

его, потому что вышестъ второй уже томъ. А, земѣйте, какіе-еще мы философы-то? Вѣдь стыдно славать. Мѣто покушаемъ и сделать философскіе лексиконы. Ну, чтобы теперь, если бы 300 ученыхъ нашихъ сотрудниковъ энциклопедическаго словаря раздѣлялись на группы, да вѣсто участія въ столпотвореніи Вагнеровомъ, занялись бы постройкою частныхъ словарей? Тутъ уже совѣтъ бы другого вышло дѣло. Впрочемъ, дѣло, какъ говорится, задѣлано; ослѣдствительно, теперь поздно разсуждать, что лучше бы вѣсто этого завѣяться другимъ, а разсуждать нужно о томъ, какъ лучше совершить зачатое дѣло; теперь вотъ уже и вышестъ 1-й томъ энциклопедическаго словаря. Чтожь? давайте, потолкуемте и о немъ.

Вышедшій первый томъ словаря снабженъ чѣмъ-то въ родѣ предисловія, гдѣ редакція высказывается нѣсколько насчетъ себя, какимъ ведетъ она свое дѣло. Оттуда мы узнаемъ, что почти каждая статья, намѣревающаяся попасть въ словарь, предварительно подвергается нѣсколькимъ цензурамъ, такъ, говорить предисловіе, «чтобы союкунными силами устранить односторонности и невольныя ошибки; трудъ редакціи статей, раздѣленный (?) на четырнадцать отдѣловъ, былъ добровольно увеличенъ трудомъ «взвѣнной критики. Каждый изъ насъ, какъ читатель, контрол-ировалъ всѣхъ своихъ соредакторовъ, хотя, конечно, лишь добровольно редакторъ каждаго отдѣла получался совѣтамъ прочіихъ «своихъ товарищей, и только, послѣ этой взвѣнной критики, статья проходила чрезъ окончательную инстанцію общей редакціи.»

Такой способъ печатанія статей напоминаетъ способъ веденія войны австрійскимъ гофкригератомъ. Тамъ дѣло велось такъ: составить главнокомандующій планъ и планетъ прежде всего въ утвержденіе этого гофкригерата; послѣдній разумеется сдѣлаетъ въ немъ нрличныя поправки; а потомъ, пожалуй, еще омыъ инвераторъ наложитъ свою руку на провить... и возвращается оны къ творцу своему въ изуродованномъ, иногда совершенно неизвѣсномъ видѣ. Мы не думаемъ, чтобы тоже самое произошло и въ редакціи «энциклопедическаго словаря»; высказали мы только потому, что улеклись оравненіемъ и не могли не подѣяться съ читателями плодомъ нашей фантазіи. Изъ предисловія же мы узнаемъ, что «въ большихъ статьяхъ «энциклопедическаго словаря» читатель имѣетъ довольно дѣльный взглядъ на важнѣшіе вопросы; мелкія статьи доставляютъ ему возможно-большое количество справочныхъ свѣдѣній. Въ тѣхъ и другихъ, предло-

слова, предисловія, мы стремимся не принадлежать какой-либо системе, не поставить читателя на современную научную фактическую точку зрѣнія. Въ этомъ совокупленіи большихъ руководящихъ статей съ мелкими справочными и въ этомъ поставленіи на первый планъ фактическаго содержанія вопросовъ заключается единство нашихъ общихъ трудовъ, не смотря на разнообразіе нашихъ частныхъ взглядовъ въ подробностяхъ.»

Такихъ образомъ, «Словарь» не хочетъ провоздвигать какого-либо ученія, а хочетъ поставить на первый планъ фактическое содержаніе вопросовъ. Конечно, никто не требуетъ, чтобы нашъ словарь былъ словаремъ энциклопедическѣ XVIII вѣка, тѣмъ болѣе, что, при нашемъ способѣ веденія дѣла, это совершенно невозможно. Но, если бы словарь имѣлъ одно опредѣленное направленіе, публика не побоялась бы за то на редакцію. Скажутъ: да вѣдь какъ же словарь хочетъ поставить читателя на современную научную точку зрѣнія? но въ томъ-то и дѣло, что эта прословутая современная научная фактическая точка понимается редакціей своеобразно. Въ силу ея она выдвинула на первый планъ фактическое содержаніе вопросовъ. Мы, правду сказать, вовсе не противъ фактическаго изложенія предметовъ, но, думаемъ, что выдвигать на первый планъ фактъ въ какихъ угодно статьяхъ, значитъ лишать ихъ жизни. Фактъ самъ по себѣ, голый фактъ, ничего почти не значитъ. Представьте себѣ кучу глины, песку, извести, жельза и т. п. Доколѣ они лежатъ въ кучѣ, въ разбросанномъ, разсѣянномъ видѣ, они ровно не имѣютъ для насъ никакого значенія; ими не пользуешься въ такомъ именно видѣ на какую-нибудь житейскую потребу. А что изъ нихъ дѣлаетъ рука архитектора? Вы идите преле съ собою домъ, построенный по всѣмъ правиламъ новейшаго искусства и не налюбуетесь глядя на прекрасный фасадъ его. Между тѣмъ вѣдь это все составлено изъ глины, песку, жельза и т. д., изъ той безобразной кучи, отъ которой невольно отворачивался вашъ глазъ. Такъ вотъ тоже самое бываетъ и въ наукѣ. Голые факты сами по себѣ — сумбуръ, глина, извести и т. д.; нуженъ имъ взглядъ, который объединяетъ ихъ, дѣлаетъ имъ дѣлу и значеніе. Вы скажете, что можно такъ наложить необходитныя вещи, что факты будутъ говорить сами за себя. Не споримъ, что это можно, и должно дѣлать въ такъ называемыхъ точныхъ наукахъ. Въ физикѣ, при изложеніи законовъ движенія; въ химіи, употребляясь въглядами; а давай, говорить, намъ факты, опыты, которые доказываютъ ихъ. И въ естественной исторіи тоже самое. Но при всѣхъ томъ, что и въ точныхъ наукахъ главнымъ образомъ преобладаетъ фактъ, все-таки сами по себѣ факты ничего не

даютъ, почему не дозволяютъ, но придаютъ имъ лишь формальную ценность, если они не основываются взглядомъ. Въ ботаникѣ даже какое-нибудь растеніе изъ породы сложнопятилистной, или въ зоологій — сурокъ, не потому только, что они могутъ на что-либо пригодиться человеку, не потому они важны, что одно-сложнопятилистное растеніе; а другой — сурокъ, а важны и вносится въ зоологію и ботанику, потому что цѣль этихъ наукъ отыскать весь непрерывающій рядъ звѣньевъ въ цѣлой системѣ природы и указать, вѣдѣе значеніемъ факта, тотъ родъ, которому слѣдовала природа въ постепенномъ развитіи своемъ отъ высшихъ видовъ и родовъ до самого лучшаго рода. Если бы геологи копаясь и рылись въ землѣ, отыскивая тамъ слои первичнаго и третичнаго образованія для того, чтобы узнать, что это за слои и только, изъ труда былъ бы самый неблагодарный и безполезный. А когда геологъ говоритъ, что, молъ, я вижу въ нѣдрахъ земли не гнейсы, сіениты, слюды или лавашиаго угля, а тайны образованія нынѣшняго міра, — тогда въ его рѣчахъ есть смыслъ, и я вижу разумную цѣль въ пологическомъ изслѣдованіяхъ. Все это мы говоримъ къ тому, что фактъ самъ по себѣ не дорогъ и не важенъ, а важенъ смыслъ его, важно то значеніе, какое вы составляете съ нимъ, иначе сказать, важенъ взглядъ, акцентъ иная факту. И это, говоримъ, требуется самыми точными науками, не говоря уже о философій или исторій. Далекое вы тамъ пойдете съ фактомъ — то однимъ? Значать, излагать такъ, чтобы фактъ говорилъ самъ за себя дѣло почти невозможное, хотя фраза хоть куда. Нѣтъ! укажите уголь зрѣнія, подъ какимъ должно свѣтрѣть на него... и только тогда онъ получаетъ смыслъ и акцентъ и вѣсто, гдѣ уголь. Впрочемъ, во избѣжаніе недоумѣній, слѣшнимъ оговориться. Мы вовсе не питаемъ неважности или пренебреженія къ фантическому построю науки или статьи. Шатающихся по небесамъ, безъ должной опоры на землѣ, мы тоже не любимъ. Есть много людей, любящихъ щегольнуть своими quasi либеральными взглядомъ, вуетить, что называется пыл въ глаза. Но, одинъ идею, взглядомъ, не выработанныя наукой, но основанные на фактахъ, какъ бы, поможемъ, они ни были хороши и прогрессивны, по нашему искривленому убѣжденію, одна пустота, вѣтеръ, который, по своей неустойчивости, будетъ дуть въ какихъ угодно направленияхъ.

И дѣйствительно, на вышедшемъ томѣ энциклопедическаго словаря сильно отразилась желаніе редакціи поставить читателя на современную научную фактическую тонку. Прежде всего это желаніе было причиной того, что безъ нужды слѣшкомъ увеличился объемъ этого тома. Такое явленіе очень понятно для редакціи на

первомъ явнѣе: стоитъ фактъ; фактъ же, сколько ни оста-
 вляй свои ко себѣ. Критеріи тутъ, для оцѣнки той или другой
 важности ихъ, нѣтъ. Всѣ факты принадлежатъ къ бывалымъ собы-
 тіямъ, нѣкимъ сдѣланіямъ и т. д. На какомъ же основаніи мы
 будемъ устранять однихъ и дѣлать у себя мѣсто другому? Вотъ дру-
 гое дѣло; если вѣсти по общему значенію факта въ жизни человѣ-
 чества. Тутъ ужъ видно будетъ, который изъ нихъ можно оставить
 безъ вниманія и какимъ заняться. Или, пусть будетъ опредѣленная
 цѣль у моего труда, тогда я знаю, что такой-то фактъ имѣеть от-
 носеніе къ моей цѣли (положительное или отрицательное — это
 другой вопросъ), и слѣдовательно важнѣе для меня, другой нѣтъ —
 и пусть остается въ покое. Такъ вотъ, еслибы у почтовой редак-
 ціи словаря, дѣйствительно, было желаніе дать какое-либо направ-
 леніе своему труду, она не затруднилась бы выкинуть, по крайней
 мѣрѣ, $\frac{2}{10}$ словъ, помѣщенныхъ въ вышедшемъ томѣ, и никто не
 сталъ бы зато печаль на нее. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему напр., по-
 пала въ словарь: Ааронъ бенъ-эмі, Ааронъ де-Незаро, безднѣ Аб-
 басовъ, Абихтъ и Абихи, Абулы, Агвадо, Агелліи, Агеши и проч.
 и проч. и проч.? Словарь, какъ гласило объявленіе, предназна-
 чается для всѣхъ, начиная отъ окончившаго курсъ въ универси-
 тетѣ до конца фабриканта. Ну, скажите на милость: неужели прій-
 дется въ жизнь свою кому-нибудь изъ лицъ, начиная отъ студента
 университета и кончая фабрикантомъ, справиться объ Ааронѣ бенъ-
 эмі, де-Незаро и безднѣ другихъ. Ужъ разнѣ самый отчаянный спе-
 циалистъ когда-нибудь справится о комъ-либо изъ этихъ лицъ. Вотъ
 напр. попадѣ въ словарь Агвадо, одинъ изъ извѣстныхъ (можетъ
 быть гг. Кокореву и Венардаки) банкировъ. Конечно, капиталъ до-
 стоитъ уваженія, гдѣ бы онъ ни встрѣчался... но вѣдь мало ли въ
 Европѣ банкировъ? Пожалуй, такъ нужно будетъ издать особый
 словарь банкировъ. Или, напр., въ словарѣ помѣщено много ста-
 тей о различныхъ монастыряхъ, и, какъ видно, на эти вещи въ
 будущихъ томахъ будетъ обращено вниманіе. Дѣло хорошее, но,
 замѣтимъ, стоитъ ли игра свѣчь? Можетъ быть, монастыри имѣли
 вліяніе на религіозную жизнь нашего народа. Но объ нихъ можно
 сказать, какъ говорится, огуломъ, указать ихъ значенію... Но по-
 мѣщать статьи, напр., объ Аврааміевыхъ монастыряхъ и въ нихъ
 перечислять, кѣмъ они основаны, да какія при этомъ рассказы-
 ваются легенды, да сколько тамъ церквей и проч. въ этомъ родѣ,
 едва ли умѣстно. Вотъ, напр., если монастырь имѣлъ какое-либо
 вліяніе на ходъ событій въ окружающей мѣстности, дѣло другое;
 тогда бы монастырь, попавшій на страницы словаря, имѣлъ бы для
 себя оправданіе въ исторіи. Тоже читателя не побѣждали бы на

редакцію, если бы въ статьяхъ касавшихся моншенрей, были сообщены о внутренней ихъ жизни, въ которой есть своею ролю периоды развитія и упадка, въ которой много любопытнаго и интереснаго нашлось бы, если бы приводить завѣсу, скрывающую отъ новообращенныхъ взоромъ внутренній ихъ бытъ. Но, вѣдь, ничего подобнаго въ энциклопедическомъ изданіи нѣтъ. Такъ къ чему же увеливать только балазеть и заставлять читателей доузнать по-настоящему статьи? Впрочемъ, вѣдь, подобныя статьи справочныя. Ну, такъ, въ крайней мѣрѣ, пусть же они удовлетворяютъ хотя справочнымъ требованіямъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя того же Агвадо-банкира; посмотримте, кому и сколько справокъ можно въ ней сдѣлать: вотъ эта статья о немъ, мы приводимъ ее сполна.

«Агвадо Александръ Марія (Aguado Marquis de las marismas de Guadalquivir), одинъ изъ вѣстнѣйшихъ банкировъ настоящаго вѣка. Еврей по происхожденію, онъ родился 1784 г. въ Севальѣ, рано вступилъ на военную службу, дослужился до офицера, и въ 1806 г. былъ уже штабъ-офицеромъ, получивъ 1-й уланскій полкъ и сдѣлался адъютантомъ у Сульта. Целѣмъ бѣжцы при Бальенѣ, онъ съ своимъ полкомъ вступилъ во Францію, былъ принятъ тамъ на службу, но въ 1815 г. вышелъ въ отставку и занялся въ Парижѣ выгодными комисіонерскими дѣлами, а вскорѣ, перешедъ къ банкирскимъ операціямъ, принималъ особенное участіе въ испанскихъ займахъ 1823, 1828, 1830 и 1831 годовъ и умѣлъ при этихъ случаяхъ составить огромное состояніе. Всѣ, выходящія отъ него, бумаги назывались по имени его, agnados. Ими платились проценты, хотя и говорили, что для уплаты ихъ фабриковались постоянно новые агвадосы. Фердинандъ VII, король испанскій, наименовалъ Агвадо придворнымъ банкиромъ и маркизомъ, далъ ему горныя заводы и предоставилъ многолетнюю постройку канала въ Кастиліи. Агвадо жилъ въ Парижѣ и рѣдко бывалъ въ Испаніи. Въ 1828 г. онъ сдѣлался французскимъ гражданиномъ и поддерживалъ въ 1834 г. греческій заемъ; умеръ въ 1842 г., оставивъ послѣ себя, кромѣ 15 милл. талеровъ, большія земли (между прочимъ Шато-Марго) и превосходную картинную галерею (въ Парижѣ), описанную Говардомъ. Въ ней особенно хороша была испанская школа и преимущественно Мурильо. Изъ 17 картинъ этого мастера «смерть св. Клары», «св. Францискъ Ассизскій», «Благовѣщеніе», и «Пресвятая дѣва во славу» — лучшія; онѣ на аукціонѣ распроданы по высокой цѣнѣ отъ 15,000 до 27,000 франковъ за картину. За 27,000 франковъ продана была и картина Рафаэля «Пресвятая Дѣва со Христомъ младенцемъ»; за 12,750 франковъ пошелъ портретъ дамы, писанный Веласкесомъ и за 59,500 франковъ «Магдаліна», мраморная статуя Кафовы, бывшая прежде въ видѣ Солемарива, на Комскомъ озерѣ».

По-видимому, такъ отъ этой статьи, какъ справочной, и требо-

вѣдь, больше не дѣла. А если хорошенько въ ней вдуматься, такъ эта статья не годится ни для какихъ справочныхъ свѣдѣній. Подождемъ, вы историкъ и хотите узнать, кто такой Агвадо, лицо часто встрѣчающееся въ исторіи Испаніи отъ 1823 до 1842 г., хотя очень можно сомнѣваться, чтобъ Агвадо былъ лицо историческое. Вы присекаете это слово и читаете, что онъ служилъ въ такихъ-то полкахъ, что онъ составилъ состояніе себѣ, что Фердинандъ VII сдѣлалъ его маркизомъ, придворнымъ банкиромъ, что у него была картинная галлерей и что онъ умеръ въ 1842 г. Вы говорите: да вѣдь, этакъ не отличить Агвадо отъ любого городничаго, которыхъ такъ много на святой Руси. И они прежде всего рождаются, потомъ послужатъ въ полку, потомъ приютятся гдѣ нибудь въ городѣ, составятъ себѣ состояніе, дѣлаются покровителями *художествъ* въ своемъ родномъ городѣ, принимаютъ участіе въ различныхъ финансовыхъ операціяхъ и т. д. Разница между ними и Агвадо выходитъ только та, что мѣсто дѣйствія въ послѣднемъ случаѣ въ Парижѣ. Ужъ если такъ излагать жизнь банкировъ, такъ не лучше ли написать ролую ихъ біографію, а потомъ, при каждомъ частномъ банкирскомъ имени, — указывать только мѣсто дѣйствія обще-банкирской жизненной драмы. При такомъ способѣ изложенія, по крайней мѣрѣ, выгадывалось бы время читателей и писателей и мѣсто въ словарѣ. Пойдемъ далѣе. Положимъ, вы теперь банкиръ не банкиръ, а такъ средней руки купецъ, хотите знать финансовую исторію и интересуетесь всякою замѣчательною въ финансовомъ мірѣ личностью. Вотъ вы наткнулись на Агвадо и заинтересовались имъ. Прочитываете статью о немъ, и ровно ничего не узнаете изъ ней такого, что собственно вамъ нужно. Для васъ не важно, что онъ служилъ въ полкахъ, участвовалъ въ займахъ, былъ у Фердинанда маркизомъ и пр. Вы хотите знать, какъ онъ составилъ состояніе, какой характеръ его финансовыхъ операцій, на сколько онъ былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ и какихъ держался правилъ, на сколько былъ честенъ и т. п. А тутъ только и говорится, что онъ участвовалъ въ займахъ, оставилъ 15 милл. талеровъ и т. д. Фактовъ въ статьѣ; по видимому, много, да не указано тѣхъ, которые говорятъ объ Агвадо, какъ банкирѣ. Вѣдь при составленіи и справочныхъ статей надобно имѣть въ виду, кто будетъ справляться въ нихъ; — будетъ спрашиваться не случайный дилетантъ, а скорѣй всего специалистъ, и потому, коли о банкирѣ пишете справочную статью, такъ банкирскія свѣдѣнія и помѣщайте. Или вотъ напри- мѣръ слѣдующія статьи:

• Абуль-фадль Хасдай бенъ Юсуфъ бенъ Хасдай — еврейскій уче-

ный, а также (?) арабский (?) поэтъ, математикъ, превосходный врачъ жилъ въ половинѣ XI вѣка.

Вотъ вамъ Абуль Фадль и пр. Теперь знаете, что это за ученый, поэтъ и т. д. Или вотъ еще:

• Абуль Риханъ Мохаммедъ бенъ Ахмедъ Албируни, могомеданскій ученый X вѣка. Онъ занимался почти всѣми науками; зналъ по гречески такъ, что въ состояннн былъ читать въ оригиналъ философскія сочиненія грековъ; познакоился видѣнцевъ съ западною наукою (наукою — въ X вѣкѣ), а арабовъ съ индйскою и написалъ множество сочиненій объ астрономіи, астрологіи, хронологіи и пр. Важнѣйшимъ его сочиненіемъ должно считать его Алмаун-адмасъ-уддѣ, о хронологіи и математической географіи.

За справкой къ такимъ статьямъ, вѣроятно, кромѣ специалистовъ, никто не обратится; а развѣ удовлетворятъ специалиста хоть бы одна изъ этихъ двухъ статей? Ну, чѣмъ Абуль Рихана отличите отъ Абуль Фадля? Вы скажете, что отъ нихъ остались крайне скудныя свѣденія? Такъ зачѣмъ же дѣлать для нихъ и статьи особья? Не лучше ли будетъ приурочивать подобныя личности къ общимъ статьямъ? тамъ, пожалуй, они будутъ имѣть кое-какой смыслъ и значеніе. А то увеличиваютъ только безъ нужды толстоту книжки. Оттого и произошло, что вышедшій томъ почти весь справочный въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ *справочность* редакція, и очель обѣненъ серьезными статьями. Конечно, это прежде всего зависѣло отъ самыхъ словъ отъ А до Ад, съ которыхъ не много начивается лицъ и вещей, на которыя стоило бы обратить вниманіе. Но вѣдь никто же и не принуждалъ непремѣнно давать всякимъ словамъ отъ А до Ад мѣсто въ словарѣ? Если редакція энциклопедическаго словаря будетъ издавать его въ томъ объемѣ, въ какомъ она начала, то мы думаемъ, что онъ будетъ, безъ нужды, слишкомъ большой и дорого, безъ толку, обойдется читателямъ. Соображая, что вся *суть* останеся въ будущемъ, мы невольно приходимъ къ вопросу, *какъ* великъ будетъ весь словарь: въ вышедшемъ томѣ помещено 585 словъ, и притомъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, 200 такихъ, о которыхъ редакція ограничилась десятую, или двадцатую строками; и то вышло въ цѣломъ томѣ только 585. Примемъ теперь во вниманіе, что редакція обѣщала помѣстить въ словарь до 100,000 словъ. Вѣдь это значить, выйдетъ по крайней мѣрѣ томовъ 180, а можетъ быть и 200? Если томовъ меньше выйдетъ, редакція должна будетъ потѣснить статьи при словахъ, а это крайне не хотѣлось бы, потому что на будущія статьи, касающіяся важныхъ предметовъ, мы возлагаемъ большія надежды и

оправомъ отъ нѣдѣ полноты и одновѣрности. Не лучше ли будетъ — выкинуть лишній балластъ и дать болѣе мѣста серьезнымъ статьямъ? А то, иначе выйдетъ дѣло такого рода: въ годъ редакція будетъ выпускать не больше четырехъ томовъ; следовательно, все число ихъ — около 200, она должна выпустить не меньше, какъ въ 50 лѣтъ. Въдѣ этакъ и не дожить намъ, читателямъ, до окончанія энциклопедическаго словаря? Въ 50 лѣтнемъ продолженіи его изданія, конечно, есть своя хорошая сторона. Вы будете получать томъ словаря и каждая книжка будетъ напоминать вамъ о скоротечности вашей жизни. Дѣло, конечно, хорошее — напоминать людямъ ихъ послѣдній часъ; но, сдѣлали, эти напоминанія, входятъ въ планъ издателей энциклопедическаго словаря. Но положимъ, что редакція посвятитъ скорѣйшимъ изданіемъ его; въ такомъ случаѣ, прелесть хватнешься за свой карманъ. Полтораста томовъ... въдѣ это, генераль, стоитъ болѣе 400 рублей. Неужели же бѣднымъ людямъ, наиболѣе охотникамъ до литературы, пробирать весь откладываемый ими на литературу фондъ на энциклопедическій словарь, въ которомъ замѣтны много такихъ вещей, про которыя и весь то въкъ свой не придется имъ вспомнить? Такое изданіе съ такимъ *комфортабельнымъ* содержаніемъ умѣстно развѣ среди такой богатой публики, какова англійская. А мы въдѣ простые, небогатые люди... гдѣ намъ бросить, Богъ знаетъ за что, болѣе 400 рублей. И только тогда, когда редакція разстанется съ Абулами, Абихтами съ братіей, ей удастся пустить въ ходъ свое изданіе; сдѣлавшись меньшимъ въ объемѣ и сдѣлавшись дешевѣйшимъ, оно скорѣе всего дойдетъ по адресу до лицъ, являная отъ окончившаго курса и т. д.

Теперь перейдемъ къ статьямъ, тамъ сказаны, серьезнымъ. Мы прежде всего остановимся на статьяхъ философскихъ. Мы отдаемъ имъ предпочтеніе предъ другими, потому въ перьяхъ, что кто же нынче не философъ? Пофилософствовать для насъ не значитъ, какъ для Фамусова, кружить голову; напротивъ, философіей то мы и приводимъ себя въ самое *покойное* состояніе. Съ другой стороны, развѣ вы не знаете новаго открытія г. Лаврова, что, молъ, каждый изъ насъ, кому только Богъ не отказалъ въ дарѣ слова, — философъ? какіе мы съ вами философы, про то алякъ възвѣсть, а все-таки философы; ну-съ такъ и займемся философіей.

Философскихъ статей большихъ и малыхъ сравнительно очень не много въ первомъ томѣ словаря. Изъ нихъ одѣ относятся къ

исторіи философскихъ системъ, другія къ объясненію философскихъ понятій.

Вотъ напр. статья объ Абелярѣ. Эта личность въ высшей степени замѣчательна не только по своимъ романтическимъ приключеніямъ, до которыхъ, между нами сдѣзать, нѣтъ дѣла исторіи философіи, особенно если они не имѣли вліянія на складъ мысли философа, а замѣчательна главнымъ образомъ потому, что открываетъ собою рядъ тѣхъ великихъ средневѣковыхъ мыслителей, которые суждены сохранить нѣкоторую свободу мысли среди самого неограниченнаго господства авторитетовъ разнаго рода и которые главнымъ образомъ были причиной освобожденія человѣчества изъ-подъ гнета папѣской власти. Такимъ образомъ, вы въ правѣ требовать отъ составителя статьи объ Абелярѣ, чтобъ онъ подольше остановился на этомъ мыслителѣ и выяснилъ намъ тотъ процессъ, какимъ онъ дошелъ до извѣстныхъ убѣжденій, указалъ его связь съ предшествующими и послѣдующими мыслителями, степень вліянія его на современниковъ и т. д. А статья отдѣляется отъ этихъ вопросовъ общими мѣстами. Вотъ напр. выдержка изъ ней о способѣ ученія Абеляра:

• Изъ логики и діалектики, которыя дошли до нашихъ временъ, можно заключить о способѣ его ученія. Абеляръ разсматриваетъ здѣсь ученіе о частяхъ рѣчи, о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, о доказательствахъ, гипотезахъ и т. п. Наукою, называетъ онъ, пониманіе истины вещей, и мудрость, составляющая опору вѣры, есть, по его мнѣнію, часть науки; діалектика же различаетъ истинное отъ ложнаго и потому владычествуетъ надъ всякимъ познаніемъ. Сынъ Божій, или Слово Божіе, называется, по гречески, логосъ или мудрость отца, и потому ему принадлежитъ логика. Мудрость Божія привлекаетъ насъ, чтобы просвѣтить насъ свѣтомъ истинной науки и отъ мірской любви обратитъ въ любви къ Богу; отъ этаго мы обращаемся въ истинныхъ христіанъ-любителей Божественной мудрости т. е. философіи.

Вотъ вы теперь и узнали, какимъ способомъ училъ Абеляръ? или вотъ еще сущность его теологическо-нравственнаго ученія.

• Ансельмъ Кентерберійскій, ученіе котораго господствовало въ теологіи во времена Абеляра, поставилъ вѣру выше знанія и утвердилъ правило, что лишь тогда человекъ можетъ принятися за научную разработку высшихъ истинъ, когда онъ въ нихъ сначала укрѣпился путемъ вѣры. Абеляръ считалъ діалектику необходимою опорой вѣры. Онъ видѣлъ, какъ въ вѣрѣ евреевъ, такъ и въ древней философіи подготовку христіанства, считалъ Платона и Сократа достойными вѣчнаго спасенія, отвергалъ слѣбую вѣру, но требовалъ прежде испытанія разумомъ, видѣлъ въ познаніи источникъ любви къ Богу, а въ вѣрѣ,

осознания съ нинѣ помощью этой любви. По его учению, вѣтъ Бога, высшаго блага, нѣтъ ничего и воѣ его дѣйствія необходимы, такъ какъ вѣтъ ихъ нѣтъ блага. Онъ есть источникъ и вѣа, необходимаго для того, чтобы человекъ произвольно выбиралъ добро. Само по себѣ дѣйствія безразличны и могутъ назваться хорошими или дурными лишь въ отношеніи къ намѣренію человека и т. д... Особенное вниманіе обращалъ Абеляръ, преимущественно во введеніи, на догматы св. Троицы, выказывая всю гибкость своей діалектики въ этомъ темномъ богословскомъ вопросѣ. По его словамъ, полнота высшаго блага опредѣлилась въ трехъ отношеніяхъ, которыя мы различаемъ, какъ ипостаси, хотя единое бытіе носитъ названіе Отца, Сына и св. Духа. Оно есть Отецъ въ своей могуществѣ, Сынъ въ своей мудрости, Духъ св. въ своей благодати и любви. Но это не три существа, а три отношенія одного и того же существа. Абеляръ искалъ объясненія этого отношенія въ грамматическомъ присвоеніи трехъ личныхъ мѣстоименій одной и той же личности, въ отношеніяхъ матеріи къ формѣ, рода къ виду.

Какъ видно, мысль у Абеляра шла глубоко, но какъ вышло все у него въ головѣ — этого изъ вышеприведеннаго не видно. А такая отрывочность въ изложеніи ученія какаго угодно философа рѣшительно не годится для читателя. Какъ ни трудно, а все-таки нужно услѣдить ту нить, которая связывала въ головѣ философа все его ученіе. Положимъ этого нельзя сдѣлать иногда по недостатку дошедшихъ до насъ памятниковъ отъ нѣкоторыхъ философовъ, такъ сдѣлайте въ тѣхъ частяхъ ученія, гдѣ это возможно, и укажите, гдѣ начинается и кончается перерывъ. А то прочитаешь ученіе философа и не видишь, какъ вяжется одно съ другимъ въ его ученіи. Далѣе. Отъ историка, излагающаго ученіе философа, мало требовать того, чтобы онъ въ связи и порядкѣ изложилъ ученіе: нужно, чтобы онъ выбиралъ изъ него самое характеристическое въ немъ, что, собственно, выдѣляетъ его отъ всѣхъ другихъ философовъ. Тогда только будетъ для насъ интересно его ученіе и памятна его характеристическая личность. Это требованіе особенно важно для непосвященныхъ въ тайны философіи. Кто знаетъ исторію ея, тотъ, читая полное изложеніе ученія философа, видитъ что въ немъ принадлежитъ собственно ему, что усвоено имъ отъ другихъ, какъ переработалъ онъ чужой матеріалъ и пр.; знакомый съ исторіей философіи этаго сдѣлать не въ состояніи: ему нужно все это указать, о всемъ сказать пообстоятельнѣй. Вѣдь и словарь то назначается для популярнаго чтенія. А то вотъ хотя бы объ Абелярѣ сначала сказано, что онъ *отыскалъ* (какъ это такъ?) отгнѣнокъ, позволявшій ему спорить какъ съ реалистами, такъ и съ номиналистами, что онъ былъ концептуалистъ. А потомъ ниже начи-

нается заложение теологически-нравственного учения Абельра, где вовсе не говорится ни сколько концептуализмъ отразился въ его учении и где связь первого съ послѣднимъ. И выходитъ, что у человека, знакомящагося съ Абельромъ по словарю, концептуализмъ остается въ головѣ самъ по себѣ, а несвязанные между собою пункты его теологически-нравственного учения — тоже сами по себѣ. Вотъ совсѣмъ другое дѣло статьи: *Аверроизмъ и Августинъ*. Напр. учение *ибнъ-Рошда*, или, какъ его обыкновенно называютъ, *Аверроэса* — вложено съ полною ясностію, указаны элементы, изъ которыхъ оно сложилось и вліаніе, какое имѣло оно на европейскую мысль. То же должно сказать и о статьѣ «*Августинъ, илионійскій схоластикъ*». Надобно о ней сказать вообще, что она лучшая изъ всѣхъ статей лексикона въ историческомъ и въ историко-философскомъ родѣ. Можно не соглашаться съ авторомъ въ степени и качествахъ вліанія Августина на европейскую мысль, но нельзя не отдать ему чести за логику мысли, которая особенно видна въ ней, за желаніе выяснитъ процессъ образования склада мысли въ Августинѣ, выяснитъ его характеръ и указать самую ближайшую связь его учения съ современною ему мыслию и психическими особенностями Августина.

Изъ статей, касающихся философскихъ понятій, мы остановимся только на статьѣ объ авторитетѣ.

Авторитетъ, говоритъ авторъ, есть значеніе, придаваемое мнѣнію какого либо лица, или словамъ какого либо сочиненія другими личностями. Оно одно изъ естественныхъ средствъ разширенія человѣческаго знанія, развитія человѣческаго общества. Опоры его — привычка и предшествующая критика. Всѣ знанія человека выходятъ изъ прямаго наблюденія и изъ размышленія надъ этимъ наблюденіемъ. Между прочими фактами наблюденія онъ находитъ въ себѣ существа, которыхъ внѣшняя организація, подобно организаціи его тѣла, и по тождественности внѣшнихъ явленій, въ нихъ происходящихъ, замѣчаетъ, что подобныя ему люди чувствуютъ, мыслятъ, желаютъ, наблюдаютъ, создаютъ и познаютъ также, какъ онъ. Къ массѣ своего наблюденія и мышленія человекъ прибавляетъ капиталъ, пріобрѣтенный ихъ наблюденіемъ и мышленіемъ; это составляетъ новый источникъ знанія, *свидѣтельство* другихъ людей... Но человекъ знаетъ очень хорошо, что не всѣ его наблюденія имѣютъ одинаковую точность, что они должны быть разобраны, вѣрены, подвергнуты критикѣ... Вслѣдствіе критики оказывается, что иная личность болѣе другихъ соединяетъ въ себѣ условія, дѣлающія ея свидѣтельство вѣроятнымъ; говоря математическимъ языкомъ вѣроятность ея свидѣтельства значительно болѣе $\frac{1}{2}$; такая личность получаетъ *авторитетъ*, или ея свидѣтельство есть *авторитетъ* и т. д.; когда кто либо пріобрѣлъ въ глазахъ нашихъ авторитетъ

въ какомъ нибудь отношеніи, мы весьма часто распространяемъ этотъ авторитетъ на всю дѣятельность разсматриваемой личности, точно также, какъ и въ сочиненіи, получившемъ право на наше уваженіе, мы не хотимъ видѣть недостатковъ, потому что слишкомъ высоко цѣнимъ его достоинства; въ этихъ случаяхъ признанію авторитета также предшествуетъ критика, но она недостаточна относительно предметовъ, допускающихъ авторитетъ, хотя можетъ быть вѣрна при известномъ ограниченіи предметовъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, авторитетъ явно основывается на критикѣ и привычкѣ. Человѣкъ замѣчаетъ, что и другіе мыслятъ и желаютъ также, какъ онъ, имѣютъ такую же организацию и т. п. и потому естественно вѣрить въ свидѣтельство другихъ. Затѣмъ, наученный опытомъ не вѣрить другимъ, подвергается критикѣ чужое свидѣтельство и когда находитъ, что вѣроятность его значительно болѣе $\frac{1}{2}$, то даетъ свидѣтельству, или лицу авторитетъ въ глазахъ своихъ. Но чтожь это за авторитетъ. Видъ здѣсь все дѣло шло о довѣрїи, какое мы имѣемъ къ лицу маломальски честному. Критика только оправдываетъ наше довѣрїе къ нему, но тутъ авторитета еще нѣтъ. Человѣкъ, естественно, вѣритъ въ непосредственность отношенія между мыслію и словомъ въ каждомъ другомъ человѣкѣ; вотъ онъ и довѣряетъ его словамъ въ той надеждѣ, что человѣкъ говоритъ то, что думаетъ. Оправданная честность, добросовѣстность свидѣтеля еще не даетъ авторитета его словамъ. Когда же съ добросовѣстностію свидѣтельства соединяется и истинность его, доказываемая внутренними и вѣшними доказательствами, тогда свидѣтельство не авторитетъ, а истина, фактъ подтвержденный очевидцами. Такъ какъ *свидѣтельство* служитъ однимъ изъ источниковъ опыта, въ обширномъ смыслѣ, то очевидно оно главнымъ образомъ служитъ къ расширенію нашихъ познаній, восполняемыхъ чужимъ опытомъ. Но здѣсь первая роль принадлежитъ довѣрїю одного человѣка къ другому, а не авторитету. Последній, если его понимать такъ, какъ понимаемъ его авторъ, нисколько не участвуетъ въ нашемъ развитіи. Онъ говоритъ, что личность, свидѣтельство которой оказывается истиннымъ, или самое свидѣтельство есть для насъ авторитетъ. Видъ ясное дѣло, что авторитетъ, при такомъ его пониманіи, — тоже самое, что истинность свидѣтельства, следовательно, говорить, что авторитетъ есть одно изъ естественныхъ средствъ къ развитію человѣческаго общества, — значитъ говорить, что дѣйствительная, или кажущаяся людямъ истина свидѣтельства есть одно изъ средствъ къ развитію человѣческаго общества. Вообще изъ словъ автора объ авторитетѣ не видно, что онъ понималъ въ первой части своей

статьи подъ авторитетомъ — довѣріе имъ, или кажущуюся людямъ истинность словъ и мнѣній какой либо личности.

Гораздо ближе авторъ подошелъ къ дѣлу въ дальнѣйшемъ опредѣленіи авторитета. «Когда кто либо приобретаетъ въ глазахъ нашихъ» авторитетъ въ какомъ нибудь отношеніи, мы весьма часто разпространяемъ этотъ авторитетъ на всю дѣятельность разсматриваемой личности, точно также, какъ и въ сочиненіи, получившемъ право на наше уваженіе, мы не хотимъ видѣть его недостатковъ, потому что слишкомъ высоко цѣнимъ его достоинства». Въ основѣ такою признанія авторитета авторъ полагаетъ критику, а намъ такъ кажется, — главнымъ существеннымъ образомъ привычка — соединять дѣйствіе съ причиною и переносить качество дѣйствія на его причину. Разумна или неразумна такая привычка, — это другой вопросъ, но что въ дѣйствительности бываетъ такъ, — это, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ несомнѣнно. Напр. мы опытно, неоднократно повторившимся, дознаемся, что извѣстный человѣкъ часто говоритъ правду, что его мнѣнія и слова часто подтверждаются дѣйствительностію. Такъ какъ сюда и дѣятельность могутъ различаться и разсматриваться отдѣльно только въ теоріи, а на самомъ дѣлѣ, въ практикѣ та и другая нераздѣльны другъ отъ друга, то мы часто и большею частію постоянно одну принимаемъ за другую и качества дѣятельности переносимъ на силу произведшую её. Напр. логичность сочиненія, живость изложенія, свѣжесть мысли заставляютъ насъ выгодно заключать къ мысленію автора. На сколько естественно такъ заключать человѣку — это очень понятно. Человѣкъ, постоянно заявлявшій образъ своихъ сужденій съ выгодной стороны, получаетъ въ глазахъ нашихъ авторитетъ т. е. мы сообщаемъ въ своихъ глазахъ образу его сужденій характеръ истинности, непогрѣшительности — не только сужденій уже совершившихся и сдѣлавшихся фактомъ; но и вообще готовы принимать за истинныя и вѣрныя сужденія такого лица, когда они существуютъ только въ возможности. За вѣрность возможныхъ отъ него сужденій ручается прошедшій нашъ опытъ и то понятіе о душевныхъ силахъ авторитетнаго лица, какое мы уже составили на основаніи извѣстной намъ дѣятельности его. Такимъ образомъ тутъ и критика наша имѣетъ значеніе... но главнымъ образомъ — установленіе для насъ авторитета — опирается на привычку нашу — переносить качества дѣятельности на силу.

Установленный авторитетъ можетъ имѣть ту, или другую степень достоинства, смотря нотому, какое соотношеніе между основаніемъ вывода и самымъ выводомъ нашимъ существуетъ въ пользу его, иначе сказать, имѣемъ ли мы естъ данныя — надѣлать авторитетомъ извѣст-

ное лицо и какому авторитетомъ надѣляемъ сравнительно съ иныо-
нницами у насъ подъ рукою давленіями. Напр., если мы, замѣтивъ, что
извѣстное лицо хорошо мыслитъ о международныхъ отношеніяхъ и
что въ этомъ отношеніи оно заслуживаетъ авторитета, станемъ за-
ключать, что это лицо такой же хорошей юристъ, политико-экономъ
и т. д. и, какъ говорятъ иныцы, als solcher имѣть авторитетъ — мы
бы заключали ложно. Умственная сила политика нашего проявилась
только въ мышленіи о международныхъ отношеніяхъ; видя, что
локомотивъ двигаетъ двадцать вагоновъ, мы можемъ заключать
къ силѣ давленія паровъ, измѣряя ее въ послѣднемъ случаѣ только
двадцатью вагонами и не можемъ думать, что та же сила можетъ сдѣ-
лать дождь и т. п.; отъ дѣйствія силы при извѣстныхъ условіяхъ мы
можемъ заключать къ ней, непременно имѣя въ виду эти условія —
и должны ожидать на будущее время подобнаго отъ него дѣйствія
только въ кругу прежнихъ условій. Такъ и въ нашихъ заключеніяхъ
объ авторитетахъ. Наше заключеніе о достоинствѣ извѣстнаго
лица, или авторитета, усвоенный ему нами, тогда только будетъ
основателенъ и вѣренъ, когда въ нашемъ заключеніи не будетъ
болѣе, чѣмъ на сколько уполномочиваютъ насъ данныя. Это бу-
детъ авторитетъ истинный. Такъ какъ въ дѣлѣ авторитетовъ
требуется отъ насъ большая осторожность, то очевидно, чѣмъ
уже по умственному образованію человѣкъ, тѣмъ болѣе у
него авторитетовъ и тѣмъ несостоятельнѣе они. Необразованный
человѣкъ не можетъ во-первыхъ *достаточно* обсудить словъ или
мысли извѣстнаго лица: часто глупое кажется ему умнымъ. Во-
вторыхъ, не звѣсивъ достаточно основанія для заключенія, онъ
слишкомъ много изъ него выводитъ; напр., *грамотный* человѣкъ,
два раза *показавшійся* ему умнымъ въ сужденіяхъ о мельницѣ или
другомъ предметѣ, слышетъ у него за человѣка компетентнаго въ
сужденіяхъ о политикѣ, физическихъ явленіяхъ и т. д. Притомъ
слуги иногда рѣшаютъ въ глазахъ простолюдина авторитетность
извѣстнаго лица. Ясное дѣло, человѣкъ точно такимъ же образомъ
можетъ усвоить такое качество и цѣлому классу людей, полагая,
что извѣстное званіе даетъ непогрѣшимость всѣмъ лицамъ, принад-
лежащимъ къ нему; равно какъ и образованный человѣкъ можетъ
усвоить авторитетъ трудамъ извѣстнаго общества ученыхъ — на
основаніи, извѣстной уже ему, силы мышленія его членовъ.

При такомъ понятіи объ авторитетѣ мы совершенно разходимся
съ авторомъ въ мнѣніи о необходимости авторитетовъ для каждой
личности. Мы думаемъ, что совершенно развитая личность можетъ
обойтись безъ авторитета. И это не значить, какъ говоритъ авторъ,
«прідать самому себѣ значеніе безусловнаго авторитета, поставить

свое достоинство выше всѣхъ прочихъ, признавъ себя *вещью* — «вещью», непогрѣшимымъ въ нравственномъ отношеніи и обладающимъ не ослабляющею силою характера, что не можетъ допустить «лишь погрѣшительный». Положимъ, что погрѣшительный только можетъ допустить соединеніе въ себѣ всѣхъ этихъ качествъ; при всемъ томъ, я не владея ими, можно обойтись безъ авторитета. Впрочемъ, если авторъ понимаетъ здѣсь подъ нимъ довѣріе къ истинности свидѣтельства другихъ, то мы съ нимъ совершенно согласны: безъ довѣрія къ другимъ жить невозможно. Если онъ разумеетъ подъ авторитетомъ нравственную опору, какой ищетъ личность для своихъ мнѣній и убѣжденій въ другихъ людяхъ — мы тоже совершенно согласны: жить одинокому, не быть понимаемому другими, въ самомъ только себѣ находить для себя опору — тоже дѣло возможное. Но вопросъ еще, есть ли довѣріе къ истинности свидѣтельства другихъ нравственная опора, находящаяся нами въ другихъ личностяхъ — есть ли все это авторитетъ? — Вѣдь могутъ же быть люди, которые мнѣютъ дѣло съ истинами, мнѣніями, не желая все знать, кто ихъ раздѣляетъ, кто пустилъ въ ходъ и т. д. Могутъ быть люди, которые, выражаясь философски, мнѣютъ дѣло только съ *объектами* и не желаютъ знать, отъ какихъ *субъектовъ* волеусть они свое начало? И если нельзя обойтись человѣку безъ авторитетовъ, то развѣ ужъ въ томъ смыслѣ, что *всегда* люди будутъ переносить качества дѣятельности на силу — причину ея, и что личность, завышавшая себя съ выгодной стороны, всегда будетъ жить уваженіемъ себѣ въ кругу другихъ личностей, и потому — давать толъ преимущественно своимъ мнѣніямъ.

Другое дѣло — значеніе авторитета на первыхъ порахъ развитія личности. Тутъ мы совершенно согласны съ авторомъ въ педагогическомъ его значеніи. Дитя, съ первыхъ поръ развитія своего, привыкаетъ переносить качества сужденій родителей на ихъ самихъ. Инстинктъ заставляетъ дитя невольно искать въ родителяхъ охраны и защиты, и опытно доказываетъ имъ дѣйствительность ихъ надеждъ на родителей. Послѣдніе приобрѣтаютъ въ глазахъ дитяти характеръ высшихъ существъ: всякое слово ихъ получаетъ дѣлу въ глазахъ дитяти, и оно думаетъ объ отцѣ — какъ самомъ непогрѣшимомъ авторитетѣ. Далѣе, дитя знаетъ, что родители дѣлаютъ выборъ между педагогами, которымъ хотать вручить его воспитаніе, въ которыхъ образъ передаютъ имъ свои права; что педагогъ — заступаетъ для нихъ мѣсто родителей, естественно, переноситъ на себя въ глазахъ дѣтой авторитетъ, первоначально имъ принадлежавшій. На сколько необходимъ для молодой личности такой авторитетъ — это понятно; и что дальнѣйшее воспитаніе и образованіе

ся должно состоять, какъ говоритъ авторъ, въ постепенномъ освобожденіи личности отъ вліянія авторитета — и въ развитіи въ ней самостоятельности, это тоже понятно.

Вообще о философскихъ статьяхъ въ I томѣ словаря надобно сказать, что они показываютъ въ авторѣ ихъ полное знакомство съ предметомъ; но, къ несчастію, въ нихъ чрезвычайно много недосказаннаго. Многія понятія не отдѣлены другъ отъ друга, и потому статьи остиряютъ въ читателѣ неопредѣленное, неясное представленіе. Такими напр. статьи *абсолютизмъ* и *автономія*, а этого уже не должно быть въ статьяхъ, назначенныхъ для популярнаго чтенія. Въ нихъ прежде всего должна явѣться въ виду ясность, определенность и раздѣльность понятій. Большая часть русскихъ читателей занимаются философіей, какъ дилетанты, и потому требуютъ самой уже перешованной нищи. Прочитавъ же статью, послѣ которой не остается въ нихъ опредѣленнаго представленія о предметѣ ея, они, пожалуй, не влюбятъ философін: дескать, туману только по полюу напускаетъ; а философія вѣдь ничѣмъ тучъ не виновата. Особенно не мѣшало, при объясненіи философскихъ понятій, обращать вниманіе на употребленіе ихъ въ простомъ разговорѣ и издѣлать искаженіе смысла отъ истиннаго значенія, усвоеннаго ими наукой.

Теперь очередь за историческими статьями. Въ нихъ особенно выразилось желаніе редакціи словаря поставить читателя на современную научную *фактическую* точку зрѣнія. Оттого большая часть статей получила особый характеръ: какую-то безжизненность, мертвенность. Вы читаете статьи о лицахъ, которые жила, были когда-то дѣятелями своего рода. Кажись, какъ бы не дать жизни статьѣ о жившемъ человѣкѣ, а между тѣмъ въ некоторыхъ историческихъ статьяхъ чисто формулярные списки. Вотъ напр. статья объ Аарзенсѣ, одномъ изъ голландскихъ дипломатовъ. Въ статьѣ говорится, что онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ голландскихъ дипломатовъ. Ладно. Вы и читаете ее въ надеждѣ, чѣмъ это замѣчательнѣе Аарзенсѣ, какъ дипломатъ. А тамъ говорится, что отецъ его былъ тѣмъ то (какъ и у насъ въ формуларахъ — отецъ такого-то), что онъ образовался во Франціи подъ руководствомъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ, былъ тамъ посланникомъ, за тѣмъ въ Венеціи и т. д. Вы спрашиваете, да скажите же, чѣмъ замѣчательнѣе дипломатъ? Статья говоритъ, что онъ оставилъ послѣ себя вашики, которыя не обнаружены, что современники считали его человекомъ необыкновенно проницательнымъ и весьма талантливымъ. Но въ это одно слово, тоже самое можно сказать и о Росселѣ, Пальмерстонѣ, Меттернихѣ и т. д. Статья пусть скажетъ намъ, какими

правила держался Аарзенъ въ политикѣ, какія услуги оказалъ своему отечеству, т. е. пусть не отдѣляется общими словами, а укажетъ въ дипломатѣ то, что особенно характеризуетъ его, что дѣйствительно принадлежитъ Аарзену и никому другому. Иначе зачѣмъ же и вносить его въ словарь; вѣдь такая статья, хотя она и справочная, не удовлетворитъ никого? Такова же статья и объ «Августѣ-Янѣ» чешскомъ Богословѣ. Еще нарочно объявленіе прошлаго года объ изданіи энциклопедическаго словаря говорило, что, вошь, особенное обратитъ онъ вниманіе на все, касающееся нашихъ славянскихъ братьевъ и вообще славянской жизни. А вотъ объ «Августѣ Янѣ» напр. сказано не болѣе, какъ объ Аарзенѣ и также неудачно. «Августъ-Янъ» былъ замѣчательнымъ человекомъ; уже одна дружба его съ Лютеромъ и Меланхтономъ, не смотра на различіе ихъ убѣжденій, доказываетъ, что онъ былъ человекъ далеко не дюжинный. Замѣтимъ еще, что время, въ которое онъ жилъ, было временемъ страшнаго религіознаго движенія въ Чехіи. Естественно рождается вопросъ въ читателѣ, какъ Янъ, какъ богословъ, отнесся къ нему, какую роль онъ выбралъ при этомъ, что сдѣлалъ добраго или дурнаго для тогдашняго движенія, какой духъ, какія взгляды и цѣли выразилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ и т. д. А статья говорить, что онъ умеръ въ тюрьмѣ, что его богословскія сочиненія, проповѣди, полемическія статьи, духовныя пѣсни замѣчательны чистымъ и легкимъ языкомъ. Да вѣдь такъ характеризовали авторовъ-дѣателей только въ наши старыя времена, когда вся критика состояла въ изслѣдованіяхъ, какимъ: *благороднымъ* или *подлымъ* слогомъ писалъ авторъ. Неужели по Сумароковски и въ настоящее время оцѣнивать труды авторовъ? Такъ бѣгло касаться славянскихъ дѣателей, послѣ великолѣпнаго объявленія, что на нихъ-то обратится особое вниманіе — не годится. Ужь лучше выкинуть двухъ трехъ Аббисовъ, чѣмъ бѣгло замѣтить и притомъ безхарактерно о какомъ либо чешскомъ Богословѣ. Безъ знанія Аббисовъ еще можно прожить; а не знать литературы и вообще прошедшей жизни нашихъ славянскихъ братьевъ, въ виду общеславянскаго движенія, стыдно предъ своей *славянской* совѣстью.

Тоже не несчастливилось и нашей русской литературѣ, о представителяхъ которой словарь счелъ нужнымъ дать у себя мѣсто только справочнымъ, и то плохимъ, свѣденіямъ. *Что и какъ* сказано въ словарѣ напр. о нашемъ русскомъ писателѣ Аблесимовѣ? Значеніе его въ исторіи нашей литературы — безспорно. Въ тотъ вѣкъ, когда россійскій Расинъ-Сумароковъ съ братією истощался въ изображеніи псевдоклассическихъ героевъ съ французскими ужасниками, Аблесимовъ написалъ «Мельникъ и т. д.», гдѣ въ первый разъ

наша литература неслучась, хотя и не совсемъ полно, русскаго быта. Между тѣмъ, какъ о quasi-трагедіяхъ Сумарокова и помину не было, «исельникъ» Аблесимова держался еще на сценѣ и только недавно санилъ съ нея. Уже одно это даетъ намъ особое право на вниманіе къ трудамъ Аблесимова, человека, который на разстояніи полѣтка, выражался риторически, подавалъ руку лучшимъ современнымъ народнымъ писателямъ. Задача исторіи русской литературы, по отношенію къ Аблесимову, очевидна: во первыхъ онъ долженъ указать, на сколько Аблесимовъ заплатилъ дань своему вѣку — вѣку господства ложной классической теоріи; на сколько онъ, по чутью таланта, порывался указать новое поприще для современной ему русской литературы; что особенно характеризуетъ его среди другихъ писателей; какое вообще его значеніе въ нашей литературѣ и т. п. Чѣмъ же отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы словарь? Статья говоритъ, что Аблесимовъ участвовалъ въ такихъ и такихъ журналахъ, служилъ въ разныхъ мѣстахъ. А о трудахъ его литературныхъ сказано въ ней вотъ что:

•Извѣстность его (т. е. Аблесимова), какъ писателя для театра, начинается лишь съ появленія въ 1779 году (20 января), на московской сценѣ комической оперы въ трехъ дѣйствіяхъ «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ», съ музыкою Соколовскаго, составленную изъ русскихъ пѣсень. Интрига пьесы отзывается вліяніемъ французскихъ оперетокъ, извѣстныхъ Аблесимову, впрочемъ, изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка; но въ подробностяхъ есть русскія черты, столь рѣдкія въ тогдешней литературѣ. Онъ-то вмѣстѣ съ новою для того времени мыслию, заставить дѣйствовать на сценѣ лица изъ нашего простонародья, а также и веселость, оживлявшая пьесу, доставила ей такой громкій и постоянный успѣхъ (затѣмъ говорится о полныхъ сборахъ при представленіяхъ комедіи Аблесимова и числѣ представленій на театрѣ Книппера)... Слѣдовавшія за «Мельникомъ» оперы Аблесимова, хотя и написанныя въ томъ же русскомъ вкусѣ, не имѣли такого успѣха и т. д. въ томъ же родѣ.

Такъ вотъ мы пишемъ о своихъ русскихъ писателяхъ и притомъ замѣчательныхъ писателяхъ. Для читателя не важны вѣдъ сужденія, былъ ли, нѣтъ ли Аблесимовъ адъютантомъ гдѣ-нибудь, въ какихъ журналахъ писалъ и т. д. Важно, что онъ писалъ, съ какою направленіемъ, какихъ держался убѣжденій и проч. Неважно для читателей также, какія заглавія выставлялъ онъ на своихъ сочиненіяхъ, а важно, что содержится подъ заглавіями? Притомъ, не значитъ еще охарактеризовать извѣстное сочиненіе, сказавши, что, молъ, оно отзывается тѣмъ то и тѣмъ. Словарю особенно нужно обратить вниманіе на статьи, касающіяся нашей литературы ста-

рыхъ годовъ. Произведеній старыхъ авторовъ публика не читаетъ, а между тѣмъ она не прочь узнать, что привнесъ въ сокровищницу русской мысли и русского слова тотъ или другой старый интeрeтъ... А словарь, каковысь, не хочеть, въ этомъ отношеніи обогнать наши учебники по исторіи россійской словесности.

Вотъ еще статья, тоже касающаяся нашей русской жизни, хотя и въ другомъ родѣ, объ Аврааміи Палицынѣ. Въ настоящее время наука разъяснила намъ душу этого человѣка, представляющаго у г. Устрялова, достойнымъ смодвижникомъ Минина. Оказывается, что этотъ *достойный* смоленскій былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Хитрый, умѣвшій приладиться къ обстоятельствамъ, Палицынъ руководился въ жизни болѣе всего разсчетомъ. Когда нужно было, по его соображеніямъ, онъ признавалъ Владислава царемъ русскимъ; когда тоже нужно было, онъ являлся мирителемъ азяковъ съ нижегородцами. Заботясь о выгодахъ Сергіевской лавры, гдѣ онъ былъ келаремъ, Авраамій не прочь былъ позаботиться о самомъ себѣ. Особенно ясно выразился его характеръ въ его сеченіяхъ. Статья въ словарь, надобно сказать правду, очень подробно занимается исторіею событій, участникомъ которыхъ былъ Авраамій и за это надобно отдать честь ея автору. Но онъ опустилъ изъ виду выяснить для читателя нравственный образъ Палицына. А между тѣмъ для читателя особенно важна нравственная «визію» этого человѣка. Она даетъ ключъ къ разумѣнію тогдашней тарбарщаны событій. Зная нравственную сторону тогдашнихъ дѣятелей, легко поймешь, почему безсильны были условія честныхъ людей, Гершогена, отчасти Юва и др. водворить нѣкоторый порядокъ на Руси. Нравственный образъ Палицына — типичный образъ; на него нельзя смотрѣть, какъ на человѣка, не въ урядъ другимъ. Нѣтъ! онъ вполнѣ отражалъ въ себѣ хорошія и дурныя стороны современнаго ему большинства, шатавшагося изъ стороны въ сторону, смотря по тому, гдѣ пригрѣвало.

Мы, конечно, хорошо понимаемъ, что подобныя недостатки неизбежны и что иногда авторъ, естественно, долженъ стараться, какъ можно болѣе скрыть свою личность, сдѣлаться *объективнымъ*. И рѣдко, рѣдко промелькнутъ въ статьяхъ сѣбѣ, указывающіе, что въ авторѣ есть свои убѣжденія, что онъ живой человѣкъ, такъ или иначе относящійся къ фактамъ, или пережитымъ прежними временами, или переживаемымъ современными намъ народомъ. Вотъ и улика велико, въ статьѣ «абсентеизмъ».

«Абсентеизмъ» означаетъ одну изъ причинъ, которой приписывается бѣдственное состояніе ирландскаго народонаселенія, и которая состоитъ въ пребываніи ирландскихъ земледѣльцевъ

ствѣ своихъ помѣстій, болѣею частью въ Лондонѣ или въ границѣ. Авторъ объясняетъ историческое происхожденіе абсентизма, вошедшаго въ Ирландію въ обыкновенный порядокъ, и затѣмъ приводитъ нѣсколько знаменательныхъ за и противъ вреда такого явленія. Отъ писателя, рѣшившагося не идти далѣе факта, пожалуй и довольно. Но довольно ли вы остаетесь, прочитавъ эту статью? Вы несколько задаёте себѣ вопросъ: русскій или иностранецъ писалъ эту статью для словаря? Кажись, русскій. Такъ неужели онъ, несколько спрашиваете вы, не знаетъ русскихъ порядковъ, не знаетъ напр. что не въ одной Ирландіи, а и у насъ, да еще ии чуть не меньше абсентизмъ есть самое обыкновенное явленіе. Какъ же это онъ, зная наши порядки, словомъ даже не упомянулъ въ своей статьѣ о русскомъ абсентизмѣ? А еще программа объявляла, что вотъ на русскую жизнь словарь обратитъ особенное вниманіе. Что касается русскаго абсентизма, то существованіе его у насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ деревнѣ, въ помѣстьяхъ у насъ живутъ только тотъ помѣщикъ, у кого въ карманѣ пусто. А лишь завелась лишняя кобылка, такъ ужъ онъ ѣдетъ съ ней въ губернской городъ, или въ столицу или въ границу. Споры нѣтъ, что есть уже помѣщики, которые за умъ взяли и сами занимаются хозяйствомъ. Но, вѣдь это меньшинство, какое, пожалуй, найдется и въ Ирландіи. Большая же часть помѣщиковъ и теперь, какъ и въ той странѣ, пробиваются управляющими разнаго рода, которые, разумеется, болѣе всего заботятся о собственномъ карманѣ, разрушаютъ хозяйство и т. д. И у насъ также, какъ въ Ирландіи, абсентизмъ являлся обычнымъ, нормальнымъ явленіемъ. Бонтошный помѣщикъ считаетъ своею обязанностию не жить въ деревнѣ, а въ городѣ, за границей и свысока поспрашиваетъ за помѣщика домоѣда: вы, дескать, провинціалы, залясье, свѣту не видали, а мы такъ совѣтъ другое и т. д. Вотъ автора и обратилъ бы вниманіе на русскій нашъ абсентизмъ, указалъ бы причину его происхожденія и развитія у насъ и выяснилъ бы, въ какой мѣрѣ терпитъ отъ того наше народное хозяйство. Тогда бы видно было, что авторъ знаетъ современную нашу жизнь, что онъ дѣйствительно живой человекъ, съ убѣжденіями; и для читателя тогда статья имѣла бы интересъ и современное значеніе. А то заставляетъ насъ путешествовать по Ирландіи, какъ-будто дома у насъ нѣтъ такого же добра.

Но скажемъ, чтобы между историческими статьями не было и хорошихъ статей. Такихъ — мы считаемъ наприимѣръ: «Абрамовъ», «Азары», «Анвакумъ Петровичъ», «Августъ II саксонскій» и нѣкоторые другіе. Въ нихъ видно, во крайней мѣрѣ, желаніе авторовъ

обрисовать нравственные образы людей, выходящихъ на сцену и указать связь ихъ съ вѣкомъ, въ который жила они. Оттого, они оставляютъ въ душѣ ясное и опредѣленное впечатлѣніе.

Заслуживаютъ также вниманія статьи, относящіяся къ міру классическому: «Августъ» и «аграрные законы». При всемъ томъ, что первая статья полно излагаетъ событія, въ которыхъ дѣйствовалъ былъ Августъ, въ ней есть важные недостатки. Такъ чтожъ это за человекъ: былъ Августъ? пошевелъ спрашиваешь себя, прочитаешь статью. Авторъ не потрудился заглянуть въ глубь души этого замѣчательнаго человека, не постарался воспроизвести его нравственную физиономію. Въ статьѣ вы видите движеніе событій, видите, что въ круговоротѣ ихъ Октавіанъ былъ одною изъ двигавшихъ силъ... но что это сама была за сила, какія нравственныя черты этого человека — не сказано. Авторъ углубился въ прагматическое изложеніе событій и какъ будто избѣгалъ объясненій о личности Октавіана, даже не коснулся вѣка, въ который жилъ Августъ, и которому онъ сообщалъ свое названіе — вѣкъ Августа. Между тѣмъ, тутъ то бы и подступить къ нему съ анализомъ и посредствомъ его опредѣлить, какъ широко онъ выразилъ въ себѣ хороша и дурныя стороны своего вѣка, какихъ преимущественно интересовъ былъ онъ представителемъ, какія его историческія заслуги и т. д. Притомъ въ статьѣ Августъ кажется то подленькимъ существомъ, то благороднымъ защитникомъ интересовъ Рима. Поэтому, по прочтеніи статьи, Августъ являлся въ представленіи съ какимъ-то двойнымъ характеромъ и жалѣешь, что авторъ не постарался сообщить читателю полное, опредѣленное впечатлѣніе.

Другая статья объ аграрныхъ законахъ очень подробно излагаетъ сущность этихъ законовъ и ихъ исторію. Авторъ, какъ видно, сумѣлъ воспользоваться новѣйшими трудами ученыхъ объ этомъ предметѣ и излагаетъ дѣло, дѣйствительно, съ современной научной *фактической* точнн зрѣнія. Спасибо и за то.

По географіи въ словарь замѣчательны четыре статьи: двѣ о губерніяхъ: Абосской и Августовской, одна объ Австраліи и еще объ Австрійской имперіи. Большаго, чѣмъ сколько дано, нельзя ожидать отъ статей, касающихся нашихъ губерній, судя по состоянію нашей статистики. Статьи объ Австраліи и Австрійской имперіи — чрезвычайно обширны и сравнительно съ прочими статьями кажутся гигантами. Ихъ можно назвать безусловно лучшими во всемъ словарѣ, по богатству свѣдѣній въ нихъ помѣщенныхъ, и неслалось бы, чтобъ словарь, на будущее время, давалъ такія же обстоятельныя статьи по географическому обзору прочихъ странъ. Къ статьѣ объ Австрійской имперіи между прочимъ приложена и исторія ея, се-

отраженная, и, кажется, указать, крайне неудачно. На веревкѣ: спра- ницахъ знакомишься со статистикою матеріальнаго и нравственнаго развитія Австріи, а тамъ переходить въ исторію и тутъ главнымъ образомъ встрѣчаешь извѣстія только о территориальномъ ее развитіи. Ужь если въ планъ авторовъ (она коллективно составлена) не входило знакомить читателя съ исторіей нравственнаго развитія Австріи, такъ напрасно они дали столько мѣста въ историческомъ своемъ обзорѣ различнымъ Бабенбергамъ, да Габсбургамъ. Члобы преобразить исторію территориальнаго развитія Австрійской имперіи, для этого не требовалось много мѣста: сказали бы, молъ, тогда-ли такой уголокъ оттянули Бабенберги отъ императоровъ, а тогда та- кой-то Габсбургъ поживился на счетъ сосѣдей, и просто было бы, и ясно...

Вообще о вышедшемъ томѣ энциклопедическаго словаря нужно сказать, что въ немъ вмѣстѣ съ довольно неудачными статьями есть и дѣльные статьи. Онъ вполне оправдываетъ на себѣ русскую по- словицу, что нѣтъ худа безъ добра. При этомъ, не обинуясь, ска- жемъ, что относительное количество хорошихъ статей сравнитель- но съ неудачными въ немъ чрезвычайно не велико; что большая часть справочныхъ статей вовсе не удовлетворяетъ своему назначе- нію; что не всѣ серьезныя статьи удовлетворяютъ строгой критикѣ, и что вообще объемъ словаря безъ нужды увеличенъ ненужнымъ ма- теріаломъ, при томъ на счетъ важныхъ предметовъ. Скажемъ так- же, что главною причиною всѣхъ недостатковъ вышедшаго тома словаря — мы считаемъ принятое редакціею фактическое направле- ніе, которое лишаетъ статьи жизненности и дѣлаетъ изъ нихъ ка- кой-то мертвый — сырой матеріалъ.

Что касается до языка словаря, то онъ, если и не вездѣ попу- лярень, по крайней мѣрѣ, не до преизбытка наполненъ и научными терминами, часто затемняющими сущность дѣла. По мѣстамъ, впрочемъ, попадаются статьи, особенно по математикѣ и музыкѣ, написанныя чисто *математическимъ*, или *музыкальнымъ* языкомъ и понятныя только (и то, пожалуй съ трудомъ) для специалистовъ. Вотъ на примѣръ статья объ абелевой теоремѣ:

• Абелева теорема. Такъ называется одна изъ теоремъ, открытыхъ ве- ликимъ геометромъ Абелемъ. Эта теорема заключается въ выраженіи сум- мы, или разности нѣсколькихъ значеній интеграла, какого-либо алгебри- ческаго дифференціала чрезъ совокупность значеній того же интеграла, съ прибавленіемъ, въ общемъ видѣ, членовъ алгебраическаго и логарифмиче- скихъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ приводятся къ нулю.

Таково же опредѣленіе и абелевыхъ функцій. Прочитавъ эти

статьи, по поводу сказаны, тению воля... Независимъ, какъ пося-
даютъ подобныя статьи въ коммунарное изданіе.

Читатели видятъ, что мы нарочно обратили вниманіе на слабыя
стороны словаря — именно потому, что дѣло изданія его считается
важнымъ и неслучайнымъ. То, что мы не совсѣмъ сочувствуемъ са-
мой идее общаго словаря, вовсе не мѣшаетъ намъ считать зачатое
дѣло такъ, что, при хорошемъ выполненіи, оно можетъ оказать
нѣкоторую пользу публикѣ. И вотъ почему мы подаемъ свой голосъ
противъ недостатковъ словаря, которые несутъ съ собою совер-
шенно безполезный.

УЧИТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НАСТАВНИКОВЪ, РОДИТЕЛЕЙ И ВСѢХЪ, ЖЕЛАЮЩИХЪ ЗАНИМАТЬСЯ ВОСПИТАНІЕМЪ И ОБУЧЕНІЕМЪ ДѢТЕЙ

Давно, дѣтъ десять тому назадъ, часто встрѣчалъ я въ одномъ обществѣ женщину, въ глазахъ которой было видно, что они много плакали. Вѣчною темою ея разговоровъ былъ вопросъ о воспитаніи; но она была непріятна съ этимъ разговоромъ, потому что въ каждомъ ея словѣ разоблачалась до послѣдняго любовь ея къ своему единственному сыну, единственному предмету, оставленному ей мужемъ въ наслѣдство. Часто и ко мнѣ она обращалась съ вопросами: «Скажите, у васъ это еще такъ свѣжо, — хорошо это или нѣтъ.» Я пожималъ плечами. Мнѣ всегда казалось, что принимать слишкомъ настойчивое участіе въ развитіи ребенка такое же дѣло, какъ принимать участіе въ выходѣ замужъ или въ женитьбѣ кого-нибудь, какъ принимать участіе въ осужденіи кого-нибудь на смерть. Всегда лучше жизнь, потому что не останется угрызения совѣсти; всегда лучше (въ дѣлѣ воспитанія) предоставлять немножко побольше природѣ, потому что, можетъ быть, она лучше сдѣлаетъ. Особенно, если природа здоровая, и ее нужно только руководить а не исправлять. И всегда мнѣ казалось, что въ этомъ дѣлѣ самое важное и безспорно приносящее одну только пользу — пріобрѣтеніе познаній: чѣмъ больше, тѣмъ лучше; все же остальное нужно предоставить немного и случаю. Но бѣдная женщина не могла со мною согласиться: такъ чешетъ больной болезненное мѣсто, не смотря на всѣ запрещенія доктора. — Какъ я моего Мишеньку, мое сокровище, оставляю безъ воспитанія! — Что же вы съ нимъ дѣлаете? — Я развиваю въ немъ мысль. Вы смѣтаете? — Ничего. Это очень хорошо. Какъ же вы развиваете? — Я съ нимъ читаю; но мы читаемъ не одинъ разъ пятьдесятъ строчекъ, а десять разъ пять строчекъ, до тѣхъ поръ, пока я убѣдюсь, что Ми-

шель понялъ все, потому что я не хочу, чтобы Мишель былъ попу- гаемъ; я хочу, чтобы онъ мыслилъ обо всемъ, что читаетъ; чтобы онъ вникалъ въ смыслъ каждаго слова, чтобы его чтеніе не было *механическимъ* актомъ повторенія словъ, написанныхъ въ книгѣ. — И онъ васъ понимаетъ! — О, Мишель очень понятливъ! онъ поражаетъ меня своею понятливостью; онъ весь отецъ. — Но за- чѣмъ же вы съ нимъ такъ мучитесь, если онъ безъ того понят- ливъ? — Мучитесь! какъ это мило — мучитесь? Для меня высшее наслажденіе готовить моего сына къ жизни, возбуждать въ немъ любопытство, внушать ему, что только понятый нами пред- метъ, можетъ доставлять намъ удовольствіе... — Вѣдь это неправда. — Какъ такъ? — Только недопонятое доставляетъ намъ наслажде- ніе; все понятое неинтересуетъ уже такъ насъ болѣе. Напримѣръ, полюбить женщину значить рѣшительно не понять ее. — Вы всегда говорите вздоръ. — Это оттого, что меня, учили не логически: у меня все было предоставлено природѣ, и знаете ли что? — я такъ полюбилъ ее, что готовъ подражаться со всякимъ, кто кромѣ нея, захочетъ имѣть на меня вліяніе. О, природа! ахъ, природа! охъ, природа! — новоторялъ я, засунувши руки въ карманы и сентиментально закативъ глаза къ небу. — Вы все дурачитесь. Какъ вамъ не наскучить? — А я все думаю, какъ вамъ не опротивитъ заниматься все серьезными предметами и жевать сальную свѣчку въ убѣжденіи, что этотъ пред- метъ не принесетъ удовольствія, пока вы съ нимъ коротко не позна- комитесь. — Вѣдь вотъ вы всѣ таковы, говорила эта дама, обидѣв- шись: вамъ никому не дорого приготовить лишняго полезнаго чле- на отечеству и новаго добраго человѣка обществу; вы всѣ равно- душно смотрите на старанія, на усилія бѣдной матери, создать изъ ребенка своего что-нибудь умное и хорошее... — Я вамъ говорю, учите всему, все ему открывайте; но оставляйте почаще его душу въ покое, давайте ему то, что онъ передѣлать не можетъ; званіе не передѣлывается; а пониманіе измѣняется. И пусть онъ смотритъ на все, какъ ему удобнѣе; потомъ жизнь научить. А ужъ ного жизнь не научить, того вамъ не научить. Да вѣдь вы этому не повѣрите. — Разумѣется, не повѣрю. Еще бы! вы хотите, чтобы я давала ему зубрить, надѣясь на то, что самъ пойметъ послѣ. — Ну такъ чтожъ? Положимъ, зубрить вещь скверная. Но ни одинъ ребенокъ не бу- детъ зубрить, если этого ему нарочно не прикажутъ. Только не на- доѣдайте ему слишкомъ и, главное, не *пристращайте* его слиш- комъ къ книгамъ, къ ученію, къ тому, что дѣлають взрослые. Да я самъ все зубрилъ, не понимая; а потомъ кое-что осталось изъ все- го этого; дико, безобразно, но осталось, и принесло плодъ. Вѣдь вы меня дуракомъ не считаете? — Не всегда.

Вотъ такъ-то шли наши разговоры; а потомъ мы разстались и дѣтъ десять я не встрѣчалъ заботливой матери. Нынче зимою былъ я въ одной семьѣ; привели меня туда первый разъ, никого не знаю: мужчины несутъ чужь объ эмансипаціи женщинъ; женщины толкуютъ о незнакомыхъ для меня людяхъ... Вижу, стоитъ въ уголкѣ, отдѣлившись, одна пара: молодой человекъ, офицеръ, спорить съ прехорошенькой дѣвушкой что-то о молитвѣ; — она смѣется; онъ ей пресерььзно доказываетъ. Я, туда. И не зная, въ чемъ дѣло, и не желая знать этого, противорѣчу нелѣпнѣйшимъ образомъ на первое его слово, для того, чтобы вступить въ разговоръ.

— «Позвольте вамъ замѣтить, начинастъ офицеръ, что молитву можно раздѣлить на три разряда: на молитву *механическую*, когда человекъ, не понимая что дѣлаетъ, и думая о другомъ, повторяетъ заученныя имъ слова; на молитву *логическую*, когда человекъ понимаетъ значеніе каждаго слова, но когда сердце его не принимаетъ участія въ его молитвѣ, и на молитву *эстетическую*, когда человекъ молятся всѣмъ сердцемъ, когда все существо его проникнуто этой молитвою. Я не знаю, о какой молитвѣ вы изволите говорить?»

— Я говорю о самой лучшей молитвѣ, сказалъ я, засунувши руки въ карманъ, и изобразивши на лицѣ своемъ такую глупость, что хорошенькая дѣвушка, говорившая съ офицеромъ, поднесла платокъ къ губамъ и поторопилась уйдти, чтобы не расхохотаться; а онъ, невозмутимо-спокоенъ и важенъ, возражалъ мнѣ:

«Значить, вы говорите объ *эстетической* молитвѣ.

— Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ я, прикидываясь: я говорю о молитвѣ *механической*, какъ самой удобной и неотрывающей насъ отъ разныхъ сладкихъ грѣшныхъ думъ и т. п.

— Я не знаю, замѣтилъ мнѣ офицеръ, какимъ образомъ у образованнаго человека могутъ быть подобныя мысли. Мнѣ кажется, вы шутите.

— Я! воскликнулъ я, вытаращивъ глаза: я никогда не шучу.

— Въ такомъ случаѣ позвольте попросить васъ пройти со мною въ ту комнату и сѣсть подлѣ меня у стола: я постараюсь объяснить вамъ, въ какомъ вы находитесь заблужденіи, смотря такъ легко на молитву. Молитва возвышаетъ душу человѣческую, потому что она приближаетъ ее къ Богу; можно, по справедливости, сказать, что человекъ есть животное молящееся, ибо остальные животныя не молятся и не имѣютъ никакой религіи, а потому и молитва, составляющая принадлежность души человѣческой, необходима для его полнаго счастія. Вы хотите сходить за папирской? у меня есть... И такъ, какъ я уже замѣтилъ...

Мнѣ пришло въ голову, что онъ меня хочетъ наказать, что онъ

меня мистифируетъ за то, что я нарушилъ его *tête à tête*; мнѣ показалось, что я его обидѣлъ и онъ за то хочетъ потѣшиться вало мною... Я начиналъ даже немножко трусить и припоминалъ тотъ анекдотъ о непрощенномъ провожателѣ съ Невскаго Проспекта, котораго проведенная имъ до дому дама пригласила къ себѣ, и котораго мужъ ея заставилъ выпить три графина теплой воды, поминутно благодаря его за услугу, оказанную женѣ, и покорнѣйше прося при этомъ откушать волцы: «Я не хочу!» говорилъ провожателъ. «Все равно-съ, отвѣчалъ хозяйинъ: вѣдь и жена моя не хотѣла, чтобы вы провожали ее.» Наконецъ я рѣшился взять откровенностию:

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ я: простите меня; я согласенъ, я былъ неостороженъ; но у меня не было никакого дурнаго намѣренія; мнѣ было скучно, и я хотѣлъ во чтобы то ни стало завести разговоръ.

— Именно по этому я и хочу вамъ объяснить значеніе молитвы; я вижу, что вы добрый человѣкъ, и что все это происходитъ отъ того, что вы впрочемъ не углублялись въ этотъ вопросъ...

— Такъ полноте же, оставьте эту мистификацію...

— Почему же вы думаете, что я васъ мистифирую, говоря, что считаю васъ добрымъ человѣкомъ? Лицо есть зеркало души: у васъ лицо доброе. Всѣ человѣческія лица можно раздѣлять на три категоріи: лица, выражающія душу — ихъ можно назвать лицами *типическими*; лица, не выражающія души — *обыкновенныя* лица, и лица, ничего не выражающія — *слупыя* лица. Ваше лицо...

— Это очень новое и остроумное замѣчаніе.

— Я много думалъ. Мнѣ ни одна вещь не можетъ понравиться до тѣхъ поръ, пока я не убѣдюсь, что она *должна* нравиться. У меня была мать... она жива и теперь, и если я вамъ сказалъ: «у меня была мать», то это потому, что я думалъ о своемъ дѣтствѣ, которому она посвятила *всю жизнь* свою, и это я вамъ говорю потому, что по справедливости можно назвать *всю жизнью* нѣсколько лѣтъ, въ которыхъ человѣкъ отдается какому нибудь предмету, не жалѣя своего здоровья. Вообще, матерей можно раздѣлять на три разряда...

— Извините, меня что-то тошнитъ. Это со мной бываетъ; это бываетъ со многими...

— Это происходитъ, какъ я замѣтилъ, отъ трехъ причинъ...

Но я уже не слушалъ. Я бѣжалъ, закрывъ платкомъ ротъ, въ кухню, гдѣ хозяйка заботилась объ ужинѣ, дѣла моихъ желаній на всѣхъ вечерахъ и собраніяхъ. Я бѣжалъ въ кухню для того, чтобы

избавиться отъ моего проповѣдника и спросить у хозяйки, не есть ли это Мишель, сынъ моей старой знакомой.

И это былъ онъ!

Мнѣ стало жаль бѣдную женщину; и увѣряю васъ, я никогда не открылъ бы никому ея грустной тайны, если бы раньше меня не угодно было самой судьбѣ начертить карриатуру этой доброй, трепещущей души въ журналѣ для наставниковъ, родителей и всѣхъ желающихъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, журналѣ, выходящемъ два раза въ мѣсяцъ, подъ скромнымъ названіемъ «Учитель».

Я пишу эту статью противъ судьбы, имѣющей печальную храбрость каррикурировать собственное свое произведеніе, эту добрую мать, эту несчастную мать, безъ того уже наказанную уродливостью плода своего воспитанія, хотя можетъ быть не сознающую своей печальной ошибки.

Но во всякомъ случаѣ между журналомъ «Учитель» и этою матерью нѣтъ ничего общаго, хотя онъ и хлопочетъ такъ же точно, какъ эта мать о воспитаніи дѣтей, и хотя отъ его воспитанія должны неминуемо выйти Мишеля. Вѣдь эта мать дѣлала глупости прямо отъ теплоты сердечной, прямо отъ торопливой горячности, вѣла на глазахъ своихъ сына любимаго мужа; она была простосердечнѣйшимъ Донъ-Кихотомъ въ юбкѣ, со всѣмъ прекраснымъ, что только заключалось въ душѣ этого простодушнаго гидадьго, и со всѣмъ комичнымъ, что только заключалось въ судьбѣ его. Она торопилась, но не хитрила; она желала, но не выдумывала. Наконецъ она самими обстоятельствами, самою природою была вызвана быть воспитательницею своего сына, а не вызывалась, говоря: «Пустите меня: я все знаю, а вы всѣ въ заблужденіи»; а потому громовыя слова Евангелія: «Кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ» — къ ней не будутъ примѣнены въ день суда. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится нашъ «Учитель»: его никто не заставлялъ, его ничто не вызывало: онъ самъ вышелъ, и вышелъ прямо съ убѣжденіями этой бѣдной матери и со взглядами ея несчастнаго сына, перешедшими къ сему послѣднему, вѣроятно, тоже отъ его родительницы. И онъ хочетъ, чтобы всѣ поступали такъ, а не иначе. Но сколько смѣшнаго добродушія, сколько чистосердечнаго донъ-кихотства встрѣчается также точно на его страницахъ! Напримѣръ можно ли безъ улыбки читать слѣдующее его воззваніе къ родителямъ:

«Родители! слѣдили ли вы за тѣмъ, что совершалось въ послѣдніе годы, передъ глазами вашими, что совершается теперь? Усмотрѣли ли вы во всѣхъ современныхъ отечественныхъ событіяхъ проявленіе

новаго начала — начала свободнаго развитія сознательной дѣтельности каждаго человѣка, къ которой мы должны отнынѣ готовить дѣтей своихъ, *потому что они прежде всего люди?* Если вы поняли это новое жизненное начало, то вы должны радоваться и торжествовать: оно требуетъ довѣрія къ собственнымъ природнымъ силамъ человѣка, и требуетъ полнаго свободнаго развитія ихъ; оно ставитъ человѣка на ноги, предоставляетъ ему самому избирать себѣ занятія, быть полнымъ хозяиномъ будущей судьбы своей. Родители! это начало требуетъ, чтобы вы воспитывали дѣтей своихъ не такъ, какъ васъ воспитывали, предназначая заранѣе къ одной известной дѣтельности. Внемлите же гласу времени; *старайтесь постоянно развивать самихъ себя, самоусовершенствоваться, если сознавать потребности сбереженной жизни; откажитесь отъ закостѣлыхъ предразсудковъ минувшаго, сбросьте ихъ съ себя, да не перейдутъ грѣхи ваши, на дѣтей вашихъ! Не приготавливайте ихъ ни къ какой заранѣе вами назначенной дѣтельности, а доставляйте имъ общее образованіе, развивайте всѣ духовныя и тѣлесныя силы и способности ихъ, до тѣхъ поръ пока дѣти ваши сами не будутъ въ состояніи сознательно избрать себѣ то дѣло, къ которому они чувствуютъ себя способными.* Воспитывая дѣтей своихъ, *не руководитесь никакими честолюбивыми замыслами, никакими планами, заранѣе на нихъ составленными.* Пусть они сами проложатъ себѣ въ жизни дорогу, и своимъ честнымъ и полезнымъ трудомъ, а не слухомъ и не покровительствомъ другихъ людей.

Воззваніе прекрасное: что ни слово, то правда. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но случилось ли вамъ замѣчать, что иногда самая честная истина бываетъ смѣшна; и, выписывая это, я вижу того, кто говорить это: онъ сидитъ на тощей и безобидной флегмѣ-лопади, щиплющей подъ ногами траву; въ рукахъ его длинное копые и желѣзный цѣпъ; честныя, исхудалыя ноги его, никогда не ходившія задними путями, чуть не касаются земли, и спокойное, важно-довѣрчивое лицо говорить ясно, что оно не знакомо ни съ какими окольными, задними дорогами, и потому не знаетъ, какъ можно не послѣдовать такому доброму совѣту, когда онъ, кажется, совершенно ясенъ и простъ. А толпа слушаетъ и смѣется, потому что она знакома съ окольными дорогами, и видитъ, что этотъ дерзкій человѣкъ именно потому смѣшонъ, что добръ очень, и не годится въ ея «Учители».

И дѣло вѣдь въ томъ, что онъ, не зная другихъ, и самъ себя не знаетъ. Ну возможное ли, напримѣръ, дѣло, чтобы онъ при безконечной добротѣ своей, бросилъ своего сына, сказавши ему: *Иди и заслуживай, чего стоишь!* Я такъ и вижу подобнаго господина, проповѣдывающаго подобныя правила, и только что кончившаго объ этомъ статью, стоящимъ со своимъ простодушнымъ сыномъ передъ директоромъ гимназій, и слышу между ними слѣдующій разговоръ:

— Промилуйте, чего вы хотите! — Въ третій классъ, когда вашъ сынъ не готовъ и для перваго!

— Да ужъ мнѣ очень не хочется, чтобы два-то года онъ потерялъ. Лѣта-то его ужъ такіа, что ему надо въ третій,

— Но если онъ не готовъ!

— Догонитъ-сь! а слѣдить буду — догонитъ-сь! У него способности куча! Преспособный мальчишка: стоять только придется ему...

— Что-жь вы его не засадили давно ужъ?

— Сидѣлъ-сь! Ей Богу, сидѣлъ! И все зналъ... Богъ его знаетъ, какъ это онъ оплошалъ сегодня. — Такъ ужъ посадите его въ третій классъ! Сдѣлайте божескую милость! матери-то его опечалить не хочется.

Я знавалъ такихъ людей; и клянусь вамъ, я никогда не могъ понять, какъ это директора могутъ иногда устоять противъ нихъ добродушнаго отчаянія и противъ ихъ слезливой улыбки. — Правда, должно быть, помогаетъ: много танковъ приходитъ. И для тѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, ей Богу, я посадилъ бы ихъ дѣтей хоть пожалуй самими директорами гимназій. Какъ устоять противъ такого искушенія, особенно намъ, русскимъ, такъ либерально смотрящимъ на всѣ вещи міра сего, на все, передъ чѣмъ цѣмецъ снимаетъ шляпу и вытягиваетъ руки по швамъ. Мы передъ другими за то тянемся.

Но «Учитель» ничего этого не принимаетъ въ соображеніе, и съ неискушенною овытомъ жизни дѣвственностью обращается къ намъ то съ тѣмъ, то съ другимъ наивнымъ совѣтомъ, и мы, развращенные, прошедше огонь и воду, слушаемъ его, и, любя его, помиримъ со смѣху.

Выдумалъ онъ представить *практическое руководство для воспитанія дѣтей въ первые годы ихъ жизни*, въ видѣ повѣсти, и оговорился, и насмѣшилъ оговоркою. Вотъ она:

Дѣтя въ первые годы жизни. — Считаю нужнымъ предупредить читателей, что авторъ, излагая мысли лучшихъ педагоговъ и врачей о первоначальномъ воспитаніи дѣтей въ видѣ *разказа*, имѣетъ главною цѣлью представить *практическое руководство для родителей*, а отнюдь не *повѣсть*. Форма изложенія тутъ вещь второстепенная, и потому не можетъ подлежать строгой критикѣ; избрана же эта форма авторомъ только какъ наиболѣе наглядная и интересная для читателей. Къ тому же она даетъ ему возможность, какъ бы на самой практикѣ, показать, какія обязанности виѣняются родителямъ относительно дѣтей, а врачу относительно пациентовъ своихъ, и какую роль должны играть учителя въ школы. *Ред.*

Тутъ встрѣчается и характеристика въ родѣ слѣдующей :

Прежде всего скажемъ, что нашъ докторъ понималъ призваніе врача, такъ какъ понимаютъ его *очень и очень* не многіе. Не смотря на многочисленное семейство и ограниченныя средства, Ковалевъ стремился къ тому, чтобы въ городѣ было по возможности менѣе больныхъ. Онъ любилъ не лечить, а предупреждать всякую болѣзнь, т. е. иначе сказать — самъ у себя отбивалъ хлѣбъ. Одному напр. посоветуетъ вести болѣе воздержную жизнь, другому заняться купаньемъ, третьему оставить сырую квартиру, четвертому уменьшить занятія. Послѣ подобнаго совѣта благородный Ковалевъ всегда прибавлялъ : « да сохранить васъ Богъ отъ необходимости прибѣгать къ моей помощи. Теперь вы здоровы, но скоро, если не обратите вниманія на мои слова, захвораете. Степанъ Аванасьичъ твердо стоялъ за ту мысль, что физическое воспитаніе обуславливаетъ счастье и благополучіе всей жизни. Онъ вѣрилъ, что болѣе здоровое и сильное поколѣніе будетъ и болѣе дѣлательно, и болѣе счастливо; вѣрилъ, что такое поколѣніе будетъ и болѣе нравственно. Нашъ почтенный докторъ до такой степени увлеклся своею теоріею, что готовъ былъ наговорить самыхъ оскорбительныхъ вещей тѣмъ, которые не хотѣли выкинуть во все великое значеніе его воззрѣній на воспитаніе. И дѣйствительно, не разъ онъ наживалъ непріятности изъ за своихъ рѣзкихъ замѣчаній.

Молодой Немировъ (главное лицо повѣсти, у котораго жена забеременела. — Я думаю, это слово кажется ужасно циничнымъ и грубымъ посреди моихъ выписокъ) шолъ къ Ковалеву въ полной надеждѣ получить самыя рациональныя указанія. Онъ также очень хорошо зналъ, что докторъ Ковалевъ любитъ не лечить, а предупреждать болѣзни.

Степанъ Аванасьичъ привалъ извѣстіе Александра Ивановича съ живымъ сочувствіемъ къ положенію его жены и сказалъ : « на двухъ бываю у васъ на часокъ, а между тѣмъ передайте Аннѣ Петровнѣ мой совѣтъ : не измѣнять вовсе обычнаго образа жизни; женщина, привыкшая вести жизнь умѣренную и дѣлательную, можетъ безъ всякаго оушенія продолжать эту жизнь и въ *счастлиомъ* положеніи. О подробностяхъ послѣ ».

Спустя два-три дня нашъ докторъ вечеромъ былъ у Немировыхъ. Лицо Анны Петровны вспыхнуло яркой краской при появленіи Стевана Аванасьича; но Ковалевъ поздравилъ ее такъ просто, такъ естественно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ отъ души, что молодая Немирова немедленно оправилась отъ своего волненія.

Жаль остановить эту выписку. Я выписываю, а передо мной мелькають картины : я слышу скрипъ дверей, слышу скрипъ той, знакомой намъ, русскимъ, двери, которая выходила въ сѣни и издавала странный, дребезжащій и стонущій звукъ, въ которомъ, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось : « Батюшки, я заблудилась! » — Я вижу деревенскій балконъ, обращенный въ садъ,

въ то время, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ и стекая журчащими ручьями... Радуга крадется изъ-за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣтитъ на небѣ... Поваръ пошелъ въ бурьянъ... Гоголь глядитъ на все это и видитъ низенькій домикъ съ галлерсею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ... За нимъ душистая черемуха и развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ... И опять балконы, и на немъ Аѳанасій Иванычъ, задумавшій, увлекшись всеобщимъ движеніемъ, приписать пользу, и пишущій нравоучительную повѣсть съ докторомъ Ковалевымъ и учителемъ Навзоринымъ, и я читаю изъ-за руки этого добраго старика выходящія изъ подъ пера его строки :

• Меня душевно радуешь мысль, продолжалъ Ковалевъ, садясь на диванъ возлѣ Анны Петровны, — меня радуешь мысль, что вы смотрите на предстоящее вамъ великое дѣло такъ, какъ должна смотрѣть на него разумная мать. Вы не забываете, что дадите жизнь человѣку, который потребуетъ отъ васъ и жизни духовной. Безъ всякаго сомнѣнія вамъ будетъ не легко выполнить эту задачу; безъ совѣтовъ и руководителя въ подобномъ дѣлѣ можно надѣлать множество неисправимыхъ ошибокъ. Я, съ моей стороны, готовъ вамъ помогать и словомъ и дѣломъ, сколько могу; но однихъ совѣтовъ врача вамъ недостаточно; вамъ нужно будетъ руководство и опытнаго воспитателя. Къ великому счастью въ нашемъ городѣ живетъ истинный педагогъ, другъ человечества, воспитавшій не одно поколѣніе. Я говорю про Васиіа Григорьевича Навзорина. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую чистую и любящую душу. Вотъ къ кому обратитесь со временемъ, когда явится необходимость воспитать духовно ваше дитя. У Навзорина богатая бібліотека по отдѣлу педагогическому. Онъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ согласится быть вамъ полезнымъ и своимъ собраніемъ книгъ, и своимъ совѣтами.

Глажу я на все это изъ-за плеча Аѳанасія Иваныча и говорю ему :

— Аѳанасій Иванычъ !.. Аѳанасій Иванычъ !..

— Ну, чего тебѣ ?

— Да вѣдь она только что забеременила...

— Какія ты слова говоришь !..

— Какъ же по вашему ?

— А ты гляди, какъ я сказалъ... Аѳанасій Иванычъ, съ гордостью автора, перелистываетъ свою рукопись и, указывая пальцемъ, говоритъ мнѣ, чуть-чуть ко мнѣ оборачиваясь. Смотри, какъ я сказалъ !

И я наклоняясь, читаю : «Въ счастливомъ положеніи».

— Ну, хорошо. Такъ вѣдь она у васъ только что недавно въ счастливомъ положеніи.

— Да!

— Такъ что же это она у васъ такъ торопится? И за докторомъ и за учителемъ!

— Такъ ужъ нужно, значить, когда я такъ написалъ.

— Что же? вы такъ вѣрите своему вдохновенію?

— А еще бы!

— Да вѣдь нельзя, Аванасій Ивановичъ!..

— Поди прочь, не мѣшай! Ступай вонъ къ Пульхеріи Ивановнѣ: она тебѣ сосульку дастъ; а меня оставь... И никогда ты у меня за плечемъ не стой!..

А ужъ Пульхерія Ивановна манить меня и головою качаетъ: Что вы это къ старику пристали! не видите развѣ — дурить! Оставьте его, благо занятіе нашолъ себѣ; пусть себѣ пишетъ. А будеть читать, такъ мы съ вами хвалить будемъ.

Но вотъ Аванасій Ивановичъ отлучился со своего мѣста, и я открываю страничку назадъ:

•Разъ какъ-то осенью, когда Немирова не было дома, Анна Петровна ходила по комнатѣ въ видимомъ волненіи; казалось, ее тяготила какая-то тревожная мысль... черезъ двѣ минуты явился Александръ Ивановичъ... Анна Петровна въ этотъ вечеръ была особенно нѣжна съ своимъ мужемъ.

•Отчего у тебя такъ горитъ лицо сегодня? спросилъ Александръ Ивановичъ, наливая себѣ стаканъ чаю; •право, ты прехорошенькая. Посмотри на себя въ зеркало: какія у тебя чудныя алые щечки.

Анна Петровна вспыхнула еще болѣе, поставила на столъ чашку, наклонилась къ самому уху мужа и что-то сказала ему. Лицо Немирова просіяло радостію.

•А вѣдь сынъ, непременно сынъ — и Петръ!.

Но Аванасій Ивановичъ сдѣлалъ свое дѣло и возвращается.. Я спѣшу дать тигу съ балкона и скрыться въ саду, между зеленыхъ вѣтвей, и хожу тамъ, и разсуждаю: «Какъ жаль, что не было дѣтей у этого добраго старика: будь у него дѣти, онъ не сталъ бы писать теперь; хотя чтожъ? отчегожъ? онъ совсѣмъ не смѣшонъ въ этомъ комическомъ препровожденіи времени.

Но вы, можетъ быть, желаете знать, какъ острить, какъ казнить Аванасій Ивановичъ?—я сейчасъ вамъ выпишу нѣсколько строкъ изъ той же статьи, напечатанной въ журналѣ «Учитель». Стр. 21.

Только что Ковалевъ произнесъ послѣднія слова, какъ въ комнату вошла Авдотья Васильевна Яблочкина, вдова, старинная знакомая семейства Кротовыхъ.

«Подражала тебѣ, Анята, подражало», начала она скороговоркой, обращаясь къ хозяйкѣ дома, «я всѣ слышала отъ мамыши. Только, продолжала она подъ дѣлоторого молчанія, бросивъ менеса взглядъ на Ковалева, — только я, на досвѣхъ дѣтей, не стала бы совѣтоваться съ мужчинами. Ты такъ хорошо воспитана, что если твои дѣти будутъ похожи въ этомъ отношеніи на тебя, то, лучшаго ничего не остается желать. Твоя маменька будетъ тебѣ самой лучшей руководительницей въ всякъ случаѣ.

Тутъ вмешивается въ разговоръ Ковалевъ. Рѣчь заходить о мужчинахъ и женщинахъ. Докторъ отстаиваетъ превосходство женщины, и говорить между прочимъ:

«Вы хотите ли знать, какую роль мужчины играли въ дѣлѣ воспитанія малолѣтнихъ дѣтей? Такъ обиль философъ оставилъ женщинъ въ бызиденную обязанность кормить самой своихъ дѣтей; однакъ медикъ обратилъ вниманіе матери на вредныя послѣдствія для дѣтей теплой одежды, на долю одной мужчины послалъ Богъ великое счастье спасти дѣтей отъ страшной язвы — отъ оспы: наконецъ мужичина изслѣдовали пищу дѣтей самымъ многостороннимъ образомъ, и теперь каждая мать совершенно покойно можетъ давать дѣтямъ въ пищу одно и не давать другаго, вреднаго для нихъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ смертность дѣтей въ Европѣ значительно уменьшилась и, безъ сомнѣнія, уменьшится еще болѣе, когда всѣ женщины, подобно Аннѣ Петровнѣ, будутъ брать въ соображенія челоуѣколюбивые и разумныя совѣты мужичинъ.»

Докторъ говорилъ съ увлеченіемъ. Трудно было спорить съ нимъ; но наша Авдотья Васильевна, барыня стойкая, что заладить, такъ не скоро вышибется изъ головы.

«Но не всегда при чтеніи журнала «Учитель» припоминаешь добраго Аванасья Ивановича; иногда картины сѣются; такъ когда я прочла ослѣдующія строки:

«Членіе бываетъ не только логическое, но и логическое и эстетическое — я вспоминалъ совсѣтъ другое, и читатель мой уже знаетъ, кого я именно вспоминалъ. Вообще же у журнала «Учитель» всего проче замѣчаютъ три сотрудника: знаменитый Донъ-Кихотъ Ламанскій, всѣми уважаемый Аванасій Ивановичъ Товстогубъ и нашъ новый знакомый Мишель, полнаго имени котораго разоблачить я не получилъ еще права. Всему міру извѣстны однако же ихъ педагогическія способности, и мы, какъ только узнали по нѣсколькимъ статьямъ, этихъ знаменитыхъ людей, участвующихъ въ «Учителѣ», такъ тотчасъ перестали читать сей добродушный старосвѣтскій журналъ, рѣшившись, на основаніи этихъ авторитетовъ, зашкура глаза рекомендовать его публикѣ.

«И мы рекомендуемъ этотъ журналъ; и боимся только, что къ

г. Мишель публика не любит еще достаточно даяния, как бы как отъ все же человека новизны. Но отъ нового человека можно ждать еще много новизны. Мысли Дюма, Жюльера, Ламартина и характеры его известны каждому; никто не сомневается въ благонаправленности направленія Аванасія Ивановича Тонстоуба; но г. Мишель должен еще зарекомендовать себя. Вотъ образцы его произведеній:

• Вообще при обученіи всякому предмету, ииъющему *forte* характеръ искусства, нежели науки, какъ наприиірз языкъ, можно различать три періода: первый, когда практика должна рѣшительно преобладать надъ теоріей, и послѣдняя можетъ явиться только въ видѣ отдѣльныхъ правилъ, уясняющихъ и облегчающихъ практическую дѣятельность (практическое обученіе); второй, когда практика и теорія должны идти рука объ руку, получить единичныя дѣла (практически-теоретическое обученіе), и третій, когда теорія можетъ преобладать надъ практикою (теоретическое обученіе). Первое обученіе приличествуетъ, наприиірз, дарованому ученику, второе — гимназіи (въ 4-хъ высшихъ классахъ) а третье — университету.

Я здѣсь наиѣренъ говорить только о первомъ, и, именно о, преподаваніи русскаго языка грамотнымъ уже ученикамъ, предполагаю разсматривать преподаваніе этого предмета, неграмотнымъ въ особой статьѣ.

Обучать языку прежде всего значить научить ученика *ладно* думать, т. е. во первыхъ: правильно и ясно выражать мысли свои, какъ устно, такъ и письменно о всемъ, что онъ видитъ, чувствуетъ и испытываетъ, и во вторыхъ: понимать все то, что говорится и пишется другими, настолько, разумѣется, насколько сообщаемыя мысли вообще доступны ученику по всей степенн его развитія.

Все это прекрасно, только на оборотъ, т. е. прежде нужно другихъ поднимать, а потомъ уже объяснять другимъ свои мысли. Но, дайте:

• Этой цѣли можно достигнуть безъ всякой гимнастики, безъ всякой вообще систематической работы — единично, практически, фрагментарно.

Каждъ же актъ упражненія, и оикуда взять материалъ для нихъ? Материалъ для практическихъ упражненій накопился въ немъ для чужды, а самыя упражненія можно обозначить двумя словами — *чтенье и письмо*.

Поидайте, скажутъ мнѣ, стоило ли тратить столько словъ, для того, чтобы наконецъ предложить опять тѣ же упражненія, давно намъ известныя, давно нами употребляемыя и по вашему же мнѣнію, ни къ чему не ведущія!

Да; такъ, какъ понимаютъ и преподають чтеніе и письмо болѣею частью у насъ, упражненія эти дѣйствительно ни къ чему не ведутъ, и, вѣрнѣе сказать, ведутъ только къ мапимальному проматыванію и изображенію членораздѣльнаго барьеръ для воиъ, составляя протѣ авторитета г. Мишеля, да, мнѣ кажется, и во, чужды, да, чужды.

ни — чужая, иностранная; и даже вою живы, ердаютъ, читаю въ складку. И прочтете десятъ: нужно научиться, и даже, национально, чтобы само для себя безъ ошибокъ, и даже, чуждая, правдиво десятъ не будешь. Также точно, нужно научиться всегда хорошо и честно до-студать национально, т. е. въ силу привычки, а не въ силу сообра-жения. Думать во время дѣйствія поздно: нужно думать раньше. Всѣ искусства состоятъ въ этомъ, и только при такомъ навикѣ возможны самоувѣренность и спокойствіе, которыя сдѣлаютъ возможнымъ и раз-ширенье въ рѣшительныя минуты. Но, виновать, я увлекся:), ведуъ только: въ истинному произношенію и изображенію членораздѣ-льных звуковъ, и въ пѣвю равнѣ только приготовить ученика, въ зубренію учебности и ученическихъ записокъ. Не я понимаю упроща-ющія, это не многого знала

Чтение является не только механическое, но и логическое и сознательное, или другими словами: читая, значить не только произносить, сравню и бѣго слова, изображаясь видными знаками, но и пони-мать читаемое, мыслить о читаемомъ и выразить чуждыя мысли такъ, какъ бы свои собственныя, (это мы подчеркиваемъ), чтобы посторонній не только могъ понимать все, но и слушать съ удовольствіемъ.

Чтобы овладѣть механизмомъ чтенія, ученикъ долженъ читать мно-го, но не многое, т. е. примѣрно сказать, пять строкъ десять разъ, а не пятьдесятъ строкъ одинъ разъ, или (въ классѣ) всѣмъ ученикамъ одно и то же, а не каждому новое.

Я занимался въ воскресной школѣ и пробовалъ этотъ опытъ: «Корова щиплетъ траву». Прочли. Читаемъ второй разъ; я показываю, дальше: «корова», «щиплетъ»; а второй разъ указываю «щиплетъ», а ученикъ мой читаетъ «траву». Запомнить пять строкъ, не понимая ихъ смысла, ничего не значитъ; ученикъ и запомнитъ, и даже, когда Богъ знаетъ, чему онъ научится, повторитъ все, о чемъ я тѣ же строкъ. Когда я училъ французскому языку, а тоже слышалъ проѣхавъ методъ: она наглядно очень вѣрна; но только я все, и не-думая, изучала: замучившись весь отрывокъ, а крошечное, и ничего не понимая. «Нте выдѣлаете! сказалъ мнѣ одинъ добрый толоникъ:— я такъ, вы никогда не научитесь. Возьмите просто на просто, рамку, да думайте: гдѣ, омысла не понимаете, такъ съ лексикономъ; гдѣ смыслъ непонятенъ, хотя и слова, не знакомы — безъ лексикона только больше читайте. И не увидите, какъ выучитесь». Такъ и случилось; а говорить не научилась, все-таки. Нужна была практикѣ въ помощи: прои, и болше, практикѣ было довольно для того, чтобы научиться съ примѣномъ, и понимать, разумѣется, не все-таки, научилась выражать свои мысли въ разговорѣ, довольно было. А выдѣлать, на-бываемъ, нужны для того, чтобы сказать, что забуду, о воспитаніи. Въ и, разговорахъ, болше, какъ, и тѣмъ + механически. Методъ

наговорить съ три-четыре, не имѣя на одной досрочной массѣ за душою; и печати приучать ребенка во все вышвырять, протаять болгу и думать, это значить, сдѣлать изъ него резонера и фразера. Я видѣлъ одинъ такой страшный примѣръ въ мальчикѣ изъ простолюдиновъ. Это былъ восьмилѣтній сынъ дворянина на дачѣ, гдѣ я жилъ. У него мать была какая-то полуграмотная, но помѣшанная на томъ, что она образованная, и желавшая непременно сына своего сдѣлать ученымъ. Приучила она его о всемъ разсуждать, и дачные жители потѣшались надъ бѣднымъ мальчишкой, вступая съ нимъ въ разговоры. И часто предъ разговорами Сергуша бросался въ сторону, крича: «Фортуна! фортуна!» И потомъ прибавлялъ: «Я его бабочку называю фортуною, потому что она счастье». Гдѣ они собирались тогда шло, я не знаю; но по всей вѣроятности шло въ ихъ значеніе. Что они теперь, я не знаю тоже. Но я видѣлъ его, когда ему было лѣтъ уже пятнадцать: онъ тогда все еще называлъ фортуною бабочку, сочинялъ какіе-то стихи и говорилъ, какъ юродивый. Что изъ этого слѣдуетъ, я тоже не знаю, но я могъ бы привести множество такихъ примѣровъ и могу, между прочимъ, назвать одинъ механической способъ пробужденія ранней мысли. Это то гимнастическое упражненіе, о которомъ написалъ дѣлос сочиненіе Тиссо. Всѣ дѣти, страдающіе этой болѣзью, страдают и преждевременнымъ развитіемъ мысли. Потомъ мысль ихъ надсажается, какъ надсажаются и нервы, и выходитъ несчастье. Но тутъ мысль пробуждается всесторонне. Тогда какъ при перечитываніи пяти строкъ подвѣсти разъ мысль неминуемо должна получить одно-стороннее направленіе, должна уткнуться въ уголокъ несомнѣнно образованнаго русскаго человѣка, отличающагося именно большою односторонностію; много-что вѣмецкаго думеръ-юнга, дальше своего горизонта ничего не видящаго и дальше своего я-ничего не принимающаго.

Также все, что говорится въ журналѣ «Учитель» о народной школѣ: кажется мнѣ совершенно неудоборазумнымъ на нашей русской почвѣ. Но мнѣнію журнала «Учитель», нужно прежде всего познать умѣниковъ съ предметами, ежесекундно ими занимающимися, да на этомъ, пожалуй, и кончить. Какъ такъ? Это, чтобы мужикъ, нашъ добрый, любопытный мужикъ, удовольствовался какими-то жалкими изверженіями нашихъ познаній? Мнѣ кажется, ему прежде всего нужно разсказать о томъ, чего онъ не видалъ никогда: это пробудитъ его фантазію, а фантазія пробудитъ и познаніе всего того, что онъ видитъ. Всякое короткое знакомство съ предметомъ убиваетъ фантазію, дѣлаетъ ее невозможною. Изъ-за чего же мы убиваемъ человѣческую фантазію какою-нибудь сумасшедшею или лживою-либулою оучению? Намъ хорошо коротко ознакомиться съ пред-

вѣстанъ; но сколько и въ насъ, получившись кое-чему, думаемъ, что оны уже все узнали; не смотрятъ на то, что можно бы; кажется догадаться; сколько есть незнанныхъ, темнотъ; — да, сколько, лишь бы ничего полнѣе еще не знаешь близко-то очей. — Самое важное, научить человека блуждать умомъ въ горашахъ двлаин; а потому уже объяснить ему, что и подъ повесть умело проходить вещь довольно любопытныя. Ужь тогда читатель не захочетъ нисколько прибавить коимъ-то, а не скажетъ, что оны прѣхали учить паравровъ; прѣхали свѣтъ паравровъ въ какое-то место.

Но, въ журналѣ «Учитель» зыбѣтно необычайное стремленіе приблизить російскій дародъ къ нѣмецкому началу; онъ для этого на послѣднихъ своихъ страничкахъ не лѣнится даже рисовать цѣлыя ряды плать, удечтъ, уточентъ, кувшиначковъ, въ разныя количества; для внимательнаго обученія арифметикѣ, и Богъ знаетъ какія хитрости поднимается онъ для развитія въ дѣтяхъ мыслей. А штука самая простая: дѣти, растуція между взрослыми, развитыя раньше и быстрее, потому что, какъ бы ни были глупы эти взрослые, ребенку безпрестанно приходится омышать вещи непонятныя, и маленькая его мысль возбуждается къ дѣятельности; дѣти, удаленныя отъ взрослыхъ, выходятъ всегда мало развитыя, за немногими исключеніями; да и тамъ, обыкновенно, думаютъ имѣть на нихъ вліяніе и возбуждаютъ ихъ любопытство. И ужь тутъ, рѣшительно; и дешево и мило, потому что ребенокъ все-таки не можетъ зайти дальше самого себя, и всегда возьметъ то, что ему удобнѣе; а мысль не дремлетъ. И развитіе происходитъ многостороннее. И отъ родителей развѣ только можно еще потребовать, чтобы они не запрещали ребенку обращаться къ нимъ съ вопросами. Даже на самыя эти вопросы отвѣчать всегда логично и въ надобности: какъ удобнѣе, такъ и отвѣтилъ. Пускай ребенокъ самъ ищетъ отвѣтовъ на свои вопросы въ самихъ дальнѣйшихъ разговорахъ большихъ; это приучитъ его и къ вниманію и къ соображенію, и искусственно ничего лучше этого не сдѣлаешь. Я рекомендую перечестъ мемуары всѣхъ великихъ людей, и я увѣренъ (а всѣхъ не перечелъ), что тамъ, въ большей части случаевъ, встрѣтится это воспитаніе. Мнѣ кажется, этимъ только можно объяснить чрезвычайное развитіе, не въ примѣръ силѣе нашего, въ деревенскихъ ребятшкахъ. А потомъ съ лѣтами это развитіе у нихъ гложеть, потому что дальше идти нельзя: ничего не слышать болѣе серьезнаго — все одно и тоже.

Мы отъ журнала «Учитель» именно и ожидали этого. Мы ожидали отъ него прежде всего мемуаровъ, серьезныхъ, чест-

мыши, безъ блескоу: всѣ даровитѣйшіе люди принида бы то: гда въ этомъ участіе. А сколько готовыхъ статей изъ иностран- ныхъ литературъ: каждый гений, каждый талантъ оставилъ кое- что о дѣтствѣ своемъ; а политическіе люди, а вдохновенные ро- маны и повѣсти? Неужели гг. Паульсонъ и Вессель думаютъ, что въ ихъ правоучительныхъ повѣстяхъ больше смысла и важности, нежели напр. въ мещояѣли Жанъ-Жака Руссо, въ разсказахъ Гейне о своемъ дѣтствѣ, въ серьезныхъ уголовныхъ процессахъ, гдѣ всегда добивается адвокатъ и судья до дѣтства, ища въ немъ обви- ненія или оправданія подсудимому? Но какой-то школьный духъ царитъ у насъ во всемъ, и шидому въ гелдну

Серьезныхъ мыслей не приходитъ.

Все является какимъ-то слабымъ, доморощеннымъ, такъ что читаешь и смѣешься, а потомъ грустно задумываешь. Дѣти какія-то толкутъ обо всемъ: все хитрятъ, въ свои силы не вѣря, брося насмѣшки, но вѣря въ публику, думая, что ее все-таки подзадурить надо; что она не пойметъ хорошаго; что для нея лучше подужсе.

Да и сами-то себя надуваютъ. Каждый журналъ начинается съ объявленія, «что въ публикѣ-де чувствуется потребность и т. д. или такъ называемый пробѣлъ». Оставьте вы публику въ покоѣ. Публика прежде всего чувствуетъ потребность въ томъ, чтобы ей служили только чувствующіе въ себѣ потребность служить ей; а потомъ, чтобы каждый служилъ ей именно тѣмъ дѣломъ, служба которому оставляетъ также точно неминуемую потребность соб- ственной души его; другими словами: для службы публикѣ тре- буется кое-что еще, кромѣ усердія.

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Положеніе наблюдателя, окружнаго современными вопросами. — Вопросы, открытые и закрытые, и одинъ вопросъ лишний. — Сила быстрой наблюдательности, уносящая за предѣлы времени. — Щекотливый вопросъ: о жалованьѣ предводителямъ дворянства и о томъ, гдѣ не требуется безкорыстія. — Назиданіе молодымъ судебнымъ слѣдователямъ. — Вліяніе полицейскихъ арестовъ на проваводительныя силы Россіи. — Вопросъ объ узданныхъ странчихъ. — Умиротворяющее дѣйствіе словесныхъ судовъ. — Вопросъ о мѣщанахъ. — Самородки и самоучки. — Новыя явленія въ дѣлѣ распространенія грамотности: уменьшеніе числа сотрудниковъ воскресныхъ школъ и неравномѣрность сочувствія къ нимъ въ разныхъ мѣстахъ; распоряженія для открытія женскихъ училищъ и граждане городовъ Ярославской губерніи. — Два вопроса неудоборазъяснимые, испешдшіе изъ Ставрополя и Казани. — Еще нѣсколько фактовъ по части распространенія грамотности и образованія. — Нѣчто о «курочкѣ» и «собачкѣ». — Конкурсъ на книгу для дѣтскаго чтенія. — Слова два о производительныхъ силахъ. — Вопросы мѣстные. — Вопросъ послѣдній: о хлыстахъ и кулакахъ.

Бываютъ же такія времена, какъ наше настоящее время, уже заслужившее столько восторженныхъ похвалъ, породившее столько жаркихъ восторговъ, вызвавшее столько звучныхъ лирическихъ изліяній, и все-таки томлящее и щемящее сердце скромнаго наблюдателя! Потому что время это все состоитъ изъ вопросовъ; куда ни сунетъ носъ свой наблюдатель, передъ нимъ вопросъ! не находя вкругъ на него отвѣта, онъ повертывается въ другую сторону—другой вопросъ! въ третью — третій! И вотъ онъ, какъ очарованный, стоитъ среди вертящихся вкругъ него вопросовъ; у него въ глазахъ рябитъ, и вереница вопросовъ сливается передъ нимъ въ одинъ неопредѣленный вопросъ: что-то Богъ дастъ? За большимъ уже разрѣшеннымъ крестьянскимъ вопросомъ, гнаются вопросы: мѣщанскій и купеческій, откупной, финансовый, промышленный, торговый... Робко проходя мимо этихъ крупныхъ и трудныхъ вопро-

совъ, наблюдатель стремится въ простѣйшія, менѣе сложныя сферы жизни, но и тамъ слышитъ только одни вопросы: съ одной стороны вопрошаютъ о будочникахъ, съ другой о мостовыхъ, здѣсь требуютъ отвѣта о ямщикахъ, тамъ о ковокрадахъ и проч... Даже «Указатель экономической...» Читаете ли вы, читатель, журналъ: «Указатель экономической?...» Впрочемъ мы не то хотѣли спросить: просматриваете ли вы начальную страницу каждаго № «Указателя», озаглавленную словами: *открытые вопросы*? Видите ли, «Указатель» открылъ у себя особую рубрику для вопросовъ, по преимуществу *открытыхъ*, хотя правду сказать, мы не знаемъ хорошенько, какіе же вопросы называются *закрытыми*? — развѣ не тѣ ли, что закрыты пока въ сердцѣ у человѣка и не дерзнули еще показаться на свѣтѣ Божій? Какъ бы то ни было, но вопросы «Указателя» совсѣмъ особаго рода и особаго свойства: на нихъ чрезвычайно легко отвѣчать, и даже у самаго вопрошающаго непремѣнно уже давно готовы на нихъ отвѣты, но онъ не произноситъ ихъ единственно изъ *любознательности*... Такъ напримѣръ спрашивается:

«На чемъ основывается инициатива некоторыхъ начальниковъ по некоторымъ вѣдомствамъ, представлять отъ себя къ наградамъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ? Не имѣетъ ли здѣсь участія перѣдко и произволъ, если въ списки *избранныхъ* только, въ этомъ отношеніи, *счастливицевъ*, не включаются и имена другихъ лицъ, вполне достойныхъ и наградъ, и повышеній по службѣ?» (Указ. № 238).

Нѣтъ, воля ваша, а эти вопросы слѣдовало бы назвать по преимуществу навными!.. «На чемъ основана инициатива!» Да какъ сказать? Различныя бываютъ основанія, весьма различныя, даже крайне разнообразныя. «Не имѣетъ ли здѣсь участія произволъ!..» Ну, можно ли такъ выражаться! Какой тутъ произволъ? Не произволъ, а *благодетельствіе*. Вотъ вамъ и отвѣтъ на первый вопросъ: все завидать отъ благоусмотрѣнія... Да по нашему мнѣнію и вопросъ этотъ совсѣмъ лишній и, такъ сказать, несвоевременный. Что имъ хотѣть сказать? Что кого-нибудь обошла наградой? Большая важность! Вотъ если бы дѣло шло о томъ, что кого-нибудь притиснули такъ, что онъ выскнулъ, — ну, тогда хоть по человечеству могли бы вы воспросительный-то крючекъ слѣзать, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ достоинъ вниманія и въ отношеніи способовъ притискиванія, которые перѣдко бываютъ доведены до высокой степени искусства: напр. притискиваютъ вполне мягко, деликатно, съ напряжѣннѣйшей улыбкой на устахъ, такъ что самъ притискиваемый долго улыбается, несколько не догадываясь, что онъ притиснутъ, и ужъ развѣ тогда догадается и переставать улыбаться, тогда

произойдетъ нецрїятное ошущеніе въ ребрахъ... Вотъ это предметъ по крайней мѣрѣ достойный наблюденія. А то перекоряться изъ-за награды, изъ-за награды, зависающихъ отъ «благоусмотрѣнія!» Дѣтъ, оставьте лучше совершено въ сторонѣ эти въ мирѣ доживающіе перекоры; подобные вопросы позволительно поднимать только въ такіа эпохи, когда на нихъ меурожай, а наше время, какъ мы уже сказали, ими прензобилуетъ.

Но оставая въ сторонѣ открытые вопросы «Указателя» и подхоя къ другимъ, скромный наблюдатель останавливается, и тутъ-то начинаетъ чувствовать щемленіе сердца: по недостатку всеобъемлемости, онъ не въ состояніи разрѣшить самъ всѣ эти вопросы, не въ состояніи прелугадать, когда они положительно и на дѣлѣ разрѣшатся другими, и даже наблюденія полного по части всѣхъ ихъ онъ не имѣетъ средствъ сдѣлать. Ему остается только заносить ихъ въ свою лѣтопись и ожидать... Мы ждемъ, плывя по теченію и... какъ бы выяснитъ это положеніе? Представьте себѣ быструю, безконечно-широкую рѣку, легкой туманъ и совершенное безвѣтріе. Неподвижнымъ стекломъ поверхность ея кажется плывущему по срединѣ наблюдателю; ему кажется, что застыла эта поверхность и застылъ съ нею его малый челнокъ; но онъ не поддается обману чувствъ: хотя видимые вокругъ всплески и выскакивающіе пузыри не разбѣиваютъ этого обмана, но онъ знаетъ быстроту рѣки, сознаетъ невозможность ея неподвижности и уже вслѣдствіе того вѣрнѣе въ быстрое движеніе всей массы потока, быстро псущаго и его съ челнокомъ. Мы конечно описываемъ, по собственному чувству, положеніе наблюдателя скромнаго, неодареннаго всеобъемлемостью и совсѣмъ не умѣющаго *заблгать впередъ событий*. Если бы мы были одарены такими способностями, если бы вѣрили въ высокую степень своей наблюдательности, то можетъ быть стали бы дѣйствовать, чувствовать и рассуждать подобно г. Погодину, какъ самъ онъ рассказываетъ о томъ въ № 79 «Сиб. Вѣд.». Мы бы напр. засѣли недѣли на двѣ дома, безвыходно, а потомъ, выбравъ удобный день, рѣшились бы посвятить его наблюденіямъ, да все бы разомъ и кончили: позавтракали бы въ одномъ кругу, пообедали въ другомъ, напились чаю въ третьемъ, а поужинали въ четвертомъ, и — вотъ у насъ и гдѣ-то было бы полное и отчетливое понятіе о настоящемъ состояніи общественнаго мнѣнія и о настроеніи умовъ во всѣхъ кругахъ и званіяхъ. За тѣмъ, оклинувъ быстрымъ взоромъ все, что вокругъ насъ, что за нами и передъ нами, мы написали бы:

«Не стало между нами никакихъ привилегій, какъ было за тысячелѣтія, при основаніи государства! Живи всякъ какъ тебѣ угодно, выбирай дѣло, которое тебѣ по сердцу, и получай слѣдующую за

него награду смолва, по писанію, «достоинъ дѣлатель мзды своея.» Хочешь пахать землю — ну, ты крестьянинъ; хочешь торговать — записывайся въ гильдію и вступай въ купеческое сословіе; лѣзокъ ты руками работать — иди на фабрику; любопытство тебя одолеваетъ, тебѣ хочется знать все какъ и что — иди въ училища; университеты, академіи настезь растворены; хочешь писать — вотъ тебѣ перо и чернильница...»

Совершенно справедливо!.. Но не знаю почему сейчасъ пришолъ намъ на память Иванъ Ивановичъ (другъ Ивана Никифоровича), который, выходя изъ церкви послѣ обѣдни, обыкновенно обходилъ нищую братію, останавливался передъ какой-нибудь самой искалеченной бабой, съ большимъ участіемъ распрашивалъ ее, чего ей хочется, и узнавши, что ей хотѣлось бы хлѣбца, а если милость будетъ, то и мяса, оканчивалъ свою бесѣду съ ней такими словами: «Ну, ступай же съ Богомъ, чего жъ ты стоишь? вѣдь я тебя не бью.»

Душеспасительный обычай Ивана Ивановича въ свою очередь напоминаетъ намъ одинъ, недавно слышанный нами случай. Промышленный человѣкъ представилъ одному сильному и вліятельному лицу свой трудъ, развивающій какую-то мысль о льянной или какой-то другой отрасли промышленности, прося «милостиваго вниманія, просвѣщеннаго участія и благосклоннаго содѣйствія.» Вліятельное лицо, получивъ трудъ, приказало своему секретарю отвѣчать, что дескать «благодарятъ за сообщеніе по столь полезному предмету», т. е. другими словами: «ступай съ Богомъ, вѣдь я тебя не бью.»

Да!.. Ну, такъ послушаемте еще немножко г. Погодина; намъ такъ пріятно, такъ *лестно* слушать его!

«Не смотря на головоломныя сочиненія Германія, пишетъ онъ, воротясь домой послѣ полу-суточныхъ наблюденій, не смотря на геніальныя практическія соображенія Англія, не смотря на пролитую кровь Франція, все-таки не добрались они до настоящаго равенства, и теперь еще французы и нѣмцы полѣзутъ на стѣну изъ-за de и von, а авглійскій лордъ причисляетъ простолюдина къ особой породѣ. Нѣтъ слѣдовательно, и не можетъ быть у насъ, по исторіи, зависти, злобы, ненависти между сословіями, нѣтъ также и сословной гордости, и мнѣ столько же легко, даже лестно, почетно признать свое крестьянское происхожденіе, сколько разсіяющему князю не трудно обходиться со мною попріятельски, за панибрата, и полчасъ подождать меня въ пріемной комнатѣ. А почитайте-ка вы, какъ герцогу Кумберландскому долженъ былъ кланяться въ поясъ Гиббонъ, слышите кто, Гиббонъ, и какъ геніальный Гёте кичился званіемъ тайнаго совѣтника великаго герцогства Веймарскаго.»

Въ самую дѣлѣ, воображаемъ — если бы эти господа Гёте, Гамбонъ и герцогъ Кумберландскій сію минуточку воскресли и пріѣхали къ намъ въ Москву, какъ бы имъ вдругъ стало стыдно, особенно если бы еще кто-нибудь подсунулъ имъ № 83 «Московск. Вѣд.», и они прочли бы тамъ протестъ князя Юрія Оболенскаго, изливающего благородное негодованіе на «того *неоднаго и грязнаго клеветника*», который рѣшился распуścić «*нзусную и безсмысленную*» молву, будто бы онъ, князь, «въ день объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, за ужиномъ въ трактирѣ Самарина нестово плясалъ, обнимался съ *половыми* и отказывался отъ того сословія, къ которому принадлежитъ по рожденію...» Хорошо бы также было прослушать имъ разсказъ очевидца о сценѣ, происшедшей въ одной изъ московскихъ женскихъ воскресныхъ школъ. А разсказъ самый короткій: однажды, видите ли, распахнулъ дверь школы, и вошли, надѣлавъ на полчаса шуму, три барыни, за ними два лакея въ ливреяхъ, стая мосекъ и пр. Постоявъ вѣскольکو минутъ, одна изъ нихъ (дамъ), безцеремонно прервавъ преподаваніе учителя, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Это дѣвушки не простыя?

— Онѣ не дворянки, отвѣтилъ преподаватель.

— Зачѣмъ же вы съ ними на *вы*?

Потомъ «дамъ ушли, замѣтно недовольныя такой *безнравственностью*.» («Од. В.» № 26).

А ужъ всёхъ стыднѣй было бы г. тайному совѣтнику Гёте передъ нашими тайными совѣтниками, если бы увидѣлъ онъ, съ какою готовностью подають они многимъ статскимъ совѣтникамъ... если не всю руку, то по крайней мѣрѣ указательный перстъ оной, и какъ статскіе совѣтники съ своей стороны безпренятственно позволяютъ прикасаться къ такому же персту надворнымъ, а нѣкоторые даже и титулярнымъ...

Читатель конечно догадался, что мы говоримъ не вполнѣ серьезно; онъ, надѣмся, не припишетъ намъ такого неразумія, чтобъ мы не поняли сущности мысли г. Погодина, не поняли разницы между исторически, вѣками образовавшимися, рѣзко, можетъ быть невооруженно раздѣлившимися сословіями западныхъ государствъ и нашимъ искусственнымъ подобіемъ сословій; между живучестью нѣмецкихъ ранговъ и живучестью сочиненной для насъ табели о рангахъ; между авглійскимъ лордомъ, званіе котораго ничто равносильно замѣнить не можетъ, и русскимъ вельможей, который можетъ быть и вельможей отъ рожденія и вельможей отъ постепеннаго восхожденія по рангамъ; между этимъ замкнутымъ

кругомъ англійскихъ лордовъ и нашихъ высшихъ сословіемъ; открытымъ для приливовъ и отливовъ. Все это мы понимаемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы уже имѣемъ право *теперь, въ настоящее время*, не конфузясь и не краснѣя, тревожить прахъ Гёте упрекомъ въ чиновлюбіи, или тащить на историческій судъ герцога Кумберландскаго за его сословную гордость. Въдѣ если два человѣка имѣютъ какой нибудь недостатокъ, только одинъ наследственный, а другой — перенятый отъ сосѣда, то это не значитъ, что послѣдній лучше перваго; онъ только можетъ надѣяться скорѣй избавиться отъ него, и пусть онъ принимаетъ цѣлительныя мѣры и пытается въ себѣ прекрасную надежду, а мудрому наблюдателю подобаешь поддерживать ее, но не забѣгать впередъ и не восхвалять до небесъ красоту человѣка, хотя съ временныиъ, но еще довольно сильно быющимъ въ глаза изъянцемъ.

На западѣ вѣка прорыли глубокіе, непреходимые рвы между сословіями, и ихъ разъединенность и взаимныя отношенія носятъ въ себѣ характеръ трагическій. У насъ же въ сословныхъ отношеніяхъ трагическаго нѣтъ; наша сословная гордость часто переходитъ въ чванство, которое однако продолжаетъ считать себя гордостью. Впервыиъ, въ нашъ высшій кругъ можетъ войти всякій, кто при достаточныхъ матеріальныхъ средствахъ, хорошо усвоить его приемы, нравы и понятія. А за тѣмъ, что касается до среднихъ круговъ, то тамъ уже все пойдетъ пѣтушья гордость, а главное — стремленіе забираться повыше собственнаго знанія и состоянія. Вотъ какъ напрямѣръ рассказываетъ г. Суворинъ, съ нѣкотораго времени мѣтко пускающій свои словесныя стрѣлы въ воронежскихъ обывателей: «Купецъ К. дѣлалъ обѣдъ въ день своихъ именинъ. На обѣдѣ были все купцы, и только два чиновника, конечно не низшаго полета. Вотъ К. и разсуждаетъ, что *неприлично сидѣть господамъ-чиновникамъ за однимъ столомъ съ купцами*, а потому и велѣлъ накрыть для себя и для двухъ гостей столъ въ кабинетѣ своемъ. — Такъ, молъ, ни для кого обидно не будетъ, а если купцы и обидятся — такъ мнѣ наплевать!.. Я еще радъ — по крайности въ головы не выберутъ. Такъ и было сдѣлано.»

Что нашолся такой смѣшной купецъ и что подошлся надъ нимъ г. Суворинъ, — это бы еще не составляло никакой важности и можетъ быть не шло бы въ разсужденіе о такомъ серьезномъ предметѣ, о какомъ намъ, въ добрый или недобрый часъ, пришлось теперь завести рѣчь. Но та бѣда, что купецъ К. право не исключеніе: тысячи и сотни тысячъ съ дѣтства пропитались убѣжденіемъ, что «господамъ чиновникамъ *неприлично сидѣть за однимъ*

столы съ купцами.» А почему неприлично, они сами не знают; такъ, потому что то чиновникъ, а то купецъ — не свой братъ! Это не безсмыслица? Не болѣзнь, требующая излеченія? И скоро совершатся это излеченіе?.. Не угодно ли теперь убѣдять этихъ господъ, что «не стало между нами никакихъ привилегій?»

Обращаемся наконецъ къ вопросамъ. Прежде всего останавливаемся на поднятомъ въ недавнее время вопросѣ о жалованьи предводителямъ дворянства и другимъ выборнымъ лицамъ. Въ спорѣ по этому вопросу довольно рельефно выдвигается личность г. Герсена, который отстаиваетъ дворянскую гордость, или вѣрнѣе — дворянскій говоръ, принявшій на этотъ разъ форму безкорыстія, и въ силу этого утверждаетъ, что «предводителямъ дворянства не слѣдуетъ давать жалованья.» Убѣжденія г. Герсена честны, и потому сердиться на него я корить его за эти убѣжденія врядъ ли у кого обстанетъ духу. Но странно, почему съ честностью убѣжденій совмѣщается какая-то непреклонная исключительность, какое-то упорное поклоненіе идеѣ, взятой съ одной ея стороны, поклоненіе идеѣ, какъ догмату, для подтвержденія котораго встрѣчается необходимость обращаться къ примѣрамъ древности, гдѣ, изволите видѣть, въ первыя времена Греціи и Рима, воиновъ вознаграждали не деньгами, не жалованьемъ, а дубовыми вѣнками... Въдѣ смѣшно, а право можетъ, послѣ этого подтверждающаго примѣра, велькнутъ у кого нибудь въ воображеніи фигура убѣднаго предводителя дворянства съ вѣнкомъ на головѣ или, примѣняясь къ современнымъ нравамъ, съ букетомъ въ рукѣ, букетомъ, поднесеннымъ ему благодарными согражданами за безкорыстное служеніе ихъ интересамъ. Но это шутка, а вотъ дальше можно сказать и серьезное слово. Посмотрите, къ какой тирадѣ можетъ упорная исключительность привести челоуѣка съ честными убѣжденіями:

«Ничто не мѣшаетъ тому, кому нужно жалованье, искать мѣста, гдѣ не требуется строгаго безкорыстія, гдѣ есть годовые оклады, столбныя деньги, порціоны, раціоны, подъемныя и наградныя деньги, прогоны, выгоды, грѣшные и безгрѣшные доходы, и если совѣсть не зазреть, — и взятки подъ всеми возможными видами.» (Од. В.» № 32).

Что это такое? Гдѣ, скажите, такія мѣста, которыя, по разуму и совѣсти, не требуютъ строгаго безкорыстія? Поясните: только должность предводителя дворянства требуетъ безкорыстія, а всѣ прочія, хоть бы на примѣръ председателя гражданской или уголовной палаты, не требуютъ? Почему же? А! вы желали бы замкнуться въ вашей чистой средѣ, предоставляя остальному служащему чело-

вѣчеству купаться въ грязномъ болотѣ грѣшныхъ и безгрѣшныхъ доходовъ? Вы хладнокровно признаете существованіе этого болота и посылаете въ него желающихъ получать жалованье, не рассчитывая сами принимать какое нибудь участіе въ его разчиствѣ? Вы не хотѣли понять того, кто будто бы назвалъ ваше безкорыстіе преразсудкомъ; вы не хотѣли понять, что не безкорыстіе названо преразсудкомъ, а ваша исключительность, вашъ неподвижный догматъ, въ силу котораго вы раздѣляете должности на требующія безкорыстія и не требующія его, на почетныя и не почетныя... Да вѣдь если вы богаты и невозвратно проникнуты вашимъ говоромъ, то ничто не мѣшаетъ вамъ отказаться отъ назначаемого обществомъ жалованья и предложить его на какое угодно благое общественное дѣло; а почему бѣдный дворянинъ-землевладѣлецъ, съ усердіемъ и любовью воздѣлывающій какой нибудь небольшой клочекъ и не могущій или не желающій по своему складу и наклонностямъ совсѣмъ оставить его для безотлучнаго присутствованія въ какомъ нибудь губернскомъ учрежденіи, — почему этотъ землевладѣлецъ не можетъ оказаться достойнѣйшимъ между членами его общества для занятія должности предводителя? И тогда, на какомъ разумномъ основаніи сталъ бы онъ стыдиться принять отъ общества матеріальное вознагражденіе за то время, которое онъ отниметъ у своего воздѣлываемаго клочка для службы этому обществу? Найдите этому *стыду* разумное, не исключительно-дворянское, а общечеловѣческое основаніе и — вы будете правы; въ противномъ случаѣ это ложный стыдъ и... преразсудокъ!

Но настоящій вопросъ, какъ мы видѣли, не ограничивается одними предводителями дворянства, а распространяется на всѣхъ выборныхъ лицъ, т. е. и на тѣхъ, которые уже получаютъ содержаніе, только крайне недостаточное. Стало быть относительно ихъ, дѣло идетъ только объ увеличеніи этого недостаточнаго содержанія. И эта очевидная потребность находитъ антагонистовъ, которые, правду сказать, ужь даже надоѣли ссылками на извѣстное крыловское двустишіе:

А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

Ну, а если на оборотъ — честнаго человѣка поставить въ такое положеніе, чтобъ онъ не имѣлъ средствъ наѣдаться досыта, то какъ думаете: не почувствуетъ онъ невольнаго влеченія захватить лишній кусокъ у ближняго? Крыловъ говорилъ о ворахъ, уже привыкшихъ къ ремеслу воровства; а тутъ хлопчутъ о предупрежденіи паденія честныхъ людей, о средствахъ побудить честныхъ

людей идти на мѣста, важнейшія вѣдѣнія о способѣ существованія. Страшная близорукость! Какъ будто кто нибудь думаетъ неоправданно испорчить всѣ злоупотребленія, игоженно превратить всѣхъ взяточниковъ въ честнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ людей? Какъ будто это возможно? Говорятъ о постепенной замѣнѣ взяточниковъ честными людьми, говорятъ о болѣе или менѣе пріимыхъ и вѣрныхъ путяхъ къ перевоспитанію общественныхъ дѣятелей; — а тутъ люди привазились къ двусторонію, не идущему къ дѣлу!..

Здѣсь слѣдуетъ повторить выказанную нами въ началѣ оговорку: мы никакъ не беремъ на себя всесторонняго разрѣшенія нашихъ общественныхъ вопросовъ; это было бы слишкомъ смѣло, самонадѣливо и несовѣстно съ характеромъ и назначеніемъ настоящей статьи. Мы ограничиваемся указаніемъ на нихъ нашимъ читателямъ, а только при этомъ не срываемъ собственнаго впечатлѣнія.

Вотъ недавно учреждена новая должность — судебнаго слѣдователя. Къ какому бы разряду должностей причислить ее? Къ разряду ли почетныхъ или непочетныхъ, требующихъ безкорыстія или истребующихъ? Въ положенія о нихъ выражено желаніе, чтобы въ эту должность были назначаемы преимущественно люди, получившіе высшее образованіе; это придаетъ должности значительную почетность и уже возбудило общее сочувствіе, какъ доказываютъ появившіяся изъ разныхъ мѣстъ протесты и объясненія о назначеніи лицъ, такого образованія не получившихъ. Съ другой стороны ей присвоенъ годовой окладъ и даже еще что-то — развѣздныя или канцелярскія деньги; стало быть, по дѣленію г. Герсевича, эта должность принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не требуютъ строгаго безкорыстія. Какъ же согласить эту маленькую несообразность? Московскій прокуроръ, къ которому собирались, передъ отъѣздомъ на должность, вновь назначенные по московской губерніи судебные слѣдователи, произнесъ имъ наставительную рѣчь, гдѣ изобразивъ горестное положеніе, въ которомъ находилась до сихъ поръ слѣдственная часть, бывшая въ рукахъ наружной полиціи, онъ представилъ имъ важность ихъ назначенія и выгодную независимость ихъ служебнаго положенія. Онъ указалъ на то, что «личность судебного слѣдователя защищена отъ всякаго произвола со стороны начальствующихъ лицъ», и что вмѣстѣ съ тѣмъ «достаточное содержаніе, назначенное слѣдователямъ, даетъ право *требовать* отъ нихъ *безкорыстнаго* и точнаго исполненія ихъ обязанностей».

Последнія слова рѣшительно противорѣчатъ теоріи г. Герсевича! Даже г. прокуроръ высказалъ прекрасный взглядъ на предстоящій судебнымъ слѣдователямъ подвигъ, и мы не можемъ отказывать себѣ въ удовольствіи привести его слова:

... кто (обращиваясь на него) будет наблюдать за ходомъ похоронъ дѣла? Кто будетъ поддерживать въ слѣдственныхъ ослѣдствіяхъ трудъ и уваженіе къ закону? Кто будетъ удерживать нить отъ габонашле равнодушій?

«До сихъ поръ правительство лично слѣдило за всеми нуждами государства, — составляли учрежденія и преобразовывали ихъ по своему усмотрѣнію. Подобныя преобразованія, по большей части неудачныя, зависящія отъ личнаго настроенія ихъ составителя, безпрестанное измѣненіе сегодня того, что было издано вчера, поминаніе цѣлыхъ томовъ положеній и уставовъ, сочиненныхъ въ глубокой тайнѣ и часто безъ всякой необходимости, все это возбуждало естественное недовѣріе со стороны общества къ дѣлу правительствъ, а невозможность имѣть какое либо сужденіе въ этомъ дѣлѣ обратила недовѣріе это въ совершенное равнодушіе, при которомъ всякое уваженіе почти при самомъ изданіи его обращается въ мертвую букву! И лишь съ недавняго времени начали дѣйствовать другія пути».

«Вправѣ ли мы послѣ всего этого ожидать отъ общества сочувствія къ новому учрежденію? Вправѣ ли обвинять его въ равнодушій? Вправѣ ли мы требовать, чтобы оно повѣрило намъ на слово, что подъ вновь придуманными формами не поселяются недостатки прежняго слѣдствія?»

«Нѣтъ! Общество оцѣнитъ новое учрежденіе только тогда, когда почувствуетъ отъ него положительную пользу. А до тѣхъ поръ усиленный исходъ дѣла будетъ зависѣть единственно отъ лицъ, избранныхъ въ новыя должности».

Вотъ отчего и интересуется всѣхъ выборъ лицъ въ судебныя слѣдователи! Стало быть общественное мнѣніе угадало всю важность этого выбора. Но дополнимъ мысль заключительными словами г-на прокурора къ новымъ судебнымъ слѣдователямъ:

«Большая часть изъ васъ, господа, только что окончили образованіе. Вы еще неопытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ живую цѣну, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни. Опытности намъ научиться не долео, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлитесь ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же въ свою очередь подѣлитесь съ ними первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ сиорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, но *давайте упастъ только что качеству*

дѣлу, будьте людьми, господа, а не чиновниками. Обратитесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью спасти добро и принести пользу. Довогайтесь одной награды: «добраго житейна общества, которое всегда отличить и оцѣнить трудъ и способность. Можетъ быть чрезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому :

«Что вы служители дѣлу, а не лицамъ ;

«Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу ;

«Что вы были прежде всего людьми, господа, а потомъ уже чиновниками».

Неужели же такая завидная и почетная будущность для судейныхъ слѣдователей неисполнима? Почему же? Неужели потому только что они получаютъ жалованье? А завидна ихъ будущность уже потому, что имъ предстоитъ честь уничтоженія безобразныхъ фактовъ, происходившихъ отъ присвоенія наружной полиціи власти, которая ей принадлежать не должна. А что насчетъ до того; каковы бывали эти безобразные факты, то вотъ для образчика недавній *простой случай*, рассказанный въ 14 № «Акціонера»: .

«Идетъ рабочій человекъ по бульвару, въ новой, на свои труды, деньги купленной чуйкѣ. Пристаютъ къ нему нѣсколько человекъ, и одинъ изъ нихъ заявляетъ, что чуйка его. Слово за слово — отправляются въ часть, гдѣ задерживаютъ отъѣздки, отпустивъ домой истца съ товарищами. Два дня просидѣлъ рабочій въ части; на третій его препровождаютъ въ городскую часть, потому что въ городѣ куплена чуйка. Не забудемъ, что домой не могутъ знать, гдѣ онъ, не смотря даже на то, что мѣсто служенія рабочаго названо, а съ такими полиція всегда нѣсколько деликатна, чѣмъ съ нами, прочими смертными. Наконецъ дознались, что чуйка дѣйствительно куплена рабочимъ въ лавкѣ, словомъ — ни въ управленіи. Что же? тѣмъ дѣло и кончилось? Нѣтъ. Его все-таки еще два дня продержали въ части и — наконецъ отпустили домой. Всего же заточенія его было 5 дней и 5 ночей, да чуйку отправили въ управу благочинія. И только? Только».

За тѣмъ, по поводу нынѣшнихъ толковъ о необходимости подыять наши производительныя силы, дѣлается слѣдующій расчетъ: «Рабочій трудомъ своимъ зарабатывалъ никакъ уже не менѣе 50 коп. въ день; другими словами — его рабочій день равняется, въ глазахъ народнаго производства, 50 коп. Задержавъ его пять сутокъ въ части, лишили народное производство пяти рабочихъ дней, стоимость которыхъ равняется 2 руб. 50 коп. Не будемъ говорить о другихъ непроизводительныхъ расходахъ, сопряженныхъ съ съ-

дѣньмъ въ кутузкѣ, сибиркѣ или какъ они тамъ зовутся, эти заведенія; но представимъ себѣ, что на каждые 500 жителей въ Россіи придется въ годъ одинъ подобный случай, т. е. что человѣка продержатъ только пять дней. Случалось же вѣдь, что за «праздную феду по улицамъ» держали мѣщанина съ извозчикомъ и нѣсколько недѣль. Но положимъ одинъ такой случай; вѣдь это по нашему разсѣту на 70.000.000 жителей приходится 350 000 руб. чистой потери для народнаго производства. Если же мы копнемъ поглубже и перечислимъ всякаго рода ущербы, вызываемые такого рода полицейскимъ произволомъ, то легко доберемся до милліоновъ. А между тѣмъ вездѣ и всюду слышишь, какъ необходимо намъ поднять свои производительныя силы».

Видите ли отъ какого существеннаго убытка предстоить судебнымъ слѣдователямъ избавить общество! Задача почтенная и почетная, не смотря на то, что мѣсто ихъ не включается въ ту частую, яко-бы природою и судьбой избранную и отмѣченную среду, гдѣ жалованье считается расстѣвающимъ началомъ.

Имя г-на Герсегонова мы встрѣтили еще въ спорѣ по другому вопросу, возникшему по поволу циркуляра управляющаго министерствомъ юстиціи отъ 8-го сентября 1860 г. къ начальникамъ губерній, извѣщающаго ихъ о предположенномъ расширеніи круга дѣйствій уздѣныхъ страпчихъ, съ тѣмъ чтобы замѣщать открывающіеся на эти мѣста вакансіи людьми достойными, кончившими курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія, университетахъ и по крайней мѣрѣ въ гимназіяхъ. Рѣчь идетъ о разъясненіи нынѣшняго положенія и значенія уздѣныхъ страпчихъ, о томъ, въ чемъ можетъ состоять расширеніе круга ихъ дѣйствій и какія можетъ оно имѣть послѣдствія. Мы не будемъ входить въ подробности этого судебно-практическаго вопроса, а только приведемъ мнѣніе г. В. Апушкова, высказанное въ № 14 *Современной летописи* «Русскаго Вѣстника». «По моему мнѣнію, говоритъ онъ, должность эта тогда только можетъ прийти въ нормальное свое положеніе, а слѣдовательно и слѣдаться полезною для общества, когда учредится у насъ судъ на тѣхъ началахъ, которыя объявлены для суда въ морскомъ вѣдомствѣ (и о которыхъ мы упоминали въ прошедшемъ мѣсяцѣ). При такомъ судѣ уздѣный страпчій долженъ слѣдаться обвинительнымъ органомъ. При чемъ онъ во первыхъ долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ другихъ номинальныхъ занятій (которыя теперь на него множество возложено и которыя остаются только номинальными); во вторыхъ долженъ быть свободенъ отъ всякой административной зависимости и отвѣчать въ своихъ дѣйствіяхъ только предъ независимымъ судомъ и въ

третьихъ права на полученіе этой должности должны заключаться въ высшемъ юридическомъ образованіи».

Устройство суда, какъ уже извѣстно, принадлежитъ къ числу ожидаемыхъ у насъ преобразованій. Введенныя, мѣстами, расправы новой формы, въ видѣ временныхъ комиссій или словесныхъ судовъ, служатъ какъ бы опытами, результаты которыхъ конечно будутъ приняты въ соображеніе при общемъ преобразованіи. Поэтому любопытно слѣдить за впечатлѣніемъ, производимымъ на публику этими новыми учрежденіями, и за успѣхомъ, съ какимъ они у насъ принимаются. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» мы встрѣтили корреспонденцію изъ Новомиргорода, въ которой, по поводу послѣдовавшаго распоряженія объ отдѣленіи управленія городка отъ южнаго военнаго поселенія, говорится, что теперь городокъ будетъ подвѣдомственъ въ разныхъ отношеніяхъ — городской думѣ, полиціи, словесному суду и нѣкоторымъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ. А затѣмъ прибавляется: «сочувствіе городскихъ жителей къ учрежденіямъ, состоявшимся въ послѣднее время, выражается между прочимъ въ дѣятельности здѣшняго словеснаго суда. Нельзя не сознать, что это учрежденіе — какъ нельзя болѣе кстати. Тяжбы и споры вообще у насъ на Руси — явленіе слишкомъ обыкновенное. Въ поводахъ къ нимъ разумѣется недостатка быть не можетъ, въ особенності со стороны милыхъ сосѣдскихъ отношеній: у кого-нибудь пропало двѣ доски съ забора, — подозрѣніе падаетъ на сосѣда; у другого замѣчено быстрое исчезновеніе дровъ — тоже самое; третій спустилъ на сосѣдній дворъ воду во время дождя или наводненія; у четвертаго зашла свинья въ огородъ и пр., — все эти безчисленные поводы могутъ послужить обильнымъ матеріаломъ для неудовольствій, ссоръ и наконецъ — тяжбъ; а къ тому присоединяется и какая-то особенная наклонность — не упустить случая *обстоять свое право*, или проще — потягаться (NB эта наклонность, издавна приписываемая преимущественно обитателямъ малороссійскихъ городковъ, не вовсе чужда и великороссамъ, у которыхъ проявленія ея крайне разнообразны. Это подумали мы, просматривая 64 № «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ *вынужденное объясненіе*, изъ котораго видно, что тяжба, производящаяся между нѣкоторыми двумя редакціями, грозитъ быть нескончаемою, подобно ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ... Мы съ ужасомъ отвращаемъ взоръ отъ грядущихъ ея послѣдствій: что будетъ современемъ съ первоначальными идеями ихъ литературнаго спора, когда и теперь эти идеи уже начинаютъ блѣднѣть въ массѣ личныхъ обвиненій и попрековъ!). При такихъ-то обстоятельствахъ, про-
должаетъ новомиргородская корреспонденція, у насъ возникъ

словесный судъ. Учрежденіе новое — какъ же не воспользоваться имъ! И вотъ всѣ съ пустыми и серьезными дѣлами отъправляются теперь въ словесный судъ. И чтожь? дѣла оканчиваются болѣею частью самымъ вождельнымъ концомъ — миромъ. Встрѣчаются даже и такіа дѣла, которыя простирались до нѣсколькихъ сотъ рублей и при обыкновенно-тяжебномъ судопроизводствѣ могли имѣть сомнительный исходъ; но словесный судъ успѣваетъ примирить противныя стороны».

Идемъ далѣе по вопросамъ. Мы уже прежде говорили, что должность о городскомъ устройствѣ, по разнымъ видимымъ признакамъ, долженъ стоять у насъ на очереди; но въ этомъ вопросѣ есть одна преимущественно настоятельная и вопиющая часть, о которой теперь и слышатся голоса въ нашей литературѣ. Это — положеніе мѣщанскаго сословія. Уже года два тому назадъ, въ одной, теперь несуществующей газетѣ, едва ли не впервые былъ поданъ однимъ изъ мѣщанъ голосъ за его сословіе, голосъ, вызывающій общее участіе къ этому «странному, уродаивому произведенію общественнаго устройства — русскому мѣщанину». Тамъ говорилось, что наше мѣщанство — это какая-то черепонка въ промежуткѣ двухъ сословій (крестьянскаго и купческаго), какой-то стокъ, резервуаръ всѣхъ слабыхъ силъ, всѣхъ скудныхъ и дурныхъ соковъ того и другого; что мѣщанство есть «бѣднѣйшій, наименѣе обезпеченный классъ въ Россіи». Последнее объясняется очень просто: мѣщане — люди безземельные; сословіе ихъ не предполагаетъ владѣнія ни недвижимою собственностью, ни капиталомъ; они живутъ мелкими промыслами, т. е. просто чѣмъ Богъ велитъ; а податей платятъ больше, нежели крестьяне. Послѣ упомянутого нами голоса мѣщанина, слышались изрѣдка и другіе голоса объ этомъ сословіи, и въ послѣднее время стали замѣтно настойчивѣе. Всѣ они подтверждаютъ и развиваютъ ту же картину, которая набросана въ первомъ высказавшемся словѣ; но теперь уже указываютъ слегка и на средства къ поправленію зла. Одни видятъ ближайшій путь къ этому въ измѣненіи вообще устройства городского управленія, съ тѣмъ, чтобы на первый разъ ограничиться уничтоженіемъ всего привагата, устарѣваго и вымирающаго: цеховъ, покровительства ремесламъ, подушной подати, и за тѣмъ обобщить понятіе о сословіи сліяніемъ трехъ, вышѣ раздѣленныхъ существующихъ разрядовъ его, т. е. купчества, мѣщанства и класса ремесленниковъ. Другіе, говоря собственно о мѣщанахъ, предлагаютъ измѣнить ихъ экономическія условія, надѣлать ихъ землею, тамъ, гдѣ представится это возможнымъ; подушную подать переложить съ душъ на землю и обложить податію только работниковъ отъ 16 до 60 лѣтъ, а доходамъ мѣщанъ, занимающихся

торговцев и промиславиц, произвести оцѣнку; исправный взносъ платителѣмъ оставитъ на личной ответственности каждаго плательщика (а не съ круговою порукою цѣлаго общества, какъ теперь установлено).

Это послѣднее мѣненіе выражено въ «Запискахъ о настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи,» И. А. Гана, изданныхъ комитетомъ для улучшенія системы податей и пошлинъ. Въ этихъ запискахъ приводится одинъ любопытный примѣръ явленій, производимыхъ существующею круговою порукою (извѣстно, что вслѣдствіе этого установленія, бѣднѣйшіе мѣщане не платятъ податей, которыхъ вмѣсто нихъ раскладываются на другихъ, болѣе достаточныхъ). Разъ къ саратовскому городекому головѣ пришолъ старикъ мѣщанинъ съ просьбою освободить его отъ платежа подати за накладную душу, потому что онъ уже нѣсколько лѣтъ платитъ за нея. Такъ какъ мѣщанинъ былъ человѣкъ достаточный, то голова сталъ его уговаривать не отказываться отъ дальнѣйшаго платежа.

— Но по крайней мѣрѣ хотъ бы показали мнѣ этого несчастнаго; за котораго я столько лѣтъ плачу подати, отвѣчалъ мѣщанинъ:

Голова приказалъ отыскать накладную душу. Привели молодца лѣтъ тридцати, здороваго, въ красной рубашкѣ, плисовыхъ шараварахъ и суковной чуйкѣ.

— Ты не платишь податей? спросилъ голова.

— Не плачу.

— Почему?

— За меня платятъ другіе.

Въ одной рецензіи на брошюру г. Гана между прочимъ сказано, что мѣщанское сословіе почти вездѣ находится на низкой степеніи гражданскаго развитія. Мѣщанинъ, первый подавшій голосъ въ свое сословіе, выразился такъ: «Я былъ бы счастливъ, если бы мои слова вызвали нѣ дѣятельности многихъ нашихъ, не только грамотныхъ, но и образованныхъ мѣщанъ... Есть между мѣщанами даровитые; продающіе отъ бездѣлья, отъ какой-то апатіи, сживающей вообще много живыхъ силъ въ нашемъ народѣ.» Далѣе онъ хотя признается, что масса мѣщанъ въ Россіи совершенно не образованна, но прибавляетъ, что во-первыхъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ устроены уѣздныя училища, есть много мѣщанъ, учившихся въ этихъ училищахъ, и во вторыхъ, къ мѣщанскому сословию приписывается ежегодно огромное число людей изъ другихъ сословій, а примѣръ изъ духовнаго. Мы съ своей стороны можемъ удостовѣрять, что даже въ такихъ городахъ, гдѣ не устроены уѣздныя училища, встрѣчаются мѣщане, — по

приписавшіеся изъ другихъ сословій, а ирраціоналые, — которые относительно не стоятъ на никакой степени гражданскаго развитія. Конечно ихъ надо причислить къ разряду даровитыхъ; но объ этомъ то мы и хотимъ сказать. Изъ этого бѣднаго, промежуточнаго сословія, быть котораго не даетъ ни какой нищды способностямъ, талантамъ и умственной дѣятельности человѣка, выходить же даровитые люди, кромѣ того множества, которое и не выходитъ, а пропадаетъ въ бездѣйствіи и апатіи. Я, пишущій эти строки, сохранилъ изъ воспоминаній дѣтства, проведеннаго въ уѣздномъ городкѣ, не имѣвшемъ тогда уѣзнаго училища, два мѣщанскіе образа, изъ которыхъ въ особенности одинъ такъ рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, что послѣ не одного десятка лѣтъ, онъ какъ будто сейчасъ стоитъ передо мною: это человѣкъ еще весьма не старій, высокій и стройный, съ правильнымъ, даже красивымъ лицомъ, обложеннымъ небольшою темнорусою бородою, оживленнымъ чрезвычайно умными карими глазами и необыкновенно пріятной улыбкой; онъ стоитъ, положивъ правую руку на грудь, какъ бы придерживая запахнутую полу чуйки, а лѣвою поглаживаетъ бороду и улыбается; я даже какъ будто слышу его звучный и пріятный голосъ. Этотъ человѣкъ, нигдѣ, сколько я слышалъ, не учившійся, пользовался общимъ уваженіемъ, которое у иныхъ соединялось и съ нѣкоторымъ страхомъ. Онъ слылъ великимъ юристомъ и великимъ красноречивцемъ. Не подумайте, чтобъ онъ принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ ябедниковъ. Нѣтъ! тогда бы его не уважали, а только боялись; но его больше уважали, нежели боялись. Онъ писалъ только просьбы высшаго разбора, гдѣ требовалось особенное красноречіе, а также давалъ совѣты въ дѣлахъ важныхъ, запутанныхъ или щекотливыхъ, и я помню, какъ про него обыкновенно говорили, что «Иванъ Ивановичъ — у-у! какая голова!» У него былъ младшій братъ Петръ Ивановичъ, съ которымъ я былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ — странное дѣло! — наружности его не помню такъ, какъ наружность старшаго брата. У Петра Ивановича, на городской площади, у стѣнки торговыхъ рядовъ, былъ прилаженъ нарусинный навѣсецъ, а подъ нимъ горка, раздѣленная на квадратные ящички, наполненные орѣхами всѣхъ сортовъ, пряниками, вянными ягодами, изюмомъ, черносливомъ и другими сладкими и пріятными товарами. У горки подъ навѣсцемъ сидѣлъ обыкновенно на скамейкѣ Петръ Ивановичъ, погруженный въ книжку или тетрадку. Сюда-то часто заходилъ я, иногда для поощренія торговли Петра Ивановича посредствомъ полученной въ даръ отъ родителей гривны, большею же частью съ цѣлью попросить ставокъ сплести... Петръ Ивановичъ былъ страстный любитель литературы вооб-

же и возмѣ въ особенности. О его литературныхъ вкусахъ можно судить по выбору собственноручно описанныхъ имъ пьесъ, которыми онъ дѣлалъ мѣръ для такого же списыванья: изъ стихотвореній, поэмы и списалъ изъ его тетрадокъ, поимно три: *Космическій мѣлъ*, *Визисерайскій фантасъ* и думу Рыгьева: *Наталья Долгорукая*. (Это было въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ).

Что коротко знаетъ мѣщанскую среду, съ ея общественными условіями, нравами и модалями, тотъ невольно преклонится предъ силой природы; потому что здѣсь уже дѣло ея одной: среда ни въ чемъ ей не помогаетъ. Да! сила природы такъ велика, что пробиваетъ иногда живымъ родникомъ сквозь самую давящую среду; силы природы работаютъ независимо отъ клѣточекъ, нагороженныхъ человѣческими обществами, и потому перѣдко западаетъ нежданное явленіе въ такую клѣточку, въ которой его совсѣмъ не ожидаешь. Такъ, въ числѣ публикацій о разныхъ смертяхъ, побѣдахъ и пожарахъ, читаемъ въ «Сѣверной Пчелѣ» слѣдующее: «Владимірской губерніи, Переславскаго уѣзда, въ известной деревнѣ Шушковой, крестьянская дѣвочка Марса Архипова, 13-ти лѣтъ, 7-го марта найдена въ свѣтелкѣ повѣсившеюся на помѣсь, привязанномъ къ жерди. Причиною, побудившею ее къ самоубійству, была постоянная ея задумчивость и слезы, начавшіяся вслѣдствіе объявленнаго на нее подозрѣнія въ кражѣ у крестьянки Авдотьи Антиповой восьми талекъ пряжи». Ужасно жаль, что въ этомъ короткомъ извѣстіи нѣчто остается не разъясненнымъ. Что это такое: угрызение ли совѣсти, слѣдующее за первымъ преступленьемъ, или нестерпимо оскорбленное чувство человѣческаго достоинства невинно заподозрѣнной? То или другое, но вѣдь и въ обоихъ случаяхъ личность тринадцатилѣтней дѣвочки становится выше ея среды; если же здѣсь имѣлъ мѣсто послѣдній случай, т. е. если она была невинна въ кражѣ этихъ талекъ?..

Но — мы не кончили рѣчи о даровитыхъ мѣщанахъ. Намъ хотѣлось сказать, что мы, увлекаемые духомъ времени, дышащаго вопросами, готовы даже предложить новый вопросъ — о русскихъ самородкахъ и самоучкахъ, и вотъ звучать у насъ въ ухахъ выше, въ началѣ статьи приведенныя слова: «любопытство тебя одолеваетъ: тебѣ хочется знать все какъ и что — иди въ училища; университеты, академіи настѣжь растворены...» Въ самомъ дѣлѣ они растворены, уже съ давнихъ поръ растворены: еще предъ Ломоносовымъ не затворились двери академіи. Что же мѣшаетъ нашимъ самородкамъ, нашимъ Иванамъ Ивановичамъ, нашимъ Хитриннымъ, Злысловымъ и инымъ подобнымъ, что мѣшаетъ имъ, самой при-

редой, представляющейъ быль и фактъ, въ нихъ не только растворены двѣри? А про-побудь достоян-ствомъ! Не ужасно ли проселки, которые вслухъ къ этимъ раствореннымъ двѣрямъ? Да здравствуй же еще они нахвостъ, что гдѣ-то, въ шестидесять тысячъ верстъ, отъ нихъ, отъ восточнаго угла, въ западномъ есть удивительнѣе, отъ растворенными двѣрями, въ которыхъ стоить только войти, какъ вдругъ и разрѣшатся всѣ мучительные, прерывающіеся вопросы? Кто говоритъ, какъ о существованіи этакъ единичнѣ науки, кто указываетъ вѣдущую ихъ книгу? Варяныя все это мы спрашивали по поводу растворенныхъ двѣрей, для разрѣшенія задачи теоретически, а въ сущности, въ своей действительности находимъ совершенно естественныя, что сами самородныя самоучки остаются также теперь отдалены по своимъ качествамъ, или даже просто ничѣмъ, и во всю свою жизнь, по-прежнему предъ собой ни, одну, растворенныхъ напастей двѣрей, а: наравнѣть, вѣдѣть, жидко, лопались и пребывали предъ дѣломъ, что-то, вотъ, воскресныя дѣла (отъ которыхъ еще развѣ, да еще да жалеетъ) действительно, во всеулыбчивѣ растворили свои двѣри, и разогнаны, тогда точно же делала: въ нихъ, какъ что, и: въ ней сдѣлалось, и мѣста стало действовать. Искать о воскресныхъ шко-

Въ «Указ. Эконом.» (№ 26) сообщается, что въ мужской воскресной школѣ гальванической роты, со времени изданія циркуляровъ, число преподавателей уменьшилось: изъ 54 числящихся по списку, посѣщаютъ школу только отъ 15 до 20. Впрочемъ къ этому факту, грустному, но понятному, естественно вытекающему изъ различія человеческихъ темпераментовъ и характеровъ, тутъ же прибавляютъ и другой фактъ очень хорошій, именно: не смотря на уменьшеніе преподавателей, занятія идутъ усильно; замѣтно, что школа имѣетъ большое вліяніе на нравственное улучшеніе учениковъ: они сами говорятъ, что уже замѣчается значительная разница въ поведеніи между посѣщающими школу и не посѣщающими. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней портной Эрмихъ пришолъ въ школу благодарить преподавателей за усилья, сдѣланные его подмастерьями какъ въ обученіи грамотѣ, такъ и въ нравственной отношеніи, и при этомъ просилъ принять отъ него три рубля на покупку учебныхъ пособій... Деньги приняты съ благодарностью.

Таврическое всенародное бесплатное училище, по поводу сдѣланнаго о немъ сообщенія, также заявляетъ, что эта школа не только по своимъ качествамъ действительно была, но и: теперь, что: Историю, мѣла, и: доннаго, и: цѣлушки, дной, и: училища, развѣ.

забота о развитии всесторонней спортивной деятельности. Желание это помогло быти инициатору близкому знакомству с педагогами в школах близлежащих районов. Давало понять, что училище находилось въ срединнѣмъ разбѣрѣ двухъ классовъ, не такъ какъ чиего сотрудничать стало быстро увеличиваться и дошло скоро до ста пятидесяти челоуѣкъ, то училище стало расширяться и развилось на пять классовъ. «Мы тогда не догадывались, говорить разсказчикъ, что есть много порывовъ, которые и остаются порывами; что многое нравится, пока оно ново, а когда и надѣдается.» Такъ ли это случилось, или отъ другихъ причинъ, только началось маневрированіе, а потомъ и уменьшеніе числа сотрудничать; произошло ощутительный недостатокъ въ преподавательствѣ, в училищу пришлось суживаться. Дошла до того предѣла, дальше котораго суживанье, въ среднѣмъ курсѣ, оказалось неудобнымъ; училище прибѣгло къ крайне-грустной *срочной* мѣрѣ помощи платяще преподавателямъ, и затѣяло, объявляя объ этомъ напечатаніи дѣла, оно выражаетъ надежду сызвать своимъ объявленіемъ шлошущихъ преподавать безвозмездно свои сотрудничательство; — теперь, в къ осени, т. е. въ началу новаго курса. Сбудется ли надежда? Если сбудется, то училищу опять разширится, потому что съ шлошущихъ уйдетъ недостатокъ уже не будетъ; если же не сбудется, то придется сдѣлать открытій, иначе *каменный* вопросъ: отчего не сбылась надежда таврическаго училища?

Въ Тобольскѣ, въ Сибирѣ холодной, еще въ декабрѣ прошлаго года, стараніями учителей гимназій и семинаріи, открыты воскресныя школы. Теперь разсказываютъ, что эта школа тяжело и туго падаетъ впередъ и что сочувствіе къ ней города Тобольска — сибирское сочувствіе, т. е. очень холодное, а если говорить прямо и откровенно, то его вовсе нѣтъ: «многіе смотрятъ на это какъ на шутку, какъ на забаву учредителей, иные остаются холодны, потупуче учрежденіе воскресной школы есть дѣло частное, непринудительное; они же привыкли дѣйствовать только тогда, когда правительствѣ принимаютъ въ этомъ непосредственное участіе, тогда побуждаютъ или толкають сверху...» Ну, конечно! вѣдь разныя бываютъ вѣсны. Вотъ въ городахъ Ярославской губерніи немного иначе смотрятъ на вещи... О взглядахъ этихъ городовъ мы сейчасъ скажемъ, но прежде нужно сдѣлать вопросъ. Отчего зависить большій или меньшій успѣхъ воскресныхъ школъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи? — Соответствуетъ ли они разнымъ степенямъ дѣйствительной въ нихъ потребности; или соразбѣряется со степенью общаго развитія, съ образомъ возрѣвля общественнаго большинства, т. е. дѣйствительно ли въ разныхъ мѣстахъ нѣтъ потребности открывать эти школы, и нужно хмонотать о другихъ, напр. всенародныхъ; или

же это только такъ кажется почетнымъ обязательствомъ тѣмъ людямъ, а въ сущности были бы полезны тѣмъ и воспринятымъ?...

Изъ Ярославля нѣто г. Трефолевъ пишетъ въ редакцію газеты «Вѣкъ» весьма обстоятельное письмо, которое начинается такими словами: «Отставной надворный совѣтникъ Н. Щедринъ, рассказывавтъ въ «Современникѣ», что Гауновская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ его свкушеству, отцу своему.» Такъ было въ Глуховѣ. Но Ярославль можетъ гордиться тѣмъ, что онъ обошелся и безъ акцізно-откупного комисіонерства. Справедливость совершенно справедлива; но вотъ что странно: изъ приговора нашего начала видно, что г. Трефолевъ читалъ и помнилъ статью въ «Современникѣ», гдѣ говорится о г. Глуховѣ; между тѣмъ, читая дальѣйшее его писаніе, можно подумать, что онъ уже забылъ все, что въ той статьѣ говорится. Вотъ въ чемъ дѣло. Еще въ 1868 году, ярославское губернское правленію, во вѣдѣніе распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, разослало городскимъ головамъ циркуляръ, которымъ городскія общества приглашались собраться «для обсужденія дѣла объ учрежденіи женскаго училища въ Ярославль, съ тѣмъ, чтобы граждане изложили въ особыхъ приговорахъ, какъ о своихъ потребностяхъ относительно образованія, такъ и о матеріальныхъ средствахъ, нами желаемыхъ доставить новому училищу.»

Граждане собрались въ назначенный день, и приговоры постановили. Приговоры эти можно раздѣлить на три разряда: въ первыхъ, граждане сказали, что мы-дескать по бѣдности нашей ничего дать не можемъ. Въ другихъ, что ярославское женское училище для насъ дѣло постороннее, но такъ какъ начальство призываетъ на доброе дѣло, то почему и не помочь доброму дѣлу. Многого не имѣемъ, а вотъ — чѣмъ можемъ... Въ третьихъ, что просвѣщеніе конечно хорошая вещь, но что-жъ Ярославль? Ярославль далеко; а позвольте, мы лучше соберемъ трудовыя крохи, да заведемъ на нихъ сами женскія училища, хоть второразрядныя, да у себя дома, въ тѣхъ городахъ, гдѣ мы постоянное жителство имѣемъ, такъ, чтобы въ этихъ училищахъ могли учиться наши собственныя дочери, которыхъ посылать для обученія въ Ярославль, какъ сами изволите знать, намъ не приходится, не сподручно.

Что противъ этого скажешь? Конечно приговоры перваго разряда прискорбны; но второго и третьяго?.. Во вторыхъ гражданахъ не догадались сказать такое умное слово, какое сказали третьихъ, — вотъ и все! Но бранить-то вѣдь ихъ не за что? г. Трефолевъ разбавилъ, да и сильно. Къ числу общества, несом-

повысить приговоры второго разряда, и привалажить мымкинское общество или общество. Г. Траволетъ написалъ, говоря министерству слезымъ, на редакцію приговора, обличаетъ его малограмоту, поспѣшишь и добирется до подписей — зачѣмъ онъ не по грамматикѣ подписали; а по поводу общества восклицаетъ: «о г. Щедрина! не одинъ только глуховскій голова говорить общество!» А вотъ, какъ рѣшились и Щедрина, такъ и спросить васъ: «за что вы по зубамъ его вдобавили гражданъ? Чѣмъ виноваты граждане? Тѣмъ ли, что ихъ уже томятъ эти разныя пожертвованія? Тѣмъ ли, что имъ не нужно никакихъ общепользныхъ заведеній?» И въ самомъ дѣлѣ вы глушитесь надъ малограмотностью, а не цѣните здраваго смысла, проглядывающаго сквозь эту малограмотность. Разсудите: на что, пошлывшему 3-й гильдіи купцу Ярославская женская гимназія? Какъ онъ повезетъ туда свою дочь и куда тамъ ее дѣвать? Имъ это не закрытое заведеніе. Какъ же вы хотите заставить его интересоваться заведеніемъ для него бесполезнымъ? Ярославль не фаншій: городъ, пусть онъ самъ заводитъ для себя женскую гимназію и гордится тѣмъ, что обошелся безъ акцизно-откупного комиссіонерства; а романово-борисоглебовецъ оставьте учреждать имъ собственное «заведеніе.»

Мы предсказали, что по предмету училищъ и школы читатели встрѣтятъ нѣсколько вопросовъ. До сихъ поръ дѣйствительно встрѣтилось нѣсколько вопросовъ, но болѣе или менѣе легко разрѣшимыхъ; теперь же придется намъ столкнуться съ нѣкоторыми вѣтными вопросами, которыхъ мы разрѣшить не можемъ. Г. Невѣровъ, бывший директоръ училищъ Ставропольской губерніи, встрѣтивъ въ «Сиб. Вѣд.» статью, въ которой упоминается, что онъ въ годичномъ отчетѣ о состояніи дирекціи, читавомъ на актѣ въ 1859 году, говорилъ о воскресномъ (литературномъ) чтеніи въ пользу предполагавшейся воскресной школы; что однако не только не было ни о чемъ чтенія, но и о самой школѣ нѣтъ помину, и что вѣроятно это было сказано только такъ, по случаю торжественнаго акта, мимоходомъ; чтобъ убаюкать публику, — встрѣтивъ эту статью, г. Невѣровъ, для объясненія дѣла, рассказываетъ слѣдующее. Литературное чтеніе въ пользу воскресной школы дѣйствительно предлагалось, но въ отчетѣ о немъ онъ не упоминалъ, а говорилъ только о самой воскресной школѣ, на что имѣлъ полное право, потому что когда онъ читалъ отчетъ, въ это время продолжавшій имъ проектъ воскресной школы уже разсмотрѣнъ и одобренъ начальствомъ, вѣкорѣ былъ одобренъ, и разрѣшеніе отнестъ школу послѣдовало. Предположеніе о школѣ встрѣтило сильное сочувствіе именно въ той средѣ, для которой она учрежда-

лазы решительный голос представлял г. Шенброву писем от шестидесяти малолетних, называвшихъ желаніе учиться. «*Мне (Шенбровъ г. Шенбровъ), по полученіи официального разрѣшенія отъ волостного округа на открытіе школы, оно, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, было приостановлено местными начальствомъ.*» На этомъ уже и мысль о литературномъ чтеніи была оставлена.

Вотъ этого мы совсѣмъ не понимаемъ: явѣдѣнъ ли въ мѣстномъ начальству налагать запрещенія въ области учебнаго вѣдомства и еще по дѣлу частнаго предпріятія?

Впрочемъ мало ли на свѣтѣ неопытныхъ? У насъ явѣдѣнъ другой, хотя не столь необыкновенный, но тоже для нашего смысла неудобоваримый фактъ. Не удалось ли просмѣрить вы 15 дѣ Сѣверной Дюны писемъ «Русскаго Вѣстника» писемъ въ издатель, писанное изъ Кавказа г. К. «Съ нѣкотораго времени (тако пишется онъ), у насъ вошло въ моду жаловаться на недостатокъ идей дѣятельныхъ, энергическихъ, которые проводили бы безспорныя убѣжденія свои въ жизнь, а не ограничивались бы лишь разговорами въ пріятельскомъ кружкѣ, лишь для свѣсканія спирита. Вѣ самомъ дѣлѣ большинство, даже образованное, больше трагуетъ, чѣмъ дѣйствуетъ. Но что же дѣлать? Внутренній голосъ, доблестей времени, подчасъ и голосъ власти призываютъ насъ впередъ! Мы рѣшаемся идти, и по старой памяти, съ ослѣпелостью, дѣлаемъ шагъ, а тутъ какой-нибудь ревностный блюститель морали шпатель за полу и дѣлаетъ невозможнымъ движеніе»...

Далѣе, въ подтвержденіе этого, разсказывается исторія составленія учителями обѣихъ казанскихъ гимназій проекта всеобщей казенной казны для лицъ ихъ званія. Исторія не длинная. Въ сентябрѣ прошлаго года учителя гимназій и преподаватели университетовъ собрались сходиться по субботамъ у одного знакомаго лица для общаго разговора. Эти собранія имѣли характеръ совершенно частный. Тамъ много было залумано прекраснаго; обдумано много философическихъ вопросовъ, которые уже явились къ предвѣстному плоду: тамъ же задумано и составлено проектъ всеобщей казенной казны. «*И однакожь... сходило эти должны были возникнуть.*» Потомъ авторъ излагаетъ самый проектъ и заключаетъ свое письмо единственныиъ, какое можно найти въ подобномъ случаѣ, утѣшеніемъ: хотя кружокъ учителей разсѣялся, но по крайней мѣрѣ онъ не пропасть безслѣдно.

Здѣсь мы даже и вопроса сдѣлать не смѣемъ, какъ она осуществится въ душѣ... «Идѣмъ власти призываютъ впередъ, а ревностный блюститель морали шпатель за полу и дѣлаетъ невозможнымъ движеніе»... Для юности кричатъ: еще шагъ впередъ, а ревностный блюститель морали шпатель за полу и дѣлаетъ невозможнымъ движеніе»...

дому, алу жебы, а долго будутъ, можетъ, ирраціональными пристрастиями, а также и др., въ которыхъ одна, какъ суевѣрные старухи, способны, еслий, ноль продать за привадыне, другіе, другіе не способны, а уны инаде не могутъ и непобѣдимая причина что вы слишкомъ глупо, завустила жъ, чужь, свои коты, для предпринятія возможности, а удаляетъ ихъ?

12. Довольно, конечно, намъ, читатель, немного отдохнуть, отъ пересела, а покаратъ вамъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ еще не случаются заглавы, за полна, и дѣло, распространенія образованія беспрерывно: полагается, вперель.

13. Въ Архангельскѣ 1 марта открыта новая воскресная школа, въ которой на первый разъ приняло двадцать пять дѣточекъ, и тамъ же, въ городѣ и въ окрестностяхъ и модныхъ магазинахъ, то дѣточка приняла все малышия (7—12 лѣтъ), живущія у родителей. Для такихъ, удивить конечно нужно бы школа вселенная, и потому преподавательныя занятия, независимо отъ воскреснаго класса, занимаюсь съ ними по буднимъ днямъ у себя дома. Впрочемъ полагаются, что со временемъ кромѣ этихъ дѣтвей, воскресную школу будутъ посѣщать горюшныя, если только икъ барышня, и саміи сѣмьяныя, преподавательныя въ школѣ, не будутъ задерживать дѣл до ауданія, въ юридическихъ и другихъ вѣтлужахъ дѣлаши. Надежда, дѣстна, и — едва ли не вперель, при опредѣленіи, мажачея воскресныя школы, вспомнили о классѣ служащихъ, между которыми грамотныя, особенно въ столицѣ, составляютъ впрочно дѣла, ограниченное меньшинство.

14. Въ Архангельской губерніи распоряженіе объ открытіи новыхъ училищъ, судя по извѣстіямъ, пошло болѣе, прямымъ путемъ: тамъ говорится собственно объ учрежденіи такихъ училищъ въ самыхъ дѣржавныхъ городахъ, и въ одинъ городъ, при всей ихъ глупостѣ, не отказывается отъ стараго начинанія. Но самыя обильныя матеріалыныя средства, складаны въ Онегѣ, и потому тамъ 12 марта уже открыто второразрядное женское училище. Собрано на него болѣе 2500 р.; на томъ же мѣстѣ, португале, одній, купеческой влосы на А. Я. Платиной, 1500 р. — А. Я. Платиной, какъ женщина, въ мѣ, дванадцатъ въ Онегѣ, и избрана, почетнымъ членомъ училища.

15. Съ особенной, зажитной радостью, а главное отъ съ радостью, со-вѣдшими, уважительной, сообщаютъ извѣстія, итаума? итъ: Якут-скѣ. Тамъ, поворотъ, до сихъ поръ не было никакихъ геральдическихъ обрядовъ, и теперь открыты для нихъ приемы, и осуществлено, въ мѣ, португале, итаума: обещано, прожертвованіями, гражданъ. Сколько же пожертвовано? Довольно, отъ выдана, рублей 1. Мѣ, подѣ, глупости, ирраціональных, ирраціональных, пользы, русского

образованія въ европейской Россіи, въ первую очередь подумалъ, что это — опечатка; но нѣтъ! Въ извѣстіи (опечатанномъ въ газетѣ «Амуръ») прибавлено: «По вѣстному нужна въ образованіи дѣвочек почувствована у насъ нужда; вѣдь не станутъ же бросать на вторѣ десятки тысячъ въ нашу практическую жизнь!»

Извѣстіе изъ Полтавы приведемъ слово въ слово, потому что оно просто, коротко, но важно: «Гг. Пильчиковъ и Строщинъ подали еще въ январѣ просьбу о разрѣшеніи имъ открыть въ воскресные и праздничные дни рядъ народныхъ разказовъ и чтеній для распространенія въ народѣ элементарныхъ знацій. Представленнымъ имъ программой обнимаютъ собою все предметы необходимыя въ обществѣ. Бесѣ сомнѣнія подобное предпріятіе не можетъ не встрѣтить темнаго сочувствія въ г. попечителѣ кievскаго учебнаго округа. Это замѣреніе не успѣло еще перейти въ дѣло, какъ явилось новое, еще болѣе важное и замѣчательное, мысль о которомъ принадлежатъ гг. Щолиану и Строщину, — это учрежденіе общества распространенія грамотности. Проектъ устава этого общества 21 февраля представленъ начальнику губерніи».

Изъ Казани несетя слухъ, который выражается еще проще и еще короче, но заключающаяся въ немъ мысль не менѣе широка и почтенна. Говорятъ, что тамъ нѣкоторые молодые люди, получившіе университетское образованіе, хотятъ составить компанію для книжной торговли, и открыть безплатную школу для приготовленія юношей въ университетъ и въ разные классы гимназій». Сочетаніе этихъ двухъ предпріятій остроумно и много говоритъ въ пользу ихъ удобоисполнимости, такъ что если не произойдетъ хвтанія за помѣ, то почему жъ бы и не сбыться многообещающему предположенію!

Въ Москвѣ недавно утверждено общество изданія и распространенія дешовыхъ книгъ для народнаго чтенія. Замѣчательно то, что мысль объ учрежденіи этого общества возникла между московскими друзьями.

Кстати о книгахъ. Въ одной изъ залъ здѣшней второй гимназіи 16 марта происходило собраніе распорядителей частныхъ воскресныхъ школъ, подѣ предѣвательствомъ г-жи Шпилевской. Въ этомъ собраніи между прочимъ была прочтена г. Щобальскимъ записка о брошюрѣ г-жи Иппитовой подѣ заглавіемъ: «Чтобы для московскихъ школъ?» Съ крайнею прискорбію для автора, брошюра признана неудобною для воскресныхъ школъ. Это очень грустно, и хочется ли, кто все дѣло испортилъ, кто помѣшалъ успѣху брошюры? «Курочка» и «собачка!» Это ужасно! Г. Щобальскимъ, который разсматривалъ брошюру, не приправилось то, что г-жа Иппитова

сказать въ примѣръ труда даже курочку и говорить, что собачка, когда курочка трудится. Но такое сужденіе не прошло же г. Щербальскому даромъ: г-жа Ишимова обратилась къ редакціи «Спб. Вѣдомостей», и възявъ себя вънарадростью съ редакціей, въ доказательство превратности сказаннаго сужденія, привела къ блѣднѣйшему и всего новѣе своей брошюрки, гдѣ говорится о собачкѣ. Вотъ слово:

«Вотъ собачка, которая всегда очень любитъ своихъ хозяевъ и спешитъ ихъ домъ отъ воровъ. Это вѣдь не малая работа, дружокъ мой. Иногда, когда въ домѣ всѣ спятъ, чуть только кто-нибудь зашевелится у воротъ или на дворѣ, добрая собака ужь и проснется, и начнетъ ворчать и лаять до тѣхъ поръ, пока дворникъ или кто-нибудь изъ домашнихъ не выйдетъ посмотреть, отчего она лаетъ. Воръ, услышавъ, что на дворѣ есть собака, не посмѣетъ зайти туда и постарается скорѣй пройти мимо. Ну, какъ же не сказать, что добрая собачка трудится, и еще не для себя, а для насъ, людей?»

Правда! правда! И это совершенно извѣстно каждому мальчугану-простоянину. Жаль только, что тутъ недостасть еще правдоуменія: «слушай же, дружокъ мой, примѣру собачки». Вотъ это простому мальчугану, если ему не подсказать, — никакъ не придетъ въ голову, потому что онъ, по малолѣтству и неразвитости, не сумѣетъ отыскать аналогію между собачьимъ трудомъ и трудомъ человѣческимъ. Но это еще не важно, а главная потеря для насъ собственно въ томъ, что мы не знаемъ, какъ трудится курочка: г-жа Ишимова ничего не говоритъ объ этомъ редакціи «Спб. Вѣдомостей»; самой брошюрки мы не читали и... неужели же трудъ курочки останется для насъ тайною?..

Впрочемъ вѣтъ: еще есть надежда! Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ объявилъ конкурсъ на книгу для дѣтскаго чтенія; если г-жа Ишимова приметъ участіе въ конкурсѣ, то въ книгу, которую она составитъ къ конкурсу, конечно войдетъ и занимающая насъ тайна труда курочки; книга безъ сомнѣнія удостоится награды, примется для училищъ, издастся и — мы овладѣемъ тайной... А если и не овладѣемъ; если въ будущемъ произведеніи г-жи Ишимова не будетъ упомянуто о курочкѣ; если даже г-жа Ишимова вовсе не приметъ участія въ конкурсѣ, — все-таки конкурсъ обратится свое важное значеніе и все-таки возбуждаетъ надежды. Вотъ сущность его условій:

Отъ книгъ для дѣтскаго чтенія требуются: 1) приличная по форме и вѣрность свѣденій; 2) общепонятность, строгая послѣдовательность и заинтересованность изложенія, и 3) чистота нравственнаго направленія.

Книга должна состоять изъ двухъ частей:

1) Первая часть должна заключать въ себѣ статьи, привѣснныя къ самому общему возрасту.

2) Вторая должна состоять изъ статей, посвященныхъ уже младшей, болѣе возрастной, и развитой.

Вся книга по объему представляется въ шесть 30 печатныхъ листовъ средней величины: для первой части примѣрно до 6-ти листовъ, второй до 18 листовъ.

Двѣ части книги, составляя одно цѣлое, могутъ быть и на конкурсѣ представлены объ выѣздѣ; впрочемъ допускается и представленіе каждой изъ нихъ отдѣльно.

За обѣ части книги, если она удовлетворитъ ожиданіямъ Ученнаго комитета вполне, сочинитель получить въ награду 4.000 р., за одну первую часть, при такомъ безусловномъ достоинствѣ, 1.000 р., за одну вторую 2.400 руб. Если лучшее изъ сочиненій, представленныхъ на конкурсѣ, будетъ найдено не вполне удовлетворительнымъ, а потребуются исключить нѣкоторыя статьи, или дополнить сочиненіе нѣсколькими недостающими статьями, то сочинитель получить: за книгу въ двухъ частяхъ 3.000 р., за одну первую часть 1.200 р., за одну вторую 1800 р. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, или вообще при необходимости воспользоваться въ книгѣ для дѣтскаго чтенія статьями изъ разныхъ сочиненій, представленныхъ на конкурсѣ, сочинители избранныхъ статей получаютъ плату по 100 рублей за печатный листъ.

Книга, удостоенная награды по конкурсѣ, печатается на счетъ самаго автора по предварительному условію, заключенному имъ съ департаментомъ народнаго просвѣщенія, касательно цѣны, по которой она должна быть продаваема для училищъ. Если же цѣна, предложенная авторомъ, признава будетъ невыгодною для училищъ, то департаментъ принимаетъ на себя печатаніе книги и опредѣляетъ стоимость ея, соразмѣрно съ издержками напечатанія, съ предоставленіемъ 20% въ пользу автора.

Пріемъ рукописей по этому конкурсѣ продолжится *подлтора года*, считая съ 25-го прошлаго марта.

Мы хотимъ догдомъ привести условія конкурса, чтобы сообщить вамъ наибольшей извѣстности, чтобы каждый какъ можно больше лицъ, которыя, сознавая въ себѣ умѣнье говорить съ дѣтьми, здраво понимая, о чемъ надо говорить съ дѣтьми, взяли за это трудное и чрезвычайно нужное дѣло.

Возвращаемся еще на нѣкоторое время къ вопросамъ, чтобы успѣть до дна чашу сію...

и «Хорошъ переводчикъ за все время въ гильдіи и студіяхъ въ купеческомъ сословіи». Мы самымъ простымъ уже способомъ представляемъ себѣ заповѣдь, которую высказали крайніе популяристы: «требовать различія стѣпенности въ распределеніи, парализующаго зачатки переводной и фабричной стѣпенности парадоксъ. Вслѣдствіе этого, состоятельна и обширнѣе развитыя промышленныя заводы торговцевъ и другихъ промышленцевъ, и жилищный въ деревнѣ и городѣ на чужбину». Мы не будемъ толковать эти проекты, только дадимъ имъ блещущее званіе въ подробностяхъ составленнаго имъ министерствѣмъ «заключенія» по поводу правилъ для единаверныхъ обществъ. Уладивъ различіе этихъ физическихъ и духовныхъ, мы будемъ жадно искать естественнаго и арміи евангелія, чтобы поводомъ услужить и услужить въ такой степени, принимать въ образовательныя мѣры, удовлетворять обществу, исключаясь, въ какой степени помогутъ, онѣ подымаются предпринимательскими силами страны, къ чему исключительно употреблены, съ нѣкимъ желаніемъ и желаніемъ экономистовъ; ибо, если Англія, съ своими ограниченными внутренними средствами, могла довести народъ свой до настоящей степени благосостоянія и процвѣтѣнія, то и въ насъ благодѣтельна можетъ быть будущаго Россіи, съ ея обширными производительными силами, когда съумѣютъ дать имъ должное, прямое и твердое направленіе, и

... эти слова привели мы изъ «Записокъ дворянина въ заморскія страны, промышленности и торговли», къ которымъ и обращаемъ читателя, если ему угодно привести въ возможно-ясное сознаніе тѣ условия, въ которыхъ до сего дня вращаются наши промышленность и торговля. Дворянинъ, «старый служака», какъ онъ себя называетъ, разсказываетъ собственныя приключенія на промышленномъ поприщѣ; мы не имѣемъ привычки не вѣрить въ искренность и правоту разсказа, а приключенія его научительны. Мы увидѣли, что въ послѣднее время у иворскихъ, очень много ихъ, да и въ порѣ войны, одобрено и почти безосновательно коротавшихъ или еще коротавшихъ свои дѣла подъ бременемъ труда непрощающаго, мораль, пробужденное невыносимое желаніе страхнуть съ себя это бремя, выйдя на свѣжій воздухъ, вдохнуть свободнаго, выбрать дорогу на страну, продать всею душою трудъ, коимъ можетъ быть суровому, не познаношему; съ каждой шагомъ, съ каждымъ движеньемъ приближающему къ естественнѣйшей для народа чужбинѣ, устройству и улучшенію собственнаго благосостоянія; трудясь и изнуряемо; арміи евангелію, въ каждой шагомъ, вперла въ живущему новыл, свѣжія силы въ душу производителя. Мы много разъ упоминали; мы упоминали и раньше желанію можетъ быть доста-

доставить им во крайней мѣрѣ отравление, именно — тласоты, прозваннаго благодѣтелемъ; — и въ то же время, оружіе на вооруженіе, какъ оказывается, производитъ достаточно благодѣтельное дѣйствіе. Предоставляемъ знаткамъ Ульстовыхъ и кулачныхъ натуръ разрѣшить предлагаемый вопросъ, что е! приискать болѣе дѣйствительныя, болѣе сильныя орудія для обузданія этихъ натуръ, а между тѣмъ записываемъ на память послѣднія ихъ проявленія.

Вѣроятно всѣ читали исторію архитектора Вергейма съ извозчикомъ и четырьмя защитниками сего послѣдняго. Опускаемъ этотъ случай, какъ болѣе или менѣе извѣстный и отчасти сходный съ другимъ, о которомъ мы рассказывали давно, еще въ первой книгѣ. Остается теперь еще одинъ случай, довольно свѣжий и своеобразный, относящійся къ московской жизни.

Г. А. Владиміровъ разсказалъ въ «Моск. Вѣд.» 16 марта, что проходя по Кузнецкому мосту, онъ увидѣлъ карету, стоявшую противъ магазина Кригера и Кача, а у кареты полуодѣтаго и полубогого мальчика, продававшаго коробочки; что изъ кареты протягивалась къ мальчику рука съ серебряной монетой, но въ эту минуту изъ магазина выбѣжалъ прикащикъ съ арапникомъ и началъ хлестать мальчика по спишѣ и по ногамъ; что монету успѣли бросить, и карета уѣхала.

— Какъ ты смѣешь бить мальчика? спросилъ г. Владиміровъ.

— А вамъ какое дѣло? отвѣчалъ прикащикъ и юркнулъ въ магазинъ.

Это худо, а вотъ слѣдующее еще хуже. Г. Владиміровъ вошелъ въ магазинъ вслѣдъ за прикащикомъ; его встрѣтилъ господинъ, — хозяинъ или тоже прикащикъ, — и произошелъ разговоръ:

— Человѣкъ изъ вашего магазина билъ мальчика.

— Никто и никого не билъ изъ нашего магазина.

— Я вамъ говорю, что билъ.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ.

Это не дѣлаетъ чести магазину!

8 апрѣля въ тѣхъ же «Моск. Вѣд.» читаемъ отъ полиціи, что разсказъ г-на Владимірова подтвержденъ разслѣдованіемъ; билъ мальчика прикащикъ сказаннаго магазина, мѣщанинъ Александръ Павловъ Телегинъ, который, для взысканія съ него, отправленъ въ домъ московскаго градскаго общества.

Впрочемъ и трудно бываетъ иногда удержаться отъ того, чтобы не дать воли рукамъ, по крайней мѣрѣ принимая эти слова въ переносномъ смыслѣ, т. е. трудно бываетъ иногда удержаться отъ нравственно-кулачной расправы. Бываютъ, видите ли, случаи, что вы-

недуки человека изъ терпѣна до того, что онъ, въ отсутствіи виновнаго, не имѣя возможности достать его лавцы, ругнетъ его во всеуслышаніе, да такъ ругнетъ, что потомъ можетъ быть и самому сдѣлается совѣстно. Мы говоримъ это вообще, а въ частности примѣняйте сами къ чему вамъ угодно.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Продолженіе занятія французскими войсками Рима и Сиріи. — Брошюра: «Письмо объ исторіи Франціи».

Австрійскія дѣла. — Славянскіе сеймы. — Ссора г. Бенедика съ венгерцами. — Открытіе государственнаго совѣта. — Мадьярскія стремленія.

Итальянскія дѣла. — Предложеніе Гарибальди. — Реакція въ Неаполѣ. — Примиреніе Гарибальди съ гг. Чіальдини и Кавуромъ. — Положеніе Италіи.

Англійскія дѣла. — Бесѣды въ парламентѣ, на митингахъ и на обѣдахъ. — Юническіе острова. — Сирійское занятіе. — Суэцскій каналъ. — Процессъ Кошута. — Дѣло Макдональда.

Общее положеніе. — Последнія извѣстія.

Французскія дѣла. ii

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція начала себя помнить, никогда еще она не была такъ счастлива, какъ теперь, и счастлива вполнѣ, совершенно, во всѣхъ отношеніяхъ, а не то, чтобы какимъ-нибудь одностороннимъ образомъ. Ей не остается ничего болѣе желать, по увѣренію большей части французскихъ газетъ. Внутри совершенная безопасность, процвѣтаніе промышленности, торговли, искусства, наукъ, молъ; снаружѣ миръ и соглашеніе со всѣми сосѣдями, ибо сказано разъ навсегда, что имперія есть миръ, и если были войны съ Россіей, съ Австріей, съ Китаемъ, походъ въ Сирію, въ Кохиндину и мирно-полицейская стоянка въ Римѣ, то это для вѣщаго прославленія французскаго оружія, для торжества побѣдоносныхъ орловъ; это только вырывающійся наружу избытокъ силъ, которыхъ дѣвать некуда, а имперія все-таки есть миръ. Бонапартисты въ послѣднее время обвиняютъ покойнаго короля Людовика-Филиппа за то, что онъ унижилъ Францію тѣмъ, что не дождавшись ей ни одного блестящаго воинскаго подвига, почему Фран-

Т. III. — Отд. IV.

ція и сошла съ той высокой степени славы, на которой подобаеъ ей стоять по храбрости ея доблестныхъ сыновъ. На это нѣкоторые изъ англійскихъ газетъ замѣчаютъ, что своимъ нынѣшнимъ благосостояніемъ Франція именно обязана Людовику-Филиппу, въ осторожное и либеральное правленіе котораго скопились всѣ тѣ финансовыя и воинскія средства, которыми располагаетъ теперь Франція. Ибо средства страны не дряхлуютъ въ дарную минуту по шучьему велѣнію, а скопляются по меньшей мѣрѣ десятилѣтійми; даже у такого живого, подвижного народа, какъ французы. Но бонапартисты на это не обращаютъ никакого вниманія, а все приписываютъ самимъ себѣ, возвеличивая Францію чуть не до степени Средней имперіи, которая стоитъ въ центрѣ вселенной, управляетъ судьбами міра. Однако, если вникнуть въ дѣло, то окажется, что Франція хотѣла бы теперь играть очень значительную роль, по все какъ-то не удастся, и поддержка въ Римѣ остатковъ свѣтской власти папы составляетъ для французскихъ солдатъ довольно затруднительную роль, во что бы ни стало поддерживать насильственное повиновеніе въ странѣ. Между тѣмъ, въ официальныхъ разговорахъ, о занятіи Рима говорится, какъ о чемъ-то великомъ, колоссальномъ, возвышенномъ, торжественномъ, и сами папскіе войны весьма гордятся своею ролью защитниковъ... но чего? Папы? Но на его особу никто не нападаетъ.

Вся сирійская экспедиція оказалась безплодною попыткою, демонстраціею въ пользу христіанъ. Турція считается самостоятельной державой, не смотря на то, что видимо разваливается. Ея существованіе считается необходимымъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ считалъ его полезнымъ еще Байронъ; въ отчетѣ изъ примѣчаній къ Чайльд-Гарболду. «Осмавы, говорятъ оны, — не обманщики, не трусы, не убійцы, не низкій народъ; они не жгутъ еретиковъ: они вѣрны своему султану до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ управлять, а своему богу всегда, и безъ инквизицій. Если бы въ одно прекрасное утро они были замѣнены при Босфорѣ другимъ народомъ, то сомнительно, чтобы Европа выиграла отъ этой перемѣны; *верно только то, что Англія потеряла бы*. Какъ бы то ни было, Турція, едва ли не на зло самой себѣ, признается самостоятельной, независимой державой, почти перваго порядка. Вдругъ въ одной изъ областей этой державы происходитъ избиеніе нѣсколькихъ сотъ подданныхъ. Въ тотъ же мигъ все забыто; и принципъ невмѣшательства, и уваженіе къ самостоятельности и независимости дружественной державы; французскія войска вступаютъ, съ согласія Европы, въ самостоятельное государство и стоятъ тамъ грозно. Англія съ своею

стороны; смотреть подобрательно на сирійское занятіе и требует, чтобы французскія войска въ условленный срокъ удалились. Но въ иномъ случаѣ, чтобы французскія войска не находили особеннаго удовольствія оставаться въ Сиріи, Англія придвинула свой флотъ къ сирійскимъ берегамъ, съ приказаніемъ высадить войско на берегъ, въ случаѣ если французы останутся въ Бейрутѣ послѣ установленнаго срока. Точкою высадки выбрана Акра, важная крѣпость, лежащая между Бейрутомъ и Суэцкимъ перешейкомъ. Чего же они опасаются со стороны Франціи? Изъ-за чего же эти глубоко обдуманные стратегическія движенія, которыя разыгрываютъ войну въ мирное время? И почему французскія войска не сдѣлали въ Сиріи ровно ничего, кромѣ униженія дружественной державы, которую условлено звать независимою? Дѣло въ томъ, что знаменитое сердечное согласіе между Франціей и Англіей, изобрѣтенное Локьюкомъ-Филлипомъ, едва ли существуетъ. Франція и Англія воевали вмѣстѣ противъ Россіи, только чтобы не ссориться между собой; по той же самой причинѣ эти двѣ страны вмѣстѣ воевали въ Китаѣ. Еще съ самаго начала сирійскаго занятія приняты были мѣры, чтобы парализовать французское вліяніе въ Сиріи: учреждена была европейская коммисія для разбора дѣлъ въ дружественной и будто бы самостоятельной державѣ, и первымъ лицомъ въ ней былъ лордъ Дюфферинъ, человекъ весьма молодой, но хорошо проникнутый естественною англійскою враждою къ французамъ; и глубокимъ пренебреженіемъ или даже презрѣніемъ къ всѣмъ народамъ, кромѣ своей.

Такимъ образомъ французы покинули въ Сиріи, и 4 Іюня уѣдутъ домой, а называемая независимою Турція выпуститъ еще на 1250 мил. піестровъ бумажныхъ денегъ, безъ ручательства дружественныхъ державъ за эти бумажки, которыя разорятъ страну уже окончательно. Но отступленіе изъ Сиріи, послѣ безплодной стоянки, нисколько не сконфузитъ французовъ. Они сочинятъ по этому случаю нѣсколько пьесъ, устроятъ торжественный прѣмъ для возвращающихся войскъ и потомъ въ запуски будутъ прославлять свои подвиги на востокѣ, точно также какъ теперь прославляютъ свои подвиги въ Кохинхинѣ, въ окрестностяхъ Сайгуна. Между тѣмъ въ Сиріи слухъ о скоромъ выступленіи французовъ навелъ ужасъ на все тамошнее европейское и христіанское населеніе, а турки, напротивъ, очень рады. Они говорятъ, что въ лагерѣ гяуровъ начался раздоръ, что они на это рассчитывали, что всегда такъ и было, когда всѣ они были противъ Турціи: «Опасность для насъ велика, говоритъ турки, — когда они всѣ вмѣстѣ хотятъ намъ добра; но когда они соглашаются, чтобы отъ насъ

что-нибудь вытребовать, мы можем спать спокойно, потому что едва они соединятся, какъ вцѣплятся другъ другу въ волосы». Въ самомъ дѣлѣ, европейская коммисія, какъ нарочно, не сдѣлала ровно ничего, чтобы не показать туркамъ, будто комиссары посягаютъ на самостоятельность Турція или дѣйствуютъ подѣ страхомъ французскихъ войскъ. Виновные въ избіеніи христіанъ до сихъ поръ еще не наказаны, а наследникамъ убитыхъ не возвращены имущества; не принято никакой мѣры для предупрежденія новаго избіенія, и рѣшенія будетъ навѣрное, какъ только христіанскія войска съдутъ на корабли. Но для Англіи, это обстоятельство не важно. Въ герцогѣ, исполненномъ достоинства сознаниіи своихъ силъ, въ могущественномъ, ясномъ, четкомъ, расчетливомъ своемъ эгоизмѣ, Англія требуетъ удаленія христіанскихъ войскъ, во что бы то ни стало. Христіанское населеніе въ ужасѣ. Прошеніе съ 323 подписями, подано европейской коммисіи о томъ, чтобы христіанскія войска остались въ Сиріи. Между подписями встрѣчаются имена русскихъ, англійскихъ купцовъ и промышленниковъ, живущихъ въ Бейрутѣ и на Ливанѣ, имена купцовъ французскихъ, греческихъ, итальянскихъ, русскихъ, швейцарскихъ, и другихъ. Сначала они благодарятъ за присылку въ Сирію христіанскихъ войскъ, и прибавляютъ: «Исполняя долгъ сочувствія къ несчастному христіанскому населенію, столь жестоко пострадавшему, нижеподписавшіеся считаютъ тоже своимъ долгомъ пояснить, что если вмѣшательство Европы на нѣкоторое время дало безопасность и остановило рѣзню, то до сихъ поръ еще не принято никакой удовлетворительной мѣры, чтобы изгладить слѣды убійствъ и предотвратить ихъ возвращеніе. Десять мѣсяцевъ прошло со времени этихъ несчастныхъ событій, а несчастныя жертвы до сихъ поръ получили только обѣщанія воображаемыхъ вознагражденій. Большая часть виновныхъ еще не наказана; а наказаніе нужно и по требованію справедливости, и по требованію общественнаго мнѣнія. Неизбѣжное условіе лучшей будущности, вопросъ о преобразованіи управленія краемъ, до сихъ поръ не рѣшенъ. Такимъ образомъ, положеніе Сиріи теперь хуже того, какое было вслѣдъ за рѣзней, когда населенія ищли нравственную поддержку въ надеждахъ своихъ на заступничество Европы... Нынѣшнее положеніе Сиріи болѣе прежняго требуетъ вниманія Европы, требуетъ продолженія европейскаго вліянія, требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для предупрежденія окончательнаго разоренія всего здѣшняго края... Но все это для Англіи не важно: дѣло только въ томъ, чтобы французскія войска не остались болѣе въ Сиріи. Напрасно Франція предлагаетъ Англіи соединить войска, чтобы Сирію занимали не одни французы; напрасно

турецкія власти дружатся съ тѣми лицами, на которыхъ теперь лежатъ самыя тяжкія обвиненія : Англія требуетъ, чтобы французскія войска удалались изъ Сиріи... Дѣло въ томъ, что Сирія лежитъ на пути въ Индію, что здѣсь же недалеко проканывається Суэцскій перешеекъ.

Франція отступаетъ, но съ достоинствомъ; по крайней мѣрѣ дѣпеша г. Тувенеля къ французскому посланнику въ Константинополь, маркизу Лавалетту, написана весьма ловко и была встрѣчена громами рукоплесканіями; когда читалъ ее г. Билье въ засѣданіи сената 15 мая.

«Господинъ маркизь, императоръ отдалъ приказъ очистить Сирію въ срокъ назначенный конвенціею 19 марта. Проси васъ сообщить объ этомъ Портѣ, я долженъ, соображаясь съ наміреніями его величества, просить васъ снова обратить вниманіе министровъ султана на обязанности, возлагаемыя на нихъ отбытіемъ нашихъ войскъ. — Франція приняла порученіе, довѣренное ей въ Сиріи великими державами, изъ одного чувства человѣколюбія, имѣя въ виду оставить кровопролитіе и предупредить еще большія несчастія. Мы исполнили это порученіе безъ задней мысли, совершенно честно; мы посвятили всѣ свои усилія на исполненіе предположеній Европы. Намъ хотѣлось бы установить порядокъ въ такихъ условіяхъ и съ такими ручательствами, чтобы можно было надѣяться на поддержаніе порядка и послѣ отбытія нашихъ войскъ. — По нашему мнѣнію, какъ мы говорили и все еще продолжаемъ думать, для нормальнаго обезпеченія безопасности христіанъ въ Сиріи, надо было бы уйти нашимъ войскамъ послѣ окончательнаго исполненія всѣхъ политическихъ и административныхъ мѣръ, которыя необходимы для прочнаго дѣйствія властей. Если бы Порта вамъ помогала и въ этомъ конечно заключалась бы выгода, великія державы единодушно раздѣляли бы нашъ взглядъ. — Но Порта сочла лучшимъ требовать себѣ одной всѣхъ заботъ о сохраненіи мира, и ее уполномоченный увѣрялъ, что она имѣетъ на это всѣ средства. Его утвержденія въ этомъ смыслѣ были такъ формальны и рѣшительны, что конференція должна была имъ повѣрить, и въ послѣднихъ совѣщаніяхъ положено только продолжить занятіе на три мѣсяца. — Такимъ образомъ оттоманское правительство приняло на себя отвѣтственность за исполненіе тѣхъ обязанностей, которыя мы имѣемъ основанія ей указать, оставляя Сирію. При помощи пожертвованій, о которыхъ Франція никогда не будетъ жалѣть, если населенія воспользуются ихъ плодами, императорское правительство помогло водворить порядокъ въ этой области, и не потерпѣть, чтобы тамъ опять начались беспорядки. Если бы это

случилось, до обществоннаго мнѣнія Европы возстадо бы: что значитъ бы, что оттоманское правительство безсильно и придется дѣйствовать за него. — Если Порты не придумаетъ новой комбинаціи, мы должны очистить Сирію въ силу обязательства, котораго мы не можемъ не исполнить, не нарушая святости трактата; въ силу этого акта, мы дали помощь своими войсками, и не можемъ отказаться отъ вызова дѣла до истеченія условленнаго срока; къ тому же мы обязались дать необходимыя силы для занятія Сиріи во имя всей Европы, вѣдѣть, и намъ нельзя измѣнить характера взятаго на себя, подученія. Мы спрашивали себя, не полезно ли будетъ предложить намъ еще на новый срокъ отложить занятіе. — Но пренія по поводу первой отсрочки занятія и неизмѣнныя объявленія Порты показали намъ, что предложеніе новой отсрочки будетъ несомѣстно съ нашимъ достоинствомъ: только султанское правительство, лучше понимающее свои выгоды, могло бы войти съ такимъ предложеніемъ. И такъ мы очистимъ Сирію въ срокъ, назначенный царскимъ трактатомъ; но передъ этимъ мы должны явно выразить свои опасенія и рекомендовать Портѣ доказать, что она располагаетъ, какъ она говоритъ, необходимыми средствами для защиты христіанъ отъ возвращенія бѣдствій ими испытанныхъ. — Такимъ образомъ мы исполнимъ всѣ свои обязанности: съ одной стороны, мы изложили державамъ почему мы считаемъ очищеніе Сиріи преждевременнымъ, до административнаго преобразованія Ливана; съ другой, — мы вслѣдствіе заботились о внушеніи Портѣ всего того, что нужно для исполненія обязанностей благоустроеннаго правительства относительно подданныхъ. Имѣя въ виду свой трактатъ, мы ничего не могли сдѣлать болѣе, и теперь ответственность лежитъ не на насъ, но самое истеченіе того времени, когда мы были связаны соглашеніемъ съ другими кабинетами, возвращаетъ намъ полную свободу взглядовъ и дѣйствій. — Поэтому мы будемъ имѣть право разсматривать, въ всякихъ особенныхъ условіяхъ, событія, могущія возникнуть въ Сиріи, и мы не имѣемъ нужды скрывать отъ Порты, что вѣковыя преданія возлагаютъ на насъ обязанность подать ливанскимъ христіанамъ дѣйствительную помощь противъ новыхъ преслѣдованій. — Объяснитесь въ этомъ смыслѣ съ Ади-пашой, прочтите ему эту депешу и оставьте съ нея копию.

Въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣній мы привели довольно подробное извлеченіе изъ рѣчи принца Наполеона, произнесенной въ сенатѣ. Эта рѣчь имѣла тогда много шуму; говорили, что она есть точное выраженіе мнѣній самаго правительства; одинъ изъ министровъ на другой же день разослалъ ее ко всѣмъ префектамъ, а потомъ самъ императоръ не одобрилъ смысла рѣчи принца; по

крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ говорилось о Римѣ и о свѣтской власти папы. Вдругъ явилась въ продажѣ небольшая брошюра, подъ заглавіемъ: «Письмо объ исторіи Франціи».

Она поступила въ продажу утромъ, а вечеромъ была запрещена, и не большое число оставшихся отъ продажи экземпляровъ было конфисковано. На другой же день въ Монитерѣ появилось письмо принца Наполеона, которымъ онъ проситъ императора оставить преслѣдованіе брошюры, «потому что, прибавляетъ онъ, — задуть не значить отвѣтить». Тѣмъ не менѣе запрещеніе не было снято, а издатель брошюры и хозяинъ типографіи, въ которой она печаталась, потребованы къ суду.

4 мая происходилъ судъ. Адвокатъ Геберъ защищалъ г. Дюминера, издателя, обвиняемаго въ возбужденіи къ ненависти и презрѣнію правительства изданіемъ брошюры: письмо объ исторіи Франціи принца Омальскаго. Адвокатъ Дюфоръ защищалъ г. Бо, типографщика, обвиняемаго въ участіи въ томъ же преступленіи тѣмъ, что далъ свои станки. Императорскій адвокатъ Дюкрѣ былъ обвинителемъ. Вотъ вкратцѣ его слова: «Политическія обстоятельства, которыя мы только что пережили, породили въ послѣдніе мѣсяцы множество брошюръ; многія изъ нихъ съ живостью нападали на дѣйствія и поведеніе правительства; эти нападенія могли происходить совершенно свободно. Правительство хотѣло, чтобы изъ всѣхъ споровъ, какъ бы они страстны ни были, возникла истина. Но въ послѣдніе дни явилась брошюра, которая рѣшилась нападать на императорское правительство въ самой его сущности. Это сочиненіе облыжало правительство къ преслѣдованію. Стражи закона не могли позволить, чтобы онъ былъ такъ оскорбительно нарушаемъ. Правительство, трижды утвержденное единодушными голосами страны, не могло позволить нападенія на самыя основанія своей силы, то есть на націю. Бездѣйствіе въ такомъ случаѣ было бы слабостью. Сначала, по заглавію и подписи, можно было думать, что это простой отвѣтъ на рѣчь, произнесенную въ сенатѣ; но вскорѣ, съ первыхъ же страницъ оказывалось, что это не иное что, какъ памфлетъ, какъ политическій манифестъ. Поэтому, нельзя было порываться желанію е. и в. принца Наполеона. Онъ хотѣлъ, чтобы одно общественное мнѣніе было судью нападеній, заключающихся въ манифестъ...»

Далѣе, императорскій адвокатъ переходитъ къ обвиненію: «Что касается до обвиняемыхъ, то они опыты въ своемъ дѣлѣ; они сдѣлались холодными орудіями самыхъ сильныхъ политическихъ страстей; они бросили въ публичку сочиненіе, которое должно было

посѣять волненіе; они, очевидно, принимаютъ участіе въ этихъ страстяхъ; но они также хотѣли и денегъ; это изданіе было съ ихъ стороны спекуляціей, разсчитанною на рискъ. Принципы наши осуждаются: содержаніе книги сосредоточено въ послѣднемъ параграфѣ, гдѣ авторъ, указывая на дурные пути правительства, предполагаетъ, что когда-нибудь страна встанетъ, какъ одинъ человекъ и скажетъ государю, причинившему все зло: «что сдѣлали вы изъ Франціи?» Теперешняя Франція представляетъ зрѣлище спокойствія въ могуществѣ, и еслибы мы хотѣли провести параллель, то мы указали бы, что представляла Франція подъ другимъ правительствомъ, «тихое движеніе свободныхъ учрежденій» котораго съ такою любовью хвалитъ авторъ; тамъ мы найдемъ только кровавыя возмущенія, возстаніе Ванден, осадное положеніе, и ужъ я не говорю о раздорахъ между тѣмъ, что называли мыслью личною и мыслью представителей страны».

Далѣе императорскій адвокатъ показываетъ какъ много зла сдѣлало Франціи правительство Людовика-Филиппа, и сколькими благодѣяніями осыпана страна императоромъ. Особенно сильно налегаетъ онъ на воинскую славу, на лавры, пожатыя подъ Севастополемъ, на поляхъ Мадженты, Сольферино, въ Китаѣ, въ Римѣ, въ Кохинхинѣ. Онъ кончилъ свою рѣчь словами: «что сдѣлали вы изъ Франціи? — Франція теперь уважаема и любима всѣми, и отнынѣ впредь безъ ея позволенія не будетъ сдѣлано въ мірѣ ни одного пушечнаго выстрѣла. Что мы сдѣлали изъ Франціи? — Мы сдѣлали страну, которая гордится своимъ правительствомъ и имѣетъ къ нему законное довѣріе!»

Защищать издателя Дюминера долженъ былъ адвокатъ Дюфоръ. Дѣло было въ высшей степени трудное. Законъ требуетъ, чтобъ обвиняемый былъ защищаемъ во всякомъ случаѣ, если даже это обыкновенный разбойникъ, сознавшійся въ своихъ преступленіяхъ. Императорскій адвокатъ говорилъ долго, но все что онъ говорилъ, относилось къ правительству покойнаго короля съ дурной стороны, а къ нынѣшнему правительству — съ хорошей. Въ защиту издателя можно было бы сказать, что это у него торговое дѣло, и если товаръ не нравится — не покупайте, а если онъ считается почему-то вреднымъ — отберите его и пресѣдайте автора, составителя ядовитаго товара. Но составителя достать нельзя, и потому надо наказать издателя. Къ тому же адвокатскія привычки и преданія требуютъ, чтобы защита подсудимаго была отвѣтомъ на обвиненіе, хотя бы въ обвиненіи было говорено много посторонняго, не относящагося къ дѣлу. Поэтому приходится ему защищать правительство покойнаго короля, показывать слабыя

сторонны и бѣднѣе и защищать не издателя, а самого автора, хотя о немъ въ судѣ исправительной полиціи не могло быть рѣчи. Но дѣло это было въ высшей степени щеголяво; это было что то въ родѣ опасныхъ гимнастическихъ упражненій, въ родѣ пляски на полу, утыканномъ лезвьями кнжалоу.

«Г. Дюминерэ обвиняется, говорилъ онъ, — въ намѣренномъ возбужденіи ненависти къ правительству; говорятъ, онъ не могъ ошибаться касательно значенія и цѣли издавнаго имъ сочиненія, касательно впечатлѣнія, какое оно должно было произвести. Позвольте отвѣчать на это, что впечатлѣніе было далеко не такъ единодушно, какъ говорятъ; и въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ было дѣло. Въ пятницу, 12-го, брошюра сообщена въ присутственное мѣсто въ Версали, которое передало ее въ Парижъ, гдѣ было довольно времени для ея прочтенія, и только въ субботу, въ часъ пополудни, черезъ двадцать пять часовъ послѣ предъявленія брошюры куда слѣдуетъ, она поступила въ продажу, и гдѣ же? въ самомъ бойкомъ мѣстѣ Парижа. Только въ половинѣ шестого въ тотъ же день подписанъ приказъ объ отобраніи брошюры, когда уже все изданіе было продано. Чему слѣдуетъ приписать это? Ужъ конечно не небрежности, не равнодушію агентовъ правительства. Нѣтъ: тому же чувству, какое было у всякаго, что нападеніе оправдываетъ отвѣтъ; всякій видѣлъ въ этомъ естественное право защиты, право данное какому бы то ни было оскорбленному. Въ воскресенье является Мониторъ, съ примѣчаніемъ о запрещеніи брошюры, а черезъ два дня принцъ Наполеонъ, отказываясь отъ удовлетворенія, по крайней мѣрѣ законнымъ путемъ, пишетъ письмо, напечатанное въ Мониторѣ, и проситъ о снятіи запрещенія, и тутъ же называетъ брошюру памфлетомъ, манифестомъ. Здѣсь я слышу, что принцы Орлеанскіе сравниваются съ Стюартами, составлявшими заговоры въ чужихъ земляхъ.

«Есть ли во всей жизни этихъ принцевъ хотя одинъ поступокъ, который могъ бы оправдать подобное обвиненіе, когда Франція не можетъ сдѣлать имъ ни малѣйшаго упрека? Они живутъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ совершенномъ уединеніи, пользуются общимъ уваженіемъ, группируются вокругъ матери, испытанной въ изгнаніи столькими горестями и столькими людскими несправедливостями. Слышали ли отъ нихъ ктонибудь малѣйшій ронотъ? Былъ ли хѣтъ малѣйшій признакъ заговора? А между тѣмъ они безпрестанно были изыскиваемы, и газетными статьями, и людьми, которые прежде были у нихъ въ службѣ. Отвѣчали ли они когданибудь? Нѣтъ. Правда, въ одной изъ многихъ брошюръ, написанныхъ въ отвѣтъ на ту, которую преслѣдуетъ теперь генеральный адвокатъ, замѣчено было, что принцы Орлеанскіе имѣли право печатать во Франціи; да, они

напечатали въ *Revue des Deux Mondes* три замѣчательные статьи: принцъ Жуавильскій — о французскомъ флотѣ, принцъ Омальскій о пѣшихъ егеряхъ, о зуавахъ, и ученую диссертацию объ *Алезисъ* Цесаря. Можно ли указать въ этихъ сочиненіяхъ хотя одно какое нибудь слово порицанія или нападенія противъ императорскаго правительства? Нѣтъ ни малѣйшей возможности отыскать тамъ другое чувство, кромѣ любви къ отечеству и желанія ему величія. Тамъ встрѣчаются похвалы нашимъ генераламъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали; тамъ хвалятъ Кавеньяка, Канробера, Сент-Арно, но больше всего хвалятъ нашихъ храбрыхъ солдатъ; вездѣ духъ самый безпристрастный, тонъ спокойный, исполненный достоинства, и одна только страсть, именно пламенная страсть къ славѣ и счастію Франціи. Не знаю, какія доказательства собралъ г. императорскій адвокатъ противъ Стюартовъ, составляющихъ въ чужихъ земляхъ заговоры; но я ручаюсь, что онъ не приведетъ ни одного противъ принцевъ орлеанскаго дома. У насъ бывали претенденты, и когда они составляли за границей заговоры, я спрашиваю васъ, не иначе ли это дѣлалось? У нихъ были тайные типографскіе станки, даже свои журналы; они употребляли въ дѣло тысячи другихъ, болѣе сильныхъ средствъ, о которыхъ и не хочу напоминать, и которыя тоже могли бы быть употреблены принцами орлеанскими. Зачѣмъ же они ожидали бы 1861 года, чтобы пустить орлеанскій манифестъ? Мы вѣдь знаемъ теперь, что это манифестъ. Не видали ли мы довольно манифестовъ, которые авторы принуждены были покинуть, когда счастье возводило ихъ на престолъ? Трибуналь прочтетъ эту брошюру и оцѣнитъ отвѣтственность Дюминерэ, какъ издателя. Онъ найдетъ въ ней живыя нападенія въ отвѣтъ на сильные вызовы, но не найдетъ ничего похожаго на манифестъ. Но если это не манифестъ, то что же это такое? Это отвѣтъ, въ которомъ оскорбленный отвѣчаетъ на вызовъ; но я не забываю кліента, за котораго говорю, и если это чувство защиты чество, то издатель виновенъ ли въ томъ, что раздвѣлялъ его? Или, доводя дѣло до простѣйшихъ выраженій, я спрашиваю васъ: на меня нападаютъ; я беру оружіе друга для защиты. Станутъ ли преслѣдовать друга за то, что онъ далъ мнѣ оружіе? — Я утверждаю, что былъ вызовъ. Въ засѣданіи сената 1 марта была произнесена важная рѣчь. Ораторъ предлагалъ разрѣшеніе римскаго вопроса, защищая единство Италіи. Не мого дѣло говорить, какъ разобранъ былъ вопросъ, но всякій пойметъ, что онъ могъ быть разобранъ, не касаясь принцевъ орлеанскихъ. Пусть при случаѣ говорилось о Бурбонахъ неаполитанскихъ; но зачѣмъ же замѣшались сюда Бурбоны французскіе? — Трибуналь знаетъ, какъ сильно распространена была эта рѣчь; известно, что

министръ разослалъ префектамъ депешу въ тотъ же день: «Великолѣпная рѣчь произнесена его императорскимъ высочесномъ принцемъ Наполеономъ; она произвела огромное впечатлѣніе.» И у дверей каждой церкви во Франціи можно было читать эту великолѣпную рѣчь, какъ читаются императорскія прокламаціи. Этотъ исключительный способъ распространенія, развѣ не прибавляетъ къ вызову? Но это мамъ какъ будто бы говорить: вы можете отвѣчать, даже нападать на принца Наполеона; но не нападайте на правительство. Мой отвѣтъ готовъ; когда правительство присвоило себѣ рѣчь, эти нападенія были законны. И развѣ ораторъ не отъ имени правительства говорилъ: мы удивляемся Гарибальди, мы даемъ только свое сожалѣніе королю неаполитанскому... мы васъ разстрѣляемъ... Послушать, такъ подумаешь, что принцъ Наполеонъ все сдѣлалъ въ Италіи, и тогда, отвѣчая ему, надо было разъяснять факты, въ которыхъ онъ принималъ такое участіе. (Улыбки.) Сейчасъ находили удобнымъ сравнить правительство іюльское съ императорскимъ; насъ тутъ вызываютъ. Я спрашиваю трибуналъ, имѣю ли я право хвалить то, что сейчасъ порицали? Вы знаете, что нѣтъ. Я признаю въ своемъ безсиліи; но вы знаете свойство этого безсилія. Вы легко одержали побѣду. Увѣраю васъ, что издавая брошюру, г. Дюминера весьма мало заботился о томъ, что было въ 1840 г. Обязанный его защищать, я буду ему подражать, и займусь только брошюрой и заключающимися въ ней порицаніями. Если бы эти порицанія и были несправедливы, то они не преступленія. Спрашивается, преступленіе ли — сказать о правительствѣ, что оно двуличное правительство? Развѣ тотъ же самый упрекъ не былъ обращенъ лорду Пальмерстону въ Англіи, г. Кавуру въ Сардиніи, г. Рожье въ Бельгіи? Правительства эти обижались? Нѣтъ, нисколько. А почему? Я вамъ скажу это, или вѣрнѣе, вы уже сами это говорите: нынче отвѣтственность перемѣщена, и съ подобнымъ упрекомъ нельзя безъ брѣшней несправедливости обратиться къ г. Валуевскому; отвѣтственность идетъ выше. Но что говоритъ принцъ Омальскій отличается ли отъ того, что говорилъ въ законодательной палатѣ г. Келлеръ, упрекая правительство въ томъ, что оно давало нарѣзныя пушки г. Кавуру и корону королю неаполитанскому? Нашъ почтенный товарищъ г. Фавръ пошелъ еще дальше: онъ говорилъ о политикѣ неблагогородной; но самъ принцъ Наполеонъ, въ своей рѣчи упрекаетъ г. Кавура въ недостатокъ откровенности и прибавляетъ, что онъ въ этомъ случаѣ подражаетъ французскому правительству. Если же намъ видѣть въ подобномъ упрекѣ возбужденіе къ венадисту, то, значитъ, всякое политическое преніе заключаетъ въ себѣ преступленіе. Остается сдѣлать одно замѣчаніе; но я считаю его важ-

нымъ. Въ нашихъ правахъ есть, какъ вамъ известно, принципъ, состоя-
 шеея въ слѣдствіе умственнаго движенія двухъ послѣднихъ вѣковъ.
 Когда обвиняемый находится подъ рукою правосудія, то вокругъ
 него все смолкаетъ; ни кому не придетъ въ голову его обвинять.
 Это чувство благородное. Принцъ сказалъ: «задушить не значитъ
 отвѣтить!» «Задушить — выраженіе не мое; оно принадлежитъ прин-
 цу. Вы понимаете, что онъ хотѣлъ сказать. А между тѣмъ не огра-
 ничились тѣмъ, что задушили: и задушили, и отвѣчали, и преслѣ-
 дуютъ судомъ. Вамъ известно, что въ Парижѣ есть цѣлая фабрика
 безымянныхъ брошюръ, изъ которыхъ нѣкоторыя проходятъ неза-
 мѣченными, а другія безнокоютъ Францію и пугаютъ Европу. Вотъ
 девять брошюръ, большею частью безымянныхъ, которыя всѣ
 имѣютъ претензію опровергать сочиненіе принца Омальскаго. Нѣ-
 которыя имѣютъ заглавія, легко вводящія публику въ обманъ: такъ
 одна изъ нихъ называется: брошюра принца Омальскаго. Многие
 думаютъ, что это и есть настоящая брошюра; она продана въ числѣ
 нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Авторы этихъ сочиненій не
 имѣютъ большого вкуса къ свободѣ, за то имѣютъ страстную лю-
 бовь къ законности. Эти брошюры обидны особенно потому, что
 искажаютъ мѣста изъ сочиненія принца и потомъ искаженное опро-
 вергаютъ. Въ одной я читаю, что принцъ Омальскій всегда былъ
 грубъ съ солдатами, потомучто не понималъ ихъ никогда... Въ дру-
 гомъ мѣстѣ его представляютъ сторонникомъ контръ-революціи,
 который хлопочетъ объ иностранномъ вторженіи. Я не прошу преслѣ-
 довать эти брошюры; но я прошу, чтобы теперь же снова было
 пущено въ обращеніе сочиненіе принца Омальскаго. Правда, я за-
 щитаю здѣсь не его высочество принца Омальскаго; но я невольно
 становлюсь на мѣсто автора, и не могу не сказать, что наша лич-
 ность заключается не въ однихъ только вѣдшихъ актахъ, но въ
 особенности и прежде всего, въ чувствахъ, въ мысляхъ, насъ со-
 влечающихъ. Исказить мысли и чувства честнаго человека, это зна-
 чить — прибавлять еще горечь къ горю изгнанія. Но я кончаю сло-
 вами писателя высокостоящаго: «Остерегайся, говоритъ онъ из-
 гнаннику (сочиненія Наполеона III, томъ I, стр. 404), остерегайся
 каждаго слова, вылетающаго изъ твоей груди, каждаго вздоха твое-
 го сердца, потомучто есть люди; получающіе жалованье за вы-
 женіе твоихъ словъ и твоихъ вздоховъ... Если клеветаютъ на тебя,
 не отвѣчай; если оскорбляютъ тебя, молчи, потомучто органы инди-
 видуальности для тебя закрыты; они не примутъ твоихъ возраженій.
 Изгнанникъ долженъ страдать не жаловаться; правосудіе для него не
 существуетъ...» Эти слова, — прибавилъ г. Дюсоръ, я ихъ читаю
 маю, какъ горькую жалобу изгнанника; я не понималъ бы ихъ иначе

правительственную программу подъ управленіемъ изгнанника, сдѣлавшагося императоромъ.»

Защита г. Гебера была менѣе удачна. Говоря въ пользу типографщика, г. Бо, онъ все старался увѣрить судей, что сочиненіе его высочества принца Омальскаго есть благородное и законное опроверженіе нападокъ, а мѣста брошюры, на которыя особенно обращено вниманіе правосудія, суть справедливыя поправки, а дѣло типографщика — распространять все, что справедливо, что добро, и потому г. Бо не можетъ быть обвиненъ. Потомъ онъ сталъ объяснять подвергнутыя обвиненію мѣста книги, и счелъ нужнымъ, для лучшаго ихъ уразумѣнія, связать ихъ съ предыдущими и послѣдующими, и прочелъ такимъ образомъ большую часть брошюры.

Кромѣ того, адвокатъ прочелъ нѣсколько рѣзкихъ отрывковъ изъ сочиненія принца Людовика-Наполеона, который въ 1839 году, точно также какъ теперь принцъ Омальскій, провелъ сравненіе между дѣяніями перваго императора и дѣяніями Людовика-Филиппа. «Это сочиненіе явдось во Франціи свободно, въ то время, когда возмущеніе только что было подавлено однимъ дѣйствіемъ національной гвардіи. Это сочиненіе написано было изгнанникомъ, несчастнымъ, и типографщика и издателя поэтому случаю не безпокоили...»

Вслѣдствіе всего этого, Дюминера, издатель, приговоренъ къ годичному тюремному заключенію и штрафу въ 5000 франковъ, а Бо, типографщикъ, къ шестимѣсячному тюремному заключенію и тоже штрафу въ 5000 франковъ; послѣ чего засѣданіе было закрыто.

Для англійскихъ газетъ, пользующихся неограниченнымъ правомъ хвалить и порицать все, что онѣ находятъ достойнымъ похвалы или порицанія, такая строгость совершенно непостижима. «Такъ вотъ они, хааленые принципы 1789 года, говоритъ газета *Sun*, на которыя безпрестанно ссылается и ежеминутно опирается французское правительство; но мы напрасно искали въ учрежденіяхъ этого великаго года такого закона, который оправдалъ бы тюремное заключеніе гг. Дюминера и Бо; оказывается, что принципы 1789 г. содѣйствіе иные, а типографщикъ попалъ въ тюрьму въ силу 4 статьи декрета 11 августа 1848 года. Это гораздо ближе, и нечего далеко ходить за объясненіемъ. Тогда какъ же объяснить поминутныя ссылки на великіе принципы, тогда какъ на дѣлѣ исполняется другое, противное? Какъ же назвать это, какъ не двуличностью, безпринципнымъ обманомъ бѣлыхъ гражданъ, которые до сихъ поръ еще на столько ребячески смотрятъ на вещи, что не повищаютъ, куда ведутъ ихъ надѣшніе порядки. Въ такомъ положеніи вещей, націи живутъ не надолго. Кто постоянно употребляетъ корсетъ, тому не-

волью кажется, что онъ очень крѣпко и прямо держится. Но корсетъ спадаетъ, и оказывается, что развитіе искажено, организмъ слабъ, самъ собою не держится, и много времени, много усилий нужно на то, чтобы окрѣпло обезспяленное имъ тѣло. Крѣпко ошибается тотъ кто думаетъ, что Франція своимъ благосостояніемъ въ своихъ бѣдствіяхъ обязана высшимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Последнія имѣютъ лишь незначительное вліяніе на какія-нибудь ничтожныя насущныя мелочи. Но высшая сущность государственнаго быта вся цѣликомъ зависитъ отъ болѣе или менѣе разумной дѣятельности угасшаго поколѣнія, такъ что напр. въ концѣ Людовика XIV слѣдуетъ, по настоящему, называть не то время, въ которое онъ жилъ, а то, въ которое слѣдующее поколѣніе исправляло и поправляло его ошибки, конечно прибавляя къ нимъ и своихъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что по снятіи корсета, страна не въ состояніи будетъ стоять прямо, и тогда, проклиная свое настоящее, найдется, что вся воинская слава, вмѣстѣ съ полицейскимъ тщеславіемъ, что безъ нашего позволенія не грянетъ ни одна пушка, не стоитъ одного исправнаго плуга съ парой добрыхъ лошадей.

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА

Хитро придуманная машина австрійской конституціи начинаетъ приводиться въ исполненіе; но не вся машина еще собрана; отдѣльныя части дѣйствуютъ болѣе или менѣе исправно, а цѣлостная машина еще нѣтъ. Будущность имперіи будетъ обезпечена въ то время, когда всѣ пружины начнутъ дѣйствовать совокупно, согласово, въ одномъ направленіи. Во всѣхъ королевствахъ и областяхъ имперіи открыты провинціальныя сеймы, и такъ какъ большинство австрійскаго народонаселенія — славяне, то теперь стремленіе каждой изъ мелкихъ славянскихъ народностей къ самостоятельности обнаруживается съ большою силою. Славянскія земли, приписанныя произвольнымъ образомъ къ Венгріи, и тѣ, которыя мадьярами были когда-то завоеваны, поднимаютъ голосъ, хотятъ быть самими собою на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ того хочетъ сама Венгрія. Сторонники отдѣленія Венгріи увѣряютъ, что австрійское правительство, по старинному правилу *divide et impera*, и въ настоящее старается посорить славянъ съ мадьярами, чтобы такимъ образомъ однихъ держать въ рукахъ посредствомъ другихъ. Это большая ошибка, потому что въ самой крови между мадьярами и славянами гораздо больше разницы или, если можно такъ выразиться, разности, чѣмъ между нѣмцами и славянами. По привычкамъ и въко-

Вѣкъ преданіямъ, славяне одарены инстинктами демократическими, и если у нѣкоторыхъ вѣтвей этого племени развивались принципы аристократическіе, то это лишь случайно, вслѣдствіе исключительныхъ историческихъ вліяній. Магьяры по преимуществу имѣютъ инстинкты аристократическіе; магнаты между ними есть что-то въ родѣ полубоговъ, и въ общественномъ мнѣніи они стоятъ на высотѣ недостижимой, выше нежели лорды въ Англіи. У нихъ человѣкъ уважается не за достоинства свои, не за добродѣтели, даже не за деньги, а за то только, что онъ носитъ такую или другую фамилію, хотя большая часть магнатовъ оченъ богаты. За то же и каждый мадьяръ, безъ исключенія, знатенъ онъ или нѣтъ, считаетъ себя магнатомъ относительно вѣнца, итальянца, славянина, француза, англичанина, и т. д. Дикому, кочевому народу, мадьярамъ, выпалъ случай покорить смиренныхъ земледѣльцевъ, славянъ; съ тѣхъ поръ для мадьяра славянинъ не человѣкъ, и это не въ переносномъ какомъ-нибудь смыслѣ, а въ самомъ дѣлѣ и на это есть даже коренная, древняя поговорка; въ первыя времена мадьярскаго вторженія славянина убивали равнодушнѣе, нежели собаку, и мадьяры въ славянской странѣ бушевали несравненно свирѣдѣе, чѣмъ у насъ татары. Но къ несчастью для славянъ, они тамъ остались, тогда какъ насъ татары оставили. Потомъ исторія Венгріи сложилась весьма для нея благопріятно. Страшные во время вторженія угры или угры, или венгры, долгое время были страшилищемъ Европы; потомъ Стефанъ ввелъ въ своей странѣ христіанство, холмилъ войною на тѣхъ непокорныхъ, которые не хотѣли креститься, истребилъ въ этихъ войнахъ множество народу, и получилъ отъ папы Сильвестра II ту корону, которая составляетъ теперь верхнюю часть *свѣщенной венгерской короны*. Стефанъ началъ называть свои владѣнія королевствомъ, раздѣлилъ его на 72 комитата или палативата и поручилъ ихъ палатинамъ, зависѣвшимъ только отъ него одного, и управлявшимъ военною и гражданскою частью. Эти палатины, вмѣстѣ съ нѣкоторыми еще прежними магнатами и съ нѣкоторыми позднѣйшими сановниками, составили зародышъ того, что теперь составляетъ тамъ аристократію, которая, среди всѣхъ возможныхъ переворотовъ, съ весьма достойною уваженія твердостью отстаивала свои права и защищала ихъ весьма успѣшно противъ посягательствъ разныхъ королей. Но при этомъ у нихъ, какъ впрочемъ и вездѣ, имѣлось въ виду одно только высшее сословіе, а страны, завоевываемыя и подвластныя мадьярамъ, шли только въ придачу, сверхъ счета. Такъ венгерскіе магнаты съ половины XIV вѣка стали распорядиться Червленною Русью, нынѣшнею Галиціею, которая тогда была завоевана. Одно время Венгрія занимала очень важное мѣсто въ

Европѣ, когда Людовикъ I соединилъ двѣ короны, венгерскую и польскую. Ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ мадьярами-магнатами съ разными королями, ни слова не было упомянуто о подвластныхъ имъ славянахъ, и только въ последнее время, благодаря общему, единому и нераздѣльному гнету австрійскаго правительства, славянскія народности начали выходить изъ-подъ мадьярскаго ига. Венгерское правительство 1848 года сдѣлало ту огромную ошибку, что не признало славянскихъ народностей, не призвало ихъ къ одинаковымъ съ мадьярами правамъ, и по старому обычаю не считало ихъ существующими. Мадьяры дорого заплатили за эту ошибку, но не въ ихъ правахъ было бы исправленіе; они для этого слишкомъ горды, и разъ какъ-то мимоходомъ объявивши, что они примутъ въ соображеніе славянскія народности, занялись исключительно разъясненіемъ своихъ отношеній къ австрійской имперіи и между прочимъ, объясненіями съ своимъ соотечественникомъ, фельдцейхмейстеромъ Бенедеккомъ, нынѣшнимъ главнокомандующимъ австрійскихъ войскъ въ венеціанской области. Г. Бенедекъ издалъ приказъ по арміи, въ которомъ поясняетъ войску его обязанности, сообщаетъ свой взглядъ на событія, и говоритъ, что австрійское правительство встрѣчаетъ много препятствій въ исполненіи своихъ благихъ намѣреній. Исчисляя эти препятствія онъ, между прочимъ, говоритъ о «нѣкоторыхъ трусливыхъ или малодушныхъ (feige) магнатахъ, которые боятся рискнуть своею популярностью, плынуть съ теченіемъ, и въ опасеніяхъ за настоящую минуту, не видятъ, что почва исчезаетъ у нихъ подъ ногами, если они не станутъ съ неустранимостью на сторону короны.

Магнаты тотчасъ же обратили эту муху въ слона; впрочемъ надо замѣтить также, что въ ихъ положеніи это совершенно понятно, тѣмъ болѣе, что самъ фельдцейхмейстеръ родомъ мадьяръ, и этотъ приказъ показался имъ измѣною общему дѣлу. Они точно также печатно отвѣчали г. Бенедекку и, какъ говорится, отдавали его. «Въ приказѣ, напечатанномъ за подписью фельдцейхмейстера Бенедека, заключаются оскорбленія чести мадьяровъ, которые не признаютъ конституціи, данной 26 февраля. Но такъ какъ наше отечество имѣетъ, благодаря Бога, основные законы, завѣщанные намъ предками, въ силу которыхъ Венгрія въ продолженіе многихъ вѣковъ составляла и впредь будетъ составлять королевство независимое, отличное отъ провинцій австрійскихъ; такъ какъ титулъ магната, по ясному смыслу нашихъ уставовъ, принадлежитъ графамъ и баронамъ венгерскимъ и всѣмъ членамъ верхней палаты, означаетъ первое сословіе въ Венгрії и служитъ для именованія магнатовъ собственно венгерскихъ; то ясно, что слова

фельдцейхмейстеръ Бенедекъ: «иногда малодушные мажоры» относятся къ своимъ членамъ сословія венгерскихъ магнатовъ, которые, согласно съ своимъ законнымъ правомъ, считаютъ полезнымъ, при конституціи данной, удержать нашу древнюю венгерскую конституцію, т. е. мы можемъ это утверждать смѣло, но всѣмъ магнатамъ нашего отечества. Мы не станемъ разбирать политическія мнѣнія г. фельдцейхмейстера Бенедекъ, но мы обращаемъ передъ самими собой и передъ нашими соотечественниками, находящимися въ отечества, мы обязаны сказать ясно, что мы обязаны будемъ объявить весьма малодушнымъ всякаго венгерскаго магната, который не былъ бы готовъ каждую минуту защищать конституцію, которую поддерживали наши отцы своею кровью, которой присягали наши короли. Мы были бы обязаны объявить всякому лицу, которое не приметъ въ соображеніе величавости настоящаго положенія и, забывъ положеніе и законы своего отечества, станетъ порицать и будетъ стараться клеветать тѣхъ, кто защищаетъ конституцію, полученную нами отъ предковъ, и законы, утвержденные королемъ въ смыслѣ той же конституціи.» За нѣсколькими еще рѣзкими фразами слѣдуютъ подписи всѣхъ магнатовъ, бывшихъ тогда въ Пестѣ.

На такой строгой урокъ, г. Бенедекъ ничего не отвѣтилъ, и слѣмъ очень хорошо, потому что отвѣчать нечего. Молчаемъ же своимъ онъ признается въ несловности своего приказа.

Магяры теперь поставлены въ странное положеніе, между двумя противорѣчивыми постановленіями. Въ октябрѣ прошлаго года императорскимъ дипломомъ возвращена была Венгріи древняя конституція, а 26 февраля нынѣшняго года, положеніемъ объ учрежденіи государственнаго совѣта, таже самая конституція ограничена относительно двухъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, относительно сбора податей и рекрутскаго набора. По стариннымъ правамъ, подати собираетъ сеймъ; а между тѣмъ по всей Венгріи остались австрійскіе сборщики и требуютъ уплаты постановленныхъ налоговъ. Жители отъ уплаты не отказываются, но съ тѣмъ только, чтобы платить сейму, а правительство требуетъ денегъ, въ силу не октябрскаго диплома, а февральской грамоты. Происходятъ недоразумѣнія, и вотъ послѣднее правительственное распоряженіе по сбору податей: Сначала общины приглашаются внести налоги въ теченіе опредѣленнаго времени, въ императорскую канцелярію податей, подъ страхомъ принудительныхъ мѣръ. Въ случаѣ отказа, въ общину посылается, насчетъ непокорныхъ, коммисія, состоящая изъ двухъ чиновниковъ, знающихъ мѣстный языкъ; при каждой коммисіи достаточное число солдатъ или жанд.

дармовъ, для охраненія крессы. Прибывъ на мѣсто, повиненъ будетъ отъ начальника уплаты уже внесенныхъ суммъ и предельнаго сбора остальныхъ. Если въ теченіе трехъ дней она нечисто добьется, или получитъ результаты неудовлетворительныя, то оставляетъ общину до вступленія военной силы. Община будетъ нести на себѣ воинское занятіе до тѣхъ поръ, пока умалитъ задати. Кто внесетъ слѣдующія съ него деньги, немедленно освобождается отъ воинскаго постоа.

Это мѣра показываетъ весьма трудное положеніе правительства въ Венгріи, потому что сборъ податей вооруженной силой нацѣлываетъ тѣ древнія времена глубокаго заурядства, когда вся сущность обладанія тѣмъ или другимъ краемъ состояла въ равныхъ поборахъ во что бы то ни стало.

А между тѣмъ венгерцы никакъ не хотятъ выйти изъ основныхъ началъ своихъ древнихъ уставовъ и правъ. Товара обременяется адресъ королю, составленный г. Дескомъ. Къ несчастію, онъ такъ великъ, что мы не можемъ привести его здѣсь вполнѣ; но это документъ образцовый во отношеніи изложенія, но твердости принциповъ, по твердой законности и въ тоже время по надлежащей почтительности. Сущность адреса состоитъ въ томъ, что венгерцамъ дають конституцію, но не ту, которая отнята у нихъ; имъ хотять дать конституцію новую и чужую, часть общей конституціи, данной для всей монархіи, тогда какъ имъ не нужна такая, когда есть очень хорошая старая. Дипломъ 26 февраля, навсегда лишаетъ Венгрію старинныхъ ея правъ, въ отношеніи которыхъ всѣ вопросы о налогахъ и о рекрутскихъ наборахъ подлежатъ вѣденію сейма; у страны отнято право устанавливать самой, вмѣстѣ съ королемъ, законы касательно важнѣйшихъ матеріальныхъ и политическихъ вопросовъ. Финансы, кредитъ, таможи, торговля, всѣ эти великіе вопросы народной и политической жизни, отдаютъ вѣденію государственнаго совѣта, будутъ рѣшаемы чужимъ образомъ, съ точки зрѣнія не венгерской, въ видахъ невенгерскихъ интересовъ. Дипломъ ставитъ венгерское правительство въ зависимость отъ австрійскаго, правительства не отвѣтственнаго; но еслибъ оно даже и было отвѣтственно, то не передъ Венгріею, а передъ государственными совѣтомъ, гдѣ венгерскіе интересы не достаточно обезпечены. Когда венгерцы передали габсбургскому дому наследственное право венгерской короны, они сдѣлали это на извѣстныхъ условіяхъ. Въ грамотѣ 1715 года сказано именно, что государь будетъ управлять Венгріею на основаніи законовъ страны настоящихъ и будущихъ. Сказано очень ясно, что государь обязуется соблюдать права, вольности и законы страны во отношеніи

проявлять. Стало-быть прагматическая санкція совершенно ясно утвердила независимость Венгріи. Изъ всѣхъ преемниковъ Карла III, одинъ Іосифъ II царствовалъ неограниченно и не короновался. Но Венгрія никогда и не признавала его законнымъ королемъ, и не только законы его, но и льготы имъ данныя, и привилегіи объявлены уничтоженными и несуществующими. Въ грамотѣ 1790 г., Леопольдъ II признаетъ, что въ Венгріи право давать, отмѣнять и толковать законы принадлежитъ королю, законнымъ образомъ коронованному, вмѣстѣ съ сеймомъ, законно собраннымъ, и имъ сейма этого права нѣтъ. Исключительною властью король пользуется только въ дѣлѣ законовъ. Прагматическая санкція не есть обыкновенный законъ, не хартія пожалованная, не общинае, а основное условіе, заключенное по взаимному согласію обѣихъ сторонъ. Этими условіями венгерцы отказались въ пользу женской линіи габсбургскаго дома отъ права свободно избирать себѣ королей, а Карлъ III обязался исполнить условія, постановленныя націю, т. е. поддерживать независимость правъ, вольностей и законовъ страны. По прекращеніи же, волею Божіею, женской линіи габсбургскаго дома, Венгрія опять выберетъ себѣ короля, независимо отъ германскихъ земель Австріи. Такимъ образомъ Венгрія связана только съ габсбургскимъ домомъ, а не съ нѣмецкими землями Австріи. Короче сказать, вотъ что предлагаетъ г. Деакъ представителю королю:

«Пока представителя Трансильваніи и Кроаціи, которые по закону должны быть на венгерскомъ сеймѣ, въ немъ не присутствуютъ, мы не считаемъ это собраніе получившимъ всѣ свои права, и не можемъ войти въ разсмотрѣніе законовъ, ни въ переговоры о коронованіи. Парламентское устройство, отвѣтственное министерство, свобода печати съ судомъ присяжныхъ, право разсматривать налоги — суть лучшія ручательства конституціонной свободы. Наши законы, утвержденные королемъ, дали намъ эти ручательства; мы никогда не согласимся на отмѣну или на ограниченіе этихъ ручательствъ. По этому мы просимъ какъ можно скорѣйшаго и полнѣйшаго возстановленія законовъ, отмѣненныхъ неограниченною властью, также какъ и отмѣны незаконныхъ постановленій, сдѣланныхъ тою же властью. Пока не будутъ устранены преслѣствія, мѣшающія возвращенію нашихъ соотечественниковъ, изгнанныхъ по политическимъ причинамъ; пока заключенные не будутъ освобождены, а конфискованныя дѣла не будутъ возвращены, мы не повѣримъ ни отмѣненію прежняго порядка, ни уничтоженію конституціи.»

Г. Деакъ кончаетъ свой докладъ словами: «Могущество и велич

чие не суть цѣли власти. Могущество есть только средство; счастье народовъ есть цѣль власти. Если государь вступилъ на путь конституціи, рѣшился твердо слѣдовать этому пути, и желаетъ, чтобы въ сердцахъ снова возникло довѣріе, то онъ вполне одобряетъ наши указанія. Король венгерскій становится королемъ законнымъ только коронованіемъ. А коронованіе подчинено закономъ постановленнымъ условіямъ, которыя должны быть сначала выполнены. Непорочное сохраненіе нашей независимости, повземельная и политическая неприкосновенность страны, возстановленіе сейма сполна, полное возстановленіе основныхъ нашихъ законовъ, нашего парламентскаго устройства, нашего отвѣтственнаго министерства, уничтоженіе всѣхъ послѣдствій неограниченной системы, вотъ первоначальныя условія, безъ которыхъ дойти до соглашенія невозможно.

Не смотря на то, что такой взглядъ на отношенія Венгріи къ имперіи былъ давно извѣстенъ австрійскому правительству, императоръ открылъ засѣданіе государственнаго совѣта безъ венгерскихъ членовъ. Заимствуемъ изъ газеты *Perseveranza* извѣстіе объ этомъ торжествѣ, бышемъ 1 мая и сопровождавшемся ружейною пальбкою и колокольнымъ звономъ.

«Великій камергеръ подалъ императору рѣчь, которую его величество прочелъ сидя, съ непокрытою головою. Въ рѣчи выражается удовольствіе императора по поводу открываемаго собранія и убѣжденіе, что либеральныя учрежденія, совѣтливое исполненіе принциповъ равноправности для всѣхъ населеній имперіи, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участіе представителей въ законодательствѣ будутъ имѣть благотворное вліяніе на преобразование общей монархіи. Въ этой замѣчательной рѣчи не разъ говорилось объ общей монархіи, объ общемъ отечествѣ; даже въ концѣ рѣчи съ угрозою и особенно громкимъ голосомъ императоръ произнесъ, что онъ будетъ энергически подавлять всякое посягательство на общую конституцію, какъ нападеніе на существованіе монархіи.

Члены венгерскаго сейма, стало быть, предувѣдомлены, и имъ остается только представить свой адресъ, чтобы сеймъ былъ закрытъ, потому что ихъ стремленія находятся въ прямомъ противорѣчій съ дипломомъ 20 октября и основными законами 28 февраля. Но что же это будетъ за собраніе представителей, когда они будутъ представлять только половину страны? Тогда выйдетъ, что именно та страна, которая пользуется древнѣйшимъ въ Австріи представительнымъ устройствомъ, вовсе не будетъ имѣть своихъ депутатовъ въ государственномъ совѣтѣ, и будетъ, слѣдовательно, управляться по волѣ меньшинства, состоящаго изъ нѣмецкихъ членовъ. По

путемъ это было и такъ; за то остальная монархія будетъ удерживаться уже совершенно либерально, на прочныхъ основаніяхъ диплома Мюнкъ и законовъ 28 февр. Этого, по крайней мѣрѣ, ожидали страны, приславшія своихъ членовъ въ государственный совѣтъ, саравы, какъ Богемія, гдѣ славянское племя вступило въ братство съ нѣмецкимъ, гдѣ племенная вражда начала гаснуть. Однако имъ пришлось испытать жесточайшее разочарованіе; въ тронной рѣчи сказано, что «положеніе представителей будетъ обозначено при открытіи собранія, если они съумѣютъ дать примѣръ энергической дѣятельности и въ тоже время той власти надъ собою, которая соотвѣтствуетъ принципамъ терпимости». Услышавъ это, каждый членъ почувствовалъ себя неловко, такъ какъ изъ этого ясно слѣдуетъ, что положеніе представителей въ Вѣнѣ далеко не прочно, не обезпечено, когда это надо еще заслужить совершеннымъ усердіемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, стало быть дѣло опасное. Не тутъ же, въ тронной рѣчи, они раньше слышали, что въ «нынѣшнемъ году столь счастливо открывавшаяся дѣятельность сеймовъ не можетъ войти въ силу и принести свои плоды впоследствии; а теперь необходимость разрѣшить многіе важные вопросы общаго интереса въ государственномъ совѣтѣ, вынуждаетъ насъ распустить сеймы». Такъ косятся шумливые и ни къ чему не приведшія конституціонныя новыя Австріи: сеймы на дѣлахъ будутъ распушены, потому что въ государственномъ совѣтѣ надобно рѣшить нѣсколько важныхъ общеприятельныхъ мѣръ; государственный совѣтъ по необходимости будетъ распушенъ, какъ слишкомъ не полный, ибо сеймы, какъ напр. венгерскій и венеціанскій, не слѣдали того, что отъ нихъ требовалось. Оказалось, что очиненія г. Шмерлинга совершенно неудачны, потому что съ первыхъ же засѣданій оказалось нужнымъ сдѣлать въ нихъ значительныя дополненія и измѣненія. При обсужденіи адреса императору, въ засѣданіи 11 мая, одинъ чешскій депутатъ, г. Ригеръ, сказалъ, что онъ проекта адреса не одобряетъ, но думаетъ, что въ своей безцвѣтной и неопредѣленной формѣ, этотъ адресъ пройдетъ безъ большихъ споровъ, съ тѣмъ, чтобы пренія о великихъ принципахъ были отложены до другого случая; но если уже заговорили о принципахъ, то и онъ скажетъ свое слово. Все пренія велись какъ-то торопливо, такъ что въ нихъ далеко не выразились истинныя чувства палаты. Пренія производятъ тягостное впечатлѣніе; по крайней мѣрѣ таково будетъ впечатлѣніе въ странахъ, не имѣющихъ представителей въ палатѣ. Здѣсь, въ галереѣ, продолжаетъ ораторъ, я видѣлъ представителей Кроаціи, которые пріѣхали къ его величеству въ качествѣ депутатовъ. Спрашивается, какое впечатлѣніе вынесутъ эти господа изъ нашего собранія? Они,

вернувшись домой, скажутъ своимъ соотечественникамъ, что должны имъ дѣлать въ вѣнскомъ государственномъ совѣтѣ, съ какой дѣлать надежда; вѣнскій государственный совѣтъ контрабандиромъ такъ мало уважаетъ историческое право, что если бы вы захотѣлись увлеченію и вступите туда, то васъ будетъ большинство; мы потеряемъ то, что приобрѣтено было нашими отцами. Поэтому, что дѣлать нечего, надо согласиться, что эти народы стоятъ на законной почвѣ и не испытываютъ нужды въ новыхъ конституціяхъ. Если бы даже относительно венгровъ можно было опереться на крайнюю точку, вѣнчанъ, и сказать имъ: вы должны принять всеобщую конституцію, потому что послѣ нашей революціи, двѣнадцать лѣтъ назадъ, вы были побуждены, и не имѣете права ничего требовать, то вамъ сказать нельзя сказать того же самаго про австрію, которое вы были вынуждены, ни побуждены. Напротивъ, они, въ фактическиую минуту, когда вѣнское правительство само бросило свое дѣло, выдвинулось за него, ради своей собственной конституціи, ради Австріи объединенной и сильной, и на нихъ-то я больше всего надеялся. Мы думали, что если они увидятъ, какъ государственный совѣтъ вступитъ на путь примиренія, они первые уступятъ и первые примутъ въ залу своихъ представителей; что потомъ за ними послѣдуютъ сербы, можетъ быть также словаки, и такимъ образомъ, одна сторона за другою будетъ находить выгоду участвовать въ представительствѣ Австріи, одной и общей. Но если государственный совѣтъ будетъ ограничиваться подобострастными адресами; если онъ будетъ стремиться къ насильственному слитію всѣхъ отщепенныхъ народностей въ одно цѣлое, то государственный совѣтъ не столько лучшее представительство національныхъ интересовъ, и большинство народовъ, составляющихъ австрійскую имперію, подавало бы голоса воее не въ томъ смыслѣ, какъ большинство палаты. Дѣйствуя такимъ образомъ, государственный совѣтъ не исполнитъ своего дѣла; не достигнетъ своей цѣли...

Далѣе невозможно было разсказывать нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ еще г. Ризеромъ. Палата, состоящая по большей части изъ вѣнцевъ, подняла такой шумъ, что заслушала голосъ вѣнчанаго чеховъ. Къ тому же и председатель не далъ оратору далѣе говорить, пригласивъ его къ порядку. Собственно пренія объ адресѣ тѣмъ и кончались; при послѣднихъ словахъ адреса, призывающаго благословеніе Божіе на императора и его домъ, палата всага и трижды провозгласила: да здравствуетъ императоръ!

При сборѣ голосовъ, оказалось, что 48 депутатовъ изъ Богеміи и Галиціи отказались отъ подачи голоса, и адресъ былъ принятъ 127 голосами. Если принять въ соображеніе, что заколомъ 26 сен-

правъ: всако числомъ определено въ 343 членствѣ, и что если бы въ случаѣ разрыва, если бы независимыя члены страны прислали нѣмцу: то абсолютное большинство было бы 173 голоса. Истинъ это въ виду: нельзя не замѣтить, что 127 голосовъ, принадлежшихъ лордъ, не обладаютъ оченъ успѣшного хода дѣлъ.

Итальянскія дѣла

Переходя къ Гарibaldi въ итальянской палатѣ депутаты были далеко не такъ сильно, какъ мы сообщали въ прошедшемъ номерѣ, основательно на телеграфическія известія. Съ точки зрѣнія популярности, можетъ быть, проѣздъ 16 и 19 апрѣля: были даже торжества въ Гарibaldi, не смотря на то, что по обычаю нѣмцы не считали это было совершеннымъ пориженіемъ. Но итальянскому герою это обстоятельство не смущало насъ, такъ какъ его положеніе въ глазахъ народа осталось то же. Дѣла происходили слѣдующимъ образомъ:

Гарibaldi вошелъ въ палату и сѣлъ на крайней лѣвой сторонѣ; Онъ былъ завернутъ въ большую шаль, редъ шотландскаго плода, прикрывавшаго красную его блузу. Вся палата и трибуна: поторопиться побѣдительно огласились громкими рукоплесканіями. Президентъ читаетъ формулу присяги; Гарibaldi произноситъ слова: *я во этомъ вѣрую*. За тѣмъ нѣсколько выборовъ было утверждено безъ всякаго противорѣчія, но палата была такъ занята предсѣдательствомъ и прочимъ, что почти не слыхала имени тѣхъ, кого утверждали. Одинъ изъ секретарей прочелъ проектъ закона, предложенный генераломъ Гарibaldi, о вооруженіи страны и сформированіи арміи волонтеровъ. Очередь говорить была за г. Риказоли. Онъ требовалъ у министерства отчета въ томъ, что оно сдѣлало съ волонтерами, освободившими неаполитанское королевство. Военный министръ г. Фанти отвѣчалъ ему весьма удовлетворительно, такъ что палата аплодировала. За тѣмъ наступила очередь Гарibaldi. Вотъ звучность его рѣчи:

«Я сердечно благодаренъ депутату Риказоли за то, что онъ далъ мнѣ случай защитить моихъ товарищей по оружію. Да, Италия сдѣлала; а это сознаю; и независимость ея покоится на храбрости ея солдатъ. Скажу также нѣсколько словъ о дуализмѣ, о которомъ говорилъ г. Риказоли. Я стою въ главѣ одной изъ сторонъ этой двойственности. Но мнѣ обратилась съ словани примиренія, но это были именно а челоуки фактовъ. Однакоже я принадлежу своей странѣ, и — я речушилъ. Когда дѣло идетъ о странѣ, а всегда уступлю.

(Руженко съобщилъ:) Не развѣн въ ногу можете думать, что англійскіе мѣня иностранцы въ насъ отечествѣ? (Браво въ трибунахъ.) Итальянцы одинокіе еще неразвѣлиши, и я всегда буду съ вами единымъ отечества. — Военный министръ сейчасъ говорилъ, что вся власть центральную Италію отъ безначалія; припомните, сколько тамъ, кто управлялъ страной: опасности безначалія не было никакой.

Президентъ. Министръ этого не говорилъ.

Гарибальди. Я не хочу личностей, но я обязанъ защищать свою честь. Скажу два слова о главномъ предметѣ, о нашемъ южномъ войнѣ. Не этому случаю надо бы разсказывать, а собиравъ дѣла съ нами. И слова начала меркнуть только тогда, когда министръ свое искусство надъ югомъ свою колоссную и молодильную руку.

Г. Казурри всталъ и съ жаромъ провозгласилъ: сколько, а вотъ средь приковъ! Къ поразу! къ поразу!

Гарибальди. Я думаю, что тридцатилѣтней службой я приобрѣлъ себѣ право говорить правду представителямъ моей страны.

Президентъ. Не оскорбляйте никого, выражая свою мысль.

Гарибальди. Когда любовь къ согласію и ужасъ братоубійственной войны...

Крими въ чиниръ: Къ поразу! къ поразу!

Г. Казурри, съ жаромъ. Никто не хотѣлъ между собой. Простую свлѣдѣніемъ образомъ. Я не могу пропустить только слово...

Тогда шумъ сдѣлался невѣроятный. Человѣкъ, самъ себѣ стараясь говорить во всеуслышанію, т. е. какъ можно громче. Остальные разговаривали между собой. Президентъ началъ шлепать, вѣки и закрылъ засѣданіе. Тогда шумъ поднялся еще больше, и президентъ вышелъ изъ собранія. Друзья окружили Гарибальди и углаживали его быть умѣреннѣе. Волненію было немощнообразное. Черезъ четверть часа президентъ опять занялъ свое мѣсто, и шумъ сталъ утихать мало по малу. Когда представители услѣдидъ опять не мѣста, президентъ сказалъ: «Я принужденъ во всеуслышаніе промолвить порицаніе словъ, которыя сорвались съ языка у генерала Гарибальди. Я долженъ пригласить его къ большей умѣренности, безъ него мнѣ придется отнять у него право говорить.»

Гарибальди. Я не стану больше говорить о министерствѣ. Нашъ король, честный дедовѣкъ, сказалъ, что наша южная армія сдѣлала свое дѣло. Исторія скажетъ остальное. Что дѣлала министерство съ этой арміей? оно могло слить ее съ остальнымъ войскомъ, или сдѣлать это съ центральной арміей. Оно могло ее распустило, но не уничтожить. Сколько осталось бы солдатъ въ регулярномъ войскѣ, если бы имъ дать отпускъ и жалованье на двѣ мѣсяца? Оста-

двѣ: — тѣмъ же министромъ. Между сенаторами энергіе, ажиотажа от-
стаиву. Въ войнѣ, вѣдь, такъ: столько силъ исторіи и дисциплинѣ. Тамъ,
напр., казачество, резервъ за простыми, за которые бы сдѣлало
всѣхъ два года подержать подъ зрѣлымъ. Видно было, что сен-
аторы, не исключеніе дивизіонъ, должны выжить въ отставку. Это
было вѣрно средство избавиться отъ хрети сенаторовъ. Цѣль ми-
нистерства состояла въ томъ, чтобы всѣми способами распутать
южную армию. Наконецъ вызвалъ дѣяръ 11 апрѣля, который
сейчасъ соединяется съ четырьмя батальонами на три. Сенаторы
отказались въ беззастѣнливый отъездъ, стало быть, образовать вѣ-
ной дороги. Это ошеломительный ударъ, нанесенный южной арміи. —
Диктатура была законнымъ явленіемъ. Диктатура дотронула по-
дочу гомосовъ, которая намъ дала два королевства. Оттого же она
приняла королевства, а отказались отъ арміи, которая намъ не
дана? — Да вверху того была причина, по которой сдѣлано
обращеніе къ краевой арміи. Выньте въ положеніе штыкли Пра-
вильной; это теперь не секретъ: и средство усмирить это положеніе
небѣдно. Почему же министръ такъ уверенно отказывается прише-
сти его въ исполненіе? Впрочемъ; главное дѣло, по которому я
сиде вывелъ, это — вооруженіе страны. Исправляйте мой проектъ,
покажитесь же, передѣлывайте, но займитесь имъ! Это единствен-
ный путь спасенія для страны. По этому требованію имѣю преоб-
раженіе южной арміи есть начало вооруженія. Не отказывайтесь отъ
этого рода благоволенія страны.

Послѣ нѣсколькихъ объясненій, данныхъ военнымъ министромъ,
избирался въ дѣло генералъ Биселю.

«Я говорю во имя согласія, сказалъ онъ, — я вѣрю святости
чувствъ, руководившихъ Гарибальди, но я вѣрю также патриотизму
г. Кавура. (Браво!) Поставимъ же Италію выше всѣхъ партій. — Я
только что вріхалъ изъ Париза. Въ мой дружи тамъ глубоко
огорчены раздоромъ этихъ двухъ людей. Я ничѣмъ не обязанъ гра-
фу Кавуру. Онъ могъ дѣлать ошибки, быть въ заблужденіи. Но я
вѣрю его патриотизму. Не слѣдуетъ принимать буквально слова Га-
рибальди: Я знаю, что Италія нуждается въ регулярномъ войскѣ.
Надо, чтобы изъ всѣхъ наличныхъ силъ сплочено было одно могу-
щее цѣлое, и чтобы части, которыхъ нельзя будетъ вмѣстить въ
войско, были тоже организованы. Это величайшее несчастіе — раз-
доръ между Гарибальди и графомъ Кавуромъ. Для блага Италиі
необходимо нужно, чтобы эта вражда кончилась, и если бы для не-
крепнаго примиренія между Гарибальди, Кавуромъ и Ратацци, нуж-
на была бы жизнь моя и всего моего семейства, а охотно бы отдалъ
всѣ эти дорогіе мнѣ жизни, и свою въ придачу, и считалъ бы себя

совершено чуждымъ (Предложение было принято)». Французская печать не оставила ни одного слова Гарибальди. «Счастливый случай!» Меня представляли правымъ ораторомъ. Меня, который прежде всего изложилъ мнѣ идею! Вернувшись въ столицу, я гдѣ бы ни былъ говорилъ о Гарибальди. Это дѣло было признано еще въ 1859 году и просила его помощи. Не следуя напечатанному вѣдѣнію, я представлялъ этотъ проектъ. Волонтеры были гражданами. Мы считали ихъ безопасною помощью со стороны Франціи, а такъ было убѣждены въ нравственныхъ качествахъ волонтеровъ, что не оставили ни одного имени. Но если волонтеры не были французами, они не были врагами, они все-таки оказали намъ безоплатныя услуги. Они доказали, что при итальянцахъ труднѣе драться и умереть за себя, отечество; и вы не ожидаете ни въ вражду противъ волонтеровъ? — Ученая работа не была, но я привнесъ въ дѣло генерала Биссони, и сказалъ, что первой иловойшей инициативой освобожденія воле-во было. Правительство сдѣлало все, что могло; да и увеличившія репутацию войны, и новая бюджетная комиссия разсмотрѣла этотъ проектъ, приняла въ соображеніе, она увидѣла, что не въ историческомъ архивѣ рече-словахъ энергическими усиленіями. Мы поставили на своемъ усердіи, подлинную национальную гвардію, и считая удачей гораздо лучше, чѣмъ мы ожидали. И если война открылась завтра, то правительство не должно бояться выставить ее въ поле боя, радуясь регулярными войсками. Я не разсматривалъ проекта генерала Гарибальди, не готовъ подать голосъ въ пользу необходимости его разсмотрѣнія. . . . Гарибальди. Президентъ сѣлъ и началъ говорить на сформировку волонтеровъ въ 1859 году. Въ то время я былъ благодаренъ приему Бизуру; за то, что она дала мнѣ средство слушать отечеству. Не свѣдѣхъ поръ я не похваляюсь графомъ Кануриомъ. Это горестная исторія. Я привнесъ въ Туринъ. Волонтеры собирались. Мы приехали горбатыми, кровяными, а лучший народъ оставался для арміи. Насъ было три тысячи, и мы тамъ дрались. После битвы на Треви Москато, осталось насъ 1800 человекъ. Король приказалъ мнѣ прислать волонтеровъ, сформированныхъ въ Акви: Я ихъ никогда не видалъ. Не буду говорить о южной Италіи нѣтъ вѣдѣній министерства. Волжій знаетъ, что объ этомъ думать. Связу только о сборѣ волонтеровъ. Мнѣ кажется, что иногда со мною можно было бы новотоваться; хорошо ли, худо ли, но я кое-что да сдѣлалъ. Я совѣтовалъ военному министру набирать въ центральной Италіи волонтеровъ до конца войны и до освобожденія Италіи. Нашли, кто лучше набиралъ на северѣ. Въ то время и потеряли такія образцы 20,000 человекъ отличнаго воина. Спрашивался, въ какой видъ мы приходимся: опасности, чѣмъ Англія? Мнѣ кажется, что

ушиишесейнае пророкъ, чѣмъ у насъ. Кто, знаясь Рима, тѣ вражд. Я люблю Францію, но что имѣетъ нѣмцу сторону тѣ вражд. У насъ вражд. на Миттионга, между тѣмъ Англія имѣетъ двохъ додочетъ роси 400,000. человекъ, и уже не боится держаній. тѣ Я поднимаю, чѣмъ генерала Фанга любить кадры. Но, мысля, въездывающа къ Сашалин, пошла съ кадрами. Когда дѣло, дѣла обѣ отчасти, тѣ можно битъ надрѣтали на всѣхъ владахъ и во дѣлѣ фармадѣ.

Кавуръ. Между генералами и мною есть факты, который дѣла рѣшѣтѣ. Я не согла, ято невозможно свои обязанности, когда со- вѣщаніи перело уступитъ Ницку и Савойю. По горести, мною дѣ- ланной, я поднимаю, чѣмъ долженъ былъ понятивать генералъ. Я обѣ щая (обѣ его гнѣвъ на мене. Я могу одну сказать, что кадрабы, отнесшыяся волонтеры 1859 года основательны, и я дамъ жадо- вать. Генералъ Чильянини сказалъ мнѣ, что генералъ Гарибальди: уловляеуеюся дѣлать, что не войдѣтъ въ армію. Можетъ быть, Чильянини праведничавалъ; но онъ былъ тогда нашимъ предан- нымъ. Генералъ долженъ былъ угадать, что у меня никогда не бы- ла праведныхъ ему чувствъ.

Гарибальди. Я считаю себя удовлетвореннымъ объясненіемъ преем Кавуръ. Но есть средство помирить политическое несогласіе. Я угадываю, что г. Кавуръ любитъ свое отечество. Поэтому, надо бы, чѣмъ онъ употребилъ все свое вліяніе для пріятія моего преемства въ вооруженіи и воротилъ волонтеровъ южной арміи, это средство все примирить и уладить.

Президентъ прочелъ предложенія Гарибальди, Рикатти и еще два друга, и за тѣмъ засѣданіе закрыто.

На другой день, 19 апрѣля, президентъ прочелъ моея предло- женіе Гарибальди слѣдующаго содержанія: «Далата, убѣжденная въ томъ, что сила нации заключается въ согласіи націй и въ ис- полненіи законовъ, выражаетъ желаніе, чтобы министерство, при- нимаю въ соображеніе изслѣдованія комисіи, признало званіе офи- церовъ южной арміи, сообразно съ декретами диктатора; и, остав- ляя министерству право советъ волонтеровъ, когда еще признаютъ его нужнымъ, желаетъ, чтобы кадры этой арміи были организо- ваны».

Г. Кавуръ, въ блестящей рѣчи своей, выразился въ пользу правъ офицеровъ южной арміи, на томъ основаніи, что диктатор- ское правительствѣ въ Неаполѣ было правительствѣ законное, и степенно, немалозначима нѣмъ офицерамъ — неостыжѣмъ. Рѣчь тутъ дѣла не объ отрядѣ, который дѣйствовалъ какъ-нибудь второсте- пенно, вспомогательно; напротивъ, войско волонтеровъ было на- ступаю регулярное неаполитанское войско. Волонтеры Эмиліи бы

ли же включены въ войско, хотя они не были сформированы раньше отъѣзда. Въ своемъ воображеніи, министры генералы снисходительно быстрыхъ повышеній, бывшихъ въ этой арміи. Въ этомъ случаѣ бытъ очень ошибается, потому что большая часть поручиковъ и полпоручиковъ волонтеровъ дѣлали уже кампанію 1859 года. Къ тому же имъ кажется, что кампанія въ Сициліи и Вальтурно состоятъ военныхъ школъ въ Нире и въ Моденѣ. Знаете ли вы; что такое эти офицеры? Это ветераны битвы за ольчово. Они сдѣлали четыре или пять кампаній и вездѣ оказали отечеству услуги. Это весьма стонутъ пачедедети мѣтъ, проведенныхъ въ лагерѣ. (Гарибальди. Bravo!) Можно ли оспаривать право людей, всегда пролившихъ кровь за Италію? Обращаюсь къ генералу Бисіо; онъ генералъ лейтенантъ. Можно ли сказать, что онъ импровизированный генералъ? Онъ не получилъ ни одного чина безъ всошного подвига. Медичи дрался въ Испаніи, сдѣлалъ римскую кампанію, дрался въ сѣверной Италіи въ 1859 г., дрался въ Сициліи. Можно ли сказать и о немъ, что онъ импровизированный генералъ? Чокки, другъ Гарибальди, сдѣлалъ всѣ кампаніи, и до сихъ поръ только подкованъ.

За тѣмъ ораторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ быстрыхъ повышеній: Гошъ, Наполеонъ, Гергей, Ланармора; указываетъ на невѣроятность положенія офицеровъ южной арміи и прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего предложеніе Гарибальди должно быть принято, если мы хотимъ перевести согласие въ фактъ.» Южное войско безропотно подчинится нашему рѣшенію, каково бы оно ни было. Не надо быть справедливымъ, и въ нѣтънѣе особенно время отказать въ томъ, что справедливо, будетъ грубою ошибкой. Въ 1849 г. Австрія объявила, что она удивить міръ всею неблагодарностью. Она сдержала свое слово, и мы видимъ результаты. Не станемъ же подражать Австріи.

Г. Бисіо говорилъ о томъ, какъ часто бываетъ необходимо въ войскѣ быстрое новышеніе, и объяснялъ, между прочимъ, какъ происходили новышенія въ южной арміи. «Ядрою этой арміи, сказалъ онъ, былъ батальонъ тысячъ, сформированныхъ изъ Генуи съ Гарибальди. Постороннія лица понятія не имѣютъ объ этой войнѣ; въ газетахъ я не читалъ о ней ни одного слова правды. Мы были капитанами; потомъ наши роты увеличивались притокаемъ новыхъ волонтеровъ и становились батальонами, вследствие чего мы дѣлались майорами, а подчиненные наши подвигаемы тоже впередъ. Не ждали же намъ было, чтобы офицеры падали изъ намъ съ неба. Генералъ всегда былъ очень строгъ въ этомъ отношеніи. Слышались на товарищѣхъ, здѣсь присутствующихъ... (Тутъ ораторъ

было прервать генераловъ Гарибальди, который скардъ ему: «де горячитесь», — что вызвало всеобщій смѣхъ»). Надо еще дѣлать различіе между войсками, которое дѣлалось, и тѣмъ, которое организовалось. Скажете, что число офицеровъ, бывшихъ въ дорожномъ дѣлу, далеко не такъ велико, какъ изображаетъ министръ. Въ этомъ дѣлѣ есть что-то священное, и — помините мое слово, — люди никогда не бываютъ неблагодарны безпачкавно. Послѣ рѣше генерала Фати (доказывавшаго, что волонтеры не заслуживаютъ своихъ чиновъ) и въ особенности послѣ рукоприкладній болондизца, ты, генералъ, подаешь все въ отставку... Намъ нужно 500 тысячъ войска, а не въ чѣмъ вопросъ. Противъ насъ на Мидчио стоитъ 300 тысячъ войска. Забудьте, что, въ случаѣ войны, французы придутъ, пошелуй, въ намъ на помощь; но лишь послѣ того, какъ ты будешь разбитъ. А тогда очень тяжело будетъ просить помощи иностранцевъ. Если Бенедикъ перейдетъ рѣку, то на васъ ляжетъ огромная отвѣтственность. Говорятъ, что это никогда не случится. Прекрасно; ну — а жезла?.. У насъ нѣтъ пустого тщеславія; мы хотимъ только своей Италіи. Если у васъ въ началѣ войны не будетъ 300.000 человекъ, то вы не исполните своей обязанности. Берите денегъ, чертъ возьми (che diavolo), берите столько, сколько нужно. Если васъ разобьютъ, то это обойдется дороже, да сверхъ того, вы потеряете честь. (Браво!) Поэтому я требую, чтобы въ войско вошли все элементы, какими располагать можно, чтобы организовать подвижную національную гвардію, и какъ можно скорѣе, не теряя времени. Надо спасти отечество. Это пусть стоитъ впереди всѣхъ системъ. Мы хотимъ своей національности. Если насъ побьютъ, если мы не сумѣемъ защищаться, то я просто слѣжаюсь китайцемъ... Вооружайтесь! это говоритъ вамъ чедовѣкъ, который все потерялъ. Вооружайтесь! Наше положеніе теперь дунше, нежели было въ 1849 году; но если для сопротивленія намъ понадобится другъ, союзникъ, то мы пропали...

На слѣдующій день, 20 апрѣля, пренія продолжались. Г. Кануръ давалъ отвѣты и возраженія. По поводу намѣренія гарибальдизскихъ генераловъ подать въ отставку, онъ объявилъ, что военный министръ никогда не думалъ сказать ничего оскорбительнаго для этихъ генераловъ, которыхъ уважаетъ и министерство, и вся Италія. Сверхъ того онъ далъ понять, что ихъ отставка имѣла бы для страны весьма непріятныя послѣдствія. Потомъ онъ разсматривалъ предложенія г. Риказони и Гарибальди, и показывалъ, какія пренятствія не возволитъ немедленнаго призванія на службу кадра прежней арміи волонтеровъ. Г. Кануръ прибавлялъ, что есть на это и важныя политическія препятствія. По его мнѣнію, еслибы прави-

тельство зало генералу Бинчию команду одной только роты волонтеровъ, то это было бы принято въ некоторомъ образѣ за объявление войны. Англія положительна объявила, что она востановитъ противъ того, кто возбудитъ войну, и что надо принимать въ соображеніе совѣты дружественныхъ правительствъ. Онъ догусалъ тоже, что можно держаться другой политикой, противоположной; но въ такомъ случаѣ палатѣ надо вырваться отирьто, и тогда члены кабинета, какъ истые итальянцы, будутъ содѣйствовать палатѣ всѣми средствами.

По новому запросу Гарибальди о вооруженіи западн. г. Казуръ бѣдѣчалъ, что по регулярному войску въ центральной Италіи было уже два набора, приказано сдать наборъ въ провинціяхъ неаполитанскихъ и сверхъ того въ Сициліи. Оружія изготовлено достаточно; артиллеріи считается сто баттарей, а благодаря расположенію одной дружественной державы, у насъ теперь много ружей. Что касается до волонтеровъ, то министерство сохранитъ одинъ только запасъ и воспользуется ими въ случаѣ нужды.

Гарибальди объявилъ, что всѣ эти объясненія его не удовлетворяютъ, и настаивалъ на преобразованіи южной арміи. Его предложеніе, по большинству голосовъ палаты, принято къ соображенію, а предложеніе Риказоли утверждено значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Вскорѣ послѣ того генералы Козенцъ, Тюрръ, Винціо, Свиртори и Медичи, бывшіе товарищи Гарибальди по оружію, особымъ декретомъ утверждены въ званіи генераль-лейтенантовъ. Особенная коммисія разсматриваетъ права лицъ, нынче называющихся офицерами волонтеровъ, работаетъ очень дѣятельно, и уже очень многие офицеры утверждены. Неудовольствіе исчезло, и Гарибальди опять уѣхалъ къ себѣ въ Капреру, праздновать свадьбу своей дочери, аспортивъ себѣ много крови своей поѣздой въ Туринъ, но за то и почти вполне достигнувъ своей цѣли. Къ тому же самъ король и прочіе друзья Гарибальди постарались примирить его съ гг. Казурою и Чіальдини. Послѣдній сдѣлался врагомъ знаменитаго диктатора только съ 21 апрѣля, какъ-то экспромптомъ, совершенно неожиданно. Въ этотъ день въ Туринской газетѣ напечатано было вслѣдъ удивившей письмо главнокомандующаго Чіальдини: «Я всегда рукоплескалъ, пишеть онъ, вашимъ побѣдамъ, удивлялся вашей могучей инициативѣ и свидѣтельствовалъ при всякомъ случаѣ и всегда какъ высоко я васъ уважаю. Я объявилъ себя неспособнымъ попробовать то, что вы такъ искусно выполнили въ Марсаль... Но ваша отвѣтъ миланскимъ рабочимъ, ваши слова въ палатѣ пересудили меня тягостнымъ, но полнѣйшимъ образомъ. Вы не то, что я ду

цели, вам не хотѣть говорить, королю я любилъ. Съ одобреніемъ я вышла изъ привязанности моею къ вамъ. Я уже не другъ вамъ, и откровенно переходу въ ряды вашихъ политическихъ противниковъ. Вы осмѣливаетесь стлечь себя на руку съ королю, говоря о немъ съ притворною фамильярностью товарища. Вы думаете стать членомъ общества, делаясь въ палату въ очень странномъ костюмѣ; выше правительствъ, называя предателями министровъ, потому что они прощены вамъ не болѣе, чѣмъ парламенту; вы оскорбляете депутатовъ, которые думаютъ не по вашему, наконецъ думаете стать членомъ страны, желая ее разделить туда, куда вамъ угодно. Есть люди, которые не расположены переносить все это, и я въ томъ числѣ. Я зрю всякой тиранин, и буду биться до послѣдней крайности даже противъ вашей. Я знаю приказанія, данныя нами генералу Триполти (?) принять насъ въ Абрюзцахъ ружейными выстрѣлами. Я знаю слова Сирхори и ваши слова въ парламентѣ. На этихъ основаніяхъ я думаю, что ваша партія хочетъ овладѣть страной и войскомъ, грозя намъ въ противномъ случаѣ междоусобною войною. Не знаю, что думаетъ страна, но увѣрваю васъ, что войско не боится вашихъ угрозъ: оно боится только вашего правленія. Вы правы, отдавая себѣ честь въ великомъ и удивительномъ предпріятіи, совершенномъ нами въ волонтерами; но вы напрасно преувеличиваете истинныя результаты своихъ подвиговъ. Когда мы пришли, выстояли на Водатурно въ очень нехорошихъ обстоятельствахъ. Паденіе Капуи, Гаэты, Мессины и Чивителлы не вашихъ рукъ дѣло. Пятьдесятъ тысячъ бурбоновъ разбито, разсѣяно, взято въ плѣнъ, не вами, а нами. Справедливо ли послѣ этого сказать, что королевство Обѣихъ Сицилій освобождено совершенно вашимъ оружіемъ? Въ своей законной гордости не забудьте, что наше войско и нашъ флотъ принимали участіе въ этомъ освобожденіи, именно истребленіемъ половины неаполитанскаго войска и взятіемъ четырехъ крѣпостей. Я говорю съ вами не отъ имени войска, но я считаю себя знающимъ его достаточно, чтобы надѣяться, что оно будетъ разделять чувства одобренія и горести, возбужденныя въ моей душѣ мужествомъ вашихъ и вашей партіи».

Въ отвѣтъ на это опростетчивое, ребячески дерзкое письмо, и на парламентскія пренія о своемъ предложеніи, Гарибальди показалъ себя истинно-великодушнымъ, простымъ, дѣтски-простодушнымъ, гениально-довѣрчивымъ человекомъ. Вотъ сначала его отвѣтъ г. Чизальдини. «Генералъ, я также былъ вашимъ другомъ и давнымъ вашимъ воинскимъ подвигомъ. Теперь я буду чѣмъ вамъ угодно, не выходя, конечно, до оправданія себя по всемъ томъ что вы не меня въ своемъ письмѣ возводите, въ недобродѣтели»

относительно короля и относительно войска, такъ какъ военныя заслуги солдата и итальянскаго гражданина. Что касается до моей блестящей, то я буду продолжать одѣваться такъ, какъ теперь, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не скажутъ, что я не въ свободной землѣ, гдѣ всѣмъ одѣвается; какъ разумѣть. Слова полковника Трилотти для меня новость. Я не знаю другаго приказа, кромѣ того, который вѣдлазъ: «принять итальянскихъ солдатъ съвѣрпой арміи, какъ братьевъ»; между тѣмъ, какъ извѣстно было, что это войско *видеть сражаться противъ революціи, олицетворенной въ Гарибальди*. (Слова Фарини, сказанныя Наполеону III.) Какъ депутатъ, я полагаю, что извошла палатѣ весьма малую долю зла, какое было сдѣлано министерствомъ южной арміи, и я считаю, что имѣлъ на это право. Когда придется драться противъ непріятелей Италіи, войско итальянское увеличится однимъ лишнимъ солдатомъ, и это не покажется вамъ новостію. Все, что вамъ насаказали, будто я говорилъ противъ войска — клевета. Передъ вашимъ приходомъ мы стояли вечеромъ послѣ самой блестящей изъ побѣдъ, одержанныхъ нами въ южной Италіи, и въ положеніи далеко не очень дурномъ. Сколько мнѣ извѣстно, войско было довольно свободными и умѣренными словами солдата-депутата, для котораго честь Италіи была предметомъ поклоненія во всю его жизнь. Если затѣмъ кто нибудь считаетъ себя обиженнымъ своимъ образомъ дѣйствій, я скажу, отъ одного только своего имени и одинъ ручаясь за свои слова, что я спокойно ожидаю того, что придется у меня требовать удовлетворенія».

Обыкновенный человѣкъ, такъ жестоко осыпанный несправедливостями, какъ Гарибальди, долженъ былъ бы или захворать, или разразиться ругательствами, или нѣсколькими поелвниками. Но онъ выше всего этого. Клевета какого нибудь Трилотти, повторяемая главнокомандующимъ, до него не достигаетъ, и если онъ въ парламентѣ погорячился, то вся Италія охотно, съ наслажденіемъ это ему извинить. А между тѣмъ, глядя съ обыкновенной, человеческой точки зрѣнія, онъ былъ оскорбленъ жестоко, и со стороны президента совѣта это было сдѣлано изумительно близоруко. Гарибальди надавалъ своимъ товарищамъ по оружію разныхъ чиновъ, смотря по ихъ заслугамъ и сверхъ того, конечно, по потребностямъ службы. Онъ надѣлалъ поручиковъ, капитановъ, полковниковъ, генераловъ, а между тѣмъ кабинетъ не утвердилъ всѣхъ этихъ чиновъ. Конечно, бывали примѣры злоупотребленія власти: и Пуччи-чезъ дѣлалъ чины своей сволочи; но Гарибальди-диктаторъ былъ въ Сивиліи и потомъ въ Неаполѣ совершенно законнымъ правительствомъ. Если не признавать данныхъ имъ чиновъ, то не слѣдовало признавать и его самого; надо было взять его и разсудить».

Если бы онъ успѣлъ заключить заемъ, развѣ итальянское королевство рѣшилось бы отречься отъ этого займа? Когда Биксіо говорилъ въ пользу его предложенія, 19 апрѣля, Гарибальди сказалъ ему: «не горячитесь», какъ мы рассказывали выше. Одного этого слова, сказаннаго въ извѣстной обстановкѣ, довольно, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ младенчески-прекрасную душу диктатора. Наканунѣ онъ самъ погорячился; онъ забылъ на минуту, что итальянскій парламентъ въ полномъ своемъ составѣ представляетъ самую Италію, что добрый сынъ своей родины долженъ покориться разумному большинству; а тутъ онъ самъ едва не породилъ непріятнаго столкновенія, едва не растравилъ присущаго всемъ совѣщательнымъ собраніямъ духа партій, и уже боится этого, уже не хочетъ, чтобы и у сподвижника его сорвалось съ языка небосторожное слово, которое можетъ ожесточить или только растревожить партію. И остановилъ онъ его именно въ то время, когда тотъ началъ говорить съ хорошей стороны о распоряженіяхъ диктатора. Понятно, что онъ говорилъ не совсемъ равнодушнымъ тономъ.

Но это еще не все; предложеніе Гарибальди не было утверждено, а было принято только къ соображенію; его генералы утверждены, въ своихъ чинахъ только черезъ десять дней послѣ преній: все это время было, можетъ-быть, употреблено на соображенія. Однако, не дожидаясь этого, диктаторъ помирился и съ г. Кавуромъ, и съ г. Чіальдини, и этимъ довершилъ все то, что уже сдѣлалъ для Италіи. Двадцать четвертаго апрѣля Туринъ былъ въ большомъ безпокойствѣ, даже въ уныніи. Тамъ и сямъ собирались небольшія толпы народу, и вездѣ громко толковали о письмѣ Чіальдини, о письмѣ Гарибальди, о рѣчи Кавура. По угламъ налѣплены были разныя письма то къ Чіальдини, то къ Кавуру, гдѣ оба эти господина были разобраны по ниточкѣ съ точки зрѣнія слѣпыхъ приверженцевъ Гарибальди, такъ что и въ нихъ и въ ихъ репутаціяхъ не осталось живого мѣста. Гарибальди не могъ показаться на улицу безъ того, чтобы со всѣхъ сторонъ не раздались крики, «да здравствуетъ!» безъ того, чтобы тотчасъ не сбѣжалась толпа народу. Поговаривали въ городѣ о поединкахъ между офицерами регулярной арміи и волонтерами; были слухи даже о томъ, что два офицера изъ арміи были зарѣзаны гдѣ-то за угломъ, что войско собрано по казармамъ и стоитъ подъ ружьемъ. Были и другіе зловѣщіе слухи. Но вдругъ 24 числа вечеромъ всѣ безпокойства исчезли, довѣріе возстановилось, и дѣла пошли своимъ обычнымъ порядкомъ: слухъ о томъ, что самъ король принялъ примирительное участіе въ ссорѣ, прошелъ по городу, съ необычайною быстротою. Въ самомъ дѣлѣ, король пригласилъ

къ себѣ г. Кавура и Гарибальди, и поговоривъ съ ними часа долготра, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ два передовые чловѣка Італіи подади другъ другу руки. Отъ короля Гарибальди захвѣду къ свосему другу Паллавичино и встрѣтилъ тамъ г. Чіальдини. Не успѣвъ диктаторъ опомниться отъ неожиданности и удивленія, какъ Чіальдини бросился къ нему на шею, и просилъ извиненія. Гарибальди тоже его обнялъ и сказалъ: «Не будемъ больше объ этомъ говорить никогда».

На другой день большинство палаты, созванное особенно по атому случаю, рѣшило, что оно приметъ прокъ Гарибальди о преобразованіи и вооруженіи національной гвардіи во всѣхъ ея вѣлахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ формѣ.

Положеніе Італіи, послѣ того, какъ полагено было приготовлявшееся реакціонное движеніе въ Неаполѣ, весьма мало измѣнилось. Конечно, важный симптомъ къ лучшему — примиреніе о фторомъ мы только что говорили; но видимаго улучшенія въ ходѣ дѣлъ оно не произвело. Министерство занято организаціею новаго королевства, предположеннымъ займомъ и слитіемъ долговыхъ книгъ всѣхъ бывшихъ государствъ Італіи въ одну. По поводу послѣдняго обстоятельства, на югѣ будетъ очень много недовольныхъ. Бывшее королевство Обѣихъ Сицилій имѣло, отъосветленно, едва ли не самый незначительный долгъ въ Европѣ, а теперь, послѣ слитія, на его долю достанется значительная часть пьемонтскаго долга. Въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ Пьемонтъ сдѣлалъ много долговъ, постоянно стремясь къ своей цѣли, къ освобожденію Італіи. Само собою разумѣется, что всѣ эти долги должны лечь на всю Італію, и не въ благодарность, не въ уплату Пьемонту, а потому, что долгъ не можетъ лежать на одной только части благоустроеннаго государства. Оно какъ правильный организмъ, отвѣчаетъ все за каждую свою часть. По соединеніи долговъ въ одну книгу, пьемонтская провинція будетъ значительно облегчена, а въ неаполитанской налоги должны увеличиться. Нѣкоторыя газеты, придерживающіяся стараго законнаго порядка во чтобы то ни стало, съ весьма тонкою насмѣшкой разсказываютъ, что Пьемонтъ готовится довершить свои благодѣанія южной Італіи и возвыситъ налоги вчетверо. Тогда, — прибавляютъ подобныя газеты, — неаполитанскіе сторонники пьемонтскаго вторженія и поймутъ, когда придется платить вмѣсто рубля — четыре, что старинный-то порядокъ, т. е. управление Франсиска II, равно какъ и его отца, было несравненно выгоднѣе, чловѣколюбивѣе, порядочнѣе, даже благобразнѣе этой нынѣшней безурядицы, когда всякій печатаетъ, что взбрѣдетъ на умъ, говорить что хочетъ, и этимъ долько смущаетъ добрыхъ лю-

денъ. Въ 9-мъ Европѣ большинство читателей такъ уже привыкло къ подобнымъ ультрамонтанскимъ іереміадамъ, что въ лучшихъ газетахъ и редакціяхъ не отвѣчаютъ и не обращаютъ никакого вниманія.

АНГЛІЙСКІЯ ДѢЛА

Съ своею знаменитою, настоящею, англійскою настойчивостію сенджемскій кабинетъ добился очищенія Сиріи, которое и совершится къ 5 іюня. Французскія газеты, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть, сильно негодуютъ за это на Англію, называютъ ея политику, по обыкновенію, коварною, говорятъ, что это она дѣлаетъ изъ зависти и ненависти къ Франціи, а нѣкоторые русскіе журналы остроумно посмѣиваются этому выраженію, и объясняютъ отступленіе изъ Сиріи французовъ чувствомъ справедливости ихъ заламанскихъ сосѣдей. Но ничего нѣтъ забавнѣе, какъ когда говорятъ о чувствѣ справедливости Англія — не говоримъ во внутренней, но — во вѣшной политикѣ. Это тоже самое, какъ еслибы кто сказалъ, что его сосѣдъ торгуетъ съ большимъ чувствомъ или фабрикуетъ сукно только для честныхъ людей. Всякій помнитъ очень хорошо блокаду Греціи изъ за какого-то еврея; всякому извѣстно, какъ въ началѣ войны Греціи за независимость, больше всего вреда Греціи Англія, и множество тому подобныхъ случаевъ. Наконецъ теперь на нашихъ глазахъ рѣшается вопросъ объ Іоническихъ островахъ, о Сирійскомъ занятіи и о Суэцкомъ каналѣ, о цѣлости, неприкосновенности и независимости Турціи.

Іоническіе острова, лежащіе близъ береговъ Греціи, находятся лѣтъ сорокъ пять подъ покровительствомъ Англій, въ силу парижскаго трактата. Жителей тамъ четверть милліона, все греки. Имѣется англійскій гарнизонъ, англійскій губернаторъ и — довольно либеральныя учрежденія. Есть палата представителей, печать свободна, почта не дурная, климатъ великолѣпный, и все; казался бы такъ хорошо, что счастливыя островитянамъ ничего болѣе желать. Но вотъ они объявляютъ покровительствующему правительству, что они болѣе не хотятъ сто, а желаютъ присоединиться къ Греціи. Англійскія газеты выразили сначала удивленіе, а потомъ негодованіе на этихъ чудаковъ, которые отъ добра ищутъ зла. «Неужели жителямъ Іоническихъ острововъ подъ нашимъ покровительствомъ не хорошо? О, они жестоко ошибаются! Учрежденія Греціи далеко не такъ либеральны, какъ тѣ, которыми они теперь пользуются. Печать тамъ не такъ свободна, представительство гораздо болѣе стѣснено, налоговъ гораздо больше. Чего же надо? Что за странное

стремались, когда появилось всерій сомнѣніе, что въ среднѣвѣкіяхъ Греція имъ будетъ хуже?»

На это Іоническіе острова отвѣчаютъ, что, конечно, будетъ имъ можетъ быть гораздо хуже, но что это уже ихъ дѣло, а покамѣстъ всего важнѣе имъ сдѣлаться снова греками.

Газеты отвѣчаютъ на это, что ежели Англія надоѣла Іоническимъ островамъ, то и острова за то надоѣли ей до послѣдней крайности. Но вотъ бѣда! Она не имѣетъ права дозволить островамъ присоединиться къ Греціи, потому что протекторатъ былъ ей порученъ союзными державами, и такимъ образомъ она сама, такъ сказать, связана въ этомъ дѣлѣ. Іоническіе острова невыгодны, причиняютъ огромные убытки, приходится содержать тамъ отрядъ англійскаго войска, губернатора: просто бѣда, что это за разореніе! Послушать ихъ, такъ Англія — мученица своего самоотверженія. Г. Гладстонъ, который былъ туда посланъ комиссаромъ отъ правительства, для узнанія желаній тамошняго населенія, въ недавней парламентской бесѣдѣ говорилъ объ этихъ островахъ съ глубокимъ и яснымъ знаніемъ дѣла, великодушно выражалъ желаніе, чтобы Іоническіе острова процвѣтали, но что имъ нельзя присоединиться къ Греціи; если признать въ этомъ случаѣ принципъ національности, то придется отдать Греціи и Кандію, и Тессалію, и Албанію, тѣмъ еще болѣе, что эти страны находятся не подъ христіанскимъ, а подъ мусульманскимъ протекторатомъ. А между тѣмъ, это значило бы — ослабить великую турецкую имперію. За тѣмъ ораторъ дѣлалъ нѣкоторыя уступки. «Можно, говоритъ онъ, — не соглашаться въ мнѣніяхъ на счетъ охраненія мусульманскаго владычества, но слѣдуетъ дѣлать все осторожно, обстоятельно, осмотрительно, не торопясь», и т. д.

Но здѣсь уже столько противорѣчій, что можно и остановиться. Все дѣло только въ томъ, чтобы поддержать существованіе уже не «больного человѣка», а гнилой развалины. Оттоманская порта, особенно послѣ своего новаго выпуска бумажныхъ денегъ на тысячу двѣсти пятьдесятъ милліоновъ піастровъ голится только на то, чтобы поддерживать соперничество между великими европейскими державами и продолжать давить христіанскія населенія. Говорятъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя же разрушать государства, составляющаго звено европейской политической системы; но да это можно отвѣтить, что всякое благоустроенное общество должно заботиться и хлопотать объ истребленіи гнилыхъ развалинъ — ради общественной безопасности и пользы. Если же поддерживать то чтобы-то ни стало существующій порядокъ вещей, то выходящи

бы предосторожнѣе возни. Если бы Россія теперь была еще подъ татарскимъ игомъ, то англійскіе государственные люди стали бы поддерживать татарское владычество, чтобы «прямодушно и мужественно исполнить все, что требуется для поддержанія мира,» — какъ говоритъ г. Гладстонъ. Съ изумительною храбростью говорятъ англійскія газеты о необходимости сохранить существованіе независимой и самостоятельной Турціи, а между тѣмъ тутъ же говорятъ о своихъ побѣдахъ, одержанныхъ въ Новой Зеландіи. Почему же тамъ можно разрушать существующій порядокъ, а здѣсь нельзя? Во имя, развѣ, цивилизаціи? Но развѣ у Турціи есть хоть какіе-нибудь зачатки цивилизаціи? Развѣ славянскія и греческія племена, теперь находящіяся подъ игомъ мусульманъ, не бесконечно выше своихъ угнетателей? Г. Гладстонъ говоритъ, будто политическое положеніе греческаго королевства еще не на столько утвердилось и созрѣло, чтобы Греція сдѣлаться ядромъ, около котораго могли бы соединиться разрозненные члены греческаго племена. Но развѣ Турція въ этомъ отношеніи болѣе утвердилась и болѣе созрѣла, чѣмъ Греція? Не перерзѣла ли она? Не существуетъ ли только гальванически, подъ вліяніемъ токовъ, которыхъ проводниками служатъ представители великихъ державъ при Портѣ? Но понятно, что стоя на ложной точкѣ, англійскіе государственные люди выдаютъ въ противорѣчія на каждомъ шагу. Иначе и не бываетъ со всѣми ложными основаніями.

Забавные доводы употребляются у нихъ противъ прорытія Суэцкаго канала. Въ засѣданіи 6 мая, въ палатѣ лордовъ, графъ Кернарвонъ потребовалъ коніи съ корреспонденціи между правительствомъ и генеральнымъ консуломъ въ Египтъ и съ другихъ бумагъ, раздѣленныхъ между правительствомъ королевы и правительствами турецкими и французскимъ, относительно прорытія Суэцкаго канала. Г. Кернарвонъ думаетъ, что сооруженіе подобнаго канала есть дѣло великой важности для Англіи, съ точки зрѣнія политической и коммерческой; но что въ исполненіи его есть затрудненія почти неодолимыя, и слѣдовательно весьма жаль, что потрачено столько денегъ на такое предпріятіе. Но такъ какъ съ этимъ проэктомъ связаны политическія соображенія, то онъ предполагаетъ, что правительство обязано дать всевозможныя объясненія и показать, какой политикѣ оно слѣдовало. Г. Лессенсъ уговорилъ египетскаго вице-короля принять въ дѣлѣ очень большое участіе, вступилъ его и лично, и всѣхъ его преемниковъ, такъ что можно сказать, г. Лессенсъ держитъ въ рукахъ египетское правительство. Французское правительство весьма заинтересовано въ этомъ вопросѣ, и хотя и нѣтъ нужды ограничивать французскую торговлю, но

съ другой стороны Франція не должна расширять свои интересы на счетъ Египта.

Г. Водгауэс отвѣчалъ, что его ни чуть не удивляетъ; что его благородный другъ, недавно возвратившійся съ востока, обращаетъ вниманіе палаты на вопросъ о Суецкомъ каналѣ; такъ какъ это вопросъ великой важности и представляется не совершенно удобовѣрительно. «Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, продолжать г. Водгауэс, — что послѣ объясненій, которыя я намѣренъ теперь представить, г. Кернхарвонъ не будетъ настаивать на сообщеніи документовъ, потому что это повредило бы ходу дѣла. На этотъ счетъ не существуетъ ни малѣйшаго несогласія между членами кабинета. Наша политика относительно Суецкаго канала была неизмѣнна. Правительство ея величества постоянно держится того мнѣнія, что этотъ проектъ неисполнимъ самъ по себѣ; но что есть и другія соображенія, которыя не позволяютъ выпустить его изъ виду. Я совершенно согласенъ, что Англія взирала бы благосклонно на все, что увеличиваетъ легкость сообщеній и способствуетъ коммерческому и промышленному благосостоянію міра. Но надо въ тоже время принять во вниманіе наше положеніе относительно *Turquie*, и обязательства договора 1856 г., по которымъ мы должны поддерживать цѣлость Турціи, и договора 1841 г., обезпечивающаго цѣлость Египта. Въ 1851 году г. Лессенсъ получилъ отъ египетскаго паши разрѣшеніе построить каналъ и купить для этой цѣли значительную долю земли. Черезъ нѣсколько времени г. Лессенсъ увидалъ, что необходимо также разрѣшеніе султана, который однако же этого разрѣшенія никогда не давалъ. Не говоря положительно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится разрѣшить постройку канала между Средиземнымъ и Краснымъ морями; султанъ отвѣчалъ, что ему нужно имѣть извѣстные ручательства въ цѣлости имперіи и въ уваженіи къ его законамъ. Мой благородный другъ говорилъ объ одномъ изъ этихъ законовъ, который, *впрямую*, былъ нарушенъ, то есть о законѣ противъ употребленія обязательнаго труда. Проектъ не можетъ осуществиться иначе, какъ при помощи труда, и *весьма впрямую*, что г. Лессенсъ прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ принужденію. Султанъ также можетъ воспротивиться предположенію г. Лессенса, потому что тотъ собирается приобрести для канала значительныя земли. Ибо невозможно не видѣть, что въ этомъ заключается ужасная опасность для оттоманской имперіи, если Египетъ будетъ отдѣленъ отъ прочихъ земель султана большимъ населеніемъ иностранцевъ; имѣющихъ особенныя привилегіи, покровительство своихъ консуловъ, и почти совершенную независимость отъ законовъ страны. Правительство ея вели-

честра не скрываетъ своего мнѣнія на этотъ счетъ; оно, равно какъ и прельдущія правительства, сообщало о затрудненіяхъ, которыя я только что изложилъ. Положеніе, относительно этого проекта, другого, могущественнаго государства (Франціи), которое въ дружбѣ съ нами, естественно обязывало министровъ ея величества вести дѣло съ большою осмотрительностью. Султанъ дѣлѣ знаетъ чужіе, что онъ не желаетъ осуществленія проекта и не сдѣлалъ г. Дессеясу никакой уступки. Между тѣмъ г. Дессеясъ получилъ позволеніе сдѣлать нѣкоторыя предварительныя оцѣнки, и въ самомъ дѣлѣ началъ работы. Впрочемъ, я не думаю, чтобы намъ, чело было слишкомъ опасаться того, что сдѣлано. Если сдѣлано, полученныя правительствомъ, вѣрнѣе то кажется, что портъ раздѣляется цѣпью и цескомъ, работниковъ достать трудно, вода составляетъ дѣлѣсть, а все это, по видимому, пропаведо свое дѣлѣствіе. Труднѣйшая часть проекта есть, кажется, устройство порта. Бѣла была построена, часть типа для устройства бассейна, какъ мѣста углубленныя наподнялись грязью и пескомъ. Это была мнѣологическая Сиди-Фода работъ, и мнѣ очень жаль несчастныхъ акціонеровъ. Къ несчастно, г. Дессеясъ уговорилъ цесу взять половину акцій командиръ. И вотъ между какихъ огней наша поставленъ; если проектъ будетъ исполняться, то онъ потеряетъ все свои деньги, употребленныя на это дѣло, а если проектъ оставить, то ничего нѣтъ мудрѣе, что съ нами будутъ требовать убытковъ. Порта еще переписывается объ этомъ съ цесой, и я надѣюсь, что проектъ, который мнѣ кажется невыполнимымъ, будетъ отстраненъ, или по крайней мѣрѣ будутъ приняты мѣры для обезпеченія цѣлости имперіи и для того, чтобы, на цесомъ каналѣ, всякая европейская держава, особенно въ случаѣ войны, пользовалась выгодами, одинаковыми со всѣми прочими державами».

Говорилъ поэтому же самому цесоду г. Страффордъ Редклиффъ, бывшій посланникомъ въ Турціи и такъ дѣлѣтельно заботившійся о сохраненіи независимости этой развалины. Говорилъ еще г. Элленборо. Этотъ господинъ, столь же благородный лордъ какъ и прѣдѣх говорилъ, что планъ канала неисполнимъ физически и невозможно, политически. Но что слѣдуетъ устроить телеграфическое сообщеніе между Индіей, Аленомъ и Перимомъ, и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подводный канатъ будетъ выведенъ на землю, для устройства надлежащихъ станцій, должно построить укрѣпленія, способныя защищаться противъ обыкновенныхъ нападѣній. «Это замислить совершенно отъ насъ, прибавилъ г. Элленборо, — и никакая сила въ свѣтѣ не можетъ помѣшать намъ это сдѣлать.»

Свершилось такъ, и вся англійская внѣшняя политика въ этомъ

засѣданіи видна во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ припіднахъ, и во всѣхъ неизбежныхъ противорѣчіяхъ. Толкуютъ о самостоятельности Норты, а между тѣмъ при всякомъ случаѣ мѣшаются въ ея дѣла, не только совѣтами, но прямыми, непосредственными надзоромъ. Чуть только случится что-нибудь не совсемъ обыкновенное, какъ назначается особая европейская коммисія для надзора. Нынѣче Османъ-Паша поѣхалъ умирять Боснію; съ нимъ послали европейскихъ комиссаровъ; какъ будто такъ дѣлается съ независимымъ государствомъ? Говорятъ о постройкѣ какихъ-нибудь пятнадцати или двадцати укрѣпленій на земляхъ, подчиненныхъ турецкому султану и съ грознымъ спокойствіемъ прибавляютъ, что никакія силы въ свѣтѣ не помѣшаютъ Англій это сдѣлать. Увѣряютъ, что каналъ невозможенъ по физическимъ причинамъ, и сожальютъ бѣдныхъ акціонеровъ, сожальютъ бѣднаго египетскаго пашу. Но ежели песокъ и илъ помѣшаютъ исполненію канала и неизбежно заставляютъ бросить работу, не доведя ее до конца, такъ о чемъ же хлопотать? Пусть кому угодно, тотъ и разорается на эти акція; но нѣтъ; оказывается, что позади этого есть болѣе близкій для Англій вопросъ, именно обязательство заботиться о цѣлости Турціи. Стало-быть каналъ можетъ быть удаченъ, и тогда цѣлость этой интересной державы подвергнется ужасной опасности. Благородный лордъ дѣлаетъ догадки, что *эролтико г.* Лессенсъ употребляетъ принужденіе въ начатыхъ работахъ. Но на вѣроятностяхъ мало ли что можно построить! Наконецъ въ своей іереміадѣ ораторъ дошелъ до того, что началъ жаловаться на покровительство европейскихъ консуловъ, началъ опасаться, что это покровительство будетъ въ ущербъ все той же Турціи, какъ будто законы въ Турціи, не смотря на всѣ гатти-гумаюны, сколько-нибудь покровительствуютъ христіанъ; будто оратору неизвѣстно, что безъ своего посольства подданный христіанской державы въ Турціи пропадетъ безъ слѣда; какъ будто, наконецъ, ему неизвѣстно, что въ Сирію теперь, въ ожиданіи выступленія французовъ, вступаютъ турецкія войска, составленныя наполовину изъ тѣхъ самыхъ солдатъ, которые посланы были въ Константинополь подъ судъ, или на казнь, за то что они участвовали въ убійствахъ или имъ потворствовали. Это слишкомъ обыкновенная увертка тѣхъ, кто старается доказать неправду, — прикинуться непризнающимъ извѣстныхъ истинъ, или ихъ незнающимъ.

Внутреннее устройство Англій доведено до такой высокой степени совершенства, — кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, о которыхъ мы когда нибудь скажемъ, что всѣ прочія страны имѣютъ полное право ей въ этомъ отношеніи завидовать. Но высшей политикѣ до такой степени утверждено въ Англій стремленіе къ собственнымъ

интересамъ, помимо вопросовъ о правѣ и справедливости, и къ тому еще англо-саксонское племя одарено такою громадною стойкостью, такою настойчивою энергіей, что усилія несомнѣнна: всегда и постоянно выдвигаетъ тотъ, кто не обращаетъ особеннаго вниманія на справедливость, а заботится только о себѣ и о своихъ непосредственныхъ выгодахъ.

Всѣ вопросы, занимающіе теперь Англію на востокѣ Средиземнаго моря разрѣшаются тѣмъ, что южные французскія порты гораздо ближе къ Суэцкому каналу, къ Сирин, къ Турціи, нежели южные порты англійскіе, и въ случаѣ войны, французы будутъ ближе къ Индіи, когда будетъ каналъ, чѣмъ сама Англія. Если бы существованіе Турціи въ видѣ предлога для ближайшей опеки въ тѣхъ краяхъ, не было прямо выгодно Англіи, то конечно ни одинъ изъ тамошнихъ государственныхъ людей не сказалъ бы ни слова въ пользу сохраненія независимости этой развалины. Не требуется же она независимости Алжирин, не заботятся о самостоятельности Каххидны, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти отнимаютъ землю у новозеландцевъ подъ настища своихъ овецъ. Всѣ заботы нашъ обращены теперь на то, чтобы какъ нибудь не усилилась какая нибудь держава, хотя бы до такой мѣры, чтобы нѣсколько къ ней приблизиться; о претензіяхъ на соперничество Англія не можетъ и слышать равнодушно. Точно также, какъ она не терпитъ усилія какой нибудь державы, такъ она не любитъ и большого ослабленія, потому что этимъ ослабленіемъ не равно воспользуется кто нибудь другой. Такъ, — сколько мы знаемъ, — въ англійскихъ речахъ не было еще сколько нибудь серьезной бесѣды о венгерско-австрійскихъ дѣлахъ. Австрія ослаблена войною 1859 г., ослаблена своими финансовыми ошибками, и теперь еще ослабляется мадьярскими новостями. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что англійское министерство неблагоприятно взглянетъ на венгерское движеніе, потому что такимъ образомъ, въ случаѣ приближенія Австріи къ разложенію, можетъ черезъ мѣру усиливаться Пруссія, да и славянскія земли Австріи могутъ сблизиться съ тѣми землями, которыя теперь лежатъ подъ властью драгоценной Турціи. Тогда, чего добраго, можетъ образоваться новая, еще невиданная въ Европѣ сила — міръ славянскихъ братій, и — что изъ этого выйдетъ — неизвѣстно; но для Англіи дотамъ лучше, чтобы ничего не вышло, ибо нынѣшнее положеніе вещей для нея довольно выгодно.

А въ случаѣ, если бы усилилась Пруссія нельзя будетъ ей сдѣлать напр. такого выговора, какой сдѣлали ей и министерство и всѣ газеты Англіи за исторію нѣкоего господина Макдональда. Этотъ Макдональдъ на какой-то станціи желѣзной дороги въ Пруссіи, по-

соединилась съ дружицею господиною, и была назначена въ медаль въ видома. Тотчасъ англійское правительство за него вступилось: — и судило, конечно, очень хорошо, если г. Макдональдъ былъ правъ; но если онъ действительно былъ виноватъ въ дерзости, то вступательство оправдало, потому что прусская полиция поступила совершенно сообразно съ своими законами. Обмѣнено было нѣсколько листовъ изъ обоихъ частей; добили рѣзкихъ; множество статей появилось въ англійскихъ газетахъ противъ Пруссіи; Вотъ заступъ чего только не говорили; даже дошли до того, что берега Рейна въ прусскихъ предѣлахъ не принадлежатъ, такъ что ни одному порядочному англичанину не слѣдуетъ ѣздить ихъ смотреть. Но дѣло все-таки въ томъ, что такъ прусская полиция, въ сравненіи съ англійскою, нечестна, а все же она въ дѣлѣ Макдональда была права, и слѣдуетъ показать, что онъ велъ себя непростительно дерзко. Мирные публицисты, не любящіе исторій, должны быть благодарны прусской полиціи за исторію съ Макдональдомъ; надо же было показать англійскимъ туристамъ, что въ Европѣ есть еще люди, кромѣ англичанъ, настоящіе люди, съ тѣломъ и духомъ, и даже съ высшими правами, о чемъ англійскіе туристы до сихъ поръ не имѣли никакого понятія.

1870 г.

1870 г.

Общее положеніе. Последніе извѣстія.

Италія перестала внушать опасенія; тамъ слишкомъ много своего внутреннего дѣла, чтобы думать еще о завоеваніяхъ. Данія съ своимъ нескончаемымъ голштинскимъ вопросомъ, начинаетъ успокаиваться; благодаря внушеніямъ Англии. Но на далекомъ горизонтѣ съ двухъ сторонъ, показалось по тучѣ; изъ нихъ можетъ ничего не выйти, и какъ многія тучи, онѣ могутъ пройти благополучно, но можетъ разразиться и гроза.

Сирія и Северная Америка возбуждаютъ опасенія.

Изъ Сиріи выступаютъ французскія войска; но ихъ выступленіемъ глубоко оскорбленъ ихъ повелитель. Неудовольствіе его составляетъ предметъ опасеній всѣхъ, кто любитъ миръ. Поэтому случаю англійское министерство приказало послать въ Плимутъ сто новыхъ артиллерійскихъ пушекъ. Что слѣдало поэтому же случаю французское правительство, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Но алармисты пророчатъ разрывъ, а въ нѣкоторыхъ рѣчахъ и распоряженіяхъ французскаго императора дѣйствительно проглядываютъ противъ англійскія стремленія. Вышеприведенная депеша Тувенела по поводу открытія Сиріи произвела замѣтно воинственное впечатлѣ-

не во Франціи, а въ Англии отвѣтомъ на нее были разные воинственныя приготовленія. Люди, близко знающіе характеръ Наполеона III, говорятъ, будто бы въ самомъ непродолжительномъ времени, можетъ быть въ концѣ юлія, Сирія будетъ предметомъ столкновенія. Въ какой мѣрѣ справедливы эти предположенія — покажетъ время.

Съ другой стороны бывшіе соединенные, а нынѣ разъединенные штаты сѣверной Америки возбуждаютъ серьезныя опасенія. Сначала воинственныя жары пылали только южныя, отложившіяся штаты, а теперь этотъ жаръ охватилъ и сѣверъ съ большою, неожиданною силой. Южное правительство роздало каперскія свидѣтельства; сѣверное сдѣлало то же самое. Объявлена блокада всѣхъ южныхъ портовъ. Полки стекаются къ Вашингтону, который, говорятъ, будетъ скоро атакованъ южными силами. Послѣ взятія форта Сомтера, на сѣверѣ начались дѣятельнѣйшія военныя приготовленія. Богатые люди жертвовали огромныя суммы на издержки по вооруженію и продовольствію войскъ; какой-то купецъ далъ двадцать тысячъ долларовъ; очень многіе давали по пяти, по десяти и по пятнадцати тысячъ; войска собирались съ неожиданною быстротою. Югъ не ожидалъ такого пыла: смиренный и промышленный сѣверъ всегда казался такимъ тихимъ. Англійскіе фабриканты боятся остаться безъ хлопчатой бумаги; а тогда Англию постигнетъ неслыханное бѣдствіе: если не сотни тысячъ, то уже навѣрно десятки тысячъ рабочихъ останутся безъ дѣла и слѣдовательно безъ хлѣба.

Сан-Доминго присоединился къ Испаніи, какъ мы говорили въ прошедшемъ обзорѣ. Теперь оказывается, что это было приготовлено давно, и французское правительство успѣшило поздравить съ этимъ счастливымъ событіемъ испанскую королеву. Но Франція не будетъ здѣсь въ убыткѣ, потому что къ ней присоединяется республика Эгуадоръ, Гватемала и нѣкоторыя другія мелкія республики центральной Америки. Можетъ быть это только одни пустые слухи; но ничего не будетъ удивительнаго, если эти слухи подтвердятся: въ этихъ маленькихъ республикахъ безначаліе и безпорядки сдѣлались совершенно нормальнымъ состояніемъ, и понятно, если имъ захотѣлось наконецъ отдохнуть, хотя подъ чужою властью, но въ порядкѣ и тишинѣ. За то для Англии это будетъ совершенно непонятно. Эта держава никакъ не можетъ позволить такого ужаснаго усиленія вліянія Франціи въ такомъ пунктѣ, гдѣ можетъ со временемъ устроиться междуокеаническій каналъ черезъ ипанамскій перешеекъ. Англии, какъ видно, суждено сталкиваться съ Франціей на каналахъ.

Во Франціи въ последнее время прошель слухъ о томъ, что скоро воспослѣдуетъ облегченіе законовъ о печати. Многія газеты говорили объ этомъ съ большою увѣренностью, и теперь еще говорятъ. А между тѣмъ недавно вышедъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ — противнаго содержанія. По поводу брошюры принца Омальскаго, теперь во Франціи запрещено кому бы то ни было изгнанному изъ Франціи и *лишнему покровительству законовъ*, что бы то ни было печатать во Франціи. Префекты должны наблюдать и зорко слѣдить за типографіями, и предупреждать появленіе подобныхъ скандальныхъ сочиненій, какъ названная брошюра.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА. — Смерть и жизнь Кавура. — Возрожденіе и признаніе
Италіи. — Недоразумѣнія съ духовенствомъ. — Новое министерство Ри-
казоди.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА. — Облегченіе законовъ о печати и процессъ Броди. —
Процессы Мареса и Бланки.

ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА. — Устройство Сиріи. — Славянское возстаніе.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — Последнія извѣстія.

Глазъ, внезапно погруженный въ мракъ, долго еще удерживаетъ впечатлѣніе послѣдняго свѣтлаго предмета, который на него дѣйствовалъ, и во мракъ, куда глазъ онъ обратится, вездѣ представляется ему свѣтлымъ пятномъ послѣдній яркій предметъ. Ничто подобное на это чувствуетъ теперь Италія и не въ неперенные друзья политической свободы. Со смертью Кавура наступила для Италіи мракъ, но Италія все еще видитъ образъ Кавура, блистающій для преемниковъ его нелепымъ звѣздою. Италія сжилась съ руководителемъ ея судьбы. Все спрашивали себя: какъ онъ утвердитъ судьбу обманутой, оманутой, но еще неопытной Италіи? Какъ онъ вырветъ изъ рукъ чужеземцевъ Римъ и Венецію? Какъ справится онъ съ большими трудностями, происходящими отъ различія племенъ, отъ взаимной ревности мелкихъ столицъ, отъ противорѣчивыхъ преданій? — Отъ Кавура всѣмъ ожидалъ спорахъ отвѣтовъ на эти трудные вопросы, потому что въ рукахъ этого человѣка дѣла спали не долго. Вдругъ — человѣка нѣтъ, а дѣла остались. Италія ослѣпѣла; путеводная звѣзда ея сокрылась, и всходитъ новая звѣзда; но въ туманѣ еще не видно, будетъ ли это такое же свѣтло: первой волнѣныи?

Смерть великаго человѣка глубоко опечалила Италію и повела умъ ея на всѣхъ людей, удаляющихъ правду; но нашлись также люди, которымъ эта смерть доставила истинное наслажденіе. Эти

люди — противники политической и всякой свободы, и еще другие, мелкие людшки, которымъ просто обидна была та простота и та непринужденность, съ какими Кавуръ былъ выше ихъ и выше всѣхъ окружающихъ. Такъ въ засѣданіи палаты общинъ 7 іюня въ Лондонѣ, г. Робертъ Пилъ предложилъ собранію выразить глубокое сожалѣніе всѣхъ партій о преждевременной смерти знаменитаго Кавура.

Г. Джонъ Россамъ оцѣнилъ на это съ полнѣйшею оцѣнкою: «Передъ памятью великаго государственнаго человѣка, котораго уже нѣтъ, обязанъ я объявить, что, по моимъ убѣжденіямъ, человѣкъ никогда полнѣе Кавура, душою и тѣломъ, не посвящалъ себя отечеству. Знаменитый покойникъ одаренъ былъ большимъ искусствомъ вести дѣла, необыкновенною легкостью въ работѣ, и всю свою дѣятельность, все свое умѣнье онъ посвятилъ устройству независимости итальянскаго народа. Онъ очень вѣрно угадалъ средства, при помощи которыхъ можно ему было хлопотать о независимости Италіи: онъ заинтересовалъ своимъ дѣломъ европейскія державы тѣмъ, что предложилъ Франціи и Англій принять участіе въ крымской войнѣ, а потомъ на парижскомъ конгрессѣ, заявилъ государственнымъ людямъ Европы все то, на что жаловалась Италія. Теперь не время говорить о переговорахъ, имъ веденныхъ, но я прибавлю, что и мнѣ было счастье быть съ нимъ въ сношеніяхъ, какъ дипломатическихъ, такъ и личныхъ, и я не могу теперь не отдать справедливости человѣку, котораго жизнь будетъ занимать важную страницу въ исторіи его отечества».

Эти теплыя слова были встрѣчены рукоплесканіями. Но затѣмъ всталъ г. Одоногъ, ирландскій депутатъ, католикъ, сердитый на Кавура за то, что онъ рѣшился принести подъ покровительство Италіи авокіи земли, которыя остались отъ монашескаго управленія. «Я вставъ, сказалъ г. Одоногъ, — чтобы объявить противоположное мнѣніе, противъ предположенія г. Пила и похваламъ государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ. (O! q b). Главною чертою политики Кавура была систематическая вражда противъ священной власти папы. Особенный характеръ этой политики содѣлалъ въ томъ, чтобы систематически лгать (лгать! лгать!) о положеніи власти св. папской образцу, чтобы скрыть завоевательную власть Кардинала (лгать! лгать!). Подобная политика можетъ быть сообразна въ предразсудкахъ и исторіяхъ членовъ этой палаты, которые потопили въ свѣтъ сказкамъ о папскомъ правительствѣ и сообразны также съ главными ханжескими, и даже иудейскими, мнѣніями лица въ этой странѣ; но я не колебался говорить, ничего не политика притомъ оскорбляла священнѣйшія чувства христіанъ цѣлаго свѣта. Я не»

дому, не уступило въ желаніи видѣть Италію свободною, избавленною отъ австрійскаго владычества; но не могу принять форму тѣмное владычество Сардиніи надъ итальянцами. Я не боюсь сказать, что вижу персть божественнаго правосудія въ смерти Кавура...»

Тутъ палата разразилась врывомъ всевозможныхъ выраженій порицанія. Крики о! о! ругательства, сдѣлки цокрыли оконныя рѣчи. Наполеонъ ораторъ вынужденъ былъ покориться ласковому, торжественно оскорбленнаго имъ общаго мнѣнія, и когда шумъ нѣсколько утихъ, онъ прибавилъ: «Меня не поняли. Я далеко отъ мысли разсѣяться смертн Кавура; я жалѣю о ней столько же, сколько всякій другой, но не признаю причинъ.»

Г. Минувшея Миланъ порицалъ необдуманныя слова французскаго депутата, а за нимъ г. Цальмертона произнесъ нѣсколько словъ съ чувствомъ. «Мой благородный другъ, сдѣлавшій предложеніе, желаетъ, чтобы палата занесла въ свои дѣлописи выраженіе своего сожалѣнія по случаю смерти знаменитаго государственнаго человѣка на твердой землѣ; но мнѣ кажется, что у насъ еще не было примѣровъ такого рода, даже когда наша собственная страна терпѣла своихъ лучшихъ администраторовъ. По этому я думаю, что палата могла удовлетвориться выраженіемъ сожалѣнія, выраженными дѣлописными членами, во время настоящихъ преній. Въ такое время мнѣ пришлось бы сдѣлать насмѣли собственнымъ чувствомъ, если бы я вѣ въ себя очерель, не выразилъ сожалѣнія о смерти знаменитаго Кавура (руководителя), потеря котораго будетъ почувствована не только въ его странѣ, но и въ цѣлой Европѣ, которая жалеетъ, будетъ занимать важное мѣсто въ удивленіи челоуѣчества и тѣмъ: жаль, пока исторія будетъ передавать потомству дѣятели мира Кавура, помояилъ въ своей странѣ основанія конституціоннаго, демократическаго, общественаго прогресса и велъ дѣла своего отавства по благоудичному пути, который нарекичетъ его и будетъ неопредѣленно благодаренъ какъ тѣмъ, кто остается, такъ и тѣмъ кто будетъ жить послѣ. Кавура преждевременно подиженъ въ этогю мира, смерти; но я не смѣю сказать, чтобы онъ умаръ великимъ рою для своей страны (Румилесканія).»

Прежде всего помню, что надо отдать полную справедливость симпатическимъ словамъ членовъ кабинета, сдѣланому челоуѣку, довольно рѣшительная фраза: что у насъ еще не было примѣровъ такого рода. Такъ что не, что не было и Ресумивея ли это причина, чтобы имъ было и впрямь? А между тѣмъ въ Англіи все, или по крайней мѣрѣ большинство законодательствъ такую рою возраженіемъ, все совмѣстно оскорбительнымъ, и пренія переходятъ на другой предметъ. Прежде не было примѣровъ потому, что политическая жизнь

была болѣе скрыта, а теперь она у всѣхъ на виду, особенно жизни такого человѣка, какъ Кануръ, на добродушномъ лицѣ котораго можно было читать не только въ какомъ онъ самъ расположеніи духа, но и въ какомъ положеніи дѣла Италіи.

Кануръ захворалъ 29 мая; у него заболѣлъ животъ: довольно обыкновенная у него болѣзнь. Онъ лечился обыкновенно кровопусканіемъ и голодомъ. Черезъ два дня обыкновенно онъ былъ уже на ногахъ. Такъ какъ онъ и на этотъ разъ хотѣлъ лечиться по своему, то выбралъ молодого медика, который былъ исполнителемъ его собственныхъ предписаній. Онъ не хотѣлъ извѣстнаго врача, который сталъ бы лечить по своему. Въ самомъ дѣлѣ, 31 мая, послѣ трехъ кровопусканій, онъ уже могъ принять министровъ и разговаривать съ ними. Онъ считалъ себя совершенно выздоровѣвшимъ; но 1 іюня вечеромъ стала показываться признаки злокачественной лихорадки. Тогда пригласили на совѣтъ другого врача; больному дали сѣрножелезый хининъ; но было уже поздно. Привалки во дни на день усиливались, и кончились параличомъ мозжечка, что и было ближайшею причиною смерти. Навѣрное, болѣзнь и смерть Канура произошли вълѣдствіе усиленной работы, какой онъ предавался въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, не отдыхая ни минуты. Во время болѣзни у него иногда начинался бредъ, или, вѣрнѣе сказать, онъ вслухъ выражалъ свои мысли, особенно въ послѣдній день, 5 іюня. Все, что онъ говорилъ, относилось къ дѣламъ страны, и преимущественно къ большому займу въ 500 милліоновъ франковъ; о которомъ давно напались переговоры; онъ высказывалъ доводы, которые собирался приводить банкирамъ, говорилъ объ устройствѣ войска и часто спрашивалъ, въ какомъ положеніи находится формировка такого или другого полка. Часто говорилъ онъ о Неаполѣ. Сѣверная Италія сдѣлана, говорилъ онъ: — вѣтъ ни пьемонтцевъ, ни тосканцевъ, ни эмилиевъ. У нашихъ южныхъ много прекрасныхъ качествъ; но они испорчены прежними правленіемъ. Мы справимся съ ними; надо только исправить ихъ нравственность; скажите чиновникамъ, что они могутъ на меня рассчитывать. Я ни на награду; но теперь еще не время, послѣ. Я хочу, чтобы они особенно были строги ко всему, что противно деликатной чести. Чиновникъ долженъ быть чистъ отъ всякаго подозрѣнія. Онъ говорилъ также о Гарibaldi. Боже мой! Съ нами Гарibaldi. Самый главный человѣкъ, вредъ своихъ эксцентричностей. Мы пойдемъ въ Венецію; никто больше меня этого не хочетъ; надо идти въ Венецію. А Истрию оставимъ до другого похода; я довольно сдѣлалъ для нашего. Въ бессильныхъ рыкахъ его беспрестанно повторилась такого рода мысли, безъ бреда; но повторилась часто и по-

важно. Патаго нисла врачѣ объявили, что уже нѣтъ никакой надежды спасти больного: на лицѣ его уже являлись тѣ строгія и спокойныя черты, которыя предшествуютъ смерти. Пріѣхалъ король съ придомъ Кирильинскимъ, и уѣхалъ въ слезахъ. Народъ всѣхъ отъ двѣ недели возлѣ дома министра, въ ожиданіи извѣстій о его здоровьѣ, и когда изъ приходской церкви цотанулось шествіе со святыми ларями для умирающаго, роковая вѣсть мигомъ разлетѣлась по городу. Всѣ дѣла остановились: Италія притихла, ожидая страшнаго событія, и еще надѣясь. Въ часъ утра, шестаго іюня, начала понемногу удаляться жизнь: параличъ овладѣвалъ сердцемъ. Къ пяти часамъ утра лихорадка кончилась, наступило умрачье: лицо принимало болѣе и болѣе строгій, отпечатокъ окончательнаго успокоенія, и въ самъ часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ наступилъ неорганическій процессъ въ тѣлѣ, которое при органическомъ процессѣ управляло Италіей.

Осьмого числа совершились торжественныя похороны; почти во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы открыта подписка на сооруженіе памятника великому человѣку; въ палатѣ кафедре обтнута чернымъ сукномъ; король предложилъ родственникамъ похоронить тѣло въ королевскихъ склепахъ; газеты, наперерывъ выражаютъ скорбь Италіи; но неорганическій процессъ въ тѣлѣ Кавура продолжается своимъ чередомъ, безостановочно, и потому всѣ эти обстоятельства не важны.

Дѣло въ томъ, что Италія, Европа потеряла Кавура. Надо надеяться, что будущій историкъ Италіи приметъ печальный день 6 іюня правью великаго періода освобожденія Италіи, и за нимъ уже начнется періодъ свободы этой страны. Кавуръ, умирая, нисколько не сомнѣвался въ прочности начатаго и почти совершеннаго дѣла.

Кавиль Кавуръ вышелъ въ свѣтъ по девятнадцатому году, окончилъ курсъ въ военномъ училищѣ. Въ 1828 году онъ поступилъ на службу инженернымъ полпоручикомъ, но не долго онъ могъ вынести дисциплину пассивнаго повиновенія. Черезъ три года онъ принужденъ былъ выйти въ отставку по случаю нѣсколькихъ свободныхъ словъ, сказанныхъ имъ въ Генуѣ, гдѣ онъ служилъ при постройкѣ какого-то укрѣпленія. Тогда времена для Италіи были тяжелыя и смутныя. Актомъ вѣнскаго конгресса 9 іюня 1815 года устройство была судьба Италіи. Король сардинскій получилъ обратно свое государство. Модена, Реджіо, Мирандола, Масса и Каррара отошли во владѣніе дома Австрійскаго-Эсте. Парма, Піаченда и Гвастала достались императрицѣ Маріи-Луизѣ. Австрійскій эрцгерцогъ Фердинандъ сдѣлался великимъ герцогомъ Тосканскимъ. Лук-

ка досталась инфантъ Маріи-Луизѣ. Папская область возстановлена въ границахъ, бывшихъ до 1789 г., за исключеніемъ земель, лежащихъ по лѣвому берегу По. Наконецъ король Фердинандъ IV былъ снова признанъ королемъ Обѣихъ Сицилій. Англичане остались обладателями острова Мальты. Преобладаніе Австріи было въ Италіи упрочено сильнѣе прежняго; но не смотря на то, не удалось конгрессу задуманъ въ итальянскомъ народѣ стремленія къ свободѣ и къ единству. Явилось множество тайныхъ обществъ, Унитаріи, Карбонаріи и другіе, которыхъ главною цѣлю было избавленіе отъ чужеземнаго владычества, особенно отъ австрійскаго, и устройство конфедераціи свободныхъ итальянскихъ областей. Правительства въ Неаполѣ, въ Римѣ и въ Туринѣ принимали противъ этихъ обществъ самыя рѣшительныя и крутыя мѣры: возстановлена была инквизиція, призваны были іезуиты и цѣлыя арміи ополчились. Но не дѣйствовали никакія крутыя мѣры. Такъ горбъ, стиснутый желѣзнымъ корсетомъ, не истребляется, а входитъ во внутрь и убиваетъ пациента, чахоткой. Италія зачала; народъ шпаль въ бѣдность; богатѣйшая въ мірѣ страна обнищала, а все-таки соросила съ себя корсетъ. Революція, бывшая въ Испаніи въ 1808 году, растревожила итальянскій карбонаризмъ, и въ Неаполѣ и въ Сициліи король вынужденъ былъ объявить либеральную конституцію. Тоже самое случилось и въ Сардиніи, гдѣ король Викторъ-Эммануилъ I долженъ былъ отречься отъ престола (1821) въ пользу сына своего Карла Феликса. Австрія никогда не терпѣла представительнаго правленія даже въ своемъ союздѣ. Она еще въ 1815 г. протівилась введенію представительной системы на Ионическихъ, а когда король неаполитанскій объявилъ конституцію, австрійское правительство пришло въ преувеличенное негодованіе и послало войска для усмиренія. Въ мартѣ 1821 г. въ Неаполѣ, а въ апрѣлѣ въ Пьемонтѣ австрійскія войска усмирили и удаленіемъ недовольныхъ неслыханными казнями, страшными мѣразами. Пущены были въ дѣло самыя ужасныя пытки, для открытія развѣтвленій заговора, и наружное спокойствіе было возстановлено, когда у палачей уже руки отнимались отъ усталости. Сообразно принципамъ, принятымъ на Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ, итальянскія правительства и герцогъ Моденскій Францискъ IV, увеличили мѣры строгости въ управленіи. Папа Пій VII и преемники его Левъ XII и Пій VIII, чемъ дѣла гораздо мягче и ограничили только отлученіемъ карбонарствъ отъ церкви. Но ни одно изъ итальянскихъ правительствъ не позаботилось объ уничтоженіи тѣхъ причинъ, которыя произвели революціи 1820 и 1821 годовъ. Напротивъ, продолживши крестъ

добавля, изгнаніе и заточеніе въ тюрьму лучшихъ гражданъ, что еще больше и глубже раздражало умы. Польскія революціи во Франціи отразилась и на Италиі. Не смотря на самыя несомнѣнные признаки глубочайшаго раздраженія, герцогъ моденскій продолжалъ держаться своей системы подавленія: въ Моденѣ и разразилась прежде всего политическая буря. Сначала она унята была оружіемъ, но такое же точно движеніе и въ тотъ же день произошло въ Болоньѣ; Модена опять поднялась, и на этотъ разъ герцогъ долженъ былъ ѣхать въ Мантую. Около того же времени и Анкона присоединилась къ общему движенію, и революціи стала угрожать папѣ Григорію XVI въ Римѣ. Потомъ собрались депутаты поднявшихся итальянскихъ провинцій и объявили, что свѣтская власть папы у нихъ не признается, что они составляютъ одно государство, которое управляется президентомъ, совѣтомъ министровъ и законодательною консультой. Но, въ то время въ Европѣ еще свирѣпствовало въ полной силѣ система вышательства. Герцогъ моденскій безъ сопротивленія вошелъ съ войскомъ въ свою столицу, въ сопровожденіи австрійскаго вспомогательнаго корпуса. Въ какіе-нибудь полтора мѣсяца (мартъ и апрѣль 1831) австрійскія войска усмиривъ возстаніе. Многія лица, болѣе другихъ замѣшанныя въ дѣлѣ, старались какъ-нибудь пробраться на Ионическіе острова, но все были захвачены австрійцами и переданы каждый своему правительству. После того разстрѣливанія продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Но произведеніи надлежащаго слѣдствія, разстрѣливали то одного, то двоихъ, то пятерыхъ. Особенно это выпало на долю Модены. Но только-что австрійцы очистили Анкону и Болонью, и герцогъ моденскій уже не могъ поддерживать спокойствія. Въ 1832 опять вспыхнуло возстаніе, опять вошли австрійцы. Съ своей стороны парижская герцогиня Марія-Луиза, возвратясь въ свою столицу, стала стараться успокоить умы истребленіемъ злоупотребленій и другими благоразумными примирительными мѣрами. Въ Сардиніи вступилъ на престолъ (1831) король Карлъ Альбертъ. Ставила онъ держался довольно либеральной системы правленія, и у него въ государствѣ все было тихо. Но потомъ этотъ странный государь совершенно переѣхался, взявши своей прежней политикѣ и совершенно подался влиянію іезуитовъ.

Современникамъ трудно было понять его причудливое поведеніе; но теперь оно совершенно понятно. Еще въ 1821, когда ему было всего двадцать-два года, ему пришлось быть регентомъ, по случаю отреченія отъ престола Виктора Эммануила и отсутствія Карла Феликса. Тутъ онъ былъ почти противъ воли вовлеченъ въ обнародованіе конституціи, но въ рѣшительную минуту, когда

вступилъ въ королевство австрійскія войска, онъ поклонилъ на произволъ судьбы новорожденную революцію, заслуживъ только жесточайшія порицанія со стороны европейскіхъ дворовъ и своего семейства. Когда онъ вступилъ на престолъ, то положеніе его было въ высшей степени ложно и неловко. Старинные друзья отъ него отказались, не принимая въ соображеніе трудности его положенія десять лѣтъ тому назадъ; австрійскому и другимъ дворамъ онъ былъ подозрителенъ за конституцію 1812, за свое либеральное направленіе. Но онъ глубоко былъ преданъ дѣлу Италіи, и по одному этому надѣялся привязать къ себѣ недовольныхъ подданныхъ. Съ другой стороны надо было расхѣять подозрѣнія, внушаемыя либеральнымъ направленіемъ его молодости; при всякой малѣйшей уступкѣ, при малѣйшемъ преобразованіи съ его стороны, австрійскій дворъ едва не называлъ его предателемъ и заговорщикомъ. По этому, Карлу Альберту пришлось закрыться въ самого себя и вѣчно притворяться, вѣчно давать малѣйшія уступки со страхомъ и трепетомъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что онъ не любилъ свободы, и совершенно достоверно, что онъ можетъ быть больше другихъ государей заботился о своихъ династическихъ интересахъ. Но за что любила его Италія, такъ это за главную страсть его жизни, за пламеннѣйшую ненависть къ Австріи, за искрившее желаніе освобожденія націи. Вся жизнь его, все время были посвящены на устройство и образованіе войска, и положеніе его было затруднено еще довольно важною политическою ошибкой: онъ упорно считалъ Францію врагомъ Италіи, не понимая, что для Франціи выгодно возвышеніе Пьемонта, пока австрійцы владѣютъ Ломбардіей и на всю Италію имѣютъ большое вліяніе. Къ несчастію, Мадзини произвелъ вторженіе въ Савойю, да сверхъ того открылось, что тайныя общества продолжаютъ свою скрытую дѣятельность. Эти два обстоятельства; вмѣстѣ съ знаменитымъ письмомъ Мадзини, гдѣ изложены были условія, на которыхъ король можетъ расчитывать на помощь радикаловъ — сбили короля съ толку. Ему неудобно было принять эти условія, и потому онъ сталъ видѣть непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ, чья желанія и стремленія онъ когда-то раздѣлялъ совершенно, и чтобы найти какую-нибудь точку опоры, онъ бросился въ другую сторону. Онъ былъ врагомъ удовольствій и праздниковъ; привыкъ къ жизни уединенной и созерцательной; онъ жилъ скромно, отличался большою умѣренностью, часто читалъ библію, окружилъ себя іезуитами и монахами.

Италія между тѣмъ глухо волновалась, усміями варбонаріевъ и Юной Италіи, подлѣ руководствомъ извѣстнаго агита-

тора Малевини, который въ то время жилъ въ Брюссель, и, по распоряженію Мантуелли, продолжалъ катать съ кроки ожаду загонеровъ. Но при этомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ о карбонарияхъ в Юной Италіи. Общество карбонариевъ существовало еще при Наполеонѣ I, но было весьма немногочисленно. Ихъ смѣшивали сначала съ обществомъ франкъ-масоновъ, великій и величайшимъ благотворительнымъ обществомъ, съ нѣсколькими мистическими направленіями и мелочными таинственными обрядами. Смысло ихъ сначала былъ: карбонариями или угольщиками называлась одна изъ очень распространенныхъ сектъ масонства, секта невинная. Въ 1819 карбонарии въ Италіи оченъ усилились, войдя въ тѣсныя сношенія съ патриотами Франціи. Имя карбонариевъ или угольщиковъ было символомъ: углю приписывается сила очищать воду и воздухъ. *Очистить лобъ отъ влаги*, значило у нихъ — избавить отечество отъ иностранцевъ. По этому понятію и ихъ царь: *миссия* волею за усвоенныхъ овецъ! У нихъ все было придумано для сохранения тайны общества. Были опредѣлены наказанія за неискренность, даже невольную, а предательство наказывалось смертию. При вступленіи въ общество, новичекъ приносилъ присягу, что онъ будетъ членомъ невидимаго округа, называвшагося, обыкновенно, *оникой*, и не будетъ стараться узнавать членовъ другихъ округовъ. Высшій былъ судимъ трибуналомъ, составленнымъ изъ карбонариевъ, и одинъ изъ нихъ же долженъ былъ исполнить приговоръ. Ничего не было писаннаго; приказанія, распоряженія верховной венты сообщались словесно особыми посланными. Для признанія ихъ вранъ, нужно было, чтобы они представили колоннику обыкновенной карты, причудливо отрѣзанной отъ другой колонналы, крапаншейся въ вентъ. Статья 58 устава ихъ гласила: «Чтобы быть готовымъ на всякій случай, всякій карбонарій долженъ имѣть ружье со штыкомъ и 25 патроновъ съ пулями. Онъ обязанъ научиться употребленію такого оружія и всѣмъ движеніямъ, какія необходимы при собраніи людей, такимъ образомъ вооруженныхъ.» Но такъ какъ каждый членъ не могъ знать ни часовъ другихъ вентъ, ни, следовательно, силы всего общества, ни имѣній верховной венты, то каждому изъ членовъ приходилось позиноваться вслѣдствію, не разсуждая, механически, безъ той увѣренности, какая дается однимъ сознаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Оверхъ того, для того, чтобы силы общества не раздроблялись, строго запрещено было членамъ-карбонариямъ учреждать какія бы-то ни было другія общества. Слѣдуетъ замѣтить, что тутъ карбонарии допадали въ противорѣчіе. Они сами составляли общество среди другаго, большаго гражданскаго общества, а между тѣмъ не хотѣли

допустить того же относительно своего друга. Но этому Мадри карбонариам было вожество недоставлять, и между ними возникли другие естественные сдвиги Осень Мадзини.

Этого человека сначала занимала литература, и при возникновении спора между классицизмом и романтизмом, являл сторону классициста, и сдвигался вправо по великой ловкости своего пера. Но главный литературный спор не мог быть веден в угнетенной Италии так же, как он был между писателями в странах свободных от чужеземного влияния, как напр. во Франции и в нас в России. Там к спору тотчас привязалась податная, подозрительная цензура остановила на нем свое зловещее внимание. Статьи его были подцензурны уже не цензурно: имали малоцензура не признавала: были в Италии невольничества, иезуиты, теократы и проч., но собственно итальянцы признаемы не были. Он вошел в сношения с карбонариями; но они держали себя очень осторожно с молодыми членами, а Мадзини ничего не мог узнать о намерениях их и о планах. В то же время он обязан был клятвой не основывать никакого нового общества. Все это выводило его из терпения, и он собрался основать карбонарий, как вдруг, в 1830 году, был посажен в тюрьму. Его отец, профессор медицины в генуэзском университете, разспрашивал о причинах такой строгой меры и получил только следующую страшную ответь: «Сын ваш часто разрушает один по предвещаниям, по садам и полям, предавал глубоким размышлениям, что весьма подозрительно со стороны такого молодого человека». — Через полгода, он был выпущен, за недостатком доказательств, и получал паспорт для отъезда за границу. Тогда началась его пламенная, неутомимая деятельность. Он поселился в Марсели и там основал новое общество под названием Юная Италия. В верях тогда носил восшествию на французский престол Людовика Филиппа; почти никто не верил продолжительности его царствования; Мадзини, вместе со многими другими, ждал провозглашения республики, и хотел воспользоваться этим, чтобы объявить республику и в Италии: он рассчитывал, что предприятие его удастся легко, по случаю древних и новых республиканских преданий этой страны. Он безпрестанно твердил также о необходимости единства Италии, так как эту мысль проводили многие гениальные и даже практические люди, Данте, Петрарка, Маниассе, Ломбарди, Фридрих II, Генрих VII, Наполеон.

Часто сравнивают Каура с Мадзини: коринфские журналы часто даже сшивали эти два лица в своих колодезниках.

Привидя, что дѣль у нихъ была одна; но средства совершенно различны, и въ этомъ состоитъ несомнѣнная между ними разница.

Кавуръ, общинный въ либерализмѣ, также убѣдилъ въ границу; но онъ видѣлъ очень хорошо, что время еще не наступило; и потому сталъ выжидать, а между тѣмъ жилъ въ Англіи, много участвуя, но участвовалъ также въ удовольствіяхъ свѣта. Онъ вѣшалъ въ сношеніи со многими значительными людьми и обогатился наблюденіями общественной жизни въ Англіи, провинился удивляться и глубокимъ сочувствіемъ къ английскимъ учрежденіямъ и понятиямъ, какъ слѣдуетъ разумѣть политическую свободу. Когда онъ возвратился на родину и сталъ тамъ принимать участіе въ общественной жизни, политическіе противники его, ультра-демократы и ультра-консерваторы, постоянно ставили ему въ вину пристрастіе къ британскимъ учрежденіямъ. Онъ какъ-будто предвидѣлъ это обстоятельство; и въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій (О политическомъ состояніи Ирландіи) говоритъ:

«Отъ Перми до Лиссабона, въ Германіи, какъ и въ Италіи, враги прогресса и въ то же время партизаны политическихъ судорогъ одинаково смотрятъ на Англію, какъ на самого страшнаго своего противника. Первые обвиняютъ ее въ томъ, что она печаль, въ которой подогрѣваются и разогрѣваются всѣ революціи, что она вѣрное убѣжище, такъ сказать цитадель пропагандистовъ и уравнивателей. Другіе, напротивъ, и можетъ быть съ большою справедливостію, смотрятъ на английскую аристократію, какъ на краснорѣчивѣйшій камень всякаго европейскаго общественаго званія, какъ на величайшее препятствіе ихъ демократическимъ видамъ. Она немилостива; внушаемая Англіей людямъ крайнихъ партій, должна бы слѣзть съ дороги людямъ средняго направленія, друзьямъ умѣреннаго прогресса, друзьямъ постепеннаго и правльнаго развитія человѣчества; коротче сказать тѣмъ, кто по принципу противится и разрушительнымъ бурямъ, и застою общества. Однако же на дѣлѣ это не такъ. У нихъ сочувствіе къ Англіи одолеваетъ невозможнымъ предрѣзудкомъ, воспоминаніемъ, страстей, которыхъ сила почти всегда неодолима. Можетъ быть, еще не много на свѣтѣ людей, которые испытываютъ къ английской націи чувства уваженія и участія, чувства естественныя относительно одного изъ величайшихъ народовъ, когда-либо составлявшихъ честь рода человеческого, націи, которая сильно способствовала умственному и вѣщественному развитію міра...»

Живя за границей, Кавуръ уже сдѣлалъ нѣсколько статей на французскомъ языкѣ, которыя были напечатаны въ разныхъ *Revue's*; предметахъ ихъ были важнѣйшіе политическіе и

экономические вопросы. Онъ подпадалъ въ эту же статью умъ обширный и тонкій, и большую злѣность. Въ каждой статьѣ видно глубокое изученіе предмета и большое пренебреженіе къ литературной формѣ. У него встрѣчается рѣзкая сила разсужденія, въ соединеніи съ упорствомъ отыскиваемъ всѣхъ трудностей вопроса, и обстоятельными разъясненіемъ этихъ трудностей. Въ статьяхъ видѣли другъ всякаго политическаго и общественнаго прогресса и стало быть всякаго средства къ его достиженію, и видѣли рѣшительный врагъ всякой насильственной мѣры, потому что въ его понятіяхъ насильственныя мѣры не бываютъ дѣйствительны. Такимъ образомъ, онъ принадлежалъ къ школѣ знаменитыхъ государственныхъ людей Англій, которые удаляютъ революціи посредствомъ ограниченія свободы. Говорилъ онъ обыкновенно отчетливо, ясно, тонко, но безъ жидкости, и очевидно не рассчитывая на эффектъ.

... Первымъ актомъ общественной дѣятельности Кавура было горячее участіе его въ устройствѣ дѣтскихъ приютовъ въ Туринѣ. Онъ былъ однимъ изъ директоровъ. Это было въ 1840 году. Но въ то время либеральныя идеи были еще контрбандой въ Пьемонтѣ, такъ что товарищи другіе директоры приютовъ, попросили Кавура выйти, потому что извѣстность его умѣреннаго даже либерализма «могла компрометировать общество», хотя сами члены общества дѣтскихъ приютовъ признавали, что Кавуръ одержимъ либерализмомъ всякаго честнаго челоука. Въ 1842 г. онъ способствовалъ учрежденію земледѣльческаго общества въ Туринѣ и воспользовался своимъ положеніемъ члена для распространенія точныхъ, положительныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства; онъ посмотрѣлся на него въ Англій и долго изучалъ теоретически.

Правительство приняло всѣ мѣры, чтобы земледѣльческое общество не выходило изъ тѣснаго круга своей дѣятельности; но положеніе было слишкомъ напряжено, умы слишкомъ были заняты политическими условіями страны, и потому политическія замѣчанія продолжались довольно среди разсужденій и споровъ, по видимому совершенно чуждыхъ политикѣ. Это обстоятельство опять поставило Кавура въ неблагопріятномъ свѣтѣ, не смотря на всю его искреннѣйшую преданность порядку, не смотря на отвращеніе его отъ насильственныхъ мѣръ и переворотовъ.

Мадзини шолъ совершенно другою дорогою. Онъ хотѣлъ республику, и былъ увѣренъ, что достигнетъ своей цѣли, только что соберетъ вокругъ себя хотя небольшой отрядъ, будущее мѣло колоссальнаго возстанія, которое должно быть схватить всю Италію. Онъ обворожительно хорошо говорилъ и рассчитывалъ на успѣхъ, между прочими, при помощи своего удивительнаго дара слова. Онъ

былъ блѣдень; очень хорошея собой, выраженіе лица его было важное, держался онъ вообще строго и велъ жизнь чистоты безупречнейшей. Онъ приобреталъ обыкновенными удовольствіями и жилъ окруженный нѣсколькими друзьями, которые сердечно были привязаны къ нему за его кротость, ровность и снисходительность его характера, тонкость и проникательность ума. Онъ былъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, упрямъ, и говорилъ такъ убѣдительно, что покорялъ себя почти безъ исключенія каждый собесѣдникъ. Но въ немъ всегда была одна нелеставка, котораго, конечно, не замѣчали предупреденныя въ пользу его лица, точно также, какъ и друзья его; это — аффектація и преувеличеніе въ мысляхъ, въ словахъ и въ самой его наружности. Онъ считалъ даже свои прекрасныя, небрежно откинутыя назадъ черныя волосы, живописно обрамляющіе блѣдное, красное, задумчивое лицо; — однимъ изъ орудій привлеченія себя приверженцовъ. У него всегда была наклонность къ парадоксу, къ мистическому, къ фантастическому; онъ преувеличивалъ свои чувства въ самыя задумчивыя минуты; онъ не переставалъ рисоваться ни тогда, когда говорилъ объ авторитетѣхъ, ни тогда, когда спрививалъ чашку кофе. Мадзини всегда имѣлъ безграничное довѣріе къ самому себѣ, самую зоркую въ себѣ уверенность. Для успѣха въ дѣлахъ, весьма часто это составляло необходимое условіе; но это же и вводитъ часто человека въ печальнѣйшія заблужденія и разочарованія. Ему казалось, напр., что онъ не можетъ ошибиться касательно республиканской формы правленія; онъ называлъ, что устроивъ заговоръ, онъ можетъ своими силами остановить или потеропить его вырванъ. Поэтому на собраніи предводителей общества Юной Италіи, бывшемъ въ апрѣлѣ 1800 въ городѣ итальянской Швейцаріи Ломорно, они рѣшили отложить исполненію дѣла на два мѣсяца. Полиція приняла это къ свѣдѣнію, и множество членовъ Юной Италіи было захвачено; риніе были разстрѣляны, особенно вч. Пьемонтѣ; словомъ сказать, были приняты всѣ законныя мѣры предупреденія безпорядковъ посредствомъ надлежащаго устраненія. Кто не былъ разстрѣлянъ, тотъ былъ заключенъ въ тюрьму на пять, на десять, на двадцать или тридцать лѣтъ. Мадзини хлопоталъ день и ночь; стараясь поправить свою неудачу; и тутъ уже является онъ съ тѣмъ роковымъ упрямствомъ, которое надѣлало столько вреда Италіи. Съ своими лихорадочными нетерпѣніемъ; онъ уже въ слѣдующемъ году предпринималъ произвестъ возстаніе въ Савойѣ.

Савойская инвазія была сумасбродствомъ и вообще нелѣпѣе чужестранцахъ, и по замыслу, и по исполненію. Мадзини утвердилъ, что онъ дѣйствуетъ черезъ народъ и съ народомъ; что надѣется только

на востанута между тѣмъ, исцѣлять оверанъ въ пѣмъхъ обществахъ, оныя востановлять востаніе съ време страна воеводы, и нѣтъ нѣхъ, пѣмъхъ: были не пѣмъхъ; оны убрѣли, что не пѣмъхъ на пѣмъхъ; а между тѣмъ не оны пришло, пѣмъхъ, а дѣлалъ его генералу Раморно, не итальянцу, члену мѣмъхъ (справедливо или нѣтъ) неуважаемому. Оны хотѣли поднять Италия, а между тѣмъ пѣмъхъ на Савойю, отдѣляющую отъ Италия Альпами, только случайно принадлежащую итальянскому государству. Второго февраля 1834 колонна Раморно разоружила трехдѣсятное знамя и стала приглашать гражданъ къ востанію; но никто не тронулся съ мѣста. Инсуррентами пришлось бѣжать отъ стражи регулярнаго войска, и прѣжде всѣхъ убѣжали Мадзини. Потомъ оны убрѣли въ Лондонъ, сочиняли пѣмъхъ востаній, устроили итальянскій республику, и безе всякаго выбора брали оверанъ: авенгю; и приносилъ гдѣ пѣмъхъ, едина не на улицѣ. А между тѣмъ его проповѣди нѣхъ своего рода роковой успѣхъ, и нѣхъ востаній предвѣщало то тамъ, то здѣсь. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ сумасбродныхъ попытокъ была въцѣмъ на неаполитанскомъ берегу братьевъ Бандіера, въ 1834.

Отецъ оныхъ двухъ молодыхъ людей, родивъ вѣмъхъ, былъ нѣхъ-единицею австрийской службы. Оны приобрѣли себѣ независимую вѣмъхъ; что захотѣли австрийскій вѣмъхъ востаніе 1831, и выдалъ ихъ на козлы и истязанія вѣмъхъ и дружки правительствъ. Говорятъ, что его сыновья, принадлежавшіе къ Юной Италия, хотѣли снѣтъ съ своего имени вѣмъхъ, пѣмъхъ отцомъ. Мадзини получалъ нѣхъ и своимъ вѣмъхъ разговаривали въ нѣхъ патристическій жаръ. Оны едина ушли въ Венецію въ Карфу, а оттуда старались привлечь себѣ сообщниковъ. Но ожиданія нѣхъ были напрасны: не пѣмъхъ дѣлалъ, потому что никому не хотѣлось рисковать жизнью и дѣлать ради какой-то отчаянной экспедиціи. Но изъ Калабрія оны получили нѣхъ за вѣмъхъ, что страна находится въ броженіи, а готовая къ востанію. Докладе, что они вѣмъхъ оны получили отъ неаполитанской полиціи, которое скоро пѣмъхъ вѣмъхъ, нѣхъ поспѣше прѣ Карфу и, главное, приготовилъ къ нѣхъ австрийскій. А между тѣмъ Мадзини продолжалъ нѣхъ подстрекать. 16 июля 1834 оны съ двѣмъхъ товарищами рѣшились поднятъ оверанъ, а вѣмъхъ на неаполитанскій берегъ, въ устьѣ Милто, пѣмъхъ вѣмъхъ австрийской рѣки, въ пѣмъхъ убѣмъхъ, что въ нѣхъ пѣмъхъ вся Калабрія брошена къ оружію. Но полиція оверанъ нѣхъ, а послѣ небольшой стычки съ многочисленнымъ регулярнымъ отрядомъ

они принуждены были положить оружіе. Двое изъ нихъ убили, одинъ былъ убитъ, остальные задержаны. 25 июля 1844 Фрэнсис Пондэра съ саверрами товарищами были разстрѣляны на мостовидѣ въ Миланѣ. Воспорженныя молодые люди умерли храбро, съ признаніемъ: да здравствуетъ Италия!

Мацуръ дѣйствительнѣе не текъ. Душе времени и общенаростроеіе итальянцевъ (чему вообще, надо сказать правду, не чуждо было иміеіе Юной Италіи) въ томъ же разнзавле рука королю Карлу Альберту. Онъ чувствовалъ, что время приближается. Его рѣшилъ, что переписка этого времени показываютъ надросіе его духа. «Скажиче итальянцамъ», повелелъ онъ историкну Чеваре Канну — «что а востоліе дунае обь Италіи. Онъ писалъ: «Если бы кто-нибудь хотѣлъ выгнать изъ этой страны антиастрійскій духъ, то пришлось бы начать съ того, чтобы выгнать меня самого». Но все еще обь дѣйствительнѣе арвінскыя и хлоповалъ голки ю: чаше-шкъ улучшеіеіе. Наконецъ 30 октября 1847 онъ уменшожилъ исключительные суды, устремилъ публичное и словесное судопроцедство, избирательные городские совѣты и нѣсколько расширилъ права періодическихъ изданій. Тотчасъ же Мацуръ, вмѣстѣ съ друзьями своими Балло, Гальвано и Санта Роза, основалъ новый журналъ *Risorgimento* (Воскресіе изъ мертвыхъ). Его программа была: «единство Италіи, союзъ государей съ народами, движеніе впередъ на пути полезныхъ преобразованій и союзъ между всѣми итальянскими государями».

Въ январѣ 1849 явилась къ королю депутація воъ Гемун, съ просьбою обь учрежденіи гражданской стражи или, такъ называемой, національной гвардіи, и обь изгнаніи аеузатовъ. Собрались нѣсколько людей, искренне преданныхъ прогрессу, давъ совѣщаніи. Тутъ Мацуръ сказалъ свои возмѣшые слова: «ежели просить, то просить короля перецести споры съ опасной армией несправильныхъ тѣлесныхъ и отолжновеній въ кругъ законныхъ, правыхъ и справедливыхъ вещей: куда годятся: непользая преобразованія и чаше прѣты-бы, которая трѣбно путаеіе дѣло; смущаютъ государство и увели-шуютъ прѣвественную емію правительства. Надо просить конституціи. Если государство не можетъ оставаться на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ отолло до сихъ поръ, такъ надо придумати новые основанія, сообразныя съ духомъ времени и съ нестроборнатици-сшаваніи, пока еще не поздно, пока общественная жизнь не раз-рѣшавалъ отъ рекоза народа». Все это было говорено не тайно, Ма-цуръ не любилъ ничего тайнаго. Но Карлъ Альбертъ еще не одоб-салъ, не хотѣлъ удовлетворять общае желаніе. Наконецъ Санта-Виз-та стала прямо просить предствителенгае устави; а днѣйскій пе-

оливки. Аберпронби увѣдомил министра внутреннихъ дѣлъ Сен-Мартена, что придется исполнить эту просьбу, что это — единственное средство избежать весьма серьезныхъ затрудненій. Потомъ стали того же просить герцоги и управасія, царю стали просить этого на площадяхъ, и наконецъ, уже по призыву неаполитанскаго короля Фердинанда, король Карлъ Альбертъ обнародовалъ Основной Уставъ. Послѣ того еще три года Каууръ продолжалъ издавать *Rivorgimento* и оставилъ свой журналъ въ ряду первыхъ итальянскихъ литературъ.

Между тѣмъ вся Италия была уже въ полномъ возстаніи: въ Римѣ явилась и отжила своей короной вѣтъ республика, съ бурнымъ триумфомъ Мадзини. Гарibaldi съ своими волонтерами не выдержалъ напора многочисленныхъ французовъ полчищъ; въ Неаполѣ началось уже реакція и все разрушилось. Но Сардинія упѣлась, не смотря на тяжелые удары Австріи. Послѣ того, какъ венециское войско въ первый разъ было разбито Радецкимъ при Мустьцахъ, Каууръ возсталъ всѣми силами своего убѣдительнаго пера противъ тѣхъ теорій, которыми революціонныя мѣры считались единственнымъ средствомъ поправить дѣла Италіи.

«Люди пристрастные къ чрезвычайнымъ, энергическимъ мѣрамъ, — писалъ онъ 16 ноября 1848, люди, народъ которыми мы до чего живое, какъ несчастные, жалкіе умлреники, — не новость въ исторіи: во всѣ времена переворотовъ были такіе люди; они только портятъ самыя лучшія дѣла, самыя благопріятныя обстоятельства... Поднимается секта желтая, безчестная, нечестивая; она сильно вѣруетъ въ революціонныя мѣры, она убѣждена, что одеркнетъ верхъ и предпринимаетъ 24 июня... Что же изъ этого вышло? Въ Парижѣ, осажное положеніе, въ Швейцаріи молчаливое и сомнительное вѣдательство, въ Неаполѣ востынная дружба между республиканскими посланниками и владѣтельными Бурбонами. Подозрѣвъ еще глубже, и увидимъ послѣдній результатъ революціонныхъ мѣръ: Людовика-Наполеона на престолѣ...» Если принять въ соображеніе, что слова эти были написаны 16 ноября 1848, когда приходъ Людовика-Наполеона прѣхалъ въ Парижъ только 24 декабря этого года, а 26-мъ спрочно занялъ свое мѣсто въ законодательномъ собраніи, то нельзя не отдать справедливости гѣриону политическому взгляду автора.

Но смотря на возразившую свою вѣѣтность, Каууръ былъ избранъ въ члены палаты депутатовъ только на вторую половину 1848. Онъ занялъ мѣсто въ правомъ центрѣ и постоянно, энергически противился всѣмъ мѣрамъ, какъ онъ предполагалъ крайніе партіями, для того же, чтобъ ограничить власть, и протѣсь-

ныи Основными Уставомъ ; или для того , чтобы расширить ихъ въ смыслѣ республиканскомъ . По этому онъ и не заслужилъ той дачи , дешовой извѣстности ; которая такъ вѣрно достается крикунамъ , не пользовавшимся популярностью . Ему часто приходилось бороться противъ порицанія палаты , противъ криковъ и шиканья , которыми встрѣчаемы были его рѣчи . Броженіе умовъ было таково , да и время было такое бурное , что онъ не былъ повяръ ; не поправлялась его находчивость въ отвѣтахъ и не была одѣнена необычайно строгая логика и послѣдовательность его мыслей . По этому онъ и не былъ снова избранъ въ январѣ 1849 . Туринскіе избиратели предпочли ему залорнаго ; но невнятнаго крикуна , котораго нѣтъ , на минуту вызванное изъ забвенія , опять впадо въ часть неязвѣстностей . Мы не хотимъ этимъ сказать , чтобы крикуны были всегда и положительно вредны ; напротивъ ; отчего не покричать ? Это сильно оживляетъ атмосферу и отрезвляетъ слушателей , когда при этой могутъ высказаться все партіи .

Когда сардинское войско было окончательно разбито при Новарѣ , надо было созвать новую палату , и на этотъ разъ Кавуръ одержалъ верхъ надъ другимъ кандидатомъ , генераломъ Компаниа . Однакоже ширь , предложенный Австріей былъ такъ unpleasantъ ; броженіе умовъ было такъ сильно , что Карлъ Альбертъ отрекся отъ престола , и избирательныя коллегии были опять созваны на 10 декабря того же года . Въ слѣдующемъ собраніи Кавуръ преобладающе представлялъ правымъ центромъ , а Раттацци — лѣвымъ . Тутъ Кавуръ заявилъ себя , поддерживая министерство Массимо д'Азеліо въ вопросѣ объ уничтоженіи церковной юрисдикціи , и сказалъ между прочимъ , что ежели дерево Устава не принесетъ плодовъ свободы , то самый Уставъ , и съ нимъ монархія , потеряютъ всякое добріе . Въ концѣ собранія , Кавуръ произнесъ рѣчь , въ которой ясно изложилъ условія , на которыхъ въ слѣдующемъ собраніи онъ будетъ поддерживать министерство . Эти условія состояли въ равенствѣ силъ доходовъ съ расходами , экономическія реформы и налогъ на недвижимую собственность въ городахъ . Это была рѣчь почти министерская . Министръ торговли Санта-Роза удержалъ до открытія новой палаты , и Кавуръ былъ призванъ на его мѣсто . Разсказать , что когда первый министръ предложилъ королю Виктору-Эммануилу Кавура въ новое министерство , то король , обладающій рѣдкою способностью одѣлывать людей , сказалъ : « хорошо ; только смотрите , чтобы весь народъ выжилъ ! » Такое замечаніе въ-остановило Массимо д'Азеліо , потомучто онъ считалъ на мѣстѣ перваго министра не для удовлетворенія пустого самолюбія , но радъ тому , чтобы приносить отечеству истинную пользу . Тутъ Раттацци

былъ избранъ въ председатели палаты, а министерство, на своемъ
всѣхъ этихъ выборахъ, должно было выйти въ отставку. Между
тѣмъ сношенія съ Римомъ становились все болѣе и болѣе затруд-
нительными, такъ что вѣрнее министерство черезъ полгода не имѣло
лучшаго исхода, какъ предложить королю послать Кавура во
главъ правительства. Тогда Кавуръ былъ призванъ изъ Парижа,
гдѣ онъ былъ принятъ императоромъ Наполеономъ, и взялъ въ
свое управленіе министерство финансовъ, вмѣстѣ съ предсѣдатель-
ствомъ въ совѣтѣ министровъ (въ октябрѣ 1852). Какъ единствен-
ный въ Италіи первый министр, опирающійся на представитель-
ную палату, онъ считалъ себя въ правѣ говорить передъ Европой
за всю Италію, и такимъ образомъ Италія мало по малу начинала
смотреть на Пьемонтъ, какъ на своего естественнаго защитника и
заступника передъ великими державами.

Особенно много подвинулся Кавуръ къ своей цѣли чрезъ при-
ятіе участія въ войнѣ съ Россіей въ январѣ 1855 года. Всѣ госу-
дарственные люди въ Европѣ согласны, что со стороны Кавура это
было мастерскимъ, гениальнымъ шагомъ. Для Россіи, при сомни-
тельномъ и даже скорѣе враждебномъ нейтралитетѣ Австріи, въ
войнѣ противъ Франціи, Англіи и Турціи, это было невыгодно,
какъ всякая прибавка къ числу и безъ того уже сильныхъ непріят-
елей. Но не въ русскомъ духѣ — не отдать должной справедливос-
ти даже и непріятелю. Зимой англійское войско сильно пострадало,
и было въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ что Англія уже
не прочь была хоть бы и на свой счетъ взять какой-нибудь вспомо-
гательный корпусъ, хотя бы и царскій, но Кавуръ формально
отвергъ такое предложеніе, а 26 января 1855. подписалъ три акта
условій, на которыхъ сардинское правительство приступало къ
союзу, заключенному между Франціей и Англіей 10 апрѣля 1854.
Первый изъ этихъ документовъ былъ актъ о присоединеніи сар-
динскаго короля къ англо-французскому союзу. Второй, былъ,
военная конвенція, Третій — добавочная конвенція касательно зай-
ма, который англійское правительство обязалось устроить въ Пье-
монтѣ.

Финансовая конвенція заключена была Пьемонтомъ съ Англіей.
Англія. Великобританская королева обязывалась рекомендовать
своему парламенту, чтобы онъ уполномочилъ ее выдать Пьемонт-
скому королю сумму въ $6\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, изъ которыхъ по-
ловину въ возможно скорѣйшемъ времени, а другую черезъ полгода
послѣ того. Королева обязывалась сверхъ того, въ случаѣ, если
война не прекратится черезъ годъ по заключеніи первой полемиче-
скаго займа, рекомендовать своему парламенту уполномочить ея нову-

вѣдому въ $6\frac{1}{2}$ милліоновъ въ такомъ же порядкѣ. Сардинское правительство должно было иссѣсть въ годъ по 4% , т. е. 3% интересъ и 1% погашенія. Сверхъ того Англія обязывалась на свой счетъ перевести 25.000 сардинскаго войска. Въ засѣданіи 26 января Назуръ представилъ палатѣ въ три акта. Изъ нихъ послѣдній, касающійся финансовъ, не могъ быть ратифицированъ безъ согласія палаты. При этомъ Назуръ произнесъ рѣчь, въ которой проглядываютъ уже надежды его на будущее, заботы о дѣлѣсти, в единствѣ Италіи.

«Восточная война, говорилъ онъ, — призываетъ на политическую арену новые интересы и обязываетъ правительства къ новымъ союдамъ. Ходъ старинныхъ дипломатическихъ преданій прерванъ; и соображая всю важность настоящаго, соображая будущее, котораго опасности могутъ быть предупреждены только величайшею мудростью, оказывается очевиднымъ, что при нынѣшнемъ неопредѣленномъ усложненіи дѣлъ, надобно искать новой системы и точкѣ опоры, сообразныхъ съ обстоятельствами. Англія и Франція ведутъ примѣръ забвенія своей вѣковой вражды, а другія правительства принимаютъ мѣры, сообразныя съ дѣлами и выгодами своей политикѣ. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, королевское правительство не исполняетъ бы своей обязанности, если бы не сдѣлало тщательнаго выбора на что рѣшиться для блага государства, для блага всей Италіи, и если бы, сдѣлавъ выборъ, не преслѣдовало дѣла своей энергически. Два направленія представлялись: нейтралитетъ; т. е. удаленность, и союзъ съ западными державами. Нейтралитетъ, весьма часто возможный для государствъ первоначальныхъ, рѣдко бываетъ удобенъ для второстепенныхъ, если только они не поставлены въ особенныя географическія и политическія условія. Сверхъ того, исторія намъ показываетъ, что нейтралитетъ рѣдко бываетъ счастливъ: наименѣе горькій плодъ его состоитъ въ недоверіи и въ пренебреженіи обѣихъ сторонъ. Пьемонтъ всегда выгодами былъ союзны. Пьемонтъ считается теперь въ Европѣ самымъ сильнымъ; но если бы его считали, по ограниченности его пространства, потому что въ дѣлѣ общей для Италіи опасности онъ умѣлъ встрѣчаться впередъ всѣхъ общую участь, и потому что въ мирное время савойскіе государи имѣли рѣдкую мудрость постепенно собировавъ политическіе и гражданскіе законы съ новѣйши желаніями и новѣйши нуждами, естественнымъ слѣдствіемъ непрестанныхъ усилій цивилизаціи. Конечно; Пьемонтъ всегда подвергался испытаніямъ въ силу могущественныхъ событій... но прямое благообразіе состоитъ въ томъ, чтобы принимать участіе въ пожертвованіяхъ и опасностяхъ, если хочешь имѣть дѣло въ славу и выгодахъ»

портъ победы. Конечно, политика недальновидная, Блаторукан, не софитовала бы намъ благоуміе, осерожность, воздержаніе, робкій нейтралитетъ; но судьбы Италіи еще впередъ...

Демократическая партія, вильно, возстала противъ союза съ Англійей и Франціей. Съ 1848 г., говорили они, — Пьемонтъ, въ который рыкъ обрываютъ, перестала быть Пьемонтомъ, а по самой силѣ вошеи, сдѣлалась представителемъ національнаго итальянскаго элемента. Союзъ съ двумя государствами, которыя сами соседними съ Австріей, прямо противорѣчитъ принципамъ итальянской свободы и независимости и составляетъ военное подтвержденіе нынѣшняго поземельнаго раздробленія Италіи. Да и по какой причинѣ станемъ мы вести войну противъ Россіи? Существованіе Турціи развѣ значитъ что нибудь для Пьемонта? Зачѣмъ подвергать опасности итальянскую торговлю ради дѣла, вовсе не національнаго? Издержки этого предпріятія прибавятъ нехочетъ въ нашихъ смѣтахъ и поставятъ финансы наши въ самое жалкое положеніе. Но не смотря на смелую оппозицію, дѣло войны противъ Россіи восторжествовало.

Не станемъ доказывать, въ какой мѣрѣ война, объявленная Россіи западными державами, а съ ними и Пьемонтомъ, была несовременна; не станемъ доказывать, что силою вещей Европа сама доведена будетъ до того, за что воевала противъ Россіи; нѣтъ надобности доказывать, что въ настоящее время турецкія дѣла ведутъ только къ несчастнымъ спорамъ, къ безплодному и убыточному соперничеству между державами въ Константинополь. Все это становится теперь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе яснымъ. Теперь уже два газетчика, серьезно толкующіе о независимости Порты, не могутъ безъ смѣха посмотреть другъ другу въ глаза. Война противъ Россіи была очепланною несправедливостью, со стороны Пьемонта еще болѣе, чѣмъ со стороны Англій и Францій. Но заслуга Кавура верелъ своимъ отечествомъ состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ воспользоваться этою несправедливостью въ пользу Италіи, и воспользоваться весьма ловко. Читатели, конечно, помнятъ, какъ энергически Кавуръ говорилъ въ пользу Италіи на парижскомъ конгрессѣ по окончаніи войны, какъ онъ вѣщалъ Европу, входить въ сѣрдиселомъ министерствѣ представителей дѣлой Италіи. Читатели помнятъ, какими средствами онъ способствовалъ началу войны съ Австріей, какъ онъ издавна подготавливалъ прочный союзъ съ Франціей, какъ онъ надеялся Виллафранскаго мира, хотя и зналъ о томъ, что императоръ Наполеонъ III умѣетъ умнѣять, и какъ онъ послѣдую этого мира вышелъ въ отставку. Но Ривенонъ и Феррари, бывшіе губернаторами Тосканы и Эмилии, такъ прямо, съ такою ясностью

лишіи полн. д. Кавуръ опять всталъ на дѣло, для котораго ратовалъ болѣе десяти лѣтъ, снова вступилъ въ управленіе и до послѣдней минуты своей былъ главою и душою итальянскаго правительства.

Петомство, освобождаясь отъ пристрастій, затѣвлющихъ иногда сужденіе современниковъ, оцѣнить громадные услуги, оказанныя Кавуромъ отечеству. При вступленіи его въ министерство, Венеція была униженъ недавнимъ постыднымъ миромъ съ Австріей; всѣ средства его были истощены въ перойской, но безплодной войнѣ. Все вокругъ него упало духомъ, повсюду началась реакція. Но онъ не ослаблялъ въ своей разумномъ консерватизмѣ. Онъ прежде всего поддерживалъ свободу, данную основнымъ уставомъ, продалъ морякъ въ евангелии, развивалъ благосостояніе страны, поощрялъ земледѣліе, торговлю и промышленность, уменьшалъ таможенные пошлины; онъ свалъ со страны клерикальное иго, однако протѣившаяся олигархія сильной для того времени иѣры, отобрало имущество монастырей. Въ тоже время онъ безрестанно вавладѣлъ Каролъ несправедливости Австріи въ Италіи, утверждалъ предъ всѣми, что Венеція имѣетъ право пріять иѣры противъ австрійскихъ захватовъ. Но онъ до времени умѣлъ сдерживать демонстраціи противъ вѣковаго врага Италіи, такъ что откладывалась неравная борьба до тѣхъ поръ, пока не явился могучій союзникъ. Съ вромомъ парижскаго конгресса, гдѣ онъ открыто возставалъ противъ угнетательныхъ стремленій Австріи, отъ нея одблалось популяризмъ по восу полуострову: каждый итальянецъ считалъ его дуть не дружокъ своимъ. Наконецъ одна изъ величайшихъ заслугъ Кавура передъ людьми Италіи состоитъ въ томъ, что онъ въ вторымъ образомъ изобрѣлъ Гарibaldi и его восторженныхъ волонтеровъ, въ началѣ войны 1859 съ Австріей, а тотомъ, во время прошлогоднихъ возстаній въ Сициліи, не только не преллстварвалъ, но полъ рукою сильно помогалъ волонтерамъ, которыхъ усплія произвели наконецъ столь давно желаемое единство Италіи.

Повѣстно, что вѣбѣтіе о смрти Кавура паразало Италію какъ проломъ. Жерцины плакали о немъ, какъ плакали бы о своихъ собственныхъ дѣткѣ, какъ плакали бы о самой Италіи. Въ Неаполѣ, гдѣ не предпллагалось иъ Кавуру большого сочувствія, это пзвѣстіе было вѣгрѣшено, какъ общественное бѣдствіе: биржа закрылась; театральнымъ представленіямъ были отиѣнены. Тогчасъ объявлена была національная подписка на устройство монумента Кавуру, въ первый же день собрано было 20.000 франковъ. Самыи бѣдныи народъ вормилсвался тоже; выидо принесли свои права.

Но, послѣдствіемъ ея дартія какъ будто ожила. Тогчасъ же соста-

васея была прокламація слѣдующаго содержания : «Граждане! Италия будетъ, Богу это угодно! Рука Всевышняго поразила того, кто насъ раздѣлялъ и унижалъ. Отнынѣ нашимъ единственнымъ крѣкомъ будетъ: Вонъ изъ Италіи кавуристовъ, которые хуже саникъ заострійцевъ! Да здравствуетъ Италія единая, Виктора-Эмануила и министерство, достойное его и ея! Да здравствуетъ прежде всего Гарibaldi!»

Конечно, Гарibaldi гениальная личность; да зачѣмъ же стужа ломать? авторы попробовали было наклеить свою прокламацію на стѣнамъ; но народъ тотчасъ же ее срывалъ, и въ одномъ мѣстѣ нѣсколько побилъ человѣка, занимавшагося наклеиваньемъ. Партія реакціонеровъ тоже попробовала выправить свою радость; гдѣ-то былъ устроенъ по этому случаю торжественный обѣдъ на восемьдесятъ приборовъ. Собралась перелѣ онами большая толпа народу, началось шиканье, свистки, иелетѣло въ она нѣсколько камешекъ, и обѣдашце разошлись съ задняго крыльца; но успѣвъ хорошенько дообѣдать.

Но истинные друзья Италіи не прихотѣли въ отчаяніе. Эта страна никогда не отличалась особенною бѣдностью въ деревенскихъ людяхъ; а въ послѣднее время парламентскія учрежденія и большая политическая свобода образовали замѣтательныхъ дѣлателей, какіе никогда не могутъ явиться при другихъ условіяхъ: атмосфера умственная имѣетъ такое же неоспоримое вліяніе на развитіе людей, какъ атмосфера воздушная на развитіе растений. Въ душной атмосферѣ являются или драблѣе недоростки, или корни у нихъ подгниваютъ, тогда какъ на открытомъ воздухѣ организмы развиваются бодро, крѣпко, во всѣ стороны, съ здоровыми осяками, съ развѣтвляющей сердцевинкой.

Послѣ смерти Кавура, король призвалъ къ себѣ г. Ризазоли, госпазда, и поручилъ ему составить новое министерство. Фамилія Ризазоли ведетъ свое начало отъ бароновъ, которые были известны еще въ дальніе средвіе вѣка. Исторія этого семейства тѣсно связана съ драматической исторіей флорентійской республики. Хотя въ наше время нечего много хлопотать о высокой древности рода, такъ какъ новѣйшіе успѣхи наукъ доказали несомнѣнно, что всѣ нынѣ живущіе люди принадлежатъ къ довольно древнему роду, провходя отъ одного и того же типа, но баронъ Петтиніо Ризазоли считаетъ это обстоятельство очень важнымъ. Это однако не очень большая бѣда, пусть считаетъ, лишь бы не довольствовался тѣмъ, что предки его Римъ спасли, а старился бы спесить и самъ.

Нало видѣть Ризазоли въ его средневѣковомъ замкѣ. Это не развалина, замокъ построенъ точно вчера; вокругъ него ровъ и стѣны

испанскѣмъ порядкѣ, ни одна заѣва цѣпей на подъемныхъ мостахъ не заржавѣла, ворота обиты гвоздями, а на верку, въ эмбразурахъ, торчатъ пушки. Оружейная палата предковъ наполнена богатствами оружіемъ и сохраняется въ большомъ порядкѣ. Библіотека въ замкѣ прекрасна; салы кругомъ его обширныя и богатые. По воскресеньямъ баронъ Риказоли читаетъ своимъ фермерамъ молитву въ большомъ залѣ нижняго этажа, а капелланъ при этомъ бываетъ только ассистентомъ.

Г. Риказоли поражаетъ своею наружностью, точно будто видишь ожившій старинный портретъ Гольбейна или Джорджоне. Онъ высокъ ростомъ, держится прямо, сухощавъ, волосы рыжіе, черты лица рѣзкія, угловатыя, взоръ нѣсколько туманный. Онъ всегда одѣтъ необыкновенно тщательно, всегда въ перчаткахъ, левъ вытѣкиѣ, движенія отрывистыя. Человѣкъ онъ совершенно необузданный и раздражительный, но никогда не выходитъ изъ себя, всегда держитъ себя холодно и съ достоинствомъ. Онъ ходитъ прямо, медленно, говоритъ голосомъ металлическимъ; всякому легко подойти къ нему и заговорить, но всякого въявь держитъ въ почтительномъ отдаленіи своею строгою важностью, своею неодолимою холодностью.

До 1847 года, когда проснулася Италия, г. Риказоли жилъ въ своемъ замкѣ и не мало путешествовалъ, занимаясь земледѣльемъ и много писалъ о сельскомъ хозяйствѣ. Онъ занимался земледѣльемъ для прогресса, для науки, для улучшенія участи своихъ фермеровъ, и на парижской выставкѣ получилъ медаль за свой превосходный винъ. Въ 1847 году онъ представилъ великому герцогу записку о затруднительномъ положеніи Тосканы и просилъ монархическихъ учрежденій, но сообразныхъ съ духомъ времени. Леопольдъ неохотился этимъ, потому что общее направленіе тогда было далеко не совсѣмъ монархическое. По случаю затрудненій между герцогствомъ Моденскимъ, Австріей и Тосканой, по поводу уступки герцогства Лукки, великій герцогъ избралъ посредникомъ Карла Альберта и послалъ къ нему г. Риказоли, который успѣшно выполнялъ свое порученіе. Тутъ вспыхнула тосканская революція. Г. Риказоли основалъ журналъ, *la Patria*, (отечество) вмѣстѣ съ Лавбрукини и Сальваньялли; программа журнала была не длинна и заключалась только въ трехъ словахъ: *fuori i barbari!* (Вонъ иноземцевъ!) Изъ трехъ редактировъ, дальше всѣхъ шолъ г. Риказоли; онъ съ большимъ талантомъ развивалъ мысль о единствѣ Италии подъ монархическимъ правленіемъ, по избавленіи ея отъ папы и Австріи. Его за это называли утопистомъ. Однако онъ не хотѣлъ соединиться съ республиканцами Монтанелли и Герацци. Онъ сложилъ съ себя

званіе флорентійскаго генерал-лейтенанта и отказывалъ отъ себя всякаго участіе въ демократическомъ правительствѣ. Но онъ былъ членомъ правительственной комисіи, образовавшейся потомъ, и чтобы снова пригласить удалившагося великаго герцога.

Но г. Риказоли приглашалъ великаго герцога, а онъ пришелъ въ сопровожденіи австрійцевъ, что и было причиною большихъ неудовольствій, а потомъ и несчастій для короны.

Наступили событія 1859 года. Великій герцогъ Тосканскій не появля, въ которой сторонѣ было спасеніе Тосканы, хотѣлъ употребить войско противъ народа, спокойно и почтительно прославаго войны; войско не стало стрѣлять, и Леопольдъ II, вспоминая событія 1848, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Народъ почтительно сторонился на пути, и говорилъ: прощайте! Но на границѣ великій герцогъ почувствовалъ прибавку присутствія духа, и сказалъ: до свиданія.

— Риказоли сначала былъ минигромъ внутреннихъ дѣлъ при королевскомъ комиссарѣ Буонкомпаньи. Онъ великодушнo придалъ пятый корпусъ, занявшій Тоскану на пути въ Мацую. Потомъ онъ сталъ обдумывать ту статью виллафранкскаго договора, гдѣ сказано: «Государи Пармы, Модены и Тосканы будутъ призваны обратно.» Только ужъ не я стану призывать ихъ обратно, сказалъ г. Риказоли.

Буонкомпанья долженъ былъ оставить Тоскану, а г. Риказоли остался губернаторомъ-диктаторомъ. Онъ рѣшился на все, написалъ свое духовное завѣщаніе, и сталъ дѣйствовать съ настоящею властью. Кавуръ уговорилъ французское правительство принять программу г. Риказоли, но такъ какъ въ Парижѣ требовали удержанія автономіи Тосканы, то Кавуръ на это согласился; г. Риказоли протестовалъ. «Я не хочу этого слова», послалъ онъ сказать Кавуру черезъ своего секретаря. Однако слово прошло въ официальной формулѣ, произнесенной королемъ. Риказоли жаловался на это Кавуру, а тотъ сослался на Кавура, который успокоилъ г. Риказоли, говоря: «Станемъ держаться фактовъ и не будемъ придирааться къ словамъ.» Потомъ г. Риказоли вернулся въ Тоскану въ качествѣ генералъ-губернатора, а принцъ Кариндальскій королевскимъ наместникомъ.

Въ эти два года управленіе г. Риказоли какъ будто выковано изъ одного куска. Ничто его не колеблетъ, ничто не устрашаетъ. Народъ начиналъ было находить, что война, которую велъ г. Риказоли противъ печати, противъ рѣчей, противъ лицъ, но раздѣляющихъ его мнѣній, противъ гражданской стражи, противъ избирательныхъ голосовъ, не своевременна и неумѣстна. Но когда народъ

улавляя, что этотъ недостатокъ ничѣмъ не поколеблется, что онъ готовъ держаться противъ всѣхъ и противъ всего, что онъ работаетъ съ шести часовъ утра до часу по полуночи, не беретъ собѣ ни копейки, а еще даетъ въ назначеніе свои деньги, что у него нѣтъ другаго честолюбія, кромѣ торжества великаго дѣла, единства Италіи, что онъ безтрепетно жертвуетъ этой благородной Тосканой, тогда какъ лучше кого другаго онъ самъ знаетъ о славныхъ преданіяхъ ея самостоятельности; когда онъ увидѣлъ, что этотъ человѣкъ, аваясь въ желѣзную вѣру въ усѣхъ, — довѣріе возродилось во всѣхъ сердцахъ; народъ положился на его умѣнье, на великодушіе этого страшнаго, непоколебимаго стража единства Италіи. И этотъ стражъ былъ неусыпнѣнъ. Известному писателю Гверацинъ, которому гордится италіанская литература, онъ запрещаетъ выѣзжать въ Тоскану. Маласпи, который пробрался въ Тоскану, преслѣдуется карабинерами. Риказоли велитъ ему сказать, что если онъ мандалеся, то его заврутъ въ собственный замокъ губернатора, будутъ обращаться съ нимъ какъ съ княземъ, но не выпустятъ, пока *Италія не будетъ совершенно и додѣлана*. Въ Тосканѣ были тогда одинъ человѣкъ, одинъ годъ, одна воля, одна мысль, одна дѣль, одна сила — Риказоли и его программа.

Г. Риказоли не есть дѣятельная сила, потому что у него нѣтъ инициативы. Онъ обладаетъ силою фронзы: твердостью, сопротивленіемъ. Можетъ быть взгляды его не очень широки и обширны, но онъ видитъ ясно. Краснорѣчіе его довольно мало, но мысль глубока и вѣрна. Онъ не гениальный человѣкъ, но государственный мужъ, въ томъ смыслѣ, что у него есть вѣрный тактъ, положенія дѣлъ не колеблется въ выборѣ и въ приложеніи средствъ простыхъ, действительныхъ и быстрыхъ средствъ. Онъ догматичен, какъ сабелъный ударъ: онъ рѣшаетъ. Когда французскіе дипломаты окружили его въ Palazzo Vecchio, когда онъ былъ тосканскимъ губернаторомъ-директоромъ, онъ возражалъ имъ только: «Вы вступадете со мной въ переговоры, значитъ, вы признаете меня.» — Насколько! отказываютъ дипломаты. — Въ такомъ случаѣ между нами и мной не можетъ быть никакаго соотношенія.

Г. Риказоли никогда не устаетъ. Четыре часа сна, кусокъ хлѣба съ масломъ и стаканъ воды, вотъ все его нужды. У него нѣтъ ирраціональнхъ, но гордость больше, чѣмъ у Людовика XIV. Рѣдко кто смѣлъ его смѣюцца. Онъ очень добръ, но его боится; фермеры его боятся, когда онъ идетъ; однако онъ ихъ обогащаетъ и оепастииваетъ. Свои, сказанное имъ, свяденно; можно поручиться головой, что онъ сдержитъ каждое изъ своихъ обѣщаній. ещеніе будетъ жидь. Г. Риказоли перешелъ въ протестанство, го-

ворать оттого, что ему были откровенны интриги рыцарского двора. Онъ важенъ, строгъ, безкорыстенъ, честенъ; много не боится, никогда не смотритъ внизъ, идетъ къ дѣлу прямо, на шлохъ, и никогда не прощаетъ. До сихъ поръ онъ дрожитъ отъ негодованія при имени Гверраци, который осмѣлился обезчестить жилище его предковъ полицейскимъ обыскомъ. Въ 1848 говорилъ, что у Риказоли хранятся пушки для великаго герцога. Въ самомъ дѣлѣ, полиція нашла въ старыхъ ящикахъ, на башкахъ, пушки, но деревянные, выкрашенные подъ бронзу. Г. Риказоли замѣчательный писатель; онъ въ тоже время большой любитель и покровитель художествъ. Онъ умѣетъ обуздывать свой гнѣвъ, но не всегда находитъ это нужнымъ.

Теперь г. Риказоли является передъ Европой съ оффиціальною программой: «я буду продолжать политику Кавура.» Но Риказоли не такой человекъ, который можетъ вылиться въ чужую форму. Онъ самъ дѣлая программа. Онъ означаетъ отрицаніе пышности, преобладанія и самостоятельности провинцій; онъ означаетъ отрицаніе всякой сдѣлки, отъ которой могла бы пострадать честь, величіе, неприкосновенность Италіи. Его девизъ: все безусловно. Онъ не такой человекъ, который согласился бы уступить хоть вершокъ земли, хоть одно полученное право. Онъ самъ есть бласташее свидѣтельство единства Италіи.

13 юня, г. Риказоли объявилъ палатѣ объ окончательной организаціи министерства слѣдующею рѣчью:

«Имѣю честь объявить палатѣ, что въ прошлую субботу его величеству королю угодно было довѣрить мнѣ трудное дѣло составленія министерства. Черезъ нѣсколько времени я уже могу представить его величеству списокъ гражданъ, который и былъ при мнѣ, а сегодня я могу вамъ объявить, что министерство состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: внутреннія дѣла — Мингетти; финансы — Вастоцци; морское министерство, отдѣленное теперь отъ военнаго — Менабреа; юстиція — Миллетти; публичныя зданія — Перуцци; народное просвѣщеніе — Саваттисъ; земледѣліе и торговля — Кордова; президентство и иностранныя дѣла избранъ мнѣ. Я всѣми желалъ бы объявить объ окончательномъ устройствѣ военнаго министерства; оно такъ важно, что выборъ долженъ быть сдѣланъ самымъ тщательнымъ. Это желаніе, въ необходимости составляющее причину, почему это министерство до сихъ поръ не занято. Временно дѣла его будутъ ведены президентомъ совѣта, а общее управленіе ихъ вѣрено генералу Куина. Госпола депутатъ! вы были призваны довѣріемъ короля въ преемники того знаменитаго человека, котораго похитили у Европы преждевременная смерть,

съ великою невыгодъ, съ величайшему несчастію Италіи; мы приняли это дѣло скоро по чувству долга, чѣмъ по увѣренности въ свои силы... Но, посреди великаго несчастія, насъ поразившаго, мы не заблудились утверждая, что никто не погубитъ волю и мужество гора, никто не усумнился въ судьбахъ отечества. Нѣтъ, всѣмъ, обширнѣйшій проектъ этого великаго государственнаго челоука съ нимъ не погубилъ; когда онъ сходилъ въ могилу, этотъ проектъ былъ уже душою и жизнью всей націи. Теперь намъ дѣло будетъ состоять въ продолженіи этого дѣла, вседелаго съ такою мудрою смѣлостью, такъ близко подведеннаго къ концу. Передъ Европой мы должны поддержать право Италіи устроиться и обрѣстись. Ежедневно возрастающее могущество общественнаго мнѣнія, мудрость и выгоды правительствъ, необходимость положить предѣлы положенію вещей, невыгодному для всѣхъ и опасному для многихъ, благосклонная поддержка союзныхъ государствъ; которые могутъ видѣть, какъ нужно, чтобъ Италія была велика и сильна, все это даетъ намъ увѣренность, что Европа скоро исполнитъ свое право. Но, какое бы мы довѣріе ни имѣли, Италія должна быть готова на все; она должна быть въ состояніи на все возможныя случайности. (Живое одобреніе въ палатѣ; рукоплесканія въ храбрыя). Первая работа правительства, даме скажу болѣе, первая обязанность его будетъ состоять въ неутомимомъ продолженіи цѣлительнаго вооруженія (хорошо!). Фриды, необходимыя для военныхъ приготовленій и столь же необходимыя для публичныхъ работъ, которыя должны ускорить развитіе экономическаго силы страны (хорошо!), не могутъ быть доставлены налогами. Вы признаете, всѣмъ, какъ обсужденію и утвержденію закона, который разрешитъ бы правительству заключить заемъ, назначенный для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Приходя къ кредиту, мы не должны въ тоже время забывать, что надо заботиться о средствахъ возстановить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, равновѣсіе, составляющее главную основу кредита...

Остальные мѣста рѣчи г. Риказоли, относились къ тому, что правительству должно быть твердо, что оно строго будетъ держаться конституціи, будетъ неутомимо поддерживать порядокъ, не имѣть отрицанія свободы, а какъ ручательство, какъ необходимое условіе всѣхъ вольностей и т. д. Рѣчь не длинная, весьма хорошая, очень твердая, довольно успокоительная для истинныхъ друзей Италіи. Но, все замѣтивъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, Кауруъ говорилъ бы вѣроятно иначе, именно, что онъ отнесся бы съ гордой стороны о Франціи, отозвался бы съ вѣнаторьямъ востерствомъ о французскомъ войскѣ и не пропустилъ бы Англии, которой

широко, но истинно-патриотическое влияние не мало содействовало въ устройству нынешняго положенія Италіи. Но, времена, теперь совершенно иная, и въ парламентѣ и рѣши, и пренія должны принять видъ: Каура совершенно другой характеръ. Кауръ въ палатѣ былъ какъ дома; со всеми депутатами, но особенно, въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. То поймаетъ котораго-нибудь за плечо и старается его переубѣдить; то сидитъ спокойно, выслушивая самую горячія возраженія, подождетъ потомъ то къ одному, то къ другому, возитъ черезъ скамейки, и видно уже предвидитъ, кто-нибудь ему противорѣчить; покаркаетъ весь и начнетъ говорить съ жаромъ, размахивая руками, и непремѣнно добьется своего, убѣдитъ—такъ человека, даже принадлежащаго къ противоположному образу мыслей. Очень часто случалось, что при предложеніи какого-нибудь закона, делается множество возраженій, цѣлыя рѣчи, пренія бываютъ горячія, и дѣло кончается тѣмъ, что законъ принимается единогласно. Дѣло въ томъ, что Кауръ умѣвалъ убѣждать всѣхъ и каждого, и былъ такимъ образомъ тираномъ палаты, despoteмъ Италіи, но такимъ, каковаго очень легко вынести: достоинъ и тираномъ силою убѣжденія. Теперь очевидно, что дѣла должны пойти иначе. Г. Рикасоли конечно придетъ и палатѣ дастъ свои свойства: пѣнокорую детскость, строгій видъ и нѣкоторый формализмъ. Увидимъ.

Говорятъ приверженцы Каура, что онъ при жизни своей облагодѣтельствовалъ Италію, создалъ ее единство, и самою смертию своей былъ ей полезенъ. Обстоятельства дѣла извѣстны. Регенсбургъ, реакціонеры и всѣ, ткнушіе назадъ, словомъ, вся партія австрійская сильно обрадовалась смерти Каура. Являлись надежды, ожидалась страсти, и уже приготовлялись на скорую руку разными возмутительными дѣры. По самому свойству отношеній, то самое обстоятельство, которое доставляетъ радость Австріи и ее партіи, оставляетъ печаль императора Наполеона III. Онъ немедленно принялъ дѣры, чтобы радость австрійской партіи была невозможна, и въ то же время, чтобы партія противоположная, т.е. австрійская дѣйствія не слишкомъ укрѣпилась. При Каурѣ начата была переписка о признаніи итальянскаго королевства, французскимъ правительствомъ, и только что онъ умеръ, признаніе совершено. Оставалось окончить нѣкоторыя формальности, и «Мониторъ», 25 іюня объявляетъ слѣдующее: «Императоръ провозгласилъ со своимъ министромъ Витора Эммануэлемъ королемъ Италіи. Объявивъ объ этомъ рѣшеніи турецкому кабинету, императорское правительство само знаетъ, что оно отклоняетъ отъ себя всю ответственность за нарушение, поущеніе, нарушеніе мира Европы, прибавляя,

что французскія войска осмунтены въ Римѣ; до тѣхъ поръ, пока интересы, принявшія отъ войска въ Римѣ, не будутъ ограждены достаточнокими ружаемиствами.

Собственно говоря, такой актъ со стороны французскаго правительства не имѣетъ той важности, какая приписывается ему многими газетами. Признавать только совершившійся фактъ со всевозможными оговорками и главное, съ удержаніемъ французскихъ войскъ въ Римѣ. Но фактъ нельзя не признавать. Даже Францискъ II признаетъ его совершившимся и протестуетъ противъ него. Австрійское правительство признаетъ фактъ, предписавъ своимъ чиновникамъ не дѣлать особенныя затрудненій по поводу паспортовъ, лаятыхъ именемъ итальянскаго короля и королевства. Даже папа признаетъ совершившійся фактъ, и призываетъ гибель небесный по нарушительной договорамъ. Французское правительство сдѣлало тоже. Заявивъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Римъ, естественную столицу Италіи, оно теперь признаетъ королевство, столицу котораго званнасть, и говоритъ въ тоже время, что войска своихъ не выведетъ до тѣхъ поръ, пока интересы папской свѣтской власти не будутъ ограждены достаточнокими ружаемиствами. Когда же итальянское королевство можетъ согласиться оставить за папою свѣтскому вавотъ надъ столицей, съ ея округомъ, довольно обширнымъ? Въ эти отъцы исльза не ридидати новыхъ усложненій вопроса, новой путаницы на этомъ уалѣ; который наконецъ придется разрубить, если не распутать соединенными усиліями европейскихъ государственаить людей.

Конуръ, въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ о Римѣ, показавъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою должны находиться правительство и духовенство. По случаю чисто гражданскаго торжества Визія по поводу освобожденія Италіи, духовенство получило отъ Рима предписание — воздержаться отъ участія въ этомъ торжествѣ. Правительство не приняло никакихъ повелительныхъ мѣръ; но съ своей стороны распорядилось, чтобы свѣтскія власти и народъ не принимали участія въ торжествахъ чисто религиозныхъ, по крайней мѣрѣ въ официальныхъ своихъ значеніяхъ властей, а послѣ хотять; то въ качествѣ престолахъ; чюгнннчъ лнщъ, принадлежатъ. Слѣдовало бы этимъ и ограничиться; но народъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Миланѣ, требовалъ участія духовенства, церковной службы и т. д. Когда же духовенство отказалось; то народъ произвелъ весьма испрнатуую демонстрацію передъ домомъ епископа. Пришлось произвести множество престолахъ, чюгннчъ бы прнвотцъ въ народъ; возбужденный противъ духовенства; на этому; свнзлось много недовольныхъ; и Римъ достигъ своей

цѣли: смутить совѣсти, разстроить народное правосудіе: и, хотя немного, а поссорить управляемыхъ съ правителями. Но забываютъ Римъ, что минутный успѣхъ въ этомъ случаѣ, важъ и дорогъ, но временъ; что за то въ народѣ некаясь и наиперты, вражда, которая потомъ можетъ развиться; что самое простое, самое великое благоразуміе требуетъ предупрежденія этого шага...

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

Съ легкой руки изобрѣтеннаго декрета, который въ законодательной палатѣ разрѣшено не только соглашаться съ предлагаемыми на утвержденіе законами, но и говорить о нихъ, печать была облегчена два раза, сначала циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, а потомъ имъ же самимъ закономъ 18 іюня. Давно уже носилась слухи, что законы о печати во Франціи будутъ облегчены; одинъ газетъ объявляли объ этомъ, другіе потомъ утверждали, что эти слухи ничтожны никакого основанія; первыя газеты подтверждали, что слухи ничтожны эти новости изъ министерскихъ источниковъ, а другіе возражали, что эти слухи преждевременны. Наконецъ эта гора родила мышь. Обсужденію палаты предложено только измѣненіе статьи 39 декрета 17 февраля 1853 г. Въ силу этой статьи газета, получившая два предостереженія, можетъ быть запрещена. Измѣненіе состоитъ въ томъ, что это правило остается во всей силѣ только въ такомъ случаѣ, когда отъ одного предостереженія ко другому проходитъ не болѣе двухъ лѣтъ. Если же въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ предостереженія газета себя хорошо, то эти слухи газета уже забавляется отъ опасности быть запрещенною во второй слухи двухъ лѣтней давности. На новый законъ предложено было нѣсколько измѣненій, и между другими предложилъ свое въ Жюль Фавръ. Онъ предлагалъ, что печать, для блага страны, должна быть все избавлена отъ министерскихъ предостереженій; газетамъ въ простую, совершенныя періодическими изданіями, они отъ печати бы, не передъ администраціей, а передъ судомъ Криминаль; разсчитывая просить закона и предложенныя измѣненія, не приняты нѣкоторые, и законъ вышелъ не утвержденіе палаты 18 іюня.

Жюль Фавръ говорилъ противъ новаго закона, отсылая свои измѣненіе.

Въ отпикъ на рѣчи Жюль Фавра, въ министръ Бизоль промолвилъ другу, необыкновенно легко и умно. Онъ выказалъ, между прочимъ, съ большою твердостью, что императорская власть не оставитъ во французской администратурѣ, что «равноудалы» не могутъ удерживать за собою особую власть надъ печатью, для поддержанія общаго интереса

мира; что законы, общественной безопасности, которыми такъ рѣшительно возмущено правительство, остаются до будутъ; что оно не откажется отъ права запрещать избирательныя собранія тамъ, гдѣ они будутъ казаться опасными; — отъ права поддерживать извѣстныхъ кандидатовъ, противъ тѣхъ, которые будутъ поддерживаемы партиями; что оно не распустилъ этой палаты, которая такъ хорошо служила странѣ и не измѣнить положенія, даннаго властью законодательному корпусу въ 1852 году). Речь его была часто прерываема шумными рукоплесканіями, и когда стали собирать голоса, то оказалось, что въ пользу закона 233 голоса, а нѣтъ представителей, раздѣляющихъ образъ мыслей г. Жюля Фавра, голосовъ же не подавали.

Въ своей торжественной и, если можно такъ выразиться, браваурной рѣчи г. Бальбо упоминалъ, между прочимъ, о предстоящемъ сужденіи при исправительной полиціи одной книги, въ которой сказано: «Это правительство продолжаться не можетъ. Разсмотримъ, что мы можемъ поставить на его мѣсто». Книга эта принадлежала герцогу де Броли, (de Broglie), бывшему министромъ при Людовикѣ Филиппѣ. Уже двѣнадцать лѣтъ, какъ г. Броли удаленъ отъ политической дѣятельности; все это время онъ посвящалъ трудамъ по части исторіи и общественнаго права, но ничего не печаталъ. Все это, можетъ быть, будетъ напечатано послѣ его смерти; а теперь онъ сообщалъ свои сочиненія немногимъ друзьямъ. Для облегченія подобныхъ сообщеній, онъ услаився съ литографомъ Калле, который литографируетъ ихъ по мѣрѣ полученія и печатаетъ въ числѣ пятнадцати и до ста экземпляровъ. Стало быть, герцогу де Броли авторъ очень скромный. Не смотря на такую скромность, 7-го іюня послѣднее сочиненіе г. Броли: *Виды на правительство Франціи*, — было захвачено въ литографіи полиціей, какъ книжка комиссара, по приказанію преемника полиціи. Мало того; полиційскій заставилъ при себѣ стереть и выметить камни, на которыхъ еще были написаны послѣдніе шесть листовъ. Г. Броли аттасъ вѣдомства, а такой поступокъ считаетъ со стороны преемника полиціи противозаконнымъ. По закону, всякое сочиненіе, политическаго содержанія, амфионное объемомъ менѣе десяти печатныхъ листовъ, должно быть предьявлено въ надлежащее присутственное мѣсто за 24 часа до поступленія въ продажу. Но сочиненіе, бывшаго дворянина, не подвергается этому закону, стало быть, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отобрано, у издателя, такъ какъ: ни какъ г. «Виды на правительство», въ 7-хъ листахъ восемьдесятъ. Смерть, того преемника полиціи, отбирая книгу, предьявилъ свою власть, по тому что, крикнувъ себѣ въ этомъ случаѣ, власть судити. Къ тому же мажорант, выраженный въ книгѣ, весьма могутъ быть приг.

знаварны приваженствомъ проданы; если онъ распространяется въ публикѣ. Но что же въ арде въ нынѣшнѣ, которыя не были распространены и даже не были на это приваженны. Но истина эта въ соображеніяхъ, г. Вронн. подаль на превекка жалобу, съ требованіемъ возвращенія незаконно отнятой собственности. Процессы этотъ общасть быть очень занимательныи, и парижская публика оживаетъ большого удовольствія.

Другой процессъ, котораго публика ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, это процессъ знаменитаго банкира Миреса. Но дѣло его также сложное, столько обстоятельствъ, счетовъ, книгъ, отчетовъ, акцій, биржевыхъ спекуляцій входитъ въ это дѣло, что адвокаты обвиняемаго не имѣли времени приготовиться, и поэтому обвиненіе и защита во второй разъ были отложены. Миресъ получилъ позволеніе заниматься въ своей канцеляріи приготовленіемъ къ своей защитѣ, и очень обидѣлся, что въ одной комнатѣ съ нимъ постоянно присутствовали двое полицейскихъ. Онъ сталъ клеветать, чтобы его избавили отъ такого близкаго надзора, увѣряя, что въ присутствіи полицейскихъ онъ не можетъ работать. Ему оказано было снисхожденіе, и разрѣшено работать безъ присутствія полиціи, но все-таки не иначе, какъ съ своимъ адвокатомъ. А обвиненіе Миреса было уже прочтано. Онъ обвиняется, между прочимъ; въ томъ, что плутовскимъ образомъ возбуждалъ страхъ разныхъ воображаемыхъ событій и такимъ образомъ выманивалъ деньги у разныхъ помѣщиковъ въ процессѣ лицъ; что онъ изтрачивалъ множество довѣренныхъ ему суммъ; что онъ разорилъ акціонеровъ желѣзной дороги изъ Сарагоссы въ Нампелуну на сумму болѣе девяти милліоновъ франковъ; что онъ, составляя фальшивыя документы, выдавалъ акціонерамъ не тотъ дивидендъ, какой имъ приходился. Этотъ процессъ также будетъ очень любопытенъ, и много бѣдетъ тутъ большихъ скандаловъ.

И нельзя не упомянуть еще объ одномъ процессѣ, который, впрочемъ, уже кончился благополучно. Это — дѣло извѣстнаго Бланш, сдѣлавшагося извѣстнымъ тѣмъ, что всю жизнь свою составлялъ тайныя общества. Онъ началъ свою дѣятельность съ 1827 года, когда въ перергѣлкѣ съ королевскими войсками былъ ужалено ранено въ шею; потомъ въ 1830 драгунъ за свободу, потомъ былъ истинноко разъ посаженъ въ тюрьму на годъ; на два года; на три жизни; прощенный несколько разъ, наконецъ приговоренный съ десятилѣтнему моремому заключенію правительствомъ французской республики, онъ былъ наконецъ включенъ въ министерство императора Николаева III; 10 августа 1850. Намыче, 15 франковъ, онъ представлялъ въ судъ неправительной полиціи, обвиняемый въ

томъ, что составлялъ тайныя общества. Въ этомъ онъ не признался, и прямо уличить его въ этомъ судъ не могъ. Какъ человекъ бывалый, онъ велъ себя при допросѣ съ большимъ присутвіемъ духа, часто отшучивался и чувствовалъ себя какъ дома. Оказалось, что онъ провелъ большую часть жизни въ тюрьмѣ, въ разные сроки, всего около 25 лѣтъ. На вопросъ ѣздилъ ли онъ въ Голландію послѣ 1850 года, онъ отвѣчалъ, что даже въ Китай не ѣздилъ и въ Японию не былъ; а когда президентъ замѣтилъ ему, чтобъ онъ не шутилъ, что это все серьезно, онъ отвѣтилъ: Все, что доказано слѣдствіемъ, серьезно; все, что слѣдуетъ изъ рапортовъ полиціи, было бы насмѣшкой, если бы не было подлостью. Вся улика состояла въ томъ, что у него найдено 9300 конвертовъ, и изъ нихъ на 7000 были надписи, слѣданныя его рукою. На вопросъ, что должны были заключать въ себѣ эти конверты, онъ отвѣтилъ: то, что я положилъ бы въ нихъ. Одна изъ свидѣтельницъ по этому дѣлу сказала, что онъ намѣревался вложить въ конверты объявленія о новыхъ корсетахъ. Не смотря на присутвіе духа, обвиняемый приговоренъ къ четырехъ-лѣтнему тюремному заключенію, къ штрафу въ 500 франковъ и лишенію на пять лѣтъ гражданскихъ правъ. Теперь уже ему 56 лѣтъ, а когда онъ высидитъ въ тюрьмѣ еще 4 года и пять лѣтъ пробудетъ подъ надзоромъ полиціи, то войдетъ въ гражданскую жизнь 65 лѣтъ, проведя 29 лѣтъ въ тюрьмѣ.

ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

Двадцать пятого июля, въ 9 часовъ утра, скончался турецкій султанъ Абдуль-Меджидъ-Ханъ. Немедленно послѣ того вступилъ на престолъ его братъ, Абдуль-Азизъ, и принялъ присягу министровъ и высшихъ сановниковъ. Въ тотъ же день венчаною совершились и похороны покойнаго султана. Дѣла военыя въ общую очередь тихо, мирно, спокойно, и только 25 числа означеннаго мѣсяца происходили хлопотавыя глаголы, какъ почитается, поворахъ, что покойный султанъ скончался слишкомъ рано, что онъ не успѣлъ исполнить всѣхъ своихъ предначертаній, и т. д. въ должностномъ стилѣ. По собственнаго повора, пралесія воейнаго султана начались продолжаться и кончались среди смута, безпорядковъ и опасностей. Вступилъ онъ на престолъ шестнадцати лѣтъ (въ 1839) и съ дѣхъ вора, въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ, сильно занимался своимъ гвареюмъ, новрѣлъ себя до величайшей степени достоинія, равно какъ и турецкіе финансы. Въ обстоятельствахъ его царство-

ванія сложились такъ, что преемникамъ его ровно ничего не остается дѣлать, и спокойно жить въ своихъ гаремахъ подъ опекою великихъ державъ, подъ строжайшимъ принципомъ вмѣшательства. Конечно это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока великимъ державы не убѣдятся, что эта ветхая развалина положительно вредна въ Европѣ и перестроить ее, начиная отъ основанія, выстроить, разрушится, христіанскій храмъ на мѣсто мечети.

Христіанскій элементъ начинаетъ понемногу проникать въ турецкое управленіе. Французскія войска удалились, а константинопольская конференція рѣшила, что Ливанъ будетъ подъ прямымъ управленіемъ христіанскаго начальника, изъ числа подданныхъ султана, съ тѣмъ однакоже, что султанъ не имѣетъ права въ теченіе трехъ лѣтъ смѣнить его, безъ согласія европейскихъ великихъ державъ, а по прошествіи этого срока державы примутъ участіе въ назначеніи новаго христіанскаго начальника. Конечно, не было возможности придумать лучшаго рѣшенія кроваваго сирійскаго вопроса. Христіанскій муширъ или губернаторъ Ливана будетъ принадлежать къ вѣрноповѣданію большинства, и не будетъ зависеть ни отъ бейрутскаго, ни отъ дамасскаго пашей, а будетъ имѣть равенъ, и приказанія получать будетъ прямо отъ Порты. Онъ будетъ жить въ городѣ Дейръ-эль-Камаръ, гдѣ прежде былъ турецкій гарнизонъ. Для поддержанія порядка онъ будетъ имѣть милицію, набираемую тамъ же, въ странѣ, и турецкія войска будутъ имѣть право проникать туда не иначе, какъ по требованію губернатора. Сверхъ того въ Ливанѣ учреждаются два совѣта, одинъ судебный, а другой административный; въ нихъ будутъ засѣдать представители всѣхъ народностей, живущихъ на Ливанскихъ горахъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Подобныя же, въ менышней размѣрѣ, учрежденія устроены будутъ и по округамъ, для обезпеченія жителей; при чемъ власть губернатора остается еще довольно престою.

Эта превосходная комбинація тѣмъ только неудобна для Турціи, что послѣдняя съмыло еврадаеть. Султанъ, вступивъ на престолъ, долженъ былъ клясться въ томъ, что онъ всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ будетъ защищать и поддерживать помянутое государство священную саблю Османа. На этотъ разъ, на Ливанѣ, онъ не могъ защитить своей религіи и принять губернатора изъ вѣрныхъ. Но для христіанъ это прерисно, и теперь всѣхъ будетъ устроить точно такой же порядокъ въ европейскихъ христіанскихъ областяхъ Турціи, и устроить немедленно. Почему же откладывать? Не потому ли, что въ Востокѣ и Герцоговинахъ мусульмане еще не производили поголовнаго истребленія христіанъ? Но въ этомъ не предвидѣлся особенной надобности, особенно уже и потому, что убѣдился

он совершается не подъ радъ, не видѣнными, а спорадически. Это-
 го гонимъ лояльно, чтобы къ европейскимъ христианамъ торжествен-
 нымъ образомъ прилагать знаменатѣль принципъ величества
 и не хотѣли поверить о европейской равности, о независимости
 личности. Порты же великиахъ добродѣтелихъ мусульманъ. Но тутъ
 не есть секретъ, новымъ извѣстный, но никогда не высказываемый —
 не имѣть величавости или, вѣрнѣе, нѣтъ ханства своимъ безирригтра-
 нымъ стѣнамъ. Секретъ состоитъ въ томъ, что европейскіе христиане въ
 Турціи принадлежать къ одной церкви съ нами, а въ одному съ
 нами славянскому племени, стало быть тяготѣють къ Россіи; а это
 нѣ обстоятельство не нравится западнымъ державамъ. Можетъ быть,
 потому что недавно обращенные въ католичество болгары, съ своимъ но-
 вымъ епископомъ, начнутъ понемногу перетягивать иконы къ кри-
 стианскую сторону. А между тѣмъ, по простому чувству справедли-
 вности, нечего было бы этого ожидать! Христиане уже до такой сте-
 пи не терпятъ, такъ измучены неборамъ, жестокостямъ, и всевозмо-
 жными беззаконіями, что кланно бѣгутъ дѣлами деревнями въ Сер-
 бію. И тѣмъ болѣе жмущихся выселиться въ Турцію, тѣмъ силь-
 отъ Сіи жестокости употребляютъ турки для предупрежденія выселе-
 ній: Сербію отъ Византійскаго нашлама отдѣляетъ довольно боль-
 шая река Тимокъ, недалеко отъ которой расположены были де-
 ревня Брэдона. Нынче, 1 июня, вся эта деревня ушла на рѣку, въ
 Сербію. Часть бѣглецовъ переселась уже на сербскую сторону,
 какъ турки накинулись на остальныхъ, чтобы не дать имъ тоже
 уйти. Тѣ, которые были уже на гостепріимномъ берегу единорѣ-
 цовъ и единоплеменниковъ, стали стрѣлять въ турокъ, защищая
 себя. Сербская стража потушилась и ала тогда уже и чтобы не дать
 уйти нѣмъ нѣмъ по рѣкѣ. Завязалась перестрѣлка и на серб-
 ской сторонѣ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, и передрака бѣ-
 глецовъ совершилась благополучно. На другой день опять перепра-
 вились на сербскій берегъ какіе-то несчастные, и опять была пере-
 стрѣлка. На третій день тоже самое. Тогда князь подѣлалъ на мѣсто
 переправы для разбора всего дѣла. Паша предостерегалъ, говоря, что
 турки малавны сербовъ нарушилъ святость границы, перейдя на
 турецкую землю. Но уже и турецкія вѣсти говорятъ, какъ надо, мож-
 но имъ придавать значенія такого рода жалобамъ, а дѣло не имѣло даль-
 ннѣе вѣнчаны полбдствіи! Сербскій вѣстникъ, 1876 г., 10 июня.

Вместо тѣхъ ключей важно не то, что сербы помогаютъ имъ на помо-
 ни преданіи своимъ единоверцамъ; важно то обстоятельство, что жители
 отъ дѣланыхъ деревень оставляютъ свои дома, обрабатываютъ поля, да ко-
 тоя торжкомъ вѣсколькочисленнѣй добываютъ свой дѣло, насущный, бро-
 шенный бытъ бывшую утварю къ которой давно привыкли, бросаютъ

колыбели сворихъ дѣтей и бѣгутъ въ другое мѣсто, работаютъ на по-
 выхъ поляхъ, не имѣя часоваго, вѣрнаго пристанища. Чтобы рѣ-
 шиться на такой вынужденный подвигъ, надо очень много выстрадать,
 надо многочисленными опытами на самихъ себѣ доказать, что при
 нынѣшнемъ порядкѣ вещей, при непозволении туркамъ выходить
 изъ обязательства, принятыхъ на себя въ видѣ дѣлѣ разнѣхъ догово-
 ровъ, начиная отъ кучукъ-кайнарджійскаго; есть возможность хри-
 стианамъ жить подъ мусульманскими владѣтельствами. Если бы даже
 не существовало донесеній русскихъ агентовъ о страданіяхъ хри-
 стианъ въ Турціи, уже этого одного обстоятельства довольно было
 бы для того, чтобы для христіанскихъ подданныхъ Турціи въ Ев-
 ропѣ предпринять такое же точно полезное преобразование, какое
 сдѣлано на Ливоніи.

Двадцать втораго іюня новый христіанскій губернаторъ Ливана
 торжественно являлся Порть: Онъ былъ принять съ общенаци-
 ональнымъ церемоніаломъ, какъ принимаютъ пашей, а великій визирь
 официально объявилъ ему султанскій прадъ, которымъ онъ утвер-
 ждается ливанскимъ губернаторомъ. Во время чтенія произвелась
 надлежащая салютъ одиннадцатыо выстрѣлами. Это
 весьма важное и многознаменательное событіе: это огромная хри-
 стианская брешь въ однихъ ливанскихъ земляхъ. Надо надѣяться, что
 возможны еше будутъ ходитъ благотѣльные для христіанскихъ мас-
 совъ дѣленій услуги и преобразования.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ. ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣла въ итальянскомъ парламентѣ идутъ съ большою живостью.
 19 іюня начались и кончились пренія о соединеніи всѣхъ долговъ
 бывшихъ итальянскихъ государствъ въ одну итальянскую государ-
 ственную долговую книгу, а 20 началось и кончилось пренія о
 предложеніи Гарибальди насчетъ возруженія страны р. С. Нача-
 лось разсмотрѣніе проекта закона въ частности, но парадоксаль-
 но чувствуетъ плата очень хорошо; что вслѣдствіе запроса вернемъ вре-
 мя. По поводу преній о соединеніи государственныхъ долговъ въ
 одну книгу, Гверрацца сдѣлалъ два предложенія; защищать ихъ
 весьма долго, но не успѣлъ. Онъ предлагалъ ликвидировать на
 счетъ Италіи долги, сдѣланныхъ въ 1849, 54 и 52 лѣтъ вели-
 кимъ четырехлѣтнимъ заемщикомъ, подѣлывая предложенію; эти зай-
 мы были тогда употреблены на уплату извѣстныхъ итальянскихъ
 дѣлъ. Второе предложеніе Гверрацца имѣло двѣ цѣли: объявить, что
 итальянское правительство не прикоснется къ своимъ счетамъ долговъ, ко-
 торые могутъ быть сдѣланы впродъ правительствомъ Римъ и Вене-

ціи. Настойчивость Гверрацци привела къ тому, что палата объявила намѣреніе держаться принципа совершенно противоположнаго.

Италія продолжаетъ вооружаться, по обѣщанію, сдѣланному г. Риказоли, въ іюль будутъ собраны подъ знамена 24,000 человекъ, которые должны были поступить въ наборъ 1862 года. Съ 1 іюня войско было поставлено на мирное положеніе, въ ожиданіи того, что Австрія съ своей стороны сдѣлаетъ тоже; но такъ какъ вооруженія этой державы не прекращаются, то и Италія поставитъ свое войско опять на военное положеніе.

Между тѣмъ не здоровъ папа. У него уже давно рожистое воспаленіе; но его положеніе не улучшается; воспаленіе занимаетъ лѣвое бедро и колѣно, и принимаетъ неблагоприятный видъ. Говорятъ даже, что поражена печень, такъ что состояніе больного возбуждаетъ серьезныя опасенія.

Перемѣна правителя въ Римѣ, не такъ, какъ въ Константинополѣ, можетъ имѣть серьезное вліяніе на европейскія дѣла: во первыхъ время конклава, междуцарствія, бываетъ обыкновенно временемъ интригъ, промисковъ, всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ продѣлокъ; а во вторыхъ новый папа можетъ быть измѣнить прежнюю политику и ограничиться одною властью духовною, на которую католики не изъявляютъ никакого покушенія.

Въ Пруссіи палаты закрыты. Король, въ своей рѣчи, благодарилъ палату за содѣйствіе въ законодательныхъ дѣлахъ и за деньги, отпущенныя на войско.

Въ Англіи палата занята частными законами, не имѣющими общаго интереса; но порою возникаютъ тамъ любопытныя запросы, преимущественно о вооруженіяхъ Франціи; и тогда поднимается шумъ: считаютъ сколько кораблей у французовъ, сколько у англичанъ, сколько войска у тѣхъ и у другихъ, и мало по малу успокоиваются. Потомъ черезъ вѣскольکو времени опять выступаетъ на сцену вопросъ о панцирныхъ корабляхъ, которыхъ будто бы во Франціи много, а у Англіи нѣтъ; и опять считаютъ, высчитываютъ, вычисляють, и находятъ, что надо энергически вооружаться. Дѣйствительно, надо; но вмѣсто того, чтобы такъ непродуманно тратить громаднѣйшіе капиталы, не лучше ли было бы обратить серьезное вниманіе на причину столь разорительныхъ издержекъ и стараться истребить ее?

Въ Австріи, какъ мы уже говорили въ прошломъ обзорѣ, государственный совѣтъ не полонъ, потому что изъ венгерскихъ земель не прислано туда требуемое закономъ число представителей. Венгерскій сеймъ только что кончилъ пренія о своемъ адресѣ къ

ролю-императору и поручилъ своему предсѣдателю съ двумя папиа-тлами доставить его въ Вѣну. Изъ предвѣдущаго обзорѣнія чите-тели знаютъ уже этотъ адресъ. Нензвѣстно еще, что сдѣлаетъ въ отвѣтъ на него австрійское правительство; но въ догадкахъ недо-статка нѣтъ. Говорятъ, что сеймъ немедленно будетъ распущенъ, и приназано будетъ произвести непосредственные выборы въ госу-дарственный совѣтъ; говорятъ также, что если эти выборы произ-ведены не будутъ, то у Венгрии отняты будутъ всѣ права, и дѣло тѣмъ и кончится. Но едва ли эти догадки справедливы. Нынче не тѣ времена, когда крутыя мѣры имѣли несомнѣнный успѣхъ. Впро-чемъ члены мѣстскаго комитатскаго собранія отданы подъ судъ за прошеніе, которое они осмѣлились поднести королю-императору. Въ прошеніи они излагали, что народъ разоренъ, что ему нечѣмъ платить податей, собираемыхъ теперь военною силою, и что народу оказано было бы великое благодѣяніе, если бы сборъ податей отло-женъ былъ до осени.

Такимъ образомъ смѣло можно сказать, что общее положеніе довольно удовлетворительно. Общественное мнѣніе, испуганное смертью Кавура, успокоилось, биржевыя дѣла приняли свой обыч-ный ходъ, фонды начинаютъ подниматься; но въ случаѣ катастро-фы, могущей на дняхъ произойти въ Римѣ по случаю опаснаго по-ложенія здоровья папы, опять возникнетъ множество вопросовъ, и можетъ быть важнѣйшіе изъ нихъ приблизятся къ своему разрѣ-шенію.

С М Ъ С Ъ

I

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА

Былъ здѣсь англичанинъ. Нанималъ квартиру въ три тысячи, одинъ жилъ въ тринадцати комнатахъ, изъ которыхъ двѣнадцать пустыхъ стояли; занята была только средняя: его со всѣхъ квартиръ гнали прочь за то, что онъ на трубѣ играть любилъ, онъ и поселился такъ, чтобы никого не беспокоить. — Любилъ онъ еще боксировать. Вотъ и говоритъ онъ разъ своему пріятелю изъ русскихъ:

— Ne pouvez-vous pas me procurer un boxeur?

— Да вотъ, говоритъ ему русскій пріятель, представляя своего лакея Пахома: — оттузить, какъ нельзя быть лучше.

— Quel bonheur! говоритъ англичанинъ и тотчасъ же снявъ сюртукъ, засучилъ рукава.

— Бей его, говоритъ Пахому баринъ.

Пахомъ смѣется: «Какъ можно-сь!»

— Да ужь я тебѣ говорю: бей!

— Ихъ-то!..

— Еще и деньги тебѣ заплотить.

— Да какъ же-сь: куда хочешь?

— Куда хочешь, туда и бей.

Пахомъ призадумался. Но англичанинъ, покрутивъ кулаками навесѣ ему первый ударъ. Пахомъ закричалъ и схватился за бокъ. Но при второмъ ударѣ, освирипѣвъ, и схвативши англичанина за волосы, сталъ его возить по всей комнатѣ. Тотъ нисколько однако не сконфузился, и продолжая его тузить въ бока, довелъ до того, что Пахомъ, стема и вздыхая, упалъ на полъ.

— Quelle drôle manière de boxer! замѣтилъ англичанинъ приводя въ порядокъ свою голову: C'est dommage à moi, qu'il n'y avait point de public: je n'ai pas reçu un seul coup. — Но дѣло этимъ не кончилось: когда боксеръ уходилъ домой, Пахомъ не стерпѣлъ поношенія, и черезъ силу поднявшись на ноги, такъ ударилъ англичанина въ загорбокъ, что тотъ слетѣлъ со второго этажа внизъ по лѣстницѣ.

— Что съ вами! безпокойся говорилъ ему перепуганный пріятель.

— Ce n'est rien, отвѣчалъ чужакъ: — c'est le seul coup, qu'il m'a donné.

Вѣдь это хорошо: воля ваша! Захотѣлъ и побоксировалъ. — И еще жалѣлъ, что нѣтъ публики! Отчего у насъ многіе не считаютъ позоромъ выйти пьяными на улицу, оскорбить женщину, молодецки безчинствовать на гуляньи или въ маскарадѣ, и между тѣмъ, всѣ смотрѣли бы какъ на позоръ цѣлаго сословія, если бы какой нибудь представленный къ чину коллежскаго регистратора вздумалъ напримѣръ, публично надрывать свои силы, боксируя съ лаксемъ? Отчего у насъ, навѣрно, ни одинъ коллежскій регистраторъ не рѣшится на это; тогда какъ, если бы это дѣлали другіе, то навѣрно и онъ сталъ бы съ увлеченіемъ тоже дѣлать. Вотъ вопросы! И мнѣ только жаль, что я не могу теперь заниматься ихъ разрѣшеніемъ, потому что мнѣ нужно какъ можно скорѣе выписать изъ февральской книжки «Отеч. Зап.» слѣдующія строки:

• Кажется «Время» понимаетъ свою задачу такъ, что можно объяснить древнюю Русь, народный духъ, русскую истину и пр. и пр., по произведеніямъ новѣйшей, такъ называемой изящной литературы исключительно!! Мы думаемъ совершенно напротивъ. Намъ кажется, что эта народность преимущественно окажется изъ изученія древней нашей жизни, но не въ одной литературѣ. Древняя исторія завѣщала намъ много учрежденій общественныхъ, передъ которыми современная наука останавливается съ уваженіемъ. Таковы: способъ поземельнаго владѣнія, артель, цѣльность жизни духовной, религіозной и литературной—предметы, которые стоятъ того, чтобы на нихъ обратить вниманіе, и мы будемъ очень рады, если ими займется «Время».

У меня былъ одинъ школьный товарищъ, который всегда, бывало, сговорится со мной:

— Ты учи это, а я то выучу; а потомъ мы и расскажемъ другъ другу.

Такъ и положимъ. Но не пройдетъ двухъ минутъ, онъ ко мнѣ:

— Сколько ты выучилъ?

— Вотъ сколько.

— Ты дальше меня.

— Ну такъ что-жь?

— Да ты вотъ-какъ чжтаешь, а потомъ перепрешь мнѣ.

— Я и теперь знаю такъ, что тебѣ рассказать могу.

— Ну, хорошо.

А потомъ опять черезъ двѣ минуты:

— Послушай!

— Ну, что тебѣ?

— Давай лучше одно учить.

— Да зачѣмъ же? Такъ скорѣй: больше времени остается, чтобы поиграть въ свайку.

— Чтѣ свайка! у меня теперь ужъ животъ болитъ, какъ подумаю объ экзаменѣ; а ты мнѣ перепрешь.

— Я-то тебѣ расскажу какъ слѣдуетъ; а ты прочтешь да потомъ и забудешься.

Я ужасно люблю анекдоты стараго времени, исторіи школьной жизни моей и приключенія юныхъ лѣтъ моихъ. Я всегда любилъ очень учиться, только не тому, чего отъ меня требовали, а разнымъ разностямъ, которыя больше меня интересовали, и учился чрезвычайно скоро, такъ что у меня втрое больше, нежели у моихъ товарищей, оставалось времени на то, чтобы побалагурить съ дочерями моихъ учителей и съ хорошенькими ихъ женами. Товарищи меня не любили за это; они видѣли, что и я не очень ихъ жалую: они учатся; а я точу баласы съ какою нибудь хорошенькой дѣвушкой; они плясуютъ, есоятся, — я учусь.

Я помню одного моего пріателя студента, занимавшагося медициню. Онъ никакъ не могъ мнѣ простить любовныхъ моихъ шалостей.

— Ты бросилъ бы всѣхъ своихъ красавицъ, говорилъ онъ мнѣ съ увлеченіемъ, — если бы увидалъ, какой трупъ привезли нынче къ намъ въ академію: замерзшая молочница. Мертвая женщина въ миллионъ кратъ интереснѣе живой: отъ живой никогда не можетъ быть столько пользы наукѣ.

Этотъ человекъ былъ совершенно прошивговать наукою, и мнѣ никогда не вѣрилось, чтобы онъ любилъ ее. Наука — хороша, и жизнь хороша; какъ же можно чему нибудь одному отдать преимущество? Но онъ рѣшительно не хотѣлъ и слышать этого и говорилъ, что называть науку напрямѣръ поэзіею — кощунство.

— Какъ же ты ее любишь, если она не поэзія?

Онъ объяснялъ мнѣ что-то, но я ничего изъ этого никогда понять не могъ, потому что мнѣ всегда казалось и кажется до сихъ поръ, что тотъ, для кого наука не была и наукою, и поэзіею, и религіей, тотъ

еще не любилъ науки; и отдѣлить науку отъ жизни и отъ всего прекраснаго мнѣ кажется также странно, какъ отдѣлить душу отъ тѣла, и говорить напр., что любовь къ ближнимъ есть проявленіе духа, а любовь къ женщинамъ проявленіе тѣла. Я всегда пироги ѣмъ виѣсть съ начинкой, и мнѣ даже скверно смотрѣть, когда кто нибудь начинку выковыриваетъ и ѣсть отдѣльно, для того, чтобы тѣсто съѣсть тоже отдѣльно.

Но теперь я хочу возвратиться къ вопросу объ англичанинѣхъ и о нашихъ коллежскихъ регистраторахъ. Мнѣ кажется, это все отлично объясняется тою артелью, начало которой «Отеч. Зап.» отыскиваютъ въ глубокой древности, и изученіемъ устья въ которой хотимъ мы заняться, на сколько это возможно, въ этомъ маленькомъ фельетонѣ. Артель, получившая начало свое въ дремучихъ лѣсахъ непроходимой древности, текла по полямъ и селеніямъ, терялась снова въ дебряхъ и тундрахъ, и такимъ образомъ, то появляясь, то исчезая, дотекла до нашего времени, и выдаетъ, на нашихъ глазахъ, раздѣляясь на много рукава и образуя множество острововъ, въ широкое море будущаго. Мы, какъ и «Отеч. Зап.», намѣрены добратъся до исхода этой загадочной рѣки, но для этого мы хотимъ начать ея изслѣдованія не съ непроходимыхъ тундръ и лѣсовъ прошедшаго, а напротивъ, хотимъ, начавъ съ настоящаго, подниматься все вверхъ по теченію этой рѣки: авось такъ скорѣй доберемъ до исхода ея. Дѣло въ томъ, что у насъ во всей жизни артель. Даже намъ кажется, есть иѣкоторая доза артельного начала въ самомъ участіи, которое принимаютъ въ нашемъ журналѣ «Отеч. Зап.» Намъ вѣсѣмъ непременно нужно слѣдить за путями всѣхъ и каждаго; иначе мы жить не можемъ; и если у насъ ни одинъ коллежскій регистраторъ не рѣшится публично боксировать или ходить по канату, то именно потому, что въ его лицѣ у насъ пойдутъ по канату всѣ коллежскіе регистраторы, цѣлое общество коллежскихъ регистраторовъ: не найдется такого каната, который бы выдержалъ тяжесть такую. Оттого у насъ часто коллежскій регистраторъ идетъ по залѣ, и видимо удивляется, какъ подъ нимъ не подгибается полъ, потому что въ лицѣ его идетъ по залу цѣлое общество; но за то онъ же удивился бы, если бы подъ нимъ подогнулся полъ въ присутствіи особы высшаго званія, потому что въ его лицѣ удивилось бы этому и все остальное общество коллежскихъ регистраторовъ. Все, что дѣлаютъ другіе, какъ бы это ни было худо, можно дѣлать всѣмъ безнаказанно; но горе тому, кто что нибудь свое сдѣлаетъ, какъ бы хорошо это ни было. Однажды я ѣхалъ на маленькомъ легкомъ пароходѣ; народу было пропасть; половина публики стояла. Между нѣсколькими важными лицами стояла кормилица съ ребенкомъ. Никто никому не уступалъ.

мѣсто своихъ; я предложилъ свое мѣсто кормилицѣ. Тотчасъ же поднялась суматоха на пароходѣ: всѣ на меня стали смотрѣть; одинъ генералъ потѣшался, чтобы посадить меня подлѣ себя, и повсюду послышались насмѣшливыя замѣчанія въ родѣ того, что хорошеа дѣло никогда не остается безъ *напражденія*. Я рѣшительно покраснѣлъ и въ глубинѣ своего татарскаго сердца, давъ себѣ слово никогда не уступать мѣста кормилицамъ и благодарилъ Бога, что эта была не красивая и уже пожилая. Это замѣчаніе необходимо, потому что непремѣнно отвѣчаетъ на ту мысль, которая вертится уже теперь въ головѣ моего читателя. И я увѣренъ, что будь эта кормилица смазливой бабенкой, на меня всѣ улыбулись бы гораздо добродушнѣе, потому что это сдѣлали бы всѣ, и я никому не показался бы выскочкой. Артель!

Все это современемъ, можетъ быть, выродится въ благообразныя и прекрасныя формы; а теперь покуда, мы знаемъ, по крайней мѣрѣ навѣрное, что любимая мечта послѣднихъ политическихъ людей запада: «хлѣбъ есть право жизни» — у насъ является во всемъ своемъ блескѣ и величій. У насъ никто никогда, подлѣ богатаго сосѣда, или скорѣй подлѣ сосѣда, имѣющаго кусокъ хлѣба, не умереть съ голоду. Мы не даемъ человѣку сказать слова, котораго мы не провозносимъ, но мы не дадимъ ему и умереть, не оказавъ ему всякой помощи. Нигдѣ нѣтъ столько людей ничего не дѣлающихъ, какъ у насъ: они ничего не дѣлаютъ, но они сыты, обуты, одѣты, и не желаютъ ничего лучшаго. Мы всѣ, или большая часть изъ насъ, готовы безвозмездно помогать другъ другу, особенно въ крайнихъ случаяхъ; и также точно всѣ мы способны, не краснѣя, не стѣсняясь, принимать услуги другихъ, даже безъ намѣренія отплатить за нихъ. Я сдѣлаю этому, тотъ тому сдѣлааетъ; мнѣ тоже поможетъ кто-нибудь — въ общемъ квиты.

Все это чрезвычайно губительно для развитія отдѣльныхъ личностей; они тонуть въ общемъ артели; но за то ничто слабое не пропадетъ въ ней, и въ государственной экономіи все-таки поддерживается равновѣсіе. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что у насъ вездѣ и повсюду артель; и надо, отбросивши всякое желаніе быть *pro* или *contra* артели, указывать главнѣйшимъ образомъ ея недостатки, чтобы она вырабатывалась. Если она держится только недостатками, пропадутъ они, пропадетъ и она, и Богъ съ ней; если же каждый изъ ея недостатковъ есть зерно будущей силы ея, будущихъ ея достоинствъ, то пускай поскорѣй это зерно развивается, и пускай поскорѣй, подъ вліяніемъ критики, это зерно, развиваясь, приноситъ цвѣты и плодъ. А рядомъ съ этимъ указывашемъ недостатокъ, можно совершать *поѣздки* въ историческія

времена, но опять только для того, чтобы искать, гдѣ была поезда артель и гдѣ она вредъ принесла; и хоть ради научнаго только любопытства, откуда произошла она. Тогда и Европа увидитъ жизнь нашу и сравнитъ со своею жизнью; тогда и рѣшится вопросъ, можемъ ли мы принять хорошия стороны запада, не принимая недостатковъ его, и можетъ ли западъ принять наше добро, не принимая зла нашего, и возможна ли, и разумна ли будетъ такого рода перемена. Европу воспитывало рыцарство; насъ воспитывало иго монгольское. Нарядите татарина въ рыцарскія латы, и онъ почувствуетъ себя въ нихъ также оскорбленнымъ и осѣбавнымъ, какъ почувствовалъ бы себя гордый рыцарь въ халатѣ изъ тармалана или другой какой азіатской матеріи. И оба они будутъ совершенно правы, потому что каждому нужно оставаться въ костюмѣ, сообразномъ съ его привычками, и этотъ уже костюмъ переправлять и передѣлывать къ лучшему. Медвѣдь, танцующій польку, также смѣшонъ, какъ танцоръ, бѣгающій на четверинкахъ, и оба тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ больше другъ на друга походятъ. Средневѣковая Европа до того заравертовалась въ своемъ пѣтушьемъ чувствѣ собственного достоинства, что ей кажется лучшимъ оналѣть, какъ собакѣ, съ голоду, нежели принять помощь отъ брата, которому она не въ состояніи заплатить за нее: «L'honneur avant tout». Мы до того сблизившись въ всеобщемъ несчастіи и униженіи, что родной врагъ нашъ изъясненъ другимъ въ сравненіи съ врагами—монголами, а хотя мы понимаемъ что «честь лучше безчестья», но тутъ же замѣчаемъ, что «честь не въ честь, какъ нечего вѣсть». И кромѣ того есть у насъ одна поговорка, которая возбуждаетъ особенное негодованіе въ сѣвѣхъ запада: «за тычкомъ не гонись». Скверная, печальная поговорка, тоже остатокъ ига монгольскаго. Но замѣчательно то, что какъ только иностранецъ приходитъ на почву нашу, такъ его тотчасъ разбираетъ охота воспользоваться этою поговоркою. Можетъ быть это также необходимо, какъ пріѣхавши въ Выборгъ, желать выпить чаю съ выборгскими кренделями, или пріѣхавши въ Москву, взойти на колокольню Ивана Великаго. Такъ, говорятъ, французскіе инженеры на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ любятъ пускать въ ходъ нашу поговорку, раздавая тычки русскимъ работникамъ. Не вѣдь мы, раздавая тычки, и получаемъ ихъ въ свою очередь, и затѣмъ въ общемъ квиты. Не оттого ли, говорятъ, и наши мужики, такъ спокойно принимающіе тычки отъ насъ, едва до нихъ коснется иностранецъ, охраняемый законами страны своей, тотчасъ чувствуютъ свое положеніе, и возражая: «L'honneur avant tout», платятъ за иностранный толчекъ російскою трепкою, и слышно, рѣдко случается, чтобы французъ погнался за тычкомъ на нашей

почвъ. Жизнь всегда жизнь, и въ ней паюсъ разгуливаетъ почти постоянно подъ руку со смѣхомъ. Наука, для удобства, раздѣляетъ эти два элемента, и потому, чтобы вполне понимать ихъ, нужно видѣть ихъ въ самой жизни. Между тѣмъ нашъ вѣкъ есть вѣкъ научнаго суевѣрія; вѣра наша въ науку доводитъ насъ до какого-то мистицизма, такъ, что мы не повѣримъ совершающемуся передъ глазами нашими, не посмотрѣвши въ книгу, допускаетъ ли это наука.

— Миѣ никакой предметъ не можетъ нравиться, говоритъ миѣ одинъ господинъ,—пока я не убѣжусь, что онъ долженъ нравиться. Никакая наука не заставитъ насъ искренно любить то, чего мы не можемъ любить, какъ не заставитъ насъ радоваться тому, что насъ не радуетъ; не заставитъ насъ быть благодарными, за что мы не чувствуемъ благодарности.

Я помню, одинъ господинъ, кушаясь въ Парголовѣ, вытѣщилъ изъ воды топушаго кучера. Когда, на другой день, этому кучеру показали его спасителя, онъ уперъ руки въ боки и сказалъ, какъ будто совѣмъ объ этомъ не думая: «Ишь, собачій смѣхъ, вытѣщилъ». Право, только на Руси такъ странно благодарятъ за свое спасеніе и только на Руси со смѣхомъ и удовольствіемъ принимаютъ такія благодарности. Нѣтъ ли тутъ тоже чегонибудь артельного; нѣтъ ли тутъ тоже того соціальнаго элемента, который проявляется и въ способѣ поземельнаго владѣнія, завѣщаннаго намъ исторіею? Миѣ кажется, что есть. Но такого рода вещи до того просты, до того часты и обыкновенны у насъ, что трудно сомнѣваться въ ихъ законности и неизбѣжности. Другое дѣло такого рода явленіе:

— Нашъ мужикъ грубъ. Въ немъ ничего и человѣческаго-то нѣту.

— А какъ вы думаете, когда вы будете тонуть, кто васъ вытѣщитъ: мужикъ или какой-нибудь надворный совѣтникъ?

— Такъ чтожъ, что мужикъ? Это его и дѣло!

Такого рода вещи могутъ объясняться одною только исторіею, и тутъ непременно нужно заглядывать въ исторію для того, чтобы отыскать ихъ корень и вырвать его. А дѣлать parties de plaisir въ прошедшія времена для отысканія начала артели, конечно дѣло очень пріятное и во всякомъ случаѣ очень полезное; но какая въ этомъ крайняя, неминуемая надобность, чтобы всѣ непременно это дѣдали? Артельное начало у насъ нездѣ и во всемъ, со всѣмъ, что отъ него есть дурного, и со всѣмъ, что отъ него есть хорошаго. Неблагодарность въ челоуѣкѣ, который самъ не готовъ сдѣлать ничего для ближняго, вещь возмутительная; но въ томъ, кто и самъ готовъ служить всѣмъ и каждому, она естественна. И ничего нѣтъ мудре-

наго, что наши крестьяне приняли, напримѣръ, довольно спокойно свое освобожденіе отъ насъ. Они отъ насъ этого ждали: сколько разъ они пѣз воды насъ вытаскивали? Теперь наша очередь. И вообще у насъ было очень мало крику и манифестацій по поводу этого важнаго событія, которое въ Европѣ вызвало бы непременно торжества, иллюминаціи, фейерверки: знай цѣлый міръ, что мы сдѣлали! Не выражается ли въ этомъ, хотя немного, то сердечное равенство русскаго народа, котораго въ немъ вовсе не видятъ иностранцы? Все это какъ-то странно, но... трогаетъ. И никакихъ пышныхъ гимновъ, почти никакихъ наружныхъ заявленій восторга или радости! Вотъ бы мы распотѣшили честную публику, если бы дѣла довь Кихоть, вздумали справиться, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ предки наши, не ради любопытства, а ради того, чтобы и намъ поступить также точно! Но Русь выразилась въ этомъ дѣлѣ по русски; также точно какъ Франція выразилась тутъ по французски, въ лицѣ г. Fabius Voital. Можетъ быть не всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно, что Франція тоже, даже еще заблаговременно, привѣтствовала Россію въ дѣлѣ ея *перерожденія*, цѣлою поэмою: *la Russie*. Это прекрасная поэма, и прекрасная особенно потому, что въ ней рѣшительно ничего нѣтъ русскаго; все французское, начиная съ первыхъ стиховъ:

Sire, je viens à Vous, le cœur plein d'espérance ;
Car loin du sol natal, de ma sublime France,
Je suis fier de trouver un si grand souverain !

До послѣднихъ :

Dépouillant vos sujets de leur rude enveloppe,
Vous les rendez égaux aux peuples de l'Europe...

Больше и говорить нечего: тутъ вся поэма, всѣ 36 страницъ ея. Боже мой, Боже мой! Я какъ теперь смотрю на того личика, который, везя меня по Таурической губерніи, рассказывалъ мнѣ, какой славный народъ татары, и какой добрый и честный народъ нѣмецкіе колонисты, тѣ самые колонисты, которые потомъ говорили мнѣ, что съ русскимъ нельзя безъ палки, и тѣ самые татары, которые самаго меня называли съ презрѣньемъ собакою. Какъ теперь слышу я рассказы инвалидовъ, побывавшихъ въ 1814 году по ту сторону Рейна, слышу ихъ рассказы о томъ, какой учтивый народъ французы и какой смѣшной добрый народъ нѣмцы, и въ моемъ дикомъ, татарскомъ сердцѣ шевелится замѣчаніе, что способность видѣть прежде все худое — признакъ сухой души. Други-братья, скверны вы, не хороши вы, много въ васъ есть дурного, неопрятнаго, дикаго; но вы такъ

миѣ нравитесь со всѣмъ вашимъ простодушнымъ сплетеніемъ добра и зла, что миѣ весело васъ видѣть и этакими. Отчего вы ничѣмъ не хвастаетесь? И неужели намъ суждено, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь переродиться? А можетъ быть, все можетъ быть. Не вѣра переродитъ, такъ суевѣріе. Суевѣріе науки доходитъ въ наше время до крайнихъ предѣловъ своихъ, и оно тѣмъ хуже, чѣмъ оно сущее суевѣрія сердца. Всѣ люди рождаются съ равными способностями, повторяютъ нынче всѣ, и весь характеръ человѣка создается воспитаніемъ. И вотъ пишутся статьи о воспитаніи, одна другой хуже; пишутся одинъ другого хуже учебники, а люди все тѣ же люди: и также они все хитрятъ другъ съ другомъ, и также они не вѣрятъ другъ другу, замѣчая хитрость и видя, что дѣло идетъ не на чистоту. И хитрящіе понимаютъ, что хитрѣнне ихъ, какъ шло изъ мѣшка, все наружу высовывается, и собираются хитрить все сильнѣе, и не ухитряются только быть чистосердечными и искренними для того, чтобы наконецъ вѣрить другъ другу. И со всякимъ изъ насъ ежеминутно повторяется исторія разбойника, рассказанная мной въ прошломъ мѣсяцѣ. Откровенность есть сила, можетъ быть сила всесокрушающая. Хитрость есть ножъ, который мы даемъ противъ себя. Хитрость хороша только между врагами, потомучто вражда нѣсколько ослѣпляетъ насъ. Въ нормальномъ состояніи хитростью ничего не сдѣлаешь, и въ особенности ничего не сдѣлаешь съ сердцемъ простымъ, глядящимъ на вещи прямо, свободно, независимо ни отъ какихъ научныхъ воззрѣній, потомучто оно незнакомо съ наукою. Я теперь съ удовольствіемъ читаю дѣтскія книжки и еще недавно съ увлеченіемъ прочелъ Дѣтскую Книжку, составленную А. Плещеевымъ и Ѳ. Бергомъ, въ Москвѣ. Это хорошая книжка, составленная со вкусомъ и съ любовью двумя поэтами, которую можно рекомендовать всѣмъ, у кого есть дѣти, начинающія читать. Но было время, когда миѣ довольно было прочесть, что книжка составлена для дѣтей, чтобы я и не заглянулъ въ нее. Это было тогда, когда я самъ былъ ребенкомъ. Миѣ тогда хотѣлось читать то, что большіе читаютъ. Я зналъ одну грамотную крестьянку, которой страхъ хотѣлось книги читать. Я далъ ей Кольцова, далъ ей Записки Охотника. «Не хочу я этихъ книгъ, сказала она: я это все сама знаю. Мужикъ да мужикъ. Я хочу знать, что господа дѣлаютъ».

Во второй книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ той самой, изъ которой мы выписали выше нѣсколько строчекъ, помѣщенъ «Опытъ о книгѣ для народа» Н. Ѳ. Щербины. Утѣшительное явленіе, что наши таланты, наши поэты, начинаютъ приписать powerful дары жизни и обществу, и именно съ тѣхъ сторонъ, кото-

рыя прежде какъ-то упрямо обходились ими. Но чрезвычайно обезкураживаютъ въ этой статьѣ напимѣрь слѣдующія строки:

«Этотъ отдѣлъ помѣщенъ въ началѣ книги съ *расчетомъ*, чтобы завлечь на первый разъ читателя художественной *приманкою поучительной мысли*».

Въ этихъ строкахъ все осужденіе этой книги, которая, надо сказать, задумана вообще прекрасно. Она прекрасно задумана, и каждый изъ насъ прочтетъ ее съ величайшимъ удовольствіемъ отъ доски до доски; всѣ прочтутъ... Только мужикъ читать не ставеть. Мужикъ купить брошюру: «Живая покойница», «Мнѣніе доктора такого-то (позабылъ имя этого великаго человѣка) о концѣ міра», «Зефироты», — эти вещи, подаренные нашему народу «Сѣверною Пчелою»; но мужикъ не купить «Читальника», потому что увидитъ, что тамъ его учить хотятъ, что тамъ съ нимъ хитрятъ, и, какъ ребенокъ, пожалуй, обидится этимъ. Мужикъ интересны повѣсти изъ нашего быта; ему интересны рассказы о чужихъ земляхъ, объ иностранцахъ; я думаю, мужикъ съ самымъ бы большимъ удовольствіемъ сталъ читать рассказы изъ домашней жизни разныхъ королей: такъ же ли они любятъ, какъ мы; такъ же ли они чего не любятъ, и какое они кушаютъ кушанье, и какъ они разговариваютъ со своимъ кучеромъ, и что во дворцѣ министры говорятъ: все это для мужика въ миллионъ кратъ интереснѣе, чѣмъ всѣвозможныя гигиеническія и историческія свѣденія, и всѣ замысловатыя и незамысловатыя поговорки, притчи, загадки и пословицы. «Житіе святыхъ», напимѣрь, народная книга, потому что тамъ совсѣмъ другой, незнакомый имъ міръ, и чтобы заохотить мужиковъ къ чтенію, надо дать имъ книгу, которая прямо отвѣчала бы имъ на интересующіе ихъ вопросы и удовлетворила бы первому ихъ любопытству. Рассказы о тропическихъ странахъ, о борьбѣ людей съ звѣрями, о тамошнихъ буряхъ, все это скорѣе поглотитъ вниманіе простолюдина, нежели *художественность поучительной мысли*. Нужно попроще, пооткровеннѣе заохотить ихъ читать; а потомъ, когда рассчитаются, прочтутъ и остальное. Въ *Письмѣ про купца Калашникова*, будьте увѣрены, все ихъ вниманіе остановится на рѣчахъ царя Грознаго, а *выраженія чувства чести по отношенію къ жень* они и не поймутъ, они и не замѣтятъ. У нихъ у всѣхъ есть маленькое сознаніе этого. Нужно взяться за дѣло попроще; а то перехитришь и все дѣло испортишь. «Бояринъ Орша» въ этомъ дѣлѣ сильнѣй бы подѣйствовалъ; тутъ на сценѣ бояринъ: онъ знаетъ что дѣлаетъ; а *купецъ Калашниковъ* такой же мужикъ, какъ они: глупъ, неучень, оттого такъ и дѣлаетъ. Пожалуйста не считите это моими мыслями: я передаю слабости, подслушанныя

нѣю въ сердцахъ людей. Да на насъ теперь отчего такъ дѣйствуютъ рассказы изъ простонароднаго быта? — Мы тоже отъ времени утратили вѣру въ себя, и для провѣрки чувствъ своихъ обратились къ жизни простаго народа, у котораго инстинкты, можетъ быть, свѣжѣе нашихъ и менѣе искажены общественнымъ воспитаніемъ. Отъ смѣси расъ совершенствуется поколѣніе; изъ смѣси двухъ старыхъ жизней можетъ выйти новая. Открывайте свою жизнь мужикамъ и изучайте жизнь ихъ, и конечно, отъ этого будетъ ближе къ желаемому нами прижизненію, ближе къ уничтоженію сословной нашей раздѣльности; но передавайте народу тайны жизни нашей во всей ихъ полнотѣ, оставляя на его выборъ худое и хорошее, и тогда онъ помирится съ вами, потому что повѣритъ вамъ; иначе онъ почувствуетъ сознаваемое вами превосходство надъ нимъ, и будетъ послѣднее горше перваго. Нужно уважить вкусъ и любопытство народа; нужно ему дать то, что онъ проситъ, чего хочетъ онъ, и не раздражать его *статейками экономическаго содержания объ артели, трудѣ, домоводствѣ*... Если мы своихъ жопъ не можемъ еще заставить интересоваться такими статейками, то съ какого горя станеть ихъ читать мужикъ, онъ, которому трудъ еще, быть можетъ противенъ по нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ? — Пусть для него чтеніе будетъ сначала забавою, наслажденіемъ; потомъ онъ изъ него выжметъ пользу (*). Свобода! свобода на первомъ мѣстѣ! Зачѣмъ же навязывать?

Эти же самыя мысли приходили мнѣ въ голову по поводу книгъ для чтенія въ воскресныхъ школахъ. И эти же мысли приходятъ мнѣ въ голову по поводу книги для чтенія, за которую назначается премія въ 4.000 р. с. Программа этой книги самая нестѣснительная: все оставляется на произволъ автора, опредѣлено едва только приблизительно число листовъ. Но облегчить ли это автора? — Конечно. И тотъ, кто сумѣетъ обратиться въ дитя, во время составленія этой книги, тотъ напишетъ ее; но кто вздумаетъ только ребенкомъ прикинуться, тотъ пускай лучше ее и не начинаетъ! — Нуженъ сильный самостоятельный талантъ, для того, чтобы въ наше время, написать книгу для дѣтей, которая стоила бы своего назначенія, потому что наше время увѣичитъ природу, и мало между нами людей правды и свѣта, которые перелъ нею сознаютъ свое безсиліе. Всѣ мы лѣземъ въ Прометей и хотимъ создавать человѣка. А человѣкъ создается-то все же самъ, и самыя жалкіе изъ насъ — нами созданные. Мы можемъ научить дѣтей повторять слова наши; мы можемъ научить дѣтей

(*) Въ скоромъ времени мы надѣемся помѣстить обстоятельный разборъ статьи г. Щербины.

говорить о любви къ наукѣ, даже заниматься ею; но научимъ ли мы ихъ любить науку? Можетъ ли горячо и скоро полюбить науку, ради какихъ бы то ни было истинъ, человѣкъ, который равнодушно глядѣлъ на восхожденіе и захожденіе солнца, который въ шестѣ листьевъ не слышалъ чего-то родимаго... Можетъ ли полюбить науку тотъ человѣкъ, у котораго въ сердцѣ не родилось самобытно ни одного вопроса, на который отвѣтила бы ему наука? — Мы можемъ дать много отвѣтовъ, но вопросы должны родиться сами; и тотъ, кто не сомнѣвается въ истинѣ даваемыхъ нами отвѣтовъ, тотъ никогда не былъ заинтересованъ ими. А кто теперь сомнѣвается въ научныхъ истинахъ? Всѣ мы принимаемъ ихъ на слово, и не многие изъ насъ подозрѣваютъ даже, что все, данное намъ теперь наукою, есть только одна азбука, съ помощью которой будутъ читать повѣсть природы только позднѣйшія поколѣнія. Мы всѣ кажется любимъ науку, потому только, что теперь мода такая.

«Но я хочу, Санчо, сказалъ донъ-Кихоть, и это совершенно необходимо: я хочу, говорю я, чтобы ты увидѣлъ меня совершенно голымъ, безо всякой посторонней одежды, кромѣ моей собственной кожи, и посмотрѣлъ, какъ я слѣжаю при тебѣ одну или двѣ дюжины сумасбродствъ.»

Какъ мы смѣлись надъ этимъ бѣднымъ рыцаремъ-самозванцемъ; и вотъ мы теперь являемся новыми самозванцами-рыцарями, рыцарями науки! — Никто не почувствовалъ героя новѣйшаго времени: онъ не Обломовъ, онъ не Рудинъ; онъ тотъ же самый старшій нашъ другъ донъ-Кихоть, только помѣшанный не на рыцарствѣ, а на просвѣщеніи, и отношеніе его къ этому просвѣщенію тоже самое, что отношеніе донъ-Кихота къ настоящему рыцарству.

И вотъ на меня находитъ страхъ, что именно такой донъ-Кихоть примется пожалуй за составленіе книги для чтенія, и бѣдныя дѣти, которыя можетъ въ себѣ носить уже зародыши другой, лучшей жизни, станутъ снова сбиваться съ пути, и ошибка составителя этой книги будетъ ошибкою вѣка, потому что весь панъ вѣкъ донъ-Кихоть науки, и насмѣшка будущаго поколѣнія не отнесется лично ни къ одному изъ насъ; а всѣхъ насъ, можетъ быть, заставитъ про себя, грустно улыбнуться въ нашихъ могиллахъ. И теперь меня занимаетъ только одинъ вопросъ: донъ-Кихотомъ какой идсы явится наше грядущее поколѣніе? А что и оно будетъ дѣлать свои *экстравагантности*, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. И во всемъ этомъ можетъ быть, есть очень много хорошаго, и нельзя можетъ быть обойтись безъ этого; но нельзя обойтись и безъ того, чтобы кому нибудь это не вранилось. Пусть человѣчество

бросается изъ одного сумасбродства въ другое; но пусть переи́млетъ по крайней мѣрѣ свои сумасбродства, а то вѣдь пожалуй ово зайдетъ такъ далеко, что и вернуться не будетъ никакой возможности. Что же ему на одной-то идеѣ прокипать? Пора чего-нибудь новенькаго. Впрочемъ жизнь всегда идетъ своимъ путемъ; всегда въ ней есть что-то роковое, что позволяетъ тысячи уклоненій, но что все же не даетъ совершенно ей уклониться отъ ея рокового направленія; и все то, что думаетъ создавать ей новыя цѣли, что думаетъ указывать ей дорогу, совершенно похоже на стаю собакъ, суетящихся около экипажа, въ которомъ ѣдетъ хозяинъ ихъ, и пусть онѣ забѣгаютъ впередъ, отбѣгаютъ въ стороны, хозяинъ сидитъ въ своей бричкѣ и не своротитъ съ дороги, а онѣ же, увидавъ наконецъ, что отстали отъ него, прибѣгутъ къ нему запыхавшіяся и перепуганныя. Такъ идетъ жизнь, и такъ идетъ все въ нашемъ мірѣ. Я вошелъ однажды въ воскресную школу и увидалъ, что одинъ маленький затрапезный халатъ пишетъ сочиненіе. Вотъ оно:

«Андрей Кочаровъ.»

«9 число апрѣля мѣсяца; великій постъ, воскресенье; день теплый, весна красная. Вставши поутру, умылся, Богу помолился; пришедши къ сосѣдкѣ, письмо написалъ; потомъ пошелъ я прогулялся и потомъ собрался въ школу. Пришедши къ намъ, я поклонился, и читалъ басни Крылова.»

Потомъ, черезъ вѣсколько времени, пошелъ я въ женской школъ слѣдующее, позабытое на столѣ сочиненіе:

«Я была въ гостяхъ у моей мамашаи крестной; потомъ пришла домой и пошла на качели. Когда я одѣвалась къ заутренѣ, въ Свѣтлое воскресенье, я одѣла бѣлое тюлевое платье, съ розовымъ кушакомъ; волосы мои были завиты. Когда я пришла домой, я разговлялась. Потомъ мы въ часть поѣхали къ тетенькѣ христосоваться. Она мнѣ подарила сахарное яичко. Потомъ я играла въ куклы. Въ четвергъ я поѣхала въ балаганъ, въ нантомиму Берга; мнѣ не понравилось представленіе. Въ субботу я читала книгу. Вечеромъ я пошла ко всеобщей, ко Введенію.»

И ничего не посмѣлъ измѣнить въ этихъ двухъ документахъ, кромѣ грамматическихъ ошибокъ, которыхъ было много, но которыя не ведутъ къ дѣлу. Авторъ перваго сочиненія, Андрей Кочаровъ, слесарный ученикъ, 13—14 лѣтъ, маленький, миловидный мальчуганъ, съ запачканнымъ въ сажѣ лицомъ и умными, бойкими глазами. Когда я прочелъ ему Лермонтова «Ангела», онъ тотчасъ вытащилъ листъ бумаги, и просилъ меня продиктовать ему. И когда я исполнилъ его просьбу, спросилъ:

— Отчего же душа все сжуча на сѣбѣ-то?

— А затѣмъ, отвѣчалъ онъ: — что ей Ангелъ ужъ такіа пѣдъ, пѣсми жалостныя.

Авторъ второго сочиненія мнѣ не извѣстенъ. Но все равно, чѣрезъ три милліона, триста тридцать три тысячи, триста тридцать три года, чистая, женская молодая душа и чистая, молодая мужская душа выразятся также точно, какъ выразились два мои сочинятели; и онъ будетъ любоваться весной краской, сосѣдкѣ письмо писать и помнить, какую онъ читалъ книгу; а она читать книгу, и градь въ кукды, и ясно и четко помнить, какое на ней было платье, и какъ были причесаны ея волосы. И именно эти два обстоятельства помогутъ имъ постоянно интересоваться одинъ другимъ, и постоянно любить другъ друга. И природа поможетъ женщинѣ остаться всегда женщиною, какъ бы она ни была высоко образована, хотя нынче есть много господъ, желающихъ заставить женщину дрова рубить и на мужскомъ сѣдлѣ верхомъ ѣздить. И милліоны милліоновъ разъ измѣнится взглядъ человѣка на природу, но никогда природа не измѣнитъ никакихъ началъ своихъ.

И все нынѣшнее смятеніе пройдетъ, и вѣроятно наши внуки не услышатъ отъ женщинъ жалобъ въ родѣ той, которую я слышалъ недавно отъ одной дамы, занимающейся препарированіемъ труповъ въ здѣшней медицинской академіи:

— Вся разница между мужчиной и женщиной, говорила она, — состоитъ только въ бѣльшемъ количествѣ жиру у женщины; а это происходитъ отъ того, что мужчины злонамѣренно избаждаютъ насъ отъ тяжелыхъ работъ, для того, чтобы обезопасить насъ и завадать нами!

— И еще между ними то различіе, что мужчина никогда бы не сдѣлалъ такого важнаго открытія, сказалъ я моему профессору.

II

ОТВѢТЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

Прежде всего мы рѣшаемся сдѣлать одно признаніе, которое, можетъ быть, удивитъ «Русскій Вѣстникъ.» Именно: мы получили его книжку за день до выхода нашей. Прочтя его злую статью противъ насъ, мы наскоро успѣли сдѣлать одну замѣтку въ смѣси нашего журнала. Въ этой замѣткѣ, уведомивъ нашихъ читателей, что «Русскій Вѣстникъ» до того ужъ разсердился, что потерялъ всякое хладнокровіе, всякую возможность владѣть собой, мы упомянули, что будемъ отвѣчать ему тогда, когда онъ успокоится и хоть нѣсколько придетъ въ себя. Замѣтка наша была написана рѣзко, заносчиво, — соглашаемся въ этомъ. Прошло нѣсколько дней, и мы раскаялись: намъ показалось, что мы сами вышли изъ себя, что еслибъ даже мы были не согласны съ убѣжденіями противниковъ, то все-таки должны уважать всякое честное и серьезное убѣжденіе, каково бы оно ни было. «Русскій Вѣстникъ» нашими выраженіями могъ обидѣться, да и передъ публикой мы какъ будто рекомендовали себя за людей, не умѣющихъ спорить и съ достоинствомъ отстаивать свое мнѣніе. Еслибъ «Русскій Вѣстникъ» могъ намъ повѣрить, то конечно онъ удивился бы такому призванію.

Но мы увѣрены, что онъ не только намъ не повѣритъ, но даже не *можетъ* повѣрить. Такое раскаяніе во *всякомъ случаѣ* должно казаться ему слишкомъ смѣшнымъ и нелѣпымъ. Мы рѣшились извиниться; но неотлагая намѣренія отвѣчать на его статью, мы перечели ее снова.

Каково же было изумленіе наше, когда мы увидѣли, что вторичное, спокойное чтеніе ея еще усилило въ насъ наше чувство негодованія. Намъ показалась она не только злою и заносчивою въ высшей степени, — она показалась намъ дурнымъ поступкомъ со стороны «Русскаго Вѣстника». Кромѣ того мы увидѣли, что въ ней

столько самой крупной невѣжливости, столько самой мелочной нетерпимости, столько неуваженія къ личности другихъ, что прежняя замѣтка наша намъ показалась даже слишкомъ нѣжною. По крайней мѣрѣ, мы уже не обвиняли себя болѣе въ томъ, что свое личное оскорбленіе приняли за негодованіе противъ взглядовъ враждебной намъ статьи. Да это мнѣніе было самое естественное негодованіе противъ направленія статьи, а не эгонистическое чувство. И потому мы не только не желаемъ отказываться отъ нашей замѣтки, но даже хотимъ подкрѣпить ее доказательствами и тѣмъ оправдать себя передъ публикой въ нашей кажущейся заносчивости.

Прежде всего надо объяснить съ чего началась вся исторія. «Русскій Вѣстникъ» былъ крайне обиженъ и ужасно разсердился за юмористическую статью нашу, въ мартовской книгѣ «Времени» подъ названіемъ: «Свистокъ и Русскій Вѣстникъ», — онъ обидѣлся до скрежета зубовъ: въ противномъ случаѣ не обрушился бы онъ на насъ такую громовую и, главное, длиннѣйшую статью, — онъ, молчавшій пять лѣтъ и доселѣ едва замѣчавшій своихъ противниковъ, разумѣется изъ презрѣнія къ нимъ. Въ нашей статейкѣ мы, видите ли, осмѣлились подивиться, что «Русскій Вѣстникъ» придастъ слишкомъ большое значеніе «Свистку» «Современника», до того, что даже боится за будущность всей Россіи. Скажите: какъ можно было не смѣяться надъ такимъ преувеличеніемъ, тѣмъ болѣе, что самая комическая сторона его было оскорбленное самолюбіе? Въ этомъ промахѣ «Русскаго Вѣстника» выразилось самое наивное самолюбіе и самымъ наивнѣйшимъ образомъ: онъ до того себя возвеличилъ въ собственныхъ самодовольныхъ мечтахъ и грезахъ о самомъ себѣ, что ужъ невольно, безсознательно придалъ и противнику своему необыкновенные размѣры, вѣроятно соображая, что противникъ «Русскаго Вѣстника» не можетъ быть не значительнѣе. Такъ, когда подыскиваютъ партію въ преферансъ какому нибудь мандарину съ золотымъ шарикомъ, то непременно подбираютъ приличныхъ его мандаринскому значенію партнеровъ. «Русскій Вѣстникъ» теперь отговаривается и хочетъ увѣрить насъ, что мы преувеличили и исказили смыслъ его статьи о «Свисткѣ» и что онъ будто бы вовсе не по поводу «Свистка» грозилъ намъ всемірной исторіей. Можетъ быть «Русскій Вѣстникъ» и правъ; разумѣется трудно представить себѣ такую нелѣпую самонадѣянность, выраженную въ такой художественной полнотѣ; мы готовы теперь вѣрить объясненію «Русскаго Вѣстника», и говоримъ это совершенно искренно. Но однакожь прочтите его статью, (№ 2 за этотъ годъ). Тамъ буквально, слово въ слово напечатано такъ, какъ мы представили въ нашей статьѣ «Свистокъ и Русскій Вѣстникъ». Можно сира-

ваться: дѣло на лицо. Чтобъ зацѣпить и уязвить насъ, «Русскій Вѣстникъ» предполагаетъ, что мы будто бы обидѣлись его статьей и приняли его выходку противъ «Свистка» «Современника» на свой счетъ. Мы увѣряемъ почтенное изданіе, что мы на свой счетъ ничего не принимали; въ статьѣ его не было никакого, даже отдаленнѣйшаго намека на насъ. А еслибъ даже мы и завели у себя отдѣлъ подъ названіемъ «Свистокъ», то опять-таки увѣряемъ почтенное, но враждебное намъ изданіе, что и тогда не обидѣлись бы его выходками противъ нашего «Свистка». Написали же мы нашу статью вродѣ смотря со стороны на грознаго литературнаго бойца, протрубившаго еще въ началѣ года съ олимпійскимъ величіемъ о томъ, что онъ «идетъ, идетъ! Внимайте, трепещите и покоряйтесь» и вдругъ споткнувшася на простомъ «Свисткѣ».

Была у насъ и еще причина для нашей статьи, и, пожалуй, мы ее выскажемъ:

Дѣло въ томъ, что вы, «Русскій Вѣстникъ», толкующій о приличіяхъ, читающій намъ на цѣлыхъ страницахъ правила мудрости, до того сами не воздержны и задорны, что не терпите ни малѣйшаго противорѣчія, когда дѣло дойдетъ до васъ. Пять лѣтъ величаво молчали вы, хотя впрочемъ, изрѣдка и поскрипывали зубками, и вдругъ прорвались. Вы хотѣли поставить себя сначала въ благородное положеніе и презрительно смотрѣли на ругающіеся между собою журналы, но не выдержали и сами пустились въ ругательства, да еще въ какія! Такшъ давно не бывало. А между тѣмъ; мы ждали отъ васъ совсѣмъ другого, признаемся въ этомъ искренно и правдиво. Мы сами пять лѣтъ тому назадъ, встрѣтили вашъ журналъ съ радостью и надеждами и не говорите намъ, что мы будто бы глумились надъ г. Громекой и хотѣли имя его превратить въ собрикетъ. Если мы сказали, что читали статьи г. Громеки съ надеждами и удовольствіемъ, то сказали истинную правду; опять таки увѣряемъ, что говоримъ это искренно. Тогда вновь былъ этотъ раздавшійся вдругъ по всей Россіи горячій говоръ о новыхъ дѣлахъ и новыхъ вопросахъ. Какъ будто всѣ вдругъ объ чемъ-то догадались, что-то увидѣли новое, вострепнулись, ободрились и помолодели. О, съ какими надеждами мы васъ тогда встрѣтили! Помню я это время, помню! Надо отдать справедливость и вашему журналу; впрочемъ онъ и теперь, по нѣкоторымъ отдѣламъ своимъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Но время прошло, и намъ все болѣе и болѣе стало не нравиться направленіе его. Въ немъ все болѣе и болѣе проявлялась какая-то ограниченная самонадѣянность, безграничное самодовольство, жажда воскуреній и поклоненій. Мы сказали уже разъ, что отъ вашего журнала повѣяло

такимъ пальмерстонствомъ, кавурствомъ. Слово *кавурство* тутъ во все не означало Кавура. Этимъ названіемъ мы хотѣли только выразить все это мелкое самоупреженіе, эту кичливость, конитерское вѣдичіе, дѣтскую раздражительность. Намъ напримѣръ казалось, что вы до того упоены усѣбхомъ прекраснаго политическаго отдѣла въ шестомъ журналѣ, что воображаете себя дѣйствительно пригнѣсти, живете въ сладкихъ мечтахъ и до того довольны ими, что даже и не желаете ничего лучшаго, даже готовы отказаться отъ всего лучшаго; почему это мы назвали: «кавурствомъ» право не можемъ вамъ дать полнаго отчета, именно не можемъ; надъ всякой же мечтою о лучшемъ вы величаво улыбались и наконецъ стали называть несогласныхъ съ вами мальчишками и крикунами, тогда какъ сами проговѣдуете при всякомъ удобномъ случаѣ объ уваженіи къ чуждой мнѣнію, было бы только оно честно и проч. и проч. Съ выхоты своего величія вы не захотѣли наконецъ даже признать возможности стичестнаго убѣжденія въ этикъ «крикунахъ и мальчишкахъ.» Всякой мелочи, касающейся васъ, вы придаете размѣры колоссальныя, историческія, вы жолчно завидуете Бѣлинскому, и нѣсколько разъ намекали, что онъ невѣжда и крикунъ, и даже недавно были въ восторгѣ отъ стихотворенія, въ которомъ его хотѣли съѣсть, — розгой эпиграммы, разумѣется. Но главное, мы ждали отъ васъ новаго слова и ничего не дождались, кромѣ долго сдерживаемой и вдругъ вырвавшейся злости и жолчи, дошедшей наконецъ до самой плшической откровенности. Докажите же это все! — скажете вы намъ въ негодованіи. Прочтите вашу статью до конца, — отвѣчаемъ мы, и можете быть вы догадаетесь, почему мы составили о васъ такое мнѣніе. По крайней мѣрѣ мы намѣрены быть вполне откровенными.

Свиста вы очень не любите и конечно, кто можетъ востанить вамъ это въ упрекъ? Вы считаете свистъ постыльнымъ, *моглымъ* дѣломъ и кажется ошибаетесь; мы сказали прежде, что «Свистокъ» былъ бы для васъ даже полезенъ. По крайней мѣрѣ мы находимъ въ немъ нѣсколько болѣе мысли, чѣмъ въ вашихъ правоученіяхъ и напримѣръ хоть въ вашей жолчи. Впрочемъ въ припадкахъ жолчи, вы даже иногда рѣшаетесь подражать ему, но *обожовленіе* ваше мѣшаетъ вамъ смѣяться искренно и простоудивно; у васъ это какъ-то не хорошо выходитъ. Мы все не увлеклись свистшимъ направлениемъ «Современника», Свистъ его иногда чрезвычайно легкомысленъ и даже пристрастенъ, такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется. Но все-таки повторяемъ, мы находимъ его во многомъ полезнымъ. «Свистокъ», по нашему даже отчасти нормальное явленіе въ нашей литературѣ. Онъ не хочетъ утѣшать себя обаянками и разными пріятными грезами. Отъ дѣтелей онъ требуетъ

дѣятельности, а не тупого самодовольства. Они хотятъ называть каждую вещь ея собственнымъ, настоящимъ именемъ, а не придицать журавля за соловья. «Свистуны» не считаютъ, напримеръ, что ужь и того довольно, если они сдѣлаютъ честь литературѣ своимъ въ ней участіемъ. Видя, что невозможно называть каждую вещь по имени, они предпочитаютъ иногда посвистать, т. е. доходить надъ самодовольными болтунами, надъ скороудовлетворяющимися дѣятелями, надъ пошлымъ буквоѣдствомъ, надъ литературнымъ чинобѣсіемъ и проч. и проч. Пусть они иногда неправы, далеко заходятъ, опрометчивы, неумѣренны. Но мысль ихъ недурна. Она нова въ нашей литературѣ. Это наша Диогенова бочка, и держать они себя въ ней довольно стойко и самостоятельно. Можетъ быть мы преувеличиваемъ, поэтизируемъ значеніе этого смѣха, но намъ было бы очень непріятно въ этомъ случаѣ ошибиться...

Конечно, мы понимаемъ и вашу мысль: вы видите кругомъ себя хаосъ и хотите хоть за что-нибудь уцѣпиться. Вы хотите успокоить себя и знать за что держаться. Вы требуете пользы собою почывъ. И если бы вы знали, какъ искренно мы вамъ готовы сочувствовать! Но если вы обвиняете другихъ въ крайности, въ выходѣ изъ мѣры, въ хаотичности, то вѣдь вы и сами изъ мѣрки выскакиваете. Вамъ хочется что-то создать, слѣпить, не смотри даже на непрочность и негодность матеріала. Вы хотите настойчиво увѣрить насъ и даже себя, что *вашъ* матеріалъ годенъ и не видите, что все это грезы, и то, что вы хотите слѣпить — не слѣпится. Вы не замѣчаете, что для своей идеи вы жертвуете даже правдой, даже убѣжденіями своими и ставите себѣ идоловъ. У васъ поневолѣ все выходитъ какъ-то дико, безжизненно. Вы ищете жизни, а у васъ нѣтъ ни надежды, ни молодости. Тутъ еще замѣшалось упрямство. Вы напримеръ не можете яростить всѣмъ увлекающимся и ошибающимся и съ презрѣніемъ на нихъ смотрите. Презрѣніе это доходитъ у васъ до того, что вы сядаете ихъ всѣхъ сплошь мальчишками и кракунами, даже не дѣрите, что въ этихъ кракунахъ можетъ быть иногда честное, сурово-честное убѣжденіе. А ужь это слишкомъ цинично, даже гразивато. Вы только любите однихъ безгрѣшныхъ, а безгрѣшнымъ считаете кажется только себя. Боязнь же ошибиться и обидчивость ваша показываетъ даже какое-то старчество. Но къ дѣлу:

Всѣмъ извѣстенъ вопросъ, возникшій въ началѣ года въ нашей литературѣ, по поводу оскорбленія одной дамы, такъ называемымъ обезображеннымъ поступкомъ «Вѣка». Этотъ вопросъ до того, наконецъ, надѣлъ всѣмъ и каждому, что о немъ даже говорить теперь боится печатно; и даже до того, что журналы готовы стыдить другъ

друга за участіе въ этомъ вопросѣ. Сознаемся откровенно: мы тоже увлеклись этимъ вопросомъ и даже напечатали о немъ двѣ статьи;— одну отъ редакціи, а другую, доставленную намъ со стороны: «Русскій Вѣстникъ» между прочимъ ставитъ намъ это въ большой стыдъ. Мы дѣйствительно показали мало литературной ловкости; слишкомъ разгорячились, но особеннаго стыда въ этомъ не видимъ никакого. Намъ хотѣлось заступиться за жестоко-обиженную женщину и показать, что не вся литература раздѣляетъ мнѣнія обидчика. Мы представляемъ на видъ всѣмъ негодующимъ на излишнюю горячность нашу, а вмѣстѣ съ тѣмъ в «Русскому Вѣстнику» слѣдующее обстоятельство: что еслибъ напримѣръ они сами были такимъ образомъ семейно и всенародно обижены? Вѣроятно обличительныя статьи противъ обидчика не показались бы имъ тогда слишкомъ длинными. Впрочемъ, успокоимъ нашихъ читателей: мы вовсе не хотимъ прикасаться теперь къ этому вопросу; но «Русскій Вѣстникъ»,— послѣдній говорившій о немъ,— высказалъ при этомъ такіа неожиданныя мнѣнія, что ихъ нельзя не поднять и не представить въ настоящемъ видѣ. Онъ выказалъ по этому поводу настоящій характеръ своего направленія и выяснилъ самого себя. Прежній вопросъ принимаетъ стало быть теперь совершенно другое значеніе. Дѣло въ томъ, что «Русскій Вѣстникъ», покамѣстъ дѣло шло между мальчишками и крикунами, величаво молчалъ и только посмѣивался. Наконецъ, когда дѣло дошло до смѣшного, рѣшился ввязаться въ него и вымолвить окончательное, мудрое, безапелляціонное слово; долженствовавшее разрѣшить всѣ недоумѣнія разомъ. Разумѣется, онъ обрушился всѣмъ гнѣвомъ и сарказмомъ своимъ прежде всего на насъ и, признаемся искренно, чрезвычайно ловко приступилъ къ дѣлу. Онъ даже обнаружилъ при этомъ необыкновенную практичность и пониманіе дѣйствительности. Для этого онъ употребилъ старый способъ, старый какъ весь міръ и кромѣ того чрезвычайно пошлый, даже зазорный, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно выгодный; разумѣется для человѣка не слишкомъ разборчиваго въ средствахъ. Вѣдь всякая дорога хороша, если только ведетъ къ цѣли, сказалъ какой-то практической мудрецъ нашего времени. «Русскій Вѣстникъ» началъ съ того, что объявилъ насъ «эманципаторами» и сталъ насъ дразнить и стыдить этимъ прозвищемъ. Дѣло ловкое: это значило польстить большинству и такимъ образомъ расположить его въ свою пользу и, опираясь на него, подавить противника. Вотъ какимъ образомъ это дѣлается. Во всякомъ обществѣ съ начала міра всегда есть огромное большинство людей, стоящихъ за то, что по ихъ понятіямъ незлыблемо и неподвижно. Эту незлыблемость и неподвижность они любятъ преимущественно за то, что она совпадаетъ съ

вѣкъ матеріальными текущими интересами, часто въ ущербъ остальнымъ и многочислѣннѣйшимъ ихъ собратамъ, и для нихъ хоть весь свѣтъ горя, было бы имъ хорошо. Въ интересахъ своихъ они составляютъ себѣ и нравственность и другія правила, обыкновенно взявъ первоначальную, праведную идею и для собственныхъ выгодъ извративъ ее до того, что отъ первоначальной сущности ея не остается даже и тѣни. Разумѣется, это большинство съ ненавистью смотритъ на всякій намекъ о прогрессѣ, на всякое нововведеніе, откуда бы оно ни шло; — явленіе впрочемъ нормальное и происходящее отъ потребности самосохраненія. Рядомъ съ этой, наибольшей частью общества, всегда есть и меньшинство, которое съ огорченіемъ смотритъ на неподвижность большинства, на его озлобленную тупость, на нерасчетъ въ пониманіи своихъ собственныхъ выгодъ, на извращеніе всѣхъ естественныхъ и праведнѣйшихъ идей въ угоду грубымъ интересамъ, а главное, на извратителей угодниковъ и оболъстителей толпы, дѣйствующихъ почти всегда изъ собственной личной выгоды. Въ этомъ меньшинствѣ таятся прогрессивныя, жизненныя силы въ противоположность застою всего общества. И та и другая сторона сами по себѣ законны и даже необходимы одна другой. Но ненависть и борьба между ними непрерывны. А между тѣмъ въ обоихъ лагерахъ бываютъ почти всегда люди честные и высокихъ нравственныхъ качествъ. Между меньшинствомъ являются иногда люди гениальные; кромѣ того, всегда есть люди честные, прямые, готовые всѣмъ пожертвовать для блага общества и стойчески переносить всевозможныя гоненія. Но рядомъ съ ними существуютъ мальчишки и крикуны. Они суетятся, забѣгаютъ впередъ, проповѣдуютъ новую идею до крайностей, бездарно и грубо схватываютъ одни только ея верхушки, и они-то наиболѣе вредятъ всякой новой идеѣ, опошлявая ее въ глазахъ и безъ того уже враждебнаго къ ней большинства. Эти крикуны неизбежны; они существовали вездѣ и всегда, во всѣ времена и во всѣхъ народахъ, и существуютъ тоже по какому-то неизбежному закону природы. А между тѣмъ, какъ ни смѣшны эти крикуны, изъ числа ихъ бываетъ много людей честно и благородно преданныхъ дѣлу. Да и вообще между людьми гораздо болѣе честныхъ и благородныхъ, чѣмъ подлецовъ. Прозорливый человѣкъ никогда не будетъ судить по этимъ крикунамъ о стойкости и истинности какойнибудь новой прогрессивной идеи, проповѣдуемой въ избранномъ меньшинствѣ общества лучшими его представителями. Но тѣ, которые льстятъ большинству изъ выгоды, немедленно подхватываютъ смѣшную сторону крикуновъ, указываютъ и растолковываютъ ее всѣмъ желающимъ слушать ихъ: ума тутъ много не нужно; надо только глу-

миться, а иногда и поклеветать и дѣло въ шляпѣ. Поклеветать не необходимо. Выдуманъ на примѣръ громоотводъ: всѣ въ городѣ приходятъ въ смятеніе; какъ? идти противъ судьбы Божіихъ, прятаться отъ его гнѣва, усмирить молнію, управлять громами — да вѣдь это новая вавилонская башня, да вѣдь это безнравственно, нерелигіозно, это значить прямо идти противъ Всевышняго, навлечь на себя гнѣвъ Господень. Въ тюрьму изобрѣтателя, судить его, казнить! Тутъ сейчасъ являются и услужливые: молнію хочетъ поймать за хвостъ, ха, ха, ха! и всѣ смѣются. И вотъ изобрѣтателю проходу нѣтъ въ городѣ. Клеветать, извращать идею и грубо насмѣхаться надъ нею, — это главное средство всѣхъ льстецовъ большинства. Жоржъ Зандъ на примѣръ пишетъ романы и защищаетъ женщинъ, — чего медлить? Надо тотчасъ же провозгласить, что она требуетъ уничтоженія брака и позволенія женщинамъ всенародно развратничать. Да побольше, да получше глумиться надъ ней, карикатурить ее, чѣмъ грубѣе — тѣмъ лучше; тѣмъ больше будутъ смѣяться! Помню я, какъ у насъ Жоржъ Зандъ называли Егоромъ Зандомъ, а Барбеса — балбесомъ. Боже мой, какъ эти остроты казались тогда смѣшными и какъ имъ смѣялись! Это глумленіе чрезвычайно ловко и выгодно для всѣхъ «умѣющихъ разрѣшать загадку жизни». Они имѣютъ вліяніе даже на честнѣйшихъ людей, незнакомыхъ съ дѣломъ, отбивая у нихъ своими клеветами и смѣхомъ даже и охоту съ нимъ знакомиться.

Къ этому способу обыкновенно прибѣгалъ Фаддей Булгаринъ съ компанією. Помню тоже какъ на театрѣ глумился у насъ надъ прогрессомъ и тогдашними современными идеями. Видѣлъ я тогда одинъ водевилъ; въ немъ представленъ былъ почтенный коллежскій совѣтникъ, выдававшій дочь свою за офицера. Само собою разумѣется, что добродѣтели этого коллежскаго совѣтника были неисчислимы, тѣмъ болѣе, что онъ непрерывно прикладывалъ къ глазамъ платокъ и о чемъ-то плакалъ. Офицеръ съ своей стороны гремѣлъ шпорами и сіялъ совершенствами.

Наконецъ дѣвица, невѣста и дочь коллежскаго совѣтника, должна была обозначать собою воплощеніе невинности. Но изъ числа претендентовъ на ея руку, выставленъ былъ на смѣхъ и на позоръ публикѣ нѣкто *Виссаріонъ* Вихляевъ; имя Виссаріонъ сильно намекало на одно изъ дѣйствующихъ лицъ тогдашней литературы. Этому Виссаріону предназначено было изображать собою новѣйшее направленіе. Жаль, что я забылъ сюжетъ водевиля. Несчастный Виссаріонъ вралъ безъ милосердія и несъ такую дичь, что публика покатывалась со смѣху. Онъ говорилъ непрерывно, ни къ селу ни къ городу, объ эманципаціи, о прогрессѣ и

обсцрантизмъ; говорилъ все иностранными словами, еще не вошедшими въ составъ русскаго языка. Изъяснялся темно и глупо, однимъ словомъ совершенно пофилософски. Въ концѣ водевида онъ, помнитса, началъ красть платки изъ кармановъ, Его трясли за шиворотъ, давали ему въ носъ щелчки, при чемъ особенно отличался офицеръ, били *eo est мѣста*, — и въ райкѣ ужасно смѣялись, Разумѣется, чѣмъ больше кралъ Виссаріонъ платковъ, тѣмъ ярче и ярче обозначалось скромное величіе и добродѣтели коллежскаго совѣтника. Этотъ способъ оплеванія, осмѣянія и даже заушенія прекрасенъ. Главное — удобенъ и выгоденъ. Тотчасъ же можно собрать толпу, которая, окруживъ преступника, будетъ высовывать ему языкъ, плясать передъ нимъ на одной ножкѣ, показывать ему шиши и кричать: «у-у! эманципаторъ! эманципаторъ! смотрите, эманципаторъ идеть! хочеть понравиться дамскому полу; ишь начулей надушился, оболъститель, ловласть, эманципаторъ!» Вотъ къ этому-то самому торному и удобному способу прибѣгнулъ относительно насъ и «Русскій Вѣстникъ», провозгласивъ и насъ эманципаторами, чтобъ сразу однимъ ударомъ оглушить насъ и представить насъ всѣмъ благомыслящимъ людямъ въ самомъ худшемъ и неблагородномъ видѣ. Эманципаторами онъ назвалъ насъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго основанія. Если мы и отговариваемся отъ этого названія, то вовсе не потому, чтобъ мы боялись его, а просто потому, что мы въ журналѣ нашемъ не успѣли еще ничего сказать объ этомъ вопросѣ. Въ обѣихъ статьяхъ нашихъ по поводу извѣстнаго вопроса, мы тоже не заявили нашего мнѣнія объ эманципаціи. Просто «Русскому Вѣстнику» показалась ловкою старинная уловка прежнихъ оитъ, и онъ употребилъ ее для нашего разгромленія. Впрочемъ ужь не выводитъ ли «Русскій Вѣстникъ» нашего участія въ эманципаціи изъ того, что мы соглашаемся, что въ романахъ Дюма-фиса и во французскихъ водевилахъ чрезвычайно много сальнаго, дивинески-обнаженнаго, грубо извращеннаго, и что читать и смотрѣть ихъ несравненно опаснѣе, чѣмъ слушать «Египетскія цѣци»? Не изъ того ли наконецъ, что мы находимъ безнравственными свадьбы молодыхъ дѣвушекъ съ сладострастными и богатѣйшими старичками; что мы находимъ эту продажу тѣла, совершаемую во имя нравственности и покорности, покрайней мѣрѣ также безнравственною и позорною, какъ и всякую другую продажу тѣла, Конечно, и въ этомъ случаѣ часто виновата не бѣдная жертва, а ея дядячи. И такъ за эти-то мнѣнія «Русскій Вѣстникъ» насъ называетъ эманципаторами и всенародно стыдитъ этимъ названіемъ? Но дозволяете же наконецъ спросить, что же вы называете эманци-

пацией? Въ этихъ спорахъ надо сначала уговориться, согласиться между собою въ основныхъ мнѣнiяхъ, чтобы потомъ понимать другъ друга. Если подъ эманципацiей вы разумѣете право всякой женщины ставить своему мужу, при всякомъ удобномъ случаѣ рога, то разумѣется вы правы, въ вашей ненависти къ эманципацiи. Но мы никогда и не разумѣли такъ эманципацiю. Пусть разумють ее другiе какъ хотятъ, но для насъ, то есть собственно для насъ, вся эманципацiя сводится къ христіанскому челоѡколюбію, къ просвѣщенію себя во имя любви другъ къ другу — любви, которой ниѣтъ право требовать себѣ и женщина. По нашему весь вопросъ объ эманципацiи сводится на обыкновенный и всегашній вопросъ о прогрессѣ и развитіи. Чѣмъ правильнѣе разовьется общество, тѣмъ оно будетъ нормальнѣе, тѣмъ ближе подойдетъ къ идеалу гуманности и отношенiя наши къ женщинѣ опредѣлятся сами собою безо всякихъ предварительныхъ проэктовъ и утопiй. Тѣмъ не менѣе, заниматься этимъ вопросомъ, представлять обществу на видъ о необходимости болѣе челоѡколюбивыхъ отношенiй къ женщинѣ, даже устраивать эти отношенiя въ теорiи (хотя бы иногда и ошибочно) мы считаемъ чрезвычайно полезнымъ. Ошибку въ фальшь не ставятъ, еслибъ даже и была ошибка; по-крайней-мѣрѣ эманципаторы подвигнуты были началами челоѡколюбія и достойны сочувствiя и уваженiя. Педантъ же, сидящій въ своемъ кабинетѣ и ожидающій, что развитіе, прогрессъ, гуманность упадутъ къ нему съ неба совершенно готовыми, безъ исторической жизни, безъ усилій, безъ увлеченiй и ошибокъ, которыя онъ грубо и слѣпо презираетъ, по нашему есть равнодушный лѣнтяй, потерявшій свой здравый смыслъ. Итакъ, вотъ что мы разумѣемъ подъ словомъ эманципацiя, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что теперь пришло наконецъ то время, когда женщина можетъ и имѣетъ право требовать къ себѣ уваженiя и въ-котораго, по-крайней-мѣрѣ, равенства правъ съ мужчиною.

Права женщины! «Но кто же отнималъ эти права, восклицаетъ «Русскій Вѣстникъ», и затѣмъ пускается въ разсужденiя, что въ гражданскомъ отношенiи она, именнѣ у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ, не подлежитъ опека, совершенно самостоятельна и проч. — однимъ словомъ прибѣгаетъ къ законамъ. Послушайте, «Русскій Вѣстникъ», неужели вы думаете увѣрить насъ, что объ этомъ свидѣтельствъ законовъ, вы говорите серьезно, а не для толпы? Неужели вы думаете, что мы повѣримъ, что вы сами, говоря это, вѣрите словамъ своимъ? Вамъ именнѣ хочется только успѣха въ толпѣ для верха въ спорѣ, а не для истины; вамъ только хочется добиться того, чтобы въ толпѣ закричали: «Вишь какой молоде-

дѣла! точнось разбить, но законамъ доказалъ; мористъ—дескать! такъ нѣтъ надо!» Этихъ мнѣній, этихъ криковъ вамъ хочется? Ну, кого вы мерочите? Развѣ о законахъ тутъ идетъ дѣло? Дѣло о нашихъ домашнихъ правахъ, о нашихъ обычаяхъ, о принятыхъ правилахъ и вѣрованіяхъ. Читали вы «Семейную хроникау»? помните тамъ, какъ жена Багрова цѣлый годъ прилапывала къ головъ своей пластырь? Ха-ха-ха! восклицаете вы, вѣдь это было восемьдесятъ лѣтъ назадъ; теперь ужь не быть женщинъ. Ну да, вы совершенно правы; мы ошиблись; теперь не быть женщинъ. «Правда, у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ, но неужели нѣтъ женщины этого хочеть? Неужели жь это ей нужно?» восклицаете вы. Bravo! Фаддей Булгаринъ не сказалъ бы лучше. Зато смотрите какой усмѣхъ: ха-ха-ха! кричатъ кругомъ: амазонскіе полки, департаменты! ха, ха, ха! молодець «Русскій Вѣстникъ», молодець, выдумаетъ же!» Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, женщина у насъ не требуетъ вступленія въ амазонскіе полки и департаменты; объ этомъ теперь и рѣши нѣтъ. Но вотъ чего она можетъ и имѣетъ право требовать: чтобъ не смѣли ее обижать за ошибочный ея поступокъ опубликованіемъ въ газетахъ *безъ всякаго основанія и правды*, что у этой женщины должны быть свои грязныя тайны.

«Вѣкъ рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинѣ въ образованномъ обществѣ», продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ». Съ своей стороны мы хотимъ ему рассказать олинъ коротенькій анекдотъ. Въ этомъ номерѣ нашего журнала мы печатаемъ подробнѣйшее изложеніе извѣстнаго процесса госпожи Лафаржъ, обвиненной, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо, въ отравленіи своего мужа. Впрочемъ, это не одно только выше мнѣнію. Судъ, разбирая и обсуживая отношенія г-жи Лафаржъ къ ея покойному мужу, набрелъ между прочимъ на слѣдующій случай: что мосье Лафаржъ, женившись на мадамъ Лафаржъ, повезъ ее къ себѣ въ вомѣтеть. Это было спустя только нѣсколько дней послѣ свадьбы. По дорогѣ, на станціи, г-жа Лафаржъ потребовала себѣ ванну. Когда она сидѣла въ ваннѣ, мужъ началъ стучаться въ дверь и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ ему отворили. Жена отвѣчала ему сквозь затворенную дверь, что она сидитъ въ ваннѣ и не можетъ принять его; но мужъ продолжалъ настаивать, чтобъ его впустили. Судьи, жюри и публика рѣшили, что мосье Лафаржъ былъ нуженъ, а въ качествѣ мужа имѣлъ полное право требовать, чтобъ его впустили. Не будемъ прибавлять никакихъ объясненій къ этому анекдоту. Но, скажете вы, это только частный случай; да, отвѣчаемъ мы; но рѣшеніе судей, жюри и всей публики нельзя

считать за частный случай, а напротивъ за полное выраженіе правоты большинства въ образованнѣйшей націи Европы, въ которой «вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинѣ» и проч. и проч. Вѣка рыцарства! ну, кого вы морочите? Впрочемъ можетъ быть «Русскій Вѣстникъ» тоже согласенъ съ мнѣніемъ большинства образованнѣйшей націи и не ходитъ, что носые Лафаржъ, какъ мужъ, имѣлъ право требовать, чтобъ его впустили. По крайней мѣрѣ онъ какъ кнутомъ рѣзультъ, по вопросу о женщинахъ:

«Кажись еще правъ ей надобно?»

Это «какихъ еще правъ...» достойно самаго забористаго субботняго сельтона блаженной памяти Оаддла Булгарина! жалко и превосходно!

«Чего же можетъ хотѣть женщина?» продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ» съ прежней своей уловкой. «Неужели того, чтобъ быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Приятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если приятно, такъ чтожь мѣшаетъ и женщины пользоваться тѣми же правами? Увы, какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слыхавъ ни о какой эманципаціи и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственнаго или нравственнаго: эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ какъ мужчину, такъ и женщину отъ этой даровой и всѣмъ доступной эманципаціи.»

— Да послушайте, вы въ самомъ дѣлѣ насъ морочите? Да мы именно хлопочемъ о высшемъ нравственномъ развитіи; именно о томъ, чтобъ чувство долга свободно вкоренилось въ душу какъ мужчины, такъ и женщины. Мы именно увѣремы, что тогда только и опредѣлится вполнѣ, правильно, гуманно и ясно отношенія мужчины и женщины между собою и разрѣшится всѣ недоумѣнія; и способствовать этому нравственному развитію мы и хотимъ всею душой, но мѣрѣ слабыхъ силъ нашихъ.

— Да вѣдь это вовсе не эманципація! — скажетъ намъ «Русскій Вѣстникъ».

— Да понимайте ее какъ хотите, отвѣчаемъ мы, только мы сами-то понимаемъ ее именно такъ, какъ теперь объяснили, то есть слѣдствіемъ высшаго нравственнаго развитія...

Право, у «Русскаго Вѣстника» есть такая уловка: онъ прикиды-

вается, что самъ увѣреть; будто никто не знаетъ того, что онъ знаетъ. И вдругъ начинаеть лекцію, читаетъ востоконія, умилается душой, впадаетъ въ краснорѣчіе. А между тѣмъ это давно уже всѣмъ извѣстно. Подумаетъ, что ему пріятнѣе всего собственно процессъ, манера наставленій и болтовни. Но, подумавъ лучше, ясно увидишь, что умыселъ другой тутъ былъ. «Одинъ дескать, одинъ я это знаю, а вы-то не знаете. Я умнѣе всѣхъ, разумѣйте и покоряйтесь» и т. д. и т. д. Разумѣется, все это дѣлается для толпы, для большинства...

Далѣе слѣдуетъ у «Русскаго Вѣстника» страница до того блестящая своей логической вѣроятностью, что мы рѣшительно не знали что и подумать, читая ее. Здѣсь каждое слово драгоценно. Мы не можемъ не выписать этой страницы:

«.. Какъ бы то ни было однако, — говорить «Русскій Вѣстникъ», — представимъ себѣ женщину, эманципированную наравнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всякихъ особенностей собственно — женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ, *котораю никто у ней не оспариваетъ, которыя напротивъ все дорожатъ, которое все охраняютъ, удалая отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками...*»

Напрямѣръ какъ вы, замѣчаемъ мы, оправдывая кровныхъ обидчиковъ женщины. Но это въ сторону, а вотъ что главное; стало быть, вы серьезно считаете, что для женщины уже все сдѣлано въ настоящій моментъ, что дальше ничего не надо дѣлать, рѣшительно ничего, даже желать ничего не надо, даже гуманнаго смилостивія правовъ, о которомъ мы говорили, стало быть, все хорошо, все прекрасно, все благоухаетъ! И можно повѣрить вамъ, что вы, «Русскій Вѣстникъ», вѣрите словамъ своимъ? что это не фальшь съ вашей стороны, что вы не имѣете въ виду вашей выходкой похвалить истиннѣйшую массу, для того чтобы имѣть ее на своей сторонѣ? Можно смѣяться надъ увлеченіями эманципаторовъ; но отбегать самыя законныя желанія, развитіе и законное совершенствованіе во имя правды и любви, — это значить уже слишкомъ далеко зайти. А вѣдь вы именно вашей фразой, все это отвергаете. Вы въ ней изображаете такую высшую точку развитія въ современной намъ обществѣ, что, по вашему, уже и желать пельзя лучшаго.

И, наконецъ, позвольте; почему-же женщина, еслибы даже она и сравнилась въ общественномъ положеніи своемъ съ мужчиной,

слабѣ только это могло когда нибудь случаться, — почему она не могла бы требовать тогда отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности какъ теперь?

«Эманципаторы, — продолжаете вы, — не понимаютъ того, что ихъ ученія не даютъ никакихъ новыхъ правъ женщинѣ, а ведутъ только къ тому, чтобы снять съ мужчины его обязанности относительно женщины».

— Опять спрашиваемъ васъ: Что разумѣете вы подъ словомъ эманципация, какъ понимаете вы ее? Вы кажется составили о ней такое чудовищное понятіе, что вамъ естественно приходится дѣлать теперь и странныя заключенія. Не будучи эманципаторами, мы всетаки считаемъ справедливымъ сказать, что они навѣрно гораздо умнѣе, разсудительнѣе и человѣколюбивѣе, чѣмъ вы о нихъ думаете. Подъ словомъ эманципация вы кажется разумѣете сбродъ самыхъ чудовищныхъ, самыхъ ненормальныхъ и невозможныхъ правилъ и потѣшаетесь тѣмъ, что пугаете ими публику. Мы увѣрены, что эманципаторы могутъ тоже во многомъ ошибаться и навѣрно ошибаются, во первыхъ потому, что они люди, но цвѣторемъ, почему въ случаѣ одинаковаго общественнаго положенія мужчины и женщины, съ мужчиной снимаются его обязанности относительно женщины, даже относительно уваженія, деликатности, какъ вы говорите? Если женщина получить одинаковыя права со мной, такъ ужъ я, по вашему, тотчасъ же получаю право ее оскорблять? — Да зачѣмъ же это? Почему я долженъ ее не уважать, если она достойна уваженія? Почему мужчина не долженъ защищать и любить ее, какъ жену свою, если она его любитъ и исполняетъ вполне свой долгъ къ нему? Можетъ быть, вы именно напираете на то, что долга-то этого не будетъ при эманципациі? Развѣ это можетъ быть хоть когда нибудь? Что вы народъ-то морочите и пугаете? Бракъ создала природа; бракъ есть законъ ея, и если къ васъ осталась хотя одна капля вѣры въ прогрессъ, то вы не должны сомнѣваться, чтобъ естественный, взаимный долгъ людей одного къ одному, равно какъ мужчины къ женщинѣ и обратно, могъ когда-нибудь уничтожиться. Вотъ, нѣкоторые другіе долги и обычаи не естественные, а выдуманые человекомъ, часто ошибочно, недумно, глупо, — вотъ тѣ могутъ уничтожиться и уничтожаются почти ежедневно. Исторія вѣдь ничто иное, какъ картина этого уничтоженія и постепеннаго приближенія человечества къ законному, естественному, нормальному долгу... А вѣдь вы знаете исторію; вы часто о ней говорите.

Морочите вы насъ! окъ, хитрите!

«Съ мужчиной не церемонятся, какъ съ существомъ полноправ-

мысль во всѣхъ отношеніяхъ, продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ». —
«Зачѣмъ же церемониться и съ женщиной, которая должна быть такъ же существомъ полноправнымъ во всѣхъ отношеніяхъ?»

Что за странность! Да и что вы подразумеваете подъ словомъ церемониться? Если вы подразумеваете какія-нибудь китайскія церемоніи, такъ ихъ и теперь довольно, даже между мужчинами. Если же выраженіемъ: «не церемонится» вы грозите женщинѣ какими-нибудь обидами, грубостью, невѣжливостью, шипаніемъ, пинками, циническими рѣчами или клеветами, то почему же вы такъ утѣрены въ ихъ необходимости? Вѣдь и теперь порядочный человекъ никогда заставить себя уважать, а не бить. Что значить: «съ мужчиной не церемонится»? — странно! Это какія-то дѣтскія угрозы.

«Кто хочетъ построить отношенія между людьми, безъ помощи идеи долга, не останавливаясь на ней, кто не ею ориентированъ (что за краснорѣчіе!), а чѣмънибудь другимъ, тотъ отбрось въ сторону, какъ хламъ негодныхъ фразъ, всё толкъ о взаимномъ уваженіи людей другъ другу и о достоинствахъ женщины».

Что за ненужное краснорѣчіе! невольно восклицаемъ мы. Да кто же хочетъ построить отношенія между людьми безъ помощи идеи долга? Кто когда-нибудь строилъ иначе, или думалъ иначе строить? Назовите хоть когонибудь... Въ чемъ именно состоитъ этотъ долгъ — вотъ это дѣйствительно отыскивали, разрѣшаемъ этого вопроса всегда занимались, споконѣ-вѣку, занимаются теперь и будутъ заниматься, кажется, до скончанія міра. Но вѣдь это уже совершенно другое. Ой, пугаете!

«Такъ точно, продолжаетъ «Вѣстникъ», — кто видитъ въ человѣкѣ неболѣе какъ химическія щелочи, кислоты и соли, въ томъ самомъ смыслѣ и силѣ, какъ онѣ открываются намъ въ ретортѣ, тотъ не говоритъ о правахъ человѣка, объ его пользѣ, объ улучшеніи его быта; тотъ заемѣйся, взглянувъ въ глаза своему единомышленному другу; тотъ перестань бессмысленно выходить изъ себя и щеголять пафосомъ, который не можетъ имѣть другого смысла, кромѣ авгурскаго шарлатанства; тотъ оставь попеченіе объ этихъ ничтожныхъ эфемеріадахъ и знай живи какъ случилось по волѣ всемогущихъ обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, наботнися ли мы о черякахъ и думаемъ ли задавать себѣ серьезный вопросъ: сыты ли бни вамъ голдыне, когда давши ихъ ногою печально или чашкою...»

Вотъ вѣдь охота-то говорить!

Увѣряю васъ, что я, пишущій эти строки, отнюдь не думаю и не вѣрю, что я вышелъ ось изъ реторты. Я не могу этому вѣрить. Но еслибъ я и вѣрилъ именно такъ, почему же тогда я не могъ бы говорить о правахъ человѣка, объ его пользѣ и объ улучшеніи ея

быта? для чего было бы: мѣтѣ, смѣяться, мѣтѣ глаза моему одиночеству и жить намъ случилось?» Да и въ одной механической выгоды, даже для того только, чтобы существовать, должны бы были согласиться между собою, условиться, а следовательно связать себя взаимно долгомъ другъ къ другу. Вотъ ужъ и долги, а следовательно и дѣла въ жизни. Безъ этого не мыслимо общество. Каковы бы ни были убѣжденія ни были, вѣдь они все таки остались бы людьми, природу свою не могли бы уничтожить? Чувство самосохраненія было бы дѣтъ нѣкъ непремѣнно; но кромѣ того человекъ, потому что онъ долговѣтъ, ощутилъ-бы потребность любить своего ближняго, потребность самопожертвованія въ пользу ближняго, потому что любовь не мыслима безъ самопожертвованія, а любовь, повторяемъ, не могла бы уничтожиться. Для этого человекъ долженъ бы былъ вознѣдвѣдѣтъ собственную природу свою, а укрѣнены ли вы въ этомъ? По крайней мѣрѣ это вопросъ мудреный и рѣшить его такъ вдругъ, какъ вы рѣшаете — невозможно. Это:

вопросъ «какого не разрешите вы?»

А вы рѣшаете его что-то слишкомъ спокойно, слишкомъ торжественно, ужъ это одно подозрительно...

Вотъ вы напримѣръ и о гуманности толкуете и о развитіи, а защищаете же обидчика, противъ обиженнаго. Вамъ такъ хочется его защитить, что вы рѣшаетесь даже на неправду, говорите противъ очевидности, и вамъ это, кажется, ничего не стоитъ. Вы прямо говорите: «Онъ не выдумалъ какихъ-нибудь фальшивыхъ фактовъ, не сообщил за истину какихъ-нибудь мерзкихъ слуховъ»; вы говорите это спокойно, хотя и знаете, что говорите неправду. Онъ не выдумалъ мерзкихъ слуховъ? А намекъ о тайнахъ? Что же это такое по вашему? И этотъ намекъ явился печатно; что вы ребенокъ, что ли, что не можете всего видѣть и называть вещи ихъ именами?

Много кой чего и еще говорилъ «Русскій Вѣстникъ»; но намъ болѣе всего не нравилось его сужденіе о Пушкинѣ.

Именно о «Египетскихъ мечтахъ». Онъ и передъ нами еще говорилъ о Пушкинѣ много оригинальнаго; но теперь мы не будемъ разбирать его окончательнаго мнѣнія. Говоримъ: окончательнаго, потому что оно выказано намъ крѣтоса именно съ той цѣлью, чтобы окончательно и безапелляционно рѣшить весь вопросъ о Пушкинѣ, возникшій въ нашей литературѣ съ появленіемъ бессмертной статьи

т. Духовитина. На всё эти шпильки вы будете отвечать въ особой статьѣ, какъ вы уже общали прежде, въ началѣ появленія нашего журнала. Но не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ, по поводу сужденія «Русскаго Вѣстника» о «Египетскихъ ночахъ». Изъ этого сужденія передъ нами ярко выставляется вся сила «Русскаго Вѣстника» въ пониманіи поэзіи. Вообразите: онъ называетъ «Египетскія ночи» «фрагментомъ» и не знаетъ въ нихъ полноты, — въ этомъ самомъ полномъ, самомъ законченномъ произведеніи нашей поэзіи! Онъ говоритъ, что «это только намекъ, намъ, нѣсколько чудныхъ аккордовъ, въ которыхъ что-то темно чувствуется, но на что еще не раскрывается» (!) для полного и юного созерцанія...

«...Надобно слишкомъ много условій», продолжаетъ онъ, «чтобы крошечъ прелести стиховъ и очарованія образовъ, уловить въ этой пьесѣ вѣски ея внутренняго смысла, который раскрылся бы въ ней для всѣхъ доступно, если бы художникъ совершилъ свое произведеніе вполне. Передъ художественнымъ созданіемъ, дѣйствительно, не могутъ держаться мелкіе соблазны, но не прежде какъ идея цѣлаго повторитъ себя и одухотворитъ всѣ частности. Этотъ демонскій культъ, требующій драгоценнѣйшихъ человѣческихъ жертвъ, эта дирижа, венкиная голова надъ чашей, подъ обаяніемъ охватившей ея силы, Клеопатра, призывающая подземныхъ боговъ въ садъ своей клятвы, все это, облеченное въ плоть и кровь чарующихъ подробностей, могло бы быть откровеніемъ далекаго и мрачнаго міра, и тогда идея дѣлаго управляла бы и смягчала бы все, что теперь выступаетъ слишкомъ рельефно. Если бы изъ этого получилось ~~какая-то~~ ~~судьба~~, она могла бы быть созданіемъ гениальнымъ...» и т. д. и т. д.

Вы говорите о трагедіи, о разбитіи этого, какъ вы называете фрагмента; но неужели вы не понимаете, что разбивать и дополнять этотъ фрагментъ въ художественномъ отношеніи болѣе невозможно, и что тогда вышло бы нечто совершенно другое, совершенно въ другой формѣ, можетъ быть равносильное, можетъ быть высшее по достоинству, но только совершенно другое, чѣмъ теперешній «Египетскія ночи» и следовательно утратило бы все впечатлѣніе, и всю мысль теперешнякъ «Египетскихъ ночей.» Пушкину именно было задачей (если только возможно, чтобы онъ заранее задавалъ своему вдохновенію задачи), представить моментъ римской жизни и только одинъ моментъ, но такъ, чтобы произвести имъ наиболѣе дѣльное впечатлѣніе, чтобы передать въ нѣсколькихъ стихахъ и образахъ, весь духъ и смыслъ этого момента тогдашней жизни, такъ чтобы по этому моменту, по этому уголку, предугадывалась бы и становилась бы понятною вся картина. И Пушкинъ дѣ-

стигъ этого я достигъ въ такой художественной выразительности, которая является намъ какъ чудо поэтического искусства. Вы говорите, что все это не облечено въ плоть и кровь, шаржируетъ подробности? Но тутъ до того арки въкоторыя подробности, что приходишь въ изумленіе и благоговѣніе передъ художественной силой поэта. Часто одна изъ такихъ подробностей очерчивается однимъ словомъ, однимъ словомъ, однимъ намекомъ, но до того цѣльно, мѣтко и полно, что втѣтъ стихъ не забывается. Они переходятъ въ потомство и становятся выраженіемъ маршальскими для изѣтнаго рода понатій; цривая эти подробности доведимъ именно до того предѣла, что прибавите еще хоть одну какую-нибудь лишнюю подробность, и цѣльное впечатлѣніе картины можетъ быть исчезло бы передъ вами. Тутъ все составляетъ одинъ аккордъ; каждый ударъ кисти, каждый звукъ, даже ритмъ, падѣвъ стаде, все припроролано къ цѣльности впечатлѣнія. Впрочемъ, можетъ быть вы требуете болѣе подробнаго описанія костюмовъ, архитектуры залы, города Александрии, Египта, Римской имперіи въ ея географическомъ, статистическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніи? Можетъ быть, вамъ этихъ подробностей надобно? Что касается до г. Дульщикова, то онъ несравнимо бы икъ потребовать.

— Кстати, вы смѣлесь надъ нашими словами по поводу впечатлѣнія, произведеннаго статуями Венеры Медицейской и Венеры Милосской. На неразвитое, порочное сердце и Венера Медицейская, сказано у насъ, производитъ только сладострастное впечатлѣніе. Нужно быть довольно высоко очищеннымъ нравственно, чтобы смѣтрѣть на эту божественную красоту, не смущаясь...

«Но развѣ Венера Медицейская или Венера Милосская», изображаете вы, «представляютъ собою тѣ выраженія страстности, которыя звучатъ въ словахъ Клеопатры? Развѣ эти олимпійскіе статуи не представляютъ собою самыхъ цѣломудренныхъ образовъ, преминутыхъ тѣмъ яснымъ казствомъ, которое составляетъ душу приличія? Не являются ли эти образы сами олицетвореніемъ этой тонкой стѣмливости, этой чарующей тайны? Развѣ рѣведъ не только Фидія и Проклеса, но даже ваятелей эпохъ упадка, доходятъ когда-нибудь до возможности выразити страстности?»

И далѣе:

«Развѣ Рашель доходила когда-нибудь на сценѣ до чего-нибудь похожаго на клятву Клеопатры? Развѣ гдѣ-нибудь въ Европѣ, въ Америкѣ икъ, могла бы артистка произнести передъ публикой этотъ фрагментъ, поневоля выдавая рѣсьсье только то, что должно указывать на послѣдніа выраженія страсти, на будучи въ силѣ»

одушевить эту тьму земными силами, которая въ неопредѣленномъ пространствѣ не могла высказаться съ полною силой, не могла брать свой цвѣтъ на то, что никогда не должно быть открытою тайной?»

Далось вамъ это послѣднее выраженіе страсти. Не послушайте, дружокъ мой, думаете, что слабая статуя Венеры Меланійиной и Мидасовой, при всемъ томъ, что ей представляють собой идеализованныя образы и самое тонкое выраженіе стыдливости, привлекательнѣе Москву въ нашии прескромнѣнныи прощанья, до аршина хотъ недрямить Алексѣя Михайловича, не могъ бы предности на дѣлѣ какое-нибудь другое впечатлѣніе, кромѣ грубого и даже можетъ быть соблазнательнаго? Не говорите, «чтобы и тогда совершилось не было людей развитыхъ; мы говоримъ вообще о впечатлѣніи, которое бы произвело тогда на отпочъ нашихъ лицъ и дѣтскихъ «блужданъ.» И шумными не правы говорю, что чело быть дѣтского онѣтенинѣмъ, нравственно и крѣпко развитымъ, чтобы дѣтство на эту божественную красочу не шумало. Дѣломудрость образа не внесетъ отъ грубой и даже можетъ быть грубой мысли. Нѣтъ, эти образы производятъ высокое, божественное впечатлѣніе искусства, потому именно, что они сами производятъ искусство. Тутъ дѣйствительность преобразилась, пройдя черезъ нечеловѣчье, пройдя черезъ оцѣну чистаго, идеомудреннаго влеченія и черезъ художественную мысль поэта. Это тайна искусства въ себѣ несетъ всадій художникъ. На недрямговеленію не, дерзавтрондѣткуру, или на пробу-разаростную даже и искусство не. овозаче. бы вдею этого дѣйствія. Чѣмъ развитѣе, чѣмъ лучше душа чело вде, тѣмъ и впечатлѣніе искусство бываетъ въ ней: больше и истиннѣе.

Но вотъ вопросъ: почему именно вы думаете, что «Египетскія воды» хотъ и произведеніе искусства, но будучи ормичеиномъ (даже, если этотъ ормичеиный) и будучи послѣднимъ выраженіемъ страсти (опять-таки это послѣднее выраженіе страсти), не могутъ производить частаго художественнаго впечатлѣнія, а напротивъ производить влеченіе и недовольствительное. Ужъ по природности ли «Египетскія воды» въ сочиненіи мѣртваго до Сала? Фрегоидности и неопредѣленности произведенія не могла бы послужить причиной этой цѣпкости на то, что никогда не должно быть открытою тайной.

Но во первыхъ гдѣ тутъ и какая тутъ открытая тайна? Должно ли тутъ дѣло до открытія тайны? И наконецъ, какъ вы можете сказать «Египетскія воды», что ли не въ нихъ именно, при вде видѣть и что повеловѣ влеченіе, сама галыма, ханы енеиномъ, ибуль свѣтосойкамъ и востовлатъ, вознѣе и влеченіемъ, обавнѣе искусство. Недрямнѣе по нашему, тутъ впечатлѣніе, страшнаго ужаса, а не ладъ

«Истинно, если бы для выражения... Мы полагали, что теперь под этим «последним выражением» вы разумеете что-то широкое — де-кадовое и клубничное. Но ведь это не то, сказать не то. Это значит самому потерять настоящий, чистый взгляд на дело. Это поглядеть свысока, с некоторым вытаскиванием часто толкуете, но ввиду действительно может быть соблазнительно, но нашему же вы немь представляется только «выражение природы» человеческой, дошедшее до таких ужасных размеров в предостереженное от такой точки зрения истинно (а точка зрения-то и главное); что производить вовсе не клубничное; а потрясающее впечатление. У Пушкина широкотабрь предстает предъ публикой Северной Пальмиры, быть тоже встретишь смѣхоту, когда простодушно спрашивают: из каких любовниках тут говорится, *peche la grande reine hachevich moulo*; (у великой царицы их было много). Эта публика состояла тоже из знатоков и ходоконъ по клубничной чаше; Тут было много, «два журналиста въ качества литераторовъ» тоже должны быть третьи какачи. Жаль что Пушкинъ не передает намъ впечатлѣній, произведеннаго широкотабріемъ на этихъ слушателей.

Но иронически сами эту широкотабрию, превратить сама от впечатления.

Ниръ его картина: Царица была весела, она смивала своихъ гостей, но вотъ она задумалась, она склонилась головой надъ золотой чашей; гости безмолвны, все молчитъ. Эти гости вѣрнее знаютъ свою царицу и ждутъ чего нибудь чрезвычайнаго. Это ребята безъ еси — это представительница того общества, подъ которымъ вы и давно пошатнулась его основація. Уже утрачена величавость; надежда кажется однимъ бесполезнымъ обманомъ; мысль ступаетъ и печалится; божественный огонь ослепилъ ее; общество сверталось и въ холодномъ отчаяніи предчувствуетъ передъ собой беду; и готово въ нее обрушиться. Жизнь однихъ является своимъ чѣмъ. Въ будущемъ нѣтъ ничего; надо требовать всего у настоящего; надо исполнить жизнь однимъ настоящимъ. Все уходитъ въ тѣло, все бросается въ тѣлесный развратъ и чтобы исполнить недостатки вышній духовныя впечатлѣнія; раздражаетъ свои черны, свое тѣло небыть что только способно возбуждать чувствительность. Самые чудовищныя уиисенія, самыя не нормальныя извѣстныя отъ природы нѣко по малу обыкновенныя. Даже чувства ее не охраняли неволею. Клеопатра-представительница этого общества. Ей теперь скучно; но эта сила неощущаетъ ее часто. Что нибудь чудовищное, не нормальное; моральное еще могло бы разбудить ее душу. Ей нужна теперь сильное впечатлѣніе. Онуло что-ни-

всего, не смелая, не зарывшая еще всей души общества: въ немъ еще есть силы для борьбы, но на долго ли! Смотрите на представляемой будущаго: вотъ Кривоногъ молодой отпущенецъ: его божество — это правда, овладеть — наслажденье! Онъ еще молодъ; еще ослепительны величье въ немъ жизненныхъ силы; еще отдаленно наслаждающій собою, даромъ молодости и необитыхъ силъ онъ; но вотъ это только молодость! Онъ думаетъ хорошо, что умираетъ теперь, когда еще нечеловѣкъ еще обити в божество-жизненикъ. Онъ еще не способен на разочарованія; на отчаянiя... Близко онъ остался жить; онъ былъ приучиваема при известномъ, чудовищномъ братѣ Норона; тамъ сегоднѣ въ восторгъ...

Но душа поэта сама не выноса этой карьеры; онъ не хотѣлъ бы съ Клеопатрой-гённой, и на одно мгновенье бытъ оторваннымъ свое гённое. Вотъ отрокъ; онъ нѣтъ неизвѣстно; но восторгъ любви сияетъ въ очахъ его; всеобщая сила жонетъ, безпредѣльной страсти кипитъ въ молодомъ его сердцѣ. Онъ съ радостью, даже съ благодарностью отдастъ свою жизнь; онъ о ней и не думаетъ; онъ кладетъ въ лицо царицы, и въ глазакъ его столько увеселѣн, столько безпредѣльного очарованья, столько свѣтлой любви, что въ гённое мгновенье прескученъ человекъ, и царица съ удивленiемъ взглянула на юность. Она еще тогда услышится!

Но только на одно мгновенье. Человѣческое чувство утасало, въ зѣвскій дикій восторгъ не вступилъ въ ней еще силѣбѣнныя извѣненнѣ, можетъ быть, именно отъ взгляда этого юнца. О; она не могла бытъ больше слушать ислеландерей! Замысливъ съ себѣ восторга царица божественно произносить своею властью... И въ, и вѣдѣннѣ она не восходила до такой умственной силы, до такой воспримого чужестраннѣ въ восторгѣ восторга! Онъ выражениа этого адского восторга царицы, холодѣть тѣло; закрываетъ духи... и вѣтъ становится понятно, къ какимъ людямъ приходилъ тогда нашъ Божественный Искупитель. Вамъ понятно становится и слово: Искупитель..

Иностранно была бы устроена душа наша, еслибъ вся эта картина проявилась бы только одно впечатлѣнiе на счетъ изубишнн!

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствiи помѣстить здѣсь же отрывокъ изъ письма къ намъ одного прiятеля, — письма, написаннаго послѣ чтенiя мартовской статьи «Русскаго Вѣстника». Оно встаетъ дополнить вашу статью. Вотъ оно:

«Если бы *Викетскiя* ночи были и отрывкомъ, то и тогда о такомъ поэтѣ, какъ Пушкинъ, нельзя бы было сказать, что его отрывокъ не

любомъ *блудливо*ремъ. Но *Визитскія* коты вовсе не отрываютъ. Тамъ же *люди* въ *нахъ* приваиваю *неоконченности*, *оригинальности*? Ни притомъ — какія *полная* картина! Какая *дивная* соразмѣрность *частей*, *опредѣленность* и *законченность*! Читатели знаютъ въ какой *драгоцѣнной* *опрать* *представилъ* тамъ Пушкинъ этотъ *особенно* *дорогой* и *длинно* *самое* *перло* своей поэзии. «Египетскія ночи» — *широкая* *за* *къ*, но это *полная*, *доконченная* *импровизация*. Вообще великій *блуды* *смыслъ* *сдѣлалъ* все, что можно, чтобы растолковать намъ свое *проникновенное*. Онъ заставлялъ читать его *итальянца*, *человѣка*, *выросшаго* на *блуды* *швейцарскія* *дѣла* *искусства*, *художника* до *мозга* *костей*, *человѣка* *простодушнаго* и *чуждаго* *всѣй* *щепетливости*. Спокойно *прои* *послѣ* *онъ* въ *аристократической* *залѣ*: у *великой* *каражи* *блуды* *длого* *любовника*, и съ *изумленіемъ* видить какъ *сѣверные* *вар* *вары* начинаютъ *ухмыляться* и *хохотать*.

«Такая исторія идетъ, какъ видите, и до нашихъ дней. Въ «Египетскихъ ночахъ» Пушкинъ самъ художественно выразилъ *дорогой* для души его вопросъ о *нѣкоторыхъ* *отпавшихся* *искусство* *ль* *блуды*. Вопросъ остался до сихъ поръ. И теперь *импровизаторъ* «Ночей» могъ бы слышать новый смѣхъ надъ *внѣ* *сѣверныхъ* *каражи*. Странный *мы* *народъ*, въ *самомъ* *дѣлѣ*! Очень *справедливо*, кажется; Пушкинъ *привѣнилъ* къ намъ стихи Петрарки:

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole

«Когда намъ *возвратъ* о *смерти*, когда *кланутся* *облаки* *адѣ* и *уны* *зываютъ* *намъ* на *смертную* *скажу* и *надвигая* *тучы*, *мы* *блуды* *смыслъ* съ *сѣвровою* *холодностью*; *намъ* это *не* *трогаетъ*, *не* *ужасаетъ*. Но *чувствительная* о *могучей* *капризѣ* и о *золотомъ* *жизнѣ*, *у насъ* *уны* *состраданіемъ* *уши*; *намъ* это *волнуется* и *подымается*. Мы *пуритане* по *прови*; *мы* *мало* *любимъ* *жизни*, и *потому* *искусство* *кажется* *намъ* *соблазнами*.

«Да, дурно мы понимаемъ искусство. Не научая насъ *этому* и Пушкинъ, самъ *пострадавшій* и *потѣбный* въ *нашемъ* *обществѣ* *кажется* преимущественно за то, что былъ *повтомъ* *вполнѣ* и *до* *конца*. Только это дурное пониманіе можетъ объяснить намъ *всѣ* *цѣломудренныя* *толкованія* «Русскаго Вѣстника» о *страстности* и о *ея* *различныхъ* *выраженіяхъ*.

«Вотъ какія черныя *сомнѣнія* пришли *намъ* на *мысль*, когда я *старался* *высказать* въ *статію* «Русскаго Вѣстника». Какъ *поняли* *стран*

(*) Тамъ подъ туманными и короткими днями
Родится племя, которому не больно умирать.

ное огр ушорство? Чѣмъ объяснить съ одной стороны его робкія умолчанія, съ другой его дерзко-смѣлымъ увѣреніемъ? Съ периодическимъ ужасомъ спрашивалъ я себя: что же будетъ съ нами, что намъ несчастные будемъ дѣлать, если онъ, если самъ «Русскій Вѣстникъ» станетъ учить насъ такъ дурно въ такихъ важныхъ вопросахъ?

«Русскій Вѣстникъ» смотритъ на наше общество и на нашу литературу съ большимъ высокомеріемъ. Скажу вамъ прямо, этотъ взглядъ мнѣ нравится; я радъ бы былъ всякому высокомерию, лишь бы только высокомерные люди дѣлали дѣйствительное благо для страны свѣиса. «Русскій Вѣстникъ» утверждаетъ нашу литературу въ *полумыслѣ* и *получувствѣ*; онъ называетъ наше общество «порожнякомъ, лишоннымъ собственннхъ интересовъ, не имѣющимъ собственной мысли, не живущимъ умственно, безхарактернымъ и слабымъ».

«По моему убѣжденію все это сказано мѣтко и, говоря вообще, справедливо въ величайшей степени».

«Но какъ же вздумалъ «Русскій Вѣстникъ» помочь такому печальному состоянію дѣл? Что самъ онъ дѣлаетъ въ этомъ обществѣ и въ этой литературѣ?»

«Какая странность! Чувствую подъ ногами эту же самую колеблющуюся почву, находясь среди общества хаотическаго и подверженнаго броженію, онъ вдругъ вздумалъ заговорить языкомъ общества съ твердыми правилами и съ крѣпкимъ общественнымъ инѣніемъ. Чтобы доказать нашу *незрѣлость*, онъ вздумалъ заговорить *зрѣлымъ языкомъ*, и, не имѣя его у себя въ наличности, взялъ его, или прокатъ въ Англій или въ какой-нибудь другой зрѣлой странѣ».

«Фальшивость такого приема всею яснѣе кажется, обнаруживается въ настоящемъ случаѣ. Маска падаетъ, и комдіа превращается, какъ скоро дѣло дойдетъ до дѣйствительности. Въ своемъ дѣлѣ, напрасно «Русскій Вѣстникъ» бранитъ, что все, все и просто, что стоитъ только не отступать отъ здраваго смысла, чтобы отчетливо разрѣшить цѣль; напрасно замарываетъ и заглушаетъ вопросы; онъ живетъ и выступаетъ съ презрѣною слякою, не смотря на громкія фразы и тучи витіеватыхъ словъ».

«Но, когда русскому принимать на себя видъ англичанина или француза. Тамъ, въ обществахъ окрѣпшихъ и опредѣленихъ, дѣйствительно дѣло рѣшилось бы быстро и опредѣленно. Но тутъ приметъ это во вниманіе «Русскій Вѣстникъ»: тамъ водсе бы не стали разсуждать, тамъ даже и не вздумали бы сравнивать актрисъ съ благородными дамами. «Русскій Вѣстникъ», какъ русский, принужденъ былъ пуститься въ разсужденія и дошелъ до полныхъ промаховъ».

«Русскій Вѣстникъ» кричитъ, что дѣло просто и ясно; но въ его громкихъ фразахъ невозможно отыскать *никакого опредѣленнаго смысла*. Да мнѣ кажется, что такого смысла нѣтъ, да и не *можетъ* быть у «Русскаго Вѣстника.»

«Если разглядѣть это, то какою неотразимою фальшью отзовется этотъ громкій тонъ, этотъ самоувѣренный языкъ статьи. Кчему же служить эта страшная шумиха? Кого и зачѣмъ нужно обманывать съ такимъ великимъ усердіемъ?»

«Дурной примѣръ дастъ «Русскій Вѣстникъ» русской литературѣ!»

Въ прошлой книгѣ въ «Критическомъ Обозрѣніи» на стр. 143 во 2-й строкѣ снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вѣрался важный недосмотръ, на мѣстѣ пробѣла слѣдуетъ читать: «не найдете хотя ко-»
и т. д.

Въ прошлой книгѣ въ «Критическомъ Обозрѣніи» на стр. 143 во 2-й строкѣ снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вѣрался важный недосмотръ, на мѣстѣ пробѣла слѣдуетъ читать: «не найдете хотя ко-»
и т. д.

С М Ъ С Ъ

I

ПОДЪ КАЧЕЛЯМИ

МАСЛЯНИЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

По грязной и крутой лѣстницѣ четырехъ-этажнаго дома, какихъ въ Петербургѣ много, тяжело поднимался самъ негодующій домовладѣлецъ. За нимъ, распустивъ саблю, шолъ помощникъ квартальнаго надзирателя, изъ военныхъ.

— Вы сдѣлайте милость, говорилъ домовладѣлецъ полицейскому офицеру, — не церемоньтесь, а пугните его хорошенько. Мнѣ чортъ его возьми, что онъ съ семействомъ и безъ должности; мнѣ нужна эта комната подъ кладовую. Я не филантропъ какой-нибудь, чтобы всякую сволочь держать даромъ у себя въ домѣ.

— Хорошо-съ, отвѣтилъ помощникъ надзирателя, — я представлю на видъ...

— Да на видъ нечего представлять, перебилъ его раздражительно домовладѣлецъ, — надо просто пугнуть хорошенько; или деньги подай или убирайся, а не то, молъ, рамы вонъ и двери съ петлей.

— Ну, видите, по закону, заговорилъ было мягко блюститель общественного благоустройства... но почтенный домовладѣлецъ не далъ ему договорить.

— Ну, поѣхали съ своимъ закономъ, протянулъ онъ, махнувъ рукой, — помилуйте, что вы?.. Вотъ и видно, что изъ военныхъ. Да есльбъ для всякой этакой сволочи все по закону дѣйствовать, такъ тутъ порядочнымъ людямъ и житья бы не было. Это, батюшка, пустяки, а какъ условлено, такъ и валлите; а то на что же вамъ и власть дана?

Послѣднія слова домовладѣльца, казалось, пробудили въ полиц-

Т. III. — Отд. V.

цейскомъ офицерѣ сознаниѣ собственнаго достоинства и данной ему власти.

— Я сдѣлаю, сказалъ онъ рѣшительно, — все сдѣлаю, вы не безпокойтесь.

Въ это время они поднялись уже на чердакъ. Домовладѣлецъ отворилъ низенькую дверь, околоченную рогожкой и, въ сопровожденіи надзирательскаго помощника, вошелъ въ квартиру неисправнаго жильца, котораго надо было хорошенько пугнуть.

Квартира эта состояла изъ небольшой комнаты, раздѣленной деревянной перегородкой на двѣ части; передняя часть, поменьше, служила кухней, а другая, побольше, жильнымъ покоемъ. Въ этомъ жильномъ покоѣ, куда вошли и домовладѣлецъ и помощникъ надзирателя, было пасмурно, грязно и холодно. У небольшого оконечка стоялъ столъ, окрашенный когда-то зеленою краскою; нѣсколько такихъ же стульевъ смиренно лѣнились по стѣнѣ; въ переднемъ углу висѣлъ образъ, а подъ нимъ на полу, на чемъ-то грязномъ и изорванномъ, лежала больная женщина, лѣтъ тридцати, съ груднымъ ребенкомъ. Больная безпокойно ворочалась на своемъ незатѣйливомъ логовищѣ и стонала, ребенокъ ревѣлъ благимъ матомъ; въ ногахъ у больной сидѣли дѣвочка лѣтъ семи и мальчуганъ лѣтъ пяти, закутанныя въ какія-то тряпки. По комнатѣ шагала мушкетеръ сорока лѣтъ, худой, сгорбленный, словно чѣмъ-то пришибленный, въ старомъ, изношенномъ и изорванномъ сюртукѣ и порывѣвшихъ сапогахъ. При появленіи домовладѣльца и полицейскаго офицера, мушкетеръ, шагавшій по комнатѣ, остановился въ сильномъ замѣшательствѣ и потупилъ голову, будто ожидая, что вотъ сейчасъ его убьютъ; больная притихла въ ужасѣ; только ребенокъ, въ блаженномъ невѣдѣніи, не страшась ни полиціи ни домовладѣльца, кричалъ нуле прежняго.

— Ну, вотъ вамъ, сказалъ домовладѣлецъ, покривившись отъ крику ребенка и обращаясь къ помощнику надзирателя, — вотъ вамъ на лицо этотъ господинъ... какъ васъ тамъ зовутъ? отвесьте онъ уже къ жильцу.

— Антонъ Антоновъ Темнюшкинъ, отвѣтилъ смиренно неадекватный жилецъ, не подымая головы и не рѣшаясь взглянуть на страшныхъ посѣтителей.

— Какъ же почтеннѣйшій Темнюшкинъ, началъ полицейскій офицеръ довольно сухимъ, должностнымъ голосомъ, г. домовладѣлецъ жалуется, что вы не платите за квартиру... вѣдь это нельзя... вѣдь если вы пользуетесь, такъ сказать, помещеніемъ, такъ должны и платить по условію... Согласитесь, что должны?

— Долженъ, прошепталъ робко жилецъ.

— Ну, такъ что же, какъ же... отчего же вы не платите?

— На при децѣгахъ... семейство, жена больна — лепеталъ Антонъ Антоновичъ, — общались на двѣхъ мѣсто... я все сподна заплачу, вотъ, перелъ Богомъ, все до копѣйки...

— Да эту пѣсню я слышу четыре мѣсяца, возразилъ домовладѣлецъ, — мнѣ ужъ надоѣло; я желаю теперь, чтобы вы очистили квартиру...

— Да, подхватывалъ надзирательскій помощникъ, — если не платите, должны очистить квартиру.

— Безъ всякихъ разговоровъ, добавилъ домовладѣлецъ настоятельно и громко, — извольте очистить квартиру... Я этого требую законнымъ порядкомъ... онъ рукой указалъ на полицейскаго офицера.

Темнюшкинъ поднялъ голову и мокрыми отъ слезъ глазами взглянулъ на домовладѣльца. Покорнѣйшую мольбу изобразило его жалкое, намтое лицо, сами собой подогнулись у него колѣни и, сложивъ руки, какъ складываютъ ихъ первые любовники въ театрѣ, онъ сталъ просить :

— Иванъ Петровичъ!.. Помилосердитесь! у ножекъ вашихъ молю, помилосердитесь!.. Я бы одинъ ушелъ, ей Богу, ушелъ... а вонъ жедя умираетъ... дѣти у меня, большіе-то ничего, а вонъ маленькой... вѣдь онъ замерзнетъ. Батюшка, Иванъ Петровичъ! не куда плати... Я вамъ аворъ стапу мести, не гоните... Мнѣ мѣсто обѣщали...

— Да что же, любезнѣйшій, общались, общались, возразилъ съ неудовольствіемъ домовладѣлецъ, — я это слышалъ, что мнѣ за дѣло? Мнѣ нужна квартира...

— Повремените, молилъ Темнюшкинъ не вставая, — повремените немного... Можетъ быть, добавилъ онъ въ совершенномъ отчаяніи, едва ли самъ понимая что говорить, — можетъ быть, и жена умретъ и ребенокъ... повремените... нѣсколько дней, ради Христа небесаго... ну, до завтра... а завтра отдамъ... завтра отдамъ, твердилъ Темнюшкинъ, подвигаясь на колѣнахъ къ домовладѣльцу — я сейчасъ пойду, достану... вотъ я при нихъ прошу, добавилъ онъ, повернувшись къ помощнику надзирателя, — а законнымъ порядкомъ прошу... только до завтра... я достану.

Помощникъ надзирателя видно былъ помягче и повпечатлительнѣе домовладѣльца; онъ приподнялъ Темнюшкина и сказалъ :

— Ну, извольте... завтра.. постарайтесь... позвольте, Иванъ Петровичъ, до завтра.

Домовладѣлецъ махнулъ рукой и выходя изъ комнаты проворчалъ.

— Ничего изъ этого не будетъ... одна пустая проволочка.

И вслѣдъ затѣмъ онъ такъ сердито хлопнулъ дверью, что ребенокъ мгновенно затихъ: съ нимъ сдѣлался родничникъ. Антонъ Антонычъ схватилъ свою старую шляпенку и выбѣжалъ изъ квартиры.

Зачѣмъ выбѣжалъ Темнюшкинъ, куда побѣжалъ, этого онъ рѣшительно не понималъ самъ. Въ головѣ у него все было перепутано, смутно и темно; ясно было только одно сознаніе ужаснѣйшаго, безвыходнаго положенія. Несчастье молотомъ стучало его по головѣ и отшибало всякую способность разсуждать, понимать и даже видѣть что нибудь. Антонъ Антонычъ безсознательно шолъ изъ улицы въ улицу, пробираясь между густыми толпами народа, и незамѣчая съшавшихся на него толчковъ. Напрасно тратили свое остроуміе лихачи-извозчики; напрасно мальчишки мастеровые кричали ему: «поздравляемъ дяденька съ масляницей!» напрасно барыни подозрительной красоты съ презрѣніемъ сторонились отъ пьянаго, какъ имъ казался Темнюшкинъ, чиновника. Ничего невидѣлъ и не слышалъ Антонъ Антонычъ, движимый какою-то непоятною силою, въ изодранномъ скюртукѣ и помятой шляпенкѣ, среди веселой, праздничной толпы. Дѣло было въ послѣдній день масляницы. Только очутившись на какомъ-то мосту и прохваченный свѣжимъ вѣтромъ, Темнюшкинъ остановился и почувствовалъ способность мышленія. Но первая мысль, блеснувшая въ его головѣ, была мысль ужасная — мысль о самоубійствѣ.

— Кинуться съ моста внизъ головой, подумалъ несчастный Антонъ Антонычъ, взглянувъ за перила, — и покончить этимъ всѣ муки... Хозяинъ не будетъ приставать... не услышу какъ стонетъ жена, какъ кричитъ ребенокъ... все кончится... Вотъ только перегнуться за перила, ноги подкинуть, голову внизъ... вотъ и конецъ...

— Гляди, баринъ, упадешь! крикнулъ, въ эту минуту, какой-то полулявшій мѣщанинъ, дернувъ Антона Антоныча за фалду, — упадешь, носъ разобьешь и холодно будетъ.

При этихъ словахъ Темнюшкину вдругъ, во всемъ ужасѣ, предсталъ хололъ въ водѣ, волосы заерошились у него подъ шляпенкой и онъ попытался отъ перилъ, къ которымъ за мгновеніе еще тянуло его такое страшное желаніе покончить свои муки. Валившая толпа народа толкнула Антона Антоныча, и опять безсознательно, машинально, онъ побрелъ впередъ, впередъ, самъ не понимая куда и зачѣмъ!..

Вторично опомнился Антонъ Антонычъ на адмиралтейской площади.

Вы знаете, что такое адмиралтейская площадь на масляницѣ?..

Гуль нестройной, уши раздражающей музыки, въ которой особенно замѣтную роль играютъ турецкіе барабаны, фальшивыя трубы и неистово завывающіе кларнеты, гуль, перемѣшанный съ криками завывателей покататься на круглыхъ качеляхъ, разнощиковъ и пыльной мастеровщицы, поразилъ слухъ Темнюшкина. Онъ окинулъ взглядомъ площадь. Передъ нимъ стоялъ цѣлый городокъ дырлявыхъ балагановъ, пестряющихъ разноцвѣтными флагами и заманчивыми вывѣсками. Густыя, темныя толпы народа окружали этотъ вдругъ выросшій на свѣгу городокъ и двигались какъ множество муравейниковъ, такъ что издали казалось, что и самые балаганы не стоятъ на мѣстѣ, а колышутся и двигаются. Цѣлое море разнообразнѣйшихъ звуковъ подымалось надъ этимъ чудеснымъ городкомъ и разнеслось въ воздухѣ, охмѣляя гуляющій русскій людъ и возбуждая его кинуть послѣдній, тѣжко выработанный грошъ, лишь бы погулять ради масляницы, скатить разлапушку съ высокой горы, накормить еѣ мороженымъ или орѣхами и посмотреть на какуюнибудь лѣшковинку. Вся эта площадь, вдругъ получившая жизнь, являлась какъ-нибудь бурливымъ, кипящимъ омутомъ, въ который такъ и таетъ человѣкъ, въ который невольно потянуло и Антона Антоныча. Сначала онъ остановился на окраинѣ этой шумящей бездны; передъ нимъ тянулись въ три ряда разнообразные экипажи, отъ щегольскихъ колясочекъ съ медвѣжьими полостями, до извозничьихъ возковъ, напоминающихъ своимъ безобразіемъ старинные рыдваны. Въ экипажахъ мелькали передъ Антономъ Антонычемъ попеременно любопытныя и веселыя личики дѣтей, набитыхъ цѣлыми кучами, слобиныя и самодовольныя фізіономіи *молодыхъ* кувеческаго званія, нахальныя и намазанныя лица камелій, красиво развалившихся на чужой счетъ, лица гвардейскихъ офицеровъ, ѣдущихъ на рыскахъ и, наконецъ, сотни другихъ личностей, красивыхъ и некрасивыхъ, выражающихъ самодовольство, презрѣніе къ окружающимъ, изумленіе и просто ничего не выражающихъ. На катающихся смотрѣла стѣнна любонитныхъ пѣшиходовъ, представляющихъ такое же разнообразіе наружностей и побужденій; одни смотрѣли на лошадей и экипажи, другіе искали красиваго личика, у третьихъ замѣтно было безпокойство, желаніе увидѣть извѣстное лицо, четвертые стояли тутъ потому только, что стоятъ другіе...

Съ окраины потянуло Антона Антоныча и въ самый омутъ; онъ счастливо шмыгнувъ между рядами экипажей и очутился у круглыхъ качель, представляющихъ желѣзную дорогу. Старикъ, въ

свѣромъ ирпакѣ, съ беродей изъ пеньки, стоялъ, перегнувшись черезъ перила, и болталъ что-то, отчего окружающая толпа народа шатавалась со смѣху. Потомъ застучалъ барабанъ, завыли трубы и кларнеты, раздался свистокъ и заворѣлась машина, доводящая любителей и любительницъ до тошноты. Передъ глазами Антона Антоныча промахнулъ локомотивъ съ голубой трубою, за нимъ шарабанъ, въ которомъ сидѣли два писаря и охтенка, потомъ шумная лѣтъ пятидесяти верхомъ на деревянной лошади, очень серьезно держащая новельми, потомъ няшка съ дѣтши и кучеръ, два солдата павловскаго полка, маленький гимназистъ и старуха съ дѣвочкой лѣтъ пятнадцати. Какая-то барышня, въ клѣтчатомъ бурнусѣ и сильно волнившей розовой шляпкѣ, шутливо толкнула Темнюшкина подъ бокъ, сказавъ: «Извините мусью»; баба съ пирогами повернула было къ нему свой лотокъ, но, оглядѣвъ его, тотчасъ же отвернулась. Молодой парень, проходя мимо Темнюшкина и держа за руку подгулявшую бабу въ зальемъ полушубкѣ, сказалъ ему: «смотри, грачичкѣ, шубу снимуть съ плечъ и часы вытаскять»... Затѣмъ Антонъ Антонычъ двинулся за толпой, то сдвигавшейся съ то останавливаемой передъ равчинокъ, то влекомый подъ балкономъ балетана, на которомъ стояла, вытянувшись въ рядъ, вся труппа, въ замаскированныхъ костюмахъ и съ грубо намазанными лицами. Сильныя крики паяцовъ и кривлянья жидковъ на балконахъ, вызывавшія неудержимый хохотъ толпы, проходили безслѣдно для Антона Антоныча. Надписи: «Дѣтскій маріонетный театръ», «Дѣлница альбиноска», «Семейство Вейвертъ», «Братья Симовсонъ» и другія мелькали передъ его глазами, не оставаясь въ памяти; палуба, музыка и вообще весь шумъ не производили на него никакого впечатлѣнія. Толпа тащила его по площади какъ комъ снѣгу влѣвъ грязь, приставшій къ подошвѣ...

Мало по малу, однакожъ, шумъ и движеніе стали пробуждать въ Антонѣ Антонычѣ самосознаніе: онъ словно начиналъ просыпаться отъ глубокаго сна, приходить въ себя и по немноту замѣчать и понимать, что дѣлается вокругъ него и гдѣ онъ. Рядомъ съ этимъ сознаніемъ всего окружающаго, поднялось въ немъ и воспоминаніе о собственномъ несчастіи, о семьѣ, о необходимости достать деньги; словомъ обо всемъ, что было забыто имъ до этой минуты. Мучительно больно сжалось сердце бѣднаго Темнюшкина; каждый ударъ барабана, каждый выстрѣлъ, каждый звукъ потрясалъ и поробилъ его. За гуломъ, которымъ стонала вся площадь, слышались Антону Антонычу болѣзненный крикъ ребенка и стеланья полушербтой же-

ны; снѣзь нестрѣту и движеніе мерещилась ему холодная и грязная комната на чердакѣ... Антонъ Антонычъ трясся какъ въ лихорадиѣ и хватался за голову, которая, казалось ему, готова лопнуть отъ боли и развалиться на мелкіе куски. Въ то время, вдругъ, никуда ему въ глаза калачи, разложенныя на столѣхъ сбѣтѣвщика; потомъ, еще соблазнительнѣе, блеснула между нимъ золотая, часоваѣ цѣпочка, вышущенная очень красиво на пальто у молодого студента. Зѣвѣ-искуситель, обольстившій нашу праматерь, не представлялся ей, по всей вѣроятности, въ такомъ соблазнительномъ видѣ, въ какомъ представлялись Антону Антонычу эти поддурманившіеся калачи и эта золотая, а можетъ быть даже и не золотая цѣпочка студента... Въ ужасѣ онъ рванулся было изъ толпы, чтобы бѣжать безъ оглядки съ проклятой площади; но толпа сдвинула его еще крѣпче, пронесла нѣсколько шаговъ и прижала малонецъ къ крыльцу какого-то большого балагана.

У крыльца стояло множество народу; въ коридорѣ у нассы толпились офицеры, элегантныя франты, нарядныя барышн и даже нѣсколько генераловъ. Представленіе только что кончилось; публика расходилась.

— Какое несчастье! Какъ жаль! раздавалось на разные лады со всѣхъ сторонъ. — Палецъ сломалъ себѣ ногу! Ногу сломалъ палецъ! Леманъ ногу сломалъ!

Антонъ Антонычъ внимательно прислушивается: дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, точно палецъ сломалъ себѣ ногу, объ этомъ говорятъ всѣ; квартальный надзиратель посылаетъ городского за частнымъ докторомъ, нѣмецъ въ бобровой шапкѣ съ кисточкой и въ красномъ шерстяномъ шарфѣ, повидному содержатель балагана, съ перепуганнымъ лицомъ говоритъ вполголоса какому-то господину въ истертомъ пальто:

— Бѣгитъ пошалауиста, находить паярецъ, платитъ что кочеть. Предстафленіе не могитъ быть останавливаться.

Истертое пальто отвѣчаетъ:

— Гдѣ же, Карлъ Федорычъ, найти паярца? Это невозможно. Кто же поидеть?..

— Я пойду! вскрикиваетъ вдругъ Антонъ Антонычъ, внезапно озаренный блестящею мыслью добыть хоть сколько-нибудь денегъ.

Хозяинъ балагана и его повѣренный заглядываютъ вопросительно на Темнюшанина, по пьяный ли это или не домѣшанный ли? Но Антонъ Антонычъ вскакиваетъ на крыльцо, хватается изумленного нѣмца за руку и тащитъ его въ уголь коридора.

— Я, говоритъ онъ содержателю балагана, — игралъ нѣсколько

разъ, дайте мнѣ платё, я вамъ сыграю отлично... Десять рублей серебромъ — вотъ и весь разговоръ.

— Гдѣжь ви шкралъ? спрашиваетъ аккуратный нѣмецъ, — у кого и когда ви шкралъ?

— Я вездѣ игралъ, отвѣчаетъ Темнюшкинъ рѣшительно, — я много игралъ, въ Нижнемъ на аримаркѣ игралъ и въ Москвѣ игралъ.

Во взглядѣ и въ голосѣ Антона Антоныча столько самоуверенности, что нѣмецъ въ попыткахъ забываетъ торговаться и торопливо уводитъ новаго палца за кулисы.

Когда Антонъ Антонычъ вошелъ за Карломъ Федорычемъ на сцену, на него опять нанала свойственная ему робость.

— Что я дѣлаю? подумалъ онъ, съ нѣкоторымъ ужасомъ, — на что рѣшаюсь? За что берусь?..

Но было уже поздно раздумывать и отступать.

— Идите, идите за мной, понукалъ Карлъ Федорычъ задумавшагося было Темнюшкина, и Темнюшкинъ скакалъ за нимъ, какъ собака на привязи, едва пробираясь между разнымъ хламомъ, наваленнымъ въ узкомъ проходѣ за кулисами, и снующими туда и сюда плотниками, ламповщиками и другими поденщиками. Миновавъ одну отгороженную клѣтку, гдѣ одѣвались женщины, Карлъ Федорычъ ввелъ новаго артиста въ другую, составляющую мужскую уборную.

— Отѣвайтесь скорѣй! услышалъ Антонъ Антонычъ и черезъ двѣ, три минуты онъ былъ уже въ широкихъ бѣлыхъ штанахъ, такомъ же балахонѣ, въ колпакѣ и красныхъ сапожкахъ. Все лицо вымазали ему мѣломъ; тѣмъ же мѣломъ затерли кровавыя пятна на костюмѣ, сунули ему въ руки извѣстную шляпу изъ войлока и торжественно вывели на сцену, куда собралась уже вся труппа посмотрѣть новаго артиста. Неудержимый смѣхъ встрѣтилъ Антона Антоныча; проворный арлекинъ щелкнулъ его сзади; какая-то тиролька ущипнула за щеку; волшебникъ нахлобучилъ ему шляпу на глаза; словомъ каждый изъ новыхъ собратовъ не упустилъ случая выразить новичку свое вниманіе. Одинъ Кассандръ, горькій пьяница, но человекъ добрый, не далъ Антону Антонычу ни пинка ни затрепщины, а напротивъ, остановилъ товарщицей.

— Не трогать его, сказалъ Кассандръ охриплымъ голосомъ, — кто тронетъ, я такого феферу поднесу, что не прочхнется.

Великодушное заступничество сильно тронуло Антона Антоныча, онъ взглянулъ на почтеннаго Кассандра со слезами на глазахъ; въ

этомъ слезливомъ взглядѣ выразилась самая искренняя благодарность, самая благоговѣйная признательность. Много сказалъ этотъ слезливый взглядъ доброму Кассандру.

Только разошлась труппа, по первому звонку, предвѣщавшему скорое начало представленія, Антонъ Антонычъ доврѣчиво, словно къ старому, испытанному другу, подошелъ къ Кассандру и сказалъ ему:

— Вы, мнѣ кажется, очень добрый человекъ, я вамъ очень благодаренъ, я рѣшился обратиться къ вамъ съ просьбой.

— Что такое? спросилъ Кассандръ, — безъ обиняковъ, жарьте прямо, милый человекъ, я не люблю экивоковъ... въ чемъ дѣло?

— Вотъ видите, я долженъ вамъ признаться. Что дѣлать?.. по бѣдности. Я взялся представлять... У меня жена и дѣти съ голоду умираютъ... хозяйнѣ съ квартиры гонить... Не откуда взять, просто хотъ руки на себя наложить...

— Ну? спросилъ Кассандръ.

— Я ничего не знаю, шепнулъ ему на ухо Антонъ Антонычъ.

— Не важно суть, отвѣтилъ на это Кассандръ, — я десять лѣтъ благородныхъ отцовъ на театрѣ отваливалъ, никогда роли не зналъ... Понимаешь, Гораціо, на театрѣ, а не то чтобы въ лакомъ-вибулъ этакимъ балаганишкѣ... Я тебя понимаю, я голоднаго человека очень хорошо понимаю, надѣйся на меня, и ты будешь спасенъ...

— Ради Бога! умолялъ Антонъ Антонычъ.

— Плевое дѣло, продолжалъ Кассандръ, — графинъ водки и ты на облакахъ славы! Слышишь? одинъ графинчикъ, и ты вознесенъ!..

— У меня нѣтъ ни копѣйки, — сознался откровенно Темюшкннъ.

— Не важно суть, возразилъ Кассандръ, — мы въ долгъ повѣрнемъ: ужо получишь и угостишь.

— О! съ большимъ удовольствіемъ! сказалъ Антонъ Антонычъ.

— Ну, такъ молчи, стой и слушай.

И Кассандръ очень вразумительно изложилъ новобранцу содержаніе имѣющей разыгрываться арлекинады, объясняя ему подробно и толково роль паяца или такъ называемаго *Лемана*, его выходы и обязанности, не забылъ растолковать нѣкоторые, условные знаки пантомимы, показалъ множество фарсовъ, особенно плѣняющихъ публику и, сверхъ всего этого, обѣщалъ *подсказывать* ему всякую сцену. Антонъ Антонычъ ожилъ и не зналъ какъ благодарить своего благодѣтеля.

Онъ довольно спокойно сталъ оглядываться. Все окружающее

поражало его непривычный глазъ, все было странно и дико. Онъ съ одинаковымъ любопытствомъ смотрѣлъ и на высокія рамы боковыхъ кулисъ и на безчисленное множество веревокъ, при помощи которыхъ совершаются разныя полеты, превращенія и перемѣны декорацій. Его одинаково занимали и крошечная картонная будка, мгновенно превращающаяся въ очаровательный гротъ и полотняныя волны, качаемыя мужиками. Вазы, колесницы, часы, канделябры и бездна другихъ принадлежностей, грубо намалеванныхъ, потертыхъ и испачканныхъ, валялось въ безпорядочныхъ кучахъ, ожидая удобнаго случая появиться на сцену и изобразить великолѣпіе. Картоныя феи и гении болтались на веревкахъ и изумляли своимъ безобразіемъ. Не менѣе безобразны были бесѣдки изъ цѣтотъ, залы съ малахитовыми колоннами, сельскія хижины и великолѣпные дома. Словомъ все, что, по всей вѣроятности, явилось почтенную публику издали, было вблизи — сущая драма. Въ огромныя щели балагана проглядывалъ дневной свѣтъ и дулъ холодный, сквозной вѣтеръ; вездѣ воцаряло наслонъ и гарью.

Переходя отъ неодушевленныхъ предметовъ къ существамъ живымъ, Антонъ Антоновичъ замѣчалъ также не мало любопытнаго. Арлекинъ, закутавшійся въ потертую эпитовую шубу, разговаривалъ съ тиролькой, которая натирала чѣмъ-то бѣлымъ, кажется просто мѣломъ, поврасѣвшія отъ холода руки. Волшебникъ, снявъ складную бороду, ругался очень крупно съ господиномъ во французскомъ кафтанѣ и напудренномъ парикѣ. Жена Кассандра, это былъ переодѣтый мужчина, сидѣла на бочкѣ и, безцеремонно поднимая платье, завязывала башмаки. Двѣ барышни въ короткихъ платьицахъ, густо набѣленные и нарумяненные, присѣвъ на перекладину въ боковой рамѣ, сильными голосами разговаривали съ чортомъ. Какой-то старикъ раздавалъ мужикамъ совки съ бенгальскимъ огнемъ. Добрый гений, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, подвизывалъ что-то Коломбинѣ. Коломбина была прехорошенькая и видимо пользовалась особымъ расположеніемъ Карла Федорыча. На ней былъ совершенно чистый и ловко сшитый нарядъ; изъ подъ очень коротенькой юбочки выказывались красивыя ножки, туго обгнутыя чистымъ и хорошимъ трико; кругленькая шея и пухлыя плечи были очень открыты и очень соблазнительны: личико въ напудренномъ парикѣ, прилично подкрашенное, казалось очаровательнымъ и вблизи; черныя глазки блестѣли необыкновенно ярко, изъ подъ накрашенныхъ бровей. Коломбина, казалось, знала себѣ цѣну и сильно кокетничала; по крайней мѣрѣ, она такъ соблазнительно прищурилась на Антона Антоныча, что тотъ смѣшался и рѣшился лучше не глядѣть на нее.

Чтобы разомъ оттолкнуть отъ себя нахлынувшія было игривыя мысли, Антонъ Антонычъ обратился къ стоящему подлѣ него Кассандру.

— А что, спросилъ онъ : — скажите на милость : здѣсь изъ ка-кого званія?

— Да больше изъ свободнаго , отвѣчалъ Кассандръ съ достоинствомъ.

— То есть это какъ же изъ свободнаго?

— Да такъ , просто вольные казаки на все четыре стороны , ни кола , ни двора , ни семьи , ни добра ; а то бываютъ и семейные. Вонъ у волшебника-то восемь штукъ малъ-шала-меньше ; сначала торговалъ , табачную лавочку держалъ на Выборгской ; ну , не повезло , человекъ-то онъ видишь , безпардонный , не въ домъ несетъ , а изъ дому... Бывало запьетъ , ворота запереть , тутъ ужъ какаа торговля. Черезъ годъ и лавочку опечатали , самъ едва отвертѣлся. Вотъ и танцуетъ съ тѣхъ поръ : таракановъ заговариваетъ , посуду склеиваетъ , да вотъ здѣсь волшебникомъ ; такъ съ хлѣба на насъ и поробивается.

— Ну , а другіе ? спросилъ опять Антонъ Антонычъ.

— Другіе ? повторилъ Кассандръ , оглядываясь , чтобы припомнить . — Да кто откуда. Вонъ толстый этотъ — купеческій сынъ. Отецъ въ Кронштадтѣ заведеніе держитъ , а сынокъ-то съ мазурикаши знакомство повелъ . Ну , ужъ отъ мазурика одна наука , закурилъ да по женскому нелу помолъ , такіе дебоши сталъ строить , что отецъ и рукой махнулъ , «ступай , говоритъ , ты куда хочешь , а я тебя , говорять , дебоширника и знать не хочу.» Вотъ и блѣзаетъ , гдѣ день , гдѣ ночь . Мать тайкомъ присылаетъ кое-что . Пришлетъ , онъ сейчасъ подлѣ машину да за малеру , фарсъ любить , дѣвцацъ ставлетъ угощать ; ну , и опять нѣтъ ничего . Онъ и у насъ гляди какъ бѣдокурить : вонъ эта , что въ тирольскомъ-то , такъ онъ разъ , братецъ ты мой... просто умора... бенгальскимъ огнемъ освѣтили , а онъ... ахъ ты чортъ его дери ! съ ней цѣлуется ! Ну , ужъ и залазъ же ему хозяйинъ ; такъ оттреналъ , что и-и-и !.. Потому вѣдь , самъ посуди , страмота , вѣдь публика можеть замѣтить , вѣдь на все есть свое мѣсто и время , а ужъ это не модель... Такъ ли ?

— Да , конечно , подтвердилъ Антонъ Антонычъ , — неприлично.

— Вѣдь вонъ , продолжалъ Кассандръ : — есть у насъ тоже молодой человекъ , вотъ во французскомъ кафтанѣ , ну , тоже не прочь отъ этихъ амуровъ ; такъ тетъ по крайности гоблюдаеть себя , не лѣзетъ подлѣ бенгальскій огонь . Ну , никто ни волслова , кому какое дѣло , что куна съ кумомъ сидѣла .

— А онъ изъ какихъ ? спросилъ Антонъ Антонычъ .

— Кто, французикъ-то тотъ ?

— Да.

— Изъ иѣщанъ. Любитъ представлять, до страсти любить ; даромъ станетъ играть, только пусти. Просто, артистъ по душѣ ; только не пьетъ. Пріятель хозяйскому сыну, вотъ арлекнуау-то, что въ шубѣ стоитъ ; тотъ побоище, даромъ что нѣмецъ.

— А !

— Да, только отецъ воля не даетъ, въ ежовыхъ держитъ ; оно и хорошо ; нѣмцу в не слѣдъ баловаться.

— А скажите, слѣбайте милость, перебилъ его опять Антошъ Антонычъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. — Я хотѣлъ спросить... на счетъ дѣвиць... дѣвицы какъ... т. е. откуда ?

— Вишь, сказалъ Кассандръ, улыбаась и толкнувъ Темнюшкина подъ бокъ : — вишь куда закидываешь.

— Да вѣдь, ей Богу, изъ одного любовиства, началъ оправдываться Антошъ Антонычъ : — Вы не думайте, чтобы что-нибудь такое... Я, сохрани Богъ...

Но въ эту минуту раздался третій звонокъ ; второго Антошъ Антонычъ не слыжалъ, музыка гремѣла во всю ивановскую ; Темнюшкина забила лихорадка...

— Посторожитесь ! крикнулъ ему кто-то. — Едва успѣлъ Антошъ Антонычъ отскочить въ сторону, какъ изъ отверстія въ нотолѣ быстро спустился на веревкѣ мужикъ, а за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи и другой, — такъ былъ поднять занавѣсъ.

Въ эту минуту Антошъ Антонычъ не удержался и нечаянно, всколѣзъ взглянулъ на очаровательную Коломбину ; она улыбалась и манила его къ себѣ своей маленькой ручкой въ бѣлой перчаткѣ. Антошъ Антонычъ думалъ, что онъ ошибся, что Коломбина зоветъ не его, но никого подлѣ него не было ; такъ нѣтъ сомнѣнія, зовутъ его, именно его. Съ замирающимъ сердцемъ Антошъ Антонычъ подошелъ къ Коломбинѣ.

— Вамъ здѣсь выходить, сказала она ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорятъ петербургскіе нѣмцы, и съ этими словами поставила его такъ близко къ себѣ, что Антошъ Антонычъ чувствовалъ прикосновеніе ея платья и видѣлъ, какъ подымается у ней грудь. Боже правый ! какъ велико было искушеніе !.. Но отъ всякихъ грѣшныхъ и нечистыхъ побужденій удерживала Темнюшкина мысль о большой женѣ и голодномъ семействѣ.

— Выходи, шепнулъ Кассандръ Антону Антонычу : — голову назадъ, ноги разставляй по шире.

Антошъ Антонычъ очутился на сценѣ. Нечего прибавлять, что онъ оробѣлъ страшно и нѣсколько разъ порывался даже просто

ударить со сцены. Но вотъ, кто-то изъ дѣйствующихъ лицъ долженъ дать налицу онлеуху; Антонъ Антоновичъ стоитъ преспокойно и ждетъ, товарищъ размахнулъ рукой и хлопъ его по щекѣ, — зала потряслась отъ рукошлесканій и одобрительныхъ криковъ. Кассандръ, наблюдая за своимъ ученикомъ въ кулисахъ, вспомнилъ, что не показалъ ему, какъ нужно въ такихъ случаяхъ подставлять руку. Антонъ Антоновичъ пришолъ въ негодование.

— Какъ? подумалъ онъ: — меня благороднаго человѣка, бить по щекѣ?.. О! отплачу жъ я за это!

И забывая публицу, забывая свою роль, Антонъ Антоновичъ съ свирѣпостью тигра кинулся на ударившаго его товарища. Онъ готовъ былъ убить его; онъ уже схватилъ его за шиворотъ и повалилъ на полъ; но случайно поднявъ голову, Антонъ Антоновичъ встрѣтилъ пристальный и умоляющій взглядъ Коломбины и руки его онемѣли въ совершенномъ безсильи. Публика хохотала и аплодировала. Темнюшкинъ ограничилъ свое мщеніе тѣмъ, что далъ такого пинка господниу во французскомъ кафтанѣ, что тотъ расквасилъ себѣ носъ и занозилъ руку.

Такимъ образомъ первое представленіе прошло довольно благополучно, но Кассандръ нашолъ, что въ игрѣ Антона Антоновича недостаточно жару.

— Поди-ка сюда, сказалъ онъ своему ученику въ антрактѣ.

Они отошли въ темный уголокъ, за мельницу. Кассандръ вынулъ изъ кармана полупштофъ и протянулъ его Антону Антоновичу.

— Что это? спросилъ Темнюшкинъ.

— Элексиръ жизни, отвѣтилъ Кассандръ: — влага премудрости и источникъ вдохновенія.

— Да что, нажется водка, несмѣло замѣтилъ Антонъ Антоновичъ.

— Конечно водка, подтвердилъ Кассандръ: — пей и дѣло уразумѣй.

— Но я никогда не пью.

— Тѣбѣ лучше подѣйствуетъ... Пей, нечего глаза-то таращить, я дурному не стану учить. Воровать не хорошо, а пить — ничего.

Какъ ни отговаривался Антонъ Антоновичъ, Кассандръ принудилъ его хлебнуть два, три глотка, объяснилъ кстати, какъ должно защищаться отъ онлеухъ, и друзья воротились въ переднія кулисы. Здѣсь Антонъ Антоновичъ увидѣлъ опять Коломбину; она говорила что-то по нѣмецки Карлу Федорычу, что именно не поваль Темнюшкинъ, но только при его появленіи Карлъ Федорычъ кинулся къ нему и, пожимая руку, сказалъ:

— Благодарна, очень благодарна!..

Благодарность эта, но сомнѣнь заслуженная, была нѣроятно слѣдствіемъ женской протекціи. Какъ бы ни было, она, а можетъ быть и вѣдка Кассандра сильно ободрили Антона Антоныча. Онъ съ нѣкоторою уже развязностью подошелъ къ Коломбинѣ и, поглядывая на ея открытыя плечи, замѣтилъ:

— Вамъ должно быть очень холодно.

— Нѣтъ, отвѣтила Коломбина, мѣстнаго пожимая плечами: — мнѣ холодно нѣтъ, а когда холодно, я чай пью... хотите чай? спросила она и, не дожидаясь отвѣта, юркнула изъ кулисы, поманить мальцемъ Темношника.

Антонъ Антонычъ пошелъ за очаровательницей.

— Ого! шепнулъ ему на ухо встрѣтившійся на дорогѣ Кассандръ.

Коломбина вюркнула, такъ казалось по крайней мѣрѣ Темношнику, въ небольшую и низенькую комнатку, куда вошелъ и онъ счастливый и взволнованный. Уборная Коломбины, т. е. чуланчикъ въ квадратную сажень, былъ оклеенъ дешовскими обоями; два стула, столикъ, небольшое зеркало и умывальникъ оставалли все его мебель. Въ одномъ углу стоялъ большой самоваръ: онъ исправлялъ и должность печки. На стѣнахъ висѣли нѣсколько юбокъ, платье, шуба и другія принадлежности дамскаго туалета; на полу, покрытому войлокомъ, валялись чулки, башмаки и разная мелочь. На столикѣ прасовались баночка съ бѣлилами, румяна, помада, гребенка и жжевая пробка. Все это, ваааае вмѣстѣ, было довольно некрасиво и грязно, неаппетитно, какъ говорятъ нѣкоторыя дамы, но въ глазахъ Антона Антоныча все это украшалось присутствіемъ прелестной Коломбины. Она налила и подала Антону Антонычу чашку чаю. Что такое чай? но какъ вкусенъ оказался онъ Темношнику изъ рукъ очаровательной Коломбины!.. Едва чашка была донята, какъ раздался звонокъ; Антонъ Антонычъ поставилъ чашку, схватилъ ручку Коломбины, крѣпко поцѣловалъ ее и выбѣжалъ изъ кулисы.

Второе представленіе шло отлично: Антонъ Антонычъ игралъ съ лихорадочнымъ увлеченіемъ и приводилъ публику въ неистовый восторгъ. Каждое появленіе его на сценѣ вызывало неудержимый хохотъ и рукоплесканія. Сама Коломбина, стоя въ кулисахъ, хлопала ему своими маленькими ручками, но Антонъ Антонычъ не видѣлъ этого, потому что боялся взглянуть на нее, послѣ свиданія съ нею, какъ онъ думалъ, постукивая въ уборной. Даже въ антрактѣ онъ избѣгалъ встрѣчи съ Коломбиной и уходилъ съ Кассандрою за мельницу.

Третье представленіе прошло еще удачнѣе. Даже товарищи ули-

владѣлъ великолѣпнѣйшимъ версакъ своего новаго собрата. Антонъ Антоновичъ чувствовалъ въ себѣ какую-то необъяснимую силу, повинувшись которой дѣлалъ чудеса. Кассандръ искренно ратовалъ за своего ученика.

— Сказалъ тебѣ, говорилъ онъ Темнюшкину: — будешь на облакахъ и бысть!..

Съ каждымъ представленіемъ успѣхъ Антонъ Антоновича росъ съ изумительною быстротою. Мало по малу слава его разнеслась и на другимъ балаганамъ, такъ что въ послѣднее представленіе, въ балаганѣ Карла Федорыча набралось очень много содѣжателей другихъ балагановъ и артистовъ. Вслѣдствіе нѣсколькихъ путешествій за меланжу, Антонъ Антоновичъ уже сильно подгулялъ и даже пересталъ бояться Колумбины. Она по прежнему смотрѣла на него ласково и кокетливо. Антонъ Антоновичъ чувствовалъ, что силы его и снѣдость растутъ. Онъ хотѣлъ было даже передъ выходомъ на сцену поцѣловать Колумбину, но какъ-то удержался и только выразительно пожалъ ей ручку.

Къ неопisanному восторгу Карла Федорыча и всей его труппы, Антонъ Антоновичъ въ послѣднее представленіе превзошелъ самаго себя. Онъ выдѣлывалъ такіа штуки, что музыканты, и особенно капельмейстеръ, не могли играть отъ хохота, а публика ломала стулья и скамьи. Каждое движеніе Темнюшкина рукой или ногой, каждая гримаса, каждое мычанье дѣйствовали электрически на всю публику и вызывали единодушный, гомерическій хохотъ, хлопанье, стукъ и крики, отъ которыхъ дрожалъ балаганъ Карла Федорыча и едва не тухли лампы. Съ нѣкоторыми дамами сдѣлалась истерика; барабанщикъ, капельмейстеръ и Карлъ Федорычъ плакали. Успѣхъ Антона Антоновича былъ колоссальный; такого еще не бывало на адмиралтейской площади никогда.

— Сказалъ будешь на облакахъ славы— твердилъ Кассандръ, — и бысть!..

Когда представленіе кончилось, Антонъ Антоновичъ не зналъ куда дѣваться отъ поздравленій и похвалъ. Колумбина протянула ему руку и сказала.

— Sie sind ein wirklicher Künstler!

Антонъ Антоновичъ конечно не понималъ этого комплимента, но не сомнѣвался, что это что-нибудь хорошее и при всѣхъ, еще разъ, крѣпко поцѣловалъ милую ручку.

Карлъ Федорычъ, славившійся своею честностью, вмѣсто обѣщанныхъ десяти рублей, далъ Антону Антоновичу одиннадцать и взялъ съ него слово продолжать начатое знакомство.

За тѣмъ почти вся труппа, переодѣвшись и получивъ, послѣ

разныхъ споровъ и вычетовъ, жалованье, отправилась въ ближайшій трактиръ; туда же отправился и Антонъ Антонычъ уже порадочно охмѣлѣвшій.

Съ душевнымъ прискорбiемъ приближаюсь я къ нечальному заключенiю моей истинной, хотя можетъ быть повидимому и не совсемъ правдоподобной исторiи.

Слава, говорятъ, вскружила голову Александру великому; очень не мудрено, что она же вскружила голову и Антону Антонычу Темношкину. Упоенный необыкновеннымъ успѣхомъ, кокетствомъ прелестной Коломбины и похвалами новыхъ товарищей, Антонъ Антонычъ развернулся въ трактирѣ во всю ширину русской натуры.

— На, другъ мой, всю мою казну, сказалъ онъ Кассандру, отдавая ему всѣ, только что полученныя деньги, — барствуй и гуляй на мой счетъ, ты меня обязалъ по гробъ... Я тоже хочу гулять!..

Кассандръ принялъ казну и сталъ распорядиться. Въ отдѣльной комнатѣ, довольно тѣсной и пропитанной какимъ-то страннымъ запахомъ, пошелъ пиръ разгулявшихся нищихъ. Антону Антонычу, впрочемъ, пришлось гулять не долго; съ третьей или четвертой рюмки какого-то откупного дурману, онъ уже осовѣлъ окончательно. Все окружающее его подернулось туманомъ и неприятно закачалось. Глаза, полинявшiе, тусклые, остановились будто стеклянные, разговоръ и смѣхъ товарищей слились во что-то неясное, неопредѣленное и убаюкивающее; вѣки налились свинцомъ и стали медленно опускаться.

— Что, милый человекъ, замѣтилъ Кассандръ, — ужъ клонить?

Антонъ Антонычъ хотѣлъ отвѣтить, что совсемъ не клонить, хотѣлъ даже раскрыть глаза и улыбнуться, но только качнулъ головой и клюнулся носомъ въ столъ.

— Спи, милый прахъ, до радостнаго утра! продекламировалъ Кассандръ, протянувъ надъ нимъ обѣ руки, какъ благословлялъ онъ бывало, въ роли благороднаго отца, счастливыхъ влюбленныхъ.

Антонъ Антонычъ дѣйствительно заснулъ, заснулъ крѣпко. Пирующая братiя не обращала на него никакого вниманiя и продолжала свою скромную оргiю, состоящую изъ различныхъ водокъ, пива, мадеры, закусокъ, извѣстныхъ плоскостей и хвостовства, свойственнаго всѣмъ вообще артистамъ. Пированье, подобно разложенному въ полѣ костру, разгоралось постепенно, словно раздуваемое вѣтромъ, и наконецъ достигло величайшихъ размѣровъ, т. е.

до неудержимаго смѣху, безтолковаго крику, пѣсенъ и битья посуды. Всѣ заговорили, никто не хотѣлъ слушать; одни ссорились, другіе цѣловались, а надъ разгоряченными ихъ головами носились облака дыму, такого густого, о какомъ офицеры говорятъ, что *нельзя топоръ можно повѣсить...* За тѣмъ, уже къ разсвѣту, костеръ сталъ быстро уменьшаться и потухать. Все общество видимо ослабѣвало, только изрѣдка, подобно искрамъ, еще вырывались шутка, смѣхъ или твердое слово, да скоро не стало и этого; многіе разошлись, поддерживая другъ друга, многіе остались на мѣстѣ, въ видѣ обгорѣвшихъ головешекъ...

Кассандръ сталъ будить Антона Антоныча.

— Возстань ото сна! Пиръ Балтасаровъ конченъ! Грядемъ ко дворамъ!

На крики и сильныя толчки Кассандра, Антонъ Антонычъ съ трудомъ поднималъ отяжелѣвшую голову, едва-едва смогъ раскрыть отекашіе глаза и охриплымъ голосомъ сказалъ:

— Дай, братецъ, еще рюмочку.

— Последнюю — можно; на, опрокидывай!

Опохмѣлившись, Антонъ Антонычъ окинулъ комнату изумленнымъ взоромъ и остановилъ его вопросительно на Кассандрѣ.

— Что, добрый молодецъ? сказалъ Кассандръ, — темна вода во облацѣхъ? Въ буйной головушкѣ — муть и чернота, память въ пятки ушла... Зри! великое побоище покончилось, врагъ разбитъ въ дребезги, на бранномъ полѣ остались только трупы нашихъ храбрыхъ воиновъ... Лажемъ костями ту, мертвые бо срама не имутъ... Пора, другъ, и намъ честь знать, пора домой! Всю мощну разтрясла, а здѣсь, братъ, такая богадѣля, что безденежныхъ въ шею гонять. Нечего сидѣть, коли все пропито.

— Все? спросилъ Антонъ Антонычъ, приходя нѣсколько въ себя.

— Все, до копѣйки! отвѣтилъ Кассандръ.

Подобно тому, какъ сквозь неплотно притворенныя ставни, въ комнату проглядываютъ лучи дневнаго свѣта, въ голову Антона Антоныча стали проникать сознаніе и память. Мало по малу, наконецъ, все освѣтилось, все стало ясно... Антонъ Антонычъ припомнилъ, что онъ въ трактирѣ, что онъ пришолъ сюда съ вечера кутить, что вчера добылъ одиннадцать рублей, огромныя для него деньги, отдалъ ихъ Кассандру и всѣ онѣ пропиты. Вслѣдъ за тѣмъ воображенію его предстали: сырая и грязная комната, больная жена, умирающій ребенокъ, голодныя дѣти, неумолимый домовладѣлецъ и наконецъ полиція.

— Господи! Что я сдѣлалъ! — вырвалось у Антона Антоныча.

закрывшаго лицо руками. — Что я надѣлалъ? Съ чѣмъ я домой приду?..

— Вотъ то-то, милый человекъ, сказалъ Кассандръ, потрепавъ его по плечу. — Что я надѣлалъ? Съ чѣмъ я домой приду?.. Объ этомъ надо было прежде подумать, а теперь поздно... Ну, подво надрываться, прибавилъ онъ, — а за тебя подумалъ; получай свои денежки, держи покрепче, да бѣги домой поскорѣй... Это я тебя пострадать хотѣлъ, да поучить... Это я, не помню изъ какой пьесы, штуку вспомнилъ...

Е. МО—РЪ

8 марта 1861 года

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

НЕДАВНЕЕ ПРОШЕДШЕЕ И ПРОВОДЫ НИКОТОВА ИЗЪ КІЕВА

Было время, о которомъ по преимуществу и съ особеннымъ чувствомъ можно сказать вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ :

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

это то время, когда мы знали, что въ иныхъ земляхъ существуетъ понятіе, выражаемое словами: «l'opinion publique», и что это выраженіе, если бы понадобилось, можно очень вѣрно и точно перевести на русскій языкъ словами: «общественное мнѣніе». Такъ его и переводили, когда заходила рѣчь о чужеземныхъ понатіяхъ; тамъ же, гдѣ рѣчь шла о насъ и о нашихъ понятіяхъ, такого перевода дѣлать не приходилось... Удивительное было время! Вѣдь общественное мнѣніе есть мнѣніе большинства о какомънибудь общемъ дѣлѣ или общественномъ дѣятелѣ; большинство было, и каждый членъ его думалъ же что-нибудь о томъ, что онъ зналъ; а общественнаго мнѣнія все-таки не обрѣталось. Думалъ каждый про себя и не зналъ, также ли думаетъ его землякъ: Кострома не знала, какъ думаетъ Пенза, Пенза не знала, какъ думаетъ Кострома, а Петербургъ не зналъ мнѣній Костромы, Пензы, и всѣхъ иныхъ. Тихо, какъ будто неслышимо и невидимо, текли общественныя дѣла; въ глубокомъ безмолвіи взирало большинство на строй общественныхъ дѣятелей, различая ихъ болѣе или менѣе твердо по именамъ, и несомнѣнно твердо по титуламъ; взирая на этотъ строй, оно видѣло болѣе или менѣе блестящія одежды, болѣе или менѣе ясныя атрибуты титуловъ; но за одеждами не могло разглядѣть лицъ, за титулами—человѣческихъ характеровъ. Смотря по тому, въ виду какой части большинства дѣйствовалъ и на какую долю его вліялъ изъ-

вѣстный общественный дѣятель, эта доля составляла отдѣльную группу съ своими затаенными мнѣніями, симпатіями и антипатіями, не зная, не думая и не заботясь о мнѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ другихъ подобныхъ группъ. Смутно, неясно и несвязно, какъ ночныя грезы, носились подъ часъ эти мнѣнія, симпатіи и антипатіи изъ одной группы въ другую и принимались безучастно, какъ во снѣ. И эта ночь, полная грезъ и призраковъ, лежала надъ всею объятою тревожнымъ сномъ массою большинства; оно почивало, крѣпко сомкнувъ вѣжды, и только порою вздрагивало и лепетало подъ вліяніемъ сновъ и призраковъ, блестящихъ, но безличныхъ, знакомыхъ и въ тоже время незнакомыхъ ему...

Не знакома ли вамъ, читатель, эта молчаливая картина общественного положенія? Вы, можетъ быть, уже не видите ея вкругъ себя; но, какъ бы молоды вы ни были, она должна быть знакома вамъ по воспоминанію, по преданію...

• Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...

Преданіе говоритъ, что въ то время мудро было выдвинуться изъ ряда общественному дѣятелю, что ни у одного изъ нихъ и не было особенной охоты выдвигаться въ глазахъ массы; что тогда надъ всѣми проходилъ общій уровень, и подъ нимъ двигались разныя фигуры, дѣйствуя по заведенному порядку, по данной инструкціи, не внося въ дѣло собственныхъ умственныхъ и сердечныхъ особенностей; а если иные вносили, то потихоньку и съ цѣлями тоже особенными, личными и домашними, и это вношеніе было такого рода, что ужъ лучше бы его и не было; были конечно немногія исключенія, были люди, не подходившіе подъ уровень, не умѣвшіе двигаться по заведенному порядку; но они за то и со всѣмъ не двигались: они уходили отъ общественной дѣятельности и *повидимому* забывались, а потомъ тихо сходили и теперь еще по временамъ сходятъ въ могилу, напутствуемые короткими и сухими некрологами... Мы не помѣщаемъ такихъ некрологовъ, хотя удерживаемъ за собою личное право уважать память исключительныхъ, выходявшихъ изъ ряда личностей. Исторія выберетъ изъ нихъ достойнѣйшихъ и въ свое время поставитъ на принадлежащія имъ мѣста... Преданіе говоритъ, что въ то время не было общественного мнѣнія, потому что оно составляется изъ дружнаго сліянія милліоновъ отдѣльныхъ личныхъ мнѣній, а такого сліянія тогда образоваться не могло: для этого нуженъ гласный обмѣвъ мыслей и чувствъ, нужно громкое ихъ выраженіе, которое было не принято; публичные органы, существовавшіе въ опредѣленномъ числѣ, оставались въ этомъ отношеніи праздными; а новыми, съ свѣжими

силами органамъ, по словамъ преданія, возникать было неудобно и затруднительно... Вотъ недавно, очень недавно, уже въ наше, настоящее время, когда вдругъ появились десятки объявленій все о новыхъ общественныхъ органахъ, намъ даже стало смѣшно: «что это? заговорили мы, откуда ихъ столько, какъ грибовъ послѣ дождя? да ужъ не слишкомъ ли много? кто же читать-то ихъ будетъ?». Такъ странно показалось намъ съ непривычки такое явленіе! Поговорили, посмѣялись, головами покачали... А теперь уже и не смѣемся; а если иногда и засмѣемся, то никакъ не надъ появленіемъ новыхъ органовъ, а только надъ ихъ исчезновеніемъ: засмѣемся, когда вдругъ упорхнеть изъ рукъ какая-нибудь «Ласточка», пропадетъ безъ вѣсти «Дамскій Вѣстникъ» или «Современность» окажется анахронизмомъ. Впрочемъ иныя исчезновенія возбуждаютъ не смѣхъ, а скорѣй горькую улыбку. Но когда рождаются новые органы — намъ не странно; мы встрѣчаемъ ихъ не съ удивленіемъ, а съ привѣтливою улыбкой, какъ дорогихъ и пріятныхъ гостей; мы уже не спрашиваемъ, кто ихъ будетъ читать, и не имѣемъ причины дѣлать этотъ скептическій вопросъ въ виду такихъ фактовъ, какой представляетъ напр. городъ Шуя, гдѣ, по увѣренію мѣстнаго корреспондента, въ 1859 году получалось разныхъ газетъ и журналовъ 246 экземпляровъ, въ 1860 году 293 экземпляра, а въ нынѣшнемъ 1861-мъ дошло это число до 350... Мы рады новымъ органамъ, кто бы они ни были — столичные ли уроженцы или иногородные; намъ стали нужны иногородные «вѣстники», намъ стали нужны вѣсти отсюду. Намъ не странно было услышать изъ Симбирска о «Волжскомъ Вѣстникѣ», не странно и теперь узнать, что въ Кронштадтѣ будетъ съ іюля нынѣшняго года издаваться «Кронштадтскій Вѣстникъ», а въ Астрахани съ 1-го января 1862 года «Волга»; что первый предполагаетъ быть «органомъ всѣхъ мѣстныхъ явленій и событій общественной жизни, а также будетъ посвященъ морскому дѣлу и всему, что имѣетъ къ нему близкое отношеніе»; вторая — «посвящается исключительно промышленнымъ интересамъ прикаспійскаго края, собранію статистическихъ данныхъ по торговой и промышленной дѣятельности Поволожья и волжско-каспійскаго пароходства».

Все это теперь кажется намъ естественно, нужно, необходимо; но въ то время, о которомъ мы сохранили свѣжее преданіе, новые мѣстные общественные органы казались, говорятъ, почти невѣроятными.

Не получайте однако, читатель, что мы начали рѣчь о нашемъ свѣжемъ преданіи по поводу объявленій о новыхъ журналахъ. Нѣтъ! они намъ попались уже къ слову, случайно и неожиданно;

заговорили же мы подъ вліаніемъ другого, болѣе разительнаго и сильнѣе дѣйствующаго на душу явленія: именно подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ разказами о томъ, какъ Кіевъ и кіевскій учебный округъ прощались съ бывшимъ попечителемъ этого округа Н. И. Пироговымъ. Это прощанье, эти проводы, описаны въ особой, изданной въ Кіевѣ брошюрѣ, извлеченія изъ нея помѣщены въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, такъ что вся читающая Россія уже знаетъ теперь или узнаетъ на дняхъ, что Кіевъ и кіевскій учебный округъ смотрѣли на удаленіе отъ нихъ Пирогова, какъ на общее лишеніе, на общую утрату; что имъ въ этомъ глубоко сочувствовали Петербургъ, Москва, Казань, Харьковъ, Одесса и другіе города; что эти сожалѣнія объ утратѣ и сочувствія высказались чистосердечно и громко — одни въ произнесенныхъ въ Кіевѣ рѣчахъ, другія въ переданныхъ туда изъ разныхъ мѣстъ телеграммахъ, и что стало быть здѣсь послѣдовало сліяніе мыслей и чувствъ огромнаго большинства объ одномъ общественномъ дѣятелѣ; узнала это читающая Россія, и общественное мнѣніе о человѣкѣ опредѣлилось; теперь его всѣ знаютъ, теперь онъ всѣмъ знакомъ... Отчего же это случилось? Отчего успѣли его такъ узнать? Оттого, что онъ внесъ въ общее дѣло свою человѣческую личность, свое неизмѣнное, честное убѣжденіе, и его узнали какъ человѣка...

Но что же такое сдѣлалъ Н. И. Пироговъ! Чѣмъ онъ возбуждалъ къ себѣ это общее влеченіе? За что его благодарятъ и любятъ? Все это откровенно и непритворно высказано ему самому на прощаньи. 4-го апрѣля кіевское ученое сословіе давало прощальный обѣдъ Пирогову, и на обѣдѣ говорили свои прощальныя слова — профессора университета, учителя гимназій, представитель студентовъ, представитель евреевъ, и наконецъ профессоръ Шульгинъ сдѣлалъ «наглядный сводъ того, о чемъ говорили его предшественники»; онъ перечислялъ дѣла Пирогова, и —

«Вотъ дѣла эти:

«1) Ковкурсовый порядокъ замѣненія каедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа; 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ; 3) специализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета — на историческій, классической филологіи и славяно-русской филологіи; 4) правила о судѣ надъ студентами; 5) устройство студентской бібліотеки и лекторіи, и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ; 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ; 7) преобразование окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изла-

нѣ; 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ; 9) совершенное преобразование гимназическихъ испытаній; 10) литературныя бесѣды учениковъ; 11) воскресныя школы; 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

«Довольно кажется совершенно въ два съ половиною года», говоритъ г. Шульгинъ, сдѣлавъ этотъ переченьъ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Но не въ видимой ложкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипяхъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліанія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, который избранныя личности всодушевляють въ лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Николай Ивановичъ при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имѣеть эта наука, и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Николай Ивановичъ вызвать къ самостоятельности и инициативѣ, свѣжія силы младшаго; и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

«Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліанія? спросятъ быть можетъ люди, который духозное вліаніе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнешь.

«А хоть бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу, и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаниемъ обязанъ...

«А развѣ не указываетъ на вліаніе Пирогова еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ — евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

«А этотъ наконецъ представитель евреевъ, только что провозгласившій отъ ихъ имени тоску за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя человѣчности въ Пироговѣ...

«Кстати о человѣчности. Вы украшены титуломъ превосходительства, Николай Ивановичъ! Рѣдко кто изъ насъ называлъ васъ этимъ титуломъ. А между тѣмъ, никогда не величая васъ превосходительствомъ, а теперь, на прощаньи, громко и смѣло скажу, что другого титула вамъ нѣтъ и быть не можетъ. «Онъ былъ великій король!» говоритъ у Шекспира Горацио пре отца Гамлетова. «Человѣкъ онъ

былъ изъ всѣхъ людей, какихъ намъ доводилось видѣть! отвѣ-
чать ему Гамлетъ.

«Вотъ въ этомъ-то смыслѣ вы превосходительство: вы превосходите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ Диогеновымъ фоваремъ, среди бѣла дня, нужно искать человѣка. Имѣя честь быть членомъ факультета, круга наукъ котораго носить по преимуществу названіе человѣчныхъ (humaniora), я почитаю долгомъ заявить, что великій медикъ являлся въ отношеніи къ гуманному факультету вполне гуманитарнымъ человѣкомъ.

«Но пора намъ разстаться... Вамъ, чтобы вдали отъ насъ наслаждаться благороднымъ сознаніемъ исполненнаго долга и продолжать тѣ благіе труды, которые вы развѣ съ послѣднимъ вздохомъ пре-
ратите. Намъ для того, чтобы грустить и сожалѣть... о комъ? да хоть о самихъ себѣ сожалѣть...

«Отецъ и учитель! Завѣщай мнѣ только духъ твой!» говорилъ сынъ умирающему Гердеру, отрицаясь отъ всякаго другаго наслед-
ства. Съ тою же просьбою обращаемся и мы къ вамъ Николай Ива-
нычъ. Оставьте намъ духъ вашъ, ваши стремленія, вашу высокую
человѣчную и гражданскую доблесть».

Чтобы еще ярче представить личность Пирогова и дать понятіе тайну общаго сочувствія къ нему, — довольно привести нѣсколько словъ изъ его отвѣтной рѣчи. Онъ началъ ее тѣмъ, что сочувствіе, которое ему оказываютъ, относится столько же къ нему, сколько и къ самимъ сочувствующимъ; что они сочувствуютъ его взглядамъ на жизнь, науку и школу, но эти взгляды столько же его, сколько и ихъ собственныя.

«Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, гово-
рилъ онъ потомъ, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

«...понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ воз-
мужаломъ и въ старикѣ, не уважать человѣческое достоинство, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?»

«Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

«Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполнили эту обя-
занность, значило бы судить о самихъ себѣ.

«Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

«Время обсудить и оцѣнить лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшаемъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходить, — есть для насъ одно неразруши-
мое — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ пу-

темъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ея вмѣстѣ съ нами.»

8-го апрѣля Н. И. Пироговъ прощался съ студентами университета. Изъ того, что онъ говорилъ имъ при этомъ, мы возьмемъ нѣсколько фразъ, которыя характеризуютъ его уже вполне и которыя такъ хороши, что ихъ полезно узнать и запомнить всѣмъ и каждому. Онъ говорилъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное! уважать ее...

«Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ, и въ васъ любилъ и уважалъ тоже самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ...

«Я зналъ, что не многіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣннн, и въ гонѣбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣрїи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потомучто я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда ни отъ кого не скрывалъ, потомучто считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій.»

9-го апрѣля прощалось съ Пироговымъ за обѣдомъ кїевское общество. Здѣсь отцы семействъ благодарили его за своихъ дѣтей; иностранецъ выразилъ удивленіе, возбужденное въ немъ простотою обхожденія Пирогова; говорилъ еврей Каценъ о нравственномъ вліяніи дѣятельности Пирогова, отразившемся на его соплеменникахъ, живущихъ въ Россїи. Мы остановимся на словахъ г. Кацена.

«Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка, оказавшись, оставила насъ въ состояніи чловѣка, ошеломленнаго настоятельными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытамъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, этого гибельнаго недоуверія ко всему несвропейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ — физическая сила, въ новыхъ — низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примираться съ настоящимъ, и съ любовью и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывая ницу предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство доуверія въ массу къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ состраданія, свисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высококонтрастная, нужны были вы, Николай Ивановичъ! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя русскаго, стало популярнымъ между евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Мы бы долго не кончили, еслибы издумали передавать все, что было высказано на прощаньи Н. И. Пирогову. Намъ хотѣлось представить только сущность того, что иространно развито въ многочисленныхъ рѣчахъ ораторовъ; намъ хотѣлось только усннить любовь, раскрыть источникъ общей симпатіи къ этому чловѣку и показать примѣръ, какъ можетъ въ наше время подняться въ глазахъ большинства достойная личность и какъ можетъ большинство оцѣнить и поднять своей оцѣнкой достойнаго общественнаго дѣтеля. Намъ хотѣлось наконецъ указать на эту новую характеристическую черту нашего времени, обѣщающую въ будущемъ дальнѣйшее развитіе общественныхъ инстинктовъ.

Сейчасъ привели мы слова сошедшаго съ поприща дѣтеля: «Здѣсь на землѣ есть для насъ одно неразрушимое — это господство идей». Онъ имѣлъ полное, сознательное право произнести эту несомнѣнную истину о неразрушимости идей, потому что подтвер-

жденіе для ней есть въ фактахъ его собственной умственной жизни. Давно уже, впервые заговоривъ о *вопросахъ жизни*, онъ бросилъ на свѣтъ мысль о необходимости общечеловѣческаго образованія прежде образованія спеціальнаго, и отъ этой мысли доходилъ до заключенія, что общее образованіе должно находиться въ спеціальныхъ заведеніяхъ, которыя слѣдовательно должны состоять изъ однихъ высшихъ, собственно спеціальныхъ курсовъ и назначаться для воспитанниковъ уже взрослыхъ. Эта мысль не погибла, и вотъ — осуществленіе ея между прочимъ встрѣчаемъ въ слѣдующемъ новомъ правительственномъ распоряженіи.

При Лѣсномъ Институтѣ и Лисинскомъ Учебномъ Лѣсничествѣ учрежденъ спеціальный курсъ лѣсоводства, имѣющій цѣлюю готовить для лѣснаго управленія людей изъ получившихъ высшее общее образованіе. Съ этою цѣлюю къ слушанію курса допускаются окончившіе образованіе въ университетѣхъ съ степенью кандидата или званіемъ дѣйствительнаго студента, по разрядамъ наукъ: естественныхъ, камеральныхъ, математическихъ, юридическихъ и медицинскихъ (за исключеніемъ фармацевтовъ и ветеринаровъ).

При этомъ замѣчается, что въ 1863 году послѣдуетъ совершенное упраздненіе Лѣснаго Института, и тогда учрежденный теперь курсъ будетъ обращенъ въ особое спеціальное лѣсное заведеніе, — *Лѣсную Академію*, — которое слѣлается единственнымъ, для высшаго образованія по лѣсной части.

Для учрежденнаго теперь курса обнародованы и подробныя правила,

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНТИКВАРИИ И ВОЛШОЙ ВОПРОСЪ ВЪ МАЛЕНЬКИХЪ РУЧЬКАХЪ

Мы сказали — истинныя идеи неразрушимы, — въ этомъ конечно не сомнѣваетесь, читатель. Онѣ именно неразрушимы, — это ихъ лучшій эпитетъ. Есть у насъ другое слово, но оно къ истиннымъ идеямъ не такъ хороша идетъ. Это слово — живучесть. Оно идетъ ко многимъ другимъ вещамъ, изъ которыхъ нынѣ тоже не рѣдко гуляютъ по свѣту подъ именемъ идей; но это идеи — самозванцы, перераженцы, волки въ одеждѣ овчей. Къ нимъ между прочимъ принадлежатъ разнаго рода фокусы, изобрѣтаемые такъ называемыми остроумными писателями, для достиженія различныхъ земныхъ, насущныхъ цѣлей, а иногда даже и цѣлей духовныхъ, какъ наприимѣръ для возлвиженія себѣ временнаго мнѣиатурнаго пьэдестальчика, чтобы стать на него въ качествѣ маленькаго божка

крошечнаго идеальчика, показаться, покрасоваться, показать публикѣ фокусъ и потомъ уйти внутрь пьедестальчика, какъ уходить подравшіяся маріонетки. Фокусъ заключается иногда въ извѣстномъ взглядѣ на извѣстный предметъ, или даже просто въ извѣстномъ приѣмѣ, въ извѣстномъ тонѣ рѣчи, въ извѣстной манерѣ объясняться съ публикой. Подобное изобрѣтеніе большею частію остается во все время своего существованія исключительной привилегіей изобрѣтателя, потомучто его собратья по ремеслу, хотя видятъ иногда выгоду фокуса, но съ другой стороны соображаютъ невыгоду немного унизительной роли подражателя, и — оставляютъ изобрѣтеніе въ исключительномъ пользованіи изобрѣтателя — одни съ презрѣніемъ, другіе съ завистью и затаенной досадою. Между тѣмъ фокусъ, какъ изобрѣтеніе, имѣетъ характеръ новизны и свѣжести; новизна и свѣжесть привлекательны, онѣ нравятся публикѣ, публика стремится къ нимъ, и изобрѣтатель торжествуетъ, торжествуетъ до тѣхъ поръ, пока публика не присмотрится къ фокусу или не набьетъ имъ себѣ оскомину. Тогда можетъ послѣдовать одно изъ двухъ: или молчаливіе дотолѣ собратья ополчатся на пошатнувшагося артиста, произойдетъ жестокая война, которая и кончится тѣмъ, что артиста повалятъ; или же догадливый артистъ, предупреждая войну, во время закроетъ лавочку, уберетъ свой пьедестальчикъ и удалится...

Казалось бы, что такъ тому дѣлу должно и кончиться. Но нѣтъ! Вотъ проходятъ годы; туманъ забвенія застилаетъ слѣды удалившагося артиста; мѣсто, гдѣ стоялъ его пьедестальчикъ, уже заросло травой и быліемъ; по немъ гуляютъ другіе господа, совсѣмъ въ иныхъ костюмахъ, съ иными фізіономіями и приѣмами... Вдругъ — въ сторонѣ выдвигается изъ-подъ земли угломъ неизвѣстный предметъ. Тотчасъ находится господинъ съ призваніемъ антикварія, припадаетъ, собственноручно откапываетъ и извлекаетъ... пьедестальчикъ! Смотрите, дорогая находка уже у него на плечѣ; онъ бѣжитъ съ нею, третъ ее, чиститъ, кроетъ свѣжемъ лакомъ и — онъ уже на пьедестальчикѣ, въ костюмѣ артиста, въ граціозной позѣ. Публика, начавшая было забывать артиста, успѣвшая поддаться другимъ впечатлѣніямъ и увлечься другими интересами, видитъ что-то блестящее, не узнаетъ знакомаго пьедестальчика, идетъ, любопытствуетъ и любитъ, какъ чѣмъ-то новымъ. Конечно ей немного нужно времени на то, чтобъ всмотрѣться и распознать, что это новое — только подновленное и подкрашенное старье; но — вѣдь это пожалуй можетъ повториться и не разъ. Вотъ почему подобнымъ вещамъ слѣдуетъ приписать свойство живучести!

Недалѣе какъ въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала одна статья указала мѣсто, гдѣ найденъ и открытъ пьедестальчикъ одного изъ нашихъ бывшихъ наиболѣе искусныхъ и наиболѣе смѣлыхъ артистовъ — Оадея Венедиктовича. Но вѣдь это не единственный примѣръ...

Благосклонный читатель, скажите, были ли вы такимъ же какъ теперь благосклоннымъ читателемъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка? Мы тогда состояли таковыми; если и вы тоже, то конечно помните, чѣмъ для насъ былъ тогда таинственный, красовавшійся въ некоторое время своей таинственностью баронъ Брамбеусъ, и какъ мы подножіемъ служила ему тогдашняя «Библіотека для чтенія». Если вы молоды такъ, что не помните тогдашней «Библіотеки для чтенія», то не судите по нынѣшней: теперь она уже въ третьихъ или четвертыхъ рукахъ; въ ней съ той поры произведено столько капитальныхъ исправленій и передѣлокъ, что первоначальной постройки и узнать невозможно. Если же вы помните первоначальную «Библіотеку для чтенія», то знаете, что въ ней больше всего и прежде всего читались: такъ называемая *Литературная лѣтопись* и статьи, подписанныя барономъ Брамбеусомъ; вы знаете, какъ мы носились съ этимъ идольчикомъ, какъ мы хохотали и радовались тому, что онъ для насъ выдѣлывалъ, съ какимъ наслажденіемъ читали мы его... А скажите, много ли вы вынесли и внесли въ вашу жизнь изъ того, что прочли въ *Литературной лѣтописи* и въ статьяхъ барона Брамбеуса?.. Но можетъ быть вы съ той только поры и именно по милости барона Брамбеуса и вступили въ званіе благосклоннаго читателя? — И этого уже довольно, хотите вы сказать. Совершенно справедливо! Помянемте-же собственно за это добрымъ словомъ барона Брамбеуса и его литературную лѣтопись... Ну, а если бы теперь, когда вы уже давно привыкли быть читателемъ, вдругъ явились къ вамъ вновь и въ видѣ новостей та же или подобная литературная лѣтопись и такія же или подобныя статьи, какія были подписаны барономъ Брамбеусомъ, — какъ бы вы встрѣтили ихъ? Вы скажете, что этого быть не можетъ; что конекъ, на которомъ ѣздилъ баронъ Брамбеусъ, давно обезножилъ и едва ли обрѣтается въ числѣ живыхъ тварей. Наирасно вы такъ думаете: конька или его остовъ могутъ открыть усердные антикваріи, и та же пѣсня... Да позвольте: уже не раздается ли она и теперь иногда вокругъ васъ, только раздается съ подновленнаго и подкрашеннаго пьедестальчика. Увы! кажется антикваріи упускаютъ изъ вида, что пьедестальчикъ барона былъ такого устройства, что не всякому удобно держаться на немъ. Барону легко было дѣйствовать, потому что онъ взбирался на него во всеоружіи: у него быва-

ла биткомъ набиты всѣ карманы разноцвѣтными камешками его остроумія, и онъ бросалъ ихъ въ публику полными горстями, что дѣйствительно производило отличный минутный эффектъ, и публика рукоплескала, заливаясь веселымъ смѣхомъ. Но если бы не достало матеріала? Если бы у взобравшагося на пьедестальчикъ антикварія оказался этотъ матеріалъ въ маломъ количествѣ и слабого достоинства, — вѣдь эффекта не было бы и — паденіе, рѣшительное паденіе! Ни что не можетъ быть печальнѣе того нозорница, когда кто въ кругу умныхъ людей обнаружить претензію на остроуміе и наличнаго остроумія не предъявить. Произносить человѣкъ фразу, рассчитывая на блестящій эффектъ; онъ кончилъ и самъ уже посмѣялся, а собесѣдники сидятъ молча, безъ улыбки и смотрятъ вопросительно, какъ бы ожидая еще чего-нибудь. А ждуть-то ужъ нечего — все! Боже мой! какое тяжелое чувство производитъ всегда въ насъ подобное положеніе! Впрочемъ можетъ быть это наша личная особенность, — мы никому ея не навязываемъ; можетъ быть вы въ такихъ случаяхъ съ улыбкой и съ удовольствіемъ думаете: по дѣломъ! пусть будетъ стыдно господину, — впередъ наука!.. Ну, а если темою для упражненія своего бѣднаго остроумія господинъ изберетъ такой предметъ, на который большая часть умныхъ собесѣдниковъ смотритъ очень серьезно, съ теплымъ участіемъ слѣдитъ за его разработкой, и лучшую, истинную сторону его считаетъ свято-неприкосновенною; и если господинъ примется назать по всѣмъ сторонамъ этого предмета своимъ остроуміемъ, какъ грязью, подъ которою предметъ тускнѣетъ и опошляется, — это уже не можетъ не покоробить васъ. — Все такъ, скажете вы; но къ чему же идетъ рѣчь? гдѣ же видно теперь новое появленіе извѣдывающагося баронова конька? — Извольте, можно сдѣлать и это указаніе, хотя мы увѣрены, что вы не замѣтили сами вновь появляющагося мѣстами конька потому только, что проходите мимо его безъ всякаго вниманія.

Здѣсь однако мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Надо вспомнить, что баронъ, оставившій свою первоначальную дѣятельность и не показывавшійся публикѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, снова потомъ появился на нѣкоторое время предъ нею; но тутъ онъ появился уже не на томъ конькѣ: тутъ его остроуміе приняло другой отгѣнокъ; оно перестало быть простыми разноцвѣтными камешками, а получило смыслъ, соотвѣтствующій настоящему времени и его потребностямъ (баронъ былъ человѣкъ разумный и съ большимъ тактомъ!). Мы говорили, конечно, о его первомъ, старинномъ конькѣ.

Что дѣлалъ онъ, въ періодъ своей первоначальной дѣятельно-

сти, съ наукой и съ вопросами, — это всѣмъ памятно, и объ этомъ мы уже говорить не будемъ. Но не припомните ли напримѣръ его взглядовъ на женщинъ и характера его глумленія надъ ними? Если припомните это, если припомните его язвительныя, холодныя рѣчи о нихъ, да еще припомните его *Фантастическія путешествія*, а потомъ заглянете... хоть въ остроумный фельетонъ «Спб. Вѣдомостей», въ № 100-мъ сего 1861 года, то изъ послѣдняго непременно пахнетъ на васъ чѣмъ-то давно знакомымъ и давно забытымъ; вы тотчасъ распознаете фасонъ потертаго и обломаннаго пьедестальчика, распознаете и поступь престарѣлаго и излѣзженнаго конька... Тамъ, въ фельетонѣ, видите ли, авторъ сообщаетъ почтениѣйшей публикѣ разныя безобразныя видѣнія своего магнетическаго сна, изъ которыхъ самымъ безобразнѣйшимъ показалось намъ слѣдующее:

Въ обширной общественной залѣ кто-то читаетъ публичную лекцію «объ эманципаціи женщинъ»; слушаютъ лекцію одѣв женщины, а у подъѣзда, съ салонами и калошами стоятъ ихъ мужья; слушательницы *микстово* рукоплещутъ, потомъ выносятъ лектора на рукахъ, сажаютъ его въ экипажъ и везутъ на себѣ, а мужья со страхомъ и мольбами бѣгутъ за ними въ догонку, предлагая, что платокъ, кто калоши, въ предохраненіе отъ простуды, но съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергаются и отгоняются.

Все это пространно, краснорѣчиво и остроумно изложено, мы прочли, не улыбнувшись ни разу, а потомъ подумали: зачѣмъ все это пишется? вѣдь, вѣроятно, съ цѣлью доставить удовольствіе читателю и вызвать улыбку на его уста. Отчего же мы не улыбаемся? — Оттого, отвѣтилъ намъ внутренній голосъ, что во всемъ этомъ остроумномъ видѣніи нѣтъ и тѣни какой-нибудь свѣжевой мысли; оттого, что глумленіе надъ униженной ролью мужей, нетворствующихъ прихотамъ жещъ, до того истерлось и износилось, до того набило всѣмъ оскомину, что пускать его теперь за современное остроуміе уже нѣтъ никакой возможности. Для чего же это пишутъ? И для чего наконецъ безобразятъ и пачкаютъ этой не на что не нужной грязью только-что возникшій вопросъ, который и безъ того уже забросанъ ложнымъ и дикимъ пониманіемъ, разными излиятельствами, преувеличеніями, тупыми и близорукими взглядами? Для кого, говоримъ, пишутъ это? Для большинства? Для того, чтобы оно посмѣялось надъ новымъ вопросомъ, не успѣвши вникнуть въ него, и отвернулось бы отъ него, оставившись при добродушномъ убѣжденіи въ нормальности и безукоризненности существовавшей до сихъ поръ системы женскаго воспитанія, опредѣляющаго и настоящее положеніе женщинъ въ обществѣ, и

ихъ нравы и склонности?.. Господа! потрудитесь прежде сами понять вопросъ, потрудитесь прежде очистить его, выдѣлите изъ него ту часть, которая несомнѣнно-истинна, и дайте всѣмъ усвоить эту истину; а потомъ отброшенные излишества предавайте пожалуй какому угодно осмѣянію. Но, теперь, вѣдь это даже вредно, вредно для нашего развитія. Правда, вреда тутъ можетъ и не быть, если ваше изобрѣтеніе, будучи приправлено весьма слабымъ, совершенно выдохшимся остроуміемъ, не произведетъ эффекта и пройдетъ незамѣченнымъ... Да! только это одно обстоятельство и можетъ успокоить вашу совѣсть.

САМОНОВѢЙШІЙ ОТРИЦАТЕЛЬ

Такъ какъ мы уже забрались въ фельетонъ «Сиб. Вѣдомостей», то кстати воздадимъ хвалу почтенной газетѣ за ея великое безпристрастіе, выражающееся помѣщеніемъ въ одномъ и томъ же номерѣ двухъ взглядовъ, расходящихся по двумъ діаметрально-противоположнымъ направленіямъ. Въ № 109 есть остроумно-отрицательный фельетонъ, заключающій, между прочимъ, взглядъ на значеніе *пъсенъ, собранныхъ Ш. В. Кирьевскимъ*, и въ томъ же номерѣ есть статья г. Я. Грота: *Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи*, заключающая возраженіе на положеніе г. Погодина, что будто бы большая часть нынѣшнихъ рецензентовъ вѣрять только тому, что сказалъ Бѣлинскій, и служить слабымъ отголоскомъ его мнѣній, убѣжденій и вѣрованій. Г. Гротъ приводитъ мѣста изъ Бѣлинскаго, съ которыми онъ самъ согласенъ и которыми доказываетъ, что большая часть нынѣшнихъ рецензентовъ (преимущественно отличающихся отрицательнымъ направленіемъ) измѣнили мнѣніямъ, убѣжденіямъ и вѣрованіямъ Бѣлинскаго. Вотъ нѣкоторые изъ словъ Бѣлинскаго, приведенныхъ г. Гротомъ:

«Какихъ-нибудь сто лѣтъ прошло съ того времени, когда мы не знали еще грамоты, и вотъ уже мы по справедливости, гордимся могущественными проявленіями несобѣдной силы народнаго духа въ отдѣльныхъ лицахъ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоевъ и другіе.»

Далѣе о Державинѣ:

«Въ поэзіи Державина явились впервые яркіе всышки истинной поэзіи, мѣстами даже проблески художественности, какая-то ему одному свойственная оригинальность во взглядѣ на предметы и

въ маѣрѣ выразаться, черты народности, столь неожиданныя и тѣмъ болѣе поразительныя въ то время»...

«Богатырь поэзіи, по своему природному таланту, Державинъ, со стороны *содержанія* и формы своей поэзіи, замѣчательнъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи.»

Потомъ о Жуковскомъ:

«Неизмѣримъ подвигъ Жуковского и велико значеніе его въ русской литературѣ.

«Творенія Жуковского — это цѣлый періодъ нашей литературы, цѣлый періодъ нравственнаго развитія нашего общества. Ихъ можно находить односторонними, но въ этой-то односторонности и заключается необходимость, оправданіе и достоинство ихъ. Съ произведеніями музы Жуковского связано нравственное развитіе каждою изъ насъ, въ извѣстную эпоху нашей жизни, и потому мы любимъ эти произведенія, даже и будучи отдѣлены отъ нихъ неизмѣримымъ пространствомъ новыхъ потребностей и стремленій; такъ возмужалый человѣкъ любитъ волненія и надежды своей юности, надъ которыми самъ же уже смѣется.

«И какъ не любить горячо этого поэта, котораго каждый изъ насъ съ благодарностью признаетъ *своимъ воспитателемъ*, развѣвающимъ въ его душѣ всѣ благородныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія?»

Сдѣлавъ еще нѣсколько выписокъ, г. Гротъ заключаетъ: «Вотъ съ какимъ живымъ сочувствіемъ замѣчательный русскій критикъ сороковыхъ годовъ говорилъ о писателѣ, отъ котораго презрительно отвернулась въ наше время холодная отрицательная школа. Нѣтъ, Бѣлицскій не призналъ бы ее своею дочерью, онъ самъ отъ нея отвернулся бы съ негодованіемъ, видя въ ея дѣйствіяхъ разрушеніе того, что считалъ побѣдою своего времени.

«...Пользу отрицанія Бѣлицскій поставилъ въ томъ, что оно привело къ положительному и разумному признанію. Что-жъ бы сказалъ онъ, если бы увидѣлъ, что это радовавшее его признаніе такъ скоро вытѣсняется опять отрицаніемъ, доводимымъ до послѣдней крайности?»

«...Теперь наступило уже болѣе отрадное время: съ разныхъ сторонъ, въ разныхъ органахъ нашей періодической печати слышались громкіе протесты противъ исключительно-отрицательнаго направленія, и уже открывается, какъ несправедливы были тѣ, которые подозрѣвали все наше молодое поколѣніе въ образѣ

мыслей, принадлежащемъ одной только партіи. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли, чтобы въ эпоху торжества здраваго смысла иль вѣковыми предразсудками, въ эпоху образованія общественнаго мнѣнія, вся молодежь могучей, быстро развивающейся націи заразилась узкими воззрѣніями односторонней литературной школы?»

Казалось бы можно спросить: да гдѣ же слышать г. Гротъ, чтобы кто-нибудь шолъ противъ этихъ воззрѣній Бѣлинскаго, или отвергалъ бы ихъ? Но, перевернувъ листъ газеты и заглянувъ въ фельетонъ, гдѣ брошенъ *глубокій* взглядъ на пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, мы дѣйствительно находимъ тамъ какъ разъ «отрицаніе, доводимое до послѣдней крайности.» Тамъ говорится, наиримѣръ:

«Державинъ — могучій гевій, по мнѣнію многихъ еще и теперь, а между тѣмъ онъ, *въ смѣ своихъ содержаніемъ*, врядъ ли можетъ отвѣтить на простые вопросы: *для чего* собственно писалъ онъ, и что именно написалъ?.. У него была впередъ заданная тема, и *не могло быть мѣста свободному творчеству.*»

Далѣе страшный отрицатель признается, что онъ «въ самомъ Пушкинѣ далеко не видитъ того, что видятъ другіе», и «не пытается даже измѣрять разстоянія, отдѣляющаго его отъ Державина». Потомъ, поговоривъ еще немного о новѣйшихъ поэтахъ, задѣвъ при этомъ и насъ мимоходомъ, онъ, отрицатель, изъ своего глубокаго «соображенія отличій разныхъ періодовъ нашей поэзіи *въ полномъ ея составѣ*», выводитъ заключеніе, что «все это только отличія вѣшнія, отличія формы, извѣтіе словесъ, — а никакъ не содержанія. *Содержанія не было прежде* (рѣшаетъ онъ категорически), *ильте его и теперь.*»

Ну, и конечно! Такъ вотъ же вамъ и «яркія вспышки истинной поэзіи!» Вотъ вамъ и «воспитатели, развитіе въ нашихъ душахъ всѣ благородныя сѣмяна высшей жизни!» Это они все одной формой производили, безъ всякаго содержанія? И благородныя-то сѣмяна развивали одной формой? Удивительные люди!..

Позвольте однако, читатель! Намъ что-то дѣлается страшно; на насъ нападаетъ тоска и ужасъ... Вообразите, что мы не знаемъ ни французской, ни нѣмецкой, ни англійской, ни арабской, ни персидской, и никакой другой поэзіи, кромѣ своей! Вообразите, что мы до сихъ поръ жили только своей доморощенной, русской поэзіей, и... представьте же наше положеніе: эта поэзія безъ содержанія, совсѣмъ-таки безъ содержанія! Гдѣ жъ оно? Чѣмъ же мы жили? Неужели одной формой, скорлупой? Такъ мы стало быть не люди! Человѣкъ (а тѣмъ паче народъ) не можетъ жить безъ поэзіи,

а скорлупа поэзии — не поэзия. Что же мы такое? Ужь пусть бы, брава насъ, читателей, говорили, что мы никогда не были надлежащими гражданами, — ни гражданами міра, ни гражданами своего общества; но вѣдь намъ казалось, что по крайней мѣрѣ людьми-то мы были... Такъ в этого нѣтъ?.. Ужасно! ужасно! Великодушный читатель! зовемъ васъ на помощь! спасите насъ отъ страшнаго отрицателя, отрицающаго въ насъ человѣческую природу!:

Говоря не шута: удивительно, куда можно угнать себя, если задаться одной упрямо-исключительной идеей и гнуть на нее безъ оглядки, во что бы то ни стало!

ПРОШЮРА Г. ШИЛЕ

Мы заговорились объ литературныхъ приростахъ и скачкахъ назадъ и впередъ; но право не знаешь, какъ это случилось. Развѣ не подъ влияніемъ ли новаго мѣста... Разрѣзывая книгу, вы можете быть замѣтили, читатель, что мы на новосельи... Да вы кажется насъ не узнаете? Вѣдь это мы, *внутреннія новости*! Намъ отвели новое помѣщеніе, съ новою надписью, и мы очень рады: здѣсь на краешкѣ какъ-то уютнѣе; здѣсь мы никого не стѣсняемъ, да и сама-то, правду сказать, какъ то меньше стѣсняемъ. Впрочемъ смѣемъ увѣрить, что новое мѣсто насъ неизмѣнитъ; мы все тѣже; съ тѣми же правилами и тенденціями... Такъ мы заговорились о приростахъ, засмотрѣлись, какъ остроумные люди дѣлаютъ скачки назадъ; между-тѣмъ какъ у насъ на умѣ есть другого рода скачки... т. е. есть другой важнѣйшій предметъ, о которомъ мы чувствуемъ настоящее побужденіе говорить и о которомъ нельзя говорить безучастно.

Стараясь представлять, по возможности, полную картину всего, что совершается и движется въ нашемъ обществѣ, мы до сихъ поръ постоянно сторонились и только по временамъ слегка касались одной важной и трудной стороны нашего настоящаго положенія; именно — стороны экономической. Мы даже упоминали и о причинѣ, по которой сторонимся этого предмета; онъ казался намъ слишкомъ тѣмной и сложной для того, кто не хочетъ выдвигать себя спеціалиста въ дѣлѣ. Въ настоящую минуту еще разъ коснуться, ближе и подробнѣе, этого предмета побуждаетъ насъ одно разумное влеченіе, которое, какъ намъ кажется, много въ этомъ дѣлѣ уясняетъ. Чтобы почувствовать разумность явленія, для этого мож-

во было и не быть специалистомъ, а нужно было только имѣть не много здраваго смысла. Простота и доступность — непрелюбимыя принадлежности всего разумнаго и истиннаго; а мы давно не встрѣчали такой простоты и доступности по этой части, какъ въ томъ, о чемъ хотимъ говорить. Говорить хотимъ мы о брошюрѣ І. Н. Шила. Статья имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Предположенія объ учрежденіи русскаго государственнаго, или земскаго, заемнаго банка, какъ средства для надѣленія Россіи подлежащими имущественнымъ (ипотечными) кредитомъ, для уплаты или консолидаціи многихъ частныхъ долговъ и проч., а также для устраненія некоторыхъ изъ нашихъ государственно-финансовыхъ затрудненій.*

Мы сказали, что статья г. Шила проста и доступна. Мысль ея состоитъ въ томъ, что въ образованіи государственныхъ учреждений, также какъ въ развитіи вообще государственной жизни, неизбѣжна строгая историческая послѣдовательность; что характеръ каждаго учрежденія въ данный періодъ необходимо долженъ согласоваться со степенью развитія общественной жизни и всѣми ея условіями; что никакіе скачки здѣсь невозможны безъ того, чтобъ они не слѣдalisъ насиліемъ, и что поэтому нельзя по произволу брать въ образецъ любое иностранное учрежденіе и переносить его цѣликомъ въ другую страну, не соображаясь съ существующими условіями ея быта, хотя бы это учрежденіе въ той странѣ, откуда оно берется, было совершеннѣйшимъ: оно, при всемъ своемъ совершенствѣ, будучи перенесено на другую почву, ему не соответствующую, неотвѣчая потребностямъ и условіямъ страны, его принявшей, не только не принесетъ желанныхъ плодовъ и окажется безполезнамъ, но даже и не обойдется этой странѣ даромъ и безнаказанно.

Отправляясь отъ этого твердо поставленнаго положенія и предлагая его къ вопросу о средствахъ надѣленія Россіи имущественнымъ кредитомъ, г. Шиль прежде всего воздастъ должное нашему министерству финансовъ, которое, по прекращеніи ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ учреждений, позаботилось объ образованіи комисіи для устройства земскихъ банковъ; но потомъ замѣчаетъ, что, судя по мнѣніямъ, которыя высказаны въ «Трудахъ» комисіи, наши экономисты, приглашенные для рѣшенія вопроса о надѣленіи Россіи имущественнымъ кредитомъ, увлекшись непреложными политико-экономическими законами и теоріей земскихъ банковъ (также вѣрной въ основаніи), недостаточно выжили въ экономическія силы и обочились въ ея *настолицкихъ* средствахъ и потребностяхъ; — иначе комисія менѣе придавала бы значенія частнымъ земскимъ банкамъ.

Въ необходимости проторазвивать всякое нововведеніе къ «настоящимъ средствамъ и потребностямъ» страны г. Шиль убѣждаетъ однимъ весьма близкимъ къ дѣлу примѣромъ, однимъ совершившимся у всѣхъ на глазахъ фактомъ.

«Наши первые, по времени; ученые агрономы (говоритъ онъ) изучали, по исторической необходимости, науку о сельскомъ хозяйствѣ, агрономію, въ Германіи и вообще за границей. Само собою разумѣется, что они нашли въ этихъ странахъ сельское хозяйство болѣе развитымъ и приносящимъ несравненно болѣе доходовъ частнымъ лицамъ и государству, нежели наше сельское хозяйство — въ особенности въ то время. Увлечшись такимъ совершенствомъ германскихъ, англійскихъ и другихъ сельскихъ хозяйствъ, они рѣшили, что и у насъ въ Россіи слѣдуетъ завести хозяйство по образцамъ иностраннымъ, т. е. рѣшили, что и у насъ должно быть хозяйство не русское, а иностранное. Они и не подумали о томъ, что совершенство, которое привело ихъ въ восторгъ, зависѣло и обуславливалось не только климатомъ и качествомъ почвы, территориальнымъ положеніемъ, но и техническимъ образованіемъ, количествомъ капиталовъ и рукъ, и вообще всеми экономическими силами народовъ, у которыхъ сельское хозяйство не походило на наше и было лучше нашего. Не обративъ на все это вниманія, — и именно потому что не обратили на все это вниманія, — они, въ похвальномъ рвеніи своемъ улучшить наше хозяйство, не только требовали преобразованія его по образцамъ иностраннымъ, но и преслѣдовали нашихъ тогдашнихъ сельскихъ хозяевъ своими насмѣшками, называя ихъ рутинерами, чуть ли не идиотами и т. п. Извѣстно, чѣмъ разрѣшились ихъ проповѣди; на однихъ, людей тяжелыхъ на подъемъ, эти проповѣди не дѣйствовали ни хорошо, ни дурно; на другихъ людей, опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и болѣе или мене сознавшихъ его условія и законы, онѣ также не могли дѣйствовать преобразовательно; но на третьихъ, людей впечатлительныхъ, болѣею частію молодыхъ помѣщиковъ, богатыхъ болѣе состояніемъ, нежели свѣдѣніями и т. п., эти агрономическія проповѣди имѣли до того огромное вліяніе, что чуть ли не всѣ они, эти молодые или только черезъ чуръ ужъ впечатлительные помѣщики, заведя у себя, въ русскихъ помѣстьяхъ, иностранныя хозяйства, *разорились въ пухъ и прахъ*. Такимъ образомъ идиоты, или около того, оказались, при всемъ идиотизмѣ своемъ, умѣе не только образованныхъ людей, послушныхъ гласу науки, но и умѣе самыхъ жрецовъ науки. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы возбудить сочувствіе къ изслѣдованію условій отечественнаго сельскаго хозяйства и однимъ уже этимъ дать сильный толчекъ къ улучшенію!

его, наши первые ученые агрономы только разстроили состояние многих помѣщиковъ и въ значительномъ большинствѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ упрочили довѣріе къ рутинѣ и отравленіе — къ возможнымъ, даже необходимымъ улучшениямъ. И долгое время послѣ того агрономія была, для большинства нашихъ помѣщиковъ, синонимомъ какой-то несбыточной и положительно вредной теоріи.

«Теперь, какъ извѣстно, не то... теперь помѣщики уже не называютъ всѣхъ агрономовъ *учеными дураками*, а напротивъ уважаютъ и почитаютъ ученость ихъ. Это потому, что первое поколѣніе агрономовъ исчезло съ лица русской земли, а слѣдовавшія за нимъ поколѣнія ихъ поняли, и понимаютъ, что сельское хозяйство края должно соответствовать не тому или другому теоретическому воззрѣнію, а экономическимъ и другимъ условіямъ этого края. Теперь наши ученые агрономы изучаютъ *отечественную почву, русскій климатъ, русскій бытъ* и проч. и проч. Теперь-то они и дѣйствуютъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, но имя истинной науки, истинной теоріи, тогда какъ ученые предшественники ихъ, пренебрегая мѣстными условіями, только *компрометировали* науку и, не смотря на похвальное стремленіе свое преобразовать къ лучшему наше сельское хозяйство, не смотря на свой *просвѣщенный либерализмъ* (оказавшійся на дѣлѣ только мнимымъ либерализмомъ), казались и должны были казаться большинству нашихъ сельскихъ хозяевъ какими-то Аттилами, да и дѣйствительно были ими... Это — непризванные преобразователи, которые, какъ-бы челоуѣколюбивы и похвальны ни были цѣли ихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ на общество положительно вредно, безчелоуѣчно революціонно, а потому, хотя бы и во имя прогресса, но антипрогрессивно».

Нѣчто подобное требованіямъ нашихъ первыхъ ученыхъ агрономовъ видитъ г. Шиль и въ требованіяхъ *немедленнаго* учрежденія у насъ *въ настоящее время* частныхъ земскихъ банковъ. «Правда (говоритъ онъ), что для развитія всякаго рода кредита и въ Россіи нельзя желать ничего лучшаго, какъ *возможности* учрежденія и развитія у насъ всякаго рода частныхъ банковъ, съ наибольшей экономической свободой; а потому, зная и видя, что коммиссія для устройства земскихъ банковъ всѣми средствами своими стремится къ очищенію, такъ сказать, у насъ путей къ образованію такихъ банковъ, нельзя не признавать заслугъ ея въ этомъ отношеніи. Этихъ заслугъ никогда и не забудетъ Россія».

Но изъ ничего ничто людьми не создается. Чтѣ же, какіе матеріалы и условія нужны для созданія частныхъ земскихъ банковъ?

Вотъ какія условія указываетъ г. Шиль: достаточное количество свободныхъ капиталовъ для ихъ образованія, прочная монетная и кредитная единица, надлежащія ипотечныя права, законецъ, — установленныя въ обществѣ довѣріе къ частнымъ лицамъ, къ частнымъ предпріятіямъ. *Этихъ-то необходимыхъ матеріаловъ и условій у насъ въ настоящее время и не оказывается*, да и матеріалы и условія эти — такого рода вещи, что создать ихъ ни въ одинъ день, ни въ одинъ годъ невозможно.

Между тѣмъ въ немедленномъ открытіи имущественнаго кредита настоятъ въ нашемъ обществѣ крайняя надобность. Прекращеніе ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій нарушило расчеты многихъ, очень многихъ частныхъ лицъ и поставило ихъ въ критическое, а въ некоторыхъ можетъ быть и въ бѣдственное положеніе. «Нѣкоторые (замѣчаетъ г. Шиль) говорятъ, что у насъ нѣтъ торговаго и промышленнаго вообще кризиса. Оно такъ, если подъ словомъ кризисъ должно разумѣть *мигновенный переломъ, взрывъ*, или нѣчто въ родѣ этого; но если подъ словомъ кризисъ разумѣть не крутой переломъ или взрывъ, а томленіе, постепенное паденіе жизненныхъ отправленій, своего рода чахоточное состояніе или въ родѣ этого, то у насъ есть и притомъ значительный промышленный кризисъ. Во всякомъ случаѣ торговая и вообще промышленная дѣятельность находится въ настоящее время — по мнѣнію, если не ошибаемся, рѣшительно всѣхъ, слѣдящихъ за ходомъ нашего народнаго хозяйства, въ состояніи аномальномъ, болѣе или менѣе критическомъ, паралитическомъ. Не даромъ со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на *безденежье* и на недостатокъ въ *работѣ и дѣлѣ*, не даромъ падаютъ цѣны на недвижимыя имущества, не даромъ жизнь съ каждымъ днемъ становится и дороже, и тяжеле во многихъ отношеніяхъ, хотя правда и легче и лучше въ некоторыхъ другихъ».

Но и въ собственно торговой и промышленной дѣятельности, положеніе множества частныхъ лицъ оказывается не менѣе критическимъ. «Значительное число нашихъ домовладѣльцевъ (говоритъ т. Шиль) и быть можетъ не менѣе *десяти десятыхъ* нашихъ помѣщиковъ состоятъ должными не только кредитнымъ установленіямъ и частнымъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ заложены недвижимыя ихъ имущества, но еще и другимъ кредиторамъ. Невозможность получать необходимыя капиталы подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и вообще консолидировать частныя долги дѣлаетъ значительное число владѣльцевъ такихъ имуществъ должниками несостоятельными и подвергаетъ ихъ болышей или меньшей опасности лишиться всего состоянія, на которомъ основано не только ихъ

собственное существованіе, но и воспитаніе и благосостояніе ихъ дѣтей и вообще семействъ. Положеніе такихъ должниковъ (а ихъ много, очень много у насъ) представляетъ собою картину мрачную и безотрадную, на которую и вчужь смотрѣть тяжело и больно.

Мы не будемъ останавливаться на этой картинѣ, которую развиваетъ потомъ г. Шиль. Но вотъ, въ его живомъ и правдивомъ изображеніи, нуждающіеся въ немедленномъ кредитѣ являются передъ лицомъ передовыхъ финансистовъ; ему «слышится, что на жалобы русскихъ людей, что имъ нуженъ *хлѣбъ кредита*, что они крайне нуждаются въ немъ», болѣе или менѣе передовые ученые финансисты наши отвѣчаютъ имъ въ родѣ сдѣдующаго: «да кушайте на здоровье сколько хотите; берите хлѣба, гдѣ знаете и какъ знаете. Мы, любя васъ, о томъ и хлопочемъ, чтобы вы ни отъ кого и ни отъ чего впредь не зависѣли въ полученіи нужнаго для васъ кредитнаго хлѣба». — Очень благодарны вашей милости, отвѣчаютъ имъ русскіе люди: да, отцы родные! *теперь-то* какъ намъ быть? Ъсть хочется, батеньки! «Да почему-жъ у васъ вѣтъ хлѣба? Не сами ли вы виноваты, что жили *по своему*, неправильно, нескладно, не по французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ сочиненіямъ, въ которыхы вы до насъ почти не заглядывали и глубокія истины которыхъ мы, *почти своими словами*, т. е. съ свойственною подобнымъ намъ передовымъ людемъ оригинальностью, передаемъ вамъ»? Вѣстимо такъ, кормильцы наши, отцы-благодѣтели? такъ! мы люди темные, нѣмецкой грамотѣ не обучались, да и въ своей-то нето, чтобы собаку съѣли; а все какъ-то жили покладѣе теперешнаго, — и хлѣба, кредитнаго то есть хлѣба, было у насъ хоть и не вдоволь, а все до голоду не доходило. — Вотъ то-то, сами говорите, что не было его вдоволь. А почему не было? мало работали, мало учились, много проживали, да все на казну рассчитывали, — жили у ней за пазухой!»! — Такъ, такъ, милостивцы! такъ рассчитывали мы на все, на нашу матушку казну. Да и кто на насъ не рассчитываетъ? Сами-то вы, отцы родные, сыты по ея же милости и крѣпши сю... «Мы заботимся о ней, заботимся и о васъ, надѣляемъ васъ экономической свободой, и подождите: будете вы имѣть *въ будущемъ* — свой трудовой кредитный хлѣбъ, не будете нуждаться въ немъ какъ теперь. Кто виноватъ, что вы рассчитывали на казну? Вольно-жъ вамъ было на нее рассчитывать! Этого не сдѣлаютъ ни нѣмцы, ни англичане, ни другіе образованные народы! Ахъ ты, Русь, ты необразованная, безталанная! все хочешь ты жить своимъ умомъ, своимъ разумомъ, а не по французскимъ и нѣмецкимъ учебникамъ, все хочется жить, да поживать тебѣ припѣваючи. Ничего-то не

здоровъ ты и не понимаешь; не понимаешь ты и басенки своего роднаго дѣдушки Крылова, но которой и мы съ тобой дѣйствуемъ :

Ты все пѣла, — это дѣло!

Такъ поди же, попляши!

«Согласитесь (замѣчаютъ г. Шиль), что такой отвѣтъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ финансистовъ на жалобы русскихъ людей, хотя быть можетъ и очень остроуменъ, даже поучителенъ, но... не гуманенъ, безчеловѣченъ, не либераленъ»!..

При такомъ положеніи дѣла, при такомъ отсутствіи условій, необходимыхъ для образованія и прочнаго существованія частныхъ земскихъ банковъ, и *даругая*, вмѣстѣ съ ними, неприготовившемуся обществу *полная экономическая свобода*, не только должна остаться неприложимою и бесплодною, но даже представляется весьма опасною. «Не значило ли бы это (говоритъ онъ) провозгласить у насъ экономическую свободу и свергнуть всѣхъ насъ въ пропасть экономического терроризма, закабалить въ полное экономическое рабство, не лучше того, какое теперь въ Турціи, — такъ что какой-нибудь *свободолюбивый* экономическій бонапартизмъ покажется и намъ милостію божьей»!

Относительно упомянутого сейчасъ дарованія экономической свободы, нельзя не привести слѣдующихъ замѣчательныхъ словъ г. Шиль, сильно подкрѣпляющихъ его основное положеніе :

«Ни народы, ни человѣчество (говоритъ онъ) не нуждаются въ *милостяхъ* и *дарахъ*, кромѣ такъ называемыхъ *даровъ природы* : и народы, и все человѣчество нуждаются только въ *правдѣ*, въ *воздаяніи должнаго*, въ *признаніи заслуженныхъ правъ*, *экономическихъ* и *другихъ силъ* — *въ мѣрѣ ихъ развитія*. Справедливость только-что сказаннаго нами легко повѣрить тѣми *чувствами*, которыя питаютъ рѣшительно всѣ народы къ своимъ правителямъ : деспотически-строгіе правители возбуждаютъ ненависть къ себѣ ; деспотически-либеральствующіе или популярничающіе государственные люди вызываютъ, правда, сначала аплодисменты, но скоро потомъ свистки, и вообще возбуждаютъ недовѣріе ; одни только *правдивые* правительства, правители и люди вообще, пользуются прочнымъ и должнымъ уваженіемъ, лучшимъ нравственнымъ основаніемъ для каждаго правильнаго человѣческаго союза, какъ и для каждаго добраго чувства. Не даромъ и не случайно чтить и наша Русь, напримѣръ, память кн. Якова Долгорукова; не даромъ и не случайно и всѣ народы считаютъ лучшимъ достоинствомъ монарховъ — правосудіе, лучшимъ залогомъ своего счастья — правдивые суды, хорошее су-

допроизводство. Подобныя же явления мы видимъ и въ экономическомъ мѣрѣ... И здѣсь свобода, потивная, естественно-законная экономическая свобода не *даруется*, а *наживается*, т. е. приобретается достаточнымъ развитіемъ».

«Экономическая свобода (сказано въ другомъ мѣстѣ статьи) обуславливается зрѣлостію—экономической. И въ экономическомъ мѣрѣ, какъ въ мѣрѣ физическомъ и нравственномъ, есть несовершеннолѣтніе, есть дѣти, нуждающіеся въ молокѣ матери, и въ опекѣ отца, и въ воспитатель; — есть законныя явленія, которыя не слѣдуетъ на законность своего бытія, подвержены противозаконнымъ противодействіямъ въ бытію, и, по причинѣ нецѣлостности своей, не только не могутъ пользоваться сами по себѣ всею своею нелицеправностью, волею экономической свободой, но и безусловно нуждаются въ экономической поддержкѣ...»

«Тотъ, кто не сознаетъ этого, всегда впадетъ въ промахи и рано или поздно оказывается администраторомъ далеко не такимъ, какимъ бы и самъ желалъ быть по всей вѣроятности. Въ долбляжку, по книгамъ, управлять и экономическими силами и учрежденіями страны нельзя и не слѣдуетъ. Въ противномъ случаѣ и въ экономическомъ отношеніи окажутся такіе же результаты преждевременныхъ или, правильнѣе, бессознательныхъ провозглашеній во Франціи *свободы, братства и равенства*: на первый разъ кажется прогрессъ, но на дѣлѣ и въ результатѣ на *кажущійся* скачекъ впередъ оказывается десять явныхъ скачковъ назадъ».

Показавъ такимъ образомъ, чего избѣгать и чего держаться слѣдуетъ вообще истинному экономисту, г. Шиль постепенно указываетъ ближайшій, по его мнѣнію и сообразно съ принятымъ имъ основнымъ положеніемъ, путь къ выходу изъ нашихъ настоящихъ финансовыхъ и экономическихъ затрудненій. «Если мы (говоритъ онъ) живемъ, волей-неволей, въ эпоху болѣе другихъ, по своему характеру, *переходную*, то и учрежденія наши, какъ по содержанию своему, такъ и по формѣ своей, должны быть учрежденіями *переходными*, т. е. такими, которыя бы съ одной стороны не вовсе отрывали насъ отъ нашего прошедшаго, создаваемаго не только средо нашей жизни, но и насъ самихъ такими, какими мы есть и можемъ быть въ настоящемъ, и съ другой стороны, не связывали нашего будущаго обязательствами совершенно лишними и обременительными».

Къ точнѣйшему опредѣленію характера соответствующихъ нашему настоящему положенію учреждений, г. Шиль логически идетъ отъ точнаго опредѣленія самаго этого положенія, именно —

и въ которыхъ въ государственномъ-финансовыхъ и частно-финансовыхъ требованій русскаго общества, тѣсно, по необходимости, связаны между собою. Здѣсь встрѣчаетъ онъ слѣдующія явленія: громадные долги частныхъ лицъ и значительность обязательствъ казны; ветрулятельность и запутанность, иногда безвыходность положенія этихъ лицъ и недостатокъ въ средствахъ казны: во всемъ этомъ — громадность какъ частныхъ, такъ и казенныхъ имуществъ, большею частью не приведенныхъ въ точную извѣстность и недостаточно аксиоматизируемыхъ. «Чтожь это такое? (спрашиваетъ авторъ). Что такое эта несостоятельность должниковъ, имѣющихъ достаточное состояніе на уплату своихъ долговъ, или, по меньшей мѣрѣ, на обезпеченіе имъ своихъ заимодавцевъ? Не ясно ли, что тутъ главный недостатокъ въ силѣ, которая, соображаясь со всѣми условіями и требованіями нашего общества и пользуясь общимъ довѣріемъ, могла бы служить посредницей между нашими должниками и заимодавцами, собственниками и капиталистами, казною и ея кредиторами?»

Такою посредническою силой представляются г-ну Шилью въ прошедшемъ наши бывшія государственныя кредитныя установленія, которыя въ свое время были учреждены «исторически-вѣрно и основательно», и которыми слѣдовало бы только послѣдовательно развиваться, не отставая отъ развивающихся требованій общества... А вѣдь были, право (замѣчаетъ онъ), умные люди и между нашими отцами и дѣдами! Иное зданіе, бывало, такъ построятъ, что годится оно не только для нихъ самихъ, но и для дѣтей, и внуковъ, и правнуковъ ихъ — и просторно-то оно, и удобно, и тепло, — просто загадѣнье! А иной изъ нашей братьи не пойметъ въ чемъ дѣло, да и ну его съ плеча ломать да пристраивать по *заморскимъ* образцамъ: «не по нашей-де теоріи построено!»

Но — это прошедше, и его уже нѣтъ, «вчерашняго дня не повторять», говоритъ г. Шиль, и разрушеннаго зданія вновь строить по старому плану, по старымъ началамъ — не слѣдуетъ и нельзя... Что же дѣлать?..

Сообразивъ всѣ затрудненія и потребности нашей казны и нашего общества вообще, г. Шиль приходитъ къ тому убѣжденію, что наиболѣе соотвѣтствующимъ всѣмъ этимъ обстоятельствамъ было бы въ настоящее время учрежденіе *русскаго государственнаго, или замскаго засмлага банка*, для котораго онъ тутъ же и излагаетъ главнѣйшія, *примѣрныя* основанія. Изъ нихъ мы приведемъ только первые шесть пунктовъ, по которымъ можно получить общее понятіе о предполагаемомъ учрежденіи.

«I. Некоторое число (чѣмъ больше тѣмъ лучше) сочувствующихъ этому дѣлу, известныхъ русскихъ капиталистовъ, а также торговцевъ и банкировъ домогъ приглашаетъ, съ разрѣшенія правительства, известнѣйшихъ иностранныхъ банкировъ (какъ находящихся уже въ сношеніяхъ, по кредитнымъ сдѣлкамъ, съ нашею казною, такъ и другихъ) войти съ ними въ соглашеніе для учрежденія русскаго заемнаго банка — съ цѣлью производить ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ.

«II. Всѣ дѣйствія заемнаго банка находятся подъ контролемъ правительства и депутатовъ отъ учредителей и участниковъ этого банка, русскихъ и иностранныхъ, отъ владѣльцевъ имуществъ, заложенныхъ въ немъ, а также и депутатовъ отъ дворянскаго и купеческаго сословія, изъ числа владѣльцевъ облигацій банка.

«III. Заемный банкъ не долженъ требовать для себя никакихъ привилегій, могущихъ противодействовать учреженію частныхъ заемныхъ (земскихъ) банковъ съ цѣлью дѣлать ссуды подъ первую, вторую или какую бы то ни было ипотеку.

«IV. Заемный банкъ производитъ ссуды своими облигаціями подъ залогъ какъ частныхъ, такъ и государственныхъ и общественныхъ недвижимыхъ имуществъ. Казенныя и общественныя мѣста и вѣдомства не пользуются въ этомъ отношеніи никакими исключительными правами, могущими потрясти кредитъ и состоятельность банка.

«V. Министерство финансовъ, съ дозволенія верховной власти, обязуется, съ учрежденія заемнаго банка, навсегда прекратить выпускъ безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ и предоставляетъ себѣ право выпускать въ случаѣ надобности и въ теченіе известнаго періода времени только процентныя обязательства на усавіяхъ, долженствующихъ быть въ возможной степени определенными при учреженіи заемнаго банка.

«VI. Облигаціи, выданныя заемнымъ банкомъ казѣ (за заложенные въ немъ казенныя имущества), выпускаются казною въ обращеніе не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы уничтожено (погашено) было кредитныхъ билетовъ на сумму, равную суммѣ, представляемой этого рода облигаціями. Въ первые по крайней мѣрѣ годы банкъ не дѣлаетъ казѣ ссудъ безъ такого условія.

Въ послѣдней части своей статьи г. Шиль объясняетъ каждое изъ полагаемыхъ имъ для банка основаній и отстаиваетъ цѣлою зданіе этого банка отъ могущихъ быть возраженій и нападений. Мы уже не будемъ владаться въ эту часть, такъ какъ цѣль наша была только указать на это замѣчательное во многихъ отношеніяхъ.

явленіе, занести его въ нашу лѣтопись, и — за тѣмъ ожидать, прозведеть ли оно что-либо въ нашемъ финансовомъ и экономическомъ мірѣ и будетъ ли оно имѣть какое-либо вліяніе на ходъ кипящаго теперь важнаго дѣла созданія у насъ имущественнаго кредита. Мы вошли въ подробности статьи, потому что вопросъ, о которомъ говоритъ она, въ настоящее время чрезвычайно важенъ.

М Е Л О Ч И

Мы начали нашу статью общимъ сочувствіемъ къ Н. И. Пирогову, возбужденнымъ преимущественно его человѣчностью. Казалось бы конечно, что теперь, подѣ вліяніемъ духа времени, должна отвсюду сгнуться и пропасть всякая противочеловѣчность или, если угодно, антигуманность... Да, на словахъ оно почти такъ и выходитъ, но на дѣлѣ... Богъ знаетъ! На дѣла человѣческія и духъ времени дѣйствуетъ очень медленно, и — чтожъ дѣлать? это законъ необходимости: духъ не знаетъ матеріальныхъ преградъ; мысль не знаетъ пространства и опережаетъ время; но въ дѣлахъ человѣческихъ, какъ мы сейчасъ слышали доказательства, скачки невозможны. Впрочемъ и на словахъ, какъ мы сказали, противочеловѣчность сгинула только *почти*, потому что есть еще даже у насъ въ литературѣ... хотя впрочемъ тамъ, гдѣ-то, на заднемъ ея фасѣ, что все-таки есть еще углы, гдѣ она засѣла и по временамъ вырывается на свѣтъ во всей своей безобразной дикости. Вы можете быть слышали на примѣръ, какъ славный въ извѣстномъ отношеніи г. Аскоченскій рѣшился недавно предаться очень пріятному занятію — изрекать проклятія и отлученія, послѣ чего, если онъ будетъ послѣдователенъ, вѣроятно скоро приступитъ и къ раздачѣ или продажѣ индульгенцій... Конечно мы говоримъ шутя и казалось бы, что дѣло не стоитъ ничего больше, кромѣ шутки; однако этотъ господинъ, при всей уродливости и комизмѣ своего литературнаго существованія, вызвалъ же своей выходкой гласный протестъ цѣлаго ученаго сословія московскаго университета, до котораго, въ лицѣ одного изъ его представителей, коснулся картонный мечъ его quasi — проклятія. Стало быть тутъ не одно смѣшное, стало быть тутъ есть доля и такого, за что надо карать всенародно, и карать больно, какъ карается всякое злокачественное изувѣрство.

Что же касается до дѣлъ противочеловѣчныхъ... Но прежде позволю упомянуть о нѣсколькихъ проявленіяхъ человѣчности, про-

явленіяхъ не на словахъ, а на дѣлѣ; о нихъ мы всегда считаемъ нужнымъ упоминать, потомучто каковы бы они ни были — малы или велики, въ какой бытѣсной сферѣ ни обнаружались, — все-таки отъ нихъ теплѣй человѣчеству, нежели отъ словъ, не переходящихъ въ дѣло.

17-го марта нынѣшняго года въ Ярославлѣ открыта *лечебница для приходящихъ больныхъ*, преимущественно бѣдныхъ. Рассказываютъ, что мысль объ устройствѣ такой лечебницы (можетъ быть вызванная примѣромъ существующей въ Петербургѣ Максимилиановской лечебницы, — учрежденія крайне благодѣтельнаго для бѣдныхъ больныхъ, приносящаго многимъ изъ нихъ, какъ намъ достоверно извѣстно, существенную пользу) давно ходила въ ярославскомъ обществѣ, но выражалась въ видѣ отдѣльныхъ желаній; теперь же осуществлена обществомъ ярославскихъ врачей, соединившихся, въ числѣ восьмнадцати человѣкъ, на такое доброе дѣло, и совершившихъ его съ помощію нѣкоторыхъ благотворителей. Мы цѣнимъ этотъ фактъ и вносимъ его въ числѣ дѣлъ человѣчныхъ, потомучто подобныя лечебницы благодѣтельны не только въ принципѣ, но и на самомъ дѣлѣ; форма ихъ практична, несложна; польза бѣднымъ больнымъ приносится ими легко и удобно. Въ извѣстїи упомянуто, что въ Ярославскую лечебницу съ 18 марта по 1 апрѣля приходящихъ больныхъ было сто тридцать человѣкъ. Число это конечно будетъ со дня на-день возрастать, если врачи не ослабѣютъ въ своемъ прекрасномъ, человѣчномъ движеніи, если это движеніе окажется не мгновеннымъ порывомъ; а естественной и разумно-сознанной сердечной потребностью.

Мы сейчасъ скажемъ, что отъ *человѣчннхъ дѣлъ*, какъ бы ни была скромна ихъ сфера и — прибавимъ, какъ бы ни были незначительны ихъ источники, теплѣй человѣчеству, нежели отъ словъ, въ дѣла не переходящихъ. Вотъ на примѣръ рассказываютъ, что въ г. Вѣлютоки, дѣтъ пять тому назадъ, бродили по улицамъ тогдашнихъ, покрытыхъ «оперативными лохмотьями»; что нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей твердо рѣшились положить этому конецъ, наняли домъ, собрали туда всѣхъ бѣдлнковъ, добровольно изъявившихъ желаніе и — образовали *пріютъ для бѣдныхъ*. Отъ управляется комитетомъ, состоящимъ изъ разныхъ лицъ города, содержитсѣ частными пожертвованіями, состоящими какъ въ деньгахъ, такъ и въ вещахъ, и сборомъ изъ поставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ кружекъ; надзоръ въ пріютѣ порученъ сестрамъ милосердіа; подл ихъ же надзоромъ находится и госпиталь для бѣдныхъ. Такимъ образомъ частные люди, безъ посторонней инициативы, собствен-

ной твердой рѣшимостью, сдѣлали то, что теперь «уничтожено въ Бѣлостокѣ нищенство».

Не знаемъ, есть ли еще гдѣ нибудь въ Россіи такая мѣстность, гдѣ бы не существовало нищенства. Можетъ быть, что и нѣтъ. Стало быть Бѣлостокъ представляетъ въ этомъ отношеніи очень замѣтное явленіе. Между тѣмъ можно пожалуй сдѣлать предположеніе, что твердая рѣшимость, уничтожившая тамъ нищенство, первоначально возникла изъ того, что «отвратительная лохмотья» коллода глаза и раздражали нервы благовосятаннѣмъ и прілично-одѣтымъ жителямъ. Опровергнуть такое предположеніе врядъ ли найдется возможность; но если изъ этого, хоть немного и эгонистическаго, побужденія вышло то, что бродившимъ прежде съ горемъ и въ лохмотьяхъ, ливонскимъ способамъ трудиться бѣднякамъ теперь тепло и пріютно (потому что иначе они не пошли бы добросолю въ пріютъ), — если, говоримъ, вышелъ такой результатъ, къ которому и стремились, то какое же у кого право рзысцивать и осуждать побужденіе?.. А вѣдь результатъ-то огромный!.. Какъ давно говорятъ и пишутъ о нищенствѣ и о нищихъ! Чего не было сказано и чего не было дѣлано, какихъ не принималось всюду мѣръ — и полицейскихъ, и благотворительныхъ, — но не смотря на то, кому не случалось и теперь не случается часто, чуть не на каждомъ шагѣ становиться въ тупикъ предъ явленіями нищенства, при встрѣчѣ съ этими образами, то уничиженно-молящими, то подозрительно-суровыми, то болѣзненными, то просто одеревѣвшими? Кому не приходилъ въ голову мгновенный вопросъ: что дѣлать — пройти или остановиться? кто это и какой это человекъ, — откуда и какъ пришелъ онъ на эту дорогу, темную, неровную, лежащую подъ удушливой и гнилой атмосферой? И не всегда и не всякій рѣшитъ вѣрно, что ему дѣлать и кто передать имъ — порокъ ли и обманъ или несчастіе и страданіе.

Указывать на поступокъ бѣлостокскихъ жителей, какъ на примѣръ для буквального подражанія, — можетъ быть и не нужно; только бы духъ и цѣль этого поступка были усвоены всѣми, только бы родилось стремленіе, «твердая рѣшимость», а тамъ... кто знаетъ? можетъ быть у русскаго человека случилось бы это совсѣмъ иначе; можетъ онъ не создастъ общаго пріюта для бѣдныхъ, съ кошметомъ и сестрами милосердія, а какими нибудь другимъ образомъ пріютитъ и приглубитъ безпомощно и безвыходно-страдающаго брата. Какимъ именно образомъ могло бы это быть — мы, конечно не знаемъ: духъ народа, его геній опредѣляетъ въ подобныхъ случаяхъ лучшіе способы.

Да! называть форму благотворительной, какъ и всякой другой

дѣятельности одного общества другому обществу — нельзя; не даромъ говоритъ пословица: что городъ, то норовъ. Вотъ напримеръ въ Кіевѣ, какъ слышно, открытъ *Домъ кающихся*, для... ну, для кающихся... грѣшницъ. Такъ что же? отырыть вездѣ такіе дома?... Трудно сказать, припались ли бы они у насъ. Гдѣ-то въ нашей литературѣ уже слышался вопросъ о самихъ грѣшницѣхъ, но онъ еще совсѣмъ не разобранъ, да и разбирать-то его вѣроятно многимъ кажется жутко... тоже можетъ быть во существующему духу нашего общества. Стало быть объ этомъ рѣчь еще далеко вперед.

Если уже указывать на проявленія челоѣчности, то почему жъ бы пропустили мы мысль, родившуюся въ орловскомъ отдѣлѣ комитета акклиматизаціи животныхъ и растеній, мысль, родившуюся тамъ уже давно, еще въ концѣ прошлаго года, но о которой мы только недавно узнали. Разумѣется, что челоѣчность, выражающаяся въ такомъ кругу, должна была обратиться на животныхъ, хотя впрочемъ если бы она обратилась и на растенія, мы не удивились бы, потомучто и въ обращеніи съ растеніями можетъ челоѣкъ являться то челоѣчнымъ, то безчелоѣчнымъ... На этотъ разъ дѣло состоитъ въ предложеніи, сдѣланномъ председателемъ отдѣла, основать *общество покровительства животныхъ*, на томъ основаніи, что по программѣ отдѣла цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы не только разводить новыя породы животныхъ, переводимыхъ изъ другихъ климатовъ, но и заботиться о сохраненіи и улучшеніи существующихъ уже у насъ домашнихъ животныхъ; между тѣмъ часто замѣчается, что простой народъ съ разными животными обращается жестоко. Жестокое обращеніе простаго народа съ животными замѣчается не только часто, но чуть не на каждомъ шагѣ; это однако не отъ особеннаго свойства жестокости, злости, а такъ, потому, можетъ быть, что самому ему было до сихъ поръ не Богъ знаетъ какъ сладко. Такъ чтожъ за барыня такая его доморожденная кляча, что съ ней надо церемониться. Сверхъ того, при бѣдности хозяина и кляча его становилась все хуже и хуже, получала разные пороки и, конечно, только выводила изъ терпѣнія и безъ того не веселаго хозяина. Изъ этого слѣдуетъ, что «обществу покровительства животныхъ», если уже оно основывается, предстоить раскрыть ложность сложившагося понятія, дать догадаться объ этой ложности, а это значитъ произвестъ, такъ сказать смягченіе нравовъ.

Не знаешь, въ какомъ положеніи теперь это дѣло; говорятъ что хотѣли свозиться съ комитетомъ о присылкѣ устава какого-нибудь изъ подобныхъ обществъ, существующихъ за границей, для соображенія на первый разъ; потомучто у насъ до сихъ поръ ничего

подобнаго еще не было, стало быть дѣло это совсѣмъ новое, а известно, что въ новыхъ, не бывалыхъ у насъ въ рукахъ дѣлахъ мы еще не привыкли дѣйствовать безъ соображенія съ назимъ-нубуль «былыми примѣрами» (техническій терминъ, весьма употребительный въ некоторыхъ сферахъ служебнаго міра и верѣдко съ большимъ удобствомъ замѣняющій всякія другія чловѣческія соображенія).

Но — и не одни домашнія животныя терпѣливо ожидаютъ подвиговъ чловѣчности. Соловей напримѣръ — ужъ кажется вольная птица, совсѣмъ свободная отъ всякой крѣпостной зависимости, а и ему приходится незаконно страдать отъ чловѣка, и онъ, съ другой стороны, находитъ себѣ между людьми защитниковъ и сострадателей... Хорошо, если бы всѣ разсуждали хоть такъ, какъ разсуждалъ тургеневскій Касьявъ съ Красивой Мечи, который, при всей своей чловѣчности, при всей теплотѣ и мягкости сердца, не считалъ грѣхомъ ловить и продавать въ неволю соловьевъ, утверждая, что эта птица собственно за тѣмъ и сотворена, чтобы увеселять чловѣка своими пѣснями. Но московскіе промышленники, какъ разсказываетъ одинъ защитникъ миленькихъ пѣвцовъ, разсуждаютъ и дѣйствуютъ гораздо хуже: они ежегодно скупаютъ въ Волынской, Орловской, Курской и другихъ губерніяхъ до 300,000 соловьевъ и отираваютъ ихъ въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ въ ящикахъ, обитыхъ холстиной, помѣщая по 500 птицъ въ ящикъ. Результатъ спекуляціи бываетъ то, что птицы на половину умираютъ отъ истощенія, тѣсноты и тряски въ дорогѣ, а другая половина... тоже умираетъ, только не много позже, отъ перемѣны климата и отъ недостатка соотвѣтственной пищи, такъ какъ соловьи въ неволѣ питаются не иначе какъ муравьиными яйцами, которыхъ въ маѣ (время привоза сюда соловьевъ) достать очень трудно, даже за высокую цѣну; доходящую до трехъ рублей за фунтъ.

«Указатель Экономическій» называетъ эту спекуляцію вредною и безчловѣчною, что совершенно справедливо. Онъ желаетъ способствовать къ ея истребленію, и мы желали бы, но какъ?.. Предоставляемъ будущему обществу покровительства животныхъ принять подъ свое покровительство, вмѣстѣ съ домашними животными, и бѣдныхъ птичекъ, которыя никому не мѣшаютъ своими пѣснями и по настоящему ни на что не нужны въ рукахъ чловѣческихъ, потому что хорошо слушать ихъ ночью, когда они, невидимыя, поютъ на волѣ, въ лѣсу, вдали отъ слушателя; но врядъ ли могутъ онѣ нормально развитому чловѣку доставить истинное наслажденіе вынужденными пѣснями въ клеткѣ, въ огражденномъ пространствѣ

комнаты, гдѣ эта пѣсня трещитъ и разсыпается у васъ подъ самымъ ухомъ.

Послѣ сего соловьефильскаго воззванія мы уже потеряли на этотъ разъ расположеніе искать другихъ антигуманныхъ явленій, которыя оставимъ лучше до другого раза, чтобы когда-нибудь составить изъ нихъ одну эффектную группу; а теперь не будемъ затмѣвать послѣдняго впечатлѣнія въ читателѣ, которому можетъ быть придется читать эти строки подъ вдохновительные звуки вольной соловьиной пѣсни.

ВОСПИТАНІЕ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ

(годъ 5-й)

ИЗД. А. ЧУНКОВЫИЪ

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

О томъ, какъ учитель долженъ поступать съ слабѣйшими по способностямъ учениками? Слѣдуетъ ли ихъ переводить въ высшіе классы или оставлять въ низшихъ до выпуска изъ училища? — О гимназическихъ пансіонахъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. — Первый день вступленія ученика въ училище. Жолтышева. — Объ образованіи характера. — Очерки общественнаго воспитанія. П. Д. Шестакова.

Открытые вопросы и отвѣты: О пополненіи пробѣла въ нашемъ гимназическомъ воспитаніи. С. И. Протопопова. — О программѣ для приготовленія сельскихъ учителей въ школахъ г. Золотова. — Мысли о семинарскомъ образованіи. — Объ измѣненіи обязанностей штатнаго смотрителя. — Преподаваніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ. — Забѣтка объ учительскихъ сѣздахъ. — Рисованіе и черченіе въ уѣздномъ училищѣ. А. Кознова.

Смѣсь. Взглядъ наставника. — Нѣчто для стараго и малаго. — Объ введеніи учительницъ. — Причины развитости близорукости. — Находчивость одного учителя.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Разборъ новыхъ книгъ. — Внутреннія извѣстія: Циркуляры по Московскому, Казанскому и Харьковскому учебнымъ округамъ.

Иностранныя извѣстія: Пруссія. — Франція. — Швейцарія. — Бельгія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ «Воспитаніе» продолжается принимать для жителей Петербурга: въ книжномъ магазинѣ В. А. Исакова, на Невскомъ проспектѣ, подлѣ Думы. Для жителей Москвы: въ книжныхъ магазинахъ Э. О. Свѣшкова, на Страстномъ бульварѣ и на Никольской улицѣ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія просто: ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА «ВОСПИТАНІЕ», въ Москвѣ.

ЦѢНА изданію для Москвы 6 руб. 50 к. с., для Петербурга 7 руб., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. сер. Казенныя вѣдомства могутъ присылать деньги и втеченіе года, но не иначе, какъ прямо въ редакцію.

Изданія журнала за 1859 и 1860 годы можно получить на этихъ же условіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Ловкая Барыня. Провинціальныя сцѣны. А. Плещеева	5 ✓
Бодьной. Стих. Э. Берга	38
Надъ гробомъ. Стих. Л. Мея	60
Мери Бартоны. Повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ (Съ англійскаго). Пер. Е. Бекетовой.	
Часть вторая	61 ✓
Часть третья	433 ✓
Ночь. Стих. П. Кускова	124
Царица Прасковья. Очеркъ изъ русской исторіи. Статья четвертая и послѣдняя. М. П. Семёвскаго.	125 ✓
Весною Стих. П. Кускова	160
<i>Дитя веселое, въ глаза твои смотря.</i> Стих. Его же.	161
Мадамъ Лаваржъ. (Изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи)	162
Село на юру. Разсказъ. Н. Бунакова	207 ✓
Бабушка и внучекъ. Стих. А. Майкова	235
Повѣсть объ одномъ сумасшедшемъ поэтѣ. П. Кускова	240 ✓
Униженные и Оскорбленные. Романъ. Ф. М. Достоевскаго. Продолженіе четвертой части	269 ✓
Окончаніе четвертой части	535 ✓
Ярмачочныя сцены. Очерки изъ простонароднаго быта. А. Левитова	316 ✓
Современная англійская философія. Джонъ Стюартъ Милль и его система логики. (Статья г. Тена)	356
Свѣжее преданье. Романъ въ стихахъ. Главы I, II, III. Я. Погойскаго	393 ✓
Заря. Стих. Э. Берга	499
Грива. (Мысль Шенье. Н. Курочкина	500

Отъ Босфора до Персидскаго залива. Изъ записокъ, веденныхъ во время четырехдѣтнаго путешествія демаркаціонной комиссіи по Турціи и Персіи. М. Г.	501
Молю тебя скажи... Стих. Ф. Берга.	533

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Оппозиція застоя. Черты изъ исторіи иракобѣсія. А. Григорьевъ. 1	1
По поводу одной драмы. («Ребенокъ», г. Боборыкина)	36
Стихотворенія А. С. Хомякова	46
Экономическія реформы Рима. По поводу статьи г. Леонтьева: «О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ»:	
Статья первая	59
Статья вторая и послѣдняя.	91
Еще о петербургской литературѣ. Письмо къ редактору «Времени» по поводу двухъ современныхъ статей. Н. Ко	137
Энциклопедическій словарь, издаваемый русскими учеными и литераторами.	155
Учитель. Журналъ для наставниковъ, родителей и всѣхъ, желающихъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей.	185

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Положеніе наблюдателя, окружнаго современными вопросами. — Вопросы, открытые и закрытые, и одинъ вопросъ лишній. — Сила быстрой наблюдательности, уносящая за предѣлы времени. — Щекотливый вопросъ: о жалованьи предводителямъ дворянства и о томъ, гдѣ не требуется безкорыстія. — Назиданіе молодымъ судебнымъ слѣдователямъ. — Вліяніе полицейскихъ арестовъ на производительныя силы Россіи. — Вопросъ объ узднхъ стряпчихъ. — Умиротворяющее дѣйствіе словесныхъ судовъ. — Вопросъ о мѣщанахъ. — *Самородки* и *самоучки*. — Новая явленія въ дѣлѣ распространенія грамотности: уменьшеніе числа сотрудниковъ воскресныхъ школъ и неравномѣрность сочувствія къ нимъ въ разныхъ мѣстахъ; распоряженія для открытія женскихъ училищъ и граждане городовъ Ярославской губерніи. — Два вопроса неудоборазъяснимые, исшедшіе изъ Ставрополя и Казани. — Еще нѣсколько фактовъ по части распространенія грамотности и образованія. — Нѣчто о «курочкѣ» и «собачкѣ». — Конкурсъ на книгу для дѣтскаго чтенія. — Слова два о производительныхъ силахъ. — Вопросы мѣстные. — Вопросъ послѣдній: о хлыстахъ и кулакахъ. . . . .

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Продолженіе занятія французскими войсками Рима и Сиріи. — Брошюра: «Письма объ исторіи Франціи». — Австрійскія дѣла. — Славянскіе сеймы. — Ссора г. Бенедика съ венгерцами. — Открытіе государственнаго совѣта. — Мадьярскія стремленія. — Итальянскія дѣла. — Предложеніе Гарибальди. — Реакція въ Неаполѣ. — Примиреніе Гарибальди съ гг. Чальдини и Кавуромъ. — Положеніе Италіи. — Англійскія дѣла. — Бесѣды въ парламентѣ, на митингахъ и на обѣдахъ. — Ионическіе острова. — Сирійское занятіе. — Суэцскій каналъ. — Процессъ Кошута. — Дѣло Макдональда. — Общее положеніе. — Последнія извѣстія . . . . .

Итальянскія дѣла. — Смерть и жизнь Кавура. — Возрожденіе и признаніе Италіи. — Недоразумѣнія съ духовенствомъ. — Новое министерство Риказольи. — Французскія дѣла. — Облегченіе законовъ о печати и процессъ Броли. — Процессы Миреса и Бланки. — Турецкія дѣла. — Устройство Сиріи. — Славянское возстаніе. — Оущее положеніе. — Последнія извѣстія. 49

СМѢСЬ

I. Въсто фельетона	1
II. Отвѣтъ «Русскому Вѣстнику»	15
I. Подъ качелями. Масляничный разсказъ. Е. Мо—ра	41
II. Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки)	59
Недавнее прошедшее и проводы Пирогова изъ Кіева	59
Литературные антикваріи и большой вопросъ въ маленькихъ ручкахъ	67
Самоувѣйшіи отрицатель	72
Брошюра г. Шила	75
Мелочи.	85

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 іюня 1861 года

Ценсоръ *Ө. Веселого*

Въ типографіи Эдуарда Праца.

---

sc
KJ

DEC 1 8 1933

